Андрей Максимушкин

Реванш

Трилогия в одном томе

- Красный реванш
- Белый реванш
- Синий реванш

- Андрей Максимушкин
- Реванш. Трилогия
- АННОТАЦИЯ
- Красный реванш
- Глава 1
- Солнечный проблеск. 1998 г.
- Глава 2
- Красный премьер. 1998 г.
- Глава 3
- Новый год. 1991 г.
- Глава 4
- Обычный день. 1998 г.
- Глава 5
- Лётчик. 1998 г.
- Глава 6
- Новая работа. 1998 г.
- Глава 7
- Плесецк. 1998 г.
- Глава 8
- Писатель. 1991 г.
- Глава 9
- Домашний уют. 1998 г.
- Глава 10
- Полигон. 1998 г.
- Глава 11
- Ночное недоразумение. 1998 г.
- Глава 12
- Первый звонок. 1998 г.
- Глава 13
- Новая работа для хорошего пилота. 1998 г.
- Глава 14
- Последние приготовления. 1991 г.
- Глава 15
- Домик в лесу. 1998 г.
- Глава 16
- Друже инженер. 1999 г.
- Глава 17
- Сигнал атаки. 1991 г.

- Глава 18
- Мирный закат. 1999 г.
- Глава 19
- Полная готовность. 1999 г.
- Глава 20
- Звёзды на крыльях. 1999 г.
- Глава 21
- Италия. 1999 г.
- Глава 22
- Ад в небесах. 1999 г.
- Глава 23
- Морской ад. 1999 г.
- Глава 24
- Реванш. 1999 г.
- Глава 25
- Косовский фронт. 1999 г.
- Глава 26
- Снежная жара. 1999 г.
- Белый реванш
- Глава 1
- ВЕЧЕР НА БАЛТИКЕ
- Глава 2
- ПЛАНЕРКА НА ПОТОМАКЕ
- Глава 3
- НОВЫЕ ХЛОПОТЫ
- Глава 4
- ОПТИМИЗАЦИЯ
- Глава 5
- ПОСЕВ
- Глава 6
- ВЫБОР ПУТИ
- Глава 7
- КОМАНДИРОВКА
- Глава 8
- ЛУЧШИЙ ВИД ОБОРОНЫ
- Глава 9
- ПРИНЦИП НЕОЖИДАННОСТИ
- Глава 10
- ТУМАН В ГОЛОВАХ

- Глава 11
- ВОСТОК – ДЕЛО ТОПКОЕ
- Глава 12
- АМЕРИКА НЕПОБЕДИМАЯ
- Глава 13
- ПРОРЫВ
- Глава 14
- ЭКСКУРСИЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ
- Глава 15
- НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ
- Глава 16
- ФИЛИППИНЫ
- Глава 17
- ЭХ, ДОРОГИ!
- Глава 18
- ТЕОРИЯ ХАОСА
- Глава 19
- ОПРЕДЕЛЕННАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ
- Глава 20
- БРОДЯГИ
- Глава 21
- НОВЫЕ ИГРЫ
- Глава 22
- ТРЕТИЙ ВАРИАНТ
- Глава 23
- ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ
- Глава 24
- ВРЕМЯ ЖИТЬ
- Глава 25
- ПЛАТА ПО ВЕКСЕЛЯМ
- Глава 26
- ПРЫЖОК В НЕБО
- Глава 27
- МЯГКАЯ ПОСАДКА
- Синий реванш
- Патруль
- Пенсионер союзного значения
- Канитель
- Соседи

- Пробой реальности
- Дым сигарет с ментолом
- Маховик
- Подпольщик
- Агент прикрытия
- Распутье
- Беспредел
- Спрут
- Вербовщик
- Все бывает
- Реорганизация
- Производственная необходимость
- Эколог
- Сопротивление
- Давление
- Марионетка
- Кукловод
- Неожиданность
- Собственное решение
- Контратака
- Свои решения
- Непростые решения
- Рывок
- Вкус крови на губах
- Бунт марионетки
- Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Андрей Максимушкин

Реванш. Трилогия

Название: Реванш. Трилогия в одном томе
Автор: Максимушкин Андрей
Издательство: Самиздат
Страниц: 971
Год: 2014
Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

Мир, удивительно похожий на наш. Вот только Советский Союз не развалился в 1991-м, а благополучно дожил до III тысячелетия. А Соединенным Штатам после сокрушительного поражения в Югославии и экономического кризиса конца 90-х пришлось несладко: гиперинфляция, предательство былых союзников, развал промышленности поставили бывшую сверхдержаву на грань полного краха.

Красный реванш

В романе использованы стихи В. Высоцкого, Р. Киплинга и группы «Коловрат».

Глава 1

Солнечный проблеск. 1998 г.

Машина шла над облачной пеленой, скрывавшей хребты Гиндукуша. На многие километры во все стороны простиралась только белесая облачная равнина, а над головой ярко светило южное солнце. И прозрачное небо над блистером кабины. Высота девять тысяч. Ни одного постороннего звука, только мерное гудение могучих двигателей, играючи гнавших «Сушку» на сверхзвуке. Старший лейтенант Сергей Горелов не любил облака, в любой момент из проплывающей под крыльями облачной мути могут вырваться огненные стрелы зенитных ракет. И хотя инструкторы постоянно вдалбливали Сергею в голову, что приборы засекут пуск гораздо раньше, чем он сможет заметить хищные тела ракет, и в современном бою зрение, в отличие от техники, слишком ненадежный инструмент, чтобы на него полагаться, все равно в душе оставался неприятный осадок.

Пятнадцать минут назад пара «Су27СК», оторвавшись от бетонки Кабульского аэродрома, взяла курс на восток. Полет проходил нормально, наземные службы четко вели самолеты к цели. Метеорологи гарантировали безоблачную погоду на конечном отрезке пути. А четверка тяжелых перехватчиков «МиГ31» уже заняла район прикрытия. Операция «Солнечный проблеск» началась без сучка и задоринки, точно по тщательно разработанному плану. Но Сергей все равно ощущал легкий мандраж. Что ни говори, первый боевой вылет, под крыльями самолета боевые ракеты, и противник будет стрелять на поражение, если, конечно, успеет заметить, атакующую пару истребителей. Сергей бросил взгляд на приборы. Мотор тянет хорошо, все системы в норме, керосина в Кабуле залили под завязку, скорость 1900 км/ч, высота 9000. Позади, чуть правее, идет ведомый Витя Чернов. А над Кабулом кружит летающий радар «А50». «Сушки» шли вслепую, не включая своих радаров, четко следуя радиолучу с самолета ДРЛО. Разумная предосторожность, пусть противник видит только перехватчики, они все равно находятся над территорией Афганистана. Все должно выглядеть как обычная операция по уничтожению очередной банды «непримиримых». До расчетного времени оставалось еще 12 минут. Гдето внизу, скрытые облаками, проносились заснеженные горные хребты и цветущие межгорные долины, глинобитные стены кишлаков, маковые поля, разбитые снарядами и минами дороги.

«Проклятая страна, – думал Сергей, – и на кой фиг мы сюда полезли? Еще никому не удавалось покорить этот дикий край. Одни маразматики

ввели войска, потом очередной идиот вывел, и все без толку. Только ребят зря положили. Всего три года назад в Афган вернулись наши советники и представители Внешторга. Иногда перебрасываются самолеты, чтобы снести очередной горный бастион моджахедов, прикрыть операцию правительственных войск, сровнять с землей очередной заводик наркотиков». Сергей помнил, как в 89м говорили, что Наджибула без наших штыков не продержится и месяц. И ничего, уже девять лет прошло. Держится спокойно, помаленьку газом, хромоникелевыми рудами и фруктами торгует в обмен на танки и пулеметы. Ковры они неплохие делают, жаль только стоят дорого – ручная работа, эксклюзив, так, кажется, сейчас модно выражаться? Правда, последний год у них напряженка: талибы укрепились в Кандагаре и рвутся к столице, опираясь на базы в Пакистане.

Но ситуация не критическая, в 95м было хуже. Мало кто знал, что тогда правительство Наджибулы было готово пасть с минуты на минуту, и только вмешательство Советского Союза, подарившего Северному Альянсу Ахмад Шаха и генерала Дустума целых 50 танков и эшелон военного снаряжения в обмен на поддержку Наджибулы, спасло Кабул. Молниеносный рейд таджикоузбекских отрядов заставил талибов отойти к Кандагару. Жаркое было время, веселое. Но и сейчас ситуация далека от идеала. Талибы в Кандагаре, провинция практически отделилась. А в соседнем Пакистане совершенно открыто действуют лагеря подготовки боевиков. И никакие ноты протеста на пакистанцев и на их заокеанских покровителей не действуют. Осталось только одно, самое результативное средство.

Два истребителя, выйдя в расчетную точку, резко пошли на снижение. Пробив облачный слой, они оказались над горной равниной. Система спутниковой навигации и телекамеры автопилотов уверенно вели самолеты на бешеной скорости почти над самой землей, заставляя тяжелые боевые машины буквально обтекать рельеф, не позволяя им подниматься выше ста метров. Горы надежно скрывали «Сушки» от вражеских радаров. Четверка перехватчиков барражировала у пакистанской границы, прикрывая фронт в четыреста километров. В то же время два полка «Грачей» усердно перепахивали базы талибов в районе Кандагара, отвлекая внимание противника на себя. Любой сторонний наблюдатель должен был решить, что «МиГи» подняты только для прикрытия «Грачей» от неожиданной атаки пакистанской авиации, в Союзе помнили, как был сбит штурмовик генерала Руцкого. А далеко на севере в боевой полумесяц разворачивались стратегические ракетоносцы «Ту95». Операция «Солнечный проблеск»

приближалась к кульминации.

Пара истребителей мчалась над равниной. Справа мелькнул и скрылся за крылом маленький городок, скорее даже не город, а большой кишлак. Пару раз Сергей замечал колонны автомобилей. И тут пронзительно заверещала система оповещения: их засекли. На приборной панели высветился красный луч азимута на вражеский радар.

– Грифон, я Сокол1. Меня видят, – Сергей впервые с момента вылета нарушил радиомолчание.

– Сокол, до расчетной точки две минуты, – незамедлительно ответил спокойный уверенный голос Грифона, – работаем по плану.

Никто не знал, с каким трудом офицернаводчик сохранял спокойствие в голосе, не допуская и намека на панику. Нелепая случайность, мало влияющая на исход операции. И действительно, через тридцать секунд невысокая гряда холмов скрыла «Сухих» от вражеского наблюдателя. Моджахеды даже не поняли, что это такое с ревом пронеслось над их головами. А еще через три минуты в район вышло дежурное звено «Су25» зачистки, гася мобильный комплекс ПВО противорадарными ракетами.

Закладывая лихой вираж, «Су27СК» вышли в заданную точку. Сергей плавно потянул штурвал на себя, одновременно выжимая газ до упора и включая все боевые системы. Пошел обратный отсчет. Самолеты вошли в заданный квадрат. Еще десять секунд, нежное касание клавиш – и с легким толчком пошли ракеты. Все. Можно возвращаться, дальше автопилоты ракет сами выведут их в заданный район, а радарные головки самонаведения приведут прямо к цели. Почти одновременно поднявшиеся над горной грядой самолеты Горелова и Чернова засекли не меньше полудюжины радаров. Бортовая ЭВМ выделила четкое биение антенн радарного комплекса в Джаваре, на панели вспыхнули тонкие лучи наведения зенитных комплексов и радаров кружившей в полусотне километров пары «Миражей», плюс еще всякая мелочь. Но Сергея это уже не интересовало, машина быстро наращивала скорость, забираясь на спасительную высоту. Перегрузки вдавили пилота в кресло. Впереди голубело прозрачное южное небо. Пакистанская ПВО успела среагировать на нарушителей, но слишком поздно. Выпущенные вдогонку два «Пэтриота» отвлеклись на ракетыловушки, а рванувшиеся было на перехват «Миражи» слишком поздно заметили идущие на них ракеты с «МиГ31». Летчики не успели даже катапультироваться.

А в это время выпущенные «Сухими» восемь ракет «Х31» с комбинированными головками самонаведения шли к цели. Высота полета всего сорок метров. На корпусах специальное антирадарное покрытие.

Скорость 4000 км/ч. Головки самонаведения бульдожьей хваткой вцепились в четкие сигналы радаров Джавара. Противник пока не видел восьмерку «Х31». И только когда до цели осталось двадцать километров, чуткие антенны американского производства засекли несущуюся смерть. Двадцать километров – это всего двадцать секунд полета. Мощные компьютеры правильно оценили ситуацию и сработали как надо, передав управляющие сигналы на систему ПВО и выдав точные координаты целей. Но из шести «Фаланксов» объектовой обороны работали только четыре, и то у одного из них была нарушена настройка блока наведения, и автомат бил точно на 27 градусов левее цели. У двух зенитных установок французского производства «Кроталь» не были заряжены ракеты. Еще у одной усердный расчет умудрился закрасить серебряной краской головки самонаведения, и, сорвавшись с направляющих, все четыре ракеты ушли точно в сторону солнца. Оставшиеся две установки сработали бы четко, будь у них больше времени… Но времени не было. Только одна русская ракета была сбита «Кроталем», и то лишь потому, что траектория ее полета проходила прямо над зенитным комплексом. Не повезло расчету, осколки взорвавшейся ракеты ударили по пусковой установке. Еще одну ракету разорвал на куски «Фаланкс». Остальные шесть, выписывая в небе хаотичные противозенитные маневры, нашли свои цели. Среди серебристых антенн и белых корпусов радарного комплекса вспыхнули ослепительные огненные шары. К этому времени «Су27СК» уже вышли из зоны поражения Пакистанской ПВО. Дело было сделано, новейший радарный комплекс, прикрывавший весь северный Пакистан, превратился в груду развалин. Ровно через восемнадцать минут тяжелые ракеты, выпущенные с «Ту95», обрушились на лагеря подготовки моджахедов, хороня под обломками зданий сотни воинов Аллаха и их пакистанских и американских инструкторов. А еще через две минуты в полукилометре от нефтеперегонного комплекса в Карачи приземлилась индийская ракета «П15У» с учебной боеголовкой, выпущенная с приблизившегося к берегу катера. Ракета не нанесла никакого ущерба, это была только демонстрация.

Самолеты мчались над сплошной облачной пеленой, далеко внизу проносились древние горные хребты седого Гиндукуша. На душе было необыкновенно легко, хотелось петь. «Солнечный проблеск» завершился удачно, все самолеты возвращались на свои аэродромы. Сергей переключил управление на автопилот, можно было расслабиться. А далеко позади, гдето на юговостоке, еще бушевали пожары, в огне гибли миллиарды долларов, яростным бушующим пламенем и столбами черного дыма уносились в небо планы свержения дружественного СССР правительства Афганистана.

В президентском дворце Исламабада, прямо перед телеэкраном, с которого шла трансляция совместного заявления лидеров СССР, Индии и Афганистана, застрелился премьерминистр Пакистана Наваз Шариф. Слишком многое было поставлено на карту. Нищая, с полуфеодальной экономикой страна, с напряжением всех сил вытянувшая ядерную программу, потеряла последнюю надежду выправить положение с помощью щедрых долларовых вливаний. После ракетного удара по лагерям подготовки моджахедов и недвусмысленной демонстрации индийцев нелепо было бы рассчитывать на сближение с США. Американцы не будут делать ставку на страну, по которой в любой момент может пройтись стальной каток русскоиндийских армий. А с другой стороны, в Пакистане в ближайшее время стоило ожидать возвращения выбитых из Афгана талибов. А то, что они вернутся, было понятно даже ишаку.

Наджибула не остановится на достигнутом. Один или с помощью русских он наведет порядок в своем доме. Американцы уже не смогут и не захотят поддерживать пошатнувшееся правительство Шарифа, а значит, в ближайшее время возможен мятеж армии. Политические последствия абсолютно непредсказуемы, а тощий бюджет получит очередное кровопускание. И нет никаких шансов на внешние инвестиции или кредиты.

Глава 2

Красный премьер. 1998 г.

За окном бронированного «ЗИЛа» стремительно проносились вечерние московские улицы. Водитель уверенно гнал машину по крайней левой полосе, выжимая 100–130 километров в час. Павел Николаевич Шумилов отрешенным взглядом смотрел на спешащих прохожих, проносящиеся мимо машины, яркие неоновые рекламные огни. Все, на сегодня хватит. Заработался. Эх, выбраться бы в Подмосковье на рыбалку! Поставить палатку, развести костерок. Спокойно засесть с удочкой. Выкинуть этот чертов телефон, отправить по домам охрану и секретарей, а затем под ушицу по маленькой. При этих мыслях Павел Николаевич сладко потянулся. Черт побери! С этими вечными заботами даже за город не съездишь. Когда я последний раз был дома, на родине? Года три прошло, если не больше.

В этот момент машина ощутимо подпрыгнула на выбоине. Нет, всетаки рано брать отпуск – надо завтра позвонить Лужникову, он уже два года обещает перестелить московские улицы какимто суперасфальтом, таким, что гарантированно десять лет держится. Вот и поинтересуюсь: как там дела с этим челябинским ноухау. Заодно надо напомнить про ремонт в Третьяковке. Машина свернула на Никольскую и с ходу вписалась в сплошной поток автомобилей. Солидные «Мерседесы», спортивные молодежные «Ауди», консервативные «Волги», престижные «ЗИЛы» текли стремительной железной хромированной рекой. Изредка встречались «Лады» и «Москвичи». Взгляд Шумилова задержался на неторопливо ползущем по правой полосе «ФольксвагенеЖуке», видимо, какойто коллекционер спешит домой похвастаться жене произведенным на коллег впечатлением. «Жук» – это уже не машина в полном понимании этого слова, раритет на колесах. Почти как знаменитая «Эмка». В Москве их всего пять штук.

Как всетаки изменилась столица в последние годы. Исчезли вечные московские гаражиракушки, пропали километровые очереди за дефицитом. Как грибы после дождя, выросли офисы, магазины, торговые и культурноразвлекательные центры, улицы оделись нарядным праздничным неоном. Центр превратился в одну огромную новостройку. Павел Николаевич с удовольствием вспомнил, как столичный градоначальник три года назад выбивал деньги на превращение известного открытого бассейна в помпезный храм.

«Нет, брат, шалишь. Это тебе не Меченый слабак, я глупостями, болтологией и Перестройками не занимаюсь. МКАД достроил – молодец! Можешь на Манежной торговый центр вырыть. А с «Ветхим жильем» разберешься – подумаем и о храме». Программа «Ветхое жилье» – это такое болото, что пока первоначальный проект выполнишь, придется все заново начинать. Это работа не на один год. Но ничего, пусть Лужников сначала коммуналки расселит, а там дадим ему бассейн засыпать. Пусть инвесторов привлекает, заставит церковь раскошелиться, нечего на халяву рассчитывать! Из казны больше тридцати миллионов я ему не дам. Да и эти деньги пусть сначала отработает. Премьер хорошо помнил, как Верховный, увидев смету, шепотом выматерился и, глядя прямо в глаза мэра, возмущенно пробасил: «Да это же новенькая АЭС или три дока для авианосцев. Подождет!»

И ждет. Сейчас на Манежной два строительных треста круглые сутки подряд без выходных работают. Уже к перекрытиям приступают. Обещают осенью сдать под ключ. Нет, умеет Лужников работать и город любит. Быть ему градоначальником до пенсии, а то и дольше, благо новые законы позволяют. Таких людей надо ценить, хвалить, но воли много им не давать. А то будет как с памятником Петру, который сначала с великим шумом и помпой открыли, а на следующий день спавший с лица мэр чуть ли не на коленях уговаривал Верховного не взрывать этого монстра. Обошлось, правда, скульптору пришлось срочно эмигрировать в Америку.

– Саша, – Шумилов тронул за плечо водителя, – тормозни вон у того магазина.

– За покупками, Павел Николаевич?

– Да, жена просила заехать.

Телохранитель на переднем сиденье бросил в рацию пару коротких фраз и невозмутимо поправил плечевую кобуру. Охрана и водители кремлевского гаража давно привыкли к этой маленькой причуде Председателя Совета Министров СССР (на западный манер премьерминистра) – лично ходить по продуктовым магазинам. Те, что постарше, говорили, будто Шумилов специально пересчитывает выложенные на прилавок колбасы, и если их меньше пятнадцати сортов, владелец магазина на следующее утро теряет договор аренды. Павел Николаевич только усмехался, пусть судачат. Главное, чтоб службу несли. Он помнил, что в годы Перестройки колбаса была двух сортов: вареная и полукопченая. Если, конечно, не считать ливерную. И то не везде. Но секрет ливерной колбасы был утерян во время переворота 91го года. Говорят – к счастью.

Эх, если бы не та пьянка восемь лет назад. Так бы и остался Шумилов простым профессором экономики провинциального политеха. Катался бы на пролетарской «девятке». Жил бы в обычной трехкомнатной квартирке на окраине, а не в элитной восьмикомнатной квартире в сталинской высотке. Учил бы студентов основам экономического мышления. Жизнь была бы проще и легче. Во всяком случае, ежегодный отпуск был гарантирован. Но у жизни свои причуды. Собравшиеся на кухне в памятном 90м году под Новый год в небольшом городке генералмайор, профессор экономики, полковник КГБ и директор растворобетонного завода под обильную выпивку затеяли спор (сейчас уже никто не помнит, о чем) и после второй бутылки дошли до идеи государственного переворота. И самое интересное, смогли его осуществить. Это только потом стало ясно, что не они одни задумывались над этим интересным делом. А в горячем августе 91го, когда армейский спецназ брал дачу в Фаросе, по всей стране комитетчики с азартом арестовывали своих продавшихся перестроечникам и западным «друзьям» коллег, а в Балашихе спешно подтянутые части блокировали дивизию имени Дзержинского, Шумилову было страшно. Тогда пришлось спешно изолировать не только старое правительство, но и опереточное, неведомо откуда вылезшее ГКЧП, а заодно охлаждать пожарными брандспойтами разгоряченных депутатов, докатившихся до официального расформирования Союза. В те памятные дни, когда они объявили о перевороте, у Павла Николаевича поджилки тряслись, да и генерал Бугров сохранял уверенный вид на прессконференции только благодаря хорошему молдавскому коньяку. С тех пор Арсений Степанович не пил ничего крепче красного вина. Говорит: все, что крепче пятнадцати градусов, заставляет вспоминать переворот. Как давно это было…

Спешившие по своим делам прохожие не обращали внимания на припарковавшиеся прямо у магазина «Гаринский» черный «членовоз» и старенькую бежевую «Волгу». После того как «ЗИЛ» выбросил эту модель на рынок, среди «новых русских» стало модным ездить на машине «как у Брежнева». Вышедшие из «членовоза» двое также не привлекли к себе внимания вечно занятых москвичей. Лысеющий невысокий полноватый мужчина неопределенного возраста в дорогом костюме, сшитом на заказ, и широкоплечий «славянский шкаф» с короткой стрижкой ежиком в черных очках и черном кожаном плаще до пят. Банкир и телохранитель. Обычное явление в центре Москвы. Двое молодых людей, выбравшихся из «Волги», мгновенно затерялись среди спешащих горожан. Никто и подумать не мог, что у «Волги» форсированный мотор, усиленные подвеска и трансмиссия, а кузову специально придан «потертый» вид.

Магазин оказался элитным, что поделаешь: престижный район, бешеная аренда. Павел Николаевич вспомнил, как четыре года назад по всем СМИ прокатилась история одного предпринимателя, буквально за копейки скупившего целых два квартала в самом центре Москвы. Дело могло выгореть, все заинтересованные лица были прикормлены махинатором, но, как это часто бывает, подвела жадность. Бизнесмен начал силой выселять людей из домов. После первых заявлений в милицию делом занялся ОБХСС, и завертелось. Сам предприниматель, то ли Осиновский, то ли Березанский, личность неординарная, доктор математических наук, решивший таким образом подзаработать, получил десять лет с конфискацией, многие причастные лишились теплых кресел. Несколько чиновников перешли на государственное содержание в местах, увы, отдаленных. Газеты подняли скандал, дело было взято на личный контроль министром внутренних дел, никому из замешанных не удалось отвертеться. Впрочем, у истории был относительно счастливый конец. Председатель Верховного Совета СССР заинтересовался личностью этого махинатора, уж больно смелая была операция, и, после того как стихла шумиха, вытащил этого Осиновского из лагеря и отправил в Фергану курировать закупки хлопка. Как тогда выразился Арсений Степанович: «Пусть вор за ворами следит». Средняя Азия была больным местом для Бугрова. Взяточничество и протекционизм впитывались местными чиновниками с молоком матери. Даже в Закавказье дела обстояли не в пример лучше. После знаменитого хлопкового дела Бугров, придя к власти и укрепив свои позиции, первым делом поменял всех среднеазиатских чиновников от мэров и выше, но это ничего не изменило.

Размышляя о делах минувших, Шумилов быстро наполнил корзину продуктами, благо выбор был хороший. Не только парная вырезка по шестнадцать рублей за килограмм и крокодилье филе по двадцать пять или французский сыр с плесенью, но и приличная постная говядина по вполне доступной цене. «А колбасы сортов 30–40», – усмехнулся про себя Павел Николаевич, искоса наблюдая за своей охраной. В винном отделе он рассеянно окинул взглядом разнокалиберные бутылки с напитками со всего света и выбрал недорогое грузинское «Киндзмараули». Отстояв очередь в кассу и расплатившись, Шумилов неторопливо направился к машине, прикупив по пути пару вечерних газет. Он любил просто так ходить по улицам, никем не узнанный, среди простых москвичей, слушать разговоры в магазинах, читать газеты на скамейке парка. У каждого свои слабости и радости. Верховному даже это недоступно – шеф охраны категорически запрещает.

В тот момент, когда премьер выходил из магазина, на улице разыгралась интересная сцена. Естественно, Саша припарковался прямо под знаком «Остановка запрещена», а «Волга» вообще расположилась на пешеходной зебре. Проезжавший мимо гаишник не мог упустить такую возможность сшибить червонец. Неторопливо, с чувством собственной значительности приблизившись к нарушителю, старлей вежливо постучал жезлом по крыше «ЗИЛа». Все было понятно без слов: нарушаем, гражданин, документики, пожалуйста. Но дальнейшие события явно пошли не по плану. Вместо униженно протянутых прав с вожделенным червонцем между страницами, у лимузина плавно опустилось окно, и прямо в лицо инспектора уткнулось удостоверение сотрудника Управления правительственной охраны. Слегка опешив, старший лейтенант, козырнув, вежливо извинился и направился к стоявшей рядом «Волге». На его лице явно читалось желание оторваться на нарушителе по полной программе. Но и тут не повезло, приблизившись к машине, он узрел перед своим носом точно такое же удостоверение. Инспектор ГАИ прекрасно владел своим лицом, ну не получилось и ладно, но при виде вышедшего из магазина человека с двумя пакетами в руке и до удивления знакомым лицом челюсть старлея медленно поползла вниз.

– Да я его только вчера по телевизору видел! – поделился он своим открытием с неведомо как оказавшимся рядом длинноволосым студентом в джинсовой куртке и кроссовках.

– Бывает, – ответил студент и, панибратски похлопав гаишника по плечу, запрыгнул в правительственную «Волгу».

Только сейчас старлей понял, что оттопыривалось под курткой у «студента» и почему он держал правую руку в кармане.

– Паша, ты завтра вечером когда вернешься домой? – из коридора донесся голос Марины. – Сейчас Катя звонила, предлагает смотаться на мюзикл. Она будет с мужем.

– Милая, не могу. – Павел Николаевич с тяжелым вздохом оторвался от газеты. И когда это Катькин муж, министр энергетики Алексей Петрович Казанцев, находит время на мюзиклы? – Давайте, сходите без меня.

– Как это без тебя? Все с мужьями, как белые люди! А мне что, с любовником идти? Ты у меня совсем от рук отбился, – безапелляционно добавила супруга, врываясь в кабинет. – В отпуске не бываешь, детьми интересуешься от случая к случаю, в театры жену не водишь, одна работа на уме! Я уже не помню, когда последний раз была в ресторане.

– А банкет в Кремле девятого мая? – попытался отбиться от Марины Шумилов.

– Что твой банкет, одни перешептывания с дипломатами, и не дай боже нарушить регламент. И шампанское было кислым, – капризно добавила Марина, задумчиво разглядывая стоящую рядом с монитором бутылку «Киндзмараули».

– Ну, дорогая, чувствуется твой неистребимый провинциальный вкус. – Павел Николаевич не любил оправдываться и быстро перешел в наступление. – Это была «Вдова Клико» прямо из Франции. А того нигера, с которым ты обсуждала достоинства омаров, зовут Джеймс Форсайт, он исполнительный директор «Крайслер Корпорэйшн».

– Блин, и не обязана я помнить всех твоих африканских друзей с пальм, и зачем я вышла замуж за премьера? – с чувством добавила Марина, отнимая у мужа газету.

– Тогда я еще не был премьером, – напомнил Павел Николаевич, ловко выдергивая свежий номер «Московского комсомольца» из пальцев супруги.

– Ну да, молодым аспирантом, и таким ты мне нравился больше, – неожиданно заявила Марина, возвращая себе газету.

– Ну, женушка, я действительно чертовски занят, мне еще до утра работать и работать. Подожди хотя бы пару часов.

– Ладно, работай, трудоголик ты мой золотой, только с вином не перебарщивай. – Проведя рукой по волосам мужа, Марина упорхнула из кабинета. Она уже давно привыкла к такой жизни. Павел мог прийти домой поздно ночью или вообще остаться на работе, а дома частенько засиживался в кабинете допоздна. Даже свой личный бизнес отнимал у Марины Шумиловой на порядок меньше времени, чем служба у мужа. А Марина, к слову сказать, владела крупной строительной фирмой. Если муж Председатель Совета Министров, получить жирный госзаказ или выиграть тендер несложно.

Отвязавшись от жены, Павел Николаевич неторопливо выпил фужер вина, с тяжелым вздохом извлек изпод стола свой рабочий портфель. И, тихо матерясь, выложил бумаги на стол. До утра надо было ознакомиться с подборкой материалов по Югославии. Завтра состоится внеочередное совещание Совета Безопасности, а через месяц намечается визит Слободана Милошевича в Москву – необходимо встретить союзника «во всеоружии», заранее определиться со своими интересами и грамотно расставить акценты на переговорах. Разумеется, общие контуры встречи известны заранее, но всегда может появиться какойнибудь неприятный момент, способный отправить коту под хвост все предварительные договоренности. От этой встречи слишком многое зависит, чтобы полагаться на случай. Балканская политика сейчас напоминает работу

сапера. Одно неосторожное движение, и грохнет так, что мало не покажется. На кону стоят сотни миллиардов рублей и перспектива союза со стремительно объединяющейся Европой. Самое главное для Советского Союза сейчас – удержаться на Балканах. А сербы помнят добро.

Единственное, чего не понимал Павел Николаевич, так это зачем ему вникать во все подробности дела. Как будто в стране мало специалистов. Один МИД чего стоит. Именно на совести нового министра иностранных дел проблема вступления в НАТО стран Центральной Европы. И, похоже, дело затянется надолго. Вроде бы все соглашения подписаны, бравые Рембо готовы хоть завтра занять базы новых союзников, но тут же волшебным образом возникают новые обстоятельства, откладывающие прием новых членов в НАТО. Разумеется, все эти Венгрии, Польши, Чехии и Румынии спят и видят себя под крылом дяди Сэма, но, оказывается, сначала им надо вернуть старые долги Союзу. Или хотя бы определиться с суммой долга, а наш МИД к тому времени еще парочку счетов выставит, или независимая пресса устроит скандал с разоблачением очередного проворовавшегося политика. Да еще постоянно территориальные вопросы возникают. Только этой весной СССР выступил инициатором возвращения Германии Познани и Поморья. Ничего путного из этого, естественно, не вышло. Но зато немцы смотрят на поляков, как на смертельных врагов. А то, что поляки сожгли в Варшаве чучело Арсения Бугрова, так это только смех один. Ничего серьезного они не могут, должны всем: и СССР, и Германии, и Штатам, и МВФ. И своей промышленности у Польши уже не осталось, разворовали.

А у Председателя Совета Министров и без Косово дел невпроворот. Бюджет на следующий год подсчитать надо, Донбасс реструктурировать, причем так, чтобы всем горнякам с закрываемых шахт работу предоставить, для авиапромышленности 25 миллиардов капиталовложений найти надо, структуру государственного управления реформировать. К отопительному сезону подготовиться. И еще десятки больших и малых дел. А тут еще Арсений Степанович Балканы подкидывает. Нет, он у нас Верховный, пусть сам внешнюю политику курирует.

«Краткая подборка» представляла собой пухлую пачку бумаг, страниц эдак на сто пятьдесят – двести. Еще раз помянув недобрым словом аналитиков, Шумилов погрузился в чтение.

Институт региональных исследований
16.07.1998 г.

В текущий политический момент СРЮ занимает

уникальную позицию на международной арене, являясь единственным экономически и политически независимым европейским государством. Что не может долго продолжаться. Ориентация правительства Союзной Республики Югославии на социалистическую экономику, важное геополитическое положение и относительно высокий экономический потенциал Югославии делают невозможной всякую попытку проведения руководством страны независимой политики. Во всяком случае, интерес ведущих ТНК США и Западной Европы превышает «критический» уровень. Поэтому следует ожидать втягивания Союзной Республики Югославии в сферу интересов Европейского союза…

Необходимо обратить внимание на резкий тон политиков США, Великобритании, Германии и Франции и контролируемого ими ОБСЕ по вопросу Косово. Жесткая бескомпромиссная политика Милошевича по усмирению албанских сепаратистов может стать поводом для вмешательства во внутренние дела СРЮ вплоть до прямой агрессии. Показательными являются недавние обвинения Гаагского трибунала в адрес Милошевича и офицеров югославской армии.

Несмотря на торговое эмбарго и конфликт, в крае Косово наблюдается устойчивый рост ВВП. За прошлый год рост составил 5–7%, по оценкам независимых аналитиков. Благодаря торговому эмбарго торговый баланс между СССР и СРЮ с начала года составил 96 миллиардов рублей. Прямые инвестиции советских корпораций в экономику СРЮ приблизительно оцениваются в 35 миллиардов рублей. Точные финансовые выкладки будут сведены Внешторгом в один реестр только в декабре. К примеру: «Норильскникель» вкладывает значительные средства в разработку свинцовоцинкового месторождения Трепичи. Черноморское пароходство в настоящее время обеспечивает более 80% всех грузоперевозок по Дунаю между СССР и СРЮ. Кроме того, в свете последних заявлений НАТО, следует ожидать срочных военных заказов ориентировочно на сумму до 27 миллиардов рублей или 5 миллиардов долларов.

Внутренняя политическая ситуация в Югославии характеризуется обострением отношений между Белградом и Подгорицей. Налицо значительные разногласия руководства Черногории с правительством Слободана Милошевича. В первую

очередь по внешнеполитическим вопросам.

Следует обратить внимание на тот факт, что активное нарушение эмбарго СССР, Сирией и Испанией крайне негативно оценивается ведущими европейскими корпорациями, вынужденными нести убытки изза политики своих правительств. Прямые убытки от эмбарго оцениваются в 30–40 миллиардов долларов ежегодно. Европейский союз крайне заинтересован в скорейшем разрешении Балканского кризиса любыми средствами, желательной является смена правительства Милошевича на более либеральное и ориентированное на Запад. Следствием является усиление военного, экономического и политического давления на Республику Югославия. Так, к примеру, проводка торгового каравана в Адриатике 4–8 июня 1998 года проходила в условиях сильного противодействия 6го флота США. Для обеспечения прохождения 28 транспортных судов было привлечено 8 кораблей Средиземноморской эскадры СССР. Также отмечена резко возросшая активность албанских боевиков в Косово. На этом фоне прозвучало заявление МВФ о готовности предоставить Югославии кредит до 20 миллиардов долларов под либеральноэкономические реформы страны.

Аналитическая записка ГРУ
11.07.98 г.

В настоящее время численность югославской армии составляет 120 тысяч человек. Общий уровень подготовки личного состава и офицеров оценивается как хороший. На вооружении имеются около 300 танков и 500 бронетранспортеров и БМП. Артиллерия, большей частью буксируемая, представлена орудиями калибра 85–120 мм. Мобильные противотанковые средства в целом незначительны и представлены устаревшими гранатометами, большей частью советского производства, но с учетом особенностей театра военных действий достаточны для условий локального конфликта и антитеррористических операций в Косово. На вооружении ВВС стоят истребители «МиГ29СМ» – 26 самолетов, 48 «МиГ21бис» и «МиГ21МФ». Машины «МиГ29СМ» прошли модернизацию в 1996–1998 годах, оснащены современным навигационным и прицельным оборудованием и средствами РЭБ. В состав вооружения входят авиационные ракеты «Р27» и «Р73», ракеты «воздух–земля»

разных типов, неуправляемые бомбы, кассетные боеприпасы. Имеющиеся на вооружении «МиГ21» в настоящее время морально и технически устарели. Радиолокационное оборудование не позволяет использование этих самолетов самостоятельно, без прикрытия. Возможно эпизодическое применение в качестве наводимых с земли перехватчиков. В состав ВВС Югославии входят также штурмовые эскадрильи с 32 самолетами «J22 Orao» и 18 самолетами «G4 Super Galeb» и две разведывательные эскадрильи с 20 самолетами «J22 Orao» и 18 самолетами «МиГ2IP». Штурмовики югославского производства являются легкими машинами, предназначенными для нанесения ударов по объектам в ближнем тылу противника. Могут применяться для непосредственной поддержки войск на поле боя. Кроме того, имеется 20 вертолетов «Ми24».

Средства ПВО имеют на вооружении 6 отдельных дивизионов ЗРК «С75 Двина» (40 ПУ), 14 дивизионов ЗРК «С125М Печора» (60 ПУ) и в составе армейских корпусов пять полков ЗРК «2К12 Квадрат» (74 ПУ). Кроме того, на вооружении армии имеются ПЗРК «Стрела2» и «Игла» и ствольная зенитная артиллерия до 1800 единиц разных калибров.

В целом оснащение ПВО является устаревшим и не способно противостоять современным средствам воздушного нападения. Наиболее совершенными являются системы средней дальности «Квадрат», получившие новые головки самонаведения, БЧ и взрыватели для ракет 9М3…

Павел Николаевич перевернул страницу и потянулся за маркером. Он и раньше понимал, что Бугров планирует полностью прикрыть Югославию от НАТО, но прочитанные документы не давали повода для оптимизма. Самым лучшим выходом из сложившейся ситуации был бы ввод в Югославию советских миротворцев под мандатом ООН. Но все прекрасно понимали, что Милошевич не согласится с таким вариантом. Сербы слишком ценили свою независимость, кроме того, есть еще Черногория, готовая в любой момент выйти из федерации. Оставалось только спешно оснащать союзника современным оружием и играть на разногласиях между Европой и США. А это опять деньги, много денег. Шумилов прекрасно понимал, что Югославия просто не потянет многомиллиардную программу перевооружения армии. Придется самим вкладывать средства, причем окупятся они не скоро. Черт побери! А ему только сегодня принесли проект

приобретения контрольного пакета корпорации «Samsung». Значит, он будет вынужден опять обратиться к фондам Центробанка. А они не бездонные.

И бросать сербов нельзя. Самим дороже выйдет. Отложив в сторону бумаги, Шумилов взял телефон и набрал домашний номер председателя Центробанка. Пропади оно все пропадом!

– …Господатоварищи, начнем. – Верховный окинул взглядом собравшихся за столом членов Совета Безопасности и пододвинул к себе чистый лист бумаги. – Думаю, все в курсе, зачем мы сегодня собрались. Так что приступим.

Павел Николаевич, делая вид, будто изучает документы, украдкой наблюдал за присутствующими. Обычно опытный человек мог уже по именам приглашенных на заседание Совета определить не только основной вопрос повестки дня, но и то, каким способом будет решаться проблема. Но сегодня даже Шумилов не мог бы сказать ничего конкретного, слишком пестрым был состав приглашенных. Видимо, решение по косовской проблеме еще не выработано. Присутствовали все постоянные члены Совета Безопасности. Разумеется, напротив Верховного сидел бессменный председатель СБ Борис Старо, занимавший этот пост с февраля 95го года. Именно тогда министр внутренних дел, переживший еще ГКЧП, был приглашен в Верховный Совет СССР на должность куратора силовых ведомств.

Громоздкая система управления СССР была платой за удачный переворот августа 91го. Тогда не было времени для создания новой вертикали власти, пришлось спешно приспосабливать старую систему, навешивая на обветшалый костяк новые комитеты и ведомства. Разумеется, со временем партийные структуры были интегрированы в новую структуру управления, но на местах, в республиках, еще сохранялись такие атавизмы, как первые секретари комитетов разного уровня, органично и не очень вписывавшиеся в местные Советы народных депутатов. У Кремля просто не доходили руки до полного реформирования системы. Требовалось сначала подготовить реформы, скрупулезно все просчитать, а затем уже приступать к делу. Еще год, минимум, на подготовку, а затем можно сократить Кабинет министров за счет укрупнения министерств, избавиться от лишних, только мешающих структур и органов. Потом можно одним махом переименовать все автономии и округа в области и районы, одновременно стандартизировав структуры местной власти. А затем, уже на последнем этапе, чтото делать с республиками. Пока в Верховном Совете не было единого мнения по этому поводу. Но, с другой стороны,

никто не хотел повторения ситуации с Прибалтикой во время Перестройки. Но это потом, а сейчас перед правительством стояли более серьезные и не терпящие отлагательств проблемы.

Сегодня на совещании присутствовал министр обороны маршал Семенов, старый ракетчик, всю жизнь прослуживший в Ракетных войсках стратегического назначения. Несмотря на возраст, маршал разумно вел дела в своем ведомстве, умудряясь быть в курсе всех последних технических и организационных новинок, чуть ли не каждый день подкидываемых разработчиками Генштаба и военных заводов. Рядом с Павлом Николаевичем сидел «главный мент», старый соратник Шумилова и Бугрова еще по перевороту, Владимир Петрович Строгов. Сразу после событий августа 91го он возглавил КГБ, но в 95м передал пост заместителю и ушел в МВД, как он сам выразился: «проводить зачистку». Строгов, к удивлению окружающих, никогда не рвался на первые места и категорически отказался от предложения войти в Верховный Совет. Чистка в милиции шла до сих пор, конца и края не было видно, но Владимир Петрович не унывал и неутомимо раскручивал все новые и новые дела о милицейской коррупции. К слову сказать, за время его работы в МВД сильно выросла зарплата сотрудников органов, а авторитет милиции и самого Строгова вознесся до немыслимых высот.

Разумеется, присутствовал и Председатель КГБ Трубачев Вячеслав Иванович, высокий худощавый генерал с аристократическим профилем, почти всю жизнь проработавший во внешней разведке. Рядом с гэбистом расположился министр иностранных дел Антон Васильевич Рычков, недавно назначенный на эту должность, но уже зарекомендовавший себя настойчивым, бескомпромиссным, но недостаточно гибким дипломатом. В условиях Советского Союза это не считалось недостатком. Гораздо важнее было умение до последнего отстаивать свои позиции, а Антон Васильевич это умел. В МИДе шутили, что в Рычкове воплотились одновременно души Вячеслава Молотова и Андрея Громыко. Сам Антон Васильевич к этим шуткам относился снисходительно и на всех переговорах доводил партнеров до истерики своей способностью раз за разом повторять одно и то же, когда дело касалось Советского Союза, и на ходу придумывать все новые и новые аргументы и причины, когда вопрос касался политических соперников. Кроме постоянных членов СБ, присутствовал министр финансов Виктор Герасимов, прозванный сослуживцами за профессионализм и непотопляемость на политическом Олимпе Гераклом, а рядом с маршалом Семеновым, как эсминцы в эскорте авианосца, расположились главком флота адмирал Кондратенко и главком авиации

маршал Андреев.

– Если говорить о Балканах, – первым взял слово Рынков, – то мы практически исчерпали свои дипломатические ресурсы. Все наши усилия сконцентрированы на странах Центральной Европы. А после удара по Пакистану мы практически держим оборону и ближайший год не в состоянии сильно влиять на Европу.

– Вы хотите отойти от решения проблемы?

– Нет, Арсений Степанович, – Рычков с легкой улыбкой на губах выдержал тяжелый взгляд Верховного, – я хочу сказать, что не стоит возлагать особых надежд на мое ведомство. У нас практически не осталось рычагов воздействия на европейский курятник, особенно на Балканах.

– Господа, рычаги у нас имеются, – вмешался Герасимов, – может, я мало чего понимаю в политике, но мои эксперты обращают внимание на европейскую валюту. Как известно, ЕС в ближайшее время планирует ввести безналичный евро. А это очень серьезно.

– А при чем здесь Балканы? – поинтересовался Семенов.

– А при том, уважаемый Игорь Дмитриевич, что уже сейчас отмечается повышенная инвестиционная привлекательность европейских валют. Не забывайте, что за будущей единой валютой стоит экономический потенциал таких стран, как Германия, Франция, Италия. Эксперты прогнозируют, что уже в начале весны начнется активное перетекание капиталов в Европу. А значит, высвободится несколько триллионов долларовой массы. Повторяю, абсолютно ничем не обеспеченных, спекулятивных дутых долларов. США не могут это позволить, для них появление второй сильной наднациональной валюты равноценно экономическому коллапсу. Обращает на себя внимание и экономический кризис, обваливший рынки Малайзии, Филиппин, Гонконга и Китая. Мы прогнозируем, что не позже чем через месяц произойдет обвал на фондовых рынках США. В условиях кризиса политика Штатов непредсказуема, они вполне могут попытаться выправить экономику за счет политики.

– Я читал меморандум Центробанка, – нарушил молчание Павел Николаевич. Он еще ночью успел оценить меморандум. Ничего не скажешь, сильная вещь. Идея показалась ему реальной. – В октябре у меня встреча с Гельмутом Колем. Я думаю, что смогу на него повлиять.

– Нет, не получится, – холодно заметил Трубачев, – сейчас НАТО на пике своего расцвета: победа в «холодной войне», распад Варшавского договора, Ирак, потенциальное расширение на восток, контроль над Персидским заливом. Немцы не пойдут против общей политики блока. К

тому же у них свои интересы в Югославии. Значительное число беженцевалбанцев негативно влияет на криминогенную обстановку в Германии, Колю требуется как можно скорее остановить приток беженцев и отправить их всех домой в Косово. Угроза мирового финансового кризиса требует увеличения госзаказа, а делать это лучше за счет военных расходов. Падение курса евровалют во время войны на Балканах пока чисто гипотетическое. В ЕС слишком оптимистические планы на будущее. Мнения сербов, как обычно, никто не спрашивает.

– У вас есть конкретные предложения? Не стоит забывать, что Югославия наш последний союзник в Европе, мы обязаны защитить Белград, – с нажимом произнес Арсений Степанович.

– Разрешите? – уловив момент, взял слово главком авиации. Семенов молча кивнул, сегодня военные выступали с единым планом. – Югославская армия способна отбить нападение любого из своих соседей, способна взять под контроль всю территорию Большой Югославии, но не продержится и недели против массированного воздушного наступления НАТО.

– Да, да, – добавил он, отвечая на немой вопрос, застывший в глазах штатских министров. – ВВС у сербов практически нет. Две дюжины «МиГ29», полсотни «МиГ21» и четыре десятка легких штурмовиков. Они даже не смогут защитить свои аэродромы. Наземная ПВО представлена пятью полками устаревших «Кубов», добавлю: у нас они уже снимаются с вооружения. Имеются еще морально устаревшие «вьетнамские» системы «С75» и «С125» и некоторое количество комплексов ближнего боя. Все это хозяйство малоэффективно при сильном радиоэлектронном противодействии и очень уязвимо для противозенитных средств НАТО. Мы считаем, что противник, потеряв 20–30 самолетов, уничтожит югославские ПВО и ВВС и будет методично бомбить страну, пока Милошевич не запросит пощады.

– А наземная стадия?

– Для этого есть албанцыкосовары, их много, потери можно не считать. И даже если сербы их раздавят, в общем плане это ничего не изменит. Следует добавить, что бомбежки полностью уничтожат экономику и транспортную инфраструктуру страны, парализуют армию. Я даю примерно месяц на вбивание Сербии в каменный век.

– Печально, – заметил Председатель КГБ. – ООН сейчас практически сошла со сцены и ничего не решает в политическом плане. А мы не можем открыто ввести войска в Югославию, придется действовать косвенными и полуофициальными методами. У меня для вас еще одна плохая новость:

Клинтону скоро потребуется победоносная война.

– Что? Так плохо? Но в экономике он же добился успехов? Или вы ожидаете, что кризис слишком сильно ударит по уровню жизни американцев? – вытаращил глаза Герасимов.

– Он не устраивает определенные круги в Штатах, снижение оборонного заказа многих обидело, – выдержав паузу, невозмутимо продолжил Трубачев. – Точно не знаю, но, по некоторым источникам, ему собираются подложить большую свинью. Возможно, вдобавок к скандалу с Моникой, ему припишут изнасилование пожилой негритянки.

Когда стихли раскаты громкого хохота, Верховный медленно поднялся со стула.

– Все, посмеялись, и будет. Насколько я понял, вторжение неизбежно. Следует помочь братьямславянам достойно встретить натосов.

– Подождите, у нас остались мирные рычаги давления. – Шумилов, откинувшись на спинку стула, пристально смотрел на Арсения Степановича. – Мы можем воздействовать на Евросоюз. Наш друг Арафат может устроить в конце года хорошую шумиху в Израиле. Мы можем надавить через ООН. Да и просто можно же договориться, решить вопрос миром.

– Не получится, к сожалению, не получится, Павел Николаевич. Янкесы не могут отступить, это их шанс на мировое господство и сохранение военного присутствия в Европе, а сама Европа послушно пойдет у них на поводу. Пока что пойдет. Вячеслав Иванович совершенно правильно заметил, что в Штатах недовольны Клинтоном, американцам нужна маленькая победоносная война в Европе, и ничего тут не изменить.

– То есть остается только помогать оружием?

– Придется.

– А сам факт нашей поддержки Сербии?

– Это ожидаемый фактор, думаю, они уже его учли в своих расчетах. Нам следует ожидать встречных демаршей вплоть до угрозы эмбарго.

– Но от эмбарго в первую очередь пострадают европейцы, – заметил доселе молчавший Рычков.

– Естественно, – заметил Трубачев. – Товарищ Герасимов уже сказал, что противник собирается нанести косвенный удар по евро. Сама угроза эмбарго обрушит курс марки и, следовательно, повлияет на евро. Нам выгодна сильная независимая Европа, а противнику нет.

– Хорошо, давайте решать. Виктор Александрович, сколько мы можем потратить до конца года?

– 20 миллиардов свободно, – быстро ответил Герасимов, видимо, он

был заранее готов к такой постановке вопроса, – и еще столько же в первом квартале 99го. Если наши генералы не ошибутся с прогнозом на ход войны, мы компенсируем расходы только за счет биржевой игры.

– Со своей стороны добавлю, – взял слово председатель КГБ, – Югославия может потратить на оружие 10–15 миллиардов рублей единым платежом и выплатить по кредитной линии еще 50–70 в течение десяти лет.

– Это хорошо, от этих цифр прошу и танцевать. Сколько и чего мы должны поставить сербам?

– Этого нам хватит, – быстро ответил Андреев, бросив короткий взгляд на Семенова, – мы можем в течение четырех месяцев построить гибкую эшелонированную систему ПВО, способную действовать против самых современных средств нападения. И усилить ее активными средствами для контрудара.

– А это еще зачем? – поинтересовался министр иностранных дел.

Маршал Семенов искоса посмотрел на вопрошавшего и невозмутимо ответил:

– Глухая оборона – это заранее проигранное сражение. Выиграть можно только активными действиями. Лишь бы сербы не потопили атомный авианосец, – добавил он потише, – замучаемся реакторы со дна доставать, и «Гринпис» нас с дерьмом смешает.

– Наш Генштаб уже составил список, – продолжил Андреев и, водрузив на нос очки, начал зачитывать с бумаги: – Наземная ПВО будет строиться на основе мобильных дивизионов «Буков» и «Квадратов», на предполагаемых направлениях ударов и для защиты стратегических объектов развернем 20 дивизионов «С300ПС» и модернизированные «С75». Непосредственное прикрытие войск и ближнюю ПВО объектов возьмут на себя «Тунгуски» и «Панцири», не менее двухсот машин. Все наличные «С125» с новыми головками самонаведения разместим в первом эшелоне в Черногории и вдоль Боснийской границы. Для воздушного прикрытия необходимо поставить 50–60 «МиГ29СМ», кроме того, желательно иметь хотя бы одну полнокровную эскадрилью «Су27».

– А тяжелые перехватчики? – задал вопрос Трубников.

– Нет смысла. Наши «МиГ31» не имеют существенного преимущества на ограниченных театрах военных действий, это машины для больших пространств, над Сербией им будет тесно.

Продолжаю. Необходимо развернуть 2–3 основных и резервные пункты космической связи. Естественно, усилить нашу орбитальную группировку. Нам необходимо до конца года запустить еще не менее восьми спутников оптической и радиолокационной разведки. Этим мы

полностью завершим работы по системе «Легенда» и модернизацию ГЛОНАСС. Естественно, надо поставить мобильные радарные посты и оборудование для постов наблюдения. Активные действия против НАТО должны быть сведены к авиационным ударам по аэродромам и базам снабжения и к ракетным атакам на авианосные ударные группы в Адриатике. Кроме того, желательна активизация армии Сербской Краины и боснийских сербов. Для воздушных ударов подойдут имеющиеся у Югославии штурмовики, мы их усилим полком «МиГ23МЛД» и поставим новые авиационные ракеты.

– Старые машины, можно дать и больше, – заметил Старо, до этого не принимавший участия в разговоре. Его работа начнется после совещания. Организация межведомственного взаимодействия – это тоже искусство, требующее недюжинных способностей.

– Да, старые, но новые стоят дорого, и их мало, а при нормальной организации дела пригодятся и старики. Тем более что у нас в наличии всего двенадцать полков «МиГ23МЛД», остальные еще проходят модернизацию. Да и слишком много – тоже плохо. У нас и с первоначальным планом намечается дефицит летчиков и наземного персонала, придется привлекать добровольцев. Но вернемся к нашим янки. Для удара по кораблям применим наземные батареи «Прогресс», 12 машин с боекомплектом, две ракеты на установку, и новые «Яхонты», всего 8 комплексов с боекомплектом по четыре ракеты.

– Заодно испытаем их в реальном бою, – заметил Кондратенко, – а то поставщики слишком их разрекламировали.

– Комплексы береговой обороны разместим в Черногории, и при благоприятной обстановке для атаки на корабли можем применить самолеты. Разумеется, необходима поставка авиационных ракет, скорее всего «Х31А». Ну, и обеспечить надежную защиту и маскировку батарей до их применения.

– Как вы собираетесь обеспечить доставку оружия и снаряжения?

– Это мой вопрос, – прозвучал голос Рычкова. – В обмен на некоторое повышение квот на импорт сельхозпродукции Румыния закроет глаза на наши нарушения эмбарго против Югославии. Подарим им десяток «КамАЗов», купим пару эшелонов помидоров, и они пропустят даже атомную боеголовку.

– Не забывайте, что противник в ближайшее время усилит давление на Румынию, особенно во время визита Милошевича в Москву.

– После революции 89го у них полная свобода предпринимательства, а бизнес причудливо переплетается с государственной службой, – брезгливо

усмехнулся Трубачев. – У нас прикормлены несколько политиков и министров. Они отработают свои деньги.

– У румынских нефтяников сильное лобби в правительстве, – добавил Рычков, – а контракт на реконструкцию нефтяных терминалов и нефтеперегонного завода в Констанце выиграла «Сибнефть».

В глазах слушателей мелькнуло понимание. Получение такого контракта в стране третьего мира, да и в большинстве развитых стран, возможно только с помощью значительного отката. А значит, многие крупные чиновники имеют свой интерес и сделают все, что могут, и чутьчуть больше, лишь бы сделка не провалилась. Такая схема работы с иностранными заказчиками не афишировалась, но и не возбранялась. Все равно все дополнительные расходы закладывались в стоимость работ и ложились на плечи заказчика.

– Хорошо, это ваш вопрос, Вячеслав Иванович и Антон Васильевич. – Верховный быстро вернул разговор к обсуждаемой теме. – Товарищ Семенов, вы говорили о добровольцах?

– Да, нам необходимо привлечь русских специалистов, летчиков, техников, зенитчиков, офицеров технической разведки.

– На сегодняшний день у нас в Сербии и Боснии около семи тысяч «туристов», – заметил Трубачев, – но это большей частью пехота и танкисты.

– Ваш контингент?

– Нет, что вы! На самом деле добровольцы. Мы просто ведем негласный учет и рекомендуем ребятам получать двойное гражданство. Но для реализации плана наших военных надо немедленно начать набор людей на полуофициальной основе.

– Мы готовы уже завтра провести работу среди молодых офицеров и сверхсрочников, – вставил слово маршал Семенов, – нужно только принципиальное согласие Совета Безопасности, а вербовку и отбор проведем сами.

– Хорошо, что вам еще необходимо?

– У меня целый список: топливо, боеприпасы, ремонтное снаряжение, техника, тягачи, медицинское обеспечение, всего и не перечислишь. Но большую часть груза можно перебросить по каналам МЧС, как гуманитарную помощь.

– Что скажет флот? – дав людям выговориться и обсудить общие контуры плана, Арсений Степанович резко перешел к жесткому деловому стилю проведения совещания, быстро замкнув контур управления на себя.

– Сейчас мы держим в Средиземном море два ракетных крейсера,

авианесущий крейсер, восемь эсминцев, двенадцать БПК и СПК и четыре десантных корабля. Я планирую после первых демаршей НАТО усилить эскадру авианосцем «Кузнецов», артиллерийским крейсером «Рюрик», дюжиной эсминцев и БПК плюс суда обеспечения.

– Как отреагируют янкесы?

– Плохо отреагируют, Арсений Степанович, беситься будут. Я еще планирую в феврале–марте следующего года провести масштабные учения в Северной Атлантике и у Окинавы. Плюс усилим активность подлодок. Им понравится.

– А я, со своей стороны, привлеку к учениям авиацию, – добавил Андреев, – пусть амеры рвутся на три части: и за нашими учениями следят, и войну ведут. Пусть гадают: вдруг мы под шумок тоже ударим.

– Помнится, в бюджете расходы на такие учения не предусмотрены, но мы чтонибудь придумаем, – хмыкнул Шумилов, одновременно соглашаясь с предложением и в то же время напоминая генералам, что вопросы финансирования решает именно он, и никто другой. Семенов только пожал плечами. Ну, не получилось, и ладно.

Премьер непосредственно держал на контроле расходную часть бюджета. Особенно жаркие баталии разгорались за военную часть расходов. Шумилов стремился делать упор на модернизацию старой техники, а не на закупку новой. Семенов, в свою очередь, боролся за каждую копейку и постоянно придумывал косвенные схемы, позволяющие перетянуть пару миллиардов. А премьер постоянно расшифровывал эти схемы и прикрывал нецелевое финансирование. Министр обороны, в свою очередь, с пеной у рта доказывал необходимость закупки новых танков и самолетов, строительства кораблей, расширения существующих военных баз и повышения денежного довольствия военнослужащих. Последняя статья расходов неуклонно росла, несмотря на сокращение ряда нестроевых служб и чистки генеральских рядов. Просто уже сейчас рядовой и сержантский состав на пятьдесят процентов состоял из сверхсрочников, и с каждым годом эта цифра росла. К 2005 году планировалось полностью отказаться от призыва, заменив его трехмесячной общей военной подготовкой. Генералы недолюбливали Павла Николаевича, но при этом уважали – премьер всегда чувствовал цифру, ниже которой опускаться нельзя, и необходимый уровень финансирования сохранял.

Сам он считал военные расходы необходимым злом. И так в последние пятнадцать лет была потеряна большая часть сфер влияния. А для выживания Союз был обязан бороться за контроль над сырьевыми

ресурсами и стратегически важными точками планеты. И постепенно сплачивать вокруг себя сильный военный блок, взамен бездарно потерянного Горбунковым. Да и экспорт оружия приносит хорошие деньги. Только вчера «Оборонэкспорт» получил заманчивое предложение от Бразилии, чьи генералы были впечатлены операцией «Солнечный проблеск». И это на исконно американском рынке сбыта оружия! К тому же Индия и Китай выступают постоянными заказчиками. Торговля оружием – это выгодное дело. Лучше продавать танки, чем нефть.

Глава 3

Новый год. 1991 г.

На заметенных снегом улицах тускло светили редкие фонари. Легкий морозец пощипывал щеки, было сравнительно людно. Приближался Новый год, и народ как угорелый носился по магазинам, выстаивал километровые очереди в надежде чтонибудь оторвать к празднику или, на худой конец, просто отоварить талоны. В кооперативных палатках продавались мандарины и шампанское, но покупателей было не так уж много – цены кусались.

Арсений Степанович легко выпрыгнул из «уазика» у темного подъезда обшарпанной пятиэтажки. «Все, сержант, на сегодня свободен», – ответил он на немой вопрос, читавшийся в глазах водителя. Выпустив облако сизого дыма, машина с прогазовкой сорвалась с места и, завывая мотором, скрылась под аркой. Несмотря на грядущую инспекцию, настроение у генералмайора Бугрова было праздничным. И пусть треклятая комиссия выискивает несуществующие недостатки и придирчиво изучает солдатский котел. Ерунда это все. Как говорится, не первый раз замужем. Бугров прекрасно знал, что вся проверка сведется к учебной тревоге, маршу попавшегося под руку столичного генерала полка на полигон и стрельбам. Все это уже проходили. Стрельбы пройдут удачно, смотр военного городка тоже пройдет на «отлично». Дивизия уже две недели усиленно готовилась к «внезапной» проверке. За своих бойцов Бугров был спокоен – не подведут. А после стрельб он повезет комиссию в полном составе отогреваться в красный уголок дивизии. За столом под тосты «За Новый год!», «За армию!», «За воинское братство!» будет выпито море водки и съедено огромное количество деликатесной закуски. Зам по тылу уже все подготовил и упрятал под замок, дабы расторопные прапора не растащили. Самых устойчивых гостей ожидает банька, а тех, кто ляжет под стол, приведет в чувство медслужба. Эту идею Бугров подметил в одном госпитале. Там перепивших гостей укладывали под капельницу. Бугров вообще любил перенимать хорошие идеи. А наутро комиссия, отпоенная капустным рассолом, будет препровождена на военный аэродром и убудет в Москву, вынося из поездки единую мысль, что генералмайор Бугров хороший человек, прекрасный командир и дивизия у него в полном порядке. Значит, в Москве Бугрова будут помнить только с хорошей стороны. Праздничного настроения добавлял и тот факт, что супруга умотала в Минск к теще до самого старого Нового года. Да и лоботряс

Вовка приедет домой только после праздников, у них в училище начинаются экзамены.

В сетке лежали бутылка «Сибирской», батон ветчины и пакет мандаринов, реквизированные из заготовок для комиссии. Остается только докурить сигарету, пройти тридцать метров до подъезда, подняться на третий этаж и позвонить в дверь. Сегодня пятница, традиционный день дружеской посиделки. Мужики уже перезвонились и решили собраться у Паши Шумилова. Благо у него новый телевизор, японский «Sony», и Марина не ругается, когда друзья задерживаются до ночи и спорят до хрипоты.

Зашвырнув щелчком окурок в сугроб, Бугров направился в подъезд. В подъезде воняло мочой, тусклая лампочка на первом этаже высвечивала неприглядную действительность советского жилищнокоммунального хозяйства в виде обшарпанных дверей, скрученных спиралью перил и сакраментальных надписей на стенах с четырьмя ошибками в слове из трех букв. На втором этаже света вообще не было, но зато присутствовала компания молодежи допризывного возраста. Бренчали на гитаре. При виде Бугрова, а главное, его форменной шинели, ребята поздоровались. Наметанный глаз генерала уловил блеск бутылки, скрывшейся за спинами.

Ладно, сами такими были. Да сейчас и время хреновое – молодежи податься некуда. Закружили им голову перспективами и бросили. Комсомол совсем от дела отбился, все комсорги и активисты, те, что поумнее, с азартом кинулись возрождать кооперативное движение, остальные с горящими глазами и пеной у рта разоблачают грехи Сталина и Брежнева, как будто Хрущ был умнее или нынешний чтонибудь делает полезное. А о молодежи позабыли, некогда им с молодежью возиться, надо политический и финансовый капиталец собирать. Плюшкины, блин. Строгов рассказывал, у них был случай: в Ровно поймали банду натуральных бандеровцев. Это ж надо до такого докатиться! Еще дватри года при Горби, и увидим на улицах настоящих фашистов в эсэсовской форме.

Паша Шумилов оказался дома. В своих любимых плюшевых тапочках и заношенном трико с пузырями на коленях. Посмотрели бы сейчас студенты на своего преподавателя новомодной «Экономической теории», легко цитировавшего Макса Вебера, Адама Смита и Карла Маркса.

– Привет, заходи, генерал! Ты сегодня первый.

– Здорово, профессор! Как твои студиозы?

– Нормально, что с ними будет? Усиленно готовятся к Новому году.

– Марина, это тебе, – при этих словах Арсений извлек из авоськи пакет с мандаринами и с полупоклоном протянул выглянувшей в прихожую

Пашиной жене.

– Ой, спасибо, Сеня. Да проходи, не стой на пороге. А Павел сегодня коньяк притащил, настоящий грузинский, целых три бутылки.

– Что, экзамен принимал? – понимающе подмигнул Бугров.

– Нет, зачет, – недовольно поморщился Шумилов. – Сынок директора хозторга, редкостный дебил. И тянуть одно мученье, и заваливать бесполезно: папаша с нашим ректором дружит.

– Здравствуйте, Арсений Степанович, – в прихожей возникла юная непоседа в коротком халатике до колен. – Мама, это нам?

– Вам, вам, – улыбнулся Бугров, – и тебе, и маме, и сестренке.

– А это нам, – добавил он полушепотом, когда дамы удалились в комнату, доставая поллитровку.

– Да не прячь, не прячь, – довольно расхохотался Паша, – у нас можно.

– Думаешь? – с сомнением произнес Бугров.

– Естественно, о чем речь! Совсем ты одичал на своей службе. Давай раздевайся и проходи.

Через пару минут друзья уже расположились в зале перед новеньким телевизором.

– Паша, убери этого урода, – Арсений недовольно ткнул в сторону экрана, с которого увлеченно вещал Президент СССР.

– Не хочешь, не надо. – Шумилов махнул пультом, переключая канал.

– О, так лучше. Лучше Листьев, чем Горби.

– Нет, «Поле чудес» пусть смотрят в «Стране дураков», – перебил его Павел, щелкая пультом. На третьем канале шел старый «Мюнхгаузен», который всех и примирил.

– А чем тебе Горбунок не нравится? Вроде правильно говорит.

– В томто и дело, что он только говорит. Я сегодня был в 114м полку, так у них замполит с самого утра сидит над новой речью Горби и пытается выжать из нее чтонибудь доступное для политинформации.

– И что?

– Да в томто и дело, что ничего! Одни общие фразы! Сплошная вода, ничего конкретного!

Генерала перебила трель дверного звонка, и Павел пошел открывать. Вскоре из прихожей донеслись радостные возгласы. Пришли Володя Строгов и Сергей Анютин.

– Ну вот, честная компания в сборе, – пробасил Бугров, довольно потирая руки.

– Главное, дружная компания, – в тон ему ответил Анютин, доставая изпод пальто бутылку «Русской». – Черт побери! Два часа стоял, пока талон

отоварил.

– Так ты же вроде директор?! Неужели не мог добыть себе пару ящиков?

– У меня, дружище, только бетон и плиты. Хочешь, машину панелей хоть завтра пригоню?

– Спасибо, я дачу уже построил, – поднял руки вверх Шумилов. – А как ты будешь Новый год встречать? Или безалкогольный праздник устроишь?

– Спасибо за совет, ты очень добрый, меня за такое профсоюз живьем в бетон замурует. На следующей неделе жду две машины с крымским вином. Без праздника завод не останется.

– Так и живем, – улыбнулся Строгов, аккуратно задвигая в угол авоську.

– Ну и чем нас ЧК порадует? – зыркнул на авоську Бугров.

– Чем, чем, балычком и корейкой из праздничного заказа, – поднял вверх честные небесной синевы глаза Володя, извлекая из сумки под общий хохот бутылку «Столичной».

– Ребята, давайте быстро на кухню. Пельмени через пять минут будут готовы. – Марина успела заметить скрывшуюся в сапоге бутылку, но вида не подала. Пусть мужики отдыхают, время сейчас такое сложное. Да и компания у Паши хорошая. Нормальные ребята, и все семейные, не то что у Машки муж – через день на рогах приходит. Пашины друзья если и пьют, то редко и культурно, без мордобоя.

– Ну, давайте за Новое мышление, ускорение и Перестройку, чтоб ей пусто было! – провозгласил Строгов, убирая под стол пустую бутылку изпод «Столичной» к сиротливо жавшейся там опустошенной коньячной. Вечеринка была в самом разгаре. Марина уже удалилась к телевизору, оставив мужиков вариться в собственном соку. О хоккее поговорили, новости обсудили, где встречаться в Новый год, уже договорились. Разговор плавно перетек на политику.

– Зря ты так, Володя, – заметил Шумилов, нанизывая на вилку соленый груздь. – Без Перестройки мы бы развалились.

– А с ней еще быстрее.

– Ну, я понимаю: еще есть отдельные проблемы и недоработки на местах.

– Да, да, но мы уверенно и целеустремленно движемся вперед, – в тон Шумилову добавил Анютин. – Прямо, прямо и прямо в пропасть. Павел, ты же умный человек!

– Шучу я, Сергей. Самого достала эта порнография.

– Мужики, представляете! Я на прошлой неделе впервые столкнулся с рэкетом.

– Ну и как? Понравилось?

– Приперлись ко мне в кабинет два амбала: так и сяк. Будешь платить за «крышу», иначе возникнут проблемы. А я что! Я ничего. Вежливо, тактично пообещал подумать, да и позвонил знакомым ментам. Быстро разобрались. Эти шкафы еще извиняться приходили.

– Б..дь, совсем оборзели, козлы, – мрачно буркнул Строгов. – Надо было мне позвонить.

– Да ладно, Володя. Марчук устроил им экскурсию по КПЗ с разносторонней развлекательной программой. Надолго запомнят, уроды.

– Я понимаю, у кооператоров денег куры не клюют. А с тебято что брать? Ты же на госпредприятии работаешь? – поинтересовался Арсений.

– Они чуют, что в стране бардак, вот и стремятся урвать кусок пожирнее, – заметил Шумилов, поднимая рюмку. – Ну, за коммунизм!

– Да, товарищи, за коммунизм и за Союз без Горби! – поддержал тост Бугров.

– Куда мы катимся? – продолжил Сергей, прожевав кусок балыка. – В Закавказье война, в Прибалтике нацисты распоясались, у нас уже на мыло талоны ввели, коррупция, воровство. Чем все это закончится?

– А ничем, – саркастически усмехнулся Бугров. – Наше дорогое советское правительство растаскивает страну по карманам, а шушера помельче четко улавливает: «Процесс пошел». Ты заметил? В газетах уже появились идеи разделить все поровну.

– Да, и строем с песнями маршировать к светлому прогрессивному будущему всего человечества, к капитализму. Я, положим, формовочный пресс заныкаю. Павел откроет частный ВУЗ или – еще лучше звучит – колледж. А ты что будешь делать? Танк в свой гараж загонишь?

– Зачем танк. У меня целая дивизия. Будет плохо, так форсированным маршем рванем на Москву, Кремль брать. Солярка пока что имеется.

– Не остановят? – ехидно поинтересовался Шумилов.

– Нет, некому будет, – безапелляционно отрезал Арсений. – Еще немного такой сволочной жизни, и армия взбунтуется. Я разговаривал с офицерами из 217го танкового полка. Их из Германии вывели прямо в чистое поле. В палатках живут. Сволочи! Нельзя так над людьми издеваться.

– А все их дома фрицам остались, – добавил он устало. – И наш миротворец ставропольский все армейское имущество им за спасибо подарил.

– Не знаю, как ты, а я уже сейчас вижу, что у Горбункова масса ошибок. Все идет к развалу. Помнишь 17й год? – заметил Павел. – Поверьте старому интеллигенту, я редко ошибаюсь.

– Какой ты старый, всегото 38, – улыбнулся Анютин, разливая водку.

– И какой ты интеллигент? – добавил Бугров. – Ты же умный человек.

– Эх, блин, Сталин плохой, Сталин сякой, а при Сталине лучше было, во всяком случае талоны на мыло не вводили, и заводы строили, и хлеб свой ели. А сейчас уже за границей покупаем.

– Я разговаривал с одним своим знакомым из Подольска. Он говорит: они разработали ЭВМ лучше айбиэмовской, так до сих пор не могут запустить в производство. У него такое ощущение, что им специально мешают, специально не дают работать.

– Может, она только на словах лучше?

– Нет, Володя, полгода тестировали, сравнивали. Наша лучше. Только покупать предпочитают на Западе за валюту.

– Предательство – оно и есть предательство. Говорят, на Западе жизнь лучше, что у них колбасы сто сортов, что мы, кроме ракет, ничего делать не умеем, что черножопых бесплатно кормим. А сами с каждым днем страну разворовывают, смотреть больно.

– Эх, Серега, давай еще по одной!

– Давай.

Молча выпили, закусили. Каждый думал о чемто своем.

– А ведь все мы здесь коммунисты, – нарушил молчание Бугров. – Может, хватит по кухням жаться, как недосиденты? Пора и делом доказать, что не зря наши отцы и деды Союз строили.

– Надо, давно пора. Честно говоря, в обкоме есть недовольные сегодняшним бардаком, я могу с ними поговорить, – добавил Анютин, в его глазах блеснула искра, на лице появилось мечтательное выражение, словно он уже арестовывал Горбункова.

– Мужики, а на самом деле пора… – Шумилов цветасто выматерился. – Пора коекого из ЦК и Политбюро на осину взгромоздить.

– И не только из ЦК. В Совете народных депутатов падаль расплодилась. Всю «Межрегиональную группу» пора по этапу на Колыму отправить, да и… – с жаром добавил Сергей Анютин и остановился на полуслове, уставившись на хитро улыбающегося Строгова. – А что вы на меня так смотрите? Раз сказали «А» надо и «Б» говорить.

– А не заложишь? Ради очередной медали, – тихо поинтересовался Шумилов.

– Нет, ты, Паша, меня оскорбляешь. Я, к твоему сведению, всю жизнь

в контрразведке проработал. Я и сейчас готов шпионов ловить, да только в Кремль не пускают. Придется с вами на танке въезжать.

– Ну что? Согласны? – добавил он, убирая со стола полупустую бутылку. – Только хочу заранее предупредить: большинство заговоров провалились изза пьяной болтовни…

Так начинаются великие дела. Никто из них и не подозревал, в какую историю они вляпались. Даже многоопытный Строгов не догадывался, что он еще не раз проклянет сегодняшний вечер и свой язык.

Глава 4

Обычный день. 1998 г.

С самого утра все шло наперекосяк. Злодейка судьба подкидывала неприятность за неприятностью. Сначала перед завтраком Стас обнаружил, что кончился кофе. Естественно, кофе кончился еще вчера, просто Стас забыл его вечером купить. Но делать нечего, пришлось обойтись чаем. Потом он опоздал на работу. Мало того что вышел из дома позже обычного, так еще пришлось пропустить три битком набитых автобуса. Наконец, втиснувшись в очередной, скрипящий и воняющий солярой рыдван, Стас был вынужден почти всю дорогу до родного КБ ехать в метре от пары работяг, разивших на полавтобуса бронебойным перегаром. Пассажиры морщились, но терпели, устраивать перебранку никому не хотелось. Разумеется, на этом подарки судьбы не кончились: галопом пробежав через проходную, одним духом взлетев на третий этаж, на ходу кивая сослуживцам и ворвавшись в родной отдел в пятнадцать минут девятого, Стас нос к носу столкнулся с начальником отдела, флегматичным, пунктуальным трудоголиком Андреем Карловичем. Начальник, не моргнув и глазом, напомнил Стасу старую шутку про теплую водку, потных женщин и зимний отпуск. Иногда было сложно понять: шутит Андрей Карлович или нет.

Первая половина рабочего дня пролетела незаметно. Наскоро поздоровавшись с коллегами, Стас погрузился в расчеты узла привода рулей нового «изделия». Работа спорилась. Он по совету Андрея Карловича применил новую программу для расчета рабочих усилий и прочности конструкции, и не прогадал: программа, в отличие от большинства подобных разработок, оказалась грамотной и адаптированной именно к ракетной технике, а не, к примеру, к велосипедостроению. На экране компьютера уже вырисовывались контуры будущей конструкции. Но перед самым обедом судьба решила напомнить о своем существовании, причем самым нахальным образом: завис «Кадмех». Самостоятельные попытки оживить программу ни к чему не привели. Графический редактор упорно отказывался запускаться, выдавая сакраментальное сообщение: «Поврежден исполняемый файл». Мысленно чертыхнувшись, Стас позвонил программистам. На том конце провода, выслушав сбивчивые объяснения инженера, недовольно буркнули по поводу способностей некоторых чайников обращаться с техникой чуть сложнее мусорного ведра и пообещали зайти после обеда.

Делать было нечего. До перерыва оставалось целых полчаса. Основные расчеты были выполнены, для дальнейшей работы требовалось только проработать чертежи. Пока Стас пытался наладить свой компьютер, остальные сотрудники отдела были заняты каждый своим делом. Даже Наташенька, молодой специалист, уже полгода пытавшаяся научиться отличать вектор тяги от рулевой тяги, а кабель от кобеля, нахмурив черны брови и сжав губы, упорно барабанила по клавиатуре. Все были при деле. Андрей Карлович, бросив мимолетный взгляд на Стаса, загадочно улыбнулся и вернулся к изучению толстенного справочника. Пить кофе перед обедом не было смысла, гонять «Тетрис» не хотелось, читать было лень. Можно было, конечно, запустить «Паркан», новую космическую игрушкустрелялку, но, вопервых, это не на полчаса, а гораздо дольше, а вовторых, Андрей Карлович – мужик, конечно, мировой, но может не понять. Делать было нечего, и Стас направился в курилку.

В дальнем конце коридора, отведенном для курящих сотрудников и обозначенном соответствующими плакатами и веселеньким противопожарным щитом с огнетушителем, баграми, лопатой и ведром, трепалась жизнерадостная компания лаборантов из сектора несущих конструкций. Судя по обрывкам разговора, у них вырубилось электричество. Поздоровавшись, Стас закурил сигарету, первую за сегодняшний рабочий день. Те, что были выкурены утром до работы, не считались. Разговор в курилке постепенно от обсуждения качества проводки в лаборатории и анатомических особенностей электриков и тайн их интимной жизни плавно перешел на нейтральные темы, на женщин в первую очередь.

Дима Карелов, невысокий, полноватый, с явно проступающей лысиной на макушке, внешне напоминающий футбольный мяч, но тем не менее пользующийся бешеным успехом у женщин, рассказывал о своем последнем приключении. Будучи джентльменом, Дима имени не называл, но всем и так было ясно, что речь идет о его последней пассии, Марине из бухгалтерии. Рассказчиком он был великолепным. Особый восторг у слушателей вызвало упоминание об использовании в качестве ложа для любовных утех вибростенда. А вибростенд у них был хороший, большой, на нем корпус зенитной ракеты помещается. На местного Казанову тут же посыпались уточняющие вопросы, самым невинным из которых был: «Что же ты забыл стенд включить?» Дима, не растерявшись, предложил коллегам самим попробовать секс на работающем на полную мощность стенде и продолжил повествование.

Стас слушал разглагольствования Карелова вполуха, несмотря на

общее веселье, в душе у него зашевелилась легкая зависть. В отличие от обаятельного весельчака Димы Карелова, он не мог похвастаться столь многочисленными и легкими победами. Вроде бы и карьера удачно складывается, уже ведущий специалист, и зарплата приличная, и отдельную квартиру получил два года назад, и внешностью бог не обидел, а поди ж ты… С последней своей подругой он расстался месяц назад. Сначала все было в порядке. И красавица, и умница, и в постели хороша до безобразия и после безобразия, одним словом, «комсомолка, спортсменка, активистка», но всего через полгода после знакомства Света стала слишком настойчиво намекать, что пора бы зарегистрировать отношения. На что Стас ответил, что еще не готов взвалить на себя такую ответственность, как создание новой «ячейки общества», проще говоря, жениться. И предложил подождать еще полгода. В ответ Света громко хлопнула дверью и ушла, кажется, навсегда. Во всяком случае, больше не звонила.

За пикантными разговорами незаметно прошло время, и веселая компания, побросав окурки в жестяную банку изпод кофе, заменявшую нормальную пепельницу, потянулась в столовую. Не раздумывая над выбором, Стас взял комплексный обед за пять рублей и, пристроившись за столиком у окна, принялся поглощать солянку. Прямо над кассой висел транспарант, стилизованный под Маяковского:

Пальцем в солонку? Стой!
Что ты
Себе
Позволяешь?!
Мало ли где еще
Ты им ковыряешь!

Плакат появился недавно, после того как заведующий столовой прочел сборник Стругацких. Видимо, именно эта фраза сильнее всего задела его душу. Правда, реакция сотрудников реального советского номерного КБ сильно отличалась от литературных героев из НИИ ЧАВО. Была более здоровой, что ли. Во всяком случае, никто в обморок не падал и нос не морщил. За время Перестройки люди привыкли и не к такому.

Доев свой обед, Стас побросал тарелки в окошко моечной и неторопливо вернулся в свой родной отдел. Делать было нечего, до конца перерыва оставалось целых полчаса, и еще неизвестно, сколько времени ждать программиста. В отделе все занимались своими делами. Вера Сергеевна и Наташа пили чай. Виктор Петрович и Толя еще не вернулись с

обеда. Андрей Карлович читал справочник, похоже, он даже не ходил обедать. Только Павел Николаевич, кивнув вошедшему Стасу, с ходу предложил партию в шахматы. Но, получив отказ, махнул рукой и сел играть с компьютером.

А за окном светило яркое солнце. Середина июля. Самое лучшее время. Во дворе в тени старой развесистой ивы расположилась компания рабочих с опытного производства, справедливо считавших, что в такую погоду грех проводить законный перерыв в душном цехе. За красным приземистым производственным корпусом, построенным еще в 30е годы, виднелись ажурные радарные антенны военного аэродрома и железная скособоченная вышка управления полетами. В небе кружилась четверка истребителей, серебристые машины легко выписывали фигуры высшего пилотажа. За хвостами машин тянулись молочные полосы инверсионных следов. До Стаса доносился приглушенный расстоянием, километров десять, не меньше, уверенный гул мощных двигателей.

«Учебные полеты, – подумал Стас, – летают себе и в ус не дуют.

Высоко лечу – далеко гляжу… Но, с другой стороны, на земле вас ждем мы – зенитчики. И ваши прекрасные скоростные машины для нас – не более чем мишень, пусть даже и маневренная. Через месяц поеду на полигон в Пономаревку на пробные пуски последнего изделия». При мыслях о командировке Стас довольно потянулся. На полигоне совсем другая жизнь: там свежий воздух, много интересной работы, хорошие ребята от смежников, постоянные пуски, интересное общение, а по вечерам шашлычок прямо у веранды клуба и красное вино, выдаваемое за вредность. Смежники с КамАЗа обещали привезти настоящий шотландский виски. Надеюсь, не обманут. А затем, уже в сентябре, отпуск!!! Надо будет смотаться в Крым. На пару недель. Поваляться на пляже, посидеть в кафешках, как грибы после дождя покрывших все курортные города. Да и приключения, куда же без них! Крымское солнышко удивительно действует на женщин – готовы на все с первым встречным.

От приятных размышлений Стаса отвлекло появление длинноволосого очкастого молодого человека в джинсе. Бесцеремонно ввалившись в отдел, очкарик громогласно вопросил:

– Ну, у кого тут прога гикнулась?

Это был программист. И где кадры таких набирают? Правда, «Кадмех» он оживил за пять минут. При этом даже не пострадали базы данных и архивные наработки. Попутно специалист почистил диск от мусора и подстроил интерфейс операционки. Компьютеры в КБ стояли отечественные, у Станислава был «Полет18», в просторечии именуемый

«пролетом», но, вопреки подпольной кличке, машинка была хорошей, почти не уступала даже хваленому «Пентиум3». Да и операционная система «Вектор4», несмотря на простенький интерфейс, славилась своей надежностью, скоростью работы и уникальной совместимостью: под «Вектором» надежно работали не только «Уникс»приложения и родные программные пакеты, но и приложения для Виндовса. Специалисты даже умудрялись запускать под «Вектором» программы для «Макинтоша».

Программист оказался в хорошем настроении, ни разу не прокомментировал способности Стаса к работе на компьютере, и даже дал пару советов по настройке «Кадмеха». Правда, Стас почти ничего не понял, так как тот изъяснялся исключительно на своем варварском наречии, недоступном нормальным людям.

Махнув рукой вслед удаляющемуся специалисту, Стас сел за компьютер и с воодушевлением принялся за работу. Дело спорилось. Уже через пару часов Стас, откинувшись на спинку стула, разглядывал вырисовавшийся на экране узел управления рулями.

– Андрей Карлович, – позвал он начальника отдела, вдосталь налюбовавшись красотой технического решения, – взгляните.

И именно в этот момент судьба развернулась на все 180 градусов и широко улыбнулась. И ничего удивительного в том, что улыбка судьбы обернулась телефонным звонком. Трубку схватила Наташенька.

– Алло, да, пятый сектор. Да, да, на месте, сейчас позову.

– Станислав, это вас, – срывающимся голосом промолвила Наташа в пространство, прижимая трубку к груди, – секретный отдел.

Стас молча пожал плечами и направился к телефону. Мало ли что им там понадобилось. Может, уточнить сроки поездки на полигон. Секретчики всегда уделяли пристальное внимание перемещениям техники за пределы Конструкторского бюро.

– Рубанов слушает.

– Станислав Петрович, пожалуйста, зайдите к Никифорову, это срочно, – трубка отозвалась прокуренным голосом секретарши начальника Отдела внутренней безопасности, обычно называемого Секретным отделом. Только полный идиот не знал, что Отдел безопасности не имел никакого отношения к ВОХРу, а комплектовался исключительно комитетчиками. Странно. Стас не мог припомнить ничего, способного послужить поводом к этому вызову. Обычно Секретный отдел редко пересекался с техническими специалистами, стараясь делать свою работу незаметно от остальных сотрудников КБ. Но, с другой стороны, мало ли кто там чего ляпнул.

По дороге к кабинету начальника Отдела безопасности полковника Никифорова Станислав лихорадочно прокручивал в голове список своих друзей и знакомых, способных заинтересовать всесильный комитет.

Ленка Серебрякова одно время путалась с арабом. Но, вопервых, Стас с ней давно не встречался, а во вторых, по слухам, большинство ее друзей и подруг прекратили с ней общаться, «подстилка черножопого» – еще подцепишь что при рукопожатии. Дима Портнов держит свой автосервис, естественно, работает с «черным налом». А кто из предпринимателей не уклоняется от налогов?! Но КГБ такой мелочовкой не занимается. Это дело ОБХСС – ловить мелкую рыбешку.

Разве что Витька Гоц, старый школьный приятель, связался с какимто полуподпольным «Народным фронтом». Он еще хвастался, что ему дали почитать самиздатовскую книгу Виктора Суворова про Великую Отечественную. Якобы Сталин в 41м сам собирался напасть на Германию, но Гитлер его опередил. Один знакомый Стаса, увлекающийся историей, говорил, что без смеха читать эту бодягу невозможно. Дичь совершеннейшая. Такие вещи могут воспринимать только «юноши с горящими глазами» и кашей вместо мозгов. А впрочем, нет ничего криминального в чтении самиздата. В Интернете совершенно свободно можно найти и не такое. Официально запрещенных книг нет со времен Перестройки, другое дело, есть неиздаваемая литература, но это, как говорится, совсем из другой оперы. И все, что нельзя найти в магазинах или на книжных развалах, совершенно свободно можно скачать в Интернете на домене «.su». Все знают, что запрещать в Интернете чтолибо может только полный идиот. Гоц, конечно, мог вляпаться в какуюнибудь историю, но в этом случае никто бы и не узнал об аресте.

Приближаясь к кабинету Никифорова, Стас, так и не найдя «порочащих связей», решительно плюнул на своих знакомых. На месте узнаем, зачем пригласили. Секретарша при виде Станислава Рубанова молча кивнула в сторону двери в кабинет. Значит, не занят, ждет. Так и оказалось. Сам полковник Никифоров первым поднялся навстречу посетителю и прямо через стол протянул руку.

– Проходите, присаживайтесь. – Рукопожатие секретчика было понастоящему крепким. Антон Павлович был, как обычно, одет в демократичный однобортный пиджак «мокрый шелк» и синюю рубашку с пестрым галстуком. Но никакая гражданская одежда не могла скрыть его молодцеватую выправку, приобретенную за долгие годы службы. Худощавый, жилистый, с глубоко посаженными глазами серостального оттенка, с короткой стрижкой и дежурной располагающей улыбкой на лице,

Никифоров светился здоровьем и энергией. Все знали, что он не курит, позволяет себе не больше фужера красного вина по праздникам, много времени проводит в спортзале и надеется дожить до ста лет.

– Станислав Петрович, есть к вам одно дело. Я слышал, вы в ближайшее время собираетесь на полигон?

– Да, Антон Павлович, через месяц, как только закончим отладку изделия.

– И как? Планируете завершить испытания или придется еще дорабатывать?

– А кто его знает, – Стас постучал костяшками пальцев по столу. – Вроде все нормально. Должны, по идее, завершить работу, если головка опять не подведет.

– Вы уж постарайтесь. Сами знаете, новый комплекс очень нужен стране. Агрессор не дремлет.

Стас и без секретчика знал, что работы надо завершать. Уже сколько лет потрачено на эту систему. И все равно, раньше Нового года на государственные испытания ее не предъявят. Слишком уникальная система. Практически первая в мире противоракетная большой дальности. Разумеется, имеются аналоги, и у нас, и у них, но все они с ядерной боевой частью, а «С400» должен с обычной боеголовкой прикрывать радиус до четырехсот километров от любого летающего объекта, начиная с боеголовки баллистической ракеты до идущего на бреющем «Томагавка». Конструкторы сейчас доводили до ума комбинированную головку самонаведения. По техническому заданию она должна самостоятельно отсеивать ложные цели, но пока у электронщиков чтото не ладилось.

– А потом? После испытаний? Опять на работу или в отпуск?

– Ну, это как отпустят, – отшутился Стас, как будто Никифоров не знал график отпусков.

– Да вы курите, не стесняйтесь, – предложил Антон Павлович, пододвигая к Стасу массивную бронзовую пепельницу. Это означало, что вежливые расспросы закончились и начинается серьезный разговор. Совершенно не связанный со всякой мелочью вроде увлекающихся демократией друзей и завершением работ над новым комплексом ПВО. – Вы еще не женаты? – утвердительно спросил Никифоров. – И не собираетесь?

– Нет, пока планов не строил.

– Это понятно, серьезный молодой человек, хороший специалист, честолюбив, политикой не увлекается, спортом занимается от случая к случаю, немного стеснителен, с последней девушкой расстался месяц

назад… – Было видно, что полковник успел ознакомиться с досье Рубанова и демонстрировал это только для того, чтобы еще раз акцентировать внимание на серьезности разговора. – Станислав, как вы относитесь к длительной командировке в загранку?

– Гм, я пока не думал. – Стас нервно провел ладонью по волосам. Интересное предложение, положительно судьба решила преподнести сюрприз.

– Нужны специалисты для настройки и ввода в строй «Буков». Работа сложная, ответственная. Мало того что «Бук» сам по себе требует грамотного отношения, так еще надо встроить батареи в единый комплекс ПВО. Справитесь?

– А с какими системами целеуказания придется работать? – Стас незаметно для себя закурил. Работа на самом деле предлагалась интересная. Он уже работал с армейским комплексом «Бук», приходилось и электронику настраивать, и направляющие рамы кувалдой править. Больше всего забот доставляли внешние целеуказатели, но это общая проблема всех систем ПВО сложнее пулемета.

– Точно не могу сказать, мне известно только то, что это будет комбинированная система управления, ориентированная на оптоэлектронные и спутниковые целеуказатели.

– Я, честно говоря, не работал с такими системами. В Союзе, сами знаете, ПВО строится на базе радарных комплексов, – ответил Стас, задумчиво разглядывая потолок.

Работу на самом деле предлагают интересную. До настоящего времени «Буки» поставлялись только в Индию и Финляндию, и то в незначительном количестве. Всего десяток комплексов. Заказчик явно готовится к массированным ракетным ударам, когда в первую очередь выводятся из строя радары, но достаточно богат, чтобы закупать новейшую технику. Чаше всего покупали новые комплексы «Тор» и модернизированный «Куб», зенитные системы, оптимальные по критерию «цена – качество». Или разрекламированные дорогие тяжелые «С300». Интересно, кто это может быть? Явно не арабы и не китайцы, им нет резона обновлять ПВО. Естественно, не Европа, сейчас даже бывший соцлагерь ориентируется на западную технику, да и денег у них нет. Может, Индия? Но индусы если и собираются с кемто воевать, так только с Пакистаном, а все пакистанские ВВС эскадрилья «МиГов» перещелкает в течение получаса. В принципе возможен Китай, у них есть свои спутники разведки. Если бы еще можно было это убожество применить для наведения ракет. Но нет, судя по всему, покупатель планирует использовать данные с советских спутников.

– Ну, так что? Согласны? Или еще думаете?

– А если не секрет, куда командировка?

– Это уже не секрет. В Югославию, – ответил Никифоров, удовлетворенно глядя в глаза Рубанова.

– В Косово?

– Может быть, но маловероятно. Вас планируют направить в части, базирующиеся под Белградом. Места, говорят, чудесные: старый город, Дунай, мосты и кафе на каждом шагу, а какие там девушки! – вздохнул секретчик.

– Поеду. Естественно, поеду. Ктото же должен помочь сербам, – тихо ответил Стас. А с другой стороны, такой шанс выпадает только раз в жизни. Если предложили – надо соглашаться, второго раза не будет. КГБ никогда не предлагает дважды. Это жизнь.

– Очень хорошо! Я знал, что вы согласитесь. У вас как раз такое время, когда нужно и можно посмотреть мир. Документы мы уже начали оформлять, так что на волокиту времени почти не потратите. Одно плохо, поездка планируется с осени до конца зимы. Но зимой там тепло, а осенью начинается сезон молодого вина. Представляете, Станислав, у них в каждом селе есть винный заводик, а бывает, и не один. Как у нас на Кавказе. Жизни не хватит все перепробовать.

– А я думал, меня посылают работать?! – притворно удивился Стас.

– Не бойтесь, работы хватит, но и впечатлений наберетесь, – рассмеялся в ответ на шутку Антон Павлович. – Значит, так. Вот вам анкеты, заполните заранее, вот направление в ОВИР. Идете прямо в приемную, скажете, что от КГБ, нечего в очередях тратить время, там вам все оформят – и загранпаспорт, и визу, и билеты, все, что положено.

– Простите, а когда уезжать?

– С сентября месяца и до марта, так что перезимуете в теплых краях. Затем на два месяца в любой санаторий по выбору. Разумеется, лечение, отдых, проживание за счет заказчика, и 50 процентов добавки к окладу, плюс командировочные. Одно удовольствие, а не командировка.

День завершился спокойно. После работы Стас забежал в магазин прикупить хлеб, кефир и, самое главное, кофе. Решив не жадничать, взял банку хорошего «Чибо» и большую жестянку «Нескафе». Дома, на скорую руку поужинав жареной картошкой с колбасой, Стас расположился перед телевизором. Сегодняшний разговор пробудил у него интерес к международной политике и мировым новостям.

В Югославии постреливают, и, говорят, сильно постреливают. Но Стас относился к этому спокойно. Где только не стреляют – у нас тоже на

Кавказе бандиты шастают. А в Югославии неспокойно только в Косово, а он едет в Белград или под Белград. И даже если судьба занесет его в Косово, трудно поверить, что небритые албанские сепаратисты нападут на хорошо охраняемый полк ПВО только для того, чтобы убить русского специалиста. Глупо. Так могут думать только индивиды с манией величия или на самом деле причастные к Большой Военной Тайне. Таковым Стас себя не считал.

Возможные бомбежки НАТО? Но пока дело ограничивается санкциями. Да и они же не такие дураки, как в голливудских блокбастерах. У них есть нормальная разведка, которая быстро обнаружит, что у сербов появились современные зенитные системы. Станислав Рубанов превосходно знал, что такое дивизион «Буков». Эти, казалось бы, неповоротливые громоздкие машины разворачиваются в боевое положение за считаные минуты и мгновенно вычищают небо в радиусе 30–40 км, сбивая все, что летает и способно засекаться головками ракет. А активные головки самонаведения не срабатывают только на призраки и фантомы. Скорее всего американцы покричат и успокоятся. Тем более у югославов есть не только ракеты, но и истребителиперехватчики. На прошлой неделе по телевизору показывали, как югославский «МиГ29М» завалил над Воеводино венгерского нарушителя, кажется, «МиГ23».

Ничего у НАТО не выйдет, это вам не Ирак. Помнится, весной был скандал – наши поставили в Югославию новое оснащение для ЗРК «Квадрат». Старье, конечно, но после модернизации способны валить даже хваленые «Стелсы».

По телевизору наконецто ежевечерняя мексиканская жвачка сменилась заставкой программы «Вести». Хлеборобы ударными темпами засыпают в закрома Родины урожай зерновых. Как и в прошлом году, хлеба стране хватит с избытком. В Новосибирске построен Дворец культуры с залом на 1500 мест. В Северодвинске введен в строй новый эсминец. В Средней Азии посадили очередного чиновника. В Москве прошел несанкционированный митинг в поддержку права на самоопределение народов Северного Кавказа. Все 150 митингующих успешно разогнаны милицией, трое зачинщиков задержаны. Наконец, о спорте…

Между бравурными вестями с полей и репортажем из Ферганы уместилась коротенькая новость из Югославии: правительственные войска отбили у экстремистов какойто городок. Название Стас не запомнил. Сурового вида корреспондент зачитал короткое сообщение на фоне разрушенной халупы, и все. Следом пошла информация из Ферганской долины. Недовольный таким положением дел, Стас дал себе слово: завтра

же на работе найти в Интернете все, что касается последних событий в Югославии.

В дверь позвонили. Отыскав под креслом тапочки, Стас пошел открывать. На пороге обнаружился приснопамятный Витька Гоц, радостно улыбающийся и с подозрительной картонной папкой под мышкой.

– Ну, что стоишь? Проходи, – буркнул Стас, пропуская готового взорваться сенсацией приятеля.

– Слушай, Стас, – сбивчиво заговорил Витек, выждав, пока хозяин квартиры, выглянув в коридор, закрыл за ним дверь, – мне вчера такое дали почитать! Закачаешься!

Стас недоверчиво покачал головой, молча извлек изпод тумбочки пару тапочек и протянул их гостю. Витька вроде взрослый человек, а до сих пор детство в одном месте играет. Давно уже пора остепениться, бросить все эти демфронтовские сходки и маевки, позабыть телефоны подозрительных приятелейреволюционеров. Устроиться на нормальную работу. А то так и будет до самой пенсии в рекламном агентстве куплеты сочинять: «Новая пицца – нельзя не отравиться». Жениться, наконец. При этих мыслях Стас бросил придирчивый взгляд на давно не стиранные занавески в гостиной и глубоко вздохнул. Ладно, пусть сначала работу поменяет.

– Слушай, Стас, я тебе когданибудь врал?

– Вроде нет, – глубокомысленно ответил Станислав, насыпая в чашки ароматный «Нескафе». Все равно все врут, но говорить это в глаза неприлично.

– А когданибудь подставлял? – продолжил Витек.

– Вроде нет, зачем тебе меня подставлять?

– Тогда как ты относишься к правам человека?

– Гм, а что ты имеешь в виду? Права какого человека? – от такого вопроса Стас чуть не поперхнулся. В этом весь Витька, чтобы уловить ход его мысли, надо сильно постараться.

– Ну, понимаешь, вчера гэбисты устроили провокацию и арестовали Старохатскую! Это же настоящий беспредел. Натурально! Человек всю жизнь боролся против тоталитаризма, страдал, сидел в тюрьме и психушке, – надрывался Витек, – а вчера ее арестовали прямо на митинге.

– Ну и что? Если она псих, значит, нечего по митингам ходить. – Стас вспомнил эту Старохатскую. В свое время она ярким метеором пронеслась по политическому небосклону Советского Союза. Антикоммунистка со стажем, противник любых проявлений государственности. Известный борец против тоталитаризма и защитник всех убогих и угнетенных Валерия Старохатская стала известна в славные 80е во время мятежа в Прибалтике.

Впоследствии неоднократно привлекалась к уголовной ответственности. В 92м году после провокационных выступлений в поддержку чеченских и грузинских сепаратистов ее квартира была разгромлена возмущенными гражданами. Сама Старохатская успела убежать от народного гнева и до недавнего времени активной политикой не занималась. Видимо, опять взялась за старое, если ее арестовали. О, как раз по телевизору идет материал о митинге в Москве. Все понятно, давняя защитница бедных угнетаемых бандитов и фашистов взялась за старое.

Станислав не испытывал никаких чувств по отношению к этой фурии. Разумеется, ни один нормальный человек не мог сказать ничего хорошего в пользу чеченцев, особенно после того, что они устроили на Кавказе в 92м году. Бандиты открыто убивали, насиловали и грабили. Начали вырезать русских. Но, с другой стороны, методы советского правительства, железной рукой усмирившего мятеж, тоже трудно было назвать популярными. После подавления мятежа генерала Дудаева все выжившие чеченцы были лишены гражданства и депортированы в Турцию. Но, если почестному, лучше так, чем оставить тлеющий очаг. Раковую опухоль надо вырезать решительно и быстро.

Со своей стороны, турецкое правительство уже успело неоднократно пожалеть о своем решении приютить братьевмусульман и изредка зондировало почву на предмет возвращения беженцев домой. Советская дипломатия оставалась непреклонной, раз дали приют – расхлебывайте сами. На новом месте «бедные борцы за свободу» быстро развернули рэкет, торговлю наркотиками и женщинами. Это была нация, генетически неспособная жить мирно, не обижая соседей. Все шло к тому, что скоро гордый чеченский народ получит очередной геноцид, на этот раз в Турции.

– Да как ты можешь говорить, что она псих! – от возмущения Витек побледнел. – Ты же не врач, ты не можешь ставить диагноз!

– Но ты же сам сказал!

– Когда?

– Ну, ты сказал, что Старохатская лечилась в психушке. – На лице Стаса читалось искреннее изумление.

– Так ее же лечили насильно, ее специально прятали в психушку, за ее убеждения.

– Гм, как я помню, социально опасных пациентов можно лечить насильно. – Стас еле сдерживался, чтобы не захохотать, его всегда умиляла наивность Витька. Вроде взрослый человек, а верит всем этим сказкам о бедных замученных злыми дядями из КГБ диссидентах. После августовского переворота в Союзе практически не судили за инакомыслие.

Вот за разжигание национальной розни и призыв к вооруженному мятежу судили, особенно в начале 90х годов. И правильно, нечего революции устраивать. – Ладно, шучу я. – Станислав демонстративно поднял руки вверх. – Давай выкладывай, что ты там принес.

– После таких шуток… – неразборчиво буркнул Витек. – Сам же знаешь, что в этой стране никогда не было свободы.

– Ладно, ладно, извини. – Последнее утверждение Гоца было спорным. По мнению Стаса, в Союзе уже давно не было проблем со свободами. Число крупных политических партий перевалило за дюжину, печатались сотни газет на любой вкус, Интернет давал доступ к любой информации в любой части света. И с выездом за границу стало просто. Не то что до Перестройки и августовского переворота.

– Я тут такую информацию надыбал. Да ты сам посмотри. В Монголии наша гэбня проводит опыты над людьми. – Витя положил на стол картонную папку на тесемках с надписью «Дело». – Здесь уникальные фотографии.

– Давай показывай эту уникальность. – Стас потянулся к папке.

– Оказывается, еще в 93м году над Байкалом сбили НЛО, пилоты попали кагэбэшникам, и те проводят эксперименты над женщинами в Монголии. Они подсаживают им эмбрионы инопланетян! И смотри, что получается.

– Да, интересное фото, – протянул Стас, разглядывая вырезку из газеты, текст был на английском. И разочарованно положил обратно в папку, к точно таким же фотографиям младенцев. Разумеется, выглядели они ужасно: серая, похожая на оберточную бумагу кожа, низкий лоб, выпученные глаза. Обычные даунята, дети с синдромом Дауна. К сожалению, такие иногда рождаются, и на самом деле похожи на инопланетян, во всяком случае, какими их рисуют в уфологических журналах. Вот только ничего общего с НЛО синдром Дауна не имеет. Но объяснять это Вите дохлое дело. Если ему чтонибудь втемяшилось в голову, то это надолго. Лучше со всем соглашаться и не спорить. Спорить с Витей бесполезно.

Глава 5

Лётчик. 1998 г.

Эскадрилья «МиГов» с резким набором высоты на полной скорости выскочила из зоны действия ракет вражеских штурмовиков, оставшихся далеко позади. Судя по всему, противник и не помышлял о драке. Потеряв в скоротечном бою 7 машин, тяжелые тихоходные «Тандерболты», сбросив бомбы и ракеты, уходили на бреющем полете. Штурмовики прижимались к земле, стараясь скрыться от навалившейся на них эскадрильи истребителей. Да и не могут штурмовики тягаться с верткими маневренными фронтовыми истребителями. Другие у них задачи.

«МиГи» тем временем, быстро восстановив строй и оставив за хвостом удирающих «Тандерболтов», уходили прочь от линии фронта в глубь вражеской территории. Перед эскадрильей стояла более важная задача, чем охота за ударными группами противника. Жаль потраченных ракет, в боекомплекте у «МиГ29» их всего 6. Но зато нашим танкам и мотострелкам, идущим в прорыв, будет легче. Высота 14 000 метров. По команде ведущего второе и третье звенья разошлись в стороны, образуя фронт в 80 километров. Курс югоюговосток, скорость 1600 км/ч. В шлемофонах летчиков звучит бодрый механический голос наземного командного поста: «До цели две минуты полета. Приготовиться».

Сергей привычно окинул взглядом приборы. Все в порядке. За фонарем кабины прямо по курсу чистое безоблачное небо, только чуть слева виднеются легкие перья стратосферных облаков. Далеко внизу под крыло истребителя убегает темносерая скалистая равнина, местами, расчерченная желтокрасными языками песков. Летим в тылу противника, но в стороне от войсковых колонн и прочих охраняемых объектов. Зениток можно не опасаться. Это хорошо, значит, основное внимание только на воздух. Гораздо хуже, когда приходится на сверхзвуке прорываться на бреющем через пробелы вражеской ПВО. Когда руки сводит от напряжения, перед глазами двоится от перегрузок, а самолет бросает из стороны в сторону, как пробку в море. И все только затем, чтобы, чуть поднявшись над землей, увидеть пикирующий прямо на тебя «F15» «Игл» и пару ракет по курсу. Далеко не каждый сразу сообразит, что надо не принимать лобовую атаку или, сбросив газ, подныривать под противника, прямо под его пушку. А резким виражом уходить за ближайшую горку с одновременным отстрелом тепловых ловушек и выбросом дипольных отражателей и только затем набирать высоту и принимать бой.

Короткая команда комэска, и самолеты лезут еще выше, на отметку 17 тысяч, и опять горизонтальный полет. Кажется, что разреженный воздух не в силах удержать тяжелые машины, но зато так удобнее принимать бой, да и у радаров максимальный обзор. Луч радара неустанно ощупывает горизонт, но пока на экране только трое ведомых Сергея и в сорока километрах правее яркие отметки первого звена.

Полет нормальный, турбокомпрессоры с ревом загоняют разреженный воздух в камеры сгорания мощных двигателей. «Обнаружена цель», – звучит мягкий девичий голос системы звукового оповещения. Сергей скосил глаз на индикаторную панель. Точно, чуть левее курса на самом пределе дальности радара появились отметки. Это противник. Идут ниже «МиГов», скорость 800 км/ч. Все, начинаем бой. Сергей коротко сообщил командиру об обнаруженном противнике и сбросил скорость, позволяя товарищам перестроиться перед боем.

Включены все системы. Форсаж. Курс на перехват. Цели медленно ползут по экрану. Но это только иллюзия, на самом деле «МиГи» несутся с бешеной скоростью, в два раза быстрее звука. Дистанция неотвратимо уменьшается с каждой секундой. Все. 50 километров до противника. Летчики распределяют цели. Вокруг отметки выбранного самолета противника вспыхивает красный кружок. Блокировка с оружия давно снята. Пальцы нежно поглаживают кнопку. Пуск! Две ракеты «Р27» срываются с пилонов. Самолет ощутимо вздрагивает. Полный газ! Выжать скорость до предела. На экране локатора рябит от отметок самолетов и ракет. Противник заметил атакующую эскадрилью «МиГов» и разворачивается навстречу. Поздно, поздно. Тяжелые ракеты уже захватили цель. Вдалеке прямо по курсу истребителей вспыхивают яркие взрывы. Один, второй, третий… девять взрывов. Значит, девять вражеских машин превратились в обломки. Это хорошо, очень хорошо для пуска на предельную дальность. Каждый «МиГ29» стрелял двумя ракетами, у комэска четыре. Всего 26 огнехвостых дьяволов «Р27». Треть ракет нашла свою цель. Отличный результат.

Острый глаз Сергея разглядел приближающиеся темные точки. Вот они! Очнулись! Экран радара подернулся рябью помех. Быстро переключить режимы радара, включить фильтр. Так, лучше, нет – не то, совсем плохо. Вот так пойдет. Противник все ближе, судя по отметкам, это «F16» «Фалькон». Опасный противник. Но в ближнем бою «МиГу29» нет равных. Подеремся, проверим, что у них течет в жилах. Черт! Они стреляют! Ничего, идем на сближение, резкий вираж вправо, так что истребитель встает на дыбы. Ведомый молодец, уловил маневр и уходит с

набором высоты. Включить «глушилку» и закрутить бочку, затем на пару секунд удержать машину горизонтально и резко штурвал на себя и газ плавненько так выжать. Истребитель вздыбился носом к небу, «коброй» зависая на огненных струях реактивных двигателей. Перед глазами темное небо и яркие звезды. На такой высоте они видны в любое время суток. Ракета прошла мимо. Выровняться. Перед глазами мелькнул хвост потерявшей цель ракеты. В наушниках противный тонкий писк «Березы», системы оповещения о радарном облучении. Поворот влево и ускорение. Моторы довольно ревут, сжигая в топках керосин.

Вот он, гад! Прямо перед носом «МиГа». Лазерный луч нашлемного целеуказателя впился в силуэт вражеского самолета. Пальцы автоматически нажали на пуск. На такой дистанции невозможно промахнуться. Достаточно и одной ракеты. Так и есть. Противник бросил свою машину в крутое пике, пытаясь стряхнуть с хвоста русскую ракету. Но тщетно, инфракрасная головка самонаведения ближней ракеты «Р73» надежно захватила цель, через десять секунд под правым стабилизатором «F16» полыхнуло огнем. Взрывом напрочь оторвало стабилизатор и перекорежило сопло двигателя. Все, этот больше не жилец. Отлетался!

Не расслабляться, в ушах звучит крик о помощи – Петьке Дубинину зашли в хвост два «F16» и сосредоточенно поливают огнем из пушек отчаянно маневрирующий «МиГ29». Легкий доворот штурвала, и противник вплывает в кружок нашлемного прицела. Короткая очередь, от черного корпуса истребителя отлетают куски обшивки, из пробоины за фонарем кабины выглядывает язычок пламени. Этот тоже готов. Принимайте жареного сокола! В это время ведомый Сашка Хохол расправляется со вторым противником. Прямо перед носом машины Сергея проносится трассирующая очередь. Не думая, на одних инстинктах дернуть штурвал в сторону, уходя от противника. В ушах тревожно звучит голос системы предупреждения. Машина чуть не свалилась в штопор, и только бортовая ЭВМ удержала истребитель горизонтально. Противник проносится мимо, выискивая жертву, но напарывается на ракету на встречном курсе. Взрывом отрывает крыло, и самолет, беспомощно кувыркаясь, падает.

Оглядеться по сторонам. Короткий взгляд на приборы и локатор. Наших осталось только девять. Витька Чернов потерял ведомого, еще завалили двоих из третьего звена. Но охранение сбито. Шесть «F16» превращены в обломки, еще один отбивается от Димы и Валеры. Все. Конец охоты. Короткая очередь, и последний противник валится в штопор, в сторону отлетает половина крыла.

Во время боя потрачены почти все ракеты. Боекомплект пушек исчерпан на треть, но цель рейда близка. Перестроившись, самолеты рванули вперед. Вдогонку за удирающим стратегическим бомбардировщиком «B2A» «Спирит». Летающий линкор, почти невидимый для радаров, с ядерными ракетами со спутниковым наведением в бомбоотсеках, «Спирит» нес смерть идущим в прорыв советским танковым дивизиям. Перехватить и уничтожить, любой ценой.

На экранах радаров сплошное «молоко», противник борется за свою жизнь, забивая эфир помехами и радарными фантомами ложных целей из дипольных отражателей. Но это его не спасает. Среди сплошной пелены помех компьютеры «МиГов» выделили четыре отметки истребителей сопровождения, окружающих смазанный, почти незаметный отпечаток «Стелса». Истребители идут на предельной скорости. 2400 км/ч. Противник все ближе и ближе. 30 км. 25 км. 20 км. Головки самонаведения ракет уже захватили цель и только ждут команду «Пуск». Глаз уже различает широкий, серпообразный, напоминающий летучую мышь силуэт «Спирита» и две пары «Иглов». Четыре эскортных истребителя разворачиваются, готовые до конца выполнить свой долг. Или скорее погибнуть с честью. Девятке «МиГ29М» они на один зуб.

Писк «Березы», яркие отметки на радаре, короткие экономные очереди, маневры на пределе прочности машины. Сергей и не заметил, как небо очистилось от вражеских истребителей. Теперь только догнать и расстрелять «Стелс» оставшейся ракетой.

«Сзади!» – прозвучал истошный крик ведомого, и следом писк «Березы». Резкий поворот с торможением, разворот. Сначала действовать, потом думать, те, кто поступает иначе, долго не живут. Взгляд влево. Ствол пушки, как привязанный, следует за нашлемным целеуказателем. Огонь. Промах. Еще очередь, еще. «МиГ» вертится, словно уж на сковородке, повторяя все маневры противника. Есть! Точно в кабину. Черт побери! Их 14, и свалились как снег на голову. За машиной Сергея увязалась ракета. Рывок в сторону и отстрел ловушек. Ушел!

Над головой мелькнул раздвоенный хвост «Игла», легкий плавный доворот элеронами и огонь. Под крылом осталась последняя ракета, но это для «Спирита». В наушниках сплошной дикий мат. Строй давно сломан, каждый дерется сам за себя.

Сергей на мгновение вырвался из карусели боя. На горизонте темный силуэт бомбера. Форсаж! Верная машина прыгнула вперед, разгоняясь. Скорость все 2500 км/ч. Это предел. Даже почти без боеприпаса и с половиной запаса топлива. Но этого хватит. У «Стелса» не больше 900 км/

час, и маневренность, словно у мясницкой колоды. На радаре перед машиной почти ничего не видно. Только тепловизор удерживает направление на сопла противника. Впрочем, Сергей сам, вырвавшись из боя, оставил за собой два облака дипольных отражателей. На всякий случай. Цель ближе и ближе. Головка ракеты уже захватила цель. Перед глазами в кольце прицела застыл плоский, как скат, бомбардировщик. Все. Огонь. Ракета срывается с пилона и уносится вперед, Сергей, не торопясь, следует за «Спиритом», подсвечивая его лазерным прицелом. Есть попадание! Тяжелый бомбардировщик вздрагивает от взрыва и плавно кренится на левое крыло. В этот момент в наушниках раздается истошный визг «Березы», и все. Темнота.

Сергей раздраженно сорвал летный шлем и вытер пот со лба. Над головой тускло светила красная лампочка. Поперек индикаторной панели мигала яркая надпись «Вас сбили ракетой». На панорамном экране застыл «Спирит». До ушей доносились приглушенные матюги, видимо, выжившие ребята еще продолжали бой. Часы показывали 14:37. Тренировка длилась больше часа. Сергей неторопливо открыл боковую дверцу и выбрался из тренировочной кабины. В глаза ударил яркий свет люминесцентных ламп.

– Ну что? Сколько сбил?

– Боезапас успел расстрелять?

– Как там Витька? Еще живой?

– Цель догнали? – со всех сторон посыпались вопросы. Сергей молча отмахнулся от любопытных и поплелся к ближайшему стулу. Его шатало, как пьяного. Ребята, понимая его состояние, оставили его в покое и двинулись к только что выбравшемуся из кабины Саше Хохлу.

Сергей плюхнулся на стул и с наслаждением вытянул ноги. Вроде простая тренировка на тренажерах, а устал, как после реального полета. Правильно говорит комполка: тренировка в условиях, максимально приближенных к боевым.

Большую часть учебного зала занимали 12 имитационных кабинок, представлявших собой кабины самолетов, поставленных на специальные рамы. Сейчас восемь из двенадцати кабин были пусты. Оставшиеся четыре с гудением качались из стороны в сторону. Специальные рамы с гидроприводом обеспечивали динамическую нагрузку до пяти G и почти полную иллюзию реального полета. Плоские плазменные экраны и особая программа имитации создавали почти абсолютное подобие настоящей кабины летящего самолета.

В дальнем углу на специальном возвышении за широкоэкранными мониторами сидели командир полка и командир первой эскадрильи,

исполнявшие роль инструкторов. Именно от них зависела большая часть каверз, обрушивавшихся на головы летчиков во время «полета». А комполка любил гонять летчиков на грани человеческих возможностей. Вскоре инструкторы поднялись со своих мест. Тренировка закончилась. Пять минут на личные дела и построение в спортзале.

Разбор полетов прошел быстро. Командир не заострял внимание на отдельных незначительных ошибках. Тренажеры – это всего лишь тренажеры. Они, несмотря на все ухищрения конструкторов, не дают полной стопроцентной замены реальному полету, хотя незаменимы при отработке действий в ближнем бою. И не случайно инструкторы доводили занятия до гибели не менее двух третей машин. Видимо, таким образом командование стремилось приучить летчиков к потерям и выработать способность любой ценой выполнять поставленную задачу.

Первые, еще несовершенные одиночные тренажеры появились в 93м году. И только в специальных экспериментальных частях. Сейчас сделанные по последнему слову техники тренажерные классы на 12 или 16 кабин имелись почти во всех истребительных полках. Командование уделяло занятиям на тренажерах не меньше внимания, чем реальным полетам. Правда, не обходилось без накладок и ляпов. К примеру, все тренажеры делались под истребитель «МиГ29М» с большим, чем у реального самолета, боекомплектом. В то время как промышленность оснащала армию в основном машинами марок «Су27» и «Су35», а старые «МиГ29» и «МиГ29М» переделывались по варианту СМТ. На вооружении 41го иап, в котором служил Сергей, стояли модернизированные «Су27», пилотирование и боевые возможности которых отличались от «МиГ29». Два года назад летчики полка во время приезда командующего 1й воздушной армией задали вопрос о новом тренажере. Командарм обещал разобраться, но воз и ныне там. Конструкторы до сих пор не могут разработать новый учебный комплекс, хотя, казалось бы, минимум работы. Заменить кабины и изменить программное обеспечение. Видимо, в Генштабе просто не хотят тратить деньги и надеются на авось. Вдруг через десять лет появится новая машина.

Сразу после построения летчиков второй эскадрильи распустили до следующего утра. Делать было нечего. В принципе можно смотаться на попутке в город или поиграть в офицерском клубе на бильярде. Но Сергею после сегодняшней тренировки не хотелось никуда ехать и тем более идти в шумный прокуренный клуб. Хотелось просто побыть одному, пойти домой почитать книжку (два дня назад он прикупил свежий роман Лукьяненко, но до сих пор не было ни желания, ни времени читать) или взять удочки и

посидеть на берегу тихой речки в паре километров от военного городка.

Но первым делом зайти домой, а затем в столовую на ужин. Поблизости от офицерского клуба Сергея догнал Витя Чернов.

– Серж, ты куда убежал? Ребята собрались в город. На дискотеку. Поехали!

– Сегодня же среда?

– Правильно, среда, – Витя улыбался во весь рот, – в «Фонаре» техновечеринка. Забыл?

– Ладно, поехали, – недолго думая, Сергей обреченно махнул рукой, все равно ребята не отстанут, – только забегу домой форму погладить.

– Пошли, я сам в Дом офицеров, переодеться. Не забудь орден нацепить.

Новенькие ордена Славы были особой гордостью Сергея и Виктора и тайной завистью всего полка. Короткая командировка в Среднеазиатский военный округ, один боевой вылет, и через две недели после возвращения командир дивизии самолично повесил им ордена на грудь. Только Сергей и Виктор знали, сколько нервных клеток стоил им этот вылет. На полный радиус, над горами, через сеть пакистанской ПВО. Перед вылетом проводивший инструктаж полковник в шутку заметил, что, если собьют, шансов на выживание почти нет. Моджахеды их живьем сожгут.

…Сверкающий свежей зеленой краской «ГАЗ66» остановился у городского парка. Летчики быстро выпрыгнули из тентованного кузова и, помахав вслед подбросившему их до города интенданту, веселой шумной гурьбой двинулись к ближайшей палатке. Времени до вечера было навалом. Можно спокойно попить на парковой скамейке пивка, пошататься по городу, заглядываясь на встречных девушек, заскочить в кино. А затем, уже после десяти вечера, идти в «Фонарь». Как выразился Витя Чернов, «беситься до Утра». Все летчики были молодые, холостые, и предложение отрываться до утра было принято на ура. Гулять так гулять! И пусть потом на утреннем построении комполка неодобрительно смотрит на красные глаза невыспавшихся летчиков. Все равно завтра полетов не будет. А значит, сегодня эскадрилья гуляет. Саша Прошунин совершенно точно выяснил в штабе у знакомой телефонистки, что на завтра им запланировано изучение матчасти.

Соскучившись по свежему пиву, ребята наперегонки бросились к расположившемуся прямо у главного входа в парк летнему кафе. Парусиновый тент, полдюжины пластмассовых столиков, темные пятна на асфальте, стойка бара с неопрятной девицей и, самое главное, свежее бочковое пиво! Только сегодня привезенное из Хабаровска! Разве можно

его сравнить с пастеризованной бутылочной жидкостью?! Нет, настоящие мужчины пьют только бочковое. Саша успел первым добежать до стойки и, размахивая червонцем, потребовал от продавщицы наполнить «бокалы». Что и было исполнено.

Через пару минут летчики, сдвинув пару столиков, наслаждались холодным пенистым напитком из настоящих выщербленных и потрескавшихся стеклянных кружек. В этом кафе плебейская пластиковая тара была не в почете. На закуску взяли пакетики владивостокского сушеного кальмара, креветок в этой точке не подавали.

– Жизнь хороша, и жить хорошо, – приглушенно рыгнув, протянул Витя Чернов после очередного глотка.

– Такие молодые и красивые, а уже мамы, – разочарованно заявил Петро и помахал кружкой двум девушкам, неторопливо толкавшим детские коляски в десятке метров от пивной. Плотненькая девица с копной рассыпавшихся по плечам яркорыжих волос и выпиравшим из тоненькой блузки бампером пятого размера громко прыснула и, повернувшись к подруге, чтото оживленно стала ей рассказывать. После чего обе молодые мамы залились задорным смехом. Из коляски донеслось недовольное гуканье, и рыжая, всплеснув руками, бросилась успокаивать проснувшееся чадо.

За городом раздался низкий протяжный гудок тепловоза, сменившийся тихим приглушенным перестуком колес тяжело груженного состава. Трое солидного вида мужиков в галстуках за соседним столиком исподтишка подливали в свое пиво водку. При этом ежесекундно оглядываясь и пряча чекушку под стол. На одиноком стуле у барной стойки развалился здоровенный черный с белым котище и невозмутимо наблюдал за этим безобразием. Ближайший к бару товарищ бросил коту кусок вяленой тараньки. Котище недовольно дернулся и брезгливо столкнул рыбу со своего стула. Видимо, он уже привык к сердобольным посетителям, пытающимся накормить честного кота всяким непотребством.

Сергей с сожалением рассматривал свою кружку. На дне оставалось только немного пены. Хорошо сидим. Жаль только – мало. Или еще по одной? Первым общую мысль высказал Саша Прошунин:

– Товарищи гусары, перед нами стоит дилемма: остаться в этом гостеприимном кафе и разнести весь город или пойти гулять и заодно помочь советскому правительству повысить рождаемость.

Шум и восторженные возгласы однозначно одобрили второй вариант. Во всеобщем гуле и дружеском ржанье потонуло здравое рассуждение Чернова, что вряд ли командование ближайшие девять месяцев перебросит

авиаполк на другой аэродром. Посему следует сдержать энтузиазм в деле улучшения демографической ситуации. С перевесом голосов пять против одного было принято решение гулять. В крайнем случае, в городе существует еще несколько уличных кафе, три грильбара, один ресторан и два ночных клуба. Не стоит зацикливаться на первом же встретившемся заведении.

Переяславка, несмотря на свой статус города, была скорее большим селом. Узкие улочки, местами заасфальтированные, частные одно и двухэтажные домишки, полдюжины обшарпанных пятиэтажек в центре, гуси и утки в протянувшейся через город цепочке запруд, железнодорожная станция, мебельная фабрика, лесоцех, хлебопекарня, два десятка артелей – вот и все на двадцать тысяч человек местного населения. Ну, еще памятник Ленину в центральном парке, в данный момент укоризненно взиравший на компанию молодых офицеров, громко решавших великий вопрос бытия: «Куда пойти?» Бурное обсуждение закончилось компромиссным решением обойти весь город. Вопервых, это несложно, вовторых, на часах только начало седьмого, а в «Фонаре» раньше десяти делать нечего.

Двое невысоких мужичков в пыльных спецовках и с ярко выраженной монголоидной внешностью резво свернули на боковую улочку, счастливо избежав встречи с летчиками. Нашествие китайцев стало головной болью всего Дальнего Востока. После событий 96го года, когда в тайге были обнаружены целые поселения нелегальных эмигрантов, командование Дальневосточного военного округа решило помочь милиции в решении этой проблемы. Солдатам и офицерам выплачивалось по десять рублей за каждого доставленного в военную комендатуру китайца с просроченной визой или без оной. Уже в первые месяцы после принятия столь экзотической меры число непрошеных гостей снизилось до приемлемого уровня. А в армейской среде возник новый источник дохода и выражение: «насшибать желтеньких».

Не обходилось без эксцессов. В 96м при разгроме «малины» нелегальных эмигрантов пришлось применять оружие и вертолеты. А в прошлом году произошла история, над которой хохотал весь Союз. В один прекрасный день в Уссурийске в военную комендатуру сержант и ефрейтор базировавшегося под городом мотострелкового полка притащили трех упиравшихся и громко ругавшихся покитайски желтолицых. Обычное дело, сдав под расписку задержанных и запихнув их в камеру, солдаты удалились. Попав за решетку, китайцы не успокоились и на ломаном русском требовали консула. Старшего лейтенанта, решившего объяснить задержанным правила поведения в камере, поразили дорогие, сшитые на

заказ костюмы и золотое кольцо с крупным камнем на пальце старшего китайца. При разборе полетов выяснилось, что в кутузку попали крупные бизнесмены, приехавшие в Уссурийск на предмет деловых переговоров по поставке китайского ширпотреба. Утонувшие в водовороте бюрократической рутины гости забыли продлить срок пребывания, и в одно прекрасное утро на выходе из гостиницы их остановили двое военнослужащих и попросили предъявить документы, а ознакомившись с таковыми, предложили проследовать «до выяснения». Китайцев подвело элементарное незнание психологии. Вместо того чтобы тихо откупиться, они стали угрожать солдатам карами и жалобами в посольство. Итог был ясен. Еще одной ошибкой была попытка сопротивления. Может, в Китае кунфу и эффективно, но против простого «кулаком в торец» азиатская экзотика не действует. После всех разбирательств китайцы были доставлены в ближайшее отделение милиции, где им принесли извинения и продлили визы. А прославившиеся сержант и ефрейтор получили свои тридцать рублей. Все честно, по закону. Нечего визовый режим нарушать. Впоследствии в «Комсомольской правде» появилась издевательская статья. Дескать, какие китайцы дешевые: всего два доллара за штуку, в Штатах в былое время скальп индейца и то был дороже: целых пять долларов.

Компания неторопливо двигалась по узенькой улочке. Дима Никитин громко рассказывал очередной анекдот:

– Приходит коммерсант в магазин покупать нательный крестик…

Старушки, лузгавшие кедровые орешки на завалинке, провожали веселящихся летчиков неодобрительными взглядами. Старый «жигуль», пронзительно сигналя, полз следом за компанией, пока его не заметили и не уступили дорогу.

– … То же самое! Но без гимнаста! – под оглушительный хохот закончил Никитин.

– Значит, поручик Ржевский танцует с дамой… – подхватил эстафету Витя.

Неожиданно внимание Сергея привлекли две девушки у киоска «Мороженое». Полненькая, круглолицая, курносая типичная сибирячка чтото эмоционально рассказывала задумчиво созерцавшей витрину подруге. Сергей судорожно сглотнул подступивший к горлу комок. Боже мой! Стройная, загорелая, длинноногая богиня в коротеньком красном платьице, по случайной прихоти покинувшая Олимп ради заштатной Переяславки. Девушка, недовольно морща носик, разглядывала выставленные под стеклом этикетки, золотистые волосы застывшей волной рассыпались по плечам, длинные музыкальные пальцы теребили ремешок

элегантной сумочки. Небо над головой закружилось. Сергей невольно остановился и зажмурил глаза, досчитал до десяти и открыл глаза. Нет, наваждение не исчезло. Это была она – единственная и неповторимая, богиня, голубая мечта любого мужчины. Машинально протерев рукавом орден, Сергей пружинящим шагом направился к киоску. Красавица и ее спутница спорили, какое мороженое брать: обычное эскимо или с фруктовой начинкой. Поразившая сердце бравого авиатора богиня склонялась к эскимо. Сергей протянул в окошко трешку:

– Три эскимо, пожалуйста. Нет, «Сибирское». Девушки, разрешите вас угостить.

– Ой! А зачем?!

– Просто так. Случайно услышал обрывок вашего разговора и взял на себя смелость помочь вам с выбором.

– Странные летчики ныне пошли, – смущенно улыбнулась богиня, поправляя спавший с плеча ремешок сумочки. – Не поверю, что просто так.

– От чистого сердца! – Сергей расплылся в улыбке, одновременно протягивая девушкам эскимо.

– Светка, угощайся! Твое любимое, «Сибирское». – Полненькая быстро сориентировалась в ситуации и почти выхватила из рук Сергея покрытую инеем упаковку.

– Значит, вас зовут Света? А я Сергей.

– Очень приятно. А вы всегда так знакомитесь с девушками? – Бездонные синие омуты глаз пронзили сердце и обдали огнем.

– Нет, но сегодня такой необычный день. – Слова словно примерзли к языку, мозг лихорадочно искал подходящие фразы, никогда раньше такого не было.

– И что в нем необычного?

– Ну, хороший вечер, хорошая погода и, самое главное, самая красивая девушка в мире.

– А ты уже видел весь мир? – влезла в разговор полненькая.

– Нет, но я уверен: лучше и прекраснее Светы никого на свете нет. Впрочем, разрешите вас проводить?

– А мы никуда и не идем. Ну… – Света легким движением поправила прядь волос, закрывавших лицо.

– Тогда, может быть, вы покажете мне ваш город, а то я не здешний. Затем посидим в ресторане. Я слышал, там хорошее меню. – Отчаяние придало силы и уверенность.

– Нет! Что вы! Никуда мы не пойдем. – Света застенчиво опустила глаза, нервно теребя ремешок сумочки. – Мы с вами совершенно не

знакомы.

– Но иначе мы с вами не познакомимся. Поверьте, Света, это будет трагедией.

– Нет, не сегодня, вас уже друзья заждались. – Света коротко кивнула в сторону столпившихся на середине проезжей части летчиков.

– Но я могу надеяться? Может, в субботу, в шесть в парке у Ленина?

– Сергей, не обижайтесь, Вы, конечно, хороший человек, но так сразу… Ну ладно, приходите.

– Я надеюсь на встречу, я буду ждать. Вы такая, такая… Такая восхитительная. Просто слов не нахожу. – Кивнув на прощание, Сергей развернулся и направился к замершим в ожидании друзьям. Как обычно, все испортил Витька, разразившийся громкими аплодисментами. Убить за такое мало!

Рваные «кислотные» ритмы били по ушам. В заполненном танцующей молодежью зале было душно. Хаотично мечущийся лазерный прожектор вырывал из темноты извивающиеся тела, искаженные лица. Техновечеринка в «Фонаре» не представляла собой ничего особенного. Другое дело, что на безрыбье и рак рыба. Или «рыбу раком», как скаламбурил Дима Никитин. Но прошлогодние хиты устраивали непритязательную публику. Пиво в баре расходилось, несмотря на ресторанную цену. Пять рублей за бутылку «Балтики»! Неслыханно! Раскрасневшиеся от духоты летчики лихо отплясывали с местными девчонками, попутно зондируя почву на предмет продолжения тетатет. Пару раз местные хлопцы устраивали драки. Их быстро успокаивали. Сергей не обращал внимания на эти мелкие эксцессы, их не трогали, и ладно. Витя Чернов увел в уголок аппетитную шатенку и чтото ей рассказывал. Правда, непонятно, как ему это удавалось: музыка гремела так, что даже в ухо невозможно было докричаться. Сергей случайно бросил взгляд в сторону выхода. В дверях мелькнули Света и ее подружка. Значит, они здесь! Надо бы догнать, может, второй раз получится не так скомканно. В этот момент Саша Прошунин, повернувшись к Сергею, поднес два пальца ко рту и энергично кивнул в сторону выхода. «Пойдем, покурим». Сергей кивнул в ответ и начал пробираться к двери, лавируя между танцующими.

На крыльце в лицо пахнуло приятной ночной свежестью. Конец августа, ночами уже прохладно, но разгоряченные молодые люди это не чувствовали.

– Нормальный дискач, классный отрыв, – громогласно заявил вывалившийся следом Саша. Сергей механически кивнул, в ушах еще

гремел рейв, а глаза сканировали окрестности в поисках девушек. У входа в клуб тусовались группки молодежи, мелькали огоньки сигарет, по пластиковым стаканчикам разливалась водка. В самом «Фонаре» не продавалось ничего крепче пива. Охранник в белой рубашке снисходительно не обращал на это безобразие никакого внимания. Сергей еще раз огляделся по сторонам. Девушки исчезли. Но он явно видел, что они выходили из клуба. Ошибки быть не могло.

Пятерка кавказцев в кожаных куртках, за минуту до офицеров покинувшая дискотеку, скрылась за ближайшим углом. Медленно спускаясь с крыльца, Сергей закурил. Надо было чтото делать. С одной стороны, уже поздно, и девушки могли просто уйти домой, но, с другой стороны, на душе было неспокойно. Сергей привык доверять предчувствиям. Глубоко затянувшись, он двинулся вдоль забора, туда, куда свернули хачики.

– Сергей, ты куда? – Саша последовал за товарищем. Вдруг ночь разорвал пронзительный визг и последовавший за ним вопль:

– Уйди, урод!

Сергей, не раздумывая, рванул вперед. Свернув за угол, он увидел девушек, окруженных хачиками. Света, пронзительно визжа, отбивалась от двоих черных, еще один заламывал руку Марине. Двое, возбужденно жестикулируя, комментировали происходящее, готовые в любой момент присоединиться к своим товарищам. При виде ублюдка, схватившего Свету за волосы, кровь ударила Сергею в голову. Он за секунду молча преодолел разделявшее их расстояние и в прыжке ударил ногой в противную оскалившуюся садистской ухмылкой носатую небритую морду. Приземлился и коротко ударил кулаком оказавшегося рядом хачика. Тот ловко отскочил в сторону.

– Эй, дорогой, постой, поговорим, да? – Кавказцы слишком быстро оправились от неожиданности и, отпустив девушек, разойдясь в стороны, приближались к Сергею и подоспевшему Саше. Правда, врагов осталось только трое. Один, сбитый Сергеем, ворочался в луже, пытаясь подняться, а еще один после короткой встречи с Сашей Прошуниным, прислонившись к забору, баюкал вывихнутую руку.

– Зачем дерешься? Дэвок хочешь, да? Мы поделимся. – Перед глазами мелькнуло лезвие ножа. Хачики дружно бросились вперед. Сергей был готов к подобному развитию событий.

Те, кто думает, будто летчиков не учат рукопашному бою, сильно ошибаются. Подготовка военных летчиков включает в себя нехилый курс школы выживания, а рукопашный бой осваивается не хуже, чем в ВДВ.

Летчик, сбитый за линией фронта, в большинстве случаев может рассчитывать только на себя. Прилетит спасательный вертолет или нет, еще бабушка надвое сказала, а армия тратит на подготовку летчиков слишком много средств, чтобы позволить им просто так погибнуть или попасть в плен. Регулярные изнуряющие маршброски с полной выкладкой, тренажеры, рукопашный бой не реже четырех раз в неделю. Периодически учебная выброска. Это когда человека сбрасывают на парашюте над тайгой или пустыней. С собой только табельный «Макаров», фляжка с водой, полкило пищевых концентратов, фонарик, аптечка, компас и карта. И надо сориентироваться на местности и добраться до ближайшей военной базы. Это и есть советская школа выживания.

Сергей легко отклонился назад и отступил в сторону, уходя с линии удара, затем перехватил руку с ножом. Ладонь плавно скользнула по руке до локтя, последовал жесткий захват и рывок. Завернув руку за спину шипящего от боли хачика, Сергей резко толкнул его на подоспевшего справа противника. По идее, руку, поднявшую оружие на русского офицера, следовало сломать, но ладно. Простим. Вместо этого Сергей перенес вес своего тела на левую ногу и ударил правой стопой сверху вниз, прямо под колено, добавляя к силе удара все свои восемьдесят килограммов. Прозвучал ясно слышный хруст, сменившийся сдавленным воплем. Второго противника Сергей вырубил коротким ударом локтем в голову.

Четыре тела покоились на земле. Саша деловито дул на костяшки пальцев, видимо, у его противника оказался слишком жесткий череп. Пятый хачик с вывихнутой рукой поспешил убраться, не дожидаясь, когда на него обратят внимание.

– Падла, сволочь, ты мне нога сломал. Зарэжу. – Кавказец пришел в себя и сейчас сидел на земле, обхватив обеими руками ногу.

Сергей пнул его в лицо, чтобы не ругался, и, встав над распростершимся на земле телом, спокойным бесцветным тоном, как его учили психологи, произнес:

– Еще встречу, убью.

Пару минут постоял, раздумывая: еще, что ли, добавить? Хачик не шевелился, тогда Сергей поддел носком ботинка валяющийся на земле нож и зашвырнул его в заросли сирени.

Бледные зареванные девушки стояли, прижавшись друг к другу. Подчиняясь нахлынувшей на него волне нежности, Сергей обнял Свету. Только сейчас она дала волю слезам. Сергей, как мог, старался ее успокоить. «Ну, Света, Светочка, все позади. Милая, успокойся, все, все прошло. Посмотри, они уже никому ничего не сделают». Постепенно

девушка успокоилась. Сергей и Саша клятвенно заверили подружек, что проводят их до дома. Разумеется, это устраивало всех. У встретившейся по пути уличной колонки девушки привели себя в порядок. Мужчины деликатно отвернулись. Затем они долго гуляли по ночному городу. Сергей рассказывал о себе, про свой полк, о своем родном Пскове. Вспоминал приключившиеся с ним или его знакомыми смешные истории. Оказалось, что Света родилась и выросла в Переяславке, но училась в Хабаровске, на экономическом отделении политеха. Перешла на второй курс. Летние каникулы провела дома у родителей, а через неделю уезжает в Хабаровск. Здесь, в Переяславке, летом весело, школьные друзья, грибы и ягоды в тайге, дискотеки. У родителей свой колбасный цех, дела идут хорошо, папа собирается расширить производство и наладить выпуск консервов. Старший брат, Андрей, – офицер, служит на тихоокеанском флоте, на эсминце «Буйный». Младшая сестренка Катя еще учится в школе, готовится к поступлению в медицинский институт.

Сергей вспомнил, как в детстве вместе с дворовыми мальчишками лазил по кремлю в поисках сокровищ, ничего не нашли, только у его братишки Жени хранился найденный штык времен Отечественной войны. Марина живет здесь, работает на железнодорожной станции. Сегодня девчонки спонтанно решили зайти в «Фонарь», но там к ним начали приставать кавказцы. Знакомых парней рядом не оказалось, и подруги решили уйти. Дальнейшее было известно. Они еще долго беседовали, обменялись телефонами и адресами, договорились о следующем свидании.

Проводив девушек по домам, Сергей и Саша поймали такси и доехали до военного городка. Возвращаться в «Фонарь» не было смысла. На КПП они узнали у часового, что из всей компании вернулись первыми, а между тем небо на востоке уже светлело. Значит, остальные тоже провели вечер не зря.

Глава 6

Новая работа. 1998 г.

Стив Грегори вел истребитель над морем. Высота 20 тысяч футов, скорость 550 узлов. Разведывательный «F16» неторопливо наворачивал круги южнее пролива Отранто, выполняя поиск конвоя, идущего в Югославию. Стив не мог понять, как идиоты 11го авиакрыла умудрились упустить русский конвой в районе Крита? И зачем было, вместо того чтобы обеспечить плотное сопровождение конвоя, ждать его по дороге. Но штабным шишкам виднее. Таково большинство разведывательных заданий: неторопливый полет над заданным районом, вместо боевых ракет подвесные контейнеры со всякой электронной всячиной, ценой в целое авиакрыло. И чаще всего нулевой результат. Только прыгающие перед глазами блики, отбрасываемые неторопливо катящимися волнами, малотоннажные траулеры, волокущие свои сети, и сильное, непереносимое желание курить.

Внизу сквозь волны мелькнул вытянутый силуэт подлодки, лежащей на перископной глубине. Это «Майами», она, как и Стив Грегори, ожидает прохождение русского конвоя. В сотне метров от подлодки ползет траулер. Его команда, видимо, и не подозревает, что плывет над атомным подводным истребителем в восемь тысяч тонн водоизмещения. На востоке из моря поднимаются скалы острова Керкира. Это уже Греция, территориальные воды. На предполетном инструктаже рекомендовали без необходимости не нарушать греческую границу.

Рация ожила, и простуженный голос Центра управления Таранто поинтересовался обстановкой. Коротко доложив ситуацию, Стив получил в ответ пожелание надрать задницу русским и предложение промочить после полета горло в одном известном заведении в окрестностях аэродрома. Машина плавно поворачивала на юг, до конца дежурства оставалось еще 87 минут. Затем Стива сменит Джоб Джерри. Низенький коренастый негр, пардон, афроамериканец, с покатым, будто у гориллы, лбом и массивным, похожим на картофелину носом служил постоянным объектом дружеских шуток сослуживцев. В отличие от многих низкорослых людей, Джоб не обижался на подтрунивание и сам любил подшутить над ребятами. Чего стоил хотя бы портрет первого лейтенанта Алиссона, наклеенный на ракету «Сперроу» под крылом «F16», на котором Генри Алиссон должен был лететь. Вся эскадрилья ухахатывалась, тем более накануне Алиссон за кружкой пива в баре, глядя в сторону второго лейтенанта Джоба Джерри, во

всеуслышанье заявил, что настоящий солдат должен одним своим видом вызывать у противника ужас и дрожь в коленках, а такой карлик, как Джерри, даже ребенка не напугает. Джоб на это только улыбнулся, а вскоре исчез из бара. Утром стало понятно, куда он пропал. С тех пор Алиссона в авиакрыле все звали Ужасным. Иногда Великим и Ужасным.

Солнце постепенно склонялось к западу. Стив от скуки насвистывал себе под нос мотивчик из «Криминального чтива», хотелось курить, перед глазами катились бесконечные волны Средиземноморья. Зевнув во весь рот, Стив Грегори от души пожелал провалиться в преисподнюю этим чертовым русским, изза которых он болтался над морем, вместо того чтобы, к примеру, потягивать пиво в баре или развлекаться с ночными девицами. Выругавшись от всей души, Стив рассеянно провел взглядом по приборной панели, и очередное пожелание застыло у него на языке. На радаре среди блесток траулеров появилась новая отметка. Быстроходное, 24 узла, судно направлялось прямо к проливу. Может быть, прогулочная яхта какогонибудь миллионера (развелось их, как собак нерезаных) или катер контрабандистов. Впрочем, для катера или яхты судно было великовато, не менее 8000 тонн водоизмещением. Разве что яхта элиткласса, но таковых в Средиземноморье всего несколько штук, и вряд ли одна из них именно сегодня идет в Адриатику. Стив немедленно связался с Таранто и доложил обстановку. Центр управления посоветовал сблизиться с подозрительным судном, но при этом не покидать район патрулирования.

Умники чертовы! Стив и без них знал, что ему делать, но промолчал. В глубине души он даже сочувствовал офицерам из Центра управления полетами, по инструкции они были обязаны прореагировать на изменение оперативной обстановки, но в то же время не могли без уважительной причины оголить зону дежурства. Случись что, дежурный окажется крайним. К счастью, судно держало курс прямо навстречу самолету Стива. Оставалось только ждать.

Вскоре на горизонте возник серый, сливающийся с волнами силуэт быстроходного военного корабля. Расстояние уменьшалось с каждой минутой. Прилизанные обтекаемые невысокие надстройки, скошенный острый форштевень, режущий волны, как нож масло, массивные короба пусковых установок под крыльями мостика, две орудийные башни перед носовой надстройкой. Безусловно, это был «Балком3», русский фрегат новейшей постройки. Опасный противник, его суперсовременный ГАК на сверхдлинных волнах обнаруживает любые подводные объекты. Восемь ракетоторпед «РаструбБ» одинаково хорошо способны топить как субмарины, так и надводные корабли, кроме того, у него на вооружении

реактивные бомбометы и торпедные аппараты. Поисковый радар с фазированной антенной решеткой может обнаруживать воздушные цели на дальности до 300 км. У Стива пробежали мурашки по коже, когда он понял, что давно находится на прицеле у русских. Стоп. А почему молчит антирадарная система истребителя? Только сейчас Стив Грегори сообразил, что русский идет с выключенным радаром. Проклиная себя за забывчивость, он включил аппаратуру и связался с Центром управления:

– Обнаружен фрегат «Балком3», курс на 11 часов, скорость 24 узла. Прошу дополнительных указаний.

– Продолжайте патрулирование, – после минутного размышления отозвался Таранто, – ищите конвой.

«Нашлись умники на мою голову! Идиоты в подгузниках! Куда этот затраханный конвой денется?! Все равно он идет через пролив», – сквозь зубы выругался Стив, предварительно отключив передатчик. Не дай бог, услышат. Потом придется извиняться перед штабными умниками. Настроение с самого утра было омерзительным, на прошлой неделе умер дядя Фред, а командование отклонило просьбу об отпуске, хотя видимой причины не было. Пришлось ограничиться телефонным звонком домой, в Оклахому. Сбросив скорость до минимальной, Стив снизился над фрегатом и включил фотопулемет. В этот момент замигала лампа радарного облучения. Видимо, это был вспомогательный радар системы ПВО, русские взяли наглый «F16» на прицел. Грегори удовлетворенно хмыкнул, электроника его самолета записала параметры русской игрушки. Наземным специалистам будет чем заняться, пусть поломают себе головы, расшифровывая сигналы радаров.

Описав полный круг над кораблем, Стив вернулся на старый курс. Интересно, а куда идет русский? По идее, он должен кружиться вокруг транспортов, как овчарка вокруг стада овец. Или, может, у него авария, и он спешит в югославский порт для ремонта? Нет, непохоже, никаких видимых следов повреждений, и скорость держит. Еще в июне американцы несколько раз пытались остановить идущие в Югославию русские и испанские суда, но тщетно. Все попытки незамедлительно пресекались русским эскортом. Дело чуть не дошло до инцидента, когда 12 июня в 150 милях от порта Бар русский эсминец открыл огонь прямо по курсу фрегата «Хопкинс», пытавшегося подойти к транспортам для досмотра. Русские плевать хотели на международное эмбарго и открыто об этом заявляли. Сирийцы и испанцы, официально порицая правительство Югославии, тем не менее присоединились к русским.

Милошевич, конечно, плохой, убивает и всячески притесняет бедных

албанцев, и правильно, честно говоря, делает, это еще те скоты, Грегори навидался их в Италии по гроб жизни. Сербы мутят воду на Балканах и не признают блага демократии и свободного рынка, но это их проблемы. Бизнес есть бизнес. А эмбарго и блокада ущемляют интересы тех, кто торгует. Вот вам и «свобода торговли» под прикрытием эсминцев, как заказывали. На румынской границе еще веселее. Для Румынии присоединение к международной блокаде смерти подобно, таможенные пошлины, дорожные сборы, экспорт сельхозпродукции в Югославию давали постоянный приток валюты в тощий бюджет полунищей страны. Но дядя Сэм настойчиво требует присоединиться к эмбарго и обещает кредиты за послушание. Вот и приходится выкручиваться: с одной стороны, заявлять о своей поддержке международных санкций, а с другой – закрывать глаза на то, что творится на границе.

Доходит до смешного. Неделю назад Советский Союз под видом металлолома поставил в Югославию через Румынию восемь истребителей «МиГ29». «Металлолом», по докладам наблюдателей, летел самостоятельно и с полным боекомплектом.

А еще через две недели произойдет визит Милошевича в Москву. СМИ из кожи вон лезут, обливая югославского лидера грязью: скоро для обывателя Милошевич будет выглядеть людоедом, хуже Гитлера и Саддама. Журналисты свое дело знают.

Стив по долгу службы интересовался ситуацией в Югославии. Если отбросить словесную шелуху и газетные штампы, дело было в следующем: в провинции Косово албанское население еще в 91м году заявило о своем суверенитете. Белград отреагировал оперативно и жестко, в Косово введены дополнительные войска, арестованы наиболее крикливые лидеры албанцев. Народные волнения были подавлены в считаные дни. ОБСЕ и СБ ООН в те дни не обратили внимания на рядовую полицейскую операцию. Хватало проблем в Боснии. До недавнего времени ситуация в крае была под контролем. Но в марте этого года албанцы подняли восстание, правительственные войска при подавлении не стеснялись в средствах, тем более что, по некоторым сообщениям из мятежного края, повстанцы вырезали несколько сербских сел. Одновременно в прессе началась компания против режима Милошевича и политики официального Белграда. ОБСЕ официально обвинила Югославию в геноциде албанского населения и нарушении прав человека. После недолгого, но бурного обсуждения в Совете Европы против страны были введены санкции. В Штатах бушевал скандал с Моникой Левински. По мнению Стива, бабенка просто вздумала заработать на бывшем любовнике. Президент решил отвлечь избирателей

от своих похождений маленькой победоносной войной, поспешил предъявить Югославии ультиматум и приложил все усилия для обеспечения международного эмбарго.

Правда, тут коса нашла на камень. Русские воспользовались своим правом вето в ООН и выдвинули встречное обвинение Албании в поддержке террористов. Благо, методы Освободительной армии Косово мало отличались от методов палестинских, баскских и курдских сепаратистов. А после того как в апреле 98го года в Адриатике был задержан русский сухогруз, шедший в Югославию, русские организовали конвойную службу, официально – для «защиты от пиратства». У русских дипломатов оказалось хорошее чувство юмора. Но в принципе все верно. Действия американцев – это практически официальное пиратство. После этих мыслей Стив скосил глаз на радиопередатчик, не хватало еще высказаться вслух – тогда точно уволят из армии с «волчьим билетом». В итоге от эмбарго в первую очередь пострадали Италия и Германия, их товарооборот с Югославией упал до нуля. Косвенно эмбарго ударило по Хорватии, никто не поедет на курорт, если рядом может разразиться война.

Испания официально выступила против политики Милошевича, но не препятствовала своим предпринимателям вести дела с Югославией. Турция попыталась было воспрепятствовать советскому судоходству в проливах, но русские быстро объяснили туркам доступным языком, что так поступать нехорошо. По слухам, Москва пообещала поставить оружие курдским сепаратистам и чеченским беженцам. Анкара приняла информацию к сведению и больше препоны судоходству не чинила. В итоге два члена НАТО фактически поставили под сомнение саму идею блокады. По мнению Стива, в этой ситуации самым разумным было бы оставить все как есть. Советы все равно не допустят гибели своего последнего союзника в Европе. Но после того как президент выступил с планом постепенного урегулирования Косовской проблемы с помощью международного сообщества, путей к отступлению не было. Америка уже не могла дать задний ход, это Стив тоже прекрасно понимал.

Солнце почти касалось макушек зеленых волн. Плывущий почти прямо по курсу рыболов отбрасывал на море огромную гротескную тень. Русский фрегат давно скрылся за горизонтом. В эфире наблюдалась обычная разноголосица, прям не море, а базар в Риме. До конца дежурства оставалось еще 34 минуты. Таранто на связь не выходил, видимо, не считали нужным беспокоить. Стив Грегори уже и не надеялся встретить конвой до конца дежурства, невелика важность, премию за это не выписывают. Но когда он уже начал плавный поворот на обратный курс, на

радаре вспыхнула целая россыпь отметок. Грегори еще раз пожалел о том, что в самолете нельзя курить. Послушный воле пилота истребитель плавно набрал высоту и вернулся на прежний курс.

– Замечен конвой, курс на 11 часов, скорость 10 узлов. Дистанция 60 миль. Иду на сближение.

– Сближайтесь до надежного визуального контакта, – немедленно отозвался Таранто, – на дистанции 10–12 миль включайте всю спецаппаратуру.

– Вас понял, выполняю.

Вскоре на горизонте показался целый лес мачт и грузовых стрел. Поисковые радары русских кораблей были выключены, аппаратура «F16» улавливала только излучение навигационных приборов. Стив по большой дуге облетел вокруг конвоя, затем пошел на сближение. Закатное солнце давало достаточно света для фото и видеосъемки, впрочем, разведывательная аппаратура могла давать картинку и в полной темноте. На этот случай имелся инфракрасный прожектор. Конвой был большим: 34 сухогруза и 4 танкера, а ведь через проливы прошли только 22 транспорта и танкеры, значит, остальные присоединились уже в Средиземном море. В охранении три эсминца класса «Балком2» и четыре типа «Кашин». Не так уж много, но в последнее время наши прекратили попытки досматривать русские суда. Несмотря на это, русские не отказались от эскортирования, дабы не давать американцам повода для активных действий. Стив знал, что южнее должна крутиться русская эскадра: тяжелый ударный крейсер «Слава», его младший собрат класса «Кинда» и целая дюжина эсминцев и фрегатов. Кроме того, у русских в Средиземном море было пять дизельных субмарин – пять «черных дыр», почти не засекаемых гидроакустикой. А в районе Мальты крейсировал вертолетоносец «Новороссийск» с соответствующим эскортом. Силы достаточные для того, чтобы чувствовать себя уверенно на этом театре.

– Самолет с опознавательными знаками США, включите габаритные огни! – незнакомый голос в эфире говорил медленно, чувствовалось, что человеку трудно разговаривать поанглийски. – Вы нарушаете международные правила безопасности воздушного движения.

– О'кей! – еле сдерживая смех, ответил Стив. – Я только рассмотрю ваш груз.

– Повторяю, включите габаритные огни, нам сложно прицеливаться, – русский оказался с юмором. Стив пожав плечами, щелкнул тумблером, включая огни. Нам не жалко, пусть, если просят. Тем более что командование в своей последней директиве «для служебного пользования»

рекомендовало зря не провоцировать русских.

– Простите, вы не подскажете мои координаты, я заблудился, – поинтересовался Стив после минутного молчания.

– Всегда пожалуйста, 37°43' южной широты, 142°15' восточной долготы. – Судя по этим координатам, Стив Грегори находился над Австралией. Старая добрая шутка.

– «Команч», немедленно прекратите посторонние разговоры, вас слышно на всю Европу, – вмешался Таранто. Голос дежурного офицера от негодования даже избавился от хрипоты.

– Вас понял, прекращаю посторонние разговоры.

Внизу, на палубе крайнего в строю сухогруза отчетливо выделялись очертания укрытых брезентом угловатых, похожих на танки машин. Даже на таком расстоянии глаз угадывал вынесенные по сторонам широких башен короба ракетных направляющих. Видимо, это были самоходные зенитки. Палуба следующего в кильватере древнего транспорта класса «Либерти» под испанским флагом была заставлена пакетами труб большого диаметра. Когда Стив сблизился с судном, с мостика приветственно помахали рукой в сторону самолета. Союзнички вонючие, даже флаг не скрывают. Пытаясь получше рассмотреть груз русского судна, Грегори прошел прямо над конвойным эсминцем. Русские промолчали, видимо, не желали подставлять летчика под гнев начальства, только сферическая башня скорострельного автомата мягко повернулась, провожая нахальный «F16» коротким толстым стволом.

Стив выполнил всю полетную программу, засняв конвой и отдельные суда во всех возможных ракурсах, аппаратура на внешней подвеске замерила радиационные, магнитные, гравитационные поля и еще черт знает сколько параметров. Вскоре его сменил Джоб Джерри. Качнув крыльями, приветствуя сменщика, Стив ушел в сторону Италии, солнце уже село за горизонт, а топлива оставалось только до аэродрома.

Едва истребитель, скрипнув напоследок тормозами, застыл на летном поле, как к нему со всех ног бросились техники. Стив не успел выбраться из кабины и закурить, а самолет уже утаскивали в ангар. Перед Стивом стоял запыхавшийся адъютант из штаба с требованием срочно явиться к командиру полка. Стив недоуменно покосился на молодого офицера и, глубоко затянувшись, огляделся по сторонам. Что за спешка? На летном поле сновали машины технических служб. Дежурное звено истребителей, замерев у края взлетной полосы, прогревало двигатели. Явно чтото произошло.. Обычно техники выбирались к самолетам, только доиграв очередную партию в карты или после грозного начальственного рыка. А

сегодня словно с цепи сорвались. Напрашивался вывод, что прибыло высокое начальство и дало всем хороший втык. И это начальство сильно интересуется результатами сегодняшнего полета.

Докурив сигарету, Стив милостиво кивнул приплясывавшему от нетерпения адъютанту. И только потом двинулся к стоявшему неподалеку джипу. Предчувствия оправдались на все сто процентов. В кабинете полковника, кроме самого командира авиакрыла, скромно располагавшегося у окна, находились двухзвездный генерал с длинным извилистым шрамом на левой щеке, моряк коммаидер и штатский, высокий, широкоплечий и абсолютно лысый мужчина лет сорока с массивным волевым подбородком, словно у Шварценеггера.

– Здравствуйте, капитан Грегори, – генерал без церемоний протянул ладонь вошедшему Стиву, демонстрируя при этом доброжелательную белозубую улыбку, общее впечатление портил только шрам, – рад с вами познакомиться. Мне много рассказывали о вашей работе в Польше.

Стив украдкой бросил вопросительный взгляд на полковника, но тот только успокоительно кивнул в ответ: мол, ничего серьезного, ситуация под контролем.

– Ничего особенного, я выполнял свою работу.

– Я читал ваши отчеты, они отражают отличное знание обстановки и способность к грамотному анализу, – заметил штатский, – хороший образец работы.

– Насколько я знаю, командование прохладно отнеслось к моей работе, мистер?..

– О, простите, я не представился, доктор политологии Джордж Бенг, сотрудничаю с «РЭНДкорпорэйшн». Советолог.

– Очень рад с вами познакомиться, мистер Бенг. – Стив чуть приподнял брови. «РЭНДкорпорэйшн» была известна не только своими астрономическими гонорарами, но и потрясающей точностью прогнозов и добросовестным подходом к любым порученным исследованиям. Считалось, что участие «РЭНДкорпорэйшн» в проекте уже гарантирует половину успеха. Сотрудничать с ней стремились многие, но далеко не все удостаивались такой чести. Уже одно это многое говорило о мистере Джордже Бенге.

– Мэллори Шеридан, – тихо произнес моряк, протягивая руку для пожатия. – Капитан Грегори, я понимаю, после того инцидента под Данцигом вас незаслуженно понизили и отправили в рядовое авиакрыло, но все это в прошлом.

В ответ Стив криво усмехнулся. После того как его самолет в тумане

столкнулся с русским истребителем над Гданьским заливом, во избежание скандала политиканы из Вашингтона поспешили замять дело и свалить всю вину на летчика. В тот злосчастный полет он ушел по настоятельной просьбе одной задницы с большими звездами на погонах. Тогда в трибунале никто и не вспомнил о его заслугах перед Штатами. Особенно обидно было оттого, что русский пилот, это Стив узнал уже задним числом, не только не получил никакого взыскания, но его даже наградили медалью «За отвагу».

– Сейчас генералмайор Чейз собирает экспертную группу по работе над Югославией, – продолжил моряк.

– Но я работал в Восточной Европе, я слабо знаком с местной спецификой.

– Не прибедняйтесь, капитан, – прервал его генерал. – Вы показали себя хорошим аналитиком и знаете русских. Ваш отчет о возможном изменении базирования русской тяжелой авиации произвел ошеломляющее впечатление на наших штабистов.

– Да, да, – добавил Бенг, – даже наши исследователи не могли представить, что, потеряв аэродромы в Восточной Европе, русские перебазируют свои бомбардировщики не в Прибалтику и Крым, а под Москву и в Харьков.

– Но это же элементарно! Они вынуждены, перейдя к обороне, держать свои силы в постоянной готовности к переброске в любой район страны. А делать это лучше с аэродромов с развитой инфраструктурой и в то же время недосягаемых для нас.

– Для нас это было не столь очевидно, – улыбнулся Шеридан. – Мы думали, что они будут держать свои «Ту22М» в Балтии и в Крыму.

– Как я понимаю, в задачу группы входит отслеживание ситуации на Балканах и в СССР?

– Да, русские сделали сильный ход, открыто поддержав Милошевича, – генерал нервно провел рукой по щеке и подбородку. – Сейчас вся западная демократия, все с таким трудом доставшиеся нам позиции в Восточной Европе находятся под угрозой. Наша великая страна не может терпеть нарушения прав албанского населения на Балканах.

«Значит, война», – с грустью подумал Стив, вполуха слушая разглагольствования генералмайора Чейза. Совсем некстати вспомнились увиденные сегодня зенитки на палубах конвоя.

«И опять мы лезем защищать демократию и права человека там, где о них и не слышали. И где они никому не нужны». Во время этого разговора полковник не произнес ни слова. Конечно, жаль отдавать хорошего

офицера, он уже метил Стива Грегори в свои заместители, но приказ есть приказ. Приходится подчиняться. Взамен Грегори в авиакрыло обещали прислать человека с не меньшим, чем у Стива, опытом, это немного согревало душу. Командир понимал, что скоро будет жарко. Так что, если ничего не изменить, пусть лучше поскорее приезжает новичок и как можно быстрее осваивается в части. Полковник Хантер не желал терять людей и машины изза такой мелочи, как неслетанность звеньев.

Уже через два часа после разговора на авиабазе Таранто транспортный «Геркулес» уносил в своем чреве Грегори, Бенга и Шеридана. Мэллори Шеридан уснул сразу же после взлета. Джордж Бенг попытался было разговорить Стива, но тот, сославшись на усталость, откинул спинку кресла и закрыл глаза. До Лэнгли много часов полета, еще успеем наговориться. Стив не был наивным человеком. Если командование вспомнило о проштрафившемся летчике, значит, ктото крупно прокололся. Или Пентагон готовит очередные учения в «условиях приближенных к боевым», и каждый специалист по Советам на счету. А Грегори справедливо считался хорошим специалистом. Сразу после летного училища он лопал в разведку, работал в Европе, пару раз бывал на Ближнем Востоке. Даже участвовал в миротворческой миссии в Боснии. За все пять лет службы Грегори активно интересовался техникой и армейской структурой противника, внимательно изучал все попадавшие ему материалы по русской армии. Один раз даже летал на «МиГ29», доставшемся Германии после возвращения Восточных земель.

Его докладные записки всегда были краткими, обоснованными и грамотно составленными. Только голые факты и беспристрастный анализ. В Польше он возглавлял сектор армейской разведки. На основании данных по расположению русских дивизионов ПВО и станций радиолокационного обнаружения он сумел сделать вывод о том, что реальные характеристики русского зенитного комплекса «С300», по крайней мере, на 25% выше, чем то, что они предлагают на экспорт.

Если бы не тот злосчастный вылет, Грегори был бы уже подполковником. Но судьба распорядилась иначе. В принципе с тех пор прошло больше года, командование могло забыть о давнем проколе. Но, возможно, помог ктото из старых друзей. Стив твердо решил сразу же по прилете позвонить Майклу Полянски. Майкл благодаря своему папаше сенатору был какойто шишкой в Пентагоне. Во время последней встречи, это было полгода назад в Бельгии, Майкл пообещал помочь Стиву вернуться в разведку. Скорее всего, Майкл был причастен к неожиданному назначению в группу по Югославии. Во всяком случае, встретиться и

посидеть в баре было нелишним.

Глава 7

Плесецк. 1998 г.

Рабочий день только начинался. Огромный кабинет на 12м этаже здания Совета Министров поражал своим великолепием и нестандартным оформлением. Больше всего этот зал походил на декорацию из художественного фильма о будущем. Сверкающие металлопластиком стены и потолок, плазменные панели на стенах, серебристые «под сталь» жалюзи на окнах. Мебель без углов по эскизам модных дизайнеров, широкий эллипс стола светлого пластика, увенчанный монитором компьютера и строгими пластиковыми стойками с документами. Из общего дизайна выбивались только занимавшие половину стены книжные полки, заставленные неряшливыми рядами зачитанных томов. Кабинету больше соответствовала бы стойка с CDдисками. Картину дополнял герб за спиной хозяина кабинета.

Павел Николаевич Шумилов с тяжелым вздохом окинул великолепие своего кабинета и опустился в кресло. Громоздившийся на столе Монблан бумаг навевал тоску. И пусть Совет Министров и подчиненные министерства и ведомства замкнуты в единое целое компьютерной сетью, пусть легким касанием клавиатуры можно вывести на настенный экран последнюю сводку событий с мест или организовать видеоселектор с председателями областных советов, все равно основную часть работы составляет приевшаяся и никакими чудесами техники не заменяемая бумажная канитель. Десятки докладных записок, отчетов, актов, проектов документов лежали перед Председателем Совета Министров, ожидая его высочайшего решения. Еще сотни обрабатывались сотрудниками Совета Министров и помощниками Шумилова. Половина бумаг шла с пометками: «Срочно!» или «Чрезвычайно важно», за каждой стояли люди, заводы, фабрики, сельхозкооперативы, города.

Павел Николаевич вытянул из кипы первый попавшийся документ и принялся читать. Это оказался проект инвестирования и реконструкции Тюменского нефтяного месторождения. Безвестный инженер Тюменского нефтяного концерна Д.С. Бурков на восьми страницах грамотно обсчитал и доказал необходимость полного преобразования нефтегазовой компании в химический комплекс. Себестоимость добычи с каждым годом растет, месторождение иссякает, еще 10 лет, и придется забрасывать всю созданную за долгие годы инфраструктуру. А там стоят города, живут люди. Планировалось постепенно снижать добычу, а через шесть лет

полностью прекратить продажу сырой нефти и переключиться на продукты нефтепереработки. Руководство концерна было согласно с преобразованием и всеми силами поддерживало проект, в Нефтьюганске уже велось силами концерна строительство нефтеперерабатывающего завода, а в Сургуте была разбита площадка под комплекс глубокой переработки углеводородов. Все дело в том, что прибыли концерна не хватало на весь комплекс работ, требовалась помощь Центра. В приложении к проекту специалисты Миннефтегазпрома обсчитали стоимость проекта в 29 миллиардов рублей на четыре года, из которых 18 лягут на плечи самого Тюменского нефтяного концерна, а на 11 можно дать налоговые послабления. Шумилов старательно вывел на титульном листе: «В Минфин, решить срочно. Об исполнении доложить!»

Настроение незаметно поднималось. Каждый день бы так! Нефтегазовый добывающий комплекс был головной болью Шумилова. Экспорт сырья составлял почти 20% валютных поступлений страны и 16% бюджета. Все умные люди понимали, что дальше так жить нельзя, но поделать ничего не могли. Нельзя одним росчерком пера уничтожить целый добывающий комплекс. Нельзя одним словом заткнуть финансовую дыру в десятки миллиардов. Нельзя оставить без работы сотни тысяч человек, занятых в добывающей промышленности. Верховный ежегодно сокращал экспортные квоты, Совет Министров душил нефтяников налогами, Шумилов лично курировал конверсию отрасли, но отучить людей от нефтяной халявы было непросто. Прибыль в 300–400% завораживала. Но жесткие меры постепенно давали результат. За последнюю пятилетку в 20 раз сократился экспорт древесины. Полностью прикрылась внешняя торговля алмазами и железной рудой. Постепенно закручивалась задвижка на нефтяной трубе. Правда, вырос экспорт природного газа, но это было не страшно, газа стране хватало на 50 лет по самым скромным оценкам.

Работа спорилась. Постепенно куча бумаг перед Шумиловым таяла, пару раз звонил телефон, но по пустяковым вопросам, не требующим времени для своего решения. Павел Николаевич с воодушевлением вчитывался в документы, звонил помощникам, требуя прояснить спорные моменты, один раз пришлось выйти в Интернет. Секретарь всеми силами оберегал покой советского премьера, пропуская только звонки, требующие немедленного решения. Сегодня до обеда надо было разгрести накопившиеся дела, а затем придется лететь в Плесецк. Товарищи из НПО «Молния» довели до ума свою аэрокосмическую систему МАКС и завтра с утра клятвенно обещали показать ее в действии. Ради такого можно было слетать на космодром, посмотреть на новое чудо техники, по заверениям

разработчиков способное монополизировать весь мировой рынок космических запусков.

Сергей Анютин обрадуется, он приложил немало усилий к проталкиванию этого проекта. Еще в 93м году Анютин предложил выделить несколько перспективных проектов и научных разработок, обещавших дать значительный коммерческий успех и технологический прорыв, и обеспечить им первоочередное финансирование и всестороннюю помощь государства. Возглавляя Министерство точного машиностроения, Сергей Дмитриевич лично курировал программу МАКС. Космос стоял первым в списке «Работ Государственной Важности», наравне с термоядерной энергетикой, авиационной промышленностью и новыми строительными технологиями. Чемто Анютин напоминал Лаврентия Павловича Берию, такой же талантливый организатор, фанатично преданный делу, способный двигать невозможные проекты, концентрировать усилия на первоочередных задачах и добиваться успеха там, где другие пасовали. И так же, как Берия, равнодушный к личному благосостоянию. Разумеется, Анютин не брезговал спецобслуживанием и отдыхом всей семьей на правительственных курортах, но, сидя на миллиардах, он не взял ни копейки себе лично. Даже Шумилов помогал бизнесу своей жены, Бугров держал пару миллионов рублей на счете в Сбербанке, большинство министров и крупных чиновников обладали значительными личными сбережениями, это было неизбежное зло. Сергей Дмитриевич Анютин жил только за счет зарплаты. И это при том, что до переворота он не брезговал брать взятки и курировать пару кооперативов, присосавшихся к его заводу. Взлетев на вершину власти, этот человек отказался от мелочей, он жил Идеей, великой Идеей Великого Советского Союза. Благо, у него были возможности для воплощения своих планов.

Многие проекты, к которым приложил руку Анютин, были реализованы и приносили прибыль. Подольский завод вычислительной техники держал 14% мирового рынка процессоров и разрабатывал техническую часть всесоюзной информационной сети, в перспективе способной заменить персональные компьютеры. Липецкий «Интеграл» уже год выпускал ЭВМ на восьмеричном коде, рядом с которыми знаменитые «интеловские» разработки выглядели как лодкадолбленка по сравнению с круизным лайнером. И это несмотря на то, что восьмеричные ЭВМ весили до восьмидесяти килограммов, просто машины с аналогичным быстродействием на традиционной базе можно было перечислить по пальцам. А «Интеграл» гнал свои «Технотрониксы» конвейером.

Под Новосибирском полным ходом шли работы на термоядерной

электростанции. И это тоже было заслугой Анютина, обратившего внимание на провинциальный научный коллектив, почти на голом энтузиазме разрабатывавший термоядерную установку лазерновзрывного действия. Туполевские лайнеры неуклонно продвигались на мировых рынках авиаперевозок. Даже продукция ставших притчей во языцех ВАЗа и КамАЗа постепенно перестала ломаться на каждом километре. Мало кто догадывался, каких сил и нервов это стоило Сергею Дмитриевичу. Анютин на каждом совещании требовал четкой и грамотной работы от директоров и ведущих специалистов своих заводов. Ставил жесткие сроки, безжалостно увольнял провинившихся, угрожал репрессиями. Затем поцарски награждал отличившихся, регулярно превышал лимиты финансирования, но дело делал. Недаром его за глаза называли «Рыцарем кувалды и теодолита». Под стать ему было и большинство специалистов министерства и директоров предприятий ведомственного подчинения.

Правда, по мнению большинства, серьезным провалом Анютина был Сарапульский НИИ прикладного машиностроения, ежегодно поглощавший десятки миллионов рублей на работы с антигравитацией и взамен уже который год показывавший только фокусы с летающими шайбами. Академия наук давно собиралась закрыть эти антинаучные исследования, но останавливалась перед занявшим жесткую оборону министром точного машиностроения. Сергей Дмитриевич после очередного приступа мастистых академиков и лауреатов сокрушенно качал головой, выслушивая убийственные аргументы в пользу закрытия НИИ, обещал разобраться, ехал в Сарапул, устраивал страшный разнос сотрудникам института и… выделял им еще пару миллионов.

…Утро на космодроме выдалось солнечное, безоблачное. Многочисленные высокопоставленные чины мирно расположились в бункере Центра управления полетами. Офицеры космодрома и разработчики невозмутимо восседали перед пультами управления или бесцеремонно с деловым видом рассекали аморфную толпу зрителей. Сегодня был их день. Шумилов, вежливо раскланиваясь со встречными, протолкался к беседовавшим в стороне Анютину и главному конструктору МАКСа ЛозиноЛозинскому.

Глеб Евгеньевич держал руки в карманах костюма, словно ему было холодно.

– Значит, для армии выпускают специальные кубики Рубика, – Анютин вполголоса рассказывал собеседнику анекдот, не обращая внимания на кружившихся по залу, старавшихся выглядеть серьезными товарищей.

– О чем молчим? – бесцеремонно прервал Сергея Дмитриевича

Шумилов. – Здравствуйте, Глеб Евгеньевич.

– И вам здорово, Павел Николаич, – ответствовал виновник сегодняшнего мероприятия. Пожимая его руку, Шумилов почувствовал, что ЛозиноЛозинский сдерживает дрожь.

– Для прапорщиков одноцветные, для генералов монолитные, – Анютин невозмутимо продолжал сеанс психотерапии для главного конструктора. – О, Пал Николаич! Какими судьбами?

– Да вот, занесло. Вас повидать, посмотреть, как летает. Бесплатным коньячком угоститься.

– Он полетит, говорю вам, полетит. Это революция, американцы не смогли, а мы полетим.

– Если вы, Глеб Евгеньевич, делали, значит, полетит – успокаивающе проговорил Анютин, – не может не полететь.

– Мы за вывоз килограмма груза сейчас берем 70 тысяч рублей, – сменил тему Шумилов, – а на МАКСе почем будем брать?

– Так вы же знаете, себестоимость будет в пределах 12 тысяч рублей или двух тысяч с копейками американских енотов. Значит, сможем свободно скинуть цену до пятидесяти тысяч.

– И еще остаться с хорошим наваром, – продолжил премьер, – и на космос деньги будут, и на детские пособия. МАКС вы запустите, а дальше что делать будете, Глеб Евгеньевич? Задумки имеются?

– Да какие там задумки, на пенсию пора. Вот еще пяток пусков. До ума доведем космолет, и можно будет передавать дела.

– Да куда вам на пенсию? – вмешался Сергей. – Скучать будете. Давайте лучше в санаторий, давно в отпуске не были?

– Так сразу и не вспомнить. – Глеб Евгеньевич задумчиво провел ладонью по бороде. – С 96го года, кажись. Нет, нет, Сергей Митрич, и не предлагайте! Как девяносто отмечу, так и уйду. Все, хватит, пора и молодым кульман уступить.

– Еще целый год, за это время, может, что новое придумаете. – Павел Николаевич хитро прищурился. ЛозиноЛозинский уже двадцать лет собирался уйти на заслуженный отдых, но всегда находился повод перенести окончательное решение на новый срок. Этот человек не мыслил себя без грохочущих ракетных систем.

– Товарищ Шумилов, простите, но вас ждут на поверхности, – внезапно появившийся офицер с погонами капитана КГБ вежливо прервал беседу.

– Извините, Глеб Евгеньевич, простите, Сергей Дмитриевич. – Шумилов повернулся к замершему по стойке «смирно» капитану. – Кто

там?

– Товарищ Председатель Верховного Совета.

– Тогда пойдемте.

Летные испытания аэрокосмического корабля проводились не на самом космодроме, а на прилегающем к нему аэродроме. В принципе для испытания подходил любой аэродром первого класса. Плесецк был выбран только изза существующей на нем инфраструктуры по обслуживанию космических кораблей. Новенький «УАЗ» «Сармат» с военными номерами за пару минут домчал Шумилова до аэродрома. На КПП сразу же подняли шлагбаум, даже не спрашивая документов. Человеку со стороны это показалось бы разгильдяйством, но Шумилов прекрасно знал, какими силами охраняется космодром и как перекрыты все окрестности. Генералмайор Уланов, обеспечивающий безопасность, знал свое дело туго. Мало того что первый старт новейшего космического корабля, так еще почти вся верхушка Союза собралась. Скорее всего часовые на КПП знали, в какое время и какой именно «уазик» следует пропустить. И задержись машина в дороге на полминуты, их бы остановили за двадцать метров до шлагбаума и держали бы под дулами автоматов до выяснения всех обстоятельств задержки.

На взлетной полосе в окружении казавшихся миниатюрными машин технического обслуживания стояла красавица «Мрия». Мечта. Расположившийся невдалеке «Ту154» с радиометристами и наблюдателями на борту выглядел карликом по сравнению с летающим богатырем «Мрией». Взгромоздившийся на спину шестимоторной машины космолет казался маленьким медвежонком на спине своей мамы. При этом космический корабль был состыкован с топливным баком немалых размеров. В будущем планировалось оборудовать под обслуживание МАКСа пару аэродромов в европейской части Союза и один в Южной Сибири или Казахстане. Все это будет… если сегодняшний пуск пройдет удачно. Впрочем, если даже чтото пойдет не по плану, от проекта не откажемся, просто уйдет больше времени на доводку и устранение замечаний.

Бугров в сопровождении маршала Семенова и своего секретаря Виктора Звягина прогуливался по краю взлетной полосы. Четверка телохранителей неслышно следовала в десятке шагов от Верховного. «Уазик» с Шумиловым подкатил и остановился в паре метров от собеседников. Капитан молнией выскочил из машины и попытался открыть дверцу для находившегося на заднем сиденье пассажира, но Шумилов его опередил и, брезгливо отмахнувшись, двинулся к Арсению Степановичу.

«Не хватало еще, чтоб из машины помогали выйти, нечего со мной так цацкаться. До пенсии далеко». В это время на стартовой позиции возникло движение. Машины, ранее плотным кольцом окружавшие самолет, разъезжались, оставляя «Мрию» в гордом одиночестве. Гидравлический подъемник поднял экипаж самолета до уровня кабины. Даже на таком расстоянии было заметно, как летчики замерли, повернувшись лицом к борту самолета, при этом их руки находились в районе ширинки.

– От, черти, что делают! – весело произнес Арсений Степанович, показывая пальцем на летчиков. – Это они у космонавтов набрались.

– Если помочиться на ракету, полет будет успешным, – добавил он для вылупившего от изумления глаза Шумилова.

– Не обращайте внимания, нормальное суеверие, в жизни и не такое встречается, – заметил подошедший сзади Семенов. – Взлетать с керосиновой бочкой на спине не каждый решится.

Тем временем экипаж, завершив свой ритуал, скрылся в кабине самолета. Подъемник поспешил убраться на безопасное расстояние. Лабораторный «Ту154» выруливал на старт. На безопасном расстоянии суетились две группы телеоператоров. Все было готово. Бугров невозмутимо закурил и, повернувшись к Сергееву, чтото тихо шепнул. Министр обороны в ответ коротко кивнул, сняв свои черные очки, которые он, по слухам, не снимал даже в спальне. Глаза министра неотрывно следили за «Мрией». Наконец гигант дрогнул, из его реактивных сопел появилось пламя. До зрителей донесся басовитый ровный гул. Минута, другая, и самолет начал разбег. Сначала нехотя, лениво, словно его прижимала к бетону тяжесть взгроможденного на спину груза, затем все быстрее и быстрее. В самом конце пятикилометровой взлетной полосы самолет оторвался от земли и стал подниматься в небо.

– Вот и все, Паша. – Верховный обнял Шумилова за плечи, в его голосе сквозила довольная усталость. Так бывает после успешного завершения долгого и трудного дела. – Еще одно дело сделали. Поехали в ЦУП, – добавил он, поспешно доставая новую сигарету, – там досмотрим.

– Поехали, генерал, – тихо ответил Шумилов, – поехали. Люди ждут.

Сергеев невозмутимо вернул на нос черные очки и первым двинулся к дожидавшемуся их «УАЗу». Не доходя пару метров до машины, Бугров резко остановился и, хлопнув себя по карману пиджака, словно искал сигареты, повернулся к премьеру.

– Паша, тут такое дело. Надо с тобой посоветоваться, – при этих словах Верховный извлек из внутреннего кармана скомканный факс, – на, посмотри, что сегодня утром из Николаева прислали.

Шумилов развернул бумагу. Это был отчет областного управления КГБ. Шло под грифом «Особая важность». В принципе Павел Николаевич ожидал появления такого рода факсов. Полковник КГБ Торчук С.В. докладывал о незаконных махинациях племянника и сына председателя Совета народных депутатов Николаевской области в сфере жилищного строительства. Акционерное общество, которым владели эти ребята, получило крупный строительный подряд и завышало стоимость работ раза в полтора, вдобавок часть жилищного фонда, примерно на 20 миллионов рублей, была незаконно приватизирована. Павел Николаевич молча отдал бумагу Бугрову.

– Кто прислал? Трубачев?

– Он самый, сам не может решить, политес разводит. – Бугров крепко выругался. – Тут, понимаешь, не в воровстве дело. Под суд и в лагерь, дело ясное. Я, Паша, этого скота николаевского, Шмулевич его фамилия, сам на область рекомендовал. А он, зараза, воровать начал.

– Ничего необычного, многие положением пользуются. – Шумилов пожал плечами. Бугров криво усмехнулся и закурил.

– Многие, говоришь, да, ты прав. Это ведь рядовое дело. Владивостокский глава, помнится, крабов японцам беспошлинно продавал. В Средней Азии вообще без взяток ничего не решается. Знаю, все знаю. Я про другое хотел сказать. Нам пора революцию устраивать.

– Опять?! Знаешь, Сеня, я тебя прекрасно понимаю, но для России на этот век революций многовато. Оставь на следующее столетие. – Шумилов саркастически усмехнулся и украдкой оглянулся по сторонам. Охрана внимательно изучала окрестности, Семенов сидел в машине. Никто не мог услышать разговор.

– Подожди, ты меня не понял. Нам надо решить кадровый вопрос. Все эти Шмулевичи, Осиновские, Яшины и Пешкоходовы никуда не исчезнут. Нам надо подумать, как нормальных молодых ребят к делу приобщать, чтоб они и ума, опыта успели набраться, и от старых аппаратчиков коррупции бы не нахватались. Тут надо серьезно подумать, а то нас с тобой надолго не хватит, а страну передавать некому.

– Понятно, есть у меня в аппарате хорошие ребята, молодые, талантливые, порядочные. Но мало. Больше старые дубовые кадры.

– Ты подумай, не торопись, а потом между делом обмозгуй: как кадровый вопрос решить. Как нам смену подготовить. Я тебя очень прошу. Иначе все, что мы сделали, окажется бесполезным. Мы уйдем, и нас сменит очередной кукурузный гений или ставропольский язвенник. Все будет зря.

– Кадры решают все, – задумчиво проговорил Шумилов. – А ведь прав был Виссарионович. Прав на все сто. КПСС мы благополучно развалили, и хрен с ней. Комсомол еще при Мише превратился в бордель, армия свои задачи решает, но подготовку управленцев я генералам не поручу под страхом смерти. Выходит, нам свою партию создавать надо.

– Так оно и выходит. Как в романах, рыцарский орден. Новую элиту растить, рыцарей без страха и упрека. И лучше всего прямо со школы.

Глава 8

Писатель. 1991 г.

В окна преподавательской кафедры экономики светило яркое весеннее солнышко. На дворе март. Еще подмораживало, но настроение было весенним, радостным и беззаботным. Павел Николаевич отложил в сторону черновик будущей лекции и почесал нос. Сегодня определенно хороший день. Лекции прошли, Катерина Никитична удалилась сразу после обеда (у нее какието проблемы с домашними), а у Леночки занятия с третьекурсниками. На плитке закипал чайник. Пора делать перерыв, пить свежезаваренный чай с остатками вишневого варенья. Выйти перекурить, поговорить с коллегами, а затем вернуться в преподавательскую и заняться настоящей работой. Тем более что в среднем ящике стола дожидается своей очереди папка, переданная сегодня Строговым. Разумеется, Володя не передавал ничего секретного, для этого есть другие люди, но при вдумчивом анализе и совершенно незначительные факты проливают свет на определенные события.

После той известной посиделки на кухне друзья не отступились от принятого решения. Идея переворота витала в воздухе, манила своей авантюрностью, позволяла чувствовать себя причастными к закулисным рычагам истории. И четверо друзей засучив рукава приступили к работе. Конечно же, в действительности все выглядело не так, как пишут в шпионских романах. Никаких явочных квартир, паролей, складов с оружием – все было проще и серьезнее. Переворот – это не ночные гонки на машинах, перестрелки с врагами и соблазнение прекрасных носительниц информации, это муторная, тяжелая повседневная работа. И в случае провала все закончится без киношной героики. Строгов популярно объяснил, что обычно человек до самого ареста не догадывается, что его «разрабатывают», да и при современных методах допроса раскалываются все, даже киношные герои.

Арсений Бугров и Владимир Строгов начали тихо, аккуратно, методично выискивать готовых к сотрудничеству офицеров в армии и КГБ. Сергей Анютин зондировал почву в обкоме и в республиканском партийном аппарате, благо, по долгу службы часто бывал в Минске и имел контакты в Госстрое и республиканском комитете. А на долю Шумилова выпала аналитическая работа. Проще говоря, он читал газеты, журналы, смотрел телевизор. По крупицам выискивал любую информацию о реальном положении дел в стране и собирал досье на ведущих партийных

функционеров и государственных деятелей. Много информации предоставляли ребята из городского отделения КГБ, помогали Анютин и Бугров, но основная работа по поиску жемчужных зерен в навозных кучах лежала на плечах Паши Шумилова. А результат стоил того. К примеру, Шумилов, только проанализировав несколько сотен газетных публикаций, пришел к выводу, что в настоящее время Политбюро практически утратило какоелибо влияние на положение дел. Вся внутренняя и внешняя политика сконцентрировалась в руках четы Горбунковых. В результате умелых перетасовок в правительстве и Центральном комитете старые группы утратили свое влияние, а новые люди были или преданы президенту, или еще не наработали необходимые контакты и деловые связи, без которых просто невозможно не только проводить свою собственную политику, но и получать корректную и своевременную информацию. Информационные каналы властных структур были или перепутаны, или оборваны, или замкнуты напрямую на Горбункова.

Разумеется, маниакальный интерес Павла Николаевича к политике не остался незамеченным. И чтобы както объяснить окружающим свое увлечение политикой, Шумилов взялся за написание книги о Перестройке. О чем он по большому секрету рассказал Катерине Никитичне, вместе с ним вдалбливавшей в головы студентов экономические предметы. Через два дня об этом знал весь институт. И никого уже больше не удивляли ворохи газет, громоздящиеся в преподавательской, и регулярные многочасовые посещения Шумиловым библиотеки. Павел даже настучал на машинке полсотни страниц для своей будущей книги, к сожалению, в ближайшее время этим дело и ограничится. А жаль – можно было бы поправить бюджет за счет гонорара.

Библиотека в Политехе была хорошей, ректор не зря стремился вывести институт на республиканский уровень. Леночка даже помогала профессору, притаскивая вырезки из прессы. Некоторые статейки оказались кстати. Впрочем, молоденькая аспирантка давно неровно дышала в сторону Павла Николаевича. И только железное правило не охотиться на рабочем месте сдерживало Шумилова от естественного желания завести служебный роман.

За окном была весна. Воробьи весело скакали по веткам столетнего вяза, росшего под окнами института. Павел Николаевич налил себе чай, бросил в стакан засохший ломтик лимона и с наслаждением вытянул ноги, сидя на старом, видавшем виды стуле у обеденного столика, стыдливо притулившегося за шкафом с методической литературой. Жизнь хороша, и жить хорошо. Вот только цены растут не по дням, а по часам, а почасовая

ставка и не думает подниматься. И в магазинах днем с огнем ничего не сыщешь, а в коммерческих палатках могут отовариваться только сами коммерсанты и челноки. Самому, что ли, смотаться в Польшу за товаром? Говорят, можно хорошо заработать. И недалеко, граница всего в полудне пути. Ладно, сначала работа, а бизнес потом. Ну, в крайнем случае, в июле будет отпуск, там и решим.

Ну что ж, пора приступать к работе. Что там у нас в гэбэшной папке? Ого! Шумилов задержал дыхание от неожиданности. Молодцы ребята! Да это же досье на Межрегиональную депутатскую группу! Бурбулис, горьковский атомный сиделец, Травкин, Пальма, этот самый усатый, трудно запоминаемый, Эллочка Людоедка, Собакевич и прочие интересные господадемократы. А дальше у нас идет аналитическая записка об их жизнедеятельности. Интересно. Очень интересно. Головастые ребята работают в ГБ. Умеют копать.

Оказывается, не могла МДГ образоваться просто так, не могла, и все тут. Значит, по телевизору мы видим оживший фантом, призрак. И в газетах сенсационные статейки призраки тискают. Без предварительной подготовки не могли депутаты на первом же съезде собраться, выпить пивка или водки в кулуарах и организовать межрегиональную группу. Слишком интересный у нее состав. Ощущается длительная, кропотливая подготовительная работа, и тот, кто провернул это дело, не торопится себя афишировать: мол, вот он я! Такой умный, прогрессивный, и вообще я за народ!.. Значит, не хочет, значит, нет ему нужды в лавровых венках и прочих атрибутах народного признания. Запомним.

Так, дальше у нас идет программа: отказ о правящей роли КПСС, частная собственность, демократия, закон о земле, все это по отдельности очень хорошо. Нужные законы предлагают ребята, полная реформа Союза. Дальше идет новый союзный договор, а это уже опасно. «При существующих центробежных тенденциях и нарастании межнациональной напряженности любая попытка пересмотра союзного договора или изменения территориального устройства СССР приведет к неизбежному распаду Советского Союза. В настоящее время наблюдается дефицит центральной вертикали власти и формирующийся разрыв между центром и республиками. При сохранении существующей тенденции разрыв будет нарастать и приведет к массовым акциям гражданского неповиновения, попыткам местных органов управления добиться большей или меньшей независимости от центра, возможны вспышки межнациональных конфликтов и вооруженных мятежей».

Проблемное дело, в общем. И так скоро будет референдум о

сохранении СССР, шумиха стоит страшная. Непонятно, чем это голосование закончится.

А если взглянуть поглубже, то большинство предложений МДГ направлено именно на развал Союза. У нас ведь КПСС не просто партия, а, считай, нормальная структура управления – выдерни ее, и все хозяйственные связи развалятся. К многопартийности нам лет двадцать переходить, не меньше. Молодцы ребята, точно вычленили основную идею. Так что получается: в Верховном Совете «пятая колонна» образовалась, и никто ни сном ни духом. Забавно! Впрочем, Шумилов и Строгов уже в самом начале работы поняли, что имеют дело с хорошо спланированной операцией по мирному разгрому Союза. Причем к этому имеют отношение как заграничные советники, так и свои доморощенные «прорабы перестройки» и высокопоставленные партийные бонзы и кагэбэшные генералы. Оставалось разобраться, кого использовали втемную, а кто имел счета в Швейцарии и гонорары от «Рэндкорпорэйшн». Большие сомнения вызывал президент. Никто не мог сказать: сам он докатился до жизни такой или имеет свой интерес?

Шумилов только в начале шестого закончил читать документы. За это время его почти не тревожили. Сессия осталась позади, а вместе с ней поток студентов, желающих пересдать экзамен или договориться со строгим профессором. Пару раз заглядывала секретарь кафедры Аллочка со своими необычайно важными делами, как то: список предприятий, с которыми заключен договор на прохождение преддипломной практики, график дежурства по кафедре и подобная повседневная волокита. А больше никто не мешал, те, кто мог, разбежались по домам, а остальные были заняты своими делами. Закончив чтение, Павел Николаевич аккуратно убрал листки светокопий обратно в папку и задумался. Оставлять такое в рабочем столе нельзя. Кагэбисты явно нарушили свои правила по обеспечению безопасности, передав Шумилову документы из разряда «перед прочтением сжечь». Если досье на Межрегиональную депутатскую группу и рабочие документы Совета народных депутатов еще могли оказаться на столе обычного преподавателя экономики, пишущего книгу, то аналитическая записка никаким образом не должна была попасть на глаза посторонним. Слишком явно определялось ее происхождение из конторы с видом на Колыму. Делать нечего, и Павел, справедливо решив, что надо из двух зол выбирать меньшее, сложил стопку бумаги пополам и запихнул в свою кожаную папку. Ничего страшного, если нельзя оставить на работе, дочитаем дома. Остальные бумаги из гэбэшной папки нашли свое место в среднем ящике стола среди подобных документов и прочих подборок для

будущей книги. Книги, которая вряд ли будет когданибудь написана.

– Папа, тебя к телефону.

– Иду, иду. Кто там? – Павел Николаевич нехотя поднялся с дивана и отложил в сторону томик Мориса Дрюона.

– Дядя Сергей. – Наташина вихрастая головка появилась в дверном проеме, и, убедившись в том, что папа поднялся с дивана, дочка исчезла. Из комнаты девчонок доносилось хихиканье. Опять собрались подружки. Якобы делать уроки. Но какие там занятия, на уме одни наряды и мальчишки. Марья Теодезиевна, кумушка предпенсионного возраста с четвертого этажа, рассказывала Марине, что у ее знакомых дочку изнасиловали прямо на улице. Блин! Поубивал бы уродов! Петя Дорош с кафедры гидравлики послезавтра привезет из Минска пару газовых баллончиков. Павел Николаевич специально заказал баллончики для своих девчонок. Тактo спокойнее будет.

– Алло, слушаю.

– Привет, Паша! Как дела? Чем занят? – в трубке звучал жизнерадостный голос Сереги Анютина.

– Нормально. Книжку читаю. Про французских королей, – недовольно буркнул Шумилов. Что за дурацкая привычка у Сергея спрашивать: «Как дела?» И так ясен ответ.

– Ну, извини, если прервал. Тут такое дело. Сегодня у нас среда?

– Ясно дело, среда. А вчера был вторник. Давай выкладывай. – Павел сразу понял, что Сергей просто так не будет интересоваться днем недели. Явно чтото намечается.

– Сегодня ночью генерал возвращается из Москвы. Он мне звонил, намекал на пару бутылочек молдавского коньяка. Значит так, завтра собираемся у меня, – добавил он тоном, не терпящим возражений.

Переговоры и планирование работы над переворотом друзья частенько проводили, прикрываясь дегустацией напитков различной крепости. Павел при упоминании коньяка в контексте с прилетом Бугрова моментально внутренне собрался и безразличным голосом спросил:

– Во сколько собираемся?

– Давай часиков в семь. Успеешь? И, если хочешь, бери с собой Марину. Арсений тоже будет с семьей.

– Ладно, если согласится, придем вместе. – Он прекрасно знал, что Марина согласится. Они с Леной Бугровой были подругами – не разлей вода. – Только смотри, без порнухи, как прошлый раз.

– Ладно, – в трубке прозвучал довольный хохот Сергея Анютина. Во время последней посиделки у Анютиных Сергей умудрился поставить в

видик вместо голливудского боевика кассету с жесткой порнографией. Ну и досталось им от жен! Бедняга Анютин получил больше всех, и, кажется, уже после ухода гостей Катя ему добавила. Чтоб дома порнографию не держал.

Вечеринка у Анютиных прошла весело. Шумиловы пришли с дочерьми, с Бугровыми был их младший – Саша. В этом году Саша, как и Наталья Шумилова, заканчивал школу, но, в отличие от старшего брата, решил поступать не в военное училище, а в сугубо гражданский строительный институт. Анютины встретили гостей радушно, как всегда. Катя с подругами сразу же убежала на кухню, делиться секретами приготовления вареников с вишней. В этом блюде Катерина была непревзойденным мастером, причем она прошлым летом, по совету Марины, заморозила несколько килограммов свежей вишни в морозилке и сейчас спешила похвастаться свежими ягодами «прямо как с куста». Юное поколение было встречено серьезным молодым человеком Петром Сергеевичем, уже учившимся на втором курсе Политеха.

Когда закончились все ахи и вздохи, все чинно сидели за столом в предвкушении вареников с вишней под молдавский коньячок (не обманул генерал – привез, как и обещал), раздался звонок, и на пороге появился высокий широкоплечий человек в китайском пуховике и ондатровой шапке. Арсений представил гостя как своего хорошего друга, буквально на пару дней приехавшего в Гродно по делам службы. Гость назвался Иваном, сначала отказывался проходить, говоря, что он буквально на секундочку, срочно перемолвиться парой слов с Арсением Степановичем, но, в конце концов, дал себя уговорить «поддержать компанию».

Впрочем, Иван оказался очень общительным жизнерадостным человеком и интересным собеседником и быстро нашел общий язык с честной компанией. Лену Бугрову он поразил тем, что со знанием дела рассказал, как готовить настоящую пиццу «аля наполетана». Лена даже побежала за тетрадкой, записывать рецепт. Во время перекура в коридоре Иван успел рассказать пару пикантных анекдотов:

– Поручик, вы носки меняете?

– Нет, мадам, разве что на водку.

Попутно он успел поспорить с Сергеем и Арсением о шансах минского «Динамо» на следующем чемпионате, а на Павла Иван произвел впечатление, процитировав наизусть Киплинга:

Серые глаза – рассвет,
Пароходная сирена,

Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.
Черные глаза – жара,
В море сонных звезд скольженье,
И у борта до утра
Поцелуев отраженье.
Синие глаза – луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.
Карие глаза – песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.
Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырежды должник
Синих, серых, карих, черных.
Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю – в том нет вины –
Все четыре этих цвета[1].

Шумилов сам любил Киплинга, считал его лучшим поэтом Британии. Кроме того, выяснилось, что гость умеет петь под гитару, но, ввиду отсутствия инструмента, на сегодня концерт отменяется. Правда, не обошлось без маленькой накладки. Услышав, что у Ивана фамилия Жилин, Павел Шумилов чуть не подавился пирогом с грибами. В отличие от большинства присутствующих, он хорошо знал книги Стругацких. На его взгляд, брать себе псевдоним литературного героя было очень неосторожно, но с другой стороны, может, у него на самом деле такая фамилия?! Возможно, что это имя было выбрано только для сегодняшней встречи. Во всяком случае, кроме Шумилова, никто и не обратил внимания на это имя, или обратил, но промолчал.

Когда компания под шум, смех и тосты «За дам!» уговорила коньяк, Бугров громогласно потребовал добавки, а после непродолжительного спора сам же и вспомнил, что всего в квартале есть коммерческий магазинчик, где круглые сутки можно раздобыть искомую жидкость, и сам вызвался сбегать. При этом он пнул под столом Шумилова. Естественно,

Павел и Иван с энтузиазмом вызвались проводить генерала, дабы враги народа не похитили бы его вместе с драгоценной ношей. Настоящие друзья не бросают своих в беде. Женщины поспешили возмутиться тем, что остаются одни, но Сергей, быстро врубившись в ситуацию, принял огонь на себя и вызвался развлекать дам, пока мужики бегают в магазин: «Только недолго, пять минут. Не больше».

Быстро одевшись, троица, весело балагуря, вывалилась в темный подъезд. На улице лицо Ивана моментально стало серьезным.

– Молодцы, ребята. Надеюсь, семьи ни о чем не догадываются?

– Обижаешь, никто ни сном ни духом… – быстро ответил Бугров и, повернувшись к Павлу, добавил: – Иван работает в ГРУ, это армейская разведка, фирма – круче Володиной. Я к нему месяц приглядывался, пока не решил, что он наш.

– Положим, я уже месяц знал, что у тебя чтото на уме, и даже подозревал нечто подобное. Но дело не в этом. Вы, ребята, молодцы. Хорошее дело затеяли, – продолжил Иван тихим голосом, – но шансов у вас маловато. Загвоздка в том, что слишком серьезные силы задействованы во всей этой свистопляске.

– Но насколько я понял, ты с нами? – спросил Арсений.

– Нет, не с вами и не против вас. Я вышел из игры. И не спрашивай, не надо. Со временем сам поймешь, если жив останешься. Времени у меня мало, слушайте. Перестройка началась не сама по себе. Правительство, я имею в виду не клоунов в телевизоре, а настоящее правительство, решило полностью сломать систему. Я не буду перечислять все причины, это долго. Постарайтесь уловить саму суть. Еще в 70е годы в Союзе и в Штатах сформировалась внутренняя оппозиция. Реальные здравомыслящие люди, которым надоело затянувшееся противостояние двух блоков. Застойная «холодная война». Эти люди между собой договорились. Разведка и спецслужбы всегда имеют контакты с противной стороной. Цели декларировались благородные: разоружение, разрядка, сотрудничество на международной арене, демократизация, свободы и права человека как в Союзе, так и в Штатах, совместный контроль над планетой. Разумеется, все это должно было привести к росту уровня жизни в обеих державах и концентрации реальной власти в руках авторов идеи и инициаторов Перестройки.

– Я понимаю, нам это необходимо, но имто зачем? Они же и так богаты?!

– Павел, то, что мы видим на экране: всеобщее благоденствие, свобода, высокий уровень жизни, сто сортов колбасы, – неторопливо объяснял Иван,

– это только обертка, красивый фантик. Или, точнее говоря, сыр в мышеловке. На самом деле все это есть далеко не у всех американцев и европейцев, и точно отсутствует у всех прочих мексиканцев и негров. Под этой оберткой жесткая клановая политика, коррупция, безработица, преступность, наркомания. И не смейтесь. Вы еще не видели наркоманов. Поверьте, омерзительное зрелище. В свободном мире их миллионы, это полностью опустившиеся, неизлечимые люди. Добавьте платное образование, платную медицину, жесткие тиски кредитов. Человек, потерявший работу, быстро становится парией. Он не может платить по кредитам и лишается страховки. Вы в Союзе и не представляете, что имеете, насколько вы богаты.

– А вы не из Союза? – прищурившись, спросил Павел. Все сказанное Иваном шло вразрез с его представлениями о жизни. Слишком много он читал о западном уровне жизни и каждый день видел пустые полки в магазинах.

– Я много работал за бугром. Знаю не понаслышке. Свобода на родине – это хорошо, но если ты не член клана, то нет шансов быть избранным даже в Сенат. Можно стать миллионером, но чаще бывает трудно найти деньги на учебу. Там не представляют себе, что такое «прописка», но зато во многих районах вечером лучше не выходить на улицу.

Шумилов отложил свой скептицизм в сторону и внимательно слушал. Оказывается, советская пропаганда не врала! Может, она немного перегибала, но в целом общая картина показывалась правильно. Вспомнились рассказы друзей, уже побывавших на Западе. На самом деле: красивая витрина и не слишком приятная действительность за фасадом. Бугров тихо улыбался, искоса поглядывая на ошарашенное лицо Паши, он уже все это знал и принял решение идти до конца.

– Так вот, в начале 80х пауки договорились. Был принят план провести в обеих странах реформы, привести к власти своих людей, подорвать позиции патриотических сил, провести либерализацию экономики, сократить военные расходы. А затем единой силой взять под свой контроль весь мир. Такой долговременный план. Разумеется, в вещественном виде он вряд ли существует. Разговор разведок происходит намеками и с помощью косвенных действий. Диалог шел достаточно долго, и о нем знает достаточно много человек. Сейчас уже не важно, были обе стороны искренни или нет. Обычно каждый стремится к своим целям. Но как бы то ни было, наши начали первыми. Умер Брежнев. Андропову помогли умереть. На роль лидера выдвинулся Горбунков. В Политбюро его утвердили генсеком с перевесом в один голос. Причем два его противника

не успели на заседание, им помогли задержаться. Наш народный президент очень умный человек. Лидер, умеет вести людей за собой, прекрасный политик, циничен, хороший актер. Может честно врать прямо в глаза. Многие попались на его обаяние. Если надо, он так заболтает собеседника, что тот забудет, что хотел сказать. Это идеальный человек для принятой им миссии.

– Выходит, скоро начнется перестройка в Штатах? Я правильно понял?

– Нет, не начнется, – жестко отрезал Иван Жилин, – наших элементарно надули. Точнее говоря, скоро надуют. Перестроечники забыли элементарную вещь: разговаривать на равных можно, только пока за тобой стоит сила. А Союзу скоро конец. Янки люди рациональные, они все загребут под себя. Уже сейчас процесс пошел необратимо. Еще полгодагод, и начнутся события. А затем из страны потекут деньги, миллионы и миллиарды полновесных валютных рублей. Из нас выкачают все и бросят подыхать.

– Не понимаю, у нас же ничего нет, кроме ракет? – удивленно спросил Шумилов. – Откуда в стране деньги?

– А еще экономист, – усмехнулся Жилин. – А золото, алмазы, нефть, лес? А научные разработки, тонны очищенного урана? Все это стоит триллионы. Мы – богатейшая страна мира. Павел, твои студенты учатся бесплатно, ты получил квартиру бесплатно, лечат тебя тоже бесплатно. Квартплата, социальное обеспечение обходятся в сущие копейки. А еще говоришь, что у нас ничего нет, да средний американец и не мечтает о таком!

– Выходит… – Тут в голове щелкнуло, реле замкнуло, и наконецто перед внутренним взглядом из отдельных кусочков сложилась яркая контрастная картина происходящего. Все встало на свои места. Именно разговор с разведчиком дал необходимый толчок, и мозг сложил 2+2, выдал комплексную схему процесса. Шумилов не зря последние месяцы все свое время тратил на сбор информации, он живо представил могучий организм огромной страны. Сильной, и в то же время смертельно больной. Перед ним, как перед хирургом, предстали нарушенные нервные связи, забитые тромбозом кровяные артерии, сжатые в спазме перекачанные мышцы, орды инфекционных вирусов, жрущих здоровые клетки, и сбитые с толку, дезориентированные лейкоциты и антитела. А под черепом виднелась темная раковая опухоль, опутавшая весь организм своими метастазами. Было ясно: пациент скорее мертв, чем жив. Оставалась надежда только на срочное хирургическое вмешательство. Но переживет ли пациент операцию?

Несмотря на согревающий тело коньяк, на душе стало зябко и противно. Хотелось волком выть. Ну почему у меня в родне нет ни евреев, ни немцев? Завтра же на самолет, и куда угодно: в Европу, в Америку, в Израиль. Куда угодно! Лишь бы уехать, пока не началось! Подальше от этой страны!

– О, магазин работает! Пойдем, проверим, есть ли там то, за чем мы пришли, – уверенный голос Ивана вернул Шумилова к реальности. В магазине, точнее говоря, жестяной палатке, действительно обнаружился искомый напиток, вдобавок Бугров прикупил банку деликатесных консервированных ананасов. Цены были заоблачные, но что делать?! Не возвращаться же назад с пустыми руками. Пока молоденькая сонная продавщица в телогрейке и вязаной шапочке отсчитывала сдачу, Арсений успел отпустить пошлую шутку в стиле поручика Ржевского. Продавщица не обратила на заигрывание никакого внимания, видимо, такое ей было не в новость. Уходя из магазина, Арсений на минуту повернулся к прилавку и, широко улыбнувшись, спросил: есть ли презервативы с шипами? И пообещал через пару часиков зайти проверить товар на качество. Так что если девица кого и запомнила, так только слегка поддатого жизнерадостного пошляка в офицерской шинели.

– Ладно, Иван, я не спрашиваю, откуда ты это знаешь. – Арсений вернулся к разговору, как только они отошли от магазина и миновали спешащую по своим делам парочку. – Давай выкладывай дальше. Ты говорил, что можешь помочь.

– Ладно, ребята. Сам я работать с вами не могу. По понятным причинам, – добавил он, горько усмехнувшись, – но коечем помогу.

Арсений, завтра утром я тебе передам наработки моей бывшей группы. Состав «теневого кабинета», аналитические, идеологические и информационные группы, ключевые фигуры в правительстве и органах, потенциально опасные агенты влияния и лица, используемые «втемную». Есть информация о западных советниках и проходивших с ними консультациях, мы раскрутили даже некоторые схемы финансирования и обеспечения идеологическидиверсионных акций. Информация далеко не полная, но сами разберетесь.

– А почему ваша фирма сама их не разрабатывает?

– Мой шеф тоже так думал и написал докладную руководству. Через два дня он «разбился» на машине, а нашу группу выслали в Союз, – спокойно ответил Жилин.

– Кто еще владеет этим списком? – Павел уже внутренне перешел ту незаметную грань, до которой еще можно безболезненно отступить. На

место растерянности и детской инфантильной злобы на этот мир пришла холодная расчетливая ярость.

– Больше никто. Второй экземпляр я храню в надежном месте и не в этой стране.

Всю обратную дорогу они молчали. Каждый думал о своем. Только перед самым подъездом Иван внезапно остановился:

– А знаете, ребята, есть несколько нормальных мужиков в верхах. Я дам вам пару имен. Постарайтесь с ними переговорить, только осторожно. Я уже устал читать некрологи.

Глава 9

Домашний уют. 1998 г.

Опасения Стива подтвердились: по прилете в Лэнгли им не дали и свободной минуты, не говоря уже о возможности хоть на полдня выбраться в Вашингтон. На аэродроме их встретил майор авиации, представившийся Полом Фордом. Затем последовала пересадка на транспортник, летящий на базу ВМФ в Норфолке. Форд пообещал лично заняться устройством группы на базе с максимально возможным комфортом и обеспечить их всем необходимым для работы. Мэллори Шеридан заметил, что для работы в первую очередь нужна информация, а также возможность контактировать со специалистами. Его перебил Бенг, пошутивший, что у моряков очень оригинальные представления о комфорте и удобстве. Они даже на суше заказывают квартиры с качающимся полом, как на корабле. Мэллори сдержанно улыбнулся и поинтересовался, правда ли, что именно «РЭНДкорпорэйшн» рекомендовала взять на работу в Белый дом мисс Левински? И правда ли, что некто Бенг прогнозировал небывалый экономический рост Малайзии во второй половине этого года?

Готовую было вспыхнуть перепалку остановил подлетевший к прогревающему моторы самолету громко сигналящий «Хаммер». Выскочивший из остановившегося у трапа армейского внедорожника первый лейтенант, придерживая рукой фуражку, взбежал по трапу, ворвавшись в салон, козырнул майору Форду и передал ему увесистый пакет. Подняв серую бумажную упаковку к свету, Пол Форд пробежал по ней глазами и, не глядя, расписался в протянутой ему лейтенантом квитанции. После того как посыльный спокойным шагом покинул самолет, майор разорвал упаковку и погрузился в изучение бумаг. В этот момент самолет пошел на взлет, но Форд не прервал чтение. Наконец, он оторвался от бумаг и протянул три пластиковых файла из конверта Бенгу, Шеридану и Грегори.

– Джентльмены, это для вас. Прошу ознакомиться.

В файлах оказалась краткая информационная подборка по Югославии. Население, имеющиеся партии и политические группы, степень их влияния на правительство. Был приведен список всех членов правительства. Краткое резюме по экономическому положению. Грегори заинтересовали данные по армии, особенно по ВВС и ПВО. В целом ничего особенного. Полнокровный полк «Фалькрумовплюс», старенькие «МиГ21», эскадрилья «Фланкеров», ПВО многочисленная, но в основном устаревшие системы.

Новые противорадарные ракеты «HARM» не дадут им ни одного шанса. Интереснее была информация о последних советских поставках. Правда, информация далеко не полная. Мелькали слова «возможно», «вероятно», «по некоторым сведениям». Но даже этого хватало для вывода: Советы решили серьёзно оснастить своего союзника. Новые тяжелые комплексы «Бук» и «С300», ближние «Тунгуска» и «Панцирь». Настораживало увеличение выпуска в СССР радарных систем и средств РЭБ. Ясно, делали не для себя, иначе с какой стати нарушать свои планы производства?

Стив за чтением не заметил, как прилетели. Последний лист он убрал обратно в папку, когда самолет уже остановился и утих гул моторов.

В Норфолке их сразу отвезли в гостиницу. Еще в самолете майор Форд вручил пропуска, позволяющие проходить через периметр военноморской базы в любое время суток. Аэродром находился рядом с портом, дорога заняла всего пять минут. В воротах базы Форд предъявил старшему караула свой пропуск, и их пропустили, даже не удосужившись заглянуть в машину. Трехэтажное здание гостиницы находилось на территории базы, рядом Стив заметил казармы и штаб. В холле их ждали трое моряков, по кивку Форда проводившие гостей в их номера. Ключи были у сопровождающих. Специфика служебной гостиницы не предусматривала портье, или он просто был занят другими делами.

Поднявшись за моряком на третий этаж, Стив отметил про себя скромную обстановку: простые, крашенные в зеленый цвет стены, никаких зеркал и ковровых дорожек, только линолеум, железные перила. Зато номер был уютным. Две комнаты, простенькие люстры, качественные фоторепродукции пейзажей на стенах, в спальне коврик у кровати. Из маленькой прихожей открывались двери в спальню, кабинет и санузел с душевой. Пройдя через кабинет и бросив по пути саквояж на диван, Стив вышел на балкон. Отсюда открывался великолепный вид на порт. Воздух был наполнен запахами морского йода, озона и мазута. У пирсов стояли несколько эсминцев и крейсеров. На фрегате класса «Оливер Перри», стоящем ближе всех к гостинице, шел ремонт. По соединенному с берегом мостками кораблю сновали люди, причал был заставлен контейнерами, среди надстроек сверкала электросварка. Буксиры втаскивали в порт десантный вертолетоносец класса «Иводзима».

– Любой русский шпион заплатит бешеные деньги, чтобы поселиться в этом номере, – с гордостью заявил моряк, выходя на балкон вслед за Грегори.

Стив в ответ только улыбнулся. Шпиону нет необходимости селиться в этой гостинице. В окрестностях немало точек, откуда можно сделать

хорошие фотоснимки порта, портовых сооружений, базы и кораблей в порту. А в городе множество баров, столь любимых моряками после долгого похода. Моряк передал Стиву ключи и, кивнув на прощание, покинул номер. Хорошо, будем располагаться. В спальне были кровать, тумбочка и стенной шкаф. В кабинете, кроме дивана, находился стол с компьютером и телефоном, журнальный столик, телевизор и пара полукресел. Стив с удовлетворением отметил проводок, идущий от компьютера к стандартному разъему, выглядывающему из плинтуса, значит, есть выход в сеть и Интернет. Ткнув пальцем в дистанционный пульт телевизора, Грегори нашел канал с новостями. Пока шел репортаж с фондовой биржи, можно было заняться распаковкой багажа.

Побрившись и выключив телевизор, Стив вышел из номера, тщательно закрыв за собой дверь. Прожив много времени в Германии, Дании, Польше и Италии, Стив привык всегда держать дверь закрытой. Может быть, на базе в Норфолке в номерах и не воруют, но береженого бог бережет. Пол Форд просил быть в конференцзале гостиницы ровно в 13.00.

Когда секундная стрелка коснулась цифры 12, Стив толкнул дверь зала. Кроме Форда, Бенга и Шеридана, за круглым столом присутствовали женщина в строгом костюме и офицер с нашивками капитана войск связи.

– Леди и джентльмены, позвольте представить капитана Стива Грегори, – поднялся с места Пол Форд.

– Джейн Сильвер, Пентагон, – дама широким жестом протянула ладонь подошедшему к столу Стиву. На вид ей было лет тридцать. Короткие темнорусые волосы были зачесаны назад, обнажая высокий лоб. По мнению Стива, слишком высокий. Зеленые глаза светились умом, но красотой она не отличалась. Слишком крупные черты лица, узкие губы, минимум косметики. Но для госслужащего внешняя красота не имеет значения.

– Майкл О'Нил, – представился офицер, представитель космической разведки Пентагона.

– Все в сборе. Можно начинать. – Форд окинул взглядом собравшихся. – Генерал Ирвинг Чейз не может присутствовать. У него срочные дела в Европе. Но он попросил меня ввести вас в курс дела. Ни для кого не секрет, что ситуация на Балканах складывается не лучшим для нас образом. Антинародный нелегитимный режим Слободана Милошевича проводит агрессивную дестабилизирующую политику. Все наши попытки изменить ситуацию не привели к окончательному результату, смене курса Югославии в сторону демократии и либерализации экономики. В 95м году русские нарушили наши планы в Боснии и под прикрытием миротворческой

миссии ООН взяли под свой контроль несколько важных точек этой республики. Освободительное движение в Косово жестоко подавляется правительственными войсками. Международное эмбарго, на которое мы возлагали большие надежды, не приносит значительных результатов. В первую очередь изза принципиальной политики Советов и предательства Испании.

– Я полагаю, мы все в курсе нашей политики на Балканах, – прервал Форда Шеридан.

– Да, коммаидер Шеридан, но я обязан проинформировать вас в общих чертах. В связи с необходимостью проведения более активной политики на Балканах, на самом высоком уровне было принято решение о создании специальной группы экспертов из специалистов, владеющих ситуацией в Югославии. На это решение повлияла активизация Советов, и в первую очередь поставки оружия Милошевичу.

Пока Форд долго повествовал о балканской политике и целях их группы, Стив откровенно скучал. Все это он знал и раньше. Его гораздо больше интересовала возможность вырваться на пару дней в Оклахому. Да и с Майклом Полянски не помешает встретиться. Завершив речь, Форд предложил высказываться всем желающим. Шеридан задал пару уточняющих вопросов, и на этом дело закончилось. Грегори, Бенг и Шеридан слишком устали после трансатлантического перелета, Сильвер и О'Нил прекрасно понимали их состояние и не затягивали совещание. Вскоре выдохшийся майор Форд встал со стула и заявил, что все свободны до завтрашнего утра.

Несмотря на усталость, Стив нашел в себе силы доехать на попутке до города, взять машину на прокат, позвонить в Вашингтон и встретиться с Полянски в ресторанчике на 14й стрит. Старые друзья весь вечер говорили о жизни, вспоминали старые годы. Майк женился, скоро станет отцом. У него дом в пригороде и новый «Крайслер». Постепенно Стив перевел разговор на работу. Оказалось, что он не ошибся в своих предположениях: Майкл был причастен к его возвращению из забвения. Именно Полянски напомнил Форду о талантливом аналитике Грегори. Кроме того, Полянски посоветовал проявить максимум рвения на этом поприще, в случае успеха Грегори ожидает хорошая карьера в Пентагоне.

Следующим утром началась работа. Командование серьезно относилось к экспертам и обеспечивало их всем необходимым материалом. Стив незаметно сдружился с Шериданом и О'Нилом. Иногда приходилось вылетать в Европу. Так, Бенг провел целую неделю в Хорватии и Венгрии, изучая на месте потоки контрабанды из Югославии. Грегори и Сильвер

много времени тратили на анализ советского экспорта. Данные были неполные, многое было просто недоступно, но со временем удалось найти часть ответов на вопросы. Так, совершенно случайно к ним попал отчет агента, в котором сообщалось, что из Московского и Закавказского военных округов выводятся зенитные комплексы «С300». Русские всегда тратили много средств на создание надежной ПВО и ПРО своей столицы. Если они срочно перебрасывают технику, значит, им потребовалось наладить устойчивую ПВО в другом месте. Не прошла мимо и информация о переброске в Средиземное море авианосца «Кузнецов» и артиллерийского крейсера «Рюрик». Новейший русский крейсер предназначался в первую очередь для бомбардировки берега и прикрытия десантных операций. Появление такого корабля в Адриатике предполагало, что русские решили не только пассивно увеличивать военный потенциал Югославии, но и несколько расширить свою зону влияния. Например, за счет Хорватии. Автономный край Сербская Краина в любой момент мог стать поводом для миротворческой акции.

Через неделю после приезда в Норфолк Стив, пользуясь хорошим настроением генерала Чейза, выбил себе отпуск на целых четыре дня. Генерал даже обеспечил проезд до Оклахомасити и обратно за счет Пентагона. Перелет не занял много времени. Потом пересадка и час до Инида, а затем еще часок автобусом до Спрингфилда.

В родном городе на автостанции его встретил старший брат Джеф. Все такой же жизнерадостный, веселый, с пышными усами, за которые его так любили местные красотки.

– Как мама? – первым делом поинтересовался Стив.

– Нормально, у мамы все хорошо, она будет очень рада тебя увидеть. Отец себе с самого утра места не находит. Ну и достанется тебе от него, когда приедем. Ты сколько лет не был дома?

– Года три точно. – Стив подхватил свой чемодан, и они направились к стоящему у тротуара яркозеленому «Лендроверу». Машину купили еще 8 лет назад. Английский внедорожник оказался на редкость надежным и неприхотливым. Кроме новых покрышек и регулярной смены масла, ремонт ему практически не требовался. И вот уже 8 лет старый Джон Грегори отправлял всех коммивояжеров, забредавших на ферму с рекламными проспектами автомобильных компаний, в известное место. Исключением оказался только агент, предложивший новый «Лендровер». Услышав это предложение, Джон Грегори вздохнул и обещал обязательно связаться с компанией, когда его старый джип отправится на свалку. Судя по всему, это знаменательное событие произойдет не скоро.

– Как новый трактор? Работает? – поинтересовался Стив.

– Да, хорошая машина. И солярки мало жрет, – ответил Джеф, выкручивая руль и просигналив, срываясь с места. – Спасибо за помощь. Если бы не ты, пришлось бы брать кредит в банке.

– Да ладно, будет тебе. – При упоминании об отправленных им отцу год назад тридцати тысячах долларов на новый трактор, Стив почувствовал себя неловко. Отец долго отказывался брать деньги, хотя трактор был нужен позарез.

– А старый Боб Гексли все еще держит лавку на углу Гранта?

– Да. Куда он денется?! Все так же ходит в церковь в своей ковбойской шляпе и пьет только яблочный сидр. В позапрошлом году его внучка Салли уехала в Денвер. Помнишь ту рыжую? Пишет, что устроилась, нашла хорошую работу. У нас ничего не меняется. А ты как?

– Все еще капитан. Неделю назад перевели в Норфолк, работаю в разведке.

– Да ты у нас большая шишка, – присвистнул Джеф. – Смотри, мамаша Сьюзен с обеими дочками собралась за покупками.

Джеф притормозил и, высунувшись в окно, помахал степенной женщине, неторопливо шествовавшей в сопровождении двух загорелых длинноногих девиц. Джефу ответили кивком головы. Девицы, хихикая, помахали вслед машине.

– Слушай, Стив, а ты еще не женился?

– Какой там, рано еще.

– Так тебе сколько лет?

– Будто не знаешь, 32, – расхохотался тот в ответ. Положительно, Джеф не изменился, помнится, он в свое время сватал Стиву коротышку Хиггинс.

– Годы идут. Смотри, незаметно пройдет твое время. Постареешь и не заметишь.

– Иди ты в задницу, – Стив с размаху хлопнул брата по плечу, – я еще девок мну, как паровой каток.

– Так женись! Вон смотри, у мамаши Сьюзен две дочки на выданье. У Мэтью хромого Кэтрин закончила университет, сейчас она врач. От парней отбоя нет. Но ты же летчик, пройдешь без конкурса.

Джип вырвался из узких городских улочек и покатил по ровной, как струна, трассе. По обе стороны дороги тянулись поля кукурузы. В небе парил ястреб, высматривавший добычу. Вскоре они проехали мимо работавшего в поле трактора. Пит Лачкинс, живший на улице Вязов, убирал свеклу.

– Джеф, ты представляешь! Я еще неделю назад сидел в чертовой Италии и не помышлял ни о чем, кроме кружки «Будвайзера», а сегодня я уже почти дома! – Стив потянулся и закурил сигарету, выпустив в окно клуб ароматного дыма.

– Так ты же говорил, что сейчас служишь в Норфолке, или?..

– Вот именно, или, – усмехнулся Стив, убирая в карман зажигалку, – пока продолжается эта заварушка на Балканах, я нужен командованию. А как закончится, непонятно, что будет дальше: или останусь в Штатах, или зашлют в какуюнибудь Польшу или Италию, где летом асфальт плавится, а мозги кипят, как яйца в котелке.

– Да ладно, не тяни за ногу, небось, уже всю свою Италию перетрахал и сбежал в Норфолк, подальше от расплаты, – расхохотался Джеф. Стив загоготал вслед за братом. На душе было легко и весело. Он вырос в этих краях, в этом маленьком городке из двух улиц. В городке, где все знают друг друга, на улице здороваются со встречными, десятилетиями покупают чай и кофе в одной и той же лавке, по воскресеньям ходят в церковь. Берегут каждый доллар и неохотно берут кредиты. Где помнят, что еще в годы Великой депрессии Джеферсоны и Грегори гнали домашний виски, а Хиггинсы не пользуются уважением, потому что в 48м году судились с Льюисами изза межи. Стив вспомнил маленькую одноэтажную школу и мисс Гарднер, пытавшуюся вбить в его голову географию. Сейчас он знал географию лучше самой мисс Гарднер, во всяком случае, то, что касается Европы, но дело не в этом. Именно благодаря ее рассказам о дальних странах он пошел в армию.

– А помнишь?

Скрипнув тормозами, «Лендровер» сбавил скорость и, завывая на второй скорости, свернул на грунтовку. До отцовской фермы оставалось еще 8 миль. Джеф рассказывал, что в этом году они посеяли больше свеклы и кукурузы, чем пшеницы, и не прогадали. Государственные дотации снизились, и многие фермеры получили за урожай меньше, чем рассчитывали. Еще Джеф собирается этой осенью поставить тепличное хозяйство на целый акр и выращивать петрушку, шпинат, салат и грибы. Он уже договорился с парой ресторанов на свежую продукцию. Если дело пойдет, ферма полностью перейдет на овощное хозяйство и разную экзотику. В одном журнале писали, что умные люди делают хорошие деньги на грибах.

Наконец за поворотом показалась ферма. Дом был построен еще прадедом Стива и Джефа, он же разбил великолепный сад вокруг дома. Сейчас в старом доме жило уже пятое поколение Грегори, если считать

детей Джефа. Самой старшей, Джейн, было десять лет, Джонмладший только пошел в школу, а самый младший, Вилли, еще гукал в колыбели, интересуясь в первую очередь прекрасными объемными молочными сосудами, предоставляемыми ему мамой по первой же просьбе. В Спрингфилде не признавали искусственное вскармливание, наверное, поэтому дети росли крепкими и здоровыми.

Машина въехала в открытые ворота и остановилась у крыльца, рядом с детскими качелями, которые Стив помнил еще с детства. Джеф выпрыгнул из салона и помчался в дом предупредить о приезде. Щурясь на солнце, старый Джон Грегори вышел из теплицы и, прислонив к стене лопату, медленно направился к машине. На крыльцо выскочила Линда с ребенком на руках. Стив неловко топтался возле машины.

– С возвращением домой, сынок.

– Здравствуй, отец. – Рукопожатие отца было попрежнему крепким, он почти не изменился, только добавилось седины в волосах и углубились морщины вокруг глаз. – Пошли в дом, не стой на пороге, мама тебя заждалась.

Вечером за столом собралась почти вся родня. С соседней фермы приехала сестра Стива Мэри, со своим мужем Ником Джеферсоном. Были дядя Майк и тетя Хелен. Приехал Сэм Аткинс, двоюродный брат отца, державший бензозаправку на въезде в город. Он сильно постарел, но все так же курил крепкие сигары. Мама приготовила своего знаменитого гуся с яблоками, блюдо, в котором никто в Спрингфилде, да, скорее всего, и во всей Оклахоме не мог с ней сравниться. Отец достал из погреба домашний виски. Стив поставил на стол бутыль итальянского столового вина, совершенно случайно он купил его перед своим последним вылетом. И не забыл прихватить с собой в Штаты.

За столом немного попеняли Стиву за то, что долго не приезжал. Вспомнили дядю Фреда. Старик последние годы жил один и часто приезжал по вечерам на ферму Джона, где за стаканом кукурузного виски старики играли на веранде в твист и Блэк Джек. Единственный сын дяди Фреда Пол служил на флоте и до сих пор не смог приехать на могилу отца. Стив знал, что Пол подводник, служит на «Лафайете», входящем в состав 3го флота, базирующегося в ПерлХарбор. Постепенно застольные разговоры перешли на цены на урожай, на солярку и бензин и на местные новости. Ник с нескрываемым восторгом рассказал, что Лемюэль Ли, живший на ферме по ту сторону Спрингфилда, протянул провод вдоль ЛЭП, идущей рядом с его участком, и получал электричество буквально из воздуха. Разумеется, электрическая компания пробовала с ним судиться, но

бесполезно. Провод висит над землей Лемюэля, и ни к чему придраться невозможно. Стив вспомнил несколько армейских баек.

Гости разъезжались уже поздно вечером. После того как последняя машина уехала, увозя Ника и Мэри, мама тихо спросила у Стива:

– Сынок, ты надолго?

– Мам, послезавтра улетаю обратно. Извини, я с трудом отпросился на три дня. – После неловкой паузы он добавил: – Приеду, как только смогу. Ну, ты сама понимаешь… Может получиться на Рождество.

Глава 10

Полигон. 1998 г.

Массивные угловатые гусеничные машины, раскачиваясь на ходу, переваливались через неглубокую ложбину. Опытный зенитный дивизион выдвигался в район практических стрельб. Стас Рубанов маялся на заднем сиденье открытого армейского «УАЗа», вцепившись обеими руками в спинку переднего сиденья. На раскисшей, разбитой гусеничными тягачами грунтовке машину бросало из стороны в сторону, как корову на льду. Изпод колес летели комья чернозема, вчера весь день лил дождь. Но машина уверенно тянула вперед, водитель даже иногда включал третью передачу, но при этом благоразумно держался на дистанции от машин дивизиона. Рядом со Стасом сидел капитан Николай Наговицын, а на переднем сиденье расположился его старый знакомый майор Евгений Лесовик. Офицеры представляли на стрельбах Центральное управление ПВО, заказчика «изделия». С Женькой Лесовиком Стас познакомился еще четыре года назад на том же самом полигоне, по которому они сейчас тряслись. Следом за «УАЗом» шел «ЗИЛ131» с остальными разработчиками и заводскими специалистами, жаждущими своими глазами увидеть пуски. Рубанову сегодня повезло: непосредственное наблюдение за пусками осуществлял Лесовик, предложивший Стасу ехать на «уазике». Естественно, Стас согласился, вопервых, он давненько не виделся с Женькой, тот жил в Москве, и, кроме как на испытаниях или во время редких командировок, в управление ПВО они не пересекались, вовторых, «ЗИЛ» мотало по грязи так, что не верилось, что у него в кунге еще оставались живые люди.

Дивизион тем временем скорым маршем приближайся к заданной точке. Гусеничные вездеходы спокойно держали 30–40 км/ч. Командный самоходный пункт, радиолокационная станция, две пусковые и две пускозаряжающие установки перемалывали гусеницами мокрый грунт. Следовавшим за ними колесным машинам приходилось несладко. Дивизион вел смешанный расчет из офицеров зенитчиков и специалистов разработчиков. До расчетной точки осталось пересечь вброд русло узенькой речушки, затем перевалить гряду невысоких оплывших холмов, и все, примерно пять минут хода. «УАЗ» бросало из стороны в сторону, водитель, молоденький ефрейторсрочник, в последний момент крутанув руль, увернулся от торчащего из земли валуна. Не ожидавший толчка Стас повалился на капитана.

– Что?! Сидеть спокойно не можете? – повернулся к ним Евгений. –

Чуть машину не опрокинули.

– Специально, что ли, такую погоду выбрали, – проворчал Рубанов. За последние месяцы он успел отвыкнуть от прелестей полигона. Первоначально стрельбы планировались на август, но изза непредвиденных задержек сроки сдвинулись.

– Специально, специально, – со смехом ответил Николай, спихивая с себя Стаса, – чтоб вашу технику как следует порастрясло на кочках. Глядишь, ракеты по дороге отвалятся.

Ответом послужил громовой смех. Два года назад в Крыму на таких же опытных стрельбах от тряски у «Панциря» отвалился контейнер с ракетой. Повезло, что не взорвалась. Но с тех пор военные при каждом случае напоминали разработчикам о конфузе. Стас смеялся вместе с офицерами, «Панцирь» разрабатывало другое КБ. Водитель, вцепившись обеими руками в руль и наклонившись вперед, вглядываясь в дорогу, не обращал никакого внимания на пассажиров. Важнее было не потерять их на очередном ухабе.

– Надо было БТР брать, – проронил Евгений, когда машина с пробуксовкой и скрежетом трансмиссии выползла из ложбины.

– Кто машину выбирал? Сам же говорил: поедем с ветерком – отозвался Наговицын.

– Можно было и БТР, – философски согласился майор, – да только смотри, как парит! В БТРе было бы душно.

– Мужики, БТР брать было опасно, – заметил Стас.

– Почему?

– Открою маленький секрет. Только учтите, я этого не говорил. Головка самонаведения «изделия» оказалась более чуткой, чем по заданию.

– Ха! Ты нам зубы не заговаривай! Наплетешь с три короба, а потом выяснится, что она только в воздух попадать может. Опять схему напутали или не тот сенсор применили.

– Погоди, ракета может бить и по наземным целям, а головка на самом деле слишком чуткая. И если теряет цель, сама захватывает ближайший подходящий объект. К примеру, у БТР радиофон, как у «Томагавка».

– Блин, хорошо, что джип взяли, – выдавил из себя Лесовик.

– А кто у вас головку разрабатывал? – поинтересовался Наговицын.

– Секрет. Не могу сказать.

– Да брось, Стас. Надо же знать, кому морду набить. В случае чего.

– Ну ладно. Помнишь, в прошлом году на Байкале летающую тарелку сбили?

– Что?! Это же утка! – возмутился капитан.

– Нет, это потом уже написали пару идиотских статеек, чтобы все так думали. Зенитчики засекли тарелку, приняли за нарушителя и дали залп. Кажется, «С300» стрелял. Попали. НЛО свалился в тайгу. Пограничники нашли тарелку, правда, экипаж погиб, не выдержали нашей атмосферы. Потом приехали гэбисты и все засекретили. Но коечто успело просочиться в прессу.

– Возможно, – задумчиво проговорил Евгений. – КГБ это может. Очень даже может.

– Так вот, – продолжил Рубанов, – нам в Бюро весной привезли ракеты с летающей тарелки. Мы скопировали их головки самонаведения и поставили на новое «изделие».

– Ах, ты!.. – смеялись долго и весело. Лесовик и Наговицын давненько не попадались на такой трюк. Смеялся даже водитель, причем не сбавляя ход. Как он при этом умудрился не опрокинуть машину, осталось загадкой. Колонна тем временем скатилась в прорезанный речушкой овражек. «УАЗ», сбавив скорость, на пониженной передаче плавно вошел в воду. Глубина была меньше полуметра, но водитель вел машину осторожно, боясь залить двигатель.

– Знаешь, у меня скоро новоселье, – заявил Наговицын, – у сеструхи муж квартиру взял на Югозападе, под кредит на пять лет.

– А так сейчас можно? – поинтересовался Стас. Ему двушка досталась совершенно бесплатно, как специалисту номерного КБ. Перипетии квартирного вопроса его практически не касались.

– Можно, они деньги накопили, да я еще подкинул. Как раз на две трети стоимости хватило, а остальное за пять лет спокойно выплатят. Володька нормально зарабатывает, он на подшипниковом заводе начальник участка, да и Катя из декрета вышла.

– А какой процент?

– Три с половиной годовых.

– Нормально, можно брать, – заметил Евгений Лесовик. – У меня братишка раздумывает: брать или не брать. И хочется, и боится, что не расплатится.

– Он же у тебя вроде на Кавказе воевал? – поинтересовался Николай.

– Да, даже пара медалей имеется.

– Дурак, пусть берет, – безапелляционно заявил Наговицын. – Участникам боевых действий дают беспроцентный кредит на 15 лет. Пусть подберет новостройку, собирает документы, справки – и бегом в банк.

Машина вслед за дивизионом перевалила через ложбину между двумя возвышенностями и выскочила на ровное место.

– Все, приехали. Тормози вон у того дерева, – велел Лесовик, указывая на одиноко стоящую березу.

Через пару минут заляпанный грязью «УАЗ» остановился в тени широко раскинувшей ветви над полем березы. Рядом скрипнул тормозами «ЗИЛ». Из него посыпался слегка помятый инженернотехнический контингент. Лена и Ириша, единственные женщины в грубой мужской компании, расположились на отнятой у Наговицына плащпалатке у дерева. Остальные находили места где придется. Стас остался в «УАЗе», обзор из машины был хороший.

Тем временем дивизион развернулся в боевое положение. Радарная станция «Купол» замерла на месте, антенна зенитного радара плавно распрямилась над машиной. Две пусковые установки остановились по обе стороны от радара примерно в пятидесяти метрах. Командная машина выкатилась на пару сотен метров вперед.

НИИ испытывал новую модификацию ракеты для комплекса «Бук М1–2». Сам комплекс был принят на вооружение недавно, но научная мысль не стояла на месте. Благо, заказчик щедро финансировал новые разработки. Первоначально боевые пуски не планировались, но, после того как ракета с блеском прошла все испытания, руководивший испытаниями конструктор Стаднюк Алексей Макарович, посовещавшись с коллегами, решил «показать товар лицом», то есть провести боевые стрельбы по мишеням. Руководство дало «добро», благо, на полигон привезли достаточный запас «изделий», базовая часть комплекса стояла на вооружении с 83го года, была отлажена и нареканий не вызывала. На полигоне нашлись и мишени. Главный конструктор созвонился с заказчиком, и пять дней назад в Пономаревку прибыли офицеры из Генштаба, управления ПВО, Министерства обороны. То есть те, кто должен осуществлять приемку новой ракеты и дать заключительный вердикт. Или отрицательный, если, не дай бог, стрельбы провалятся.

На следующее утро после прибытия комиссии были успешно разнесены на мелкие куски две мишени. Стоя над обломками тактической ракеты, послужившей мишенью, возглавляющий рабочую комиссию седовласый генераллейтенант Петров распорядился отдать разработчикам на заклание телеуправляемый «МиГ21». На данный момент единственный на аэродроме полигона. Ветеран авиации, кроме радиоуправления, был оснащен полным комплексом средств РЭБ, автоматом отстрела инфракрасных ловушек и всем тем, что должно уберегать самолет от близкого знакомства с зенитными ракетами. В этом году в Пономаревке были сбиты уже три такие машины. Очередная партия самолетовмишеней

должна была поступить только следующей весной. Но этот экземпляр оказался на редкость везучим и пережил уже две практические стрельбы, вогнав в краску и втоптав в грязь слишком самоуверенных разработчиков из ОКБ52. Как самолет сажали без летчика, только по радиолучу, оставалось загадкой. Операторы мишени хранили молчание и надеялись посадить его и в третий раз.

Стас молча наблюдал за приготовившимся к стрельбе дивизионом. Не без гордости испытывая почти отцовские чувства к «изделию». Это его ракета. Сколько было потрачено времени, пока на мониторах компьютеров не вырисовались рабочие чертежи. Сколько раз он засиживался допоздна на работе, пытаясь продумать очередной «упрямый» узел. Сколько копий было сломано на совещаниях. И, наконец, экзамен на аттестат зрелости. Практические стрельбы.

Дивизион замер. Со стороны не было заметно ни малейшего движения. Но вот широкая лепешка башни одной из пусковых установок пошла в сторону, приподнялась направляющая рама, и машина окуталась дымом. Ракета сорвалась с направляющей и ушла в небо. Через минуту стартовали еще две ракеты этой установки. По ушам зрителей ударил грохот ракетных двигателей. Пускозаряжающая машина, фыркнув мотором и выпустив из выхлопной трубы облачко дыма, двинулась к пусковой установке. Стас, не мигая, следил за полетом ракет. Первая уже скрылась за горизонтом.

– Смотри! – Лесовик толкнул Стаса в бок, показывая рукой чуть правее командного самоходного пункта. Стас перевел взгляд в указанном направлении. Там в небе быстро перемещалась крылатая ракета. Мишень шла на бреющем, почти касаясь верхушек деревьев. Зенитные ракеты стремительно сокращали расстояние до цели. Две точки соединились, и полыхнул взрыв. Вторая ракета, не найдя цели, самоликвидировалась.

Ленка Махрова вскочила на ноги и громко взвизгнула:

– Попали!

– Ура! Сбили! – раздались возгласы зрителей. – Попали! Точно, едрит твою мать! Прямо в очко!

Тем временем из пусковой установки и заряжающей машины высыпали люди. Пускозаряжающая машина пристроилась к корме огневой установки. Шевельнулась короба с запасными ракетами, приподнимаясь на гидравлических приводах, и длинные остроносые сигары поползли по направляющим, занимая места израсходованных ракет. На второй пусковой установке вспыхнули стартовые заряды, окутывая машину облаком дыма и пламени. Сразу две ракеты сорвались с направляющих. Стремительно

набрав высоту, огнехвостые повернули почти на 90 градусов и метнулись к линии горизонта. Тянулись секунды ожидания. Ракеты уменьшались в размерах, вот они превратились в яркие точки, еще минута, и огненные точки скрылись за горизонтом. Только в воздухе висели хвосты инверсионных следов. Цель находилась вне пределов видимости. А ракета била на 45 километров.

По условиям приемки, расчет комплекса и разработчик ничего не знали о составе испытания, целях, их количестве, времени появления, дистанции и т. д. Дивизион был обязан самостоятельно обнаружить цель, дать запрос на развернутый в паре десятков километров от стартовой позиции полевой командный пункт. И, получив разрешение, сбить все цели. Люди потрясённо молчали, над головами висела тяжелая тягучая тишина. Только тихо шелестели листья березы да, негромко рыча, вторая пускозаряжающая машина пристраивалась к своей огневой установке. При необходимости ракеты «Бука» могли стартовать и с пускозаряжающих машин, по наведению с командного пункта или огневых установок. Но руководство, видимо, посчитало этот вид стрельб излишним. Все было отработано еще на предыдущих моделях, сегодня испытывали только ракету. А машины были от старой модели и уже давно стояли на вооружении.

Тишину нарушило пиликанье рации. Лесовик бросился к «УАЗу» и буквально вырвал из гнезда трубку радиотелефона.

– Майор Лесовик слушает, – это была единственная его фраза, произнесенная в трубку. Наконец, выслушав собеседника и вернув радиотелефон на место в гнездо, Евгений обвел взглядом окруживших его разработчиков и заводчан.

– Генераллейтенант Петров недоволен, – в глазах майора блеснула хитринка, – полигон остался без последнего самолета мишени. Стрельбы прошли.

Его голос потонул в многоголосом реве восторга. Мужики бросились качать конструктора Стаднюка. Алексей Макарович вяло отбивался, но вскоре его ноги взлетели над головами специалистов. Затем настал черед главного инженера заводаизготовителя Валерия Фридриховича Акста.

Обратно ехали спокойно, без спешки. Командир дивизиона выбирал дорогу получше, никто от него не требовал прибыть на место в расчетное время. Экипажам боевых машин тоже досталось во время марша. «УАЗ» и «ЗИЛ131» обогнали гусеничные машины и медленно ехали по раскисшей грунтовке. Евгений извлек изпод сиденья три пластиковых стаканчика и бутылку. И как только она не разбилась во время бешеной гонки?

– Ну, за зенитчиков! За мирное небо!

Закусили завалявшимся в кармане у Стаса окаменевшим пряником. Холодная водка пилась легко, Стас даже не почувствовал, как проглотил полстакана. В голове приятно зашумело. На душе стало легко и свободно. Прохладный ветерок овевал лицо, на небе смеялось сентябрьское солнце. Дело сделано. Стрельбы прошли удачно. Сегодня в клубе будет банкет. Будут и шашлыки у крыльца, будут и водка, и вино, и танцы до утра под хрипящий магнитофон. Жаль только, не будет шотландского виски. У разработчиков «Панциря» возникли проблемы, и они привезут новую систему только через месяц. А значит, не будет и Мансура с КамАЗа, того, который еще весной обещал отметить испытания нового шасси настоящим виски. Ну и ладно! В следующий раз пересечемся.

Завтра утром начнется разбор стрельб. Просмотрим записи приборов и отчеты ракетчиков. Еще раз переберем по секундам сегодняшние испытания. Скорее всего никаких «сюрпризов» не обнаружится. Через дватри месяца будут подписаны все приемосдаточные акты. Новую ракету примут на вооружение, и заводы перейдут к ее выпуску. А между прочим, за такие вещи положена хорошая премия. Как раз хватит на новенький холодильник. Стас уже давно приценивался к двухкамерному «Минску». Большой, вместительный, с отдельной морозильной камерой «Минск» стоил целых две тысячи рублей. Стасу оставалось еще два месяца выплачивать кредит за машину. Но премию можно будет потратить на холодильник. «Или подождать? – мелькнула в голове здравая мысль. – Все равно через две недели улетаю в Белград». Лучше положить деньги на депозит, а к тому времени, когда он вернется из командировки, в продаже может появиться новая модель.

Здание аэропорта «Внуково» бурлило. По громкоговорителю объявили посадку на рейс до АлмаАты. Полчаса назад приземлился самолет из Ревеля. Стас взглянул на часы – времени было достаточно. До регистрации билетов оставался еще целый час. Подхватив увесистый чемодан и не менее габаритный баул, Рубанов направился к ряду киосков, полностью занимавшему целую стену зала аэропорта. Пробежав равнодушным взглядом по витрине, он взял бутылочку кокаколы и прикупил свежий «Труд».

Он только вчера приехал в Москву. Устроился в гостинице и прошел инструктаж в Министерстве обороны. Все документы – загранпаспорт, рабочая виза, медицинская карта – были давно готовы. Никифоров не обманул, в ОВИРе от Стаса потребовалось только сдать документы и фотографии, заполнить с помощью улыбчивой вежливой паспортистки

анкеты. Через неделю он забрал готовый загранпаспорт с рабочей визой Союзной Республики Югославии. Больше времени ушло на медицину. Целых два дня целиком он потратил на медосмотр и прививки. Минздрав плевать хотел на любые чрезвычайные обстоятельства, дела государственной важности и предписания со штампом КГБ и отметкой Министерства обороны, у них были свои инструкции. «Если бы вы ехали лечиться или на срок меньше двух месяцев, тогда другое дело. А так терпите», – совершенно серьезно ответил главврач районной поликлиники, ставя печать в документы, когда, малость ошалевший от воняющих хлоркой больничных коридоров и унылых очередей, Рубанов высказал ему свои претензии.

Но все это было в прошлом, еще до поездки в Пономаревку. В отделе кадров родного КБ выдали командировочное удостоверение со всеми подобающими печатями, в кассе отсчитали аванс. Половину в рублях, половину в югославских динарах. Получилась приличная сумма, особенно если обменять часть динаров на доллары. Что Стас сегодня утром и сделал, обнаружив рядом с гостиницей отделение «Альфабанка». Его старый приятель Мишка Комаров этим летом отдыхал в Черногории и рассказывал, что в Югославии пользуются популярностью рубли, а в курортной зоне доллары. Местный динар берут неохотно, и в валюте цены получаются ниже. «Жизнь это жизнь» – как пела группа «Opus».

В сером безликом кабинете Министерства обороны собралась небольшая группа специалистов. Серьезный подтянутый полковник с орденом Дружбы народов на груди форменного кителя коротко кивнул собравшимся, сверил наличный состав со списком и, попутно предупредив об ответственности за разглашение государственной тайны, быстро ввел их в курс дела. Союзная Республика Югославия, проводящая независимую миролюбивую политику, в любой момент может подвергнуться агрессии блока НАТО. Советский Союз, верный союзническому долгу, всемерно способствует укреплению обороноспособности маленькой балканской страны. В настоящее время в Югославию по кредитной линии поступает значительное количество военной техники. От собравшихся здесь советских специалистов требуется в кратчайшие сроки создать единую комплексную систему ПВО и подготовить местные кадры. В Югославию поставляются хорошо зарекомендовавшие себя комплексы: «С300ПМ», «Бук М1» и «Бук М1–2», «Панцирь», «Тунгуска», радиолокационные станции «Купол» и «Горизонт», мобильные посты воздушного наблюдения и другая подобная техника. Ситуация сложная, поэтому советское правительство приняло беспрецедентное решение: оснащать Югославию

новейшей техникой категории «А», то есть предназначенной для Советской армии. До этого на экспорт шло оружие только категории «Э», с ухудшенными характеристиками. Особое внимание следует уделять маневренности и маскировке огневых установок и РЛС, работе от внешних средств целеуказания и максимальному использованию оптоэлектронных систем наведения. Радиометристы должны быть готовы в любой момент накрыть страну и прилегающие территории сплошной пеленой помех, обеспечить надежную маскировку дивизионов ПВО и «обрадовать» летчиков НАТО более чем достаточным количеством ложных целей. Необходимое для этого оборудование поставляется в первую очередь. Еще раз напомнив об интернациональном долге и необходимости преподать хороший урок зарвавшимся империалистам, полковник закрыл свою папку и молча покинул помещение. Вслед за ним разбрелись и специалисты.

Вещи Стас оставил в номере гостиницы «Спорт» и весь вечер гулял по столице. Ему нравился этот шумный, вечно спешащий, но красивый и ухоженный мегаполис. За последний год Москва изменилась, на улицах добавилось машин и рекламы, иногда возникали пробки. На Кутузовском проспекте работали дорожники, расширяя проезжую часть. Прямо у стен Кремля, на Манежной площади, строители в огромном котловане сооружали ультрасовременный торговый центр. На улицах встречались афиши, возвещавшие о концерте юмориста Задорнова. К сожалению, попасть не получится, концерт будет только через три дня. У бассейна «Москва» уже который месяц стояли пикеты с лозунгами, требовавшими возродить храм Христа Спасителя. К фонарному столбу прислонился плакат с горестным изможденным лицом, напоминающим героя фильма ужасов. Серые лица пикетчиков и поблекшие плакаты выглядели уныло и беспомощно, прямо как лики святых в Василии Блаженном, куда Стаса занесло в прошлом году. Рядом с пикетчиками стояла урна для пожертвований, но Стас не заметил, чтобы москвичи и гости столицы проявляли особую щедрость, во всяком случае, на его глазах никто к ней не подошел.

После памятника Петру I москвичи настороженно относились к архитектурным экспериментам своего градоначальника. В народе ходил анекдот, что на следующий день после торжественного открытия монумента к скульптору, ожидавшему всенародного признания и лавров, домой заявились хмурые товарищи в штатском, молча отвезли автора в аэропорт и запихнули в самолет рейсом до Вашингтона, на прощание отобрав советский паспорт. Правда это или нет, но автор монстра на самом деле эмигрировал в Америку и возвращаться на родину не собирался.

Стас до самой ночи гулял по старой Москве, прошелся по Арбату, наведался к Чистым прудам, долго стоял над Москвойрекой. Поужинал он в ресторанчике у метро «Спасские ворота». В стилизованном под харчевню, обшитом толстыми, грубо обработанными досками зале официантки в кокошниках подавали огненную, наваристую сборную солянку, расстегаи попоморски со снетком, кулебяки, настоящую гурьевскую кашу и мясо покрестьянски. Запивать это благолепие полагалось сбитнем, морсом и домашним пивом. Стас хорошо отдохнул, успел перед отлетом насладиться прелестями столицы.

Оглядевшись по сторонам, он обнаружил свободное место, прямо под информационным табло, и поспешил его занять. Пододвинув чемодан и баул себе под ноги, он открыл кокаколу об подлокотник и развернул газету. В «Труде» не было почти ничего интересного. Репортажи с Кубани и Северного Казахстана, там собрали рекордные урожаи зерновых. Бодрая статейка о БАМе: наконецто в следующем году магистраль достроят. Интервью с директором Запорожского автозавода о сотрудничестве с «Дженерал моторс» и предполагающейся реконструкции предприятия. Недавно было подписано соглашение, по которому «Дженерал моторс» получает 40% активов ЗАЗа, а взамен вкладывает деньги в модернизацию предприятия и помогает наладить выпуск конкурентоспособной продукции. Директор завода с неохотой признавал, что «Таврия» в последнее время не пользуется спросом, а для перевооружения предприятия нужны значительные средства. «Ладно. Значит, через пару лет увидим настоящий американский „Запорожец“», – хмыкнул себе под нос Станислав.

Всю четвертую страницу занимала пространная статья известного политолога и публициста Владимира Дорошева. Статья была написана со свойственной Дорошеву вдумчивостью, хорошо аргументирована, пронизана тонким юмором и доказывала необходимость реформирования административнотерриториального устройства Союза. Автору нельзя было отказать в знании проблемы. Зачем, к примеру, нужна Еврейская АССР, если там нет евреев? Все три Прибалтийские Союзные Республики по товарообороту и объему ВВП равны одной Калининградской области. Они превосходят ее по территории, но это не критерий, так как Якутская АССР больше их всех, вместе взятых, в пятнадцать раз. Казусом является Ферганская долина, которую на карте не сразу найдешь, разделенная между тремя союзными республиками. Нет никакого смысла в существовании Башкирской, Татарской и Чувашской АССР, все равно они не отражают естественные границы расселения национальностей, то же самое относится

к остальным автономным республикам и округам. Они только увеличивают бюрократию, одни их министерства чего стоят, и служат провоцирующим фактором для межнациональных конфликтов. Нагорный Карабах и Абхазия, к примеру.

Автор ненавязчиво подводил читателя к мысли, что следует отказаться от автономных республик и округов, преобразовав их в области и районы. Литву, Латвию и Эстонию надо объединить в одну Прибалтийскую ССР, со столицей в Риге или, еще лучше, в Митаве. Вильно и Ревель при этом станут административными центрами районов. В Закавказье создать соответственно Закавказскую ССР. Укрупнить некоторые области в РСФСР.

Внизу, в качестве обсуждения, шли две коротенькие статейки. Одна от лидера Либеральнодемократической партии Советского Союза В. В. Жигулевского. Безусловно, однозначно «за», вплоть до отмены всех союзных республик. И от некоего профессора МГУ Григория Якобинского соответственно «против». Якобинский предлагал осторожно подходить к национальному вопросу, придерживаться «норм международного права» и права наций на самоопределение. Стас возмущенно хмыкнул, в Югославии именно соблюдение «норм международного права» и «права наций на самоопределение» привело к кровавой бойне, которая длится с небольшими перерывами уже с 91го года. Хорватия и Сербская Краина, Босния, сейчас Косово. Нет, во всем надо знать меру. А Дорошев молодец, хорошо пишет, вдумчиво, и аргументы у него убойные.

Время прошло незаметно. Стас сложил газету и аккуратно положил ее в баул. Затем подхватил свой багаж в одну руку и двинулся к регистрационным стойкам. Чемодан и баул оттягивали руку. И откуда столько всего взялось? Вроде ничего лишнего не брал, все равно получилось много. Зимние ботинки, тёплая подстежка для куртки, в Югославии зимой термометр опускается до 10 градусов ниже нуля, шапка, рубашек штуки четыре, белье, носков с дюжину пар, костюм, джинсы и запасные брюки, бритву, мелочовку всякую, естественно, две бутылки водки, так и набралось. В этот момент объявили регистрацию на рейс № 826 Внуково–Белград, пассажирам предлагалось пройти к шестой стойке. Пока Стас дошел до сектора регистрации, у стойки уже образовалась очередь, человек шесть. Последним стоял невысокий товарищ средних лет в осеннем пальто, с глубокими залысинами и орлиным носом, выдававшим его происхождение. Стас уже видел его вчера в Министерстве обороны.

– Добрый день, вы уже здесь? – Стас легонько тронул товарища за локоть.

– А, здравствуйте, я вас и не заметил. – Георгий, – обладатель

орлиного носа, с легким поклоном протянул ладонь.

– Станислав, очень приятно.

– Вы, я вижу, хорошо подготовились к поездке. – Георгий кивнул в сторону поклажи Стаса, сам он держал в руке только один чемодан. – А я так закрутился в последние дни, что поехал в пальто. А там придется больше в поле работать.

Сам Стас был одет в короткую молодежную кожаную куртку, простую, прочную и удобную. В этот момент подошла их очередь. Симпатичная белозубая шатенка в форменном пиджачке «Аэрофлота» проверила их билеты и вбила имена в компьютер. Подхватив свои чемоданы, новые знакомые двинулись к таможенному сектору. Во Внуково сектор для заграничных рейсов был отделен от остального аэропорта. Предполагалось, что для удобства пассажиров. Через несколько метров Станислава и Георгия догнал еще один участник вчерашнего инструктажа. Круглолицый рыжеволосый здоровяк представился Антоном. После церемонии знакомства, когда, повернув по коридору, они попали в таможенный зал, Антон неожиданно побледнел. Через стеклянную стену за таможней открывался вид на летное поле.

– Черт подери! Ненавижу самолеты!

– Так, может, проще было поездом? – поинтересовался Стас.

– Ага, я только заикнулся в Конторе, так меня уже собрались снимать с поездки. Нет, уж лучше немножко потерплю, но зато бесплатно попаду в загранку.

– Есть хороший способ. Перед посадкой выпиваешь бутылку вина, перед взлетом еще одну, и все в порядке, – посоветовал Георгий.

– Ну да, – улыбнулся Антон, – а потом еще и еще.

– Правильно.

– А в Белграде тебя даже не выпустят из самолета, а сразу упакуют в багаж и отправят обратно, чтоб не действовал разлагающе на сербов.

Стасу лицо Антона показалось знакомым. Гдето он ого уже видел. Определенно раньше они встречались, только бы вспомнить, где?

– У нас один товарищ на заводе тоже боится летать, – рассказывал Антон, постепенно приобретая естественный цвет лица. – Он берет с собой пачку бумаги, авторучку и сразу после посадки в самолет принимается считать дробные степени и численные дифференциалы без калькулятора. Говорит, и полет проходит незаметно, и для мозгов разминка.

– А товарища зовут, случаем, не Владимир Леонидович? – спросил Стас. В мире не так много встречается оригиналов. Стас знал только одного человека, боровшегося с боязнью самолетов таким способом.

– Да, так и есть. А вы его знаете?

– Так вы, Антон, из Челябинска! А я думаю, где это я вас встречал?!

– Вот черт! А вы из Владимира, из КБ! Все точно, узнал!

Мир тесен. Антон работал на Челябинском машиностроительном, производившем «Буки», «С300», противокорабельные «Яхонты» и еще много чего летающего и взрывающегося. Естественно, Стас, часто бывавший на заводе, видел Антона, но с глазу на глаз не встречался.

– А вы откуда? – поинтересовался Антон у молчавшего Георгия.

– Я из Подольска. Системотехник, радиометрист. Провода, антенны, ЭВМ.

– Все ясно, будете нам цели подсвечивать и помехами укутывать.

– Вроде этого. – Несмотря на свою выраженную кавказскую внешность, Георгий говорил чисто, без акцента, видимо, долго жил в России. За разговорами они незаметно подошли к свободному таможеннику. Стас шел первым. Отдав таможеннику документы и бросив багаж на ленту транспортера, он выгрузил из кармана связку ключей и прошел через ворота металлодетектора. Пока багаж просвечивался, чиновник быстро взглянул на документы, бросил короткий взгляд на Станислава, сравнивая оригинал с фотографией, и приложил печать. Рабочая виза с печатью МО способствовала максимально быстрому прохождению пограничного контроля. Сразу за таможенниками в том же зале принимали багаж. Это заняло считаные секунды. Убирая в карман багажные бирки, Стас обратил внимание на Георгия. У того возникли проблемы с таможней. Лейтенант пограничной службы, доселе мирно наблюдавший на экране монитора за проплывающими через рентген чемоданами и сумками, внезапно оживился и, самолично сняв чемодан Георгия с ленты, чтото тихо сказал оформлявшему документы коллеге.

– Нож ваш? – поинтересовался тот.

– Не нож, а кинжал.

– Значит, ваш? Документы есть?

– В декларации все написано, – ответил Георгий, извлекая из внутреннего кармана какуюто бумажку и протягивая ее через стойку, – а вот разрешение на ношение.

– Это уберите, не нужно, это будете в Югославии показывать, – ответил таможенник и, полуобернувшись к лейтенанту, попросил: – Коль, открой чемодан.

На свет божий был извлечен клинок сантиметров 30 длиной с бронзовой рукояткой художественного литья в простых кожаных ножнах. Больше в чемодане не обнаружилось ничего интересного. Стас заметил, как

двое охранников в бронежилетах и с короткими автоматами, до этого момента лениво наблюдавшие за пассажирами, подобрались. Один из них как бы невзначай приблизился к Георгию, а второй, отступив на шаг в сторону, приподнял автомат. Вернувшись к документам и внимательно перечитав декларацию, таможенники положили кинжал на место. Вскоре Георгий присоединился к ожидающим его Стасу и Антону.

– Сразу видно, человек на войну собрался, – прокомментировал Антон.

– А зачем кинжал взял? – поинтересовался Стас.

– Как зачем? Мне его отец подарил. Да и както спокойнее с оружием ехать, – тихо добавил Георгий. – Там, говорят, опасно, а в случае чего можно от бандитов отбиться.

– Тогда уж лучше пистолет, – заметил Стас. Сам он искренне считал, что ходить по улице с кинжалом на поясе смешно.

– Нормальное оружие не продают, а от бесствольника проку мало. – Аргумент был железным. – У нас в Осетии всем желающим разрешение на кинжал выдают, главное, чтобы несудимый и медсправка в порядке была. Я как два года назад приехал домой к родителям, так сразу пошел в милицию за разрешением. У отца соседи казаки, так у них вообще Шашки имеются. Чем я хуже?

– Сейчас разрешение уже не нужно – заметил Антон – этой весной полностью сняли запрет на холодное оружие. Можно даже с копьем на улицу выйти.

– Правильно сделали, – ответил Георгий. – Ладно, пойдемте на посадку.

Посадки им пришлось ждать целый час. Время коротали анекдотами и смешными историями из своей жизни. Наконец был подан автобус, и когда все пассажиры расселись, новенький «Нефаз» тронулся. Через две минуты он остановился у трапа готового к взлету «Ту154». Самолет взлетел полупустым, всего около тридцати пассажиров. Стас заметил, что среди них были только три женщины. Видимо, туристки. Большую часть пассажиров составляли мужчины от 25 до 40 лет. Многих из них он видел вчера в Министерстве обороны.

Глава 11

Ночное недоразумение. 1998 г.

Комфортабельный воздушный лайнер шел над спящей Европой. За бортом ярко горели звезды, внизу на земле появлялись и исчезали под крылом огненные озера городов. Иногда за иллюминатором мелькали навигационные огни истребителей сопровождения.

– Господин президент, через полчаса пройдем над Клевом. Дальше летим без эскорта, – напомнил о себе пресссекретарь. Слободан Милошевич кивнул в ответ. Какая разница, будет дальше эскорт или нет. Над Советским Союзом для самолета с югославскими звездами на крыльях нет опасности напороться на «случайную» ракету. Через два часа приземлимся в Шереметьево. Потом торжественная встреча – и в посольство. Работа начнется после обеда. Несмотря на гостеприимное предложение господина Бугрова, Слободан решил остановиться в югославском посольстве, а не в особняке под Реутовым. Так будет лучше, пусть без особого комфорта, зато на своей территории. Милошевич чувствовал, что для него важно жить на пусть и маленьком, но кусочке Югославии.

Давно стояла глубокая ночь, но сна не было ни в одном глазу. Завтра встреча с Бугровым, первая личная встреча с человеком, возглавляющим вторую мировую державу. Все решится завтра. Несмотря на то что официальный протокол встречи был утвержден еще месяц назад, несмотря на то что все принципиальные вопросы были согласованы через дипломатов, помощников и министров, все равно от завтрашней встречи зависело многое. Слободан прекрасно знал, что все решает личный контакт, а он отчаянно нуждался в успехе встречи. Он не имел права провалить миссию. Разумеется, можно будет поторговаться с русскими, но это мелочи. Самое главное – это получить полную поддержку Советского Союза и в то же время сохранить независимость. А сейчас они тоже требуют гарантий, простых уверений в своей преданности им мало.

С виду всегда спокойный, уверенный в успехе, способный с мягкой улыбкой на лице шутить даже в самых страшных ситуациях, Слободан в душе боялся. И пусть внешне это никак не проявлялось, но внутри изпод пресса железной воли выглядывал гаденький противный страх. А зачем все это? Все равно один в поле не воин. Все равно тебя раздавят и смешают с дерьмом. Лучше просто сдаться. Денег хватит на долгую безбедную жизнь, у детей крупный бизнес. Если мирно уйти в отставку, ни тебя, ни их не

тронут. Так будет лучше. Если не ты, то следующий президент пустит в страну мародеров, отдаст Косово албанцам, позволит отделиться Черногории, передаст народную собственность иностранным волкаминвесторам. Все это так просто и, главное, безопасно. Но почему он не сдается? Почему после самых жестоких поражений находит в себе силы устоять и не пасть на колени? Слободан не мог дать на это ответ. Видимо, в душе еще жила память о гордых предках. Жила память о гордом сербском рыцаре, сразившем султана на Косовом поле, о дедах и отцах, с оружием в руках год за годом оберегавших родную землю от многочисленных врагов. Намертво в память врезался великий Иосиф Броз Тито, не склонявший голову в самые страшные годы Второй мировой войны.

И Слободан не сдавался, скрежеща зубами, он сохранял легкую уверенную улыбку на лице, когда надувавший щеки от сознания собственной важности посол крошечных Нидерландов, которые и на карте не сразу найдешь, но зато представлявший Европейский союз, нагло требовал выдать на Гаагское судилище офицеров, воевавших в Сербской Краине и Боснии. С побелевшим от злости лицом, Слободан слушал доклады и смотрел видеоматериалы о зверствах албанских сепаратистов. Смотрел на тела замученных бандитами сербов, распятых на крестах православных священников, изнасилованных и затем зарезанных сербок, а после давил бандитовсепаратистов танками. Железной рукой наводил порядок на родной земле. С умным видом выслушивал своих экономистов «новой школы» с гарвардскими дипломами и, несмотря на их советы, выделял из скудного бюджета деньги на медицину, школы, армию и пенсии. После введения эмбарго не бросился, как советовали эти экономисты, распродавать заводы, фабрики, шахты и нефтепромыслы, а принял руку помощи Москвы. Несмотря на все вопли правозащитников и европейских наблюдателей, поддерживал краинских и боснийских сербов.

Господь всемогущий! Почему мы не можем жить мирно?! Почему на нас вечно валятся напасти? Господи, если ты всеблаг и всемогущ, то какого дьявола насылаешь на нас беду за бедой? Как это тяжело быть маленьким народом, как это тяжело не продаться, не согнуть спину перед сильным, как это тяжело не предать веру отцов. Сколько крови приходится отдавать за право быть сербом.

На прошлой неделе МИД докладывало, что Клинтон принял решение: «Помочь с установлением демократии и народовластия в Сербии». Все прекрасно понимали, что это значит. Демократия и «права человека» уже торжествовали в Ираке, в Сомали, на Гаити, в Панаме. Неужели бомбежки городов можно назвать «защитой прав человека»? Русский посол еще в

начале июня в приватной беседе сообщил, что, по его данным, вторжение начнется в январе–феврале. А уже через неделю в порту Бар очередной русский конвой выгрузил четыре дивизиона армейских ЗРК «Тунгуска» и «Панцирь» и новейшие ракеты «воздух–воздух». Как объяснил в телефонном разговоре Арсений Бугров, это дружеская помощь. Милошевич был очень признателен за этот своевременный подарок. Но в дальнейшем разговоре Бугров намекнул, что последующие поставки надо оплачивать.

Разговор получился конструктивным, русский согласился принять в счет оплаты замороженные активы в английских и германских банках на 4 миллиарда долларов и пообещал подумать о кредите. Соглашение было подписано в течение недели. Советский Союз получал замороженные активы на сумму 5 миллиардов, правда, с дисконтом 20%, открывал кредитную линию на 15 лет под 6% годовых. Взамен Югославия должна была оплатить 12% поставок ликвидными активами до февраля 1999 года и твердо стоять на своей позиции. То есть не соглашаться на «миротворческие» рекомендации ОБСЕ. Милошевич понимал, что русские решили дать бой НАТО на сербской земле, это было логично, и это был единственный выход из создавшейся ситуации.

Уже через день после знаменательного разговора, в Белград прибыла группа военных советников из СССР, а посол господин Чирков намекнул, что желательно не стеснять деятельность консультантов. Скрепя сердце, Милошевич согласился. Северный медведь, разумеется, перетопчет все в округе, переколотит всю посуду в лавке, но зато поставит недружелюбных ближних и дальних соседей буквой «зю». Русские советники быстро вошли в курс дела, как выразился Чирков – взяли быка за рога. Уже через три дня после прибытия они предоставили предварительный план обороны страны от воздушного наступления НАТО и подробный список необходимого им вооружения. Увидев смету, Слободан схватился за голову. Но присутствовавший при разговоре господин Чирков заявил, что Советский Союз согласен принять в виде оплаты предприятия, в настоящее время принадлежащие гражданам стран НАТО, разумеется, после объявления войны. Югославские генералы, естественно, были обеими руками «за». Они и не мечтали получить такое богатство: четыре полка новейших истребителей и суперсовременные зенитные комплексы. Президент, прикинув свои возможности, согласился, правда, горнообогатительный комбинат в Трепичах придется полностью передать «Норильскникелю», а в Воеводино весной следующего года проберутся русские химические концерны, но это терпимо. Лучше отдать часть другу, чем всё врагу.

В первые дни югославские генералы настороженно относились к русским консультантам, многие из них имели боевой опыт в многочисленных конфликтах на территории Большой Югославии. Но уже через неделю Милошевич случайно узнал, что генерал Ширич, командующий 3й армией, прислушивается к советам по миротворческим операциям в Косово прикомандированного к его штабу советского полковника с петлицами танкиста. Оказалось, что полковник Краснов шесть лет назад отличился на Северном Кавказе, подавляя мятеж инсургентов. У русских в свое время были проблемы с какимито горцамимусульманами, вроде албанцев или босняков. С тех пор оставшиеся в живых инсургенты полностью выселены в Турцию. Русским хорошо, они могут в течение часа создать морской пролив между Мексикой и Канадой. Они могут не обращать внимания на претензии всяких «международных», а точнее говоря, проамериканских банд вроде ЕС, МВФ и ОБСЕ. Они могут не зависеть от внешней торговли, наоборот, Европа зависит от русского экспорта. А ведь еще десять лет назад казалось, что северный медведь тяжело болен и со дня на день помрет. Но нет, Россия вовремя очистилась от разрушителей, выздоровела и набирается сил. И быстро заткнула пасть шакалам, сбежавшимся полакомиться падалью.

– Господин президент, вас спрашивает Станишич, – секретарь с телефонной трубкой в руках неслышно возник рядом с Милошевичем. От безобидной трубки ощутимо тянуло холодом и страхом. Йовица Станишич, директор службы государственной безопасности, если он звонит ночью, значит, не жди ничего хорошего.

– Здравствуйте, друже Станишич, чем порадуете? – Слободан старался говорить твердо, в такие минуты при людях нельзя допустить и нотки растерянности. Он обязан ободрять их, а не внушать неуверенность.

– Господин президент, в Белграде волнения. На Старой площади демонстрация. Примерно пять тысяч человек. В основном молодежь, студенты, – голос Станишича выдавал растерянность. Демонстрация, ночью?! Странно. Обычно митингуют днем, стараясь привлечь к себе максимум внимания журналистов и телеоператоров.

– Больше ничего интересного?

– Нет, собрались на площади, поют, машут транспарантами. Витрины не бьют, оружия не видно, настроены мирно.

– Ладно, значит, так, – Слободан недовольно почесал затылок, Йовица правильно сделал, что позвонил, слишком необычная демонстрация. – Тихонько переведи полицию и войска столичного округа в состояние готовности. Если демонстранты будут вести себя мирно, не трогай, пусть

себе пошумят, но сам будь готов. Понял?

– Ясно, быть наготове. Следить за обстановкой, пристально смотреть за границей. Ждать неприятностей в Косово.

– Хорошо, так и действуй.

Закончив разговор со Станишичем, президент попросил соединить себя с генштабом. Связь была наложена через считаные секунды. Президентский «Ту154» был оборудован по последнему слову техники, в том числе подключен к спутниковой системе навигации ГЛОНАС и космической связи. Милошевичу хватило пары слов, чтобы привести войска в повышенную готовность. Ладно, в Белграде разберутся и без него, впереди более серьезные дела. От завтрашней встречи многое зависит.

Караван судов медленно втягивался на рейд порта Бар. Головные сухогрузы «Целиноград» и «Капитан Крылов» уже швартовались у грузовых терминалов. Порт светился морем огней. Портовые рабочие, не мешкая, приступили к обработке трюмов. Капитан первого ранга Андрей Викторович Столетов курил на мостике «Бурного». Все, поход окончен. Недельку постоим под разгрузкой, командам можно дать увольнительные на берег. Нет необходимости держать корабли в море, достаточно оставить пару БПК на дежурстве в дрейфе в прямой видимости берега. Затем, отдохнув и позагорав на пляжах Черногории, в обратный рейс до Дарданелл. А там новый конвой и новый поход в Югославию. Тихая размеренная конвойная служба, прямо как поезд по расписанию. Разумеется, не обходится без боевых тревог. То американские самолеты висят над конвоем, как коршуны. То сегодня «Василевский» целый час гонял подлодку в проливе. Хорошо, заодно провели учения по противолодочной обороне. Командир корабля, как бульдог кошку, держал противника в жестких тисках сонаров и на прицеле бомбометов и торпедных аппаратов. Американец пытался маневрировать, менял режимы хода, отстреливал ловушки, но БПК ни на секунду не терял гидроакустический контакт с подлодкой. До тех пор, пока американец не скрылся в территориальных водах Италии.

Над Адриатикой стояла глубокая ночь. Луна пряталась за тучами. На северовостоке заревом огней выделялся Бар, мигал маяк. На темной тверди берега светились яркие окна небольшой деревушки. В двух кабельтовых от «Бурного» дрейфовал «Маршал Василевский» На его мачтах и ходовой рубке горели навигационные огни. Корабли охранения держались мористее конвоя, прикрывая транспорты от возможной атаки потенциального противника. Боевые системы находились в положении «наготове». Палуба рубки тихонько подрагивала. Турбины медленно проворачивали винты на

«самом малом», удерживая эсминец на месте. Ожил радиотелефон. Вахтенный штурман нажал тангетку и поднял трубку. Затем, молча кивнув, протянул ее Столетову.

– Товарищ капитан первого ранга, докладывает капитан второго ранга Смирнов. Замечены шесть среднетоннажных судов, следующих без навигационных огней курсом на порт Бар. Скорость 8 узлов, дистанция 14 миль. – Виктор Николаевич Смирнов командовал БПК «Славный». Его корабль занимал позицию на южном фланге вытянувшегося вдоль берега соединения. Столетов задумался. «Неизвестные суда, курсом на порт или все же на берег? Явно не рыбаки, а контрабандисты сразу по шесть судов не ходят. Двадцать минут назад пришла шифровка из штаба. Просили усилить бдительность, возможна провокация со стороны Албании или Италии».

– Капитан второго ранга Смирнов, запросите национальную принадлежность и остановите для досмотра. – Решение было принято. Рука сама потянулась к большой красной кнопке боевой тревоги.

В кубриках, каютах и на боевых постах эсминца завыл тревожный, прерывистый, леденящий кровь сигнал. Через минуту на мостик влетел командир корабля кавторанг Антон Петрович Шубин. Антон Петрович похозяйски прошелся по мостику, выслушал короткие доклады дежурных офицеров и поинтересовался у Столетова:

– Андрей Викторович, в честь чего кордебалет?

– У нас на носу десант, – коротко ответил Столетов, оторвавшись от радиотелефона. Эскортное соединение оживало. На экране радара вырисовывались все пять эсминцев и ВПК, медленно двигались яркие отметки транспортов, в порту и на рейде рябило от отметок судов и береговых сооружений. Югозападнее «Славного» выделялись радиолокационные силуэты «летучих голландцев». «Красный Крым» и «Славный» медленно приближались к нарушителям. Тихий гул турбин сменил тональность, стал басовитым, «Бурный» и «Гремящий», корабли, несшие по восемь сверхзвуковых противокорабельных «Москитов» и современные зенитные ракеты, 14узловым ходом выкатились мористее, готовые сорвать вражескую атаку, ежели таковая состоится. Гидроакустики вслушивались в морские глубины, пытаясь обнаружить подкрадывающиеся к конвою подлодки. «Василевский», обогнав остальные корабли, развил полный ход и удалялся от берега. Перед ним стояла задача раннего обнаружения кораблей и самолетов противника. Столетов предпочел бы выделить в дозор старый ВПК, но на «Василевском» имелась мощная РЛС с ФАР «ФрегатМА», на порядок превосходившая радары старых кораблей.

Эсминцы были подключены к космической системе целеуказания «Легенда», но сейчас над Адриатикой и Балканами не было ни одного спутника. В «Легенде» имелись дыры, и ближайший час помощи из космоса не ожидалось. Оставалось прожить этот час.

Андрей Викторович знал, что с таких внешне безобидных просьб «Усилить бдительность» и неизвестных кораблей, не отвечающих на радиозапросы, начинаются инциденты. Политики утром договариваются между собой считать событие «мелким недоразумением», но погибших ребят уже не вернешь. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Тем временем «Славный» пересек курс нарушителей и потребовал лечь в дрейф. Его 76мм автоматы угрожающе смотрели на неизвестных. Точнее говоря, они были уже определены как дизельные каботажники водоизмещением по 3000 тонн. Но на запросы они попрежнему не отвечали и курс держали прежний. «Красный Крым» шел параллельно нарушителям на дистанции в пять кабельтовых. Почти вплотную. Его торпедный аппарат был готов к стрельбе. Ситуация накалялась. Два боевых корабля находились в непосредственной близости от противника. В том, что это противник, Столетов не сомневался. В штаб ушла шифровка с коротким докладом. Ответа пока не было. Каботажники неумолимо приближались к берегу. «Славный», развернувшись лагом, дал короткую очередь прямо по курсу шедшего первым нарушителя. Нарушитель наконец сбавил ход, на его палубе, освещаемой прожекторами БПК, забегали люди.

– Мы мирные рыбаки, прекратите огонь, – прозвучал хриплый голос, говоривший на ломаном английском на общей коммерческой радиоволне.

– Назовите свою национальную принадлежность, название судна и порт приписки, – потребовал Смирнов.

– Мы мирные рыбаки, – повторил тот же голос. – «Антиентам», порт Дуррес, Албания. Мы сбились с курса, компас не работает, радара нет.

– Ложитесь в дрейф и приготовьтесь принять досмотровую партию. Вы находитесь в территориальных водах Союзной Республики Югославии.

– Я вас не понимаю, мы мирные рыбаки.

Столетов сжал кулаки. Пока «Антиентам» лежал в дрейфе, остальные нарушители продолжали приближаться к берегу, им оставалось пройти только девять миль. Пора было приступать к решительным действиям. Наконец пришло сообщение из штаба: «Капитану первого ранга Столетову. Всеми имеющимися в распоряжении средствами воспрепятствовать высадке десанта. Задержать нарушителей. И обеспечьте безопасность конвоя и дружественного порта». Это была индульгенция на отпущение грехов.

– Требую остановить двигатели и лечь в дрейф! – прозвучал в эфире голос Смирнова.

– Виктор Николаевич, – Столетов переключился на УКВканал внутриэскадренной связи, – прекращайте эту бодягу. Открывайте огонь.

Приказ прозвучал на редкость будничным тоном. Подобный приказ получил и Алексей Карпович Гайдамачный, командовавший «Красным Крымом». Ночь разорвали хлесткие звучные очереди скорострелок. Загрохотали разрывы снарядов. На горизонте, там, где велась стрельба, вспыхнуло зарево. Видимо, горел нарушитель.

Огонь длился считаные минуты. «Славный» очередью 76мм снарядов прошелся по ватерлинии ближайшего к берегу судна. А 30мм зенитным автоматом изрешетил его ходовую рубку. Судно охватило пламя, вскоре оно начало погружаться в воду. «Красный Крым», в свою очередь, снарядами разлохматил носовую оконечность одного нарушителя, а затем перенес огонь на попытавшееся его таранить судно. Первые же снаряды, разорвавшиеся в корпусе, заставили «Летучего голландца» заглушить двигатели, выкинуть белый флаг и лечь в дрейф. Остальные, видя судьбу своих более смелых товарищей, послушно выполнили все требования Смирнова.

Зенитные прожекторы скользили по воде у борта тонущих судов. Море напоминало суп с клецками. В воде плавали сотни человек. Даже у видавших виды моряков шевелились волосы на голове от такого зрелища. Пока «Красный Крым», как заботливая наседка, сгонял в кучу четверку нарушителей, на одном из них полным ходом шла борьба за живучесть. «Славный» и подошедшие к нему «Бурный» и «Гремящий» занимались спасением людей. Горящие суда отбрасывали гротескные тени на мерно вздымающуюся зыбь. На палубы лежащих в дрейфе эсминцев из объятий Нептуна вытаскивались десятки человек, хорошо хоть вода была теплая, и пострадавшим не грозила смерть от переохлаждения. Хуже было с вместимостью кораблей. В экстренном порядке для спасенных приспособили корабельные кладовые. Морские пехотинцы и моряки с автоматами в руках размещали пленных в освободившихся помещениях. Тем временем подразделение морской пехоты с «Красного Крыма» высадилось на ближайшее судно. В переоборудованных по типу войскового транспорта трюмах находились сотни вооруженных людей. К счастью, шок от потопления двух десантных судов оказался слишком сильным, никто и не думал о сопротивлении. Иначе морских пехотинцев просто снесла бы за борт разъяренная толпа.

Вскоре вертолеты с «Бурного», «Гремящего» и «Василевского»

доставили новые партии морской пехоты. Незаметно наступил рассвет. Корабли, забитые спасенными, первыми вошли в порт. На причалах их уже ждали. Албанцы были переданы местной полиции. Четверку задержанных судов оставили на внешнем рейде под прицелом «Красного Крыма». Подпускать набитые людьми, как бочки селедкой, суда к причалам было опасно. У морских пехотинцев не было физической возможности обыскать корабли. Они ограничились только высадкой десантов, блокировавших трюмы и занявших ходовые и радиорубки и моторные отсеки. Естественно, первым делом десантники конфисковали все найденное при досмотре оружие и заперли команды в трюмах.

Столетов молча смотрел вдаль, облокотившись на сигнальный прожектор.

– А повезло нам, Андрей Викторович, что на нарушителях были боевики, – заметил неслышно подошедший со спины Шубин.

– Да, повезло, Антон Петрович, повезло, что мы их заметили, – невозмутимо ответил Столетов. – Нечего было границу нарушать.

Неожиданно вспомнилась фраза из давно пролистанной повести Анта Скалантиса: «Оставьте свои интеллигентские штучки: не убий, гуманизмонанизм. Вы стреляете, когда вашу жену уже отправили в концлагерь, а на головы ваших детей падают бомбы. А надо стрелять раньше, чтобы этого не было».

Далеко внизу под крылом проплывали яркие огненные озера городов. Иногда можно было заметить маленькие движущиеся светлячки машин. Самолет шел со снижением. Скоро будет посадка в Шереметьево. Скоро будет Москва.

Президент Милошевич после первого звонка Станишича все время был на связи с генштабом, МВД и службой госбезопасности. Почти ничего нового не происходило, но лучше подстраховаться, чем получить переворот или массовые беспорядки в столице. Незадолго до посадки ему доложили об инциденте в море. Получив беспристрастный доклад от офицера, командовавшего береговой обороной в Черногории, Слободан задумался. Русские молодцы, все сделали правильно. Главное – не дали десанту сепаратистов подойти к берегу. Но во что это выльется? Западная пресса и собственные правозащитники непременно воспользуются случаем и представят это событие в самом неприглядном виде. Милошевич прекрасно знал, как это бывает. Два месяца назад группа международных наблюдателей из ОБСЕ была уличена в шпионской деятельности в Косово и в помощи сепаратистам АОК. Не успели их выдворить за границу, как на всех телеканалах загремели обвинения в препятствовании гуманитарной

миссии.

Пока информация от русских не поступила, но было ясно, что они осведомлены о происшедшем лучше югославских союзников. Военные моряки вылавливают террористов с потопленных судов, в порт они войдут не раньше чем через 3–4 часа. После недолгого молчания Слободан повернулся к секретарю.

– Запишите, командующего русской эскадрой и отличившихся офицеров наградить орденами. Выясните, какие корабли вели огонь, и наградите их командиров. Это срочно. – Затем, чуть помедлив, добавил: – Свяжитесь с Джинджичем, пусть готовит официальное заявление для прессы. Полное, подробное, в негодующем, обличительном тоне и только правду. Одну правду. Он знает, что делать в таких случаях.

Уже когда шасси самолета касались посадочной полосы аэродрома, пришло сообщение от Станишича: демонстранты в Белграде начали расходиться по домам.

В аэропорту Слободана Милошевича встретили министр иностранных дел СССР Рычков и посол Югославии Бронислав Кошич. Все прошло быстро, поделовому и без прессы. Обменявшись дежурными фразами, все расселись по машинам. Уже через полчаса правительственный кортеж в сопровождении милицейских машин рванул в Москву. Антон Рычков ехал в одной машине с Милошевичем. По дороге он успел перекинуться парой фраз с гостем. Дело касалось ночного инцидента на рейде.

По первоначальному плану предполагалось, что президентский самолет приземлится в Шереметьево днем. Как и положено, с фанфарами, хлебомсолью, с торжественной встречей в аэропорту. Но КГБ стало известно, что НАТО прорабатывает планы перехвата самолета с Милошевичем с помощью истребителей. Проконсультировавшись с военными и дипломатами, Слободан решил не рисковать, самолет взлетел на шесть часов раньше, чем планировалось.

– Павел Николаевич, вас спрашивает Верховный, – прозвучал в трубке голос секретаря. И сменился грубоватым басом Бугрова, Арсений Степанович предпочитал звонить по общему номеру:

– Не разбудил?

– Да иди ты, – ответил Шумилов. – Чем порадуешь?

– Ты уже слышал, что наши в Адриатике натворили?

– Еще нет. А что случилось?

– Случилось, – несмотря на напускную грубость, чувствовалось, что Арсений Степанович доволен. – Эскортное соединение пустило ко дну какихто козлов. Сейчас у тебя будет курьер. Сам все прочитаешь. И не

забудь: в 11 часов в Кремле торжественная встреча с Милошевичем. Рубашка белая, морда бритая, а то будет как с Шираком.

– Ладно, ладно, не забуду. Но учти, в три у меня планерка по сельскому хозяйству. Так что сам знаешь. – Шумилов не любил, когда ему напоминали про конфуз, случившийся в 96м году во время визита французского президента в Петербург. Тогда Шумилов прибыл на встречу прямо из аэропорта, он прилетел из Владивостока, ночь не спал, выглядел неважно и, самое главное, забыл побриться. Жак нормально отнесся к появлению помятой физиономии премьера, но один ушлый журналист, заметив красные глаза и опухшее лицо Павла Николаевича, запустил в печать версию, что Шумилов пьет почерному. Журналисту пришлось искать новую работу, но и прессслужба правительства после этой статьи долго грудилась в поте лица, отмывая светлый образ Павла Николаевича. Пришлось даже запустить в «желтую прессу» утку, будто у Шумилова язва желудка.

– Ладно, – смилостивился Верховный, – с Милошевичем сам разберусь. Ты главное, финансы еще раз проверь. Чтоб мы не промахнулись.

– Проверю, проверю, – заверил Шумилов, кладя трубку. Утро началось. На столе высилась привычная кипа бумаг, со вчерашнего вечера она значительно выросла. Обещанный курьер еще не появился, и Павел Николаевич вернулся к чтению информационного коммюнике, каждое утро предоставляемого ему прессслужбой правительства. Коротко обо всем случившемся в стране и мире, страниц 30–40 мелким шрифтом.

Так, что там нового? Финансовый кризис продолжается. В Токио биржевая паника. В Южной Корее растет ставка рефинансирования. Сингапурская биржа стабилизировалась, но акции предприятий хайтек упали до минимума. Прогнозируется рост цен на некоторые компьютерные комплектующие. Цена на нефть держится – 32 доллара за баррель. Глаза Шумилова впились в бумагу. Стоп. На Токийской бирже обвал, торги прекратились через 23 минуты после открытия. Еще раз. Пока мозги отчаянно скрипели, пытаясь вспомнить мелькнувшую в голове мысль, пальцы уже набирали номер прямой связи с министром финансов.

– Виктор Степанович? Это Шумилов беспокоит. Сколько у нас активов в американских бумагах?

– Точно не скажу, примерно на 40 миллиардов рублей осталось. – Герасимов моментально вник в ситуацию. – Из них 14 миллиардов облигации Резервной Федеральной Системы.

– В Японии биржа упала. Не сегоднязавтра до Штатов докатится.

Продавайте все.

– Мы уже продали акции на 50 миллиардов. Сегодня выбрасываем еще три пакета на 30 миллиардов. – Уверенный, слегка ироничный тон Герасимова действовал успокаивающе, было видно, что Геракл контролирует ситуацию. – Японские и корейские активы мы уже два дня назад скинули.

– Хорошо, оставьте европейские и саудовские бумаги. Американские продавайте к такойто бабушке.

– Это понятно, оставляем только гособлигации, они не упадут. Но у меня маленькая проблема, Павел Николаевич, биржевики не знают, что покупать. Золото уже на 47 пунктов выросло, и тенденция сохраняется. Валюту покупать рискованно. С акциями и облигациями, сами знаете, никто ничего не может предсказать, европейский рынок перегрет. Может рвануть. Вы уж подскажите, что там у нас в свете последних веяний намечается?

– Так, подождите минуту. – Шумилов быстро пролистал ежедневник. – В пять вечера не заняты? Давайте подъезжайте ко мне, прихватите Карманова и Гараева. Заодно проконтролируйте госбанки, чтоб акции и валюту сбрасывали, и предупредите коммерсантов.

– Хорошо, Центробанк и Сбербанк уже в курсе, они сейчас у меня сидят. А рекомендации коммерческим банкам дадим через пару часов, только бумаги напечатаем. И извините, что отвлекаю, Павел Николаевич, у населения примерно 100 миллионов долларов на руках. Что делать будем?

– Черт! Совсем забыл! – Шумилов раздраженно хлопнул себя по лбу. – Готовьте материалы и по этому вопросу. Если курс упадет, всем хреново будет.

– Решим чтонибудь, – ответил Герасимов. – Нам в любом случае невыгодно падение доллара больше чем на 120 пунктов.

Положив трубку, Шумилов вернулся к информационному бюллетеню. В Ревеле (до 92го года Таллин) в следующее воскресенье выборы в горсовет, пока лидирует КПСС. Наберут не менее половины голосов. Под Фрунзе крупная автомобильная авария, опрокинулся рейсовый автобус. Перевернув страницу и вчитавшись в коротенькое сообщение, Павел Николаевич задумчиво почесал затылок. Это было то, о чем говорил Бугров. Наши корабли, эскортировавшие конвой в Адриатике, сегодня ночью расстреляли десантные суда с албанскими боевиками. Два судна потоплены, четыре захвачены (одно из них повреждено огнем) и отконвоированы в порт.

Ох, мать твою! Шумилов сдержал свой порыв звонить в прессслужбу и

требовать срочно дать информационное освещение по всем каналам и в центральных газетах. Бугров скорее всего уже отдал необходимые распоряжения. Черт с ними, с албанцами, главное, как раз во время визита Милошевича. Когда внимание всех мировых служб новостей приковано к Москве. Пресса нас с дерьмом смешает! И это ровно за месяц до визита в Германию.

Шумилов раздраженно швырнул листки бюллетеня на стол и целую минуту сидел неподвижно, обдумывая ситуацию. Затем нажал кнопку селектора и вежливо попросил секретаря принести чай с лимоном. В принципе ничего страшного, покажем по телевизору кадры с конфискованным оружием и пленными. Дадим полное освещение в прессе, глядишь, еще и в выигрыше окажемся.

Неслышно открылась дверь, и на пороге возник фельдъегерь с большим конвертом в руках.

– Товарищ Председатель Совета Министров, распишитесь в получении.

Глава 12

Первый звонок. 1998 г.

По возвращении из Спрингфилда Грегори с удовольствием включился в работу группы. Дело было интересное. Еще никогда он не имел такой степени допуска к секретам. Вся информация от разведок воздушных сил, армии и флота, данные со спутников и доклады ЦРУ стекались в небольшой кабинет на базе в Норфолке. Информация шла уже обработанная, зерна были тщательно отсеяны от плевел, оставалось только разложить все по полочкам и делать выводы. Как обычно, в этом и заключалась загвоздка. Информации не хватало. Катастрофически не хватало. Вечная проблема разведки, одно главное слово: «Мало!»

Коллектив подобрался хороший, все грамотные специалисты, любящие и умеющие вести аналитическую работу. Почти сразу внутри группы установились приятельские отношения. Регулярные дружеские пикировки между Бенгом, Шериданом и Фордом не мешали делу, наоборот, помогали снять накопившееся напряжение. Часто работали допоздна, оно и понятно, все члены группы, кроме Джорджа Бенга, впервые участвовали в проекте такого масштаба.

В один из таких дней, уже поздно вечером, после работы, Стив в своем номере, расположившись на диване с банкой пива, смотрел телевизор. Шел «Пятый элемент» с Брюсом Уиллисом. Стив Грегори первый раз смотрел этот нашумевший блокбастер. Он не был любителем подобного рода кино, но сегодня день выдался тяжелый, Стив сильно устал, и легкий зрелищный фильм способствовал отдыху. Часы показывали уже за полночь, завтра утром рано вставать, но Стив решил досмотреть фильм до конца.

Сегодня после обеда он до хрипоты спорил с О'Нилом о размещении зенитных комплексов в Югославии. Этот вопрос сам по себе был спорным. Авиаразведка велась без захода в воздушное пространство Югославии, больше опирались на космос и агентурные данные. Сами понимаете, космическая разведка не могла обеспечить стопроцентное покрытие даже такого маленького региона. Реальное положение дел в NASA не соответствовало рекламе. А сведения, получаемые от «сочувствующих» элементов, зачастую противоречили друг другу. И никто не знал, действительно это фактическая информация или подсунутая противником «деза». Сегодня утром поступила информация от «надежного источника», что с позиций снимаются старые установки «С125». Разумеется, информация была получена еще вчера, но пока в ЦРУ разобрались, пока

включили ее в отчет для межведомственной группы, день прошел. Грегори посчитал, что «С125» полностью снимают с вооружения. Эта система давно устарела технически и морально. Низкая помехоустойчивость, необходимость постоянной подсветки цели, только один канал наведения, невозможность противостоять активной противозенитной борьбе, в общем, комплекс устарел. В СССР он уже давно списан.

О'Нил, в свою очередь, доказывал, что югославские «С125» рано сбрасывать со счетов. Русские в этом году разработали и активно рекламируют комплекс мероприятий по модернизации этой системы. Ливия и Египет уже приняли предложение, и в ближайшее время их старые зенитные комплексы будут доведены до современных требований к средствам ПВО. Нет оснований полагать, что в Югославии русские поступят иначе. Более полусотни пусковых установок – это хороший козырь в возможной «миротворческой акции». Стив в ответ на это отвечал, что никакая модернизация никогда не доведет устаревшую систему до уровня новой. Разумеется, можно содрать деньги с арабов за подобный эксперимент, но полагаться на такой усовершенствованный комплекс в реальном бою не будут даже русские. Югославия слишком важна Советам как с политической, так и с военноэкономической точки зрения. Известно, что подготовленных зенитчиков в армии Милошевича не так много. А на обучение новых специалистов необходимо время, которого нет. Значит, снимая устаревшие системы с вооружения, сербы переводят людей на новые зенитные комплексы… В итоге длительный спор ни к чему не привел. Все остались при своем мнении до поступления более точной информации.

Раздался стук в дверь.

– Входите, открыто, – отозвался Грегори, убирая громкость телевизора.

– Извини, помешал. Срочный доклад с Балкан. – На пороге стоял Пол Форд.

– Ладно, проходи. Пиво на столе.

– Нет, спасибо, не могу, – усмехнулся майор, – у меня еще работа осталась на сегодня. Держи конверт.

– Не беда, будет время, заходи, – ответил Стив, поднимаясь с дивана. Пол вручил ему пластиковый файл с бумагами и исчез за дверью. Стив вырубил телевизор, убрал в сторону пиво и углубился в изучение посылки.

В файле с пометкой «Срочно» находился краткий отчет о происшедших сегодня ночью событиях в Адриатике у побережья Югославии. Сообщение поступило, Стив посмотрел на часы, 38 минут назад из Торонто. Неслыханная оперативность штабных работников,

значит, дело на самом деле чрезвычайное. Заинтригованный такой спешкой, Стив принялся изучать бумаги. Ночью к берегу в районе порта Бар попытались приблизиться шесть малотоннажных каботажников, переоборудованных для перевозки и высадки десанта. На борту находились четыре тысячи боевиков Армии Освобождения Косово и завербованных в Италии и Албании повстанцев. Целью был Бар, требовалось провести рейд и сжечь портовые сооружения, а также захватить или уничтожить прибывающие советские и испанские транспорты. После выполнения задачи отряд должен был рассредоточиться и прорываться к албанской границе. Одновременно силы оппозиции в Белграде должны были организовать беспорядки в центре города. Операция провалилась, не успев начаться. В двадцати милях от берега суда были засечены советскими эсминцами из эскорта конвоя. На требование лечь в дрейф боевики не ответили и попытались прорваться к берегу, после чего русскими был открыт огонь на поражение. Два транспорта потоплены, четыре захвачены и сейчас конвоируются в порт. Боевики сопротивления не оказали. Погибло, по предварительным данным, около 600–800 человек. В качестве подтверждения провала, прилагались радиограммы с десантных судов и высланного на разведку «F16». Истребитель передал, что видит на радаре четыре десантных судна, лежащих в дрейфе, рядом два эсминца и еще один тонущий корабль. Русские держат «F16» на прицеле, летчик возвращается на аэродром.

Прочитав документ, Стив криво усмехнулся и отложил папку в сторону. Такого он не ожидал. Глупость человеческая не имеет предела. Перечитав еще раз отчет, Грегори убрал бумаги в файл и бросил на стол. Затем включил телевизор и открыл новую банку пива. Будет день – будет пища. А сегодня можно спокойно досмотреть фильм. Завтра его ждет веселый денек.

Утром Стив вскочил под радостный звон будильника. Быстренько раз тридцать отжавшись от пола, он включил телевизор, прибавил громкость и ушел в душевую. Стив всегда начинал утро с отжиманий, к этому его приучили еще в летном училище.

«А теперь последние события в Югославии». – Услышав эти слова, Стив, как был в одних трусах и с зубной щеткой в зубах, пулей ворвался в комнату. По закону подлости информационное сообщение начали передавать, когда он умывался и приводил себя в порядок перед завтраком. По телевизору в версии для общественности сообщалось, что сегодня ночью советские эсминцы обстреляли рыболовецкие суда с албанскими беженцами из Косово. Огнем было потоплено четыре судна, погибло более

трех тысяч человек. Еще семь кораблей были задержаны и препровождены в порт Бар. Несчастных беженцев от людоедского режима Милошевича ожидает тюремное заключение. В конце короткого сообщения симпатичная сексапильная девица, читавшая блок новостей, высказала предположение, что офицеры, давшие команду открыть огонь по беззащитным судам, предстанут перед международным трибуналом. Дальше шел репортаж из Италии. В Палермо изготовили самую большую макаронину в мире. Естественно, это достижение человечества будет увековечено в Книге рекордов Гиннесса. Удивившись такой оперативности, Стив вернулся в душевую, через час начнется рабочий день.

– Леди и джентльмены, не стану скрывать, ситуация тяжелая. – Генерал Чейз, заложив руки за спину, медленно прохаживался перед экспертами. – «Ленивый питон», так называлась вчерашняя миссия, проводился без согласования с Пентагоном. Это акция ЦРУ.

– А от нас потребуют вытащить наложивших в штаны придурков, – саркастически усмехнулся Шеридан.

– Вы правы, коммаидер. Советы уже начали мощное информационное наступление. Если центральные телеканалы пока придерживаются нашей версии происшедшего, – при этих словах в кабинете прозвучали сдержанные смешки, – то некоторые крупнотиражные газеты уже завтра дадут перепечатки из советской прессы. Сами понимаете, невозможно обеспечить стопроцентный контроль над журналистами. Тема слишком горячая, чтобы телевизионщики не попытались воспользоваться материалом с той стороны.

– Простите, мы получили отчеты еще вечером, – прервал генерала мучившим всех вопросом Стив Грегори. – Как изменилась ситуация за прошедшее время?

– Ничего хорошего, капитан. Все захваченные суда отконвоированы в порт. Русские показали по телевидению кадры с нашими боевиками, оружие, взрывчатку в трюмах. Уже завтра это прорвется на основные европейские каналы. – Чувствовалось, что голова Чейза занята исключительно возможной оглаской происшедшего. – Завтра это непотребство заполонит европейские каналы и прессу. Конечно, мы постараемся и дальше обвинять русских в расстреле мирных беженцев и в попытках скрыть этот факт от общественности, но долго так продолжаться не может. Мне примерно час назад сообщили, что сербы уже профильтровали пленных и выявили полтора десятка наших советников и инструкторов.

– А сколько их было всего?

– Миссис Сильвер, не знаю. Пока не знаю. – Генерал остановился посреди комнаты и, словно в растерянности, достал коробку сигар. Затем убрал ее обратно во внутренний карман кителя.

– Идиоты, кретины недоношенные, идти к берегу, не зная, что прямо по курсу болтаются русские эсминцы. Форменные идиоты, – тихо пробормотал Шеридан.

– Русские могли знать о десанте заранее? Могла быть утечка?

– Нет, маловероятно. – Генерал Чейз задумчиво провел ладонью по выбритому до синевы подбородку и поправил узел галстука. – Нет. Минимум посвященных, секретность на высшем уровне. Время выхода капитаны судов узнали только перед самой миссией. Во всем происшедшем заслуга исключительно наших коллег в черных очках и плащах до пола, решивших заработать пару медалек и благодарность от конгресса.

– Как я понимаю, наша задача – организовать правильное информационное освещение событий и вытащить ребят из плена, – негромко проговорил Бенг.

– Именно так, мистер Бенг. Вы схватываете все на лету. Основная задача нашей группы: извлечь выгоду из происшедшего. Рассчитать дальнейшие шаги русских и сербов. Дать рекомендации по спасательной миссии.

– Простите, господин генерал, я бы хотела ознакомиться со всеми материалами по этой авантюре.

– Я бы тоже хотел, – резко отозвался Чейз. Затем, повернувшись к Джейн, с извиняющейся улыбкой совсем другим тоном произнес: – Я постараюсь. Сегодня начинается внутреннее расследование. Дело громкое, чрезвычайное, поэтому подключаются АНБ и Специальный сектор Пентагона. Полные материалы недоступны даже мне. Но один мой старый приятель обещал информировать обо всех новых фактах, которые всплывут при расследовании. Я не буду повторяться, режим секретности строжайший. Сами понимаете.

– Не завидую ребятам, – довольным тоном добавил Форд, не скрывая старую неприязнь кадровых офицеров к ЦРУ. – Если к делу подключилось АНБ, с них снимут шкуру и вывесят на солнышке. И никого подставить у них не получится. Действовали на свой страх и риск.

Все присутствующие молча согласились с этим утверждением.

– Сколько там человек утонуло? – мрачно задал риторический вопрос Шеридан. – Сотен восемь? И сколько попало в плен?

– Через два часа начнется прессконференция в Белом доме. Госсекретарь лично встанет у амбразуры, – мельком взглянув на часы,

заметил Чейз. – Пока принято решение все отрицать и обвинять русских и сербских варваров во всех смертных грехах.

– Даже не знаю, с чего начать. Ситуация паршивая. – задумчиво произнес Мэллори, разглядывая свои руки.

– Русские сделали сильный ход, первыми дав исчерпывающее объяснение происшедшего. Нам сейчас будет трудно бороться за мозги обывателей, – вторила ему Джейн.

– А вы уверены, что у них есть мозги? – саркастически поинтересовался Бенг. – Что мы им вложим и тщательно пережуем, то и будет правдой. Все они будут дружно осуждать русских и обвинять сербов во всех грехах начиная со Всемирного потопа.

– А русские нас опередили. В 82м году с корейским «Боингом» они сильно облажались, побоявшись выдать информацию первыми, – заметил Мэллори Шеридан.

– А на этот раз в заднице оказались мы, – в тон ему ответил Грегори. Сегодня он чувствовал себя не в своей тарелке. Разумеется, он и раньше имел дело с прикрытием миссий. Русские и сербы – враги. В современном мире на современной войне нет места рыцарству и войне по правилам. Все авторитеты в один голос утверждают, что лучше всего нападать десятером на одного, и желательно спящего. Все правильно. Надо беречь своих солдат и надо дать избирателям уверенность в том, что они правы. Хорошие ребята всегда побеждают плохих парней. Значит, надо заранее расставить акценты, заранее объяснить, кто хороший, а кто плохой. Несмотря на это, Стив ощущал некоторое неудобство. По его мнению, в первую очередь надо вытаскивать людей из плена. Решать, как надавить на Милошевича, поднимать волну правозащитных выступлений против жестокого обращения с военнопленными, а не думать, как сделать из дерьма конфетку.

Тем временем обсуждение шло полным ходом. Джордж связался по телефону со своим знакомым в Риме. Итальянец входил в активный состав одной из многочисленных правозащитных групп, готовых протестовать против любых проявлений несправедливости в мире. Сокращение экспорта нефти из СССР, больно ударившее по Европе, убийства боснийцев сербами и убийства сербов боснийцами и хорватами, очередная межплеменная разборка в Африке, изменение таможенных тарифов, ущемление прав лесбиянок, заход американского атомного авианосца в европейский порт – это были профессиональные «недовольные». Бенг, закончив телефонный разговор, сообщил, что помощью этой группы несколько раз пользовались Советы, но сейчас ребята полностью на стороне Америки и Западного

сообщества. В этот момент в Италии уже был конец дня, синьор Паранези обещал за вечер обзвонить всех своих друзей и утром устроить митинг перед советским посольством в Риме.

– Интересно, мы можем активизировать партизан в Косово? – подбросил идею О'Нил.

– К сожалению, не получится, – после короткого раздумья ответил Форд. Генерал Чейз к этому времени уже покинул экспертов, у него были дела, требующие непосредственного присутствия.

– А если попросить ЦРУ? Они сейчас должны из кожи вон лезть, чтобы загладить свой промах. И у них хорошие контакты с повстанцами.

– Нет, Майк, повстанцы АОК сейчас практически вышвырнуты из Косово. Осталось несколько партизанских отрядов, но они ничего не могут. Боятся нос высунуть. Сербы держат ситуацию под контролем. Если дело и дальше так пойдет, у нас больше не будет повода для вмешательства – добавил Форд.

– А идея интересная, – протянула Джейн. – Можно попросить наших друзей в Белграде устроить несколько народных шествий и митингов с осуждением расстрела беженцев. Устроить акции гражданского неповиновения. Потребовать дать свободу политическим заключенным, как говорил мистер Бжезински, узникам совести. Журналисты обрадуются.

– Это понятно, митинги, шествия, забастовки, пара интервью с прогрессивно настроенными аборигенами, – негромко проговорил Шеридан. – Мне интересно, как можно было провести десант на порт в момент подхода конвоя, но не попасться эскорту. Может пригодиться на будущее.

– Как я понял, Милошевич в эту ночь улетел в Москву? – оживился Стив.

– Верно, наши коллеги все спланировали к этому моменту, и десант, и беспорядки в Белграде, и выступления оппозиции.

– Думаю, они рассчитывали, что русские не будут открывать огонь. Или пока русские запросят штаб, пока разберутся с ситуацией, пока получат разрешение и рекомендации, наши проскочат к берегу.

– Не получилось, и не могло получиться. Русские в последнее время сильно изменились. С ними стало сложно играть. – Мэллори пододвинул свой стул ближе к Стиву. – Труднее и интереснее. Три месяца назад по нашей подлодке в районе Новой Земли их сторожевик просто сыпанул из бомбомета. Сначала пару минут для порядка постегали сонаром, а затем дали залп. Бомбы легли точно в тридцати метрах от кормы. Команда от страха чуть в штаны не наложила. Думали, следующий залп, и 126 человек

отправятся в рай. Они и на связь не успели выйти. Самое смешное, все почестному: это были русские территориальные воды.

– Мы уже давно не заходим в их пространство, – поддержал Стив, – могут сбить.

– Ладно, вернемся к нашим диверсантам. У меня есть пара идей.

– Выкладывай. – Грегори наклонился к собеседнику. Остальные эксперты в это время с азартом обсуждали аспекты информационной войны. Как посильнее замазать русских во вчерашней истории и не дать им выйти сухими из воды.

– Русские конвои действуют по одной схеме. На переходе морем впереди конвоя идет один эсминец. Передовой дозор. Остальные корабли эскорта держатся вокруг транспортов, похоже на наши схемы «Дейв» и «Антон». При подходе к порту, в пятнадцати милях от берега, эсминцы сбавляют ход и вытягиваются линией вдоль берега, создавая завесу между транспортами и морем. Конвой идет в порт. После того как последний транспорт войдет в Бар, эскорт оставляет пару кораблей в море в качестве дозора и идет в порт на отдых. Патрульные корабли ежесуточно меняются, так что все русские военные моряки получают свои увольнительные на берег, чтобы выпить местного вина и потискать девочек. При выходе конвоя из порта все повторяется в обратном порядке. Сначала боевые корабли, затем транспорты. В 15–20 милях от берега они строят походный ордер, вперед вырывается дозорный, и прямиком до Дарданелл.

– Как у сербов с береговой обороной?

– Паршивая. Всего четыре катера осталось, и те на приколе. Но на берегу хорошая сеть наблюдательных постов и патрулей. Высадка будет обнаружена в течение десяти минут. Хорошо, что разворачивание радарной сети в Черногории до конца не завершено. Через две недели они поставят три «Горизонта» и полностью перекроют все прибрежные воды.

– Значит, высадить десант заранее не удается. А через две недели это будет невозможно, – прокомментировал Стив, он прекрасно знал характеристики русских «Горизонтов».

– Верно. Хотели как лучше: и транспорты с грузом уничтожить, и визит в Москву сорвать. Получилось как обычно. – Понизив голос, Мэллори добавил: – Форд проговорился, что наши подкинули русским дезу, будто мы попробуем перехватить самолет с Милошевичем в воздухе. А он, вместо того чтобы отменить или перенести визит, просто вылетел раньше времени. И сорвал всю церемонию по торжественной встрече.

– Представляю себе, – довольно хмыкнул Стив.

– Наши кретины ошиблись со временем начала операции. И все

провалили, – вернулся к основной теме Шеридан.

– А космос? Или авиаразведка? – задал давно вертевшийся на языке вопрос Грегори.

– В это время наших спутников над Адриатикой не было, русских тоже, – присоединился к разговору О'Нил.

– А авиацию просить не стали, чтобы не делить лавры, – добавил Мэллори. – Но это уже назад не вернешь. А что ты сделал бы на их месте, Стив?

– Я бы подождал, когда основные силы эскорта войдут в порт. Больше шансов на прорыв. – Стив Грегори вертел в руках листок со схемой расположения русских кораблей в момент инцидента. – И, разумеется, без авиаразведки не сделал бы и шагу. Русские предпочитают совершать переходы без радаров. Это дополнительный шанс.

– А десантников на рейде встретят скорострелки эсминцев и взвод хорошо подготовленной и очень злой русской морской пехоты.

– Какая разница, Мэллори, они все равно смертники. В Баре не менее армейского полка. Рядом расквартирована целая дивизия. В самом порту усиленная рота русской морской пехоты. Еще один взвод ничего не решит. Если албанцы ворвутся в порт, значит, задача выполнена.

– Логично, – совершенно серьезно заметил Шеридан, – но меньше шансов нанести значительный ущерб. Полностью уничтожить порт.

– Другого варианта я не знаю, – развел руками Стив.

– А ты, Майк?

– Вариант Стива. Но при этом два судна высаживают десант прямо в порту, а остальные рядом, на пляж,

– В порт они не войдут. Эсминцы обычно стоят на бочках прямо у входа на рейд. Три минуты на открытие огня в упор.

– Тогда не знаю.

– Мой вариант предполагает выйти к порту раньше конвоя, – начал излагать Шеридан, – при этом держать пару дозорных самолетов в небе. А до этого целую неделю регулярно летать вдоль Черногории. Пусть сербы привыкнут. К берегу идти впереди транспортов.

– Но ведь заметят? – недоверчиво покрутил головой Стив.

– Да, заметят. Смотри, – Мэллори быстро набросал прямо на карте схемку. – Вот мы. Вот вытянулись транспорты. Вот эскорт. Радары эскорта не видят нас изза берега. Обнаружат десант только с транспортов, но пока разберутся и передадут на боевые корабли… Они не успеют нас догнать. Свои корабли будут мешать вести огонь. То же самое касается торпед. Мы ворвемся прямо в порт. На пирсах стоит полдюжины «Тунгусок», но это не

страшно. Наши корабли они не потопят. И есть шанс, что расчеты не успеют открыть огонь.

– При этом большая часть транспортов останется в море. Парочка успеет войти в порт, и все.

– Нет. Выделим четыре абордажные команды на катерах с пулеметами и базуками. Они захватят три судна. Еще пара, может, только один, войдет в порт и будет взорвана. Но зато мы успеем сжечь Бар, взорвать доки, портовые сооружения, склады. Десантные корабли затопим в фарватере. Порт надолго выйдет из строя. А больше четверти атакующих смогут прорваться в Албанию.

– Хороший вариант. Рискованный, но хороший. Это могло пройти, – после недолгого раздумья, глядя прямо в глаза Мэллори, промолвил Стив.

– Да, давайте оформим все это в виде докладной записки. Со всеми выкладками, вариантами и замечаниями. Пригодится, чтобы прищемить хвост нашим рыцарям черных очков и плащей, – предложил О'Нил. Эта идея не встретила возражений.

– Господа, минуточку внимания! – громко заявил, бросая на стол сотовый телефон, по которому он только что с кемто разговаривал, Пол Форд и включил стоящий в углу широкоэкранный телевизор. Быстро прощелкал пультом каналы, наконец, выбрал один. Судя по эмблеме в углу экрана, это был информационный канал «Евроньюс». Сначала по телевизору шел репортаж с выставки артискусства в Гренобле. Натюрморты из утюгов и фенов, портреты из столовых ножей и тому подобное. Это, конечно, впечатляло… дикарей из Центральной Африки. Затем пошло сообщение о вчерашнем происшествии у берегов Югославии. Пока шла картинка, голос за кадром извинился за неточное изложение событий в утреннем выпуске. По последним данным, сегодня около двух часов ночи к побережью Югославии прорывались шесть малотоннажных судов с четырьмя тысячами боевиков Армии Освобождения Косова. В районе порта Бар в территориальных водах Югославии они были обнаружены кораблями русской Средиземноморской эскадры. После того как нарушители не подчинились приказу лечь в дрейф и принять досмотровые партии, был открыт огонь. Два судна потоплены, остальные остановились. На судахнарушителях было обнаружено большое количество стрелкового оружия, взрывчатка. Нет никакого сомнения в том, что это вылазка косовских сепаратистов, а не мирные беженцы, как сообщалось утром. Официальные лица Югославии сообщили, что все 3624 задержанных боевиков находятся на военной базе Здоброво. Во время ночного боя погибло и утонуло около 370 человек. Пока читалось

сообщение, на экране шли кадры с захваченных судов. Мускулистый детина в форме советской морской пехоты показывал перед камерой трюмы, оборудованные для перевозки людей, ящики с автоматами, гранатометами, патронами, контейнеры со взрывчаткой. Мелькнули лица задержанных.

В этот момент Джордж Бенг подскочил к телевизору и ткнул пальцем в кнопку. Экран погас. В комнате повисла тяжелая давящая тишина. В головах людей была только одна мысль. Опоздали! Если крупнейший европейский телеканал так быстро изменил свою позицию, значит, все. Ещё день, и эта версия дойдет до Америки. Русские успели первыми, они хорошо усвоили уроки «холодной войны» и первыми начали информационное наступление.

– Леди и джентльмены, не все потеряно. Работаем, – нарушил молчание Шеридан.

– Да, есть шанс не допустить ажиотаж. Изменить ракурс информационного освещения в нашу пользу. Эти отчаявшиеся албанцы шли на выручку своим братьям, борющимся против тирании Милошевича. – поддержал Форд, на ходу формулируя вариант для прессы.

После этих слов Стив тихо вышел перекурить. Он все равно не мог ничем помочь. Рассчитать оптимальные векторы атаки так, чтобы не подставиться под зенитки, распределить цели. Найти замаскированный аэродром, наблюдая за самолетами противника, вычислить ракетную засаду противника. Это он умел. А манипулировать общественным мнением, работать с журналистами его не учили. Пусть Бенг с Фордом упражняются, это их профессия, черт побери! Только закурив сигарету, Грегори вспомнил, что на «Евроньюс» ничего не сказали о советниках. А генерал говорил, что сербы их уже обнаружили среди пленных. Значит, можно надеяться сторговаться и вытащить ребят без огласки.

Вернувшись, Стив застал всех занятыми делом. Джулия набивала текст на ноутбуке. Шеридан и Форд ожесточено спорили, склонившись над столом с целым ворохом цветных диаграмм. О'Нил разговаривал по телефону. Бенг просто сидел перед телевизором и переключал каналы, на его лице застыло выражение спокойной целеустремленной сосредоточенности. Незаметно для себя Стив включился в работу. Помог Джорджу составить список наиболее популярных телекомментаторов и ведущих. Причем отбор делался не основе рейтингов, а по принципу наибольшего доверия зрителей. Затем Стив подключился к Мэллори и Полу. Закончив спор, они занялись составлением подробного списка всех злодеяний режима Милошевича за последние десять лет. Со всеми

комментариями и предварительными рекомендациями по массовой раскрутке этих деяний.

Уже к обеду был составлен предварительный план действий. Хороший, развернутый план кампании. Для пользы дела надо было бы пригласить языкастого журналиста или специалиста по контактам с общественностью, но Форд категорически запретил привлекать посторонних. Тем более что это лишняя потеря времени. Пока найдут нужного человека, пока он поймет суть дела, в общем, время будет упущено. Кроме того, немаловажную роль играли соображения секретности.

По разработанному плану предполагалось активизировать правозащитные и демократические движения в Европе. Привлечь внимание публики к положению албанцев в Косово. Попавших в плен боевиков следовало сделать мучениками за идею. Форд убедил коллег, что вытащить албанцев из плена нереально, а значит, надо использовать их как козырь против Милошевича. В прессе и на телевидении поднять волну обвинений против Югославии. Обвинять следовало в чем угодно, главное – громко, и не давать противнику времени для опровержений. Против СССР кампанию проводить следовало, наоборот, осторожно. Майор Форд объяснил, что в Белом доме просят не поднимать антисоветскую шумиху. Это связанно с некоторыми финансовыми проектами и возможным изменением ситуации в Индокитае. В обмен на пленных советников предполагалось разморозить несколько счетов Югославии в американских банках. Правительство должно было дать «добро».

К двум часам пополудни вернулся генерал Чейз. Пробежав глазами протянутую ему Фордом пачку бумаг, генерал сдержанно поблагодарил экспертов за проделанную работу и, улыбнувшись на прощание, поспешил докладывать руководству в штабе авиации. С сегодняшнего вечера следовало приступать к реализации плана, с легкой руки Бенга названного «Красный сполох».

Глядя на закрывшуюся за генералом дверь, Стив подумал, что Чейз умный и неординарный человек. Работая в штабе ВВС, генерал Чейз сумел привлечь в группу экспертов специалистов флота, армии и космической разведки, что позволяло быстро обходить ведомственные препоны, обычно тормозящие обмен информацией, а также организовать своевременное поступление оперативной информации и разработок специальных служб Пентагона. Наличие в группе представителя «РЭНДкорпорэйшн» доктора Бенга говорило о заинтересованности крупных чинов из командования ВВС в успешной работе экспертов. Авиация традиционно была одним из основных заказчиков «РЭНДкорпорэйшн» и стояла у истоков этой ныне

могущественной аналитической конторы.

По завершении короткого перекура после визита Чейза, Грегори и Шеридан занялись своим докладом по технической части провалившегося десанта. Это была любимая работа Стива. То, что он умел лучше всего, если не считать полетов на самолете. Вскоре к ним присоединился Майк. Втроем они быстро завершили дело. Только поздно вечером уставший, но довольный Стив по дороге в кафе вспомнил, что сегодня никто не обедал. Зато дело сделали.

Глава 13

Новая работа для хорошего пилота. 1998 г.

Раскисшая от дождя дорога уныло тянулась по тайге. Моросило. Высоченные кедры и сосны молчаливо взирали на бегущих по лесной дороге людей. Весь 41й истребительный полк в полном составе совершал маршбросок по тайге. Хорошо еще, что бежали по дороге, а не по лесу. Хотя, как посмотреть: на ботинках уже налипло по полпуда грязи. Изредка ктонибудь падал, поскользнувшись на осклизлой от многодневного дождя глине. Иногда звучали плоские казарменные шутки в адрес дороги, дождя и командования, выгнавшего полк из сухих теплых квартир и казарм военного городка. Полковник Стравинский бежал самым первым, задавая темп. Инструктор по физической подготовке, здоровенный шкаф со свирепой рязанской физиономией, повадками и внешностью молодого медведя и погонами старшего лейтенанта ВДВ, наоборот, держался в хвосте, подгоняя отстающих летчиков, наземных специалистов и техников. Хотя инструктор так же, как и подопечные авиаторы, шел с полной выкладкой, на его гладко выбритой круглой физиономии не было никаких следов усталости. Похоже, пробежав десять километров, он даже не вспотел.

Сергей на ходу перепрыгнул через лужу и механически поправил висевший на плече автомат. Он дышал ровно и двигался в спокойном размеренном темпе. Самое главное – не сбиться с темпа, и можно бежать долгодолго, до самого вечера. Нормальный маршбросок, нормальная нагрузка. Такие броски они бегали каждую неделю. Если техники, радиометристы и прочие кадры из обеспечения под любым предлогом отлынивали от тренировок, ссылаясь на то, что им больше чем 150 граммов поднимать за один раз нельзя, то летчики еще с училища привыкли к таким нагрузкам. А гоняли их больше, чем мотострелков и десантников. Раз в неделю маршбросок на 15–25 километров. Регулярные кроссы, тренажеры, рукопашный бой и стрелковая подготовка.

– Сергей, у тебя вода осталась? – просипел рядом механикмоторист Генка Астафьев.

Сергей молча протянул ему полную фляжку. Погода была прохладная, воздух влажный, пропитанный моросью, пить совершенно не хотелось.

– Спасибо. – Гена на ходу судорожно сделал пару глотков и протянул фляжку обратно.

– Не за что, – машинально ответил летчик, вешая флажку на пояс. На

Астафьева было больно смотреть. Прошли только половину из положенных на сегодня двадцати км, а механик уже выбился из сил. По его лбу и щекам обильно тек пот, ворот рубашки расстегнут, рюкзак при каждом шаге подпрыгивал на согнутой спине, а автомат нещадно бил Гену по заднице. Оно и понятно, давно не бегал. Гена Астафьев был механиком – золотые руки. Для него всегда находилось срочное дело на аэродроме или в ангарах, когда остальной полк гоняли на физподготовке. За восемь лет службы он изучил «Су27» лучше, чем свою жену, все знали, что через полгода – максимум год Гену ждет должность старшего авиамеханика полка. Сергей чуть притормозил на бегу и молча забрал у Астафьева рюкзак. Тот в ответ буркнул нечто нечленораздельное. Сергей махнул рукой и, приладив Генкин рюкзак на плече, побежал дальше. Ладно, на мужика смотреть страшно, кабы не номер от перегрузки.

Впрочем, многие выглядели не лучше Астафьева. Особенно кладовщики и канцеляристы, но к ним, ясное дело, летчики жалости не испытывали. До сегодняшнего дня они практически в полном составе отлынивали от физкультуры. Так бы продолжалось и дальше, но в прошлый четверг в полк неожиданно нагрянул генерал Голиков, командующий 1й воздушной армией. Ознакомившись с положением дел в полку, генерал устроил форменный разнос. Досталось всем. Выяснилось, что налет летчиков немногим больше рекомендованного Генштабом, но меньше, чем в остальных полках Дальневосточного округа. Журнал посещаемости занятий по общефизической и специальной подготовке свидетельствует о ненадлежащем отношении командира полка к этому животрепещущему вопросу. Ремонтные работы и плановое обслуживание авиатехники проводятся недопустимо медленно. До сих пор не готов график политикопатриотической и воспитательной работы с личным составом на следующий год. Красный уголок запущен и не отражает текущий политический момент. В общем, разнос был страшный, досталось всем.

Но самое главное: пока командующий армией на плацу дрючил во все дыры личный состав, приехавшие с ним четверо товарищей из военной прокуратуры ворошили канцелярию и склады. Генерал и проверяющие уехали в тот же день вечером, увозя с собой целую кипу бумаг. Вместе с ними отбыли старший интендант и заместитель командира по технике надо полагать, надолго. Неприятно, это было уже второе ЧП за этот год. Первое произошло в июле. Тогда во время учебного полета разбился самолет. Происшествие редкое, случающееся не каждый год. Надо сказать, что лейтенанту Гилязову повезло: машина шла над тайгой на бреющем, прямо над верхушками деревьев. И когда отказал правый мотор, лейтенант,

справедливо решив, что пришел пушной зверек, рванул рычаг катапульты. Через секунду «Сушка» рухнула в тайгу. На разборе полетов к Гилязову вопросов не было. Он все сделал правильно, бедняге только пришлось пару часов посидеть в болоте в обществе комаров и местных гадюк, пока за ним не прилетела вертушка, а затем целый месяц скучать на аэродроме, пока в полк не прибыл новый самолет. Комиссия из штаба дивизии целую неделю изучала обломки машины, но причину аварии установить не удалось. Все списали на попавшую в воздухозаборник птицу.

В принципе вины командования или летчика в этом ЧП не было, последняя проверка им даже не интересовалась. Гораздо больше проверяющих заинтересовал расход авиационного керосина, бензина для автомашин и содержимое продовольственного и вещевого складов. Истребитель – машина, конечно, прожорливая, но не до такой же степени. Не могли «Су27» жрать столько керосина, сколько на них списывали! В два раза больше нормы! Не могли восемь «ГАЗ66», дюжина «Уралов» и четверка «уазиков» ездить по 30 часов в сутки без выходных! В то же время с соляркой для «КамАЗов» все было в норме, во всяком случае, в пределах допустимого. Видимо, не нашлось покупателя. Хотя говорили, что в соседнем штурмовом полку зампотеха выгнали из армии именно за солярку. Интендант тоже оказался хорош: ничего внятного не мог сказать по поводу обнаружившихся у него стапятидесяти неучтенных комплектов обмундирования и исчезновения пяти тонн консервов.

После отъезда генерала и прокурорских полковник Стравинский устроил еще один разнос. На этот раз от своего имени. Командир полка дал командирам эскадрилий месяц, чтобы увеличить налет у летчиков и провести стрельбы по наземным целям. Замполит получил втык за график работы и красный уголок. Старший механик получил категорический приказ за двое суток привести матчасть в должное состояние. А самое главное, самое болезненное: старшему лейтенанту Семихвостову, отвечавшему за физическую подготовку, было предписано подтянуть личный состав и запрещено освобождать коголибо от занятий. Это решение Стравинского было встречено всеобщим воем и трауром. А когда наутро самые хитрые побежали в медсанчасть, там их встретил старший лейтенант Семихвостов, лично вызвавшийся помочь врачам с постановкой диагнозов.

Кроме того, была проведена ревизия складов. Служба тылового обеспечения плакала, но плакала молча. Все помнили слова полковника, произнесенные сразу после отъезда проверки: «Воруете?! А о чести полка кто за вас думать будет? Я?! Не дождетесь!» С тех пор эта фраза произносилась как заклинание. Вспоминался и новенький «Вольво»,

осиротевший после исчезновения зама по технике.

Моросило. Одежда давно промокла. В ботинках хлюпало, не уберегся, наступил пару раз в лужу. Дорога пошла в гору. Сергей механически отметил, что после подъема будет развилка и ржавая кабина на обочине. Там направо, через три км, будет хуторок, а еще через четыре дорога выйдет из тайги прямо к аэродрому. А уже от аэродрома до военного городка всего метров пятьсот по асфальту. Значит, больше половины дистанции прошли.

Бежать стало тяжело, напитавшаяся водой глина скользила под ногами. Несколько человек, поскользнувшись, растянулись на дороге, остальные вовремя перебрались на обочину. В воздухе повисла пара плоских шуток в адрес упавших. Но продолжения не последовало. Люди слишком устали, чтобы шутить. Оставалось только молча перебирать ногами.

Деньночьденьночь – мы идем по Африке,
Деньночьденьночь – все по той же Африке –
(Пыльпыльпыльпыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!
Восемьшестьдвенадцатьпять – двадцать миль на этот раз.
Тридвенадцатьдвадцать две – восемнадцать миль вчера –
(Пыльпыльпыльпыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне![2] –

насвистывал себе под нос Сергей, чтоб не сбиться с ритма. Осенняя тайга – это, конечно, далеко не Африка, а вместо пыли едкая морось, пропитавшая воздух и обмундирование, но главное – ритм, главное, не сбить дыхание. Еще немного, еще чутьчуть. Половину пути прошли. Вот уже гребень холма. Из зарослей репейника выглядывает рыжая от ржавчины железяка. Все верно, Стравинский повел полк направо. В сторону дома. Незаметно перестало моросить. Пару раз сквозь серую пелену проглядывало солнце. Сергею вспомнилось последнее письмо от Светы. После той незабываемой ночи в клубе они подружились. Правда, уже через четыре дня после знакомства Света уехала в Хабаровск учиться. Хоть и близко, но Сергею было легче попасть в Иркутск, чем в Хабаровск. Во всяком случае, он как зам комэска по технике этой осенью уже дважды бывал в Иркутске на авиационном заводе. Принимал машины после капитального ремонта. А Хабаровск как локоть, близок, а не попадешь. Как ни старался, оказии не было. А так хотелось повидаться со Светой. Интересная, красивая, нежная, умная, немного застенчивая студентка

покорила сердце летчика. Естественно, Сергей не упускал случая потискать девиц в Переяславке или окрестных селах. Но это другое дело! Это временные удовольствия.

Со Светланой они обменивались письмами каждую неделю. Вроде бы и писать не о чем, а все равно не менее пары страниц каждое письмо. Сергей в письмах рассказывал о Переяславке, о своей жизни в военном городке, об Иркутске, описывал смешные истории из жизни авиаполка. Разумеется, ничего секретного. Боже упаси! Секретный отдел может напрочь испортить карьеру чрезмерно хвастливого офицера. Так что Сергей проявлял здравую осторожность, не перегружая письма описаниями учебных тревог и буднями полка.

А скоро наступит ноябрь. От этой мысли лицо Сергея расплылось в непроизвольной улыбке. На ноябрьские праздники Света приедет домой в Переяславку. Сергей уже заранее договорился об увольнительных с 9го по 12е число. Обошлось это дорого, очень дорого. Но игра стоит свеч. Саша Прошунин, по данным разведки, уже давно добился благосклонности Марины. Благо, они встречались через день. Саша даже побил свой собственный рекорд – встречался с одной девушкой больше двух месяцев. Однополчане заключали пари: продержится лейтенант Прошунин до Седьмого ноября или нет? Сергей ради интереса поставил литр коньяка против четырех, что дело закончится свадьбой. Разумеется, ребята не верили в возможность такого исхода. На Сашу это совершенно не похоже.

Но два дня назад после очередного свидания Прошунин обмолвился, что неплохо бы подумать о продолжении рода. В полку началась тихая паника, майор Антонов, командир первой эскадрильи, в которой числился Прошунин, в свою очередь, пообещал подумать о представлении летчика к очередному званию. Бесправный подкаблучник, затюканный стервозной супругой, Антонов, как ни странно, считал, что семья для человека – это альфа и омега. Сам он сразу после вечернего построения шел прямо домой, крайне редко зависал с сослуживцами в кафе и только по уважительным поводам: обмывание очередной звездочки, ордена или юбилея. История полка не сохранила ни одного случая, чтобы Антонов сходил налево. Тогда как его супружница пару раз путалась с интендантом.

До военного городка измотанный, промокший, заляпанный грязью с ног до головы полк добрался только к обеду. На построении полковник Стравинский напомнил, что сегодня у третьей эскадрильи полеты с отработкой индивидуальных действий по патрулированию территории и обнаружению наземных целей. Остальные проводят занятия в классах. Изучают матчасть. Слушая вполуха командира, Сергей ждал только

команду: «Вольно, разойтись». Организм после маршброска настойчиво напоминал о необходимости наполнить желудок. А перед столовой следовало еще забежать в Дом офицеров, переодеться в чистое. Идти в таком виде в столовую нечего и думать. Но у командира были другие планы: быстро объявив распорядок на сегодняшний день, Стравинский коротко скомандовал:

– Старший лейтенант Горелов, ко мне! Остальные вольно. Разойтись!

– Старший лейтенант Горелов по вашему приказанию явился! – четко чеканя шаг, Сергей подошел к командиру и, вытянувшись по стойке «смирно», четко отдал честь.

– Вольно. – Стравинский окинул придирчивым взглядом заляпанного грязью Горелова и посмотрел на часы: – В 13.30 подойдете ко мне в кабинет.

– Есть.

– Разрешаю идти, – изрек полковник и сам быстрым шагом направился к поджидающему его на краю плаца «уазику».

Оглянувшись по сторонам, Сергей увидел, что однополчане уже смешали строй и расходятся. Не он один мечтал о столовой.

– Сергей, чего он хотел? – прозвучал над ухом голос Вити Чернова.

– Не знаю. Просил после обеда быть в канцелярии.

– Раз начальство просит, значит, так надо, – философски протянул Чернов. – Пошли быстрее, обед стынет.

До открытия столовой оставалось сорок минут. Друзья резвым шагом двинулись в сторону Дома офицеров, следовало, по идее, зайти в оружейную комнату и сдать автоматы, но Сергей и Витя, переглянувшись, пришли к выводу, что это можно сделать и после обеда.

Поднявшись к себе на третий этаж, Сергей торопливо сбросил с себя грязную одежду, умылся, оставив на полу пару луж, ничего, дневальные приберут. Затем переоделся в свежий комплект формы и запихал грязную одежду в пакет, предварительно тщательно проверив карманы. Он прекрасно помнил, как год назад Дима Звягин забыл в кармане все свое денежное содержание за месяц. Деньги вернулись к Диме вместе с формой после стирки. Другое дело, что их потом не приняли даже в Сбербанке. В прачечной работали на совесть.

Глянув в зеркало и придирчиво проведя ладонью по гладко выбритому подбородку, Сергей вышел в коридор. Затем, чертыхнувшись, вернулся обратно, показал своему зеркальному отражению язык, чтоб не сглазить, и повесил на плечо сиротливо лежащий на койке автомат и подсумок с запасными магазинами. Затем еще раз придирчиво окинул взглядом свое

скромное жилище, вроде бы ничего больше не забыл, и решительно покинул комнату. Закрыв дверь на два оборота, спустился на первый этаж. В прачечной, отстояв короткую очередь, Сергей бросил пакет на стойку. Заведовавший приемкой солдатиксрочник споро заполнил квитанцию и протянул ее Горелову.

– Послезавтра после обеда, товарищ старший лейтенант.

Сергей, не глядя, сунул бумажку в карман, поставил закорючку в журнале и поспешил покинуть помещение. В вестибюле было шумно. На улице опять моросил дождик, а до офицерской столовой было всего два шага. В свое время ее поставили прямо напротив Дома офицеров. До открытия столовой оставалось целых десять минут. Никто не собирался мокнугь на улице, а подниматься обратно в комнату было бессмысленно. Сергей, кивнув знакомым ребятам из 302го штурмового, подошел к скучающему за стойкой прапорщику и поинтересовался насчет почты. Прапор отложил в сторону «Советский спорт» и пошарил под своей стойкой. Через минуту он констатировал, что для старшего лейтенанта Горелова ничего нет. Затем вернулся к своей газете.

Сергей потянулся было к стопке свежих номеров «Красной звезды», но махнул рукой и, распечатывая на ходу свежую пачку «Аполлона», двинулся к выходу. На крыльце было сухо. Мимо промаршировал взвод солдат из прикрывавшего аэродром полка ПВО. Дождь зарядил не на шутку. Скорее всего до утра. Тучи нависали над самым горизонтом. Сергей мельком подумал о третьей эскадрилье – не повезло ребятам. В такую погоду, когда видимость падает, тяжело разглядеть замаскированные на полигоне цели. Но, с другой стороны, на то она и осень, чтобы дождило. Зато воздух свежий, чистый, без надоевшей за лето пыли. Во всем есть положительная сторона, главное, ее вовремя найти.

После последней проверки в полку освободилась вакансия зама по технике. Значит, будут продвижения. Скорее всего замом назначат командира второй эскадрильи, молчаливого серьезного майора Кузьмичева. Ответственный, грамотный специалист, любит самолеты. Сергей искренне надеялся, что Кузьмичева повысят. А на освободившуюся вакансию комэска продвинут самого Сергея. Правда, у него звездочек на погонах маловато, но взысканий не было, и есть пара поощрений от начальства и орден за боевой вылет. Таким макаром можно внеочередное звание получить вместе с должностью. Заодно и прибавку к денежному содержанию.

За сигаретой незаметно подошло время обеда. В столовой Сергей Горелов плюхнулся за облюбованный его звеном столик и набросился на

ароматный огненный борщ. Кроме Сергея, за столиком были Саша Хохол, фамилия такая у парня редкая, а не прозвище, и Витя Чернов. Ели молча. Даже неисправимый балагур Сашка сегодня без слов налегал на обед, моментально вычерпав тарелку с борщом и сейчас расправляясь с котлетами и картофельным пюре. В отличие от истребителей, штурмовики за соседним столиком оживленно болтали. До Сергея долетали обрывки фраз. Речь шла о какомто Антоняне, умудрившемся поймать в Переяславке триппер. Весь юмор был в том, что послезавтра 302й штурмовой полк будет отмечать присвоение генеральского звания их командиру, а бедняге Антоняну две недели нельзя пить ничего крепче кефира.

Расправившись с булочкой и компотом, Сергей откинулся на спинку стула. Уф, хорошо, но мало. Можно, конечно, взять добавку, но сегодня не следует слишком сильно наедаться. Сразу после обеда эскадрилью ожидают занятия в учебных классах. А в 15.00 по расписанию тренировки в спортзале. Неутомимый Семихвостов опять устроит потогонку, так что лучше добавку не брать, лучше потерпеть до вечера и взять двойной ужин. Уже покидая столовую, Сергей заметил, что многие офицеры 41го иап были с автоматами, видимо, как и он, решили сдать оружие после обеда.

И действительно, в оружейной комнате пришлось выстоять очередь. Наконец Сергей отдал автомат и подсумок с запасными магазинами седовласому старшему прапорщику и расписался в журнале регистрации. В дивизии все знали, что старший прапорщик Пахомов давно уже признан ограниченно годным к службе и держался в полку только благодаря старым заслугам и более чем тридцати годам беспорочной службы. Еще в 83м году Максим Алексеевич попал в автомобильную аварию и получил сложный перелом правой голени. Врачи чудом, буквально по кусочку собрали кость, но избавить Пахомова от хромоты не смогли. Если почестному, уже то, что он ходил без костылей, было чудом. С тех самых пор бывший авиатехник стал заведовать оружейной комнатой. У командования рука не поднималась уволить в запас хромого ветерана. Максим Алексеевич в свое время «работал» в Сирии во время очередной арабоизраильской войны. По праздникам грудь прапорщика сверкала от целого иконостаса орденов и медалей. Еще в 92м году после очередной проверки врачебный консилиум собрался отправить Пахомова на пенсию, тем более что он уже выслужил все мыслимые и немыслимые сроки. Но прапорщик быстро подал рапорт генералу Голикову, в то время еще командиру дивизии. Оказалось, что в Сирии Пахомов обслуживал самолет Голикова, и генерал не дал в обиду старого боевого товарища. Разрешил служить, пока сам не запросится на покой.

– На прикладе грязь, – буркнул Пахомов внимательно разглядывая автомат, – и подсумок мокрый.

– Так дождь же на улице! – попытался возразить Сергей.

– Товарищ старший лейтенант, оружие должно быть в идеальном, повторяю, идеальном состоянии. Дождь не дождь, а от автомата зависит ваша жизнь.

– Понял, исправлюсь, – ответил Горелов. Спорить с Пахомовым было бесполезно. Пусть Сергей и старше по званию, но возраст и заслуги давали прапору право спорить даже с командиром полка.

Отделавшись от автомата и сочувственно кивнув Вите Чернову, яростно чистившему свой «АКС74», Сергей быстро покинул полуподвальное помещение, в котором находилась оружейная комната. Кабинет Стравинского располагался на втором этаже штаба, рядом с канцелярией, совсем близко. До назначенного времени оставалось целых полчаса. Командир полка не любил как опаздывающих, так и приходящих раньше времени.

«Точность – вежливость офицеров. Учитесь ценить свое и чужое время», – любил повторять полковник. Сергей от нечего делать стянул в оружейной у отвернувшегося Пахомова свежую «Комсомолку» и с комфортом расположился на стуле в коридоре напротив радиоузла. В газете тоже ничего интересного. Простенький кроссвордик, пара анекдотов. Сплетни о престарелой попзвезде. На второй странице писали о визите в Берлин Председателя Совета Министров Шумилова. На переговорах с канцлером ФРГ решилась судьба совместного советскогерманскопольского проекта по модернизации Гданьского судостроительного завода. СССР получал 40% акций верфи, но взамен обязывался вложить в реконструкцию 26 миллиардов рублей и новые технологии. Экономисты уже подсчитали, что проект окупится за 5–6 лет. Польская сторона предоставила заводу режим наибольшего благоприятствования и налоговые льготы. Они надеялись на новые рабочие места (безработица там свирепствует) и приток валюты от иностранных заказчиков. Балтийское пароходство уже сегодня готово разместить в Гданьске заказ на серию среднетоннажных контейнеровозов. Германия, со своей стороны, планировала укрепить позиции в Центральной Европе и выгодно разместить капиталы. В статье указывалось, что СССР уже подписал контракты на поставку металла и судовых установок для завода.

На третьей странице о Югославии. Все как обычно. После того как в сентябре советские корабли остановили десант сепаратистов на Черногорию, боевики снизили свою активность, перешли к обороне.

Правительственные войска почти полностью восстановили контроль над Косово. Но позавчера в понедельник боевики АОК неожиданно захватили село Поднишено. Ситуация тяжелая. Сообщается о десятках расстрелянных террористами мирных жителей. Авиация Югославии наносит ракетнобомбовые удары по позициям террористов. В воскресенье в районе Приштины пропали без вести двое корреспондентов CNN, скорее всего стали жертвами албанских сепаратистов.

Сергей без особого интереса листал газету. На Балканах постоянно воюют. Как началось в 91м, так до сих пор и продолжается. Жалко людей, они не виноваты. Он слышал, что вытворяют албанцы и боснийцы с пленными и гражданскими, такое и гестапо не снилось. Горелов перевернул страницу и наткнулся на интервью с Памелой Андерсон. Это уже интересно! С центрального разворота на Сергея смотрела соблазнительно улыбающаяся красавица. Писали об очередном разводе актрисы и как ей удается поддерживать себя в форме. Фитнес, бассейн, солярий, специальная диета – обычный набор голливудских красавиц. Сергей восхищенно цокнул языком. Ничего бабенка! Неплохо бы на ней покататься. Жаль только, в ближайшее время она не собирается осчастливить своим визитом забытую богом Переяславку.

Время незаметно подошло к намеченному сроку. Сергей положил свернутую газету на стул и, поправив галстук, двинулся на второй этаж. Постучал в дверь, затем, помедлив пару секунд, вошел. Алексей Викторович Стравинский приветствовал летчика легким кивком.

– Проходи, присаживайся.

– Разрешите…

– Вольно, старший лейтенант, – оборвал его полковник, пододвигая к себе лежавшую на краю стола красную папку, – присаживайся, и давай без чинов.

В общем, такое дело, – добавил он, когда Сергей примостился на стуле, – ты хорошо себя показал в последней командировке. Командование довольно, замечаний по службе нет. Имеется предложение дать тебе еще одно специальное задание и тоже за границей.

– Согласен, – ответил Сергей. Особое задание – это шанс и на внеочередное звание, и на повышение по службе. Надо соглашаться.

– Подожди. Ты газеты читаешь? Телевизор смотришь? – Стравинский пристально посмотрел в глаза Сергея. – Что в Югославии творится, знаешь?

– Да, Алексей Викторович. – Сергей спокойно выдержал пристальный взгляд холодных серостальных глаз полковника, он сразу уловил подтекст

вопроса. В последнее время на занятиях по политической подготовке акцентировалось внимание на примерах интернационального долга и необходимости противостоять империализму в любой точке земного шара. Замполит только вчера рассказывал о летчиках, воевавших в Корее и Вьетнаме. При этом ненавязчиво упоминалось, что, возможно, это не последний случай, когда советские летчики воюют под флагом союзников.

– Это хорошо, что знаешь, – усмехнулся Стравинский, – значит, согласен вломить янки по первое число?

– Не против, Алексей Викторович. Когда получать проездные?

– Подожди. Смотри, какой шустрый. Задание очень сложное. Летать придется над горами и над морем. У противника будет численное превосходство, можешь погибнуть.

– Раз вы мне это говорите, значит, уже включили меня в список, – тихо произнес Сергей, – значит, рассчитываете на меня. Я готов сражаться.

– Хорошо, я знал, что на тебя можно рассчитывать. – В голосе полковника чувствовалось одобрение. – Первым делом пишешь рапорт на отпуск по состоянию здоровья, с 11 ноября по 11 мая, – с этими словами Стравинский протянул Горелову несколько листов бумаги. – Если готов, пиши прямо сейчас. Затем получаешь путевку в Белград, у нас есть договор на их санатории. Все чин по чину. Но по прилете в Белград, естественно, идешь не в санаторий, а прямиком в ближайший полицейский участок и заполняешь бумаги на получение гражданства Югославии. Впрочем, тебя там встретят, помогут с оформлением, – усмехнулся полковник. – А уже затем тебя зачисляют в армию. Понятно?

– Понятно, товарищ полковник, получается, я буду воевать как гражданин Югославии?

– Да, именно так. Будет дело или нет, это еще бабушка надвое сказала. Может, янки отступятся, когда увидят, что мы серьезно взялись за Балканы. Лучше бы обошлось, – почти неслышно прошептал Стравинский. – Но если тебя собьют над Венгрией, Хорватией или какойнибудь Северной Нигерией, ты попадешь под действие Женевской конвенции. Будешь военнопленным, а не наемником.

– Но я не собираюсь попадать в плен!

– Не зарекайся. Молод еще! В жизни все бывает! Давай лучше дальше. В Югославии будешь летать на такой же «Сушке», как здесь. Где именно будешь служить, не знаю. Среди командования будут как местные, так и наши специалисты. Но дисциплине тебя учить не надо, разберешься на месте. В любом случае за операциями будут наблюдать наши и принимать соответствующие решения. Сербы – ребята хорошие, но, – при этих словах

полковник презрительно усмехнулся, – побаиваются амеров. В случае агрессии против Союзной Республики Югославии спокойно исполняй свой долг. Если же войны не будет, по окончании срока уволишься из армии и вернешься в Союз. Все понятно?

– Ясно, товарищ полковник. – Сергей решительно пододвинул к себе бумагу и принялся писать.

Командиру 41го иап
Полковнику Стравинскому А. В.
от старшего лейтенанта
Горелова С. К.

РАПОРТ

Прошу предоставить отпуск по состоянию здоровья с 11 ноября 1998 г. по 11 мая 1999 г. И предоставить путевку в санаторий Министерства обороны для лечения.

(подпись) 24 октября 1998 г.

Мельком взглянув на рапорт, Стравинский черкнул на нем свою визу и убрал бумагу в красную папку.

– Ну, Сергей, машину ты чувствуешь, в воздухе держишься хорошо, реакция отменная, работать в строю можешь, без радара тоже нормально ориентируешься. Так что постарайся вернуться домой живым и своими ногами. Вперед не лезь, к подвигам не стремись, пусть сербы геройствуют. Это их земля, а ты просто помогаешь. Всех американцев не свалишь, а погибнуть можно запросто. Ну, сам должен понимать, не пацан уже. – Официальная часть закончилась, и Стравинский чисто почеловечески наставлял молодого летчика. – Ладно, ты не самый худший мой истребитель, так что через полгода жду домой, эскадрилью получишь обязательно. Слово даю.

– Простите, Алексей Викторович, кто еще из нашего полка едет в командировку? – неожиданно для самого себя спросил Горелов.

– Пока никто. А у тебя есть предложения?

– Да, товарищ полковник, я много летал вместе с лейтенантом Черновым. Сработались, друг друга в небе чувствуем. Разрешите?

– Не разрешаю! Ты не имеешь права никому ничего говорить. Понятно?! – почти выкрикивал Стравинский, на его лице ясно читалось, что Горелов только что сморозил несусветную чушь. – Для всех ты едешь отдыхать. И точка! Будешь болтать, вместо Сербии попадешь на Чукотку, медведей кормить.

– Но, товарищ полковник, – упорствовал Сергей, – гораздо лучше работать уже слетанными парами, чем заново привыкать к ведомому. Вы же сами учили.

– Слетанными парами, говоришь. – Стравинский медленно встал и прошелся по комнате, не спуская пристального взгляда с Сергея. – Вы у меня лучшие летчики полка, оба с орденами. Ну ладно, – добавил он после минутной паузы, – старший лейтенант Горелов, вы свободны, передайте лейтенанту Чернову приказ явиться ко мне. Срочно.

– Товарищ полковник, разрешите идти?

– Разрешаю.

Глава 14

Последние приготовления. 1991 г.

– Слоны идут на север, – отчетливо проговорил Павел Шумилов, спускаясь на берег небольшой речушки. Было утро. Сидящие с удочками Арсений Бугров и его начальник штаба полковник Леонид Гаврилов одновременно повернулись на голос.

– Слоны идут на хрен. А ваш Штирлиц ожидается с минуты на минуту, – отозвался Бугров. Он, как и Гаврилов, был одет в поношенное офицерское х/б без знаков различия и выглядел, как обычный рыболовлюбитель. Невдалеке на опушке леса в тени деревьев стоял «УАЗ». Водителя с собой не брали, машину вел Гаврилов. Встреча была не случайной. И не случайно для этого выбрали место вдалеке от города на природе.

Сегодня была суббота, начало августа. Паша, как обычный грибник, рано поутру вышел из электрички на сельском полустанке и неторопливо двинулся лесом к известной ему речушке, попутно срезая боровики и подосиновики. Конец лета, грибной сезон, за полтора часа Павел набрал почти полную корзинку. С собой он не взял ничего лишнего, все необходимое было в голове. Друзья еще в среду договорились о встрече. Приближался день Х, почти все было готово. Сотни офицеров армии и КГБ страны, некоторые партийные работники и хозяйственники ждали сигнала «Зеленый свисток». Сигнала, который должен послужить началом переворота. Или, как изящно выразился Володя Строгов: «Нелегитимной передачи власти в достойные руки». Все приготовления были закончены, планы составлены, откорректированы и доведены до рядовых участников. Шумилов давно уже составил списки лиц, которых необходимо нейтрализовать в первые же часы после «Зеленого свистка». Агенты влияния, предатели, активные публичные деятели, находящиеся под воздействием «прогрессивных господ», всевозможные шакалы, готовые растащить страну по углам. Московские и ленинградские гэбисты были готовы изолировать собственное, не вызывающее доверия руководство и в течение нескольких часов «выключить» иностранцев, работающих над «мирным преобразованием» СССР. Преобразование, устраивающее многих, но только не заговорщиков и критично мыслящих патриотов СССР и России.

Поздоровавшись за руку с Бугровым и Гавриловым, Павел присел на бревнышко и принялся перебирать свою корзинку. Грибы были хорошие,

молодые, крепкие, как на подбор. Неплохо, сегодня в семье Шумиловых будет хороший ужин. А если на обратном пути дополнить корзинку и прихваченный в карман пакет, то можно будет и посушить на зиму. Пока Шумилов перебирал свои трофеи, поплавок Лени ушел под воду. Резкий рывок, и на крючке заплясала сорожка. Средненькая, в полторы ладони длиной. Быстрым привычным движением отцепив рыбку, Гаврилов бросил ее в ведерко и принялся насаживать свежего червя на крючок.

Никто не произнес ни слова. Несмотря на чудный теплый денек и яркое солнце, все трое чувствовали напряженность. Это словно ожидание перед боем, когда все известно заранее, и ничего не изменить. Не знаешь только, вернешься ли живым. Они прекрасно понимали, во что влезли. Если дело провалится или не удастся сломить сопротивление Системы в первые же часы после Переворота, то всех ждут долгие сроки в северных лагерях. А скорее всего расстрел или «несчастный случай» в камере.

Тишину нарушали только беззаботно скользящие над водой стрекозы и шелест травы. В десятке метров от людей из речки на берег вылез уж и исчез в зарослях осоки. Мирное благолепие нарушил шум мотора. Судя по звуку, к берегу приближалась легковая машина. Все трое продолжили заниматься своими долами, не обращая никакого внимания на шум. Постепенно звук усилился, приближаясь. Наконец машина выехала на опушку и остановилась, мотор заглох. Павел Шумилов аккуратно воткнул нож в корзину и поднялся на ноги. Рядом с «уазиком» стоял красный «жигуль» Сергея Анютина. Изза бликов солнца на лобовом стекле не было видно, кто приехал в машине. Открылась дверца, и из «жигуля» выбрались Сергей и Володя Строгов. Анютин был в своей старой застиранной штормовке и сапогах. В отличие от Сергея, выглядевшего как обычный грибник или рыбак, Строгов был в чистой ветровке, выглаженных брюках, ботинках и при галстуке. Его вид резко контрастировал с остальными заговорщиками. Но на рыбалку он поехал сразу после совещания в районном отделении КГБ, а затем должен был провести одну встречу в центре города. В общем, Володя решил, что спешные переодевания два раза в день только вызовут излишние подозрения. Обменявшись рукопожатиями, товарищи расположились прямо на траве в тени столетнего, раскидистого дуба. При этом Строгов проследил, чтобы они не оказались слишком близко от машин. Как он объяснил, на всякий случай. Через минуту с компании можно было писать картину «Туристы на природе». Кто улегся прямо на траве, кто подстелил куртку, только Володя с недовольным видом уселся на разложенную на поваленном дереве газету, дабы не замарать брюки.

– Ну все, товарищи. Пора собираться в Москву, – заговорил первым гэбист.

– Значит, все? А Туркестанский округ? Игорь будет готов только в конце месяца, – ответил вопросом Гаврилов.

– Поздно. На следующей неделе Горби улетает в Крым на отдых. Информация точная. Это самый лучший момент.

– Значит, начинаем работать. У Тихони как раз в Севастополе два батальона. В случае чего он и задержит бывшего президента, – произнося эти слова, Бугров ухмыльнулся, на опушке послышались сдержанные смешки.

– 232я дивизия до 24 августа будет в Ногино. Антон Михайлович клятвенно обещает саботировать переброску на Украину, сколько сможет. Но дольше 24го он держать части на марше не может. Иначе в дивизии появится новый командир.

– Что у нас с пропагандой? – задал вопрос Анютин.

– Заготовки давно уже готовы. Заявления для прессы, сценарий телевыступления, есть даже тексты листовок, – отозвался Павел. – Остается только проставить даты и вставить привязки к последним событиям. Все на дискетах, распечатывать я не стал.

– Правильно, я завтра утром улетаю в столицу. Где у тебя дискеты?

– На кафедре, Володя, на кафедре. Самое надежное место, в куче тематического материала, – улыбнулся Шумилов в ответ на недоуменные взгляды товарищей.

– Ты сможешь сегодня зайти в институт? Часов в пять.

– Буду. Мне надо поработать с расписанием на следующий семестр, так что никто не удивится.

– Это хорошо, значит, вечером заскочу к тебе на кафедру, а завтра – все. Начинаю работать. Билет уже куплен. Места в гостинице забронированы. Ты, Павел Николаевич, бери билеты на поезд. Как раз завтра после обеда в 15.40 будет скорый Варшава – Москва. С билетами сейчас проблем нет. В случае чего, звони Славе. Посадит. – После этой случайной двусмысленности, допущенной Владимиром, все облегченно расхохотались. Хороший друг Строгова капитан конторы Слава Кашин мог посадить не только на поезд, но и в солнечный Магадан.

– Значит, сигнал тот же?

– Да, Леня, «Зеленый свисток» на основной волне. Дальше сам знаешь. Поднимаешь офицеров, говоришь с ними по душам, практически все будут с нами. Разве только Маркович, но он скорее отойдет в сторону. А в первую очередь арестовываешь Карамазова и Довбыша, потом связываешься с

соседями, и дальше по плану.

– Еще ни один план не пережил начала атаки, – хмыкнул в ответ Гаврилов.

– Ничего, ты же советский офицер, Леонид Аркадьевич. Главное, смелее, активнее захватывай инициативу. Да не мне тебя учить.

– В республиканском комитете большинство на нашей стороне, – заметил доселе молчавший Анютин, – а если будем действовать быстро и нас поддержит хотя бы пара регионов, с нами будут все.

– В противном случае, первыми и сдадут, – саркастически прокомментировал Строгов.

– Мне когда выезжать? – спросил Арсений Степанович, закуривая сигарету.

– Как можно скорее. До пятнадцатого числа нам всем надо быть на месте.

– Хорошо. Во вторник у меня летит транспортник в Подмосковье. Илья в понедельник организует вызов в интендантство. Все будет нормально.

– Значит, получается, вы в Москву, Геннадий здесь остается, а я в середине недели рвану в Минск, – задумчиво протянул Анютин.

– Да, Сережа, у тебя связи в Минске. Контакты. При сигнале поднимай профсоюзы, надави на комитет партии, КГБ в курсе, помогут.

– Значит, все решено, планы составлены, – подвел итог Бугров, – все остальное будем решать по ходу дела. На этом и порешили.

Оставшийся день прошел, как и намечалось. Шумилов по дороге до станции дополнил корзину крепкими молодыми боровиками, и даже набрал в предусмотрительно прихваченный полиэтиленовый пакет лисичек. Вернувшись домой и отдав дочерям на переработку улов, он быстро умылся, переоделся и направился в институт.

Суббота, конец дня, на кафедре никого не было. Приемные экзамены и зачисление уже закончились, студенты отдыхали до осени, преподаватели были в отпуске. Открыв преподавательскую, Павел Николаевич сдул пыль со своего стола и извлек на свет божий бумаги. До назначенного Строговым времени оставался целый час, можно было спокойно поработать. В этом году Шумилов отошел от академической работы, ограничившись лекциями и изданием пары методичек в институтской типографии.

Все его время занимала аналитическая работа над изучением Перестройки. Дело было интересное, но сегодня Шумилов не испытывал никакого желания поднимать ворох вырезок из прессы и отслеживать высказывания правительственных деятелей. Большая часть работы была

проведена, материалы уже переправлены коллегам Володи, почти вся сеть «прорабов Перестройки» была выявлена и препарирована. Павлу Николаевичу почти в одиночку удалось провернуть огромнейший объем работы. Дальнейшее от него уже не зависело или зависело не только от него. Если «Зеленый свисток» удастся, материалы будут пущены в ход, наиболее опасные лица будут нейтрализованы, до остальных очередь дойдет в течение пары месяцев. Володя гарантировал, что его коллеги быстро очистят Союз от «реформаторов», «рупоров совести» и большинства желающих все поделить. Репрессий не будет, было решено сажать только за экономические преступления, остальных ожидало освобождение от должностей. Полсотни господ из списка «З» планировалось лишить гражданства. И это все. Володя Строгов решительно и аргументированно доказал товарищам опасность лишних репрессий. Не больше тысячи осужденных, остальных нейтрализовать, отстранить от власти, пусть лучше частный бизнес в кооперативах развивают, раз так этого хотят.

В ожидании Строгова Паша просмотрел учебные планы на следующий семестр, прошелся по спискам зачисленных абитуриентов. В свете последних веяний его специальность стала необычайно популярной. Многие молодые люди стремились получить образование «экономист», сами толком не понимая, что это такое. Зато возник хороший конкурс. Почти треть зачисленных – медалисты. Остальные сдали экзамены на «пятерки». Несмотря на то что с этого года ректор ввел несколько платных групп, конкурс получился и среди платников. А преподаватели опасались, что на платное отделение попадут одни туповатые сынки обеспеченных родителей.

Строгов появился, как и обещал, в пять часов. Перекинувшись с Володей парой фраз о погоде, Павел вытащил из среднего ящика стола стопку дискет.

– Значит, это и есть наш бизнесплан? – скептическим тоном проронил Строгов, убирая во внутренний карман ветровки черные картонные прямоугольники, завернутые в целлофановый пакетик.

– Осторожнее, не помни, это тебе не селедку на секретных бумагах разделывать!

– Да ладно тебе! Бабки уже переведены, с ребятами договорились, все решено. – В глазах Строгова светились веселые искорки. Было видно, что он находил особое удовольствие в такой конспирации.

– Может, и договорились, а может, и нет, – подыграл ему Шумилов. – Как будем прибыль делить.

– Побратски, на троих: я, ты и Серега. Да, Паша, чуть не забыл, это тебе, – с этими словами Строгов положил на стол билет на поезд.

– Спасибо, я и забыл купить. Надо до начала семестра успеть обернуться с товаром. – Шумилов убрал билет в карман. – Я тебе должен?

– Нет, ни копейки. Считай, это в счет будущих дивидендов. Пока в конторе работаю, надо пользоваться. – Любой человек, случайно или специально услышавший этот разговор, вынес бы для себя, что друзья решили заняться бизнесом. Это многое объясняло в их поступках. А использование служебного положения в личных целях – да кто сейчас этим не грешит?

– Ты собрался уходить?

– Возможно. Как торговую базу и пару магазинов сделаем, как дело наладим, так и можно будет уходить.

Тем временем вскипел чайник. За чашкой чая без сахара (сахар кончился еще во время сессии) друзья поделились последними сплетнями и слухами. Паша сетовал на сплошной дефицит и невозможность купить самые элементарные вещи, а затем, горько усмехнувшись, пошутил, что осенью будут введены талоны на картошку. Строгов в ответ только грустно улыбнулся. Они оба знали, что это целенаправленная политика по развалу экономического пространства СССР и ликвидации денежного обращения. Уже сейчас торговля предпочитала иметь дело с натуральным обменом. Рубль стремительно обесценивался, чему способствовали и чрезмерно вздутые в последнее время необеспеченные реальным производством зарплаты.

Допив чай, Строгов демонстративно бросил взгляд на часы и, извинившись, попрощался. Ему надо было бежать домой. После ухода Володи Павел Николаевич вымыл чашки, тщательно их вытер и убрал в шкаф. Затем навел порядок на столе, разложил документы, убрал в стол бумаги. После этого еще раз придирчиво осмотрел кабинет. Не забыл ли чего? И, суеверно постучав по деревянному косяку, не оглядываясь, вышел в коридор. Все, пути назад не было. В любом случае он сюда больше не вернется: или в Москву, или в Магадан. Третьего не дано.

Вечером за ужином Павел Николаевич наконецто сообщил домашним, что завтра уезжает.

– Как в Москву? Паша, ты меня изумляешь! – Марина чуть не поперхнулась, услышав новость.

– Ну, ты понимаешь, мы с мужиками решили свой бизнес открыть, – выложил официальную версию Павел, – но возникла неожиданная проблема. В общем, мне придется срочно ехать. Надо найти одного

человека и договориться о сотрудничестве. Извини, раньше сказать не мог.

– Значит, ты решил завязать с преподаванием? А как же твоя карьера?

– Марина, пока я остаюсь в институте, буду совмещать. Не бойся, милая, все у нас будет в порядке. И пока я молод, самое время проверить на практике мои знания. А то одной теорией сыт не будешь. Заодно и деньги дома появятся.

Последний аргумент, может, и был излишним, но Павел хотел, чтоб Марина не расстраивалась изза того, что он покидает семью почти без предупреждения. Марина давно мечтала о машине, но возможности купить ее у семьи не было. Девчонки, наоборот, обрадовались свалившейся на них новости и наперебой засыпали папу заказами на гостинцы из столицы. По слухам, там можно было приобрести практически любой дефицит.

В дорогу Павел собрался за час. Ничего лишнего, только один чемоданчик. Костюм, пара рубашек, галстук, смена белья, бритва и туалетные принадлежности. Посоветовавшись с Мариной, он взял с собой 850 рублей, этого должно было хватить и на гостиницу, и на обратную дорогу, и на скромные подарки для девчонок. Улучив момент, когда Катя и Наташа ушли в зал смотреть телевизор, а Марина заглянула на кухню, Павел достал с полки 4й том сочинений Карла Маркса и извлек из него свою заначку. Целых 500 рублей. В Москве эти деньги будут нужнее.

Глава 15

Домик в лесу. 1998 г.

– Ну что? Клюет? – поинтересовался Отрогов, неслышно приблизившись к меланхолично созерцающему неподвижный поплавок Шумилову.

– Нет, Владимир Петрович, ни фига здесь не ловится, – ответил тот, не сводя глаз с поплавка. Шумилов удобно расположился на обглоданной волнами коряге на берегу небольшого закрытого со всех сторон зарослями ивняка затона. Легкий ветерок гнал по воде опавшие листья. Шумел росший вдоль противоположного берега камыш.

– Что зря сидишь? Пошли в дом. Петро уже жаркое приготовил. Остыло, наверное, – заметил Отрогов, присаживаясь на камень рядом с Шумиловым.

– А сам что не идешь? Говоришь же, что ужин готов. Смотри, Петр обидится.

– Подождет, ничего страшного. А хорошо здесь. Тихо, – протянул Владимир Петрович, доставая из кармана куртки сигареты и зажигалку. Вскоре в воздухе запахло терпким табачным дымом. Отрогов принципиально не признавал ничего, кроме «Кэмела».

– Ты прав, тихо, спокойно, телефон не звонит, – в тон ему откликнулся Шумилов.

– А карманный?

– В домике забыл, в костюме, – хихикнул Павел Николаевич.

– Это правильно, я свой тоже оставил. Обойдутся денек без меня.

В этот момент на берег выбежал запыхавшийся охранник с рацией в вытянутой руке.

– Павел Николаевич, вас ищет Рычков!

– Ну вот, накаркал, – буркнул под нос Шумилов, косясь в сторону невозмутимо созерцающего окрестный осенний пейзаж Строгова. – Ну что кричишь? Здесь я, здесь. Давай трубу.

– Да, слушаю, – произнес он в рацию. – Ну и что? А я здесь при чем? – громко поинтересовался Павел Николаевич через какоето время. – Нет, я не взрывал. И Владимир Петрович говорит, что он тоже не взрывал. Ну ладно, пошлите им соболезнования и что там положено. Пусть Бугров подписывает. – Было видно, что Шумилов еле сдерживается, чтоб не рассмеяться. – Если нет, сам распишись вместо него, не мне тебя учить. Нет, мы не приедем, заняты, сильно заняты. Послезавтра расскажешь.

После этих слов Павел отдал рацию охраннику.

– Все, можешь уносить. И смотри, по пустякам больше не беспокой.

– Что там стряслось? – поинтересовался Отрогов, задумчиво глядя в спину удаляющегося телохранителя.

– Ничего серьезного, – отмахнулся Шумилов, – в ТельАвиве магазин взорвали.

– А Рычков просил письмо подписать?

– Да, оно самое, с соболезнованиями. Ничего, пусть Арсений из Новосибирска в Израиль звонит, поздравления передает.

– Нет, ты не прав. С поздравлениями надо Арафату звонить, а Шарону с соболезнованиями.

– Какая разница. Я этих южан до сих пор путаю, все на одно лицо. Пусть Верховный разбирается.

– А он уже звонил с соболезнованиями, – серьезным тоном ответил Отрогов, – за полчаса до взрыва.

– Опять часовые пояса перепутал? – подыграл ему Шумилов.

– Ладно, пошутили, и будет. Много хоть народу погибло? – спросил Владимир, когда они прекратили смеяться.

– Говорит, примерно человек тридцать. Да еще около ста раненых, – тихо ответил премьер. – Кошмар.

– Большой магазин?

– Супермаркет, в самом центре. Хорошо рвануло. Рычков говорит, до сих пор завалы разгребают. Жалко людей.

– А что они с палестинцами вытворяют?! Не жалко? Это война.

– Интересный вопрос, – усмехнулся Шумилов, – только этой войне уже полвека. Пока друг друга не перебьют, она не закончится. Кто виноват, уже и забыть успели.

– Так у одних танки и самолеты, а у других только камни и бомбы! Ясно, кто виноват!

– Эх, Володя, забыл уже. У арабов и танков, и самолетов было раз в десять больше, чем у евреев. Да все просрали. Сколько мы им оружия поставляли. Все бесполезно.

– Что поделать, израильская армия подготовленнее оказалась, и американцы им помогают.

– А у тебя есть в загашнике второй Суворов, Святослав или Роммель?

– Нету, Паша, нету. В томто и дело, что нету. А был бы, так и не отдал бы, самому нужен, – жестко отрубил Строгов. Некоторое время они молчали.

Шумилов следил за неподвижным поплавком, находя в этом занятии

извращенное удовольствие. Всё равно ни одной поклевки. Строгов прохаживался по берегу, засунув руки в карманы.

– Слушай, Паша, тут дело одно есть. – Строгов остановился рядом с Шумиловым. – Ты у нас образованный, с головой. Может, подскажешь что хорошее?

– Денег не дам, – отрезал Шумилов, не поворачивая головы.

– Нет, не о деньгах разговор. Ты не помнишь, случаем, решения последнего партийного съезда?

– Какого еще съезда? ЛДПСС, что ли? Или Народного Союза? Или КПСС? Нет, не помню и не читал никогда.

– Видишь! А какова основная политическая линия и идеологический курс советского народа? – при этих словах Строгов предусмотрительно отступил в сторону, опасливо косясь на лежащую у правого сапога Шумилова суковатую палку.

– Нет, Володя, ты явно перегрелся! Черт побери! В кои веки выбрался на рыбалку, так и тут всякие сумасшедшие о работе спрашивают!

– Ну а на самом деле? Что в твоем ведомстве, какую линию проводят?

– В моем ведомстве проводят генеральную линию укрепления экономики, роста народного благосостояния и развития научного потенциала, – совершенно серьезным тоном ответил Шумилов, – а Идеологией у нас Верховный занимается, у него и спрашивай.

– Подожди, Паша, не кипятись. Ты сам подумай. Сначала было: «Самодержавие, православие, народность», затем: «Коммунизм – светлое будущее всего человечества». А сейчас?

– Сейчас? Не знаю. Вроде бы – плюрализм мнений, свобода мышления, торжество закона и подобное, – после недолгого раздумья ответил Шумилов. – Никакой идеологии у нас нет. Немного придерживаемся социализма, немного развиваем частный бизнес, и никакой Большой Идеи. С 88го года полный вакуум. А ты прав, Володя. Упустили мы этот момент. Упустили.

– В последнее время религия в моду вошла. Может, воспользуемся? Как там было: «Русь святая, храни веру православную».

– Может, и так, да только ничего хорошего в этом нет. Не такая уж Русь и святая, если церкви взрывали и в космос летаем. Нет, и «вера православная» нам не поможет. Только вчера были атеистами, а сегодня все строем в церковь. – Шумилов презрительно усмехнулся. – Нет, это прошлый век. Нельзя так.

– Почему? Исконно русская вера до сих пор популярна. Надо просто по телевизору чаще церковные мероприятия показывать, намекнуть

Патриарху на помощь и участие. В школах «Закон божий» ввести, пару миллионов на восстановление церквей подкинуть.

– Глупость. Это все не то. «Нет, ребята, все не так. Все не так, как надо», – тихо пропел Шумилов. – Ты какими представляешь себе граждан Советского Союза?

– Как какими? Законопослушными, свободолюбивыми, богатыми, образованными, гордыми и политически активными.

– Вот именно. Значит, православие уже не проходит. Кроме того, у нас много мусульман. Они и так слишком активны на местном уровне. А после того как мы сделаем христианство государственной религией, в противовес возрастет влияние ислама на югах.

– Ислам не страшен, – беспечно отозвался Строгов. – У нас цивилизованная, светская форма мусульманства. А с ортодоксами разберемся, и появиться не успеют. И распространен он в отсталых регионах. Решим проблему.

– Да, ислам – это не проблема, – неожиданно легко согласился Павел Николаевич, – а христианство – это серьезная проблема. Чужеродная религия, маскирующаяся под «исконно русскую».

Тяжелый дурманящий аромат благовоний в воздухе. Траурные, скорбящие, безжизненные лица, смотрящие со стен. Тусклый мертвящий блеск позолоты. Потрескивание сотен свечей и запах горелого воска. Давящая, угнетающая атмосфера. Священники в бесформенных расшитых золотом одеяниях, нудно поющие пасхальные гимны. Люди, битком набившиеся в храм. Стеклянные глаза, склоненные головы. Старая бабка, замершая на коленях перед иконой. Люди, механически крестящиеся и кланяющиеся, кланяющиеся, кланяющиеся по легкому жесту священника. Гнетущий запах курений и скорбная фигура человечка, висящего на кресте, словно плывущего над послушным человеческим стадом.

Шумилов помнил изумление и растерянность, мелькнувшие в глазах церковного иерарха. Как снисходительное, похозяйски доброжелательное выражение лица церковника на миг передернула гримаса ужаса, когда Павел Николаевич, открыто глядя ему в глаза, с легкой дежурной улыбкой пожал протянутую для поцелуя руку. Это был последний раз, когда Шумилов зашел в церковь. Журналисты, конечно, обыграли этот случай, показали его как примирение церкви и государства. Но Шумилов слишком хорошо запомнил выражение лица митрополита, впервые столкнувшегося с нормальным человеческим чувством собственного достоинства. Бугров, несмотря на свое благоволение церкви, сам никогда не светился на подобных мероприятиях. Председатель Верховного Совета должен быть

выше религии, выше дел одной из конфессий. Он представлял интересы всех граждан страны – и православных, и атеистов, и католиков, и мусульман.

– Может, ты думаешь возродить «Кодекс строителя коммунизма»? – ироничный голос Строгова вернул Павла к реальности.

– Володя, ты Библию читал? – задал встречный вопрос Шумилов.

– Нет, только Евангелие от Иоанна, – смутился Строгов. – Все времени нет.

– А ты почитай, спокойно, медленно, вдумчиво от Пятикнижия до Посланий и Апокалипсиса.

– А ты сам читал? – недоверчиво поинтересовался Отрогов.

– Я читал, – с гордостью ответил его собеседник, – и мое отношение к христианству изменилось в худшую сторону.

– Даже так? А «Возлюби ближнего своего», «Не укради», «Не убий»?

– Сначала прочти, а затем спрашивай, – рассмеялся Шумилов, – а заодно почитай книги по истории. Во время татаромонгольского ига церковь пользовалась огромными привилегиями. И ни разу, заметь, ни разу восстания против монголов не благословлялись церковью. Добавлю, что история про Сергия Радонежского, благословившего Дмитрия Донского идти на Мамая, слегка искажена. На самом деле Дмитрий пошел на Куликово поле вопреки воле митрополита, требовавшего, чтобы князь покорился Мамаю, заплатил дань и распустил войско. Вот так. А Радонежский действовал на свой страх и риск. В случае поражения митрополит вполне мог отлучить князя от церкви, а святого разжаловать в простые монахи.

– Быть такого не может!

– Может. Я тебе дам почитать пару книжек, умные люди писали.

– Так, может, там особые нюансы были, – задумался Строгов. – Сам знаешь, политика.

– Знаю, вот тебе еще один пример, – не унимался Шумилов. – Как известно, святой Владимир построил целую линию крепостей для защиты от печенегов. И все равно кочевники совершали постоянные, разорительные набеги на Русь. Пару раз чуть не взяли Киев. Но до Владимира было только два набега печенегов. Первый раз при Игоре. Князь разбил их так, что целых полвека боялись на Руси появляться. Второй раз набег был при Святославе. И то, орда уже прорвалась к Киеву, взяла город в осаду. Но при первых же слухах о приближении князя с дружиной печенеги драпанули так, что пятки засверкали. И еще 15 лет набегов не было, русские купцы спокойно ездили через степь с малой охраной. Печенеги в

походы ходили вместе с русскими. Дань платили. Вот так, а Владимир под Киевом оборонительные линии возводил. И так, пока Ярослав печенегов не уничтожил.

– Так значит, ты против православия?

– Нет, Володя, не против. Я в этом вопросе достаточно демократичен. Я против какоголибо официального контакта с церковью. Пока они публично не покаются за убийства русских волхвов и навязывание крепостного права. И не забывай, у нас в Конституции церковь отделена от государства и признается свобода совести. А это касается и атеистов с агностиками. И с коммунистической идеей мы до конца не разошлись, значит, рано кверху задом стоять.

– Ну ладно, согласен, спорный вопрос. Но не можем же мы жить без государственной идеологии? Десять лет держались на революционной волне, хватит. Дальше так жить нельзя. У нас сейчас черт знает что начинается. Сам вижу, культура падает, появляется культ обогащения. Моральных ограничений никаких. В 91м мы уже раз остановили страну на краю, но второй раз можем не суметь. И смену надо готовить, а подходящих кадров мало.

– Вот с этого и надо было начинать, – откликнулся Шумилов. Два месяца назад в Плесецке подобный вопрос ему задавал Бугров. Проблема кадрового голода и идеологического вакуума уже давно висела в воздухе. Пока можно было жить на старых, еще догорбунковских ресурсах, но именно пока. – Сложный вопрос. Есть у меня пара идеек, но решать надо всем вместе – ты, Бугров, Анютин, Семенов, Трубников, Прутков. Соберемся и обсудим.

– Ладно, Паша, пошли. Ужин остыл, уже темнеет, – напомнил Строгов, – скоро гости приедут.

– Пошли, – согласился Шумилов и принялся сматывать удочку. Строгов заметил, что вместо крючка к леске была привязана просверленная монета.

– Зажрались рыбы, даже на такую наживку не клюют.

– Надо было рубль привязывать, – рассмеялся Павел. – Ладно, собираемся. Точно охранники без нас весь ужин съели.

Шумилов понимал, что Строгов не просто так завел этот разговор. Вопрос о Большой Идее, о Цели, идеологии, в конце концов, давно был в подвешенном состоянии. Строгов спокойно относился к религии. Человек образованный, долгое время проработавший в КГБ и прекрасно знавший, как создают религии и «святых подвижников». Именно по инициативе Строгова в храме Василия Блаженного каждую Пасху с прошлого года стал

сходить божественный огонь. Новое чудо, до этого практиковавшееся только в Иерусалиме, благотворно сказалось на влиянии СССР в христианских странах.

Владимир Петрович сегодня прозондировал отношение Шумилова к этому вопросу и получил твердый однозначный ответ. Значит, впоследствии он не будет предлагать утвердить государственную религию, раз Шумилов против. От Шумилова очень многое зависит. Второй человек на советском политическом Олимпе, в его руках все нити управления огромной страной. Павел Николаевич контролирует производство, бюджетное финансирование, торговлю. Это настоящий премьерминистр в стиле Ришелье, человек, не любящий появляться на телеэкранах, но имеющий огромную реальную власть.

Строгов тоже не последний человек в СССР. У него МВД, он контролирует информационные потоки в стране, у него осталось влияние в КГБ. А самое главное: и Строгов, и Шумилов, и Бугров были старыми друзьями. В отличие от многих подобных случаев, их дружба выдержала проверку властью. Владимир Петрович знал – Паша Шумилов никогда не использует свое положение и власть во вред своим старым друзьям.

«Политика, политика, черт бы побрал эту политику!» – думал Шумилов, приближаясь к охотничьему домику. В кои веки выбрался посидеть на берегу с удочкой, и тут не обошлось без политики! Между деревьями уже виднелся высокий дощатый забор, ограждавший лесной дом от посторонних. В надвигающихся сумерках маяком светились окна второго этажа. В воздухе витал запах дыма и нежный аромат шашлыка. Желудок отозвался громким урчанием, напоминая хозяину о необходимости подкрепиться. Сегодня днем, пока Шумилов сидел на берегу, а Строгов бродил по лесу с лукошком, егерь с ребятами из охраны подстрелили молодого кабанчика. И в данный момент кабанчик жарился на углях, над настоящей жаровней. Никаких сковородок, никаких газовых и электрических плит, только настоящие угли и насаженные на железные, кованые вертела куски свежего истекающего соком и жиром мяса. Божественный ужин, ни одной ресторанной кухне не сравниться. Жаль только, бывает редко. Последний раз такое было в июле, когда маршал Семенов отмечал день рождения.

Ужин удался на славу. Нежное, прожаренное на углях мясо, черный хлеб, квашеная капуста и соленые грибы. Никаких излишеств, как это бывает на торжественных кремлевских обедах.

– Хорошо. Давно так вкусно не ужинал. – Строгов вытер руки салфеткой и откинулся на спинку стула.

– Так приезжайте почаще, Владимир Петрович, – моментально отреагировал заведовавший охотничьим хозяйством егерь Антоныч. – Я тут без людей совсем одичаю.

На улице послышался шум машин. Петр быстро поднялся изза стола и направился к двери. Шумилов поднял глаза на настенные часы: пять вечера. Все правильно, гости собираются.

– Как там банька? – поинтересовался Строгов.

– Все готово, Владимир Петрович, с обеда топится. И пиво, и квасок в подполе припас, – отозвался Антоныч, не отрываясь от сочащегося салом кабаньего ребра.

– Хорошо. Значит, пусть с дороги перекусят, отдохнут, а затем и попаримся.

– Не тяжело ли будет в бане после такого ужина? – заметил Шумилов.

– Не на пустой же желудок. Пока ты рыбачил, у меня живот от голода свело.

– От правильной русской бани с кваском и пихтовым веничком еще никому плохо не было, – ревниво вмешался Антоныч. Замечание Шумилова его обидело.

– Ладно, ладно. Главное, чтоб к тому времени, как попаримся, вторая партия подоспела.

– Это ты, Петрович, своему охраннику скажи. Никого к жаровне не подпускает. Все сам, и нарезать, и вымочить, и пожарить.

– Не сердись, Михаил Антонович, не сердись, – успокаивающе проговорил Шумилов. – Петро любит готовить. Ему бы в хорошем ресторане шефповаром работать, а не в кремлевской охране.

На веранде раздались звуки шагов, открылась дверь, и на пороге возникли маршал Андреев и невысокий худощавый мужчина с аккуратными светлорусыми усами и в строгом деловом костюме. За их спинами виднелись известный журналистмеждународник Виктор Дмитриевич Привалов и широкая, не помещающаяся в дверном проеме фигура Петра.

– Проходите, не стойте на пороге. Вас уже заждались. – Строгов приветственно помахал кабаньей костью.

– Добрый вечер, спасибо за приглашение, – пророкотал Андреев, вешая на гвоздь свою папаху. – Знакомьтесь. Товарищ Привалов, думаю, в представлении не нуждается. И товарищ Литвинов Андрей Васильевич, полковник известной Конторы, большой специалист по нашей маленькой проблеме.

– Здравствуйте, товарищи, – кивнул Литвинов и вежливо отступил в

сторону, пропуская в комнату остальных. – У нас в машине водитель остался. Можно пригласить? Человек сегодня без обеда.

– О чем разговор! Пусть проходит. У нас здесь подомашнему. Все нормальные простые советские люди.

Через пару минут все уже сидели за столом. Андреев и Литвинов расположились рядом с Павлом Николаевичем. Привалов как бы невзначай присел рядом со Строговым. Молодой человек в кожанке, представившийся Алексеем, водитель Андреева, сидел среди охранников и водителей. После того как все наполнили рюмки, Строгов встал, стеснительно улыбнувшись, провел рукой по животу и вышел на веранду.

– Ну, давайте за встречу! – Виктор Андреев поднял рюмку и, не дожидаясь остальных, выпил. Со смаком закусил соленым груздем. Прибывшие последовали примеру маршала, затем набросились на угощенье. Шумилов нехотя отодвинул в сторону блюдо с квашеной капустой. Все, хватит. Еще немного, и никакой бани для него не будет. Не мальчик уже, приходится следить за здоровьем. Привалов после первой на скорую руку сжевал пару кусков мяса и, доставая на ходу сигареты, тихо вышел на веранду. Видимо, у него были вопросы к Строгову. Вопросы, которые стоило обсуждать наедине.

Через пару минут они вернулись. Привалов, весело улыбаясь, нес на вытянутой руке связку копченых стерлядок. Появление рыбы было встречено на ура. Строгов, как ни в чем не бывало, сел на свой стул и потянулся к вареной картошке.

– Владимир Петрович, нехорошо. – Андреев укоризненно кивнул в сторону полной рюмки.

Строгов молча поднес рюмку к губам и запрокинул голову. Затем легким движением поставил рюмку на место и быстро закусил картофелиной. Павел Николаевич краем глаза заметил, что рюмка вернулась на стол полной, не зря Строгов как бы случайно поставил ее между баллоном минералки и блюдом квашеной капусты. Все ясно, и компанию не обидеть, и лишнего не выпить. Сегодняшние охота и рыбалка были только прикрытием для серьезного разговора. Шумилов нашел возможность целый день отдыхать на природе, но не все присутствующие могли себе это позволить. Андреев уедет в Москву рано утром, чтобы успеть на совещание у министра обороны. Строгов тоже должен завтра быть в городе. Остальные могут задержаться до завтрашнего вечера. На этот случай егерь Антоныч организует еще одного кабанчика или оленя.

Поужинав, Шумилов, Строгов, Андреев, Литвинов и Привалов пошли в баню. Антоныч не подкачал, натоплено было так, что уши в трубочку

сворачивались. Сухой жар приятно прогревал тело. А когда Андреев плеснул на камни квасом… а когда взялись за распаренные в кипятке березовые с пихтовыми и дубовыми веточками веники… Нет, ничего лучше русской бани человечество не придумало. Истинное наслаждение.

– Ну, господатоварищи, начнем, – Строгов специально повторил любимое выражение Верховного, напоминая, что он сегодня представляет Арсения Степановича и встреча проходит по просьбе и с позволения Бугрова. Товарищи, всласть напарившись, отдыхали в предбаннике. Шумилов жадно пил квас прямо из трехлитровой банки. Привалов и Литвинов утоляли жажду пивом, а маршал Андреев курил, стоя у приоткрытой двери.

– Отдых – это хорошо, но надо и о делах думать. – Владимир Петрович машинально поправил полотенце на бедрах. – Андрей Васильевич, что вы можете сказать о ситуации в США?

– Кризис завершился. На бирже все спокойно. Курсы стабилизировались, – коротко начал докладывать Литвинов, отставив в сторону недопитую кружку. – Наше ведомство считает, что Америка не понесла большого ущерба. Да, курсы акций упали. Да, многие держатели акций понесли убытки или разорились, уровень доходов упал примерно на 15 процентов. Но не это главное, доллар устоял, экономика избежала коллапса и катастрофического обвала. Североамериканский рынок постепенно восстанавливается и снова привлекает внешние инвестиции. Могу сказать, кризис позволил сбросить давление в котле, снизить спекулятивность экономики. С июля по октябрь доллар упал только на 90 пунктов по сравнению с евро и маркой.

Шумилов слушал гэбэшника вполуха. Ему и так все было известно. Краткое выступление Литвинова предназначалось в первую очередь для Строгова и Андреева, слабо разбиравшихся в мировых экономических процессах. Павел Николаевич мог добавить, что Америку спасли только вовремя сработавшие антикризисные механизмы Резервной Федеральной Системы. Приложил руку к спасению доллара и сам товарищ Шумилов, считавший, что, пока у граждан СССР на руках сохраняются значительные долларовые заначки, сильное падение доллара вредно. Именно Шумилов принял рискованное решение скидывать американские бумаги и валюту постепенно. Риск себя оправдал. Союз потерь не понес, а Центробанк и Промстройбанк даже заработали по нескольку миллиардов на разнице курсов и биржевой панике.

– Я могу сказать, что уже с февраля Пентагон выделит дополнительные средства на закупку вооружений, – заметил Привалов,

переводя разговор в практическое русло. – Это позволит оживить экономику, увеличить денежные обороты в Америке.

– А почему не сейчас?

– Понимаете, бюджет на этот год уже сформировал и большей частью съеден. Резервные фонды после кризиса отощали. Маловероятно, что у них сейчас найдутся средства. Дополнительные внутренние займы рискованны. Нет, только с февраля–марта, не раньше.

– Значит, они должны потратить старые запасы. И опять мы возвращаемся к Югославии, – констатировал Строгов.

– Как я понимаю, ради этого мы и собрались, – заметил доселе молчавший Шумилов. – Напомню, мы потратили более тридцать миллиардов рублей на оружие для Милошевича и поставили старой техники и оборудования более чем на пятьдесят миллиардов.

– Да, так оно и есть. Разведка докладывает, что администрация Клинтона не пойдет на попятную. Значит, наши прогнозы о начале войны в феврале сбудутся, – буркнул Андреев. – Деньги, техника – ерунда. У меня там более пятисот человек. И еще добровольцы.

– Помнится, вы гарантировали, что сумеете отразить любое наступление НАТО. Или чтото изменилось?

– Сербию мы отстоим. Тут все ясно, – уверенно ответил маршал. – Уже на сегодняшний день поставки завершены на 80 процентов. Еще 2 месяца, и мы будем полностью готовы к войне. Не беспокойтесь, американцев разгромим.

– Мне кажется, уважаемый Виктор Евгеньевич, вы чтото не договариваете. – Строгов пристально посмотрел на маршала. Тот целую минуту выдерживал взгляд Владимира Петровича, затем опустил глаза.

– Проблема в том, что мы сейчас технически отстаем от США. Это отставание возникло не сегодня. Все началось лет десять назад.

– Авиация и космос? – вклинился в разговор Привалов.

– Не только. В современной войне решающее значение имеют связь, разведка и авиация. Помните Ирак? Полный разгром только за счет воздушного наступления. У нас есть хорошие сухопутные войска, прекрасная тактическая авиация, но мало тяжелых бомбардировщиков.

– Но у американцев их не больше, в основном устаревшие «Б52».

– Зато у них развитая система базирования и сильнейший авианосный флот. Нам надо или строить дальние бомберы, или создавать базы в основных точках мира. А самое главное, мы сильно отстаем в управлении войсками. Уже сейчас у американцев полевая связь охватывает почти каждого бойца. В ротах есть приборы спутникового ориентирования. А у

нас оперативная связь на уровне взводов, и только в ВДВ и морпехе до подразделений. Благодаря этому их солдаты гораздо лучше управляются и эффективнее наших. И в космосе у нас ситуация хуже, отстаем на пару лет. Только довели до ума «Легенду». На следующий год будем запускать первые спутники «Полярис».

– Простите, я не слышал об этой системе, – поинтересовался Привалов.

– Это спутниковая система ориентации, аналог GFS, с некоторыми усовершенствованиями, – просветил его Литвинов, – пока считается секретной. На Западе о ней ничего не знают, считают, что мы будем модернизировать ГЛОНАСС.

– Спасибо, Андрей Васильевич, – улыбнулся Андреев. – И самое главное: мы не можем изменить ситуацию. Вопервых, не хватает финансов.

– Да, наш бюджет пока в два с половиной раза меньше, чем у США, – подтвердил Шумилов.

– Вовторых, геополитика. Черт бы ее побрал! Огромная территория, длинная сухопутная граница. Проблемы с транспортом и переброской войск между театрами. Мы вынуждены держать большую сухопутную армию и размазывать авиацию и ПВО вдоль границы. И флот у нас маленький. Всего два авианосца и десять ударных крейсеров.

– Положим, три авианосца, – поправил его Строгов, он понимал, что маршал утрирует, сознательно упоминает только новейшие корабли, – и ещё два атомных строятся.

– «Горшков» – это вспомогательный корабль, – скривился маршал. – Всего 24 самолета. А «Петербург» и «Сталин» войдут в строй только в следующем веке.

– И что вы предлагаете?

– В первую очередь создавать новые базы. Это вопрос к Верховному. Вьетнам, Югославия, Африка, Тихий океан. Развивать флот и авиацию. Подлодок у нас достаточно, пора строить нормальные ударные корабли. В сухопутных войсках создавать особые дивизии и корпуса быстрого реагирования. Оснащенные по последнему слову техники, прекрасно подготовленные, максимально насыщенные огневыми средствами.

– А остальная армия? – Строгов с интересом наблюдал за маршалом. Чувствовалось, Андреев уже давно вынашивает свои идеи. И сейчас максимально использовал шанс донести их до высшего руководства страны и молодой интеллектуальной элиты, представляемой Литвиновым и Приваловым. Естественно, автор идей должен быть допущен к их воплощению. И Строгов, и Шумилов понимали, Андреев стремится занять

место начальника Генштаба или министра обороны. Павел Николаевич незаметно кивнул Строгову. Когда Семенов уйдет на пенсию, будет кого поставить на его место.

– Остальные части держать в пограничных округах, пусть паритет сохраняют. И самое главное – космос. Нет, не догонять по числу спутников, это бессмысленно. Надо идти дальше.

Все слушали молча, не перебивая. Маршал, не замечая заинтересованных взглядов слушателей, продолжал:

– Сейчас у нас есть МАКС. Это следующий шаг после королевских ракет. Надо развивать космос. выводить на орбиту ударные пилотируемые корабли.

– Брось, Верховный не пойдет на нарушение договора по ПРО, – скептически заметил Владимир Петрович Строгов.

– Нет, не перехватчики, а ударные космолеты. Все равно ближайшие лет 20–30 невозможно создание нормальной надежной противоракетной обороны. А космические корабли с обычными управляемыми бомбами и ракетами смогут наносить удары по всему миру. И они практически неуязвимы. Противнику придется выводить орбитальные перехватчики. Пентагон просто не потянет такую программу! У них не хватит денег для адекватного ответа.

Шумилов вспомнил, как светилось тихой внутренней радостью лицо маршала в ЦУПе Плесецка, когда орбитальный челнок, оторвавшись от спины носителя, вырвался на орбиту. И, оставив там тройку спутников, совершил пару кругов почета перед возвращением на Землю. Значит, Андреев уже давно задумывался об орбитальных группировках, и долгожданный запуск аэрокосмической системы был для него как свет в конце туннеля. А идея интересная! Стоящая. Главное, дешевле авианосных эскадр.

– Кроме того, это первый шаг к базам на Луне. Мы сможем строить атомные ракетные корабли, осваивать Марс, пояс астероидов, дальние планеты. Представляете, товарищи! Это же перспектива на весь следующий век. Мы отладим производство и эксплуатацию космолетов, а дальше, на базе военных кораблей, сможем осваивать космос. Осваивать понастоящему, с заводами на Марсе и рудниками на Плутоне. Да ваш Клинтон удавится от зависти. – В глазах Андреева горел огонь. Человек мечтал о звездах. Ему было тесно на Земле.

– Надо подумать, Виктор Евгеньевич, – улыбнулся Шумилов. Он понимал, что описанное Андреевым завоевание космоса еще лет двадцать будет убыточным, но зато потом… Тот, кто успеет первым, станет снимать

сливки. Это будет почище Голконды и Эльдорадо. Нельзя жить в колыбели. Страна, запустившая первый спутник и первую ракету с человеком, не может уступить первенство в космической гонке. СССР должен первым добраться до сокровищ Солнечной системы. Этот шанс дается раз в сто лет, и потомки не простят, если Шумилов и Бугров его упустят. Премьер понимал, что армия, несмотря на свою кажущуюся косность, является основным двигателем прогресса. А раз так, пусть двигает! Как Председатель Совета Министров, он знал, что бюджет на следующий год будет с профицитом в 40–50 миллиардов рублей. Следовательно, можно потратить деньги на чтонибудь полезное, к примеру, космос.

– Господатоварищи, кажется, мы отвлеклись. Сегодня мы должны обсудить наши действия в Югославии и Европе. Виктор Евгеньевич совершенно прав, – Андреев бросил благодарный взгляд на говорившего Строгова, – но это дело ближайшего будущего. А кризис в Косово надо разрулить уже сегодня.

Глава 16

Друже инженер. 1999 г.

Чертыхнувшись, Стас пробрался к пульту управления и щелкнул тумблером. Так и есть! Все как говорили, на экране радара вместо четкой картины обстановки в небе над станцией кружилась веселая карусель снежинок. Негромко выматерившись и бросив красноречивый взгляд на сидящих у боковой стенки отсека управления операторов, Стас обесточил систему. Затем извлек из кармана отвертку и принялся снимать кожух с блока управления. Потом молча сунул в руки следившего за его манипуляциями лейтенанта крышку и, немного отклонившись назад, осмотрел открывшуюся ему схему. На первый взгляд все было в норме, ничего не горело, все микросхемы на своих местах. Насвистывая под нос мотивчик «Не кочегары мы, не плотники», Стас прямо на пульте разложил схему и принялся сравнивать с нею оригинал.

– Ну, и какой идиот замкнул перемычку? – задал он риторический вопрос, тыкая отверткой в печатную плату.

– Друже инженер, в инструкции сказано, что перемычку контура фильтрации надо ставить в третье Положение, – нарушил молчание худосочный солдатик с погонами младшего сержанта, видимо, он и был техникомоператором РЛС.

– Тогда какого хрена она стоит во второй позиции? – поинтересовался Стас, переставляя перемычку. Ответом ему послужило молчание. Включив питание на приборы, Рубанов удовлетворенно хмыкнул, на загоревшемся экране высветился четкий след обзорного луча, быстро бегущего по кругу. Метель помех исчезла, вместо нее на северозападе четко вырисовались две отметки воздушных целей. Стас быстро переключил режимы локатора. Все работало. Передвижная РЛС четко определяла первую цель как пассажирский лайнер. Дистанция 79 километров, высота 8300 метров, вторая цель была истребителем, скорее всего «Су27» с элементами невидимости. Только этим объяснялось неточное определение дистанции и скорости цели. Да и отражающая поверхность была слишком маленькой для самолета.

– Учите инструкции, зенитчики, – при этих словах Стас хлопнул по плечу лейтенанта и начал пробираться к дверному люку. Объяснялись на смеси русского и сербского. Но при этом собеседники прекрасно понимали друг друга. Очень похожие языки и вдобавок разговор на технические темы. А как известно, два технических специалиста всегда поймут друг

друга. Выбравшись наружу, Стас спрыгнул на снег. Прямо изпод гусениц командного пункта выглядывали кустики пожухшей прошлогодней травы. И это называется зима! Скоро Рождество, а снега мало. На улице тепло, можно ходить в куртке и кепке. За все три месяца, которые Стас провел в Югославии, можно было пересчитать по пальцам дни, когда столбик термометра опускался ниже пяти градусов мороза. Правда, в горах холоднее и снега больше, но дальше столичного округа Рубанову пока бывать не приходилось. И здесь работы хватало.

Передвижная локаторная станция дивизиона располагалась в поле, невдалеке от гряды невысоких пологих холмов. В паре сотен метров тянулась лесополоса. Немного правее РЛС стояла пускозаряжающая установка «Бука», и человек восемь расчета занимались на первый взгляд совершенно бессмысленным делом. С помощью пары лебедок затаскивали в направляющие короба установки подозрительные уродливые железные конструкции. Работа спорилась. От разгоряченных солдат шел пар. Уже шесть гнезд из восьми были заняты, сейчас солдаты цепляли тросами предпоследнюю железяку.

Несмотря на внешнюю комичность (копать от меня и до следующего дуба), это был важнейший элемент подготовки зенитчиков. Установка ракет на машину с грузовика или грунта. Работа опасная, тяжелая, требующая сноровки и опыта. Каждая ракета весила 700 кг. В бою, при отражении массированных атак, эффективность зенитного комплекса во многом определяется количеством готовых к стрельбе ракет и скоростью перезарядки. Стас помнил рассказы, как наши офицеры в Египте и Сирии пинками заставляли аборигенов ставить ракеты на пусковые. В Югославии такого не будет, он видел, что и офицеры, и рядовые серьезно относятся к своему делу. От работы никто не отлынивал. Это вам не арабы, нормальная европейская армия. Стас с первых же дней своей работы внушал подопечным офицерам важность постоянного нахождения в готовности к пуску максимального числа ракет.

Ученики у него были хорошие. Местные специалисты быстро сообразили, что нет необходимости практиковаться на настоящих ракетах, они от этого лучше не станут, и соорудили из подходящих труб и металлолома натуральные макеты. Для веса внутрь засыпался песок. Теперь можно было тренировать расчеты сколько угодно, без опаски уронить и испортить ракету.

– Друже инженер, – к Стасу подошел командир дивизиона майор Гремич, – радар работает?

– Все нормально.

– Хорошо, через час сворачиваем дивизион. Пойдемте, посмотрите все остальное.

Стас в ответ молча кивнул и двинулся вслед за майором осматривать позиции. Майор двигался быстро широкими шагами, но Рубанов приспособился к его темпу. Дивизион был сформирован месяц назад, а 8я зенитная бригада, в которую он входил, появилась в документах армии только в середине ноября. Формирование шло практически с нуля. Югославские военные принимали приходившую морем технику и с ходу разворачивали ПВО Белграда. На Стаса легла обязанность следить за правильностью эксплуатации техники и помогать персоналу в ремонте и освоении машин. Главным было научиться сбивать самолеты, не подставляя себя под ответный огонь. Работы было много, случаи, подобные сегодняшнему, бывали регулярно. Часть документации шла без перевода, на русском языке. Некоторые установки и целые батареи были устаревшими, срочно переброшенными из Союза в Югославию, поскольку заводы не могли быстро обеспечить необходимое количество техники. Разумеется, все таблички и надписи на старых машинах были на русском. Но зато техника была отлажена и настроена, никаких заводских дефектов, тоже плюс. Не надо мучиться с наладкой систем управления и настройкой контуров внешних источников целеуказания. Сербы прекрасно понимали, что над ними висит дамоклов меч натовского воздушного удара, и освоение новой техники шло стахановскими темпами. Уже сейчас дивизион представлял собой нормальную, полностью укомплектованную и почти подготовленную часть. Большая часть проблем касалась третьей батареи. Техника пришла только десять дней назад, солдаты – новобранцы без опыта. Гремич выделил для батареи троих опытных офицеров, успевших освоить «Буки», и просил Стаса почаще проверять дивизион. Похорошему, требовалось не менее полугода, чтобы подготовить часть, но этого времени не было.

Торопливо вышагивая за почти бегущим майором. Стас успевал осматривать позиции дивизиона и отмечать мелкие и крупные недочеты. На вершине пологого холма виднелся полевой пост визуального наблюдения. Солдаты тянули кабель от поста к спрятавшимся в зарослях у подножья холма бежевым машинам с антеннами над крышами кунгов. Видимо, там находился резервный командный пост. На соседнем холме на фоне неба выделялся силуэт «Газетчика», установки для создания активных помех. А почти рядом с «Газетчиком» стоял «Панцирь». Увидев такое непотребство, майор прямо на ходу выхватил рацию и прорычал в нее несколько непереводимых фраз. Это возымело свое действие. Уже

через минуту зенитная установка медленно спускалась с холма. Все правильно, в бою этот «Панцирь» не прожил бы и минуты. Рядом с «Газетчиком» даже людям находиться опасно. Это первая цель для противорадарных ракет.

В этот момент внимание Стаса привлекла выскочившая изза посадки одиночная пусковая установка. Громоздкая гусеничная машина замерла на месте, массивная ракетная башня пошла в сторону, приподнялись направляющие ракет. Затем, замерев на полминуты, башня вернулась в исходное положение, и машина, развернувшись на месте, скрылась за деревьями. Все верно, вышел на позицию, выстрелил и, не мешкая, скрылся на запасной позиции. Пусть «HARMы» бьют по пустому месту. Обойдя позиции, Гремич и Рубанов спустились в низину к развернутой полевой кухне и припаркованному рядом штабному «ГАЗ66». Обеденное время, в воздухе витал аромат гречки с мясом. Со всех сторон к кухне тянулись группы бойцов. Война войной, а обеду время.

Пообедав, Стас и майор быстро прошлись по списку замечаний. Ничего серьезного, все можно устранить силами технических специалистов дивизиона. Гремич был того же мнения. Дивизион сворачивался и готовился к маршу. Стас разбудил своего водителя, дремавшего за рулем джипа, и попросил его ехать в штаб. Сегодня необходимо отчитаться перед полковником Листьевым, курировавшим ПВО столицы, и передать заявку на необходимое оборудование и инструменты. Вечером можно будет, отпустив машину, посидеть в кафе на набережной Дуная, погулять по вечернему городу. А самое главное, заехать домой и принять ванну, переодеться в цивильное, побриться. Потом поужинать в кафе на углу Лешавской и Староборской улиц. Это было любимое кафе Стаса. После ужина пройтись по Белграду. А уже затем выспаться в нормальной кровати на чистых простынях.

За прошедшую неделю Стасу изрядно надоело питаться из солдатского котла и спать где попало. Приходилось большую часть времени проводить в войсках, постоянно в прямом контакте с югославскими зенитчиками. Стасу предоставили служебную квартирку в старой части города, недалеко от Крепости. Но если до позднего вечера возишься с машинами, а затем еще консультируешь офицеров, а утром надо рано вставать, на то, чтобы добраться до дома, времени не остается. И он ночевал в частях. Хорошо еще, не в общих казармах. Для Стаса всегда находили офицерскую комнату или, в крайнем случае, гостиницу. Но комфорт минимальный, не всегда бывала горячая вода и хороший кофе.

Однако во всем можно найти положительную сторону. За прошедшие

три месяца Стас досконально изучил продукцию своего родного КБ в том, что касалось системы «Бук». И сейчас знал комплекс лучше, чем главный конструктор. Много приходилось работать со связистами и электронщиками, налаживать техническое взаимодействие между различными системами ПВО и РЭБ, общаться с авиаторами.

Позавчера Стас совершенно случайно встретился с Георгием. Тем самым осетином, с которым они вместе летели в Югославию. В среду Стас заехал на склады дивизии в районе Смедерево. Надо было проверить условия хранения ракет, ремонтных комплектов и запасных частей к технике. Все складское хозяйство находилось в десятке километров от города на южном берегу Дуная. Сербы серьезно относились к рассредоточению и охране армейского имущества. Небольшие ангары и полуподземные помещения были раскиданы на охраняемой территории в добрый десяток квадратных километров. Потратив целых полдня на обход этого лабиринта в сопровождении интенданта с погонами капитана, Стас остался доволен увиденным.

Союзники педантично выполняли все требования по хранению снаряжения. Зенитные ракеты были аккуратно уложены на ложементы в сухих теплых помещениях. Головки наведения и взрыватели хранились отдельно, но в пределах одного склада. Все было пронумеровано, описано и готово к немедленному употреблению. Полуподземные склады были засыпаны грунтом, на крышах рос кустарник. Наземные ангары – просто трубчатые каркасы, обтянутые жестью, – были обнесены земляными валами и оборудованы удобными подъездами. Дорожки и ворота ежедневно очищались от снега, что значительно упрощало и ускоряло погрузку и вывоз боеприпасов и снаряжения. Стас обратил внимание на то, что ракеты можно было со стеллажей грузить на машины или прямо на пускозаряжающие установки зенитных комплексов. В отдельных отапливаемых складах хранились электронные блоки, запасные части, материалы. Здесь тоже ничего не вызвало нареканий Стаса.

Мимоходом он обратил внимание на склады снарядов для ствольной артиллерии. Таковой в ПВО Югославии было немало. Несмотря на кажущуюся хаотичность складского комплекса, здесь все было сделано с умом: широкие проезды, пожарные водоемы, указатели на каждой развилке и крупные цифровые обозначения на воротах ангаров. Было видно, что интенданты не зря ели свой хлеб.

Наконец выбравшись на КПП и прощаясь с немного запыхавшимся капитаном, Стас обратил внимание на человека, выходящего из только что подъехавшей к воротам легковушки. Надо сказать, этот человек обратил на

себя внимание не только Стаса, но всех, кто в этот момент оказался около КПП. Бравый сержант, стоявший у шлагбаума прямо посередине дороги, нервно дернулся и машинально поправил автомат. Из будки часового донеслись тихий изумленный возглас и звук передергиваемого затвора. Интендант, заметив, что собеседник смотрит в сторону ворот, повернул голову туда же и чуть не уронил челюсть.

– Матка божья! Это что за сокол?!

Вполне понятная реакция европейца при виде направляющегося к шлагбауму человека в офицерском полушубке, скошенной набок папахе и с длинным кинжалом на поясе. Для полноты картины не хватало только бурки, но, видимо, в ней было бы трудно поместиться в «Фиате». В Сербии такого не видали. Зато Стас сразу узнал орлиный профиль Георгия.

– Привет! Какими судьбами?

– Здравствуйте, Станислав. Очень рад. – Георгий расплылся в доброжелательной улыбке.

– Вот это встреча! Ты где работаешь?

– Где только не носит, – ответил тот, крепко сжимая руку Стаса, – большей частью на этой стороне Дуная. А ты?

– И я тоже здесь. У меня столичный округ. Значит, работаем рядом, а встретились только сейчас.

– Чтонибудь ставишь? – Георгий кивнул в сторону перегородившего дорогу шлагбаума.

– Нет, просто заехал между делом. Матчасть проверить.

– Понятно, а я здесь независимую прессу налаживаю. – При виде удивления Стаса, Георгий поспешил успокоить его: – Шучу, шучу. Просто я «Газетчиков» настраиваю.

– А, это! – рассмеялся Стас, он уже было решил, что Георгия заставили возить журналистов. – А я удивился, почему здесь ПВО до сих пор не налажена? – заметил Стас.

– Руки не доходят. Пока под Батайницей и Крагуевацом позиции «С300» оконтурили, пока с техникой вопрос решили…

– Проблемы с комплектацией?

– Так и есть, – согласился Георгий. – Поставщики путают номенклатуру. Не хватает ЭВМ управления и подходящих грузовиков.

– А с кадрами тоже плохо?

– А что делать, – пожал плечами Георгий, – готовим людей на месте. Проводим учебу, сами с проверками мотаемся. Да, что это мы все о делах. Ты в субботу чем занят?

– В субботу? – Стас лихорадочно прокрутил в голове свой график. –

Вроде бы день ничем не загружен. Утром планерка в штабе авиации, и все. После обеда свободен до понедельника.

– Отлично! Наши собираются на Набережной в Старограде у моста. Приходи.

– Приду. А во сколько?

– Часов в семь. Встречаемся на Набережной, а дальше идем в ресторанчик пить вино, потом по настроению.

– Великолепно! Кто будет?

– Соберутся все радисты и связисты. Будут ваши ракетчики, человек пять. Антон приедет из Приштины.

– Это который самолетов боится? – вспомнил Стас. С Антоном он уже пару раз виделся в Белграде.

– Он самый. Клятвенно обещал приехать, даже если все муслюмы на пути встанут, приедет, – при этих словах Георгий машинально опустил руку на рукоятку кинжала. – Совсем забыл. Советники из Генштаба тоже будут и летчики.

– Местные летчики?

– Нет, наши, добровольцы. Мы же столько новых самолетов сербам поставили, а хорошего летчика за пару месяцев не подготовишь.

– Ясно. Значит, весело будет.

Глядя на проносящиеся за окном машины пригороды Белграда, Стас вспомнил этот разговор. А суббота будет завтра. Все складывается удачно. Самое время отдохнуть, пообщаться по душам, веселой шумной компанией пройтись по туристическим достопримечательностям города. Смешно сказать, но во время командировки он редко отдыхал с земляками. Все больше сталкивался по работе, в штабах и в войсках, а так, чтобы собраться вечером, посидеть в ресторане, не получалось. Хотя наших в Югославии было много. Стоило зайти в штаб авиации или округа, как появлялось стойкое ощущение, что ты волшебным образом очутился в России. Даже сербы постепенно переходили на великий и могучий. А на совещаниях пользовались исключительно вновь изобретенным серборусским языком и исконным русским многоэтажным.

Машина подъехала к приземистому четырехэтажному зданию и остановилась прямо у входа. Несмотря на вечную проблему с парковкой в центре, проблему, общую для всех больших городов, на специальной площадке перед зданием было много свободных мест. Двое полицейских у входа бдительно следили, чтобы здесь не припарковывали посторонние машины. Но водитель Стаса, коренастый молчаливый усач по имени Иванко, только приветственно махнул рукой направившемуся было к ним

полицейскому. Их здесь хорошо знали, и блюститель порядка, кивнув в ответ, вернулся на свой пост.

Стас бодро взлетел по ступенькам и, войдя в здание, махнул пропуском сержанту у турникета. Тот молча кивнул: «Что уж там, проходи, не задерживай». Станислава Рубанова здесь хорошо знали и не мучили бессмысленной проверкой документов. Хотя в первые дни работы в Югославии его документы придирчиво проверяли каждый раз, когда он входил или выходил из здания. Просили открыть чемоданчик и тщательно сверяли фотографию на пропуске с не всегда тщательно выбритым оригиналом.

Первым делом Стас заглянул к майору Криволапову, занимавшему должность с расплывчатым названием «Советник по взаимодействию со смежными службами и негосударственными информационными средствами», на самом деле координировавшему центры космической связи и посты получения целеуказаний «Легенды» и ГЛОНАСС. Майор был в кабинете один и, увидев входящего Стаса, первым делом предложил ему горячий кофе. Благо, в стенном баре были электрический чайник, и кофе, и чай, и сахар, и сгущенное молоко, и бутылка красного вина последнего урожая. После крепкого кофе Рубанов и Криволапое перешли к делу. По идее, запрос на выделение отдельных радиочастот и аппаратуру кодировки следовало направлять командиру ракетной дивизии ПВО, но гораздо проще и результативнее было сначала обсудить дело с Криволаповым, а уже затем выходить на командование. Проблема была решена в течение пяти минут. Майор, ознакомившись с вопросом, пообещал передать Стасу специалиста из профильного НПО, чтобы тот на месте все настроил, наладил и обучил персонал. На том и порешили.

После Криволапова Стас забежал в канцелярию сдать командировочное удостоверение и заполнить пару бумажек. Затем заглянул в пару кабинетов уладить мелкие формальности и уже через полтора часа с чувством выполненного долга выходил из здания. Оставалось заехать еще в одно место, и все. На сегодня дела закончены.

Джип дожидался его у тротуара. Иванко читал газету. Заметив Стаса, он аккуратно сложил ее, убрал на заднее сиденье и завел мотор. Иванко вел машину спокойно, не нарушая правила, хотя на машине были знаки Министерства обороны. Стас попросил его остановиться у небольшого магазинчика недалеко от своего дома. Все, машина больше не понадобится. Отпуская Иванко, Стас был уверен, что тот до полуночи будет заниматься частным извозом. Но его это не волновало, люди здесь живут небогато, каждая копейка на счету. Если у человека есть возможность подзаработать

не в ущерб основной работе, пусть шабашит. Главное, чтоб завтра в полвосьмого стоял у подъезда.

В магазинчике Стас купил колбасу, хлеб и немного сыра. Сыр в Сербии умели делать твердый, ароматный, вкусный. Расплатился Стас динарами, хотя продавец, почуяв по акценту иностранца, попытался получить плату рублями или марками. Обойдется, командировочные Стас получал в динарах, ими и расплачивался. Привезенную с собой валюту он держал в заначке, на всякий случай.

Поднявшись к себе на третий этаж и открыв дверь, Стас бросил пакет с покупками на тумбочку в прихожей. Он был дома. Пусть это временное жилье, выделенное на время командировки, все равно – это дом. На полу лежала целая охапка бесплатных газеток и рекламы, нападавших через щель почтового ящика. Быстренько перебрав эту груду, Стас выловил из нее письмо и сложил оставшийся хлам в стопку в углу прихожей. Письмо было от родителей. Судя по толщине, один тетрадный листок. Стас отложил его в сторону, можно прочесть потом, вечером, все равно ничего интересного. Было б что срочное, отправили бы телеграмму. Разувшись, он прошел в комнату, расстегиваясь на ходу, бросил куртку на кровать. Затем мимоходом заглянул в кухню, ничего нового не обнаружил и, вытащив из шкафа свежее белье и рубашку, направился в ванную.

Вечером тщательно выбритый и переодевшийся Стас ужинал в небольшом уютном ресторанчике невдалеке от Старой Крепости. Уютный зал, настоящие восковые свечи в тяжелой бронзовой люстре, хорошая кухня, самое лучшее место, чтоб спокойно насладиться ароматной нежной бараниной под кислым соусом, запивая ее легким местным вином. Ресторанчик, видимо, жил за счет туристов, центр города, заметная вывеска, вежливый расторопный персонал, правда, и цены рассчитаны на туристов, но Стас мог себе позволить изредка здесь ужинать. Зима, эмбарго, туристический бизнес переживает не лучшие времена. Наверное, раньше ресторанчик не жаловался на недостаток посетителей, но сегодня людей было мало. За соседним столиком расположилась группа французов. Чуть подальше, через два столика, у окна сидела парочка студентов, разговаривавшая понемецки. Вот и все. Остальные посетители были местными.

Утолив голод, Стас, медленно потягивая янтарное вино из высокого хрустального бокала, откинулся на спинку стула. Хорошо. Главное, тихо, спокойно, в воздухе витает непередаваемая волнующая атмосфера старого Белграда. Большого, шумного, но в то же время такого домашнего и уютного города. По сравнению с Москвой Белград выигрывал. Главное, он

спокойнее, медленнее, благороднее, нет вечной спешки, постоянной гонки за временем. На улицах меньше машин, меньше рекламы и навязчивого неона.

Только сейчас Стас понял, что он любит Сербию. Прекрасную страну, где зимой мало снега, где люди доброжелательны и в то же время горды и независимы, где время течет спокойно, но, с другой стороны, не теряется связь со стремительным энергичным XX веком. Это не бурно развивающийся, стремящийся в пятилетку обогнать весь мир Советский Союз, и не застывшая в вечной бессмысленности противоборства Инь и Янь Азия. Это нормальная европейская страна. Белград нормальный европейский город вроде Петербурга или Ревеля. Просто здесь немного подругому относятся к времени – не человек для часов, но часы для человека. Может, люди живут здесь не так хорошо, как в СССР, но и не особо бедствуют. В бывшем соцлагере живут гораздо хуже.

Глава 17

Сигнал атаки. 1991 г.

За окном шумела вечерняя московская улица. Светили фарами машины, по тротуарам двигались люди, на углу кучковались подростки. Обычный августовский вечер, словно и не шумел в паре километров отсюда стихийный митинг у здания Верховного Совета РСФСР, словно в Москву не вводились войска, словно на страну не свалилось, словно снег на голову, неизвестно откуда взявшееся ГКЧП. Павел Шумилов резко задернул занавеску и повернулся к товарищам.

– Что скажете, Павел Николаевич? – обратился к нему хозяин квартиры, полковник Дмитрий Иннокентьевич Тихомиров. Занимавший значительный пост в Министерстве обороны Тихомиров почти с самого начала активно участвовал в заговоре. Сегодня, ближе к вечеру, Бугров, Строгов и Шумилов перебрались из гостиницы к нему. Благо, полковник, не дожидаясь событий, отправил свою семью на дачу. Днем заговорщики носились по городу, пытались прощупать обстановку, выяснить реальное положение вещей, а сейчас собрались вместе.

– Черт его знает! – коротко откликнулся Шумилов и нервно провел ладонью по подбородку. Владимир Строгов на мгновенье отвлекся от томика Виктора Конецкого и с интересом посмотрел на Тихомирова.

– Вы же в министерстве не последний человек, должны знать.

– Увы. Никто ничего не знает, никто ничего не понимает. Сегодня утром Лещев собрал командующих и посоветовал проявлять спокойствие. И больше ни слова. Какая моча им в голову ударила?

– Что с армией? – тихим успокаивающим тоном поинтересовался Шумилов.

– Разброд, – понизил тон Дмитрий Иннокентьевич, – вроде Положение объявили, а никаких распоряжений, никаких команд. Секретные пакеты никто не вскрывал, солдаты в казармах. И самое интересное, есть негласное распоряжение не предпринимать активных действий и не поддаваться на провокации.

– Хренотень полнейшая, – пробасил из стоявшего в углу кресла Бугров, – так не делается. Так не бывает.

– Думаешь, провокация? – с надеждой в голосе поинтересовался Строгов.

– Может быть. А скорее всего обычная тупость. Там же одни старые придурки. Твоито что говорят?

– А с моими не так просто. Отмечается сильная активность «наших друзей» из списков. Наружка Докладывает о постоянных контактах с иностранцами. Некоторые зарубежные коллеги в гражданском не вылезают из штабов наших «борцов против тоталитаризма».

– Плохо, – констатировал Тихомиров. Остальные молча согласились с этим коротким и емким словом. Уже все было готово к перехвату власти из рук Горбункова. Все задействованные в перевороте люди получили четкие инструкции и находились в нужных местах. Витебская дивизия КГБ была готова занять Ленинград. 232я мотострелковая дивизия, правдами и неправдами застрявшая в Подмосковье, могла в считаные часы развернуться и двинуться в столицу. В КГБ и МВД молодые и не очень, но энергичные офицерыпатриоты были готовы нейтрализовать своих неблагонадежных коллег, изолировать опасных агентов влияния. По основному плану сегодня вечером в эфире должны были прозвучать два слова: «Зеленый свисток». А завтра утром, 20 августа 1991 года, Советский Союз проснулся бы с новым правительством. Но накануне ночью буквально из ничего возник ГКЧП с вицепрезидентом во главе. То, чего заговорщики не предусмотрели.

– А Моссовет перешел на сторону Ельцова, – заметил Строгов, – в Ленинграде очередная революция, Собакевич и Ленсовет «Аврору» заряжают.

– В регионах полный бордель, – поддержал его Тихомиров, – и красные, и белые, и голубые с зелеными. Только в Литве армия пытается порядок наводить.

– А наши путчисты и не чешутся, – продолжил Шумилов.

– Паша, где ты такое выражение нашел? – поинтересовался Бугров.

– В какойто листовке встретил. Ельцов так их называет. Он же вроде объявил себя президентом, а кто против – тот путчист.

– Понятно, – протянул генерал и задумчиво уставился в потолок. В комнате повисла тяжелая гнетущая тишина. Слышно было, как трещит лампочка в люстре и как жужжит муха на оконном стекле. Минуты убегали одна за другой. Уже был вечер, а решение еще не принято. Владимир Строгов крутил в руках сигарету, Арсений изучал потолок, никто не мог сказать, что делать дальше? Тишину разорвал звонок телефона, Дмитрий Иннокентьевич рванулся к аппарату.

– Алло, слушаю. Ну, все, – наконец объявил он во всеуслышание, положив трубку, – у Дома советов появились солдаты с приказом охранять митинг и объект.

– Кто?! – в один голос кинулись на него все заговорщики.

– Десантники. Сразу два приказа от Галкина и от Коршуна. Правда, демонстранты их за баррикады пока не пропустили. Боятся провокации.

– Солдаты с контрреволюционерами. Мать твою! Гражданская война начинается, – Шумилов грохнул кулаком по подоконнику.

– Нет, ничего не начинается. Все нормально, – весело, с блеском в глазах, заявил Строгов. – Это же просто разведка боем.

– Ты думаешь? – с надеждой в голосе спросил Бугров, повернувшись к Володе.

– Да. Именно так. Нас так учили недовольных в Африке выявлять. Слышали, сегодня Жигулевского с митинга на Манежной выгнали?

– Точно! Ну заразы! Уроды недоношенные! – с чувством выругался Шумилов. Он начал понимать, к чему клонит Володя.

– Так что, товарищи, свистим? – медленно, пробуя слова на вкус, произнес Арсений Бугров.

– Действуем. И против Кремля, и против Дома советов. – С этими словами Тихомиров поднялся с дивана и извлек из шифоньера обычную армейскую рацию. Минут пять ушло на включение и настройку. Наконец Тихомиров надел наушники и, оглянувшись на стоящих рядом товарищей, выдал в эфир короткий сигнал: «Зеленый свисток». Затем продублировал его на двух других частотах. Строгов, в свою очередь, снял трубку телефона и набрал номер.

– Алло. Добрый вечер. Примите зеленый свисток, пожалуйста. Спасибо. – Затем нажал на рычаг и набрал новый номер: – Сигнал к атаке – зеленый свисток.

Бугров тем временем достал из кобуры пистолет, дослал патрон в ствол и снова убрал оружие в кобуру. Затем подошел к освободившемуся телефону.

– Рота, подъем! Зеленый свисток!

В принципе для начала переворота было достаточно только одного сигнала. Все принявшие код должны были незамедлительно передать его дальше, но для экономии времени друзья передали сигнал по всем наиболее важным каналам.

– Ну, все. Пойдемте, товарищи. – Шумилов уже обувался в прихожей. Через три минуты квартира опустела, свет погас, только на столе осталась включенная рация. Свое дело она уже сделала. Этой ночью произошло много разрозненных и на первый взгляд не связанных между собой событий. Добровольные защитники здания Верховного Совета РСФСР с энтузиазмом укрепляли баррикады. Пели песни. Неизвестно откуда взявшиеся сновавшие по площади молодые ребята разносили водку, еду и

свежие новости. Журналисты строчили материал о последних событиях.

А в нескольких заурядных, расквартированных в разных уголках Союза дивизиях офицеры поднимали по тревоге солдат. С каждым часом таких частей становилось все больше и больше. Командир одного такого полка, расположенного под Севастополем, сегодня до вечера задержался в части. Получив по радио сигнал, он облегченно вздохнул и распорядился срочно собрать всех офицеров. Через десять минут в полку были арестованы четыре человека, а еще через час поднятые по тревоге солдаты плотным кольцом окружили одну известную правительственную дачу. В море виднелись силуэты сторожевиков. Выйдя к объекту, комполка организовал внешнее и внутреннее кольца и остался, поджидая батальон морской пехоты.

В Ленинграде группа сотрудников милиции взяла под арест председателя Ленсовета. В то же время по городу прокатилась волна арестов, за ночь в камеры попали многие члены Ленсовета и несколько известных политиков. С задержанными обращались вежливо, но на попытки откупиться или купить звонок по телефону милиционеры и кагэбисты не реагировали. Мэр города Собакевич, пока его везли на старом дребезжащем «УАЗе», успел оправиться от страха и требовал известить об его аресте одного крупного чина из городского отдела КГБ. Ни просьбы, ни угрозы, ни попытка подкупа не помогли, гражданина Собакевича довезли до районного отделения УВД на Васильевском острове и препроводили в камеру. После того как конвоиры удалились, Собакевич прокричал им вслед несколько проклятий. Все шло не по плану, так не должно было быть. Ему же клятвенно обещали! Почувствовав на себе пристальный взгляд, мэр резко повернулся и увидел в камере напротив того самого гэбиста, которому он так хотел позвонить.

Ночью в районе Казанского собора группой подростков был жестоко избит гражданин США с редчайшим именем Джон Смит. Убедившись, что жертва неспособна подняться на ноги, подростки растворились в соседнем дворе. Правда, перед этим из кармана Смита был извлечен небольшой конверт с бумагами. Прибывший на место наряд милиции оказал пострадавшему первую помощь и доставил в больницу. Утром его забрал американский консул. А через два дня Джон Смит улетел домой, он не стал оставлять в милиции заявление и почемуто никому не заявил о пропаже конверта.

В Москве около полуночи во всех пожарных частях была объявлена часовая готовность к выезду. Среди проверяющих снаряжение и заливающих водой цистерны машин ходили слухи о большом пожаре в

Останкино и на заводе «Калибр».

В течение ночи исчезло несколько известных людей. В КГБ и МВД потеряли связь с несколькими своими высокопоставленными генералами. Тогда как другие сотрудники, несмотря на глубокую ночь, оказались на рабочих местах. В городских типографиях хмурые, невыспавшиеся солдаты следили за порядком и всем своим видом демонстрировали, что срочно поступивший заказ надо выполнить до утра.

В районе Остоженки мусоровоз с заляпанными грязью номерами протаранил «Жигули» и смылся с места происшествия. Водитель «Жигулей» не пострадал, но находившийся на заднем сиденье подданный Великобритании получил сильные ушибы и перелом руки. Вышедший покурить на лестничную площадку своего дома крупный партийный функционер неожиданно для себя оказался перед двумя молодыми серьезными людьми. Товарищи махнули перед растерявшимся партийным боссом корочками и предложили пройти. Через полчаса, как был, в халате и тапочках на босу ногу, он оказался в известном здании на Лубянке.

Несмотря на позднюю ночь, в Доме советов не спали. Ктото работал, ктото строчил восторженные воззвания или висел на телефоне, убеждая товарищей в регионах поддержать Президента РСФСР, а ктото уже прикидывал, как делить портфели и кресла после победы. В буфете на втором этаже было тихо, кассирша подсчитывала дневную выручку, посетителей почти не было, только два человека пили кофе за столиком. Разговаривали они порусски, но акцент выдавал в одном из собеседников иностранца. Говорили они уже больше часа, выпив за это время по две чашки.

– Извините, Анатолий, мне надо выйти, – иностранец с легким смешком поднялся изза стола. – Я быстро вернусь.

Его собеседник понимающе кивнул и потянулся к почти нетронутой вазочке с печеньем. Пока мистер Искоу ходит в сортир, можно подкрепиться и заодно обдумать его предложения. А идеи были очень интересные, практически от депутата требовалось только поддержать Президента России, а после подавления путча провести через Верховный Совет пару законопроектов. А еще через месяц выдвинуть на обсуждение вопрос о частной собственности на землю. Самое главное, все предложения не расходились с собственной точкой зрения Анатолия. Искоу высказал идеи, которые уже давно крутились в голове депутата. Но при этом заграничный друг предлагал свою поддержку в одном привлекательном финансовом проекте. Пожалуй, стоило согласиться, в такие моменты надо ловить удачу за хвост. Анатолий задумчиво посмотрел на стойку буфета,

стоит взять бутылку водки и немного закуски. После рюмкидругой Искоу станет разговорчивее, можно будет раскрутить его на еще один проект. И побольше узнать о его партнерах. Но, к великому сожалению депутата, продолжения разговора за рюмкой водки не было. Искоу просто не вернулся.

В это время двое молчаливых товарищей спускались вместе с Джоном Искоу в подвалы Белого дома. При этом иностранца пошатывало и от него разило спиртным, будто из винного погреба. А подземелья Верховного Совета соединялись с подземными лабиринтами Москвы. Больше о судьбе Джона Искоу ничего не было известно. Никто его и не искал. Он прилетел в Москву неделю назад рейсом из Оттавы с канадским паспортом, но в посольстве не зарегистрировался. Да и не мог, так как в Канаде и не подозревали, что он является их гражданином. Единственным, кто проявил интерес к его судьбе, была серьезная контора, в которой он проработал уже более десяти лет. Но эта фирма не могла открыто признать, что ее сотрудник с поддельным паспортом был в Москве. Фирма вообще ничего никогда не признавала.

Этой ночью в столице происходило нечто непонятное. Никто, ни из простых москвичей, ни из лиц, причастных к большим коридорам, не мог бы сказать, что именно. Из Ленинграда и регионов приходили крайне противоречивые сведения. Казалось, что активизировались сторонники ГКЧП. Только в четыре часа утра ситуация начала проясняться. Произошел переворот, точнее, не переворот в классическом понимании, а восстановление законной власти. Решительные, активные, деятельные товарищи из силовых структур, при поддержке профсоюзов и трудовых коллективов, взяли в свои руки власть в стране. Многие, первоначально выступившие на стороне ГКЧП, к утру начали переходить в третий лагерь.

В Москву стягивались части 232й и 153й дивизий, до этого две недели мариновавшиеся на железнодорожных станциях в Подмосковье. Офицеры введенных в столицу приказами ГКЧП частей переходили на сторону новой власти. Под утро бравые десантники и танкисты, получив новый приказ, покинули площадь перед Белым домом.

В 4.35 начался штурм. Никаких провоцирующих действий, ни одного выстрела. Вся операция проводилась силами только одного батальона. Сначала с помощью техники были проделаны проходы в баррикадах на Манежной и на Краснопресненской набережной. Бросившиеся было на защиту баррикад защитники дома Верховного Совета были рассеяны пожарными брандспойтами. Солдаты плотными цепями двигались перед машинами. Разбегавшихся демонстрантов никто не преследовал. Наоборот,

был четкий приказ не создавать давку и дать людям возможность уйти.

Сразу после взятия передовых укреплений настал черед Верховного Совета РСФСР. Построенные из троллейбусов, скамеек, мусора и спиленных деревьев баррикады раздвигались БТРами и БМП. Пытавшихся выставить живой щит защитников охлаждали водой. Пожарные машины четко держали строй сразу за военными, а опустевшие цистерны заполнялись прямо из Москвыреки. Через десять минут все было закончено. При этом практически никто не пострадал. Несколько синяков, вывихов и мокрая одежда не в счет. Укрепившиеся на первом этаже бравые защитники демократии, доселе гордо расхаживавшие по коридорам Белого дома с оружием и всем своим видом демонстрировавшие готовность не отступить ни на шаг, организованно подняли руки вверх. Одно дело – выпячивать грудь перед восторженными девицами, и совсем другое, когда в вестибюле грозно шевелит стволами с разбегу взлетевшая по лестнице БМП. А следом за ней в здание врываются штурмовые группы.

На предварительную зачистку здания ушло примерно два часа. Но, в отличие от действий на площади, здесь арестовывались все находившиеся. Правда, ближе к обеду многие после установления личности были отпущены домой. Несколько человек, вовремя сориентировавшихся в ситуации, попытались уйти через подвалы в московские подземелья, но внизу их встретили товарищи в штатском и в милицейской форме. Вместо аэродрома в Шереметьево их ожидала сортировка в камерах. План штурма был составлен еще месяц назад, со всеми возможными вариантами развития событий. В штабе Московского округа сидели грамотные офицеры, знающие, как разгонять демонстрации. А товарищи из аналитического отдела Конторы давно внесли Верховный Совет РСФСР в список объектов, которые, возможно, придется брать штурмом. К тому времени, когда пал свежеиспеченный Белый дом, рота мотострелков почти без выстрелов заняла Моссовет. В Кремле шли переговоры с комендантом. Последним козырем оказался бескровный захват Белого дома, после чего кремлевский гарнизон плавно перешел на сторону новой власти.

– Послушайте, Борис Карлович, вы умный человек, прекрасно понимаете, что мы не могли вас предупредить заранее. Вы бы просто не поверили.

– Тогда попробуйте прямо сейчас. Объясните, почему? – Генералмайор Старо, министр внутренних дел и активный участник уже бывшего ГКЧП, хмуро смотрел прямо в глаза Владимира Петровича Строгова. Разговор происходил в небольшом кабинете на третьем этаже Министерства обороны, этой ночью ставшего штабом переворота. Судя по пылившейся на

столе стопке журналов, рулонам плакатов в углу и полному собранию классиков в застекленном шкафу, раньше здесь занимались идеологической и патриотической подготовкой.

– Хорошо. Давайте по порядку. Как началось ваше выступление?

– Нас собрал вицепрезидент, объяснил ситуацию в стране. Момент удобный, Горбунков улетел отдыхать. В ближайшее время будет подписан новый Союзный Договор. С экономикой, сами понимаете, глубокая задница. Ждать больше нельзя.

– А почему вы согласились с Янковым? И кто такой Янков?

– Вицепрезидент, если не помните, – подколол собеседника Старо.

– Извините, забыл, – обескураженно произнес Строгов. – А чем он занимался? На такомто посту. Чем он занимался? Кто за ним стоял? И как он вообще занял такую должность?

– Горби назначил, а Верховный Совет утвердил. И выполнял Янков свои обязанности. – На умном лице министра мелькнула тень сомнения, затем в его глазах засветилось понимание.

– Совершенно никчемный человек, – ответил на невысказанный вопрос Строгов и напористо продолжил: – Ничем себя не проявил. Не видит дальше своего носа. Ничего не смыслит в интригах, плыл по течению, как всем удобный человек. И вы такого поставили главой Чрезвычайного Комитета! – в голосе Владимира Петровича чувствовалась искренняя горечь.

– Крюков только поддержал предложение Янкова?

– Да, он только намекнул, что пора наводить порядок.

– Понятно, тот еще хитрец. Постарался позаботиться об алиби. Он, к вашему сведению, хоронил все доклады контрразведки о «пятой колонне».

– Получается, мы были обречены? – поднял глаза на собеседника Старо.

– Хуже, вы были актерами на сцене. Горби знал, чем все кончится, когда уезжал в Фарос. И Ельцов знал. Думаете, почему все на вас так накинулись? Многие знали все заранее. – Строгов намеренно сгущал краски. Он знал далеко не всю подноготную путча, для этого понадобится долгая кропотливая работа следователей КГБ. Не ясна была и роль Горбункова в событиях. Но сейчас было необходимо надавить на Старо, склонить его к сотрудничеству.

– А вы тогда откуда взялись? Вы тоже знали все заранее?

– Многое, но не все, Борис Карлович. Для нас ваша эскапада оказалась полной неожиданностью, – честно признался Строгов, – год готовились к выступлению. Год собирать информацию, осторожно, шаг за шагом

выявлять потенциальных союзников и реальных врагов. Рискуя головой, объяснять людям положение вещей в стране.

– А о нас вы тоже знали?

– Нет. Было известно, что левые активно проводят информационноидеологическую подготовку против возможного выступления военных. Но мы думали, что это разумная осторожность, попытка обезопаситься от нас же. Мы не принимали в расчет попытку переворота, да и информации не было.

– Да, и тут появились мы. Но, признаться, у вас хорошо получилось. Только смотрите, в регионах могут начаться события, – невесело добавил Старо.

– Нет, не начнутся. Думаете, мы только в Москве выступили? В Ленинграде ситуация под контролем. В Харькове и Киеве все спокойно. В Минске уже час как полный порядок.

– А в Прибалтике?

– Прибалтика – это проблема, – устало кивнул Строгов, – но справимся. Работы много. Вам хватит, – он специально сделал ударение на последнем слове.

– А если нет? Если не соглашусь? – Старо с интересом смотрел на Строгова, он не ожидал такого развития разговора.

– Если нет, значит, нет. Уйдете в отставку, на пенсию. Будете на рыбалку каждый день ходить и с пенсионерами на лавочке в домино играть.

– И что вы мне предлагаете?

– Как что? Нельзя же МВД оставлять без министра. А работы вам прибавится. За прошедшие годы целые авгиевы конюшни образовались, но предупреждаю, все в рамках закона. И строго по закону. – По глазам Бориса Карловича Строгов понял, что тот согласился. Человеку дали возможность работать, и он будет работать.

Ровно в 8.00 началась прессконференция. Несмотря на возражения некоторых товарищей, опасавшихся провокаций, Арсений Степанович настоял на прямом эфире. Конференция транслировалась по всем каналам. Незадолго до ее начала Строгов шепнул председателю Комитета по Государственному телерадиовещанию, чтобы он возвращался к нормальной программе вещания, без «Лебединого озера». Судя по просветлевшим лицам телевизионщиков, новость успела распространиться.

Перед камерами, за столом под ярким светом софитов расположился сам генерал Бугров в отутюженной форме, гладко выбритый и доброжелательно улыбающийся всем присутствующим. Рядом с ним сидели Шумилов и Строгов. В отличие от Арсения, Павел Николаевич

испытывал нервозность. Оказавшись в центре внимания, он отчаянно боялся сморозить какуюнибудь глупость. Тем более что позади была бессонная ночь. С начала переворота Шумилов только тем и занимался, что общался с людьми, министерскими работниками, членами всевозможных комитетов и ведомств и убеждал их с утра приступить к работе. Многие просто боялись репрессий, пришлось приложить немало сил, чтобы убедить их в обратном. Зато удалось наладить контакт с Кабинетом министров СССР.

Несмотря на опасения, прессконференция прошла без эксцессов. Благодаря коллегам Владимира Петровича в зале удалось собрать достаточное число сторонников умеренного курса и коммунистов. При этом присутствовали и представители основных демократических изданий, и иностранные журналисты. Баланс был соблюден, ни одна группа не доминировала. Конференция шла в прямом эфире, вопросы сыпались один за другим.

– Мэри Паттерсон, «Вашингтон пост». Господин Бугров, всю мировую прогрессивную общественность интересует судьба президента Горбункова.

– Товарищ Горбунков сейчас находится на своей даче в Крыму, – мгновенно прореагировал Арсений Степанович, не давая журналистке продолжить свой вопрос. – Его жизнь и свобода в безопасности. Район дачи и аэропорт находятся под контролем войск Министерства обороны. Сам Михаил Сергеевич вернемся в Москву, когда посчитает нужным.

– Мы бы хотели уточнить, когда именно? – прозвучала громкая реплика из задних рядов.

– Я не могу ответить точно. Все зависит от самого Михаила Сергеевича. – Бугров выдержал паузу. – Его жизнь в безопасности, но за последние годы товарищ Горбунков надорвал свое здоровье. Понимаете, сначала долгие годы борьбы с консерваторами из Политбюро, с партократией. Вы же понимаете, это не проходит даром, – послышались сдержанные смешки в зале, – а под конец предательство ближайших соратников. Но я надеюсь, Михаил Сергеевич вскоре сможет вернуться к своим обязанностям.

– Но, господин генерал…

– Я уже ответил на ваш вопрос. Следующий.

Журналисты быстро поняли завуалированный намек Бугрова, посыпались вопросы о возможных изменениях политики Советского Союза. Здесь пришлось взять микрофон Павлу Шумилову. Быстро справившись с волнением, Павел Николаевич четко и коротко отвечал на вопросы. При этом он старался не озвучить ничего конкретного. Нельзя

было обижать ни левых, ни правых.

– Сейчас жизненно необходимо продолжать реформы. Нам необходимо, сохраняя все важнейшие завоевания Октября, продолжить либерализацию общества.

– Александр Базанов, «Вечерняя Москва». Скажите, каким вы видите отношение к частной собственности? Этот вопрос волнует наших читателей.

– Нормальным, товарищ Базанов, нормальным. Кооперативное движение и частное предпринимательство уже доказали свою жизнеспособность. Нельзя отказываться от полученного опыта, а наоборот, надо развивать и углублять новые экономические отношения.

– Товарищ Шумилов, – поднялся молодой человек в очках, – Петр Горшков, «Труд». Не значит ли ваша последняя фраза, что вы собираетесь передать социалистическую собственность в руки капиталистов?

– Нет, не значит, – жестко произнес Шумилов, – вся социалистическая собственность останется в руках народа. И будет управляться социалистическим государством. Это принципиальный вопрос – не ломать существующие отношения, а дополнять их новыми, но в рамках закона и социальной справедливости.

После этого заявления в зале зашумели, раздались выкрики с мест, но вскоре все успокоилось. В пятом ряду поднялся невысокий лысоватый мужчина.

– «Аргументы и Факты», Антон Цветников. Скажите, что будет с защитниками Белого дома и президентом Ельцовым? Нам известно, что многие люди до сих пор находятся под арестом, их судьба вызывает законные опасения.

– Все задержанные во время разгона демонстрации будут отпущены по домам после установления личности, – ответил Арсений Степанович.

– Но нам известно, что президент Ельцов до сих пор под арестом. Надеюсь, его личность не надо устанавливать?

– Да, его личность и так известна. Сейчас гражданин Ельцов дает показания по поводу вчерашних событий. – После этих слов на мгновение повисла тишина, затем зал взорвался.

Бугров спокойно выдержал время, давая журналистам прокричаться, затем взял в руки микрофон.

– Тихо! Прошу минуту тишины. Вот такто лучше. – Арсений Степанович дождался тишины и продолжил: – Ельцов ни в чем не обвиняется, он, как законопослушный гражданин СССР, оказывает помощь следствию. Это прямая обязанность каждого гражданина. Вы прекрасно

понимаете, что сейчас необходимо по горячим следам выяснить всю подоплеку путча и степень участия в событиях известных лиц. А показания такого человека, как Борис Ельцов, очень важны и могут пролить свет на многие тайные страницы путча.

Ответ был исчерпывающим, к счастью, не прозвучало ни одного обвинения в адрес Ельцова. Присутствующие на конференции сторонники ГКЧП уловили смысл фразы «дает показания» и истолковали её посвоему. Затем последовали новые вопросы.

Ближе к вечеру в кабинет Павла Шумилова вошёл посыльный в звании лейтенанта и попросил пройти на совещание к Бугрову. Сегодня никому не удалось вырвать ни минуты для сна, а впереди маячила вторая бессонная ночь. Павел Николаевич облюбовал один из кабинетов Министерства обороны и до самого вечера пытался вникнуть в свалившиеся ему на голову дела. Само собой получилось, что он, как единственный из участников переворота, имеющий экономическое образование и знакомый с финансовой деятельностью, возглавил Кабинет министров. Не сказать, что это его сильно обрадовало, работы было море. Требовалось быстро вникнуть в положение дел, замкнуть на себя министерства и ведомства. А самое главное, пользуясь моментом, быстро убрать мешающие работе препоны и межведомственные барьеры. И люди, люди и еще раз люди. Шумилов весь день висел на телефоне и вызывал к себе нужных товарищей, по капле собирал необходимую информацию. Дело осложнялось тем, что многие функционеры сегодня не вышли на работу, а некоторые, видимо, решили быстренько эмигрировать. Только в первой половине дня Павел Николаевич провел более дюжины новых назначений, ориентируясь больше по своим спискам и первым впечатлениям от вызванных для беседы людей.

Выслушав посыльного, Шумилов молча кивнул и последовал за ним. Дверь кабинета он закрывать не стал, все равно у кабинета на страже стояли двое солдат. Предосторожность, на которой настоял Строгов. Кабинеты Бугрова и Шумилова располагались рядом. Войдя к Арсению Степановичу, Павел Шумилов обнаружил там, кроме хозяина, Володю Строгова, Дмитрия Тихомирова и еще двоих офицеров.

– Чем обрадуешь? – вместо приветствия поинтересовался Бугров, поднимая глаза на вошедшего.

– Паршиво! Денег нет, золота нет, в стране бардак, инфляция и полный хаос.

– Ничего нового. Идеи есть?

– Идеи? Их есть у меня. – Шумилов сел напротив Бугрова, не забыв

кивнуть остальным присутствующим. – Думаю, к завтрашнему дню подготовлю пару проектов.

– А конкретнее? – короткие раздражительные фразы Бугрова говорили о том, что он смертельно устал. Павел это прекрасно понимал и игнорировал раздраженный тон своего собеседника.

– Как мы и планировали. Надо продать излишки фондов населению. Разрешить выкуп малых предприятий.

– Так разворуют же половину, – скептически заметил Тихомиров.

– Разворуют, – согласился Строгов, гася в полной окурков пепельнице сигарету, – но так мы хоть чтонибудь получим. И лишние деньги вытянем из населения. А в противном случае, как ты и сказал, все разворуют подчистую. Павел Николаевич прав. Надо срочно распродавать все лишнее, малые предприятия, резервные фонды, предприятия торговли. Это Живые деньги в обороте и препятствие для инфляции.

– Завтра Горби прилетает, – заметил Бугров, – готовьтесь принять власть.

– Один или с Раисой?

– Один, – при этих словах на лице Арсения расцвела мечтательная улыбка. – Встречаем в аэропорту, везем в Кремль и быстро решаем все формальности. С ним уже переговорили, так что осложнений не будет. А потом его на пенсию, пусть здоровье поправляет.

– А может, его того? – Павел провел ладонью по шее.

– Нет, он нужен живым. Живым и здоровым пенсионером, как и Ельцов. Главное, первые дни до прессы не допускать, а затем, когда все успокоится, пусть клевещет. Все равно никто уже не поверит.

– Паша, ты без кредитов сможешь обойтись? – неожиданно поинтересовался Строгов.

– Могу и собираюсь. А в чем дело?

– Тут во всем мире большой хай и шум подняли. Все ратуют за Горби и Борю, грозятся нам бойкот устроить.

– Ерунда, – заявил Бугров, – полная ерунда. Поорут и успокоятся. Тем более что Япония заинтересована в нас больше, чем мы в ней. Они уже звонили, зондировали отношения. Американцы и англичане официально будут выражать недовольство, но пойдут на контакт. Им это нужно. Все равно они будут торговать, и долгов Горби набрал, они захотят вернуть свои деньги. Полчаса назад звонили из американского посольства, они готовы к диалогу.

– Это хорошо. Значит, будем наводить мосты.

– Между прочим, у нас есть не только враги, но и друзья. – С этими

словами Бугров протянул Шумилову лист бумаги. Это была международная правительственная телеграмма от ливийского лидера Муара Каддафи.

«Генералу Арсению Бугрову, исполняющему обязанности президента СССР. Мы рады поздравить Вас с Вашим смелым историческим деянием. Оно, мы надеемся, выведет СССР из смертельного кризиса, в который он ввергнут в результате широкомасштабного империалистического заговора, направленного не только против Советского Союза, но и против всех народов мира. Мы поддерживаем Ваш поступок со всей решительностью, ибо объединенный Советский Союз, как вторая мировая сила, жизненно необходим для дела мира во всем мире, которым повсюду подвергается угрозе по причине того, что сейчас действует одна варварская сила. Силы, враждебные свободе, миру и прогрессу, возможно сдержать только силой, ибо они не знают моральных и нравственных ценностей. СССР исторически является фактором сдерживания колониализма и империализма. Совершенное Вами великое деяние поддерживают все народы третьего мира, подвергающиеся насилию и разобщенности в результате злостных намерений империализма. Это деяние очень важно для возрождения мирового престижа СССР, а также для восстановления единства, столь необходимого для народов и территорий СССР. Мы подтверждаем приверженность Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии крепкой исторической дружбе с СССР, которой мы ни при каких условиях не поступались. Ливия выступает за обеспечение дела мира, социализма и свободы всех народов и своих принципов, в отличие от колеблющихся, слабых и алчных. Мы поддерживаем Вас и стоим вместе с Вами. Да здравствует революционная борьба во имя свободы, социализма и мира!»

Глава 18

Мирный закат. 1999 г.

Два «Су27» легко оторвались от бетонной полосы аэродрома Приштина. Мощные двигатели с ревом гнали боевые машины в небо. Сразу после взлета набрав высоту, Сергей плавно перевел машину в горизонтальный полет и, мельком взглянув на приборы, выровнял курс. Еще один взгляд на дисплей. Все приборы в норме. Скорость 1900 километров в час, высота 12 километров. Луч поискового радара неустанно ощупывал пространство в поисках опасности. Под крыльями машины подвешены ракеты «воздух – воздух», восемь стальных сверхскоростных дьяволов с чуткими головками самонаведения, способных разорвать в клочья любой самолет. И наведение от нашлемного целеуказателя – это лишние секунды в бою. Ракеты наводятся туда, куда смотрит пилот. В носовом обтекателе спрятана 30мм пушка, последний аргумент, когда кончаются ракеты. Сергей любил эту машину, надежная, маневренная, скоростная, с мощным вооружением, прекрасным боевым информационноуправляющим комплексом, помогающим летчику ориентироваться в ежесекундно меняющейся обстановке современного боя. Настоящий фронтовой истребитель, самолет завоевания и удержания превосходства в воздухе. А кроме того, «Су27» мог решать ударные задачи. Как и большинство современных истребителей.

– Грифон, вы прошли точку Валун1, – прозвучал в наушниках неистребимый рязанский акцент наземного поста.

– Вас понял, поворачиваю.

После прохождения точки, Сергей повернул налево на 80 градусов, одновременно снижаясь до трех километров. Уже здесь, над Сербией, чуткие локаторы истребителя улавливали отзвук мощных радаров кружившего над Македонией «Сенти». Здоровенный «Боинг», летающий радарный пост, барражировал почти над границей, следя за югославской авиацией. Впрочем, он был далеко, два истребителя вовремя снизились и ушли из зоны действия его радара.

Сбросив скорость и снизившись почти до земли, машины шли вдоль границы с Албанией. Фотоаппаратура и контейнеры с разведывательной аппаратурой были включены, засекая любые искусственные объекты, любое движение, любое малейшее изменение на той стороне. Такие облеты совершались регулярно, это позволяло засекать караваны с оружием для сепаратистов. Горную границу сложно прикрыть только наземными

постами, и авиация приходила на помощь пограничникам. Иногда для разгрома караванов вызывали штурмовики и вертушки. Это была обычная боевая работа, повседневная, тихая война.

«Сенти» кружил гдето в 150 километрах южнее, опасаясь приближаться к югославскому воздушному пространству. Несущиеся над самой землей истребители были не видны на его радарах. Оставалась еще опасность быть засеченным наземными постами, но при этом бортовая аппаратура самолетов и сама фиксировала вражеские посты технической разведки. Палка о двух концах.

– К вам приближаются четыре скоростные воздушные цели, – бесстрастно проинформировал командный пункт, – рекомендую уйти за высоту 912.

Все ясно, сербская ПВО не дремлет. Видимо, расположенный на высоте у границы радарный пост засек самолеты НАТО и вовремя передал информацию в штаб округа. Или сработал спутник, в последние месяцы югославские летчики регулярно получали свежие данные из космоса. Балканский кризис послужил причиной того, что Советский Союз довел до оптимального уровня свою орбитальную группировку, полностью завершив программы «Легенда» и ГЛОНАСС.

На приборном дисплее истребителя возникла сиреневая отметка идущих плотным строем самолетов противника. Точно, данные из космоса, передаваемые по аппаратуре «Бирюза». Это хорошо. Сергею объясняли, что «Легенда», даже в своем полном составе, не может круглосуточно держать на прицеле Балканы и Адриатику. Периодически появляются окна. Почему? Видимо, дело в особенностях спутниковых орбит. В общем, Сергей понял только одно: не надо слишком полагаться на космос, лучше ориентироваться на данные наземных и воздушных постов.

Сбавив скорость до минимума, Сергей закрутил вираж, уходя в радиотень тянущейся вдоль границы высоты 912. Ведомый с четкостью робота повторил маневр. Сиреневые отметки постепенно сместились вниз экрана и через некоторое время совсем исчезли. Звено истребителей противника разминулось с патрульной парой. А «Сухие» вернулись к своей полосе патрулирования. Вскоре на дисплее замигал зеленый сигнал. Автомат определил, что они подошли к очередной точке поворота. Дальше не нужно красться над самой землей. Старший лейтенант Горелов начал набор высоты, обеспечивая аппаратуре максимальный радиус охвата, и пошел над Албанией. Прямо по курсу был аэродром Ринас, с недавних пор облюбованный американцами. Самолет шел по приборам, не было необходимости привязываться к местности, это за летчика делала бортовая

ЭВМ. Система предупреждения о радарном облучении негромко пищала, сообщая, что истребители засечены противником. Скорее всего это «Сенти», но это уже не имело значения, через четыре минуты внизу в вечернем сумраке вспыхнули огни, яркими мигающими ниточками обозначавшие летное поле и взлетнопосадочную полосу.

«Идиоты, – усмехнулся про себя Сергей, – даже не скрываются. Сюда бы эскадрилью штурмовиков». В подтверждение его мыслей под крылом «Су27» проплыли ровные ряды самолетов и вертолетов. Уже на отходе, по паре югославских истребителей скользнул луч зенитного комплекса, но было поздно, форсируя двигатели, разведчики умчались на запад, вдогонку за заходящим солнцем.

Внизу расстилалась Адриатика. Море легенд и сказаний. Когдато его бороздили греческие триеры, здесь плавал хитроумный Одиссей, пятнадцать лет добираясь до родной Итаки. Затем греков сменили гордые римляне, а потом пришло время жарких сражений венецианцев с алжирскими и турецкими пиратами. На смену лихим абордажным галерным схваткам пришли дуэли парусных линкоров, както незаметно перешедшие в баталии броненосцев. Кто только ни бороздил Адриатическое море, врезавшееся узким клином между Италией и Балканами, сотни и тысячи кораблей лежат на его дне. Со временем менялась техника, на смену парусам и веслам пришли турбины и дизели, впередсмотрящего в «орлином гнезде» заменили чуткие радары и эхолоты, даже, казалось бы, вечный компас постепенно вытесняется спутниковыми приборами GPS и ГЛОНАСС. Не изменились только люди, привыкшие в каждом встречном видеть врага. И пусть бронзовые пушки и абордажные сабли сменились высокотехнологичными «Гарпунами», «Томагавками», «Москитами», «Гранитами», «Яхонтами», «Экзосетами», «Габриэлями», все равно людей не изменить.

Об этом могло думать древнее море, лениво вздымавшее на своей волне авианосцы «Фош», «Инвинсибл» и десяток кораблей помельче. В глубинах, на самом дне, лежали три черные с антисонарным покрытием стальных корпусов атомные субмарины. Южнее в Средиземном море крейсировали сверхтяжелые атомные авианосцы «Рузвельт» и «Америка». А в восточной части Адриатики, у входа в небольшой залив, облюбованный людьми в незапамятные времена и превращенный в порт, дрейфовал крейсер «Рюрик». Новейший корабль, введенный в строй всего год назад. Вытянутый стремительный силуэт, две трехорудийные башни перед носовой надстройкой, нацелившие на море свои 180мм орудия, спрятанные в корпус шахтные барабанные зенитные установки «Форт».

Выглядывающие изпод крыльев мостика контейнеры со смертоносными сверхзвуковыми «Яхонтами». Скрытые в вырезах корпуса торпедные аппараты и реактивные бомбометы в оконечностях. Ажур радарных постов и скупая утилитарная красота ракетноартиллерийских модулей «Кортик». Это и есть крейсер «Рюрик» – живое воплощение концепции «Артиллерийского крейсера XXI века». Совсем не гигант, всего 16 тысяч тонн водоизмещения, океанские рейдеры класса «Киров» гораздо крупнее, но и не маленький – большинство его потенциальных противников мельче. Крейсер, готовый обрушить на берег шквал тяжелых снарядов, обеспечить высадку десанта, поддержать войска на приморском фланге. И в то же время полноценный боевой корабль, способный дотянуться до противника огненными стрелами «Яхонтов», обеспечить непробиваемый зонтик ПВО, а в случае необходимости обнаружить и потопить подводную лодку. К слову сказать, это не входит в круг его основных задач, но на палубе стоят два вертолета, а в боекомплекте имеются противолодочные торпеды. Но самое главное, выгодно отличающее «Рюрик» от других кораблей, это 120мм бронепояс и 70мм палуба со скосами. Пока «Рюрик» – единственный корабль в своем роде, если не считать остающиеся на плаву крейсера времен Второй мировой, но уже проходит испытания на севере его родной брат «Аскольд». На чертежных досках проектировщиков прорисовываются контуры еще более мощных 35тысячетонных тяжелых крейсеров «Ретвизан», «Молотов» и «Свердловск». Они будут нести 305мм новые орудия, атомные реакторы и 240мм пояс, но в строй войдут только в следующем веке.

А в Средиземном море, в нейтральных водах у входа в пролив Отранто, крейсирует авианосец «Адмирал Кузнецов» с сильным многочисленным эскортом. Корабль не самый большой в своем классе, всего 48 самолетов и 12 вертолетов, но зато у него на борту вдобавок к авиагруппе имеется 12 ракет «Гранит». Могучие дьяволы, прорывающиеся к цели на бреющем полете с сумасшедшей сверхзвуковой скоростью, способные доставить более чем полутонную боеголовку на 550 километров. Может быть, слишком тяжелые, но тем хуже тому, в кого они попадут. Разумеется, наводятся они только от внешних целеуказателей, радары авианосца неспособны засечь надводную цель дальше, чем за 150 километров. Дальше мешает естественная кривизна Земли. Но у «Кузнецова» имеются самолеты, которые могут взять на себя обязанности разведчиков, а на орбите кружатся спутники, способные засечь «Жигули» на горной дороге, а не только корабль в море. Затем достаточно заложить в электронные мозги ракет координаты цели, и они вырвутся из своих

подпалубных контейнеров смертоносным мыслящим роем.

Но это в самом крайнем случае. Пока корабли Средиземноморской эскадры не собираются вступать в бой. Вельтполитик. Эскадра должна обеспечить беспрепятственную проводку конвоев, наблюдать за разгорающимся конфликтом и действовать на потенциального противника одним своим присутствием. Лучшие места в зале уже заняты. Бинокли нацелены на сцену, тухлые яйца и гнилые помидоры припасены целыми ящиками. Ждемс выхода актеров. Актеры готовы. Баки заправлены, ракеты и бомбы подвешены, цели распределены. Полторы тысячи боевых самолетов сосредоточены на аэродромах Южной Европы. Все готово, господа зрители, пусть только обнаглевшие сверх меры русские уберутся из Адриатики, и можно начинать очередной «урок демократии».

Но это главные актеры, а мелкие, третьестепенные персонажи уже всеми силами внедряли «либеральные общечеловеческие ценности» в обреченной стране. На фоне закатного солнца горело село. Огонь весело поглощал хаты, на улице пылала машина, изредка гремели взрывы. Удар был нанесен неожиданно, молниеносно, грамотно. Небольшая деревенька и все ее обитатели были обречены. Бандиты прекрасно знали местность, половина из них родилась в Косово. Они хорошо знали это село, его жителей, раньше часто ходили в гости, поговорить о жизни, выпить глоток крепкого узо или кувшин виноградного вина. Соседи, старые соседи. А сегодня они пришли убивать. Просто за то, что соседи говорят посербски и не делают обрезание. За то, что сербы дали приют их предкам полвека назад, впустив в Косово беженцев из Албании. Закон жизни: ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Банда подкралась к селу на закате, когда люди были в своих домах, ужинали или ложились спать. Окружили село с трех сторон, открыли огонь и пошли вперед. Убивая всех встречных. Люди выскакивали на улицу безоружные, не понимая, что случилось, и падали под пулями албанцев. Многие погибли в первые же минуты, но это была хорошая легкая смерть, от пули или осколка гранаты. Гораздо хуже было попасть в руки албанцев. В этом случае живые завидовали мертвым.

Но не все было так просто. После первых минут паники мужчины схватились за оружие. Пусть у большинства гладкоствольные охотничьи ружья, а у бандитов китайские автоматы и гранатометы. Албанцев было немного, человек 35–40, но они были хорошо вооружены, организованы, и на их стороне была внезапность. После первого успеха в селе то тут, то там вспыхивали очаги сопротивления. Люди понимали, что пощады не будет, и дрались ожесточенно, стараясь подороже продать свою жизнь. Когда загонят в угол, а за спиной малые дети, и с вилами пойдешь на

вооруженного до зубов автоматчика. К счастью, в селе оказалось несколько молодых парней из расквартированного в двадцати километрах бронетанкового полка. Они приехали в село вечером, навестить своих невест, обговорить будущие свадьбы. Дежурный офицер, подписывавший увольнительные, настоял, чтобы ребята взяли с собой автоматы. Повезло. Албанцы с ходу захватили больше половины села, но дальше продвинуться не смогли. Их встречали частые ружейные выстрелы. А из трех хат на центральной улице били короткие автоматные очереди.

Получив по зубам, бандиты залегли и обрушили плотный огонь на ополченцев. Выстрелы гранатометов сносили стены домов, а плотный автоматный огонь прижимал к земле тех, кто пытался выбраться на улицу, найти новое укрытие. Неожиданно для сербов банда, натолкнувшись на сопротивление, не отошла, а продолжила наступление. Бой затягивался, начались пожары. Дым и огонь мешали и бандитам, и ополченцам, но у албанцев были только молодые здоровые мужчины, а сербам приходилось в первую очередь спасать своих детей, женщин и стариков.

Все объяснялось просто. Начавшееся восстание инсургентов в Косово было быстро и четко сведено к отдельным тлеющим очагам, к таким вот вылазкам разрозненных банд. Кровавую вакханалию албанцев подавили войска. На большей части края царил мир, а лидеры АОК требовали от полевых командиров добиться какихнибудь успехов. Восстание стоило дорого – переброска оружия, подготовка боевиков, создание необходимого общественного мнения. Деньги были уже потрачены, требовалось доказать, что не зря.

Поднятый по тревоге стрелковый батальон с боем прорывался через заслоны на горной дороге. Всего полчаса назад пришло сообщение о нападении боевиков на село. Бандиты хорошо подготовились к акции. На единственной дороге были оставлены засады. Батальон уже потерял две БМРД в скоротечной яростной перестрелке с засевшими у дороги албанцами. Машины были подбиты гранатометами, три человека погибли, еще двое получили ранения. А затем пришло возмездие: огонь тяжелых пулеметов и скорострельных пушек БМП перемешал засаду с землей. Спешившаяся пехота, прочесав окрестности, добила оставшихся врагов. А затем по машинам, и вперед! Побелевший от злости комбат рвался к селу. Успеть! Дойти! Спасти хоть когото. Там ведь женщины, дети!

Но не пройдя и трех километров, колонна наткнулась на новую засаду. На этот раз боевики плотно оседлали две поросшие лесом высотки и петляющую между ними дорогу. Обходного пути не было. А сбить засаду можно было только хорошо подготовленным штурмом. Майор доложил по

рации о возникшей проблеме, но при этом прекрасно понимал, что начальство ничем не сможет помочь. Обычная формальность. Рядом не было других частей, чтобы прийти на помощь селянам. Солдаты не теряли времени даром, редкими цепочками и маневренными группами они обходили позиции боевиков. Медленно продвигались вперед под прикрытием огня бронемашин. Можно было броситься в атаку, наплевав на потери. Но это ничего не давало. У албанцев была слишком хорошая позиция. Четыре пулемета, полдюжины гранатометов и реденькие цепочки постоянно меняющих позиции автоматчиков господствовали над местностью и блокировали продвижение батальона.

Подмога пришла неожиданно. Из надвигающейся темноты вырвались две четверки самолетов. Разделившись на две группы, штурмовики согласованно с разных сторон спикировали на высотки. Сначала массированный залп ракетами. На позициях боевиков выросли дымные столбы разрывов. До югославских солдат, с восторгом глядящих на небо, докатился оглушительный грохот. Затем от прошедших над самыми верхушками деревьев самолетов отделились контейнеры, и по склонам холмов потекли потоки напалма. Пехота, поднявшаяся в атаку, пока выжившие албанцы не очухались, быстро довершила дело. Путь был свободен. Еще через восемь минут батальон ворвался в горящее село, давя бандитов огнем и колесами. Они успели.

А в это время по дорогам благословенной мирной Черногории сплошным потоком тянулись колонны грузовиков. В порту Бар под яркими лучами трюмных люстр бригады докеров безостановочно в три смены разгружали огромные трюмы судов. Работа шла быстро. Люди работали без перекуров, без отдыха, на пределе возможностей. Как только один сухогруз, опорожнив свои трюмы, отваливал от терминала, на его место тут же вставал другой. Людей не требовалось подгонять, они прекрасно понимали, как важно успеть принять груз, отсортировать его и вывезти по назначению. Большая часть грузов этого конвоя предназначалась для армии. Приближался судный день. Солдаты из охраны железнодорожных составов и сопровождения грузовиков работали наравне с грузчиками и докерами. Люди боялись не успеть. Почти не было слышно крепкой морской брани и острых соленых шуток, лишь изредка ктонибудь с легким матерком бросал взгляд на темнеющее небо. Или с надеждой – на замершие на волноломах громоздкие квадратные силуэты «Тунгусок».

Два истребителя шли над морем. Высота всего 200 метров, больше и не надо. Самолеты идут по приборам, по наведению со спутников, а малая высота полета не позволит противнику обнаружить их раньше времени.

– До входа в зону ближней ПВО остается пять минут, – прозвучал в наушниках голос Земли, – приготовьтесь.

Сергей молча кивнул, как будто офицер на командном посту мог его увидеть. Они сохраняли радиомолчание, нет необходимости раньше времени выдавать свое присутствие. Радары выключены, если навигационные приборы ошибутся, самолеты могут легко промахнуться, ударив мимо цели. И ошибка будет видна, только когда на горизонте возникнет берег Италии. Сергей Горелов обернулся назад. Ведомый шел четко, как привязанный. А ведь он лишь четыре месяца назад сел за штурвал «Сушки». До этого лейтенант Радован Милович летал только на «МиГ21». Быстро научился, молодец.

После последнего выхода Земли на связь прошло три минуты, на приборной панели мигнула лампочка «Березы», и раздался тонкий противный писк. Все, они обнаружены эскортом. Сергей потянул штурвал на себя, одновременно передвигая рычаг газа на максимум. В глазах потемнело от перегрузки. Самолет буквально прыгнул вперед, разгоняясь с набором высоты. Далеко не все истребители могли совершить такой трюк. Но «Су27» был способен на многое. Сергей, не глядя, ткнул пальцем в приборную панель. Дисплей высветился яркой картинкой радарного изображения. Вокруг рябило от отметок кораблей. Прямо по курсу, в какихто тридцати километрах, горели яркие радиолокационные силуэты двух авианосцев. Вокруг них светились силуэты не менее десятка более мелких кораблей. Немного южнее выделялись четыре крупных силуэта, видимо, транспорты. На самолетах включилась вся разведывательнонаблюдательная аппаратура. Как только они поднялись над радиогоризонтом, в них впились радары НАТО. У Сергея засосало под ложечкой, вдруг какойнибудь идиот нажмет на «Пуск». Мало кто осмелится стрелять по советским самолетам, но на крыльях «Сушек» югославские звезды. Всяко может быть.

Внизу проплыл французский фрегат класса «Команданте Ривер». Сергей в пологом скольжении снизился до трехсот метров, прямо перед ним во всей своей красе предстал авианосец «Фош». Огромный корабль, освещаемый закатным солнцем, медленно плыл по волнам. На его палубе, размером с десять футбольных полей, стояли шесть истребителей «Крусайдер». Была видна суета моряков на островной надстройке и около самолетов. На корме целый взвод занимался строевой подготовкой. Сергей снизил скорость до 900 км/час и прошел прямо над палубой авианосца. Успев при этом помахать рукой замершему у стартовой катапульты морячку. Затем плавно выжал газ и сбросил пару облачков дипольных

отражателей. Береженого бог бережет. Вдруг у когонибудь внизу не выдержат нервы. Чуть в стороне от курса истребителей остался британский «Инвинсибл», но на сегодня хватит. Хорошо, что французы не подняли в воздух истребители, никто не путался под ногами. Впрочем, палубный «Крусайдер» – старье порядочное, но все равно могли помешать, оттереть от авианосца.

Сейчас главное – довезти фото и видеопленки и контейнеры с аппаратурой до аэродрома. Завтра же все материалы, касающиеся албанского аэродрома и союзной эскадры, отправят в Москву. А там пусть специалисты разбираются, тем более фотографии «Фоша» должны получиться великолепными. Хоть на фотовыставку отправляй. А сейчас домой, домой, главное – долететь спокойно, без приключений. И керосина осталось меньше половины бака.

Глава 19

Полная готовность. 1999 г.

– Начнем, господатоварищи, – Арсений Бугров пододвинул к себе чистый лист бумаги и взял авторучку. Сегодня на совещании Совета Безопасности присутствовали только шесть человек, те, кто был посвящен в самые важные и ключевые моменты югославского вопроса. Те, кто отвечал за конкретные направления работы. Кроме Председателя Верховного Совета Бугрова и Секретаря Совета Безопасности Бориса Старо в кабинете находились маршалы Игорь Дмитриевич Семенов и Виктор Евгеньевич Андреев, Председатель КГБ Вячеслав Иванович Трубачев и, разумеется, Шумилов Павел Николаевич. Только люди, владеющие реальными рычагами влияния на события мировой политики.

– Наши предварительные прогнозы оправдались, – первым высказался Трубачев, – наступление на Югославию начнется через неделю, 16 или 17 февраля. Уже через два дня следует ожидать резких демаршей США и эвакуации из Белграда американского посольства и представителей связанных с Америкой международных организаций. Основные ударные силы сконцентрированы на аэродромах Италии, Боснии, Венгрии, Албании и Англии. Силы флота 14 февраля произведут приемку топлива и необходимых припасов. Нам известно, что в Англию перебазированы стратегические бомбардировщики «B1» и «B52». Кроме того, в операции «Союзная сила» примут участие «Стелсы» «B2A».

– Сколько у них самолетов? – задал вопрос Бугров, не отрывая глаз от листа бумаги.

– Примерно 1500 боевых машин и около 800 обеспечивающих, это в основном силы США, кроме того – Италия, Англия, Франция и несколько мелких союзников.

– Мы это переварим, – прокомментировал последние слова маршал авиации Андреев. – Со своей стороны могу сказать, что Югославия полностью готова к войне. Мы имеем четыре полнокровных полка «Су27» и «МиГ29», два истребительноштурмовых полка «МиГ23» и «МиГ21», отдельные штурмовые и разведывательные эскадрильи «Огао» и «Super Galeb». Это оптимальное количество самолетов для данного театра военных действий. Наземная ПВО насыщена средствами РЭБ и сформирована по типу «Бастион». К минусам можно отнести отсутствие самолетов радиолокационного дозора и управления, но это компенсируется наземной и космической системой разведки.

– Может, стоило поставить им самолеты ДРЛО?

– Нет, Вячеслав Иванович, при такой системе базирования и таком противнике мы не сможем обеспечить их боевую устойчивость.

– Проще говоря, нет тыла, – продолжил за Андреева Семенов, – это самое слабое место нашей обороны.

– Американцы скорее всего нанесут ночные массированные удары по тремчетырем основным направлениям, – продолжил доклад Председатель КГБ. – Это Черногория, Воеводино, Белград и, возможно, Косово. Основные цели: РЛС, средства ПВО, аэродромы, мосты, промышленные объекты. В первой волне пойдет 400–500 самолетов плюс машины разведки и дальнего обнаружения, кроме того, будет применено 300 крылатых ракет морского и воздушного базирования. Через два часа пойдет вторая волна, это еще 500 машин.

– Серьезно, – задумчиво произнес Верховный, – это, кажется, самая масштабная операция США после Вьетнама. Как будете встречать, Виктор Евгеньевич?

– Как и положено, огнем. Основную нагрузку возложим на наземную структуру. В поддержку выделяем два полка истребителей. Еще два полка, это «Су27» и «МиГи» с дальними ракетами, по первой тревоге выходят на перехват АВАКСов, это первоочередная цель. Кроме того, эти силы должны перехватывать отходящие поврежденные машины. Вторую волну будем встречать только наземными силами и старыми истребителями. Остальные просто не успеют заправиться и пополнить боекомплект.

– Хорошо. Каков ожидаемый уровень потерь?

– Трудно сказать, – немного помедлив и потерев подбородок, продолжил Андреев, – по самому жесткому варианту в первую ночь мы потеряем от четверти до трети наземной ПВО и не менее тридцати самолетов. При этом уничтожим 300–400 самолетов НАТО.

– У меня один вопрос. – Доселе молчавший Шумилов повернулся к Андрееву: – Необходимо сбить как можно больше «Стелсов» как «B2A», так и «F117».

– Они и так понесут потери. Тем более что их сверхкачества – не более чем пропагандистский трюк.

– Я прекрасно понимаю мысль Павла Николаевича, – вмешался Трубачев, – чем меньше останется «Стелсов», тем легче будет вести последующее наступление.

– Ничего конкретно не обещаю, но передам указания нашим советникам, – пожал плечами Андреев и продолжил доклад: – Мы не можем сказать точно, будет ли повторение ударов НАТО следующей ночью,

или они займутся перегруппировкой сил, но мы в любом случае нанесем воздушные удары по ближайшим аэродромам альянса.

– А если они со свойственной им самоуверенностью не снизят активность после первого сражения?

– Значит, нашим ударным эскадрильям будет проще прорваться к цели. Больше машин в воздухе, больше шансов остаться незамеченными. Заодно все уцелевшие новые истребители посылаем на отстрел оставшихся у противника АВАКСов. Югославы хотят попутно передать огненный привет американским миротворцам в Боснии, думаю, это хорошая идея.

– Разрешите напомнить, – вмешался Старо, – вы поставили сербам новейшие противокорабельные ракеты.

– Не такие уж и новейшие, – усмехнулся Семенов, – мы их применим против союзных сил в Адриатике. Это «Фош» и «Инвинсибл», до американских авианосцев в Средиземном море мы, к сожалению, не дотянемся. Время удара пока не определено, это зависит от оперативной обстановки на ТВД.

– Первая ночь – 300–400 машин, второй удар – столько же, – негромко произнес Верховный, продолжая черкать бумагу, – значит, через тричетыре дня они выдохнутся и, возможно, начнется наземное наступление.

– Я в этом не уверен, – с нажимом ответил Виктор Андреев, рубанув ладонью в воздухе. – По всем американским уставам и наставлениям наступление возможно только после полного завоевания господства в воздухе. Максимум, чего можно ожидать, это усиления активности боевиков.

– Они пойдут на признание прав Сербии? – вопрос адресовался Трубачеву.

– Нет, Арсений Степанович, после такой трепки для них любое соглашение с Югославией будет равнозначно поражению. – В глазах Вячеслава Ивановича плясали веселые озорные искорки. – Скорее всего они перейдут к пассивному противостоянию и развернут массированную кампанию в СМИ с целью доказать всему миру свою «победу» и свое миролюбие. А уже затем возможны переговоры и уступки.

– Главное – не победить, главное – всех убедить в своей победе, – под общий смех прокомментировал Верховный.

– После начала активной стадии «Союзной силы», думаю, все с этим согласны, мы начнем и свое информационное наступление. – Трубачев обвел взглядом присутствующих. – Задача моей службы – обеспечить доступ журналистов в зону боевых действий, помочь им получить максимально большой объем информации о потерях НАТО и довести

материалы до редакций.

– Добавлю, надо будет передать в СМИ фото и видеоматериалы югославских ВВС и полиции.

– Спасибо, Борис Карлович, так и сделаем. Мы должны повергнуть общественность в шок.

– Как будете освещать потери Югославии?

– Думаю, немного уменьшим, Арсений Степанович, но основной акцент будем делать на выпячивании и осмеивании неизбежных ошибок и проколов пропаганды противника: «Из двадцати самолетов, участвовавших в бою, сбито пятьдесят».

– Хорошо. После такого американцы не смогут пойти на попятный. Они будут обязаны любым способом добить сербов и сплясать на их могиле. Но европейские союзники, естественно, не захотят терять солдат и нести расходы.

– У американцев, кроме союзников, появятся новые заботы. Через два дня после начала войны мы открываем учения «Конвой» в Северной Атлантике.

– Какие силы выведете, товарищ Семенов?

– «Варяг», «Киев», 5 ракетных крейсеров, 12 подводных ракетоносцев, в сопровождении до сорока эсминцев, ВПК и СПК, торпедные подлодки.

– Почти весь Северный флот?

– Да, на базе остаются «Устинов», «Аскольд» и старые корабли. К учениям привлекаем дальнюю авиацию, четыре авиаполка. В то же время восточнее Курил будут маневрировать «Горшков» и все 3 новых тихоокеанских крейсера. Над Японским морем устраиваем большие учения авиации, со стрельбами по мишеням.

– Значит, на этом первая фаза заканчивается, – подвёл итог Бугров.

– И начинается основная фаза операции «Снежная жара», – продолжил за Верховного Шумилов. – Мы имеем значительные военные и политические потери США в Европе, истерию в прессе, раскол в НАТО, недавно закончившийся мировой кризис. Кроме того, мы смогли выкупить почти все долларовые запасы у нашего населения. Осталось только 35 миллионов. Могу добавить, Германия отказалась от участия своей армии в «Союзной силе».

– Очень хорошо, Павел Николаевич, – улыбнулся Бугров, он понимал, что неучастием немцев в операции он обязан именно Шумилову, его хорошим отношениям с Гельмутом и жесткой политикой в Европе.

– Поведение Израиля? – спросил Старо.

– Нейтральное. Они не могут поддерживать мусульман, но и не

выступят против позиции НАТО в европейском вопросе. – Ответив Старо, Павел Николаевич вернулся к своему докладу по «Снежной жаре». Основные вопросы были решены, все резервы подготовлены, силы подтянуты, исполнители получили необходимые инструкции, осталось только несколько мелких деталей, не влияющих на стержневую линию операции. Наконец обсуждение завершилось. Павел Николаевич выдержал короткую паузу и, не дождавшись новых вопросов, залпом опрокинул стакан минералки. Арсений Бугров в полной тишине, нарушаемой только тихим звяканьем стакана, убрал в стол исписанные листы.

– Работаем, господатоварищи, работаем. Времени осталось мало, а от реализации этого плана зависит наше будущее.

Вечером Павел Николаевич поехал сразу домой. Никаких поздних планерок, никаких внеурочных дел. Времени только полшестого, настроение у Шумилова было приподнятое, а в кармане костюма лежал маленький подарок Марине, два билета в Малый театр на премьеру постановки известного режиссера. Одна из привилегий члена Верховного Сонета – билеты в любой театр столицы, почему бы не воспользоваться? Шумилов любил иногда делать такие маленькие подарки своим родным, а сегодня и повод имеется: завтра у них годовщина свадьбы. Целых 27 лет вместе.

За окном проносилась зимняя Москва, расцвеченные огнями улицы, потоки машин и пешеходов, яркие витрины магазинов. Пожалуй, на сегодня дела закончены, пора отдыхать. Осталось только одно небольшое дело, Шумилов поднял трубку радиотелефона и набрал номер сотового своего старого знакомого, известного журналиста Привалова. После той встречи в охотничьем доме они виделись только два раза, и во второй раз Виктор Привалов высказал одну интересную идею.

– Алло, Виктор Дмитриевич? Привет, это Шумилов, как дела?

– Добрый вечер. Нормально.

– Ты завтра сильно занят?

– Нет, а в чем дело? – Судя по приглушенному шуму мотора на заднем фоне, Привалов ехал на машине.

– Помнишь то твое предложение по поводу идеологии? Завтра будем обсуждать этот вопрос с Верховным. Примерно в десять утра. Куда за тобой прислать машину?

Попрощавшись с Виктором Приваловым, Павел Николаевич убрал трубку в карман пальто и закрыл глаза. Еще один давно назревший вопрос должен решиться. Еще одна проблема уйдет в прошлое. Привалов послезавтра улетает в Белград, ждать событий. Значит, завтра последний

день, когда можно собрать вместе Бугрова, Строгова, Анютина, председателя Совета народных депутатов Алексея Балашова и дать Привалову высказать и доказать свою позицию.

После короткого разговора с Приваловым вспомнилась жаркая летняя ночь на 24 июня. Лес, берег небольшой речушки, асфальтовая дорога, ведущая сквозь лес к маленькому поселку. Он тогда оставил машину на обочине, там, где дорога выходила на берег речки. Шумилов для этой поездки взял обычную «Волгу», сразу затерявшуюся среди недорогих автомобилей популярных марок. Впрочем, его взгляд выделил пару лимузинов и несколько престижных моделей. Водитель и охранник остались в машине, а Шумилов и Привалов направились по тропинке, ведущей к Священной поляне и лесному храму. Сегодня был праздник Купалы, самая короткая ночь в году. Привалов давно обещал Павлу Николаевичу сводить его на настоящий русский праздник, сегодня од сдержал обещание.

Огромные костры до небес, отбрасывающие красные огненные блики на собравшихся в круг язычников. Впрочем, себя они предпочитали называть родноверами. Шумилов прикинул, что на поляне собралось 3–4 тысячи человек, и это члены только одной общины, а всего, по словам Виктора Дмитриевича, в России не меньше ста тысяч язычников. Двенадцать костров огненным кольцом расположились вокруг холмика, с величественными, вырезанными из целых древесных стволов изображениями богов. Некстати вспомнилась ветхозаветная фраза: «и идолам поганым требы несут». Какие к Чернобогу идолы! Это обычные деревянные скульптуры, символизирующие божественные силы. С таким же успехом можно утверждать, что христиане поклоняются размалеванным доскам.

В воздухе витали запахи костра, свежий аромат ночной реки, тянуло запахом трав и сырой земли. Шумилов оглянулся по сторонам, Привалов кудато исчез, кругом жизнерадостные, доброжелательные молодые лица. Но встречаются и люди постарше, вокруг костров прыгают дети, открыто, с чистой детской непосредственностью радующиеся празднику. Многие родноверы были одеты в украшенные богатой вышивкой рубахи, перетянутые в поясе широким кожаным ремнем, девушки щеголяли в простых сарафанах или женских рубахах до пят, некоторые носили на голове венки из полевых цветов.

Возглавлявший это действо волхв Велемир, высокий широкоплечий светлорусый мужчина лет тридцати, стоя в круге костров перед центральной статуей бога, кажется, Сварога, громогласно возвещал славу

богам. Павлу Николаевичу понравилось, что, в отличие от служителей других культов, волхв молился, гордо распрямив спину, не кланяясь. Священник говорил с богом, как равный с равным. Велемир опирался на высокий украшенный искусной резьбой посох, символ волхва. Вспомнились с детства вошедшие в память строки: «Волхвы не боятся могучих владык, и княжеский дар им не нужен. Велик и свободен их вещий язык и с волей божественной дружен».

Кругом стоял шум, гам, всеобщее веселье, по кручу ходили широкие чаши с медовухой. Смешливая длинноволосая девица протянула Павлу братину. Тот немного опешил, но общая атмосфера радости и Непринужденности уже захватила строгого и серьезного в жизни и на работе Шумилова. Подмигнув девице, он поднес чашу к губам. Легкий, чуточку пьянящий, настоянный на травах напиток показался ему необычайно вкусным. Отпив добрый глоток, Павел протянул чашу стоящему рядом мужичине средних лет в народной рубахе и с тяжелым прямым мечом на поясе. К своему удивлению, Павел узнал в язычнике Андрея Краснова, заместителя министра атомной энергетики. Они неоднократно встречались в министерстве или на заседаниях Совета Министров. Но Шумилов и не думал, что встретит перспективного делового ответственного управленца на буйном языческом празднестве. Павел Николаевич мимоходом подумал, что и Краснов никак не ожидал встретить здесь премьера.

А затем пошло настоящее веселье. Начались пляски, вокруг костров закружились хороводы, прыжки через огонь.

– Вы здесь первый раз? – Краснов подошел к Шумилову, когда тот нерешительно топтался перед костром. Хотелось, как и молодежь, перелететь через огонь, но и в то же время было боязно. Павел, ничего не ответив, отступил на десяток шагов и, разбежавшись, решительно перемахнул через огонь. На мгновенье в лицо пыхнуло жаром, а затем он оказался в окружении молодых ребят, громкими криками приветствовавших каждого, осмелившегося на прыжок.

Напряжение исчезло. Он сумел! Переборол себя и прыгнул! Павла обуяло веселье, он со счастливым смехом влетел в хоровод. Все плохое – возраст, проблемы, заботы – осталось там, за огненной стеной. Он вновь ощутил себя молодым, жизнерадостным, энергичным, способным свернуть горы. Далекие, и в то же время такие близкие, только протяни руку, яркие звезды серебряным дождем покрывали глубокое темное небо. Шумилов уже забыл, когда он последний раз видел такое небо. На краю освещенной поляны шелестели листьями лесные великаны, с реки доносились

лягушачьи трели. На душе было светло и радостно, словно священный огонь на самом деле смыл все плохое и темное, что накопилось за прошедшее время. Недаром Купала считается самым большим праздником в языческом календаре.

Павел заметил, что многие пары покинули поляну и разошлись по окрестностям. Молодые радовались жизни, Шумилов пожалел, что не взял с собой Марину. Она бы оценила происходящее. Твердо пообещав себе прийти на следующий праздник с женой, Павел вновь окунулся в окружающее его веселье.

Утром, забежав домой позавтракать, побриться и умыться, он со свежими силами поехал на работу. Шумилов ощущал в себе такой заряд бодрости и энергии, что был готов перевернуть мир. В этот день он начал готовить реформу административнотерриториального устройства Союза. То, о чем он раньше думал с отвращением, откладывая на будущее эту дурную, тяжелую, но необходимую работу. Реформа давно уже назрела, не может нормальная страна быть разделенной на целых 15 республик и еще несколько национальных автономий. Слишком много противоречий накопилось, и нельзя было решить эту проблему одним махом, требовалось несколько лет вдумчивой кропотливой работы. Но в день Купалы Шумилов сделал первый шаг к решению наболевшего вопроса.

С тех пор прошло полгода, Шумиловы органично влились в родноверческую общину, их привлекала дружеская, непринужденная, свободная атмосфера, царившая среди язычников. Здесь было немало активных, целеустремленных, деятельных, многого добившихся людей, а также студентов и молодежи. Главное, никто не пытался использовать свои знакомства в общине ради личной корысти. Но при этом царила атмосфера взаимовыручки: видя, что у человека проблемы, язычники совершенно бескорыстно предлагали помощь. Павел Николаевич только один раз применил свои возможности. Когда вандалы, с молчаливого согласия Моссовета и церкви, разрушили языческий храм в Измайловском парке, хватило одного звонка Лужникову, и язычников больше никто не беспокоил.

…На следующее утро Шумилов, как и обещал, прислал машину за Приваловым. Совещание было назначено на 10 часов. Вчера вечером Павел Николаевич обзвонил всех предполагавшихся участников совещания и организовал миниселектор. Вопросов ни у кого не было, раз есть предложение, надо выслушать автора, может, стоящая идея. Арсений Степанович предложил собраться в его кремлевском кабинете, на том и порешили.

– Товарищи, вы все в курсе сегодняшней повестки. – Бугров сегодня изменил своей привычке делать записи по ходу совещания. Стол перед ним был пустым, никаких бумаг. – Вопрос серьезный. В стране коррупция, неистребимая, опасная и разлагающая. Владимир Петрович может хоть сегодня пересажать половину чиновников, но через год все вернется на круги своя. У нас нет системы подготовки кадров. Старая партийная система погибла еще при Горбункове, а новой нет. Мы уже десять лет живем без государственной идеологии. Даже у американцев есть своя Великая Американская Мечта, у нас ничего похожего. Старая коммунистическая идея, несмотря на все ее достоинства, отошла на задний план. Компартия перестала быть «единственно верной и направляющей», но вместо нее образовался вакуум.

– Не надо так категорично, – прервал необычно пространное вступление Верховного Алексей Сергеевич Балашов, – в нашем обществе достаточно сильны идеи социально ориентированного государства и социальной справедливости. Идея «социализма с человеческим лицом» оказалась живучей, ее можно раскрутить и эксплуатировать.

– Алексей Сергеевич, вы не на заседании своего Совнардепа, – поморщился Шумилов. – Это все слова. «Человеческий социализм» не мешает чиновникам брать взятки и лоббировать своих богатых друзей. Молодой человек, выбравший карьеру госслужащего, каждый день встречается с коррупцией и сам постепенно втягивается в это болото. У меня уже давно жестокий кадровый голод. Очень мало порядочных и грамотных управленцев.

– Мы с 96го года создали сеть милицейских лицеев. Готовим кадры прямо со школы. Иначе трудно пополнять ряды, – поддержал Строгов.

– А мне что делать? Управленческие лицеи открывать? Так туда через год без взятки или звонка из горсовета не поступишь.

– А как вы решаете кадровую проблему? – вмешался Анютин.

– В министерства берем людей с производства и из коммерческих структур. В контролирующих организациях проводим конкурсы на вакантные должности. Герасимов в Минфине банкиров привечает, но это не выход. В городские и областные структуры конкурс не устроишь, там большие проблемы.

– Стоп! Я понимаю, у всех наболело. – Бугров понял, что начинается пустая говорильня, и прервал дискуссию. – Сегодня на совещание приглашен известный журналист и публицист Виктор Дмитриевич Привалов. Как человек, много повидавший и не страдающий предвзятостью во взглядах, товарищ Привалов может предложить пару

идей для обсуждения.

– Товарищи, для меня большая честь присутствовать на собрании такого уровня. Я никогда раньше не занимался государственными вопросами, поэтому моя идея может показаться наивной и недостаточно просчитанной.

– Давай, валяй без предисловий, – нарочито грубо оборвал его Бугров.

– Если без предисловий, то я предлагаю создать особую молодежную организацию, своего рода орден. Орден, в котором с 12–14 лет будут воспитываться будущие кадры для государства. Разумеется, членство добровольное и не дающее никаких привилегий, наоборот, будет запрет на курение и алкоголь, усиленное внимание физическому развитию и образованию.

– Значит, особая школа управленцев?

– Нет, не управленцев. Мы будем воспитывать в первую очередь порядочных, честных, инициативных людей. Таких, которые считают госслужбу делом чести и знаком доверия. Людей, работающих за совесть, строителей, а не революционеров.

В глазах слушателей блеснули искры понимания. Балашов, наклонив голову набок, внимательно слушал. Строгов сидел тихо, слегка прикрыв глаза, затем задал вопрос:

– Это все понятно, Виктор Дмитриевич, но после того как станет ясно, что члены этой организации делают быструю и блестящую карьеру, она станет слишком популярной. Повторится история с комсомолом. Ваш орден деградирует.

– Может, стоит предложить новую идеологию? – поинтересовался Верховный.

– Да, но не новую, а старую, – ответил Привалов и искоса посмотрел на Шумилова, ища поддержки.

Несмотря на все уверения, что выслушают его внимательно и никто особых религиозных чувств не испытывает, Привалов ощущал себя не в своей тарелке. Слишком шокирующей и неординарной была его идея.

– Арсений Степанович прав, надо начинать с идеологии. Всем известно, коммунистическая идея уже не привлекает людей, как раньше. Либерализм популярен в Европе, но на нашей почве опасен для общества и способствует коррупции. Можно вспомнить религию, она способна объединять и апеллирует к лучшим чувствам. Но христианство, при всех его достоинствах, не способствует воспитанию сильных свободных инициативных людей. Раб божий – хороший подчиненный, но его инициатива и творчество зажаты религиозными установками. Про ислам и

говорить нечего: вопервых, это религия фаталистов, вовторых, в СССР он распространен в слаборазвитых, дотационных регионах.

– Что вы предлагаете? – спросил Шумилов.

– Я предлагаю позаимствовать идеологию у русского язычества, родноверия. – К удивлению Привалова, это смелое высказывание не вызвало никакой реакции, только Бугров приподнял правую бровь. – Сейчас в СССР более ста тысяч родноверов. Традиционная русская вера долгое время была в загоне, но сейчас вырвалась из подполья и быстро распространяется. Языческие общины растут, постоянно возникают новые. Между ними поддерживается активная связь, издаются книги. Люди интересуются своей историей, своими корнями. Многие понимают, что высокая культура на Руси существовала задолго до Крещения. Родноверие переживает второе рождение.

– А они у вас не передерутся? Не начнут с пистолетами выяснять, чья вера лучше? – озабоченно поинтересовался Строгов.

– Нет, это очень мирная и демократичная вера. Я сам родновер, знаю нашу веру не понаслышке. Мы спокойно относимся к другим религиям и свободе вероисповедания. Единственное, не терпим проповедников и заявляющих об исключительности их веры и ругающих нашу.

– И чем же так ценно ваше родноверие? После этого вопроса Верховного наступила пауза.

Привалов, собираясь с мыслями, потянулся к графину с водой. Осушив стакан, он продолжил:

– Родноверие призывает любить свой народ, свою страну, свою землю. Бережно относиться к природе, материземле и отцунебу. Уважать своих предков, не обижать людей зря. Не терпеть оскорбления и несправедливость. Человек – не раб божий, а свободный гордый внук Солнца. Потомок творца Сварога.

– Наследство получают не рабы, а дети и внуки, – добавил от себя Павел Николаевич. – Рабы так и останутся бессловесным имуществом.

– Немаловажный пункт, – продолжал Привалов, – у нас человек не считается греховным от рождения, нет никакого Спасителя или Мессии. Не от чего спасать. У нас нет всепрощающего добренького боженьки. Если человек совершил проступок, он должен искупить его делом, а не просто исповедоваться и грешить дальше.

– Понятно, ваши боги не бюрократы, за приношение не прощают – улыбнулся Верховный. – А как насчет материальных благ и житейских радостей?

– Нормально относимся, человек должен жить достойно, не

нуждаться, но и излишества, вроде пьянства и блядства, не одобряются.

– Ваша идея понятна. Языческий орден для молодежи как кузница кадров и элиты.

– Это так, Арсений Степанович. Это будет организация с добровольным членством и жесткой дисциплиной. Школа жизни, воспитывающая настойчивость, патриотизм, порядочность, способность доверять другу и умение держать слово. В ордене будет уделяться внимание и физической подготовке, и образованию. Язычник должен стремиться к совершенству как души, так и тела. Разумеется, нам необходима поддержка и финансирование. Членские взносы должны быть небольшими, символическими.

– Будет вам финансирование, – подвел итог Бугров, – а на поддержку не рассчитывайте, во всяком случае, официальную. Идея должна идти снизу, тогда она сработает. Давайте, Виктор Дмитриевич, как вернетесь из командировки, недельку все обдумайте, подготовьте основные положения, разработайте структуру, составьте список нужных людей и примерную смету на первое время. Я вас жду.

– Но, Арсений Степанович, я никогда не занимался…

– Значит, займетесь. Вы придумали, вам и внедрять. Ничего, обдумаете, подберете помощников, приступите к работе, все постепенно и получится.

На этом совещание завершилось. Уже в коридоре Шумилов догнал Привалова и, хлопнув его по плечу, заявил:

– Молодец! Все правильно сказал. Давай, после возвращения звони, вместе обмозгуем наш Орден.

Глава 20

Звёзды на крыльях. 1999 г.

Уже третью ночь подряд полк проводил на аэродроме в полной готовности к вылету. Все, от командира полковника Андрея Пугачева до последнего солдата из батальона охраны, кожей чувствовали неотвратимое приближение грозы. Учебные полеты прекратились еще неделю назад, резко снизилась интенсивность вылетов полка. Учебная спарка впервые с момента ее перелета в Югославию осталась без работы. Сейчас самолет стоял на краю летного поля в компании полудюжины старых списанных машин. Два дня назад техники начали снимать с него оборудование. Для знающего человека все было понятно: изношенный до предела самолет ожидает незавидная судьба мишени для штурмовиков НАТО.

В то же время боевые машины стояли в отдельных капонирах и ангарах с полными баками, с подвешенными ракетами, готовые к немедленному вылету. Говорили, что не только Приштинский полк, но и остальные истребительные полки прекратили регулярное патрулирование границ. Даже штурмовики, до этого целыми днями висевшие над Косово и охотившиеся даже за одиночными бандитами, снизили свою активность. Всем было ясно, события назревают. Летчиков не отпускали за пределы аэродрома, после заката полк переходил на повышенную готовность, люди отсыпались днем.

Сегодня вечером все начиналось как обычно, техники копошились у самолетов, в сотый раз проверяя и перепроверяя машины. Летчики слонялись по зданию аэропорта, пытаясь найти себе занятие, раньше аэродром был сугубо гражданским. Первая эскадрилья собралась в полном составе на втором этаже в диспетчерской, Витя Чернов достал свою гитару и тихо перебирал струны.

А у дельфина
Взрезано брюхо винтом!
Выстрела в спину
Не ожидает никто.
На батарее
Нету снарядов уже.
Надо быстрее
На вираже!
Парус! Порвали парус!

Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Ребята слушали молча, никто не шумел. Песня задевала душу, проникала прямо в сердце. Радован даже забыл о своей сигарете, и огонек неторопливо подбирался к фильтру.

Даже в дозоре
Можешь не встретить врага.
Это не горе –
Если болит нога.
Петли дверные
Многим скрипят, многим поют:
Кто вы такие?
Здесь вас не ждут!
Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Сергей тихонько толкнул Радована в бок, тот недоуменно посмотрел на сигарету в своей руке, стряхнул длинный столбик пепла, хотел было затянуться, но не донес сигарету до рта. Витя запел следующий куплет. Русский и сербский языки похожи, ребята прекрасно понимали песню. Казалось, что тихий голос Вити звучал прямо в сердце слушателей.

Многие лета –
Тем, кто поет во сне!
Все части света
Могут лежать на дне,
Все континенты
Могут гореть в огне, –
Только все это –
Не по мне!
Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь! [3]

Как будто дождавшись последнего аккорда, взвыла тревожная сирена. Сергей вскочил со стула, впитавшиеся в кровь рефлексы бросили его к выходу, только в голове мелькнула мысль: «Все, трандец». Комэск майор Бронислав Вукич, плотный, коротко стриженный, первым скатился по лестнице и выскочил на летное поле. Летчики гурьбой вылетели за ним,

Витя Чернов бежал последним, после сигнала тревоги он сначала убрал гитару в чехол, а уже затем побежал на поле. Выбегая из здания, Сергей Горелов бросил взгляд на электронное табло в холле: 16 февраля 1999 года 23 часа 22 минуты, вторник. Полковник Пугачев вышагивал по освещенной прожекторами площадке у здания аэропорта. После того как летчики и техники построились в каре, командир громко скомандовал «Вольно!».

Прохаживаясь вдоль строя, полковник спокойно зачитал приказ. Ровно в 00 часов 17 февраля полк должен быть в воздухе, барражировать в районе ожидания в 50ти километрах западнее аэродрома на высоте 4000 метров. При поступлении сигнала «В Италии град» приступить к выполнению плана Б3. До выхода в атаку сохранять радиомолчание и пользоваться только пассивными средствами навигации и целеуказания. После выполнения задачи возвращаться на аэродром. Под конец Пугачев посоветовал не увлекаться и сохранить пару ближних ракет на случай боя над Косово, затем махнул рукой и направился к самолету.

Тем временем тягачи уже вытаскивали самолеты из капониров на летное поле. Сидя в уютной функциональной кабине «Су27», Сергей думал, что не все так плохо. А если честно, он сам напросился на эту войну, мог и не ехать. Никто бы и слова не сказал, но, с другой стороны, за последние месяцы он слишком хорошо узнал косоваров, понял, что не уедет из Сербии, не научив покровителей бандитов уважать русских и сербов. Иначе он просто не сможет смотреть в зеркало. И начиналось неплохо, вариант Б3 предусматривал выход в район барражирования вражеских самолетов ДРЛО и их перехват. Это выматывающий полет к цели на бреющем, сначала над горами, затем над морем. Полет без радаров, неожиданный удар в тыл противника. Плохо только то, что 1й и 2й эскадрильям выделены цели над Адриатикой, если собьют, мало шансов выбраться живым. Но еще хуже упасть на Албанию, командир специально предупреждал летчиков: если приземлился у дикарей, лучше всего добраться до амеров и сдаться в плен. Иначе местные шкуру снимут живьем. Сергея еще в летном училище готовили к таким действиям. Еще сложнее «А1», это перехват ударных самолетов противника над Югославией. В такой мясорубке мало шансов уцелеть. Тем более что сигнал «свой – чужой» имеет обыкновение запаздывать, а у зенитчиков привычка сбивать все, что летает. Хорошая привычка, но в такой чертовой карусели могут сбить и своих.

Похозяйски осмотревшись в кабине и пристегнувшись к креслу, Сергей включил приборы. Сердцебиение замедлилось, нервы успокоились, руки сами потянулись к тумблерам. Мягко взвыли турбины, глаза летчика

пробежали по приборам. Все в норме, можно взлетать. Эскадрилья выстроилась перед взлетной полосой, сам командир полка вместе со второй эскадрильей уже в воздухе. Сергей чувствовал легкую дрожь в руках, ничего страшного, нормальная реакция организма перед боевым вылетом. Наконец, дошла очередь и до них. Машины одна за другой оторвались от бетона аэродрома Приштина и ушли на запад.

За остеклением кабины расстилалась балканская ночь. В небе ярко светили звезды. Сергей нашел на небосклоне Полярную звезду и приветственно помахал ей рукой. На душе потеплело, знакомая с детства звезда. Маленький символ родного дома, а далеко на востоке такое же небо над Хабаровском. Гдето там ждет Света. Последнее письмо Сергей получил неделю назад, там все хорошо. Все нормально, там родная Переяславка, ребята просыпаются и собираются в столовую. Как здорово жить в нормальной сильной, богатой стране! Знать, что никто никогда не осмелится напасть на твою родину, и не только напасть, но и оскорбить ее. И не нужно ночью висеть над горами в ожидании боя. Но, с другой стороны, чтобы твою страну уважали, надо объяснить врагам, что мы не любим войну, как это сделали наши деды в Великой Отечественной.

Все 12 самолетов эскадрильи кружились на высоте четырех километров в районе ожидания. Внизу на земле виднелись яркие огоньки деревень, коегде ползли светлячки машин. На горизонте поднимался в небо столб света над Приштиной. Радио работало на прием, локаторы были выключены, только пассивные системы обороны. Эскадрилья затаилась в ожидании сигнала.

А тем временем восемь суперсовременных «Спиритов» заканчивали дозаправку в небе над Южной Францией. Восемь невидимок, каждый ценой в миллиард долларов, почти как атомный авианосец. Восемь самолетов, значивших в современной войне столько же, сколько три авианосных группировки. А на многочисленных аэродромах НАТО в небо один за другим взмывали десятки самолетов. После взлета они собирались в соединения, задания были выданы, цели распределены, районы дежурства и полетное задание расписаны по минутам. А невдалеке от границ Югославии уже барражировали самолеты ДРЛО и управления, впившись своими чуткими антеннами в спящую, не подозревающую об опасности страну. Их было 12 машин, командование НАТО посчитало такое количество достаточным, а каждый АВАКС прикрывали истребители «F16».

Время настало. 17 февраля 1999 года, ровно в 00.15 Президент США Билл Клинтон объявил о начале операции «Союзная сила». Заявление было

сделано по телевидению, о такой мелочи, как вручение официальной ноты послу Югославии, руководство США решило забыть. Никто и не подозревал, что это упущение будет использовано против глобальной Империи Зла. Это же не война, а «миротворческая акция». Но это потом, а сейчас с американских надводных кораблей и подводных лодок в Средиземном море стартовали ракеты «Томагавк». Через несколько минут тяжелые бомбардировщики «Б52» над Европой выпустили свой смертоносный груз и синхронно развернулись на аэродромы в Британии. Их миссия на сегодня выполнена, «Томагавки» сами найдут свои цели, пройдут под зонтиком ПВО и обрушатся на стратегические объекты югославской армии за 600–700 километров от точки пуска. Отсчет времени пошел, помчался со скоростью 280 крылатых ракет и 626 самолетов, со всех сторон обрушившихся на маленькую независимую, пока независимою, страну.

Но дрейфующие в космическом вакууме спутники уже давно засекли взлет тяжелых бомбардировщиков в Британии, затем чуткие сенсоры космических дозорных уловили столбы пыли над аэродромами в Европе. Доли секунды на прохождение и обработку сигнала, и в бункере космической связи в Белграде уже знали о начале войны.

Пара советских истребителей кружила на почтительном удалении от американского флота. Летевшее невдалеке звено «F14» «Томкэт» следило за действиями русских, следило, но не мешало. Они давно привыкли друг к другу, с момента начала югославского кризиса самолеты и корабли обеих сверхдержав навязчиво интересовались делами соседей. Ведущий звена «Томкэтов» только следил, чтоб русские не приближались к авианосцам ближе, чем на 40 миль. «МиГи» и не стремились к этому, их пилотам было достаточно наблюдения за стартом «Томагавков» и плотными построениями палубных истребителейбомбардировщиков. Разумеется, информация с истребителей поступала в командирскую рубку авианосца «Адмирал Кузнецов» и, не задерживаясь, по линии космической связи уходила в штаб югославской армии.

Не обошлось без инцидентов, командир крейсировавшего в 50 милях южнее пролива Отранто БПК «Маршал Василевский» не успел получить сообщение о начале «Союзной силы» и был шокирован появлением на радаре двадцати шести идущих прямо на корабль крылатых ракет. Шок не помешал ему нажать тангетку боевой тревоги. Через полминуты развивший полный ход корабль был готов к бою. Корабль был вооружен зенитным ракетным комплексом ближнего действия «Кинжал», хорошая система, но только для самообороны на малой дистанции. Капитан второго ранга

Гордеев успел трижды проклясть кораблестроителей, пока вражеские ракеты вошли в зону действия его зенитных систем. Наконец БИУС «Василевского» приступила к действиям, что выразилось в окутавшем корму дыме от стартующих ракет. Только после первого выстрела до кавторанга Гордеева дошли слова флегматично наблюдающего за планшетистами штурмана: «Они идут не на нас». Но было поздно, всего корабль успел сделать девять выстрелов, этого хватило на шесть ракет, попавших в зону действия «Кинжала».

– Интересно, что это было? – поинтересовался Гордеев, когда стало ясно, что это не провокация и крылатые ракеты интересовались другой целью.

– А фиг его знает, – ответил штурман, – точно могу сказать, это не «Гарпуны».

Часы показывали 18 минут первого, в наушниках Сергея прозвучал незнакомый голос: «В Италии град». Такой же сигнал получили все кружившие в небе над Югославией истребители и операторы наземных комплексов ПВО. Можно было вместо колоритной фразы обойтись одним коротким словом: «Началось». Сергей моментально выключил навигационные огни самолета и скосил глаза на дисплей. На экране уже вырисовывались координаты и параметры целей и натовских ударных самолетов, волнами накатывающихся на Югославию.

Штурвал от себя, резкое снижение, и начинаем народную потеху. Двенадцать истребителей синхронно свалились в пике, выходя на курс прорыва. Затем бешеная гонка над Албанией, на высоте всего 200–300 метров. Маршрут был составлен заранее и заложен в бортовые ЭВМ, но все равно, стоило ошибиться на 10–20 метров, и самолет мог врезаться в гору. Система навигации ни разу не давала сбоев, Сергей уже совершил десятки таких полетов, но в глубине сознания сидела маленькая подленькая мысль: «А вдруг?! А может, снизить скорость? А может, в этот раз?» Наконец внизу заблестела водная гладь. Эскадрилья шла над морем. Идущий в первой четверке комэск снизил высоту до тридцати метров, остальные летчики последовали за командиром, одновременно растягивая фланги. Теперь три звена шли строем пеленга фронтом в 60 километров. На экране четко вырисовывалась первая цель, до нее оставалось всего 180 километров.

А севернее волна вражеских самолетов уже накатывалась на Черногорию. В небе и на земле рвались снаряды, огненные хвосты ракет перечеркивали ночное небо, выискивая цель. Ошалевшие операторы систем РЭБ забивали вражеские радары сплошной пеленой помех.

Восточнее, над горами Албании и над Македонией, вторая и третья эскадрильи полка уже вступили в бой, вычищая небо от АВАКСов. Там уже кувыркался с оторванным крылом летающий командный пост «Е8А», в окружении падающих горящих «F16». Там Приштинский полк понес первые потери, в первом же столкновении вторая эскадрилья потеряла истребитель. Жизнерадостный балагур Зоран Маркович не успел отвернуть от ракеты и сейчас тянул на подбитой машине к аэродрому. Но зато третья эскадрилья завалила над Македонией один «Е8» и один «Е3А» «Сенти», попутно снеся дальними ракетами воздушное сопровождение АВАКСов.

Над морем вдоль побережья Черногории барражировал летающий радар «Сенти». Огромная машина, переоборудованная из пассажирского «Боинга», несла здоровенную радарную антенну и мощную ЭВМ. Один самолет контролировал воздушное пространство и управлял боем над Черногорией. К удивлению операторов, противник оказался готов к удару. Ударные армады были встречены прекрасно оснащенной и скоординированной ПВО. На экранах операторов вырисовывались цели, сербские радары и пусковые установки, свои самолеты. Справившись с первоначальным испугом, американцы, засучив рукава, взялись за работу. Лучшая армия мира, лучшие солдаты и лучшая техника, никто не устоит против них. Вот засечен старт сербской зенитной ракеты, четкая команда, и «F16» с «HARM» получает указание подавить комплекс. Достаточно запустить ракету, и она сама найдет цель, как только сербы включат радар. От идущей с небес смерти не спастись, ракета запоминает координаты цели, и ее уже не сбить с курса. Сквозь хаос боя к командиру самолета прорывается короткое сообщение наземного штаба: «Потеряна связь с пятью воздушными командными пунктами. Усильте бдительность».

Схватка продолжается, несколько сербских самолетов вступают в сражение, над Черногорией завертелась карусель воздушного боя. Два «МиГ29» ворвались прямо в середину строя самолетов НАТО. Ситуация смертельная, сербы залпом выпустили ракеты. Один из них умудрился пушечным огнем сбить штурмовик и резким маневром попытался выйти из боевого соприкосновения. Первые минуты американцы не могли стрелять, боясь зацепить своих, но затем державшийся немного выше «F16» смог атаковать и сбить один «МиГ». Второй серб вовремя отстрелил патроны с дипольными противорадарными отражателями и на форсаже ушел к Белграду. Обе выпущенные по нему ракеты прошли мимо. Неожиданно ожили целых пять только что подавленных пусковых установок, значит, плохо давили, надо перенацелить самолеты. Внезапно на радарах, всего в семидесяти километрах южнее «Сенти», возникли отметки дюжины

скоростных самолетов, идущих прямо на АВАКС. Скорость 2100 км/час, высота 170 метров. Практически никто не успел среагировать на это явление Христа народу.

Эскадрилья «Су27» шла на северозапад, почти задевая волны подвешенными под крыльями и фюзеляжами ракетами. Системы радарного обнаружения уже давно улавливали могучие импульсы вражеского АВАКСа, наземные посты передавали обстановку в районе. Летчикам везло, они шли необнаруженными, хотя над Албанией эскадрилья разминулась с армадой противника, проскользнув всего в пятидесяти километрах. Можно было одним залпом уничтожить не менее 30–40 вражеских самолетов, но у «Су27» была другая цель. Охотой за ударными самолетами можно будет заняться на обратном пути, если останутся ракеты и будет кому охотиться. На дисплеях светилось целое скопище точек, отмечавших вражеские самолеты. Информация от югославских самолетов, радаров ПВО и наземных постов оповещения потоком стекалась в штабы и информационные пункты, а затем без задержки в кодированном виде передавалась на специальной радиоволне всем заинтересованным. Старший лейтенант Сергей Горелов не без оснований считал себя одним из заинтересованных, от этой информации зависела его жизнь.

Наконец до ничего не подозревающего летающего радара осталось всего 80 километров. Майор Вукич бросил короткое слово: «Пора». По этой команде эскадрилья приступила к работе. Сергей, услышав комэска, дал форсаж двигателям, одновременно взяв на себя штурвал. Истребитель буквально выпрыгнул, с набором высоты преодолевая звуковой барьер. Летчик пробежал пальцами по приборной доске, включая все боевые системы. Перед глазами загорелись кружки нашлемной системы целеуказания, радар заработал, и на экране вырисовались силуэты одного большого и шести малых самолетов. АВАКС и его истребительное сопровождение. Боевая система управления уже вцепилась в яркие отметки вражеских самолетов. Оставалось только нажать «Пуск». Сергей активировал головки наведения двух подкрыльевых ракет «Р77». Дистанция уже 72 километра, высота 200 метров, цель идет на девяти километрах над морем под углом 37 градусов к курсу истребителя. Но это не важно, Сергею эти мелочи неинтересны, его ракеты могут догнать любую цель на высоте до 25 километров и на дальности до ста километров, идущую под любым курсом. Все. Плавное касание гашетки, и две ракеты, сорвавшись с пилонов, уносятся к цели. Теперь остается только вести их, пока головки самонаведения не захватят цель. Полный газ, истребитель в два раза быстрее звука рвется навстречу противнику, главное, чтобы

приборы не потеряли контакт с целями и обеспечили подсветку. Наконец американцы заметили приближающуюся смерть. Опасный противник, два истребителя сопровождения успели дать ракетный залп по стремительно приближающимся «Сухим». На радаре появились четыре точки. Дистанция всего 50 километров. Югославские «Р77» уже захватили цели, теперь можно подумать о своей шкуре.

Сергей плавно довернул самолет навстречу приближающимся американским ракетам, его ведомый повторил маневр. Пара Вити Чернова, наоборот, со снижением почти к верхушкам волн ушла левее. Звено Сергея шло на левом фланге эскадрильи, тут надо так маневрировать, чтобы не оторваться от своих. Далеко на горизонте блеснуло несколько вспышек. Одновременно прозвучал мягкий женский голос системы голосового оповещения: «Цель № 3 поражена». На радаре погасли отметки истребителей противника. Сбиты. «Сенти» некоторое время еще держался, большой самолет, дольше падает. Наконец и он рухнул в море. Но Сергея это уже не интересовало, на его звено шли четыре ракеты. Времени для реагирования почти нет. Каждый действовал самостоятельно. Сергей, ускорившись до предела, просто проскочил мимо ракеты, и та взорвалась уже за хвостом самолета. Радован ушел в правый вираж, а затем бочкой снизил скорость и с форсажем на вираже сбросил ловушку. Пара Чернова успела вовремя уйти с курса вражеских ракет, и те, лишенные подсветки со своих самолетов, продолжали лететь прямо. Витя вслух пожалел, что у них на пути нет американцев, но такое счастье бывает редко.

После короткого боя самолеты собрались вместе, переклички не требовалось, на локаторах были видны все машины, четко занявшие место в строю.

– Молодцы, соколы, – только и сказал Вукич. – Переходим к следующей цели.

Второй АВАКС барражировал над Боснией, южнее Сараево, поэтому эскадрилья сначала ушла над морем на северосеверозапад, а затем вышла в район цели через Хорватию. На этот раз внезапного удара не получилось, противник засек югославские самолеты за 140 километров от цели. Пришлось прорываться с боем. Одно звено отвалило правее, демонстрируя противнику нежелание вступать в бой. Остальные восемь машин поднялись выше, готовясь к атаке. Радар четко держал обстановку, АВАКС сохранял прежний курс и высоту в 10 километров, но его прикрытие из шести истребителей направилось навстречу дерзким «Сушкам». Дистанция сокращалась с каждой секундой. Сергей бросил короткую команду в микрофон, и пара Чернова поднялась ещё выше, до пятнадцати

километров. Все, можно открывать огонь. Сергей активировал одну «Р77» и навел ее на приближающийся самолет противника. Пуск и плавный отворот в сторону, надо удержаться на дистанции, не дать противнику приблизиться и выпустить свои ракеты. Звено Вукича успело отстреляться первым, выпустив по две оставшиеся «Р77». Теперь майор может драться только в ближнем бою, но, если удастся сбить прикрытие, это уже не важно. Сергей Горелов и Радован Милович тем временем сбросили скорость, позволяя паре Чернова вырваться вперед. Истребители противника не успели получить целеуказание с АВАКСа и поддались на этот ход, нацелившись на Горелова и Миловича. В это время американцев настигли ракеты звеньев Горелова и Вукича. Три «F16» были сбиты, еще один удержался в воздухе, но получил значительные повреждения от близкого разрыва ракеты. Сейчас он покинул строй и уходил в сторону БаняЛуки. Сергей развернул машину навстречу противнику, дистанция всего 56 километров, можно стрелять, но Горелов решил сохранить последнюю «Р77» и сблизиться на дистанцию стрельбы тепловыми «Р73». Но этим планам было не суждено сбыться, на оставшуюся пару «F16» спикировали Чернов и Збойко Петрица. Две сверхскоростные ракеты поставили точку на дальнейшей судьбе американцев. В этот же момент АВАКС свалился на крыло и, кувыркаясь, полетел к земле – это четверка Вадима Сабурова вышла в короткую неотразимую атаку.

Сергей выровнял машину, вскоре к нему пристроились Чернов и Петрица. Милович сохранял свое место немного позади и слева от ведущего. После короткой переклички Вукич повел свою эскадрилью на юг, в Черногорию. Судя по информации от наземных постов, там кипел бой, можно было хорошо поохотиться. Машины шли плотным строем, все приборы включены, сейчас уже можно было не скрываться от противника, наоборот, важно не попасться на прицел своим зенитчикам. Их уже третий раз подряд засекали наземные радары ракетных комплексов, но все три раза вовремя срабатывал ответчик «свой – чужой». Пронзительный тревожный писк «Березы», Сергей, не раздумывая, закрутил машину в правый вираж, разворачиваясь навстречу опасности. Перегрузки вдавили его в кресло, но это не страшно, радар на «Су27» имеет большую дальность действия в носовой полусфере. Так и есть! Четверка скоростных целей приближалась к сербским самолетам. Дальнейшее Сергей плохо помнил. Не успевший развернуться самолет Збойко Петрицы тряхнуло от взрыва ракеты. Затем машина в пологом скольжении пошла вниз. В наушниках долго звучал крик Збойко: «Прыгаю!» Самолеты сближались с бешеной скоростью. Прямо над головой Сергея на мгновенье закрыла звезды темная тень истребителя

Вити, перед глазами вспыхнуло пламя реактивных сопл, через долю секунды на правой консоли Витиного самолета вспыхнул огонек двигателя ракеты. Маленький огонек, стремительно ускоряясь, помчался навстречу противнику. Сергей повернул штурвал, и послушная машина сместилась немного левее, впереди, на фоне звезд, возникла стремительная тень. Светящиеся концентрические крути нашлемной системы впились в эту тень, пальцы, спокойно, как на учениях, нажали «Пуск». От «Су27» в сторону американца потянулся огненный след ракеты. Все это заняло от силы четыре секунды, всего два удара сердца, а внимание летчика уже переключилось на идущий прямо в лоб второй самолет. Пуск последней ракеты. Не думая, на одних вошедших в кровь инстинктах, Сергей поднял самолет «коброй», одновременно надавив кнопку отстрела инфракрасных ракетловушек. В глазах потемнело, планер машины заскрипел, протестуя против такого обращения. Но главное, Сергей спиной почувствовал догнавшую самолет взрывную волну от близкого разрыва ракеты. Теперь плавно вернуть самолет в горизонтальное положение и, разгоняясь, вернуться в строй. На радаре было пусто, только отметки разбросанных по всему небу самолетов эскадрильи.

Бой длился меньше минуты, но за это время они потеряли двоих товарищей. Кроме Збойко, катапультироваться пришлось Диме Алкснису из звена майора Вукича. Боеприпасов почти не осталось. У Сергея на пилоне висела последняя «Р77», у остальных дело было не лучше, ни у кого не осталось больше одной ракеты, а у половины самолетов были пустые пилоны. Потрепанная эскадрилья взяла курс на родной аэродром. Перед глазами Сергея стоял гладкий обтекаемый силуэт вражеского однокилевого истребителя, освещенного взрывом ракеты прямо у фонаря летчика, это был французский «Мираж». Обратная дорога прошла без приключений, только Бронислав Вукич догнал и расстрелял из пушки шедший немного ниже одинокий «Торнадо». Это была его личная месть за сбитых ребят.

На земле сразу после сигнала о нападении моментально ввели режим затемнения. Эскадрилья кружила над аэродромом, противника поблизости не наблюдалось, и командование разрешило сажать самолеты. Редкие огни прожекторов обозначали посадочную полосу, на самой полосе в двух местах горели яркие красные огни – аэродром подвергся налету, поле получило повреждения. Первым приземлилось звено Горелова, все прошло без сучка и задоринки. Сбавить скорость, выпустить закрылки и спокойно садиться. Только не попасть бы при посадке в воронки от бомб. Сели все. Скрипнули тормоза, машина замерла на краю летного поля. Сергей устало открыл фонарь кабины и медленно выбрался на крыло, его немного

пошатывало. А внизу техники уже тащили лестницу, к летчику тянулись дружеские руки товарищей. Тяжелый тягач, пофыркивая мотором и выпустив густую струю солярочного дыма, пристраивался к самолету, механики споро крепили буксирные тросы. Не успел Сергей спуститься на бетон и сделать пару шагов, как самолет потащили в укрытие. Летчика моментально окружили однополчане: техники, мотористы, оружейники, радиометристы. Все те, кто вынужден был ждать на земле, пока полк дрался с врагами. Не отвечая на расспросы, Сергей устало махнул рукой и двинулся к аэровокзалу, первым делом на командный пункт, доложиться по форме, а уже затем зайти в буфет и перекусить. Все расспросы потом. Перед глазами бредущего летчика были знакомые лица, знакомая обстановка, знакомые валы капониров, до боли знакомый аэровокзал. Стоп! Только сейчас Сергей понял, что в затемненном здании многие окна разбиты, а всего в сотне метров лежит разбитый самолет. Наш?! Нет, не наш, обгорелая, покореженная, залитая хлопьями пены машина раньше, всего два часа назад, была истребителембомбардировщиком «Торнадо». Сбитый кинжальным огнем прикрывавших аэродром зениток, английский самолет рухнул прямо перед своей целью. А за спиной замершего перед обломками «Торнадо» Сергея садилась третья эскадрилья, и аэродромные специалисты готовили к новому вылету только что приземлившиеся самолеты.

Над аэродромом сквозь динамики звучал хриплый голос Владимира Высоцкого:

Их восемь – нас двое, – расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Сережа, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.
Я этот небесный квадрат не покину –
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит – и шансы равны.

Полковник Пугачев потребовал поставить именно эту песню, его любимую. И сейчас, сквозь рев моторов, ругань техников, скрип железа, с надрывом прорывалось:

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
Надсадно завыли винты, –

Им даже не надо крестов на могилы –
Сойдут и на крыльях кресты!
Я – «Первый», я – «Первый», – они под тобою!
Я вышел им наперерез!
Сбей пламя, уйди в облака – я прикрою!
В бою не бывает чудес. [4]

Хорошие, жизненные слова для людей, вырвавшихся из плюющегося огнем балканского неба. Может, и не следовало им напоминать о горячке только что закончившегося боя. Но полковник попросил поставить именно эту песню.

Отдохнуть после вылета не удалось. Техники сразу же приступили к подготовке к новому вылету. В Приштине, кроме истребителей, базировались две эскадрильи штурмовиков, утром на рассвете они готовились к удару по авиабазе Ринас под Тираной. Для их сопровождения были выделены 8 «Су27», в том числе и машина Горелова.

Несмотря на усталость, Сергей первым делом после приземления занялся заполнением соответствующих формуляров и сочинением отчета. Привычная рутина, но многие летчики злились на подобную бюрократию. Сергей Горелов знал, что все это необходимо, хоть и сам иногда ругал штабистов за любовь к бумажкам. Именно на основании отчетов и описаний вылета выясняются совершенные летчиками ошибки и делаются выводы на будущее. Все правильно, но Сергей только неимоверным усилием воли заставил себя заполнить бланки, не откладывая на утро. Отдав бумаги командиру полка, Сергей собрался воспользоваться своим правом на сон, но тут взревела сирена боевой тревоги. К аэродрому прорывалась группа ночных бомбардировщиков. К счастью, первая эскадрилья уже была в воздухе. Техники успели заправить и подвесить часть боеприпасов под вернувшиеся первыми машины. А командование, получив сообщение о группе самолетов противника, распорядилось поднять в небо все готовые к вылету машины.

Американцы после неудачной попытки массированного удара перенацелили свои силы второго эшелона на сербские аэродромы и объекты ПВО. Выспаться не удалось. Сначала Сергей, как и все, побежал в убежище. В освещенном тусклой лампочкой бетонном блиндаже на летчика обрушилась слабость. Голова закружилась, не глядя по сторонам, он плюхнулся на скамью и закрыл глаза. Слабость не проходила, бешено стучало сердце. Рядом вполголоса разговаривали. Сашка Поздняков рассказывал бородатый анекдот про поручика Ржевского. Сергей открыл

глаза и втянул полной грудью затхлый воздух убежища. В голове мелькали панические мысли: «А если? Если бомба попадет прямо в блиндаж?» Здравый рассудок говорил, что первой целью будут капониры с самолетами, стоящие на краю поля старые машины и взлетнопосадочная полоса. Но все равно, подленький страх не давал спокойно сидеть на месте. Наконец Сергей взял себя в руки: «Нет, лучше уж на воздухе, под чистым небом, чем тут, как крыса в норе». Он решительно поднялся и, не обращая внимания на обращенные к нему взгляды, выбрался на улицу.

Первое, что он заметил, была темнота. Ни одного огонька, только белел снег вокруг темневшего мокрым бетоном летного поля. После объявления тревоги везде отключили свет, кругом ни одной искорки, даже на полетной вышке не было заметно никаких признаков жизни. Затем до его слуха донеслось ритмичное стрекотание зенитных автоматов и приглушенное шипение стартующих ракет. В паре километров, со склона невысокого, холма в небо уходили очереди трассеров. Затем почти у самого края летного поля сверкнули вспышки, раздалось громкое шипение, переходящее в свист. В небо устремились огненные хвосты ракет. Сергей вспомнил, что как раз там находится установка «Квадрат». Потом над головой мелькнула тень, и на летчика обрушился рев идущего на сверхзвуке самолета. Невольно закрывая уши руками, Сергей поднял голову вверх. В небе над аэродромом шел бой. На северозападе среди звезд мелькали огоньки самолетных двигателей. Полыхали вспышки. Неожиданно рядом громыхнул взрыв, Сергей краем глаза заметил вспышку там, где стояла зенитная установка, и бросился на землю. Затем, перекатившись на спину, он продолжил зачарованно смотреть на небо. Такого он никогда в жизни не видел. Красота. Совершенство современного боя. В небо уходили длинные очереди трассеров, стремительно уносились к звездам, оставляя за собой дымные столбы, зенитные ракеты.

Вдруг высоко над головой полыхнул взрыв, послышался тонкий свист. Чтото падало на землю. А затем небо окрасилось огнем. Над аэродромом расцвели, вытянулись вверх огненные грибы. Отблески пожара бросали гротескные пляшущие тени на пустое поле, покатые валы капониров, темнеющее глазницами выбитых окон здание аэропорта. Сергей поднялся на ноги, ничего не понимая, он побежал к рядам капониров, туда, где полыхнул один из взрывов. Краем сознания он отметил, что стихло стаккато зениток, но зато ночь прорезали протяжные сигналы пожарных машин. По аэродрому катились машины, бежали люди. Краем глаза Сергей заметил, как несколько человек раскатывали по полю пожарный рукав. На дальнем конце взлетнопосадочной полосы загорелись зеленые прожекторы.

Послышался негромкий свистящий звук, и над самым горизонтом показался заходящий на посадку самолет. Видимо, он получил повреждения и садился сразу после отражения налета.

Вскоре выяснилось, что в налете участвовали «невидимки» «F117». Несмотря на согласованные действия зенитчиков и эскадрильи «Су27СК», трем «Стелсам» удалось сбросить бомбы на летное поле. Одна бомба с лазерным наведением угодила прямо в капонир, где стояли два штурмовика «Огао», к счастью, людей там не было. Кроме того, «HARM» накрыл пусковую установку «Квадрат». Несколько бетонобойных бомб повредили летное поле. Но за это противнику пришлось заплатить тремя «Стелсами» и четырнадцатью истребителями прикрытия. Радость от этого факта омрачалась гибелью зенитчиков и лейтенанта Алексея Миронова, сбитого в бою и не успевшего покинуть падающую машину.

Наконец при первых лучах солнца в небо поднялись 18 штурмовиков и 8 «Су27». Обстановка в небе была спокойной, противник сократил полеты до минимума. Наземные посты заметили только несколько патрульных звеньев, державшихся на почтительном расстоянии от югославской территории. Штурмовики плотной группой шли на высоте полторадва километра, четверка майора Вукича двумя парами держалась на флангах. Звено Сергея Горелова шло на высоте двенадцать километров, отставая на двадцать пять километров от основной группы. Многие машины были украшены красными звездочками на носовых обтекателях. Сергей с гордостью вспоминал, как его инженер Антон Кузнецов перед вылетом нарисовал на машине три звездочки, именно столько вражеских самолетов оказалось на счету Сергея. Не самый лучший результат, Володя Костров за два вылета смог завалить целых шесть противников. Но мало кто сомневался, что у остальных пилотов есть шанс побить этот рекорд. Впереди еще много боев.

С земли сообщили, что на севере Албании замечен вражеский патруль, и посоветовали усилить бдительность. Но на радарах пока ничего интересного не появлялось. Видимо, противник если и заметил четверку «Су27», то решил не лезть в драку. Тем временем самолеты приближались к цели. Приборы уже засекли работу радаров вражеского аэродрома, противник не ожидал удара. Четверка Сергея поднялась еще выше, на 16 километров, а ударная группа, наоборот, снизилась, укрываясь за складками рельефа. Внезапный удар удался, «Су27» прикрытия выпустили по две ракеты «Х31» в противорадарном исполнении, а затем на авиабазу с двух сторон ринулись штурмовики.

В Ринасе никто не ожидал атаки. Летное поле было заполнено

машинами. Самолеты и вертолеты стояли ровными рядами, между ними сновали заправщики и автомобили технического обслуживания. К вылету готовилась группа «Тандерболтов», оставалось только закончить подвеску бомб, и можно взлетать. Только что приземлился вертолет службы спасения, вытащивший из Югославии двух сбитых прошлой ночью летчиков. К взлетной полосе выруливали девять истребителей «F15» «Игл». Воздушной разведкой была засечена четверка сербских истребителей, идущих к Тиране, «Иглы» готовились перехватить зарвавшихся, но не успели.

В воздухе мелькнули стремительные серебристые сигары ракет, оставляя за собой широкие дымные следы. Полыхнули взрывы. Антенны аэродромных радаров искорежило прямыми попаданиями тяжелых ракет. Одна «Х31» накрыла стоящий отдельно транспортный «Геркулес», техники проверяли готовность машины к вылету, а работающее навигационное оборудование привлекло к себе внимание головки самонаведения ракеты. Сразу две ракеты ударили по мобильному радарному посту, управлявшему работой тройки «Фаланксов» на автомобильном шасси. Это было только начало, через минуту штурмовики выпустили реактивные снаряды, а ещё через полторы минуты на стоянки посыпались кассетные бомбы. Только несколько человек из аэродромной обслуги успели заметить промелькнувшие в небе небольшие самолеты с прямыми крыльями.

Первый лейтенант Билл Грин едва успел оторвать свой «Игл» от бетона взлетной полосы, как в ушах раздался громкий писк оповещения о радарном облучении. И почти сразу набирающую высоту машину тряхнул взрыв. На секунду стало тихо, это смолк рёв могучих двигателей самолета. Летчик успел рвануть рычаг катапульты, это его и спасло. Промедли он несколько секунд, и остался бы навсегда в охваченном пламенем самолете. Машина после прямого попадания «Р73» с тепловой головкой и полминуты не продержалась в воздухе. В момент раскрытия парашюта лейтенанта тряхнуло воздушной волной от пронесшегося невдалеке самолета. Открыв глаза, Билл Грин понял, что все еще жив. Катапульта сработала, парашют раскрылся, и сейчас летчик плавно опускался на землю. На самом краю полосы лежал «F15», воткнувшись носом в землю. А в двух километрах на аэродроме бушевало пламя, гремели взрывы. Между самолетами растекались огненные реки керосина и бензина. В небе проносились ракеты и снаряды из боеукладок пылающих самолетов. Авиабаза в считаные минуты превратилась в настоящий пылающий ад.

Глава 21

Италия. 1999 г.

Дешевая пластиковая люстра под потолком освещала комнату. Жалюзи на окнах были опущены. Из динамиков компьютера негромко звучало кантри. На тумбочке у дивана стояли банки с пивом. Стив, развалившись на диване, неторопливо потягивал пиво и листал толстенный отчет. Результат работы их группы. Он прекрасно знал содержание этого талмуда, сам участвовал в его составлении. А сейчас просто меланхолично перелистывал страницы. Стива Грегори мучила одна мысль: на кой черт все это было нужно?

Движение сепаратистов в Косово практически подавлено, несмотря на значительную помощь деньгами и оружием. Югославская армия за последние полгода усилилась. Резко выросло количество современных истребителей и наземных установок ПВО. По последним данным, у сербов теперь 180 самолетов. В основном новейшие «Фалькрумы» и «Фланкеры». Войска ПВО получили почти 80 установок «Бук» и «С300» и еще 140 мобильных ракетноартиллерийских комплексов ближнего действия. И еще новейшие радары и системы РЭБ. Внутренняя ситуация в Югославии неплохая. Несмотря на блокаду, экономика развивается, производство работает, люди не бедствуют.

Стив уже полгода знал, что готовится акция против Сербии, но только сейчас было принято официальное решение и сконцентрированы силы для удара. Может, капитан Грегори плохо понимал стратегические замыслы Пентагона и не видел дальше своих погон, но еще полгода назад проблему можно было решить с помощью 200–400 бомбардировщиков и штурмовиков с прикрытием из 400–500 истребителей. Эти силы можно было сконцентрировать в Южной Европе в течение полутора месяцев и за неделю разнести Югославию к чертовой матери. Сейчас это будет сложнее, сербы готовы встретить «миротворцев» во всеоружии.

Стив наугад открыл страницу. Доклад надежных источников в Югославии об оснащении ВВС новейшими ракетами «Р77» «Амрамски». Негромко выругавшись, Стив пролистал пару страниц. Открыл схему ПВО аэродрома в Бадейницах. Два дивизиона «С300», заодно прикрывавших Белград. Не менее дюжины «Панцирей», полдюжины «Квадратов». Системы РЭБ и новые радары. Все это включено в общую систему ПВО. Русские за последние месяцы усилили свою орбитальную группировку и, разумеется, подключили сербов к космосу. Не менее пяти независимых

источников подтверждают, что на югославских самолетах стоят системы спутниковой навигации. Да он сам две недели назад читал доклад о двух «Фланкерах» без радаров, вышедших прямо к авианосцу «Фош». Любой летчик знал, что без космоса или внешнего наведения такой трюк практически невозможен.

Дальнейшее чтение отчета оптимизма не добавляло. Стив поставил на пол пустую банку и потянулся за следующей. Опустошил ее, затем задумчиво сконцентрировал взгляд на телевизоре. Нет, ничего интересного там нет. Обычная приторная ежевечерняя жвачка для обывателей, тупые телешоу и идиотские шутки комиков. Взгляд медленно переместился на лежащий перед телевизором потрепанный томик. Эрих Мария Ремарк. Нет, сегодня настроение не для серьезного чтения. В принципе было два решения: пить пиво под незатейливую фолкмузыку или заняться собственным расследованием. Рассудок склонялся к первой версии. Все равно капитан ВВС ничего в этом мире не изменит, а получить проблемы на свою задницу очень просто. Но, с другой стороны, Стив Грегори, как и любой уважающий себя профессионал, любил и умел докапываться до самой сути вопроса. Он не мог остановиться на полпути.

После бессмысленного блуждания по комнате взгляд остановился на упаковке пива. Из стоящих у дивана двух пустых банок доносился терпкий, горьковатый аромат. Совершенно неожиданно этот запах напомнил Италию. Яркое обжигающее солнце, теплые волны, лениво накатывающиеся на пляж, густой запах водорослей, стройные загорелые ноги Джульетты, последней подружки Стива. Вспомнился тяжелый фруктовый аромат гниющих апельсинов в маленькой деревушке, через которую он както проезжал.

Стив поднялся с дивана, убрал пиво в холодильник, выкинул пустые банки, бросил на тумбочку папку отчета и снова вернулся на диван, заложив руки за голову. Закрыв глаза, он попытался найти ответы на некоторые вопросы. Он не мог понять, зачем командование дало русским возможность и время укрепить оборону Югославии? Почему президент еще прошлым летом недвусмысленно заявил о готовности любыми средствами прекратить геноцид в Косово и способствовать установлению демократии в Сербии, но только к февралю армия оказалась готова к действиям? И вообще, зачем Америке надо лезть в Югославию?

В этой стране нет никаких крупных запасов сырья. Нефти очень мало, только для своего потребления. Ситуация на Балканах постепенно нормализуется, и почти без участия США. Наоборот, наибольшее влияние оказывают европейцы и русские. Конечно, после волны «бархатных

революций» Югославия осталась единственной коммунистической страной в Европе. Может, дело в этом? Но существует же Куба. Прямо у берегов Штатов. И никто пока не готовит вооруженную демократизацию Острова свободы.

Стив вспомнил, что один его знакомый в Ганновере, после затянувшейся дегустации местных пива и шнапса, проболтался, что волна революций в Восточной Европе – это заслуга ЦРУ. Значит, и в Югославии вопрос можно решить сравнительно мирно, без прямого вмешательства. Милошевич не вечен, со временем его сменит более гибкий и послушный лидер. Если, конечно, помочь народу с правильным выбором.

Мозг привычно перерабатывал массивы информации, перед внутренним взором шаг за шагом проходили все этапы конфликта. Мятеж в Косово, международное эмбарго, советские конвои, помощь албанским сепаратистам, неудачный десант на Бар. Жесткая позиция СССР. А, вот оно что! За последние десять лет Советский Союз потерял все свои позиции в Европе, сильно сократил свое присутствие в остальных важных регионах мира. Значит, значение Югославии многократно выросло. Советы усиливают свое влияние в этой стране, и Милошевич им выгоден. Следовательно, Америка обязана путем подрыва ситуации в Косово сместить коммунистический режим. Понятна и позиция европейцев: сильная Югославия может стать привлекательной для множества мелких южноевропейских демократий. Это негативно скажется на европейском рынке. Кроме того, европейцам надо решить косовский конфликт в пользу албанцев и быстро вернуть туда беженцев. Стив не понаслышке знал, что албанские беженцы негативно влияют на уровень преступности в Германии и Италии. Албанская мафия вытесняет даже сицилийцев.

Ясно, что удар по Сербии необходим. Грегори не мог понять только одно, почему так поздно? Следовало найти ответ на этот вопрос. Стив понимал, что влез не в свое дело, но остановиться уже не мог.

На следующий день генерал Чейз сообщил, что в ближайшее время группа переедет в Европу. Все было понятно и без слов. Мэллори уже сегодня вечером улетает в Рим, у него нашлись дела в штабе 6го флота. Остальным экспертам следовало завершать дела и собирать вещи. Командование довольно результатами их работы, и генерал Чейз получил разрешение использовать группу во время военной операции.

Сразу после совещания Стив уехал в Вашингтон. У него была пара неотложных дел в столице. А кроме того, вечером надо было встретиться с Майклом Полянски. Старый приятель обещал помочь в одном деле, и заодно можно было выпытать у него свежие новости.

Утро началось с дикого рева самолетных турбин за окном. Подействовало лучше будильника, Стив уже успел отвыкнуть от вечного шума военного аэродрома. От ударной волны переходящего звуковой барьер истребителя не спасали даже окна с тройным остеклением. Вскочив с постели, Стив нервно задернул жалюзи и посмотрел на часы, нормально, разбудили раньше времени. Пора привыкать к шуму. Зато сон как рукой сняло, и смена часового пояса не ощущается. Быстро умывшись и одевшись, капитан Грегори спустился в столовую. Еще на лестнице он обратил внимание на то, как многолюдно на авиабазе. Последний раз он был здесь прошлой весной. Все так изменилось! Кругом множество спешащих, торопящихся людей. Недалеко от жилого комплекса вырос целый городок новеньких, сверкающих оцинковкой складских ангаров. Летное поле забито самолетами всех типов. Вчера во время прилета натренированный глаз Стива уловил не только белые звезды, но и английские, французские, итальянские и голландские опознавательные знаки на самолетах.

Выстояв очередь у раздачи в столовой, Стив нашел свободное место за столиком у дальней стены и, кивнув сотрапезникам, молча принялся поглощать завтрак. Знакомых он не заметил. Разве что в противоположном конце зала сидел майор из Невады, с которым Стив познакомился вчера вечером в бильярдной. Там же в бильярдной он из разговоров с офицерами узнал, что большинство из них были переброшены в Анцио в течение последнего месяца. Значит, Пентагон только месяц назад получил приказ готовить ударные силы. В столовой стояли шум, гомон, смех, доносились обрывки шуток. Двое лейтенантов аэродромного обеспечения, сидевшие напротив Стива, увлеченно спорили, удастся ли сегодня вечером съездить в город.

После завтрака Стив решил прогуляться, подышать свежим воздухом. Ближайший час делать было нечего. Их группа прилетела на базу Анцио только вчера вечером, генерал Чейз заранее поднял командование и интендантство базы на уши. Так что свободные комнаты в офицерском блоке уже ждали новых постояльцев, было выделено подходящее помещение под рабочий зал. Никого не забыли в первый же вечер поставить на полное довольствие. Так бы каждый день было! Стив никак не мог привыкнуть к тому, что все бытовые вопросы решались заранее, а интендант с самым наилюбезнейшим выражением лица спрашивал: «Все ли в порядке? Подойдет ли комната с видом на аэродром, или лучше на другой стороне?» Вот здесь Стив и лопухнулся, совсем забыл про аэродромное бытие, но о своей ошибке он узнал только утром.

Зато вчера, быстро устроившись на новом месте, он успел познакомиться с полковником Франклином Дэвисом, руководившим сектором разведки ВВС в Италии. Точнее говоря, они и раньше были знакомы, но только заочно. Грегори еще в Норфолке регулярно получал доклады и рапорты по Югославии за подписью Дэвиса. Кроме того, они часто общались по телефону и электронной почте. Но вчера впервые встретились лично. Полковник сразу произвел хорошее впечатление на Стива. Немногословный, сдержанный, светловолосый, подтянутый, с низким хрипловатым голосом, Дэвис умел быстро вникать в суть дела. В его ведомстве любая поступившая информация моментально сортировалась, раскладывалась по полочкам, анализировалась и без излишних проволочек поступала дальше по инстанциям.

Наконец выбравшись на улицу, Стив с наслаждением закурил. Было пасмурно, стояла сырая теплая итальянская зима. Совершенно случайно Стив стал свидетелем небольшой сцены, разыгравшейся у ворот базы. Двое военных полицейских в белых касках извлекали из кабины бензовоза бутылки с подозрительной жидкостью. Судя по хмурому, поникшему виду водителя, молодого латиноса, вяло переругивавшегося с полицейскими, ктото сегодня останется без выпивки. Обычное дело, обычная работа военной полиции. Стив достаточно насмотрелся таких сценок, видимо, водитель недавно служит и еще не знает, что нельзя ругаться с полицией, а надо просто поделиться. Неторопливо прогуливаясь по военному городку, Стив прокручивал в голове свой последний разговор с Майклом Полянски.

Незадолго до отлета в Европу Стив вырвался в Вашингтон и хорошо посидел с Майклом в ресторане. Стив умел пользоваться этим русским приемом – решать дела за столом. Полянски в последнее время резко пошел в гору, поднялся до должности зама начальника какогото комитета, обзавелся нужными контактами и знакомствами. Помогали и родственные связи. Майкл рассказал, что во время биржевого кризиса удачно прикупил акции «Локхид» и «Рокетдайн» на 300 тысяч баксов и выиграл. За последнее время акции выросли в цене. Друзья успели вспомнить старое, поделиться своими успехами. Майкл с воодушевлением рассказывал о детях и своем доме в предместье. Постепенно Стив перевел разговор на политику. Его давно интересовали некоторые аспекты американских интересов в Сербии. Он, как хороший аналитик, подозревал, что не все так просто, как говорит командование. Обстановка ресторана, отличное вино, живая музыка и вид из окна на суда, проплывающие по Потомаку, располагали к общению.

– Нет, Майкл, наши генералы совершили большую ошибку. Может, ты

и лучше меня разбираешься в политике, сидишь выше, но Милошевича надо было бомбить осенью. Тогда он был слаб, а сейчас у него все готово к войне.

– Стив, и мы готовы. Тогда конгресс не мог выделить деньги, а сегодня финансирование открыто. – Полянски сразу вступил в спор, видимо, ему просто не с кем было поговорить, не обдумывая каждое слово.

– Но осенью соотношение сил было лучше. Они только начали строить свою оборону. Мы в течение месяца могли собрать до 500 машин. Это же проходило за счет внутренних фондов дяди Сэма.

– Фонды пусть остаются, – отмахнулся Майкл, потягивая скотч, – лучше возложить расходы на конгресс. Ты работаешь со старым пройдохой Чейзом, должен знать реальное положение дел. Мы их задавим в любом случае.

– Задавим, – согласился Стив, доливая в свой бокал содовой, – но при этом потеряем полторы сотни самолетов.

– Неизбежные потери, это все списывается. Ребятам за это деньги платят. Зато мы одним махом решим кучу вопросов. Поставим в Югославии демократического президента, увеличим наш оборонный заказ, укрепимся в Европе и надерем русским задницу.

– С оборонными заказами и финансовыми выкладками я согласен. – Стив потянулся вилкой к жареному картофелю, он начал понимать связь демократизации Югославии и защиты косовских албанцев с прошлогодним мировым кризисом. Тогда хорошо ударило и по Штатам, значит, наверху решили выправить финансы за счет бомбардировок. – Но все остальное можно было решить гораздо быстрее и с меньшими потерями.

– Милошевич никуда не денется. Поимеем его в Гааге во все дыры. Главное, русские уже вложили в оборону Сербии примерно 10 миллиардов баксов. Стив, это борьба с коммунистами. Они надеялись вернуть эти деньги и укрепиться в Европе, но мы сильнее и прогрессивнее.

– Верно, они даже перебросили Милошевичу свои ракеты из южных военных округов и отдали часть своих самолетов.

– Ты так же, как раньше, все схватываешь на лету. Все это было ясно заранее. Они не могли произвести столько техники за полгода и ослабили свою армию. Мы одним ударом все это перемелем. А новое прогрессивное сербское правительство откажется платить русским по военным кредитам.

– Майк, а ты не можешь обойтись без слов «прогрессивный» и «демократический» в каждой фразе?

– Что? Заметно? Ну, извини, сегодня полдня читал выступления Олбрайт и Клинтона, так, видимо, до сих пор не могу перейти на

нормальный язык, – расхохотался Полянски.

– Ладно, бывает, – тоже со смехом ответил Стив. – Получается, мы воюем не с Милошевичем, а с Советами.

– А кому нужен этот серб? В Пентагоне половина генералов думает, что Югославия находится рядом с Ираком, а Косово в Африке.

Дружеская посиделка закончилась только в полночь. Друзья садились в такси, слегка покачиваясь. Стив остался доволен, он узнал то, что хотел. Кроме того, Майкл обещал в ближайшее время перетянуть его в Пентагон. Там должна появиться подходящая вакансия.

…Наконец время подошло к назначенному сроку, и Стив отправился в рабочий кабинет. Совещание прошло быстро. Ирвинг Чейз первым делом проинформировал группу, что в ближайшее время «будет жарко». Следует сконцентрировать усилия на анализе оборонительных возможностей Югославии и выявлении структуры ПВО. Сообщение было встречено спокойно, все и так уже поняли, что дело близится к развязке. О'Нил пожаловался на снижение числа разведывательных авиавылетов. Генерал Чейз промолчал, на вопрос ответил Форд. Он заявил, что по политическим мотивам и для обеспечения внезапности командование союзными силами решило до самого часа «Х» не заходить в воздушное пространство Югославии. А полеты вдоль границы сокращены изза обычной неразберихи. Но в ближайшее время положение улучшится. Джейн Сильвер негромко пошутила о разрекламированном всеведении космической разведки, но Майкл не расслышал ее. Больше вопросов не было, генерал Чейз, извинившись, покинул комнату. За ним разбрелись остальные. Бенг углубился в изучение свежих сводок о партизанском движении в Косово. Джейн Сильвер удалилась в свою комнату. Все уже давно знали, что Джейн предпочитала работать в одиночестве. К этому относились спокойно: главное, что человек делает, а не как он это делает.

Грегори и Шеридан поднялись к Франклину Дэвису. У того должны были появиться свежие фотокадры с приграничных батарей ПВО. Успевшие привыкнуть к муравьиной суете и всепроникающему шуму на авиабазе эксперты были удивлены тишиной, царившей в комнате разведки ВВС. Двое офицеров сосредоточенно работали с бумагами, изредка обмениваясь негромкими репликами. Молодой второй лейтенант с наушниками на голове заносил данные в компьютер. Сам полковник, стоя у окна, рассматривал фотографии. При виде гостей он сначала убрал материалы в папку, а уже затем двинулся им навстречу.

– Заходите, капитан Грегори. Здравствуйте, коммаидер?..

– Коммандер Мэллори Шеридан, рад с вами познакомиться,

полковник.

– Взаимно. – Офицеры обменялись рукопожатиями. Дэвис предпочитал обходиться без официальных церемоний. – Чем могу служить?

– Полковник Дэвис, я слышал, у вас появились новые снимки Черногории?

– Франклин, просто Франклин, – полковник повернулся к комнате. – Знакомьтесь, лейтенант Антуан Бордес, капитаны Фреди Мэй и Джон Вандер.

Разведчики молча кивнули вошедшим. И затем спокойно вернулись к своим делам. Видимо, они уже привыкли к таким незапланированным визитам. Франклин провел гостей к своему столу и выложил фотографии, которые сам только что разглядывал. Все трое склонились над столом. Внимание Стива сразу же привлек нечеткий снимок с установкой «С125» на позиции. Так он и думал, тот старый спор разрешился сам собой. Русские действительно модернизировали устаревшие системы. Толку в современном бою от них мало, но при грамотном применении могут попортить нервы летчикам. Особенно если их применять в комплексе с современными системами и для отстрела поврежденных машин.

Следующие два дня прошли в суете и заботах. Наконец 16 февраля Стив понял: чтото начинается. С десяти часов утра авиабаза преобразилась. Были получены приказы подготовить самолеты к вылету. Наметанный взгляд летчика по аэродромной суете определил, какие авиакрылья примут участие в первом ударе, какие во втором, а какие останутся в резерве.

Разумеется, сначала военную базу поразил управляемый хаос. Все кудато бежали, звучали бессмысленные команды, аэродромные специалисты демонстрировали кипучую деятельность. Никто ничего конкретного не знал, возникали самые разные версии происходящего. Но ближе ко второй половине дня утвердилось мнение, что будут бомбить Югославию. В два часа дня команда экспертов собралась в своем кабинете. Генерал Чейз в парадной отутюженной форме с десятком орденов и медалей на груди еще раз напомнил собравшимся о неразглашении тайны. Затем он подошел к украшавшей стену подробной карте Югославии и объяснил, что сегодня ночью начнется операция «Союзная сила». Вступление не произвело ожидаемого эффекта, все уже давно поняли, что к чему. Охватившая базу Анцио суета и отрывочные сообщения о лихорадочной деятельности, поразившей остальные базы НАТО в Европе, лучше всяких слов говорили о начале наступления.

После того как генерал сел на свое место, к карте подошел Пол Форд и

коротко расписал дислокацию ударных и обеспечивающих сил. Затем подробно прошелся по планам командования, основным целям, расписанию вылетов и структуре воздушных группировок. Его слушали внимательно, не перебивая. Наконец, после выступления майора, генерал Чейз предложил высказываться. Еще есть время и возможность скорректировать планы. Но предложений не было, штабисты ВВС предельно четко и грамотно спланировали операцию. Стив с чувством удовлетворения подметил, что при планировании широко использовались материалы их группы. В первой волне 626 самолетов и 280 крылатых ракет. Их цель – ПВО противника, уничтожение вражеской авиации, удары по военным объектам. Затем вторая волна в 530 машин добивает все, что уцелело, и попутно бомбит промышленные объекты. Утром, после уточнения результатов первых ударов, новый налет. На этот раз значительную часть ударных сил составят штурмовики. При этом уделяется внимание портам, транспортным узлам, центрам спутниковой связи, военной промышленности. Затем следуют планомерные бомбардировки, пока Милошевич не запросит пощады или не будет свергнут своими.

– Леди и джентльмены, – продолжил Ирвинг Чейз, – от нас требуется отслеживание изменений тактической обстановки, четкий анализ последствий бомбежек и выдача рекомендаций по схемам ударов. Предупреждаю, работы будет много, но я на вас надеюсь. Думаю, для таких специалистов и такой сплоченной группы нет неразрешимых задач.

Только сейчас посыпались вопросы. Быстро выяснилось, что половина группы проведет первую ночь миссии на местах, а не в оборудованном по последнему слову техники кабинете на базе Анцио. Мэллори Шеридан успел договориться со своим знакомым из штаба 6го флота, и в 17.00 за ним прилетит вертолет с авианосца «Рузвельт». О'Нил полетит вместе с экипажем «Сенти». А Джордж Бенг якобы только вчера узнал, что один его старый друг служит старпомом на «Фоше». Естественно, он с утра уже договорился провести эту ночь в рубке французского авианосца. В итоге никуда не полетят только Сильвер, Грегори, Форд и Чейз. Генерал, не скрывая неудовольствия, заявил, что отказался от предложения поучаствовать в работе верховного командования ради своей группы. Но никому не отказал в праве самостоятельно выбрать точку наблюдения.

Поздно вечером Стив из окна своей комнаты следил за феерическим зрелищем ночных полетов. За последние дни он успел привыкнуть к вечному шуму и реву турбин, царившим на летном поле. Сегодня утром он проснулся только от звона будильника. Организм быстро перестал реагировать на ставшие привычными раздражители, такие, как шум машин

технической поддержки, рев самолетов и рык сержантов на новобранцев. С третьего этажа административножилого корпуса было прекрасно видно залитое светом прожекторов летное поле, выстроившиеся в линейку самолеты, сновавших между ними людей. Заправленные, с подвешенными ракетами и бомбами машины одна за другой выкатывались со своих стояночных мест и после стремительного разбега уходили в небо. Десятки боевых машин. Первыми ушли самолеты управления, ДРЛО и РЭБ, сейчас взлетали истребители и истребителибомбардировщики. На горизонте, на фоне звезд кружились целые хороводы огоньков. Самолеты собирались в группы и затем организованно уходили в сторону Адриатики.

Докурив сигарету и опустив жалюзи, Стив Грегори вышел из комнаты и направился к рабочему кабинету. По пути, проходя мимо комнаты отдыха, он обратил внимание, что, несмотря на позднее время, там было полно народу и работал телевизор. У кабинета экспертной группы на часах стояли двое солдат, во время последнего совещания их не было. Видимо, часовых поставили после объявления боевой готовности. Грегори молча продемонстрировал им свой пропуск и вошел в кабинет. Все уже были в сборе. Ирвинг Чейз и Джейн Сильвер сидели перед широкоформатным монитором с цветным полноэкранным изображением карты региона. На карте светились отметки кораблей союзного флота, выделялись кружками цели ударов, позиции пуска ракет с бомбардировщиков, неторопливо перемещались значки авиационных групп. Стив заметил южнее Италии схематичные изображения районов дислокации кораблей советской эскадры.

Пол Форд расположился со своим ноутбуком за отдельным столом. При виде Стива он механически кивнул и снова уткнулся в экран. Стив Грегори как бы невзначай приблизился к Полу и заглянул в его компьютер. Майор убивал время, гоняя «Doom», кажется, 5й или 6й уровень. Каждый развлекается как может, это лучше, чем нервно курить или литрами пить растворимый кофе. Оставив Пола убивать бесчисленных монстров, Стив взял стул и присоединился к Чейзу и Сильвер. Мощный компьютер получал информацию прямо из центра управления операцией. Самые свежие, уже обработанные данные оперативной обстановки. Не было только траекторий полета крылатых ракет, уже несущихся к своим целям. Но это не важно. Часы показывали 00.30, время пошло. Машина запущена, еще несколько минут – и на противника обрушатся первые ракеты и бомбы. В штабе все рассчитали так, чтобы удары авиации и крылатых ракет пришлись на одно время. Над Адриатикой ползли красные отметки эскадрилий, самолеты ДРЛО и управления уже барражировали в своих зонах ответственности. На

одном из них был О'Нил. Вся высокотехнологичная отлаженная военная машина Соединенных Штатов, сотни самолетов и ракет, специальные набитые электроникой летающие командные пункты и летающие радары, самолеты информационного и электронного подавления были готовы через несколько минут обрушиться на маленькую, но слишком наглую страну. Кроме того, в бою должны были принять участие восемь «Спиритов». А из космических высот за театром военных действий наблюдали спутники разведки и связи.

Время шло, отметки на экране медленно двигались. Пол оторвался от игры и присоединился к остальным. Коллеги молча следили за перемещением отметок. Наконец воздушные соединения пересекли границу, уже должен был начаться бой. Сначала удары по разведанным позициям противника, затем подавление всех действующих средств ПВО, только потом удары по объектам. Стив первым заметил, что происходит нечто странное. Исчезли отметки сразу двух командных пунктов «Е3» и одного «Е8». А армада, атакующая Черногорию, отклонилась севернее своего курса.

– Черт побери! – сквозь зубы процедил Чейз. До остальных дошло, что исчезновение отметок – это не перебои на канале связи. Такого не может быть, спутниковая связь надежна. Это гибель самолетов. Гибель воздушных командных пунктов и их истребительного прикрытия.

– О боже! – прошептала Джейн, когда еще один значок «Е8» на мгновение засветился красным, а затем пропал с экрана. На этом самолете успели заметить атаку противника, но защититься не смогли. Генерал Чейз схватил телефон и, не глядя на аппарат, набрал номер.

– Что происходит? Как временные затруднения?! Полковник, что там творится?! – Не дождавшись вразумительного ответа, он с силой бросил трубку на жалобно звякнувший аппарат. В кабинете наступила тишина. Люди молча следили за разворачивающейся на экране драмой. Было видно, как лишившиеся информационного обеспечения и встретившиеся с активным противодействием группировки сворачивают со своих курсов. Некоторые значки горели зловещим красным светом, там шел бой. Только компьютер неустанно отмечал все новые и новые потерянные самолеты союзников.

Глава 22

Ад в небесах. 1999 г.

Джип катил по трассе мимо заснеженных полей и перелесков. Темнело. В лучах фар мелькали дорожные указатели и встречные машины. Вот и поворот на Батайницу. Еще десять километров по грунтовке, и они доберутся до зенитного дивизиона. Водитель, резко затормозив, свернул с главной дороги. Машина запрыгала по буграм и выбоинам. Это стряхнуло со Стаса сонную одурь. Осталось совсем немного. Главное, не застрять на разбитой гусеничными машинами дороге. Стас протер глаза и потянулся за сигаретами. В машине тепло, уютно, неудивительно, что он незаметно заснул. И куда их понесло на ночь глядя!

Последние дни армия Югославии перешла на повышенную боевую готовность. В другие дни поездку можно было спокойно перенести на утро, но сейчас в штабе решили, что сообщение о вышедшей из строя установке требует повышенного внимания. Разладившуюся систему автоматического сопровождения целей нельзя оставить на завтра. Для Стаса это означало срочный вызов. Других специалистов его уровня поблизости не было, а армейские техники, видимо, не смогли решить проблему.

Быстро темнело. Впереди на дороге показались огни фар стоящего грузовика. Иванко ехал медленно, пристально вглядываясь в изгибы дороги. Мимо проплыла лесопосадка, справа светились огоньки деревеньки. Наконец джип приблизился к съехавшему с дороги прямо в поле армейскому «ЗИЛ131». На дорогу выскочил человек в офицерской шинели и замахал руками. Это были встречающие.

– Лейтенант Поздвид Ширич, – отрапортовал офицер, подскочив к остановившемуся джипу. – Вы из Белграда?

– Здорово, друже лейтенант, долго еще ехать? – Стас сразу узнал Ширича. Он помнил его еще по прошлому приезду в ракетную бригаду.

– Здравствуйте, Станислав, извините, не узнал. Езжайте за нами.

Ширич, махнув рукой в сторону дороги, подбежал к «ЗИЛу». Тяжелая машина взревела мотором и, разбрасывая комья снега, выехала на дорогу. Иванко выждал, пока грузовик отъедет метров на двести, и двинулся следом.

– Чтоб выхлопом в нос не било, – ответил он на немой вопрос Стаса. Через полкилометра была развилка, «ЗИЛ» повернул направо. Еще десять минут тряски по выбитым колесами грузовика комьям льда, и они прибыли в расположение дивизиона.

Выскочив из замершей прямо у штабной палатки машины, Стас очутился в окружении офицеров. Короткие приветствия, и командовавший дивизионом майор Слободан Крашица повел инженера показывать поломку. Рядом шел зампотех капитан Бронислав Зорич. С первых же слов Зорича Стас понял, что проблема в блоке автоматической коррекции. Хорошо, если так. У машины РЛС их ждал весь расчет операторов. Обменявшись с ними рукопожатиями, Стас полез в кабину. Как он и предполагал, просто разладилась настройка приборов, а уже потом перегорела пара блоков. Скорее всего при попытке наладить технику. Во время разговора с ребятами его предположения оправдались. К счастью, у Зорича оказались запасные блоки. С заменой и ремонтом он справился быстро, дольше пришлось попотеть с наладкой. Наконец, погоняв установку на рабочих режимах, Стас убедился, что все в норме. Поручив техникамоператорам закрывать электронику кожухами и наводить порядок, он выбрался на свежий воздух и с наслаждением закурил.

– Ну как? Работает?

– Порядок, друже капитан. Только больше так не делайте, – ответил Стас подскочившему Зоричу. Зампотех тут же запрыгнул в открытую дверь установки, чтобы собственными глазами убедиться в работоспособности техники. Рубанов не стал его дожидаться и направился к штабной палатке. Ехать поздно вечером в Белград не было никакого смысла, лучше было позаботиться о ночлеге на месте. А решать такие вопросы нужно с местным начальником, в этом Стас давно уже убедился на собственном опыте.

Его разбудили шум и топот на улице. В палатке горел красный фонарь, трое офицеров, с которыми Стас делил ночлег, быстро одевались. На закономерный вопрос лейтенант Ширич коротко ответил, что объявили тревогу. Негромко выругавшись, Стас потянулся за своими брюками. Светящиеся стрелки часов показывали 11 ночи. Стас успел уложиться в армейский норматив по одеванию и выскочил на улицу.

Личный состав дивизиона уже строился на площадке перед боевыми машинами. Майор Крашица, недовольно поглядывая на часы, стоял у командирской машины. Последовало обычное: «Равняйсь! Смирно!» Затем, скомандовав «Вольно!», майор сообщил людям, что поступил приказ о переходе на повышенную боевую готовность. Сегодня ночью возможно вероломное нападение блока НАТО на Республику Югославию. Задача проста: занять одну из огневых позиций и ждать сигнала. В случае начала войны удерживать свой сектор пространства. Зачитав приказ, Слободан Кашица подозвал к себе командиров батарей и отдельных взводов. Еще

пара минут, и последовала команда: «По машинам!»

Стас наблюдал за построением со стороны, но, после того как строй рассыпался, первым рванул к мобильному командному пункту. Несмотря на полное право оставаться на месте или возвращаться в Белград, он решил ехать с зенитчиками. Майор только коротко кивнул, увидев в боевой машине гражданского специалиста. Механикводитель уже прогревал мотор, люди быстро и без суеты занимали свои места. Наконец машина стронулась с места. Майор Крашица вел дивизион к позиции в двух километрах южнее лагеря. Все уставы и наставления недвусмысленно рекомендовали сразу после объявления тревоги сменить позиции, особенно если на старом месте включались активные средства обнаружения или противник мог засечь дивизион.

Несмотря на ночь, водители уверенно вели свои машины. Всего пять минут марша, и командный пункт замер в ложбине между двумя холмами. Радарная станция «Купол», лихо развернувшись на месте, остановилась, не доезжая 200 метров. Полноприводные «КамАЗы» с запасными ракетами и возимым имуществом свернули правее и остановились под защитой крутого обрыва на склоне холма. Три огневые батареи рассредоточились в радиусе полутора километров. Пара «Тунгусок» ближнего прикрытия выдвинулись на северозапад, туда, откуда скорее всего и появятся вражеские самолеты. Самыми последними подъехали связисты и взвод радиоэлектронного противодействия. Эти ребята, не мешкая, принялись разворачивать посты оптоэлектронного наблюдения на возвышенностях и подключать свою технику.

Дивизион замер в полной боевой. Уложились в положенные пять минут. Зенитчики первым делом проверили каналы внутренней связи и работу противорадарных средств. Все было в норме. После того как с последнего внешнего поста наблюдения доложили о готовности, Слободан Крашица связался с командиром бригады и доложил, что дивизион готов к бою. Оставалось только ждать. В узкие окна командной машины были видны солдаты в белых халатах, раскатывавшие по снегу кабель. Это налаживалась проводная связь с внешними постами наблюдения. Люди не теряли времени даром, оборудовали позиции, вели наблюдение, маскировали технику. Невдалеке цепью рассыпалась рота охраны.

Зенитчики коротали время за разговорами. Один из операторов негромко рассказывал о своем доме. Он был родом из небольшой деревеньки на берегу Тисы, в крае Воеводино. И сейчас вспоминал, как всем миром отмечали сбор урожая, как он с ребятами гулял по деревне до самого утра, как ездили в город на дискотеку. Постепенно разговор

перешел на послевоенные планы. Механикводитель, плотный курчавый паренек, мечтал после демобилизации открыть в родном Нише автосервис. А еще один техник рассказывал, что у его отца маленький магазинчик в Баре, есть перспективы расширить бизнес. Незаметно за разговорами шло время, стрелки часов перешли за полночь, наступило 17 февраля. Стас удобно расположился в кресле и, прикрыв глаза, прислушивался к разговорам.

В кабине раздался негромкий сигнал рации. Индикаторы показывали, что это закрытый канал связи со штабом ПВО. Наступила тишина, слышно было только майора и приглушенный голос в трубке. Сообщали, что «В Италии град». Это был кодовый сигнал начала войны. Противник уже выходил на рубежи атаки, через несколько минут начнется. Получив сообщение, майор быстро опросил по рации батареи и посты, все были готовы, все было в порядке. Еще через десять минут на командный пункт по каналу космической связи пошла информация из узла управления округа. С запада приближалась большая группа самолетов противника, не менее семидесяти машин, высота 7 километров, скорость 1400 километров в час. Через пять минут они будут в зоне досягаемости передовых батарей. Вторая ударная группа НАТО держалась севернее.

Снаружи донеслась стрельба. Короткая злобная очередь зенитного автомата разорвала ночную тишину. Майор Крашица не успел выйти на связь с постами наблюдения, как по УКВ последовал доклад командира «Тунгуски»: замечена и сбита малоразмерная низколетящая цель, скорее всего беспилотный разведчик. Станция радарного обнаружения дивизиона и РЛС огневых установок пока молчали, не спеша выдавать противнику свою позицию. Работали только радары обеих «Тунгусок», с них и была засечена цель.

Сражение началось. Армада противника шла прямо на позиции дивизиона, вторая группа, четко выделявшаяся на экране обзора оперативной обстановки, должна была пройти севернее, практически миновав зону действия «Буков». Сейчас по самолетам работали приграничные дивизионы и полки ПВО. Части, оснащенные в основном старой, хоть и модернизированной техникой. Судя по всему, противник уже нес потери. Несколько отметок вражеских машин погасли, исчезли с экрана, полдюжины самолетов возвращались назад. Стас старался не думать, какой ценой досталась это победа. «С125» не могли быстро менять позиции, а их станции наведения были хорошо известны американцам, они в первую очередь становились целями для противорадарных ракет. Расчетам приходилось надеяться только на системы РЭБ, внезапность и

маскировку.

Дивизион был включен в единую систему управления ПВО страны, информация о целях и тактической обстановке поступала на командный пункт прямо с центра управления. Когда заработают станции обнаружения дивизиона, их информация так же незамедлительно будет автоматически поступать в Центр. Иногда изображение расплывается или гаснет часть карты, это действуют вражеские постановщики помех или выключаются наземные радары. Хочется верить, что по командам своей автоматики, а не от прямых накрытий вражеских ракет и бомб. На экране в 160 километрах южнее появились и быстро исчезли отметки полудюжины целей. Стас заглянул через плечо майора в карту района, которую тот изучал с циркулем в руках, придирчиво вымеряя зоны действия ракетных дивизионов округа. Исчезнувшие отметки как раз вошли в такую зону стоящих под Кралево «С300». Хорошая система, вычищает все в радиусе ста километров, правда, «С300» долго перезаряжать. Но не бывает идеала, у каждой системы свои недостатки.

Тем временем дистанция до вражеских самолетов сократилась до сорока километров. Высота полета 7300 метров, скорость 2150 километров в час. Групповая цель из двенадцати машин, правее, на удалении восьми километров, идут еще 14 самолетов. Майор оторвался от карты.

– Время. Включить станцию обнаружения. Батарее № 2 переключиться на центральное наведение.

Настал тревожный момент. Дивизион вступал в бой, его прекрасная радарная станция «Купол» могла засечь даже воробья и прекрасно работала в условиях сильного радиоэлектронного противодействия. Автоматика дивизиона могла одновременно наводить ракеты на 20 целей, но зато в этот момент зенитчики становились видимы для противника. В головах крутился только один вопрос: кто первый? Так ли надежны системы РЭБ, как их рекламируют?

Но пока головы думали, руки действовали. Включилась станция, и сразу обстановка приобрела четкость, точные координаты и параметры целей потоком полились на экраны.

– Вторая цель захвачена. Третья цель захвачена, – прозвучал доклад наводчика.

– Огонь!

Мигнули индикаторы, отображавшие состояние огневой установки, – всё, ракеты пошли. На этом забота людей об отмеченных целях заканчивается. Дальше управление ракетами и корректировку курса возьмут на себя вычислительные приборы. Четыре ракеты, следуя за

тонким, как спица, лучом подсветки, понеслись к своим целям. Следом отстрелялась вторая установка батареи. Командир огневого звена запросил разрешение на перезарядку, но Слободан Крашица сначала выпустил по противнику четыре ракеты с пусковых ложементов пускозаряжающей машины и только затем разрешил перезаряжать батарею. Майор стремился накрыть максимальное число целей первым залпом, но при этом увеличил время на перезарядку батареи. На транспортных ложементах остались только четыре ракеты, только на одну огневую установку. Значит, придется гнать на позицию «КамАЗ» с запасными ракетами, это потеря времени.

Вокруг вражеских самолетов вспыхнуло облако помех и почти сразу исчезло, радар автоматически скакал с волны на волну, не давая противнику сбить его с цели. Все 12 ракет шли к цели, расстояние стремительно сокращалось. Сейчас уже должны включиться головки самонаведения, у операторов чесались руки отключить подсветку. Это риск, противник может засечь зенитный радар и ударить по его позиции. Не поможет даже постоянная смена частот, но, с другой стороны, противнику гораздо труднее уклониться от наводимых с радара ракет. Значит, больше самолетов не вернется на базу и не сможет ударить по позициям дивизиона.

В этот момент автоматика отключила станцию обнаружения и наведения, а два «Газетчика» начали отстрел патронов с дипольными отражателями и выпустили ракетыловушки. Противник обнаружил зенитчиков, через пару минут на них обрушится кара в виде тяжелых противорадарных ракет. Майор Крашица рыкнул в микрофон приказ радарной станции сниматься с места и уматывать к такойто матери. Но там и без приказа знали, что делать. Установка взревела мотором и быстро перебралась на новое место. Не теряя времени, майор переключил каналы управления и разрешил батареям вести огонь самостоятельно. Такой же приказ получили «Тунгуски», впрочем, они не входили в единую систему управления дивизионом и работали только от собственных радаров.

Картинка на экранах утратила четкость, сказывалась несогласованность данных с огневых установок, постов наблюдения и информации от штаба, из которых ЭВМ собирала общую картину. На юге появились две полуразмытые нечеткие цели, дистанция 38 километров. Ближе всего к ним была первая батарея.

– Это «Томагавки»! – с трудом выдавил из себя Стас, он единственный узнал знакомые по нескольким учебным занятиям отметки дозвуковых низколетящих целей. Майор понял его с полуслова, пара коротких команд – и первая батарея была переключена на управление с командного пункта. К этому времени она успела расстрелять только три свои ракеты. Крашица

дал четырехракетный залп, по две ракеты на каждый «Томагавк». Этого хватило.

А в небе творился сущий ад, обе попавшие под огонь «Буков» группы самолетов потеряли большую часть своих машин. Оставшиеся хаотично метались в небе, сбрасывая мешающие им ракеты и бомбы на землю. Но, видимо, несколько самолетов успели отстреляться. В небе над позицией дивизиона рвануло. Исчезла связь с одним «Газетчиком», затем через мгновение последовали еще два взрыва. Командный пост качнулся от ударной волны. Ошарашенно смотрящие друг на друга люди услышали сильный удар по корпусу машины. Стас зажмурил глаза, нет, вроде дымом не пахнет и никто не выскакивает из кабины. Из потолочных плафонов льется мягкий привычный свет. Все приборы работают.

Въевшиеся в кровь навыки оказались сильнее инстинктов, люди продолжали работать. К позиции дивизиона приближались три самолета. Они уже рядом, еще дветри минуты, и штурмовики обрушатся на перезаряжающиеся пусковые установки и беззащитные машины обеспечения. С поста оптоэлектронной разведки сообщили, что это не штурмовики, а «F16». Хрен редьки не слаще! Еще минута, и… Но в дело вступили «Тунгуски». Идущие на малой высоте истребителибомбардировщики не смогли отвернуть от стремительных огнехвостых ракет с тепловыми головками. Две машины рухнули на землю, летчики даже не успели катапультироваться. Ведущий сумел немыслимым маневром увернуться сразу от двух ракет, но оказался в зоне действия 30мм автомата. В небо ударили огненные струи очередей. Не менее десятка снарядов впилось в корпус и крылья истребителя, буквально разрывая его на куски.

Удостоверившись, что непосредственная угроза миновала, командир распорядился включить станцию обнаружения. Сразу вырос радиус уверенного наблюдения за пространством. Все установки и отдельные подразделения дивизиона функционировали. Был потерян только один «ГазетчикЕ», но люди не пострадали. Сейчас расчеты торопились ставить новые ракеты на опустевшие направляющие установок. Обстановка в небе была спокойной. Четыре самолета уходили на запад, они уже вышли из зоны поражения «Бука». Но севернее шла плотная групповая цель. Даже мощный современный радар «Купол» не мог вычленить в этом скоплении отдельные машины. Заманчивая цель, по идее, такую плотную группу следовало накрывать залпом всего дивизиона, чтобы тяжелые ракеты разорвали вражеский строй на куски, сбивая по нескольку рядом идущих самолетов каждой ракетой. Но после боя только на одной огневой

установке был полный комплект ракет, и еще на одной пускозаряжающей машине одна готовая к пуску ракета. На остальных машинах работали люди, с помощью лебедок и автомобильного крана ставившие новые ракеты.

– Захват цели. Огонь! – Майор, не раздумывая, израсходовал последние пять ракет. Четыре из них достигли цели, и только одна ушла в сторону, отвлеченная ловушкой. Хороший результат. Замигали зеленым индикаторы боезапаса еще одной установки. Быстро навести ракеты. Пуск. И еще четыре огнехвостые посланницы смерти ушли вдогонку, пока противник не успел выйти из радиуса действия дивизиона. Последний привет от майора Крашицы и его людей, но не последний от сербской ПВО. Судя по показаниям радара, соседи плотно насели на армаду, так что от нее ошметки летели.

В небе над дивизионом было чисто, только на западе некоторое время барражировали два истребителя. Автозапросчик подтвердил, что это свои. Через пару минут ушли и «МиГи». Обстановка над Югославией была хорошей, сражение заканчивалось. Майор вызвал на связь штаб бригады и доложил о результатах боя, затем принялся обзванивать соседей.

Новости были неутешительными: несмотря на десятки сбитых самолетов противника, ракетная бригада понесла потери. Второй дивизион в скоротечном бою потерял целых четыре пусковые установки и станцию обнаружения. Они оказались прямо на пути сильной воздушной группировки противника. После первых залпов зенитчиков американцы сумели нанести ответный удар. Практически, после массированного удара «HARMами» с предельной дистанции, дивизион прекратил свое существование как боеспособная часть. Зато в первом дивизионе отделались перевернутым взрывом грузовиком, люди не пострадали. А командовавший дивизионом подполковник Воислав Томашевич заявил, что сбил настоящий «B2» «Спирит», во всяком случае, именно такая «Летучая мышь» лежит в пяти километрах от его командного пункта. Связи с четвертым дивизионом не было. Впоследствии Стас узнал, что на них обрушился удар бомбардировщиков. Прямыми попаданиями были уничтожены одна огневая, одна пускозаряжающая установка и передвижной командный пункт.

На радаре было чисто, из центра сообщили, что нападение отбито. Расчеты закончили установку новых ракет, и дивизион был снова готов к бою. Майор решил сменить позицию, пока противник не повторил налет. Но сначала он дал пять минут на отдых, понимая, что людям необходима разрядка.

Стас первым выбрался наружу. В лицо ударил прохладный освежающий ветерок. В небе горели яркие звезды, на фоне снежной равнины выделялись силуэты машин. Изза холма выехала «Тунгуска», дивизион стягивался в маршевую колонну. В паре сотен метров от командного пункта на белом снегу выделялись темные проплешины, выплавленные взрывами вражеских ракет.

– Смотри! – спрыгнувший на землю следом за Стасом сержант показывал рукой на лежащий рядом с кормой машины кусок железа. Больше всего это напоминало изуродованный кусок трубы. Подняв глаза выше, Рубанов увидел вмятину на моторном отсеке. Только сейчас он понял, что перед ним осколок корпуса «HARMa», на излете попавший прямо в командирскую машину. Будь взрыв ближе или скорость осколка выше… При этой мысли Стаса передернуло. В этот момент до него начало доходить, что он участвовал в бою. И пусть это современное высокотехнологичное сражение, где не видишь противника в лицо, где все решают компьютеры, самонаводящиеся ракеты и спутниковые системы связи, все равно, даже на такой войне убивают, и убивают больно. Как ребят из накрытых взрывами ракетных установок или летчиков, которых Стас никогда в жизни не видел и не знал об их существовании, но именно он сегодня наводил ракеты и распределял цели. Значит, и он сегодня убивал на этой войне. Такова жизнь, двадцатый век завершается. Приходит новое время, время кнопочных войн.

Из люка высунулся еще один сержант и крикнул, что пора возвращаться в кабину. Дивизион менял позицию. Забравшись обратно, в светлую теплую кабину операторов, Стас узнал, что они получили приказ отойти на 40 километров назад, закрыть дыру, образовавшуюся после гибели второго дивизиона. Заодно на месте к ним должны присоединиться оставшиеся батареи несчастной части.

Ускоренный марш – и зенитный дивизион вышел на новую позицию. Короткая рекогносцировка местности – зенитчики развернулись в боевой порядок. Майор Крашица, оглядевшись по сторонам, оценил позицию одним коротким емким словом. Штабисты, заботясь об общей схеме перекрытия опасных направлений, неудачно выбрали место. Ровное поле, никаких естественных укрытий, только небольшая речушка и два неглубоких овражка. В паре километров вниз по течению виднеется небольшая деревенька. Вскоре к ним присоединились остатки второго дивизиона майора Гремича.

Пока офицеры искали, где разместить оба командных пункта, Стас набросал схему включения в единый комплекс огневых средств обоих

дивизионов. Нужно было быстро переключать управление с главного на резервный командный пункт и задействовать резервные каналы управления для контроля над новыми машинами. Все равно в наличии только одна станция обнаружения целей, значит, надо включать батареи в один боевой комплекс.

Общее командование взял на себя Крашица, на Гремича были возложены обязанности заместителя. Батареи заняли позиции на равнине, растянувшись фронтом в четыре километра, машины обеспечения и грузовики загнали в один из овражков, поглубже. Во втором овраге разместился командный пункт Крашицы, резервный мобильный пункт Гремича спрятали под обрывистым берегом речки. Тяжелую машину спускали, подстраховывая буксирами двух огневых установок. Вытаскивать ее придется так же. К удовольствию всех офицеров, ближнее прикрытие усилилось за счет двух «Панцирей», обе машины пережили первый бой и даже записали на свой счет пару «F16», оказавшихся в пределах досягаемости их ракет.

Всего полчаса напряженной работы, и вновь сформированный дивизион был готов встретить врага. Посты оптоэлектронной разведки расположились по периметру позиции. Все четыре ЗРАК были выдвинуты на запад, на самое опасное направление. Командные пункты спрятали в естественных укрытиях, радар, наоборот, расположился посреди ровного поля. Наличные постановщики помех разместили вокруг радара и между ракетными батареями. При этом учитывался опыт первого боя. «Купол» второго дивизиона погиб, потому что не успел быстро выбраться из укрытия, а постановщики помех не смогли скрыть его от концентрированного ракетного удара.

Все было готово, и опять потянулись тягостные длительные минуты ожидания. Но в этот раз разговоры вертелись вокруг прошедшего боя. Настроение у людей было приподнятым. Они сами убедились, что враг не так страшен, как его малюют. Особое воодушевление вызвало сообщение из штаба о предварительных итогах сражения. Было уничтожено два «B2A» «Спирит», одного приземлил третий дивизион их бригады, а второй встретился с ракетой комплекса «С300» под НовиСадом. Кроме того, югославские летчики сообщали, что поврежденный авиационной ракетой «Спирит» ушел в сторону Адриатики.

Всего говорилось о подтвержденном перехвате 260 самолетов и 200 крылатых ракет. Сообщение штаба транслировалось на все боевые машины и рации отдельных боевых постов. После озвучивания цифр вражеских потерь над позицией разнеслось громкое «Ура!». Кричали все, даже

Слободан Крашица, на секунду позабыв о солидности, орал во все горло. Радость омрачили цифры потерь югославской армии. За победу пришлось заплатить 17ю истребителями и 46ю зенитными установками. Несколько вражеских самолетов прорвались к Белграду и НовиСаду, ударам подвергся Бар. Сообщалось о пожарах на авиационном заводе и химических производствах. Несколько ракет попали в жилые дома. Погибли люди.

Время шло. Стас, прислушиваясь к разговорам товарищей, уже начал надеяться, что противник не осмелится на повторение удара. Но летчики НАТО оказалось крепче, чем ожидалось. Дивизион получил предупреждение о повторном налете. На терминалы ЭВМ командного пункта по каналу космической связи потекли каскады информации. Две крупные воздушные армады приближались к северной части Югославии. Ещё одна, всего из 48 машин, шла на Косово. Ровно через 12 минут пошли данные от наземных РЛС, передовых постов и первой линии ПВО. Там начался бой. Вскоре на экранах возникла третья группа на Белградском направлении. Противник учел свои ошибки и не разбрасывал силы по всем скольконибудь важным целям, а сконцентрировал самолеты в трех многочисленных ударных группах. Каждая более чем в сотню машин.

Через три минуты после огневого соприкосновения из штаба бригады передали предупреждение: противник стремится давить системы ПВО. В составе группировок большое число специальных самолетов РЭБ и истребителейбомбардировщиков с противорадарными ракетами. Это сообщение не добавило оптимизма. На лицах людей появилось угрюмое выражение. Майор Крашица отдал приказ завести моторы машин и при первой же опасности менять позицию. Его дивизион расположился удачно, обе группировки противника, атакующие Белград, должны были оказаться в зоне их досягаемости. Если не отвернут в сторону. Третья группа шла на Черногорию. В этот момент она уже расстреливалась приморской группировкой ПВО и перехватчиками.

Сражение постепенно приближалось. Все как в первый раз. Четкие доклады зенитных дивизионов и батарей, панорамные радарные портреты вражеских группировок. Непрерывный поток информации от спутников разведки. Уже было ясно, что одна армада пройдет в 20–30 километрах севернее, вторая группа нацелилась на Воеводино. Американцам не давали покоя химические и нефтеперегонные заводы.

Разговоры незаметно стихли, люди, не отрываясь, следили за приборами и развернувшейся на экранах баталией. Слободан Крашица равнодушно смотрел на экран, на его лице ничего не отражалось, только в уголке рта подрагивала сигарета. Заметив пристальный взгляд Стаса, майор

смущенно улыбнулся и погасил окурок. Курить в боевой машине не позволялось даже командиру.

Наконец до противника осталось 42 километра.

– Включить радар!

– Захват целей! Распределить по установкам.

Люди действовали четко. Как только на обзорном экране станции обнаружения вырисовывались отметки самолетов противника, операторы быстро распределяли цели, стараясь успеть, пока американцы не засекли работу РЛС. Радарная станция автоматически перескакивала с одной частоты на другую, это затрудняло обнаружение и наведение «HARMов», но, к сожалению, ненадолго.

Минута работы, и последовал залп. Стреляли одновременно все установки. Меньше чем за минуту с восьми огневых и пяти пускозаряжающих установок ушли все 52 ракеты. Позиция дивизиона окрасилась вспышками, а затем над землей вырос целый лес дымных столбов. О маскировке не было и речи. Майор Крашица принял рискованное решение нанести один мощный удар, стремясь одним залпом поразить максимальное число целей. Плотный строй противника не позволял определить точное количество самолетов, но центральная ЭВМ, обработав данные, полученные за все время, когда противник был на экранах Югославской ПВО, определила их количество в 80–90 машин. Хорошо, если учесть, что границу пересекли около 140 самолетов.

Ракеты стремительно неслись к целям. Станция обнаружения обеспечивала наведение только двадцати ракет, остальные шли по лучам подсветки с радаров огневых установок. Самый опасный момент, когда весь дивизион, сбросив маскировку, шумел своими радарами. Стасу казалось, что они стоят голые посреди многолюдной площади. Вся человеческая сущность кричала: «Быстрее! Глушить радары и драпать! Быстрее, пока не получили по рогам». Но зенитные ракеты без подсветки с земли могут быть уведены в сторону помехами и ложными целями. Вражеские летчики до конца боролись за свою жизнь, используя весь богатый арсенал противоракетных средств. Могло произойти и коечто похуже: потерявшие цель ракеты бросаются на любой самолет и могут попасть в своих же перехватчиков. Сейчас восемь истребителей заходили на цель. Еще одна четверка маневрировала на удалении, выбирая момент и ракурс атаки.

Война нервов. Битва мозгов, мощных компьютеров, надежных радаров и скоростных ракет. Побеждает тот, кто лучше просчитывает ситуацию, у кого крепче нервы, чья техника лучше работает в условиях сплошной

пелены помех, накрывшей район боя. А самое главное, побеждает тот, у кого лучше организация и лучше средства целеуказания.

На периодически мигавшем и покрывавшемся метелью помех экране разыгрывалась основная фаза боя. Сербские и американские истребители обменялись залпами ракет. Несколько отметок самолетов погасло, из них две югославские, летчики не сумели увернуться от сверхскоростной ракетной смерти. Стая «Буков» неумолимо приближалась к своим целям. Осталось только 15 километров, это меньше полуминуты полета. Глаза следили за счетчиком расстояния: «Быстрее, быстрее». Но противник уже засек позиции дивизиона, удивительно, что не сразу после старта ракет. От вражеских машин отделились ракеты, не менее дюжины быстро разгоняющихся малозаметных желтых точек на экранах. Это тяжелые смертоносные «HARMы», идущие прямо на зенитчиков.

Все. Надо бежать. Гусеничные машины взревели и буквально прыгнули с места. Стас и не думал, что громоздкие огневые установки могут стартовать, как гоночные автомобили. Водители выжимали из дизелей все, что возможно. К черту гусеницы и воющую трансмиссию! Если попадут, будет не до шестеренок. Одновременно погасли все радары. Ракетам предстояло идти дальше без наземного наведения. Дистанция небольшая, можно было надеяться, что большинство найдет свои цели. А может, и не одну. Боевые части «Буков» при взрыве создавали целое облако осколков, разрывавших все в радиусе пяти десятков метров.

Сразу после открытия огня дивизион задействовал все свои постановщики помех, но это была пассивная мера. «Газетчики» уводят и сбивают с курса одиночные ракеты, они могут отвлечь, увести в сторону значительную часть вражеского залпа, но все равно часть «HARMов» дойдет до цели. Современные противорадарные ракеты имели блоки памяти и шли точно в ту точку, куда их направили. С равным успехом засекая как настоящие радары, так и ложные цели. Хорошо, если машины успеют убраться на безопасное расстояние.

В небе громыхнуло, затем еще и еще. Вражеский залп достиг цели. Стас при звуках взрывов инстинктивно вжался в кресло. Тонкие стенки машины не спасут от осколков. Сердце замерло на несколько секунд, а затем бешено застучало. Живы! Враги не попали! Но времени радоваться не было. Первым делом – самолеты. Майор уже вызывал по рации боевые посты. На пульте погасли индикаторы двух огневых установок. Лампочка индикатора связи с радарной станцией горела, значит, локаторщики живы. Это означало, что дивизион не потерял боеспособность и после перезарядки ракетных установок может продолжить бой.

Экран оперативной обстановки показывал черт знает что. На северозападе светилось огромное пятно сплошных помех. Восточнее виднелись силуэты югославских перехватчиков. Появился и снова пропал сигнал от вражеского истребителя на самом краю зоны видимости. Вскоре включилась локаторная станция дивизиона. Картинка приобрела четкость. Исчезли помехи. Мощный радар и компьютеры «Купола» автоматически отсеивали ложные цели и облака дипольных отражателей. Вражеская армада сместилась восточнее, на экране было около пятидесяти целей. Значит, залп не пропал даром, внеся опустошение в четкий строй самолетов НАТО. Противник еще находился в зоне досягаемости, но направляющие установок были пусты. К тому времени, как их перезарядят, враг уйдет. Оставалось надеяться на соседей. Перекличка показала, что дивизион потерял две пусковые установки и были ранены трое солдат с поста оптической разведки. Стас поднял глаза на табло часов: бой длился три минуты.

Джип, довольно урча мотором, катился по асфальту. По сторонам дороги искрился снег, настало утро. Стас угрюмо смотрел прямо перед собой. Водитель, прекрасно понимая состояние инженера, вел машину молча, только тихо играло радио. Ехали быстро, встречных машин почти не было. Только один раз им встретилась колонна грузовиков. На небе светило яркое солнце, ни облачка. Но Стасу было не до смеющегося яркого солнца, перед его глазами до сих пор стояли тела ребят из разбитых установок. Восемь молодых здоровых парней. Еще ночью они были живы, пока в их установки не попали ракеты. А потом их тела вырезали автогеном из железных гробов. При прямом попадании «HARMa» от машин остаются только обгорелые обломки и куски тел, вдавленные в рваное железо.

На душе было муторно, хотелось нажраться водки до потери пульса, но нельзя. Впереди совещание в штабе, а затем опять в дивизионы. Превращать понесшие потери части в боевые единицы.

Они уже подъезжали к Белграду, по сторонам дороги тянулись пригороды. Севернее в небо упирался столб дыма. Стас знал, что там горит авиационный завод, ночью ему досталось. Там сейчас авральные команды тушат пожары и разгребают завалы, люди стараются спасти оборудование. Неожиданно Иванко резко нажал на тормоз. Машина замерла на обочине. В сотне метров от дороги стоял полуразрушенный дом. Два подъезда жилой трехэтажки за ночь превратились в кучу битого кирпича. Кругом валялись обломки, какието тряпки. Соседние дома зияли провалами выбитых окон. Людей почти не было, только несколько человек разбирали завал. Видимо, спасатели и медики уже закончили свою работу.

Иванко выскочил из машины и побежал к руинам, Стас последовал за ним. Этой ночью Станислав Рубанов уже сталкивался со смертью лицом к лицу, и вид разбитого дома не вызывал у него таких чувств, как у Иванко. Только в голове крутилась мысль: «Успели ли люди выскочить на улицу?» Иванко быстрым шагом, почти бегом приближался к развалинам, но вдруг остановился. Перед ним в луже лежала большая кукла. Иванко присел и бережно взял игрушку в руки. Стас догнал его и положил руку на плечо парня. В глазах Иванко стояли слезы. Ни одного слова, все было ясно и так. В заплаканных глазах серба читался немой вопрос: «За что?!»

Глава 23

Морской ад. 1999 г.

Война шла совсем не так, как планировали в Пентагоне. Простая акция по умиротворению и «демократизации» маленькой независимой республики превратилась в настоящую войну. Войну с огромными потерями для агрессора. После первого неудачного для НАТО ночного сражения маленькая республика сама нанесла противнику несколько болезненных ударов. Военные советники из СССР прекрасно понимали значение воздушной мощи в современной войне.

Уже утром 17 февраля Югославия ответила штурмом авиабаз Ринас и Тузла. К удивлению аналитиков и генералитета, удары были очень эффективными и прошли почти без потерь. Налеты оказались неожиданными для противника, а армейская ПВО США традиционно была слабой. В Пентагоне считали, что оборону должна обеспечивать собственная авиация путем уничтожения вражеских аэродромов. Это была ошибка. Попутно югославские ВВС атаковали американских «миротворцев» в Боснии. В этом случае моральный эффект многократно превзошел реальные потери американцев. В следующие три дня над Боснией американцами были сбиты три своих и один английский самолет. Хороший результат, если учесть, что над Тузлой зенитчики сбили только один штурмовик «Orao», а на аэродроме были потеряны 36 машин. Это целое авиакрыло.

После первых столкновений интенсивность боевых действий снизилась. НАТО пыталось прощупать оборону Югославии разрозненными ударами штурмовиков и истребителейбомбардировщиков по приграничным объектам. Результат был близок к нулю, если не считать двух десятков союзнических самолетов, оставшихся на земле.

Югославские генералы, в свою очередь, трезво оценивали собственные возможности. Несколько болезненных ударов в первые два дня войны, и все. Противник усилил объектовую ПВО, в воздухе постоянно дежурили перехватчики и самолеты ДРЛО. На земле была экстренно развернута сеть наблюдательных постов. Активные действия в таких условиях неизбежно вели бы к тяжелым потерям. А у сербов и так было мало современных самолетов. Игра не стоила свеч.

В СМИ царила неразбериха. Благодаря стараниям обеих сторон, поступала крайне противоречивая информация о войне. Центр по связям с общественностью объединенного командования сообщал о больших

потерях Югославии в результате ночного удара. Правда, никто не называл этот удар внезапным. Уже на следующее утро в газеты просочилась информация, что сербы были готовы к нападению и организованно встретили «демократизаторов». В репортажах, согласованных с союзным командованием, делался акцент на высокие боевые качества попадающих в яблочко ракет со спутниковым наведением и самолетовневидимок. Генерал Кичнер, возглавлявший Центр, заявил, что в воздухе и на земле уничтожено 120 югославских самолетов. Были выведены из строя все радары ПВО и большинство новейших ЗРК. Правда, генералу пришлось признать, что противник, получивший огромную военную помощь из СССР, смог сбить и повредить 126 самолетов альянса. В основном благодаря комплексам «С300».

Но, кроме официальных релизов прессцентра, уже 18 февраля начали поступать репортажи с той стороны. В отличие от знаменитой «Бури в пустыне», журналисты имели доступ и к информации, не прошедшей через строгий фильтр цензуры. Сообщения из Югославии сначала вызвали недоверие и скептицизм, слишком они противоречили официальной трактовке событий. Но с увеличением числа репортажей, в том числе и от западных журналистов, оставшихся в осажденной республике, общественность все больше начала склоняться к иному взгляду. В заявлениях Югославского генштаба сообщалось о перехвате и уничтожении 294 самолетов, 32 вертолетов, 200 крылатых ракет и 54 беспилотных аппаратов. Потери Югославии также оценивались на порядок меньше, чем из источников альянса. Всего признавалась потеря 28 самолетов. Все европейские и многие американские газеты печатали фотографии разбитых и сожженных самолетов с опознавательными знаками США, перемежавшиеся снимками разрушенных югославских домов. Остановить этот девятый вал было невозможно, открытость прессы и Интернет сыграли над «демократизаторами» злую шутку. 19 февраля в пространной статье в «Дойче цайтунг» вежливо насмехались над военными потугами «Союзной силы», прикидывали: во сколько еще человек обойдется американцам и англичанам эта война. Неудивительно, что рейтинг Гельмута Коля резко вырос. Немцы были благодарны своему канцлеру, удержавшему страну от участия в кровавой бойне с сомнительными перспективами.

Мадлен Олбрайт на срочно организованной прессконференции выступила за продолжение войны: «Милошевич должен ответить за все!» Было ясно, что американцы не могли простить Югославии такую оплеуху. Оскорбление должно смываться кровью врага. На следующий день после

крайне агрессивного заявления Олбрайт, 20 февраля, сразу во всех крупных европейских газетах появились репортажи с разрушенной сербской авиацией авиабазы под Тузлой. Журналисты Ирвинг Гейтс и Михаель Зееловиц, предоставившие репортажи, говорили о препятствиях, чинимых американцами свободной прессе. О полностью перекрытом доступе к правдивой информации. Их коллега Пауль Зибель был арестован американцами при попытке попасть на аэродром и вывезен в неизвестном направлении. Вырвавшимся из Боснии журналистам удалось привезти с собой видео и фотоматериалы. Съемка велась с большого расстояния, со склона горы, но тем не менее на фотографиях было отчетливо видно летное поле, разбитые самолеты союзников, разрушенные здания.

Это был взрыв сильнее атомной бомбы. Правительство ФРГ жестко потребовало от США вернуть немецкого гражданина. Чувствуя за собой поддержку СССР, немцы выдвинули против США обвинение в нарушении прав человека. Уже 23 февраля Зибель был передан немецкой стороне с соответствующими извинениями. Инцидент был исчерпан. Но гораздо хуже обстояло дело с самим репортажем. Слишком хорошо европейцам была известна приверженность американцев концепции генерала Дуэ. Многие еще помнили уничтоженные союзниками Дрезден и Гамбург. Хорошо была известна и ударная мощь американской авиации. Со времен Второй мировой сами американцы ни разу не подвергались воздушным ударам, всегда успевая пробомбить противника первыми. И тут вдруг воздушный удар по американской авиабазе.

Это был шок. Представители объединенного командования не нашли ничего лучшего, чем объявить репортаж выдумкой, а фотографии подделкой. Было даже высказано предположение, что это югославский аэродром, благо, снимки были сделаны с большого расстояния и подробности на них не видны. Увы, на нескольких фотографиях обнаружился характерный силуэт штурмовика «А10 Тандерболт». У СССР и Югославии не было машин, даже отдаленно напоминающих этот самолет.

Снижение активности авиации НАТО косвенно подтверждало, не все так гладко, как об этом официально заявляют. Общественность не торопилась радоваться очередной победе над «антинародным кровавым режимом». Фотографии обломков «Спиритов» и «Ночных всадников» не добавляли уверенности в близкой и сокрушительной победе над Югославией. Как всегда, самым точным индикатором оказалась биржа. Американские активы стремительно обесценивались, советские ценные бумаги росли в цене. После того как 19 февраля Советский Союз заявил о дальнейших планах снизить объем продажи сырой нефти, подскочила цена

на нефть. Несмотря на то что доля СССР в нефтяном экспорте была меньше 5%, решающую роль сыграла неопределенность и падение курса доллара.

В Европе прокатилась волна антивоенных выступлений. Антиглобалисты устроили массовые беспорядки в Париже. В Германии неонацисты провели череду албанских погромов. Полиция проявила сдержанность, высокая криминализация лагерей беженцев не способствовала дружелюбию немцев. В США, наоборот, ругали Клинтона за то, что он проявляет нерешительность и прекратил на время активную фазу операции «Союзная сила». Американцам требовалось уничтожить, вдавить в грязь, ввергнуть в каменный век осмелившуюся на сопротивление страну.

Затишье прекратилось утром 21 февраля. И совсем не так, как этого хотели американские обыватели. В этот день над Адриатикой разыгрался шторм. Обычный зимний шторм. С самого утра рыболовецкие траулеры отстаивались в гаванях. Волнение в четыре балла не давало поднять самолеты с авианосцев «Фош» и «Инвинсибл». Также прекратились полеты с аэродромов Италии. Резкий порывистый ветер не позволял самолетам взлетать. Зато подобная погода оказалась очень хорошей для поднятого по тревоге особого батальона береговой обороны. Базировавшиеся в Черногории и до сегодняшнего дня отстаивавшиеся в укрытиях тяжелые машины форсированным маршем двигались к морю. Этот батальон считался самой секретной частью югославской армии. Сформированный в октябре прошлого года, он не фигурировал ни в одном официальном документе. Считалось, что это обычная часть ПВО, оснащенная тяжелыми комплексами «С300». Охрану батальона и перекрытие района базирования от случайных и не очень туристов осуществлял целый армейский полк. Перемещение части происходило только ночью и только по заранее проверенным маршрутам. Все эти предосторожности дали свои плоды – противник и не подозревал о существовании в Черногории ракетного батальона береговой обороны.

Утро для полковника Игоря Корнилова началось с хорошей новости. По закрытому каналу из штаба армии пришел давно ожидаемый приказ. Если честно, полковник Корнилов ожидал этот приказ с тех самых пор, как попал в ракетные части береговой обороны. Он никогда не признавался себе в этом, но и в Югославию Корнилов поехал командовать батальоном после полка потому, что хотел хоть раз в жизни отстреляться по настоящей цели. Хоть один раз в жизни почувствовать себя грозным громовержцем, одним словом отправляющим на дно корабли. И этот день настал. Получив

и расшифровав приказ, Корнилов поднял батальон по тревоге. Возбужденный, радостный полковник был готов сам тащить тяжелые машины на позицию. Офицеры и солдаты батальона быстро заразились энтузиазмом своего командира. Тем более все они видели, во что превратился Бар после налетов вражеской авиации. Желание отомстить подгоняло лучше грозных начальственных окриков.

Всего через полчаса после объявления тревоги тяжелые четырехосные тягачи, рыча дизелями, перемалывали грунт, торопясь занять огневые позиции. Два дивизиона по восемь пусковых установок и машины обеспечения. Выйдя за ворота части, они разделились на две колонны, полковник Корнилов опасался вражеской авиации и решил идти к огневым позициям разными дорогами. Надежная внутренняя связь и космические системы ориентации это позволяли.

Все шло в полном соответствии с планом. Дивизионы, выдвинувшись к побережью, разворачивались в боевое положение. Воздух был чист, наземные посты ПВО сообщали, что противник проворонил маршбросок батарей. Только на головокружительной высоте в космосе кружились спутники разведки. Но пока они передадут данные, пока эти данные расшифруют, пока поймут, что же такое выползло на берег, время будет упущено.

Море штормило. Волны одна за другой накатывались на пляж, холодный ветер пронизывал до костей. Полковник Корнилов, не обращая внимания на ветер, стоял на высоком обрыве и смотрел на пенные гребни волн. Сегодня был его день. Часы показывали четыре минуты до расчетного времени. Полковник, тяжело вздохнув, повернулся к застывшим в сотне метров от берега пусковым установкам. Там царила обычная армейская суета. Установки уже были развернуты, люди копошились вокруг тяжелых «Ураганов», последний раз проверяя технику. Две БМП бульдозерными ножами вгрызались в каменистый грунт. Еще пара проходов, и укрытия будут готовы. Важная предосторожность на случай аварии или взрыва ракет. Еще дальше, у склона горы, разворачивался пункт связи и приема целеуказаний.

– Товарищ полковник, дивизион готов к стрельбам. – К Корнилову подбежал офицер в серой шинели с погонами майора.

– Что с целеуказанием?

– Получено от «Легенды». Координаты целей уже переданы на огневые установки.

– Хорошо, – полковник кивком отпустил командира дивизиона и быстрым шагом направился к пункту связи. Время приближалось к

расчетному. Подойдя к рации, Корнилов связался со вторым дивизионом. Майор Иванченко бодро доложил, что все готово, все в норме. Значит, можно стрелять. Системы управления и наведения уже заложили в электронные мозги ракет полетное задание. Указания от спутников разведки и наведения «Легенда» были точными, координаты вражеских кораблей определялись с точностью до метра. Сейчас оба авианосца шли курсом на юговосток со скоростью 12 узлов. Дистанция 210 километров. Эскорт из восьми кораблей. Время 8.30.

– Огонь! – Корнилов словно выстрелил этим коротким емким словом. Командиры дивизионов моментально передали команду на пусковые установки. Целых три секунды ничего не происходило, а затем с застывших обезлюдевших установок с шипением тысяч рассерженных кобр стартовали все восемь ракет одновременно. Позиция окуталась дымом. Корнилов, не отрываясь, следил за ближайшей машиной. У пускового контейнера отлетела носовая крышка, и сзади вырвался хвост огня и дыма. Из контейнера показался нос ракеты. Стартовый ускоритель буквально выбросил трехтонный «Яхонт» в воздух. Ракета на мгновенье зависла над кабиной «Урагана», раскрывая крылья, и с жизнерадостным ревом метнулась к морю. Игорь Корнилов во все глаза следил за стремительно удаляющимися ракетами, пока они не скрылись за горизонтом. Наступила тишина, ветер быстро развеял клубы дыма, и только едкий запах сгоревшего пороха и ракетного топлива еще оставался в воздухе. Полковник вдохнул его полной грудью, для него в этот момент пороховая гарь была слаще самого изысканного парфюма. Это был запах силы, запах победы, аромат всесокрушающей мощи тяжелых противокорабельных ракет.

Ракеты ушли к цели, и батареи оживали. Люди выбирались из укрытий, бежали к своим машинам. Пустая скорлупа контейнеров сбрасывалась с установок. На позиции загонялись транспортные машины с запасными ракетами, с помощью автомобильных кранов новые контейнеры ставились на пусковые установки. Затем операторы проверяли крепление контейнеров и через специальные разъемы подсоединяли аппаратуру управления. Полчаса напряженной работы, и батарея снова готова к залпу. К сожалению, во втором залпе будет участвовать только первый дивизион. Второй был оснащен ракетами «Прогресс» комплекса «Редут», он не успеет подготовиться к стрельбе. По всем нормативам перезарядка «Прогрессов» занимает более двух часов.

Стая «Яхонтов» мчалась к цели на скорости в два раза выше звуковой. Пока что ракеты шли по автопилотам, ни на метр не отклоняясь от

заданной траектории. Радиолокационные головки ощупывали горизонт в поисках целей. Но пространство было пустынным. Только один раз им попался одинокий сухогруз, спешащий на север, но полетное задание не предусматривало эту цель. Ракеты прошли мимо, у них была другая задача. В двадцати километрах севернее одновременно с «Яхонтами» стартовали восемь «Прогрессов». Эти ракеты шли чуть медленнее, только в полтора раза обгоняя звук. Они и к цели должны были подойти позже. Так было запланировано заранее. «Прогресс» – это просто модернизированная челомеевская «П35». Его легче обнаружить и перехватить, его электронные мозги легче обмануть, увести в сторону ловушками и ложными целями.

Всего четыре минуты полета, и «Яхонты» обнаружили авианосное соединение. Большие цели, подобные авианосцу, засекались на пределе дальности головок самонаведения. До цели оставалось 80 километров. Подчиняясь заложенной программе, ракеты выключили свои радиолокационные головки и спикировали к самым волнам. Дальше они шли над самыми верхушками волн, на минимально возможной высоте. Всего 15 метров над уровнем моря. Скорректировав свой курс после обнаружения противника, «Яхонты» шли вслепую, но зато и противник не догадывался об их приближении. Специальное поглощающее радиоволны покрытие корпусов не дало противнику обнаружить приближающуюся смерть на маршевой траектории, а сейчас они скрывались под радиогоризонтом. В мертвой зоне вражеских радаров. Наконец, когда до противника осталось только 15 километров, снова включились головки самонаведения. До развязки оставалось меньше минуты. Все. Ракеты вырвались изпод радиогоризонта и, развивая максимальную скорость, устремились к своим целям. Несущиеся в облаке мелких брызг, хаотично маневрирующие, неотразимые смертоносные снаряды.

Первыми заметили приближающуюся опасность на эсминце «Турвиль». Корабль шел по левому борту от «Фоша». Штормило, судно медленно переваливалось с волны на волну. Зимний шторм в Адриатике сам по себе малоприятен, а вдобавок вахтенным офицерам приходилось следить за местом корабля в строю. В пяти кабельтовых от эсминца разрезал волны тяжелый ударный авианосец. Прямо по курсу над волнами вздымалась корма американского эсминца «Шерман». В два раза превышавший «Турвиль» по водоизмещению, корабль легко выдерживал шторм.

Командир французского корабля с опаской следил за соседями в строю. Несмотря на современное навигационное оборудование, он опасался столкновения. В море может произойти все, что угодно. Плотный

походный ордер, волнение, если авианосец рыскнет в сторону, его форштевень легко разрежет эсминец пополам. Огромная туша в 265 метров маневрирует, как пьяный бегемот. Только поворот на 8 румбов занимает несколько минут. Но пока все корабли держали свои места. На экране радара «Турвиля» светились яркие силуэты всех кораблей эскадры, лишь два эскортных корабля скрывались за массивными корпусами «Фоша» и английского «Инвинсибла».

– Командир, смотрите! – штурман первым заметил восемь отметок скоростных целей, приближающихся к эскадре. Дистанция 54 мили. Скорость 1800 километров в час. На корабле пробили боевую тревогу. В отсеках и на боевых постах эсминца взревели сирены. Низкий воющий звук леденил кровь, срывал людей с места и заставлял сломя голову нестись по узким коридорам и крутым трапам к боевым постам. Все остальные корабли были оповещены об опасности, и сейчас они совместно готовились встретить ракетный удар. Неожиданно на радаре возникла еще одна точка. Почти незаметная смазанная отметка неслась прямо на эсминец, дистанция всего 40 кабельтовых. Второй помощник успел отдать приказ ставить ложные цели. С кормы начался отстрел ракет с начинкой из дипольных отражателей, и над волнами выросло облако частичек фольги. ЗРК «Наваль Кроталь» захватил цель, но его зенитные ракеты остались на своих направляющих. Слишком мало времени.

На мостике раздался истошный вопль сигнальщика. Сверкающая в лучах выглянувшего изза туч солнца, буквально бреющая верхушки волн ракета шла прямо на корабль. Сначала «Яхонт» нацелился на рубку, но неожиданно сменил направление полета, на бешеной скорости повернув почти на 90 градусов, короткие очереди скорострельных автоматов прошли мимо. Две секунды, и ракета снова сменила курс. Никто не успел ничего понять, как тяжелый «Яхонт» врезался в рубку. Корабль тряхнуло от удара. Последним, что видел в этой жизни командир «Турвиля», был появившийся прямо перед его глазами воздухозаборник ракеты. Прошло 5 секунд, стальное тело «Яхонта» полностью утонуло в корпусе эсминца, его боевая часть, пробив палубу, проникла в трюм. Взрыв подбросил корабль над волнами. Начиненная сверхмощным гексагеном, боевая часть ракеты в 250 килограммов весом играючи переломила эсминец пополам. Оторванная носовая оконечность затонула мгновенно.

Из восьми «Яхонтов» только один был сбит огнем «Фаланкса» с «Шермана». Остальные ракеты нашли свои цели. Благодаря особому покрытию корпусов и сверхнизкой высоте полета, ракеты засекались только на последнем участке полета, когда у противника почти не было

времени на противодействие. В авианосец «Фош» угодили сразу две ракеты. Одна попала в середину корпуса и, пробив борт, взорвалась в трюме. Вторая лопнула огненным шаром на ангарной палубе. Эсминец «Шерман», сбив одну ракету, не избежал жаркой встречи с ее подругой. Корабль удержался на плаву, но на корме бушевал пожар, прицелы зенитных автоматов были затянуты дымом. Огонь подбирался к погребу зенитных ракет. Вышло из строя все электронное оборудование. Положение было критическим.

Еще один «Яхонт», нацелившийся на фрегат «Ривер», ушел в сторону сбитый с толку активными помехами РЛС. Вообщето эти ракеты проектировались для боя в условиях сильного радиоэлектронного противодействия и почти не отвлекались на ложные цели, но французам удалось ослепить его головку самонаведения. Миновав фрегат, ракета засекла «Инвинсибл» и, за неимением перед собой других целей, ударила в корму горящего авианосца. В него уже попали две ракеты в корму и в надстройку. Через 10 секунд новый взрыв в ангаре заставил авианосец содрогнуться. Корабль в 20 тысяч тонн водоизмещением выдержал все три попадания. Аварийные команды быстро тушили пожары и растаскивали завалы. За борт выбрасывались обломки поврежденных вертолетов и «Хариеров». К счастью, все летательные аппараты были с пустыми баками и без боеприпасов. Кроме того, к этому времени на «Инвинсибле» находилась только половина его авиагруппы. Остальные не вернулись из боев.

Пока на эскадре боролись с последствиями первой волны ракет, на горизонте появились «Прогрессы». К этому времени оборонительные возможности эскадры значительно снизились. На обоих авианосцах боролись с огнем, эсминец «Шерман» практически был небоеспособен. Он и получил первый удар. Если «Яхонт» был очень неприятным сюрпризом, но корабль еще мог добраться до порта, то попадание «Прогресса» с его 800килограммовой боевой частью буквально разнесло корабль на мелкие кусочки. Спасшихся с «Шермана» не было.

Эскортные корабли смогли сбить целых три ракеты, старые «Прогрессы» летели на высоте 70 метров, они были хорошо видны на радарах и перехватывались зенитными ракетами. Если бы не первый залп «Яхонтов», у эскадры были шансы избежать попаданий «Прогрессов», но два эскортных корабля на левом фланге были выведены из строя, авианосцы горели. «Фош» отстреливался из скорострельных 20мм автоматов.

Одна ракета поразила французский авианосец, несмотря на несколько

попаданий в нее мелкокалиберных снарядов перед самым бортом корабля. В ангаре еще не успели погасить пожары от первой ракеты, как новый взрыв разметал самолеты по ангару. Осколки и обломки корпуса ракеты разили людей, пробивали палубы и переборки, корежили оборудование. Остатки топлива из ракеты добавили работы пожарной команде. Впрочем, после этого взрыва большинство находившихся в носовом ангаре моряков были убиты или ранены. Пожары вспыхнули с новой силой.

Еще одна ракета отправила на дно фрегат «Ривер». А целых два «Прогресса» попали в «Инвинсибл». Сегодня ракеты, как магнитом, притягивались к этому кораблю. Два почти одновременных взрыва швырнули корабль на борт. Вышло из строя все оборудование, заклинило радарную антенну, сорвало с опор и выбросило за борт зенитный комплекс «Си Дарт». Корабль нехотя возвращался на ровный киль, казалось, еще немного, и он опрокинется, но добротный корпус английской постройки выдержал. Остался только небольшой крен на левый борт. Авианосец пылал, на нем было много убитых и раненых. В чреве корабля рвались авиационные ракеты и бомбы. К борту «Инвинсибла» почти вплотную подошел фрегат «Линдер». Пожарные помпы эсминца оказались кстати, совместными усилиями пожары были потушены. Командир партии живучести уже докладывал командиру «Инвинсибла» об устраненных повреждениях. Корабль был сильно поврежден, но мог своим ходом дойти до порта. Но еще через минуту два «Яхонта» одновременно ударили в борт «Линдера».

Полковник Игорь Корнилов дал повторный залп сразу после того, как расчеты перезарядили и изготовили к стрельбе пусковые установки. Он прекрасно понимал пользу массированных ракетных ударов. После залпа батальон спокойно покинул позицию и отбыл на заслуженный отдых. Дело было сделано.

В этом залпе все ракеты нашли свои цели. «Линдеру» не повезло, головки самонаведения вели ракеты на авианосец, но на их пути оказался фрегат. Взрывы швырнули корабль прямо на борт «Инвинсибла». «Линдер» до конца выполнил свой долг эскортного корабля, но авианосец это не спасло, снопы искр, высеченные из его борта при столкновении, подожгли разлитый на палубе авиационный керосин. Вскоре корабль потерял ход. Агония длилась еще четыре часа. Горящий неуправляемый корабль тонул нехотя. Итальянский эсминец «Аудаче», крейсировавший в море в пятидесяти милях севернее, пришел на помощь англичанам. Но в штабе уже посчитали, что авианосец не спасти. Капитан получил разрешение оставить корабль. Окинув взглядом горящий накренившийся авианосец,

командир скрепя сердце приказал команде покинуть судно. Все средства борьбы за живучесть были исчерпаны.

В результате третьего залпа, кроме «Линдера», погибли еще два английских эсминца, по три ракеты на каждый. «Фош» избежал новых попаданий. Причина была проста, в компьютеры ракет был заложен приказ игнорировать корабли крупнее, чем в 25 тысяч тонн. В югославском штабе посчитали, что риск потопить корабль с атомными бомбами на борту гораздо хуже, чем дать французу уйти. Спутник «Легенды» подтвердил результаты стрельб. На переданных им фотокадрах были видны идущий полным ходом к заливу Отранто «Фош» и замерший на месте «Инвинсибл». Через час еще один спутник подтвердил первоначальный результат. Два авианосца повреждены, все шесть эскортных кораблей потоплены.

В Белграде и Москве справедливо решили, что это очень хороший итог. Ракетный батальон имел в своем арсенале еще 8 «Прогрессов» и 16 «Яхонтов», но в штабах сомневались, что эти ракеты еще пригодятся в этой войне. Было решено, что противник уже не осмелится держать боевые корабли в Адриатике в досягаемости береговых ракетных комплексов. Что было сказано в штабах альянса, оставалось тайной. Но вряд ли о югославских ракетчиках отзывались лестно.

На следующий день два разведчиканелегала и советский военноморской атташе в Италии сообщили в Москву, что «Инвинсибл» в порт не пришел и никогда уже не придет. А «Фош» после трех ракетных попаданий готовится к переходу в Тулон. Судя по всему, корабль ожидает долгий ремонт.

Глава 24

Реванш. 1999 г.

Напротив ворот базы виднелась толпа демонстрантов. Первые пикеты появились три дня назад, сейчас митингующих было около трех тысяч, на глазок определил Стив. Он наблюдал за демонстрацией из коридорного окна третьего этажа гостиницы. Пацифисты с самого утра выстроились вдоль дороги, ведущей к воротам. У многих были транспаранты и плакаты с лозунгами. Расстояние не позволяло прочитать надписи, но Стив и так знал, что там написано. Конечно, не популярное у русских трехбуквенное слово, но по смыслу похоже.

Можно было пройтись до ворот и посмотреть на это действо поближе. Но стоит ли? Там ничего интересного. Волосатые студенты, молодые безработные, несколько скорбных головой интеллигентов. Обычный контингент антивоенных демонстраций. Подобное сейчас происходило по всей Европе. У Анцио еще было спокойно, в рамках приличий. Демонстранты мирно стояли со своими плакатами и при появлении машин с солдатами начинали скандировать лозунги, толпа даже не пыталась перекрыть выезд с базы.

Немного в стороне от дороги на живописной лужайке расположился палаточный лагерь. Ранее ухоженная полянка покрылась яркими палатками, разбросанными между ними биотуалетами и походными столиками. Несколько молодых парочек слонялись по лагерю, видимо, в поисках местечка для уединения. Стив цинично подумал, что в этом и заключается главная прелесть подобных тусовок.

– Наблюдаете за нашим будущим? – раздался за спиной бодрый голос Джорджа Бенга.

– Видимо, паршивое у нас будущее, – в тон ему, не поворачивая головы, ответил Стив.

– Молодежь. Наивны, как дети. Еще пара дней, и они сменят лозунги на противоположные и пойдут пикетировать советское посольство.

– Не пойдут, – убежденно заявил Грегори и плюнул прямо на пол, – если бы вчера рядом с «Инвинсиблом» был итальянский эсминец, они бы сегодня забрасывали камнями морпехов у ворот.

После этой высказанной от всего сердца фразы наступило молчание. Только изза спины слышались шаги спешащих по коридору людей. Жизнь на базе не прекращалась. День большинства военнослужащих был расписан по минутам, у них не было времени на эмоциональные

переживания после недавних поражений.

– Как дела у Джейн? – наконец поинтересовался Джордж.

– Держится. Замкнулась в себе, но держится, – тихо ответил Грегори. Им все было понятно. После того как во время той страшной ночи на 17 февраля «Сенти» с О'Нилом на борту рухнул, сбитый югославским истребителем, с Джейн Сильвер приключилась настоящая истерика. Она никогда не была близка с Майклом, обычные приятельские отношения. Будь иначе, это бы знала вся группа экспертов.

В ту ночь погибли сотни американцев. Но именно смерть О'Нила, человека, с которым они сидели за одним столом, жили в соседних комнатах, задерживались на работе допоздна, спорили до хрипоты, а иногда и ссорились, стала последней каплей, сломившей психику Джейн. Истерично хохочущую Сильвер пришлось силой уводить в лазарет. На следующее утро она вернулась к работе, но всем было ясно: Джейн нужен долгий отдых и надзор психоаналитика. Никто не осуждал ее, не было сказано ни одного плохого слова. Наоборот, Ирвинг Чейз клятвенно обещал приложить все свои силы и обеспечить ей лечение и поездку на курорт за счет Пентагона. От таких стрессов не выдерживали нервы и у крепких, многое повидавших мужиков, что уж говорить о хрупкой девушке?

– Слышали новость? – К молча смотрящим в окно Грегори и Бенгу подошел Мэллори Шеридан.

– Про Париж? Так там с самого утра беспорядки, – повернулся к моряку Джордж. После того как стало известно о вчерашнем побоище в Адриатике, тысячи французов вышли на улицы с требованием прекратить войну. В Париже и Марселе произошли столкновения демонстрантов с полицией.

– Париж – это ерунда, – поморщился Мэллори. – Пять минут назад пришло сообщение: Нидерланды объявили о своем отказе от участия в операции «Союзная сила».

В ответ на это Стив эмоционально выругался. Джордж промолчал, но на его лице было ясно написано отношение к ситуации. Ничего хорошего в этом не было. Если уж голландцы решили отойти в сторону, значит, дела НАТО паршивые. Пользы от пары десятков нидерландских истребителей и дюжины транспортников было немного, но дело в тенденции. При таком раскладе и французы могут пойти на поводу своих пацифистов.

Пока Бенг и Шеридан увлеченно спорили о современной европейской политике, Стив погрузился в размышления о своей дальнейшей судьбе. Перспективы были мрачными. Ни о какой раздаче орденов, назначений и стремительной карьере речи и быть не может. Наоборот, скоро начнется

поиск виноватых. Экспертная группа ВВС не совершила чуда, не обеспечила волшебным образом победу над сербами, значит, участие в ее работе не даст никаких карьерных перспектив. Скорее большие шишки вспомнят старые прегрешения капитана Грегори и отправят его на Южный полюс, умиротворять пингвинов.

Стив с завистью посмотрел на обсуждающего с Шериданом философию и принципы антивоенного движения Джорджа. Он при любом исходе не останется внакладе. Сотрудники «РЭНДкорпорэйшн» держат бога за бороду. Хотя, если трезво рассудить, Стив всегда может вернуться в действующую авиацию. После недавних событий в ВВС будет ощущаться дефицит хороших летчиков. Правда, за прошедшее время он привык к аналитической работе в спецотделе, но ничего, всегда можно отвыкнуть.

В это самое время в Париже русский посол добился аудиенции у президента Ширака. Разговор длился более двух часов и происходил за закрытыми дверями. Господин Антон Перевозов прекрасно говорил пофранцузски и приехал на встречу без переводчика. О чем он разговаривал с Шираком, осталось тайной. Во всяком случае, никаких официальных заявлений не делалось, неофициальных тоже. Выжидавшие на крыльце президентской резиденции репортеры добились от русского только одной фразы: «Без комментариев». Прессслужба французского президента никак не прокомментировала происшедший разговор, словно два человека просто встретились поговорить о рыбалке и погоде. В прессе на следующий день было озвучено полдюжины противоречивых версий. Ситуация в Европе за последние дни резко обострилась, люди внимательно следили за политическими событиями. Естественно, ни одна из газетных версий и близко не лежала с истиной, но как бы там ни было, советская дипломатия этим жестом добилась главного: возникла никем не опровергнутая версия об особых советскофранцузских отношениях.

В этот же день начались крупномасштабные маневры советского Северного флота в Атлантике. Учения проходили в нейтральных водах, никаких официальных сообщений по этому поводу не делалось. Вышедший почти в полном составе в море флот разделился на три эскадры. Отдельное соединение подводных ракетных крейсеров ушло южнее и развернулось в боевую завесу. Американцы, естественно, начали переброску в район маневров своих кораблей. Как обычно, советские учения находились под плотным наблюдением всех наличных сил НАТО. Но, в отличие от прежних подобных учений, ситуация была острой. Тяжелая война в Югославии наложила свой отпечаток на эти маневры. Командование ВВС США даже приостановило переброску авиационных

соединений из Британии в Италию. Кроме того, во время маневров нарушилась работа на нескольких участках сети СОСУС, раскинутой на шельфе Северной Атлантики. Впоследствии выяснилось, что Советы отрабатывали действия подводных диверсантов и саперов. Обе стороны вели себя предельно жестко, но обошлось без эксцессов.

Разве что один небольшой инцидент. Крейсер США «Калифорния» стал свидетелем звездной атаки полка советских «Ту22М». Корабль крейсировал у восточного побережья Исландии, наблюдая за конвоем советских вспомогательных судов флота. Одиночный корабль прекрасно подходил целям авиации дальнего действия. Правда, американцам забыли сообщить, что их решили использовать в качестве учебной цели. И появление на радаре трех десятков стремительно приближающихся со всех сторон сверхзвуковых самолетов было неприятным и неожиданным для командира крейсера. Тяжелые ракетоносцы прошли прямо над мачтами крейсера и, форсируя двигатели, удалились в сторону своих аэродромов. Команда «Калифорнии» пережила несколько неприятных минут, а экипажи «Ту22М» получили очередные благодарности. Самолеты были обнаружены американцами уже за рубежом возможного пуска ракет, тогда как ракетоносцы наводились по указаниям «Легенды». В случае войны крейсер был бы потоплен еще до того, как обнаружил самолеты.

Вечером на базе Анцио в кабинете экспертов произошло очередное совещание. Генерал Ирвинг Чейз не скрывал своего неудовольствия. В штабе объединенного командования ему намекнули, что группа могла бы работать и лучше. Аналогичные предложения поступили в адрес всех представителей разведки. Вчерашнее сражение в Адриатике было для натовских генералов как снег за шиворот. Никто не мог понять, как можно было проворонить размещение в Югославии береговых противокорабельных ракетных комплексов дальнего действия. Отговорки во внимание не принимались, в штабе припомнили все промахи, в том числе и неудачный десант на Бар в прошлом году.

– Господин генерал, за последние дни мы вскрыли всю оборону Черногории и северной Югославии. Следует сделать на этом акцент в наших отчетах. – Джордж Бенг уловил главное, Чейза в первую очередь беспокоила отчетность группы. Больше бумаги – чище зад.

– Спасибо, мистер Бенг, – скривился в саркастической ухмылке Чейз. Шрам на его лице придавал улыбке зловещее выражение. – Если мы будем терять по 400 боевых самолетов на каждую занюханную Югославию…

– Я думал, меньше, – бесцеремонно вмешался Стив.

– Не надо читать советские газеты, они врут, капитан Грегори.

Впрочем, наши врут еще беззастенчивей. С начала операции потеряно более четырехсот самолетов. Это хуже, чем Вьетнам.

– Но сербы заявляют о трехстах самолетах? – не сдавался Стив. Генерал Чейз резко повернулся к летчику, но тот спокойно выдержал тяжелый взгляд в упор. Через несколько секунд генерал взял себя в руки. В комнате отчетливо прозвучал его тяжелый вздох. Тряхнув головой, словно сбрасывая с себя наваждение, Чейз взял в руки свою папку.

– Вы просто не в курсе. Держите. – С этими словами он протянул Стиву листок бумаги с жирным штампом «Совершенно секретно». Стив молча кивнул генералу и буквально впился глазами в текст. Это была сводка потерь союзной группировки. Неудивительно, что этот документ был засекречен, попади он в руки журналистов, и эффект будет страшнее атомной бомбы. Череда отставок в Белом доме и Пентагоне, рост популярности изоляционистских настроений будут гарантированы.

Всего с 17 февраля американцы и союзники потеряли 417 самолетов и 39 вертолетов. В том числе четыре сверхсовременных «невидимых» «Спирита». Читая эти строчки, Стив невольно провел ладонью по затылку, югославы сообщали только о двух сбитых «B2A».

– Два упали в Адриатике, – прокомментировал Чейз, наблюдая за реакцией Стива. Тогда все верно. Потеря даже одной «Летучей мыши» была национальной трагедией. Каждый «Спирит» стоил больше миллиарда долларов, четыре машины были дороже полностью скомплектованной и снаряженной авианосной ударной группировки. На языке Стива вертелась парочка едких слов, но он сдержался. Ирвинг Чейз и так отчаянно переживал за свою группу, а сегодня ему сильно досталось.

Из документа выяснилось, что в первую ночь были потеряны 11 «E8» и «E3A», это практически половина имеющихся в распоряжении союзного командования. Основные потери понесли американцы, но они и составляли основную ударную силу альянса. Здорово досталось англичанам. Атаковавшие югославские аэродромы «Торнадо» были встречены согласованным огнем зениток и звеньями перехватчиков.

Прочитав бумагу, Грегори молча отдал ее Чейзу. Совещание вернулось в нормальное рабочее русло. Больше никто не сказал ни слова о потерях над Сербией. Разговор вертелся вокруг структуры ПВО и боевого потенциала вражеской авиации.

Между делом Форд как бы невзначай поинтересовался: можно ли сломить сопротивление противника однимдвумя массированными ударами по выявленным позициям зенитных установок? На это Шеридан и Грегори аргументированно ответили, что можно, но сначала надо выбить всю

сербскую авиацию. Иначе удар не достигнет цели и приведет к большим потерям. Противник умело организовал совместную работу наземных ракетных комплексов, многочисленных средств РЭБ и истребителей. Чувствовалась рука советских специалистов и консультантов.

– А если прочищать район за районом? – подбросила идею Джейн.

– Сначала надо уничтожить все «Фалькрумы» и «Фланкеры», – тихо проговорил Грегори, – у них около сотни современных истребителей и целых два авиакрыла относительно устаревших машин.

– Но эти можно не учитывать! – не сдавалась Джейн. В ответ послышались сдержанные смешки. За прошедшие дни выяснилось: даже морально устаревший «МиГ21», работающий в единой системе ПВО и оснащенный современными ракетами, способен сбивать американские машины. Что уж говорить о модернизированных «МиГ23»? А у Югославии их был целый полк.

Словом, к единому мнению группа не пришла. Спор был прекращен Чейзом. Последовало короткое пожелание успешной работы. На этом совещание завершилось. Люди начали расходиться.

Уже в коридоре Стива догнал Шеридан.

– Как думаешь, Форд не случайно задал этот вопрос?

– Естественно, нет, – пожал плечами Стив. – Ты заметил, как он смотрел на Чейза?

– Значит, завтра будет продолжение большого представления, – сделал вывод Мэллори.

– Думаешь, наши пойдут напролом?

– Другого выхода нет. Если в ближайшее время мы не добьемся успеха, операцию придется сворачивать.

– И Америка капитулирует перед маленькой тоталитарной страной? – иронично добавил Стив.

– В томто и дело, – грустным голосом откликнулся моряк.

– Ты как? Опять полетишь на «Рузвельт»?

– Нет, останусь здесь в Анцио. На корабле хорошо, там море, но здесь с информационным обеспечением лучше.

– А у меня руки чешутся сесть за штурвал – признался Стив. – В небе хоть чтото от тебя зависит. А тут сидишь, как болван, перед монитором. И тупо пялишься на экран.

– А если собьют?

– Меня трудно сбить, Мэллори. Знаешь, там, в бою, проще. Ты видишь его, он видит тебя. И кто быстрее, чей самолет лучше, кто более метко стреляет, тот и победит. А с «F16» в бою ничто не сравнится.

– Может, оно и так, – успокаивающим тоном согласился Мэллори. Последние события сильно поколебали его уверенность в неоспоримом превосходстве американской техники.

Утро для Стива Грегори началось с жизнеутверждающего рева множества самолетов. Вскочив с кровати и подбежав к окну, он стал свидетелем феерического зрелища. Почти все наличные боевые машины авиабазы готовились к взлету. Зрелище завораживающее. На востоке только начало светать. Но на освещенном сотнями прожекторов летном поле было светло как днем. Кругом сновали люди, между ровными рядами самолетов носились автомобили. На аэродроме царила хорошо знакомая Стиву суета.

Первыми на взлет выруливали штурмовики. Тяжело груженные ракетами и бомбами машины четко, целыми эскадрильями выкатывались со своих стоянок. Несмотря на кажущийся хаос, аэродромные службы работали четко. Ни одной задержки, ни одного затора на рулежных дорожках. С обеих взлетных полос аэродрома через ровные промежутки времени в небо уходили боевые машины. На востоке уже кружили десятки самолетов, собиравшиеся в походные порядки.

Следом за штурмовиками в воздух поднялись истребителибомбардировщики в ударном варианте и постановщики помех. Затем наступила небольшая пауза, и к взлетным полосам вырулили два летающих командных пункта «E8A». Огромные многомоторные машины неторопливо, с чувством собственного достоинства начали разбег. Долгий разгон, и наконец в самом конце взлетной полосы тяжелый «Боинг» оторвался от бетона и стал медленно набирать высоту. Оба командных пункта сразу же пошли в сторону Адриатики. Эскорт нагонит их потом, уже над морем. После «E8» настал черед истребителей. Эти стартовали гораздо быстрее. Машины одна за другой выкатывались на стартовые позиции, стремительный разбег, и освобождается место для взлета следующего самолета.

Стив, не отрываясь, следил за развернувшейся перед его глазами картиной. Должно быть, подобное творилось и на других аэродромах альянса. Вид боевой силы союзников завораживал, казалось, никто не может противостоять такой махине.

В комнате раздалась переливчатая трель телефона. Стив бросился к столику и схватил трубку. Звонил Форд. Майор просил через 15 минут быть в кабинете экспертной группы. Раз надо, значит, надо. Все равно после такой побудки Стив сам бы побежал выяснять, в честь чего такая демонстрация силы? Положив трубку на аппарат, капитан Грегори направился в ванную, приводить себя в порядок. Он уже понял, что был

свидетелем начала массированного удара по Югославии, о чем вчера и спрашивал Пол Форд. Странно, Чейз ни словом не обмолвился об этой акции.

– Вы самый первый, – приветствовал Стива Ирвинг Чейз, когда тот вошел в кабинет. Кроме генерала, в помещении был только майор Форд. Мельком взглянув на гладко выбритые щеки и припухшие веки Форда, Стив решил, что тот вообще сегодня не ложился спать. Только он обменялся рукопожатиями с Чейзом и Фордом, как открылась дверь, и в кабинет вошли Джейн и Мэллори.

– Доброе утро, господа. Надеюсь, мы не опоздали?

– Нет, миссис Сильвер, вы вовремя, – доброжелательно улыбнулся Чейз, – а мистер Бенг, видимо, задерживается.

– Приступим к делу, – выступил вперед Форд. – Как вы поняли, сегодня началась операция «Гнев неба».

– Трудно было не догадаться, – ответил Стив, – у меня окна выходят на летное поле.

– Первым делом я приношу свои извинения, – Чейз повернулся к экспертам. – Командование решило засекретить начало удара. Во избежание возможных осложнений со стороны противника. Я не имел права ничего вам сообщать. Командиры боевых эскадрилий получили приказы и полетное задание только за полтора часа до вылета.

– Уверен, русским спутниковым наблюдателям мы тоже ничего не сказали, – пошутил в ответ Шеридан.

– В штабе решили, что так лучше, – поморщился генерал. – Ну что же, у нас есть еще минут 20 до начала. Майор, включайте свою чертову технику. Будем смотреть прямую трансляцию.

Истребитель шел на высоте 2700 футов, почти под нависшими над Балканами тяжелыми тучами. Моторы ровно гудели, легко удерживая крейсерскую скорость в 600 узлов. За фонарем кабины, на сколько хватал взгляд, и спереди, и справа, и слева, и снизу виднелись четкие ровные построения самолетов альянса. Генри Алиссон скосил глаза на приборную доску, все в порядке, все показания в норме. На радаре было то же самое, что и за остеклением фонаря: десятки самолетов ударноштурмовой армады, державших курс на Югославию. Они шли прямо на восток, целью атаки был военный аэродром в Лазаревицах.

– «Грифоны», вы отстаете, увеличьте скорость! – прозвучал в наушниках голос оператора с летающего радара «E8A». Кажется, это был Роберт Сирил, худощавый громогласный техасец. Большой любитель текилы и горячих южанок.

– Хорошо, выполняем. – Генри прибавил газ, и машина легко обогнала идущие ниже штурмовики. Трое ведомых синхронно повторили маневр первого лейтенанта Алиссона. Остальные звенья их эскадрильи держались, как на параде, ровным строем. Внизу тянулись горные хребты и долины Боснии, до границы оставалось пять минут полета.

Генри совсем некстати вспомнил ночной бой 17 февраля. Тогда ему дважды повезло увернуться от югославских ракет. Это было страшно, казалось, у противника зенитные комплексы стояли под каждой горушкой, в каждой лощине, вокруг каждой деревеньки. Но Генри вернулся целым и невредимым домой на авиабазу Амердола и при этом точным ракетным ударом уничтожил вражескую пусковую установку. Ему повезло, в ту ночь авиакрыло потеряло 11 самолетов. Только двое из сбитых летчиков катапультировались над Боснией, еще одного вывез с вражеской территории вертолет Службы спасения. Судьба остальных ребят была неизвестна.

Ничего, сегодня настал день расплаты. Сегодня они вернулись, чтобы заставить сербов расплатиться за гибель ребят, заплатить за каждую каплю американской крови. Генри подумал, что прикрепившееся к нему после известной шутки Джоба прозвище Ужасный может и оправдаться. Не зря он столько лет служил в авиации, пора продемонстрировать на зарвавшихся сербах все, чему его учили.

– Усильте бдительность. – Это опять Роберт с «Е8». – На левом фланге большая группа истребителей противника.

Автоматический взгляд на радар. Нет, пока на экране только свои, и на тактическом экране ничего нового. Значит, противник далеко, и им займутся соседи. На левом фланге должны лететь две истребительные эскадрильи.

Вскоре впереди появилось длинное узкое русло реки. Кажется, это Дрина. Все, дальше следует ожидать сюрпризы от зенитчиков. Словно в подтверждение этих мыслей, пронзительно заверещал сигнал оповещения о радарном облучении. Генри довольно усмехнулся: начинается, сербы решили драться. Тем хуже для них. Автоматика самолета уже засекла азимут на радар и передала данные на командный пункт. Еще несколько минут, и вражескую РЛС задавят тяжелыми «HARMами». Следом идут истребителибомбардировщики с противорадарными ракетами. Эскадрилья, в которую входило звено Алиссона, несла только ракеты «воздух–воздух», их цель – борьба с вражескими перехватчиками.

Внизу, немного правее от курса, выросли два дымных облачка, затем в паре километров южнее вспухла целая дымная полоса. К самолетам

потянулись тонкие иглы дымных следов.

– «Кряква», вижу залп зенитных ракет, – доложил Генри по рации, отворачивая свой «F16» немного левее. И тут прямо по курсу в небо поднялись сразу четыре дымных столба. Это уже серьезнее. Отработанным движением переключить каналы передатчика.

– Делай, как я! – это своим ведомым. Если они не заметили опасность. Затем с одновременным отстрелом противоракетных ловушек бросить машину в пике. Главное – разминуться с ракетами, уйти от стремительных огненных стрел. Выжить во время первого залпа, а затем позициями ЗРК займутся штурмовики. Ускорение вдавило Алиссона в кресло. Они все ближе. Плавно, отточенным движением уйти в новый вираж и выровнять машину по горизонтали. Кажется, уцелел. Внизу вдоль гряды пологих холмов вырос целый лес разрывов. Генри успел заметить выходящую из пикирования тройку «Тандерболтов». Прекрасно, ребята отбомбились по зенитчикам.

Теперь ведомые. Так, Майкл и Вилли на месте, держатся немного позади. А где Хэм?

– Командир, Хэма сбили, – Алиссон узнал голос Вилли, – наземной ракетой.

– Ничего, ребята. Держать строй! Мы за него отомстим.

Стиснув зубы, первый лейтенант Алиссон потянул штурвал на себя. Надо выровнять строй. Вернуться на свой горизонт. Во время противозенитного маневра звено потеряло высоту и приотстало от своих. Легкие «F16», ревя турбинами, легко забрались обратно на высоту. Вскоре они поравнялись со звеньями Хантера и Ли. Сегодня полковник Хантер сам вел своих ребят в бой.

Пока все было нормально, скоро они уже выйдут к цели. А вокруг шел бой, сербские зенитчики пытались остановить армаду, то тут то там в небо поднимались стремительные хищные ракеты. Воздушная группа несла потери, но и вражеские силы ПВО получали ответные ракетнобомбовые удары по позициям.

Осмотреться по сторонам, бросить короткий взгляд на приборы. На тактическом экране все без изменений.

– Усилить бдительность! Связь с «Кряквой» потеряна, – прозвучал жесткий голос Хантера. Не может быть?! Генри еще раз посмотрел на тактический экран. Никаких изменений. Чертова железяка показывала картинку, полученную черт знает сколько времени назад! Алиссон сам попробовал связаться с командным пунктом. Глухо. «Е8» не отвечал. Генри не знал, что две эскадрильи «МиГ29СМ», о которых сообщала «Кряква», с

боем прорвались к летающему командному посту, потеряв в скоротечной схватке троих товарищей. Эскорт самолета управления и ДРЛО до конца выполнил свой долг и даже сбил один «Фалькрум», но силы были неравны. Все 8 истребителей прикрытия и сам «E8A» рухнули на землю огненными кометами.

По самолету Алиссона опять хлестнул луч радара. Кажется, это РЛС обнаружения, ничего страшного. Тонкая электроника «F16» сама предупредит пилота, если уловит острый, как игла, луч подсветки зенитного комплекса или работу головки самонаведения ракеты. На экране радара возникли отметки вражеских истребителей. Прямо по курсу 14 машин, дистанция 94 километра. Начинаем рокнролл. Короткая команда полковника Хантера, и все самолеты эскадрильи увеличили скорость. Следовавшая правее вторая эскадрилья получила приказ зайти противнику во фланг. Сербы пока далеко, но расстояние с каждой секундой сокращается. Уже 82 километра, скоро, совсем скоро можно будет стрелять.

В наушниках раздался пронзительный визг системы оповещения. Не тратя драгоценные секунды на раздумье, Генри на одних рефлексах закрутил бочку и включил станцию постановки помех. Кажется, он даже расслышал предупреждающий крик Майкла. Но времени на оценку обстановки нет. На радаре возникли точки вражеских ракет. Они стремительно приближаются. Противник атакует сзади. Развернуть машину. Радар «F16» имеет большую дальность в носовой полусфере. Вот они! Всего в пятнадцати километрах целых семь самолетов. Не теряя головы, Алиссон выровнял истребитель и дал форсаж двигателям, затем активировал головки самонаведения ракет. Цель захвачена. Пуск! Слегка довернуть истребитель левее. Еще один серб вплыл в кольцо прицела. Пуск! Они уже близко, на такой дистанции трудно увернуться от ракет. Одновременно успевая смотреть вперед на приближающихся противников и на радар, Генри нашел своих. Идут рядом. Звено Ли держалось правее, Хантер приотстал. Кажется, наших стало меньше, или это только показалось? Времени вглядываться в экран радара нет.

С начала боя прошло меньше десяти секунд. Под консолью идущего навстречу серба возникла слабая вспышка и понеслась прямо в сердце Алиссона, оставляя за собой дымный след. Сам противник после пуска ракеты отвернул в сторону. Только сейчас Генри определил, что это «Флоггер» «МиГ23». На размышления и оценку возможностей противника времени не было, приближалась ракета. На этот раз Генри ушел в правый вираж с одновременным отстрелом тепловых ловушек. Как только самолет выровнялся на новом курсе, летчик бросил его в новый маневр. В глазах

потемнело от перегрузок. Боковым зрением Генри увидел, как прямо под хвостом «МиГа» взорвалась ракета. Вражеский самолет клюнул носом и пошел вниз.

– Я горю! – дошел до сознания крик Вилли.

– Прыгай! – проорал Генри в ответ, всеми силами удерживая готовую сорваться в штопор машину. Только выровнявшись, он облегченно перевел дух. Кажется, удалось сбросить ракету со своего хвоста. Взгляд в сторону, справа в ста метрах шел «F16» с цифрой «18» на киле, это был Майкл. Генри перевел взгляд вперед. О, черт! Прямо на него шел «Флоггер». Он совсем близко. Видно, как на подфюзеляжном обтекателе серба трепещет огонек пушки. Алиссон рванул самолет в сторону, и тут планер «F16» содрогнулся от прямых попаданий. Чтото мягко толкнуло летчика в бок и левое плечо. Машину сильно тряхнуло воздушной волной от прошедшего буквально в нескольких метрах «МиГ23».

Кажется, обошлось. Генри легонько пошевелил штурвал, машина послушно отозвалась. Значит, повреждения несерьезны. Взглянул на приборы: скорость 450 узлов, высота 1900 футов, курс на северозапад. Генри потянул левую руку вперед, чтобы переключить тумблеры, и заорал от нестерпимой боли. Перед глазами поплыли зеленые круги.

– Первый лейтенант Алиссон, первый лейтенант Алиссон! Генри, отзовись! – доносился издалека искаженный помехами голос Хантера.

– Да, слушаю, все в порядке, полковник, – наконец отозвался Генри. – Меня, кажется, зацепило.

– Лейтенант Алиссон, возвращайся назад.

– Есть, полковник, передайте от меня привет Милошевичу. – Наконец мысли приобрели прежнюю четкость. После болевого шока летчик нашел в себе силы удержать самолет в воздухе, значит, он сможет дотянуть до аэродрома и сесть. Должен дотянуть! Вражеские истребители исчезли, на радаре остались только свои. На самом краю сознания мелькнула мысль, следовало бы переподчинить Майкла Хантеру. Ладно, они сами разберутся. Генри не знал, что Майкл уже катапультировался из горящего самолета, все звено погибло. У Вилли заклинило катапульту, и он рухнул на землю вместе со своим «F16».

Генри прикинул, что ближе всего аэродромы Тузла в Боснии и Тасар в Венгрии. Но в Тузлу не хотелось, туда, по слухам, наведывалась сербская авиация. При посадке можно попасть в незасыпанную воронку. Моторы, мерно гудя, тянули самолет на север. Генри намеренно не увеличивал скорость и спустился еще ниже до тысячи футов. На сверхзвуке поврежденная машина может развалиться. Лучше доползти медленно, не

торопясь. По ноге текла теплая струйка. Алиссон потянулся было к аптечке, но вовремя остановился. Все равно через летный комбинезон до раны не добраться, лучше крепче держать штурвал. До его слуха доносился противный резкий свист набегающих воздушных потоков в пробоинах. Левая часть фонаря покрылась трещинами, в кабину через пробоины задувал воздух.

Справа возник истребитель, идущий параллельным курсом. Генри попытался улыбнуться, но получилось плохо. Перед глазами мелькали черные точки и плыли веселенькие зеленые круги. Неожиданный попутчик показался Алиссону странным, выступающий горбом фонарь, загнутый книзу нос. Кажется, от кровопотери зрение начало ему изменять. Явно нарушилось цветоощущение. Звезды на киле соседа налились красным. Ах да, это же кровь подлых сербов. Сегодня мы им задали трепку. Ничего, надо только дотянуть до аэродрома. А вот и он! Почти прямо по курсу выплыло летное поле. Несколько невысоких зданий в стороне от аэродрома и около десятка самолетов на поле. Генри, прищурившись, разглядел даже суету техников и оружейников вокруг боевых машин. Впереди ярким оранжевым пятном выделялся топливозаправщик, стоящий рядом с истребителем.

Тело работало на автомате. Въевшиеся в кровь рефлексы делали свое дело. Самолет снизился и заходил на посадку. Генри понимал, что сильно ослабел и не сможет повторить попытку. Значит, надо садиться с первого раза. Сбавить газ, выдвинуть закрылки, выпустить шасси. Высота уже 500 футов, до посадочной полосы около восьми миль. А он и не заметил, как снизился. Только бы не потерять сознание. В начале взлетнопосадочной полосы приветственно мигал прожектор. Попутчик кудато исчез, видимо, остался выше, ждет, пока Генри сядет.

Ниже, еще ниже. Генри одной рукой еле удерживал ставший таким неповоротливым самолет на курсе. Бетонка стремительно приближается, вот под крылом машины скрылся прожектор. Самолет уже ощутимо потряхивает на воздушных ямах. Крепче вцепиться в штурвал, одно неловкое движение, и «F16» врежется в землю. Наконец под колесами шасси чувствуется бетон. Осталось только удержать самолет от рывков в стороны и затормозить. Тише, тише, еще тише. Уф, машина, напоследок скрипнув тормозами, замерла на месте. Он докатился почти до стоянок самолетов, но сел.

Генри попытался открыть фонарь, но силы окончательно его оставили. Главное, он приземлился, несмотря на рану, нашел аэродром и посадил поврежденную машину. Сейчас его извлекут из кабины и увезут в

госпиталь. Вот уже двое ребят забрались на крыло. К самолету, пронзительно вереща сиреной, подлетела санитарная машина с красным крестом на боку. Красным, как звезды стоящих на поле самолетов. Только сейчас до Генри Алиссона дошло, что он не долетел до Венгрии. А сопровождал его «Фалькрум» «МиГ29», один к одному, как на фотографии в альбоме, по которому Алиссона учили распознавать самолеты вероятного противника. В этот момент крепкие руки сбили фонарь кабины и, подхватив Генри, аккуратно потянули его из кабины. А снизу с земли доносились обрывки фраз на незнакомом языке.

Глава 25

Косовский фронт. 1999 г.

За хвостом истребителя остался ставший за последние месяцы родным и привычным Приштинский аэродром. Боевая эскадрилья с набором высоты шла на запад. До встречи с врагом всего несколько минут. Сергей еще раз придирчиво прошелся взглядом по приборам, никаких сбоев. Все работает, все в норме. На радаре виден ровный строй его группы, правее, в сорока километрах, идет третья эскадрилья. Остальные самолеты полка ушли гораздо южнее, стремясь зайти в тыл приближающейся ударной группе противника. На дисплее четко видна вся диспозиция. И ожидающие противника перехватчики, и позиции ЗРК, и две батареи ствольной зенитной артиллерии на подходах к Приштине, и вражеская армада. Сильная группа, самолетов 100–140, не меньше. По информации командного пункта, у противника, по крайней мере, один АВАКС, три специальных постановщика помех и около полусотни истребителей в прикрытии.

Полк был поднят по тревоге полчаса назад. В связи с военным положением весь личный состав находился на аэродроме, самолеты были готовы к вылету. Все прошло буднично и быстро. Полковник Пугачев объяснил задачу: ожидается массированный налет НАТО. Требуется перехватить ударную группу на подходе к аэродрому и совместно с наземными частями ПВО разделать как бог черепаху. Затем последовало уточнение задач для каждой эскадрильи, в целом это напоминало схему Б1. Доведя до сведения летчиков полетное задание, Андрей Пугачев молча прошел вдоль строя, вглядываясь в лица летчиков. Затем в полной тишине, нарушаемой только приглушенным ревом тягачей, выкатывавших истребители из ангаров и капониров, скомандовал: «По самолетам!» Строй разом смешался, ребята бросились к своим машинам. Уже через пять минут первые истребители оторвались от взлетной полосы.

Группа перехвата висела в небе на высоте 12 километров, не покидая зону действия зенитных ракетных комплексов. Превосходство противника было подавляющим, единственным шансом на выполнение задачи был бой под прикрытием ПВО. Но и в этом случае многие ребята не вернутся на аэродром.

Противник приближается, до него около 120 километров. По команде с земли майор Вукич повел эскадрилью на юг, готовясь к атаке с фланга. При таком курсе вражеским «Иглам» потребуются лишние секунды

развернуться навстречу «Су27», это дополнительный шанс выжить в бою. Наконец перехватчики вышли в точку поворота.

– Приготовиться к атаке! – спокойный уверенный голос комэска подбадривал летчиков. Это всего лишь работа, тяжелая, грязная, но необходимая работа. – По команде даем форсаж и идем на перехват. Залп с дистанции шестьдесят километров. Затем действуем по обстановке. Одиночными самолетами не увлекаться.

– Вас понял, – отозвался Сергей, активизируя головки сразу четырех ракет «Р77». В этот бой полк шел с полной боевой нагрузкой: 6 дальних «Р77» и две ближние «Р73» с тепловыми головками.

– Форсаж! – Прозвучавшая по радио команда заставила организм выбросить в кровь дополнительные дозы адреналина. Противник уже близко, осталось только встретиться с ним и прикончить его. Газ до упора. «Су27» буквально прыгнули вперед, разгоняясь до сверхзвука. Ускорение вдавило Сергея в кресло, затем постепенно отпустило. Аппаратура постановки помех и активной самообороны включена. Радар ощупывает пространство, выискивая цель. В ушах пищит тонкий голосок «Березы», они уже давно обнаружены с идущего над Албанией «Сенти». Внезапный удар не получится, противник видит мчащиеся в атаку «Су27». Сейчас к АВАКСу должна уже подобраться маневренная группа. Но нет, еще не добрались, работает, гад!

На радаре возникли отметки идущих навстречу американцев. Они решили парировать удар. С земли врага опознали как «F15» «Игл». Опасный противник, тяжелый, динамичный, оснащенный хорошим радаром, аппаратурой РЭБ и несущий целую батарею ракет «воздух–воздух» фронтовой истребитель.

Противник все ближе. Головки самонаведения ракет захватили цели. Летчики распределили между собой объекты атаки, это делается быстро, по линии командной аппаратуры «Бирюза». Остается только ждать. Югославские самолеты разогнались до двух скоростей звука. Противники сближаются на бешеной скорости, 80 километров, 70, 74, 60 километров. Залп! Сергей плавно нажал на кнопку и, выждав две секунды на отстрел ракет, рванул штурвал на себя. Облегченная машина ласточкой взмыла вверх. В глазах на мгновенье потемнело, но тренированный организм быстро справился с перегрузкой. Прямо перед глазами темнело небо и горели звезды. На такой высоте они видны в любое время суток. Сергей любил свою машину: мощный, скоростной, маневренный истребитель. Самый лучший боевой самолет в мире.

Моторы натруженно ревут, засасывая в себя разреженный воздух.

Взгляд на радар. Ведомые следуют за истребителем Сергея. Звенья Вукича и Иворицы остались ниже. Истребители противника отчаянно маневрируют, пытаясь уйти от ракет. Пусть пытаются, от «Р77» увернуться очень сложно.

– Продолжаем атаку! – бросил в микрофон команду Сергей. Затем штурвал от себя. Четверка «Сухих» на мгновенье легла горизонтально, высота 15 600 метров, далеко внизу идут плотные построения американцев. Самолеты клюют носом, входя в крутое пике. Мимолетный взгляд на дисплей и радар, вражеская группа прикрытия сбита и дезорганизована. Не менее четырнадцати «Иглов» падают на землю. А на севере завершает разворот третья эскадрилья. Неожиданно для себя Сергей заметил, что «Сенти» исчез с экрана, а над Албанией горят зеленые огоньки поредевшей маневренной группы, семь машин из одиннадцати вступивших в бой. Кроме того, улучшилась радиолокационная обстановка, нет постоянно лезущих на экран белых пятен помех. Значит, парни Пугачева отправили в последнее пике вражеские самолеты РЭБ. Прекрасно! Противник остался без глаз.

Звено камнем падает на вражеский строй, скорость растет с каждой секундой. Остались мгновенья, несколько длинных, растянувшихся в напряженном ожидании секунд до открытия огня. Пронзительный визг «Березы», навстречу идут три ракеты. Сергей инстинктивно потянул штурвал вправо, успел на доли секунды опередить автоматику. Ракета проскочила мимо и взорвалась за хвостом. В поле зрения возник «F16». Не теряя драгоценных секунд, взгляд на самолет противника и нажать на кнопку пуска, когда силуэт «Сокола» вплыл в кружок нашлемной системы целеуказания. Тело почувствовало мягкий толчок под крылом. Сергей краем глаза отметил рванувшуюся к противнику «Р73» – и все. Американец не успел ни отвернуть, ни даже заметить опасность. Сотни стальных стержней взорвавшейся перед его носом «Р73» превратили «F16» в решето. Через пару мгновений нелепо заваливающийся на бок «Сокол» остался за хвостом несущегося с сумасшедшей скоростью 2800 км/ч перехватчика.

Впереди уже росли в размерах, вползали в прицел вражеские штурмовики. Четверка «Торнадо» успела уклониться в сторону, эти истребителибомбардировщики были достаточно прочны и маневренны. К счастью, они несли только бомбовую нагрузку и не могли помешать «Су27». Сергей, не обращая внимания на прыснувших в стороны англичан, нацелился на ползущие ниже ударные самолеты. Нашлемный прицел зафиксировал идущего в голове коробочки «Интрудера». Черт побери! Слишком близко. «Р77» не могла захватить цель. Спасибо долгим

тренировкам и въевшимся в кровь рефлексам. Горелов молниеносно переключил режимы, и последняя «Р73» сорвалась с пилона. Янки оставалось только катапультироваться. Выпустив ракету, Сергей чуть подправил самолет, нацеливаясь на следующий штурмовик. Кабина «Интрудера» оказалась прямо в перекрестье колиматорного прицела, последовала короткая очередь. Почти в упор, всего 400 метров, промах невозможен. Увернувшись от потерявшего управление американца, Горелов заметил мелькнувший над головой «Су27», опять Витька хулиганит.

Звено в считаные секунды пронзило вражеский строй, оставляя за собой горящие машины.

– Всем выйти из боя! Покинуть опасную зону! – это Вукич. Кажется, он немного выше и севернее. Ладно, надо оглядеться по сторонам, оценить обстановку. Посмотреть на радар, вроде никто следом не увязался. Разворот и летим параллельно противнику. На все это ушло только 30 секунд. Истребители погасили скорость и шли в двадцати километрах от ближайших самолетов противника. Впереди виднеется пара «Сухих», сзади еще одно звено, в бой не лезут. А ведомые? На какоето время Сергей выпустил из виду своих ребят. Витя и Мирко идут рядом, висят прямо над хвостом, а Радована нет. Сергей переключился на командную УКВлинию, но в ответ был только шелест эфира. Значит, лейтенант Радован Милович не вернется из боя. Обидно терять ребят.

В этот момент прямо в середине строя американцев полыхнул взрыв, затем еще и еще. Огненные шары буквально расшвыривали звенья самолетов в стороны, ломали крылья и швыряли горящие машины на землю. Сергей успел заметить вынырнувшую снизу тяжелую ракету, ударившую прямо в плотный строй «Тандерболтов». Яркая вспышка, и два штурмовика, хаотично кувыркаясь, пошли к земле. Вот это да! Силища. Сергей уважительно покачал головой. Кажется, это «С300» чистит небо. Серьезная система.

А теперь можно продолжить народное веселье. Строй противника рассыпался, перемешался. Пока они соберутся вместе, можно с пользой потратить оставшийся боекомплект.

– Ребята, начинаем потеху! – Отдав команду, Сергей повернул истребитель на курс перехвата и активизировал последние ракеты. Витя и Мирко повторили маневр лидера. Никто не смог им помешать, только два «F15» попытались парировать атаку, но сверху на них свалилась четверка «Сухих». Итог закономерен – оба «Игла» недолго продержались в воздухе. А утреннее балканское небо украсилось еще одним парашютом. Сражение завязалось только пять минут назад, но уже десятки шелковых куполов

плыли над землей. Сергей спокойно, как на учениях, всадил обе свои ракеты в ударные машины НАТО с десяти километров. Промах в таких тепличных условиях был невозможен. Ребята также избавили свои самолеты от лишней нагрузки, а небо от лишних мишеней для ПВО.

Все, теперь можно вернуться на позицию ожидания и спокойно оценить обстановку. Та же идея пришла в голову майора Бронислава Вукича.

– Всем ко мне! – прокричал комэск в рацию.

Две эскадрильи, первая и третья, собрались вместе в десяти километрах северозападнее аэродрома. Только сейчас стало ясно, что четыре самолета потеряны. Остальные «Су27» почти безоружны. Все ракеты израсходованы в яростных атаках на вражескую ударную группу. Остались только пушки, а в современном бою – это не самое лучшее оружие. Кроме того, Сергей только сейчас заметил, что его машина успела потратить почти все противоракетные ловушки, имеющихся могло хватить только на уход от одной ракеты. Это его обеспокоило, опасно лезть в пекло без достаточных средств РЭБ. Группа полковника Пугачева висела в небе южнее аэродрома. Судя по миролюбивому поведению ребят, скорее всего у них тоже наблюдался дефицит боеприпасов. Противник тем временем приближался, скоро он войдет в зону действия «Квадратов» и «Панцирей» непосредственного аэродромного прикрытия, тогда и истребителямперехватчикам найдется работа, отстреливать отбившихся от своих американцев.

Удерживая самолет на высоте девяти километров, Сергей наблюдал, как вражеские ударные машины освобождаются от бомб и кассетных боеприпасов, не дойдя всего 20 километров до аэродрома. Выше, примерно на одной высоте с «Сухими», кружилась дюжина американских истребителей. Сергей Горелов невольно подумал, что такого противника стоит уважать. Потерять половину группы, почти все истребители сопровождения, остаться без командного пункта и самолетов РЭБ, но при этом сохранить строй. Подобное достойно рыцарского отношения. Только сейчас Сергей понял, почему американцев боятся и уважают во всем мире. Другие бы уже давно, обгоняя страх и форсируя моторы, рвали когти к своим аэродромам. И разумеется, стали бы легкой добычей только и ждущих такой паники «Су27». В условиях сломанного строя, когда каждый сам за себя, можно было одними пушками натворить дел. Кто угодно, но не американцы и англичане. Эти, даже потерпев поражение, заставили себя уважать.

– Не вмешиваться, пусть уходят! – пришел по командной линии приказ

Пугачева. Все ясно, раз весь полк болтается в небе без ракет, разумнее дать противнику уйти. Полк, держась на дистанции в 40–50 километров от замыкающих «F15», проводил противника до границы. Только когда вражеская группа пересекла береговую черту, полковник Пугачев повел своих летчиков домой на аэродром.

На земле их уже ждали. К приземлившимся истребителям подъезжали заправщики, катили тележки с ракетами. Над летным полем витал редкостный коктейль из ароматов керосина, масел, выхлопов автомобилей и резкого запаха спирта, заливаемого в антиобледенительные системы самолетов. Аэродромные специалисты первым делом интересовались у летчиков замечаниями по техническому состоянию машин. Поврежденные или требующие технического обслуживания машины откатывались в капониры. Исправные, без поломок, «Сухие» быстро готовили к новому вылету. Многие летчики, забыв про усталость, работали вместе с инженерами и техниками. По радио уже сообщили, что массированный удар НАТО отбит по всем направлениям. Потери противника колоссальны. Всем было ясно, сегодня они больше не сунутся, но приказ готовить машины к вылету – есть приказ.

Среди летчиков возникли слухи, что они пойдут в сопровождении своих штурмовиков, вернуть американцам долг за погибших товарищей. Все были возбуждены, во время работы громко обсуждали перипетии утреннего сражения. Иногда разговоры замолкали, люди мрачнели, когда разговоры касались сбитых ребят. Ктото катапультировался, ктото вышел из боя на поврежденной машине. Любопытные крутились возле стоящего на краю летного поля самолета капитана Ильгамбетова. Украшенный тремя маленькими красными звездочками на носовом обтекателе «Су27» вышел из боя после первого же столкновения. Как Махмуду Ильгамбетову удалось посадить машину с разорванной снарядами консолью, было загадкой даже для самого летчика. Инженерный консилиум уже вынес жесткий вердикт – надо менять крыло. Значит, в ближайшее время самолет будет прикован к земле. Сам капитан с потерянным видом ходил вокруг машины и горестно вздыхал. В лучшем случае до конца войны ему дадут старый «МиГ21». А это после «Су27» – как «Запорожец» после люксовой «Волги».

Сергей первым делом, после того как спустился на землю, ласково погладил переднюю стойку шасси своей машины. Затем показал техникам большой палец, мол, все в порядке, и побежал искать красную эмаль и трафарет. Вскоре к четырем звездочкам, украшавшим самолет, добавились еще семь. Все победы были подтверждены, записи бортовых приборов красноречиво свидетельствовали о еще семи сбитых противниках.

Спрыгнув с предпоследней ступеньки стремянки, Сергей придирчиво осмотрел свою работу. Прекрасно! Пусть видят и боятся.

– Сергей, тебя Батяня зовет, – к самолету подбежал Вилко Младич, молодой задорный лейтенант из четвертой эскадрильи. Батя – это значит полковник. Оставив прямо на бетоне банку с краской, Сергей поспешил к бывшему аэровокзалу.

Полковник Пугачев находился в своем кабинете на втором этаже.

– Пришел? – командир поднял глаза на вошедшего офицера. – Присаживайся.

– Товарищ полковник, разрешите доложить.

– Брось. Давай садись, – полковник махнул рукой в сторону стула. – Значит, одиннадцать побед, говоришь? – продолжил он, когда Сергей Горелов расположился напротив. – Молодец! А ведомого как потерял?

– При прорыве к ударной группе атаковали «Иглы». Тогда Миловича и сбили.

– Хорошо, что заметил. Умеешь за обстановкой следить. – По тону полковника трудно было понять, ругает он или хвалит. Широкоплечий, коренастый, коротко стриженный, похожий на небольшого медведя, Пугачев пристально посмотрел в глаза Сергея. – Я тут на тебя представление накатал. На Героя не тянешь, но второй «Славы» достоин. И Милошевич пару своих орденов повесит.

– Служу Советскому Союзу! – на лице Сергея проявилась целая гамма чувств, от законной гордости до легкого сожаления. А как Света обрадуется и удивится, когда он вернется якобы с «лечения в санатории» с новенькими боевыми орденами.

– А Югославию забыл? – с легкой ехидцей поинтересовался Пугачев.

– Нет, но «Слава» советский орден.

– Ладно, старлей, когда вся эта свистопляска закончится, всем полком посидим в лучшем кабаке Белграда. И ордена обмоем, и ребят помянем.

– Это верно, – тихо добавил Сергей.

– Да, твой Радован нашелся. Он успел катапультироваться и плюхнулся прямо в военный городок танкистов.

– Жив?!

– Жив, жив, – довольно протянул Пугачев, при этом его лицо расплылось в широкой улыбке. – Молодец парень. Вовремя выпрыгнул. Правда, немного подмерз, пока до земли летел.

В тот день после разговора с Пугачевым Горелов еще раз поднялся в небо. Как только самолеты подготовили к вылету, майор Вукич повел эскадрилью на новое задание. Разбившись на звенья, летчики прочесывали

район вдоль границы. После сражения несколько десятков летчиков НАТО прятались в горах Косово, ожидая спасательные вертолеты. Кроме того, Сергей слышал, что наши специально раскидали два десятка включенных стандартных натовских аварийных маяков в зоне действия зенитных дивизионов. Эскадрилья целых три часа болталась в небе, пока не подошло к концу топливо. За время патрулирования их добычей стали две вертушки и полдюжины беспилотных разведчиков. Затем летчиков майора Вукича сменила третья эскадрилья.

Плотное патрулирование велось еще целые сутки. Но противник, видимо, решил не рисковать вертолетами, пока в небе висят «Су27». За это время армейские патрули успели выловить всех вражеских летчиков. Югославским солдатам в этом помогли сигналы спасательных маяков. Попутно были обнаружены два схрона бандитов. «И то хлеб», – как выразились по этому поводу в штабе.

Вечером за ужином в столовой полковник Андрей Пугачев молча поднял стакан с красным вином. Единственным алкоголем, который позволяли летчикам, и то только в лечебных целях. Полк молча встал и, не чокаясь, выпил в память о погибших сегодня ребятах. В отличие от обычных вечеров, сегодня в столовой ели молча. Только доносилось звяканье посуды. Официантки, стараясь не шуметь, сновали по залу. День траура, все понимали, что завтра сами могут не вернуться из боя. И только полковник поздно ночью будет писать похоронки.

После ужина все потянулись в красный уголок. Витя Чернов достал гитару, мягко пробежал по струнам, проверяя настройку. И в комнате зазвучали грустные гитарные ритмы. Эту песню он слышал по радио, какаято малоизвестная группа. Но сегодня эти слова были самым лучшим бальзамом для душ ребят:

Самолеты НАТО вновь бомбят Белград,
Мирные кварталы под огнем.
В помощь мусульманам янки шлют солдат,
И в боях проходит день за днем.
Нашим сербским братьям помощь так нужна,
Им одним сейчас не устоять.
Белая победа – так она важна,
Косово албанцам не отнять.
Косовский фронт гдето там далеко,
Враг не получит ни метра славянской земли.
За отчий дом умирают легко,

Мы бились бы в Косово, если бы только могли
Взорваны Балканы яростной войной,
Нет теперь пощады никому.
Все ради свободы нации родной,
Кто ее унизит, смерть тому.
Сербия для сербов, это их страна,
Пусть живут одни, без чужаков.
Мы едины с ними, встанем, как стена,
Вскинем сотни правых кулаков.
Косовский фронт – на переднем краю,
В грозных сражениях виден победный рассвет.
Если я Сербию не отстою,
Завтра войска оккупантов будут в Москве.
Нет, никогда!
Что ж ты, Европа, прячешь глаза,
Видишь, твоею рукой убивают славян.
Смерч пронесется, ударит гроза,
И отольется тогда кровь еще свежих ран.
Русский доброволец, руку братьям дай,
Будь готов бороться до конца.
Меч возьми скорее и зло покарай,
Не жалей разящего свинца!

Глава 26

Снежная жара. 1999 г.

– Паша, ты не забыл? Через час совещание. – Бодрый голос Верховного в трубке лишний раз напомнил Шумилову о жестком рабочем графике.

– Не забыл. Буду вовремя.

– Хорошо, не забудь материалы для Рычкова.

Положив трубку, Шумилов первым делом достал из верхнего ящика стола пухлую красную папку с гербом СССР. И на самом деле лучше положить ее на стол, чтоб не пришлось возвращаться. Там были рекомендации и инструкции для МИДа, основные контуры политики и подробное изложение отдельных аспектов на период операции «Снежная жара». Под руку попался доклад о положении дел в химической промышленности. Это потом. Павел Николаевич положил бумагу в стопку для дел средней важности. Пусть помощники и эксперты разбираются, а у Председателя Совета Министров сегодня есть дела поважнее.

Сегодня пора начинать большую финансовую войну. Рыть могилу для глобальной Империи Зла. Павел Николаевич со вкусом повторил вслух последнюю фразу и, протерев носовым платком очки, взял в руки биржевые сводки. Все складывалось как нельзя лучше, на НьюЙоркской фондовой бирже уже неделю паника. Неудачное начало войны в Югославии привело к резкому падению курса американских ценных бумаг. Последующие события не добавили оптимизма брокерам, котировки стремительно падали. В то же время росли цены на золото и нефть. Японские и европейские акции держались на одном уровне или незначительно опускались в цене.

Шумилов довольно улыбнулся, сравнивая котировки. Падение котировок переросло в панику с помощью удачных своевременных выбросов активов на рынок, устроенных агентами советского Центробанка. Это была прелюдия, подготовка основной фазы наступления. И действовать Павел Николаевич собирался жестко, энергично, неустанно навязывая противнику свою волю. Все в лучших традициях Александра Суворова. Пусть вместо пушек и солдат у Шумилова пакеты ценных бумаг, валютные резервы и биржевые маклеры, это не меняет сути. Он прекрасно понимал, что благополучие Американской Империи зиждется на непререкаемом авторитете доллара. Кто контролирует мировую валюту, тот контролирует мир. Именно это позволило наследникам великого Рузвельта приступить к

глобализации поамерикански и созданию информационной постиндустриальной экономики. Системе, при которой главным товаром является воздух и спекулятивные ожидания.

Идея в принципе интересная, но Советский Союз она не устраивала. Если одна страна живет, практически ничего не производя, только перепродавая дутые спекулятивные капиталы, значит, остальной мир вынужден работать бесплатно. Сейчас США наступают, активно втягивают ранее независимые страны в паутину глобальной экономики – системы, декларирующей равные возможности, но на деле дающей неоспоримое преимущество американским корпорациям. Еще лет десять, и США подчинят большую часть мировой экономики. При таком развитии событий СССР ожидает либо постепенное угасание, либо роль высокотехнологичного цеха Глобальной Империи. Руководство Союза такая перспектива не вдохновляла. Здесь искренне считали, что уровень развития определяется уровнем производства машиностроения, космической техникой, сельхозпродукцией, а не биржевыми спекуляциями, необеспеченными реальными ресурсами.

Наконец закончив изучение сводок, Шумилов посмотрел на часы и потянулся к телефону. У него еще было время на один звонок.

– Алло, Леонид Сергеевич, это Шумилов говорит. Что у нас с инвестициями в Центральную Европу?

Совещание проходило в знакомом всем присутствующим кремлевском кабинете Бугрова. Настроение у людей было приподнятым. Со всех сторон слышались смешки и шутки. Главком авиации Андреев приехал в парадной маршальской форме с целым иконостасом орденов и медалей на груди. Обычно скромный Шумилов щеголял звездой Героя социалистического труда.

– Приступим, господатоварищи. Что скажет армия? – традиционно открыл совещание Бугров.

– У нас все хорошо, Арсений Степанович. Просто великолепно, – широко улыбнулся Андреев. Обычно он отличался серьезностью, но сегодня буквально лучился от радости.

– А конкретнее?

– С начала операции противник практически не добился успехов. Югославская армия смогла отразить все удары и нанести значительный урон противнику. Все стратегические объекты и промышленность прикрыты ПВО. В таких условиях Югославия может продержаться хоть год.

– А янки?

– У этих хуже. – После слов Андреева в кабинете раздались аплодисменты. – Половина ударной группировки выбита. Мы насчитали около 700 сбитых самолетов противника. И еще полторы сотни упали в море и на соседние страны или были уничтожены на земле.

– На ваших сербов Албания сильно обижается. Говорят, в воздушное пространство постоянно лезут, аэродромы бомбят, – перебил Андреева Рычков.

– А пусть под ногами не путаются. Раз под американцев легли, пускай теперь не обижаются.

– Да они мое ведомство нотами протеста завалили, а бумага у них жесткая, гербовая, задницу царапает. – Постоянный смех не давал Андрееву делать доклад. Но он не обижался, смеялся громче всех. Очень редко совещания в этом кабинете проходили в такой непринужденной атмосфере.

– К сожалению, недостаточно сильной оказалась противоракетная оборона. Из 430 «Томагавков» были сбиты только 340. Из оставшихся две трети попали в цель. Получили повреждения объекты ПВО, заводы, нефтепромыслы. Попаданиями шести крылатых ракет полностью разрушен пункт космической связи в Нише. К счастью, мы поставили дублирующие и резервные пункты приема информации из космоса, и обороноспособность страны не упала. Сильно повреждены авиационные и машиностроительные заводы под Белградом, портовые сооружения Бара, горел нефтеперегонный комплекс в НовиСаде. Разрушены два моста через Тису. Но все это, повторяю, допустимый уровень потерь. Мы рассчитывали на худшее. Зато, испытывая противокорабельные ракеты, мы потопили в Адриатике «Инвинсибл» и шесть эскортных кораблей. Сильно поврежден «Фош», авианосец надолго вышел из строя.

– Каковы наши реальные потери? – задал вопрос Шумилов.

– Приемлемые. ВВС потеряли 43 истребителя, четыре штурмовика и один разведчик. Наземная ПВО лишилась 32 радарных постов, 17 станций РЭБ и 59 ЗРК. Потери личного состава 236 убитых и 312 раненых. В плену, по подтвержденным данным, находятся 9 летчиков. Спасибо Антону Васильевичу, вытащил из Венгрии троих наших добровольцев.

– Не за что, это моя работа, – быстро отреагировал глава МИДа, хотя на его щеках мелькнул румянец. Идея обвинить во всех смертных грехах и добиться депортации в СССР троих сбитых над Венгрией и захваченных местной полицией летчиков принадлежала лично Рычкову. Ситуация была неоднозначной. Американцы добивались передачи летчиков им. Венгры были готовы пойти на этот шаг, хотя и тянули резину. После упавших на

небольшой городок американских самолетов у венгров усилились антиамериканские настроения, они были не прочь сунуть палки в колеса новым хозяевам. Огня в буквальном смысле слова добавил перемахнувший через всю Югославию и рухнувший на окраинах Сегеда «Томагавк». После косвенных намеков из Будапешта военная прокуратура в течение одной ночи состряпала уголовные дела против ребят. Обвинение в наемничестве было самым невинным из целого букета преступлений, которые, оказывается, они совершили на родине. На следующее утро советский посол в Будапеште уже смело требовал экстрадиции закоренелых «уголовников». В Венгрии сочли это наилучшим выходом из создавшейся ситуации и быстро передали летчиков советской стороне. При этом рассчитывая на ответную благодарность СССР при случае. Американские службы не успели ничего предпринять, как пленных в наручниках доставили на аэродром и под конвоем погрузили в рейсовый лайнер. Уже при пересечении самолетом советской границы все обвинения волшебным образом рассыпались в прах. В Москве ребят встречали, как героев, с хлебомсолью и военным оркестром. Официальный протест американского посланника в Москве был вчера вечером вежливо принят Рычковым и подшит в папку с такими же протестами.

– Я могу сказать, уже сейчас антиюгославская коалиция разваливается, – взял слово Трубачев. – Бельгия, Голландия и Норвегия отказались от дальнейшего участия в этом невыгодном проекте. Франция планирует сегодня отозвать свои войска.

– К нам постоянно обращаются за помощью посодействовать в выкупе пленных.

– Кто обращается, Антон Васильевич? – поинтересовался Шумилов, он упустил этот момент.

– Да все: французы, итальянцы, норвежцы. Все, кроме янки и англичан.

– Значит, ситуация в целом неплохая, – подвел итог Бугров.

– Ситуация прекрасная, – тихо улыбнулся председатель КГБ. – У НАТО огромные потери. В Европе растет волна антивоенных выступлений. Активизировались антиглобалисты. В Вашингтоне позавчера на Арлингтонском кладбище столкнулись пацифисты, изоляционисты и «ястребы». Доллар падает, на бирже паника, впереди у американцев огромные расходы на восполнение потерь.

– Мы этого и добивались. Сами знаете, нельзя допустить доминирования одной державы. Нам остался только один шаг, и можно будет протащить к власти в США изоляционистов и расколоть НАТО.

– Планируете вывести из НАТО европейские страны? – поднял глаза на Верховного Семенов.

– Нет, нам важнее выгнать из НАТО США, а самим туда вступить. Это оптимальный вариант. Повторяю, шанс реальный. Павел Николаевич, когда начинаете основную фазу?

– Арсений Степанович, начнем уже сегодня. Сейчас в Америке ранее утро. Скоро откроются фондовые биржи. Самое время устроить им «Снежную жару».

– Не поторопились ли мы отдавать долги? Надо было подождать, пока бакс обесценится, – буркнул Семенов.

– Ничего страшного. Зато ни от кого не зависим. И кто мог знать? Хорошо быть умным до, как моя жена после, – парировал Бугров. После этого красный премьер продолжил доклад: – Ситуация наиболее подходит для стремительной атаки. Рынок очень неустойчив. Мы имеем негативные ожидания основных игроков. Сегодня достаточно выкинуть на рынок всего дватри миллиарда долларовой массы, и баланс рухнет. Начнется стремительный обвал, эффект лавины. В мировой экономике на сегодняшний момент крутится, по самым скромным оценкам, 15 триллионов спекулятивных, дутых, обеспеченных только авианосцами долларов. Один хороший пинок, и половина из них обрушится на Америку.

– Чем мы можем помочь? – наклонился вперед Трубачев.

– От вашего ведомства требуется максимально разрекламировать американские финансовые и военные проблемы. Постарайтесь двинуть через солидные издания версию об исчерпании золотого запаса США. Опубликуйте все неприглядные факты о финансовой политике США. Можно активизировать и правозащитное движение, пусть защищают права чернокожих, гомосексуалистов, насильников. Если у вас в запасе есть пара скандалов, пусть начнутся. И самое главное – постарайтесь после кризиса перекупить интеллектуальную техническую элиту США. – Шумилов никогда не забывал об интересах своего кабинета министров и крупных экспортеров.

– Хорошо, я думаю, мы сможем уже сегодня организовать скандал с поставками наркотиков в США. Остальное тоже реализуем.

– От вас, Антон Васильевич, я жду спокойной методичной работы в Европе. Главное, сделать их не потенциальными, а реальными союзниками. Просили помочь с пленными? Поможем. Просят гарантий безопасности? Дадим. Очень осторожно работайте с арабами. ОПЕК согласилась снизить лимиты на добычу нефти, но после того, как мы нанесем первый удар по вражеской экономике. Одновременно приструните Арафата, нам нужна

стабильность в этом регионе, а от Израиля многое зависит.

– Черт побери! Меня всю жизнь готовили к войне с НАТО. А получается, что главное наступление ведут финансисты, а армии оставили вспомогательное направление! – с жаром высказался Семенов.

– Нет, воевать мы не будем. Главное – вытеснить их из зон наших интересов. Пусть живут, но и нам не мешают развиваться, – парировал Бугров.

Уже вечером, по дороге домой, Павел Николаевич вспомнил, что послезавтра в Москву возвращается Привалов. Все складывалось как нельзя лучше. У Шумилова появилось ощущение, что они вырвались на оперативный простор. Скоро можно будет позаботиться об Ордене Будущего. В этом деле он приложит максимум сил. И Виктор Привалов, человек умный, с неординарным мышлением, сможет создать настоящую кузницу кадров для страны, внутренний стержень Советского Союза.

День сегодня выдался тяжелый, но интересный и результативный. Шумилов с момента начала «Снежной жары» не отрывался от компьютера. Следил за движением курсов и работой биржевиков. После массированной долларовой интервенции рынок зашатался, пришел в движение. За полдня курс упал на целых 117 пунктов. Американская Резервная Федеральная Система быстро опомнилась и попыталась выправить положение. Резервов у них пока достаточно. Но было поздно. Началась паника. Камень уже сдвинут с места, остается только не давать ему остановиться, вовремя подталкивать новыми финансовыми и информационными атаками. Аналитики пока не догадались об истинных причинах происходящего. Неустойчивый рынок, бюджетный дефицит, тяжелые поражения на Балканах, объединение Европы, прекращение поставок нефти Советским Союзом – все это было частями одного большого плана. Еще не скоро умные головы соберут все воедино и сделают выводы.

Идет генеральное сражение, стратегическая битва. Шумилов сегодня ощущал себя главнокомандующим, генералом, ведущим прорыв укрепленной позиции противника. Рыночные брокеры и банки, как солдаты, непрерывно атаковали вражескую крепость. В небе заходили на цель тяжелые бомбардировщики свободной прессы, даже морской флот, гордо рассекавший Атлантику, играл свою роль в этой битве, отвлекая на себя внимание противника. Экспертная группа Министерства финансов, особая гордость Шумилова, словно офицеры штаба и инструментальная разведка, держала руку на пульсе событий, выдавая четкие своевременные указания рядовым финансовой войны. При малейшей попытке рынка стабилизироваться моментально происходили очередные выбросы. Курс

менялся скачками – вверх, вниз. Это позволяло опытным брокерам закупать доллары при минимальных значениях курса и выбрасывать их обратно, после того как цена поднималась выше определенной отметки. Совсем как солдаты, собирающие патроны из подсумков убитых врагов.

Шумилов был спокоен, он мог видеть всю картину боя целиком, имел представление о резервах противника и четко распоряжался собственными немаленькими ресурсами. Он знал – в этой битве ростовщиков и производственников победят производственники. Советский Союз долго готовился к этому контрнаступлению. Запасал снаряды, обучал солдат, перебрасывал войска к фронту, прикрывал минными полями танкоопасные направления. И копил резервы. Через два часа рынок немного успокоится, замрет на месте. А завтра будет новая атака. Чего стоит одно только постановление Совета Министров СССР об обязательном переходе во внешнеэкономических расчетах на рубли. Пусть оно вступит в силу только через три месяца, но опубликовано будет завтра. Это еще несколько сотен миллиардов долларов, брошенных в пекло сражения. А следом не только Союз, но и Европа быстро откажется от долларовых расчетов. Наступает новая эра национальных валют.

После очередного поворота Шумилов тронул водителя за плечо.

– Саша, пожалуйста, тормозни вон у того магазина.

– За покупками, Павел Николаевич?

– Да, жена просила холодильник пополнить.

Элитный «ЗИЛ» плавно затормозил прямо у входа в продуктовую лавку, точно под знаком «Стоянка запрещена». Следом к бордюру прижалась старенькая потрепанная «Волга» с тонированными стеклами. Охрана была начеку и готова в любую минуту пресечь нежелательную ситуацию. Шумилов уже взялся за ручку дверцы, как зазвонил телефон.

– Паша, ты еще у себя? – в трубке прозвучал жизнерадостный бас Верховного.

– Нет, уже домой еду. А что случилось?

– Ко мне сейчас приходил американский посол. Просил выступить посредником в замирении с Югославией.

– Ты согласился?

– Естественно. Пора и мир подписывать.

– Поздравляю, генерал! – прокричал в трубку Шумилов, не обращая внимания на недоуменные взгляды телохранителя и шофера.

– Спасибо. Это тебя надо поздравить за сегодняшнее наступление, – отшутился Бугров.

Убрав трубку в карман, Шумилов был готов расцеловать ребят. Жаль

только, не поймут, решат, что у шефа крыша поехала от чрезмерных размышлений. Широко улыбнувшись, Павел Николаевич выскочил из машины и чуть ли не вприпрыжку направился к магазину. «Надо сегодня торт купить, Марину обрадовать», – подумал он, входя в лавку.

Белый реванш

Все описанные в романе события и действующие лица являются вымышленными. Любые совпадения с реальными именами случайны.

Глава 1

ВЕЧЕР НА БАЛТИКЕ

Волны одна за другой равномерно накатывались на пляж. Над гребнями волн кружились вездесущие чайки. Несколько крупных белых птиц сидели на воде, в паре сотен метров от берега. А дальше, почти у самой линии горизонта, темнели серые, сливающиеся с водой силуэты двух кораблей. Скорее всего – сторожевики. Павел Николаевич Шумилов усмехнулся, никакого смысла в присутствии военных кораблей на траверсе Светлогорска не было. Но правила есть правила. В маленьком курортном городке на берегу Балтики проводился международный саммит.

Гости: канцлер ФРГ Герхард Шредер и президент Франции ЖанМари Ле Пен только сегодня днем прибыли в «Гранд Отель» в сопровождении Председателя Совета Министров СССР Шумилова. А завтра в Светлогорск прилетает Председатель Верховного Совета СССР Арсений Степанович Бугров.

Красивый особняк, расположившийся прямо на живописном берегу в нескольких метрах от линии прибоя, считался одним из лучших отелей на Балтике. Именно его и выбрали для проведения встречи. Естественно, не только изза открывающегося из окон и с балкончиков вида. После долгих консультаций с дипломатами и аналитиками КГБ Бугров выбрал для саммита именно Калининградскую область, именно бывшую Восточную Пруссию.

За последние годы баланс сил в мире сильно изменился. После дефолта 99го года США потеряли значительную часть своего политического влияния. Страна до сих пор не может выйти из жесточайшего кризиса, резкое падение уровня жизни, безработица, государственный долг, огромнейшее сокращение бюджета и отток капиталов, в целом малоприятная ситуация для американцев. Доллар утратил статус мировой валюты. Многие, казалось бы, влиятельные международные организации, оставшись без поддержки Вашингтона, ушли на задний план. На первые роли в мировой политике выдвинулись Единая Европа, Советский Союз и Китай.

Основной промышленный и финансовый акционер Европейского Союза – Германия все активнее заявляла о своих интересах. Берлин начал вспоминать о своем славном имперском прошлом. Постепенно стал достоянием истории комплекс неполноценности, навязанный немцам после поражения во Второй мировой войне. И здесь интересы ФРГ сталкивались

с интересами СССР, стремительно развивающегося и пытающегося создать новый блок взамен потерянного Варшавского Договора. Многие аналитики обратили внимание на отказ Берлина оказывать безвозмездную помощь Израилю, своего рода контрибуцию. Это был знаковый момент внешней политики ФРГ.

Именно эти нехитрые выкладки и послужили основой такого выбора места проведения саммита. Во время переговоров о предполагаемом сотрудничестве между Советским Союзом и ЕС следовало намекнуть Шредеру, что первую скрипку в будущем альянсе будет играть именно СССР. Амбиции Берлина требовалось охладить видом красного флага над Калининградом, бывшим Кенигсбергом. Восточная Пруссия более полувека принадлежала России, от прусского духа здесь осталось только несколько старых домов, пара улочек да некоторое влияние готического стиля на архитектуру покрывших побережье отелей и баз отдыха. И все. Даже топонимика изменилась неузнаваемо.

К своей чести, Шредер понял намек еще в аэропорту, именно так можно было интерпретировать его предложение: не затягивать официальную программу, а сразу переходить к делу. Гости возложили цветы у могилы Эммануила Канта и у памятника на площади Победы и без церемониальных увертюр отправились в Светлогорск. Всего полчаса езды до городка, затем колонна лимузинов проползла по узким извилистым улочкам и замерла у входа в отель. Саммит начался…

Павел Николаевич бросил взгляд на часы и, поправив галстук, решительно поднялся изза столика. Вид с балкона отеля открывался великолепный, и воздух здесь чистейший, напоенный морской свежестью, но через 15 минут в конференцзале начнутся переговоры. Надо спешить.

– Вставайте, граф. Вас ждут великие дела! – с выражением продекламировал себе Шумилов и направился к лестнице.

Двое охранников бесшумными тенями последовали за ним.

По идее, глав Германии и Франции должен был встречать не Шумилов, а Арсений Бугров – первое лицо СССР. И переговоры должен был открывать он же. Но в этом имелся тонкий смысл. Требовалось придать встрече полуофициальный вид. Так снимался чрезмерный ажиотаж. Разговор планировался серьезный, темы на повестке дня стояли важнейшие. Сегодняшние переговоры должны были определить взаимоотношения трех сильнейших европейских держав на ближайшие десять лет. Не секрет, что подобный союз многих не устраивал. При организации встречи Ле Пен сам намекнул Бугрову в телефонном разговоре, что слишком официальный и солидный статус мероприятия

нежелателен.

Вот и конференцзал. Павел Николаевич быстрым шагом прошел к столу. Фотовспышки, микрофоны на удочках. Серьезные лица телохранителей и технического персонала. Широкая улыбка для прессы. Несколько ничего не значащих фраз. Шумилов относился к этому как к надоевшей, но неизбежной части своих обязанностей. Так надо. Надо широко улыбаться. Надо, церемонно пожимая руку Шредера, стоять так, чтобы получились хорошие кадры. Затем одобрительно похлопать по плечу француза. Все на публику. Общественность должна видеть, что лидеры целеустремленно идут навстречу дальнейшему политическому и экономическому сближению позиций своих держав.

Когда наконец все расселись, Шредер, Шумилов и Ле Пен по очереди произнесли речи. Заранее утвержденные, согласованные фразы. Только после того, как журналистов попросили покинуть помещение, можно было перейти к делу. За стенами «Гранд Отеля» светило солнце, стояла хорошая безветренная погода, вдоль берега тянулся песчаный пляж, а на набережной расположились десятки кафе и ресторанчиков. Пусть рыцари пера и микрофона немного отдохнут вместе с тысячами туристов, выбравших этот городок для своего отпуска. Именно такими словами Павел Николаевич напутствовал журналистов, перед тем как попросил их удалиться. Правда, он понимал, что никто не последует его совету. Так и будут стоять у дверей, стараясь первыми узнать все новости. Ну и пусть стоят, это их проблемы.

– Все, теперь можно спокойно поговорить, – поанглийски высказал общее мнение Герхард Шредер. Все трое прекрасно владели этим языком и поэтому обходились без переводчиков. Еще одно маленькое отступление от протокола.

– Кажется, все предварительные вопросы уже решены, – продолжил Шумилов, – давайте сразу перейдем к конкретным предложениям.

– Господин Шумилов, вы прекрасно понимаете, что давно пора решить вопрос с таможенными барьерами. Высокие пошлины затрудняют торговлю и не способствуют сближению наших экономических позиций, – откинулся канцлер ФРГ.

– Я понимаю, гер Шредер. Но мы уже обсуждали этот вопрос, – уклончиво ответил Шумилов, одновременно ослабляя узел галстука. Германия, разумеется, заинтересована во внутреннем рынке СССР, но, с другой стороны, Павел Шумилов был не готов отказаться от защитных пошлин и лимитов на импорт. Этот шаг привел бы к ужесточению конкуренции с западным демпингом и снижению прибылей советских производителей на 710 процентов. Ощутимая потеря, которую пока нечем

компенсировать.

– Но вам не кажется, что два года, о которых шла речь, это слишком много? Мир стремительно меняется, надо успевать реагировать на изменения.

– Я думаю, надо искать компромиссное решение. Вы интересуетесь нашими рынками сбыта, а Советский Союз несет ущерб от высоких пошлин на экспорт металлопроката в Европу. Вы давите и вытесняете наших поставщиков завышенными сборами.

– Но этот вопрос решается только в рамках Таможенного союза, – быстро отреагировал немец. – Все было бы проще, если бы вы получили статус страны с рыночной экономикой. Но для этого вам надо самим открыть границы для добросовестной конкуренции.

– Давайте не будем сорить словами, – прервал спор Ле Пен. – Мы все прекрасно понимаем, что ВТО и идеи глобального рынка переживают свои последние дни. Мы здесь собрались не для мелкого торга за скидку в четверть процента.

И это было правдой. Шредер, видимо, еще не понимал или делал вид, что не понимает, пытаясь обыграть Шумилова, но ситуация в мире очень сильно изменилась. После обрушения весной 99го года финансовой системы США идеи глобализма и всемирного рынка начали отходить на задний план. Их вытесняли национальные интересы ведущих мировых держав. Опять, как и до Второй мировой войны, начали складываться механизмы изоляции и защиты отдельных сегментов рынка от нежелательных игроков. Так же резко упал уровень биржевых спекуляций. Сейчас курс акций редко поднимался выше их номинальной стоимости.

– Еще раз повторяю: СССР не может снять большую часть защитных пошлин раньше, чем летом 2004 года, – красный премьер сделал ударение на слове «большую». – Мы можем рассмотреть конкретные варианты и выделить дополнительные льготные квоты, но только на условиях взаимных уступок и встречного снижения пошлин.

– Я согласен, – Герхард понял, что советского премьера на кривой козе не объедешь.

На этом разговор о торговых отношениях завершился, началось обсуждение более серьезных вопросов. Общение протекало в жесткой деловой манере. Каждый из трех лидеров владел реальными рычагами власти в своих странах и в полной мере отвечал за свои решения. Вопросы решались один за другим. За пять минут был снят уже пять лет висевший в воздухе вопрос черноморских проливов. Европейцы легко согласились отменить старый договор, еще 1922 года, и подписать новый. Теперь через

проливы могли проходить любые военные корабли СССР, Франции, Германии и Турции. На остальные страны это решение не распространялось.

Наконец после второстепенных вопросов перешли к главному.

– Мне кажется, что в свете последних политических и финансовых изменений США уже не могут уделять НАТО столько внимания, как раньше, – осторожно начал прощупывать почву Шумилов.

– Верно, но пока их армия и флот занимают первое место в мире. У вас только четыре авианосца, – возразил француз.

– Только три и один малый, – улыбнулся Павел Николаевич, – но сейчас фактический баланс имеет не столь большое значение. Оборонный бюджет США за последние три года сократился в три с половиной раза. Тогда как о сокращении баз речи не идет. Они пытаются латать дыры в бюджете и в первую очередь поддерживают боеспособность своих войск в Персидском заливе. На европейский театр средств уже не остается.

– Я давно говорил: Европа должна иметь достаточно сил для защиты своих интересов, – ЖанМари Ле Пен подался вперед, с нажимом произнося каждое слово. – Сейчас мы пересматриваем свои оборонные расходы в сторону увеличения.

– Но как тогда понимать ваши слова, господин Шумилов, если СССР до сих пор держит на западном направлении миллионную армию?

– Гер Шредер, пока НАТО представляет для нас потенциальную угрозу, мы вынуждены учитывать европейский театр военных действий. Мы готовы сотрудничать, мы готовы участвовать в делах Единой Европы, но в первую очередь заботимся о своей безопасности. Раз уж мистер Ле Пен предложил говорить открыто, добавлю: СССР заинтересован в тесном военном союзе с Единой Европой, но не с проамериканским НАТО.

– Гут. Разумеется, это положительная и конструктивная концепция, – уловил мысль Шумилова Шредер. – НАТО без США – это интересный вариант. Нам надо чаще консультироваться по вопросам наших взаимных интересов, как, например, во время югославского кризиса.

– Тогда вы хорошо сыграли, а мы оказались в дерьме, в одной компании с янки и англичанами, – в голосе француза слышалась неподдельная горечь.

– Но у вас лично нет повода расстраиваться. Именно военное поражение помогло вам победить на выборах, – усмехнулся Шредер. Он, со своей стороны, был прав. Во время операции НАТО против Сербии Франция понесла значительные потери. Гордость французского флота авианосец «Фош» после полученных им повреждений еле дополз до порта.

Больше в строй он не вводился, специалисты посчитали, что ремонт обойдется дороже постройки нового корабля. А в результате последовавшей волны антивоенных выступлений и массовых акций гражданского неповиновения к власти пришел лидер Национального Фронта Ле Пен.

– В случае конструктивных действий Европы мы согласны сократить численность войск в западных округах, – забросил наживку Павел Николаевич.

– А гер Бугров согласится с вашим решением? – сразу оживился немец.

– Да, мы готовы на взаимные уступки, если увидим, что ЕС формируется как суверенная, не только экономически, но и военнополитическая сила. Завтра товарищ Бугров сам повторит это.

Верховный был прав, предлагая этот вариант разговора. Шредер сразу заглотил наживку, он даже не понял, что просто меняет протекторат США на протекторат СССР. Впрочем, Советский Союз и не планировал размещать свои войска в Центральной и Западной Европе, прочный союз с НАТО был идеальным вариантом для советской внешней политики.

– Думаю, это интересное решение. Если Советский Союз гарантирует защиту совместных интересов наших стран, то нам следует получше обдумать все аспекты сотрудничества.

– Отлично, Герхард, вы все правильно поняли.

Канцлер ФРГ подвинулся поближе к советскому премьеру, разговор определенно получался интересным.

– Наших генералов интересуют военнотехнические контакты с вами. Сейчас флот планирует закупку крупной партии противокорабельных ракет. Скажите, ваши «Яхонты» могут работать со стандартной аппаратурой НАТО? – Немец не зря задал этот вопрос. Германия строила серию новых эсминцев, первоначально их планировали вооружить американскими ракетами «Гарпун», но после битвы над Югославией весь мир убедился в уникальных боевых возможностях советских ПКР. Конкуренцию «Яхонту» могла составить только новейшая французская сверхзвуковая «Асура», но она несколько уступала советской ракете в дальности действия и массе боевой части.

– Наши специалисты смогут встроить «Яхонт» в комплекс вооружения ваших кораблей, но есть одна проблема, – Шумилов наклонился поближе к Шредеру, – он входит в список систем, поставляемых только союзным государствам. – Павел Николаевич старался ничем не выдать охватившее его возбуждение: проникнуть на европейский рынок оружия! Об этом

можно было только мечтать! Внешне Шумилов оставался таким же спокойным и чуточку меланхоличным, как и при начале разговора. Раз Шредер сам просит продать новейшие ракеты, значит, можно и поторговаться, поднять цену, получить пару уступок. Главное – не переиграть и аккуратно привязать Европу к своей политике. А результат оправдает расходы.

– Получается, что у Югославии и Кубы больше привилегий, чем у развитых стран, – с кислым выражением лица произнес ЖанМари Ле Пен. Он понимал, что упускает хороший контракт для своей оборонки, но ничего не мог поделать. Сейчас ему позарез были нужны русские. Проводимая Ле Пеном внутренняя политика нуждалась в одобрении «мировой общественности» и информационном прикрытии. Он и так играл на грани: в любой момент мог произойти политический кризис или того хуже – начаться крупный мятеж и восстание многочисленных эмигрантов из бывших колоний. Последствия подобного развития событий трудно предусмотреть.

– Все можно изменить. Тут важно четко расставить акценты, – улыбнулся Шумилов. Разговор получился продуктивным. Все шло по плану и даже чуть сверх плана. Шумилов понимал, что затронутый сегодня массив проблем сразу не решится, но главное – дан толчок. Хороший толчок.

Беседа длилась до позднего вечера. Только в самом конце встречи Ле Пен с извиняющейся улыбкой на лице попросил Шумилова посодействовать в решении проблемы с нелегальной эмиграцией и появившейся во Франции за последние десятилетия прослойкой профессиональных получателей пособия и люмпенов арабского и негритянского происхождения. В отличие от Шредера, Ле Пен выждал, пока Шумилов раскроется, и только потом высказал свою просьбу. Еще один плюс французу.

Ветеран войн в Индокитае и Алжире, участник французского Сопротивления сам справлялся с чисткой своих авгиевых конюшен. На сегодняшний день Францию уже покинули более ста тысяч нелегальных иммигрантов, были лишены гражданства и высланы из страны несколько тысяч связавшихся с криминалом алжирцев и марокканцев. Правительство, сформированное Национальным Фронтом, постепенно делало Францию Францией, убирало с улиц отвратительный колорит африканских и ближневосточных трущоб.

От Шумилова требовалось в случае обострения информационных атак правозащитников и либералов отвлечь внимание встречной операцией

средств массовой информации и официально высказать одобрение политики Ле Пена. Надо ли говорить, что Павел Николаевич согласился. Вопервых, ему нравилось новое французское правительство и проводимая им политика по сближению с СССР, вовторых, в Советском Союзе также существовали подобные проблемы. Это не афишировалось, но их следовало решать в ближайшее время.

Только вечером уставшие, но довольные собеседники пожали друг другу руки и договорились встретиться через час в ресторане. Герхард со смехом и тевтонской прямолинейностью добавил, что еще пять минут – и у него лопнет мочевой пузырь.

На выходе из конференцзала к советскому премьеру подошел секретарь:

– Павел Николаевич, сорок минут назад поступила срочная информация из КГБ. США готовят военную операцию против Хорватии.

– Ихто зачем? – искренне изумился Шумилов.

– Не могу знать. Пакет у вас на столе.

– Спасибо, Виктор Петрович, прочту, как только поднимусь в номер.

Кивнув оккупировавшим холл журналистам, Шумилов, сопровождаемый фотовспышками, проследовал к лестнице. Его апартаменты располагались на четвертом этаже. Можно было воспользоваться лифтом, но еще пять лет назад врач посоветовал Председателю Совмина как можно больше двигаться. Павел Николаевич с удовольствием выполнял эту рекомендацию так же, как совет: не принимать без разрешения врача никаких разрекламированных «чудодейственных» препаратов.

В этом был резон. В свое время Марина дала ему прочесть статью в серьезной газете с описанием суперсекретной, всеисцеляющей и омолаживающей «кремлевской таблетки». Смеялись долго. Ни Шумилов, ни сам Верховный, ни врачи, лечащие и наблюдающие членов правительства, ничего не знали и даже не подозревали о существовании этого секрета «кремлевских старцев».

Поднявшись в хорошо охраняемые апартаменты, Павел Николаевич закрыл за собой дверь, заглянул на пару минут в санузел и только затем взял в руки лежавший на столе запечатанный серый бумажный конверт со штампом КГБ и грифом «Совершенно секретно» в правом верхнем углу. Разорвав конверт, Шумилов развернул листок бумаги с печатным текстом.

Председателю Совета Министров СССР т. Шумилову П.Н.
Рапорт

Сообщаю, что, по агентурным данным, в декабре 2002 года планируется операция вооруженных сил США против Республики Хорватия.

Повод: нарушение прав человека в отношении сербского национального меньшинства.

Цель: снижение инвестиционной привлекательности и обрушение экономики Европейского Союза.

В рамках подготовки операции возможны теракты на территории ЕС, Республики Югославия и США. Ответственность за теракты будет возложена на известных хорватских националистов.

Председатель КГБ СССР Трубачев В. И.

– Интересно тасуется колода, – пробормотал Шумилов, убирая рапорт обратно в конверт. – Раньше я думал, что рак мозга незаразен. Но, видимо, в Америке возможно все.

Документ на самом деле заслуживал подобного комментария. Эта операция однозначно ссорила США со всеми европейскими союзниками. Даже Великобритания, за свою внешнюю политику заслуженно прозванная «американским пуделем», будет вынуждена выступить против Вашингтона. Такой резкий финт Бушамладшего не имел логичного объяснения. Тем более что в последние годы США усиливали давление на правительство Хусейна в Ираке и сконцентрировали значительные военные силы в Персидском заливе. Отвлекать армию на операцию на Балканах? И это после разгрома в Югославии? И это в условиях жесточайшего финансового кризиса и сокращения армии? Павел Николаевич задумался. Несмотря на имидж простоватого, не хватающего звезд с неба парня, президент США дураком не был. Шумилов понял это еще во время своей первой встречи с Бушем. Если американцы планируют столь непопулярную и опасную на первый взгляд операцию, значит, она не столь уж опасна. И смысл в ней есть. Надо просто глубже копать, чтобы выяснить всю подоплеку этого плана.

Шумилов учитывал и возможность специальной акции по дезинформации КГБ и европейцев. Операция отвлечения. Американцам позарез нужна победоносная война. Все аналитики сходились во мнении, что это будет Ирак. Вопервых, после громких заявлений и массированной информационной кампании по превращению образа Саддама Хусейна в подобие дьявола во плоти США уже не могли дать задний ход. Вовторых, Вашингтону требовалось установить контроль над Персидским заливом.

Сейчас иракская нефть поставлялась во Францию, в Германию, в СССР, но не в США. Буш не мог позволить и дальше сохраняться такому состоянию вещей. Значит, утечка информации о возможной агрессии против Хорватии послужит предметом торга с лидерами европейских держав. Вариант интересный. И Шредер, и Ле Пен, и Берлускони предпочтут сохранить мир на Балканах пусть даже ценой своих интересов в Ираке.

Могло быть и так, что Источник, автор донесения, принял за реальный план атаки один из многочисленных штабных прожектов. Подобные химеры, вроде захвата позиций китайских стратегических ракет, высадки десанта в Австралии или отражения агрессии марсиан, составлялись в генштабах всех армий мира. Они служили для тренировки офицеров и являлись черновиками на случай, если на самом деле потребуется высаживать бригаду морской пехоты в Антарктиде или драться с инопланетянами в Центральной Европе.

Естественно, вероятность ошибки разведчика была минимальной. Если информация поступила к Шумилову, значит, в КГБ ее считают достоверной. Но в любом случае принимать решение рано. По крайней мере, до появления новой информации. А пока у Павла Николаевича оставалось полчаса на то, чтобы переодеться и спуститься к ужину. Для Председателя Совета Министров ужин в ресторане с иностранными гостями – это не отдых, это продолжение его работы в другой обстановке.

Утро следующего дня Павел Николаевич начал с купания. Проснулся он рано, насыщенный впечатлениями прошедший день и чудный морской воздух, врывавшийся в номер через открытое окно, не способствовали долгому сну.

Не обращая никакого внимания на строгие костюмы персонала отеля и сотрудников правительственной охраны, он в легкой спортивной одежде спустился по лестнице в холл и вышел на улицу. С крыльца отеля открывался неповторимый захватывающий дух вид на море. Вдохнув полной грудью утренний воздух, Павел Николаевич приветственно махнул рукой военному патрулю, стоявшему в десятке метров от крыльца, и побежал вниз по лестнице к морю. Следом с невозмутимым видом устремились двое телохранителей. В принципе можно было обойтись и без сопровождения, благодаря саммиту курорт охранялся лучше полка РВСН. Работа у ребят такая, никогда не оставлять подопечного в одиночестве.

Солнце толькотолько выглянуло изза деревьев, покрывавших высокий обрывистый берег. На пляже не было ни души. Стая чаек с криками кружилась над морем. Периодически какаянибудь из птиц пикировала к воде и затем взмывала в небо с рыбешкой в клюве. На набережной, кроме

нескольких человек, причастных к саммиту, и сонных официантов, куривших у дверей кафе и ресторанчиков, вытянувшихся вдоль набережной, Павел Николаевич заметил только одну группу отдыхающих. Трое молодых людей и стройная длинноволосая девушка в купальнике поднимались по каменной лестнице, ведущей к санаторию ВМФ.

Шумилов быстро стянул с себя спортивный костюм и шагнул в воду. Волны, с шелестом набегавшие на пляж, обожгли тело холодом. Павел Николаевич, не снижая темпа, зашел в воду по пояс, если остановиться хоть на секунду, может не хватить духу идти дальше, оттолкнулся от дна и поплыл. Прохладная балтийская водичка, насыщенный йодом воздух, мерная зыбь, качающая пловца, крики чаек и силуэты кораблей на горизонте – неповторимое наслаждение. Никакой Антальи или Канар не надо! И Крым не сравнится с чистотой и простором Балтики.

Отплыв метров на пятьдесят, Павел Николаевич перевернулся на спину. Волны неторопливо покачивали его и почти незаметно подгоняли к берегу. Перед глазами голубело необычайно чистое, абсолютно прозрачное небо, только на западе, высоко в стратосфере, плыли лоскутные обрывки перистых облаков. Шумилову казалось, что он один во всей Вселенной и все это великолепие ласковых волн, хрустального купола небесного храма и даже чайки созданы только для него одного. Наверное, так оно и было. Боги справедливы и наделяют каждого тем, что ему необходимо. Павлу Николаевичу в это утро надо было немножко отдохнуть от саммита и хоть на несколько минут побыть в полном одиночестве.

Покачивание на волнах действовало усыпляюще. Шумилов наконец взмахнул руками и поплыл к берегу. Вскоре его ноги коснулись песка. Один из телохранителей, Сергей Петрович, серьезный, почти никогда не улыбающийся мужчина среднего возраста, подал Павлу Николаевичу полотенце. Поблагодарив охранника кивком головы, Шумилов, вытираясь на ходу, направился к лестнице. День начался великолепно. Выбраться летом на Балтику, на курорт, и ни разу не искупаться?! Нет, не дождетесь! У русских так не бывает!

В холле отеля Шумилову встретился Шредер. В отличие от с трудом сохранявших серьезное выражение лица швейцаров и прочего сервисного персонала, канцлер был вполне искренен.

– Гутен морген, Пауль! Вы ходили купаться? И как вода? Теплая?

– Великолепно, Герхард, вода восхитительна! И на пляже пока пусто.

– Тогда и я, пожалуй, пройдусь по берегу, – немец задорно подмигнул Шумилову и зашагал к дверям.

Поднявшись к себе в номер, Павел Николаевич действительно имел

возможность наблюдать снявшего ботинки и закатавшего брюки до колен Герхарда Шредера, гуляющего по линии прибоя. Изредка канцлер нагибался и подбирал камешки. Купаться он не стал. «Наверное, поленился возвращаться в номер за плавками», – подумал Шумилов.

Сразу после завтрака продолжились переговоры. Сегодня вопросы больше касались стран Центральной Европы и мер по нейтрализации деструктивной политики этих североамериканских сателлитов. Вопрос хоть на первый непосвященный взгляд и казался второстепенным, но в действительности стоял остро. Все эти новые «недочлены» ЕС были постоянной головной болью правительств СССР и ведущих европейских стран. Практически ничего не производя и не добывая, они требовали повышенного внимания к своим мелким проблемкам, а, используя свои голоса в Европарламенте, пытались повлиять на политику ЕС, часто не имея никакого представления о целях и методах таковой. Честно говоря, советская дипломатия сама приложила немало усилий, стимулируя обострение комплекса неполноценности новых лимитрофов. В девяностых годах прошлого века это было необходимо, расширение НАТО шло во вред СССР.

Впрочем, все трое участников саммита прекрасно знали, что центральноевропейские демократии создавались с помощью заокеанских советников. Финансирование также зачастую шло из международных фондов. Со временем США были вынуждены сократить свое влияние в Европе, изменились реалии, и теперь включение этих государств с «банановой» экономикой в европейский военный блок оказалось нежелательным. Такова незавидная судьба стран, неспособных на самостоятельную политику. Участники переговоров это понимали, поэтому разговор был деловой, без лишних сантиментов. Можно было бы оставить все, как есть, но сейчас, в начале двадцать первого века, после потери Штатами большей части зон влияния, двигавшаяся по инерции политика буферных территорий успела надоесть большинству серьезных европейских игроков. Значение имели и рынки сбыта лимитрофов.

В результате Шредер, Шумилов и Ле Пен договорились о разделе сфер влияния в Центральной Европе. Для сближения ЕС и СССР было необходимо нейтрализовать политикогеографические препятствия. Шумилов и Шредер пришли к согласию о симметричном усилении своего влияния в Польше и Венгрии. В то же время Павел Николаевич согласился со справедливым требованием Ле Пена не препятствовать включению этих стран в экономику ЕС. Европе нужна дешевая рабочая сила, а поскольку центральноевропейцы деюре вступили в ЕС, то пусть и работают на благо

всего Союза.

Чехия, Хорватия и Словакия полностью включались в зону интересов Германии, тогда как Болгария и Румыния были отнесены к сфере влияния СССР. О Югославии и речи не было – она и так была близким союзником Советского Союза. А после провалившейся попытки вторжения НАТО в 99м году, отбитой с помощью советской военной помощи, любая попытка третьей стороны усилить свое влияние в Югославии одинаково враждебно воспринималась как в Белграде, так и в Москве.

– Неплохо! – Шумилов демонстративно поднял руку с часами на уровень глаз. – Хорошо поработали. Уже половина двенадцатого.

– Война войной, а обед по расписанию, – с серьезным выражением лица ответствовал Шредер.

– Это были одни из лучших переговоров, в которых мне посчастливилось принять участие. Надеюсь, и обед будет достоин этой встречи, – заявил ЖанМари Ле Пен.

– Вам понравился завтрак?

– Завтрак был великолепен, но почему на столе не было вина?

– ЖанМари, у нас в России не принято пить до обеда.

– И после этого еще говорят, что русские много пьют! Даже странно. – Герхард поднялся изза столика и сделал несколько шагов, разминая затекшую спину.

– После посещения Дня пива в Дрездене в позапрошлом году я убежден, что перепить немца невозможно, – не остался в долгу Шумилов.

– Так это один день в году. Обычно у нас больше десяти кружек за вечер не выпивают.

– И подобное считается у вас нормальным?! Ведро пива?! Ну ладно, сегодня вечером проверим, кто крепче.

– А как проверять будете? – со смехом вмешался в спор Ле Пен. – Павел и мистер Бугров никогда больше двух бокалов вина за вечер не выпивают. А ты, Герхард, пьешь только пиво и то не больше одной кружки.

– А старый партизан и бокал вина не осилит, – одновременно повернулись к нему Шумилов и Шредер.

– Возраст не тот, – сокрушаясь, развел руками француз. – В молодости в Алжире мы, бывало, всю ночь гуляли, а наутро совершенно трезвые десантировались в тыл повстанцев.

– Нашел что вспомнить! – фыркнул Герхард. – Тебя и так левые недолюбливают, а ты еще службу в Легионе вспоминаешь.

– Всем мил не будешь, – философски заметил Павел Николаевич. – Ладно, пойдемте обедать, иначе шефповар обидится.

Глава 2

ПЛАНЕРКА НА ПОТОМАКЕ

– Все в сборе. Можно приступать! – громко прозвучал голос моложавого рослого джентльмена. На пару секунд в просторном кабинете на тридцать седьмом этаже одного из многочисленных офисных зданий Вашингтона наступила тишина. Затем вошедшие в помещение последними мужчина в скромном сшитом по индивидуальному заказу костюме ценой в 50 тысяч долларов и стройная грациозная афроамериканка, вежливо кивнув, заняли два свободных места за столом. Держались они с чувством собственного достоинства, иначе и быть не могло.

В этом безымянном офисе собрались люди, реально обладающие влиянием на политику не только сильнейшей страны мира, но и остальной Земли. И пусть в официальной табели о рангах они никогда не поднимались выше вторых, третьих мест, пусть они не владели контрольными пакетами транснациональных корпораций, все равно именно они принимали решения, влияющие на курс непобедимого линкора с именем Соединенные Штаты Америки. Именно в этом скромном кабинете в данный момент сосредоточилась власть и не снившаяся почитавшимся, как великие, императорам и президентам.

Никто из присутствующих, или почти никто, не стремился к громким титулам и званиям. Они прекрасно знали, что короля играет свита. А в современном мире король зачастую только марионетка в руках настоящих хозяев положения. Имея достаточно денег, чтобы не думать о них, собравшиеся на совещание не стремились к руководству крупными компаниями. Для большинства это был пройденный этап. В любой момент любая корпорация с удовольствием приняла бы любого из этих людей в состав своего совета директоров. Но рассматривались такие перспективы только в качестве самого худшего варианта, когда в политике делать будет нечего. В конце концов, дело не в деньгах, а в возможности ими управлять.

– Теперь можно и поговорить, – подал реплику пожилой лысеющий мужчина в очках, выделявшийся крупным носом с горбинкой. Именно он, никогда не входивший в списки миллиардеров, публикуемые в журнале «Форбс», контролировал финансовые инструменты североамериканской державы. Одним мановением пальца он мог создавать и превращать в пыль миллиардеров.

– Тогда, Алан, тебе и начинать.

– Хорошо. – Алан в раздумье поднял руки перед собой так, что

кончики пальцев оказались соединенными. – Сегодня можно сказать: политика, которую мы проводили на протяжении последних десятилетий, обанкротилась. Мы потерпели поражение, и хуже того, все наши попытки выйти из кризиса только усугубляют положение… – Слушали его внимательно. Слова этого человека значили многое. Если он говорит о кризисе, значит, так оно и есть. – Сейчас все предпринятые нами в свое время меры по установлению контроля над мировой экономикой играют против нас.

– Вы имеете в виду отказ от золотого стандарта и введение мировой валюты? – поинтересовалась афроамериканка, единственная женщина среди присутствующих.

– В том числе и это. Всем вам известно, что кризис девяносто девятого года привел к обрушению информационной постиндустриальной экономической системы. Но это не самое худшее, со временем мы могли бы восстановить статускво. Несколько финансовых операций, управляемые кризисы в нужных регионах, обвал курсов конкурирующих валют… – Ответом были сдержанные смешки. Старые добрые методы, именно так и принято валить конкурентов. Обычное дело. – Это все ерунда. Фатальным для нас является вывод производственных мощностей в страны третьего мира. В свое время это был логичный и адекватный шаг, после кризиса семьдесят второго года и отказа от золотого содержания. Все равно контроль оставался за нами, а издержки снижались. Но после падения доллара эта мера привела к частичной потере контроля над капиталами и резкому падению уровня жизни и ВВП в метрополии.

– В систему не был заложен необходимый запас прочности?

– Нет, он был излишен. Никто не мог предугадать, особенно после успехов конца восьмидесятых, что русские смогут не только удержаться от падения в хаос, но и провести блестящую глобальную финансовую акцию. – Алан глубоко вздохнул и поднял глаза к потолку, всем своим видом демонстрируя, что даже он не был способен предугадать шаги этих «крези рашен». – В итоге мы отброшены на полвека назад. Сейчас стоит задача удержать позиции на континенте, о контроле над основными ресурсами и стратегическими точками можно только мечтать. В следующие пять лет мы потеряем большинство своих подконтрольных территорий в нефтяных регионах. Ресурсов для удержания позиций нет.

– Это все понятно, – взял слово сидевший справа от негритянки седовласый, круглолицый джентльмен. – Хуже то, что мы, сделав ставку на глобализацию, сегодня оказались банкротами. Даже наши вооруженные силы в условиях перманентного кризиса – не панацея. При

катастрофической нехватке финансирования мы вынуждены проводить сокращения. Уже сегодня аннулировано большинство кораблестроительных заказов. За последние три года были закуплены только двадцать три истребителя и три штурмовика. Зато списаны более двухсот самолетов и восемь кораблей. Мы сокращаем свое присутствие на второстепенных базах. Готовятся планы по выводу войск с европейских баз.

– Это временные трудности, через год финансирование начнет расти. У нас хорошие финансовые прогнозы. Дональд, вы планируете акцию против Ирака? Президент очень болезненно относится к слишком самостоятельной политике Ирана и Ирака. Залив – это тот регион, где мы не имеем права отступить.

– Уже не планируем, – коротко ответил Дональд и потянулся к графину с водой. Залпом опрокинув стакан, он продолжил: – Мы только создаем угрозу удара, не более. Техасец может говорить что угодно. Он даже отдал приказ готовить удар по Хорватии… – после этой фразы Дональд красноречиво постучал пальцем по виску. – Даже операция против Ирака обойдется слишком дорого, и нет уверенности, что нам хватит средств, чтобы компенсировать расход высокоточных боеприпасов и технических средств.

– Тогда, может, попробовать план «Стремительный питон»? Вариант с молниеносным силовым захватом основных стратегических точек и сырьевых регионов. У нас достаточно сил для реализации этого плана и удержания позиций в течение года.

– Нет, Майкл, слишком поздно. Россия, Китай и Европа уже сейчас смогут парировать наш бросок и поддержать сопротивление в зонах оккупации. Ресурсов у них хватает. А затем дело закончится длительной войной, и в итоге нас выбьют с контролируемых территорий или мы просто не сможем воспользоваться захваченными ресурсами. Это будет полным коллапсом.

– Акция в Хорватии еще более самоубийственна. Без достаточных ресурсов мы объявляем войну Европе и Советскому Союзу, – хихикнул Алан.

– Прошу меня извинить, джентльмены, – неожиданно для всех язвительно заявила темнокожая леди, – но мне казалось, что меня пригласили не для того, чтобы выслушивать общеизвестные факты. Поверьте, в администрации, несмотря на имидж Президента, следят за ситуацией.

– Я в этом и не сомневаюсь, Конди, – вежливо улыбнулся директор разведывательного управления. – Это было только вступление. Но мистер

Александер может нам предложить интересное решение нашей проблемы.

– Тогда я начну, – скромно молчавший до этого времени шатен с античным профилем отложил в сторону ручку, которой он рисовал на бумаге. – Сейчас на планете, кроме США, имеются следующие полюса силы: Европа, Советский Союз, Китай и Азиатские тигры. Наименьшая угроза исходит от Европы, они и так еще долго будут выходить из кризиса глобализации. Наибольшую угрозу представляют последние.

– А русские? Сейчас они превосходят нас по некоторым параметрам.

– Не по некоторым, а по большинству – ехидно улыбнулся Майкл. – Может, у них меньше авианосцев, но зато богатейший бюджет и стремительные темпы развития. Мы отвлеклись, прошу вас, Александер, продолжайте.

– Хорошо, – тот коротко кивнул Майклу. – По данным Управления, русские сделали правильные выводы из итогов Третьей мировой войны и своего поражения. Они не претендуют и не собираются претендовать на мировое господство ближайшие 50 лет. Сейчас они проводят политику создания многополярного мира, в пику нашему проекту глобализации, и монтируют защитные барьеры вокруг сферы своих интересов. Добавлю, они нанесли нам очень сильный удар, практически разгромили нас в Югославии, но при этом действовали в рамках самообороны. В целом их система мироустройства гораздо гуманнее нашей. – От взгляда Александера не ускользнули скептические ухмылки слушателей. Но он с невозмутимым видом продолжил доклад: – Если в наших планах русским отводилась только роль третьесортной сырьевой страны или сборочного цеха и нашего наемного щита против арабского мира, то их модель предусматривает существование независимых Соединенных Штатов Америки со статусом одной из ведущих держав.

– Интересная точка зрения. Аналитики моего ведомства пришли к аналогичным выводам.

– Это верная, реалистичная точка зрения, Дональд.

– Прошу вас, Александер, продолжайте. – Сегодня эта фраза, казалось, стала самой популярной репликой на совещании.

– Основной опасностью для нас является Китай. Мы сами в свое время приложили немало усилий для укрепления их экономики и вбухали громаднейшие средства в китайское производство. Согласно первоначальному плану глобализации это было верное решение, дешевый цех массовой продукции, но сегодня Китай не дает нам возрождать собственное производство. Слишком низкая у них себестоимость.

– Заградительные пошлины бесполезны, – добавил от себя Алан, – они

работают только для защиты внутреннего рынка и связаны с целым комплексом проблем по регулированию ценообразования. А нам жизненно необходимо наращивать экспорт.

– Кроме того, Китай не останавливается на достигнутом и стремится наладить у себя высокотехнологичное производство. Себестоимость опять же оказывается существенно ниже общепринятой. Созданный нами дракон вырвался из пробирки и готов поглотить весь мир.

– Точное сравнение, – заметил Майкл, остальные молча слушали доклад.

Даже Конди, сначала с прохладцей отнесшаяся к приглашению на это неофициальное совещание, задумчиво смотрела на Александера, положив подбородок на сцепленные пальцы. Ей импонировали развитые интеллектуалы с независимым и неординарным мышлением.

– Китай слишком бурно развивается, они покупают и воруют технологии, агрессивно вторгаются на новые рынки сбыта, выращивают и продвигают своих агентов влияния в продвинутых странах. Рост потребления энергоносителей в Китае постоянно растет, также они увеличивают импорт других видов сырья. Это подстегивает рост цен. Добавлю, Китай проводит целенаправленную эмиграционную политику. Таким образом, они не только снижают внутреннее демографическое давление, но и создают пятую колонну в других государствах. Многочисленные анклавы китайцев не теряют связь с родиной, они играют роль агентов влияния и центров китаизации. Сейчас из всех соседствующих с Китаем стран чайнатаунов нет только в Японии и СССР. И только благодаря жесткой иммиграционной политике.

– Вы правильно упомянули о росте потребления ресурсов. Китайцы тратят ресурсы, которые Бог дал для процветания Америки.

– Алан, оставьте свою метафизику. Не вмешивайте Старика в дела наши грешные, – моментально отреагировал Джордж.

– Проблема на самом деле серьезная, – подключилась к разговору Конди. – Дональдом уже выдвигалось предложение спровоцировать масштабный конфликт между Китаем и Советским Союзом. Но возможностей для реализации этого плана практически нет.

– Предложение интересное, и реализовать его, пожалуй, возможно, но последствия этого конфликта абсолютно непрогнозируемы, кроме того, это будет только временным решением наших проблем.

– Но в этом варианте русские уничтожат нашего конкурента и сами понесут значительный урон. Мы одним выстрелом подстрелим двух куропаток.

– К непредсказуемым последствиям я отношу степень урона для китайской экономики, изменение паритета на Дальнем Востоке и направление волны эмиграции китайцев. По одному из вариантов развития конфликта русские возьмут под контроль китайское побережье и используют на всю катушку дешевые трудовые ресурсы Китая. В этом случае они за десять лет придут к отказу от региональной политики и к необходимости реализации своего собственного плана глобализации. Для нас это смерти подобно. А если в результате войны начнется массовый исход китайцев, – Дональд красноречиво поднял глаза к потолку и сложил ладони перед собой, – наступит хаос.

– А если их всех уничтожить? Мы можем намекнуть русским, что они могут не стесняться, применяя меры снижения демографического давления со стороны Китая.

– Технически нереализуемо традиционными средствами. Даже атомная бомбардировка не приведет к достаточному результату.

– А нетрадиционными? – задала вертевшийся на языке вопрос Конди, она начала догадываться, ради чего проводится это совещание.

– Для этого мы и собрались, – ответил на ее вопрос Александер. – Новыми, нетрадиционными методами мы можем, как вы изящно выразились, «снизить демографическое давление» до оптимального. Заодно сократить мировое потребление ресурсов и перестроить мировые производственные циклы выгодным нам образом. И все это без войн или почти без войн. Заодно мы оздоровим свою экономику, безболезненно вернемся к индустриальной структуре, опустим цены на энергоносители и получим доступ к ключевым стратегическим точкам Нового Мира.

– Интересно, продолжайте.

– Техасцу про нефть не говорите, – усмехнулся Джордж.

– Разработки велись давно, хотя приемлемые результаты получены только в этом году, – с невозмутимым видом продолжил Александер. – В настоящее время нами завершены все лабораторные испытания и бетатестирование. Да, у нас теперь есть боевой вирус с модусом генетической избирательности, – ответил он на немой вопрос, легко читавшийся в глазах слушателей.

– Расовое оружие?! О боже! – не сдержала эмоций Конди. Дональд при этом подмигнул Майклу.

– Это абсолютно безопасное оружие. Идеал в кубе. Поражает только азиатских монголоидов. Смертность выше девяноста девяти процентов.

– Но вирусы могут мутировать. Что будет, если ваш питомец изменится?

– Нет, Джордж, никакого риска. Тестирование велось три года, ни одного сбоя. Структура вируса «Дифенс» получилась абсолютно жесткая. Ни одного изменения штамма за время испытаний. В качестве исходной модели была взята лихорадка Эбола. Это редкий, очень эффективный и очень жесткий, немутабельный вирус.

– Значит, «Дифенс», – мечтательно протянула Конди, она в одно мгновение оценила перспективы применения этого сверхоружия. – Хорошее название.

Алан в это время внимательно рассматривал ногти на своих руках. Наконец он изрек:

– Идея хорошая. Это должно сработать. Разумеется, необходим подготовительный период, когда мы сможем перенаправить и скорректировать финансовые потоки оптимальным образом. Как я понимаю, в результате акции экспорт из Китая и ЮгоВосточной Азии полностью прекратится?

– Вы всегда думаете только о финансах. А операция приведет к гибели миллиардов людей. Что будет в случае утечки информации? Пол Пот и Гитлер по сравнению с нами покажутся младенцами, – нахмурилась Конди.

– Леди, я полагаю, этого не произойдет. Естественная мутация, каприз природы. А Александер обеспечит надежных исполнителей и качественное выполнение работы. В любом случае мы контролируем СМИ, значит, будет сформирована необходимая точка зрения на проблему. Но не будем зацикливаться на технических вопросах. Лучше скажите: каков механизм действия вируса?

– Распространение происходит воздушнокапельным путем. Как я уже говорил, заболевают только азиатские монголоиды и гибриды в первомвтором поколении. Но во втором поколении смертность всего около сорока процентов. Инкубационный период составляет 2025 дней. Никаких симптомов нет, но с момента заражения человек уже является носителем и распространителем вируса. Заболевание сразу начинается с острой фазы, лихорадка, нарушения нервной деятельности и работы внутренних органов. Через четырешесть дней наступает смерть. Белые, черные, американские индейцы и переходные расы абсолютно имунны, в их организме вирус погибает за несколько дней. Во внешней среде вирус живет до месяца. В самом идеальном случае до сорока дней.

– Чем его лечить?

– Лечению не поддается, мы разработали вакцину, но ее эффективность не более десяти процентов.

– Действительно идеальное оружие, – заметил Дональд.

– Планируется ли заражение территории США? – поинтересовалась Конди. Все, кому приходилось с ней работать, говорили, что у нее нет сердца, только холодный острый интеллект. Наверное, поэтому личной жизни у Конди не было. Только работа с самого раннего утра до позднего вечера, и никакой романтики.

– Да, планируется инфицирование основных очагов расселения китайцев, примерно через месяц после начала эпидемии, – ответил Александер и, глядя прямо в черные глаза Конди, спросил: – Вы одобряете план?

– Зачем спрашивать? Майкл и Дональд все заранее просчитали, в том числе и мое согласие. Зачем делать глупости?

– Это означает согласие?

– Президента информировать не будем? – негритянка ответила вопросом на вопрос.

– Нет, это излишне, – успокоил ее Майкл. – Он – лицо нации, рыцарь демократии. Ему нет необходимости заниматься такими рискованными делами, как наше.

– Тогда решаем вопрос со сроками операции. Я согласна.

– Оптимально провести инфицирование в начале октября, чтобы эпидемия началась в ноябре. Зима препятствует распространению сопутствующих эпидемий.

– А вот этого вы не говорили!

– А что вы думаете? Что бывает, когда на улицах гниют груды трупов? На большей части районов заражения похоронных команд не будет.

– Понятно. – Алан потер мочку уха, что у него означало согласие с аргументами оппонента. – Ноябрь меня устраивает. Мы успеем простимулировать возрождение производства в метрополии.

– Можно привлечь бюджетные средства под видом «Программы сокращения безработицы».

– Прекрасно, Майкл! Это стоящая идея. Навскидку нужны полтора триллиона долларов. Из бюджета выделим 200 миллиардов, еще триллион привлечем путем снижения ставки рефинансирования по целевым проектам и льготными налоговыми схемами. Остальные добавятся после начала операции.

– Бюджет не лопнет?

– Нет, включим станок. В январе начнется бум, и инфляции не будет, биржа не успеет отреагировать.

После этой жизнеутверждающей фразы Алана Майкл поднялся с места и, поблагодарив всех присутствовавших за хорошую работу,

предложил завершить планерку, с тем чтобы собраться через неделю, уже с конкретными предложениями. Возражений не последовало.

В дверях Александер тихонько придержал за локоть Майкла. Тот пропустил вперед Джорджа, а затем отошел в сторону.

– Зачем ты ее пригласил? – поинтересовался Александер, когда они остались одни. – Я сегодня чуть было не сбился. Вовремя вспомнил, что в список иммунных надо включить и негров.

– Я же неоднократно говорил: она нам нужна. Эта женщина может обеспечить режим наибольшего благоприятствования, кроме того, от нее многое зависит во внешней политике. Нам сейчас необходимо серьезное прикрытие на подготовительном этапе.

– А потом? Она быстро сообразит, что вирус действует шире, чем обещалось.

– Не бойся, не успеет. Эта фригидная мартышка заболеет одной из первых. Ты лучше подумай о выгодном вложении своих денег. Сегодня можно за бесценок купить готовые производственные площади с оборудованием. Через два месяца цены вырастут.

– Об этом я уже подумал, завтра подпишу пару контрактов. А насчет Конди ты слишком самоуверен. Даже заболев, она успеет выдать информацию или устроить нам проблемы.

– Тогда надо будет применять другие методы, – согласился Майкл. – Не беспокойся, есть у меня варианты. Этим будет заниматься другое подразделение. А еще лучше – другая фирма.

После разговора мужчины вместе вышли из кабинета и спустились на лифте. Молчаливый молодой человек в стильном черном костюме, все совещание просидевший в приемной, закрыл кабинет на ключ. Сегодня этот безымянный офис больше никому не понадобится.

Быстро миновав вестибюль, пройдя через вертушку и наконец оказавшись на улице, Александер молча кивнул на прощание Майклу и направился к своей машине. Сегодня ему удалось запарковаться всего в четверти квартала от нужного здания, напротив аптечного магазина. Редкое везение. Отключив сигнализацию и забравшись в свой черный «БМВ Х5», Александер первым делом извлек из кармана телефон и набрал номер Джины.

– Алло, привет, дорогая, ты не сильно занята?

– Работаю, но для тебя всегда найдется несколько минут. Алекс, ты же знаешь, – отозвались на том конце радиоканала.

– А что ты делаешь сегодня вечером? – промурлыкал в трубку Александер. Нежный голос Джины сводил его с ума.

– Ну, пока не знаю. А что? Есть предложения?

– Да, есть. Давай сегодня возьмем столик в нашем любимом кафе и закажем пиццу с розовым вином.

– О! Александер, я тебя не видела уже целую неделю. Ты приедешь в Большое Яблоко?

– Любимая, я заеду за тобой после работы. В шесть устроит?

– Да, ты же знаешь мое расписание. Я буду ждать.

– Пока, целую, – тихо ответил он, стараясь передать голосом все возможные оттенки нежности. – Я соскучился по тебе, любимая.

– Пока, пока, милый, – отозвались не менее нежно. В голосе девушки отчетливо угадывалось обещание волшебной ночи.

Выключив телефон, Александер поцеловал аппарат и положил его на переднюю панель. Целая неделя прошла с момента их последней встречи, а он и не заметил. Работа, работа, всю жизнь только работа. Она занимает все свободное время и оставляет для личной жизни сущие крохи! С другой стороны, именно работа делает его целостной уникальной личностью. Принадлежность к большому и важному делу для настоящего мужчины очень важна. Жаль, для общения с Джиной остаются только телефон да еще редкие встречи.

А может, сделать ей предложение? Александер чуть не закашлялся от этой неожиданно пришедшей в голову мысли. Она ждет предложения, он это знал, но не был готов к такому шагу. Он не был уверен в себе. Будет ли время для семейной жизни, если сейчас он постоянно в разъездах и командировках? Сможет ли он жить вместе с Джиной? Не ночевать иногда в ее квартирке, а именно жить. Он не знал ответов на эти вопросы. Пока не знал.

А все равно надо! Александер чувствовал сердцем – голова в такой ситуации отказывается адекватно мыслить – это самый лучший вариант. С Джиной он всегда оставался самим собой, не играл, не носил маску, а именно был самим собой. Такое встречается редко, обычно люди неискренни с окружающими. А кроме того, Джина была женщиной, с которой просто хочется быть рядом.

Александер посмотрел на часы, завел мотор и выехал с парковки. Сегодня он должен попасть в НьюЙорк, заехать в некую фирму с ничего не говорящим названием, неофициальный филиал Управления. Офис фирмы находился в одном из знаменитых Близнецов Всемирного торгового центра, а там вечная проблема с парковкой, даже подземная стоянка постоянно забита. А потом, сделав это маленькое дело, Александер будет свободен до утра, и ни Бог, ни Дьявол не помешают провести ему это время с любимой

женщиной. А во время следующего приезда в НьюЙорк он сделает Джине официальное предложение. Он знал это. Именно сегодня Александер понял, что в противном случае вся его жизнь не будет иметь смысла.

Глава 3

НОВЫЕ ХЛОПОТЫ

Утро начинается со звонка будильника и заканчивается в момент прихода на работу. Сегодня это правило подтвердилось на все сто. Не успел Станислав Петрович Рубанов, войдя в кабинет, поздороваться с сотрудниками и повесить куртку в шкаф, как в кармане требовательно заиграл саундтрек из знаменитого фильма «Обитаемый остров». На экране мобильника горела надпись «Воронцов».

– Слушаю, Владимир Антонович.

– Рубанов, ты на работе? – В устах непосредственного начальника эта фраза звучала не как вопрос, а как утверждение. – Срочно поднимись ко мне.

Убрав телефон обратно в карман пиджака, Станислав повернулся было к двери, но вовремя остановился. Как начальник отдела, он не мог проявлять излишнюю поспешность перед лицом подчиненных. Следует добавить: новоиспеченный начальник отдела. Всего две недели прошло с тех пор, как возглавлявшего Восточноазиатский отдел Управления Технического Сопровождения Оборонэкспорта старого зубра Игоря Карповича Шнурова перевели в Управление Военных Контрактов, а на его место назначили Рубанова.

После повышения у Станислава Петровича прибавился не только оклад, но и обязанности. Если до этого Стас в основном работал по Вьетнаму, сопровождал программу модернизации систем ПВО, то теперь на его плечах лежала вся Восточная Азия – один из основных рынков сбыта советской оборонки, выгодный и перспективный регион. Сотрудник Управления Технического Сопровождения обеспечивал практическую сторону выполнения контрактов. Надо ли говорить, что работы было много, многомиллионные контракты – это не шутка. Всегда возникают не учтенные при планировании вопросы, которые надо срочно решить, и желательно не в ущерб для Оборонэкспорта.

Станислав уверенной неторопливой походкой подошел к своему столу, передвинул с места на место стопку документов и пролистал ежедневник.

– Елизавета Сергеевна, что у нас с китайским контрактом на истребители?

– Работаем, Станислав Петрович. Вчера вечером с завода пришло подтверждение об отправке первой партии. Все по графику.

– А контрагенты? Сбоев нет? Если будут проблемы, докладывайте

незамедлительно, – серьезным тоном распорядился Станислав.

Подписанный на три года вперед договор был одним из самых важных для Оборонэкспорта. Советский Союз по этому контракту поставлял 40 перехватчиков «Су30», с ремкомплектами, боекомплектом и гарантийным обслуживанием. Китайцам истребители обошлись в 180 миллионов рублей за самолет, плюс стоимость ракет и запасных частей, плюс к этому расходы по контракту на реконструкцию аэродромов. Очень хороший куш. Китай проводил модернизацию своей армии и закупал большие партии нового оружия. Всем сотрудникам Оборонэкспорта было известно, что вслед за этим договором последуют новые контракты, а значит, будут и хорошие премии для проявивших себя специалистов.

Только удостоверившись, что все сотрудники на месте, а работа идет, Станислав вышел из кабинета. Папку он с собой брать не стал. Если бы потребовалось, Воронцов бы предупредил, о каком вопросе будет идти речь, дабы сотрудник успел подготовиться.

Станислав легко взбежал по лестнице на четвертый этаж, вежливо кивая встречным коллегам. В коридоре, не доходя нескольких шагов до приемной, он столкнулся с Александром Комаровым, начальником Североафриканского отдела.

– Здорово, к Графу? – приветствовал Стаса коллега.

Тот только кивнул в ответ. Графом сотрудники за глаза называли Воронцова. Сам Владимир Антонович отрицал свою связь со знаменитым графским родом, но на сослуживцев это впечатления не производило. Прозвище прилипло намертво.

В приемной Рубанов коротко поздоровался с секретаршей Сонечкой и толкнул дверь кабинета Воронцова.

– Доброе утро, Владимир Антонович!

– Гуд монинг, – начальник управления любил к месту и не к месту блеснуть иноземными словечками. – Работа идет?

– Идет, Владимир Антонович. Все по графику, – произнес дежурную фразу Станислав, присаживаясь к столу.

– Это хорошо. У нас намечается новый, очень жирный контракт с Китаем, – перешел к делу Граф. – Первоначальная договоренность уже достигнута. Нашей службе осталось уточнить детали и обсчитать цифры. Но предупреждаю, нюансов много, сумма контракта зависит в первую очередь от того, как сработает твой отдел.

– Что будем поставлять? Авиация? Танки? Корабли? Или автомобили? – Станислав, проявляя внешнюю заинтересованность, в душе не обольщался насчет оказанного ему доверия. На практике это означало

очень много работы и довольно призрачные перспективы поощрения. Как обычно, виноватыми оказываются конкретные исполнители, а не авторы идеи.

– Все вместе, и еще немножко. Как тебе известно, у китайцев далеко не лучшая армия. Очень много устаревшей техники, это большая часть парка. Многое еще наших древних разработок. Толку от этого хозяйства нет, а место оно занимает. Наши ребята предложили китайцам провести модернизацию того, что еще можно привести в божеский вид.

– Можно считать, им надо модернизировать всю технику, кроме наших последних поставок, – продемонстрировал свою осведомленность Станислав. – У китайцев даже «МиГ19» летают.

– Не только летают, но и составляют основу истребительной авиации, – с серьезным видом произнес Воронцов, одновременно поднимая очи к небу и усиленно крестясь. – Но мы эти артефакты оставим археологам. Это не лечится.

– Понятно. – Станислав с трудом сохранял серьезный вид после пантомимы, сопровождавшей слова начальника.

– А «двадцать первые» «МиГи» еще можно оснастить новой электроникой и ракетами. Опыт у завода есть. С танками и прочим хозяйством ситуация аналогична.

– Что требуется от нашего управления?

– Вот тебе наработки по китайской армии. – Граф протянул Рубанову увесистую папку на тесемках. – Данные свежие. Из здания не выносить, сам знаешь. Прочитай, ознакомься. У тебя есть контакты с заводами и НИИ. Надо определить, за что мы можем взяться, а что лучше не трогать. В общем, надо выдать технические рекомендации.

– Ясно. – Станислав с опаской посмотрел на папку, судя по толщине, разбирать ее придется долго. – На какую сумму ориентироваться?

– Давай пока будем крутить максимальный вариант. Ху Дзиньтао денег на армию не жалеет, чем больше выдоим, тем лучше. – Широко улыбнувшись, Граф обнажил свои крупные, чуть желтоватые зубы.

Понимая, что разговор окончен, Станислав подхватил папку под мышку и вышел из кабинета.

– Станислав Петрович, прихватите для Жаркова. – Сонечка протянула Рубанову аккуратно сложенную гармошкой ленту факса, как только он очутился в приемной.

– Это откуда так много?

– Из Харькова, с танкового. Еще ночью пришло.

– Давай, – проронил он, принимая ленту. Скорее всего, это был ответ

на запрос о возможных вариантах тропической комплектации новых танков. Леня Жарков еще неделю назад интересовался этой проблемой.

Вернувшись к себе в отдел, Станислав первым делом бухнул папку на свой стол. Вторым делом он попытался вспомнить, что запланировано срочного и не терпящего отлагательств на сегодняшний день.

– Станислав Петрович, вам в приемной факс случайно не передавали? – Леня Жарков с надеждой в глазах смотрел на начальника.

– На, держи! Слушай, а они не могли по «мылу» скинуть? Страниц пятнадцать, как минимум.

– Не знаю, – честно ответил Леня, протягивая руку за долгожданным факсом. – Может, у них сканера нет?

Только сев за стол и потянувшись к папке, Станислав вспомнил, что два дня назад давал задание скорректировать график поставки оборудования для наших специалистов во Вьетнаме и устранить причины задержек. В ответ работающие над вопросом Скуратов и Кончинская пояснили, что теплоход «Амударья» застрял в Нагасаки изза забастовки докеров. На судне находятся 14 полноприводных грузовиков и контейнеры с электронными блоками для модернизируемых зенитных комплексов. Пароходство не может отправить судно прямиком в Хайфон, пока в Японии не выгрузят попутный груз. Планируемая задержка – примерно неделя. Но, с другой стороны, все не так плохо, так как на этот случай распространяются обстоятельства форсмажора.

Второй сухогруз с основным грузом зенитных ракет, радарных антенн, боевых частей к старым ракетам и четырьмя новенькими установками «Тор» вчера вышел из Владивостока и идет прямиком в Хайфон без заходов в другие порты. Рейс попадает под категорию «особо важных», и поэтому судно сопровождается военным кораблем. В целом ситуация под контролем, задержка не повлечет за собой нарушений обязательств поставщика. А если честно, Вьетнаму никто, кроме нас, новые системы ПВО и не продаст, не говоря уже о модернизации старых. Так что никаких последствий не будет.

Разобравшись с этим вопросом, Станислав Рубанов развязал тесемки папки и погрузился в изучение ее содержимого. Пора было прояснить вопрос с новым контрактом. Оторвался он от документов только за пять минут до обеда. Содержимое папки впечатляло и наводило на размышления. Кроме данных по численному составу, степени износа и боеготовности, наличествовали полные ТТХ всех образцов техники, стоящей на вооружении китайской армии. В комплект входили и аналитические обзоры, и прогнозы на ближайшее будущее. И даже планы

развертывания армии на случай войны с основными противниками.

– Так, прошу всех быть на месте ровно в два часа, – изрек Станислав, поднимаясь со стула.

Затем он оделся и отправился обедать. Работа работой, а обед по расписанию! Рубанов уже сделал для себя определенные выводы и выбрал наиболее перспективные направления, оставалось обсудить задачу с сотрудниками и распределить фронт работы.

Настроение было отменным, а раз так, то обедать Станислав отправился в одно хорошо ему известное кафе за углом. Готовят неплохо, и цены вполне доступные. В тот момент, когда Станислав уже спустился в вестибюль, заиграл телефон.

– Привет, дорогая! Как дела?

– У нас все хорошо, – прозвучал в ответ мягкий голос Наташи. – Гуляли в сквере, притащили домой ветку с листьями. Сейчас мы покушали и спим.

– Молодцы! Вы у меня самые лучшие. А как ты? Дома все нормально? Не устала?

– Нет, у меня все нормально. Думаю, что готовить на ужин.

– У тебя, любимая, все получается очень вкусно. – Стас говорил абсолютно искренне. Супруга хоть и не творила чудеса у кухонной плиты, но зато не портила продукты, и все, что она готовила, можно было безбоязненно есть. Что уж тут говорить человеку, привыкшему к холостяцкой жизни и ужину из микроволновки?

– Спасибо! Ты у меня замечательный. Да, Стас, – после короткой паузы добавила супруга.

– Слушаю, любимая.

– После работы купи, пожалуйста, хлеб, кефир, сливки или молоко для маленького и упаковку подгузников.

– Хорошо, возьму. Чтонибудь еще прикупить? Вкусненького?

– Ну, на твой выбор, – задумчиво протянула Наташа. – Деньгито есть?

– Есть. – Стас машинально похлопал себя по карману. Да, полтинник с мелочью там были, а еще в пиджаке две сотенные бумажки. Зарабатывал он неплохо, денег семье хватало.

– Ладно, пока, пока. До вечера.

– До вечера, любимая! – с этими словами Станислав выключил телефон.

Хорошо, когда дома тебя ждут! От этой мысли Стас даже зажмурился. Придешь вечером домой, прямиком с работы, только в магазин забежать – и все. А там Никита, если не спит, бежит обнять папку. Наташа следом,

интересуется, как дела. Ужин уже готов. Остается обнять сына и жену, раздеться, умыться, перекинуться парой слов с супругой и ужинать. А потом поиграть с ребенком, рассказать ему пару сказок. Послушать его лепет. Как это прекрасно! А всего три года назад он считал себя неисправимым холостяком. До тех самых пор, пока в один прекрасный момент не сделал предложение Наталье Савельевой, с которой встречался уже почти год. И с тех пор он ни разу не жалел о принятом решении.

В кафе «У Акопа» сегодня было малолюдно. У раздаточной стойки никого, только за столиком в углу обедали двое молодых людей, по виду студенты. Станислав взял салат из свежей капусты, пюре с парой горячих, аппетитно пахнущих, размером в полтарелки котлет и черный кофе с корицей. Готовить кофе у Акопа умели: это был не стандартный растворимый «Рускафе», а натуральный молотый, любовно заваренный в настоящей турке.

Обошлось все это удовольствие в девять рублей с копейками, а порция такая, что наесться до отвала можно одним вторым. В столовой Оборонэкспорта обед обошелся бы на пару рублей дешевле, но там очередь и не так вкусно кормят. И настроение нынче было соответствующее. Спокойно сесть за столик, пододвинуть к себе салат и неторопливо вкушать, поглядывая через окно на спешащих пешеходов и проезжающие мимо машины. На дворе осень, начало октября, но сегодня сухо, и солнце иногда проглядывает сквозь облака. Последние относительно теплые деньки.

Когда Станислав уже разделался с салатом и насадил на вилку кусок котлеты, опять подал голос телефон. На экране светилась надпись «Змей». Именно так все друзья именовали некоего Алекса Абрамова, жизнерадостного неугомонного индивида, известного в узком кругу абсолютной непереносимостью спиртного и своим интересом к националкоммунистической идеологии. Недавно возникшая НКПСС основной целью своей программы ставила построение коммунизма в отдельно взятой стране, Советском Союзе, естественно. Как это уживалось в одном человеке, Стас не понимал, но это не мешало ему считать Змея близким другом.

– Здорово!

– Привет! Как дела?

– Нормально. Сейчас обедаю.

– Надеюсь, не отвлек? – Змей, как всегда, был притворно вежлив. – У тебя на субботу какие планы?

– Пока никаких, – осторожно ответил Стас. Вопрос Абрамова

подразумевал предложение организовать нескучное мероприятие на выходные. Поездка на дачу с семьями, нормальный отдых с пивом в бане или вечер в клубе, склеивание первых понравившихся девиц и плавное продолжение знакомства на съемной квартире – Змей мог предложить любой вариант и еще несколько на выбор. Его фантазия и любовь к приключениям не знали границ. Но тем не менее он был примерным семьянином. Такой вот парадокс. Ни одно его мимолетное увлечение никогда не шло во вред семье.

– Есть идея поехать к Лешке на дачу в Мотовиловку.

– Можно будет, только я сначала с Наташей поговорю, – этой фразой Стас дал понять, что на загул с ветреными девицами не поедет, не стоит и уговаривать, а на спокойный семейный отдых согласен.

– Ясный пень! Едем с семьями, с детьми. С ночевкой. Баньку натопим, попаримся, шашлыки на настоящих углях приготовим. Мне, знаешь, новый рецепт мариновки дали. Закачаешься!

– Можно будет, – повторил Стас. – Идея заманчивая, только ничего обещать не стану. Сначала надо согласовать с женой. Вечером перезвоню. – Удивительно, как меняются люди после женитьбы! Раньше Стас и не подумал бы с кемнибудь согласовывать подобное мероприятие. Раз есть желание, возможность и время – надо ехать. И все тут! Никто не может помешать.

– Хорошо, давай до вечера. Ты, главное, не подводи. Если хочешь, я сам с Натальей поговорю, – настаивал Змей.

– Ладно, давай. Я перезвоню.

Закончив разговор, Станислав вернулся к своему обеду. А Змей стоящую идею подкинул. Если будет сухо, поедем обязательно. На выходные вроде никаких планов нет. Наташа, скорее всего, согласится, а Никита как обрадуется! Дача у Леши большая, настоящий дом и 12 соток земли. Рядом речушка, летом купаться можно, и лесок недалеко, можно будет в воскресенье утром за грибами прошвырнуться. Ладно, поживем – увидим.

Сразу после обеда Станислав, дождавшись, когда в кабинет войдет вечно опаздывающая Елизавета Сергеевна, попросил у сотрудников минуту тишины.

– Так, приступим. Нашему отделу дали новое задание. Требуется проанализировать материальнотехническое состояние китайской армии и выдать рекомендации: что мы можем им предложить по программе модернизации старой техники.

– Станислав Петрович, но это забота коммерческого отдела! Опять нам

непрофильную работу дают, – первым отреагировал на новость Евгений Александрович Козырев, старейший сотрудник отдела, начинавший свою трудовую деятельность еще в годы незабвенного Леонида Ильича и сейчас старающийся работать по принципу: «Пусть будет что будет – лишь бы спина не потела».

– Задание сложное, важное и ответственное, – ровным мягким голосом продолжал Станислав, хотя в душе он еле сдержался, чтобы не наорать на этого старого пня. Умение Козырева отмазываться от очередного задания, сваливать работу на плечи смежных служб или других сотрудников бесило не только Станислава Рубанова, но и прежнего начальника отдела. С другой стороны, Евгению Александровичу осталось только два года до пенсии, пусть спокойно досиживает, новую работу в этом возрасте трудно найти, конечно, если ты не специалист высокого класса.

– Я думаю, уровень наших сотрудников позволит выполнить это задание между основной работой, а мои скромные способности не помешают справедливо разделить премиальные, аккордные, внеурочные и прочие доплаты в случае нашего успеха, – Станислав специально упомянул о возможности поощрения, это не помешает. Кроме того, он слышал, что Сергею Скуратову предлагали перейти во Внешмашторг. А терять такого сотрудника жалко, дело свое он знает, опыт есть, и потенциал у парня хороший. Зарплату Станислав поднять ему пока не может, переаттестация лишь через полгода, только тогда можно будет присвоить новую категорию, приходится поддерживать парня премиями.

После открытого намека на поощрение глаза загорелись у всех сотрудников, кроме вышеупомянутого Козырева. А такие товарищи, как Сергей Скуратов, Катя Кончинская и Макс Остроумов, были готовы засучить рукава и немедленно приступать к делу уже после слов: «Задание сложное, важное и ответственное». Молодые ребята по 2530 лет, энергичные, целеустремленные, с еще не закосневшими мозгами, уверенные в своих силах, им самое время успешно решать нерешаемые вопросы, и расти, расти, и расти.

– Что именно мы будем предлагать китайцам? Основные направления определены? – задал вопрос Макс. Это уже по делу, это уже начало работы.

Станислав коротко обрисовал ситуацию, основываясь на материалах из папки, полученной от Воронцова. Уложился ровно в десять минут. По ходу доклада он с удовлетворением отметил, как загорелись глаза молодежи и с каким неподдельным интересом впитывают информацию уже опытные, но еще достаточно амбициозные и энергичные Леонид Жарков и Антонина Шубина.

– Значит, так. Все основные материалы у меня здесь, – Станислав хлопнул по папке. – Если чего не хватает, будем обращаться к коммерческому и маркетинговому секторам. Выходить на КБ и заводы. А теперь прошу конкретные предложения.

После этих слов предложения посыпались.

– Говорите, у них семьсот «МиГ21»? Нам только этих машинок на десять лет работы хватит.

– Вариант «21 – 98»? – переспросил Скуратов. – Можно предложить, у арабов мы уже этот вариант апробировали. Не хуже «Миража» получается.

– А смогут ли? – вмешался скептик Козырев. – Это же полностью китайская работа, хоть и по нашей лицензии. Это целая куча нюансов для инженеров. И качество китайское. Не развалятся?

– Раз летают, значит, до завода долетят, – авторитетно заявил Леня, – пусть не все семь сотен, но стодвести штук модернизировать и отремонтировать за три года мы сможем.

– Это хорошо. Идем дальше. «МиГ19» трогать не будем, – продолжила Антонина, сморщив носик и состроив уморительную физиономию. Весь наличный состав отдела захохотал во весь голос. Истребитель «МиГ19» считался устаревшим еще в шестидесятых годах, а к 74му году в СССР их полностью сняли с вооружения. – А что там по «Ту16»? У нас они еще летают.

– Летают, – после короткого раздумья согласился Макс. – Доживают последние дни. Скоро оставшиеся машины отправят на переплавку.

– Максим, позвони в КБ Туполева, задай им вопрос.

– Хорошо, Станислав Петрович, думаете, предложить вариант?

– Ты сам прикинь: тяжелых бомбардировщиков у китайцев больше нет. Они и за этот раритет обеими руками держатся. Там электронику поменять, пару ближних ракет подвесить, и можно будет еще лет десять летать и даже бомбить.

Обсуждение нового задания длилось долго. Вскоре в работу включились все сотрудники, в том числе и Козырев. Евгений Александрович быстро зарубил пару сумасшедших идей и сам в свою очередь выдвинул предложение проработать вариант с танками «Т54». Поставить новую пушку, автоматику, лазерные прицелы, навесить динамическую броню. Челябинские танкостроители уже проводили такие эксперименты. Результат был одобрен Министерством обороны, значит, и китайцам понравится.

Идея мозгового штурма оправдала себя. Были выдвинуты несколько интересных, заслуживающих внимания и глубокой проработки идей.

Естественно, многие предложения сразу отсеивались за полной бесперспективностью. Так было решено не касаться флота. Модернизация старых эсминцев, по примерным подсчетам, обойдется лишь немного дешевле постройки аналогичных кораблей. Кроме того, сначала придется проводить дорогостоящие исследовательские и проектные работы с непредсказуемым результатом. Заказчик на это не пойдет.

– ПВО трогать не будем, – после бурного обсуждения Станислав не терпящим возражений тоном поставил крест на предложении Катерины.

– Станислав Петрович, вы же зенитчик?!

– Именно поэтому и не будем трогать. Лезть в зенитный комплекс китайской разработки мы не станем. Врач сказал – в морг, значит, в морг. А навешивать системы управления огнем на ствольную артиллерию – это не модернизация, а поставка нового оборудования. Отметается.

– А что тогда остается?

– Ничего. Ладно, давайте, что у нас еще?

Разговор закончился, только когда Елизавета Сергеевна обнаружила, что время подходит к половине седьмого, о чем она и сообщила остальным сотрудникам. Но даже, спускаясь по лестнице, Станислав слышал, как Макс Остроумов и Леонид Жарков обсуждают возможность размещения радаров «Гарпия» на старых самолетах с носовым воздухозаборником. Станислав хотел было догнать ребят и напомнить им, что «Гарпия» входит в число разработок, запрещенных к экспорту, но затем махнул рукой: пусть поговорят. Завтра утром сами разберутся, что почем. Пора домой бежать, там уже заждались, и в магазин не забыть заскочить по дороге.

Глава 4

ОПТИМИЗАЦИЯ

– Ну, как поездка? Рассказывай! – первым делом поинтересовался Павел Николаевич Шумилов, входя в кабинет Верховного.

– Нормально. Неплохо прокатился. Жаль, в Мертвом море не успел искупаться. – Арсений Степанович поднялся навстречу премьеру, на его лице играла широкая светлая улыбка. – Давай присаживайся. Дело есть.

– Догадываюсь, ты даже на рыбалке можешь говорить только о работе. – Павел Николаевич пожал руку Бугрова.

Арсений Степанович лишь сегодня ночью вернулся из поездки в Израиль. Формально дело касалось ближневосточного урегулирования, но, поскольку на встрече, кроме Бугрова, израильского премьера Ариэля Шарона, лидеров Сирии и Египта, присутствовала госсекретарь США Кондолиза Хаймс, круг затронутых вопросов наверняка был шире заявленного. Не только о всем надоевшей палестинской проблеме.

– Тут у нас пара интересных проектов намечается, – лицо Бугрова моментально приобрело серьезное выражение, – сирийцы согласны на расширение нашей базы в Тартусе.

– А Ариэль и Кондолиза уперлись рогами, – ехидно усмехнулся Шумилов.

– Нет, наоборот.

– То есть?! – у Павла Николаевича от изумления глаза полезли на лоб и очки спустились на самый кончик носа. Весь предыдущий богатый опыт ближневосточной дипломатии говорил, что такое в принципе невозможно.

– Именно так. Невозможное иногда происходит. Шарон попробовал возмутиться, даже припомнил черт знает какой договор, но американка его успокоила, попросила не вмешиваться. Заявила, что наше усиление в регионе сыграет положительную роль, снимет напряженность, послужит гарантией мира и процветания. И еще много подобной красивой ерунды наговорила.

– Она была сильно трезвой? – Шумилов не верил своим ушам, даже незаметно ущипнул себя. Нет, не спит. Странное дело, и Верховный абсолютно серьезен, первое апреля осталось далеко позади.

– Все так и было. Не надо, Паша, щипать руку, и затылок чесать тоже не надо. Блох у тебя нет. – Арсений Степанович подмигнул Шумилову, затем вернулся к прежнему разговору: – Ты сам понимаешь, что так и должно быть. Мы к этому стремились и сейчас начинаем пожинать плоды

«Снежной жары». – Речь шла о знаменитой финансовоинформационной операции, обрушившей доллар, экономику США и поставившей крест на идеях глобализации поамерикански.

– Полная переориентация политики Вашингтона? Мирная сдача позиций? – догадался премьер. – Тогда почему молчит Трубачев?

В ответ Арсений Степанович молча протянул кожаную папку с тисненым гербом КГБ. Затем поднялся изза стола и, заложив руки за спину, направился к окну.

– На досуге почитаешь, – промолвил он, созерцая пейзаж за окном.

Павел Николаевич спокойно покачивался на задних ножках стула, в свою очередь наблюдая за Бугровым. Верховный целую минуту сохранял неподвижность, наконец круто повернулся к собеседнику:

– Тут еще одно дело. Как бы тебе попроще объяснить?

– Говори, как есть.

– Вчера утром я разговаривал с Кондолизой тетатет. Она мне посоветовала на ближайшие полгода ограничить наши капиталовложения в ЮгоВосточную Азию. Как думаешь, почему?

На этот раз пришло время задуматься Шумилову. Эту информацию можно было понимать поразному. Это не могло быть намеренной дезинформацией, такие вещи на соответствующем уровне не проходят. Бугров сам, видимо, не понимал, что хотела сказать госпожа Хаймс этим неожиданным предупреждением.

– Она больше ничего не объяснила. Только посоветовала «воздержаться от долговременных инвестиций». Возможно, там планируется война или революция?

– Вполне вероятно. Корейский конфликт может опять вспыхнуть. А если наши китайские друзья планируют вернуть Тайвань? – Павел Николаевич достал носовой платок и тщательно протер очки. Больше никаких мыслей в голову не приходило. Он знал, что определенные круги в США готовы к тесному сотрудничеству с СССР, но госсекретарь не относилась к этим кругам. Она была сторонницей жесткой политики неукоснительного соблюдения приоритета прав США в любых внешних вопросах.

– Они уже много лет собираются. Собраться не могут.

– Значит, США сокращают свое присутствие в регионе. И естественно, опасаются резни по дереву.

– Верно, – обрадованно хмыкнул Верховный, – переводят авианосцы в ПёрлХарбор, сокращают контингент на базах. Филиппины, Окинава, Япония, Корея – это сейчас основной пояс сдерживания местных. Без этих

баз аборигены быстро решат свои территориальные вопросы и разногласия, снимут застарелые вопросы. Каков возможный масштаб конфликтов?

– Ты лучше проконсультируйся у Генштаба и КГБ. Я в этих делах не разбираюсь.

– Зато ты в других делах разбираешься. – Арсений Степанович быстрым шагом направился к своему столу. Массивный дубовый стул жалобно скрипнул, принимая на себя центнер живой массы Верховного.

– Надо будет Кондолизу в Москву пригласить, – неожиданно предложил Павел Николаевич.

– В Москву? – недоверчиво переспросил Верховный. – Можно. Хорошая идея, поговорить с нею в дружеской обстановке. Нам такие союзники нужны.

– Может, она мосты налаживает? – предположил Павел Николаевич. – Понимаешь, человек она жесткий, волевой, но, как все американские негры, испытывает сильнейший врожденный комплекс неполноценности. Другими словами, она не самодостаточна, ей надо или быть частью могучей всесокрушающей структуры, или найти сильного покровителя.

– Или курить крэк, – ухмыльнулся Верховный. – А идея интересная. Точно, она пыталась прощупать меня на предмет долговременного сотрудничества. – Бугров раздраженно махнул рукой. – Ладно, оставим это на потом. И без нее от своих проблем голова кружится.

– Тогда говори: что еще хорошего было в Израиле?

– Все нормально. С палестинцами Шарон постепенно разбирается, планирует выводить войска из сектора Газа. «Дорожная карта» действует. Арабы больше не собираются сбрасывать евреев в море. Хусейна я по телефону вразумил, чтоб засунул язык себе в задницу и никуда не лез. Ахмеджак иранский успокоился, понял, что базар надо фильтровать, больше лишнего не мелет.

– Ахмадинеджадом его зовут, – поправил Верховного Шумилов.

– Серьезно? И как ты их имена запоминаешь? Язык сломать можно, – отмахнулся Бугров. – Да, Миша Антонов из «Автоторга», помнишь такого? У сирийцев сборочный завод строить собирается. Вчера договорился.

Естественно, Шумилов не только помнил, но и прекрасно знал руководителя концерна «Автоторг». Молодой, энергичный директор был известен в узких политических кругах как возможный преемник самого Шумилова. Сам Павел Николаевич относился к таким слухам с известной долей иронии и, наоборот, поддерживал многие амбициозные проекты Антонова. Так, недавняя покупка «Автоторгом» заводов «Шкода» была возможна только с благословения премьера, одним росчерком пера

выделившего необходимую сумму.

– Молодец Миша! – лицо Павла Николаевича расплылось в широкой улыбке, вопрос касался строительства очередного филиала КамАЗа. Теперь сирийский завод поможет увеличить поставки большегрузов на Ближний Восток, что позволит отхватить еще один неплохой сегмент рынка. Хорошее дело. А на следующий год намечается проникновение на европейский рынок. На этот раз «МАЗ» будет создавать сборочное производство и сервисную сеть во Франции.

– Говорит, что осенью две тысячи третьего выпустят первую машину и далее по 1500 штук в год собирать будут, – продолжил Верховный.

– Прекрасно! Но только долго чтото, для такой серии цех можно за пару месяцев собрать. Сегодня вызову Антонова, пусть доложит ситуацию.

– А больше вроде ничего и не было. Обычная встреча. – Арсений Степанович пожал плечами, перебирая листки календаря. – Ладно, Паша, заговорились мы. Скоро десять, мне еще текучку разгребать, – при этих словах он покосился на внушительную стопку документов в правом дальнем углу стола.

Попрощавшись с Бугровым, Павел Николаевич подхватил гэбэшную папку и вышел в приемную. Там уже терпеливо дожидались своей очереди несколько товарищей. Шумилов узнал главкома авиации маршала Андреева и председателя Центробанка Герасимова. Оба о чемто тихо беседовали. При виде Шумилова они привстали с кресел и протянули ему навстречу руки.

– Доброе утро! Как дела?

– Какое утро? – в тон премьеру ответил Андреев. – Уже ясный день на дворе.

– Все равно, доброе. – Премьер хлопнул по плечу опешившего маршала и, не дожидаясь ответа, выскочил в коридор.

Уже когда машина выезжала из ворот Кремля, Шумилов тронул за плечо водителя:

– На Крымский вал, пожалуйста.

– В Монастырь, Павел Николаевич? – только и спросил тот, переключая передачи. Монастырем в Москве называли штабквартиру Ордена Будущего.

– Да, Сережа, в Монастырь. И не гони, как Шумахер. Мы никуда не опаздываем.

В ответ Сергей только вежливо кивнул, внешне соглашаясь с просьбой пассажира. Он искренне полагал, что на такой машине, как правительственный люксовый бронированный «ЗИЛ» с семилитровым

движком, нельзя возить уважаемого всеми человека медленнее, чем сто километров в час. На МКАД и за городом скорость, естественно, возрастала еще раза в полторадва и ограничивалась только состоянием дорожного покрытия и помехами в виде попутных и встречных машин. К слову сказать, водителем Сергей был великолепным – он сердцем чувствовал машину и никогда зря не рисковал на дороге. Других в кремлевском гараже не держали.

Пока автомобиль мчался по московским улицам, Павел Николаевич позвонил своему секретарю и попросил в конце дня назначить встречу с Антоновым. Шумилов не любил откладывать дела в долгий ящик. А быть в курсе всех дел экспортеров и крупных государственных концернов, наоборот, любил. Закончив разговор, он набрал номер Виктора Дмитриевича Привалова, бывшего журналистамеждународника, а сейчас бессменного лидера Ордена Будущего.

– Добрый день, ты у себя? Я через десять минут подъеду, приготовь материалы обо всех значимых молодежных движениях. Нет, ничего серьезного, просто надо быть в курсе последних новостей. Да, панков и металлистов можешь не трогать, ладно, приеду, поговорим.

Убрав мобильник в карман, Павел Николаевич довольно улыбнулся, ему просто хотелось пообщаться с молодежью из Ордена, подзарядиться их неисчерпаемой, бурлящей энергией и задором. Он отдыхал душой среди этих ребят, но не объяснять же такие вещи Привалову? Лучше придумать повод для визита.

Ровно через два дня после возвращения Бугрова из Израиля, в понедельник вечером, в семье Шумиловых произошло уникальное событие: Павел и Марина пошли в кино, в обычный городской кинотеатр! Инициатором, естественно, выступила Марина. Накануне за ужином она нежным голоском, но в категоричной форме поинтересовалась: входит ли обеспечение культурноразвлекательной программой в категорию супружеских обязанностей? Слегка опешивший от такого вступления Павел вопросил: что означает термин «культурноразвлекательная программа»? Пойти в театр? Заказать частный концерт известного певца? Или просто посидеть в ресторане?

В ответ ему была продемонстрирована газета с коротеньким объявлением: с понедельника начинается прокат фильма «Волкодав».

– Это что, боевик? Я не люблю боевики, дорогая, ты же знаешь.

– Паша, это же кино по роману самой Сидоровой! Я целый год ждала, пока его доснимут.

– Фэнтези? – Павел скорчил презрительную мину, но открутиться ему

не удалось.

– Это Сидорова! – произнесла супруга таким тоном, как будто речь шла о величайшем авторе всех времен и народов. Затем неожиданно поинтересовалась: – Когда мы в последний раз были в кино?

Павел попытался вспомнить, но не смог. В прошлом веке, это точно. А когда именно? Нет, уже после 91го года. В конце концов он согласился. Марина была настроена решительно, да и самому захотелось посмотреть этот эпохальный фильм. Если люди его так ждали, значит, стоит сходить.

Предложение организовать просмотр в актовом зале Совета Министров было с презрением отвергнуто.

– Нет, идем в кинотеатр. Там стереозвук, большой экран, и вообще в кинотеатре фильм лучше воспринимается.

В итоге пришлось напрягать Управление безопасности и вести супругу в обычный московский кинотеатр. Заодно Павел Николаевич с огромным удовлетворением удостоверился, что на улицах его еще не узнают. Или, скорее всего, люди просто не могли поверить, что второе лицо в государстве может вот так запросто пойти в кино. Сочли его «лицом, похожим на П. Н. Шумилова», оно и к лучшему. Телохранителям спокойнее, ребята и так весь фильм как на иголках сидели, пытались предугадать и парировать возможную угрозу.

Фильм Павлу Николаевичу понравился. Прекрасный сценарий, великолепная игра актеров, хорошая тонкая работа режиссера. Чувствовалось, в фильм вложили душу. К концу Шумилову даже стало немного жаль главного героя: добрый, чуткий, справедливый, большой души человек, а судьба не сложилась, и в личном не везло. Наверное, весь зал всю вторую половину сеанса ждал, что княжна бросит своего заморского жениха и отдастся душой и телом Волкодаву. Не произошло. Не срослось у них, понятие долга пересилило, хотя оба любили друг друга.

Батальные сцены и трюки тоже не подкачали. Поставлено все было великолепно. Даже и не понять, как это сняли. Или компьютерная графика дошла до такого, что от игрового кино не отличишь? В кадре видно, как человека разрубают пополам, и при этом он движется, шевелится, лицо искажено гримасой, явно это не механическая кукла. И звук великолепен. Марина молодец! Настояла на том, чтобы идти в кинотеатр, – дома или в маленьком зале без специальной техники такого эффекта присутствия уже не будет.

Супруга была довольна. С ее лица все два часа сеанса не сходило счастливое, чуть мечтательное, восторженное выражение. Долгожданный фильм по мотивам любимой писательницы! Сбылась мечта человека.

После финала, пока не включили свет, Паша наклонился к Марине и нежно поцеловал ее в ушко. В ответ он услышал довольное мурлыканье и почувствовал, как его руку сжимают нежные пальчики супруги. Она была необычайно довольна и счастлива. На Павла смотрели глубокие влюбленные глаза Марины.

Что ни говори, а умеют у нас снимать хорошее кино. Никто в этом с нами не сравнится. Вспомнился недавний блокбастер «9я рота». Хоть и говорили, что, мол, патриотическое кино, ничего особенного, после «Освобождения» и «Пражского листопада» чтолибо новое сказать нельзя, ан нет: смогли. Понастоящему, без соплей, без приторной жвачки: и яростные атаки обкуренных душманов прямо на кинжальный огонь пулеметов, и показанная по кадрам гибель наших ребят, и как спецназ прорывал блокаду и выводил роту с простреливаемой насквозь позиции, и как солдаты шли, согнувшись под тяжестью тел погибших товарищей. От таких сцен любого в дрожь бросает!

«Волкодав» закончился. Только когда в зале включили свет, Павел вспомнил и пожалел, что не взял с собой дочерей. Эх, если бы Марина начала этот разговор на пару дней раньше! А так Наташа дома с обоими детьми и мужем. Младший у них родился два месяца назад, назвали Всеволодом. Наташин муж Гена Прохоров готов супругу на руках носить, но, чтобы пойти куданибудь вечером, им надо заранее пристраивать детей, желательно к дедушкам с бабушками.

А Катя только сегодня вернулась из командировки в Свердловск. Девица после окончания института наплевала на перспективу быстрой карьеры в маминой фирме и устроилась инженером в Оборонэкспорт. По данным разведки, на работе ее ценят, уважают. Катерина с детства считалась умной, любила технику и всякие железки больше кукол и нарядов, она даже думала идти в летное училище, но здоровье не позволило. Зато сейчас она работает с авиастроителями и экспортерами смертоносных сверхсовременных машин. Заодно на работе с молодым человеком познакомилась, из соседнего отдела. Через четыре месяца у них свадьба.

Катин избранник до последнего момента не мог поверить, что Катюша дочь ТОГО САМОГО. Думал, что просто однофамилица, пока Катерина не пригласила его домой к родителям. Тогда он поверил. Но на его чувствах эта новость не отразилась.

«Да, проходят годы, дети совсем взрослые, свои семьи заводят, я и не заметил, как дважды дедом стал», – размышлял Павел Николаевич, выходя из кинотеатра.

– Сегодня такой вечер! – нежно проворковала Марина, подняв глаза к небу. – Паша, давай просто погуляем.

– Давай, – немедленно отреагировал Павел. Погода действительно была хорошей: теплый осенний вечер, последние дни бабьего лета. На улице сухо, легкий приятный ветерок, под ногами ворох листвы, звезд на небе не видно, но не изза облаков, а потому что уличное освещение и рекламный неон мешают. За городом сейчас над головой бездонное небо с яркими россыпями звезд и широкой полосой Млечного Пути.

Вечер продолжился на Чистых прудах. Павел и Марина, взявшись за руки, гуляли под старыми вязами, затем долго стояли на берегу пруда. Павел даже вспомнил стихи:

Темна ноченька, не спится.
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре березасвечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

Кажется, это был Есенин. Марина влюбленным взглядом смотрела в глаза мужа, она давно не видела его таким одухотворенным, помолодевшим, романтичным.

Несмотря на то что кругом почти не было посторонних, двое молодых людей в кожаных куртках, Виктор и Аркадий, следовали за четой Шумиловых, почтительно держась в десяти шагах позади и при этом успевая изучать все подозрительные элементы пейзажа. Служебная необходимость, издержки производства – черт побери! Без охраны нельзя даже вечер с любимой женой провести!

Совершенно случайно волшебный настрой ночной прогулки испортило одно происшествие. В сотне метров от Шумиловых на скамейке расположились две девушки. Может, ждали кавалеров, может, просто

дышали свежим воздухом, сейчас уже не важно. По тротуару мимо проходили четверо мужчин, судя по смуглым лицам, активной жестикуляции и громкому гортанному противному гоготу, гости из южных республик. Молодые люди уже прошли мимо девушек, но один из них вдруг остановился и чтото спросил у москвичек. Ответ ему, видимо, не понравился, слово за слово, и разгорелся конфликт. Через несколько мгновений все четверо южан окружили скамейку с прижавшимися одна к другой девушками и чтото от них требовали. Интонация южан была явно угрожающей.

В этот момент, наблюдавший за безобразной сценой Шумилов искренне пожалел, что все инструкции поведения на улице и правила безопасности однозначно запрещают ему вмешиваться. Он даже не может попросить телохранителей разобраться с наглецами и погасить конфликт, сотрудники обязаны охранять только Шумилова и никого больше. Происходившая сейчас на их глазах сцена вполне могла быть отвлекающим мероприятием, тогда как, скажем, вон в тех кустах может затаиться снайпер. Тем более что КГБ всего месяц назад нейтрализовал группу террористов, готовившую покушение на премьера.

Но когда один из южан схватил девушку за руку и резко дернул на себя, все разумные словеса о безопасности и неправомерности вмешательства ушли на задний план, решение пришло мгновенно.

– Виктор, стреляй! – приказал Павел Николаевич и решительно направился к месту происшествия. Телохранители поняли, что хочет сделать Шумилов, и двинулись следом за ним. Если он не вправе попросить охрану разобраться в конфликте и убедить молодых горных архаров быть джентльменами, то может сам вмешаться в конфликт.

Павел Николаевич уже приблизился к скамейке, настолько, чтобы разглядеть, что ситуация критическая. Возбужденные южане были готовы наброситься и изнасиловать девушек. Еще минута, и свершится непоправимое. В эту секунду на сцене, освещаемой только тусклым уличным фонарем, появились новые действующие лица. Из ближайшей аллеи вынырнули трое короткостриженых парней и молча бросились бить насильников. Оглушительно грохнул предупредительный выстрел из пистолета Виктора. Южане попытались обороняться, но сила была не на их стороне, вскоре трое были сбиты на землю. Блеснули выбитые из рук кавказцев ножи. Четвертый гость столицы бросился бежать. На свою беду, он побежал как раз в сторону Шумилова. Меланхолично наблюдавший краем глаза за народной потехой Аркадий шагнул навстречу южанину. Короткое, почти незаметное движение, и насильник, перекувыркнувшись

через голову, плюхнулся на асфальт.

Вскоре появился чуть запыхавшийся наряд милиции, внимание блюстителей порядка привлек выстрел из пистолета. В результате короткого разбора полетов выяснилось, что четверка хулиганов – «туристы» из солнечного Баку. Привлеченные красотой девушек, они предложили им вступить в интимные отношения, а получив отказ, «обиделись» и попытались добиться желаемого силой. Неожиданно появившиеся защитники просто пешком возвращались домой с тренировки по рукопашному бою и совершенно случайно стали свидетелями нападения бандитов на девушек. Заодно выяснилось, что все трое члены Русского патриотического союза.

Командовавший нарядом лейтенант клятвенно пообещал Аркадию, что хоть и не может, к сожалению, упечь гостей столицы более чем на 15 суток, но эти две недели они запомнят надолго. Сам Шумилов в разговоре не участвовал, поручив переговоры телохранителю. Не было никакого желания светиться на публике. Лучше просто обнять Марину и прошептать ей на ушко пару нежных слов. Судя по всему, сегодняшняя ночь останется в памяти, как и предшествующий вечер.

По дороге домой Павел Николаевич еще раз прокрутил в голове событие на Чистых Прудах. А ребята из РПС молодцы! – сделал он вывод. Как он помнил из доклада Привалова, это была немногочисленная общественная организация, ратовала за возрождение русской национальной культуры. РПС выступал против внедрения в общество элементов американской попкультуры и заодно поддерживал бескомпромиссное отношение к нелегалам, особенно к гастарбайтерам и криминальным «туристам».

Именно активисты этого движения регулярно проводили рейды по окраинам столицы, отлавливая и передавая в руки милиции нелегалов. Несмотря на усилия МВД, в Москве существовали целые подпольные цеха, использовавшие труд беспаспортных, бесправных китайцев, корейцев и вьетнамцев. Низкая себестоимость труда нелегалов, готовность пахать сутками в жутчайших условиях за гроши привлекали коммерсантов. Прибыль манила и заставляла идти на риск, вступать в трения с законом. Проблемой была и торговля наркотиками, наполовину контролируемая непрошеными гостями. Сильные региональные отделения РПС существовали на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, там, где на рынке труда были значимы позиции румынских и польских гастарбайтеров, особенно активно вытеснявших местных рабочих в сфере строительства.

Шумилов подумал, что надо попросить Привалова оказать негласную

поддержку движению, ребята там хорошие, душой болеют за свою землю. Как бы ни хотелось думать иначе, работы у них скоро прибавится. К большому сожалению. Такой пессимистичный вывод он сделал, вспоминая тяжелый разговор на прошедшем месяц назад совещании у Верховного. Да, внимание Ордена к этому движению не будет излишним.

– Господатоварищи, начнем, – с нажимом произнес Арсений Степанович, когда все приглашенные расселись вокруг стола. – Вопрос у нас сегодня очень серьезный. Прошу отнестись к нему со всей ответственностью. Решение придется принимать тяжелое, сложное, но необходимое.

Все слушали молча, с серьезным сосредоточенным выражением лица. Бугров давно уже не произносил таких слов. Наверное, последний раз он назвал проблему «очень серьезной» во время бакинских беспорядков осенью 99го года.

– Я не буду зачитывать цифры, вы все их прекрасно знаете. Сейчас в мире сложилась уникальная ситуация: в ближайшие пятьдесять лет мы можем выйти в лидеры, оставить позади всех остальных претендентов и закрепить ситуацию дефакто. У России и СССР не каждый век выпадал такой шанс, прохлопать его нельзя. Потомки нас проклянут.

– Мы и так с каждым годом наращиваем темпы, – заявил министр обороны маршал Семенов, – производство и уровень жизни растут, армия перевооружается, новые базы постепенно занимаем, у нас на плаву уже три больших авианосца и еще два в постройке. В наличии мощнейшая орбитальная группировка. А конкуренты сливают воду, они уже сегодня вынуждены расформировать две АУГ.

– Да, это все есть, но этого мало, – прервал министра Бугров. – Нам не понадобится более шести авианосцев и армия свыше полутора миллионов человек, нам надо форсировать науку, образование, высокие технологии, космос, надо вести активную финансовую политику, усиливать влияние в ключевых точках Евразии.

– Денег на все не хватит, – громко прокомментировал последние слова Бугрова премьерминистр Шумилов.

– Об этом и речь. Надо одновременно вести развитие по нескольким направлениям, а финансы, увы, поют романсы, – ответил Верховный. – Надо оптимизироваться, убрать ненужные, бесполезные расходы, перенаправить финансирование… – Он немного преувеличивал, бюджет уже который год был с профицитом, но на резкое увеличение вложений в приоритетные направления действительно средств могло не хватить. Особенно если учесть огромную десятилетнюю программу по

модернизации производственных мощностей.

– А сокращать нечего, – вступил в разговор министр финансов Виктор Герасимов, – разве что социалку, но и ее нельзя трогать.

– Социалку мы, наоборот, увеличивать будем, – парировал Арсений Степанович. – У нас программа молодежного жилья только осваивается, сотня миллиардов для нее лишней не станет. Я предлагаю провести территориальное сокращение.

– Начнем с Техаса и Калифорнии, – прервал Верховного Семенов.

– Хуже, придется обрезать Среднюю Азию и Закавказье. – Эта простая фраза произвела на присутствующих эффект атомного взрыва в пределах Садового кольца.

– Арсений Степанович, при всем моем уважении, ты переработался, такие идеи даже по пьяни в голову не приходят! – возмутился министр обороны. Большинство разделяло его взгляд на предложение Бугрова. Добровольно отказаться от части территории! Неслыханно! Такое могли только англичане, да и то когда их после войны американцы раздели до исподнего.

– Не вижу смысла, все равно придется их кормить, – чуть иронично заявил Герасимов.

– Ты меня на больничный не спроваживай! Я поздоровее тебя еще буду! – глядя прямо на Семенова, пробасил Бугров, выделяя каждое слово. Его гладкое, загорелое лицо и плотная фигура без излишних брюшных выступов выгодно отличались от явно болезненного и чрезмерно полного маршала.

– Ладно, вернемся к работе. Я понимаю, идея выглядит сумасшедшей, – постарался улыбнуться Верховный, – но мы ежегодно вбухиваем в азиатские республики 200 миллиардов рублей прямых дотаций. Пользы от этого нет, это выброшенные на ветер деньги. В Закавказье уходит еще 60 миллиардов. Назад они никогда не вернутся.

– Мысль интересная, – неожиданно вступился за Верховного до этого момента сохранявший молчание председатель КГБ Трубачев, – я давно ждал, когда этот вопрос назреет.

– Что вы можете добавить, Вячеслав Иванович?

– Статистику преступности, очаги распространения наркотиков, коррупцию – это единственное, что нам дает Средняя Азия. Кроме того, там огромная рождаемость и низкий уровень жизни, а также безработица. Вследствие этого поток мигрантов в стабильные северные и западные регионы. Мигрантов, зачастую без образования, с пещерной азиатской культурой и паршивым знанием русского языка. Без этих республик Союзу

будет только лучше.

– Но нам придется отказаться от таджикского урана, ферганского хлопка, туркменского газа, – вставил Герасимов. – В Закавказье развитая промышленность и много ресурсов. И это все отдавать?

– При деловом подходе уран и газ останутся под нашим контролем. Хлопок можно в Китае закупать, дешевле выйдет. – Шумилов быстро ухватил суть предложения Бугрова и Трубачева. Несмотря на внутреннее сопротивление, он понимал, что без этих республик действительно будет лучше. Средней Азии еще лет сто до социализма, там сейчас заурядный феодализм, а в Закавказье советской власти никогда и не было.

– Верно, Павел Николаевич, если подходить с умом, можно сохранить контроль над нужными нам ресурсами и избавиться от лишних затрат.

– Бросить Афганистан, перебазировать весь Закавказский округ, отдать просто так плацдармы и базы, – не сдавался Семенов. – На Каспии проблемы возникнут. Можно же подругому вопрос решить!

Обсуждение стало бурным, эмоциональным. Особенно тяжело было найти общий язык с министром обороны. В итоге Бугрову, Шумилову и Трубачеву с большим трудом удалось его убедить в необходимости и неизбежности отказа от лишних территорий. Герасимов с недовольным видом молча следил за разговором.

Наконец от споров перешли к планированию работы и распределению задач. Львиная доля работы досталась КГБ, но Трубачев не обижался, этот кадровый разведчик с внешностью английского аристократа понимал, что иначе и быть не может. Никто, кроме спецслужб, с такого рода задачей не справится. Найти, расшевелить и раскрутить местных националистов. Сформировать оппозиционные группы и активистов движений за независимость. Раньше таковых просто сажали – сейчас придется коекого из сепаратистов амнистировать. Надо определиться с кандидатурами членов правительств будущих независимых государств.

Причем все должно пройти так, чтобы у СССР осталось влияние на бывшие республики и контроль над их промышленностью. Говоря цинично, английская схема деколонизации.

Вячеслав Иванович Трубачев поднял вопрос о живущих в Средней Азии и Закавказье славянах. Естественно, было решено уделить этой проблеме максимальное внимание, организовать переселение желающих. А таких наверняка будет немало. Следует выделить достаточные ресурсы, вплоть до того, чтобы на новом месте жительства обеспечить всех квартирами и компенсировать потерю имущества и моральные издержки. Бугров здесь был непреклонен – компенсировать все!

Контроль над Каспием должен остаться у СССР. Иран, естественно, изъявит желание переделить море, но у МИД было достаточно рычагов воздействия на Тегеран. В крайнем случае к обузданию излишних амбиций персов можно подключить США. Для такого финта уже были заготовлены несколько многоходовых комбинаций.

К сожалению, не обойдется без конфликтов: в Закавказье сразу после вывода войск начнется банальная резня. Это понимали все. Павел Николаевич предложил не торопиться с выводом Закавказья из состава СССР. Но был в буквальном смысле слова сломлен неопровержимой аргументацией Бугрова. Арсений Степанович серьезно отнесся к сегодняшнему совещанию, подготовился, что называется, «от и до», полностью изучил все нюансы и подводные камни на пути решения проблемы. Для него сегодня было важно добиться своего не силовым решением и давлением авторитета, а убедить товарищей в своей правоте. Ему это удалось.

– Да, с формированием Закавказской Республики мы поторопились, – саркастически ухмыльнулся Герасимов в ответ на предложение Трубачева быстренько разделить новообразование на исходные компоненты.

– Так кто же предполагал? – искренне изумился Верховный. – Ладно, пусть теперь сами разбираются. Если не смогут цивилизованно жить или культурно разойтись, значит, еще не доросли до цивилизации. Значит, тем более нам не нужны.

После этой реплики Шумилов взял слово и быстро вернул совещание в прежнее, деловое русло. Было решено, что до Нового года пройдут подготовительные мероприятия. В январе – феврале вспыхнут акции протеста, выступления сепаратистов, эксцессы с фашиствующими молодчиками и тому подобное. Тогда же начнется эвакуация всего некоренного населения. Уже весной пройдет «парад суверенитетов», и в ООН появятся пять новых приставных стульев. Тогда же пограничники уйдут на новую, заранее подготовленную пограничную линию, которая не везде будет совпадать с современными административными границами. Жизнь есть жизнь.

На долю Председателя Совета Министров Шумилова в этом деле выпал демонтаж заводов и вывоз ценного имущества. Если в Средней Азии работы было немного, нет там ничего, кроме саксаула, песка и редких оазисов, то в Закавказье придется попотеть. Желательно вывезти все. Тлеющие этнические конфликты моментально перерастут в гражданскую войну, даже без помощи заокеанских консультантов, а в таких условиях разграбляется все подчистую.

После совещания Шумилов задержался в кабинете, собирая как бы случайно выпавшие из папки бумаги.

– Что, Паша, осуждаешь? – с сарказмом поинтересовался Верховный.

– Нет, Сеня, ты все правильно сделал, – умиротворяющим спокойным тоном ответил премьер, убирая в папку последнюю бумажку.

– Хороший ты друг. Всегда поддержишь. А я сейчас сам себя презираю.

– Брось! Все правильно, иначе нельзя. Мы просто не выдержим бремя этого балласта. Не можем мы бесконечно тянуть на себе регионы, где только вчера закончился каменный век.

– Горби Варшавский Договор похерил. Я Союз разваливаю, – уныло протянул Арсений Степанович. Весь его боевой задор кудато исчез. Сейчас перед Шумиловым был смертельно уставший человек, терзаемый угрызениями совести.

– Слушай, Арсений, – Павел Николаевич, когда надо, умел быть грубым, – подбери свои интеллигентские сопли и перестань ныть! Мудак ты или Верховный?!

– Спасибо за сочувствие, – попытался улыбнуться Бугров, – я две ночи не спал, все думал: нельзя ли подругому?

– Не переживай, иначе нельзя, давно надо было решить эту проблему. – Шумилов похлопал Верховного по плечу: – Если современники не поймут, потомки оценят.

– Потомки, говоришь? Они, знаешь, оценят. И сам рад не будешь, как оценят.

Глава 5

ПОСЕВ

Над Токио светило яркое солнце. Вторая половина дня. Только что закончился дождь, на тротуарах и дорогах еще блестели лужи. Всего десять минут назад завершился обеденный перерыв у офисных работников и бизнесменов, и сейчас десятки тысяч человек целеустремленно спешили по своим делам. По сверкающему асфальту дорог и многоуровневых транспортных развязок текли нескончаемые потоки автомобилей.

Сегодня на календаре был четверг, 10 октября 2002 года. Обычный рабочий день, середина осени. Ничем не примечательный четверг, если бы не одно никем не замеченное событие. В центре города, в знаменитом районе Гинза – «Серебряном цеху» Токио, среди людского муравейника двигался человек. Мужчина средних лет ни походкой, ни темпом движения, ни строгим деловым костюмом не выделялся среди миллионов жителей и гостей города. Единственное, что его отличало, это европейские черты лица, но мало ли в столице Японии иностранцев?

Человек не глазел по сторонам, как любой турист, было видно, что он приехал по делу либо уже давно знаком с Токио и не обращает никакого внимания на ставшие привычными достопримечательности. Поравнявшись с порталом метро, он нырнул внутрь. Заранее приготовленный жетончик исчез в щели турникета, мигнуло зеленое табло, и человек шагнул к эскалатору. Толпа вынесла его на перрон станции. Европеец продвигался вместе с окружающими его людьми, вовремя угадывая направление течения человеческой реки, и с минимумом усилий придерживался нужного направления. Обычная манера человека, привыкшего к многолюдью и тесноте большого города.

Перед эскалатором, ведущим на нижний уровень, там, где толпа уплотнялась, человек опустил руку в карман пиджака, извлек маленький флакончик, легким движением открыл крышечку и вылил содержимое на пол. Пара мгновений, и флакончик исчез в кармане. В этот момент человек был затерт, зажат в толпе, спешившей протолкаться к эскалатору. Никто ничего не заметил, даже на видеокамерах наблюдения, появившихся в метро после знаменитого теракта «Аум Синреке», не отразилось ничего подозрительного. Только очень внимательный взгляд смог бы потом найти этого человека на видеокадрах. Манипуляции с флакончиком были надежно скрыты телами людей.

Капельки белесой мутноватой жидкости без запаха рассеялись в

воздухе, растираемые в пыль тысячами ног. Но содержимому флакончика это не помешало, наоборот, микроскопические капельки осели на одежде людей, проникли в их легкие и носоглотки. Будь это боевой газ, началась бы паника. Но нет, жидкость без запаха не вызывала никаких ощущений, никакого дискомфорта. Хотя была гораздо страшнее самых совершенных боевых газов. Содержащийся в жидкости вирус проникал в организмы всех, кто в течение пяти часов вдохнул микроскопические рассеянные в воздухе капельки. Заражение было гарантированным. Дальше люди сами стали разносчиками вируса.

Кажущаяся простота и даже примитивность метода рассеивания была на самом деле точно рассчитанной. Доставка в страну или изготовление на месте специальных средств потребовали бы привлечения лишних людей, возможно, даже использование дипломатических каналов доставки. Непосредственное руководство человека категорически возражало против расширения круга посвященных. Тем более что в Японии в последнее время усилились меры безопасности в метро и прочих местах скопления людей. А против сложной и дорогой техники лучше всего срабатывают такие примитивные методы, вроде этого флакончика со смертоносной жидкостью.

Человек спокойно сел на поезд, идущий в южном направлении. Проехав четыре станции, европеец вышел из вагона и перешел на другую линию. По пути между станциями, выбрав удачный момент, в очередном человеческом водовороте он повторил манипуляции с еще одним точно таким же флакончиком. Как и в первый раз, никто ничего подозрительного не заметил.

Через полтора часа человек вновь возник на поверхности, на этот раз он поднимался по ступенькам гостиницы «Холлихаус». Пройдя сквозь вертушку двери, мужчина кивнул портье, как старому знакомому, взял ключи от своего номера и двинулся к лифту. Войдя в номер и закрыв за собой дверь на ключ, он первым делом заказал по телефону такси до аэропорта и только затем принялся упаковывать свои вещи. На сборы ушло ровно четверть часа. Ничего лишнего, только то, что помещается в небольшой чемодан. Когда почти все время проводишь в поездках, привыкаешь к отсутствию излишеств и быстрым сборам.

В чемодан уместилась смена белья, свежая рубашка, носки, туалетные и бритвенные принадлежности, запасные брюки и легкая куртка. Это все, что необходимо цивилизованному человеку. Все остальное только снижает мобильность и не приносит никакой пользы. Немного денег в кармане брюк, документы, билеты на самолет и банковские карточки во внутреннем

кармане пиджака – вот, пожалуй, самое главное, без чего в нашем мире не обойтись. Остальное можно купить, благо деньги на счету есть. А по возвращении домой их будет еще больше.

Спустившись в вестибюль, человек сдал портье ключ и, не задерживаясь ни на минуту, вышел на улицу. У подъезда его уже ждало такси.

В Шанхае и Гуанчжоу работа по рассеиванию вируса также была проделана быстро, толково и незаметно для окружающих. Несколько флакончиков, опустошенных прямо на улице, аэрозольный баллончик, разбрызганный во время столь любимых китайцами шествий с фейерверками, и все – дело сделано. Дальше аборигены разнесут заразу сами. Можно было обойтись и капелькой питательного бульона со штаммом вируса, но в данном случае и капля, и дюжина флакончиков входили в одну группу сложности специальных операций. Нечего мелочиться, чем больше, тем лучше.

Вирус, попав в теплую, влажную, питательную среду человеческого организма, начинал бешеными темпами размножаться. И теперь в каждой капельке слюны или микроскопических капельках влаги, покидавших организм при выдохе, содержались новые и новые вирусы. В условиях скученности и высокой плотности населения на побережье Китая инфекция распространялась стремительно. Ничто не могло ее остановить, да и никто пока не заметил опасности. Во время инкубационного периода вирус «Дифенс» не вызывал абсолютно никаких симптомов заболевания.

Сотрудник Управления, работавший в Гуанчжоу, через два дня покинул город. Его путь лежал на другой конец материка, в Прагу. Виза заканчивалась, все дела сделаны, пора было возвращаться в родную Чехию. Радости добавлял и тот факт, что на его банковский счет поступила хорошая сумма гонорара за «консалтинговые услуги», а на самом деле за то, что в людных местах он избавил от непонятной мутной жидкости три небольших флакончика, которые вместе с подробными инструкциями по применению получил от своего куратора из Управления за три дня до акции. Сотрудник Управления не интересовался содержимым пузырьков, его полностью устроили заверения куратора в абсолютной безопасности жидкости для собственного организма.

Потягивая пиво в салоне «Боинга», уносившего его домой, сотрудник и понятия не имел, что куратор ошибался. Сам куратор также не подозревал о своей ошибке в выборе исполнителя. Только ныне покойная бабушка сотрудника могла бы порассказать о своем романе летом далекого сорок пятого года с молодым подтянутым черноволосым

сержантомсибиряком из советского гарнизона Праги. Поскольку бабушка на тот момент была не только молода, стройна и красива, но и замужем, о своих приключениях и тайных встречах под луной она, понятное дело, молчала.

Родившийся ровно через девять месяцев мальчик унаследовал от мамы тонкий нос и широкий разрез темных глаз, а от фактического папы только черные волосы и чуть смугловатую кожу. А заодно набор генов, более чем через полвека сыгравший фатальную роль в жизни молодого, честолюбивого секретного агента одной очень известной фирмы.

– Ну и погода! Чертям тошно! Вроде бы скоро сезон дождей, а солнце так и жарит! – молодой человек в светлых джинсах и футболке, которая еще нынешним утром была белой, вытер со лба пот и вяло плюхнулся на вросшую в землю стопку бетонных плит. Потертая дорожная сумка, составлявшая весь его багаж, бухнулась прямо на землю. Человек этого даже не заметил, висевшее в небе южное солнце выпило все его силы.

– Жарковато сегодня, – согласился его спутник, устраиваясь рядом.

Отсюда, с небольшой возвышенности, открывался прекрасный вид на грузовой порт Сурабая. Суда у причалов, снующие по акватории лодки и катера, взметнувшиеся к небесам грузовые стрелы, хаотичная суета верениц машин и неопрятно одетых людей – нормальная жизнь крупного торгового порта, принимающего десятки судов в день. Шум, грохот, паровозные гудки, крики и забористая ругань грузчиков – привычные и столь родные сердцу любого моряка звуки.

– Когда отходим? – наконец нарушил молчание молодой человек.

– Через два часа, – невозмутимым тоном ответил его спутник. Загорелая до черноты сморщенная кожа, суховатое телосложение без единой капли лишнего жира выдавали в нем местного уроженца из белых или человека, уже много лет прожившего в Индонезии. Так оно и было, Карл Боальбек родился в Джакарте и с юношеских лет работал на судах небольшой местной компании. Сначала матросом, затем, после окончания мореходной школы, грузовым помощником, штурманом, постепенно дослужился до старпома. А пять лет назад получил капитанский диплом.

Сейчас под командованием Боальбека был корабль, если можно назвать этим словом обломок Ноева ковчега водоизмещением в 700 тонн. Но Карл не унывал, машины «Сиамской маркизы» всегда были в порядке, трений с таможенниками и полицией у капитана не возникало, перевозившийся в трюмах далеко не всегда легальный груз всегда доходил до получателя. Команда, состоявшая из помощника капитана, боцмана и дюжины матросовмалайцев, справлялась со своими обязанностями. Дела

компании шли далеко не лучшим образом, но Боальбек стоически переносил временные трудности и надеялся вскоре получить под свою команду новое судно. Тем более что судовладелец собирался к весне купить сухогруз в 5000 бруттотонн вместимости.

– «Маркиза» без нас не уйдет? – с детской непосредственностью поинтересовался молодой человек. Боальбек в ответ только хмыкнул и принялся раскуривать свою трубку.

И какого дьявола руководству взбрело в голову отправить на «Маркизе» пассажира! Но парень платит наличными и не выпендривается. Хоть это хорошо. Ладно, раз Марк просит, доставим пассажира в Джакарту – небольшой, а приработок. Парень тем временем открыл пластиковую бутыль с газировкой и сделал большой жадный глоток, затем протянул бутыль капитану. Тот только отмахнулся и поднялся на ноги. Пора идти на судно.

Дорога до стоявшей у самого дальнего пирса «Сиамской маркизы» заняла целый час. Пока они, лавируя между портовыми кранами, складированными прямо на земле штабелями бревен и контейнерами, обходя глубокие лужи, добрались до места, бутыль в руке парня почти опустела. Причиной этого была неплотно закрытая крышка и банальная невнимательность. Только у самых сходней молодой человек понял, что большая часть воды вылилась на землю. Сделав это открытие, парень только пожал плечами, затем открутил крышку, выплеснул остатки газировки в ближайшую лужу и зашвырнул бутылку в море.

Первый этап операции прошел без сучка и задоринки. Александер с чувством глубокого удовлетворения просматривал отчеты исполнителей и кураторов. Киото, Токио, Гуанчжоу, Шанхай, Сингапур, Хошимин, привычно называемый Сайгоном, Сурабая, большие, многолюдные города Азии, знаменитые своими трущобами и являющиеся крупными транспортными узлами. Именно это и послужило причиной выбора аналитиков – отсюда вирус быстро распространится по всему региону.

А после начала эпидемии широкий охват территории и пересечения важнейших транспортных потоков сделают бессмысленными любые карантинные мероприятия. Не поможет даже выжигание очагов заражения ядерными боеголовками. Но до этого не дойдет, такое решение принимается, только когда другие меры не действуют и все другие средства исчерпаны. Впрочем, к тому времени, когда наиболее дальновидные политики задумаются о кардинальной хирургии, будет уже поздно. Вступят в действие очаги второго этапа операции, Александер лично настоял на такой схеме инфицирования. Разница в две недели запутает тех, кто будет

искать причину эпидемии, приведет их к выводу, что это естественная пандемия.

На большой подробной карте специалисты уже разрисовали изолинии предполагаемого распространения вируса, первичные и вторичные очаги заражения, векторы переноса, сравнительно спокойные районы, где заболеет минимальное число людей. Александер заметил, что все это очень похоже на антропологическую и демографическую карту с нанесенными на нее основными транспортными потоками. Подругому и быть не могло – эпидемия всегда следует за переносчиками.

Наконец Александер, тяжело вздохнув, оторвался от карты. Выпрямив спину и откинувшись на спинку стула, он закрыл глаза и принялся массировать виски. Как он устал за последние недели! Большая часть подготовки и проведение акции свалились на его плечи. Сама специфика операции требовала участия минимального числа посвященных. Естественно, многих специалистов и исполнителей задействовали «втемную», но все равно, работы у Александера было много. И никому нельзя было перепоручить дело – вести операцию должен был один человек. И нести ответственность в случае провала – тоже один. Закон Мерфи в действии: если за дело отвечает больше одного человека, виноватых не найти.

После короткого энергичного массажа самочувствие улучшилось, сонливость исчезла, усталости как не бывало. Александер открыл глаза, его взгляд уперся в шкаф у двери кабинета, а затем переместился на столик в углу. О! Надо выпить кофе! Рука привычным движением включила электрочайник, аромат гранулированного кофе ударил в нос, щекоча и возбуждая нервные окончания. Взгляд на секунду задержался на бутылках с виски, вермутом и водкой, стоявших в баре рядом с кофейной банкой. Нет, не сегодня – в таком состоянии стаканчик скотча действует, как целая бутылка.

Александер сыпанул в чашку две полные ложки порошка и ложку сахара. Вот и чайник закипел. Осталось только залить кофе кипятком и размешать. Эрзацнапиток, если почестному, но зато хорошо прочищает мозги. Глоток огненного напитка обжег нёбо и глотку. Хорошо! Райское наслаждение! Как мало нужно человеку для счастья, особенно после тяжелой муторной работы. А сколько еще впереди! Александер об этом и не думал. Как говорят русские: глаза боятся, а руки делают. Ну, теперь, после короткого отдыха можно возвращаться к делам.

Рабочий день завершился только в половине седьмого. В принципе, Александер не был связан жестким рабочим графиком, но он сам не мог

себе позволить не довести до конца всё запланированное на сегодня. А теперь, когда закончен последний деловой разговор, поставлена точка в файле с расписанием работы сотрудников в Центральной Африке, можно ехать домой.

Александер неожиданно поймал себя на мысли, что теперь он с нетерпением ждет вечера и дорога домой для него значит нечто большее, чем просто отдых и возможность поспать в нормальной кровати. Если раньше ему было все равно, где ночевать: дома, в гостинице, на диване в офисе, в машине, то теперь, после женитьбы, дома его ждала Джина. А он еще сомневался: стоит ли жениться? Оказалось, что стоит. Нельзя всю жизнь быть одному, надо строить свое гнездо, свою семью.

Александер вырулил со стоянки и вписался в сплошной поток машин. Конец дня, час пик. Несмотря на ударивший по Америке жесточайший финансовый кризис, машин на дорогах меньше не стало. Или это так кажется? Статистика однозначно говорила, что сейчас продажи автомобилей упали, многие автомобильные салоны разорились или были вынуждены сократить свои филиалы. Десяткам тысяч американцев пришлось отказаться от «железного члена семьи» и пересесть на общественный транспорт. Но сейчас, после рабочего дня, из города тек сплошной автомобильный поток, как и пять лет назад во время пика могущества Империи.

Перед перекрестком Александер зазевался и чуть не въехал в зад синему «Крайслеру». Сзади раздался пронзительный визг тормозов. Александер непроизвольно напряг мышцы, готовясь к удару, в зеркало было видно, как на машину надвигается бампер микроавтобуса «Тойота», уйти в сторону не было возможности, и справа, и слева все занято. Нет, обошлось, тормоза у задней машины оказались не хуже, чем у «БМВ» Александера.

Сегодня он был немного рассеян, вот и с перекрестка тронулся немного позже, чем остальные, под аккомпанемент возмущенных гудков задних машин. Все, надо собраться. До дома целых двадцать миль по запруженным машинами улицам. Не хватало еще разбить машину! Придется тратиться на ремонт и несколько дней ездить на авто, взятом в прокат, позориться перед коллегами.

Наконец вырвавшись из центра, сплошной плотный поток стал разрежаться, растекаться по жилым кварталам. Еще через пять минут Александер свернул на боковую улицу, здесь машин было меньше, хоть и дорога уже, и светофоров больше. После очередного поворота Александер заметил, как из дверей небольшого магазинчика выскочили трое

чернокожих и, не мешкая, запрыгнули в припаркованный прямо у пожарного крана старый, потрепанный «Форд». В руках двоих из них были пистолеты, а третий держал набитый чемто легким полиэтиленовый пакет. Все ясно – ограбление. В последние годы уличные шайки совсем распоясались, да и безработица сейчас гораздо больше. Многим приходится хвататься за любую работу, лишь бы хоть немного платили, или действовать вот так, как эти трое.

Проезжая мимо машины грабителей, Александер чуть сбросил скорость и равнодушно скользнул краем глаза по автомобилю. Номер он запомнил автоматически, заодно опытный глаз заметил следы некачественной рихтовки на заднем крыле, чуть выделяющуюся по цвету дверцу водителя. Миг, и лица всех троих намертво отпечатались в памяти сотрудника известной Фирмы.

Александер не стал таранить «Форд» грабителей, выскакивать из машины, размахивая пистолетом, как герой голливудского боевика. Нет, он поступил проще и эффективнее, хотя «вальтер» в плечевой кобуре под сшитым по заказу пиджаком был заряжен. Он просто достал мобильник и позвонил в полицию. Вежливо представившись, коротко изложил ситуацию и место действия, затем дал подробное описание машины и приметы грабителей. Стекла «БМВ Х5» Александера были тонированными, поэтому он не опасался, что грабители увидят, как он разговаривает по телефону. Они вообще не видят, сколько человек едет в машине.

«Форд» тем временем резко, с прогазовкой, сорвался с места и, дребезжа, как старая телега, обогнал машину Александера, затем, не сбавляя скорости, визжа тормозами и покрышками, нырнул в боковую улицу, чуть не сбив при этом мусорный бак. Улыбнувшись, Александер нажал «повтор» и доложил полиции об изменении маршрута угонщиков, затем, со скучающим видом выслушав благодарность полицейского, убрал трубку в карман. Ну вот, день прошел не без пользы – хоть одно доброе дело он сегодня сделал.

Подъезжая к дому, он уже издали заметил припаркованную у ворот серебристую «Тойоту» Джины. Район у них был хороший, чистый, можно было оставлять машину прямо на улице. И соседи подходящие – через два дома живет судья, а прямо напротив коттедж известного сенатора. Так что полиция следит за порядком, практически раз в полчаса по улице проезжает полицейская машина.

Джина уже стояла на крыльце и ждала, когда Александер войдет в дом.

– Здравствуй, любимая, как дела?

– Ты знаешь, я сегодня была у врача, – Джина прижалась к

Александеру и посмотрела ему прямо в глаза, затем нежно поцеловала в губы и прямиком выложила все, что хотела сказать: – У нас будет маленький.

– Милая! – Александер чуть не задохнулся от радости и, подхватив супругу на руки, внес ее в дом.

– Кто тебе сказал, что мы идем по суше, кретин?! Ты хоть смотрел на карту, когда прокладывал маршрут?! – гремел старый Боальбек, устраивая разнос старпому.

– Якорь мне в задницу! Точно, перепутал отметки. Сейчас перепроверю, – это уже Дитрих. В голосе ни капли раскаяния, знает, что капитан покричит и успокоится. Они уже не первый рейс вместе, привыкли, пообтерлись.

– Перепутал! Каракатица сушеная! Крокодил опухший! Нечего было пить, как янки! Чтоб через пять минут знал, где мы находимся. – Вслед за этой фразой послышались удаляющиеся шаги и затем скрип трапа.

Невольно став свидетелем этого диалога, Генри чуть не расхохотался. Ему всегда импонировали свободные нравы, царящие на таких вот судах небольших компаний. Вчера на «Маркизе» праздновали день рождения старпома. Хорошо отмечали. Благо еще в Сурабае загрузили целый ящик виски. Так что недостатка в спиртном не было. Но море есть море, и сколько бы вчера ни выпили, сегодня все были на местах и в меру сил и возможностей исполняли свои обязанности.

Интересно, а кто ночью на вахте стоял? Генри хорошо помнил, что в дрейф не ложились, судно всю ночь держало ход. Значит, на мостике никого не было, разве что старый Боальбек под утро вспомнил, что они в море, а не у причала. Да, нравилась Генри такая непосредственность и фатализм моряков Индонезийских линий.

Наконец Генри надоело валяться на койке, он спустил ноги на пол, нашел свои кроссовки, затем пригладил растрепавшиеся волосы и направился на палубу. Морское путешествие длилось второй день. Судно неторопливо ползло вдоль побережья Явы, по планам уже завтра они должны прийти в Джакарту. Всего два дня морского путешествия, но зато спокойный размеренный ритм жизни, чистый соленый морской воздух, яркое южное солнце. И жара в море переносилась гораздо лучше, чем на берегу. Это была одна из причин, по которым Генри выбрал морской путь.

А если честно, он просто решил немного отдохнуть, набраться новых впечатлений, расслабиться. Коллеги по Фирме называли Генри романтиком. Так оно и было. И это несмотря на работу, с которой слово «романтика» казалось несовместимым. Генри это прекрасно понимал, но ломать свой

характер не хотел, человек должен иметь отдушину, маленький уголок, опутанный колючей проволокой и с табличкой «Частная собственность! Посторонним вход категорически запрещен!». Правда, начальство отмечало склонность сотрудника к необдуманному риску и его любовь к внешним эффектам. Чего только стоило вчерашнее шоу с бутылкой питьевой воды! Жаль, зрители не знали, что было растворено в воде. Впрочем, Генри не жаловался, он играл чисто из любви к искусству. В Джакарте ему оставалось опустошить еще один флакончик «Дифенс» – и можно будет возвращаться домой.

На палубе чувствовался легкий освежающий ветерок. Генри обратил внимание на группу матросов, безмятежно лежавших прямо на палубном настиле под баковым тентом. На небе не было ни облачка, солнечные блики сверкали на верхушках волн, в небе кружили чайки и альбатросы. До слуха доносилось приглушенное гудение дизелей, стук волн о корпус судна, ритмично поскрипывали грузовые стрелы. Благодать! Именно ради таких мгновений и стоило жить.

Подняв голову и повернувшись в сторону мостика, Генри увидел помятого Дитриха, склонившегося над пеленгатором. Таких вещей, как система GPS, на «Сиамской маркизе» отродясь не было, радар работал от случая к случаю. Так что определяться приходилось по береговым ориентирам, да еще по радиомаякам.

Судно держало курс прямо на запад, всего в полутора милях по левому борту лежал небольшой, покрытый зеленью остров, один из тысяч составлявших Яванский архипелаг. С правого борта расстилалось Яванское море. Южные моря, романтика!

Дитрих, до этого сосредоточенно изучавший штурманские таблицы, вдруг замер, еще раз приник к окулярам пеленгатора, а затем громко заорал, размахивая руками. Генри не ожидал такого проявления темперамента от флегматичного голландца. На крик из рубки выскочил капитан, матросы на баке заволновались, через минуту они столпились у борта, оживленно жестикулируя, показывая кудато вдаль. Их голоса звучали тревожно.

Генри не знал ни индонезийского, ни голландского языка, на котором сейчас обменивались короткими фразами капитан и старпом, но ему было любопытно, что же такое привлекло всеобщее внимание. Он подошел к борту и, прикрыв глаза рукой от солнечных бликов, вгляделся в даль. Сначала он видел только волны и полосу мангровых зарослей вдоль берега, затем глаз различил пенные следы и темные низкие силуэты, то скрывавшиеся из глаз, то опять поднимавшиеся над волнами. Точно, от

острова наперерез курсу судна шли три быстроходных катера. Береговая охрана или пираты, других причин для беспокойства быть не могло.

Пираты! Генри знал, что в южных морях иногда пошаливают представители древнейшей морской профессии. Множество островов, где можно укрыться, и коррумпированность полицейских чинов способствовали этому промыслу. Теперь все стало ясно. Судну и команде грозит нешуточная опасность.

Паника быстро утихла. Подчиняясь командам Карла Боальбека, судно повернуло от берега, забирая мористее. Генри почувствовал, как дрожь палубы усилилась, скорость хоть немного, но выросла. «Сиамская маркиза», выжимая все из своих древних дизелей, старалась уйти подальше от берега. Расчет правильный – катера пиратов не приспособлены для открытого моря. Заодно есть мизерный шанс продлить гонку, если пираты не откажутся от своей затеи, и встретить пограничный корабль.

Постепенно катера сместились за корму, но не отставали. Эх, сейчас бы ветер посильнее, а лучше волнение в 4 – 5 баллов! Низкобортные катера могут ходить только вдоль берега и в хорошую погоду. Увы, чуда не произошло, расстояние постепенно сокращалось. Уже можно было разглядеть спаренные пулеметы на катерах и множество темных голов, торчащих над бортами.

Генри стало понятно: уйти от погони не удастся. А что будет дальше? Что будет с командой и пассажиром? Скорее всего, ничего хорошего. Во всяком случае, надо достать свой американский паспорт, может, пираты возьмут его в плен в надежде на выкуп, а потом начнется эпидемия. Там уже можно будет спокойно добраться до цивилизованных мест. Внезапно он вспомнил о последнем флакончике. Что бы ни произошло, но задание надо выполнить. Иначе нельзя, иначе он сам себя уважать не будет.

Хаос мыслей в голове утих, паническое настроение ушло, сейчас у Генри была цель, а значит, все мешающее ее достижению убирается к дьяволу, в том числе и эмоции. Он спустился в каюту, достал паспорт, положил его в нагрудный карман рубашки, туда же банковские карточки и билеты на самолет. Надел куртку, не забыв положить в правый карман флакончик «Дифенс». Жаль, нет оружия, но оно и не поможет, пиратов не менее пяти десятков, и у них пулеметы.

Вернувшись на палубу, Генри устроился под крылом мостика, и в дальнейшем действии он выступал в роли зрителя. Катера догнали судно, короткая очередь по курсу, и «Маркиза» ложится в дрейф. На палубу забираются вооруженные автоматами пираты. Быстро собирают команду, короткий обыск, тычки прикладами, отрывистые команды на

индонезийском и китайском языках. Генри попытался привлечь к себе внимание.

– Я гражданин Соединенных Штатов! Требую американского консула и адвоката, – он искренне надеялся, что среди нападавших есть хоть ктото понимающий поанглийски. Низкорослый, плосколицый пират без замаха ткнул стволом автомата американца в живот. Ох, как больно! Урод косорылый! Мать твоя шимпанзе! Генри, закашлявшись, согнулся пополам, одновременно выплескивая на палубу содержимое флакона. Всё, работа сделана. Пустой пузырек покатился по палубному настилу и исчез в бортовом шпигате. Вот и от улики избавился. Хоть это хорошо.

Пираты тем временем запустили дизели судна, один из нападавших встал у руля. «Сиамская маркиза» медленно и плавно легла в разворот. Все ясно, хотят спрятать судно в тайной бухточке и без помех разгрузить. Видно, что после смерти мадам Вонг пиратство не пришло в упадок. Организация набегов попрежнему поставлена на широкую ногу, чувствуется хорошая работа главарей. Люди не расхлябаны, обнаружив запасы виски, никто не прикоснулся к бутылке. Все с оружием, держатся уверенно, но без излишней бравады. Команды офицеров исполняются быстро.

А что будет с пленными? Всех построили на палубе у грузового люка. Никого не допрашивают, заставляют стоять с поднятыми руками. Напротив четверо пиратов с нацеленными на людей автоматами. Старая китайская модель «Калашникова» самое ходовое оружие в этом регионе. Генри постарался оказаться с краю толпы, так лучше, больше пространства для маневра.

К конвоирам подошел пожилой человек, своими манерами он выделялся среди остальных пиратов, и относились к нему с почтением. Сразу видно – это и есть командир. Короткая команда. Надсмотрщики подняли автоматы. Генри все понял. В тот момент, когда несчастную команду «Маркизы» перечеркнули очереди, он прыгнул в сторону. Перекат через голову. Прямо перед ним оказался широкоплечий бандит с косым шрамом на правой щеке. Удар в живот, затем коленом в пах, руки сами срывают с шеи вылупившего глаза на лоб от боли пирата ремень автомата. Далее, не теряя драгоценных секунд, закрыться телом бандита и передернуть затвор.

Короткая очередь в три пули вошла в голову главаря, в буквальном смысле слова пораскинувшего мозгами. Затем перевести огонь на скопившихся на палубе бандитов, пока они не опомнились. Но пиратов было слишком много, и слишком быстро они пришли в себя. Не менее

полудюжины автоматов ударили в сторону Генри. Крепыша со шрамом бросило прямо на американца. В лицо ударила струя крови из разорванной пулей яремной артерии пирата. Не обращать внимания! В прорези прицела оказался еще один бандит, нажать на курок, увидеть, как пират валится кулем на палубу, перенести огонь на очередную мишень.

В этот момент страшный удар обрушился на правое плечо. Стиснув зубы, Генри поймал в прицел еще одного пирата. Отдача от очереди, прямо в раненое плечо, и еще один удар в грудь. А затем вспышка перед глазами, сворачивающийся воронкой туннель и темнота.

Глава 6

ВЫБОР ПУТИ

По конвейеру непрерывным потоком плыли сверкающие свежей краской и нихромом автомобили. Переместив машину на новую позицию, конвейер останавливался на полминуты, за это короткое время рабочие успевали прикрутить к машине еще одну деталь. Затем цепь приходила в движение, и внедорожники плыли несколько метров по цеху до следующей позиции. И так до самого вечера безостановочно. А потом к работе приступала вторая смена. В воздухе витали запахи масел, красителей, технических жидкостей, пластмасс, металла и возбуждающий, ни с чем не сравнимый аромат новенького автомобиля.

– Красиво! Непрерывный поток, как в кино! – сорвалось с губ Павла Николаевича, завороженно наблюдавшего за работой людей на сборочной линии.

– Не только красиво. Вы сами видите, это новые цеха. Мы за год практически целый завод построили. Все работает как часы, – с гордостью заявил державшийся чуть позади Шумилова директор.

– Действительно, работает. А я думал, вы в график не уложитесь, Алексей Юрьевич. Уложились, молодцы. Кузова вы тоже здесь делаете?

– Нет, это отдельный цех. Понимаете, для покрасочных линий особые условия необходимы. Минимум посторонних примесей в воздухе, температурный режим выдержать, даже уровень вибрации влияет на качество покраски.

– Напомните, пожалуйста, – негромко поинтересовался державшийся чуть в стороне, за спинами чинов из городской и областной администрации, Сергей Анютин, – каков у вас процент импортного оборудования?

Директор немного замешкался, пытаясь вспомнить цифры, и на вопрос министра ответил главный инженер Скобелев Максим Викторович.

– Примерно пятнадцать процентов, Сергей Дмитриевич, в основном обрабатывающие центры и расточная группа. Еще один лазерный американец, на пробу поставили.

– Нарекания по оборудованию есть?

– Пока нет. Но сами знаете: все новое работает, как положено. Вот через год можно будет рекламации собирать. Тогда список нареканий и выложим, – спокойным тоном пояснил Максим Викторович.

Сразу было видно, что главный инженер – человек грамотный,

разбирается в своем деле, умеет видеть на несколько шагов вперед, и говорил он, не повышая голоса, но так, что к нему прислушивались. Шумилов про себя отметил, что Скобелева надо взять на заметку. Этого человека со временем можно и нужно перетянуть в Москву, усилить руководящий состав Министерства машиностроения.

Неожиданно за асбоцементной перегородкой раздался пронзительный, противный визг. Лица членов делегации невольно исказила гримаса, некоторые пытались заткнуть уши пальцами – помогало это мало.

– Заготовительный участок, – пояснил директор, пытаясь перекричать душераздирающий визг дисковой пилы, – лист режут.

Люди невольно ускорили шаг, стараясь как можно быстрее покинуть эту не слишком комфортную зону. Шумилов мимоходом обратил внимание, что рабочим на линии этот звук также не доставляет особого удовольствия. Он расслышал несколько повисших в воздухе соленых шуточек и пожелание упрятать заготовительный участок в задницу некоего Прокопьева. Видимо, начальника этого участка.

– Как же у тебя люди выдерживают? Все нормы по шумности перекрыл! Инспекция охраны труда до тебя еще не добралась! – налетел на директора Павел Николаевич, когда визг пилы стих.

– Так и работают! – отрезал Алексей Юрьевич. – Инспекция мне и так всю плешь проела. А что делать? Через две недели поставим звукоизоляцию, будет нормально.

– А в цеху?

– В цеху люди в наушниках работают, – вмешался главный инженер, – не успеваем мы просто. Акт приемки еще не подписан, строители устраняют замечания.

– Безобразие! Как вы относитесь к людям?! – набросился на заводчан председатель Ульяновского облсовета Александр Загибин.

– А приходится, – буркнул главный инженер в ответ и тут же перешел в контрнаступление: – Я же говорю Павлу Николаевичу, на все времени и средств не хватает. Только месяц назад конвейер запустили, часть оборудования еще налаживают, строители вентиляцию и пожарную автоматику доводят до ума, наружную теплоизоляцию стен доделывают. А деньги на строительство в обрез выделили.

– У нас отопительный сезон начинается, в первую очередь газ провели и обогреватели поставили, – пришел на помощь Скобелеву директор. Перед очами московского начальства они выступали одним фронтом.

– Ладно, когда полностью устраните все недоделки? – поинтересовался Анютин, одновременно давая понять, за сбоем графика

никаких оргвыводов не последует. Главное – завод работает.

– К декабрю должны управиться.

– Смотри у меня! – погрозил пальцем Загибин. Впрочем, к его угрозам заводчане отнеслись пофилософски. Он и сам понимал это и качал права только для демонстрации собственной значительности в глазах Шумилова и Анютина. Реальной власти председатель облсовета на УАЗе не имел. Если кто и имел здесь право карать и миловать, так только министр высокоточного машиностроения Сергей Дмитриевич Анютин, а он как раз был на стороне заводчан.

После осмотра сборочного конвейера Шумилов попросил показать склады готовой продукции и испытательный полигон. Идти пришлось минут двадцать, за это время Анютин успел переговорить с директором, главным инженером и ведущими специалистами завода. Выяснить, что им мешает в работе и чем министерство может помочь заводу. Естественно, предложение еще больше поднять пошлины на импорт иномарок даже и не рассматривалось. Налог в двадцать процентов считался достаточным для защиты своих автомобилестроителей. А снижение НДС с десяти до семи процентов в данный момент уже рассматривалось в Совете Народных Депутатов. Шумилов мог бы сказать, что решение в этом году не будет принято, но не сказал.

Площадка с готовыми автомобилями особого впечатления на гостей не произвела. Это был просто огороженный кусок двора с двумя рядами новеньких, сверкающих свежей краской джипов.

– Маловато. Я думал, больше будет, – высказал общее мнение Шумилов. На площадке, навскидку, было не более полусотни машин.

– Отгружать не успеваем, Павел Николаевич. Спрос бешеный, – отреагировал Алексей Юрьевич.

– Видите, только «Ермаки» стоят, «Амуров» меньше дюжины, – директор махнул рукой в сторону приткнувшихся в дальнем углу нескольких темнозеленых угловатых машин с широкими «вездеходными» колесами. Модель «Амур» отличалась спартанской отделкой салона, не таким мощным двигателем, как на «Ермаке», и более грубыми обводами, но зато и стоила она в полтора раза дешевле. Всего 74 тысячи рублей в базовой комплектации. Раскупались они мигом, в основном колхозниками и нефтяниками.

Словно в подтверждение слов директора, открылись ворота, и на склад въехал здоровенный автовоз. Водитель выпрыгнул из кабины и, доставая на ходу бумажки, направился к заведующему складом, вышедшему из бытовки. После уточнения объема партии и кроткой энергичной перепалки

по поводу цвета машин рабочие принялись с помощью талей грузить джипы на автовоз.

– Ну, спасибо, товарищи, показали товар лицом. Точно по графику производство наладили. Молодцы! – Шумилов демонстративно посмотрел на часы. – Извините, на полигон не поедем. Нам с Сергеем Дмитриевичем еще в Пермь лететь. Боюсь, не успеем.

– А жаль, я бы вас сам на «Ермаке» покатал, – улыбнулся Максим Викторович. – Машина – зверь. Хоть по пашне, хоть по городу, ровно идет.

– Верю на слово, – ответил Шумилов. – Мотор какой ставите?

– Двух с половиной литровый инжектор. На модели повышенной мощности три с половиной литра, а часть серии идет с дизелем.

– Неплохо. Вазовцы движок в один и восемь литра ставят.

– Так это же «Нива Родео», паркетник, – презрительно усмехнулся главный инженер. – Куда ей с «УАЗом» тягаться!

– Ну и молодцы! Что дальше планируете на конвейер ставить?

После осмотра нового завода Шумилов и Анютин отправились прямиком в аэропорт. От приглашения Загибина пообедать пришлось вежливо отказаться. И дело не в какойто неприязни к руководителю области. Журналисты, естественно, обыграют этот отказ, состряпают десяток политических прогнозов, на основании только этого «тонкого» момента. Куда уж без этого? Пусть фантазируют. Газетные прогнозы и интерпретации Шумилова совершенно не интересовали. У него имелись свои собственные критерии подбора кадров, абсолютно не связанные с рейтингами, имиджем и прочей игрой на публику.

Александр Загибин считался на хорошем счету, в области у него был порядок. В другое время Павел Николаевич с удовольствием бы принял приглашение, но сегодня не получалось. Сергей Анютин пообещал показать настоящее чудо, созданное умельцами одного закрытого НИИ и нагло попирающее законы физики. Естественно, после такой рекламы Павел Николаевич спешил лично убедиться в существовании этой фантастики. Раз Анютин гарантирует чудо, значит, покажет.

Промышленнонаучный монстр Анютина, именуемый Министерством высокоточного машиностроения, регулярно ошарашивал руководителей СССР всевозможными чудесами науки и техники. Взять хотя бы Новосибирскую термоядерную станцию, натуральную, воплощенную в металле и бетоне победу инженерного гения над здравым смыслом. Сколько было сломано копий, сколько было споров и сомнений! Но построили, и сейчас ТЯЭС спокойно работает, и себестоимость ее энергии экономически обоснована.

После Новосибирской в Союзе уже построены еще две термоядерные станции и завод по добыче тяжелых изотопов водорода, еще пять ТЯЭС строятся, это кроме старых военных лабораторий. Но проект Новосибирской ТЯЭС больше нигде не повторялся и повторяться не будет. Первый блин вышел не то чтобы комом, но уж слишком сложным он получился. Серийные реакторы сейчас гораздо проще, надежнее и экономичнее.

Чудом был и аэрокосмический комплекс МАКС, позволивший без труда обеспечивать десятки запусков в год и монополизировать рынок космических носителей. Даже дешевые и страшно ненадежные китайские ракеты были вынуждены сильно потесниться. Аэрокосмос, при той же цене, давал полную гарантию успешности запуска. Заодно МАКСом между делом был похоронен европейский ракетоноситель «Ариан». Только американцы еще обеспечивают собственные потребности в космических запусках за счет своих челноков, но скоро уйдут и они, у НАСА нет денег на модернизацию и ремонт кораблей, а ресурс их не бесконечен. Как помнил Шумилов, у США только «Дискавери» в рабочем состоянии и «Атлантис» можно отремонтировать. Вот и все.

Но самым главным чудом, достигнутым министерством Анютина, Шумилов по праву считал 38 процентов мирового рынка вычислительной и процессорной техники, контролируемых советскими корпорациями, и успешное продвижение на внешних рынках продукции советского автопрома и гражданского авиастроения. Вот это на самом деле было чудом! А всего пятнадцать лет назад отечественные авто служили только источником бесчисленных анекдотов и шуток. Дефакто считалось, что любая иномарка, даже древняя, гораздо лучше. С тех пор все изменилось. Действительно, чудо из чудес, достойное поощрения, пример для подражания и источник законной гордости, или как там еще пишут в передовицах «Правды»…

В Пермь они должны прилететь в конце дня, после пяти. Анютин еще в Ульяновске созвонился с институтом и попросил подготовить все необходимое для демонстрации. Эксперимент много времени не займет, Сергей клятвенно обещал, что дело обойдется без громких речей, торжественных процессий и прочего официоза.

А утром они плотно пообщаются с руководством области и города. Затем Шумилов хотел заглянуть еще в Уфимскую область, поглядеть, как идут дела у нового губернатора. Если получится, проехать по Казанской области, посетить Набережные Челны. И только после этого можно будет возвращаться в Москву. От Уфы до Челнов и Казани предполагалось ехать

на машине.

– Паша, вопрос есть небольшой, – повернулся к Шумилову Сергей Анютин, когда самолет набрал высоту и стюардесса разрешила отстегнуть ремни.

Летели они на стареньком «Як42», недавно прошедшем капитальный ремонт. Машина прослужила уже больше семнадцати лет, из них шесть в особом правительственном авиаотряде, но техники на состояние самолета не жаловались. При нормальной эксплуатации и соблюдении графика ремонта «Як» мог прослужить еще лет двадцать. Небольшой, надежный самолет для ближних рейсов. От серийных машин этот экземпляр отличался только представительским салоном, спальными местами в хвостовой части и оборудованием правительственной связи. Конечно, не лайнер суперкласса, как новенькие «Ту304» и «Ил108», в прошлом году пополнившие правительственный авиаотряд, но зато полностью в распоряжении Председателя Совета Министров. Лети когда и куда хочешь, не надо у диспетчерской Кремля разрешение запрашивать.

– В Новосибирске ученые одно интересное открытие сделали, – продолжил Анютин, – разработали принцип, позволяющий преобразовывать радиацию в тепло.

– Неплохая штука. В производство скоро запустите? – лениво, не думая, отозвался Шумилов. Только через несколько секунд до него дошел смысл сказанного. – Стоп! Что ты говоришь?

– Я говорю: в Новосибирске разработали поглотитель радиации, – терпеливо повторил Сергей. – Проект на стадии лабораторных испытаний.

– Пусть на этой стадии пока и остается, – безапелляционно заявил премьер. – Режим наивысшей секретности, комплекс мероприятий по дезинформации и информационному туману, немедленно подключай Строгова, а еще лучше Трубачева. Вот мое мнение.

– Руководство института так все и сделало, прикрытие на высшем уровне. Я хотел только ввести тебя в курс дела. И через какое время мы сможем начать внедрение? Когда будет подходящая ситуация? Подумай.

Вопрос был не праздный. Оба прекрасно понимали: изобретение несет в себе огромнейшие перспективы. Это повышение выработки АЭС в несколько раз, создание десятков маломощных, компактных атомных блоков. Это кардинальное решение проблемы радиоактивных отходов. Опасный мусор, который требовал значительных расходов на утилизацию, превратится в бесплатный энергоноситель, чистое золото. Выгода от внедрения огромнейшая, но Шумилов был прав: не следовало торопиться.

– Давай так, – глубокомысленно изрек Павел Николаевич после

долгого раздумья, – пусть твои ребята работают дальше. Пускай готовят чертежи на серийные поглотители, разрабатывают технологию. Но все это подспудно, под четким контролем во избежание. Понимаешь? – Шумилов пристально посмотрел на собеседника. – Если дело стоящее и мы действительно сможем получать энергию из дерьма, я начну свозить в Союз радиоактивные отходы. Повод придумаем.

– Идея стоящая. Начинай накапливать сырье, – улыбнулся Анютин, – мне клятвенно обещали через три года собрать полноценный блок электростанции.

– Что им надо? Ресурсы? Люди? Финансы?

– Все есть. Спасибо, Паша. Ресурсов хватает, людей тоже, даже полигон новый я им выделил. Ты давай лучше сырьем обеспечивай.

– Займусь. Эх, визгу будет в прессе, – сокрушенно покачал головой Шумилов. – Зеленые хай поднимут, когда я начну превращать Союз в «радиоактивную помойку». Готовься к пикетам у АЭС и акциям протеста.

– Это пусть МВД с КГБ беспокоятся, мне главное: лет на пятьсот радиоактивного материала набрать. Тогда энергетический кризис точно грозить не будет. И нам, и внукам, и правнукам.

– Не зарекайся. Уже на двадцать лет никто толковый прогноз составить не может, а ты на пять веков замахнулся.

– Зато перспектива радужная. Ладно, кто там обещал, что в самолете ужином накормят? У меня уже кишка кишке колотит по башке, – рассмеялся Сергей.

После посадки на Пермском аэродроме Шумилова и Анютина ожидал небольшой сюрприз. На краю летного поля, рядом с шеренгой аэрофлотовских лайнеров, стоял знакомый «Ту304» из правительственного авиаотряда.

– Интересно, кого это принесло? – задал риторический вопрос Сергей Дмитриевич, окидывая взглядом летное поле. Павел Николаевич только пожал плечами и молча прошел к поданной к трапу «Волге».

Никто их у самолета не встречал, хотя чиновники городской администрации были в курсе визита премьера и руководителя одного из ведущих министерств. Ребята шумиловской охраны также хранили молчание. А раз они не проявляют признаков беспокойства, значит, все в порядке. Строгие инструкции предписывали сотрудникам Управления правительственной охраны согласовывать перемещения первых лиц с местными отделениями КГБ. Ктото же подал на летное поле две машины? Значит, все, кому положено, в курсе.

Загадка разрешилась уже в здании аэропорта. На первом этаже

Шумилов заметил двоих сотрудников из охраны Верховного, прикидывавшихся обычными пассажирами. А поднявшись в малый зал ожидания, он обнаружил самого Арсения Степановича и толпившихся вокруг него чинов из областного и городского советов. Немного в стороне вежливо беседовал с милицейским генералом старый добрый друг Шумилова, Бугрова и Анютина Владимир Строгов.

– И не ожидал! Каким ветром? – поинтересовался Павел Николаевич, пожимая руку Верховного.

– Решил проверить, как люди живут. А вы что здесь делаете? – в пику премьеру притворно изумился Арсений Степанович. На самом деле он был в курсе предполагаемого маршрута Шумилова.

Обменявшись шутками с Бугровым, Павел Николаевич не забыл поздороваться за руку со всеми присутствующими. Многих он знал лично, кого не знал, ему представили. Обычная встреча с товарищами на местах. Визитом в регион называется. Улучив минутку, Арсений Степанович взял Шумилова за локоть.

– Ты думаешь, после того как Сергей разрекламировал своих Ломоносовых, я мог в Москве усидеть?

– А кто тебя знает? Ты вроде наукой не интересуешься?

– Какая там наука у генералов, кроме строевой подготовки! И кубики Рубика у нас монолитные, – хохотнул Верховный, вспоминая старую шутку Шумилова, два года назад подарившего на день рождения Арсению Степановичу неразборный цельнометаллический кубик Рубика.

– Значит, в институт?

– Да, я сейчас разгоню это каменнозадую компанию, и поедем.

У Верховного слово не расходилось с делом. Он быстро объяснил встречающим, что все деловые разговоры переносятся на завтра, равно как и официальная часть визита.

– Спасибо за теплую встречу, я очень рад, но вынужден откланяться.

Как раз в этот момент к Арсению Степановичу подошел старший группы охраны подполковник Комаров и доложил, что машины готовы. После чего Верховный коротко поблагодарил Комарова за службу и первым направился к выходу, следом потянулись остальные.

Дорога до НИИ не заняла много времени. Колонну машин с высокими гостями сопровождали гаишники с мигалками, так что помех на пути не было. За четверть часа гонки по широкому четырехрядному шоссе Павел Николаевич даже не успел как следует рассмотреть проносящийся за окнами пейзаж. Только на горизонте мелькнули высотки городских новостроек, краны над речным портом и светлое пятно плотины Камской

ГЭС. Затем машины свернули с шоссе на боковое ответвление. По сторонам дороги пронеслись корабельные сосны и заросли орешника. Наконец «Волга» сбавила ход и притормозила перед высокими воротами с надписью «Охраняемая территория». Охранники в камуфляже и с автоматами молча козырнули, пропуская колонну на территорию института.

Машины остановились на парковочной площадке у желтоватого гаража перед главным корпусом. Павел Николаевич, выбравшись из автомобиля, с интересом огляделся по сторонам. Здесь он был впервые. Невдалеке возвышались корпуса института. Видно было, что два здания построены недавно. По территории тянулись асфальтовые дорожки, кругом аккуратные газоны и подстриженные кусты, деревья. Вид портил только местами выглядывающий изза деревьев высокий забор с колючей проволокой поверху.

На широком крыльце АБК, ожидая гостей, стояли три десятка сотрудников НИИ. Сергей Анютин, обогнав Верховного, легко взлетел по ступенькам и широким жестом протянул руку коренастому абсолютно лысому мужчине в строгом костюме. Это был директор НИИ Владимир Карпович Семицветов.

Шумилов обратил внимание на то, что ученые мужи держались более независимо и открыто по сравнению с чиновниками горсовета, галопом прискакавшими в аэропорт, на ходу гадая, что им принесет одновременный визит трех членов Верховного Совета. Всего несколько человек, включая Семицветова, были в галстуках. Многие сотрудники щеголяли в демократичных джинсах и цветастых рубашках. То тут, то там мелькали колоритные бороды или длинные гривы, стянутые на затылке резинкой. Многие спокойно курили, дожидаясь, когда к ним поднимутся гости. Свободная, демократичная, дружелюбная атмосфера закрытого элитного научного комплекса. Действительно, эти люди уже жили при коммунизме. Здесь ценили в первую очередь ум и способности, а не должность и положение. Сотрудники НИИ и к гостям относились так же. Встречали по уму, а не по одежке.

– Ну, господатоварищи, долго задерживать никого не буду, – добродушно пробасил Арсений Степанович, когда Сергей Анютин закончил представление ведущих специалистов, – давайте показывайте, зачем пригласили.

– Пойдемте в корпус «Г». У нас все готово, – с чувством собственного достоинства проговорил Владимир Карпович и первым двинулся по дорожке вдоль стены административного здания.

Остальные потянулись следом. Несмотря на тщетные старания охраны, Бугров и Шумилов были окружены плотной жизнерадостной говорливой компанией ученых. Многим было интересно поближе взглянуть на первых лиц СССР. Когда еще увидишь их вот так, на расстоянии вытянутой руки?

– Осторожнее, ногу не отдавите, черти ученые! – выругался Бугров и пробурчал себе под нос: – Как дети малые, честное слово!

Анютин же в окружении сотрудников НИИ чувствовал себя как рыба в воде. Сразу было видно, что он тут не первый раз и его здесь хорошо знают. Люди запросто интересовались у Сергея Дмитриевича, как дела, как здоровье. Он и сам искренне отвечал на вопросы, спрашивал о личной жизни, интересовался урожаем на дачах сотрудников. А на вопрос: скоро ли будет дедом? – смеясь, ответил:

– Внуки не дети, они сами родятся!

Наконец пришли. Корпусом «Г» оказалось отдельное одноэтажное сооружение, скромно спрятавшееся за кубом административного здания и столовой. Семицветов провел гостей через лабораторные помещения, и вскоре они очутились в просторном зале. В центре помещения прямо на бетонном полу располагалось непонятное устройство, представлявшее собой металлический диск около полутора метров в диаметре. Сверху диска нашлепкой сидел округлый кожух, сама машина стояла на трех коротких ножках. Прямо по полу к кожуху тянулся жгут проводов, другим концом уходя в стойку пульта управления у левой стены помещения.

После того как все расположились вдоль стен, к машине подошел сам директор. Выждав паузу, он откашлялся и, повернувшись лицом к Бугрову, начал речь:

– Я не буду много говорить. Я это и не умею. – После этих слов со всех сторон раздались сдержанные смешки. – Лучше пусть за меня скажут авторы этой разработки, а еще лучше, пусть продемонстрируют свое открытие. Андрей Викторович, Антон Генрихович, прошу вас.

Двое молодых людей в потертых джинсах отделились от толпы и направились к пульту управления. Сам Владимир Карпович отступил в сторону и, сложив руки на груди, повернулся лицом к машине. В зале наступила тишина, стихли разговоры, гомон.

Павел Николаевич с интересом разглядывал аппарат в центре зала. Анютин ничего не сказал о том, что им предстояло увидеть, даже намека не дал. Партизан! Ладно, пришло время оценить это «открытие века», главное – чтобы не взорвалось. Аппарат негромко загудел, естествоиспытатели за пультом включили питание.

– Это что? «Летающая тарелка»? – громким шепотом поинтересовался Строгов, и получил в ответ чувствительный толчок в спину от Арсения Степановича. Типа, не мешай!

Машина загудела громче и медленно поднялась в воздух. Зависнув на высоте двух метров, она пошла вправо, затем опустилась на метр и, облетев зал по периметру, приблизилась к невозмутимо взирающему на происходящее Арсению Степановичу. Верховный потянулся было к диску, но тот резко ушел назад, снова поднялся вверх, вернулся в центр зала и опустился на пол. Гудение стихло.

– Значит, оно должно летать, – Верховный первым нарушил молчание, – занятно. А провода зачем? Не могли радиоуправление поставить?

– Не могли, пока у нее слишком большой расход электричества, – ответил Семицветов, – аккумуляторы не тянут.

– А сколько она энергии жрет?

– Как свинья помои, – улыбнулся Анютин. – Это экспериментальный образец.

– Подождите, доработаем схему, и можно будет аккумуляторы ставить, – вмешался рыжебородый молодой человек, один из тех, кто демонстрировал машину. Остальные ученые плотным кольцом окружили гостей, ловя каждое слово. Всем хотелось воочию убедиться, что эксперимент произвел впечатление и оценен по достоинству.

– А она только в зале летает? На улице может? – продолжал расспросы Бугров.

– Внешняя среда и покрытие значения не имеют. Она способна летать даже в вакууме. Расчеты подтверждают.

– Так мне ктонибудь объяснит, на каком принципе она держится в воздухе? – наконец нарушил молчание Шумилов.

– А вы сами попробуйте догадаться! – широко улыбнулся Семицветов.

– Антигравитация? – недоуменно пробурчал Бугров. В ответ со всех сторон раздался громкий смех. Смеялись бурно, весело, заразительно. Даже Сергей Анютин хохотал от всей души.

– Да нет никакой антигравитации, – сквозь смех выдавил бородач, – извините, Арсений Степанович, но это сказки для неучей.

– Давайте лучше пройдем ко мне в кабинет, и там мы все объясним, – предложил Владимир Карпович, когда веселье немного стихло.

– Ну, давайте, объясняйте. И нечего хохотать, я академиев не кончал, – улыбнулся Верховный.

– Тогда пойдемте. И извините нас, пожалуйста, люди мы все простые,

в коридорах власти не бываем. Хорошим манерам не научены.

– Да не ерничайте, Владимир Карпович, все нормально. Только расскажите: с чем эту штуковину едят.

Разговор продолжился в кабинете директора. За крепким чаем с лимоном Семицветов и ученые, проводившие демонстрацию, постарались объяснить гостям суть своего открытия. Правда, Шумилов почти ничего не понял, не хватало образования. Ясно было, что еще в 96м году в Сарапульском НИИ прикладного машиностроения открыли совершенно новый способ, позволяющий летать телам тяжелее воздуха. Чтото, связанное с резонансной квантовой частотой вакуума и высокочастотными колебаниями. Или нечто подобное. Что именно, никто, кроме Анютина, не понял, хоть все честно старались вникнуть в слова ученых. Год назад работу перенесли в Пермский НИИ, как обладающий лучшей технической базой, тогда же в Пермь переехали и авторыразработчики. И вот сегодня гостям был продемонстрирован результат многолетних трудов.

Затем разговаривали о новых научных разработках, последних открытиях. Семицветов между делом посетовал, что у института нет современной Большой ЭВМ, а у имеющейся не хватает вычислительной мощности. Сергей Дмитриевич записал вопрос и пообещал помочь. После разговор плавно перешел на перспективы, открывающиеся этим новым изобретением. Если удастся снизить энергопотребление и стоимость установки, можно будет устроить настоящую революцию в авиастроении. И даже создать недорогой гражданский автомобиль на квантовом принципе. Такой машине не понадобятся дороги, решится и проблема парковки.

Разговор закончился только поздно вечером. И лишь прощаясь с учеными, Арсений Степанович, как бы между делом, сказал, что представляет разработчиков к Государственной премии.

– И не отказывайтесь, – добавил он, обернувшись, – Звезду Героя Соцтруда каждому повешу обязательно. За такую работу ничего не жалко.

Глава 7

КОМАНДИРОВКА

– Уважаемые пассажиры, экипаж лайнера «Ту304» и компания «Аэрофлот» приветствуют вас на борту нашего самолета. Мы летим по маршруту Москва – Пекин, с промежуточной посадкой в Новосибирске. Просим вас пристегнуться ремнями и не покидать кресла без особой необходимости. Счастливого полета!

Сразу после этого приветствия турбины лайнера увеличили обороты. Их гул стал ниже, возникла легкая вибрация. Самолет медленно тронулся с места и стал выруливать на взлетную дорожку.

Ну, вот и все. Как не хотелось никуда уезжать, а приходится. Обстоятельства и служебная надобность заставляют. Станислав застегнул пряжку ремня и потянулся за газетой. До Новосибирска лететь долго, а потом еще до Пекина. За это время можно успеть и выспаться, и прочесть пару книжек в мягкой обложке, купленных прямо в аэропорту, и наговориться с попутчиками. Единственное, чего не хотелось, это думать о работе.

После того разговора с Воронцовым отдел Станислава всего за три недели подготовил развернутое техническое предложение по возможной модернизации китайской военной техники.

Стас отдал отчет начальнику сектора, вернул папку с материалами, выслушал в ответ благодарность за оперативно проделанную работу и пожелания дальнейших успехов. Все. Задание выполнено, теперь пусть думает начальство. Это его непосредственная обязанность.

Можно было спокойно сосредоточиться на текущих делах. Тем более что висевший на отделе вьетнамский контракт, видимо, был подписан в неудачный день. Постоянные, непредвиденные задержки, ошибки исполнителей, сбои, вплоть до форсмажорных обстоятельств, с пугающей регулярностью препятствовали работе по этому контракту. Складывалось ощущение, что этот договор задуман специально для выявления всех действующих и еще не открытых законов Мерфи. К неудовольствию Станислава Рубанова, большая часть шишек сыпалась на управление технического сопровождения.

На этот раз проблема возникла изза пересортицы и недопоставки номенклатуры оборудования и комплектующих систем управления ракетными комплексами. Проще говоря, завод напутал в схемах и неправильно скомплектовал поставки.

После ожесточенных телефонных баталий с дикой руганью, матом, угрозами пожаловаться в министерство и бурным обменом мнениями об умственном развитии собеседников удалось заставить поставщиков скорректировать монтажные схемы систем управления батареями и дивизионами с учетом уже поставленных комплектующих и довезти недостающее «железо». Никто, кроме Станислава и Владимира Антоновича Воронцова, не знал, скольких нервов и сил это стоило. Но Стасу шестое чувство подсказывало, что это не последняя проблема с вьетнамским контрактом. Если дело с самого начала идет через задницу, значит, и дальше ситуация не исправится. Придется держать ухо востро.

Утром в среду, через день после сдачи китайского доклада, когда Станислав Петрович выслушивал сбивчивые отчеты Скуратова и Кончинской о разговоре с нашими специалистами в Ханое, раздался телефонный звонок. На том конце линии нежный мелодичный голосок попросил товарища Рубанова ровно к десяти часам явиться к директору Оборонэкспорта Кулакову Дмитрию Витальевичу. О причинах и целях вызова секретарша не сообщила. Пожав плечами, Станислав попросил Сергея и Катю никуда не уходить, пока он заглянет к директору. Там ему в категоричной форме заявили о необходимости взять сотрудника, наиболее активно работавшего над китайским докладом, и срочно лететь в Пекин. Возражения, естественно, не принимаются. У Стаса и повода для споров с начальством не было. Загранпаспорта у Рубанова и Остроумова были в порядке, оформление виз заняло считаные дни, так что формальности уладились быстро. Ничто не мешало лететь.

От воспоминаний Станислава отвлек сидевший в соседнем кресле Максим Остроумов.

– Станислав, – во внерабочее время они были на «ты», – я до сих пор не могу поверить. Мы пробьем этот контракт?

– Черт его знает! – Стас непроизвольно пригладил ладонью свои короткостриженые волосы и поскреб в затылке. – Ты сам слышал слова Кулакова. Есть хороший шанс продавить предложение.

– Но у нас предложение на 12 миллиардов рублей.

– На весь комплекс они точно не согласятся. Денег не хватит. Но полторадва миллиарда мы можем ухватить.

– Я никогда не был в Китае, – в голосе Макса звучали восторженные нотки. – Такая даль! Интересно, на гейш у нас командировочных хватит? И в змеиный ресторан хочется попасть.

– Гейши в Японии. И стоят дорого, вечер обойдется в маленькое состояние, – авторитетно заявил Стас, хотя он сам ни разу ни в Китае, ни в

Японии не был, – а жаркое из гадюки надо попробовать. Когда еще представится возможность!

– Ради интереса зайдите, – вступил в разговор третий член их небольшой команды, специалист Управления коммерции Валерий Шахов, крепко сбитый невысокий лысеющий мужчина лет сорока, занимавший место у самого окна. – Но, на мой взгляд, ничего особенного: нечто среднее между курятиной и рыбой. А вот бабы там – самое то. Эх, помню, снимал я местных девочек! Так все эстетично и аккуратно! А любовь крутят! Ни одна наша не сравнится. Восток, одним словом!

– За бабами надо в Таиланд ездить, – продемонстрировал свою осведомленность Макс.

– В Таиланде и презерватив не всегда спасает. СПИД не спит! – при этих словах Шахов многозначительно поднял палец.

– А китайскую кухню надо попробовать, – вернулся к первоначальной теме разговора Стас, – и утку попекински, и в змеином ресторане посидим, и еще говорят, морепродукты они замечательно готовят.

– А водка у них дрянь, – заметил Валера, – рисовая с мерзким привкусом. Пиво и пробовать не советую, – при этих словах он скорчил презрительную мину.

За время своей работы в Управлении коммерции Шахов успел побывать не в одной загранкомандировке, повидал мир, и сейчас он с удовольствием делился опытом. У Стаса это была только третья поездка за рубеж. О первой и вспоминать не хочется. Тогда, с осени 98го по весну 99го, он был в Югославии. Налаживал систему ПВО Белграда и центрального района, заодно поучаствовал в бою в составе расчета дивизиона «Буков». Дважды попадал под авианалеты противника. Навидался и разбитых зенитных установок, и обломков самолетов НАТО, и разбомбленные дома видел. До сих пор иногда перед глазами вставала сцена, увиденная на окраине Белграда. Разрушенный дом, суетящиеся вокруг пожарные и солдаты, и оторванная человеческая рука прямо в грязной луже. В целом, на взгляд Станислава, малоприятная была поездка.

Во второй раз он в прошлом году две недели провел в Джакарте, в составе делегации Оборонэкспорта обеспечивал выполнение контракта на поставку дюжины ЗРК «Тор». Индонезия Стасу тоже не понравилась: жарко, грязно, кругом зараза, воду только из бутылок пить можно, и народ там полудикий. Стас надеялся, что третья его загранка будет лучше предыдущих. Спокойнее, без приключений и экстрима, как у большинства нормальных людей. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Самолет тем временем набрал высоту. Теперь можно было расстегнуть

ремни и прогуляться в кормовой отсек. Миловидная, стройная стюардесса выкатила в салон тележку с типичным аэрофлотовским угощением: чай, кофе, минералка, лимонады, коньяк, печенье и шоколад. Стас решил дождаться, когда подадут входящий в стоимость билета обед. Это будет только через три часа, но ничего, можно и подождать. Есть он пока еще не хотел.

– Девушка, бутылку коньяка. – Валера, перегнувшись через попутчиков, протянул стольник поравнявшейся с ними стюардессе.

– И еще три плитки шоколада. «Сударушку», пожалуйста, – с легкой улыбкой Стас кивнул в сторону Валеры, давая понять, кто платит. Раз покупают выпивку, надо и про закуску не забыть.

Получив сдачу, Шахов поднял бутылку, рассматривая содержимое на свет. А затем отработанным до автоматизма движением открыл ее. Макс тем временем опустил столик и расставил рюмки.

– Ну, будем, за удачный полет и за успешную поездку!

Коньяк оказался хорошим. Настоящий кизлярский «Багратион» четыре звездочки. После вдумчиво выпитой рюмочки по жилам растекся приятный согревающий огонь, в голове немного зашумело. Действительно, кизлярские коньяки считаются одними из лучших, правда, и по цене они выделяются. Бутылка обошлась в 92 рубля, да еще шоколад по рубль семьдесят за плитку. Даже с учетом аэрофлотовской наценки это было дороговато. Хотя командировочные им выдали хорошие, почему бы не шикануть?

После второй рюмки Валера опять принялся за повествование о своих приключениях с китаянками. Макс с азартом поддержал разговор, видимо, планировал воспользоваться его советами в свободное время. По словам Шахова, получалось, что в Китае иностранцев, обладающих некоторым излишком наличных средств, ждет множество возможностей весело провести время. Там за деньги можно купить все и даже немного больше. Было бы желание и время. По поводу желания Станислав не сомневался – пока жалоб от женщин на него не поступало. А вот со временем было хуже. График поездки был очень плотным. Да и изменять Наташе с первой встречной не хотелось.

В Китае Станислав, Максим и Валерий должны были принять участие в работе находившейся в Пекине делегации советских торговых представителей. Речь шла об очень больших контрактах и совместных проектах. Два дня назад из Китая вернулся премьер Шумилов. По его словам, уже сейчас решен вопрос о советском участии в расширении Цзинаньского металлургического комбината и совместной разработке

нефтяных полей Дацина.

Заместитель директора Оборонэкспорта Вадим Чернов на сегодняшний момент, кроме продвижения контрактов на поставку новых танков и самолетов, сумел заинтересовать китайцев предложением провести глубокую модернизацию имеющейся у них военной техники. Именно поэтому трое сотрудников Оборонэкспорта в спешном порядке вылетели в Пекин для усиления команды Чернова. Уже в Китае к ним присоединятся специалисты заводов и КБ. В Советском Союзе умели вести деловые переговоры и продвигать на внешних рынках свои товары. Четкий, жесткий стиль деловых контактов, все нацелено на предельную эффективность и максимальную прибыль.

Сейчас, после достижения предварительной договоренности, требовалось оценить на месте объекты модернизации, вникнуть в местные реалии и раскрутить китайцев на огромную сумму контракта. О возможностях выполнить заказ Дмитрий Витальевич просил не беспокоиться. Производственных мощностей в СССР хватает, тем более что Минобороны на следующий финансовый год сокращает закупку сухопутной техники в пользу флота и авиации. Так что желательно набрать максимальное количество иностранных заказов и загрузить заводы работой.

Исходя из этого, Стас понимал, что свободного времени у них будет мало. Неделю они проведут в Пекине, это круглосуточная работа с китайцами, присутствие на всех выставках, полигонных стрельбах и демонстрациях, вдобавок работа с документами. А затем команда отправится в один из военных округов, для подробного ознакомления с намечающимся фронтом работы. И только потом, возможно, выдастся несколько дней отдыха.

А на сердце все равно лежала легкая грусть. Станислав не знал, на какой срок он уезжает из дома, может, на месяц, а может, на полтора. Это целая вечность, когда ты со скоростью восемьсот сорок километров в час уносишься от самых любимых и близких людей в мире. Жаль, нельзя было взять с собой Наташу и Никиту. Они остались в Москве. Это хорошо, когда есть дом, где тебя всегда ждут и всегда тебе рады. Наташа молодец! Услышав, что муж опять уезжает в командировку, она ни словом, ни видом не выдала огорчения. Но Стас сердцем чувствовал, что и ей расставание дается тяжело.

«Любимая! Милая, родная моя, я вернусь. Это недолго. Всего месяц, и мы снова будем вместе», – тихо прошептали его губы. Поймав себя на том, что разговаривает вслух, Стас дернулся и покосился на соседей. Не слышат

ли? Нет, все нормально. Макс и Валера были поглощены разговором. Шахов заливался соловьем, повествуя о своих приключениях во Вьетнаме. Максим внимательно слушал, иногда иронично интересовался подробностями, если рассказ выходил далеко за рамки правдоподобия.

На этот раз Валера, бурно жестикулируя, рассказывал, как в один прекрасный вечерок после близкого общения с местной красавицей вернулся в свой номер и обнаружил в ванной змеюку. Рассказ был интересным, но Стаса при этом не покидало ощущение дежавю. Гдето он это уже слышал. Может, от Валеры, а может, от кого другого. Такие легенды имеют обыкновение передаваться из уст в уста и постепенно обрастать все новыми и новыми подробностями.

Станислав сам в веселые студенческие годы, смеха ради, в кругу однокурсников заявил, что в «Войне и мире» Толстого упоминался гусарский поручик Ржевский. В Бородинском сражении этот бравый гусар зарубил бригадира Конфланских гусар Этьена Жерара, за что удостоился награды лично из рук Императора. Шутка как шутка, Стас уже успел ее забыть. Каково же было его удивление, когда через пару лет на перемене перед лекцией ему на полном серьезе рассказали ту же самую историю. Пикантности добавлял тот факт, что и рассказчик, и сам Стас «Войну и мир» так и не осилили. Правда, Стас в детстве читал «Похождения бригадира Жерара» Конан Дойля.

Эх, веселая жизнь была в студенческие годы! Бывало, и серенады под окнами красавиц пели, бывало, и морды соперникам били. И легенды создавали. Веселая и беззаботная жизнь, ни постоянной работы, ни семьи, и фантазия на тему поиска приключений работала исправно.

Перед носом возник стакан с коньяком. Станислав молча покачал головой, пить он не хотел. Лететь еще долго, времени хватит на все. Лучше сейчас спокойно почитать газету. А еще с собой есть пара детективов Галины Донецкой и последний роман Парамова. Донецкая ему нравилась, легкое интересное чтиво с непередаваемым юморком. Типичные, в общемто, детективы, но было в них нечто особое, с первой страницы выделяющее автора из пестрой многоголосой толпы детективщиков. А Парамова Стас взял на пробу. Раньше этот автор писал только фэнтези, и «Солнце на рукаве» – его первая работа в жанре нормальной серьезной фантастики. Судя по отзывам, книга получилась хорошая.

Стас развернул свежий номер «АиФ». Что там интересного пишут? На третьей странице интервью с директором Иммиграционной службы Дмитрием Камышовым. Опять о проблемах с гастарбайтерами из Центральной Европы. Оставим на потом. И так заколебали уже эти румыны

и поляки. В Белоруссии и Украине все стройки забиты нелегалами, готовы за копейки работать. Поэтому местные и недовольны, на рынке труда возникает нездоровая конкуренция. Стас не испытывал к бывшим нашим сателлитам никакого сочувствия: нечего было из Варшавского Договора и СЭВ выходить и обливать Союз грязью. Пусть теперь лапу сосут или что другое у богатых спонсоров.

На следующей странице статья о строительстве нового автомобильного завода в Хабаровске. Еще пролистаем несколько страниц. Так, а тут на целую полосу обзор внутриэкономических связей и схемы основных финансовых потоков СССР с комментариями. Кто у нас из республик доноры, а кто на дотациях сидит. В обзоре множество цифр, графики, диаграммы, сразу видно: автор разбирается в вопросе, владеет материалом. Стас с интересом прочел статью, хотя общий вывод был ему известен заранее.

Средняя Азия у нас камнем на шее, мало того, что там уровень жизни очень низкий, постоянные проблемы с безработицей, коррупцией и криминалом, так еще туда ежегодно миллиарды рублей закачивают без какойлибо видимой пользы. Закавказье и Казахстан – тоже дотационные регионы, хотя ситуация на порядок лучше – пользу общему делу они приносят. Прибалтийская Республика на самоокупаемости, все, что зарабатывают, сами и тратят. А все дотации азиатам идут за счет России, Украины и Белоруссии.

Интересно, а что вообще в Средней Азии производят? Тут Станислав задумался – ничего толкового в голову не приходило. Есть там немного газа и нефти, уран добывают, несколько горнообогатительных комбинатов. Еще вывозят они фрукты и хлопок. Сразу вспомнились все три «хлопковых дела» и убитый в прошлом году бандитами неподкупный высокопоставленный чиновник Министерства сельского хозяйства Борис Осиновский. Выходит, никакого толка, кроме хлопка, от Азии нет, одни проблемы и бездонная бочка для вливания финансов.

На предпоследней странице «АиФ» обнаружились воспоминания друзей Фаины Раневской. Кроме того, была дискуссия о предполагаемой экспедиции на Марс и очередном расширении станции «Мир4». Из новостей: через три дня в Москве во Дворце съездов пройдет празднование трехлетия Ордена Будущего.

Интересная организация, один из действительно жизненных, долговечных проектов. Внешне это нечто вроде постепенно уходящего в небытие комсомола, а внутри… Стас неоднократно общался с ребятами из Ордена. Необычные, притягивающие к себе, уникальные люди. Уже через

пять минут разговора с ними появляется ощущение, что это своего рода каста будущих лидеров, директоров, талантливых ученых и конструкторов, организаторов и правительственных деятелей. И главное, при общении с ними не возникает никаких предубежденностей. Ребята умеют с кем угодно, хоть с сантехником, хоть с министром, разговаривать на равных. А честность, ответственность, трудолюбие, энергичность, способность добиваться целей, умение держать удар у них прививаются с момента вступления в Орден.

Стасу не нравилась в этой молодежной организации только приверженность к древнему язычеству и легкий налет национализма, убежденность в превосходстве наших над всем остальным миром. А может, он просто чегото недопонимал? Может, нельзя в этом мире быть святым? Добро должно быть эффективным, а Орден неоднократно демонстрировал свою эффективность. В особенности молодежные дружины.

– Ну что?! Почему тара пустая? – Стас хлопнул по плечу Макса и кивнул в сторону пустых рюмок и надломленных плиток шоколада.

– Понял, шеф, – улыбнулся Остроумов, разливая коньяк.

– Задам, которые дают нам! – скаламбурил тост Валера.

Дальше время потекло веселее. Хорошая дружеская компания, непринужденная беседа, отличный напиток, что еще надо, чтобы скрасить долгие часы перелета? «Что осталось, то осталось, что будет впереди, то будет», – так размышлял Стас, уютно устроившись в кресле. Макс тем временем рассказывал новый анекдот:

– Как известно: анекдоты про блондинок сочиняют брюнетки. Долгими тоскливыми вечерами.

– Кодируем от алкоголизма, – не остался в долгу Валера, – стопроцентная гарантия. Постоянным клиентам скидки.

– А я слышал, скоро во Франции христианство будет второй по популярности религией.

– А первой?

– Первой будет ислам, – усмехнулся Стас.

– Не смешно, – буркнул в ответ Макс, – это не анекдот, а реальность.

– Это уже вчерашний день, – откликнулся Валерий. – Старый Парашютист ведет и чистку, и зачистку, и отбеливание «Пемолюксом».

– Ле Пен, что ли? Так его вся Европа ненавидит!

– Ерунда, французы его поддерживают, и начал он хорошо. В первую очередь организовал кампанию против уличной преступности, наркоторговли, нелегалов и исламистского радикализма, – Стас пытался вспомнить, о чем говорили по телику этой весной.

– На него правозащитники спустили всех собак, – мрачным тоном добавил Макс. – Мало того, что самого называют фашистом, так еще обвиняют в геноциде, расизме и холокосте потомственных безработных и прожирателей пособия.

– Собака лает, караван идет. Мне кажется, он удержится и дело до конца доведет. У старика сил и энергии будь здоров. И Европа сейчас меняется. Либералы уходят на задний план, вперед выдвигаются нормальные правые консерваторы. Вместо мифических прав ублюдков занимаются реальной жизнью.

– Валера, но это еще бабушка надвое сказала. В прессе визг и писк страшный.

– Ерунда, – отмахнулся Шахов. – В Италии Берлускони свою мафию по тюрьмам распихивает. Немцы от нелегалов и гастарбайтеров потихоньку избавляются. Шредер уже заявил о сокращении безработицы.

– Мало ли что он заявляет. Там за полвека такое либерастическое болото образовалось, что еще полвека расхлебывать. Поднимают визг при каждом покушении на привилегии извращенцев, лиц с альтернативным расположением мозгов и прочей мрази. Только о правах нормальных людей забывают.

– Не бойся, Макс, как только нормальные люди станут меньшинством, так и нас защищать будут, – успокоил друга Валерий и негромко рассмеялся над своей шуткой.

– Мужики, а что это нас на политику потянуло? – при этих словах Стас требовательно постучал рюмкой по столику. – Или вода жизни кончилась?

– Есть еще порох в пороховницах, и патронов хватает, – Валера с готовностью поднял бутылку.

Так с шутками и разговорами «за жизнь» они до Новосибирска уговорили еще одного «Багратиона». А после посадки Макс вызвался сбегать в здание аэропорта, как он выразился: за местными достопримечательностями. Вернулся он через полчаса с довольной улыбкой до ушей и в мокрой куртке. На улице шел дождь. Из «местных достопримечательностей» Макс принес «Рижский бальзам». По его словам, погода стоит чудесная, в магазине международного сектора никого нет, а выбор напитков богатый. Никто и не сомневался в его словах. Два часа ночи поместному, кто еще попрется под дождем за спиртным, кроме сумасшедших транзитников из Москвы?!

А потом опять взлет. И вновь заложило уши, когда лайнер, набирая высоту, пробивался через нависшие над землей ватным одеялом дождевые тучи. Валера вспомнил, что лет десять назад в такую погоду самолет не

смог бы ни сесть, ни взлететь. Пришлось бы идти на резервный аэродром. С тех пор техника шагнула далеко вперед. Приборы ГЛОНАСС и системы автоматизированного взлетапосадки позволяют приземляться даже вслепую, когда видимости нет вообще.

Вскоре Стаса потянуло в сон. Дружеская компания и интересная беседа за рюмкой бальзамчика – это хорошо, но завтра надо быть свежим и выглядеть почеловечески. Завтра начинается рабочий день. И он в первый раз в жизни увидит загадочную «Поднебесную Империю».

Глава 8

ЛУЧШИЙ ВИД ОБОРОНЫ

– Что скажешь, Билл? Скоро нам возвращаться домой? – долговязый жилистый Роджер Корвен оторвался от созерцания проносящегося за иллюминатором самолета пейзажа и потянулся за сигаретами.

– Еще три дня. Ты сам знаешь, – не поворачивая головы, отозвался Билли Патерс тихим бесцветным голосом.

Со стороны казалось, что он даже не заметил едкую иронию, буквально сочившуюся из каждого слова, произнесенного его попутчиком. На самом деле Билл в данный момент полностью сосредоточился на управлении старенькой «Дакотой», он уже больше года не садился за штурвал самолета и сейчас чувствовал себя скованно. Перерыв стажа давал о себе знать.

– Это еще неизвестно. У меня паршивое предчувствие, что отпуск опять сорвется и нас зашлют в очередную захолустную дыру. О! Смотри! Прямо в реке купаются! – Роджер повернулся обратно к окну и, отчаянно жестикулируя, пытался привлечь внимание друга к заинтересовавшему его действу. – Их же крокодилы сожрут!

– Здесь нет крокодилов. Там, где водятся бегемоты, крокодилы не выживают. А если и сожрут, не велика потеря. Местные плодятся, как кошки, и мрут с голоду, как мухи, – усмехнулся Билли, пожимая плечами.

– А и черт с ними! – Роджер полностью потерял интерес к происходящему внизу. – Скажи лучше, долго нам еще лететь?

– Еще четверть часа. Я тебя заранее предупрежу. Как и договорились, с высоты 800 футов выливаем канистру и, не задерживаясь, идем к следующему пункту.

– Не беспокойся, вылью точно над помойкой, или как там это называется, – Роджер выпустил прямо в потолок струю табачного дыма. – А интересно, что там в канистрах? И зачем мы этой гадостью поливаем местных?

Билли в ответ только неопределенно хмыкнул. Он давно привык не задавать лишних вопросов. Меньше знаешь – лучше спишь. Задание, полученное от руководителя группы Джорджа Макалина, было простым и понятным любому кретину, даже Роджеру. Джордж вообще общался исключительно с помощью коротких рубленых фраз, не допускающих двусмысленного толкования. Арендовать самолет без пилота и вылить над городами Фриа и Мабуту полученные от Макалина канистры, затем

утопить пустые канистры в реке и возвращаться в Конакри. Джордж клятвенно пообещал, что после выполнения задания вся группа вернется домой. Гвинея всем уже порядком надоела. Требование держать язык за зубами было привычным и обыденным, Роджер и Билли давно уже привыкли, что в их Фирме не рекомендуется болтать лишнего. Сразу было понятно, куда шли работать.

Получив задание, они первым делом озаботились поиском подходящего самолета. Правда, и выбирать было не из чего. Билли вспомнил, что на старом летном поле недалеко от Конакри стоит один ветеран авиации. Хозяин «Дакоты», вечно пьяный Джеральд Слоновый Бивень, обнаружился на аэродроме, точнее говоря, в полуразвалившейся хибаре, ранее служившей диспетчерской. Переговоры взял на себя Билли, он был знаком с хозяином птички и быстро сторговался. Аренда самолета на сутки обошлась в 100 евро и 10 бутылок питьевого спирта. Сущие гроши, по меркам Европы, и хорошие деньги для местных реалий.

Когдато Джеральд владел собственной авиакомпанией и осуществлял перевозки практически по всей Западной Африке. Но со временем дела у него шли все хуже и хуже, он все чаще прикладывался к бутылке. В итоге у него остался только заброшенный аэродром и видавшая виды «Дакота». И то потому, что покупателя не находилось. Еще от прежней жизни осталось прозвище Слоновый Бивень, происхождение коего кануло в Лету.

Билли и Роджеру вся эта лирика была по тамтаму, главное – моторы самолета работали, и особых внешних повреждений видно не было. Правда, в процессе обследования выяснилось, что гад Бивень держал машину с почти пустыми баками, и стоимость заправки, видимо, в арендную плату не входила. На аэродроме топливных цистерн не обнаружилось, или они были хорошо спрятаны, а Джеральд, получив плату, первым делом хлебнул спирту и быстро довел себя до привычного состояния, исключающего возможность ориентироваться в пространстве и ответить на вопрос: где бензин, макака?! При виде опустевшей на половину бутылки спирта у видавшего виды Роджера глаза на лоб полезли. Пришлось ему ехать в город за горючим, пока Билли проверял техническое состояние самолета.

Больше приключений не было. Бочку с бензином удалось раздобыть на ближайшей заправке. «Дакота» нормально завелась, взлетела и устойчиво держалась в воздухе. Билли больше всего боялся перегреть моторы, но датчики температуры показывали, что все в норме. Так что у них были хорошие шансы сесть вместе с самолетом, как грубовато пошутил Роджер.

– Приготовься! Подходим к цели! – крикнул Билл, не поворачивая

головы.

Самолет снижался, план предусматривал опорожнить канистры так, чтобы жидкость попала прямо на город, а не мимо. Роджер раздавил каблуком окурок и направился в хвост салона. Там он взял одну из двух прихваченных в полет емкостей и поставил ее перед дверью. Открыл крышку, осторожно понюхал. Нет, ничем не пахнет. Обыкновенная вода, только чуть мутноватая. Негромко хмыкнув, Роджер надел на горловину специальную насадку, улучшающую разбрызгивание, и приоткрыл дверь. Самолет летел со скоростью 100 узлов, и дверь приходилось удерживать силой, преодолевая сопротивление набегающего воздушного потока.

Внизу сквозь щель между дверью и стенкой фюзеляжа было видно, как проплывали заросли, речушки, поля, местами возделанные, мелькали грунтовки. Наконец появились городские окраины. Обычные для этой части света трущобы. Прекрасно были видны собранные из всякого мусора и хлама лачуги, узкие заваленные отбросами улочки, несколько аборигенов, смотрящих на проплывающий над ними самолет. Дети, игравшие в лужах или рывшиеся в кучах мусора, услышав гудение моторов «Дакоты», поднимали головы, чтобы посмотреть в небо, и затем снова с азартом возвращались к своему прежнему занятию. Роджер заметил даже некую пародию на автомобиль, пытающуюся выбраться из лужи.

– Давай! Лей! – во все горло прокричал Билл. Роджер давно был готов. Он только наклонил канистру, и вниз потекли струи жидкости. Воздушный поток от винтов подхватывал их, дробил на капли, так что за хвостом самолета тянулось легкое облачко. Канистры как раз хватило до другого конца города. Никто внизу и не понял, что на них чтото вылили.

– Ну, все, идем ко второй цели, – подвел итог Билли Патерс, когда Фриа остался за хвостом.

– А это не ядовито? – опасливо поинтересовался Роджер. – Я этим дерьмом себе на руку капнул.

– Значит, готовься к ампутации руки, – «обрадовал» его напарник.

– Иди ты в задницу! Джордж сказал, что это абсолютно безвредно.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Давай лучше штурвал держи. Проверял, есть ли у тебя совесть, – довольным тоном произнес Роджер и, не давая Биллу ответить, моментально перевел разговор на новую тему: – Ты не забыл? Сегодня вечером «У Томсона» будет Астера Линсмен.

– О чем разговор, дружище! Обязательно пойду. Говорят, она стриптиз классно показывает. – Билли впервые за весь полет оторвал обе руки от штурвала и попытался изобразить нечто танцевальное, не вставая с

пилотского кресла.

– Нет, стриптиза не будет, но поет она великолепно. Майкл рассказывал – оторваться невозможно, очень глубокий и выразительный голос.

Впрочем, надеждам напарников послушать выступление заезжей певички в ресторанчике «У Томсона» сегодня вечером и спокойно посидеть в холодке за стаканом бренди не суждено было сбыться. Завершив работу и сбросив канистры над глубоким участком реки, предварительно утяжелив их железным ломом, Патерс и Корвен вернулись на аэродром. Там их уже встречали.

Из припаркованного рядом с машиной Роджера «Лендровера» вышли Джордж Макалин и Майкл Картер, жизнерадостный, вечно улыбающийся техасец. Ослепительная улыбка Майкла и его легкий дружелюбный нрав многих вводили в заблуждение, на самом деле он в их команде выполнял обязанности «чистильщика», занимался ликвидациями. Покинув машину, парни направились к остановившемуся на краю поля самолету, при этом в левой руке Майкл держал канистру.

– Так я и подозревал – торжественный комитет при полном параде. Точно, год будем до дома добираться. А я в отпуске три года не был, – грустным тоном заявил Роджер, сплевывая себе под ноги. Билли ничего не сказал, но на его лице читалось полное согласие со словами напарника.

– Все в порядке? – первым делом поинтересовался Джордж, приблизившись к своим сотрудникам.

– Все сделано, шеф. Вылили точно над жилыми кварталами, – отрапортовал Билл.

– Канистры утопили?

– Да, в указанном квадрате.

– Хорошо, ребята, собираемся и уматываем отсюда. – Макалин энергично махнул в сторону автомобилей.

Майкл, не теряя времени, уже исчез внутри самолета. В воздухе запахло бензином.

– Шеф, а старый пьяница не поднимет шум? – Роджер моментально понял, в чем дело. Он не первый раз сталкивался с заметанием следов.

– Отравился спиртом, – попытался пошутить Джордж. – В самолете ничего не забыли?

Все было понятно. Вынырнувший из «Дакоты» Майкл выплеснул остатки бензина на крыло и зашвырнул пустую канистру обратно в люк салона.

– Все, уходим! Сейчас будет жарко. – Майкл зажег факел и, отойдя на

безопасное расстояние, бросил его на крыло самолета. Полыхнуло хорошо. Вскоре пламя охватило весь самолет. Через несколько минут огонь добрался до баков, и над летным полем поднялся столб огня. Взрывом разбросало по округе куски обшивки. Но в этот момент рядом с самолетом никого не было. Четверка специалистов уже неслась в сторону города, выжимая все из моторов машин. За спиной у них остались только горящий самолет и кремируемый в своей лачуге Джеральд Слоновый Бивень. Майкл не забыл бросить факел в бывшую диспетчерскую, бензин там был разлит заранее.

К искреннему удивлению Роджера, ехали они в аэропорт. Никаких задержек. Джордж заранее позаботился об оформлении документов, билетах, визах и всех прочих формальностях. Багаж уже дожидался своих хозяев в аэропорту. Быстрый таможенный досмотр, ускоренный купюрой в 50 евро, исчезнувшей в кармане толстого неопрятного таможенника, и все четверо оказались на летном поле. До самолета пришлось идти пешком, такие блага цивилизации, как автобус, здесь были не предусмотрены. Еще полчаса ожидания в душном салоне самолета, и вот наконецто старенький «Ту134», прогрев моторы, оторвался от бетонки взлетной полосы и взял курс на Мадрид. Как объяснил Джордж, так удобнее и безопаснее добираться до Америки.

В специальном VIPсекторе Вашингтонского аэропорта царили спокойствие, тишина и чопорная солидность. Никакой излишней суеты, нет столь привычной многоязыкой, шумной толпы пассажиров, встречающих и служащих аэропорта. В VIPсекторе даже уборщики передвигаются с чувством собственного достоинства. Все сделано для людей, которые никуда и никогда не опаздывают, не спешат, но всегда успевают. Людей, умеющих ценить свое время, стоящее не менее десяти тысяч долларов за секунду.

Да и самих пассажиров спецсектора было немного. Подавляющее большинство американцев и иностранных гостей и помыслить не могли попасть в этот величественный и солидный портал для избранных.

Сегодня, 28 октября, понедельник, с самого утра в секторе царили тишина и благолепие. В семь утра через VIPсектор прошла группа японских бизнесменов, способных оплатить чартерный рейс и стоимость спецобслуживания. И все. Только в десять часов возникло некоторое подобие суеты. В зале промелькнули несколько человек в дорогих костюмах, по сектору пробежались трое джентльменов со значками службы безопасности, профессиональным взглядом обыскивая все закоулки и подозрительные места. Для знающих и осведомленных все было ясно:

ровно в 10.20 отбывал рейс до Мехико, заказанный и подготовленный для госсекретаря Соединенных Штатов.

Ровно в 10.05 к крыльцу главного входа подкатил автомобильный кортеж. Госпожа госсекретарь, не задерживаясь ни на минуту, вместе с сопровождающими проследовала через VIPсектор к специальному автобусу для передвижения по летному полю. Подтянутые в отутюженной форме охранники у входа только вытянулись по стойке «смирно», когда Кондолиза Хаймс проходила мимо, в ответ они удостоились ослепительной белозубой улыбки «стальной магнолии».

Все формальности были улажены заранее, багаж проходил, как дипломатическая почта, без досмотра. Статус обязывает. Впрочем, багаж госсекретаря был невелик, только самое необходимое. Темнокожая звезда американской политики с детства привыкла обходиться малым. Только работа, работа и еще раз работа, таким было ее жизненное кредо. Несмотря на тривиальность, именно этому принципу Хаймс была обязана львиной долей своего успеха. Остальное приходилось на недюжинный ум и твердый характер, здесь с госсекретарем мало кто мог сравниться.

Злые языки утверждали, что работа заменяет Кондолизе Хаймс даже секс. Сама Кондолиза предпочитала не комментировать подобные утверждения: «На все глотки не напасешься кляпов». Ей было просто неинтересно опускаться до уровня злопыхателей и становиться героиней шумных скандалов. То, что могут позволить себе голливудские звезды, непозволительно королеве, пусть и некоронованной. Играла свою роль и привитая с детства скромность и протестантские добродетели. Дочь священника, что ни говори…

Автобус в считаные минуты домчал госсекретаря до трапа самолета. Еще пять минут ушло на то, чтобы подняться по трапу и разместиться в салоне. Затем трап отъехал в сторону, двери самолета закрылись, и правительственный лайнер плавно вырулил на взлетную полосу. В этот момент как раз образовалось «окно» в плотном расписании полетов.

Все было подготовлено и рассчитано заранее. Это только сильные мира сего не тратят время на пустяковые формальности и мелкие хлопоты. Подобные обязанности падают на плечи помощников, секретарей, клерков и прочего обслуживающего персонала. Именно они и выполняют всю незаметную, кропотливую, но необходимую работу, позволяющую Большим Боссам всегда успевать. Так и должно быть, время клерков не так уж дорого стоит, всего 4800 долларов в месяц. По меркам настоящего времени и с учетом прогремевшего в 99м году дефолта, очень немного. Но зато каждый американец может стать миллионером или, на худой конец,

Президентом, на этом стояла, стоит и будет стоять великая Америка. Сильнейшая страна мира, хоть и подрастерявшая за последнее время изрядную долю своего могущества.

Самолет легко оторвался от взлетной полосы и, набирая высоту, лег на курс. А ровно через 40 минут после взлета на высоте пять километров в хвостовом отсеке прогремел мощный взрыв. Хитроумная комбинация примитивного датчика давления и заложенного во время последнего обслуживания самолета простого тротила практически оторвала самолету хвост. Летчики даже не успели ничего понять, как потерявшая управление тяжелая машина свалилась в штопор и понеслась к земле. Спасшихся, естественно, не было. При падении с такой высоты это оказалось бы чудом, а Всевышний сегодня, повидимому, не был расположен творить чудеса.

Первым заметил исчезновение лайнера дежурный диспетчер аэропорта. Последовал незамедлительный радиозапрос борту № 482, оставшийся без ответа. Следуя инструкциям – рейс был особой важности, – диспетчер сообщил о происшествии по инстанции. Пока пытались выяснить, что произошло, и связывались со службой контроля над воздушным пространством, пришло сообщение от очевидцев катастрофы и полиции небольшого городка Хэмтаун, штат Виргиния. Сообщалось, что на поле, немного южнее города, упал «Боинг», к счастью, на земле никто не пострадал.

Незамедлительно к месту падения самолета выехали полиция, аварийные и спасательные службы, ФБР, ЦРУ, АНБ, журналисты. Через пять минут там было не протолкнуться, все причастные и заинтересованные стремились продемонстрировать бурную деятельность и первыми доложить о результате. Уже через десять минут были проинформированы Президент и Капитолий. На телевидении пошли экстренные репортажи с места события. Это был шок. Америка давно не сталкивалась с покушениями на первых лиц, со времен Кеннеди, если быть точным. В первые же минуты после трагедии прозвучало слово «теракт». Кто произнес это слово, осталось невыясненным, но очень быстро оно стало официальной версией происшествия. А примерно через час версия полностью подтвердилась – было установлено, что самолет получил повреждения еще в воздухе от сильного внутреннего взрыва.

Президент был вынужден прервать свою поездку на Аляску и срочно возвратиться в Вашингтон. Прямо в аэропорту он сделал довольно резкое заявление. Общий смысл выступления был ясен заранее, все, что нужно и положено говорить в таких случаях: «нация скорбит», «мы понесли тяжелую утрату», «американцев не сломить и не поставить на колени»,

«организаторам теракта не скрыться от возмездия», «расследование взято под непосредственный контроль ЦРУ и АНБ», «мы обязательно найдем и покараем террористов и их покровителей». Получив удар, Америка требовала крови, теперь для президента и правительства поиск виноватых стал делом чести. В противном случае на переизбрание на новый срок можно даже и не надеяться.

Естественно, в Вашингтон со всех сторон света полетели сочувственные телеграммы. Одним из первых откликнулся Председатель Верховного Совета СССР товарищ Бугров. Советский Союз неожиданно для всех предложил тесное сотрудничество и помощь своих спецслужб в поиске террористов.

Но американские рыцари плаща и кинжала не зря ели свой хлеб: уже в конце дня директор ЦРУ заявил, что его ведомством обнаружен след, ведущий к заказчикам теракта. Один из авиатехников аэропорта обнаружен мертвым у себя дома. Однозначно, это убийство. Пикантности добавляло арабское происхождение техника. При обыске в его доме была найдена литература экстремистского исламского толка. Также были установлены контакты покойного с исламистским радикальным движением «Аль Кайеда». Сразу же внешнеполитическим ведомством США были предприняты шаги по поиску лидера «Аль Кайеды» Усамы Бен Ладена.

По данным разведки, он в настоящее время находился на территории Судана. В последние годы в этой стране произошли несколько переворотов и революций, пока, наконец, у власти не утвердились радикалы. Такие люди, как Бен Ладен, вольготно чувствовали себя в Судане и могли считать себя в полной безопасности, пока в Хартуме правят их собратья. Но и Америка не могла позволить гулять на свободе главному обвиняемому в смерти госсекретаря, тем более очень быстро выяснилось, что обвиняемый далеко не святой человек и совершенных им преступлений хватит на десять пожизненных заключений.

Ровно через два дня после авиакатастрофы в безымянном офисе в Вашингтоне началось очередное совещание. Все прибыли вовремя, это были те же самые люди, что участвовали в первоначальном обсуждении плана «Дифенс».

– Я рад вас проинформировать: операция идет по плану. Ни одного значительного сбоя, – поднял глаза на коллег Майкл, – инфицирование проведено строго по графику. В этом несомненная заслуга Александера. Человек умеет работать, сразу видно.

В ответ прозвучали сдержанные аплодисменты. Сам Александер держался с достоинством, только кивком головы выразив благодарность за

похвалу. Одарив коллегу одобрительной улыбкой, Майкл продолжил:

– Также не могу не отметить блистательное исполнение операции по устранению Кондолизы. – На этот раз комплимент касался Джорджа, взявшего на себя эту работу.

– Прекрасная акция, – высказал свою точку зрения Саймон, – нам практически не пришлось ничего подправлять. Расследование сразу пошло по нужному нам пути.

– Господа, может, я чегото не понимаю, но не слишком ли мы рискуем, разыгрывая исламскую карту? – поинтересовался Александер, в его голосе звучали отчетливые стальные нотки. Он не просто выражал недоумение, но и готов был оспорить принятое решение.

Все присутствующие хорошо это поняли. Дональд хотел было ответить, но его перебил Джордж:

– Я понимаю тебя. Идея действительно рискованная, на грани фола, но при этом мы одним махом решаем несколько проблем. Создаем необходимый образ внешнего врага и делаем осмысленной нашу будущую экспансию, даем информационный повод, «Казус бели». Мы уже с первой секунды после акции формируем выгодную версию происшедшего. Обозначаем свои интересы на Африканском континенте и заранее парируем мусульманскую угрозу, а это вскоре будет очень серьезной проблемой.

– Именно последнее и вызывает у меня опасения, этим шагом мы фактически вступаем в конфликт с исламским Востоком. Мне кажется, мы не сможем быстро решить данную проблему, а затяжной конфликт приведет к нерациональному использованию ресурсов. Лучше всего играть на имеющихся противоречиях исламистов с Европой и Советским Союзом. Так мы возьмем на себя роль арбитра и получим основную прибыль, вступив в конфликт на завершающем этапе.

– Александер правильно мыслит, но не понимает, что исламская угроза гораздо серьезнее, чем кажется, – вступил в разговор Ален. – Джордж прав: ход очень рискованный, но единственно верный. Все равно нам придется ориентироваться на русских. От этого никуда не деться. Но будет лучше, если мы, формируя союз промышленных, северных стран, сразу организуем необходимый нам конфликт с потенциально опасным противником. Все равно основная тяжесть войны ляжет на русских, израильтян и европейцев. И исламисты в любом случае будут пытаться усилить свое влияние в развитых странах и подчинить себе Европу. Конфликт цивилизаций неизбежен.

– Наверное, вы правы, – Александер провел ладонью по подбородку и, склонив голову набок, пристально посмотрел на Алена, – но, может, стоило

немного подождать? Сначала получить бонусы от «Дифенса»? – Вопрос остался без ответа. Только Дональд вежливой улыбкой показал, что еще не готов к этому разговору.

– Закончим на этом. Я рад, что Джордж принял верное решение, – подвел итог Майкл. – Давайте дальше. Александер, когда начнется эпидемия?

– Ориентировочно в ближайшие дни. Мои люди в Японии уже наблюдают поступление в больницы пациентов с симптомами, похожими на «Дифенс». Скоро появятся первые летальные исходы, а затем, через пару недель, косоглазые будут умирать, как тараканы от дихлофоса.

Циничная шутка вызвала сдержанные смешки. Сидевшие за столом люди были слишком серьезными, чтобы проявлять эмоции, «решая демографическую проблему», или с садистским удовольствием смаковать агонию жертв. Нет, бизнес есть бизнес, и излишние эмоции только вредят делу.

– Теперь, что у нас с индустриальной программой?

После этих слов Джорджа на лице Алена появилась снисходительная улыбка, сложив кончики пальцев перед собой, он начал доклад:

– Программа развивается успешно. Всего за четыре месяца мы смогли значительно улучшить инвестиционный климат и направить значительные финансовые потоки на реконструкцию имеющихся и создание новых производственных мощностей. Весьма удачной оказалась правительственная программа по снижению безработицы, под ее прикрытием удалось практически восстановить с нуля легкую промышленность и заинтересовать инвесторов во вложениях в металлообработку. Сейчас я с высокой долей вероятности могу сказать, что мы переживем ликвидацию производства в ЮгоВосточной Азии и сможем утроить ВВП в ближайшие два года.

– А потом?

– Потом темпы немного снизятся, но останутся достаточно высокими. У нас есть все шансы обогнать русских.

– Но, по всем прогнозам, «Дифенс» сыграет положительную роль и для Советов. Мы уверены, что они улучшат транспортную связанность своих дальневосточных владений за счет Маньчжурии, возьмут под контроль Северный Вьетнам с его нефтяными месторождениями и зафиксируют свое присутствие на побережье Китая, – добавил Дональд.

– Прогноз реалистичен, но при этом русские, улучшив территориальную конфигурацию и взяв под свой контроль несколько второстепенных месторождений, потеряют огромные рынки сбыта. Не

забывайте, Россия – индустриальная страна, тогда как мы постиндустриальная. Сейчас у нас разные задачи и разные возможности.

– Я могу добавить, Советский Союз сохранит свое присутствие в Анголе. Это очень богатый сырьевой регион, – заметил Александер.

– Это все второстепенные направления. Они не влияют на долгосрочные перспективы. Главное, мы оптимизируем демографию Северной Америки, уничтожим конкурентов с избыточно дешевой рабочей силой и очистим важные сырьевые районы. В мире после «Дифенса» хватит места и нам, и русским, и даже арабам.

– У меня еще один вопрос, – заявил Майкл, отодвигая в сторону стакан с тоником. – Нам нужен новый Президент. Техасец по большей части фигура компромиссная, он не сможет вести адекватную политику в новых реалиях.

– До выборов еще достаточно времени. Давайте решать проблемы по мере их поступления, – беспечным тоном парировал попытку перевести разговор в другое русло Дональд.

– Оптимальным вариантом была бы Конди. Действительно сильная фигура, настоящий Президент переходного периода. Но, к сожалению, расовый индекс не позволил ей выдвинуть свою кандидатуру, – сострил Саймон.

– Она проиграла, и не будем о ней вспоминать, – пренебрежительным тоном заявил Джордж, остальные молча согласились.

Дальнейший разговор длился недолго. Быстро обсудив сложившуюся ситуацию и открывающиеся перспективы, участники совещания переключились на планы дальнейшей работы. Заняло это от силы десять минут, все уже было спланировано и рассчитано заранее, оставалось только скорректировать свои дальнейшие действия с учетом изменений ситуации. Прямо скажем, изменений незначительных. После совещания все быстро разъехались, у всех был плотный рабочий график, а до конца дня можно было успеть многое.

Выходя из офиса, Джордж чуть отстал и как бы невзначай придержал Майкла.

– Мне кажется, надо помочь Александеру с дальнейшим карьерным продвижением.

– Я уже думал над этим вопросом. Сейчас освободилась вакансия госсекретаря, скорее всего, я возьму этот пост на себя. А на мое место лучше всего подходит именно Александер.

– Ты ничего не говорил об этих планах, – констатировал Джордж. – Могут быть и другие кандидатуры.

– Не обижайся, старик, просто не было повода и времени поднять этот вопрос. Но, я думаю, ты не против?

– Согласен, – коротко отозвался собеседник. Он уже успел прикинуть возможные варианты. Действительно, лучше Майкла с этой работой никто не справится, на должность госсекретаря сейчас надо продвигать человека, посвященного в план «Дифенс». А директором ЦРУ лучше всего выдвинуть Александера. Простая комбинация, позволяющая усилить позиции группы организаторов и компенсировать потерю Кондолизы. А заодно ослабить Фирму конкурента назначением недостаточно опытного директора.

Так же, при последующих изменениях структуры власти, многое выиграет сам Джордж. Значит, однозначно, надо сегодня всеми силами поддержать назначение Майкла. Простой и логичный расчет. В котором была только одна ошибка. Майкл и не собирался ставить на свое место Александера, он просто зондировал ситуацию, забросил пробный шар. Обычная игра высокопоставленных хозяев жизни, тестирование врагов и друзей на предмет возможности ведения совместной игры. И Джордж этот тест не прошел. Он даже не понял, что всего дватри слова начисто вычеркнули его из списка близких друзей и союзников Майкла.

Глава 9

ПРИНЦИП НЕОЖИДАННОСТИ

Хорошее утро начинается с политинформации. Павел Николаевич вдумчиво вчитывался в скупые строчки краткого коммюнике, предоставляемого ему каждое утро. За окном сыпал снежок, чтобы, коснувшись земли, превратиться в грязь. Первая половина ноября, на улице тепло, синоптики обещают, что снег ляжет только к концу месяца. Точно, климат меняется, и глобальное потепление на самом деле наступает.

Правы ученые, прогнозы сбываются прямо на глазах. Шумилов хитровато улыбнулся, а для Союза это хорошо. Теплее будет в средней полосе, урожаи повысятся, а расходы на зимний период снизятся. А то, что прогнозируют засухи в Средней Азии и от Арала осталось одно название, так скоро эта проблема никого в СССР волновать не будет. Лучше дать задание рассчитать изменение уровня океана в ближайшие сто лет, а то прогнозы самые противоположные. Каждый институт посвоему считает. Кто всемирный потоп обещает, кто, наоборот, заявляет, что полярные льды можно растопить только атомными бомбами. Темное дело, в общем. Павел Николаевич отметил в ежедневнике – не забыть дать задание Институту климатологии. Теперь можно вернуться к последним событиям.

В стране практически ничего нового. Разве что во время ноябрьских праздников произошел всплеск преступлений на бытовой почве. Но это обычное дело: законный повод для злоупотреблений спиртным и лишние выходные всегда приводят к превышению средней нормы «пьяных» убийств и домашних разборок. Неизбежное зло. Хоть все праздники отменяй!

На Ближнем Востоке два взрыва, многочисленные жертвы. Польша после долгих мытарств вступила в НАТО. Читая скупые строчки информационного коммюнике, Павел Николаевич улыбнулся, за этот шаг поляки и европейцы уже заплатили Союзу по всем предъявленным счетам, теперь пусть вступают. Все равно, ситуация в Европе кардинально меняется, Америка постепенно выводит свой контингент, а в Варшаве этого и не заметили, иначе не спешили бы тратить огромные по их меркам деньги на приведение своей армии к стандартам НАТО.

В США устойчивый экономический рост. Биржевые котировки повышаются, отмечается рост прямых инвестиций. Наблюдается ажиотаж на рынке долговременного кредитования.

– Молодцы, – вслух прокомментировал премьер, – оказались крепче,

чем я думал.

За последний квартал в Штатах долгосрочные капиталовложения выросли более чем в два раза. Цены на недвижимость растут. Даже заметно некоторое снижение безработицы и, что совсем удивительно, – рост уровня жизни. Интересно, но никаких предпосылок к этому росту эксперты в свое время не обнаружили. Надо будет дать еще один запрос, пусть досконально изучат ситуацию. Если дело стоящее, вложить пару миллиардов, благо свободные средства в бюджете есть, несмотря на незапланированные расходы по проекту «Демиург».

Шумилов черкнул пару строк в ежедневнике и перевернул страницу. В Азии выявлено новое заболевание. Доселе неизвестный вирус почти одновременно появился в Японии, Китае, Индонезии и Малайзии. Уже есть первые жертвы. Врачи, как обычно, оказались беспомощными. Ничего в этом особенного – там каждый год ежели не понос, так золотуха. При такой плотности населения немудрено. В Китае даже от обычной дизентерии ежегодно тысячи человек отдают богу душу. Что ни заявляла бы об этом компартия Китая.

От дальнейшего чтения Шумилова оторвал телефонный звонок.

– Доброе утро! – Павел Николаевич поднял трубку аппарата прямой линии Верховного Совета.

– Здорово, Пал Николаич! – в динамике прогудел доброжелательный бас Верховного. – Сегодня в два часа у меня совещание по Северной Америке. Комитетчики будут докладывать.

– А я тут при чем?

– И ты тоже нужен. Не ворчи, разговор будет интересным. У Трубачева концы с концами не сходятся – будем разбираться.

– Ладно. У меня после обеда ничего серьезного. Буду вовремя.

– Хорошо. Жду.

Положив трубку, Шумилов тяжело вздохнул: и что за привычка у Арсения срывать людей на незапланированные совещания? Нельзя было за пару дней предупредить? Хорошо, что сегодня до пяти никаких серьезных встреч или поездок не запланировано, а если бы были? Нет, Верховный неисправим – любит свои кавалерийские наскоки.

Павел Николаевич поднял голову и взглянул на висящий на противоположной стене циферблат: уже без пяти девять, скоро будут первые посетители. Он быстро пролистал коммюнике – больше ничего серьезного, все идет по плану. И это хорошо! Отложив бумаги в сторону, премьер нажал кнопку селектора:

– Виктор Петрович, ктонибудь есть?

– Товарищ Назаретханов дожидается. Просить?

– Проси, – Шумилов потянулся к папке с надписью «Казахстан».

– Здравствуйте, уважаемый Павел Николаевич, – дверь бесшумно открылась, впуская Председателя Республиканского Совета Союзной Республики Казахстан Нурсулата Назаретханова.

– Добрый день, Нурсулат Талгетдинович, с чем в Москву пожаловал? – Шумилов прекрасно понимал, что Старый Лис, продержавшийся на своем посту еще со времен Горби, явно приехал чтото просить. Чутье на любые изменения у Назаретханова было феноменальным.

– Спасибо, хорошо. В республике все в порядке, – расплылся в широкой улыбке гость, ответив на рукопожатие Шумилова и устроившись в кресле напротив хозяина кабинета. – За три квартала экономический рост в двенадцать процентов насчитали.

– Молодцы! Но я понимаю, ты не только отчитываться за этот период приехал? – Павел Николаевич бесцеремонно прервал готового запеть соловьем и растечься словесами визитера. В глазах Назаретханова мелькнула хитринка, понимание того, что с Председателем Совета Министров играть бесполезно.

– Зачем обижаете, Павел Николаевич? Может, я специально из АлмаАты приехал, спешил, чартерный рейс заказал, чтобы раньше всех отчитаться? Рассказать, как живем, как план выполняем, что мясом и зерном весь Союз заваливаем, заводы модернизируем, новую продукцию осваиваем.

– Ну, спасибо, Нурсулат Талгетдинович, уважил. Все у тебя в порядке, республика процветает, – усмехнулся Шумилов. – Только почему не хочешь в Целинограде термоядерную станцию строить? С финансированием саботаж устроил, волокиту разводишь? – Шумилов верно угадал причину визита. Он сам уже собирался вызвать Назаретханова и потребовать объяснений. Крупному промышленному центру давно требовался дополнительный источник энергии, имеющаяся ТЭС не покрывала потребностей области. Любой другой руководитель республики, узнав, что у него ТЯЭС строить будут, плясал бы от радости, строительству зеленый свет бы открыл и обеспечил первоочередное удовлетворение всех заявок энергетиков, а Назаретханов, наоборот, явно противится. Непонятно.

– Так страшно же. Я, с одной стороны, понимаю, станция нам нужна и всей стране нужна, но и рвануть может. Боюсь я, и Республиканский Совет боится – вдруг как в Чернобыле будет? А там только в городе почти миллион народу живет, заводы кругом, транспортный узел. Люди волнуются.

– Люди, говоришь, волнуются, – процедил сквозь зубы Шумилов, – а то, что газ и уголь сжигаете, не волнуются? Это как, потвоему? Прикажете ради вашей прихоти людей без работы оставить? Развитие Северного Казахстана затормозить?

– Я понимаю, Павел Николаевич, – ширококостный, габаритный казах сжался и ссутулился под пронзительным взглядом Шумилова, – я все понимаю, но район сейсмоопасный. Вдруг что случится? Нам же потом расхлебывать. Может, лучше станцию в Актюбинскую область перенесем? Подальше в пустыню? – Назаретханов умоляющим, просящим взглядом снизу вверх пожирал премьера.

– Район нормальный. Я все проекты атомных и термоядерных станций сам просматриваю. Там материковая плита, никакой опасности, – Шумилов перешел на деловой тон разговора. – Даже если что и случится, заражения не будет. Это не атомная, совершенно другой принцип. Радионуклидов там не образуется. Так что давай народ успокой. Лично объясни, что почем. За панику головой отвечаешь. И свою половину финансирования точно по графику выделишь. Сам же говорил: экономический рост. А деньги на станцию зажиливаешь. Нехорошо.

– Понял. Все по графику будет. И людям объясню. Сам по телевизору выступлю, – твердо пообещал Назаретханов.

– И не забудь: незаменимых у нас нет. Кадровые вопросы быстро решаются. – Если честно, Шумилов не понимал казахстанского Председателя. Другие главы республик тянут одеяло на себя, всеми правдами и неправдами пробивают строительство любых объектов союзного значения, особенно промышленных. Павел Николаевич прекрасно помнил, какие баталии гремели в Совете Министров между Янкевичем и Савельевым по поводу размещения нового химического комбината полного цикла. В результате этой битвы титанов победила Россия, и завод разместили в Ставрополе. А украинскому главе Янкевичу пришлось довольствоваться только модернизацией Криворожского металлургического комбината.

Назаретханов не такой, особого энтузиазма по поводу новых заводов не проявляет, больше тяготеет к сельскому хозяйству. Но зато в этом деле преуспевает – больше половины мясомолочной продукции и четверть зерновых производится в Казахстане.

Закрыв вопрос с Целиноградской ТЯЭС, Шумилов, пользуясь случаем, обсудил проблемы дорожного строительства. А затем успокоил Назаретханова, как бы между делом коснувшегося вопроса оборудования новой границы на южных рубежах республики. Павел Николаевич просто

выдал версию, что военные с помощью КГБ строят кордоны на основных маршрутах наркотрафика. Выглядело это правдоподобно, Назаретханов поверил и даже предложил помощь республиканских структур.

Возникшая во время перестройки проблема наркомании до сих пор стояла остро. Милиция и комитетчики работали не покладая рук, но все одно вырвать этот крапивный куст с корнем пока не получалось. Шумилов, грешным делом, понимал, что наркоторговлю так просто не уничтожить, и дело не в слабой работе правоохранительных органов, а в самом обществе. Но тут одно из двух: либо жесткий авторитаризм времен минувших, либо нормальный уровень гражданских свобод, но при этом сохраняются преступность, коррупция, наркомания и прочие издержки демократии. Иначе не бывает.

Попрощавшись с гостем из солнечной АлмаАты, Шумилов принял дожидавшихся своей очереди представителей Кутаисского автомеханического завода. Вопрос касался перевода мощностей предприятия в Краснодар. Не успели заводчане покинуть кабинет Шумилова, как зазвонил телефон. На проводе был Председатель Республиканского Совета Закавказья Михаил Киреселидзе.

Пришлось объяснять, почему из Закавказья в буквальном смысле слова увозят половину промышленности и почему Совет Министров неожиданно похоронил проект расширения Ереванского электромеханического завода и отложил в дальний ящик реорганизацию нефтедобычи на Каспии. Объяснил, да так, что Киреселидзе только булькнул в трубку извинения. Когда надо, Павел Николаевич умел давить авторитетом. Предложенная общественности версия о создании особой экологической зоны, превращении целой республики в природный заповедник объясняла собой многое, но только не передачу в состав РСФСР Сухумского района. Киреселидзе сделал вид, будто поверил всему, но Шумилов был готов поспорить на что угодно, что не сегодня завтра следует ожидать целой делегации из Закавказской Республики.

– Ну и черт с ними! – вслух высказал наболевшее Павел Николаевич. – Пусть приезжают.

Распоряжение Верховного Совета СССР уже было готово и доведено до сведения исполнительных органов. Не сказать, чтобы оно обрадовало Тбилиси, но Москва на такие мелочи внимания не обращала. Отделение Средней Азии и Закавказья было делом решенным. Как бы ни было тяжело это осознавать, Советский Союз не тянул проблемные и дотационные окраины. Лучше пусть сами решают свои проблемы, а не переваливают их на плечи соседей.

Так незаметно, за встречами, телефонными разговорами и чтением документов, подошло время обеда. Павел Николаевич почти всегда обедал в столовой Совета Министров. Хорошая кухня, вежливый, расторопный персонал, небольшой уютный зал для высшего руководства – что еще надо человеку? Шумилов считал, что больше ничего.

Умяв двойную порцию тушеной горбуши и запив ее соком, Павел Николаевич, сытно отдуваясь, погладил ладонью по животу – вкусно здесь кормят, очень вкусно. Затем внимание премьера привлек поглощавший салат за соседним столиком его зам Владимир Городничий. Они уже обменялись приветствиями, а теперь, когда голод утолен, можно и поговорить.

– Владимир Антонович, какие новости из Вильно?

Городничий только что вернулся из бывшей столицы бывшей Литвы и еще не успел доложить результаты поездки.

– Вечно вы о работе, – недовольно пробасил заместитель, – даже поесть толком не даете.

– Ну, извини, что отрываю. Меня после обеда в Кремль вызывают. До вечера не освобожусь.

– Если коротко, в области ситуация неплохая, разве что губернатор клановость разводит и ворует почерному.

– А почему сразу не сказал? Менять надо. – Шумилов непроизвольно напрягся. Он очень не любил, когда люди, назначенные на пост лично им, начинали путать казну со своим карманом. – Подготовь доклад и материалы для Строгова и запускай в дело.

– Материалов почти нет, только разработки ребят из местного отделения Ордена и жалобы предпринимателей, – не отрываясь от тарелки, отозвался Городничий, – и еще моментик один занимательный есть.

– Интересно, – Шумилов пересел за столик зама. Тот с сожалением отодвинул тарелку в сторону и взял в руки салфетку.

– В области только половина населения литовцы, а в руководстве и областном совете практически ни русских, ни поляков, тогда как технические специалисты одни славяне. А начальниками у них одни литовцы.

– Хорошо, – Шумилов непроизвольно сжал кулаки. – Срочно готовь все материалы. Завтра вместе пойдем к Трубачеву, КГБ запрягать.

– Завтра лишь к обеду управлюсь. У меня только черновики.

– Давай завтра к обеду. – Павел Николаевич на минуту задумался, вспоминая свою последнюю встречу с Председателем Прибалтийского Республиканского Совета Виталием Кошкиным. – Подними картотеку,

посмотри, кого можно на область поставить, и проконсультируйся с республикой.

– Подожди, – Городничий незаметно перешел на «ты», – дай хоть пообедать. Я сегодня без завтрака. – Чуть покраснев, Владимир Антонович потянул к себе тарелку борща.

– А разве в Вильно не кормили? – поднял брови Шумилов.

– Какой там. С самого утра планерка в горсовете, потом бегом в аэропорт. Утром только кофе выпил да бутербродами перекусил.

– Ну, извини, что отвлек. – Павел Николаевич кивнул в знак окончания разговора и поднялся изза стола.

Городничий в этот момент интенсивно работал ложкой, пока борщ не остыл. Владимир Антонович славился своим аппетитом, никто в Совете Министров не мог с ним в этом сравниться, но и работал он за троих. Глядя на своего зама, Шумилов вспомнил, как в старые времена в деревне батраков нанимали. Первым делом сажали человека за стол, ежели он показывал себя отменным едоком, брали на работу. Считалось: хороший работник много ест. Городничий полностью оправдывал этот принцип, Шумилов ни разу не пожалел, что пригласил его в Совмин.

Натруженное мерное гудение могучих реактивных двигателей, яркосинее небо вокруг, панель приборов перед глазами, рукоятка управления в руке, привычная, родная, въевшаяся в плоть и кровь обстановка кабины боевого самолета. Высота девять тысяч, скорость 900 километров в час, курс – северовостоквосток, на радаре четкие отметки трех ведомых, все спокойно, все в норме, а впереди, за горизонтом, цель, а под крыльями боевые ракеты. Капитан Сергей Горелов любил небо, любил летать, любил свой новенький сверхсовременный «Су37», а еще любил свою молодую жену. Что еще нужно мужчине для счастья?

– Птенчики, доложите обстановку, – послышался в наушниках голос Центра управления.

– Полет нормальный, нарушителя пока не обнаружил, – немедленно отозвался Сергей.

– Удерживайте прежний курс, вы его догоняете, – прозвучало в ответ указание. Ничего не значащая, но обязательная фраза.

Нарушитель, вот он. На тактическом экране горит здоровенная отметка. Нечто большое и тяжелое уже двадцать минут болтается в воздушном пространстве СССР. На запросы не отвечает, в эфир не выходит, спокойно прет себе на север, будто у себя дома.

Интересно, кто это: китаец или кореец? Сергей некстати вспомнил старую историю с корейским «Боингом». Как бы не пришлось стрелять в

идиота, решившего поиграть в Джеймса Бонда. Хотя холодная война давно кончилась и американцам сейчас не до провокаций, свои бы проблемы решить, все равно – в жизни бывает всякое.

Отметка нарушителя неуклонно ползла в глубь советской территории. Идет по прямой, четко на север. Расстояние медленно сокращалось, по данным внешних целеуказателей, до неизвестного 370 километров. Далековато, радар «Су37» берет всего на 200 верст. Ничего, скоро мы его догоним и посмотрим, что это за чудо в перьях к нам залетело.

На земле в штабах, на боевых постах и постах наблюдения царила нормальная рабочая обстановка, возникающая после объявления тревоги. Приведенная в полную боевую готовность ПВО Дальневосточного округа была готова отразить любое возможное нападение противника. Кто нападет, и нападет ли, пока было неясно, но на крайний случай ракетные дивизионы ПВО разворачивались на резервных огневых позициях, радарные и оптические посты ощупывали небо в поисках любых признаков угрозы, на аэродромах выкатывались на взлетные полосы перехватчики. Бомбардировочная и штурмовая авиация готовилась к нанесению встречного удара. Одним словом, огромный организм военного округа готовился к драке.

Нарушитель тем временем уже на 300 километров углубился в воздушное пространство Советского Союза. Сейчас он, проскочив над Амуром, шел над тайгой, вдалеке от городов и крупных поселков, но специально или по стечению обстоятельств его курс пролегал рядом с районом базирования ракетного полка стратегического назначения. Если ничего не изменится в ближайшие десять минут, если нарушитель приблизится к пусковым установкам… да, по всем инструкциям положено сбивать и уже потом разбираться, кто это был и что он здесь делал.

Наконец радар «Сухого» нащупал приблуду, отметка на экране приобрела четкость.

– Сопка, он на радаре, – бросил в микрофон Сергей и, переключив каналы, скомандовал: – Форсаж! Зажимаем в коробочку. Я и Саша справа, Андрей и Дима слева.

Добавив тягу моторов, истребитель, как гончая, почуявшая добычу, рвется вперед. Скорость быстро нарастает: 180020002300 километров в час. Теперь чужак никуда не денется. Короткий взгляд на приборы: керосинки хватает, но не забыть бы, что нам еще на аэродром возвращаться.

Отметка цели медленно ползет к центру экрана. Нарушитель держит 900 километров в час и идет ниже перехватчиков, на высоте шесть километров. Судя по яркости отметки, эффективной отражающей площади,

точно – «Боинг». Хотя нет, радиолокационный портрет не похож.

– Это «Ту16», – догадывается командир второй пары старший лейтенант Андрей Кораблев.

– Китаец? – изумился Сергей. Хотя кто еще мог появиться изза Амура? Странно это, китайцы давно провокаций не устраивали, поняли, что с нами лучше похорошему разговаривать. – Докладываю, радиолокационный портрет цели соответствует бомбардировщику «Ту16». – Действительно, как это он сразу не узнал ветерана тяжелой бомбардировочной авиации?! Должен же помнить, что у китайцев они еще сохранились и даже летают.

Стремительно бежали минуты, превращаясь в километры и сгорая в реактивных струях двигателей. На самом горизонте над зеленым морем тайги появилась маленькая точка. Точка росла, пока не превратилась в силуэт бомбардировщика. Настало время действовать. «Су37» разошлись в стороны, зажимая нарушителя в клещи.

– Неопознанный самолет, вы находитесь в воздушном пространстве Советского Союза. Прошу подтвердить свою государственную принадлежность и следовать за нами, – стандартная фраза. Хотя уже можно было различить опознавательные знаки китайских ВВС на плоскостях бомбардировщика, он останется «неопознанным», пока его летчик не соизволит выйти в эфир и подтвердить свое гражданство. В голосе Сергея сквозила неприкрытая гордость. Это наша земля, это наше небо, это наше право задавать вопросы и требовать уважения.

Не слышит. Не реагирует. Сергей плавно поравнялся с нарушителем, так чтобы можно было разглядеть его летчиков. Вот он. В кабине пилота заметили перехватчик, машут руками, пытаются чтото показать. Только понять сложно, чего они хотят.

– Ведем его на аэродром, – это ребятам, а для земли: – «Ту16» с опознавательными знаками Китая. Нас видит. Реагирует. На связь не выходит. Принял решение вести его на Переяславку.

– Птенчики, молодцы! – громко кричит офицер на посту управления. – Ведите его на Озерную Падь.

– Вас понял. – Озерная Падь – это аэродром под КомсомольскомнаАмуре. Даже ближе получается.

Истребитель Сергея Горелова опередил нарушителя метров на двести и пересек курс китайца. Понял? Да, кажется, понял. Нарушитель послушно лег на новый курс, след в след за «Сухим». Остальные три самолета звена заняли место чуть позади и выше бомбера, демонстрируя ему свою способность в любой момент изрешетить дюралевую тушу очередями авиационных автоматов. Все, половина дела сделана. Теперь можно

расслабиться, навигационная система сама выведет самолет на аэродром. Главное, чтобы китаец не попытался потеряться.

Интересно, а кто он? Может, просто с курса сбился? Радио у него не работает, приборы, возможно, также полетели, заблудился в небе и залетел куда не следует. Эх, и достанется его штурману, когда домой вернутся. Такие ошибки просто так с рук не сходят. Считай, на государственном уровне мордой в салат легли.

Эскорт крейсерской скоростью шел в сторону КомсомольскаНАмуре. Вот внизу блеснула синяя лента Амура. Сквозь разрывы в облаках проглядывают какието поселки, мелькнула на секунду и убежала под крыло узенькая змейка дороги. Теперь пора снижаться. Ручку управления от себя. Стрелка альтиметра дрогнула и поползла влево. Взгляд назад. Где там арестант? Топает следом родимый, точно за хвостом держится.

Высота 1500 метров, Сергей отвернул правее, освобождая «тушке» вектор захода на посадку. Куда ты, недоношенный, рыпаешься?!

– Дима, вправь ему по мозгам!

Нет, нарушитель вовремя понял, что к чему, возвращается на прежний курс. Продолжает снижение.

Вот и аэродром. В самом начале посадочной полосы вертикально в небо бьет столб света мощного прожектора, вдоль бетонки светятся огни. Наземники ради такого случая устроили полную иллюминацию. Специально, чтобы не промахнулся.

Четверка истребителей поднялась выше бомбардировщика. Первым положено сажать нарушителя. Он и сам понял. Сбрасывает скорость, продолжает снижаться, уже закрылки выпустил.

– Птенчик1, проверьте, сможет ли он сесть, – это опять Сопка беспокоится.

– Докладываю. На связь не выходит. Держит курс на посадочную полосу. Снижается. Закрылки выпустил.

– Шасси у него работает?

– Пока не видно. – Сергей еле сдержался, чтобы не нахамить. Откуда я знаю, что у него работает, а что нет?! Но вместо того, чтобы возмутиться, летчик спокойно, как на учениях, свалил машину в штопор, так что «Су37» провалился ниже бомбера, и, увеличив тягу двигателей, поднырнул под нарушителя.

Солнце закрыли широкие крылья «Ту16», стало неуютно, неприятно, когда над тобой такая бандура висит. Всего секунда – и истребитель вырвался на чистое пространство, но глаза Сергея успели заметить, как обтекатели опор разошлись и выдвинулись широкие толстые колеса шасси.

– Есть. Шасси выдвинул. Все четыре точки.

Наземников можно понять. Они ориентируются только по тактическим экранам, данным радаров да еще по немногословным репликам летчиков. Легко ли принимать решения, если практически ничего не видишь?

– Хорошо, заходите на посадку только после того, как он освободит полосу.

– Вас понял, дожидаемся чистой полосы.

Экипаж бомбардировщика никак не отреагировал на сумасшедший маневр перехватчика. Видимо, у них все внимание было занято предстоящей посадкой. С одной стороны, полосы в Озерной Пади широкие и длинные. С них даже тяжелые «Ту160» могут работать. С другой стороны, летчик нарушителя в первый раз в жизни садится на этот аэродром и не знает местных особенностей.

«Ту16» уже шел прямо над макушками деревьев, крыло самолета перерубило упершийся в небо луч зенитного прожектора. Самолет качнулся вниз, чуть было не шлепнулся на землю, но в последний момент удержался. Вот уже он катится по полосе. С высоты прекрасно видно, как нарушитель останавливается, не доезжая двести метров до капониров. На бетонку аэродрома выскакивают два БТР, пожарная машина, «Скорая помощь», со всех сторон бегут кажущиеся маленькими муравьями люди.

– Парни, теперь наша очередь.

Сергей развернул машину, заходя на посадочный курс.

Дальнейшие действия шли на полном автоматизме. Отработанная тысячи раз посадка прошла без сучка и задоринки. Летчику такого класса стыдно ошибиться при приземлении на аэродром первого класса. Если здесь тяжелые бомберы приземляются, то истребитель можно с закрытыми глазами посадить.

Четыре «Су37» четко, как на учениях, один за другим прокатились по посадочной полосе, гася скорость, и остановились точно у стояночных знаков. Теперь заглушить моторы, отстегнуть ремни, выключить приборы, открыть фонарь. Техники уже подкатили лестницу. Молодцы, знают свое дело. Интересно, все же – а кого мы привели? Надо будет найти коллегистребителей в звании не ниже майора и подружески поинтересоваться. Должны сказать, новости распространяются быстро.

Глава 10

ТУМАН В ГОЛОВАХ

Ровно в два часа пополудни Павел Николаевич перешагнул порог кремлевского кабинета Арсения Бугрова. Следом за ним, держа обеими руками увесистую папку, шагнул министр обороны маршал Андреев Виктор Евгеньевич, всего три недели назад сменивший на этом посту маршала Семенова. Прежний министр ушел на пенсию по состоянию здоровья, человеком он был не старым, но постоянная нервотрепка и работа от зари до зари не шли на пользу. Пришло время уступить дорогу более молодым и энергичным товарищам.

Затем в кабинет вошли министр финансов Герасимов и Председатель КГБ Вячеслав Трубачев, куда уж без него. В просторном светлом кабинете, кроме Арсения Степановича, уже находились Председатель Совета Безопасности Борис Старо и восходящая звезда советского политического Олимпа директор Института Региональных Исследований Владимир Никитин. Несмотря на кажущийся незначительным чин, Никитин имел определенное влияние на внешнюю политику СССР как глава крупнейшего аналитикоисследовательского центра, являвшегося главным конкурентом знаменитой «РЭНДкорпорейшн» и прочих американских «мозговых трестов».

– Проходите, присаживайтесь, господатоварищи, – Бугров на полуслове прервал свой разговор с Никитиным и Старо и пододвинул к себе несколько чистых листов. Это означало, что он готов к работе. Несмотря на технический прогресс, он никак не мог отвыкнуть делать записи по ходу разговора, хотя стенограмма совещания велась автоматически компьютерной системой.

Не теряя времени, все расселись вокруг стола, у каждого из «господтоварищей» плотный рабочий график, и никто не хотел терять время на суету и никчемные разговоры. Маршал Андреев бухнул на стол папку и принялся ворошить бумаги, председатель КГБ раскрыл чемоданный компьютер, все были готовы.

– А где Антон Васильевич? – поинтересовался Верховный, обводя глазами присутствующих.

– Уже здесь, – с порога прозвучал бодрый голос министра иностранных дел Рычкова, а следом появился и сам Антон Васильевич.

– Начнем, господатоварищи. Прошу вас, Вячеслав Иванович.

– Моя служба пока не успела завершить работу по возникшему

вопросу, – Трубачев, не поднимая головы, пробежался по клавиатуре компьютера, – слишком поздно мы обратили внимание на целый ряд странностей, нестыковок и абсолютно нелогичных, с нашей точки зрения, событий.

– Не прибедняйтесь, Вячеслав Иванович, если вы говорите, значит, уже знаете, что сказать, – не удержался Шумилов. Его всегда забавляли интеллектуальная утонченность, культурность и корректность высших офицеров и генералов КГБ.

Уж больно это не вязалось с любовно выпестованным идеологами и диссидентами образом мускулистых громил с квадратной челюстью и одной извилиной под черепом, уволенных в молодости из гестапо за жестокость и привыкших решать любые проблемы подкупом либо большими калибрами. Хотя подругому и быть не могло: специфика работы требует от сотрудников ГБ интеллекта выше среднего, культуру и умение находить подход к людям. А имидж?! Да специально он создавался, чтоб недруги посмеивались, боялись и… недооценивали. Так оно лучше. Так легче работать.

– Я предупреждаю, выкладки сырые, ситуация до конца неясна и выводы делать рано. А если вкратце: с июля зафиксирован резкий рост капиталовложений в промышленный сектор экономики США. Одновременно отмечено резкое изменение финансовой политики Вашингтона, изменение, не запланированное в бюджете на этот год.

– В чем это выражается? – повернулся к докладчику Герасимов, по праву считавшийся одним из лучших финансистов в мире.

– Программа по сокращению безработицы, льготное кредитование производственных инвестиций, увеличение госзаказа, искусственно созданный ажиотаж на бирже, прямые государственные вложения.

– Это не повод для паники, – язвительным тоном прокомментировал Шумилов, – видимо, в администрации Буша нашлись умные люди, вспомнили старые добрые рецепты времен Рузвельта. Оптимальный вариант антикризисной политики, он всегда помогает.

– Позвольте продолжить, – тонкие губы Трубачева тронула легкая насмешливая улыбка. – На текущий момент объем бюджетных вливаний в экономику в три раза, по нашим подсчетам, превысил свободные бюджетные средства и золотовалютные резервы США.

– А вот с этого момента прошу подробнее, – четко, по слогам произнес Верховный, наклоняясь вперед.

Остальные участники совещания затаили дыхание, ловя каждое слово Трубачева. Тот, казалось бы, не заметив пристального внимания к своей

персоне, продолжил:

– Кроме того, львиная доля средств вкладывается в заведомо неконкурентоспособные отрасли: производство вычислительной техники и бытовой электроники, легкая промышленность, включая текстильную, возрождается сталелитейная промышленность и массовая механообработка.

– «Ржавый пояс» оживает?! – восхищенно воскликнул Рычков.

– Верно. Американцы в свое время отказались от этих направлений, перенесли производство в ЮгоВосточную Азию. Как мне известно, рабочая сила там до сих пор стоит копейки, так что… – Трубачев сделал эффектную паузу, – при сохранении имеющегося статусква глобальной экономики и всепланетного рынка судьба новой экономической политики США печальна. Все последние инвестиционные проекты не смогут окупиться.

– Следовательно, они планируют изменить правила игры. Это очевидно, – вставил Никитин.

– Амеры не дураки, они просчитывают риски на пять ходов вперед, – пробасил Верховный, черкая ручкой бумагу, – или они готовятся ввести высокие защитные пошлины, или вотвот организуют долгоиграющую масштабную войнушку в Азии.

– Все эти версии и еще целый десяток имеют полное право на существование. Мы пока не знаем их планов. По данным наших сотрудников, инвестиционная программа поддерживается очень влиятельными людьми в Штатах. Закрытые Сетевые Структуры включились в работу по привлечению внешних инвестиций, это серьезно, это говорит о готовящемся кардинальном изменении не только в США, но и в остальном мире.

– Давайте по пунктам, – Бугров подался вперед, соединив ладони перед собой. – Товарищ Андреев, каковы перспективы военной операции в Азии?

– Даже с учетом сокращения расходов на оборону в последние годы сил, имеющихся на данном ТВД, хватит, чтобы смести Индонезию, Малайзию, Сингапур, Тайвань, обе Кореи и вбомбить Китай в каменный век. А с учетом переброски войск из Америки – удерживать узловые точки и контролировать значительную часть региона.

Слушая Андреева, Павел Николаевич невольно вспомнил свой разговор с Бугровым после его возвращения из Израиля. Покойная Кондолиза открытым текстом не советовала делать долговременные вложения в Восточную Азию. А теперь еще доклад Трубачева. Да, дела

творятся нешуточные. Надо серьезно отнестись к проблеме и вовремя повернуть ситуацию в свою пользу.

– Даже Китай?

– В Китае вся промышленность находится на побережье. Оккупировать всю страну нет необходимости, все равно после падения центрального правительства начнется неконтролируемый распад на провинции. Американцы теоретически могут оккупировать весь регион, но реально это мероприятие приведет к большим проблемам у самих США. Встречный удар навсегда выведет Штаты из клуба развитых стран.

– Вы имеете в виду блокаду?

– Не только. И мы, и европейцы, и израильтяне после таких выходок с удовольствием откроют неограниченный кредит жертвам агрессии, обеспечат бесперебойную поставку добровольцев из стран третьего мира и оружия в любом количестве. Я прав, Павел Николаевич?

– Абсолютно! Поставим все, кроме ядерного оружия.

– Вы еще забыли про китайские «баллисты», – оживился Никитин, – они способны заасфальтировать Гавайи, базы на Филиппинах и изменить рельеф Аляски. Китайцы люди реалистичные и мстительные – в одиночку в могилу не лягут.

– По данным наших людей в Пентагоне, реальное положение дел в армии США значительно отличается от внешней показухи. Наступательный потенциал снизился более чем в три раза. Уровень подготовки личного состава сильно упал. Кроме того, сократился контингент на азиатских военных базах. Так что для создания ударной группировки им необходимо не менее пяти месяцев и напряжение всех сил. Мы в любом случае это заметим.

– Возможен ли финт с резким переходом к изоляционизму и сокращению внешнего товарооборота?

– Этот вариант наиболее вероятен. Тем более что именно к нему мы уже почти четыре года подталкиваем Вашингтон. США смогли сохранить значительную часть своего научного потенциала и позиции на рынке высоких технологий, этого им хватит для обеспечения необходимого импорта, с учетом закрытых границ и развития собственного производства. Ресурсы и технический потенциал пока у них есть, – продолжил доклад Трубачев.

– Вы говорили, они тратят больше средств, чем имеют? – цепкий взгляд Герасимова буквально впился в председателя КГБ.

– Верно, это и сбивает меня с толку. Даже самая рациональная и циничная политика не спасет их от кризиса, по сравнению с которым 29й и

99й годы – детский лепет. Спасти Штаты может только чудо, под которым мои аналитики понимают повышение конкурентоспособности американской продукции широкого потребления.

– Качество у них до сих пор высокое, – заметил Старо.

– А себестоимость еще выше, – парировал Шумилов, – примерно в полтора раза выше, чем у нас, и в двадцать раз выше, чем в Китае. И ситуация просто не может резко измениться. – Он прекрасно помнил свой последний визит в Пекин. Несмотря на все попытки встречающей стороны навести лоск, нищета там перла изо всех дыр. И это в столице! А что говорить об остальной стране? Люди там готовы работать за 300 рублей в месяц, без выходных, по 1214 часов в сутки. Именно поэтому в Китае можно производить все, что угодно, и стоить это будет баснословно дешево. Что может быть дешевле китайцев? Только песок. СССР, разумеется, давно закрыл свои границы от китайского демпинга, поэтому сохранил и производство, и высокий уровень жизни, но американцы, пропагандируя «свободный рынок», были вынуждены не только вынести капиталы в ЮгоВосточную Азию, но и открыть границы. Сейчас исправить положение будет сложно.

– Мы отвлеклись, – негромко, но так, чтобы все услышали, произнес Бугров. – Вячеслав Иванович, продолжайте.

– У меня практически все. Есть еще одна версия: мы наблюдаем начало колоссальной биржевой операции по выводу капиталов из США. Сначала вздуваются курсы акций, затем происходит сброс и выкачивание реальных ресурсов изпод обломков государства. Схема неоднократно отрабатывалась ведущими финансовыми группами в странах третьего мира и Центральной Европе. Пытались такое провести и с СССР.

– США потерпели поражение, и значит, их ждет судьба других неудачников, – озабоченно кивнул головой Шумилов, – а куда выводятся капиталы?

– Это вопрос. Именно следов активности по созданию новой базы мы и не видим. И кандидатур на новую Островную Империю пока нет. Также возможно установление в США жесткого тоталитарного режима наподобие гитлеровского. При таких условиях централизованное управление и контроль над капиталами могут лепить из экономики что угодно. Вместо кризиса они получат расцвет, хотя народу придется отказаться от остатков демократии и перейти на казарменное положение.

– Хорошо. В сухом остатке имеем либо изменение политического строя США, либо управляемую катастрофу в Азии, – подвел итог Верховный. – Товарищ Никитин, задача ясна?

– Сегодня же усиливаю работу по этому направлению. У меня в институте много американцев. Эмигранты, – пояснил Владимир Никитин. – Их мышление несколько отличается от нашего, менталитет и воспитание другие. Создам из них контрольную группу и поставлю задачу. А затем сравним результаты с основной командой.

– Интересный у вас подход.

– Рациональный, Павел Николаевич, он позволяет рассматривать проблему с разных точек зрения и находить скрытые закономерности.

– Вам, Виктор Евгеньевич, надо увеличить наш контингент в Камрани, усилить активность флота и уделить особое внимание разведке.

Маршал Андреев молча кивнул в ответ. Он только два дня назад подписал приказ на проведение масштабных учений Тихоокеанского флота с участием новейшего авианосца «Ульяновск». Что же касается разведки – сейчас у Тихоокеанского побережья США находится специализированный разведывательный корабль «Урал», способный сканировать линии передачи данных, вести радиоперехваты и записывать даже телефонные разговоры. Второй такой корабль – «Кавказ» – завтра выйдет на дежурство в Атлантику.

– Антон Васильевич, усильте дипломатическую разведку и прозондируйте вопрос размещения нашего контингента в ЮгоВосточной Азии.

– Только Вьетнам, и еще незначительный шанс влезть в Индонезию, – быстро ответил Рычков.

– Вот этим и займитесь. – Бугров быстро распределял фронт работы. Герасимов получил указание обеспечить защиту советских контрактов в случае форсмажора и подготовить вывод капиталов с минимизацией рисков, а также организовать захват наиболее лакомых кусков при дестабилизации обстановки. В общем – действовать по обстоятельствам, но с прибылью. Шумилов был поставлен перед необходимостью срочно лететь в Вашингтон и лично объяснить Бушу, что тот волен делать все, что угодно, если это не затрагивает интересов СССР. В противном случае Москва самостоятельно займется обеспечением защиты своих зон влияния, при этом «сохранение США как государства не будет являться обязательным условием».

– Если станет артачиться, пригрозите заблокировать Персидский залив, скупить оптом боливийскую нефть и разделить США на зоны оккупации, – тяжеловесно пошутил Верховный.

Интересная задача, если учесть, что СССР поддерживал левых и ультралибералов в США, а также финансировал движения пацифистов,

зеленых, феминисток, антиглобалистов и прочих представителей пятой колонны. Так что Шумилову предстояло и на елку влезть, и задницу не исколоть. То есть не дать поводов для упрочнения позиций американских ястребов и не ослабить своих протеже.

На Старо возложили задачу по координации деятельности министерств и ведомств. Привычная для него работа, именно согласованием, координацией и управлением Совет Безопасности в основном и занимался.

Пока Арсений Степанович раздавал задания, Шумилов вертел в пальцах ручку, пытаясь сосредоточиться. Он чувствовал, что сейчас совершается ошибка, пропущено чтото важное, но не мог сформулировать мысль. Вроде в начале совещания он четко видел связь между событиями, а сейчас выскочило из головы, и все тут! Наконец, когда Верховный уже собирался закрыть совещание, Павел Николаевич поднял голову.

– Вячеслав Иванович, какое отношение к создавшейся ситуации имеет убийство Кондолизы Хаймс?

– Черт! – непроизвольно сорвалось с губ Бугрова. По его лицу было видно, что он сейчас в мельчайших подробностях вспомнил свою последнюю встречу с госпожой Хаймс. Трубачев нервно дернулся и, хлопнув себя по затылку, глупо улыбнулся.

– Спасибо, Павел Николаевич, я обязательно займусь этим. Вы совершенно правильно напомнили про покойную.

– Позвольте, – вмешался Рычков, – Хаймс не могла не иметь отношения к новой индустриализации. Такие вещи невозможны без согласия госсекретаря. Программа началась при ее жизни, при ее одобрении, но она не единственный участник. Должны быть другие организаторы. Или вы думаете, что ее убийство нацелено на срыв индустриализации?

– Необязательно срыв, возможно изменение целей и графиков, – поднял палец Трубачев. – Акция проведена профессионально, грамотно, безукоризненно, такое возможно только при участии спецслужб. С их прекрасно подготовленными и обладающими огромными ресурсами и возможностями специалистами, А может быть, ктонибудь верит официальной версии расследования? – Вопрос гэбиста вызвал только сдержанные смешки и саркастические улыбки на лицах. – Кто, кроме американца, может поверить, что «Боинг» взорвали исламские террористы из движения, созданного ЦРУ?

– Мало ли кто их создал. Бен Ладен сейчас сильно обижен на американцев.

– А еще больше он обижен на нас и Афганистан и недавно расплевался с саудитами. Версия шита белыми нитками. Мы проводим независимое расследование, результатов пока нет, но и исламский след слишком явно выпирает на поверхность. Это неправильно.

– С саудитами он в нормальных отношениях. Именно Саудовская Аравия и поддерживает «Аль Кайеду» и прочих фундаменталистов! – выпалил Рычков.

– Незадолго до своей смерти Хаймс искала контакты с нами, – грустно промолвил Верховный.

– Может быть, в этом и причина? Может быть, на самом деле там формируется тоталитарный режим?

– Может быть, Антон Васильевич. Вот вам еще одно задание: выяснить, как ее убийство повлияло на баланс между политическими группировками в Вашингтоне? И сильно ли пошатнулись позиции сторонников сближения с Союзом?

– Сейчас там «ястребы» не в чести. Прямая конфронтация несет Америке больше вреда, чем пользы. – Немного подумав, Рычков добавил: – Они все больше и больше доверяют нашим гарантиям сохранения мира в Северном полушарии.

Трубачев скептически усмехнулся в ответ на это заявление и закрыл свой компьютер. Видно было, что он уже сделал для себя определенные выводы и сейчас только ждет, когда можно будет покинуть кабинет и ехать к себе на Лубянку работать. Бугров бросил на него недовольный взгляд, хотел было чтото добавить, но махнул рукой.

– У каждого свое мнение, но все равно, прошу всех учесть в своих расчетах фактор Хаймс. Спасибо, все свободны, – подвел черту Верховный, завершая совещание.

На этом неожиданности сегодняшнего дня не закончились. Сразу после совещания в приемной Верховного Шумилова проинформировали о ЧП, имевшем место на Дальнем Востоке. Китайский бомбардировщик нарушил восточную границу СССР. Нарушителя перехватили наши истребители и отвели на аэродром под КомсомольскомнаАмуре. Сразу после приземления все четверо китайских летчиков попросили политического убежища. Малоприятный момент, если учесть сильную заинтересованность Советского Союза в китайском рынке сбыта. Но и возвращать летчиков нельзя – это равносильно публичному признанию своей несостоятельности и слабости.

Быстро прикинув в голове плюсы и минусы, Павел Николаевич попросил Рычкова подготовить необходимые документы по

предоставлению беглецам политического убежища и аргументированный ответ Китаю, ежели затребуют летчиков обратно. Самолет однозначно придется вернуть, а людей нет. Только если они не уголовники и действительно бежали по мотивам, похожим на политические.

– Советский Союз не обязан ни перед кем отчитываться, – наставительным тоном произнес Шумилов и, резко повернувшись, дал понять, что разговор окончен.

Разумеется, он несколько переступал за рамки своих полномочий, но это не страшно – Бугров все равно ответит так же, если не жестче. Вспомнилось, что Верховный заявил зимой девяносто второго года в ответ на требование посла ФРГ выдать Эриха Хонеккера. Немецкий переводчик тогда так и не смог до конца передать смысл короткой, но емкой фразы, брошенной Арсением Степановичем. Правда, Хонеккер до сих пор опасается выезжать в «страны сомнительной законности», под которыми он понимает всю Европу и Северную Америку, но зато каждое лето ездит отдыхать на Кубу.

Глава 11

ВОСТОК – ДЕЛО ТОПКОЕ

За окном открывался хороший вид на танковый парк. Огороженный колючей проволокой периметр, прожекторные вышки, ровные ряды боевых машин, часовые с автоматами, обходящие охраняемую территорию. Привычный милитаризованный пейзаж. Дальше, за танковым парком, чуть левее, виднелась реденькая рощица, а кругом степь, одна голая степь. И только у самого горизонта еле заметная цепочка деревьев отмечала русло узенькой речушки. Здесь, в районе базы Луньсянь, даже не было ни единого клочка возделанной земли, без чего современный Китай просто немыслим. Зона отчуждения вокруг полигона, ни одного постороннего человека.

Стас с раздражением загасил окурок прямо о подоконник и щелчком выкинул его в открытую форточку. На улице было прохладно, сквозило, но зато через форточку доносился аромат перепревших после дождя трав, перебиваемый запахами машинного масла и солярки. Несмотря на осенний пейзаж, настроение у Станислава было отнюдь не болдинским: каждый день одно и то же! Уже неделю сидим здесь взаперти, как Солнцевич в ГУЛАГе!

– Как дела, шеф? Есть что нового на горизонте? – прозвучал за спиной бодрый голос Алексея.

– Сам посмотри, – буркнул Станислав, не поворачивая головы. Алексей Родионов, серьезный очкастый конструктор с Казанского вертолетного, подошел к окну. Ничего нового он там не увидел, но надо же было чтонибудь делать!

– Интересно, когда закончится этот чертов карантин? – наконец после паузы задал риторический вопрос Алексей.

– А когда мы все окочуримся от скуки или когда весь Китай передохнет, – мрачно заявил Стас. Его самого бесила необходимость сидеть сиднем без дела, но приходилось. В стране был объявлен жесткий карантин, любое перемещение по дорогам запрещалось. Добраться до посольства не представлялось никакой возможности. Да и просто выйти на улицу тоже было нельзя – часовые у входа вежливо, но непреклонно пресекали таковые попытки. Свирепствовавшая по всему Востоку эпидемия косила людей сотнями тысяч. Неудивительно, что группе специалистов, работавших на базе Луньсянь, приходилось, стиснув зубы, ждать у моря погоды, точнее говоря, разрешения у эпидемиологов. Что, в

принципе, одинаково.

– Значит, первое, – отозвался Алексей. Стас ничего не ответил. Разговаривать не хотелось, лучше стоять у окна, смотреть на серые ряды танков и смолить одну сигарету за другой.

А все начиналось очень неплохо. Сразу по прибытии в Пекин Станислав, Максим и Валерий включились в работу делегации Оборонэкспорта. Переговоры, участие в работе торговой миссии, технические консультации и тому подобная незаметная, но крайне важная деятельность технических специалистов. Китайские военные с большим интересом отнеслись к предложению Советского Союза по модернизации старой техники. Хотя основные переговоры уже прошли, привезенные в Пекин такие образцы, как истребитель «МиГ2198», модернизированные танки «Т54» и «Т64», произвели неизгладимое впечатление на китайцев. Все сомнения были рассеяны, заказчик с азартом ухватился за предложение, и вскоре была озвучена цифра: 25 миллиардов рублей на пять лет работы. Это были очень хорошие деньги.

Заместитель директора Оборонэкспорта Вадим Чернов, исповедовавший принцип: «Куй бабки, пока горячо», сразу же приступил к работе по контракту. Моментально была сформирована инженерная группа, призванная воочию, на месте, изучить материальную часть и обследовать реальное состояние дел с техническим оснащением китайской армии. Заказчики дали «добро» на посещение закрытых военных объектов, все разрешения были оформлены в считаные дни.

Станислава Рубанова, сразу после Дня Революции, рано утром пригласили к Чернову. Вадим Владимирович без какихлибо предисловий всучил слегка помятому после вчерашнего празднования Стасу список группы, план работы и маршрут. К этому прилагалась папка с разрешениями, визами, пропусками и прочими необходимыми бумагами. После краткого, но энергичного инструктажа Стас понял, что запланированный на сегодня экскурс по достопримечательностям Пекина откладывается на неопределенный срок. Надо вникать в нюансы предстоящей работы, собирать людей, проводить инструктаж и паковать чемоданы.

Получив задание, Станислав первым делом спустился на 29й этаж отеля и постучался в дверь номера Валеры. Дверь была закрыта, после продолжительного и настойчивого выбивания дроби об дверную филенку послышался шум, затем донесся потусторонний голос Шахова:

– Кого там, матьперемать, носит?

– Давай открывай, – ухмыляясь, попросил Стас, все было ясно –

Валера отмечал праздник на полную катушку. Вчера, когда Рубанов уже ушел из ресторана отсыпаться, Шахов в компании двух не слишком симпатичных и рано постаревших девиц порывался ехать любоваться ночным городом.

– Стас, ты? – Дверь открылась, и перед Станиславом возникла помятая физиономия коллеги. – Заходи, у меня шампанское осталось. Сейчас подлечимся.

– Быстро просыпайся, и чтоб через полчаса был у меня, – Станислав говорил спокойно, не повышая тона, при этом морщась от бившего прямо в нос перегара.

– Чё на?

– Я сказал, быстро, иначе вместо обмывания красот Пекина поедешь эскимосам мороженое продавать. Забыл, кто составляет отчет о командировке?

Угроза подействовала, Валера неразборчиво пробурчал нечто похожее на извинение и исчез в номере. Вскоре до ушей Стаса донесся шум воды. С остальными участниками поездки проблем не было. Достаточно оказалось телефонных звонков. Ровно через полчаса все собрались в номере Станислава.

Уставшие, помятые лица Валеры и еще одного товарища, кажется, его звали Дмитрий Кочетков, добавляли пикантности и вызывали чувство жалости. Но никто не обращал внимания на их страдания: сами виноваты – прекрасно знали, что не отдыхать едут. И если не успели перепробовать все изыски китайской кухни и прелести местных красавиц, то это их проблемы. Похорошему, на это, не щадя кошелька и здоровья, надо не менее года непрерывного загула.

Всего, кроме Валеры и Макса, в команду Стаса включились еще пять человек. Все молодые, не старше 35 лет, из них две девушки: Маша с Харьковского танкового завода и Ирина из Иркутска. Стас быстро познакомился с членами своей команды и приступил к делу. Инструктаж не занял много времени, люди знали свое дело и были в общих чертах знакомы с предстоящим заданием. Так что вскоре все разошлись по своим номерам, кто собирать чемоданы, а кто поправлять подорванное вчера здоровье.

День ушел на сборы и бюрократию: получить билеты, дособрать пару подписей в ответственных органах и тому подобная муторная волокита. Закрутившись как белка в колесе, Стас совсем не обратил внимания на рядовое сообщение в новостной ленте: в Шанхае выявлено неизвестное заболевание. Несколько человек госпитализированы.

Следующим утром 9 ноября все восемь специалистов вылетели рейсом до города Сиань. Там к ним присоединилась предоставленная китайским Минобороны переводчица, миловидная серьезная девушка по имени Мио Сонь. Как подозревал Стас, заодно работавшая в местном аналоге КГБ. Обычное для Китая дело, подозрительность и всеведение местных спецслужб давно стали притчей во языцех. Как бы там ни было, Мио вдобавок к своим прямым обязанностям взяла на себя работу администратора и организатора. Для Станислава, еще не успевшего привыкнуть к местной бюрократии, это было весьма кстати.

В аэропорту группу уже дожидался зеленый микроавтобус местного производства. Быстро погрузившись в это ущербное детище самого дешевого автопрома мира, ребята с ветерком покатили на военную базу Луньсянь. Дорога заняла больше трех часов, за окнами автобуса проносились поля, поселки, фанерные хибары, в которых проживала большая часть китайских крестьян. Изредка мелькали речушки. Прибыв на базу, автобус остановился перед высокими воротами. Часовые проверили документы, при этом Мио Сонь чтото сказала офицеру покитайски, после чего тот махнул рукой на багаж визитеров и разрешил проезжать.

После пересечения внешнего периметра автобус проехал еще около десятка километров, уже по территории полигона, и только затем въехал в военный городок. Приземистые казармы, марширующие колонны солдат, аккуратно подстриженные газоны, зеленые заборы и несколько внедорожников у двухэтажного кирпичного здания, оказавшегося штабом. Привычное глазу военного специалиста зрелище. Сколько Стас повидал таких гарнизонов! Он и сам не помнил.

Однако автобус без остановки прокатил мимо штаба и, миновав три перекрестка, остановился у небольшого двухэтажного домика на самой окраине военного городка.

– В этом доме вы будете работать и жить, – проинформировала пассажиров Мио, – мы специально подготовили его для вас. Надеюсь, вам здесь понравится.

Подхватив свои сумки, баулы и чемоданы, гости гурьбой направились в дом. Внутри обстановка была без роскоши, но уютной. Комнаты со всеми удобствами, отдельная кухня, столовая и оборудованный широкоэкранным телевизором холл на втором этаже. А когда Шахов громогласно заявил, что традиционный офицерский рацион китайской армии оставляет желать лучшего, выяснилось, что за группой закреплен персональный повар и через несколько минут он будет рад накормить гостей.

Что и говорить, после целого дня, проведенного в дороге, недовольных

ужином не было, ели так, что за ушами трещало. А лапша с соевым соусом и специями была просто великолепна!

Уже после трапезы, быстро приведя себя в порядок, Станислав встретился с командиром военной базы генералом Шао Баньцинь и его офицерами. Генерал принял гостей очень тепло. По его словам, он был наслышан о достижениях советского ВПК и сейчас очень рад сотрудничеству со специалистами Великого Северного Союзника. Именно так – все с большой буквы. Пообещав оказать полное содействие и всемерную поддержку, Баньцинь вежливо дал понять, что разговор окончен.

Вернувшись в гостиницу, Стас собрал своих коллег в холле и быстро распределил фронт работ. Кому достался танковый парк, кому расположенная невдалеке авиабаза, а кому и артиллерийский парк и противотанковые средства, сам Станислав взял на себя общее руководство, что выражалось в «изучении военного потенциала китайских вооруженных сил» на месте и комплектовании в единое целое отчетов специалистов. Проще говоря, разъезжать по базе, с умным видом посещать стрельбы на полигоне и отвечать на вопросы китайских офицеров: «Почему нельзя из старого «Т54» сделать машину лучше, чем новейшие «Абраме», «Леопард» или «Т98»?»

Следующие четыре дня прошли в трудах и заботах. Сразу после завтрака ребята разъезжались по своим рабочим участкам. В гостиницу они возвращались только вечером, если выдавалась возможность, заезжали и на обед, но чаще обходились без такового, с лихвой компенсируя вынужденную диету сверхплотным ужином. Вскоре большая часть работы была выполнена, через два дня группа должна была перебраться, на Шаньдунский полуостров, где базировались части морской авиации.

Но этим планам не суждено было сбыться. Утро 14 ноября началось как обычно. Ночью прошел дождь, но к утру небо прояснилось, метеорологи обещали солнечную погоду. Специалисты в семь утра в полном составе собрались в столовой, ребята с наслаждением вдыхали доносившиеся из кухни ароматы и спорили, что именно сегодня им подадут. Единственное, в чем все были твердо уверены, так это в том, что будет рис, насчет остального мнения кардинально разошлись. У китайской кухни есть маленькая особенность: ни по виду, ни по запаху порой невозможно понять, из чего приготовлено то или иное блюдо.

В тот самый момент, когда повар, пожилой, седой как лунь Чон Ли, вынес поднос с множеством тарелочек, в столовую вошла Мио Сонь.

– Доброе утро! Приношу свои глубокие, искренние извинения, но я

вынуждена сообщить вам пренеприятную новость. – Выдержав направленные на нее недоуменные взгляды, китаянка продолжила: – Сегодня ночью на территории Китайской Народной Республики объявлен строгий карантин. В восточных и центральных районах страны вспыхнула эпидемия чрезвычайно опасного заболевания.

– Пожалуйста, объясните, о каком заболевании идет речь? Насколько оно опасно и как повлияет карантин на нашу работу? – первым поинтересовался Стас, небрежным коротким жестом успокаивая готовых взорваться вопросами коллег.

– Заболевание неизвестное, но правительству пришлось принять необычайно строгие заградительные меры «Белая тревога». Закрываются все общественные здания, все предприятия, армия переходит на режим повышенной готовности, запрещается собираться на улице более чем втроем, закрываются все аэропорты и морские порты, прерывается междугородное сообщение. Выехать за пределы населенного пункта практически невозможно. Вводится патрулирование на улицах.

– Я протестую! Я гражданин Советского Союза! – вскочил Шахов, размахивая руками. – Я требую консула!

– Валера, подожди, – коротко оборвал его Стас. – Почему введен такой строгий карантин? – повернулся он к Мио.

– Эпидемия, – негромко прозвучал ответ, в голосе Мио Сонь явно слышалась смертельная тоска, – неизлечимое заболевание. Страшнее СПИДа и передается при любом контакте, уже умерло больше тысячи человек.

– Значит, на самом деле более десяти тысяч, – тихо прокомментировал Саша Вартис, черноусый, кучерявый балагур с Рижского завода электроники.

– Товарищ Станислав, пожалуйста, сами позвоните в русское посольство, – предложила переводчица, – они вам все объяснят. Наш МИД уже проинформировал все иностранные представительства о причинах карантина.

– Станислав Петрович, может, прямо сейчас и позвоните? – с мольбой в голосе обратилась к нему Ирина. В глазах остальных ребят читалось, что они полностью поддерживают данное предложение и сами готовы бежать к телефону, но предоставляют это руководителю группы.

– Позвоню, я обязательно позвоню в посольство и все выясню, но после завтрака. Полчаса ничего не изменят, а завтрак остынет. – Стас всеми силами пытался успокоить ребят, не давать им ни малейшего повода для паники. – Видите, я же не переживаю! Спокойно наворачиваю лапшу с

кусочками чегото мясного. Правда, кусок в горло не лезет, но это не так важно. Доем и позвоню.

Обещание было встречено ворчанием, но голод и пример Стаса сделали свое дело. В столовой повисла непривычная гнетущая тишина, только скрип стульев и позвякивание вилок. Не слышно было привычных шуток, дружеских подначивании, застольных бесед. Такое ощущение, что все очутились на собственных поминках.

Станислав вежливо предложил Мио Сонь разделить трапезу, но переводчица, извинившись, поспешила откланяться. Она не имела права находиться в домике для гостей больше десяти минут, очередное требование карантина. С этого момента все восемь специалистов и старый Чон Ли могли поддерживать контакт с внешним миром только по телефону.

Закончив завтрак, Стас молча поднялся и направился к дверям. По дороге он буквально спиной ощущал направленные на него взгляды товарищей. Ну, давай же! Звони! Вызывай тяжелую артиллерию, вытаскивай нас отсюда!

На втором этаже в холле перед телевизором сидел Дмитрий. Парень немного знал китайский и сейчас смотрел выпуск новостей.

– Что там передают?

– Карантин, громко вещают, что эпидемия будет остановлена, весь народ в едином порыве… и тому подобное, – нехотя ответил Дима.

На экране шли кадры с улиц какогото города. Непривычно пустынно, практически ни одного человека, перед камерой выступал офицер с погонами капитана.

– Сейчас передавали, в Японии мор, в больших городах паника, в Индонезии беспорядки.

– Там тоже эпидемия?

– Да, но полиция не успела обеспечить порядок, там началась резня.

– Ясно, – с кислым выражением лица ответил Стас и потянулся к телефону. В этом забытом Богом и провайдерами районе сотовые не работали, приходилось обходиться стационарным аппаратом. Стас нашел в блокноте телефон посольства и быстро одним пальцем набрал номер. На том конце почти сразу взяли трубку.

– Добрый день! Посольство Советского Союза слушает, – прозвучал в трубке приятный женский голос.

– Здравствуйте, это говорит специалист Оборонэкспорта Станислав Рубанов. Я в данный момент вместе с группой сотрудников нахожусь на военной базе Луньсянь в провинции Шэньси. Сегодня мне сообщили, что мы не можем покинуть район изза карантина. Пожалуйста, объясните: в

чем дело? Нам надо срочно попасть в посольство.

– Минуточку, я соединю вас с консулом. – После этих слов в трубке зазвучала легкая задорная мелодия. Стас негромко выругался, на душе было муторно. Только сейчас до него начало доходить, что дорога до советской границы не близкая.

– Алло. Помощник консула Владимир Окунев слушает.

– Здравствуйте, это специалист Оборонэкспорта Станислав Рубанов. – Стас коротко объяснил дипломату ситуацию, делая акцент на том, что их работа в Китае закончена и на родине с нетерпением ждут возвращения группы.

– Товарищ Рубанов, к сожалению, с сегодняшнего утра на всей территории Китая действует строжайший карантин. Неизвестное, очень опасное вирусное заболевание. Мы принимаем все меры по эвакуации советских граждан, но поймите, это дело нелегкое. Мы вас обязательно вывезем, подождите немного. Уже сегодня я проинформирую Оборонэкспорт о вашем местонахождении.

– Что нам делать? – не сдавался Стас. – Свяжитесь с заместителем директора Оборонэкспорта Черновым, он лично курирует нашу работу.

– Товарищ Чернов вчера вылетел в Москву, но я проинформирую и КГБ, и Минобороны, и Оборонэкспорт. Мы уже принимаем все меры, готовим требования на эвакуацию наших граждан и ноты протеста. Ничего не бойтесь, помните – вы граждане СССР, за вами стоит вся мощь нашей страны. – Чиновник говорил стандартными официальными фразами. В его голосе чувствовалась усталость, видно было, что он сегодня не первый раз повторяет эти слова. Понятно, сейчас телефоны посольства буквально обрывали застрявшие в Китае люди. Всех надо было успокоить, объяснить, что о них не забыли, что всех вытащат, несмотря ни на что.

Совсем кстати вспомнилась недавняя история с арестованным в Бельгии гражданином СССР. Местные органы обвиняли человека в том, что он якобы совершал какието преступления в Югославии. Капитан ВВС Виктор Чернов, однофамилец Вадима Владимировича, действительно воевал в Югославии во время знаменитой войны 99го года. А вся вина его заключалась в том, что он участвовал в нанесении воздушного удара по натовскому аэродрому в Албании. Тогда якобы пострадали якобы мирные жители. Советский МИД моментально принял все меры по возвращению соотечественника на родину. Как это было организовано, Стас сам до конца не понимал, но в результате капитан Чернов не только был оправдан бельгийским судом, но и получил хорошую компенсацию за моральный ущерб. Наши адвокаты постарались.

Станислав продиктовал в трубку список своей группы и получил в ответ очередную порцию заверений, что их в любом случае вызволят и вернут на родину. Заодно Окунев сообщил телефонные номера, по которым с ним можно связаться в любое время суток в случае осложнения ситуации или чеголибо чрезвычайного. Также он записал телефон Станислава. Положив трубку, Стас неожиданно ощутил прилив уверенности. Их не забыли, о них помнят, ничего страшного не произошло. Все живы, здоровы, обеспечены всем необходимым. Так он и доложил ожидающим результата звонка товарищам.

Будем сидеть здесь и дожидаться эвакуации, а первым делом приводим в порядок свои отчеты о проделанной работе.

– Нам еще предстоит отчитываться. Зря, что ли, в Китай ездили? – на этой оптимистической ноте Станислав и завершил свое короткое энергичное выступление.

С тех пор прошло ровно две недели…

– Скучно, как в морге, – наконец изрек Алексей, отворачиваясь от окна.

– Хорошо, хоть телефон работает, – вздохнул Стас. Сегодня он опять звонил в посольство.

– Никаких перемен, – ответил он на застывший в глазах товарища вопрос, – вызволить нас они пока не могут. В стране беспорядки, в Шанхае уже некому убирать трупы. В Пекине творится черт знает что. На улицах стрельба, погромы, наши забаррикадировались в посольстве и нос наружу не кажут.

– Паршиво.

– У нас еще спокойно. А в посольстве десантники на третьем этаже пулеметы поставили, боятся штурма.

– Может, конец света наступил? – с ехидцей в голосе поинтересовался Алексей.

– А у Светы есть конец? – в холле появился Валера. Судя по его неестественно широкой улыбке и скачущим в глазах чертикам, он уже успел приложиться к универсальному гореутолителю и антивирусному препарату в одной бутылке.

– Смотри, что делается! – Повернувшись к окну, чтобы не видеть этой пьяной, надоевшей всем рожи, Стас невольно стал свидетелем весьма поучительной сцены. Патрульные вокруг периметра танкового парка ходили парами. Сейчас один из солдат вдруг, нарушая все требования устава, сел прямо на землю, обхватил голову руками и уронил автомат. Его напарник, вместо того чтобы поднять тревогу, отскочил от своего товарища,

оглянулся по сторонам и бросился бежать со всех ног прочь отсюда.

– Вот и дезертиры появились, – подытожил увиденное Алексей. Солдат тем временем мчался прямо по полю, перепрыгивая кочки и канавы, затем он нырнул в тянущийся по направлению к роще овражек и скрылся из виду. Судя по всему, бегство часового никто не заметил. Не было никаких признаков тревоги, и на помощь к свернувшемуся калачиком прямо на земле солдату никто не спешил.

«Значит, на прожекторных вышках ни одного человека. Или командование наплевательски относится к охране парка, или просто не хватает людей», – сделал вывод Станислав.

– Еще один косоглазый окочурился. Помер Максим, ну и хрен с ним! – на лице Валеры расцвела глуповатая ухмылка. – Пойдемте лучше остограммимся. Профилактику пройдем, а заодно и помянем солдатика.

Это чуть циничное предложение не встретило одобрения со стороны ребят. Стас и Алексей молча отвернулись к окну и смотрели на надвигающуюся с запада темную тучу. Отвечать на туповатые шутки Валеры не было никакого желания. Наоборот, Стас испытывал сильное желание дать ему по морде или хотя бы наорать, унизить, заставить уйти в свою комнату и не мозолить глаза.

Валера Шахов, сообразив, что сморозил глупость, успокоился и затих, устроившись в кресле с древним читанымперечитаным журналом в руках. Стасу надоело смотреть на степной пейзаж, и он направился на лестничную площадку. Отсюда, в отличие от холла, в окна был виден военный городок. Несмотря на то что стрелки на часах достигли двух пополудни, за окном было пустынно. Казалось, что вокруг на многие километры нет ни одной живой души. Только в конце улицы на обочине стоял грузовик без водителя. Кладбищенское спокойствие нарушала лишь бродячая собака, задравшая ногу на фонарный столб и побежавшая дальше по своим делам.

На первом этаже послышались легкие шаги. Сквозь межлестничное пространство мелькнула изящная девичья рука, и вот на нижней площадке показалась Ирина. Стас вежливо кивнул ей, девица, лукаво улыбнувшись в ответ, пропорхнула мимо, обдав Станислава ароматом духов. Вскоре из холла донесся чуть приглушенный разговор. Судя по долетавшим до Стаса обрывкам фраз, обсуждали предстоящее сегодня вечером празднование именин Маши.

Сегодня утром девушки вместе с поваром провели ревизию кухонных запасов и обнаружили, что провизии им хватит минимум на два месяца. Кухонные шкафы и холодильные камеры забиты, а в погребке хранится

изрядный запас лечащих душу напитков. Так что решили отпраздновать с размахом. Устроить своеобразный пир во время чумы. Старый Чон Ли был только рад возможности продемонстрировать во всем великолепии свое кулинарное искусство, особенно если ему будут помогать гости с севера и заодно они поделятся с ним рецептами со своей далекой, заснеженной родины.

За прошедшее с начала карантина время Чон Ли незаметно сдружился с русскими специалистами, влился в их тесный коллектив. Старику было скучно в одиночестве, и он с удовольствием проводил время в обществе молодых людей. И приняли его тепло, со всем радушием и дружелюбием. Раз живем в одном доме, нечего жаться по углам, надо держаться вместе.

Стас заметил, что старый Чон предпочитает общество Димы всем остальным. Оно и понятно, Кочетков, единственный из их группы, говорил покитайски и, в свою очередь, был рад совершенствовать свое произношение и пополнять словарный запас во время долгих неторопливых бесед со стариком за чашкой чая.

Пытаясь убить время, Стас сам попробовал начать изучение китайского, но быстро бросил это безнадежное дело. Слишком сложный язык, слишком непривычный, о грамматике и говорить нечего – запомнить минимум сотню иероглифов для Стаса оказалось сложнее, чем рассчитать оптимальные режимы работы ракетного двигателя. В итоге он отступился, успокаивая себя тем, что знания английского и сербского вполне хватает, чтобы считаться образованным человеком.

Глава 12

АМЕРИКА НЕПОБЕДИМАЯ

– Опять все не так! – майор Стив Грегори от души плюнул прямо на бронзовый шар узорчатых перил на мраморной лестнице штаба. Настроение, солнечное и беззаботное с утра, было испорчено напрочь.

Двое рядовых отдали Стиву честь, но он даже этого не заметил. Слишком был занят своими мыслями. Царивший в ранее Великой Империи бордель докатился и до их захолустья. Крупная военная база на Окинаве, значительный военный контингент, передовой форпост недалеко от русского Дальнего Востока, контроль над узлом морских коммуникаций, вроде бы идеальное место для военной базы, но, как правильно в свое время заметил Майк Полянски: «Бардак начинается не в клозетах, а в головах».

Скоро у русских начинаются большие учения Тихоокеанского флота, а американским разведывательным эскадрильям не выделили, что бы вы думали? Да, именно керосин! Дожили! Докатились! Лимит исчерпан! Скоро летчики разучатся летать, ибо лимитов все меньше и меньше, люди больше времени проводят на земле, а вылет становится редким праздником.

А русские тем временем и не думают сокращать свою армию. У них летчики чуть ли не каждый день поднимаются в воздух. У них осваивается новая техника, и старую постоянно модернизируют. А он, Стив, уже забыл, когда последний раз принимал новый самолет.

Постепенно сумбур в голове улегся, свежий воздух и легкий ветерок действовали успокаивающе. Несмотря на все сюрпризы, преподнесенные родным командованием, настроение было боевым. Ладно, если старый пентюх Макинтош не может дать ни литра сверх лимита, это еще ничего не значит. Майор Грегори не зря командовал Отдельной разведывательной эскадрильей. Официально напрямую подчиняясь командованию ВВС Тихоокеанского ТВД, он успел обзавестись хорошими рабочими контактами и связями. И мозгов в голове еще немного осталось, несмотря на жаркий субтропический климат Окинавы.

Похорошему, во время маневров у русских надо, как в старое доброе время, держать их под плотным наблюдением. Отслеживать все их действия и сразу делать выводы о подготовке экипажей, новых тактических маневрах и наработках, рассчитывать характеристики кораблей и оружия. Нормальная работа, приближенная к боевой, привычное и любимое дело

американских офицеров. Тем более что, по косвенным данным, в учениях примут участие оба тихоокеанских авианосца, в том числе новейший атомный «Ульяновск», ракетные крейсера, две бригады подлодок и дивизионы экранопланов.

Стив вспомнил, как два месяца назад «Ульяновск» проходил через ВосточноКитайское море. Из кабины «F16», идущего на высоте 2000 футов, были прекрасно видны и авианосец, и его эскорт. Массивный, широкий корпус со скошенной полетной палубой, островная надстройка, увенчанная антеннами, универсальные зенитные модули в бортовых спонсонах – в этом корабле все было прекрасно. Динамичная и в то же время монументальная, воплощенная в металле красота современного ударного авианосца.

Стив обратил внимание на то, что палуба почти пуста, только на катапультах замерли два дежурных истребителя и у надстройки стоял казавшийся таким маленьким по сравнению со стальной громадой грузовой вертолет. А на корме вдоль корпуса скользил вверх широкий лепесток авиационного лифта с принайтованным к нему истребителем. Кажется, морской «Фалькрум» «Су33». Наблюдая открывшееся перед ним зрелище, майор Грегори буквально млел от удовольствия. Редчайший шанс, далеко не каждому летчику удается подойти вплотную к русскому авианосцу, а Грегори это удалось. Стив давал себе отчет, что все дело в везении, просто выдался шанс, русские прохлопали, не подняли вовремя патрульные истребители.

На носовой части летной палубы поднялось небольшое белое облачко дыма, это стартовал с катапульты истребитель. «Фалькрум», чуть просев после старта, быстро набирал высоту. Пять секунд, и следом в воздух поднялся второй самолет. Сейчас начнется дискотека. Будут отжимать нахального янки.

Стив увеличил скорость и повернул левее, стараясь пройти вдоль кормы авианосца, вся специальная аппаратура «F16» давно уже включена. Уже сегодня вечером командование ВВС получит прекрасную подборку свежих фотографий и пару фильмов в придачу. Маневр удался, пока русские «Фалькрумы» разворачивались и заходили на курс перехвата, Стив успел заснять авианосец во всей красе.

Его внимание переключилось на следовавший в четырех кабельтовых от «Ульяновска» новейший ракетноартиллерийский крейсер «Рюрик». Живое воплощение концепции «Политики канонерок» XXI постглобального века. Корабль, способный выполнять как задачи сопровождения авианосцев, завоевания театра военных действий, так и

поддержку приморского фланга войск, обеспечение высадки десанта, контроль над акваторией и «миротворческие акции» в странах третьего мира. Уникальный корабль, хотя уже нет – в Средиземном море базируется его систершип «Аскольд», а на Балтийском заводе строят атомные линкоры «Ретвизан» и «Сталинград».

Все, кончилось наше время! Пара «Фалькрумов» прошла почти впритык к самолету Стива Грегори, оттесняя его от авианосца и крейсера. Извините, ребята, но мне пора домой. Стив не испытывал никаких эмоций по отношению к русским. Честно играем по правилам, тем более что на стареньком «F16» «Сокол» не больното поспоришь с парой «Фалькрум плюс». Все равно зажмут и ототрут в сторону.

Каждый выполняет свой долг. Если отбросить набившие оскомину шаманские завывания «ястребов» о русской угрозе, они нам не враги, они просто отстаивают свои интересы. Им нужны источники сырья, рынки сбыта, спокойствие на границах и уважение соседей. Ради этого они строят авианосцы, крейсера, подлодки, эсминцы и корветы и отгоняют от своих кораблей назойливых зрителей с видеокамерами. Такова жизнь. Русских можно понять – у них все разумно и логично.

Стив не понимал свое начальство, то в категоричной форме требовавшее обеспечить плотное наблюдение за маневрами русских, то ужимавшее и без того мизерные лимиты горючего. Да еще приходится прилагать массу усилий ради планового профилактического ремонта техники, о новых машинах можно забыть. Пользуемся остатками былой роскоши конца прошлого века.

Русские оказались умнее. Мы долго готовились к большой войне, проводили политику удушения, глубокого охвата вражеских позиций, мы собирались воевать, а они обошли нас там, где никто и не ожидал. Нанесли Америке сокрушительный удар на финансовом фронте. Только жутчайшим поражением в молниеносной экономической войне в марте 99го года можно объяснить столь бедственное положение недавнего мирового лидера. Самой Великой Империи конца прошлого века.

Официальная версия гласила: произошел глобальный биржевой кризис на фоне сезонного снижения деловой активности и неправильного информационного освещения событий в Югославии. Стив давно уже не доверял официальным источникам, он прекрасно знал, как создается общественное мнение и какова реальная ценность таких заявлений.

Из разговоров с несколькими своими вашингтонскими знакомыми он выяснил, что финансовый кризис инициировали русские. Все было сделано так, чтобы при минимальных затратах нанести Америке максимальный

ущерб. Сначала массированная информационная кампания, раскрутившая поражение НАТО над Сербией, а затем точечные валютные выбросы на биржах. Всего за неделю, жуткую неделю, доллар потерял все свои позиции, вернулся к статусу национальной валюты, а вместе с долларом обрушилась экономика США. Разумеется, рикошетом ударило по многим. Сильно не повезло арабам, разом потерявшим свои валютные резервы. Пришлось потуже затянуть пояса японцам и европейцам. Но это были временные трудности. Сейчас все они процветают, и только Америка неуклонно катится в бездну финансовой несостоятельности.

– А может, плюнуть на всех и послать этих козлов в задницу? – негромко пробормотал Стив, спускаясь в подвальчик офицерского бара. Да, можно было просто сделать пятьшесть самолетовылетов, с чистой совестью сжечь лимит топлива и отписаться. Возможно, даже удастся сфотографировать издали пару русских кораблей. На что выделили ресурсы, то и получайте, а мы люди маленькие, мы лучше в баре пиво пить будем.

В таком мерзком настроении Стив входил в бар. Ладно, на технику у них денег нет, так и оклады давно не индексировали, разве на эти центы можно достойно жить? Видимо, придется толкать складское имущество направо и налево. Вон полковник Холф уже себе дом во Флориде купил. Чем я хуже?

В подвальчике царил мягкий сумрак. Посетителей, несмотря на жару, было мало, только за столиком у окна располагалась неразлучная парочка: заместитель командира 39го истребительного авиакрыла подполковник Езекия Химура и зам Стива Грегори по технике капитан Пол Шарапоф.

– Джим, кружку светлого! – махнул рукой Стив, опускаясь на стул. – Здорово! О чем спорим?

– Приветствую, – кивнул Езекия, – может, ты нам подскажешь? Каковы планы нашего родимого командования насчет маневров русского флота?

– Ну, вы и извращенцы! Нормальные люди чемпионат Штатов по бейсболу обсуждают, а вы о работе! – На самом деле Стив был только рад услышанному. Он и сам собирался подвести коллег к этому вопросу. Подполковник Химура мог обменять часть своих топливных запасов на, скажем, запасные моторы или еще какие железки. О Поле и речи нет – новоамериканец, попавший в Штаты в 14 лет, патриот больший, чем сам Джордж Вашингтон, искренне ненавидел коммунистов, особенно свою бывшую Родину.

Джим тем временем поставил перед Стивом кружку пенного напитка.

– О бейсболе уже надоело, местных девиц всех за пять лет

перепробовали, – философствовал Езекия, – осталось только говорить о войне. Как и положено мужчинам.

– О войне нам и на самом деле остается только говорить. Командование не дает керосин. По моим расчетам, мы можем два раза поднять эскадрилью в воздух и потом до конца года не вылезать из бара. Конечно, если коллеги не помогут, – закинул удочку Грегори.

– Комми на армии не экономят! – Пол стукнул кружкой по столу так, что пена плеснулась в блюдце с солеными сухариками. – Знаете, как готовят они пилотов морской авиации?

– Мне положено знать, – похлопал его по плечу Стив. – К каждому авианосцу приписаны две полные авиагруппы: основная и резервная. Периодически они меняются. Отбирают самых лучших летчиков, налет у них 700 часов в год и больше. Палубные самолеты оснащают по последнему слову техники. Так что звено морских «Фалькрумов» стоит целой эскадрильи «Томкетов».

Пол только негромко помянул чьюто мать и залпом опустошил свою кружку.

– Ты забыл добавить: русский палубный самолет «ДРЛО Як216» по всем параметрам превосходит наш старенький «Хокай», а на «Ульяновске» таких машин четыре, – невозмутимо уточнил Езекия.

Наступила тягостная пауза, офицеры молча пили пиво и хрустели сухариками. Джим успел уже дважды наполнить кружки, когда Пол нарушил молчание.

– Стив, ты же у нас голова, у тебя в Вашингтоне связи. Неужели мы так и будем штаны протирать?

– Какие, к черту, связи! Вашингтон далеко, а мы здесь, и старый пень Макинтош давно уже ничего не делает без прямого приказа сверху.

В бар в этот момент ввалилась компания морских пехотинцев, она оккупировала сразу два столика и громко требовала пива. Судя по обрывкам фраз, доносившихся до летчиков, сегодня утром ушел на ремонт в Америку десантный корабль «Тарава», и когда он вернется, неизвестно. Сами знаете, как сейчас корабли ремонтируют. Может, за год справятся, а то и дольше.

– Может быть, мы сами сумеем организовать русским повод для беспокойства? – наконец перешел к делу Химура.

– Сумеем, – жестко произнес Грегори. – Соберем свои заначки и резервы и покажем, что Америка еще жива.

– А потом до Рождества хлестать пиво?

– А потом уже все равно.

– Я так понимаю, ты хочешь прикрыть своей эскадрильей район до Корейского пролива? И заснять русский флот на переходе?

– Не только. – Стив наклонился вперед и, глядя прямо в глаза Езекии, проговорил: – По данным ЦРУ, русские собираются разыграть целое сражение уже при выходе из пролива. Они будут отрабатывать проводку авианосной группы в условиях сильного противодействия противника. Представляешь?

– Да, это серьезно. – Химура сразу оценил масштаб предстоящего мероприятия. Это и атаки подлодок, и тяжелая базовая авиация, возможно, удастся увидеть атаку крейсерской эскадры. Прозевать такие учения, не вмешаться в их ход – это равносильно признанию полной капитуляции Америки.

– Но, Стив, ты одно забыл: а что будет делать мое авиакрыло?

– Работать. Надо еще со Спринсом и Абрамски переговорить. Думаю, они согласятся.

– Тогда и я согласен. Есть у меня несколько резервных хранилищ, можно еще попробовать у местных топливо купить.

– Ты имеешь в виду?… – раскрыл рот от изумления Пол Шарапоф.

– Именно это я хотел сказать, юноша. У нас еще со времен корейской войны скопились целые завалы всякого ненужного барахла.

– Пол, ты ведь любишь Америку? – осторожно поинтересовался Стив. – Мы же не можем ждать, пока Пентагон разрешит обменять пару вагонов просроченных консервов на керосин.

– А если поймают?

– А мы сделаем так, чтобы не поймали, – покровительственным тоном заявил Езекия Химура.

– Тогда проведи ревизию, прикинь, что мы можем, – после этих слов Стив смолк.

В баре появился новый посетитель. Высокий моряк с погонами коммандера, облокотившись на стойку бара, попросил Джима плеснуть чистый виски. На флоте не так уж много людей пьют виски без содовой. Тем более что не узнать голос моряка было невозможно.

– Мэллори, ты откуда?

– Стив? Ты здесь? – моряк моментально среагировал на оклик.

Точно, Мэллори Шеридан. Старый знакомый Стива еще по Югославии, экспертная группа генерала Чейза, такое не забывается. Стив не видел его с самого момента расформирования группы, только мельком слышал, что Шеридан работает в ПёрлХарборе.

– Присаживайся, старый пират. Ты как здесь оказался?

Через секунду правую руку Стива стиснула железная клешня Мэллори. Короткая процедура знакомства со всеми, пара глотков за встречу. Мэллори Шеридан быстро вписался в теплую компанию летчиков. Тем более что он раньше уже встречался с Химурой. В разговоре выяснилось, что Шеридан попрежнему работает в разведке флота. Нет, о повышении пока и речи нет.

– С тех пор как русские тогда надавали нам женских гениталий и порвали задницу на британский флаг, никаких шансов. Намекают на реабилитацию через подвиг. Иначе так и останусь коммандером.

– Так соверши подвиг!

– За этим и прилетел, – многозначительно произнес Мэллори.

В дальнейшем выяснилось, что флот серьезно озабочен предстоящими маневрами русских. Моряков особенно интересуют ударные и десантные экранопланы – новейшее оружие Советов. Сейчас у них на Тихом океане 26 десантных «Олушей» и 8 ударных ракетных «Кондоров». Пентагону важно получить сведения о том, как русские организуют тактическое применение этих машин и каковы их реальные характеристики.

– Значит, флот в игре. А нам керосин не дают, – пожаловался Пол.

– Быть такого не может!

– Может, сейчас все возможно. Придется вам работать без наземной авиации, – поддержал коллегу Стив.

– Я поговорю со своим начальством, – пообещал Шеридан, затем, демонстративно посмотрев на часы, добавил: – Мне сейчас надо идти в штаб, но вечером полностью свободен.

– Тогда за этим столиком.

– Заметано. Посидим, обсудим перспективы взаимодействия, – пообещал моряк, – быть того не может, чтобы керосин не нашелся.

Черный «БМВ» летел по левой полосе трассы Вашингтон – НьюЙорк. Только что закончилось очередное совещание Промышленномедицинского совета, так Дональд шутливо назвал их группу. Дела идут по плану. Практически никаких неожиданностей и сбоев нет. Даже чуточку скучновато. Обычно проекты такого масштаба без проколов не обходятся. А этот идет, как экспресс по расписанию.

Наблюдатели в Азии сообщают о вспышках заболевания в заранее намеченных районах. Вирус «Дифенс» собирает первые жертвы, по ориентировочным данным – около двадцати тысяч уже умерли, не менее семидесяти тысяч умрут в ближайшие дни. Ареалы распространения растут с каждой минутой. Местные власти пока не реагируют или реагируют вяло, проводят обычные карантинные мероприятия. Они еще не поняли, что это абсолютно новое заболевание. Только Китай сразу после

выявления нового вируса объявил жесточайший карантин на всей территории страны. Александер высказал предположение, что через неделю медики выяснят, с чем столкнулись, но ситуация уже выйдет за рамки, за которыми остановить инфекцию будет уже невозможно. Так и планировалось.

В экономике и финансовоинвестиционной части плана отмечается некоторое снижение расчетного эффекта от запланированных мероприятий. Чертовы русские неожиданно выбросили на мировой рынок свои реакторы на быстрых нейтронах. Иран приступил к строительству второй АЭС, теперь в Ясудже, подряд полностью взял советский Атомстрой. Немцы преодолели давление зеленых и вкладываются в биотехнологии. В итоге нефть подешевела до 240 долларов или 41 евро за баррель. Неприятно, это влечет снижение инвестиций от нефтяников.

И самое плохое, ничего нельзя сделать – без активных мероприятий в нефтедобывающих регионах цену не поднять. А проводить «миротворческие» акции против Ирака или Ирана не позволяет тощий бюджет. Хотя Ален говорит, что ничего страшного он не видит. Основные мероприятия плана «Дифенс» уже проведены, остается только контролировать процесс и дожидаться результата.

Александер нажал на клаксон, прося старый ползущий со скоростью черепахи «Крайслер» освободить полосу. Бесполезно, не реагирует. Руль вправо, нырнуть в освободившееся окно и обойдя тарантас, вернуться в левый ряд. Александер заметил, что за рулем «Крайслера» сидит старая леди, обеими руками вцепившаяся в руль. Понятно, как влезла в крайний левый, так и будет ползти до самого города, а там ей придется мучительно долго перестраиваться на нужную полосу, вызывая на свои седины гневные гудки и образные комментарии водителей.

К черту все! Ни один план еще не пережил начала атаки. К черту мелкие сбои! Все равно их невозможно было предусмотреть. Еще два месяца, и Америке будет выгодна дешевая нефть. А нефтяные бароны обойдутся, они и так уже вывели большую часть своих капиталов в офшоры и практически не платят налогов. Их инвестиции в промышленность незначительны, поэтому мы не обязаны о них беспокоиться.

Запиликал телефон. На индикаторе высветился номер Антуана Вилье, в настоящее время находившегося в Японии. Александер приложил трубку к уху, в нарушение всех идиотских правил он не пользовался системой «ханд фрее», справедливо полагая, что хороший водитель может рулить одной рукой, а идиота и техника не спасет.

– Да, слушаю.

– Шеф, срочно! Сегодня произошло ЧП на АЭС Фукусима. Заглушены два реактора. Информация секретная, но у меня хорошие контакты в оперативных службах.

– Что случилось? – Александера сейчас меньше всего беспокоили сбои в энергосистеме Японии.

– Оператор машинного зала ошибся, перепутал кнопки. В результате реакторы пошли вразнос и автоматика их заглушила.

– Обычная ошибка или?… – У Александера зачесалось ухо, так всегда бывало, когда неожиданно осложнялась ситуация, ранее не предвещавшая ничего серьезного.

– Человек заболел. Почувствовал себя плохо, действовал неадекватно, – тараторил Антуан. – Симптомы напоминают тропическую лихорадку в острой форме. – Прозвучала кодовая фраза, означающая, что решающим фактором оказался вирус «Дифенс». Хотя сейчас можно было обойтись без лишней конспирации, эпидемия уже вовсю свирепствовала на Островах.

– Понятно. Последствия серьезные? – Александер притормозил, затем перестроился, подрезав отчаянно сигналящий «Бьюик», и, добавив газу, выскочил на правую полосу, обходя возникший на дороге затор.

– Последствия ликвидируются. Выбросов радиации нет. Оператор госпитализирован.

– Спасибо за оперативность. Звони при любом изменении ситуации. – Александер убрал трубку в карман.

Машина вырвалась на свободную полосу, стрелка спидометра застыла на отметке 100 миль в час. К черту ограничения! Времени в обрез – через полчаса назначена встреча с представителем одной крупной экспедиционной компании. Люди Александера давно пользовались ее услугами для транспортировки полулегальных грузов. Все были довольны. Но деятельностью фирмы заинтересовалась налоговая полиция, требовалось помочь хорошим людям. По телефону обсуждать проблему опасно, такие дела решались только с глазу на глаз.

Александер опоздал на встречу. Он потерял больше трех часов в огромной пробке, образовавшейся на въезде в мегаполис. Причина затора была банальна: рейсовый междугородный автобус потерял управление и протаранил грузовик. В следующую секунду в них врезались несколько машин. А через минуту магистраль уже напоминала огромную автостоянку. Проехать было абсолютно невозможно. Пока спасатели и дорожная полиция оттащили в сторону пострадавшие машины, пока возобновилось

движение, время ушло. Пришлось звонить по телефону и переносить встречу.

Несмотря на то что ничего страшного не произошло, настроение было безбожно испорчено и время потеряно зря. Александер ненавидел такие неожиданности, нарушающие его четко расписанные планы. Но зато домой он сегодня вернулся вовремя. Редкое событие. Александер часто возвращался домой поздно вечером, а иногда не приходил вообще. Работы меньше не стало.

Джина, естественно, была рада возвращению мужа. А при виде лучившейся от счастья супруги, от лукавых искорок в ее зеленых глазах и у Александера на душе стало легко и радостно. Все заботы моментально ушли на задний план, стоило только услышать нежный голос любимой. Как хорошо, что в этом жестоком мире у него есть понастоящему близкий человек!

Александер так и не узнал, что причиной сорвавшей его планы пробки была проводимая им же операция. Водитель, эмигрант малаец, в первой половине дня неожиданно почувствовал себя очень плохо. Медстраховки у него не было, оставить автобус в парке и не выйти в рейс он не мог, его просто уволили бы в этот же день. Буквально заставив себя сесть за руль, он вывел машину из гаража. Его бил озноб, в теле чувствовалась слабость, в ушах шумело, наконец начало отказывать зрение. Шофер тряхнул головой, прогоняя мелькающие перед глазами мушки, перед глазами поплыли зеленые круги. Автобус резко рыскнул влево и врезался в фуру. Дальнейшее известно. Всего в аварии, кроме водителя автобуса, погибли 29 человек, и еще почти сотня получила ранения. Полиция так и не разобралась в истинных причинах ДТП, происшедшее списали на ошибку водителя.

Вечером после ужина Александер обнаружил в своем электронном почтовом ящике письмо от Майкла. Шеф просил завтра утром зайти к нему в кабинет. Второй зам шефа Дик переходит на работу в АНБ, а на освободившееся место лучше всего подходит именно Александер. Заодно Майкл сообщал, что кандидатура госсекретаря пока не утверждена. Техасец отсек все предложенные ему кандидатуры, на уговоры не поддается, по косвенным данным собирается назначить человека своего клана, но кого именно – неизвестно.

Вот так, очередное продвижение и новые горизонты. Закрыв файл, Александер долго смотрел на экран, перебирая в уме возможные кандидатуры на свое место.

По всему выходило, что новым начальником отдела будет Род

Карлович, энергичный, молодой сотрудник, успевший наработать хорошие деловые контакты и зарекомендовать себя с лучшей стороны. Следовательно, завтра после разговора с шефом и утверждения Рода можно будет передавать дела. Все, кроме работы по варианту «Дифенс».

Сейчас, когда операция вышла на финишную прямую и близится к завершению, расширение круга посвященных категорически противопоказано. Как говорят немцы: «Что знают двое, то знает свинья». А Александер и так сильно рисковал, ввязываясь в это дело. В случае огласки визг поднимется страшный. И козлами отпущения станут организаторы среднего уровня, то есть именно Александер собственной персоной. Далеко не самая лучшая перспектива провести остаток жизни с клеймом убийцы, скрываясь от всего мира.

Глава 13

ПРОРЫВ

Тяжелый стартовый носитель «Мрия», гудя моторами, медленно выкатывался на взлетную полосу. Было прохладно, пронизывающий холодный ветер заставлял ежиться и приплясывать на месте. Конец ноября, уже зима наступает. Всего час назад вычищенная от снега бетонка летного поля контрастировала с белоснежным покрывалом, раскинувшимся до самого горизонта. Местами изпод снега выглядывали метелки засохшей травы, чернели кусты. Рядом с летным полем колыхался на ветру куст рябины с яркокрасными кистями ягод на ветвях. А в десятке метров от топтавшихся на краю поля людей чернела вросшая в землю скрюченная железная конструкция неясного назначения и происхождения.

Павел Николаевич поправил шарф, закрывая шею от ветра. Расслабились за лето, привыкли к теплу, теперь пора привыкать к морозам. Хорошо, хоть небо чистое и ничего сверху не сыплет. Над горизонтом висит раскаленное, как поковка в печи, солнышко. Метеорологи постарались, разогнали тучи, обеспечили погоду на время старта.

Глаза премьера, не отрываясь, следили за тяжелым самолетом. «Мрия» сама по себе чудо техники – почти 650 тонн взлетного веса, потолок в одиннадцать километров с полным грузом, умопомрачительные грузоподъемность и дальность. Недаром и военные, и эмчеэсники, и строители заказывают эту машину десятками. Прекрасный сверхтяжелый транспортник.

А сейчас вид машины просто завораживал, притягивал к себе взгляд магнитом, одновременно заставляя сомневаться в реальности происходящего. Дело в том, что самолет взлетал не один, к его спине были пристыкованы грузовой космический корабль «Вихрь» и топливный бак немалых размеров. Аэрокосмическая система МАКС во всей своей красе. Самая современная и лучшая космическая система нашего времени и ближайшего будущего.

Несмотря на катастрофическую занятость, Шумилов нашел сегодня возможность своими глазами взглянуть на начало очередного этапа космической программы СССР. Так уж получилось, но сегодня Советский Союз был практически единственной космической державой. Остальные выбыли из гонки, потеряли темп, зациклились на орбитальных проектах ближнего прицела. Да и что это за программы? Если ни у кого почти не осталось космических кораблей.

Только китайцы со своим морально устаревшим «Великим Походом» иногда стартуют. Европейский «Ариан» почил в бозе – ЕС предпочитает заказывать вывод спутников на орбиту советскому «Аэрокосмосу», а не развивать собственную космонавтику. У американцев старенький, латаныйперелатаный «Дискавери» пару раз в год взлетает. Последний мамонт программы – «Спейс Шаттл». Когда он совсем развалится, США останутся без кораблей.

Выдвинутая американцами идея Международной космической станции до сих пор на стадии обсуждения. И шансов на реализацию у МКС все меньше и меньше, особенно после того, как Советский Союз продал свой старый «Мир3» европейцам.

Зато у СССР в постоянной работе четыре челнока «МАКСМолния», изредка с Байконура сверхтяжелые грузы выводит на орбиту «Энергия». В космосе, кроме двух «Алмазов», научная станция «Мир4» крутится, здоровенная штуковина, целое НИИ на орбите. И это не считая полноценных спутниковых сетей: и «Легенда», и ГЛОНАСС, и новейший «Парус» – система, обеспечивающая точные метеопрогнозы, поиск полезных ископаемых, картографирование, фотосъемку земной поверхности с высоким разрешением, повышение точности навигационной системы ГЛОНАСС и еще много чего полезного. Кроме этих проектов, «Аэрокосмос» регулярно забрасывает к ближайшим планетам автоматические станции.

А сейчас стартует самая амбициозная программа со времен полета Гагарина. Никто и близко не смог подойти к ее реализации, а мы реализуем. Сегодня почти одновременно с трех космодромов: Плесецк, Байконур и крымские Саки стартуют корабли МАКС, выводя на орбиту модули тяжелого ядерного корабля «Пульсар». Через четыре дня еще три старта. Сборку корабля, опираясь на станцию «Мир4», начнут уже сегодня. К концу декабря работа будет полностью завершена, и корабль выйдет в свой первый полет. Пока только испытательный виток на высокой орбите. А в январе 2003 года после Рождества «Пульсар» уйдет в свой первый рейс по маршруту Земля – Луна – Земля.

При этой мысли у Павла Николаевича к горлу подступил комок. Это же все разработки 6070х годов! Именно тогда были заложены основные принципы, разработаны схемы, проведены расчеты. Уже тогда все было готово к планомерному освоению Солнечной системы. Но вместо космической экспансии наступил период застоя. И только в начале XXI века старые чертежи были извлечены из архивов, переработаны с учетом последних достижений техники и воплощены в металл, пластик и

керамику.

Шумилов до сих пор не мог понять причину поразившего мир в семидесятые годы паралича мозгов. Перспективные разработки клались под сукно, финансирование фундаментальных исследований сокращалось, долгосрочные программы сворачивались. Почти все научные силы были вынуждены переориентироваться на направления ближнего прицела: улучшение технологии, бесконечное развитие рынка товаров личного потребления, удовлетворение далеко не самых важных потребностей человечества. То есть то, что давало быструю прибыль, да еще военные разработки.

Застой возник не только в СССР. США, Европа, Япония, Южная Африка почти одновременно остановили прогресс и отказались от фундаментальных исследований. От всего этого поневоле задумаешься о «всемирном жидомасонском заговоре», «мировом правительстве», «глобальном информационном големе» и прочих «союзах посвященных». Как будто некто тайный и всесильный решил удушить человечество в детской колыбели, не дать выйти во взрослую жизнь космической экспансии. Конечно, никаких заговоров нет, рано или поздно происходит утечка информации, многое можно выяснить по косвенным следам операций «мирового правительства». Так что даже если бы подобная структура и существовала, ее организаторы и функционеры давно уже попали бы в руки КГБ, ЦРУ, Моссада или Ми6.

Нет, все проще: переход от четкого государственного регулирования к либеральным моделям привел к полной реорганизации научной деятельности. Свободный рынок не заинтересован в долговременных, пусть и сулящих баснословный выигрыш проектах, гораздо выгоднее развивать информационнорекламные технологии и бесконечно модернизировать имеющиеся разработки. Но слава богам! С возрождением СССР застой кончился, и мы приступаем к освоению Луны.

В двух шагах от Шумилова курил министр атомной промышленности Владимир Серко.

– Все о своем гелии думаете, Владимир Кузьмич?

Серко глубоко затянулся, бросил окурок на землю и растер его каблуком.

– О нем, родимом. На дейтерии мы далеко не уедем.

Министр был прав. Несмотря на все истошные вопли зеленых, либералов, западников и прочих радетелей за народные денежки, лунная программа должна полностью окупиться всего за 45 лет.

Уже в первый рейс «Пульсар», кроме лунного челнока, оборудования

базового лагеря и команды из трех будущих селенитов, доставит на наш спутник специализированный комбайн для добычи гелия3. Солнечный элемент, уникальное топливо для термоядерных реакторов гелий3 не дает ни радиации, ни жесткого нейтринного излучения, ни вредных продуктов. У него только один недостаток – на Земле этот изотоп практически не встречается, зато на Луне в верхнем слое грунта он содержится в промышленных масштабах. Ради такого приза, по сравнению с которым меркнут все сокровища сказочного Эльдорадо, и реализуется лунная программа.

Шумилову было известно, что сразу после завершения первого лунного рейса начнется строительство второго корабля. А уже затем, после практического испытания первых ядерных космолетов, специалисты НПО «МиГ» обещают построить улучшенную модель, специально для межпланетных экспедиций.

Наконец тяжелый самолет взревел моторами. Долгий разбег почти до самого конца взлетной полосы, и машина поднялась в воздух. Постепенно тающая в небе «Мрия» удалялась от аэродрома с медленным, неторопливым набором высоты. Вот серебристая точка повернула направо. Самолет шел по огромной спирали, с каждым витком поднимаясь все выше и выше. Теперь остается только ждать. Машина должна подняться до десяти с половиной километров, разогнаться до максимальной скорости, и уже там, в разреженной атмосфере высоко над Землей, со спины носителя стартует космолет.

– Павел Николаевич, а вы не помните, кто сегодня полетел? – неожиданно поинтересовался Серко.

– С Плесецка и Крыма – никто. Корабли ведут автоматы. А с Байконура – Юрковский и этот, как его… коренастый такой, лицо у него простецкое.

– Не помните, – грустным тоном констатировал министр. – Кроме Юрковского, в экипаже «Пульсара» Гнедых и Быков.

– Действительно, как это я забыл?

– А вы и не знали. Мы же не интересуемся именами пилотов рейсового аэробуса. Так и должно быть – героипервопроходцы превращаются в представителей обычной профессии.

– Вы правы, – с улыбкой произнес Шумилов, – сейчас космонавты – это просто извозчики, монтажники и лаборанты. Прогресс, однако.

Серко своей импровизацией, сам того не подозревая, подтолкнул Павла Николаевича к одной мысли.

– Надо будет памятник поставить в честь Первой Лунной. Виктор

Петрович, запиши, – Шумилов повернулся к своему секретарю, до этого момента спокойно созерцавшему окрестный пейзаж.

– Не рано ли? – усомнился Серко.

– Не рано. Пока эскиз нарисуют, пока утвердят, пока отольют и установят, время и подойдет. Да, прямо завтра с утра пригласите ко мне Глазунова. – Премьер вовремя вспомнил известного художника, создавшего памятник князю Святославу в Киеве и руководившего разработкой внутреннего интерьера помпезного Храма Александра Невского в Риге.

Дав секретарю задание, Павел Николаевич с чувством выполненного долга направился к стоящему на летном поле «уазику». Пора заглянуть в ЦУП, дождаться выхода всех трех кораблей на орбиту, поздравить разработчиков и конструкторов с успехом. Подписать представления к наградам, куда уж без этого? И можно будет возвращаться в Москву. Вон и правительственный «Ту304» стоит у заправочного терминала, готовится к полету. От банкета в ЦУПе Шумилов решил отвертеться, и без того работы непочатый край.

– Ходим на причал провожать корабли, – с грустью в голосе негромко проговорил Серко, сегодня его явно тянуло на романтику.

– А самому слабо в космос полететь? – резко повернулся к нему Шумилов.

– Так там же отбор! – начал было Владимир Кузьмич и осекся. Видно было, как он напрягся, проверяя тонус мышц, затем вынул из кармана рублевую монету. – И эх!!! – Пальцы министра побелели, лицо побагровело, на лбу вздулись вены. Затем Серко с довольной улыбкой протянул Шумилову согнутую скобкой монету. – Можно и в космос. Взлет я выдержу. Все одно, скоро повод появится – на гелиевые прииски с инспекцией съездить.

– А мне только лет через десять удастся, – грустно заметил Павел Николаевич. Вспомнился Пермский НИИ и бесшумно скользящие над полом аппараты. Опытные образцы ребята быстро изготовят, но с внедрением придется подождать. Пока расход энергии снизят, пока схему до ума доведут, еще много этих «пока». До серийного производства лет десять, не меньше. До тех пор придется держать разработку за семью печатями, под неусыпным надзором гэбистов, дабы конкуренты не пронюхали и не сняли сливки.

Уже в самолете, на полпути к Москве, премьер получил по электронной почте свежую сводку из Азии.

– Даа, упустили момент, – выдавил из себя Павел Николаевич, усиленно скребя пятерней затылок. Казавшаяся всего неделю назад

рядовой инфекцией лихорадка Шилдмана уже косила целые города. Счет жертвам шел на десятки тысяч. Общий прогноз на развитие ситуации мало отличался от знаменитого творения Иоанна Богослова – «Апокалипсиса». Такими темпами эпидемия истребит все население региона и покатится дальше. Через три года на планете останется всего несколько сотен тысяч человек. На цивилизации и человечестве можно будет ставить большой жирный крест.

Хорошо, что после введения чрезвычайного положения в Китае Советский Союз перекрыл свои восточные рубежи, установил жесточайшие карантинные меры для приезжих. Сейчас советские дипломаты в Японии, обеих Кореях, Китае, Индонезии, Малайзии проводят эвакуацию сограждан. На данный момент в регионе практически не осталось наших туристов и командированных, не связанных с проектами государственной важности.

В Японии эвакуация заняла всего два дня. Аэрофлот выделил самолеты и вывез абсолютно всех. В Китае дела обстояли хуже. Изза проклятого чрезвычайного положения почти двести советских граждан застряли во внутренних районах страны. По данным посольства, все люди находятся в относительной безопасности, сейчас они изолированы в гостиницах или там, где проживали на момент объявления ЧП. Китайский правитель Ху Дзиньтао в телефонном разговоре с Рычковым клятвенно пообещал, что ни один волос не упадет с голов граждан СССР, пока длится карантин. Но вот вывезти их пока не получалось.

Ничего, вывезем, всех вывезем, через неделю, две, но решим проблему. Союз не пожалеет никаких средств, вплоть до дипломатического, экономического, военного и прочих методов давления. Первая обязанность государства – защита своих граждан. Иначе зачем нужно такое государство? Шумилов полностью разделял эту точку зрения Верховного.

Сегодня в шесть вечера в Кремле должно состояться специальное совещание Верховного Совета по поводу эпидемии лихорадки Шилдмана. А Арсений Бугров, как назло, свалился с ангиной и ближайшую неделю проведет дома, под надзором врачей. Придется вести совещание и принимать решения Шумилову. Вопрос в принципе не входит в его компетенцию и сферу служебных обязанностей, но если Верховный болеет, приходится подменять.

В Охотском море штормило, с затянутого тучами неба сыпало нечто среднее между дождем и снегом. Резкий порывистый ветер пронизывал до костей, заставляя ежиться и искать любого укрытия на корабельной палубе. Впрочем, в такую погоду на палубе неторопливо переваливавшегося с

волны на волну сторожевика «Туман» не было ни души. Только серые пенные валы с шипением перекатывались по полубаку, разбивались о волнорез и барбет 76мм автомата и стекали обратно за борт.

– Кудряшов, что говорят про погоду? – Командир корабля, старший лейтенант Антон Владимирович Нежданов, захлопнул за собой дверь рубки.

– Обещают усиление волнения, ветер до пяти баллов и низкую облачность с осадками, – не поворачивая головы, отозвался штурман. Сейчас он пытался разглядеть чтонибудь полезное на экране радара. Высокие гребни волн давали множество ложных засветок, так что на экране царил настоящий хаос, разобраться с обстановкой было нелегко.

– Что мы сейчас и наблюдаем, – изрек командир, прохаживаясь по рубке. С его дождевика стекали струи воды, на палубном настиле оставались лужи. Но зато здесь было тепло и уютно, не то что на заливаемом брызгами и продуваемом ветром мостике.

Легкий корабль шел под острым углом к волнам. Палуба под ногами ритмично раскачивалась и уходила изпод ног, как на гигантских качелях. Периодически «Туман» содрогался от ударов особо крупных водяных валов в правую скулу.

– Что хорошего на радаре, Михаил Леонидович? – Антон Владимирович остановился за спиной штурмана.

– Пусто. В такую погоду только сумасшедший выйдет на лов.

– В такую погоду как раз и надо держать ухо востро. Нормальные люди в гаванях отстаиваются, а браконьеры рассчитывают, что мы… – Капитан не успел договорить, на что рассчитывают браконьеры. Очередная волна со всего размаху саданула по корпусу сторожевика. Палуба резко провалилась, выскользнула изпод ног и затем больно ударила по пяткам. Кудряшов от удара потерял равновесие и упал прямо в объятия капитана.

– Ни хрена себе! – выдохнул он, отлипая от Нежданова.

– Неплохо тряхнуло, – усмехнулся капитан, удерживая штурмана за плечо. – А ты штурвал крепче держи, дылда рязанская! – Это касалось рулевого.

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Есть, держать штурвал! – браво отрапортовал высоченный, широкоплечий мореман с лычками матроса первой статьи на погонах. При ударе он даже не шелохнулся, стоял, как вросшая в палубу глыба.

– Еще один комедиант. Не паясничай, лучше доверни на пару румбов правее. Так я говорю, Михаил Леонидович?

– Давно пора курс менять. Все одно, из сектора патрулирования

ближайшие два часа не вылезем.

После смены курса стало легче. Хаотичная болтанка сменилась нормальной килевой качкой. Корабль уверенно резал волны, удерживая скорость в 12 узлов. Да и таких больших волн больше не было. Время тянулось незаметно. Трое мореманов в рубке, отложив на время субординацию, травили байки.

– А вот и «Голландец» на радаре появился, – меланхоличным тоном проинформировал капитана штурман, после того как тот выдал очередную, но далеко не последнюю версию истории «Летучего голландца».

– Ну тебя! Не смешно.

– Вон, смотри! 23 мили на чистый норд, – штурман ткнул пальцем в экран.

– Может, кто из наших? – старший лейтенант изумленно поднял брови. – Кудряшов, запроси берег, на крайний случай.

– Откуда здесь наши? Ты сам говорил, что сейчас самое время для браконьеров.

– Ладно тебе. В такую погоду трал не вытащить. Радируй в штаб. А ты, – капитанский палец уперся в фигуру рулевого, – курс на норд.

«Туман» послушно лег на новый курс и тут же получил удар в правый борт.

– Черт! Мать твою в душу! Так всю изнанку вымотает, пока до него доберемся, – бросил Антон Владимирович, затем вдавил тангетку связи с дизельным отделением: – Полный ход!

Кудряшов, застегивая на ходу реглан, выскочил на левое крыло мостика и скатился вниз по трапу в радиорубку. Следующие полтора часа «Туману» пришлось буквально прорываться сквозь усиливающийся шторм. Корабль бросало, как пробку, волны с грохотом разбивались о форштевень, каскады воды обрушивались на палубу полубака. Очередной волной, подло ударившей сторожевик в борт, сорвало с кранбалок и унесло в море шлюпку. Несмотря на это, сторожевик уверенно держал ход в 20 узлов.

Вернувшийся в рубку Кудряшов сообщил, что никаких наших кораблей в этом районе нет и быть не должно. Только теплоход «Моцарт» топает в Курильск с грузом продовольствия и топлива, но он должен быть южнее, примерно на 120 миль.

– Что у вас случилось? В честь чего гонка? – Дверь в рубку открылась, впуская старпома лейтенанта Склярова Игоря Александровича.

– Неопознанное судно на носу, – отозвался Нежданов.

– Удирает?

– Нет. Похоже, лежит в дрейфе.

– Сумасшедший, – сделал вывод старпом, – или трал вытягивает?

– А кто его знает.

– Может быть, беженец? – высказал предположение рулевой, которому надоело молча изображать сервопривод штурвала.

– Далековато от Хоккайдо. Они же на Сахалин и Южные Курилы прорываются. Нет, не похоже.

В последнее время, в связи с охватившей Японию эпидемией, отмечались отдельные попытки нарушения морских рубежей СССР японскими судами с целью нелегальной иммиграции. Это если казенным языком. А если попростому: японцы всеми правдами и неправдами бежали из Страны Ямато куда глаза глядят. Никто и не думал, что скупые строчки сообщений о возникновении нового заболевания в забытом богом регионе окажутся предвестником конца света.

Всего за неделю пограничники перехватили в море почти две дюжины посудин с людьми, искавшими спасения от эпидемии. Еще два древних рыболовецких траулера успели проскочить мимо патрульных катеров, ускользнуть от вертолетов и выброситься на отмели у Итурупа. Ситуация была такова, что пограничники не знали, что делать. Японцы буквально падали на колени, со слезами на глазах просили позволить им высадиться. По воспоминаниям офицеров, в глазах беженцев не оставалось ничего человеческого, только дикий животный ужас.

Даже очереди из скорострелок по курсу нарушителей не оказывали никакого действия. Японцы наотрез отказывались поворачивать назад. После принудительной буксировки в нейтральные воды команды нарушителей ложились в дрейф и ждали, когда сторожевикам надоест их караулить. Ситуация накалилась. Наконец прямым решением председателя Сахалинского Совета Малютина было решено выделить беженцам несколько участков побережья в труднодоступных, удаленных от населенных пунктов районах Сахалина и на Курилах.

Беженцев просто отконвоировали к выделенным им участкам и объяснили, что покидать территорию запрещено под страхом смерти. Японцы и не стремились нарушать карантинные меры, наоборот, они сами готовы были забиться в нору, спрятаться подальше от людей. Даже при получении гуманитарной помощи они держались на расстоянии от сотрудников МЧС. Так в одном из самых малонаселенных регионов СССР появились целых 20 новых поселков, приютивших почти четыре тысячи беженцев.

– Приближаемся, – проинформировал коллег Кудряшов, не отрывая глаз от экрана радара, – еще восемь миль осталось.

Капитан энергично вдавил кнопку сигнала боевой тревоги. Во всех внутренних помещениях «Тумана» из динамиков зазвучал резкий, холодящий душу, заставляющий людей сломя голову нестись на свои места по штатному расписанию сигнал. Через считаные секунды весь экипаж сторожевика уже был на местах. На командира корабля посыпались четкие доклады с боевых постов. Убедившись, что на корабле полный порядок, Нежданов по «принудиловке» коротко объяснил людям ситуацию:

– Приближаемся к неопознанному судну, необходимо установить его принадлежность, провести досмотр и в случае обнаружения орудий незаконного лова или иных нарушений отконвоировать в порт. Стандартная процедура.

– Вот он. Прямо десять градусов по левому борту! – выпалил старпом, врываясь в рубку. С реглана Склярова ручьями стекала вода, волосы на голове растрепались и торчали в разные стороны, но в глазах горел знакомый всем задор охотника, увидевшего в прорези прицела дичь. Капитан повернулся к окну, но через залитое водой стекло и сыплющую с неба морось ничего разглядеть не удавалось.

– Похоже на сухогруз в 5000 тонн, – добавил Скляров.

Нежданов молча взял у него из рук бинокль и вышел на мостик. Ледяной ветер швырнул в лицо брызги воды, за шиворот просочились струйки дождя.

Ноябрьский шторм в центре Охотского моря сам по себе явление мерзопакостное, а на мостике небольшого сторожевика человек моментально промокает насквозь. Нежданов успел пожалеть, что забыл в рубке дождевик, но не возвращаться же назад изза такой мелочи?

Ухватившись за вздрагивающий при каждом ударе волны поручень, старший лейтенант поднял бинокль. Ничего не видно. Линзы залило водой. Изображение плывет и прыгает. Вот чтото мелькнуло между гребнями волн. Вон опять, на том же месте. Точно, он. Сухогруз лежит лагом к волне. Грузовая стрела болтается над палубой, как сопля на ветру. Убить бы их боцмана за такие дела! Судно с полным грузом, сидит глубоко.

Еще через двадцать минут «Туман» поравнялся с неизвестным. Сейчас хорошо было видно, что судно не движется, безвольно дрейфует, подгоняемое волнами, на палубе и надстройке никаких признаков жизни, шлюпки на месте. Мощный ослепительный луч прожектора уперся в рубку сухогруза и замигал азбукой Морзе. Стандартный запрос: «Назовите себя. Порт приписки? Порт назначения? Нужна ли помощь?» Нет никакого ответа. Никаких признаков жизни.

– Антон Владимирович, шторм скоро стихнет. Можно будет выслать

партию.

– Хорошо, Игорь Александрович, готовьте людей. – Нежданов постучал костяшками пальцев по нактоузу компаса. Ему не нравилась ситуация. Брошенное судно вдалеке от основных каботажных линий, шторм. Не хотелось рисковать людьми, но и поступить иначе нельзя. Коллеги не поймут, если он прикажет развернуться и оставить терпящее бедствие судно во власти Нептуна.

Действительно, через час волнение стихло, незаметно прекратился дождь, сквозь разрыв в тучах выглянуло солнце. На душе стало веселее.

Два корабля качались на мерной зыби на дистанции в три кабельтова одно от другого. Подходить ближе Нежданов не решился, справедливо опасаясь столкновения. К этому моменту уже удалось прочитать название судна и порт приписки: «Никоку Мару» – Нагасаки.

– Ну, с богом, Игорь Александрович! – кивнул командир.

«Туман» малым ходом приблизился к правому борту японца и застопорил машины. Моряки спустили на воду моторный катер. Старпом, козырнув напоследок, быстрым шагом вышел из рубки, вскоре он уже спускался по штормтрапу в катер. Замолотил мотор, и катер отвалил от борта сторожевика.

С мостика «Тумана» было хорошо видно, как катер, оставляя пенный след, подошел к сухогрузу и пошел вдоль высокого нависающего над волнами борта. На неизвестном – никакой реакции, ни одного человека на палубе. Трапы подняты и надежно принайтованы – кажется, что нет никакой возможности подняться с маленького катерка на возвышающийся отвесной скалой борт.

Но вот они подошли к корме, матрос с автоматом на плече ухватился за штормтрап и взбирается наверх. За ним еще один. Третьим пошел старпом. Все трое поднялись на борт, машут руками в сторону «Тумана» и скрываются под надстройкой. Теперь остается только ждать.

Всего через десять минут люди опять возникли на палубе, быстро спустились в катер. Было видно, что у лейтенанта под мышкой зажат большой пакет, скорее всего, судовой журнал. Как только старпом выпустил из рук штормтрап, моряки оттолкнулись багром от борта сухогруза, взревел мотор, и катер полным ходом полетел к сторожевику.

«Ну что там? Почему так быстро?» – крутилось в голове Нежданова. Ответ не заставил себя долго ждать. Через пять минут Игорь Александрович, поднявшись на мостик, коротко и эмоционально обрисовал ситуацию: плавучее кладбище. На «Никоку Мару» экипаж мертвецов, судно, по меньшей мере, неделю болтается в море. Лихорадка Шилдмана –

два слова обрушились на голову командира, заставив побледнеть и потребовать от старпома бежать в лазарет вместе с досмотровой партией и по 100 граммов чистого спирта внутрь, залпом, в целях профилактики. Приказ в любой другой ситуации был бы воспринят на «ура», но не сейчас. Слишком страшными были новости из Японии, Китая, Кореи и других мест, охваченных эпидемией.

Глава 14

ЭКСКУРСИЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ

Утро 28 ноября выдалось пасмурным. За окном еще с вечера моросил дождь, все небо затянуто тучами. Незаметно наступила слякотная, мерзкая, китайская зима. Настроение с самого утра у всех было подавленным. Станислав сразу после завтрака поднялся к себе в комнату, плохая погода и более чем три недели вынужденного безделья расхолаживали. Все дела были переделаны, все темы для разговоров давно исчерпаны, оставалось только дремать на кровати либо коротать время за партией в шахматы или в преферанс.

В номере Стасу первым делом на глаза попалась аккуратно сложенная на столе стопка документов. Отчеты их группы. Все уже давно обработано, сопровождено аналитическими записками и обзорами, оставалось только передать документы службе маркетинга и приступать к выполнению контракта.

Все это могло быть, но у Стаса давно уже зародилось ощущение, что отчеты его группы уже никому не понадобятся. И даже сам монстр – Оборонэкспорт в ближайшее время ожидает реорганизация и сокращение штатов. Во всяком случае, восточноазиатский сектор на ближайшую сотню лет точно останется без работы.

Ну и черт с ним! У Стаса сейчас не было никакого желания забивать себе голову проблемами родного концерна, лучше спокойно поваляться на кровати с книжкой Гундича. Он ее вчера вечером выпросил у Маши. Нечто научнопопулярное, историческое о Второй мировой войне. Судя по аннотации, автор доказывает, что в 40м году Франция готовилась к наступлению на Германию, опираясь на линию Мажино и Бельгийские укрепления. Все уже было готово к операции «Громовержец», но Гитлер успел первым. Выведенные на рубежи атаки французские войска первой линии были уничтожены внезапным ударом. Именно этим объясняется быстрый разгром Франции, несмотря на значительное превосходство ее армии над германской.

Прочтя несколько десятков страниц, Стас невольно проникся духом книги и аргументацией автора. Написано действительно интересно. Гундич прекрасно владел материалом, умел работать с архивами. Оказывается, французская армия в 40м году как минимум в два раза превосходила немецкую. По авиации – более чем в полтора раза, а по танкам – в три. Несравнимы были и боевые характеристики французских и немецких

машин. Массово выпускавшиеся «R35» на голову превосходили самые совершенные немецкие «Т4» и почти не уступали нашим знаменитым тридцатьчетверкам. А таких танков, как тяжелые «В1бис», у немцев и в проекте не было. Во французской армии их же насчитывалось больше сотни. Но немцы успели первыми, и весь цвет Франции погиб в первые же часы приграничного сражения, не успев ни перейти к обороне, ни понять, что происходит.

Когда Стас проштудировал уже страниц восемьдесят, в номер без стука ворвался Макс.

– Чон Ли плохо! – выпалил он с порога.

– Как?

– Лихорадка Шилдмана, однозначно, – прозвучал в ответ фатальный диагноз.

– Пошли! – выдохнул Стас, срываясь с кровати. Эпидемия докатилась и до их островка благополучия.

Пока они спускались на первый этаж, Макс быстро рассказал, как все было. Люди сидели в столовой, все было нормально, как вдруг Чон Ли схватился за сердце и опрокинул на себя чашку чая. Ребята подскочили к оседавшему на пол старику, помогли ему добраться до его комнаты и уложили в кровать. Общие симптомы: слабость, озноб, рвота, нервное непроизвольное подергивание левой руки, все говорило, что старик заболел лихорадкой Шилдмана. Так официально называлась обрушившаяся на регион эпидемия.

В комнатушке Чон Ли на первом этаже рядом с кухней собралась вся группа. Больного уже раздели и уложили в постель, сейчас Саша, придерживая голову Чона, поил его водой. Маша рылась в аптечке, на столе валялись упаковки таблеток и тюбики, наконец она нашла коробочку с антибиотиком.

– Держи! – Саша, не глядя, взял протянутую таблетку и аккуратно вложил ее в рот старого китайца. Сам Чон, видимо, чувствовал себя настолько плохо, что даже руку поднять не мог.

– Не могу ни до кого дозвониться! – заявил, входя в комнатку вслед за Стасом и Максом, Дмитрий. – На всей базе ни одна б… телефон не берет, – добавил он чуть потише.

Решение созрело мгновенно: раз нельзя дозвониться, значит, надо идти за врачом. Тем более что часовых у входа сняли уже три дня назад. Хочешь не хочешь, а идти придется. Сбегать за врачом вызвались все. Стас быстро прервал вспыхнувший было спор и заявил, что пойдут двое: он сам, как старший, и Дмитрий Кочетков в качестве переводчика.

Попытавшийся навязаться в компанию Валера (понятно, всем надоело сидеть взаперти) получил четкое указание приготовить коктейль из водки, лекарственных настоев и меда и впоить это дело всем членам коллектива. Как было известно, вакцины от вируса нет, но крепкое спиртное считается хорошим профилактическим средством, травы повышают иммунитет, а мед вообще спасает от ста недугов.

Накинув куртки (на улице моросило), Стас и Дима, не прощаясь с ребятами, вышли на крыльцо. В нос тут же ударил непередаваемый аромат дождевой свежести, чистоты, разбавленный запахами прели с какимто непривычным кисловатым привкусом.

– Холодно, как в морге, – пробурчал Дима, поднимая воротник.

Стас, наоборот, задрал голову к небу, вдыхая полной грудью приятную, нежно холодящую свежесть легкого дождика. На улице не холодно, для данного района Китая обычная зимняя погода.

Вокруг было пустынно, ни одного человека, никаких следов жизни. Стас заметил, что на краю проезжей части у бордюра ветром нанесло кучи опавших листьев и мусора. В сером приземистом здании казармы справа за деревьями разбита пара окон. Странно, что их сразу не заменили. Мало того, что в помещении без окон даже во время такой мягкой зимы холодно и сыро, так в любой армии мира это просто немыслимо! Порядок должен быть! И если нет стекол, сержант заставит солдат забить дыры фанерой или досками.

Свернув за угол, друзья наткнулись на припаркованный прямо на тротуаре автобус. К изумлению заглянувшего в кабину Димы, ключи торчали из замка зажигания. Угоняй кто хочет! Внезапно налетевший ветер принес с собой сильный запах гнилости и разложения, как будто гдето сдохла собака.

– Пошли быстрее, – кривясь от вони, Макс толкнул в плечо Стаса.

Тот согласно кивнул и ускорил шаг, прикрывая нос ладонью, чтобы запах не казался таким сильным. Нет, здесь явно не собака в кустах воняет, скорее похоже на вскрытый скотомогильник. Стас вспомнил, как смердело от птицефабрики на окраине Владимира, пока на ней не поставили новую систему утилизации и переработки отходов. Один к одному, как та забытая вонь.

Вскоре они дошли до штаба. В окнах второго этажа, там, где должен был находиться кабинет генерала Шао, горел свет. Перед входом в здание замерли легковушка и заляпанный грязью джип. Вокруг ни одного человека, даже часовых, хотя они обязаны быть. Грубейшее нарушение Устава. В вестибюле обнаружились первые за сегодняшний день следы

людей: опрокинутый стул, разлетевшиеся по полу бумаги, на лежавшей перед лестницей газете отпечатался след ботинка. Явно люди покинули здание в спешке.

В дальнем углу прошмыгнула мышь, за стойкой у входа чтото зашуршало. Стас потянулся было к стойке, посмотреть, кто там, но вовремя остановился. Вместо этого он громко крикнул:

– Есть тут кто живой? – хоть сам уже догадывался, что никто не откликнется. Дима повторил вопрос покитайски. Нет, ни одного звука в ответ. Только стихло шуршание за стойкой, и чтото маленькое и темное скрылось в корзине для мусора.

– Значит, нет никого, – сделал вывод Стас. – Всех срочно вывели на полигон на учения или перебросили в город порядок наводить, – добавил он для собственного самоуспокоения.

Дима только хмыкнул в ответ и направился к лестнице. На втором этаже было чисто, в коридоре горел свет. Казалось, ничего не произошло, еще минут десять, и в здании появятся спешащие по делам люди, а разгильдяи дежурные просто слиняли в самоволку и вскоре вернутся на свои посты. К сожалению, это были только наивные мечты, попытка подсознания найти наиболее комфортный вариант интерпретации увиденного. На самом деле людей здесь нет и уже не будет. Уехали, убежали, в спешке покинули военную базу, забыв предупредить советских специалистов.

В приемной генерала горел свет, дверь в кабинет была чуть приоткрыта, изза нее не доносилось ни звука. Стас рванул на себя дверь и влетел в помещение. Да, вот и первый человек, встреченный сегодня. Прямо перед Станиславом за своим столом сидел сам генерал Шао Баньцинь. Казалось, человек проработал всю ночь и незаметно для себя уснул, уронив голову на стол. Дмитрий, стараясь не шуметь, подошел к столу и коснулся плеча генерала, затем повернулся к Стасу и покачал головой.

Все было ясно без слов – бравый военный мертв, но не оставил свой пост. Больше искать людей, живых людей, было бесполезно. По базе Луньсянь прокатилась волна смерти. Люди умирали один за другим, и только стальная воля командира позволила сохранять порядок до конца, не скатиться в хаос, потеряв человеческое лицо. До самого последнего момента военная база функционировала, сменялись караулы, работали врачи, пытаясь остановить эпидемию. Каждое утро перед штабом поднимался флаг. Они проиграли в конце концов, но проиграли достойно. Не превратились в озверелую толпу погромщиков и бандитов, не провели

последние дни в кровавой пьяной вакханалии, пытаясь за оставшиеся дни и часы наверстать упущенное, выпить кровь жизни залпом, одним глотком. Нет, они до самого конца стояли на своих местах, как положено человеку, и только Белая Дама с косой сменила их на посту. Стас прекрасно понимал, сколько сил пришлось приложить генералу, чтобы не допустить хаос. Он уважал таких людей, Людей Долга, с большой буквы. Военные ушли, ушли в лучший мир, и сейчас на территории гарнизона не осталось ни одного человека, кроме восьмерки военных советников и умирающего повара.

– В подвале оружейная комната, – вспомнил Дмитрий.

– А ключи?

– Должны быть у дежурного.

– Или его трупа, – мрачно отшутился Стас и повернулся к двери. Все, что хотел, он уже выяснил. Оставалось только решить, что делать с этим знанием. На полпути к приемной он остановился, осененный догадкой, и вернулся к столу. Стараясь не касаться тела генерала Шао Баньциня, он обыскал ящики стола. В верхнем ящике обнаружился длинноствольный «вальтер» и пара запасных обойм, а во втором снизу нашлась увесистая связка ключей.

Оружейную они нашли быстро. Дима потянул, на себя тяжелую железную дверь с иероглифической надписью и пиктограммой, изображающей автомат. За дверью обнаружилась комнатушка, перегороженная стойкой, в дальней стене была еще одна бронированная дверь. К всеобщему облегчению, трупов здесь не обнаружилось, зато под стойкой нашлись ключи от второй двери. Видимо, дежурный, почувствовав себя плохо, покинул пост и отправился в лазарет.

Ключ плавно провернулся в замочной скважине, тут же заревела сигнализация. Стас, не говоря ни слова, сорвал со стены ревун. Теперь осталась только сигнальная лампа, мигавшая над дверью, но она никому не мешала.

Оружия здесь было не так уж много. Видимо, оружейная предназначалась только для штабных офицеров и комендантского взвода. Стас и Дмитрий выбрали себе по «Калашникову», набили карманы курток запасными магазинами. Дима еще прихватил пару ручных гранат и сейчас мучился, пытаясь укрепить их на поясе так, чтобы не потерять чеки и не взлететь на воздух. Наконец ему это удалось. Стас тем временем осматривал свалившееся на них богатство. При желании здесь можно было неплохо оснаститься. Кроме стрелкового пехотного оружия, нашлись пара «СВД», пулеметы, гранатометы и даже «ПЗРК» китайского производства, упакованные в зеленые пластиковые контейнеры.

– Все, теперь возвращаемся и решаем, как жить дальше. – Лицо Стаса растянулось в широкой улыбке. С оружием в руках он чувствовал себя увереннее. Недаром предки говорили – оружие делает мальчика мужчиной.

– Мы же еще не нашли госпиталь.

– Какой, к черту, госпиталь?! Видишь, что творится?!

– А старый Чон Ли? – не сдавался Дима.

Стас бросил на него тяжелый пристальный взгляд исподлобья и только тяжело вздохнул.

– Ладно, сам напросился. – Он уже представлял себе, что их ожидает в госпитале, но Дима, видимо, пока еще не до конца осознал, что здесь никто им не поможет. Даже налет на оружейную не способствовал избавлению от иллюзий. Что поделать, цивилизованный человек редко остается в полном одиночестве и больше надеется на милицию, пожарных, «Скорую помощь» или спасателей МЧС, чем на собственные силы.

До госпиталя было рукой подать. Рядом за углом, в трехстах метрах. По дороге им встретилась стая бродячих собак, с аппетитом и довольным урчанием рвавших чтото лежащее на асфальте. При приближении людей они не разбежались, а, наоборот, подняли морды и, глухо рыча, закрыли собой свою добычу. Вожак, оскалив зубы, сделал пару шагов вперед, всем своим видом демонстрируя, кто здесь хозяин.

Дима сорвал автомат с плеча и дал короткую очередь в воздух. Подействовало. Собаки с жалобным визгом бросились наутек. Ребята подошли поближе к лежащему в темной луже большому свертку. При ближайшем рассмотрении это оказалось обгрызенное тело человека. По сохранившимся на лоскутьях формы погонам можно было определить, что при жизни он был лейтенантомтанкистом китайской армии.

– Круговорот еды в природе, – бросил Стас, равнодушно проходя мимо. Слишком много впечатлений на сегодняшний день. Рассудок Стаса в борьбе за собственное выживание реагировал на окружающую действительность озвучиванием убийственно циничных образчиков черного юмора в стиле пьяного патологоанатома. Одна из многочисленных уловок человеческой психики, позволяющая не сойти с ума.

Впрочем, картина, открывшаяся Стасу после того, как он распахнул двери госпиталя, настолько его шокировала, что он не смог произнести ни одного слова. Только оказавшись под приятным охлаждающим дождиком, он наконец смог вытащить из кармана пачку сигарет так, чтобы не переломать содержимое. Крепко сжимая обеими руками зажигалку, Стас прикурил и жадно, глубоко затянулся. Крепкий ароматный дым прочистил легкие, перебил засевший в глотке привкус мертвечины и гниения. Пальцы

дрожали, неприятно холодило в районе поясницы. Только, докурив сигарету до фильтра, он смог выдавить из себя:

– Освенцим – это детские игры. Страшная смерть.

Неестественно побледневший Дима только молча кивнул. Он смолил вторую сигарету подряд и корил себя за бездумную идею зайти в госпиталь. Там их встретили бескрайние ряды кроватей с искаженными агонией трупами, грязь, блевотина, стекающие на пол слизь и фекалии. Вокруг носились осмелевшие крысы, прыгали прямо по телам, недовольно верещали, когда люди отвлекали их от трапезы. А запах! Стаса и Диму спасло то, что их осязательные рецепторы напрочь отрубались, не выдержав такого издевательства. Трупы лежали даже в ординаторской и бывшем приемном покое. «Приемная чистилища», – пришло в голову Стасу.

Они заглянули в одно из помещений цокольного этажа и обнаружили там аккуратно уложенные штабеля запакованных в полиэтиленовые мешки тел. Этим посчастливилось заболеть и умереть первыми, под надзором медперсонала. Когда в госпитале еще пытались лечить, а не превратили его в трупосборник.

– А мы в любом случае должны были заразиться, – пробормотал Дима, – эта дрянь передается по воздуху.

– Ерунда, мы все здоровы! Мы живы! Мы не можем заболеть, мы же русские! – Глаза Стаса злобно сверкнули. Только соплей и интеллигентских нюней здесь не хватало. И без того на душе словно кошки нагадили.

– Но так не бывает! – На глазах Димы показались слезы.

– Нет! Бывает! – коротко обрезал Стас, прерывая истерику парня. – Что ты предлагаешь? Оставаться здесь? Подыхать, как эти? – Он небрежно махнул рукой в сторону госпиталя. Время эмоций кончилось, мысли приобрели ясность, настало время действия.

– Нет! Только не так, – пласкиво хрюкнул Дмитрий.

– Ну, тогда пошли за машиной.

Гараж, как помнил Стас, находился на параллельной улице, всего в полукилометре от госпиталя. Рядом со столовой сержантского и рядового состава. Шли они быстро, почти бежали, не оборачиваясь, чтобы случайно не увидеть выкрашенное желтой облупившейся краской здание госпиталя.

Вот и автопарк! Опоясанное высоким забором пространство с ангарами, ремонтными мастерскими, боксами казалось им чемто родным, близким, спасительным. Широкие ворота были открыты, замок с перекушенной дужкой валялся на земле. Видимо, ктото из последних выживших уже побывал здесь. Все понятно, когда мир вокруг рушится, в

первую очередь надо запасаться оружием, провиантом и транспортом.

Никто не мог сказать, что именно взяли неведомые предшественники Стаса и Дмитрия. Почти все положенные по штату автомобили находились здесь. Ребята пробежали между рядами грузовиков, штабных внедорожников, обнаружили даже несколько легковушек. Стасу приглянулся огромный черный «Лексус», но по здравом размышлении он отказался от идеи хоть на несколько дней стать обладателем японского внедорожника. Все в джип не влезут, а ехать на нескольких машинах нерационально.

Наконец на глаза попался новенький, только прошедший обкатку полноприводный «КамАЗ Торос» с оборудованным под мобильный командный пункт кунгом. Машина понравилась обоим, надежный, способный одолеть любые дороги русский автомобиль, то, что нужно для выживания в экстремальных условиях. Ключи в зажигании, бак залит под завязку, аккумулятор заряжен, ремкомплект и инструмент на месте. Машина завелась с первого оборота, из трубы глушителя вырвалось сизое облачко выхлопа, мотор добродушно заревел, когда Дима нажал на газ, прогревая двигатель. Чувствовалось в этой машине чтото надежное, прочное, несгибаемое, казалось, даже от неброской таблички «Сделано в СССР» исходила внутренняя сила.

Машину вел Дмитрий, у него уже был опыт вождения большегрузов. Стас же пока опасался садиться за руль – не хватало еще подпортить машину о встречные дома. До гостевого домика доехали с ветерком, ворота закрывать за собой не стали, все равно не от кого и незачем. Когда «КамАЗ» остановился напротив главного входа, на крыльцо высыпали все остававшиеся в доме. Шум тяжелой машины трудно не услышать, особенно когда кругом кладбищенская тишина. Но радости на лицах ребят не замечалось. Первой к выбравшемуся из кабины Стасу (автомат он оставил в машине) подбежала Ирина.

– Он умер. Не успели вы, сердце не выдержало. Умер он, – повторяла она, прижавшись к мокрой куртке Стаса.

– Он легко ушел. Не плачь, Чон уже не мучается. – Стас обнял девушку и нежно провел ладонью по ее шелковистым светлорусым волосам. Надо было рассказать, что они увидели в военном городке, но слова примерзли к языку. Он не мог сейчас обрушить на заплаканную девушку страшную новость. Выручил Валера.

– Врачей зря оторвали от работы, – заметил он с хмурым, недовольным видом.

– Нет никаких врачей, – произнес Дима, подходя к товарищам, –

вообще никого нет. Мы одни остались, – добавил он, поправляя висящий на плече автомат.

Каждый воспринял эту новость посвоему. Кто со скорбью, кто с тайной надеждой, что беда миновала. Они живы и сейчас могут вернуться домой. Кажется, ребята просто не поняли, что это означает. Смерть тысяч молодых здоровых мужчин от банального вируса – это просто в голове не укладывалось. Поступавшая по государственным телеканалам скудная информация о событиях в стране казалась чемто далеким. Эпидемия бушевала, но не здесь, а в юговосточных провинциях, в Японии, в Индонезии, еще гдето там далеко. Поверить в то, что смерть пронеслась над Луньсянем и забрала с собой все население, было невозможно. Даже пустынные улицы и оружие у вернувшихся из разведки Стаса и Димы, нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Наконец все успокоились, спонтанно начавшееся на улице совещание плавно перенеслось в столовую. На повестке дня стоял кардинальный вопрос: что делать? Стас быстро убедил сомневающихся, что бесполезно и даже опасно оставаться на этой базе, лучше воспользоваться моментом и ехать домой. Машина есть, оружия и продовольствия хватит на небольшую армию, солярку можно будет добывать на брошенных заправках. Макс, Дима и Валера энергично поддержали Стаса. Было решено: сегодня собираемся, садимся в машину и прорываемся на север к советской границе.

Высказанная Максом идея ехать в Пекин в посольство была признана самоубийственной. В больших городах сейчас творится полный беспредел. Ад на Земле. Обезумевшие перед лицом неминуемой гибели люди убивали, грабили, насиловали, старались за последние оставшиеся им дни насладиться всеми радостями жизни по полной программе. А если учесть, что китайцы и раньше не отличались особой любовью к «белым варварам», то сейчас рисковать попасться в руки уличных банд или просто решивших поиграть в средневековых феодалов полицейских или военных мог только безумный. Нет, лучше и не рисковать.

Коллеги быстро распределили между собой фронт работ. Валера, Дмитрий и Макс завели машину и направились в штаб за оружием, медикаментами и картами. Алексей и Александр, получив один автомат на двоих, двинулись в пеший поход по ближайшим окрестностям с заданием найти все, что может пригодиться в дороге. А если честно, Стас просто решил занять людей делом, чтобы не раскисали, пусть погуляют, заодно поймут, что вокруг не декорации из фильма ужасов, самая что ни на есть реальная действительность. Девушки занялись упаковкой продуктов и

походного снаряжения, а сам Станислав Рубанов поднялся в холл звонить в посольство.

Глава 15

НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

Снег, кругом снег. Снег сыплет с неба, лежит на газонах, на крышах, превращает деревья в сказочные скульптуры, оседает на тротуарах и дорогах. С самого раннего утра дворники и дорожные службы начинают неравную борьбу со снегом, чистят улицы и дворы. И так каждый день до весны. Уже конец ноября, зима вступает в свои права. Нормальная русская зима, со снегом, шумными новогодними праздниками и морозом.

Хотя нет – как раз сильных морозов и не обещается. В последние годы климат ощутимо изменился, потеплел, стал более комфортным и умеренным, особенно в Европе. Хорошо это или плохо – никто не скажет. Просто ничего постоянного в мире нет, все течет, все меняется. Будет знаменитое глобальное потепление и всемирный потоп, о чем так любят разглагольствовать европейцы, или нет, еще бабушка надвое сказала.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению и не составили удовлетворительную модель процесса. Прогнозы самые разные и, по мнению Шумилова, зависят в первую очередь от предпочтений составителя и целей финансирующей организации. Да и черт с ним, с этим потеплением! Павла Николаевича сейчас занимали совсем другие проблемы. Не прогнозируемое сокращение расходов на отопительный сезон и совершенно реальное удлинение навигации по Севморпути, а жутчайшая катастрофа, обрушившаяся на наших юговосточных соседей. Эпидемия, готовая в любой момент просочиться через пограничные кордоны и захлестнуть Восточную Сибирь и Казахстан.

Машина мчалась по широким проспектам столицы. Перестроение на Тверскую, резкое и выверенное до сантиметра и до миллисекунды. Теперь газ до упора и вперед по левому ряду. Мигалка включена, вой сирены предупреждает водителей о необходимости освободить полосу. Сегодня не до сантиментов, Председатель Совета Министров спешит на работу.

Слева мелькнул памятник Юрию Долгорукому, остановка на светофоре, и представительский «ЗИЛ» свернул на Манежную. В этот момент у Шумилова зазвонил телефон.

– Да, говорите! – Павел Николаевич, не глядя на экран, прижал трубку к уху.

– Привет, Паша, – раздался осипший голос Бугрова, – какие новости?

– Пока никаких, Арсений. Ничего нового. Сейчас с товарищами будем обсуждать проблему. – Все было понятно без слов. В настоящий момент

высшее руководство СССР интересовала только одна проблема. То же самое можно было сказать и о правительствах всех стран Старого Света.

– Ты держись! Мне врачи еще два дня запрещают из дома выходить. Извини, попробуйте без меня управиться.

– Давай выздоравливай! – громко и уверенно ответил Шумилов. – Все нормально. Ситуация под контролем. Ввели карантин, армия в повышенной боевой, милиция, МЧС, медики обеспечивают все, что возможно и невозможно. Одних антибиотиков закупили на пять лет вперед. Если вдруг не израсходуют, Минздрав повесится, вместе с аптечным управлением. – Грубоватая шутка, но лучше уж шутить, чем изрекать глупости с умным выражением лица.

И Верховного надо успокоить, пусть выздоравливает и не переживает. Это только официально товарищ Бугров слег с ангиной. В действительности он подхватил воспаление легких. Паршивая штука, даже при всех достижениях медицины. Врачи потребовали от пациента еще минимум неделю соблюдать постельный режим, а лучше две. Вот пусть и соблюдает.

– У нас случаев лихорадки Шилдмана еще не было?

– У нас, – Павел Николаевич тяжело вздохнул, – у нас двенадцать человек заболели. Десять на Дальнем Востоке и двое в Питере.

– Хреноватенько.

– Все госпитализированы. Минздрав стоит на ушах, сейчас проводят массовое обследование, обещают за неделю выявить всех инфицированных.

– Ладно, вижу, что молодцы. Работайте и… и держитесь, – добавил Верховный.

– Ты на витаминчики налегай. Сегодня вечером с Мариной постараемся заглянуть к тебе.

– Не боишься заразиться?

– Тьфу на тебя! – Павел Николаевич даже побагровел от возмущения. – Марине какоето новое народное средство посоветовали. Будет тебя на ноги ставить.

– Нет, спасибо. Меня лекари уже закормили таблетками и витаминами, всю задницу искололи, коновалы чертовы. Заходите без своих снадобий.

– Хорошо, вечером зайдем. – С этими словами Шумилов отключил телефон.

Машина въезжала в Кремль. В тот момент, когда за «ЗИЛом» закрылись тяжелые створки ворот, Шумилову показалось, что на его плечи легла какаято тяжесть. На доли секунды он ощутил на своих плечах

царскую мантию, а виски сдавил массивный золотой обруч короны. Миг, и Павел Николаевич почувствовал себя настоящим Императором, единовластным правителем громадной и могучей Империи.

Огромная власть и страшная ответственность, когда ты можешь одним словом возводить города и сокрушать царства, казнить и возвеличивать. Когда от тебя зависят судьбы мира и счастье твоих сограждан. Эх, не ошибиться бы! За ошибки Императора приходится дорого платить, и зачастую реками крови.

Мимолетное наваждение пропало так же стремительно, как возникло. Исчезла горностаевая мантия, растаяла корона, только что сдавливавшая голову. Это все морок, тень прежних властителей России, напоминание ушедших потомку, чтоб не забывал, где он и кто он. Хотя какой он потомок императоров? Просто Председатель Совета Министров СССР, в настоящее время врио Председателя Верховного Совета. Вот и все. Пришел в Кремль не божьим помазанником и уйдет, когда время наступит.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж и вежливо отвечая на приветствия встречных, Павел Николаевич бросил взгляд на часы: без трех минут девять. Точно в назначенное время, ни минутой позже или раньше. В коридоре и огромной приемной уже собрались все приглашенные. Сколько их! Шумилов специально выбрал для совещания большой кремлевский кабинет Верховного. И места много, и сама обстановка соответствует уровню планерки и важности ожидаемых решений. Ситуация сейчас хуже, чем в 41м году, расслабляться нельзя.

– Здравствуйте, товарищи, – вежливо кивнул Павел Николаевич, проходя через приемную. – Заходите, располагайтесь. – Сам он занял место во главе стола. Затем открыл «дипломат» и принялся раскладывать бумаги. – Все, начинаем. Я не хочу повторяться, ситуация серьезная. – Шумилов обвел взглядом собравшихся: члены Верховного Совета, руководители министерств и ведомств, ученые, главы областей, генералитет – все, от кого могло хоть чтото зависеть в решении проблемы. Шум стих, десятки пар глаз смотрели на премьера.

– Начнем с доклада товарища Уланова. – Павел Николаевич кивнул в сторону командующего Дальневосточным военным округом.

– На данный момент мы уплотняем патрулирование и усиливаем пограничную линию. Приграничные районы полностью перекрыты армейскими частями, ведем постоянное наблюдение с воздуха. – В голосе генерала Уланова явно слышались нотки превосходства, в които веки армейцы берут на себя полностью ответственность за границу, оттесняя на задний план войска КГБ. – С момента объявления повышенной готовности

с помощью армейских подразделений пресечены 189 попыток перехода границы. Все нарушители без задержания выдворены за пределы нашей территории…

Далее последовали доклады остальных военных. Смысл был примерно одинаков: граница на замке, усиленное патрулирование, в воздухе дежурят истребители, пограничные переходы перекрыты. Отмечалось, что на той стороне замечены большие скопления людей, видимо, беженцы.

На море ситуация сложнее. В результате прорыва нескольких судов из Японии на Курилах и Сахалине образовались лагеря беженцев.

– Ситуация была на грани взрыва. Пришлось в явочном порядке разрешить иммиграцию и выделить территорию под лагеря, – пояснил председатель Сахалинского облсовета Малютин.

– Я полностью поддерживаю Сергея Михайловича и готов разделить с ним ответственность, – поднялся начальник Владивостокского погранотряда контрадмирал Охламонов. – Мы могли либо пропустить часть судов с беженцами и выделить им изолированные районы для проживания, либо просто топить огнем всех нарушителей границы.

– Никто никого не обвиняет, – мягким тоном произнес Шумилов. – Вы приняли неплохое решение, беженцы ни в чем не виноваты, пусть живут. Главное, чтобы не в ущерб и без риска заражения граждан СССР.

После рапортов губернаторов и генералов Павел Николаевич повернулся к Вячеславу Ивановичу Трубачеву.

– Что скажет Комитет? Касательно ваших научных разработок и аналитики.

– Сначала я хотел бы предоставить слово Андрею Олеговичу Майорову, директору Новосибирского НИИ микробиологии. – Трубачев повернулся к полноватому, круглолицему усачу, сидевшему между Рычковым и Владимиром Никитиным.

– Я раньше никогда не участвовал в работе совещаний такого уровня, – чуть запинаясь, произнес Майоров, поднимаясь с места.

– Ничего, привыкнете, – подбодрил его Шумилов. Ему, если честно, нравилось работать с учеными. Это совершенно другой склад ума, образ мышления, абсолютно не похожий на привычные тяжеловесные приземленные мысли и фразы хозяйственников. Полет фантазии и творческое воображение, в конце концов.

– С момента появления первых сообщений о новом заболевании наши специалисты работали в очагах распространения лихорадки Шилдмана. В Индонезии группа плотно сотрудничала с самим Аароном Шилдманом. – Речь шла об ученом, первым выделившем возбудителя заболевания. – На

текущий момент институтом проведена огромная работа по изучению лихорадки. Симптоматика, течение болезни, способы передачи заболевания… – Слушали его молча, не перебивая. Говорил Майоров сбивчиво, видно было, что он чувствует себя не совсем уверенно. – Работа выполнена далеко не полностью. У нас еще много вопросов, требующих поиска ответов, но уже сейчас я могу отметить один факт: вирус, вызывающий лихорадку Шилдмана, несомненно, обладает модусом генетической избирательности.

– Что это означает? – удивленно поднял брови Шумилов.

– Вирус внедряется в клеточные структуры только носителей определенного генотипа и с большой долей вероятности безвреден для индивидов, лишенных определенного «маркера Ш». Я понимаю, это звучит дико, но…

– По информации из зараженных районов, вымирают целые города. Побережье Китая почти обезлюдело, это огромное кладбище, – перебил ученого Рычков.

– Подождите, пусть Андрей Олегович выскажется, – премьер вовремя остановил готовый разгореться диспут.

– Если говорить доступно, – Майоров покраснел, – вирус поражает предпочтительно монголоидов, негров и полукровок. В то же время он гибнет в организмах европеоидов. Я сам сначала не поверил, но факты – упрямая вещь.

– Охренеть можно! – грохнул маршал Андреев, выражая всеобщее мнение, затем смущенно добавил: – Извините, сорвалось.

Остальные отреагировали не менее эмоционально. Идея заболевания, поражающего только определенные расы, не укладывалась в головах и звучала абсурдно.

– В это трудно поверить, – повторил микробиолог, – но факты говорят сами за себя. По информации, предоставленной Вячеславом Ивановичем, большинство европейцев и белых американцев, находящихся на зараженной территории, не заболели. Никто из наших сотрудников консульств и диппредставительств не пострадал, то же касается и прочих европейцев.

– Информация устарела, – мрачно добавил Рычков, – в Токио умер наш сотрудник.

– Кто он по национальности? – быстро отреагировал директор Института Экспериментальной Истории и Социального Моделирования, знаменитый философ и мыслитель Сергей Перешугин.

– Не знаю. Кажется, из Сибири.

– Получается, большинству наших сограждан ничего не грозит, – облегченно вздохнул Владимир Отрогов, – это радует.

– Не все так просто, – включился в разговор Перешугин. – Впереди нас ожидает кардинальное изменение мировой политической карты, переориентация транспортных потоков, разрыв хозяйственных связей. Глобальная катастрофа ударит по всем, независимо от цвета кожи.

– Опять вы пророчествуете свой «Апокалипсис», Сергей Николаевич. СССР способен выжить даже в полной изоляции. Ваша «Теория катастроф» не подтверждается фактами.

– Ладно, давайте лучше решать, что делать с нашими гражданамимонголоидами, – вмешался Трубачев.

– Сергей Кожутдинович! – жесткий, пристальный взгляд Шумилова уперся в министра по чрезвычайным ситуациям Сергея Бойгу. Смугловатое лицо министра на глазах бледнело, многие вспомнили, что он только вчера вернулся с Дальнего Востока. Сергей Кожутдинович был смелым человеком, но в этот момент, когда до него дошло, как передается вирус и кого он поражает, ему стало не по себе. Оставалось только благодарить судьбу и шторм, помешавшие ему проинспектировать лагеря беженцев на Сахалине.

– Пожалуйста, не воспринимайте это близко к сердцу, но с этого момента вы в бессрочном отпуске. – Шумилов был неумолим, хоть и говорил мягким успокаивающим тоном.

– Постойте. Это еще ничего не значит. Я могу работать в Москве, в министерстве.

– В Москве вы тем более работать не можете. Это слишком опасно, в первую очередь для вас. Извините, но я не могу подвергать вас такому риску. Слишком ценный вы человек. – Разрозненные кусочки мозаики сложились в голове Шумилова в целостную картину.

Это напоминало знаменитых коней Апокалипсиса в облегченном варианте. Да, могло быть и хуже, гораздо хуже. По какойто прихоти Создателя вирус поражает выборочно, и в результате население СССР пострадает не так уж сильно. Все зависит от быстроты и оперативности. Изоляция! Шумилов чуть было не подпрыгнул на месте. Только изоляция и жесткие карантинные меры для всех без исключения позволят максимально сократить людские потери. Вопрос упирается в деньги, резервы страны не бесконечны, ну и фиг с ним! Главное – выиграть время. Главное – спасти людей!

– Я понимаю вас, Сергей Кожутдинович, в такое время тяжело бросать работу, – дружелюбно улыбнувшись, Владимир Строгов положил руку на

плечо Бойгу, – но и вы поймите: в Москве сейчас черт знает сколько народов и рас намешано. Это же натуральное вавилонское столпотворение. В условиях мегаполиса карантин невозможен по определению. Если лихорадка Шилдмана проникнет в столицу, мы ее не остановим. Собирайтесь в дорогу, берите семью и отправляйтесь в тихий спокойный санаторий, желательно в европейской части страны.

– Мне только дела неделю передавать, – сникшим тоном произнес министр по чрезвычайным ситуациям. Он уже смирился с неизбежным и сопротивлялся только по инерции.

– Передадите по телефону и Интернету. В Питере уже два человека заболели, не рискуйте зря. Никакого героизма в этом нет.

После короткого отступления совещание вернулось в русло жесткого делового разговора. Большинство присутствующих к этому моменту уже врубились в ситуацию и поняли, что им предстоит сделать. Остальным быстро объяснили. Краткая выдержка из отчета КГБ по ситуации в Китае действовала отрезвляюще. На данный момент умерло более двадцати восьми миллионов человек, еще столько же умрет в ближайшие дни. Число инфицированных не поддается никакому подсчету. Оценки и прогнозы специалистов дают просто сумасшедшие цифры. Информация из отдаленных районов поступает отрывочная и крайне противоречивая. На большей части территории страны – хаос. Власти нет. Некоторые наиболее благополучные районы объявили о своем суверенитете. В городах бесчинствуют банды мародеров. Посольство СССР в Пекине находится в осаде, регулярно вспыхивают перестрелки. Хорошо хоть патронов пока хватает.

В Японии ситуация пока под контролем, но число жертв уже зашкалило за двадцать миллионов. В Индокитае кровавая вакханалия. Единственными островками порядка в регионе остаются Сингапур и Вьетнам. Эпидемия уже достигла Индии, Африки, США и Латинской Америки. Единичные случаи лихорадки Шилдмана зарегистрированы в СССР, Чехии, Франции и Британии.

– Товарищ Майоров, сколько вам понадобится времени, чтобы составить окончательный перечень национальностей и рас, подверженных заболеванию? – поинтересовался Шумилов, когда завершились доклады ученых, МИДа и КГБ.

– Часть работы нами уже проведена. Сейчас институту не хватает данных по генетике переходных и пограничных рас. В Советском Союзе подобные работы практически не велись, придется обращаться к зарубежным коллегам.

– Понятно. Где можно раздобыть интересующие вас сведения? Товарищи Трубачев и Рычков, займитесь.

– Какова допустимая степень воздействия? – невозмутимо уточнил задачу председатель КГБ и потянулся к своему переносному компу.

– Желательно купить, вопрос цены не стоит вообще. Но если не получится или возникнут сложности… – пожал плечами Шумилов. – Сами понимаете – дело жизни и смерти. Желательно без дипломатических осложнений.

– Ясно. Нам важно определить, на какой территории вводить карантин, а на какой он будет излишним.

– Именно так. Но нам еще следует выяснить, кто из сограждан нуждается в защите от эпидемии, а кто нет.

Разговор длился уже третий час. Вопросы, ответы, короткое обсуждение, срочные звонки с целью уточнить, отдать приказ, запросить информацию. Все прекрасно понимали – времени нет, время идет со знаком минус. О какой бы то ни было субординации уже забыли. Не до того. Отвлекшись на минуту от спора с военными о мерах защиты от проникновения носителей вируса с сопредельных территорий, Шумилов обратил внимание на Перешугина, Майорова и Никитина, с азартом наседавших на Трубачева. Ученые обложили генерала, как собаки медведя, судя по обрывкам фраз, они выпытывали из гэбиста считающиеся секретными сведения о военных разработках бактериологического оружия.

В принципе общий план действий был прост и понятен: усиление пограничного контроля, карантинные меры для всех приезжающих изза границы, ограничение перемещения и полный карантин на территориях с монголоидным населением. При этом придется ввести расовый контроль в армии, милиции, чрезвычайных службах и на территориях с высоким эпидемиологическим риском. Меры беспрецедентные, но единственно верные, обеспечивающие выживание групп населения с повышенным риском заражения.

– Уму непостижимо! – неожиданно вырвалось у Строгова. – Мы спокойно обсуждаем сегрегацию населения по расовому критерию! Вводим ограничения на перемещение и выбор профессии по этническому признаку! Гитлер в аду от радости пляшет!

– Так мы ж не дискриминацию проводим, наоборот, защищаем людей, – спокойным будничным тоном парировал Вячеслав Трубачев.

– Я все понимаю. Это единственный выход, это временные меры, но со стороны посмотреть – все выглядит как подготовка к масштабным этническим чисткам. В прессе визг страшный поднимется.

– Правильно! – подхватил директор Института Региональных Исследований. – Про взгляд со стороны мы и забыли. Необходимо срочно начинать разъяснительную работу. Готовить выступления в СМИ.

– Паника начнется, – пробурчал Андреев.

– Вот чтобы не началась, и надо разъяснить!

– Все ясно! – Шумилов резко прочертил ладонью над столом, словно отметая все сомнения и возражения. – Прямо сейчас даю задание пресссекретарю, пусть сегодня же обеспечит экстренный выпуск по всем каналам. Владимир Алексеевич, вы правы. Необходимо объяснить людям, что происходит. Выдать информацию из первых уст, довести до сведения, что эпидемия угрожает жизни многих наших сограждан. Единственное спасение – это неукоснительное соблюдение карантинных мер.

– Подправьте акцент выступления, никаких сомнений, только абсолютная уверенность. Мы остановим эпидемию, и точка!

– Спасибо, Вячеслав Иванович. Вам и так много работы достается, но придется еще добавить. Держите руку на пульсе общественного мнения, сразу же реагируйте, подключайте МВД, МЧС, армию, запускайте информационную волну в СМИ при любых намеках на волнения и беспорядки, особенно в опасных регионах. Сами знаете, самые большие жертвы не от пожара, а от паники.

– Погасим, – кивнул в ответ Трубачев, – мои специалисты постараются заранее создать необходимое мнение, организовать поддержку карантинным мероприятиям.

– Не сможете, – усмехнулся Перешугин, – сейчас не перестройка, и мы не в Америке. Наши люди в основной массе плохо поддаются таким рекламным мероприятиям. Они больше ориентируются на свое собственное мнение и здравый смысл.

– Вот и делайте ставку на здравый смысл, все равно надо объяснять причины введения чрезвычайного положения, – устало выдохнул Шумилов.

Помассировав виски, Павел Николаевич поднял глаза на товарищей, он видел перед собой не подчиненных, а соратников, сотрудников, единомышленников. Нависшая над страной угроза отодвинула на задний план все мелкие межведомственные дрязги и споры, заставила забыть карьеристские подковерные комбинации с целью подсидеть конкурента. Сейчас в этом кабинете собралась сплоченная команда, готовая свернуть горы и просто не умеющая отступать. Это радовало и давало надежду на успех. Да какая там надежда! Шумилов незаметно для себя подрастерял весь свой скептицизм и проникся верой в неизбежность полного успеха.

Павел Николаевич мельком вспомнил, что бюджет и так уже три раза переписывался заново. Начавшаяся операция «Демиург» (комплекс мероприятий по планомерному отделению от страны лишних, дотационных, отсталых регионов) поглощает большую часть резервов бюджета. А введение жесткого карантина и чрезвычайные меры еще больнее ударят по Карману страны. Придется сокращать золотовалютный фонд и обрезать часть государственных программ. Заодно снизятся доходы государства. И не только налоговые поступления, но и доходы от внешней торговли. Как минимум к такойто бабушке катятся все контракты в ЮгоВосточной Азии.

А, к черту! Оставим этот вопрос на потом. Все равно решим проблему. В крайнем случае откроем внутренний заем. Можно будет сыграть на изменениях структуры мирового рынка и увеличить экспорт текстиля и бытового ширпотреба. Сейчас главное – людей сохранить, а деньги найдем. Не зря в Совмине специалисты высшего класса работают, справимся.

– Павел Николаевич, если вы объявите чрезвычайное положение, люди не поймут, – неожиданно резко прозвучал голос Строгова.

– То есть? – Шумилов пристально смотрел на старого товарища. Что он имеет в виду?

– В такой ситуации будет лучше, если положение объявит сам Председатель Верховного Совета, – пояснил «главный мент». – Извини, но он первое лицо. Так будет меньше поводов для кривотолков.

– Хорошо, сразу после совещания еду к нему. Если сможет, выступит по телевидению, если нет – запишем обращение и прокрутим с голосом «за кадром».

– Он сам выступит, – вступил в разговор Рычков, – подругому он не может. Доведет врачей до инфаркта, наденет свой старый мундир и выступит.

– Поэтому я и не хотел его беспокоить, – пояснил Шумилов чуть виноватым тоном.

– А придется.

– Все, товарищи, работаем. Что у нас с запасами продовольствия?

Глава 16

ФИЛИППИНЫ

Яркокрасное солнце медленно опускалось к горизонту, багровел закат. Гребни волн искрились и сверкали под солнечными лучами. Волны лениво накатывались на пляж. А над самой водой кружили чайки и еще какието птицы. Закат, шелест волн, шуршание гальки, крики чаек – идиллическая картина. Именно так можно было бы изобразить Последний День Мира. Достойный реквием цивилизации.

Стив вынул из пачки последнюю сигарету, в ладонях вспыхнул огонек зажигалки. Дым первой затяжки глубоко проник в легкие, вытесняя ставшую привычной за последние дни вонь пожарищ. Проклятый смрад преследовал Стива по пятам. Даже здесь, на берегу, свежий морской бриз вонял горелым мясом и отдавал ароматом солярки с вытянувшихся всего в полусотне метров от этого места причалов.

Вон за холмом поднимается столб дыма, а вон еще и еще. Это армейские санитарные команды жгут деревни и поселки вместе с их бывшими обитателями. Жуть! Скоро на архипелаге вообще никого не останется. Эпидемия косит людей целыми городами, даже хоронить некому, и не в человеческих это силах. Остается только кремировать напалмом. Стив понимал, что сначала умрут все местные, а затем очередь дойдет до американцев. Не помогут ни карантин, ни многокилометровые полосы отчуждения, ни лошадиные дозы витаминов и иммуностимуляторов, которыми их пичкали лекари.

Вчера заболел лейтенант Рон Гуверт. Совсем недавно они обсуждали перспективы карьеры за кружкой пива, шутили, разговаривали о всякой ерунде, а сегодня Рони подыхает в госпитале. Никаких шансов. Можно считать, что его уже нет. Несмотря на лепет врачей, чудес не бывает, от лихорадки Шилдмана еще никто не спасся.

А как все хорошо начиналось! После долгого спокойного периода размеренной жизни Пентагон неожиданно вспомнил, что у Америки есть воздушные силы. Неизвестно откуда появилось топливо, в течение недели тыловые службы отремонтировали машины, обновили оборудование. Эскадрилья майора Грегори даже получила новенький «F15E» в разведывательном варианте. Давно такого не было.

Появление на Окинаве Мэллори Шеридана совпало с самым началом недолгого периода активизации армии. Сколько ожиданий и надежд было с этим связано. Тогда казалось, что не все потеряно, жизнь налаживается.

Самолеты каждый день поднимались в небо, было восстановлено патрулирование прилегающей акватории, корабли флота снялись с якоря и вышли в море. Все готовились к большим учениям русских. Американцы собирались принять в них самое активное участие, показать, кто хозяин на Тихом океане. Доступным языком объяснить этим сибирским медведям, что ни один их шаг, ни один маневр, ни даже малейшее движение не укроются от пристального и внимательного взгляда Америки. Пусть не расслабляются, не надеются и не мнят о себе невесть что.

На короткие, скупые строчки о вспышках новой неопознанной болезни почти никто внимания не обращал. Болеют местные дикари? Ну и черт с ними! Министерство здравоохранения заявляло, что для американцев опасности нет, скоро будет найдена вакцина и человечество одержит еще одну победу над диким хаосом природы. Стив вспомнил, как Мэллори тогда рассуждал, что каждый год появляются новые мутации старых вирусов, ничего необычного в этом нет. Если и умрет сотнядругая местных, не страшно – они и так мрут, как мухи, и плодятся, как тараканы.

Потом эскадрилью Стива перебросили на Филиппины, остров Лусон. Новый аэродром, новые люди. Пришлось обживаться, осваиваться, налаживать взаимодействие с моряками и ребятами из 18го бомбардировочного и 73го истребительного авиакрыльев. Стив тогда крутился как белка в колесе, он был занят по уши круглые сутки и в то же время был счастлив. Неподдельная радость от ощущения того факта, что ты нужен, ты важен, ты можешь чтото решать.

И вдруг все изменилось. Нет, катастрофа началась не в один день. Ее начало, как всегда, не заметили. А потом уже было поздно. По всем телеканалам пошли сообщения о сотнях и тысячах умерших. О переполненных больницах и людях, умирающих прямо на улице. Прошло несколько репортажей о беспорядках в больших городах. Местные правительства пытались навести порядок, Красный Крест перебрасывал тоннами гуманитарную помощь. Ничего не помогало. С каждым днем ситуация накалялась, счет умерших уже шел на миллионы. А затем объявили, что это абсолютно новый вирус, ничем не лечится, передается по воздуху и спасения от него нет.

От этого холодела кровь в жилах, и на спине выступал холодный пот. Стив сам видел вымершие города. Мертвые улицы и трупы в домах. Хоронить покойников было некому. Это зрелище вызывало из глубин памяти читанные в детстве строчки Откровения Иоанна Богослова: звезда Полынь, треть вод, отравленных радиоактивной гадостью, знамения Конца Света и цокот копыт коней четырех Всадников. Это было начало Заката.

Ужасная в своей мерзости гибель человечества.

Стив наклонился над кромкой прибоя и погрузил руки в воду. Хорошо здесь. Шум волн успокаивает, настраивает на мирный лад, позволяет отключиться от суеты ежедневной рутины. Вот только проклятая вонь даже тут не дает вздохнуть полной грудью. Нигде от нее спасения нет!

– Стив! – прозвучал громкий окрик.

По пирсу шагал Пол Шарапоф. Стив только махнул рукой и отвернулся, его раздражал вид причалов, радужные разводы масла на воде, горы бочек и какихто ящиков на берегу. Обычный техногенный пейзаж, успевший надоесть, как местные бананы, которыми пичкали в офицерской столовой, экономя на нормальных фруктах. Подумалось, люди исчезнут, вымрут, как динозавры, а горы бочек, ржавые остовы кораблей, толстенные бетонные плиты аэродрома, асфальт дорог останутся. Достойный надгробный памятник человечеству.

Сегодня, в ожидании неизбежного конца света, Стиву, как никогда, хотелось побыть в окружении нетронутой природы. Или хотя бы не видеть лезущие в глаза следы человеческой деятельности. А где их нет? Слева пристань, справа к морю подходит ограда колючей проволоки, за спиной торчат радарные антенны. Остается смотреть только вперед, на море.

– Я тебя уже час ищу, – за спиной послышались шаги Пола.

– Что случилось? Опять Хэнхок посылает на бомбежку? – Стив плюнул прямо в набегавшую волну. – Надоело. Словно каратели, мать его за ногу!

Уже четыре дня летчики работали над «дезинфекцией» вымерших деревень, поливали их напалмом, чтобы остановить распространение заразы и ликвидировать разлагающиеся трупы. Работа в принципе простая – пройти над деревенькой и прицельно сбросить контейнеры. Ничего сложного, если не думать, что там могли остаться живые люди. А какая, к черту, разница! «Слишком я сентиментальным стал в последнее время. Старею, наверное», – пришла в голову грустная мысль.

– Нет, сегодня в шесть вечера собирают командиров частей. Приехал какойто флотский. – Пол перешел на громкий шепот: – Говорят, опять будем за русскими гоняться.

– Мэллори Шеридан? – не поверил своим ушам Стив.

– Нет, не Мэллори. Целый контрадмирал.

– Ясно. Новый порученец привез новые приказы. Это лучше, чем деревни бомбить. – Стив поднялся на ноги. – Но и русским сейчас не до игр.

– Согласен, – широко улыбнулся Пол. – По правде, меня сегодня чуть

не вырвало, когда из пикирования выходил. Показалось, что из хижины человек выскочил. А я уже кассетники сбросил. Хотя откуда там человек? Мертвое кладбище.

– Бывает. Я сам от этой вони места себе не нахожу. Скорее бы сдохнуть, – мечтательно протянул Стив. И, остановившись, повернулся к Полу.

– Спецкоманды ближайшие деревни огнеметами жгут. Работа у них, будто у чертей в преисподней. Хуже не бывает, – рассказывал Пол.

Погруженный в свои переживания, он не услышал последнюю фразу Грегори. Стив только облегченно вздохнул, не хватало еще такие мысли при подчиненных высказывать!

– Вот кому я не завидую, так это санитарам. Мыто сверху, отбомбили и улетели, а им все это видеть рядом и нюхать приходится, – продолжал Пол, поднимаясь по невысокому обрывчику. Дальше они зашагали по асфальту. Вскоре дорога, обогнув заросли кустарника, вышла к военной базе.

Еще через двести метров летчикам встретился припаркованный прямо на тротуаре у входа в казарму грузовик.

– Когото перебрасывают на другой объект, – Пол Шарапоф кивнул в сторону грузившихся в машину солдат.

Парни со знаками различия мотострелков забрасывали в кузов баулы и сумки. Судя по доносившимся сальным шуткам, настроение у них было хорошим.

– Может, в Штаты отправляют? Вроде опять планируют провести сокращение штатов, – саркастически ухмыльнувшись, скаламбурил Стив. Он никогда не скрывал своего отношения ко всякого рода идеям «оптимизации» численности вооруженных сил.

– Сложно сказать. Ситуация в последнее время улучшается. Раз содержание за ноябрь выдали, значит, живем!

Стив хотел грубо прервать Пола и сказать, что он на самом деле думает об этом «улучшении», но сдержался. Глядя на ребят, запрыгивавших в кузов, он заметил одну странность: все солдаты были черными или азиатами. Только куривший около кабины сержант выделялся светлой кожей и короткими русыми волосами. Хотя какая разница, может, так получилось при комплектовании части. Гадать над странностями формирования мотострелковых рот не хотелось. Правда, были коекакие мысли, точнее говоря, догадки, но все слишком смутно и неправдоподобно.

Вспомнилось лицо лейтенанта Гуверта. Когда того увозили в госпиталь, ранее темная блестящая кожа Рона приобрела серый, землистый, тусклый оттенок, а глаза, наоборот, горели. И как один санитар

негромко, думая, что его не слышат, процедил: «Опять черный, спорим, следующий будет афроамериканцем или японцем». Тогда Стив не придал этому никакого значения. Он был поглощен переживаниями, понимал, что навсегда прощается со старым приятелем. Санитары аккуратно переложили Рона с кровати на носилки и, пряча глаза от взглядов летчиков, вынесли больного на улицу. Больше Рона не видели. За поворотом у казармы морских пехотинцев повторилась та же сцена, что и у мотострелков. Дюжие парни, грузившиеся в два автобуса, и только черные либо раскосые лица.

– Я одного не могу понять, – прокомментировал увиденное Пол, – почему у нас в армии с каждым годом все меньше белых? Неужели служба становится непрестижной?

– Она давно уже непрестижна, – ответил Стив, на ходу распечатывая очередную пачку сигарет, – это просто грязная, дурная работа. Но служба дает кусок хлеба, возможность не думать о ценах на жилье.

– И льготы на поступление в университет.

– Просто после того, как были отменены законы о пропорциональности и прочая антидискриминационная дискриминация, белому англосаксу, семейному, с нормальной ориентацией и без криминального прошлого, стало проще найти хорошую работу. Значит, в армию они уже не идут, разве что такие придурки, как мы.

– Ты прав, Стив, жизнь меняется, – поддержал Пол, – сейчас работодатели не боятся получить иск и предпочитают нанимать грамотных и трудолюбивых специалистов.

В этот момент они поравнялись с морпехами.

– Эй, капрал, куда вас везут? – поинтересовался Стив у ближайшего солдата.

– В ПёрлХарбор, сэр! – Капрал уронил сумку и вытянулся по стойке «смирно».

– Вольно! – махнул рукой Стив и зашагал дальше.

«Если ситуация улучшается, значит, в ближайшее время она ухудшится» – Александер неоднократно убеждался в справедливости этого закона. Только вчера он закрыл все работы по проекту «Дифенс». Люди были переориентированы на новые направления, использовавшееся оборудование уничтожено, резервный запас биологической жидкости с вирусами помещен в спецхранилище. Концы спрятаны в воду, в некоторых случаях в буквальном смысле. В лаборатории, занимавшейся производством вируса, произошел «профилактический» пожар, а исследовательский центр плавно сменил свою деятельность на легальное

изучение лихорадки Шилдмана.

Вроде бы все завершено, следы уничтожены, архивы спрятаны. Вопроса больше нет. Но всего час назад пришло срочное сообщение из Европы: оказывается, еще месяц назад в городке с труднопроизносимым названием под Прагой умер внештатный сотрудник, проводивший посев в Китае. Первоначально лечащий врач посчитал, что причиной смерти стала тропическая лихорадка, осложненная воспалением легких. В Фирме согласились с этим диагнозом и закрыли досье агента.

И вот только сейчас выяснилось, что врач сохранил образцы тканей покойника и неделю назад отправил на дополнительное исследование. Вердикт оказался весьма мрачным – в тканях обнаружены вирусы лихорадки Шилдмана. Результат перепроверен – ошибки быть не может.

От осознания этого факта у Александера потемнело в глазах. Покойный сотрудник был чистокровным чехом, европейцем, белым. По срокам выходило, что заразился он во время сева, но это означает… «Это означает, что мы идиоты недоношенные», – вздохнул Александер, сжимая ладонями виски. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Тем не менее факт есть факт.

Поднявшись изза стола, Александер зашагал по кабинету впередназад, заложив руки за спину. Стоп. Не надо паниковать. Попробуем просчитать все с начала. Даниэль Рифтер гарантировал, что вирус не мутирует. Да он и не мог мутировать! Этот Гочек заразился во время сева, заразился от чистого лабораторного штамма. Теоретически вирус может измениться, но в томто и дело, что в самом худшем варианте для этого понадобятся несколько лет и экстремальные условия. Душераздирающие легенды о мгновенных мутациях оставьте Голливуду и обывателям. Если вирус и мутирует, он все равно будет поражать только носителей маленького кусочка ДНК, унаследованного от палеолитических охотников южной Азии. Любой другой организм вирусу не по зубам.

Разработчики дали гарантию в двести процентов. Только определенный генотип, для всех остальных людей безвредно. Я сам присутствовал при эксперименте, когда доктор Рифтер плеснул на лопасти вентилятора питательный бульон из пробирки. Это было год назад, все участники эксперимента живы и здоровы. Никто не заболел. Все это просто и понятно, кроме одного дурацкого вопроса: «Почему заболел Гочек?»

Александер вернулся к рабочему столу, открыл в компьютере директорий с досье. Затем, глупо хихикнув, закрыл Проводник. Внештатники вроде Гочека не числятся официально в Фирме. И досье на них существует только в бумажном виде в специальном архиве. Совсем

заработался. Ладно. Попробуем другим путем. Александер не нашел ничего лучшего, как позвонить в Прагу в посольство и попросить у своего сотрудника провести полный генетический анализ останков покойника. На том конце провода ответили: «О'кей».

Все, задание выдано, люди работают. А теперь взять себя в руки и заняться делом. Хватит морального онанизма! Время подходит к трем часам, а работы непочатый край. Время заместителя директора стоит дорого, и нельзя его тратить на пустые переживания. Когда придет ответ из Праги, тогда и будем рвать волосы в разных местах, а сейчас пока рано.

Вечером Александер все же зашел в кабинет Майкла и коротко доложил ситуацию.

– Генетический анализ заказал? – только и спросил шеф.

– Ответ будет не раньше чем через четыре дня. В Чехии нет лабораторий, способных выполнить эту работу. Придется везти образцы в Берн или Милан и доказывать, что заказ срочный.

– Везите и доказывайте. Главное, чтобы все было чисто. Понял?

– Люди грамотные, надежные, – утвердительно кивнул Александер, – проколов себе не позволяют. А что делать, если обнаружится, что у него в клетках не было маркера «Д»?

– Операция закончена. Ты понял? – Директор ЦРУ бросил короткий красноречивый взгляд на собеседника: – И никогда никакой операции «Дифенс» не было.

– Ясно, Майкл, я уже закрыл тему и стер всю схему.

– Молодец. – В глазах Майкла мелькнула озорная искорка. Он любил, когда сотрудники выполняют работу еще до поступления официального распоряжения. Впрочем, иногда ему нравилось, когда сотрудники саботируют приказ, ведущий к негативным последствиям. Все познается в сравнении. Именно на этом и погорел предшественник Майкла, слишком буквально воспринявший пожелание прежнего президента уничтожить югославского лидера Милошевича. В результате Фирма понесла значительный ущерб, засветила сеть своих сотрудников в Югославии и допустила непростительную ошибку, высаживая албанский десант на Черногорию под огнем русских эсминцев. Одна из самых худших операций ЦРУ, сейчас на ее примере курсантам объясняют, как нельзя работать.

Сразу после разговора с шефом Александер поехал домой. Неотложные дела сделаны, подчиненные работают, значит, и он со своими обязанностями справляется неплохо. Подругому и быть не могло, в противном случае замом директора назначили бы другого человека.

Путь до дома занял всего полчаса. Очень хорошо. На шоссе никаких

пробок и заторов, только скопления машин перед светофорами. В последнее время Вашингтон и прочие крупные города страдали от повышенной аварийности на дорогах. Потерявшие управление машины часто выскакивали на встречную полосу, переворачивались, или почувствовавший себя плохо водитель просто бросал многотонную фуру посреди трассы. Последствия эпидемии лихорадки Шилдмана давали о себе знать. Дорожная полиция и аварийные службы работали в усиленном режиме, не покладая рук, но снизить аварийность или хотя бы разгрузить дороги не удавалось.

Обычный путь до дома нередко растягивался более чем на час, а один раз Александер целых три часа пробирался через заторы и пробки и только за три мили от дома вырвался на относительно чистую трассу. Но сегодня ему повезло. Всего за квартал от дома зазвонил телефон.

– Алло, слушаю, – Александер перехватил руль в верхней части, так чтобы удобнее было вести машину одной рукой.

– Добрый вечер. Алекс, узнал? – прозвучал в мобильнике знакомый голос Арно Гонсалеса, старого школьного товарища. У Арно была небольшая фирма по производству строительных материалов. Бизнес шел ни шатко, ни валко, особенно в последние годы, но Гонсалес не унывал. Он свято верил: раз товар произведен, он обязательно найдет своего покупателя.

– Здорово, Старый Плотник. – Лицо Александера расплылось в широкой улыбке. Всегда приятно, когда звонят друзья юности.

– Я слышал, ты наконец женился? Поздравляю! Извини, не мог раньше позвонить. Последние полгода провел в Мексике, вернулся на прошлой неделе и случайно узнал, что ты наконец очеловечился.

– Спасибо. Ты сам как?

– Все хорошо. Дела идут. В последнее время появились хорошие контракты! – жизнерадостно кричал в трубку Арно. Он нисколько не изменился, остался таким же эмоциональным и жизнерадостным, каким был в молодости. А рост заказов вполне закономерен. Начавшийся не без участия Александера бум возродил спрос на стройматериалы, равно как и на многое другое. Бизнес возрождался, у людей появилась надежда. – У тебя завтра есть время? – поинтересовался Арно.

– Только после семи вечера. – Александер быстро прокрутил в голове планы на завтрашний день. Да, вечером он будет свободен.

– Тогда как насчет того самого ресторанчика на берегу Потомака? Помнишь, где Джон зашел в женский туалет?

– Такое невозможно забыть. Завтра в семь. Заметано.

– Тогда давай, до завтра!

Приятно, когда звонят старые друзья. Это настоящее, это не продается. Несмотря на успешную карьеру и катастрофическую занятость, Александер не забывал друзей детства и юности. Пусть не все успешны, пусть не добились своих целей, но это друзья. Те, кто не продаст и ценит не за положение, а за то, что он такой, какой есть.

Надо будет завтра спросить, как поживает Вилли Слонопотам. Тот самый парень, с которым Александер дрался в пятом классе и считал своим злейшим врагом. До тех пор, пока именно Вилли не помог ему отбиться от четверых малолетних бандитов из китайского квартала. С тех пор Вилли и Алекс стали друзьями неразлейвода. Интересно, как поживает Моника? Та самая негритянка с вздорными косичками на голове, за которой Слонопотам в свое время ухлестывал. Говорили, она многого добилась. А, черт! Совсем забыл, она же черная. Значит, все, нет больше такого человека. А жаль, интересная была девчонка и добрая, всегда бродячих собак подкармливала.

«Летит время, – думал Александер после разговора с Арно. – Когда я последний раз видел одноклассников? – И сам себе ответил: – Давно. Дела, работа, командировки, а жизнь проходит. Я уже полгода не видел Сьюзи, ту полноватую девчонку в очках, что постоянно задирала Арно. Сейчас она профессор психологии, уважаемый человек». Когдато она была детской влюбленностью Александера, даже целовались пару раз. Как давно это было!

На следующий вечер после работы Александер, заранее предупредив супругу, поехал в тот самый ресторанчик. Когда он входил в маленький уютный зал, изза столика у эстрады ему приветственно махали Арно и тот самый Вилли Слонопотам. Вот это сюрприз! Встреча была горячей и радостной. Друзья давно не виделись и были страшно рады возможности пообщаться. Заказали легкий ужин с виски, вспомнили старое время, рассказывали, кто чем занимается и чего добился или к чему стремится.

А между делом Вилли предложил друзьям участие в одном проекте. Он собирался наладить производство недорогих сборных домов на одну семью по новейшей русской технологии. Дело было новым и сулило хороший доход. Вилли уже договорился о покупке лицензии, провел маркетинговое исследование, решил вопрос размещения заказов.

Дело было за малым: требовалось собрать не менее пятнадцати миллионов и запустить производство композитных стеновых панелей по оригинальной технологии. С меньшей суммой пришлось бы лезть в кабалу банковских кредитов либо привлекать посторонних инвесторов и отдавать

им львиную долю прибыли. Естественно, ни того, ни другого не хотелось.

Александер, подумав и быстро прикинув варианты, согласился добавить недостающие шесть миллионов. Дело хорошее. По его данным, у русских такие дома пользуются устойчивым спросом: недорогие, удобные, эстетичные, собираются всего за три рабочих дня. В комплект входят собственные котлы отопления, электрические или газовые, по желанию покупателя. Можно поставить на крышу солнечные батареи или ветряк во дворе. А самое главное – конструкция очень прочная. Дом выдерживает землетрясение до семи баллов и ураган до одиннадцати баллов. В районах, страдающих от тропических ураганов, новинка произведет настоящий фурор. Спрос будет обеспечен на сто лет вперед.

Коротко обговорив перспективы, друзья распределили обязанности. При этом Александер взял на себя решение проблем с криминалом, наездами конкурентов и такой щекотливый вопрос, как защита от судебных исков недоброжелателей. Ни для кого не секрет, что строителям ежегодные удары стихии по побережью приносят огромнейшие прибыли. Восстановление разрушенных городов и поселков – это выгоднейшее дело, особенно если учесть качество американского домостроения.

В разговоре Вилли вспомнил, что на переговорах один русский шутил над недавно просмотренным голливудским боевиком. Дескать, как можно человеком пробить стену дома! Он поверить не мог, что в Америке это обычное дело. Просто стены такие тонкие.

Но это лирика, а положение Александера в обществе, его работа сами по себе способствовали решению щекотливых проблем. Достаточно было назвать свое имя или дать визитку с указанием должности: «Заместитель директора ЦРУ по оперативной работе». Кроме того, у него были хорошие контакты с некоторыми страховыми компаниями, эти также заинтересованы в снижении страховых рисков и сокращении издержек.

Глава 17

ЭХ, ДОРОГИ!

Вот так! Внизу хлопнула входная дверь. Это выступила пешая разведка (немного раньше в центр городка отправились ребята на машине). Все, время бездумного, бесполезного ожидания закончилось, пора в путьдорогу. На душе было легко, хотелось бежать вприпрыжку, сотворить какуюнибудь глупость, пройтись на руках, в конце концов. Нельзя сидеть на месте! Лучше ощущать ветер, бьющий прямо в лицо, вглядываться до рези в глазах в горизонт, спорить с ребятами, что их ожидает за следующим поворотом. Человек должен двигаться, должен иметь цель, и тогда он добьется своего. Лучше рисковать на Пути, и если и погибнуть, то в дороге, в движении, а не сидеть в норе, дрожа от страха, и сдохнуть, как мудрый пескарь под корягой. Одним словом, лучше жить, чем не жить.

Стас не отдавал себе отчета, но именно он заразил ребят энтузиазмом, его горящие глаза и абсолютная убежденность в успехе, неукротимое желание как можно быстрее покинуть это кладбище буквально заворожили коллег. Ребята стряхнули с себя сонную одурь. Оказавшись перед выбором, они выбрали Дорогу. Даже девушки, сначала убеждавшие коллег не торопиться и дожидаться спасателей, сейчас не покладая рук сортировали кухонные припасы и наполняли пластиковые канистры питьевой водой.

«А жизнь продолжается. Как бы ни цинично это звучало, но эти люди умерли, а мы нет. И мы выживем, прорвемся, никто не может остановить русских, когда они идут к цели» – так думал Стас, упаковывая свой немудреный багаж. Кто может нам помешать, остановить? Никто! Сметем автоматным огнем! Колесами раздавим! Зубами загрызем, если патроны кончатся. Когда мир рушится, не время для сантиментов. Надо спасать близких, друзей, тех, кто рядом.

– Стас, мы ведь не умрем? – в дверях стояла Ира, она с мольбой и надеждой смотрела на него.

– Нет, мы прорвемся. И знаешь, Ира, – Стас нежно провел рукой по щеке девушки, смахивая предательскую слезинку, – тебе не идет, когда ты плачешь. Вот так гораздо лучше.

– Правда? – На ее щеках зажегся румянец. – Мне страшно. Сколько нам ехать? Полторы тысячи километров? – На самом деле до границы было больше трех тысяч.

– Не бойся, мы доедем. Машина хорошая, солярка есть.

– Я говорила с ребятами. Практически никто не служил в армии, разве

что Леша. Ну, еще, – Ирина скорчила ехидную рожицу, – Валера много воевал.

– Ерунда, нам, северянам, потомкам медведей, все опасности как слону дробина. Прорвемся.

– Я видела в тайге медведя, и он совсем не страшный. – В этот момент Ира была похожа на маленькую наивную девочку. Стасу изо всех сил хотелось обнять ее, крепко прижать к себе, впиться в ее губы горячим поцелуем.

– Ладно, я иду звонить, а ты помоги Маше, вдвоем веселее. – Глубоко вдохнуть, успокаивая восставшую плоть, и спокойно отвернуться. Сейчас не время для любовных приключений. Дома в Москве ждут Наташа и Никита.

Повернувшись к окну, Стас беззвучно рассмеялся. Упоминание о военном опыте Валерия Шахова резко повысило ему настроение, заставило при разговоре прикусить щеку, чтобы не расхохотаться. Товарищ Шахов любил распространяться в компании о своем буйном прошлом. По его словам, в 93м году он добровольцем отправился воевать в Сербскую Краину, участвовал во многих операциях ополченцев, в составе интербригады оборонял СлавонскиБрод. Потом вернулся в Союз.

А в 98м опять поехал в Югославию. В марте 99го участвовал в Югославскоамериканской войне, на этот раз в качестве военного специалиста в восьмой ракетной бригаде ПВО. Стас испытывал настоящее наслаждение, слушая повесть о том, как Валера, командуя батареей «Буков», сбил «B2A» «Спирит».

Сам Стас никогда не рассказывал коллегам из Оборонэкспорта о своей командировке в Югославию, неинтересно это. Но зато он прекрасно знал, что в том самом бою над Батайницей «B2A» завалил первый дивизион под командованием подполковника Воислава Томашевича, и не было рядом ни одного советского военного советника или инженера. Расчет дивизиона, в том числе командиры обеих его батарей, были местными. Разве что курировал эту бригаду ПВО сам Станислав Рубанов, и находился он во время боя всего в двадцати километрах от первого дивизиона, в командной машине третьего дивизиона бригады. Ну а про описанную Валерой организацию боя и структуру управления бригадой и говорить нечего. Врет как сивый мерин! Хоть бы инструкции почитал, благо для сотрудника Оборонэкспорта найти типовые штатные расписания не проблема.

В рассказах Валеры о его югославских приключениях также было немало «неточностей». Один из друзей Стаса, Боря Соколов, действительно воевал на стороне краинских сербов. Надо ли говорить, что Стас больше

верил Соколову, чем Шахову. Но, с другой стороны, и не спешил прилюдно разоблачать фантазера. Нравится человеку играть крутого «пса войны», и пусть играет, может, он так девиц кадрит.

В холле Стас первым делом закурил сигарету. Надо звонить, но в то же время он опасается прикасаться к трубке. Нет, ничего особого, он обязан предупредить посольство, и он это сделает. Просто Стас чувствовал, что, сказав «А», не сможет уже свернуть с намеченного маршрута. Это его немного напрягало.

Пепел упал прямо на палас, первой реакцией было смести его, и только затем в голове возник вопрос: «А зачем?» Все равно они уезжают и бросают этот дом. Докурив сигарету, Стас зашвырнул окурок в форточку и взял трубку. Телефон еще работал. Удивительно, в гостевом доме и на всей территории базы было электричество, из кранов текла вода, даже телевизор не отключился. В котлы отопления поступал газ. Воистину, творения человеческих рук оказались долговечнее своих создателей.

На том конце линии ответили сразу. В трубке послышался голос Окунева. Стас коротко объяснил ситуацию и сообщил, что группа собирается самостоятельно прорываться к границе. В ответ помощник консула только посоветовал держаться подальше от городов и быть осторожнее. Сейчас власти в стране нет, уже объявили о своем суверенитете Тибет и СиньцзянУйгурский край. В отдаленных провинциях, как грибы после дождя, возникают свои собственные правительства, центральная власть в растерянности и не имеет возможности давить сепаратистов. Бардак, одним словом. Также Стас получил рекомендацию запастись оружием, не разделять группу и избегать контактов с местными властями. При возможности выходить на связь и информировать посольство о своем местонахождении. В Пекин сейчас направляется международный миротворческий контингент, но соваться в город гражданским не советуется. Там будет жарко.

В общем, стандартный набор советов по выживанию во время гражданской войны.

– Станислав Петрович, не забывайте, вы нужны стране! Главное – дойдите живыми, а сантименты оставьте на потом. Помните, в Китае нет закона, и большинство китайцев вымрет в ближайшее время.

– Ясно! Прорываться любыми способами и не поддаваться на провокации. От дорожных бандитов отстреливаться.

– Вы меня поняли. Очень хорошо. Давайте теперь обсудим маршрут.

В целом Окунев одобрил маршрут через Маньчжурию, все остальные варианты вели в труднодоступные и малопригодные для людей районы.

Соваться туда зимой было бы самоубийством. Как интересный резервный маршрут предлагался Шанхай. Скоро там высадится значительный контингент американцев. Янки должны взять под контроль АЭС и экологически опасные предприятия. Дорога ближе, чем на север. Но зато ехать придется по густонаселенным районам, считай, в условиях войны всех против всех.

Прикинув варианты, Стас убедился в том, что северный маршрут хоть и длиннее, но зато безопаснее. Также Окунев намекнул на возможность встречи с советскими миротворцами или научными экспедициями эпидемиологов. Помощник консула в целом одобрил выбор Рубанова. Судя по всему, эвакуация посольства пока не планировалась, дипломаты решили сидеть в Пекине до последнего. В целом это повторяло ситуацию столетней давности, времен восстания «боксеров».

– Ну, ребята, с богом! Перун на вашей стороне. Удачи! – пожелал на прощание Окунев. После этих слов с души Стаса словно камень свалился. Оказывается, Окунев родновер из Ордена Будущего. Эти люди славились своим умением доводить любое дело до конца и верностью данному слову. Приятно осознавать, что тебя не бросят, что тебя спасут в любом случае.

Закончив разговор, Стас спустился вниз. На кухне он появился как раз вовремя: требовалось помочь перенести ящики с консервами и канистры с водой в вестибюль. Потом Ира попросила отобрать в дорогу спиртное, а вскоре вернулась пешая разведка. Саша молча бросил автомат на ящик с тушенкой и двинулся на кухню. Алексей в ответ на расспросы Стаса и Маши отвечал односложно. Видно было, ребята пережили сильный стресс.

Когда они наконец разговорились, Саша и Леша сбивчиво рассказали о своих приключениях. Выяснилось, что ребята имели неосторожность зайти в жилой дом для старших офицеров. Увиденное надолго повергло их в шок. Зато в качестве трофеев «разведчики» принесли четыре пистолета и патроны, а самой ценной находкой оказался толстенный «Атлас автомобильных дорог Китая», найденный в брошенном «Ниссане». Надо ли говорить, что Стас тут же выхватил альбом и погрузился в составление маршрута. К его радости, атлас оказался не только очень подробным, но и с английскими пояснениями и названиями городов.

За чтением Стас не заметил, как подъехал «КамАЗ». Дима, Валера и Макс отнеслись к заданию серьезно, машина была буквально забита оружием. Кроме шести автоматов и пяти цинковых коробок патронов, они прихватили пулемет «ПК», два гранатомета «РПГ7» с полудюжиной выстрелов на каждый и даже переносной «ЗРК».

– А шоб було, – шутовски копируя украинский акцент, пояснил

Валера, любовно поглаживая черный кожух ракеты.

Кроме того, ребята взяли шанцевый инструмент, несколько комплектов зимней формы, спальные мешки, рюкзаки и две дюжины ручных гранат. По довольной физиономии Валеры было видно, что комплектацией походного арсенала занимался он сам. Значит, действительно знает военное дело, сделал вывод Стас, проверяя, как уложены боеприпасы в кунге.

Отправление решили не откладывать. Наскоро пообедать, упаковать и погрузить снаряжение – и в путь! Стас еще раз прошелся по гостевому домику, проверяя, везде ли выключен свет, перекрыт газ и закрыты окна. Они сюда больше не вернутся, но не стоит вести себя посвински, может, кому другому пригодится этот уютный гостеприимный домик.

Наконец все было готово. Ну, с богом! Дима плавно выжал сцепление, и машина с рычанием рванула с места, так что пассажиров сначала вжало в сиденья, а потом бросило вперед. Скорее вперед! Ни минуты больше в этом преддверии ада. Пролетая мимо штаба, Дима умудрился аккуратно расплющить колесами выползшую на дорогу крупную змею. Хорошая примета.

Ворота на выезде были распахнуты настежь, вокруг ни единой живой души, только на ограде сидят вороны, словно последние часовые гарнизона. Стас обратил внимание на перекошенные створки ворот, нелепо повисшие на столбах, и валяющиеся на асфальте обломки шлагбаума. Видимо, предыдущие беглецы просто вынесли преграду бампером, не тратя время на замки. Не у всех нервы стальные, можно понять.

За окном проносился типичный степной пейзаж полигона, изредка попадались небольшие рощицы и речушки. Еще четверть часа езды, и впереди показался внешний периметр. Затем вдоль дороги потянулись поля, сады, мелькали деревни и поселки. Самое главное – ни одного живого человека и дорога абсолютно чистая, без единой машины.

Стасу пришла в голову интересная мысль – все восемь членов его команды абсолютно здоровы, в посольстве также никто не заболел. Тогда как вокруг смерть собрала обильную жатву. И спасения от вируса нет, равно как нет никаких способов избежать заражения. Может быть, просто европейцы менее подвержены риску подхватить лихорадку Шилдмана? Он поделился этой мыслью с Дмитрием, тот в ответ только хмыкнул и предложил не забивать себе голову ерундой, а лучше заранее искать мост через реку Хуаньцзян, а заодно прикинуть, как объезжать Сиань.

Первую часть пути они одолели без приключений. Дорога серой лентой наматывалась на шины, за окном пролетали нищие деревеньки, черные прямоугольники убранных полей, редкие деревья, иногда можно

было встретить бесхозные стада коров и лошадей. И никаких признаков человека. Только когда «КамАЗ», завывая мотором, пронесся по центральной улице деревеньки с непроизносимым названием, стоявшей на берегу речки Вейхэ, на несколько минут открылся вид на реку. В этот момент Стас заметил идущий вверх по течению небольшой катерок.

– Еще одни бродяги, – ткнул пальцем в сторону катера Стас, – из города бегут.

Кто именно и сколько человек шли на катере, выяснить не удалось. Река скрылась за очередным поворотом, и вдоль дороги потянулся прежний сельский пейзаж. Затем слева среди скопления картонных халуп, у нас в таких даже бичи не живут, появилась группа крестьян. Похоже, местные просто выскочили на улицу, услышав шум машины.

– Может, стоило остановиться? Поспрашивать последние новости? – предположил Дмитрий, искоса поглядывая на Стаса.

– К черту! – коротко ответил тот и, заметив приподнявшуюся бровь водителя, добавил: – Они сами ничего не знают, и опасно это.

– Как скажешь, командир, – с нажимом на последнем слове ответил Дмитрий. В его устах это обращение звучало уважительно, словно признание старшинства Станислава и делегирование прав на принятие решений. Это было нечто новенькое. Раньше Стас об этом и не задумывался, просто выполнял свои функции руководителя, и все. То, что ребята добровольно признают его командиром, льстило самолюбию, но при этом накладывало обязательства. После осознания этого факта Стас просто обязан был довести группу до границы любой ценой и не потеряв ни одного человека. Иначе он уже никогда в жизни не сможет смотреть в зеркало.

Не доезжая примерно 50 километров до пригородов Сяньяня, они остановились. Впереди была развилка. Правая дорога вела как раз в Сяньянь, городспутник миллионного Сианя, левая уводила на север. Стас спустился на землю, не забыв прихватить автомат, и, упершись руками в поясницу, с наслаждением выпрямил спину. А приятно немного пройтись по твердой земле, размяться после более чем трех часов безостановочной езды.

– Что случилось? Почему стоим? – из окна кунга высунулась рыжая голова Алексея.

– К городу подъезжаем. Надо посоветоваться.

Громко хлопнула дверь, и изза машины показалась Маша.

– Где здесь можно носик попудрить?

Стас только ошалело хлопал глазами, пытаясь сообразить, зачем Маше

пудра и почему это нельзя делать в будке.

– Не могли у кустов остановиться, блин, – во всеуслышание заявил Макс, спрыгивая на асфальт вслед за девушкой.

Вот теперь все стало ясно. Стас и забыл, что женщинам несколько сложнее, чем мужчинам, «пудрить носик». За прошедшее время он привык относиться к обеим спутницам как к товарищам, а не как к существам хрупким и нуждающимся в комфорте. Вот и попался.

Пришлось обойтись без церемоний – девочки справа, мальчики слева. Спускаться в кювет ни у кого желания не было: сыро, мокро, да еще Валера в свойственной ему манере напомнил о всякой местной ползучей живности. А на асфальт лишняя жидкость уже никак не повлияет. Все равно дожди идут один за другим.

Затем прямо на улице, благо с неба не капало, организовали экспресссовещание, как ехать дальше. Сиань оставался на другом берегу Вейхэ, но на пути у них был полумиллионный Сяньянь. Миновать его можно было только по двум дорогам. Одна из них шла через три городка и проходила почти по окраине Сяньяня, а вторая хоть и вела в обход, но была отмечена на карте как грунтовка. А если в России дорога – это место, где деревья растут не так густо, то в Китае дорога – это просто то, где мы хотим проехать. Рисковать утопить машину в грязи, не пройдя и полутысячи километров, никто не хотел. В результате выбрали шоссе. Немаловажным фактором было и то, что на трассе можно было встретить заправку. Искать ночлег решили уже после моста через Хуаньцзян. Впереди еще больше четырех часов светлого времени, надо использовать их с максимальной пользой.

Совещание завершилось, все вернулись в машину, и «КамАЗ», выпустив облако солярочного выхлопа, стронулся с места и покатил по дороге, ведущей прямо. Следы человеческой деятельности появлялись все чаще и чаще. Теперь уже практически не встречалось невозделанных клочков земли, а деревни и поселки отстояли друг от друга не более чем на пару километров, а то и плавно переходили один в другой.

А люди здесь были пуганые. Они уже не выскакивали на улицу, услышав шум мотора, а, наоборот, прятались в своих халупах или разбегались по окрестным полям. По крайней мере, Стас трижды видел человеческие фигурки, нырявшие в заросли кустарника. Эпидемия еще не успела выкосить всех подчистую, но в помощь ей уже пришли местные бандиты и мародеры, иначе как еще объяснить запуганность крестьян, их страх перед чужаками.

Впереди показался городок под названием Ганьдань, судя по карте,

поселение вроде большой деревни. Перед въездом в город, с правой стороны от дороги, виднелась заправка. Недавно построенная, сверкающая свежим пластиком и краской, заправка была заметна издалека. Дима зарулил прямо к колонкам и заглушил мотор. Естественно, ни одной живой души на заправке не обнаружилось. Колонки были обесточены, машин вокруг не было, только изза здания заправки выглядывали два древних, обшарпанных авто, успевшие побывать в руках местных Самоделкиных.

Ребята с удовольствием выбрались из душного кунга, пользуясь возможностью вытянуться во весь рост и размять ноги. Дима и Макс направились внутрь, в надежде найти рубильник и запустить насосы. Качать солярку вручную никому не хотелось. Сам Стас с интересом разглядывал стоявший на площадке у заднего входа агрегат, в молодости бывший микроавтобусом «Тойота».

– Стас, Валера, посмотрите! – Из дверей заправки высунулась голова Макса. Затем убралась обратно внутрь, и на улицу вышел Дмитрий.

– Пройдусь по окрестностям, – буркнул он, поравнявшись со Стасом и снимая автомат с предохранителя.

Валера Шахов не расслышал приглашения, он находился рядом с «КамАЗом», а Стас поспешил заглянуть внутрь, посмотреть, что там такого интересного. В диспетчерской виднелись явные следы погрома. В глаза бросились раскуроченный кассовый аппарат, вывернутые ящики стола. В углу валялась куча тряпья, на поверхности пульта заправщика и на полу темнели похожие на кровь пятна. Но самое главное: в воздухе витал уже знакомый по базе Луньсянь трупный запах.

Макс молча кивнул на дверь, ведущую в следующее помещение. Стас сглотнул вставший в горле ком и прикрыл нос ладонью, он уже понял, что он там увидит. Действительность оказалась хуже любых предположений. Небольшая тесная комнатенка, ранее служившая кабинетом менеджера и подсобкой одновременно. Письменный стол, шкаф с документами да штабель какихто ящиков в углу – вот и все убранство.

Но не обстановка помещения первой бросалась в глаза и не свернувшийся калачиком в углу труп китайца. На столе было распято тело молодой женщины. Искаженное мукой, застывшее в агонии лицо еще сохраняло следы былой красоты. Правильные черты лица и длинные светлокаштановые волосы говорили о европейском происхождении их обладательницы. При жизни она была молоденькой, стройной и красивой девушкой, но как с ней обошлись… Нет, и представить себе такое невозможно!

Тело было обнажено еще при жизни, на полу под ногами валялись

обрывки платья и нижнего белья. Руки девушки, вывихнутые в суставах, были стянуты веревкой под столом. На левой ноге сохранился телесного цвета чулок. Отрезанное ухо, кровь на животе, на бедрах, следы ожогов и синяки на теле, проткнутая арматуриной левая грудь лучше всяких слов говорили о том, что здесь произошло. Девушку сначала привязали к столу, затем долго насиловали, и только потом, вдосталь натешившись, пытали до смерти. Никакого логического объяснения такой жестокости не было, только иррациональное стремление причинить жертве как можно больше страданий. Стас невольно вспомнил, что китайцы по части пыток традиционно были впереди планеты всей. Любимое народное развлечение, черт побери!

– Уроды! Они ей туда кол забили, – прохрипел Макс, – ненавижу ублюдков!

Стас задел ногой чтото мягкое, опустив глаза, он увидел вывернутую наизнанку женскую сумочку.

– Интересно, кто она была, – протянул он, присаживаясь на корточки. Его мутило от увиденного, если срочно не найти себе дела, вывернет наизнанку.

Так, связка ключей на полу, раздавленный мобильник, изпод скомканных трусиков выглядывает банковская карточка. Бандиты забрали деньги, драгоценности, машину, но не тронули не представляющие для них ценности вещи. А вот прямо на полу, рядом с трупом китайца, лежит паспорт. Интересно, кто он был при жизни, этот косоглазый? Одним из бандитов или спутником девушки? Сейчас уже и не выяснить.

– Эмили Хэнк, подданная Великобритании, – вслух прочел Стас. С фотографии на него смотрело утонченное, красивое девичье лицо. – Всего двадцать лет. И как ее угораздило сюда попасть?

– Так же, как нас, – мрачным тоном буркнул Макс.

Стас не успел ничего ответить. Снаружи донеслись звуки хлесткой автоматной очереди и почти сразу хлопки пистолетов и ружей.

– Твою мать! – Оба рванулись на улицу, на ходу переводя «калаши» на автоматический режим огня. Стас при этом успел сунуть паспорт покойной Хэнк в карман. Со звоном раскололось оконное стекло, на глазах Макса во внутренней перегородке возникло круглое пулевое отверстие. «Здесь же бензин! Взорвемся к такойто матери!!!» – мелькнула в голове Стаса паническая мысль. Выскакивая на улицу и ныряя за тушу микроавтобуса, он успел заметить нападавших. Несколько человек с ружьями и пистолетами, стреляя на ходу, бежали к заправке.

– К машине! Живо! – заорал Валера. Пронзительно завизжала Ирина,

через секунду ее визг перебила сухая автоматная очередь. Затем еще одна. До нападавших было уже чуть больше ста метров. Стас, отчаянно труся, поднялся на ноги и навел автомат на бегущую фигурку. А он никогда в жизни не был в бою. Тогда давно, еще в прошлом веке в Югославии, было совсем иначе. Там была технологическая «кнопочная» война, хотя сыпавшиеся на голову натовские бомбы и ракеты были настоящими и убивали они понастоящему. Но все равно, лиц врагов не было видно, они были далеко, в еле различимых в небе самолетах. Не так, как сейчас, когда в руках не пульт ЭВМ управления «ЗРК», а автомат, и враг – вот он, вот его смуглое лицо, совсем близко.

Стас придержал дыхание, как его учили на военных сборах, зафиксировал грудь китайца в прицеле и нажал спуск. Сильный толчок в плечо, китаец, взмахнув руками, рухнул на спину и выронил ружье. Промахнуться на такой дистанции сложно. Рядом загрохотал автомат Макса, длинная очередь смела еще двоих. Остальные бандиты залегли и открыли огонь по заправке.

– Все сюда, уматываем на хрен! – орал Валера.

К счастью, у нападавших были только ружья и пистолеты. Они и сами не ожидали, что в ловушку попадется хорошо вооруженная дичь, готовая постоять за себя.

Прямо над головой противно звякнуло, о стену здания ударилась пуля. Стас вскочил на ноги, почти не глядя, выпустил в сторону китайцев рожок одной длинной очередью и рванул со всех ног к машине. Дима уже был в кабине, мотор работал. Валера и Леша, высунувшись из окон, поливали бандитов огнем, не позволяя им поднять голову.

– Все? На месте? – выдохнул Стас, влетая в кабину, следом за ним запрыгнул Макс.

Дмитрий просто кивнул и вдавил в пол педаль газа. Тяжелый грузовик буквально прыгнул, с прогазовкой срываясь с места. Ребята чуть было не повылетали из окон. Хоть и продолжали стрелять, пока нападавшие не скрылись из виду.

Дима вел машину через город, на полной скорости. Как не перевернулись на узких извилистых улочках или не проложили новую дорогу прямо сквозь дома, осталось загадкой. Только один раз водитель немного притормозил, перед тем как втиснуть «КамАЗ» в щель лишь немного шире машины между стеной дома и загородившим половину дороги грузовиком. Уже на выезде из города они сбили козу. Животное, глупо мекая, повернуло голову в сторону ревущего стального чудовища и через пару мгновений, превратившись в мешок с костями, отлетело в

кусты. Дима даже не сбавил скорость.

Остановились они уже за городом, на подъеме, с которого открывался хороший обзор на все четыре стороны.

– Вот и заправились, блин, – облегченно вздохнул Дима, вытирая пот со лба. Глушить мотор он не стал.

– Кто стрелял первым? – хриплым голосом вопросил Стас. Только сейчас он понял, что во время бешеного городского слалома он сидел, направив автомат в лобовое стекло, упираясь в переднюю панель ногами, чтобы не вылететь из машины. Сейчас он, как ни пытался, не мог вспомнить, когда успел сменить рожок автомата. Помнил только, что бежал к машине с пустым магазином, а сейчас автомат был заряжен, патрон в стволе, рожок полон.

– Я стрелял, – тихо проговорил Дима, – как только увидел, что эти бегут к нам, так сразу все понял. И почему рядом машин не было, и кто убил девушку.

– Эмили Хэнк, ее звали Эмили Хэнк, и именно она нас спасла, – отчеканил каждый слог Стас.

Заправились они на въезде в промышленный район Сяньяня. На этот раз выбрали заправку, стоящую открыто, в отдалении от других сооружений. Сначала проехали мимо, потом развернулись и остановились, не доехав 200 метров. И только когда добежавший до заправки под прикрытием автоматных стволов Макс помахал рукой: мол, все в порядке, «КамАЗ» заехал на площадку.

Стас и Валера разошлись в разные стороны и, напрягая зрение, вглядывались в окрестности, пока остальные качали солярку из цистерны ручным насосом. Электричества не было. Девчонки, естественно, воспользовавшись моментом, набросились на Диму с расспросами. Тот, поломавшись для порядка, рассказал, что в будке заправки были трупы с огнестрельными ранами. Выйдя продышаться на улицу, он увидел бегущих к заправке людей с оружием. Дальнейшее всем известно.

Что они увидели в здании заправки на самом деле, Стас, Макс и Дима решили девушкам не говорить. Нечего калечить психику такими вещами. От подобных сцен и у взрослых мужиков крыша едет, а что говорить о дамах!

– Им еще замуж выходить, – аргументировал Макс.

Впрочем, пока они вырвались из пригородов Сяньяня и проехали мост через Хуаньцзян, довелось увидеть такое, что и Стивену Кингу в ночном кошмаре не приснится. Человек всегда демонстрировал недюжинную изобретательность и смекалку в деле уничтожения себе подобных.

Особенно шокировала небольшая рощица, зажатая между двумя фабричными корпусами, деревья которой буквально сгибались под тяжестью тел повешенных. Казалось, здесь висит персонал целого текстильного комбината.

Глава 18

ТЕОРИЯ ХАОСА

Стив Грегори многое не понимал в этой жизни. Он не понимал, почему Америка сдает одну позицию за другой, не понимал, как можно платить пособие по безработице собственным бездельникам в несколько раз больше, чем нормальная зарплата китайского рабочего, не понимал, почему, украв тысячу баксов, можно сесть в тюрьму, а украв миллиард, попасть в Конгресс. Он не понимал, почему информационное освещение мировых событий имеет мало общего с реально происшедшими событиями и почему всех американцев родное правительство однозначно считает быдлом, неспособным делать самостоятельные выводы.

Но больше всего он не мог понять, как Бог до сих пор терпит такую несправедливость – в то время как 73е авиакрыло перебрасывают в Бруней вместе с морской пехотой защищать нефтяные скважины и наводить порядок в этой стране, его Отдельная Особая Разведывательная эскадрилья остается на Луссоне. Особенно обидно от осознания того факта, что маневры у русских завершились, не успев начаться. Изза этой паршивой эпидемии даже северным медведям стало не до учений. Большая часть флота вернулась в Японское море. Только соединение из крейсера «Рюрик» и трех эсминцев полным ходом проследовало в Хайфон. Да еще несколько противолодочных крейсеров болтались в южных морях, и у берегов Америки патрулировал плавучий разведывательный центр «Урал».

По всему выходит – Стив Грегори в ближайшее время останется не у дел. Нет, он не горел желанием воевать или «умиротворять» коголибо, просто перспектива безделья и надоевшей всей эскадрилье работы по «дезинфекции» вымерших деревень заставляла волком выть. Так было тошно. Надоело все это, и пропитавший воздух запах гари надоел. Хотелось уехать в нормальный регион, где нет малайцев, японцев, китайцев и прочих, где не валяются по дорогам тела, где нет необходимости поливать мертвые города напалмом, где идет нормальная мирная жизнь. Кроме того, приезжий моряк сегодня выложил шокирующую, повергающую в аут информацию. Стиву хотелось выговориться, поделиться новостями, но это потом. Сначала надо собрать всех ребят.

– Стив! – навстречу спешил Пол Шарапоф. – Что нового?

Изнывающий от безделья Пол ждал, пока закончится совещание, чтобы первым узнать новости.

– Новость одна, – лицо Стива скривилось в саркастической усмешке, –

мы остаемся. Продолжим патрулирование окрестных развалин и уничтожение запасов пива в баре.

– Понятно, – тусклым голосом протянул Пол, – а зачем приезжал этот моряк?

– Пошли в общежитие, – махнул рукой Стив и, сунув руки в карманы, зашагал прямо посередине проезжей части.

По дороге он в двух словах объяснил своему заместителю обстановку. Тот стоически перенес известие о переброске 73го авиакрыла в Бруней и коротко пожелал им всем заболеть Шилдманом и сдохнуть вместе со всеми большими шишками из штабов. Стив на это только загадочно улыбался, он сомневался, что горячее пожелание Пола имеет шансы на реализацию. Точнее, он не сомневался, а знал, что лихорадка им не грозит. Но об этом позже. Не будем ломать себе кайф.

Вот и общежитие летчиков. Вымазанное зеленой краской трехэтажное здание притулилось аккурат между автобазой и казармой танкистов. Махнув часовому рукой, Стив ворвался в холл, поздоровался со встречными ребятами из штурмовой эскадрильи и взбежал по лестнице на третий этаж, перепрыгивая через ступеньку. Пол не отставал, видимо, он твердо решил одним из первых выяснить, в чем причина столь буйного поведения командира.

На третьем этаже Стив завернул в коридорчик блока, занимаемого летчиками разведывательной эскадрильи, и пинком открыл дверь в комнату отдыха.

Так и есть – все на месте. Джордж и Дэн играют в шахматы. Молчаливый и абсолютно лысый потомок скандинавских переселенцев. Рок качает бицепсы. Длинный Лемюэль листает старый журнал, остальные смотрят телевизор.

– Что за шум, командир? Неужто обычный путь тебе заказан? Путь, достойный человека, – первым отреагировал на появление Стива Лемюэль.

– Так, парни, у меня две новости. Начну с первой. Мы остаемся на этой вонючей базе и ждем, пока русские либо индусы не соизволят провести парад прямо в виду нашего берега. Либо пока китайцы не высадятся на Формозе. Тогда как 73е крыло в полном составе перебрасывается в Бруней.

– Это не новость. Так и должно было произойти, мне сегодня Президент снился, – глубокомысленно заявил Билл.

– Мы же элитное подразделение, нас берегут, – рассмеялся Марк, – а туда посылают менее ценных.

– А Бруней это, если не ошибаюсь, южнее находится? На Борнео?

– Там, где водятся пингвины, – проявил свою осведомленность вошедший вслед за Стивом Пол.

– Нет, пингвины водятся на полюсе, а в Брунее водится нефть.

– Сколько платят «Шелл» и «Стандарт Ойл» за охрану скважин? – поинтересовался Джордж, отрываясь от игры.

– Платит Дядя Сэм, а нефтяники платят Дяде Сэму, – невозмутимо заявил Дэн, – тебе шах.

– Это все ерунда. Не стоит выеденного яйца. – Стив выдернул шнур питания телевизора из розетки. – Слушай сюда!

– Ну, опять нам аборигенов кремировать. Самая лучшая работа для элитной части, – съязвил Марк, – надоело.

Остальные ребята полностью поддерживали Марка.

– Это все ерунда, – повторил Стив, облокачиваясь на телевизор. – Сейчас нам в штабе Большая Пентагоновская Шишка популярно объяснил, что лихорадка Шилдмана ни для кого из нас не опасна.

– Восхитительно! Тогда с какой стати Рона в госпиталь увезли? Изза насморка?!

– Рон заболел и умрет от Шилдмана, – тихо, но доходчиво произнес Стив, – умрет потому, что он черный.

На мгновение в комнате наступила мертвая тишина. Затем люди вскочили с мест, каждый хотел чтото сказать, спросить, внести ясность.

– Тихо всем! – Стив ударил кулаком по многострадальному телеящику, восстанавливая дисциплину.

– Вот так лучше, – добавил он, когда все успокоились. – Яйцеголовыми установлено, что лихорадка опасна только для китайцев, малайцев, японцев, монголов, негров и прочих нанайцев. Болеют только узкоглазые и черные, это научный факт. Для всех остальных вирус безвреден. Не спрашивайте, почему, я сам ничего не понял. Просто таковы факты.

– Майор, а что говорят об индейцах? – поинтересовался Билл. Для него, чистокровного ирокеза, это был вопрос жизни и смерти.

– Индейцам вирус не опасен. Я, может, не знаю всех тонкостей, но коренным американцам Шилдман не грозит.

– Интересно, почему? По идее, все люди – это один вид. Не может быть так, чтобы одна раса умирала от вируса, а другая и насморк не подхватит. И почему об избирательности Шилдмана стало известно только сейчас?

– Черт его знает, Пол! Мне так сказали, и я этому верю. Ты заметил, что сегодня с базы вывозили всех черных?

– Точно, командир, я еще удивился, – столько негров вижу вместе.

– Больше ты их не увидишь, – цинично прокомментировал Сэм, – а Рони жалко. Хороший был парень, хоть и ленив, как негр. Никогда койку не прибирал.

– А Химура? Что будет с ним?

В ответ Стив молча провел ладонью у горла. На душе было муторно. Даже выговорившись, он не чувствовал удовлетворения. Словно сделал чтото не то, а что не так, непонятно. Это несправедливо, когда люди вокруг умирают, а ты не можешь ничего сделать. Остается только, как бессмертный Бог, идти мимо и сверху вниз смотреть на чужую агонию. Все равно это несправедливо.

На следующее утро Стива опять вызвали в штаб. Оказывается, есть на свете справедливость! Разведка сообщает, что сегодня ночью Цусимским проливом прошли целых двенадцать русских десантных экранопланов. Видимо, идут в Хайфон, других баз у русских в этом регионе нет. Выдается хорошая возможность как следует рассмотреть эти машины в открытом море. Постараться определить их технические и ходовые параметры.

Майор Стив Грегори получил приказ держать эскадрилью в полной боевой готовности. Как только русские окажутся в радиусе действия самолетов с Луссона, следует взять их под плотное наблюдение. Заснять радиофон, магнитные поля, локационные портреты, постараться сфотографировать с близкого расстояния. Нормальная работа разведчиков.

По возвращении Стива в общежитие ребята встретили новость с воодушевлением. Наконецто привалило настоящее дело! Даже всегда молчаливый Рок издал боевой клич своих воинственных предков викингов и попытался удушить Марка в объятиях. В общем, все были рады. Хотя воодушевление длилось недолго, Стив выгнал всех на аэродром проверять и готовить к вылету машины.

– И чтоб все блестело! У кого завтра утром найду неисправность, будут до конца контракта взлетную полосу зубной щеткой полировать!

Ох, утро добрым не бывает! Как раскалывается башка! И в животе холодная змея выход ищет. Вроде и выпили вчера всего ничего, а состояние жуткое. Ну, кому, в чью тупую башку пришла мысль, начав с виски, продолжать сейшн пивом?! Да еще таким мерзким? Айзек, собравшись с силами, еле продрал глаза. Кажется, он лежит на своей койке, даже кроссовки догадался вчера снять. На противоположной стене на гвозде болтается оранжевая куртка Гонщика, рядом красное пятно кетчупа. Хорошо вчера погуляли. Даже вспомнить страшно.

Айзек со стоном спустился с кровати. Перед глазами плыли

веселенькие зеленые круги, одновременно хотелось блевать и жрать, а больше всего хотелось пить. Он дополз до санузла и засунул голову под кран. От холодной воды стало немного легче. Протерев глаза мокрыми руками, он припал ртом к крану. Вода прямиком потекла в желудок. Наслаждението какое, господи!

Утолив жажду, Айзек принялся вспоминать вчерашний день. Вроде бы началось все неплохо и, судя по тому, что проснулся он дома, а не в полицейском обезьяннике или в мусорном баке, закончилось тоже хорошо. Сначала он, Гонщик и Зип раскумарили косяк на троих. Затем ктото вспомнил, что вечером будет тусовка в Гнилом Тупике. Кривой Мэтью обещает отбацать настоящий уличный рэп для всех черных братьев. Чтобы идти на сейшн, нужны бабки – бухла купить, пару косячков, и Мэтью обижается, когда зрители бросают маломало гринов музыкантам.

Пришлось искать наличку. В поисках, чем бы разжиться, они пошатались по улицам, пока навстречу не попался какойто «снежок». Наверное, заблудился в центре Гарлема. Втроем они быстро убедили белого вывернуть карманы, даже бить не пришлось. Забрав бумажник и навесив лопуху пендель на прощанье, повеселевшая троица отправилась гулять дальше. Зип предложил бухнуть, что они и сделали прямо на крыльце магазинчика Мамаши Сизи, выхлебав купленную у нее бутылку дешевого виски.

А что было дальше? Дальнейшие события намертво выпали из памяти. В голове всплывали отрывки уличного концерта. Как Кривой Мэтью в своей зеленой бандане читал рэп под хрипящую старенькую стереосистему. Круто было! Айзек хлебал виски прямо из горлышка. Бабло у него было. В бумажнике того белого чуха нашлись полторы штуки баксов. Как раз по 500 гринов на брата. Вспомнился Гоблин, протягивающий банку пива. Кажется, они тусовались до самого конца, отвалили бабок Мэтью – уж больно хорошо он пел про рыцарей черных кварталов. Прям слезы по щекам текли, когда тот под финал затянул блюз. Зип потерялся еще в самом начале – поперся за герычем и исчез. Гонщик снял какуюто подругу. Настроение было кайфовым, хотелось пить, ширять, трахать и любить весь мир. Айзек притянул к себе бабенку, укусил за ушко и предложил пойти к ним домой.

А где Гонщик, интересно? Словно в ответ на этот невысказанный вопрос, до ушей Айзека донесся храп. Айзек выглянул на кухню – а вот и сладкая парочка. Дрыхнут прямо на полу полуголые. При этом на лице Гонщика застыла маска неземного блаженства. При виде открывшейся ему чудной картины Айзек скабрезно улыбнулся и поцокал языком – а попка у

сучки ничего! Стоило потискать. Жаль, я вчера перебрал лишнего. А Гонщик молодец – своего не упустил. Видно, что отграхал шмару во все дыры.

– Эй, Гонщик, подъем! – Айзек легонько пошевелил ногой приятеля. – Давай поднимайся, черная обезьяна!

– Пошел в… – Гонщик приподнялся на локте и уставился на Айзека заспанными буркалами.

– Буди подружку и одевайся, – хмыкнул Айзек и повернулся в сторону сортира.

– Возвращайся быстрее, засранец! – крикнул вдогонку Гонщик. – Эта киска вчера обещала заставить проблеваться твой тощий черный член.

Айзек только усмехнулся и закрыл за собой дверь санузла. Судя по всему, подружке сейчас не до секса, пусть сначала похмелится, а потом можно будет подумать о продолжении вчерашнего. Вдруг с кухни донесся дикий вопль, буквально сорвавший Айзека с унитаза.

– Аааа! Она дохлая! Мать твою! В натуре, дохлая сучка! Твою задницу!

Выскочив на кухню, Айзек узрел трясущегося приятеля, прыгавшего на одной ноге, а вторую пытавшегося засунуть в штанину. При этом Гонщик отчаянно ругался, выпучив глаза на лоб:

– Ты смотри, брат, она дохлая, дохлая, совсем дохлая. Я спал рядом с дохлой сучкой.

– Ну и что? Ты же ее трахал. Не мог понять, живая или мертвая? – поинтересовался Айзек, затем подошел к лежащей на полу подруге и коснулся ее руки. Холодная. Вялая. Точно, дохлая. Глаза закрыты, язык вывалился изо рта. Изпод голой задницы на пол набежала желтая лужица.

– Тухлое дело, – изрек Айзек, поднимая глаза на Гонщика, – фуфло вышло. Ты ее загнал.

– Да она живая была. Она подмахивала. Еще сказала, что ей понравилось. Такая горячая была.

– Здорово, братва! Иду, смотрю, дверь открыта, – раздался голос из прихожей. Айзек и Гонщик от неожиданности подпрыгнули на месте и оба бросились в комнату.

– Братва, есть что выпить? – навстречу им двигался, улыбаясь всеми своими двадцатью двумя зубами, Кардан.

– Ну, ты и напугал нас! Мать твою за ногу! – выдохнул Айзек. – Стучаться надо.

– Так есть чем подлечиться? А то у меня после вчерашнего ни цента, а во рту, как скунс нагадил, и башка трещит.

– Слушай, Кардан, у нас тут лажа вышла. Сам посмотри, – Айзек махнул в сторону кухни. Лучше было сразу рассказать, в чем проблема. Все равно надо чтото делать.

– Ого! – Кардан скептически обозрел распростертое на полу тело, затем перевел взгляд на застегивавшего ширинку Гонщика. – Как эта шмара здесь оказалась?

– Тут такое дело, черный брат, – Айзек и Гонщик принялись сбивчиво рассказывать. Кардан был в их квартале авторитетом и вообще свойским парнем, он мог помочь избавиться от трупа.

– Хреново дело, – с этим вердиктом на устах гость смахнул с холодильника грязные трусики, открыл дверцу и извлек на свет бутылку без этикетки, но зато с мутноватой жидкостью. Больше в холодильнике ничего не было, только толстый слой грязи на некогда белых стенках.

– Ого! Виски! – прикрыв один глаз, Кардан понюхал содержимое бутылки и, запрокинув голову, одним глотком выцедил почти половину содержимого – кайф!

– Ну, ты, чё скажешь? – толкнул его в бок Гонщик. – Дайка хлебнуть.

На троих они моментально оприходовали заначку. После опохмелки настроение у всех повысилось, и жизнь стала налаживаться.

– Значит, типа она сама с вами пошла? А хороша была жопка. Упругая, как грудь моей старушки. – Кардан присел на корточки рядом с трупом и принялся обследовать карманы куртки. Его добычей была связка ключей и 17 баксов мелочью, вот и все, ни документов, ни кредитной карточки. Да и откуда им взяться у обитательницы трущоб? После дефолта 99го года Америка практически забыла о существовании своих малообеспеченных граждан. Денег не было ни у кого.

– Сама, сама, – энергично кивал головой Гонщик, – все добровольно и по согласию.

– В натуре, это желтый мор! – неожиданно сделал вывод Айзек. Глоток виски произвел благотворное воздействие на его мозги. – Она уже вчера была больной. Помнишь, как глаза блестели?

– Так я думал, это от травки. Мать твою! Мы сдохнем! Мы все сдохнем! Сука, зараза, она нас убила! Мы все сдохнем! – визжал Гонщик. Его руки тряслись, глаза вылезли на лоб, по подбородку текла струйка слюны. Смотреть страшно.

– Никшни, поц! – рыкнул на него Кардан. – Она на сейшне вчера тусовалась?

– Ну, дык. Там и сняли.

– Выпить есть? – голос Кардана звучал тускло и безжизненно. Он

полез в холодильник, но больше ничего там не обнаружил.

– Нет, это была последняя, – вздохнул Айзек.

Только что поднявшееся настроение упало ниже плинтуса. Стало ясно, что жизнь как была паршивой, так паршиво и заканчивается. Еще тричетыре недели, и его позовет к себе Большой Брат Иисус давать отчет о прожитых годах. А что он скажет Иисусу? Что пил, курил травку, снимал доступных бабенок, иногда грабил и приворовывал? Правда, в банду его не взяли, но от этого не легче.

Гонщик в это время тихо скулил в углу, сжимая башку ладонями. До него тоже дошло, что наступает конец. Желтый мор, так в американских трущобах называли лихорадку Шилдмана, шансов не дает, косит всех без разбору. Умрут все, кто находился рядом с больным или просто прикоснулся к нему на улице.

– Пошли, братва, – первым нарушил тягостное молчание Кардан, – будем гулять.

– А эта? – скосил глаза на труп Айзек.

– Пусть лежит, Бог забрал ее душу в райскую обитель. Нам сейчас нужны белые страстные цыпочки, крэк, герыч, хорошее виски, – оскалился Кардан, – или ты собираешься замаливать грехи в камере?

– Пошли! Будем гулять на собственных поминках, – с этими словами Айзек запустил руку под стол. Туда, где к столешнице был приклеен скотчем настоящий армейский нож.

– Эй, хватит ныть, черный брат! – Кардан опустился на пол рядом с Гонщиком и обнял его за плечи. – Мы все умрем. Такова наша скорбная доля. Но сначала насладимся вкусом жизни, не будем зарывать талант свой в землю, а пойдем и возьмем у «снежков» все, что они нам задолжали с тех самых пор, как Моисей водил народ свой по пустыне скорби. Воспрянь, черный брат, ибо последние будут первыми, а богатым не попасть в Царствие Небесное. Воспрянь, и пойдем с нами.

Когда нужно было, Кардан умел говорить красиво – его папаша был пастором.

Айзек вышел на улицу последним, хотел было запереть дверь, но одумался и плюнул на это дело. Все равно, это бесплатная муниципальная конура в древнем, обшарпанном, разваливающемся доме. Квартплату они с Гонщиком постоянно забывали платить, да и мэрия особо не настаивала. Можно было поджечь эту надоевшую хату, да бензина нет. Все равно сегодня он будет ночевать в чистой постели на пуховой перине в одном из особнячков на окраине НьюЙорка.

– Йохо! – Айзек испустил дикий вопль, скатываясь вниз по ржавой

перекосившейся железной лестнице. Гулять, так гулять! И пусть всем чертям будет тошно!

Первым делом они пошли на Дерьмовую улицу (аборигены Гарлема давно переименовали все улицы района на свой вкус и пользовались исключительно этой, не имевшей ничего общего с официальным генпланом топонимикой), там они встретили Джима, Большого Гоблина и Тухлого Майка. Кардан быстро объяснил братве, в чем дело. После громкого эмоционального обсуждения было решено собирать толпу и идти грабить магазины в дорогих районах.

Джим под одобрительные возгласы братвы перевернул мусорный бак и запустил пустую бутылку в чьето окно. Раздался звон разбитого стекла, из окна высунулась толстая баба и заорала на парней. Айзек, не теряя времени, приспустил штаны и показал ей задницу. Сверху посыпались пустые бутылки и содержимое мусорных мешков. Уже через минуту вся улица гудела, как растревоженный улей. Опасаясь летящих из окон тяжелых предметов, хохочущие и кривляющиеся парни шмыгнули за угол.

– Во, блин, давно так не веселился. Я еще вернусь, уроды! – полуобернувшись, Гоблин погрозил кулаком.

– Вон Сморчок чапает! – Айзек ткнул пальцем в сторону пинавшего пустую банку на том конце улицы человека в яркокрасной бандане и футболке с портретом Клинтона.

– У него всегда есть шмаль!

– А у меня бабла нет.

– Дурак, сейчас последние Судные дни. Армагеддон наступает. Значит, все люди братья, и Сморчок обязан поделиться с нами травкой, как брат с братьями, – философствовал Кардан. – Побежали за ним.

Но Сморчок, к сожалению, задницей почувствовал, что денег ему не дадут, и шмыгнул в ближайший переулок. Гнаться было бесполезно.

– Ничё, пошли дальше. Он еще сам к нам придет.

Вскоре к толпе присоединилось еще несколько человек, затем еще и еще. Слух о том, что в Гарлеме свирепствует желтый мор, облетел квартал со скоростью звука, а то и быстрее. Через два часа весь центр НьюЙорка бурлил и кипел, словно огромный вулкан. Начались погромы. Вооруженные битами, ножами, обрезками арматуры стаи чернокожих подростков грабили магазины, переворачивали и поджигали автомобили, перегораживали улицы баррикадами, убивали попадавшихся им в руки белых и латиноамериканцев. Улицы города превратились в настоящий ад.

– Пришел отмщенья час! Черные братья и сестры, они тысячи лет угнетали нас, они презирали и унижали нас! Взамен давали только жалкие

объедки со стола пира жизни. Это белые распяли маленького Христа! Это они изгнали Избранный народ из Земли Обетованной! Это белые свиньи обратили в рабство и плен вавилонский наших прадедов! Смерть им! Уничтожим вавилонскую блудницу, усевшуюся на семи тронах!

Наше время пришло! Восстаньте, братья и сестры! Пойдите и возьмите себе их земли, их виноградники, их рабов, и скот их, и их женщин! Как Иисус Навин привел свой народ в Землю Обетованную, так и мы пойдем и возьмем себе все сокровища эксплуататоров. Грабь награбленное! – надрываясь, орал Кардан с импровизированной трибуны, мусорного бака, водруженного на крышу пикапа. Пусть его не слушают, пусть идут мимо, пусть, но он был счастлив.

– Настал свободы час! К оружию, братья, к оружию! Свергнем и растопчем «снежков»! – Размахивая ломом, он спрыгнул с трибуны и побежал за угол, туда, откуда доносились вопли какойто сучки, попавшейся черным мстителям из банды «Пьяное дерево».

К чести полицейского управления города, вспыхнувшие в центре беспорядки вскоре были блокированы. По тревоге мобилизованы все силы полиции. Подтянуты полицейские отряды быстрого реагирования. В НьюЙорк срочно перебрасывалась Национальная гвардия. К вечеру в город вошли два танковых полка. Вырвавшиеся за пределы трущоб банды погромщиков сначала практически не встречали сопротивления. Только в нескольких местах у них на пути встали полицейские или просто решительные граждане, готовые постоять за себя.

К очагам восстания перебрасывались все новые отряды полиции, с ходу разворачиваясь цепями, они перекрывали возможные маршруты погромщиков, наводили порядок, арестовывали попавшихся мятежников. Части национальной гвардии проследовали к наиболее опасным районам и встали, обеспечивая периметр безопасности. Попытки отрядов черных братьев из трущоб прорвать кольцо жестко пресекались. Полицейские и солдаты получили приказ открывать огонь на поражение.

Ночь прошла относительно спокойно. Кольцо оцепления усилили свежими частями. Полиция эвакуировала граждан из опасных районов. Заодно организовывались объездные маршруты для транспорта. Несколько банд, просочившихся за периметр в начале бунта, были блокированы и уничтожены.

Утром на рассвете начался штурм. На сооруженные за ночь баррикады черных пошли танки и бульдозеры, следом бежали, прикрываясь щитами, полицейские. В небе повисли вертолеты. Солдаты Национальной гвардии шли на штурм под прикрытием водометов. Мятежный центр встретил

федералов огнем. Из окон верхних этажей летели бутылки с бензином, с баррикад вели частый ружейный и пистолетный огонь. Изредка солдат встречал огонь пулеметов и гранатометы. Ночью были разграблены все оружейные магазины и несколько полицейских участков в центре.

Понеся первые потери, солдаты без колебаний открывали огонь. Они шли вперед, выметая свинцовым ливнем все живое. Но и мятежники не спешили поднимать руки или разбегаться. Черным нечего было терять, они знали, что в любом случае обречены. Город горел. На затянутых дымом улицах вспыхивали ожесточенные схватки. Там, где солдатам удавалось прорвать баррикады и вклиниться хотя бы на полквартала, на их фланги набрасывались толпы вооруженных негров. Иногда солдатам удавалось быстро перестроиться и отбить натиск, смести нападающих огнем, иногда нет. И тогда в рукопашной схлестывались лом и автомат, монтировка и солдатский нож или полицейская дубинка.

Кругом гремели взрывы, стрекотали автоматы и пулеметы, раздавались гулкие выстрелы танковых орудий. Под ноги солдат летели ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью, с баррикад и из окон в лицо били заряды крупной дроби. Армия давно не сталкивалась с таким яростным сопротивлением. Но силы были неравны. Техническое превосходство, автоматическое оружие, жесткая дисциплина, хорошая выучка и воздушная поддержка сыграли свою роль. Пусть с боем, пусть по колено в крови, но армия шаг за шагом продвигалась вперед.

Последние очаги сопротивления были подавлены только на пятый день с начала бунта. В уличных боях Национальная гвардия и полиция потеряли 374 человека убитыми и 829 ранеными. Были сожжены семь танков и четыре бронемашины. Удачным выстрелом из гранатомета мятежники сбили вертолет «Апач». Потери бунтовщиков никто не считал. Все сходились только в одном: очень много. Центр города, мятежные трущобы были буквально завалены трупами. Кроме того, в начале бунта погромщики убили более трех тысяч мирных граждан. Материальные потери также не поддавались подсчету. Центр Большого Яблока был полностью разрушен. Только страховые выплаты составили более ста миллиардов долларов.

Глава 19

ОПРЕДЕЛЕННАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

– Плохо, но бывает и хуже, – глубокомысленно изрек Павел Николаевич Шумилов.

Он, откинувшись на спинку кресла, чуть прищурившись, смотрел на большой настенный плазменный экран с электронной картой СССР. Четкая, подробная карта с городами, реками, транспортными магистралями, даже основные промышленные центры выделялись черными значками. Павла Николаевича сейчас не интересовали ни зеленая линия магистрального шоссе Иркутск – Владивосток, ни отмеченный коричневой штриховкой район Волгоградского моря, там сейчас полным ходом шли работы по демонтажу ГЭС и рекультивация бывшего дна водохранилища. Его не интересовали силуэты строящихся ТЯЭС и действующих космодромов, глаза Шумилова сейчас видели только зловещие красные пятна и точки на карте.

Районы заражения лихорадкой Шилдмана, неизведанное доселе ненастье, обрушившееся на СССР. Как и следовало ожидать, большинство инфицированных территорий располагалось в южной Сибири и на Дальнем Востоке. Несколько маленьких пятнышек горели в окрестностях Магадана и одно недалеко от Якутска. В европейской части страны, наоборот, ситуация была терпимой, светились красным только Петербург, Москва, Уфа и Элиста. Еще одно зловещее пятнышко горело на севере Сыктывкарской области – это вымирали два поселка манси. В данный момент скончались три человека, остальные жители, скорее всего, уже заразились. Шансов на выживание у них не было.

Внизу экрана выделялась скупая информационная строчка: «Умерших – 716 человек. Заболевших – 1579. Потенциально зараженных – 17 834». По сравнению с заваленными трупами городами Азии и Африки не так уж плохо. Но только по сравнению, для Советского Союза и эти потери, а главное – косвенный урон, связанный с эпидемией, были очень тяжелыми. Мало кто знал, сколько стоило удержать ситуацию в рамках даже таких цифр. Разорванные коммуникации, превратившиеся в карантинные зоны города и поселки, колючая проволока вокруг кочевий северных народов, поднятые на уши милиция, армия, чрезвычайные службы. Неимоверные расходы на поддержание чрезвычайного положения и снабжение изолированных населенных пунктов.

Впрочем, насчет финансов Шумилов как раз был спокоен. Баланс

расходов и доходов сходился, бюджет следующего года должен был стать положительным, несмотря на все внеплановые расходы. Недаром говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Благодаря исчезновению с карты мира ряда стран с демпинговой рабочей силой, резко вырос спрос на советский экспорт. Так с большим трудом спасенная после перестройки легкая промышленность была буквально завалена иностранными заказами. Крах Японии, Малайзии, Тайваня, Южной Кореи и других «тигров», стимулировал резкий скачок цен на компьютерные комплектующие и бытовую технику. На мировом автомобильном рынке образовались свободные ниши, «Автоэкспорт» уже в ближайшие дни планирует расширить свою дилерскую сеть. Естественно, и производство возрастет минимум в полтора раза. А на внутреннем рынке все эти изменения никаким образом не отразятся – Совмин запретил. Согласно знаменитой директиве, выпущенной еще в 92м году, сначала удовлетворяются все потребности внутреннего рынка и только потом запросы экспортеров.

Таким образом, Союз в долгосрочной перспективе только выиграл от эпидемии. Спасибо медикам – вовремя ударили в набат. Так что, возможно, удастся избежать больших человеческих жертв. Шумилов при этой мысли суеверно постучал костяшками пальцев по столу. Людей жалко, людей спасать надо.

Спасибо Бугрову, несмотря на сопротивление некоторых товарищей, сохранил наше влияние и военный контингент в Анголе, на Кубе, Вьетнаме. Два года назад мы ввели миротворцев в Сомали. Сейчас эти базы очень нам пригодятся. Не сегоднязавтра начнется новый передел мира. Значит, надо успеть первыми застолбить богатые месторождения, нефтяные поля, может, и районы с благоприятным для сельского хозяйства климатом.

Чем черт не шутит? Население СССР растет, а вместе с ним и демографическое давление на окружающую среду, во многих районах оно уже подходит к критической отметке. Шумилова особенно интересовали Северный Вьетнам, Ангола и Маньчжурия. Прекраснейшие и богатейшие районы, особенно Ангола, там половина таблицы Менделеева в буквальном смысле на поверхности лежит.

Оптимизма Красному Премьеру добавляли прочитанные сегодня отчеты КГБ, ГРУ, МИДа и аналитических служб. Все они сходились в том, что у СССР неплохие перспективы не только выживания, но даже бурного роста после окончания эпидемии. Правда, доклад Института Экспериментальной Истории сначала вызвал у Шумилова раздражение и сомнение в адекватности сотрудников научного центра.

– Бренд сивой кобылы! – Павел Николаевич швырнул документ на пол.

Сергей Перешугин и раньше отличался склонностью к сумасшедшим идеям, но сегодня он превзошел самого себя. Немного успокоившись, Шумилов поднялся изза стола, подобрал с пола доклад и стал его перечитывать. Часть постулатов Перешугина его заинтересовала. Несмотря на парадоксальность выводов и загруженность текста научными терминами, работа ИЭИиСМ содержала рациональное зерно. Было в ней нечто поражающее безумной смелостью, безграничной фантазией, и в то же время чувствовались железная логика и умение работать с фактами. Да, логика в работе Перешугина была, хоть и не всегда очевидна, и не всегда доступна простым смертным, этого у него не отнять.

Внимательно перечитав документ, Шумилов озадаченно почесал затылок, как ни удивительно, но он начал проникаться предложенными перспективами. Затем он вызвал секретаря и попросил организовать в ближайшее время встречу с товарищем Перешугиным. Получив задание, Виктор кивнул и вышел из кабинета звонить. Через десять минут выяснилось, что Сергей Перешугин сейчас находится в Москве и готов в любое время подъехать к зданию Совмина. Встреча была назначена на одиннадцать часов.

Решив этот вопрос, Павел Николаевич переключился на изучение остальных отчетов. В принципе в них не содержалось ничего нового. Эпидемия свирепствует, людские потери исчисляются десятками и сотнями миллионов. Американцы установили свой контроль над атомными станциями Японии и Китая. ГРУ докладывает о возможности высадки американского десанта в районах базирования китайских межконтинентальных ракет и ядерных хранилищ. Вполне ожидаемый шаг, не вызывающий никаких вопросов у советского МИДа, – пусть лучше АЭС и бомбы будут под контролем США, чем возможность того, что какойнибудь сумасшедший устроит на своих поминках второй Чернобыль или еще одну Хиросиму.

Наиболее интересным оказался совместный доклад МИДа и Института Региональных Исследований, посвященный анализу влияния эпидемии на внутреннюю политику основных государств мира. В принципе Шумилов не открыл для себя ничего нового, другое дело, что информация была отсортирована и аккуратно разложена по полочкам в удобном для восприятия виде.

Германия и Франция, не теряя времени, воспользовались поводом и проводят массовую депортацию нелегальных и полулегальных мигрантов, а также «лиц, получивших гражданство сомнительным способом», не смущаясь тем фактом, что среди депортируемых много арабов, албанцев,

пакистанцев, не подверженных лихорадке Шилдмана. Особенно преуспел в этом деле Париж. Мобилизованный грузовой флот всего за две недели резко увеличил население Алжира за счет обитателей французских трущоб, восточных кварталов и прочих опасных для жизни простых обывателей районов. Правительство Ле Пена выселяло даже потомков переселенцев из бывших колоний. Всех, кто, несмотря на долгие годы жизни в Европе, не смог или не захотел адаптироваться к жизни в цивилизованном обществе.

Индия проводила карантин по типу советского и ввела военное положение в районах с цветным доарийским населением. Но результативность этих мер была невысока: вопервых, поздно спохватились, вовторых, местные условия не позволяли обеспечить стопроцентную изоляцию отдельных анклавов. Все эксперты сходились во мнении, что военное положение всего лишь позволит избежать массовых беспорядков и пресечь на корню «чумные» бунты. А потери населения составят более тридцати миллионов – для Индии это терпимо.

Британия же, в отличие от континентальных соседей, ввела только пограничный карантин и ужесточила выдачу въездных виз. А также тратит огромные средства на полное медицинское обследование всего населения. По данным КГБ, Парламент отказался признать тот факт, что лихорадка Шилдмана выбирает свои жертвы исключительно по расовому принципу, ибо это противоречит законодательству Соединенного Королевства. Павел Николаевич поднес бумагу почти к самому носу, затем отодвинул, нет, текст не изменился. Действительно, все было написано именно так, как он прочел в первый раз.

– Ну почему я не могу приказать солнцу вставать раньше? Или вообще запретить болезнь? – непроизвольно высказал мысль вслух Председатель Совета Министров и сам себе ответил: – Потому что я не английский лорд!

А еще говорят, что такого не бывает! Бывает, еще как бывает, к счастью, не у нас. В продолжение доклада сообщалось, что в Англии проживает немало выходцев из стран Азии и Африки, так что эпидемии на Острове не избежать. Да она уже началась. На сегодняшний день лихорадка унесла более десяти тысяч жизней и послужила причиной полудюжины погромов.

На фоне Британии резко выделялась Бразилия, быстро и четко разделившая свою территорию на карантинные зоны. Санитарные меры признаются экспертами как удовлетворительные. Достигнута полная изоляция подверженного заболеванию населения, линии коммуникаций под контролем правительства. Озабоченность вызывает ситуация со снабжением, в некоторых удаленных от побережья районах возможен

голод. Правительство сейчас скупает запасы продовольствия на внешних рынках и создает неприкосновенный стратегический резерв на случай осложнений. Из правительственных учреждений, армии и полиции с хорошим выходным пособием и гарантией восстановления на прежнем месте после отмены карантина уволены все негры, мулаты и азиаты. В целом здравая и адекватная политика далеко не самой богатой страны Америки.

Переходя к разделу, касавшемуся США, Шумилов ожидал увидеть подобную четкую стратегию защиты своего населения. К его удивлению, ничего такого в докладе не обнаружилось. Наоборот, специалисты МИДа и ИРИ, основываясь на данных своих источников, докладах КГБ, личных наблюдениях и анализе материалов открытого доступа, в один голос заявляли, что никаких противоэпидемиологических мер в США не проводится и не планируется. В американских СМИ делается акцент на ужасах, творящихся в странах ЮгоВосточной Азии и Африки, и в то же время замалчиваются собственные проблемы. Тогда как эпидемия уже унесла почти семьдесят тысяч жизней и еще треть миллиона умрет в ближайшее время.

Некоторое подобие противоэпидемиологических мероприятий, проводимых Штатами, на самом деле является типичной схемой защиты от беспорядков и поддержания боеспособности армии. Так с заграничных военных баз выводится весь «цветной» контингент. На территории США приведены в боевую готовность Национальная гвардия и специальные части быстрого реагирования, укомплектованные белыми и латиносами. Они уже пригодились при подавлении бунтов чернокожих в Детройте, НьюЙорке и Новом Орлеане.

В СМИ эти события освещались крайне однобоко: уличные бандиты и криминальные группировки воспользовались поводом и попытались установить свою власть в нескольких крупных городах. Акцентировалось внимание на тяготах грязной работы и моральных муках солдат, вынужденных стрелять в сограждан. Хотя, по сообщениям очевидцев, армия при подавлении мятежей особо не стеснялась, и если испытывала моральные муки, то только перед журналистами – трупы из Орлеана вывозили самосвалами. А «зачистка» негритянских кварталов НьюЙорка больше всего напоминала Берлин весны 45го. С другой стороны, и сами бунтовщики творили такое, что и Пол Поту не снилось. Белый или латинос, попавший в руки погромщиков, мог надеяться только на быструю смерть, да и то надежды эти были зачастую тщетны.

Вывод аналитиков был однозначен: при демонстрации крайней

степени озабоченности проблемой эпидемии лихорадки Шилдмана внутренняя политика США в действительности отличается крайней степенью наплевательства по отношению к своим гражданам. Только некоторое усиление пограничного контроля, ужесточение выдачи въездных виз – и все.

Ознакомившись с подборкой материалов по теме, Павел Николаевич потянулся к телефону, требовалось уточнить несколько моментов, касающихся Дальнего Востока. Зарубежный опыт – это, конечно, хорошо, но надо в первую очередь думать о себе. Никто за нас это не сделает.

Через полчаса прозвучал долгожданный вызов селектора.

– Павел Николаевич, товарищ Перешугин ожидает в приемной, – доложил секретарь.

– Просите.

Немедленно отворилась дверь, и на пороге возникла грузная фигура директора Института Экспериментальной Истории.

– Добрый день! Проходите, Сергей Николаевич, – премьер поднялся навстречу визитеру.

– Здравствуйте, – Перешугин коротко кивнул, отвечая на рукопожатие.

– Прочел я ваш отчет, – Павел Николаевич без предисловий перешел к делу, – немного фантастично и, как всегда, неожиданно. Любите вы, Сергей Николаевич, работать на грани.

– Вы о предварительном анализе?

– Не только. Можно привыкнуть к вашей манере пугать всех Апокалипсисом, но к громоздкой научной терминологии привыкнуть невозможно, особенно если читающий не профессор социологии.

– Так расчеты подтверждаются не только сотрудниками института. С каждым годом объем информации, с которой сталкиваются индивид и социальные структуры, растет в геометрической прогрессии. Потребление ресурсов и нагрузка на окружающую среду уже превысили все мыслимые пределы. И с выходом с космос мы опоздали, даже если я не обладаю всей информацией, промышленное освоение Системы может начаться не ранее чем через пятнадцатьдвадцать лет.

– Годдва, – мягко улыбнулся Шумилов. – Уже в следующем году начнется поставка ядерного топлива с Луны. И на Земле ситуация резко изменилась. Вы не замечаете?

– Не так, как некоторые, – Перешугин неожиданно рассмеялся. Несмотря на трагичность и кажущуюся близость конца света, в конце туннеля был виден свет.

– Вы в своем докладе верно подметили, что Советский Союз самым

наглым образом нарушает существующую цивилизационную линию и, по сути, является антиэнтропийным фактором. Немного помпезно звучит, но в целом верно. Мы на самом деле выдвигаем модель развития, альтернативную западному либеральному обществу индивидуалистов. Но как вы после таких утверждений пришли к выводу, что в ближайшее время следует ожидать смену оси противостояния Восток – Запад на ось Север – Юг?

– Это просто. С одной стороны, и Европа, и США меняются. Наш пример оказался заразительным, более совершенная общественная формация одержала верх в конфликте и постепенно перестраивает под себя бывших противников, – увлеченно объяснял Перешугин. – Они еще не знают этого, но уже становятся нашими союзниками. В то же время еще в семидесятых годах начался реваншистский всплеск в арабском мире. Если говорить шире, в мусульманском мире давление превысило допустимые пределы, начинается фазовый сдвиг и ползучая экспансия.

– Положим, экспансия кажущаяся, – усмехнулся Шумилов и потянулся к клавиатуре. – Север прекрасно справился с этническим натиском неассимилируемого элемента и отходит от практики бесконтрольного роста численности гастарбайтеров. А если учесть, что экономика наиболее успешных арабских стран базируется на нефти…

– Это временное отступление, Павел Николаевич, на самом деле исламский фундаментализм несет в себе огромный потенциал. Это третья цивилизационная альтернатива современности. Открытый вызов как обществу потребления с его бездумной тратой ресурсов, так и нашей модели симбиоза государственного социализма со свободой личности и стремлением к техническому прогрессу. Фундаментализм комфортен тем, что не заставляет человека думать, он заранее дает четкие ответы на все вопросы, в том числе и незаданные. Это ловушка для сознания, возможность подсмотреть ответы на последней странице задачника и подогнать решение под существующий результат.

– Ясно. Человек не любит думать, он предпочитает верить. А что вы скажете об Иране? – неожиданно поинтересовался Шумилов и ехидно улыбнулся. В его глазах горели бесовские искорки. Ему было интересно попытаться загнать в угол Перешугина, заставить его изменить свою позицию или, по крайней мере, поставить перед сложной, трудно разрешимой проблемой. Только удавалось это крайне редко.

Иран действительно представлял собой уникальное явление, способное сбить с толку любого политолога. Единственный пример государства, под флагом исламской революции проводящего планомерную

индустриализацию и заодно планомерную демократизацию общества. Причем удачно проводящего. Даже у социалистической Ливии дело застопорилось. Муар Кадафи, несмотря на поддержку СССР, не смог преодолеть косность и инертность своего населения. А Иран целеустремленно и неуклонно двигался вперед. По всем прогнозам, лет через десять это будет развитая промышленная страна с оригинальной моделью исламского социализма. Определенные опасения вызывала возможная агрессия США или Израиля, но, пока политический курс Тегерана устраивал Москву, ему это не грозило.

– Иран – это исключение из правил, – изрек Перешугин, – выбивающееся из общей тенденции только благодаря своему руководству. В случае смены современного лидера Тегеран свалится обратно в яму фундаментализма. Это наиболее вероятная версия развития событий.

– Все понятно. Но мы же не дадим устранить Ахмадинеджада, пока он не выдохся и не подготовил преемника, – кивнул Шумилов. – В общемто, проблемы с югами – это дальнесрочная перспектива. А меня сейчас интересуют краткосрочные. Хотелось бы поговорить о векторе нашей европейской политики и возможном сближении с США.

– А здесь и говорить нечего. Все просто и доступно пониманию студентапервокурсника, – развел руками Перешугин. – Россия традиционно тяготела к Европе. Я не буду делать экскурс в историю, ограничусь констатацией факта. В настоящее время, благодаря изменению цивилизационных тенденций, ЕС благоприятно воспринимает идею союза с сильной державой, для которой в целом характерен европейский модус вивенди.

– Допустим, наши отношения с Западной Европой улучшились только в последнее время после прихода у них к власти правых. Заодно мы утратили влияние на европейских коммунистов.

– Ерунда. Именно усиление правых тенденций в политике закономерно в свете предстоящего противостояния с исламским миром. Левые сейчас с каждым годом все больше и больше теряют свои позиции. Посмотрите, во Франции к власти пришел Национальный Фронт, Германия и Италия проводят национальноориентированную внутреннюю политику. Одновременно сохраняется курс на социалистическую модель экономики.

– Не такая она и социалистическая, – усмехнулся Шумилов, – но рациональное зерно в этом есть.

– Если вы продолжите политику сближения с Европой, через 50 лет они все добровольно вступят в СССР. США уже практически утратили свое влияние в Старом Свете, распад НАТО – дело практически решенное.

– Все может быть. С европейскими прогнозами вы попали в точку, но вывод об очередной «разрядке» в отношениях с Америкой мне кажется надуманным. – На самом деле Шумилов был согласен с выкладками Перешугина, другое дело, что спор с блестящим футурологом и аналитиком доставлял ему непередаваемое эстетическое наслаждение. Не каждый день удается вот так непринужденно пообщаться с умным человеком.

– Нам сейчас нечего делить, – с жаром доказывал Перешугин. – Повторяюсь: основное поле битвы цивилизаций – Европа втягивается в нашу сферу влияния. В Азии и Африке возник уникальный этнический вакуум. Еще годдва, и это будет идеальный плацдарм для новой эры Великих Географических Открытий. Конкуренция между СССР и США будет идти в плоскости освоения свободного пространства, а не передела старых границ и зон доминирования.

– Уже началось.

– Вот видите. Мы будем вынуждены следовать линии, диктуемой ситуацией. Здесь конфронтация безальтернативно сменится конкуренцией.

– А Восток?

– Здесь ситуация хуже, – помрачнел Перешугин, – они постепенно набирают потенциал. Мусульманский мир выдвигает свою, достаточно привлекательную концепцию мирового порядка. В принципе это альтернатива глобализации, дающая своим адептам возможность сохранения национальной и культурной самоидентификации и при этом достаточно агрессивная, что позволяет вести успешную экспансию. Тем более что до сих пор не решен вопрос ядерного потенциала Пакистана.

– Решен. Информация неафишируемая, но все ядерное оружие Пакистана под контролем США.

– Конфликт неизбежен, – увлеченно продолжал Перешугин, – и это еще один стимул к сближению позиций северных стран, выбравших технократический путь развития.

– Тогда почему вы, соглашаясь с фактом назревания нового конфликта, предлагаете, по сути, новый план глобализации?

– Вы имеете в виду захват ключевых точек планеты?

– Тут уж не захват, – добродушно хохотнул Шумилов. – Вы скорее предлагаете кавалерийскую атаку на всю планету.

– Понимаю, идея кажется необычной, но она вытекает из формальной логики событий. Надо воспользоваться шансом и максимально расширить свое влияние в новом мире. Создавать военные базы в Сомали, напротив Персидского залива. Развивать сеть форпостов в Африке, проникнуть в Бразилию. Это шанс, другого такого не будет. Павел Николаевич, вакуум

долго не держится, если не мы, то другие захватят эти регионы.

– Все равно фантастично, – скептически усмехнулся Шумилов в ответ на горячий монолог профессора. – Давайте лучше решим первоочередные проблемы.

Дальнейший разговор плавно перетек на перспективы основных игроков на политической арене после того, как эпидемия пойдет на спад. В том, что это произойдет через год, максимум через три, никто не сомневался. Слишком хорошо было известно, как стремительно распространяется лихорадка Шилдмана и как вымирают целые области и страны.

Перешугин отстаивал свою точку зрения, заключающуюся в том, что Советскому Союзу необходимо расширить свою территорию за счет Маньчжурии. Таким образом, спрямляется и сокращается граница, улучшается связанность Дальнего Востока с центральными районами за счет КВЖД, СССР получает территории с благоприятным для сельского хозяйства климатом. А при соответствующих условиях следует провести границу по Янцзы. Так же возможно создание колонии в районе современного Хайфона и расширение хайфонской советской военной базы.

Нефтяные месторождения Тонкинского залива – лакомый кусочек, и отдавать их американцам просто нелогично, особенно в преддверии надвигающегося на планету энергетического кризиса. Пусть Советский Союз ударными темпами переводит свою энергетику на атом и термояд, пусть бензин все больше разбавляет этиловым спиртом, все равно потребности промышленности в нефти и природном газе ежегодно растут. Так что дело чести – взять под свой контроль все бесхозные месторождения, до которых дотягиваются руки.

Интересно складывается ситуация вокруг Африки. Возникла заманчивая перспектива не только удержать рудные месторождения Анголы, но и распространить свое влияние на юг, пока ЮАР занята внутренними проблемами. Перешугин считал именно так. Павел Николаевич, в свою очередь, полагал, что нет смысла ссориться с Южной Африкой, эта страна остается основным игроком на Африканском континенте. Лучше всего помочь бурам удержать намибийские алмазы и взамен втянуть их в свой военнополитический блок, формированием которого Арсений Бугров в настоящее время и занимался. По поводу остальной части континента Шумилов также проявлял осторожность: брать то, что удастся, и не лезть в глубь материка. Разумнее ограничиться доступными месторождениями полезных ископаемых и не тратить ресурсы на освоение всего континента.

В целом новый мир должен получиться более гуманным, хоть и за счет резкого сокращения культурного и цивилизационного многообразия. В этом сходились оба. Перешугин предполагал, что эпидемия может привести к снижению потенциала выживания человечества. Тогда как Шумилов считал это достойной платой за снижение демографического давления и потребления ресурсов. И экологическая ситуация на планете имеет шанс выправиться. В итоге ценой жертвы цивилизация вырвала столь необходимые ей темпоходы и получила шанс на выживание.

После почти двухчасового разговора и Шумилов, и Перешугин выдохлись. Они оба были страшно довольны состоявшейся беседой. Для Сергея Перешугина это был шанс донести до руководства страны свое видение проблемы, высказать свои мысли, да просто быть услышанным, в конце концов. Пусть его не до конца поняли, все равно, главное, что услышали.

Со своей стороны, Шумилов впервые за долгое время вот так просто пообщался с умным, неординарно мыслящим человеком. Получил возможность взглянуть на проблемы с неожиданных ракурсов. И самое важное – приобрел еще одного единомышленника. Теперь он точно знал, что не он один видит дальше нависшего над планетой кризиса и катастрофы. Знает, что впереди не все так мрачно и за эпидемией последует период развития и процветания. Стоит только продержаться, сберечь людей, и будущее сторицей отблагодарит за сегодняшние усилия, подарит неожиданные головокружительные перспективы. Не все так пессимистично, в конце туннеля уже виден свет.

Уже после ухода Перешугина Шумилов неожиданно понял, план «Демиург» прекрасно вписывается в будущую послешилдмановскую геополитику. Потеря части территорий будет компенсирована новыми приобретениями, а некоторое сокращение населения приведет к росту качества оставшегося и позволит сбросить мешающий балласт. Все равно в дебрях Совета Министров уже разрабатывался план по повышению рождаемости в СССР. Современный прирост населения считался недостаточным, хоть и был выше, чем в Европе. Единственным минусом плана была необходимость больших первоначальных капиталовложений. Но через тричетыре года у Союза опять появится излишек средств, Шумилов это уже просчитал. Куда же вкладывать деньги как не в благосостояние людей? Ответ, думаю, очевиден.

Глава 20

БРОДЯГИ

Глубокая ночь. Кругом бескрайняя степь, редкие кустики, пожухлая трава и ни одного огонька до самого горизонта. Только над головой, в прозрачном безоблачном небе, светятся неисчислимые звездные россыпи. Бесконечная светящаяся бездна. Стас уже начал забывать, что бывают такие ночи. В обжитых цивилизованных районах, в больших городах, звезды плохо видны, свет мешает. И только вдали от цивилизации, в таких вот местах, еще можно наблюдать ночное небо во всем его великолепии.

А между тем подмораживает. И ветерок прохладный. Стас поежился и поправил висящий на груди автомат. До смены постов еще целый час, а потом в тепло, отсыпаться. За спиной застыл стальной зверь «КамАЗ». В морозном чистом степном воздухе хорошо ощущались идущие от машины, ставшие за последние дни родными, запахи соляра, масел и железа. Кроме того, на этом фоне выделялся горьковатый аромат костра. Огонь уже потух, только несколько угольков тлели в куче пепла.

Вышагивая вдоль машины, Стас зацепился ногой за кустик травы.

– Тьфу, черт!

– Что случилось? – донесся с противоположной стороны встревоженный голос Макса.

– Ничего страшного. Споткнулся. Темно, как у того профессора из анекдота.

– Ясненько, – донеслось из темноты, – скоро до снега доедем. Тогда ночью светлее будет.

– Как бы сегодня не выпал, – озабоченным тоном ответил Стас, поднимая глаза к небу. – Смотри, какое небо звездное. К морозу.

– На север же едем. К родным снежным просторам.

– И с каждым километром все ближе к дому. Быстрее бы степь проскочить, зимой здесь, говорят, метели и бураны лютуют, дорогу может засыпать, – пробурчал Стас. Неожиданно до его слуха донесся подозрительный шорох. Молодой человек присел и, затаив дыхание, навел автомат на реденький кустарник, темнеющий в полусотне метров от машины.

Звуки в морозном воздухе распространялись далеко. Вон откудато издалека донесся приглушенный волчий вой. Слышно, как потрескивает и поскрипывает остывающий мотор «КамАЗа». В кустах опять зашебуршились, треснула ветка, затем звуки стихли, видимо, неизвестный

затаился. Стас вглядывался в темень, пытаясь разглядеть непрошеного гостя. Палец застыл на спусковом крючке. Вот опять послышалось шебуршание.

Может, это местные подкрадываются? Заметили одинокий грузовик у шоссе и решили наведаться? Проверить, чем можно разжиться? Стас уже готов был открыть огонь. Какая разница, кто там! Здесь все чужие! Эту аксиому он хорошо усвоил на пути от базы Луньсянь.

Вдруг у самой земли блеснули два огонька, два глаза смотрели на замершего человека. Затем глаза скрылись в траве, и до слуха донесся тихий шелест.

– Уф! – с облегчением выдохнул Стас, поднимаясь на ноги. – Ну и напугал ты меня! Воротник ходячий!

В кустах возмущенно тявкнули, на открытое пространство выскочил зверек размером с собаку и, махнув хвостом, скрылся в траве.

– Что там опять? – это уже Макс проявляет беспокойство.

– Лиса в кустах шебуршилась.

– Двуногая?

– Нет, обычная. Мышковала плутовка.

Успокоенный этим ответом, напарник вернулся к своему сектору патрулирования. До пересменки оставалось еще больше получаса. Затем их сменят Валера Шахов и Ира.

Восемь дней в дороге, восемь дней экскурсии по чистилищу. Стасу уже начало казаться, что они едут не неделю, а больше месяца, настолько ему все это надоело. За последние дни он разучился удивляться человеческой жестокости и бессмысленности жизни. Он научился, не морщась, проходить мимо полуразложившихся, объеденных крысами и собаками трупов, цинично шутить при виде следов «развлечений» двуногих зверей, стрелять первым при малейшем намеке на опасность. Стасу уже казалось, что на его сердце наросла прочнейшая танковая броня, а умение сочувствовать незнакомым людям напрочь атрофировалось.

Они прошли больше половины пути. От Сианя до Хуанхэ, и затем вдоль реки Фыньхэ до Тайюаня. В окрестностях этого центра провинции Шаньси они столкнулись с бандой мародеров. К счастью, Стас вовремя заметил перегородившую трассу баррикаду и остановил машину, не доезжая триста метров до препятствия. Это и спасло им жизнь. Обрадованные, что в ловушку попалась такая добыча, как «КамАЗ», несколько бандитов выскочили изза баррикады и, размахивая оружием, бросились к машине.

Будь это первый день путешествия, он мог бы стать для наших

путешественников последним, но навидавшиеся зверств по дороге ребята выскочили из машины сразу после остановки и незамедлительно открыли огонь. Китайцы были буквально сметены свинцовым дождем. Оставшиеся за баррикадой и прятавшиеся в покосившемся домике у дороги их товарищи начали стрелять по машине и залегшим в кювете русским. Несколько пуль пробили обшивку кунга. Точку в затянувшейся перестрелке поставили два выстрела из гранатомета по домику.

Пока бандиты приходили в себя, глядя на летящие по небу кирпичи и куски железа, Стас запрыгнул в кабину и развернул машину. Ребята без команды попрыгали в кузов, и «КамАЗ», ревя мотором, с прогазовкой сорвался с места. Остановились они только за десять километров от места схватки. Обошлось без потерь, разве что лицо Валеры украсил огромный синяк, след соприкосновения с колесом машины.

– Ну и вляпались! Раз…ить их мать в… Охренеть можно! – выразил общее мнение Стас, не смущаясь присутствием девушек. Он только сейчас почувствовал, что, заскакивая в кабину, разбил колено. Болело сильно, и ходить тяжело, но это лучше, чем попасть в руки местных хунвейбинов. Маша высказалась не менее цветасто, когда ребята после боя залетали в кунг, ей бросили на колени трубу гранатомета да еще отдавили ногу.

После короткого обсуждения город решили объезжать по самой дальней дороге. Если на въезде их встретила организованная засада, значит, в Тайюане далеко не все китайцы вымерли и настроены местные весьма воинственно. Стас и Дима извлекли из кабины потрепанный атлас и, определившись на местности, принялись прокладывать маршрут. Остальные в это время наводили порядок в машине и обрабатывали свои ссадины и синяки.

Через десять минут с неотложными делами было покончено, и «КамАЗ», выпустив струю сизого солярного выхлопа, тронулся в путь. Пока они объезжали город, их пару раз обстреляли. В окрестных деревнях были прекрасно видны следы «зачисток». А на дорогах, ведущих в город, иногда встречались баррикады. Точно такие же, как разнесенная прицельным выстрелом Макса. По всему было видно, что город контролирует многочисленная и хорошо организованная группировка. Выяснять, кто именно, желания не было. Все были по горло сыты приключениями и без гонок по пересеченной местности.

Зато, после того как машина свернула на трассу, ведущую на север, судьба смилостивилась над путешественниками и преподнесла им королевский подарок. Уже в надвигающихся сумерках Стас увидел справа от дороги бензоколонку. Немедленно высланная пешая разведка не

обнаружила никаких людских следов в окрестностях заправки, но зато в одной из цистерн нашлась солярка. Эта находка оказалась как нельзя кстати – бак «КамАЗа» уже наполовину опустел. При обыске в багажнике брошенной у заправки легковушки нашлись две канистры с бензином. Дмитрий немедленно опорожнил канистры в придорожную канаву и заполнил их соляркой.

– В дороге все пригодится, – пояснил он, – никто не знает, когда будет следующая возможность заправиться.

Дальнейший маршрут Станислав наметил прямо на север. До Датуна шло хорошее шоссе, а дальше начинались степи и полупустыни Внутренней Монголии. Он посчитал, что в малонаселенной местности у них будет меньше шансов на встречу с недружелюбными аборигенами. На карте вдоль хребтов Большого Хингана была отмечена дорога, ведущая в Маньчжурию. Пусть это даже не асфальтовое шоссе, а разбитая бетонка, местами переходящая в грунтовку. Наступает зима. Земля застывает, и можно не бояться осенней распутицы, тем более с такой машиной, как полноприводный армейский «Торос».

Следующие два дня полностью подтвердили правоту Станислава: за Датуном начинались степи. Машина хорошо шла как по трассе, так и по грунтовке. Карта и компас не позволяли заблудиться. Изредка встречались заправки, или в опустевших поселках удавалось слить солярку из баков брошенных грузовиков. А самое главное – ни одного встречного на тысячу километров пути. Только в окрестностях Линьси они мельком заметили несколько человеческих фигурок среди полуземлянок небольшой деревеньки.

Незаметно прошло время дежурства, в машине послышалось шуршание, затем приглушенный голос Валеры. Через полминуты открылась дверь кунга, и на землю спрыгнули сменщики.

– Как, все спокойно? – первым делом поинтересовался Шахов. – Ох ты! Какое небо!

– Не зевай, ворону проглотишь, – хихикнула Ира, толкнув Валеру локтем в бок. – Стас, ты не замерз?

– Нет, спасибо. Ты хоть выспалась? – в свою очередь, негромко произнес Стас, глядя прямо в бездонные девичьи глаза, и добавил нарочито грубым тоном: – Если что заметишь, стреляй сразу.

– Не учи ученого. – Ира звонко рассмеялась, поправляя автомат. Мгновение, и улыбка исчезла с нежного личика, девушка вглядывалась в ночную темень, стараясь засечь малейшее движение в округе.

Макс тем временем уже исчез в кунге, отправился досыпать. Валера

скрылся за кузовом машины в своем секторе патрулирования. Стас шагнул было к «КамАЗу» и остановился в раздумье. Ему не хотелось оставлять Ирину одну. Совершенно иррациональное желание, словно он… нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Да, она ему симпатична, но…

– Что встал? Давай иди, завтра опять в дорогу. Кто будет Диму подменять за рулем? – негромкий нежный голос неожиданно вызвал целый взрыв эмоций в душе Стаса. Забытые чувства вырвались изпод стальной брони сердца, грудь сдавило от невыносимой нежности и желания.

– Ира, Ира, ты…

– Стас? – в голосе Ирины звучало настоящее, неподдельное чувство.

– Ира, ты береги себя, – наконец процедил Стас, поворачиваясь к девушке. Их глаза встретились. Даже при зыбком свете звезд было хорошо видно, как по щекам Иры пробежал легкий румянец, грудь девушки высоко вздымалась. Стас шагнул вперед и обнял Ирину. Их губы слились в глубоком страстном поцелуе. Это незабываемое мгновение длилось целую вечность, наконец девушка уперлась руками в грудь Стаса и отстранилась. Потом отступила на шаг.

– До завтра, милый.

– До завтра, милая.

На следующее утро Ирина вела себя так, будто ночью ничего особенного не произошло. Только когда Стас, отойдя от машины, усердно скоблил щеки бритвой, он уловил пристальный взгляд девушки. Короткое мгновение, и Ирина уже о чемто спорила с Машей, не обращая на него ни малейшего внимания.

Впрочем, и времени на сантименты ни у кого не было. Быстро позавтракав вчерашними остатками каши с тушенкой и приведя себя в порядок, они двинулись в путь. Прогреть мотор, проверить колеса, и машина уже выбиралась на прямую как стрела, тянущуюся от горизонта и до горизонта трассу. Солнце с каждым днем все раньше и раньше опускалось за горизонт. Надо было стараться максимально использовать световой день, успеть пройти как можно большее расстояние.

Через пару часов езды сидевший за рулем Дмитрий толкнул Станислава в бок:

– Смотри!

Слева в паре километров от трассы в степи пасся табун лошадей. Рядом с табуном крутились двое верховых. Еще дальше, у подножия пологого холма, можно было разглядеть войлочную юрту.

– Монголы, – догадался Стас, – как кочевали тысячу лет по степям, так

и еще тысячу лет кочевать будут.

– Может, стоило остановиться?

– А зачем? Кто знает, что у них на уме?

– Ты прав, – задумчиво произнес Дмитрий, – новостей они все одно не расскажут, зато могут определить состав нашей веселой компании.

– Знаешь, я уже давно боюсь людей, – горько усмехнулся Стас, – в каждом встречном чудится враг.

– Да, бывает. – Дима добавил газу, и «КамАЗ» с ревом взлетел на очередную горку.

Табун уже давно скрылся за горизонтом. Асфальт сменился укрепленной щебнем грунтовкой, а затем и щебенка незаметно кончилась, машина шла по утрамбованной до твердости камня земле. А вокруг тянулась бескрайняя степь, только слева вдалеке к небу поднимались предгорья Хингана. В стороне от дороги парил орел. Изредка из окон машины можно было заметить косуль или какихто других степных копытных. И никаких следов деятельности человека, только один раз Стас заметил перечеркнувшую степь цепочку столбов.

– Если карта не врет, еще пятнадцать верст такой грунтовки, а потом начнется бетонка до Ханшоя.

– Велика ли деревня? – не отрывая глаз от ложившейся под колеса дороги, поинтересовался Дима. Несмотря на дикую тряску, он держал скорость 6070 км/ч.

– А черт его знает, – прозвучал ответ, – около десяти тысяч народу должно быть.

– Пожалуйста, прикури сигарету. До пачки дотянуться не могу.

Стас, кивнув в ответ, раскурил сигарету и протянул ее водителю.

– Спасибо, – кивнул тот, принимая сигарету, и опять вцепился в руль обеими руками.

В кабине вился ароматный сизый дымок. Стас сам хотел закурить, но передумал, лучше было спокойно смотреть на пробегающий за окном пустынный пейзаж. Кругом лежал снег. Белая крупа закрыла дорогу, коварно скрывая ямы и камни. Ехать стало труднее, от водителя требовались максимум внимания и ежесекундной готовности удержать тяжелую машину от заноса на коварной ледяной корочке. Зато на снегу отпечатывались все следы, можно было быть уверенным, что перед ними никто не проехал и в поселках следы на дороге выдадут возможные засады бандитов.

Да и ночью светлее будет. На заснеженной равнине даже тусклого света звезд достаточно, чтобы уверенно ориентироваться в пространстве.

Сейчас уже не придется во время ночного дежурства до рези в глазах вглядываться в окружающую темень и вздрагивать от каждого шороха. Стас подумал, что дальше будет все холоднее и холоднее. А теплой одежды у них почти нет. Хорошо, если сильных морозов не будет. А если ударит под тридцать? В степи такое часто бывает. Тогда и машину завести проблема, и ночью часовых придется через треть часа менять. Еще одна проблема, о которой забыли, собираясь в путь.

Справа мелькнуло русло степной речушки. Скоро должен быть мост, если они правильно ориентируются на карте. А вот и он! Покосившееся ветхое сооружение с деревянным настилом и без перил. Перед мостом Дмитрий сбавил скорость, переключился на вторую передачу и добавил газу. «КамАЗ» с ревом вылетел на середину моста, здесь машину ощутимо потянуло вправо. Колеса заскользили на покрытых ледком бревнах. Дима вовремя парировал занос рулем и, сыграв педалью газа, заставил машину скатиться вниз по настилу на противоположный берег. При этом задние левые колеса прошли по самому краю моста.

– А если бы провалились? – невозмутимо поинтересовался Стас, когда машина, благополучно миновав мост, катилась по бетонке.

– Так не провалились же. Не бойся, мы не первые, кто по этому мосту проехал. Дорогато единственная. А про наледь я забыл, – признался Алексей, – сам чуть в штаны не наложил, когда машина юзом пошла.

– Ладно, давай лучше думать, где на обед остановимся. Война войной, а сам знаешь…

– Вон у той высотки устроит? – Алексей махнул рукой в сторону видневшейся на горизонте гряды холмов. Судя по всему, дорога должна была проходить как раз между ними.

– Устроит, – улыбнулся Стас и, закурив сигарету, вернулся к созерцанию степного пейзажа за окном.

В этот день они не доехали до Ханшоя. Когда до городка оставалось почти двадцать километров, начало смеркаться. Стас решил, что прорываться в темноте через населенный пункт, в котором могут быть недружелюбные или просто живые люди, слишком рискованно. Тем более что на посыпанной снежком дороге даже полноприводный «КамАЗ» легко мог слететь в кювет, стоило только слишком резко крутануть руль или (что еще хуже) получить пулю в колесо.

Как раз когда ребята подыскивали подходящее место для ночлега, справа от дороги показался особнячок. Скромное жилище, типа дворец местного мандарина или «нового китайца».

– Хочешь проверить? – кивнул в сторону коттеджа Дмитрий, когда

Станислав остановил машину перед поворотом.

– Следов на дороге не видно. Огней – тоже, – ответил тот, нажимая на кнопку звонка и тем самым давая понять товарищам в будке, что можно выходить из машины. В результате короткого обмена мнениями с Предложением ночевать в доме согласились все.

До особняка было примерно два километра. Пройдя половину пути, Стас еще раз остановил машину. Дальше они двигались обычным порядком. Впереди пешком с автоматами на изготовку шли Алексей и Саша. Машина ползла за ними следом, отстав на сотню метров. Дмитрий, высунувшись в окно, внимательно осматривал окрестности через бинокль. Валера и Максим выставили в окно кунга пулемет, готовые в любой момент прикрыть пешую разведку огнем. Девушки прилипли к окнам, пытаясь разглядеть, не вылезет ли кто на дорогу позади машины.

Не доехав около ста метров до ворот, Стас остановился и повернул машину так, чтобы обеспечить пулеметчикам максимальный сектор обстрела и при этом иметь возможность быстро развернуться. Леша и Саша, достигнув ворот, разошлись в противоположные стороны. Им нужно было обследовать забор на предмет незапертых калиток или иных лазеек. В кунге хлопнула дверь, это вооружившийся гранатометом Макс поспешил занять удобную огневую позицию в кювете.

Вокруг царила тишина, ее нарушали только тихое урчание дизеля и громкое карканье вороны. Даже в надвигающихся сумерках было видно, что ворота давно не открывали, на дороге со времени снегопада никаких следов людей или машин. Только в стороне от насыпи тянется цепочка следов собаки или волка. Над домом и дворовыми постройками ни дыма, ни пара из вентиляционных труб, окна вроде все целы. Света нигде нет. Изза поворота ограды показался Саша и, махнув рукой, громко свистнул. Значит, ничего подозрительного он не обнаружил и сейчас зовет напарника принять участие во взломе ворот.

Забор вокруг дома хороший, добротный, высотой два с половиной метра, поверху идет спираль колючей проволоки. Прямо не коттедж, а укрепленный замок местного феодала. Хотя это и понятно: в такой глуши жить не каждый осмелится.

Вскоре с другой стороны ворот появился Алексей, вдвоем с Сашей они о чемто посовещались. Затем последовала короткая очередь по замку калитки. Удар ногой по дверце, и ребята исчезают за забором. Еще минута, и с протяжным скрипом открываются ворота. Можно ехать?! Нет, Стас, ни слова не говоря, открывает дверцу кабины и, прихватив автомат, спрыгивает на землю. Дмитрий пересаживается за руль.

– Ну и как особняк? – поприветствовал Стаса Алексей, когда тот добежал до ворот. – Совсем как в Барвихе.

– Пошли осмотрим это гнездышко. Может, нам не стоит здесь ночевать.

– Проверим. Все равно приехали, – с этими словами Леша зашагал к входной двери.

Внутри дом поразил нежданных гостей своей чистотой и сохранностью. Нечасто им приходилось в последние дни встречать такое. По всему было видно: хозяева заблаговременно, не торопясь, собрались и уехали, предполагая вернуться, когда эпидемия завершится. Никаких следов погрома или панического бегства, никаких полуразложившихся трупов в кроватях, что и опасались увидеть ребята. Нет, внутри и снаружи был полный порядок.

Даже домашних животных хозяева забрали с собой. Во дворе пустовала собачья конура, а в одной из ванных комнат обнаружился кошачий туалет. Уходя, прежние хозяева ничего не забыли, даже женские драгоценности, а в доме определенно раньше жили женщины, забрали, оставив только пустые шкатулки. Окна закрыты жалюзи, снаружи решетки, в столовой и на кухне чистота и благолепие. Разве что в холодильнике обнаружились заросли серой плесени, и рядом подтеки мутной жидкости на полу.

При обследовании подвала в одном из помещений обнаружились дизельгенератор и запасы солярки. Мотор запустился с первой же попытки. Щелчок рубильника, и в доме вспыхнул свет. В комнатах нашлись масляные радиаторы, а в гостиной на первом этаже был настоящий камин. Вот чудото! Обычно китайцы, привыкшие к жесткой экономии топлива, не ставят в домах такие вещи. Для них это сродни небывалому расточительству.

Вот теперь можно звать мерзнувших в машине товарищей. Стас выскочил на крыльцо и, размахивая автоматом, вприпрыжку побежал к воротам.

– Заезжай!!! Дима, паркуйся во дворе!

Этот вечер они впервые с момента бегства с базы Луньсянь провели почеловечески. Сбросив верхнюю одежду, собрались в гостиной у настоящего огня в камине. Часовых решили пока не выставлять: Макс, исследуя дом, обнаружил, что на колючую проволоку поверху забора можно подать напряжение, кроме того, по периметру территории установлена охранная сигнализация.

А затем был ужин. Девушки и помогавший им Саша Вартис из кожи

вон лезли, чтобы приготовить из ограниченного набора продуктов нечто праздничное. Впрочем, обстановка сама по себе добавляла ужину пикантный, праздничный аромат. Даже приевшаяся тушенка во всех видах на серебряных тарелках выглядела поцарски. А обнаружившиеся в кладовке сухие фрукты вообще пошли на ура. Неземное наслаждение!

И пусть за окном воет ветер и сыплет снег, пусть кругом царит запустение и чума собирает обильный урожай, пусть неизвестно, что будет завтра, и удастся ли добраться до родной земли, увидеть столь милые сердцу рязанские рожи пограничников, как выразился Валера, пусть! Все это будет завтра, а сегодня маленькая сплоченная компания отдыхает в привычной с детства цивилизованной обстановке, за праздничным столом у живого огня в камине. «Много ли нужно человеку для счастья? – думал Стас, наблюдая радостные лица товарищей. И сам себе ответил: – Очень мало, просто вернуться в привычную обстановку. И чтоб не стреляли».

После ужина, пока ребята убирали стол и мыли посуду, Стас решил подняться на второй этаж. На душе было неспокойно, вдруг кто из местных заметил огни в заброшенном особняке и решит заглянуть на огонек? Да, вид из окон второго этажа открывался неплохой. Прекрасный обзор, все как на ладони. Если поставить пулемет вон в то окно, можно держать под огнем пути подхода со стороны трассы. А из окон с противоположной стороны коридора и с лестницы простреливается местность за дворовыми постройками, и можно, в случае чего, поливать свинцом двор минимум с двух точек. Прекрасное расположение окон и дома. Здесь можно выдержать штурм превосходящих сил.

Стас хлопнул себя ладонью по лбу и глупо улыбнулся. Он уже подсознательно оценивал дом только с военной точки зрения. Всего полторы недели рейса по аду, и он думает, как солдат во вражеском тылу. А почестному так оно и есть. Он старший группы и не должен забывать о безопасности.

– Паранойя, – по слогам громко проговорил Стас, – еще неделя, и буду шарахаться от собственной тени.

Глубоко вздохнув, Станислав огляделся по сторонам. А здесь уютно. Бронзовые люстры под потолком, резные деревянные перила на лестнице, настоящий паркет и задрапированные шелком стены. Даже пара пейзажиков над диванчиком в коридоре. Интересно, а что в этой комнате? Дверь открылась легко и без скрипа. Рука нащупала выключатель на стене. Вспыхнувшая под потолком люстра осветила широкую кровать с желтым покрывалом, низенький столик, шифоньер в углу. Перед Стасом была спальня. Неплохо здесь жили, со вкусом. Розовый шелк на стенах навевает

романтическое настроение. Торшер в виде головы дракона, как в музее, а на кровати можно в футбол играть.

За спиной в коридоре скрипнули половицы. Стас резко обернулся, одновременно поднимая автомат.

– Стас, ты здесь? – это была Ира. Одетая только в свитер и джинсы, с рассыпавшимися по плечам длинными русыми волосами, девушка выглядела восхитительно.

– Ты, как всегда, с оружием. – Ира кокетливо улыбнулась, отодвигая пальчиком автоматный ствол в сторону.

«Стою как дурак с автоматом», – пронеслось в голове Стаса. Дальше он додумать не успел, девушка обвила обеими руками его шею и впилась в губы. Стас только прислонил «Калашников» к стене, и его затопила, захлестнула волна нежности, страсти и неземного блаженства. Боже, какая она красивая! Его руки блуждали по спине девушки, гладили упругую попку, прижимали горячее, нежное тело к груди. Волнующее и неукротимое, как цунами, чувство бросило их в объятия друг друга.

– Милая, нежная, восхитительная, ангел мой, волшебница, – бессвязно шептали губы.

Он целовал губы, щеки, нежную шейку Иры, ласкал и обнимал ее. Не в силах противостоять чувству и желанию (а нужно ли?), Стас подхватил девушку на руки и отнес на кровать. Сердце бешено колотилось, готовое вырваться из груди. Перед глазами стояло только чуть округлившееся от возбуждения такое милое и притягательное личико Иры.

Когда он снимал с девушки джинсы, на самом краю сознания мелькнула мысль – а как же Наташа? Она ведь меня ждет. Мысль мелькнула и исчезла, смытая волной желания и страсти. Ни о чем другом, кроме трепетно ждущей его ласк и тепла девушки, невозможно было думать. Он, дрожа от возбуждения, как в горячечном бреду, срывал с Иры одежду, ласкал, гладил и сжимал в объятиях это прекрасное, молодое, пышущее жаром, ждущее любви тело, покрывал его поцелуями.

– Мой, мой, мой, только мой, – бессвязно шептали у него над ухом. Он каждой клеткой своего тела ощущал близость Ирины, чувствовал, как дрожит она от страсти и как вздрагивает ее плоть в приближении оргазма. Такого со Стасом еще никогда не было. Казалось, что слились в одно целое не только тела, но и души. Ураган страсти и нежности поглотил Стаса и Иру, заставил отдаваться друг другу, словно в последний раз в этой жизни. Их оргазмы сливались в одно целое. А по телу прокатывалась волна неземного блаженства.

Наконец они насытились друг другом.

– Уф, это невообразимо. Ира, ты прелесть, – тихо прошептал Стас.

Он, закинув руки за голову, лежал на спине и, не отрываясь, смотрел на сидевшую на его бедрах подругу. Нежные пальчики Иры теребили волосы на его груди, девушка нежно улыбалась, ее высокая прекрасная грудь тяжело вздымалась. На бедрах и животике застыли капли пота.

– Тебе понравилось?

– Да, милая! Это восхитительно. Ты прелесть, милая, ты прекрасна. Я слов не нахожу.

– Умммм. – Ира томно потянулась и, наклонившись вперед, подарила Стасу жаркий и нежный поцелуй. Затем она села на край кровати и принялась одеваться. – Нас, наверное, уже ищут.

– Да, дорогая, пора. – Стас рывком вскочил на ноги и занялся поисками своей одежды.

Глава 21

НОВЫЕ ИГРЫ

Обычно рабочий день Александера начинался с чтения почты и докладов руководителей секторов. Но сегодня все пошло не так. Первым делом, не успел он войти в свой кабинет, позвонил шеф и вызвал на ковер. Уже по телефонному разговору было ясно, что Майкл не в духе. В кабинете директора это очень быстро подтвердилось. При появлении заместителя он, даже не поинтересовавшись текущим состоянием дел, потребовал срочно заняться разработкой подготовительных мероприятий перед ударом по Судану. Официальная цель операции: уничтожение «Аль Кайеды» и Усамы Бен Ладена.

Этот одиозный экстремист считался врагом Америки номер один и убийцей Кондолизы Хаймс. Маховик информационной кампании в СМИ постепенно раскручивался, и ничего удивительного в полученном Александером задании не было. Показав пальцем на «убийцу», Америка была обязана его покарать, иначе избиратели не поймут. Неофициальная, но реальная цель операции заключалась в создании надежного плацдарма в среднем течении Нила, обеспечивающего отсечение арабского мира от богатств Центральной Африки.

Второй задачей была подготовка к расширению зоны ответственности американского миротворческого контингента в Пакистане. Майкл дал понять, что оба проекта чрезвычайно важны, и в их реализации заинтересованы весьма влиятельные люди, те, кто выступал инициатором и организатором «той самой утечки гадости из твоей лаборатории».

– Ну, вы, помните…

Александер кивнул в ответ, дело касалось ныне похороненного, но тем не менее успешно продвигавшегося плана «Дифенс».

Шеф давал на выполнение обеих задач ровно месяц. В этом и была загвоздка. Александер не сомневался в способностях сотрудников Фирмы решить проблему, вот только на Пакистан требовалось примерно шесть недель, и Судан похорошему займет не меньше двух месяцев, а надежней – лет. Страна очень сложная с точки зрения оперативной работы. Слишком высок средний уровень фанатизма среди местного населения, очень трудно внедрять и вербовать людей.

Естественно, Александер ни словом не обмолвился при Майкле, что может не управиться в отведенный срок. Операция уже утверждена, многие в ней заинтересованы, и сдвинуть сроки без негативных последствий для

инициатора этого невозможно. А зачем тогда давать руководству повод усомниться в своей компетентности? Все равно бесполезно. Хотя на душе скребли кошки, гонка обычно ни к чему хорошему не приводила. Можно зря подставить и погубить людей.

Вернувшись к себе в кабинет, Александер первым делом затребовал всю рабочую информацию по Судану и Пакистану. Затем он назначил начальникам соответствующих секторов и подразделений чрезвычайное совещание на одиннадцать часов дня. А теперь пришло время спокойно поразмыслить с карандашом в руках. В принципе он зря волновался.

Стив Горпожакс, курировавший работу по среднему Востоку, только позавчера докладывал, что его ребята наладили контакты с несколькими группами непримиримых в Пакистане. При необходимости можно будет организовать пару провокаций. И американцы в этой стране чувствуют себя достаточно свободно, многие местные, особенно афганские беженцы, еще помнят, кто помогал моджахедам бороться против коммунистов. Можно не только дать повод, но и подготовить плацдармы и соответствующие настроения среди местных для увеличения численности американского контингента. Советский Союз и Индия помешать не смогут, только ограничатся парой протестов в ООН, они сейчас по уши заняты своими проблемами с лихорадкой Шилдмана.

Остается Судан. А что Судан?! Нормальной агентурной сети там нет и никогда не будет. Впрочем, и серьезного сопротивления тоже не ожидается. Армия быстро разгонит тамошних «борцов за веру» практически без потерь. Мы готовим развернутый доклад по ситуации в стране и выдаем общие рекомендации. Можно будет подключить к работе наших саудовских друзей. Пусть Майкл поработает, у него хорошие контакты с полудюжиной принцев королевской семьи.

А основную работу ребята провернут уже после ввода войск. Бен Ладена мы все равно не поймаем. Александер был в этом уверен. Поскольку имел приказ: в случае угрозы обнаружения «террориста номер один» армейцами обеспечить ему эвакуацию в безопасный район. Хитрый араб был слишком ценным кадром, чтобы его просто так убивать. Он больше пользы принесет в качестве «Неуловимого Джо», персонифицированного символа Всемирного Зла и угрозы Америке.

Во время размышлений над дальнейшими планами Александера только один раз потревожили угрызения совести. Он всю свою сознательную жизнь ни разу не бросал начатое дело на полпути. Ни разу не увиливал от тяжелой работы. А сейчас он, по сути, планировал вместо выполнения поставленной задачи имитацию деятельности. Но, с другой

стороны, он никогда раньше не сидел в кресле заместителя директора ЦРУ, никогда на его плечи не давила такая ответственность, и он прежде еще не сталкивался с фактически невыполнимыми задачами.

– Ладно, не важно, как дело идет. Главное, чтобы это хорошо выглядело, – вслух пробормотал Александер и, махнув рукой на суданские проблемы, взял в руки отчет по операции «Белый попутай». Это была очень красивая, сложная, многоходовая операция по стимулированию роста религиозности населения и одновременно по внесению раскола между основными религиозными конфессиями в СССР. «Попугай» был утвержден два года назад, но нормально финансироваться начал только в начале этого года стараниями предшественника Александера. Автором и исполнителем схемы был некто Джон Стоун, прекраснейший аналитик, специалист по управлению информационными потоками и внедрению в сознание «объектов» заданных моделей поведения, неординарно мыслящий и несколько эксцентричный человек, что не мешало ему по праву считаться одним из лучших сотрудников Фирмы.

«Белый попугай» предусматривал негласную поддержку и помощь в миссионерской деятельности всем без исключения религиозным конфессиям в СССР, а также выискивание и аккуратное спонсирование религиозных лидеров, придерживающихся крайних реваншистских взглядов. В перспективе эта работа должна была привести к росту межконфессиональных и межэтнических конфликтов в Союзе. А еще – к усилению центробежных тенденций на периферии и одновременно изоляционистских настроений в центре.

Операция была нацелена на долгосрочную перспективу. Пусть в последнее время шло сближение позиций США и СССР, прямая конфронтация сменялась настороженным прощупыванием позиций друг друга на предмет сотрудничества во взаимовыгодных проектах. Все равно спецслужбы продолжали свою работу по организации потенциальному противнику всевозможных неприятностей и сложностей. Даже если взаимоотношения между империями перерастут в союзничество, слишком сильный СССР будет представлять опасность для Америки. Земля не так уж велика, и, после того как лихорадка Шилдмана решит демографическую и сырьевую проблемы, у США и СССР останется немало точек пересечения интересов.

Но это все лирика, а что там в отчете? Стоун докладывал, что «Белый попугай» неожиданно привел к кардинальным сдвигам в Среднеазиатском регионе. Налицо вспышка крайне правых националистических настроений. Начинается очередной период «национальноосвободительной

антибольшевистской борьбы», связанный с ростом национального самосознания местных народов и усилением влияния ислама. Интересно, что власти проявляют нерешительность и не торопятся с арестами лидеров сопротивления. Наоборот, Стоун отмечает рост миграции славянского населения из Средней Азии в северные и западные районы страны. Причем миграция негласно поддерживается правительственными структурами.

Здесь Александер негромко выругался, по его мнению, Джон Стоун беззастенчиво приписывает себе результаты какогото неявного процесса, происходящего в СССР, смысл которого Стоун не понимает, но тем не менее громко рапортует о собственных успехах. Подобные процессы происходят и в Закавказье. Здесь также наблюдается вспышка активности националистов сепаратистского толка и также имеет место невнятная выжидательная позиция властей, что абсолютно немыслимо для правительства Арсения Бугрова. Кроме того, аналитики неоднократно сообщали об изменении экономической структуры этих регионов, о сокращении им дотаций и переводе перспективных предприятий в северные регионы. В ЦРУ поступала разрозненная информация о строительстве Советами кордонов и блокпостов на южной административной границе Казахстана. В целом это представлялось Александеру элементами одного большого плана, проводимого Союзом. Но что это за план и какие цели он преследует, пока оставалось неясным. На столе зазвонил зеленый телефон внутренней линии.

– Да, слушаю.

– Мистер Кэлоун, – это звонили из бюро пропусков, – к вам пришел доктор Рифтер.

– Хорошо, проводите, – сухо ответил Александер и положил трубку.

Это было в высшей степени странно. Доктор Даниэль Рифтер владел и руководил небольшой частной биологической лабораторией в Сиэтле. Занимался разработкой медицинских препаратов и биологических маркеров, это для публики, если официально. Ничем не примечательный и мало кому известный ученыймикробиолог. На самом деле Рифтер и его группа воплотили в жизнь техническую часть плана «Дифенс». Именно ими, под контролем Фирмы, был разработан и испытан вирус лихорадки Шилдмана.

После закрытия программы и уничтожения основного материала доктор Рифтер перебрался в Сиэтл, где, не привлекая лишнего внимания, занимался работой над вакциной против лихорадки Шилдмана. Сначала оружие, потом противоядие, вполне логично. Наибольшим успехом лаборатории на этом поприще был препарат «Гамма 716», обеспечивающий

выздоровление восьми процентов заболевших на ранней стадии, или двадцать пять процентов гарантии в латентной фазе заболевания, и способный применяться как профилактическое средство. Надо ли говорить, что препарат был секретным и использовался только с санкции АНБ, ЦРУ или Пентагона. Дальше создания этой вакцины лаборатория не продвинулась, хоть и пыталась найти более действенное средство.

Но это все прелюдия, дело не в этом, Александера сейчас интересовало, что именно заставило доктора Рифтера, никого не предупредив, нестись сломя голову через всю страну и напрашиваться на прием к заместителю директора ЦРУ, ранее курировавшему программу «Дифенс». Вопрос крайне интересный, если учесть, что официально ни одна правительственная организация не имела никакого отношения ни к доктору Рифтеру, ни к его работе. Александер очень надеялся сейчас получить ответы на эти вопросы. А вот и сам доктор! Уже входит в дверь.

– Здравствуйте, мистер Кэлоун. – Рифтер, как обычно, был в широком светлом плаще, скрывавшем излишнюю рыхлость его фигуры и внушительный животик. Со времени их последней встречи доктор отпустил окладистую бородку и баки, волосы, как всегда, были длинные, до плеч, но аккуратно уложенные.

– Доброе утро! Вижу, отпустили бороду? Вам очень идет, – улыбнулся Александер, протягивая визитеру руку. Он с первой же секунды появления доктора в кабинете уловил исходящие от него флюиды страха. Александер с детства умел определять, когда человек боится, но сейчас любому и без особой интуиции было понятно – Рифтер смертельно напуган. Внешне доктор хорошо держался, пожал руку Александера, с комфортом разместился в предложенном кресле, но учащенное дыхание, легкое подрагивание пальцев, бегающие глаза с расширенными зрачками выдавали его с головой. Чтото его сильно напугало, да так, что заставило, забыв об осторожности, бежать к единственному человеку, у которого доктор надеялся найти защиту.

– Борода – это пустяк. У нас зимой холодно. Она защищает от мороза.

– Дэн, что случилось? Ты специально прилетел ночным рейсом, чтобы рассказать о полезности бороды? – насупился Александер. У него не было желания разводить политес и постепенно выпытывать из сумасшедшего профессора подробности.

– Мистер Кэлоун…

– Можно просто Александер, – нарочито грубо оборвал доктора хозяин кабинета, – мы уже давно на «ты».

– Хорошо, Александер, – чуть запинаясь, начал Рифтер, – вчера ко мне

пришел один русский и предложил продать все разработки по Шилдману. Он посулил десять миллионов евро наличкой, только за пакет документации!

– И что? – благодушно зевая, вопросил Александер, специально придав своему лицу ироничноскептическое выражение. Пусть собеседник немного успокоится.

А интересно получается, отметил про себя хозяин кабинета, не так уж много людей знает, чем именно занимается лаборатория. Похоже, произошла утечка.

– Я сказал, что мы не занимаемся Шилдманом. Мы работаем над улучшенной версией анальгетика. Тогда он предложил мне продать саму лабораторию. Он сказал, что может заплатить тридцать миллионов евро. Когда я отказался, он поднял цену до пятидесяти миллионов!

– Интересно, – хмыкнул Александер. То, что этот русский представляет КГБ, он уже понял. Никому другому и в голову бы не пришло платить такие деньги за имущество, которое не стоит и миллиона. Ясно, что сами разработки сейчас фактически бесценны, но откуда русский узнал, какую работу ведет Рифтер и каких результатов он добился? Нет, точно, этот агент заранее знал, к кому идет, и имел представление о результатах работ доктора.

– Александер, он знает, что у нас есть вакцина. – Слова Даниэля прямо подтверждали умозаключения Александера. Видок у Рифтера был еще тот, борода доктора тряслась при каждом слове, с уголков рта капала слюна. – После ухода русского мне позвонили из адвокатской конторы и сообщили, что к ним наведывался некто мистер Поляков и купил информацию, кому принадлежит лаборатория и на каких условиях можно приобрести контрольный пакет.

– Ну, ты же не продал свою алхимическую лохотронку? В чем тогда вопрос? Дэн, я смотрю, ты замерз. – Александер сменил тон на покровительственный: – Что будешь? Виски? Бренди? Коньяк? Знаешь, у меня есть настоящий французский коньяк, не какаято бормотуха.

– Виски, – судорожно сглотнув, выдавил из себя Рифтер. В глазах доктора читалось искреннее изумление: как это Александер после таких новостей может спокойно предлагать промочить горло?

Хозяин кабинета, подойдя к бару, набулькал в рюмку виски на два пальца и добавил немного содовой.

– На, держи! – себе он плеснул немного вишневого бренди. Доктор залпом опрокинул рюмку, даже не поморщившись.

– Еще? – участливо поинтересовался Александер.

– Да, повтори, пожалуйста. – Виски на глазах делало свое дело. Движения доктора стали более плавными, на щеках появился здоровый румянец. Вторую рюмку он выпил медленно, смакуя напиток.

– Как ты понял, что это был русский? – вернулся к разговору Александер, наливая доктору очередную порцию. На этот раз он плеснул виски чуть поменьше, щедро разбавив содовой. Не хватало еще, чтобы Рифтера развезло.

– Он сам сказал. Представился как Сергей Антонов, представитель компании Фармоимпорт. Разговаривал вежливо, хотя и настойчиво. Просил продать если не разработки, то хотя бы лабораторные журналы и биологический материал. Обещал в случае проблем организовать мне эмиграцию в любую страну по выбору.

– Понятно, – при последних словах доктора Александера передернуло.

Утечка мозгов из Штатов была серьезной проблемой. Только в последние три года в Советский Союз эмигрировал почти миллион перспективных ученых, талантливых инженеров и специалистов. Еще больше подали документы в посольство, русские имели возможность выбирать, ими приглашались только люди с высшим техническим образованием, высоким интеллектом и умеющие работать на производстве. Естественно, как только экономическая ситуация в стране наладится, эмиграция сократится. А пока Америка ежедневно теряла свои лучшие умы.

Все прекрасно знали, что десяток неправительственных общественных организаций и «научных» обществ специально занимались выявлением талантливой молодежи в США и вывозом ее в СССР. Мало кто мог устоять перед перспективой получить хорошую, интересную, высокооплачиваемую работу с возможностью дальнейшего роста. Людей не пугала даже необходимость ехать в дикую Россию, где снега до второго этажа и по улицам бродят медведи с балалайками. Это было лучше, чем жуткая безработица и ежедневная борьба за кусок хлеба. Правительственные структуры понимали проблему, но сделать ничего не могли. Можно было только пассивно совать палки в колеса Советам, но запретить людям выезжать за границу?… Это было бы нарушением Конституции.

– Он вам угрожал? – поинтересовался Александер, глядя в глаза Рифтера.

– Нет. Прямо не угрожал, – при этих словах доктор непроизвольно опустил плечи. – Эти русские. От них всего можно ожидать. Он из КГБ. Вдруг он знает?

– Откуда?

Доктор, не выдержав взгляда Александера, опустил глаза и тихо запричитал:

– Я не знаю. Он пришел сразу ко мне. Он был уверен. Знал, мы работаем над вакциной. А если он знает это, значит, может выяснить все! – панически воскликнул Рифтер.

– Ерунда. Полная ерунда. Они не могут ничего знать. Это совпадение, – успокаивающим тоном проговорил Александер.

Он еле сдержался, чтобы не выругаться. Вот и возись с такими кретинами! Русские сейчас носятся, как угорелые, по всему миру, скупают за любые деньги все, что может помочь в работе над лекарством. Лихорадка Шилдмана проникла в Россию и, несмотря на все кордоны, карантинные и санитарные меры, собирает урожай человеческих жизней. Русские не могут бросить своих людей умирать, в этом их сила и слабость. Они обязаны создать, купить или похитить вакцину. Политика их правительства недвусмысленно требует любой ценой спасать своих людей.

Неудивительно, что КГБ пронюхал о работах, ведущихся в одной небольшой частной лаборатории. Эту информацию в принципе можно было раздобыть. Плохо то, что кретин Рифтер, сам того не понимая, выдал себя с головой. Вместо того чтобы вежливо выпроводить русского и спокойно позвонить куратору, он, словно бешеный кролик, помчался в Лэнгли. Да еще, видимо, при разговоре с этим Антоновым вел себя как интеллигент перед уличным бандитом. Русский не идиот, он сразу должен был понять – доктор боится и чтото скрывает. Хорошо, если за Рифтером не следили, а если…

– Даниэль, давай ты сейчас все изложишь на бумаге.

– Что писать?

– Все. С самого начала. Как к тебе пришел этот Антонов. Что он говорил, как выглядел, опиши его приметы, характерные черты. Постарайся вспомнить все мелочи. Напиши, что ты делал после его ухода. Подробно, по пунктам, вплоть до дверей этого кабинета.

Рифтер, успокоившись, достал из кармана авторучку и взял несколько листов из принтера. Писал он быстро мелким аккуратным почерком. Убедившись, что визитер занят делом, Александер ушел в свой второй кабинет. Мало кто знал, что за шкафом, справа от стола, скрывается еще одно рабочее помещение, оборудованное всем необходимым. Плотно закрыв за собой дверь, Александер бросился к телефону. Всего два звонка, и он выяснил, что в Сиэтле сейчас находятся только двое сотрудников. Плохо. У ребят нет необходимых полномочий, а поднимать полицию – значит придать историю огласке. Других вариантов нет. Надо срочно

подключить «смежников» и доложить шефу.

Майкл был у себя. Он, ни разу не перебив, выслушал Александера.

– Хорошо, что позвонил. Где сейчас этот яйцеголовый? – одним этим словом Майкл умудрился выразить всю гамму своих эмоций по отношению к Рифтеру, от простого презрения до негодования и полного недоумения: как могут существовать на Земле такие существа?

– У меня в первом кабинете, пишет отчет.

– Хорошо. Сиэтлом займется Джордж, ты своих людей не привлекай. Работай дальше, на тебе еще висит Судан.

– Через час собираю совещание, – Александер машинально посмотрел на часы, – будем планировать работу.

– Действуй. За операцию головой отвечаешь. А этого Рифтера прямо в кабинете передашь ребятам Мура. Уразумел?

– Ясно, шеф. В Сиэтл не лезть. Работать над Суданом, Пакистаном и текучкой. Рифтера передать Службе Защиты.

После разговора с Майклом Александер с шумом выдохнул воздух и вытер платком пот со лба. Так оно будет лучше. Джон Мур возглавлял Службу Защиты Свидетелей и Носителей Информации. Его ребята позаботятся о докторе Рифтере, сами ему все объяснят, успокоят, выпотрошат и увезут туда, где не только конкуренты, но и сам Господь Бог не найдет. А с лабораторией поработает АНБ. Если русские туда сунутся еще раз, их не спасет даже дипломатическая неприкосновенность.

Избавившись от доктора Рифтера, Александер первым делом навел порядок в кабинете. Поставить кресла на место, убрать стаканы в шкаф. На столе какието исписанные бумаги появились – в мусорку их! Вроде бы все на месте.

Кажется, проблема решается. Никаких серьезных последствий от этого незапланированного визита не ожидается. Смежники работают в Сиэтле. Идиот Рифтер и посвященные во все нюансы сотрудники лаборатории исчезнут, получат новые биографии, документы, изменят место жительства. Проблем с ними не будет.

Успокоившись и приведя мысли в порядок, Александер был уверен, что о проблеме можно забыть. К его искреннему сожалению, он ошибался. Ровно в два часа пополудни его вызвал шеф.

– Закрой дверь, – не отрываясь от монитора, вместо приветствия попросил Майкл. – Садись.

Александер опустился на стул напротив Майкла, он еще ни разу не видел шефа в таком состоянии. Тот, словно забыв о вошедшем, продолжал работать за компьютером.

– У нас проблема, – Майкл наконец соизволил оторваться от монитора и повернулся к Александеру, – произошла утечка. – Слова прозвучали на редкость буднично.

– Какие будут распоряжения? – поделовому поинтересовался заместитель, всем своим видом демонстрируя готовность приступать к работе, хотя он еще не имел никакого представления, о какой утечке вдет речь.

– Звонил Джордж, его люди прошерстили персонал лаборатории. Выяснилось, что один из сотрудников пропал.

– Вчера или сегодня? – На лице Александера не отразилось никаких эмоций, только пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

– Билл Холт, помощник твоего Рифтера. Вчера его последний раз видели во время разговора с тем русским «фармацевтом» Антоновым. После чего Холт исчез. Дома он не ночевал, семьи у него нет, – будничным тоном рассказывал Майкл. – Проверили счет в банке. Ровно в 17.47 по тихоокеанскому времени он снял все деньги, 400 тысяч, и закрыл счет. Джордж подключил к поиску ФБР, но пока никаких известий.

– А русский? Их же двое было? – тактично задал вопрос Александер. – Он начал понимать, что шеф его вызвал не для работы, а в качестве собеседника. Человека, с которым можно спокойно проанализировать сложившуюся ситуацию и выявить ошибки. Майкл кивком подтвердил догадку подчиненного.

– Еще ночью вылетели в Вашингтон. Оба, и Антонов, и Поляков. На видеосъемке в аэропорту Сиэтла зафиксировали, что они шли на посадку. У Полякова – он работает в посольстве, обладает дипломатической неприкосновенностью – в руках был кейс. Второй прилетел в США только три дня назад, является менеджером Фармоимпорта. В картотеках на него ничего нет.

– Они сейчас в Вашингтоне?

– Скорее всего. В аэропортах они больше не отмечались. Нигде не светились. АНБ сейчас отслеживает траекторию перемещения Антонова с момента его прилета в США. Пока ничего интересного. В первый день он отметился в посольстве, потом ездил в Детройт, посетил филиал Фонда Сахарова. Затем съездил в Сиэтл. Это все.

– Думаете, он главный?

– Да, Поляков типичный резидент, сотрудник КГБ с дипломатическим паспортом, а этот похож на агентарейдера. Специалист по разовым акциям. И как мы его пропустили?! – горько усмехнулся Майкл.

– Раз Холт снял деньги со счета, – почесывая затылок, добавил

Александер, – значит, он продал информацию и сделал ноги.

– А не похитили? – поинтересовался Майкл и сам себе ответил: – Нет, бежал он по собственной воле. Русским выгоднее полюбовно договориться, чем устраивать криминальные эксцессы. Час назад ФБР получило ориентировку на розыск особо опасного преступника, серийного маньяка. Плюс АНБ землю роет. Если Холт не успел покинуть Штаты, его найдут.

– А если ушел, мы подключим свою зарубежную агентуру, – с нажимом произнес Александер. – Куда он мог бежать? В Канаду или Мексику. А там мы работаем, как дома, беспрепятственно.

– Интересно, что он продал? – глядя в потолок, задал риторический вопрос Майкл. Затем, словно стряхнув с себя нерешительность и задумчивость, резко добавил: – А кейс уже в посольстве. У русских было почти пять часов, чтобы доехать от аэропорта до посольства. Дипломатическую почту вскрыть мы не можем. Доказать факт хищения невозможно.

– Можно установить слежку за посольством.

– Уже ведется. Но что это даст?

– Если Антонов решит прогуляться по городу, если у него остались незавершенные дела… Ну, вы понимаете…

– Шансов мало, – отрубил Майкл, – он не кретин. В КГБ дураков не держат. Будет тихо сидеть и ждать ближайшего рейса до Москвы.

– Откуда он знает, что мы взяли его след?

В этот момент в динамиках компьютера щелкнуло. Майкл резко повернулся к монитору.

– Что я говорил! – воскликнул директор, отстраняясь от экрана. – Вести от Джорджа: десять минут назад был куплен билет на рейс до Москвы на имя Антонова Сергея Владимировича. Вылет сегодня в 19.32.

– Есть надежда, что он возьмет кейс с собой. Мы можем организовать повод для задержания, – не сдавался Александер.

– Ты хороший специалист, – усталым голосом грустно произнес Майкл, – но не обольщайся, они все предусмотрели. Мы, естественно, поведем его. Точнее, не мы, а АНБ. Но он поедет на посольской машине, его проводят до трапа два консула, и еще в резерве будут держать журналистов. Мы ничего не сможем сделать. И ничего компрометирующего у него не будет. Весь материал пойдет дипломатической почтой.

– А если… – хотел было вставить Александер и осекся. Он все понял. Рыбка уплыла. И при этом ничего не изменилось. Даже если Холт рассказал русским все, что знал о плане «Дифенс», КГБ сохранит эту

информацию в тайне. Они не смогут ее использовать. Это, как атомная бомба, оружие, которое можно и престижно иметь, но нельзя применять. США никогда, ни официально, ни неофициально, не признают искусственное происхождение вируса Шилдмана. А попытка выдать сенсацию в прессу заранее обречена на провал. Информационное освещение событий уже проведено, установка внедрена в сознание, контрходы сделаны. Разоблачение автоматически будет отнесено по ведомству летающих тарелок, зеленых человечков, палеоцивилизаций и Всемирного Масонского заговора.

– Ладно, Александер, иди. Мы проиграли этот раунд, и ничего сделать не можем, – поставил точку в разговоре Майкл. – Если будет чтонибудь новое, я тебя вызову.

– Ясно, шеф. – Александер рывком вскочил на ноги и направился к выходу. У самой двери он обернулся: – Не переживайте, Майкл. Мы еще отыграемся.

– Удачи, – буркнул в ответ шеф и повернулся к компьютеру.

Глава 22

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ

После ужина вся компания попрежнему была в гостиной. Ребята, несмотря на опасения Ирины, их отсутствия даже не заметили или сделали вид, что не заметили. Они даже не видели, как любовники проскользнули в гостиную. Все внимание было приковано к стоявшему на столике телевизору. На экране выступал какойто китаец в генеральской форме. Дима Кочетков переводил.

И неудивительно: люди больше месяца были оторваны от источников информации и сейчас жадно утоляли сенсорный голод. А новости оказались интересными. Пока Стас и Ира были заняты друг другом, Валера нашел в одной из комнат телевизор и притащил его в гостиную. Подключить антенну – минутное дело. Сигнал был слабым, картинка периодически исчезала, иногда пропадал звук, но зато удалось поймать кусок новостной ленты второго канала советского телевидения.

В Союзе введено чрезвычайное положение. На Дальнем Востоке, в Сибири и Элистинской области установлен карантинный режим. Диктор суровым голосом призывал сограждан сохранять спокойствие и ради своих родных и близких соблюдать требования карантина. Жертвами лихорадки Шилдмана стали уже 18 376 человек. Более семидесяти тысяч госпитализировано. Сообщалось, что советское правительство, санитарные и чрезвычайные службы делают все возможное и невозможное, чтобы остановить эпидемию и спасти людей.

Далее было зачитано обращение министра здравоохранения товарища Онисимова. По подтвержденной, неоднократно проверенной информации Минздрава, наибольшую опасность лихорадка Шилдмана представляет для лиц монголоидной расы. У европейцев и тюрок риск заболевания на порядки ниже, что не дает повода… По экрану пошли сплошные полосы, звук сменился треском и шипением. Что там дальше, узнать не удалось, но и перехваченного куска передачи было достаточно. На Родине все в порядке, эпидемия остановлена, а самое главное – она не угрожает никому из членов маленькой сплоченной команды, собравшейся у телевизора в забытом богом доме посреди дикой степи. Это ли не повод для радости?!

На другом канале шла передача из Харбина, говорил генерал Хунь Чон. Из его выступления можно было понять, что в Маньчжурии возникло самопровозглашенное правительство генерала Пун И. Границы провинции на замке, военные всеми силами поддерживают порядок и не позволяют

вирусоносителям проникать на территорию региона. Как именно определялось, вирусоноситель человек или нет, генерал умолчал. Скорее всего, на заставах отстреливали всех имевших неосторожность приблизиться на дистанцию огня.

По информации разведывательных служб Маньчжурии, Пекин захвачен русскими и американцами. Тибетские и уйгурские сепаратисты откололись от Поднебесной. Атомные станции Шанхая и Гуаньчжоу находятся в руках американского десанта. Единственным очагом порядка и последним оплотом китайской государственности остается только Маньчжурия.

Генерал Чон со всей ответственностью заявил, что слухи о захвате американцами пусковых установок китайских баллистических ракет – гнусная ложь, распространяемая врагами трудового народа Маньчжурии и Китая с целью поднять панику и сломить волю к сопротивлению. Агенты империализма, распространяющие такие слухи, будут расстреливаться на месте по законам военного времени.

Дальше генерал завел старую песню, что враг не пройдет, эпидемия будет остановлена, врачи уже нашли древний китайский рецепт чудодейственного снадобья, которое исцеляет жертв лихорадки Шилдмана. Под конец выступления он прошелся по поводу недружелюбия СССР, отказавшегося принять беженцев и прервавшего всякие торговые контакты с Китаем под предлогом карантина. Хотя любому здравомыслящему человеку ясно, что все это происки империалистов, глобалистов и врагов трудового народа.

После выступления Хунь Чона начался концерт. Хор девушек в красных галстуках и со значками Мао на блузках пел китайскую версию «Вставай, страна огромная!».

– Нус, какие будут идеи? – первым задал вопрос Валера Шахов, когда уставший переводить Дима потянулся к графину с водой.

– Давайте лучше спать. Утро вечера мудренее, – громко зевнул Алексей.

– А через Маньчжурию мы не пройдем, – всплеснула руками Маша, – что делать будем?

– Чтонибудь придумаем, – отмахнулся Дима, в сердцах бухнув опустевший наполовину графин на столик.

Стас решил пока уклониться от разговора. Пусть ребята выпустят пар, а там уже можно будет и серьезно заняться разработкой нового маршрута. В том, что первоначальный вариант движения через Цицикар на Благовещенск уже нереализуем, он не сомневался.

– Ну а ты что думаешь, командир? – повернулся к Станиславу Александр.

– Ребята, а может, на боковую? У меня уже голова соображать отказывается. И атлас я в машине забыл. – Когда было нужно, Стас умел уходить от разговора.

На следующее утро они решили задержаться в гостеприимном особняке еще на один день. Все устали за прошедшие дни, и небольшой отдых в комфортной мирной обстановке был им необходим. А после того, как заработали подогреватели воды и выстроилась очередь желающих помыться в настоящей ванне… нет, после этого любому было понятно, что сегодня никто никуда не поедет.

В первой половине дня с неба посыпал снежок. Сразу после завтрака Стас и Дима занялись текущим обслуживанием машины. Проверить уровень масла и технических жидкостей, подтянуть болты, продуть топливную систему. Для человека, любящего и понимающего машину, работа найдется. Пока Стас возился с мотором, напарник перебрал и смазал печку. Вчера она начала сильно шуметь. Впереди был самый сложный и опасный участок пути, любая поломка могла стать фатальной.

Несмотря на идущий снег, солнце периодически проглядывало сквозь тучи. И ветер стих. Погода стояла великолепная. По двору прыгали воробьи и какието птички, похожие на синиц, выкапывали изпод снега семена и негромко чирикали. В небе пролетел ястреб. При его приближении птички разом прыснули под тяжелые ветки кустов и деревьев. Затем, когда опасность миновала, сначала один, потом другой воробышек осторожно выпорхнули из кустов. Миг, и двор опять был полон птичьего щебетания.

После обеда ребята и девушки остались в гостиной обсуждать дальнейшие планы. По телевизору не удалось выловить ничего нового, хотя Валера и Алексей провели полночи и все сегодняшнее утро перед экраном. Одни бравурные марши и заявления лидеров новоявленной Маньчжурии о крепости границ и готовности остановить эпидемию любой ценой. Поймать советские телеканалы не удавалось, видимо, вчера им просто повезло. А сегодня фаза Луны влияет, как выразился Саша.

Предложений в принципе было немного. Дима и Маша считали, что стоит задержаться в особняке на несколько дней и дождаться, пока ситуация прояснится. Все равно путь через Маньчжурию им заказан. Пытаться проскочить мимо блокпостов, не зная местности, наивно. Вояки генерала Пун И, скорее всего, расстреляют их на месте и только потом будут выяснять, кто это попался в прицел, или захватят в плен. Что также чревато проблемами.

Стас больше склонялся к идее повернуть назад и прорываться в Пекин. У него были веские основания полагать, что на побережье и в районе столицы практически все население уже вымерло и дороги сравнительно безопасны. Но это предложение никто не поддержал. Возвращаться назад?! После того, что они пережили в дороге? Нет, ни за что!

В итоге после бурного спора остались только два варианта: либо ждать на месте, пока лихорадка не расчистит путь через Цицикар, либо прорываться через хинганские перевалы по Внутренней Монголии до Хайлара, а затем до станции Маньчжурия. Первый вариант был чреват тем, что с каждым часом, проведенным на одном месте, возрастала опасность быть обнаруженными любопытными аборигенами. Дым, идущий из труб, и свет в окнах заметны издалека. Рано или поздно на виллу нагрянут гости. А что это будут за люди и как будут они настроены, никто и предположить не мог.

А на зимний маршрут через горы Хингана и пустыню мог решиться только сумасшедший. По всем расчетам, шансов на успех было очень мало. Даже в мирное время не рекомендовалось ездить этим путем, а уж сейчас, когда перевалы стали удобным местом засады для хунхузов, хунвейбинов и других разбойников, когда трассу не чистят, а солярку на весь маршрут придется везти с собой, когда можно легко сбиться с дороги и заблудиться в степи, нет, это невозможно! Так Стас и объяснил товарищам.

В итоге ни к какому решению так и не пришли. Валера выдвинул идею захватить на ближайшей станции поезд и ехать по рельсам. Предложение было стоящим. К сожалению, при более тщательном рассмотрении выяснилось, что все железные дороги на север идут через Цицикар или Харбин. Ни то, ни другое, разумеется, но подходило. Наконец, когда все выдохлись и устали от бесполезных споров, поднялась Ирина и скромно поинтересовалась:

– А как насчет того, чтобы полететь самолетом? Мы можем найти аэродром?

– А кто за штурвал сядет? – ехидно изрек Саша. – Если с тепловозом еще можно разобраться, то самолет без навыков поднимают в воздух только в дурном кино.

– Я сяду, – твердо ответила Ира.

– Ты?! А ты умеешь? – У Валеры в буквальном смысле глаза на лоб полезли.

– Умею, к твоему сведению, Шахов, я занималась в иркутском аэроклубе и летала на «Як52».

– Так это с инструктором, – ухмыльнулся тот, всем своим видом

выражая сомнение в способности девушки самостоятельно управлять машиной сложнее кофемолки.

– У меня налет сорок шесть часов! – Ирина готова была, впиться ногтями в ехидную физиономию Шахова.

– Все, хватит! – Стас шагнул вперед, становясь между спорщиками. Не хватало еще потасовок.

– Ладно, извини, – под жестким взглядом Стаса Валера опустил глаза и отошел в сторону. Ира, в свою очередь, небрежным движением поправила рассыпавшиеся по плечам волосы и, метнув в сторону Шахова испепеляющий взгляд, поспешила выйти из гостиной.

– Поскольку ни одного разумного предложения я не услышал, значит… – задумчиво протянул Стас, скрестив руки на груди, – значит, будем искать аэродром.

– Подожди, а Ира сможет поднять лайнер?! – воскликнула Маша.

– Зачем лайнер? Подойдет любой небольшой самолетик вроде «кукурузника», лишь бы горючки до Амура хватило, – поддержал план Дмитрий.

– А что здесь такого? – в свою очередь, добавил Саша. – Взлетим. Найдем аэродром и взлетим. А там прямиком на север, домой. Не заблудимся. – В его словах сквозила непоколебимая уверенность в успешном завершении этого дерзкого мероприятия.

Вартис хотел было добавить, что самое сложное не взлет, а посадка, но решил не беспокоить зря товарищей. Все равно Ирина и Стас правы – если нельзя добраться до границы по земле, перелетим по воздуху. Деловто!

Ровно через два дня они без приключений добрались до УланХото. По всем признакам в окрестностях этого города должен быть аэропорт. Естественно, в основном там обнаружатся пассажирские лайнеры и аэробусы, но в последнее время в Китае появилось много машин малой авиации. Так что был неплохой шанс найти подходящий для их компании и не слишком опытного пилота самолетик вроде знаменитой «Цессны» или «Ан2».

– Смотри! – расположившийся на пассажирском сиденье Дмитрий показывал пальцем на стоящий у поворота знак.

Пиктограмма в виде самолета на синем треугольнике – просто и понятно даже иностранцу или неграмотному, – поворот на аэропорт. Знак встретился как нельзя вовремя. Вдоль дороги уже потянулись пригороды, а впереди в низине был виден сам город УланХото. Стас уже начал нервничать, ему не улыбалось искать аэродром в окрестностях незнакомого города, рискуя попасть в тупик или нарваться на автоматную очередь изза

ближайшего дома.

Поравнявшись с указателем, машина повернула направо. Все верно, дорога идет правильно, даже следы видны. Стас вдруг резко надавил на тормоз. Машину занесло на покрытом наледью асфальте.

– Ты что?! Что случилось? – только и смог произнести Дима, когда «КамАЗ», визжа шинами, остановился, развернувшись поперек дороги.

В кабине не было слышно, как отреагировали на резкий маневр пассажиры в кунге. Но любому понятно, какие обычно звучат слова в адрес шофера при резком неожиданном торможении. Почти сразу же после остановки со стуком открылось боковое окошко кунга.

– Куда стрелять? – донесся усталый голос Валеры. Быстро он прореагировал.

– Все, шабаш. Выходим. – Стас с силой надавил на кнопку звонка и широко распахнул дверцу. В кабину тут же ворвался свежий воздух, резко контрастировавший с затхлой, прокуренной атмосферой в машине.

И как он сразу не понял! Совсем голова не работает. Прямо посередине запорошенной девственночистым снегом дороги отчетливо выделялись следы машины. Не обращая никакого внимания на встревоженное выражение лица напарника, Стас спрыгнул с подножки и, сделав пару шагов, принялся ковырять носком ботинка свежий отпечаток протектора. Да, проехали недавно, после ночного снегопада, по крайней мере. След совсем свежий. Судя по ширине отпечатка – внедорожник или небольшой грузовичок. След шел со стороны города, поворачивал в сторону аэродрома и тянулся до вершины следующего подъема.

– У нас гости? – деловито поинтересовался Макс, приближаясь к Стасу.

– Недавно проехал, и в сторону аэродрома. Видишь, как пласт сдвинут, – заметил Саша, наклоняясь над следом.

– А не из аэропорта?

– Нет, именно в аэропорт. По отпечатку все ясно видно. Резина зимняя, не шипованная, – уточнил Саша.

– Понятно, – задумчиво почесал подбородок Дмитрий, хотя ничего ему не было понятно. Водить машину он умел неплохо, но разбираться в следах шин, как какойнибудь индеец, нет, увольте!

– Ребята, что вы там такого интересного нашли? – это уже Ирина вышла размять ноги и заодно поинтересоваться причиной остановки.

– Думаем о смысле бытия и гадаем: одиноки ли мы во Вселенной, – немедленно отреагировал Кочетков.

– И как?

– Мы не одиноки, – Дима, состроив умное выражение на не слишком тщательно выбритой физиономии, демонстративно поднял палец, – и совершенно случайно разминулись с доказательством этого факта.

– Господа ученые, кончайте философствовать, – бесцеремонно вмешался Алексей.

– А ты что предлагаешь, товарищ инженер?

– Ну что, едем? – Стас прервал готовый разгореться спор и первым зашагал к машине. Все равно ничего сейчас не выяснить. Кто бы ни был этот неизвестный, он также едет в сторону аэродрома. Там и узнаем, кто он такой и что здесь делает. Стас был уверен, что, несмотря на фору во времени, они встретятся.

Дальше они ехали осторожно, скорость держали в пределах 5060 км/ч. И дорога не самая лучшая, на склонах под слоем снега на асфальте образовалась коварная наледь, а впереди могла ждать засада неизвестных обладателей джипа. Кто знает, как отреагируют они, заметив следующий по пятам армейский грузовик? Следы между тем вели прямо, никуда не сворачивая. Вдоль дороги тянулся привычный сельский пейзаж: поля, сады, деревеньки, и никаких признаков живых людей. Наоборот, пасшееся в зарослях гаоляна стадо коз наводило на мысль, что животные уже давно потеряли своих хозяев.

Всю дорогу Дмитрий, не опуская ни на секунду бинокль, пристально вглядывался вперед, пытаясь первым разглядеть возможную опасность или просто заметить тех, за кем они ехали. Преодолев очередной подъем, Стас плавно затормозил, останавливая машину.

– Все, перерыв, – кивнул Дима.

С этой точки открывался хороший вид на аэропорт. Всего тричетыре километра по прямой. Обычный воздушный порт местного значения. Двухэтажное непрезентабельное здание аэровокзала, несколько кирпичных домов напротив через дорогу, в стороне массивные радарные антенны. У летного поля и у здания аэропорта какието вышки, хорошо заметна взлетная полоса – стоящие вдоль нее прожекторные площадки ни с чем не спутаешь. Справа от дороги и почти до аэропорта тянется заросший густым подлеском перелесок, слева вспаханное поле.

– Если я не ошибаюсь, они доехали до самого аэропорта, – Дмитрий опустил бинокль и потер пальцем переносицу.

– Что у них за машина?

– Не вижу. Стоянка закрыта деревьями. Кажется, автобус выглядывает. Едем дальше?

– Укрыться негде. Все как на ладони, – недовольно процедил Стас.

– Нет, смотри: за тем изгибом дорога закрыта зарослями. Из аэропорта ее не видно.

– А с вышки?

– С вышки они давно бы нас заметили, – махнул рукой напарник, – но кто туда полезет?

– Тогда поехали, – коротко ответил Стас, выжимая сцепление и прибавляя газ. Только сейчас он понял, что они зря опасаются – неизвестные, скорее всего, такие же бродяги, ищут способ выбраться из страны. Ничего странного, что и им пришла в голову та же идея – найти самолет и улететь.

Перед последним поворотом Стас остановил машину. Всего две недели, проведенные на территории, где нет ни властей, ни закона, а осторожность и предусмотрительность уже въелась в его плоть и кровь. Риск должен быть сведен к минимуму. Дальше выслали пешую разведку. Валера и Макс все поняли с полуслова и, не говоря ничего лишнего, побежали к повороту дороги. Может быть, все это попахивало коллективной паранойей, но только на первый взгляд. И Стас, и его товарищи прекрасно помнили ту самую заправку в пригороде Сианя и растерзанное тело англичанки, прикрученное к столу. Такое не забывается.

Пока ребята изучают в бинокли здание аэропорта и прилегающую территорию, можно перекурить. Сигаретный дым успокаивал, процесс прикуривания позволял отвлечься от проблем, переключить внимание на простые механические действия. Или вот так: выпустить струю дыма в потолок и смотреть, как плывут, кружатся воронки и наконец дым слоями растекается под потолком. А сигареты кончаются, всего три пачки осталось, – отметил про себя Стас. Надо экономить.

– Возвращаются, – констатировал Дмитрий. Действительно, ребята уже шли назад к машине.

– Ну, что там?! – прокричал, высунувшись в окошко, Станислав.

– Ничего подозрительного. Перед зданием два автобуса и несколько легковушек, у магазина стоит БТР, но давно, снегом засыпаны, – беспечно ответил Макс. По его виду легко читалось, что ничего опасного впереди нет и зря друзья осторожничают.

– Ворота на летное поле открыты, – добавил подошедший Валера, – и след идет к ним.

– По коням! – У Стаса возникло ощущение, что пока они подкрадываются к аэропорту, то, что они ищут, сейчас у них уведут изпод носа. В Китае не так уж и много частных самолетов. Особенно в провинции. На всех может не хватить.

Больше остановок не делали. Да, вокруг никаких следов присутствия человека. Машины стоят давно брошенные, крыльцо аэропорта заметено снегом, вокруг только следы животных и птиц. Лишь у ворот заметны отпечатки чьихто ног. Видно, что люди вышли из машины, открыли ворота и сели обратно в машину. След джипа прямиком, никуда не сворачивая, ведет на летное поле. Единственное опасение вызывает застывший на обочине БТР, но и он давно брошен. Даже на крыше пулеметной башни красуется птичье гнездо.

Ворвавшись налетное поле, Стас сбавил скорость и огляделся по сторонам. С тыльной стороны здание выглядело еще хуже: грязные стены, отвалившаяся штукатурка, куча мусора прямо рядом со служебным входом. Наметанный глаз сразу заметил броневик и два армейских тентованных грузовика у забора. На самом поле стоят несколько самолетов, в основном ветераны ближних линий вроде «Як42». Среди них, как породистые доги среди дворняжек, выделяются два авиалайнера: один «Боинг747» и новенький «Ту304». В самом конце ряда виднеется грузовой четырехмоторный винтовой самолет.

Увы, ни одной подходящей машины Стас не заметил. Угонять же пассажирский лайнер – равноценно самоубийству. Даже если они смогут запустить двигатели, даже если Ирина разберется с управлением и какимто чудом поднимет махину в воздух, сесть они точно не смогут. А если они не найдут нормальный малый самолет, придется искать другой аэродром. Сегодня утром Стас уже наметил на карте пару подходящих пунктов.

Следы их предшественников тянулись прямо к ангарам у противоположного края поля.

– А вот и машина! – возбужденно проорал Кочетков, тыча пальцем через лобовое стекло.

Прямо на ходу, удерживая одной рукой руль, Стас схватил бинокль. Точно, ворота второго с краю ангара открыты, и рядом с ними стоит внедорожник. Кажется, джип «Чероки».

Они не успели. Когда «КамАЗ» подъезжал к ангару, до ушей Стаса донесся приглушенный рокот авиационного мотора. Звук шел с противоположного торца ангара, выходившего на летное поле. Дмитрий, не дожидаясь, пока машина полностью остановится, выскочил из кабины и побежал вдоль стенки ангара, туда, откуда доносился рокот.

– Стой! Куда?! – Стас, рванув рычаг ручника и схватив автомат, бросился следом за товарищем. Пробежав пару метров, он остановился и обреченно махнул рукой. Опоздали! Изза ангара на поле выкатился маленький одномоторный биплан.

– Стойте!!! Подождите! – размахивал руками на бегу Дима.

Бесполезно. Самолет разгонялся прямо по заснеженному полю аэродрома. Впрочем, снега было мало, всего пара сантиметров, а местами и его не было, то тут, то там на поле темнели бетонные проплешины. Стас, не отрываясь, смотрел вслед самолету, смотрел, как тот набирал скорость, как оторвался от поля и медленно набирал высоту, удаляясь от аэродрома, пока тот не скрылся из глаз за верхушками деревьев.

– Вот и все, – прозвучал у него за спиной голос Валеры, – он взял и улетел, но обещал вернуться.

– Кто улетел?

– Карлсон.

– Карлсон?! – расхохотался во все горло Стас. Незатейливая шутка товарища пришлась как нельзя кстати. Накопившийся за последнее время стресс требовал выхода.

– Гыгыгыыыы! Карлсон! Карлсон улетел! Уахаха! – ржал Стас, ухватившись обеими руками за живот. Валера от смеха согнулся пополам и сохранял равновесие только за счет стенки ангара, о которую он опирался.

– Ребята, вам плохо? – участливо поинтересовалась Ира, приближаясь к ухахатывающейся паре.

– Да так, анекдот вспомнили, – утирая слезы, со счастливой детской улыбкой на лице произнес Стас. – Представляешь, мы столько за ним гнались, а он улетел.

– Ну, вы даете! – только и вымолвила девушка. В ее глазах легко читалась озабоченность состоянием психического здоровья спутников. Бывает, что от резкой смены настроения люди сходят с ума.

Наконец Стас и Валера выдохлись. Все накопившиеся эмоции выплеснулись наружу. Теперь пришло время спокойно приниматься за дело. Изучение брошенного джипа – это на самом деле оказался «Чероки» – ничего не дало. Мешок с продуктами на заднем сиденье, две канистры с бензином и палатка в багажнике, потрепанная карта и пара магнитофонных кассет в бардачке, да еще Леша выловил под сиденьем стреляную пистолетную гильзу. Все остальное бывшие хозяева машины забрали с собой. Судя по тому, что следы ног были только на передних ковриках, приехали два человека. Этот вывод косвенно подтверждался и вместимостью выбранного ими самолета.

– Такие же бродяги иностранцы, как мы, – подвел итог Алексей, выбираясь из джипа.

– Жаль, улетели без нас, – обреченным тоном промолвила Маша.

– Ничего. Может, оно и к лучшему. Все равно в этой птичке мы бы не

поместились, – успокоил ее Саша.

– А в этой?! – громко прозвучал звонкий голос Иры. Пока остальные изучали джип, она успела заглянуть в ангар и сейчас стояла в воротах, демонстративно уперев руки в боки.

Внутри царил полумрак, свет в ангар проникал только через грязные оконца в верхней части стен и через открытые ворота. Часть помещения была заставлена какимито ящиками, пара цистерн у левой стены, с потолочной кранбалки свисали тали. Кроме того, в середине ангара стояли два самолета. Один двухместный ветеран авиации, похожий на только что улетевший биплан, а зато второй… При виде этой машины Стас только покрутил головой и поднял вверх большой палец. Это было то, что они искали. Одномоторный «Гранд Караван», небольшой, но с просторным салоном, удобный в управлении и неприхотливый. Именно на этого красавца и показывала Ирина.

– Ну, как?

По сравнению с древним бипланом «Гранд Караван» выглядел как новая «Волга» рядом с ушастым «запором».

– А ты сможешь? – поинтересовался Валера.

– Управление у всех подобных машин одинаково. Мотор газотурбинный. Разберусь. – Внимательно разглядывавшая самолет Ира не обратила никакого внимания на сквозивший в словах Шахова неприкрытый сарказм.

– Тогда приступайте, валькирия, – отодвинув плечом Валеру, Стас подошел к Ирине и, галантно поклонившись, помог девушке подняться в кабину.

Глава 23

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ

Вечером за ужином Александер рассеянно слушал, как щебетала Джина. День сегодня был тяжелым, ни одной свободной минутки, но зато дома после работы он наслаждался уютом. Соскучившаяся по мужу супруга торопилась поделиться с ним всем, что произошло в этот день: как попала она на распродажу, как встретилась и о чем разговаривала со старой подругой, и что случилось с мистером Карпенски, и почему не приедет сестра Джулии Сара, хоть и обещала. Александер почти не слушал супругу, только изредка вставлял в разговор ничего не значащие фразы или просто междометия. Незатейливый рассказ любимой был тем самым фоном, который позволял Александеру расслабиться, почувствовать себя в родной обстановке, сбросить груз проблем и забот.

– Милый, ты меня совсем не слушаешь. О чем ты думаешь? – неожиданно заявила Джина, глядя на поглощающего соевый низкокалорийный окорок мужа. Тот чуть было не поперхнулся, но вовремя взял себя в руки.

– Любимая, ты у меня прелесть. Когда, говоришь, приезжает Сара?

– Только через неделю. Она не может взять отпуск. У их фирмы очень хорошо пошли дела, сейчас много работы, возможно, будут расширяться. Ты представляешь! Саре намекнули, что если она постарается, то может возглавить новый филиал в Мемфисе.

– Ну, тогда она вообще не приедет.

– Ты рад этому, – осуждающим тоном произнесла Джина.

Иногда слова жены заводили Александера в тупик.

– Тому, что Сара не приедет, – уточнила жена. В воздухе запахло приближающимся скандалом.

– Любимая, солнце мое, мне все равно, кто приедет. Главное – ты со мной. – Александер поцеловал руку супруги и, гладя ей прямо в глаза самым нежным, полным любви и восхищения взглядом, на который только был способен, промурлыкал: – Счастье мое, любовь моя единственная.

Беременность влияла на характер Джины, появилась раздражительность, настроение менялось двадцать раз в день. Но это было не важно. Александер любил свою избранницу, он старался вовремя уловить смену настроения супруги, остановить приближающуюся грозу и развеять ее. Для него это стало смыслом жизни. Когда Джина сердилась или обижалась, он чувствовал себя не в своей тарелке.

– Алекс, ты самый хитрый и невыносимый человек на свете. Я без тебя жить не могу.

– Любимая. – Губы супругов слились в нежном поцелуе.

Ужин был благополучно забыт. Осторожно, чтобы, не дай бог, не надавить на живот Джины, Александер подхватил жену на руки и понес в спальню.

Уже поздно вечером Александер тихонько, чтобы не разбудить жену, спустился на первый этаж и включил телевизор. Он хотел спокойно отдохнуть в одиночестве. Пробежавшись по программам, оставил какойто новостной канал. Как раз вещал Президент о чемто чрезвычайно важном и умном. К удивлению Александера, речь была грамотной, взвешенной, без ляпов и ошибок, вызывающих гомерический хохот у болееменее образованных людей. Похоже, Буш наконец удосужился поменять спичрайтера. А жаль, теперь его выступления будут гораздо скучнее.

Что же касается содержания, так это всегда был, есть и будет типичный набор фраз, стандартные призывы к нации, лукавая, малореальная, но зато правдоподобная статистика. Все то, что должно убеждать обывателей в главном – дела идут на лад, кризис прекратился, Америка твердо стоит на ногах и семимильными шагами устремилась к процветанию и благоденствию.

Пусть говорит, это лучше, чем тупые телешоу, познавательные программы для имбецилов или дебильные фильмы. Сейчас для Александера включенный телевизор был просто необходимым шумовым фоном, позволяющим чувствовать себя в полном одиночестве в уютной домашней обстановке. На первом этаже дома не было никого, охрану Александер отпустил, а Джина мирно спала наверху, утомившись после разнообразной и взаимно приятной программы, которую они крутили целый вечер. При мыслях о жене губы Александера тронула легкая улыбка. Пусть спит, сейчас ей нужно хорошо высыпаться, гулять на свежем воздухе и придерживаться специальной диеты. Рождение ребенка – дело серьезное.

Самому Александеру спать не хотелось. Лучше вот так сидеть на диване, смотреть на рожу техасца и неторопливо потягивать мультивитаминный сок. Иногда надо расслабляться. Нельзя все время работать. Идиллию, как обычно, разрушил телефонный звонок. Судя по мелодии, звучал «Реквием» Моцарта, звонили с работы. Александер недовольно поморщился, покосился в сторону тумбочки, где трезвонил мобильник. Вдруг сам заткнется? Нет, не заткнулся, чуда не произошло. Пришлось подняться с дивана и идти к аппарату.

– Да, слушаю.

– Добрый вечер! Извини, поздно звоню, – прозвучал бодрый голос Страйка Сильвера, первого зама шефа.

– Ничего, я не сплю. Что случилось?

– Возникла сложность. Из Югославии высылают троих наших сотрудников.

– Ясно. Провал серьезный? – Александер внутренне напрягся, так всегда бывало, когда он чувствовал приближение неприятностей. В голове у него закрутились варианты развития событий и возможные последствия. Высылка работавших под дипломатическим прикрытием агентов могла быть связана с недавней задачей – собрать материал по русским военным базам Батайница и Приштина. По косвенным данным, русские начали работы по расширению этих авиабаз с учетом возможности приема тяжелых бомбардировщиков. Что не могло не вызвать интерес ЦРУ. Но вопрос не только в причине, но и в последствиях высылки.

– Да, проблема серьезная, – подтвердил опасения Александера Страйк, – есть основания считать, что это только одно звено из цепи ожидающих нас провалов. ГРУ серьезно взялось за зачистку Восточной Европы.

– Я понял. Что будем делать?

– Работать. Завтра ровно в восемь собираемся у Майкла. Не забудь подготовиться.

– Хорошо. Утром поговорим. Всего доброго. – Выключив телефон, Александер подмигнул своему отражению в зеркале. Он был раздражен. Работа упрямо не желала давать ему ни минуты свободного времени, ни секунды отдыха.

– А что я теряю? Все это ерунда! – вслух заявил Александер, подойдя к бару и скептически обозревая батарею разнокалиберных бутылок. Неплохой выбор. Пожалуй, стоит сегодня промочить горло. Выбрав початую бутылку бренди, он набулькал себе в стакан немного напитка и потянул носом аромат. Здорово, черт побери! Напиток и на вкус оказался неплох. Огненный, ароматный комок прокатился по горлу и растекся по телу теплом. Неприятные мысли исчезли, остался только благодушный, расслабляющий настрой. К черту проблемы! На это есть утро.

Вернувшись на диван, Александер поднял пульт и выключил телевизор. Надоело! Лучше побыть в тишине. Но, несмотря на добрый глоток старого бренди, на душе было неспокойно. Явно ощущался дискомфорт. Александер чегото хотел, к чемуто стремился, но сам не знал к чему. Как будто он забыл и не может вспомнить, к чему именно. Это мучило, напоминало о себе, не давало расслабиться.

Александер заложил руки за голову и уставился в потолок. Если трезво поразмыслить, он многого добился в этой жизни. Почти все кредиты выплачены, хороший дом в престижном районе, на банковских счетах немаленькие суммы, личный бизнес оценивается уже в пять десятков миллионов баксов, женился на любимой женщине, скоро будет ребенок. На работе дела идут великолепно, блестящая карьера, знакомства с нужными людьми, участие в очень выгодных и перспективных проектах. Жизнь сложилась удачно, и будущее представляется только в радужных тонах.

Он все делал правильно. Практически ни одной серьезной ошибки, если не считать подцепленного еще в университете триппера. Давно вылеченного, естественно. Но сейчас Александер чувствовал глухое раздражение. Он совершил ошибку, серьезную ошибку, и не знал, где именно. Жизнь приучила его доверять своим предчувствиям, они не обманывают. В поисках ответа он попытался проанализировать основные события последних месяцев. Нет, не помогает. Ни одной ошибки, была пара мелочей, но это не так важно, никакими последствиями они не грозят.

Наконец, устав от бессмысленных размышлений, Александер стукнул кулаком по подлокотнику, вскочил на ноги и направился к бару. Надо выпить! Дверца была уже открыта, рука сама потянулась к бренди, но взгляд неожиданно наткнулся на скромно прячущуюся в глубине бара бутылку шотландского виски. Простая бутылка, скромная этикетка, гласящая, что виски произведено в поселке Кирк на Оркнейских островах. Там у них в каждой деревеньке по заводику. Александер вспомнил, что эту бутылку ему подарил Рон Кейс, это было два года назад.

Интересно, а как сейчас поживает Рон? Александер вспомнил этого молодого чудаковатого внештатного сотрудника из СентЛуиса. Точнее говоря, Рон никогда не подозревал, что его используют спецслужбы. Это был либерал до мозга костей, искренне уверенный, что стоит всем дать свободы, сколько они захотят, запретить любые притеснения любых меньшинств, строго наказывать за малейшие нарушения свобод и прав – и на Земле установится Царствие Божие.

Интересный человек, посвоему неглупый, вот только, как и все подобные мечтатели, страшно наивный. Он добровольно участвовал в одном проекте, направленном на пропаганду в СССР прав и свобод сексуальных меньшинств и развитие национального самосознания малых народов, вплоть до их права на отделение. Пару раз ездил в Союз, на деньги ЦРУ (сам Рон об этом не догадывался), немного говорил порусски и контактировал с правозащитными организациями в СССР. С Александером он познакомился на одном из форумов либералов. Тогда Александер

выступал под прикрытием второстепенного фонда Фирмы и курировал выделение средств на поддержание правозащитной деятельности в России.

Неожиданно для Александера Рон ему понравился, пусть и придурок по жизни, но при этом неплохой и искренний человек. Таких лучше держать в друзьях и нацеливать на поиск врагов демократии и либерализма за пределами своего отечества, иначе… Иначе они с таким же азартом обрушиваются на собственное государство и поднимают шум по любому поводу, если им кажется, что реальная жизнь отличается от их идеалов.

Самым интересным было то, что Рон Кейс не только афишировал толерантность, но при этом и сам соответствовал своим идеалам, он даже был женат на негритянке и понастоящему любил ее. Далеко не рядовой случай, несмотря на всю пропаганду политкорректности и терпимости в США. Два года назад у них родился мальчик, унаследовавший черную кожу и курчавые волосы от мамы и нос горбинкой и большие выразительные глаза – от папы.

Александер прикинул по памяти, как сейчас обстоят дела в СентЛуисе. Да, лихорадка Шилдмана там пока не свирепствует, есть все шансы, что жена и сын Рона еще живы и даже не заболели. Значит, надо завтра же лететь в СентЛуис. В рабочем столе Александера лежали несколько ампул вакцины. Личный запас – на всякий пожарный. Пусть эффективность вакцины и невелика, но все равно есть шанс сделать хорошее дело – спасти жену и ребенка Рона. Именно в этот момент Александер понял, что его беспокоило. Он слишком долго жил только для себя, тогда как иногда надо бесплатно делать добро и другим.

За окном открывался радующий глаз вид на строящуюся военную базу. Свежеуложенный бетон самолетных стоянок, деловито снующие грузовики, возвышающийся над возводимым ангаром автомобильный кран. Кругом муравьиная суета, везде белые каски регулировщиков, грохот строительной техники. Несмотря на сыплющий с затянутого свинцовыми тучами неба дождик, настроение у Стива Грегори было приподнятым.

– Что скажешь, скоро они полеты разрешат? – Пол Шарапоф бесцеремонно хлопнул Стива по плечу. Тот никак не отреагировал на такое проявление эмоций зама.

– Могут и завтра. Полоса у них готова, даже транспортники уже принимают.

– Превосходно! Я уже устал на земле штаны протирать. Скорее бы в небо, – мечтательно протянул Пол.

– Лучше технику проверь. Смотри, чтоб все было в ажуре.

– Есть, сэр! – шутовски вытянулся Шарапоф, картинно щелкая

каблуками. – Все в порядке. Ребята уже собрали все «F16». Сейчас «Игл» до ума доводят. Я только что от техников.

– Что Майкл говорит?

– Обещает, утром все машины будут готовы к вылету.

– Молодцы! – Лицо Стива расплылось в широкой голливудской улыбке. Он чувствовал, что опять возвращаются старые добрые времена. Времена могучей Империи, держащей половину мира в тисках своих баз и не жалеющей керосина и снарядов для своих летчиков. Сейчас он воочию мог оценить – слухи о гибели Америки несколько преувеличены.

Всего четыре дня назад Отдельная Разведывательная Эскадрилья болталась на Филиппинах, и вдруг приказ из штаба, экстренная переброска морем на новую базу под Сингапуром. Подумать только – новая база! И откуда что взялось? Стив оценил масштабы планов командования. Строились с размахом, так, чтобы утвердиться надолго. Удачное место на полуострове, большая территория, удобная гавань, два аэродрома строятся: военный и для транспортной авиации.

Возведение базы началось всего две недели назад, а сколько уже успели сделать. Военные строители работают в три смены без перерыва, возводятся причалы, склады, пакгаузы, дороги, жилье, ангары, узлы связи и управления. По периметру базы расчищена окружающая местность, оборудованы позиции зенитных комплексов, саперы восстановили мосты на основных дорогах. Расположившись на лестничной площадке только позавчера построенной казармы, Стив имел возможность наблюдать за работой на монтаже котельной комплекса аэродромного обслуживания. Рядом собирают два ангара. А вплотную к казарме пристраивают еще один жилой блок. Кругом суета, шум машин, грохот компрессоров и перфораторов, яркие вспышки сварки. Колонны грузовиков снуют между разгружающимися в гавани судами и складами на территории базы.

Работа четко скоординирована, ведется по плану, все согласовано, всем всего хватает. Да, снабжение теперь на высшем уровне. Стив успел отметить, что даже разгрузка судов идет точно по заранее разработанным графикам, без сбоев и привычных при таком аврале накладок. Выгружается то, что необходимо в первую очередь. Монтаж базы идет с колес. Штабы не забыли ни одной мелочи. Все рассчитано по минутам.

Понаблюдав за работой строителей, Стив получил все основания считать, что уже завтра он поведет звено на патрулирование. Ему в неофициальной беседе намекнули, что пора восстанавливать форму летчиков, не забывать о тренировках. Время дефицита и экономии можно забыть, как страшный сон. А это значит: летать, летать и летать!

– Живем! – улыбнулся Стив и тут же со страдальческой гримасой на лице стиснул уши ладонями. Мимо казармы по летному полю, жизнеутверждающе ревя всеми четырьмя двигателями, выкатывался тяжелый транспортник.

– Я пойду в ангар!!! – наклонившись к Стиву, проорал Пол.

Стив в ответ только моргнул и скатился по лестнице на первый этаж. Нет, выдержать этот рев невозможно. Так и оглохнуть недолго. Он вспомнил, что надо смотаться в гавань, в штаб выгрузки, поругаться с интендантом по поводу запаздывающих боеприпасов и заправочного оборудования, заодно состыковаться со службой обеспечения полетов, уточнить рабочие частоты аэродромных радаров (хотя нет, их еще не смонтировали). Зайти к генералу Варлингтону за полетным заданием на завтра. Дел много – только успевай поворачиваться. Это и хорошо, Стив сейчас чувствовал себя как старый боевой конь, застоявшийся в конюшне и наконецто услышавший голос боевого рога.

Уже поздно вечером, успев переделать все запланированные на сегодня дела, Стив Грегори заглянул в облюбованный его ребятами 16й ангар. Несмотря на позднее время, весь контингент – и летчики, и техники – был на месте. Кто доводил монтаж гордости эскадрильи новенького двухместного «F15E», кто тестировал системы остальных машин, кто помогал разгружать доставленные из гавани ракеты и снарядные ящики. Распоряжались здесь Пол Шарапоф и Майкл Дональд, худощавый, очкастый старший техник эскадрильи.

– Навались, парни! И раз, и два! – доносилось со стороны стеллажей. Оба подъемника были заняты, тяжелые ракеты приходилось кантовать по старинке, с помощью ручных талей и ломов.

– Как дела? – Стив заглянул в монтажный люк «F15», откуда звучала приглушенная ругань Майкла. Разговор в машине стих, затем послышалось шуршание, звон падения чегото металлического, и из люка высунулась перемазанная смазкой и графитом физиономия техника.

– Работаем, командир.

– Вижу, что работаете. Когда «птичку» можно будет поднять в воздух?

– Завтра к обеду, не раньше.

– Обещал же сегодня?

– Гидравлика подтекает, приводы рулей надо перебирать, элероны и закрылки еще не настроены, – перечислял Майкл.

– Ясно. Чтонибудь нужно? Всего хватает?

– Командир, – приблизился к Стиву хитровато прищурившийся Билл, – как насчет пивка? По баночке на брата? А то ребята притомились, весь день

не разгибая спины вкалывают.

– Притомились, говоришь? Ладно. – Стив отвернулся от техника и, сунув руки в карманы, направился к контейнерам, громоздившимся у задней стены.

– Парни, подсобите! – Пройдясь вдоль пирамиды, Стив выбрал один ящик, как назло, находившийся на высоте девяти футов от пола.

Помощники нашлись быстро. Ребята аккуратно опустили тяжелый ящик с ремкомплектом на пол и открыли. Стив запустил руки внутрь и принялся там копаться. Наконец он извлек на свет патрубок охлаждения турбины и с видом заправского фокусника разобрал его. В руках Стива оказалась бутылка виски.

– Вау! Ну, майор дает!

– Ты настоящий командир, всегда знаешь, что людям надо.

– Парни, у кого был стаканчик?

– А содовой случайно нет?

– Какая тебе содовая? Всегото на мизинец достанется.

Ребята собрались в кружок вокруг командира. Даже Майкл вылез из истребителя и присоединился к товарищам. Появились пластиковые стаканчики. Досталось всем, никто не ушел, не причастившись «живой водой».

– Парни, не расслабляться. – Стив напустил на себя серьезный вид. – Завтра полеты. Построение в 8.00. Пойдут четыре машины. Ты, ты и, – Стив обвел взглядом окруживших его плотным кольцом ребят, выискивая Марка, – и ты.

– А кто четвертый?

– Первым буду я. Всем понятно?

– Понятно. Командир, какова задача?

– Патрулирование пролива и окружающей базу акватории, разведка и обнаружение любых признаков жизни на полуострове. Будем осматриваться и обживать район.

– А остальные? – задал интересовавший всех летчиков вопрос Джордж.

– Остальные пока остаются на земле. Чтоб все блестело, машины были в идеальном состоянии, ангары, склады, площадки готовьте, как на парад. И не расстраивайтесь, – смягчил тон Стив, – послезавтра еще четверка пойдет. Полеты каждый день будут. Про экономию топлива можете забыть.

Ответом ему был радостный рев летчиков. По небу соскучились все.

Пара истребителей скользила над облачным слоем. Внизу, от горизонта до горизонта, раскинулась клубящаяся пелена, вокруг синело прозрачное

небо, а сверху сквозь блистер кабины светило солнце. Необычайной красоты картина – казалось, что самолеты летят над сказочной страной, не отмеченной ни на одной карте в мире.

Стив скосил глаза на приборную панель: высота 15000 футов, скорость 340 узлов, курс чистый норд, все в норме, двигатель работает как часы, все системы исправны. На радаре чисто, ничего постороннего. А если повернуть голову налево, виден «F16» Рона, чуть позади ведущего, идет хорошо. Дистанцию выдерживает, не зря Стив взял его в этот полет. Молодец парень, один из лучших летчиков эскадрильи.

На двадцать градусов на восток на радаре появилась отметка. Кажется, это судно, держит узлов десять, идет вдоль полуострова в залив. Стив ткнул пальцем в кнопку связи с центром управления полетами.

– Риелтор, докладывает Беркут1. Наблюдаю на радаре неизвестное судно. Разрешите проверить?

– Проверяйте, Беркут, но не увлекайтесь, – немедленно ответила земля. – Удачи!

Взгляд на приборы GPS, еще раз определиться в пространстве, ручку управления в сторону и немного добавить тягу двигателю. Стив действовал, не задумываясь, все давно уже отработано до автоматизма, в бою нет времени вспоминать, как нужно управлять самолетом. Машина послушно легла на новый курс. Ведомый синхронно повторил все действия Стива. Со стороны могло показаться, что оба самолета связаны незримой нитью. Годы тренировок дают о себе знать. Летчики понимали друг друга даже не с полуслова, а с полудвижения рулями.

Стив ничего не ждал от встречи с неизвестным судном. Обычное задание по патрулированию пространства, обычный тренировочный полет. Как вчера напомнили в штабе, цель вылета – освоить район и продемонстрировать свое присутствие, не больше. Новая военновоздушная база США действует, надо застолбить территорию, показать, кто здесь теперь хозяин. Современный мир стремительно меняется, казавшиеся еще вчера незыблемыми границы стерты, баланс нарушен, ранее густонаселенные земли превращаются в безлюдные джунгли. А значит, надо брать под свой контроль освобождающиеся территории, оседлывать основные транспортные маршруты и узловые точки планеты. Район Сингапура, уже бывшего Сингапура, и Малаккский пролив, безусловно, являлись такой стратегической точкой.

Дистанция до цели 80 миль. Снижаться пока рано, Стив решил идти над облаками почти до самой цели и только затем внезапно спикировать и пройти прямо над палубой судна. Так будет интереснее, пусть моряки

знают, что у этого района появился хозяин. В том, что судно не американское, Стив был уверен – в противном случае его бы предупредил Риелтор.

– Беркут1, уточните принадлежность неизвестного судна, – это опять земля запрашивает.

– Понял, пока держу курс на сближение. Дистанция, – Стив бросил короткий взгляд на приборы, – 72 мили.

Истребитель шел новым курсом, прямо к расчетной точке встречи с судном. Из кабины самолета ничего не было видно, никаких ориентиров, ну, разве что солнце. А кто в наше время умеет ориентироваться по солнцу? Практически никто. В наше время это и не нужно, есть приборы, позволяющие определять свои координаты с точностью до метра, есть радиомаяки и навигационные приборы. Сейчас пара «F16» шла над морем, над сплошным слоем облаков, но летчики не боялись заблудиться, они знали, что приборы смогут вывести их в любую точку. Лишь бы керосина хватило.

Стив Грегори любил свою машину. Небольшой, одномоторный, но хорошо вооруженный и оснащенный «F16» «Сокол» по праву считался одним из лучших истребителей для завоевания господства в воздухе. Также он подходил для ведения разведки и решения ударных задач. Самое главное, он был недорогим и простым в пилотировании. Мог работать и с полевых аэродромов.

Уже прошло десять минут с момента обнаружения судна. Судя по показаниям радара, корабль шел прежним курсом, прямиком в сторону Сиамского залива. Интересно, что ему там понадобилось? Может быть, в другое время Стива и заинтересовал бы этот вопрос, но времени на отвлеченные размышления не было. Дистанция сократилась до оптимальной. Еще раз проверить приборы. Ручку от себя. Самолет клюнул носом, стрелка альтиметра прыгнула и пошла влево. Облачная долина внизу поднялась вертикально и понеслась навстречу Стиву. Летчик вздрогнул, когда вокруг потемнело и за остеклением фонаря замелькали туманные разводы. Машина шла через облака. Впрочем, длилось это считаные секунды, пробив густую пелену, самолет выровнялся, подчиняясь воле Стива, и лег в горизонтальный полет.

Высота 500 футов. Внизу, под крылом самолета, идет сухогруз. Истребитель вышел из пике прямо над его палубой. Идеальный расчет. Проскочив над кораблем, Стив положил машину в правый вираж. Сейчас судно шло в полутора милях от истребителя. Крупный сухогруз, Стив успел определить его тип, водоизмещением примерно в 15 тысяч бруттотонн.

Сидит глубоко, значит, загружен полностью. На палубе и надстройке ни души. По идее, с ревом свалившаяся прямо с неба пара самолетов с белыми звездами на крыльях должна была вызвать интерес команды. Но нет, никаких следов жизни. Судно лежит на прежнем курсе: северозапад, скорость не снижает, над трубами вьется слабенький белый дымок.

Острый глаз Стива заметил, что по правому борту шлюпок меньше, чем должно быть, грузовые стрелы массивной трехногой гротмачты опущены до самой палубы, на полубаке небрежно брошен брезент. Национального флага и каких бы то ни было других флажных сигналов, нет. Ходовые огни не горят. Стоп! – в душу Стива закралось сомнение: а все ли в порядке?

Еще раз облететь вокруг судна. Сбавить скорость до 150 узлов, высоту снизить до 100 футов и пройти почти у самого борта. Сложный маневр, доступный не каждому летчику, Стив Грегори совершил его на автомате, не задумываясь. В это время его глаза, не отрываясь, смотрели на корабль. Он отметил разбитые стекла на втором ярусе надстройки, неряшливо брошенные на палубе канаты, поврежденную обшивку грузового контейнера на палубе, свернутый набок пеленгатор.

Похоже, корабль побывал в неплохой переделке. Шторм? Возможно. Но почему нет людей? Стив не мог найти ответ на этот вопрос. Возможно, он наблюдает корабльпризрак, судно с командой мертвецов. В последнее время такое встречалось часто, особенно в южных морях. Лихорадка Шилдмана порою за пару дней выкашивала команду. Но тогда необъяснимо отсутствие национального флага. Ладно, пилот свое дело сделал, надо доложить ситуацию Посту Управления.

– Риелтор, наблюдаю судно в прямой видимости. Сухогруз в 15 тысяч бруттотонн, опознать не могу, флага нет, людей на палубе не наблюдаю, – сухо продиктовал Стив.

– Понял вас, Беркут1. – Земля на полминуты задержалась с ответом: – Уточните координаты и курс неизвестного. Возвращайтесь к патрулированию. Как поняли?

– Понял вас. Возвращаюсь к патрулированию, примите координаты.

Глава 24

ВРЕМЯ ЖИТЬ

«По сообщениям нашего корреспондента, ситуация в Чите за прошедшую ночь нормализовалась. Город возвращается к нормальной жизни. Организаторы беспорядков задержаны, и им предъявлены обвинения в злостном хулиганстве, нанесении материального ущерба и разжигании национальной розни. На улицах восстановлен порядок. Милицией и народными дружинами осуществляется патрулирование.

Напоминаем, вчера по городу прокатилась волна стихийных митингов. Вышедшие на улицу люди требовали разрешить им покидать город или предоставить возможность уехать в западные районы СССР. Выступившие перед гражданами председатель горсовета А. С. Козлов и начальник ГУВД МВД полковник Е. Г. Зиновьев объяснили, что не имеют права позволить нарушать карантинный режим до официального оповещения об отмене чрезвычайного положения в городе и области. Также товарищ Козлов попросил сограждан разойтись по домам и не мешать сотрудникам МЧС и военнослужащим ВВ обеспечивать карантинный режим.

В то же время, воспользовавшись митингами трудящихся, группы экстремистски настроенной молодежи, в основном бурятской и тувинской национальностей, попытались прорваться через санитарные кордоны. После того как эта попытка провалилась, хулиганы отправились бить стекла в магазинах и поджигать автомашины на улицах города. При этом звучали призывы к межнациональной розни и свержению конституционного строя. Погромщики выкрикивали лозунги: «Русские, вон из Сибири!», «Тайга – бурятам!», «Верните народу водку!».

Сотрудники милиции с помощью сознательных граждан пресекли бесчинства хулиганов, разогнали погромщиков. Зачинщики беспорядков задержаны. Всего в результате эксцессов пострадало 39 граждан…»

Павел Николаевич отложил в сторону газету и повернулся к Вячеславу Ивановичу Трубачеву.

– Что скажешь?

– Нечего здесь говорить, – пожал плечами председатель КГБ, – карантин на полстраны, вся Сибирь колючей проволокой опутана, города и поселки изолированы. Естественно, недовольство зреет и изредка прорывается наружу. Люди считают, что мы нарушаем их права, не даем видеться с близкими. Подобные эксцессы есть и будут, мы физически не можем их предотвратить.

– Это мне понятно. Никто тебя и твоих комитетчиков не обвиняет, – миролюбиво отозвался Шумилов, – ты мне лучше вот что скажи: сколько у нас народу осталось в Китае, Индонезии и прочих Африках?

– В Китае сейчас 38 человек. Вызволить не можем, застряли в центральных районах. По данным МИДа, две группы, всего 12 человек, прорываются к границе своим ходом. Об их судьбе ничего сказать не могу, связи нет. Девять – находятся в Тибете, район спокойный. Мы готовим спасательную операцию. Местонахождение еще семнадцати человек неизвестно. В Индонезии и Океании никого не осталось. Из Малайзии 6 декабря эвакуировали последнюю группу. И в Африке пять человек застряли, мы их ищем, подключили американцев.

– Занимаетесь поисками. Это хорошо. Сможете спасти?

– Шансов мало. Там такой бордель творится, мы даже не знаем, кто еще жив остался. – Кислое выражение лица Трубачева и опущенные глаза лучше всяких слов говорили, что реальные шансы на спасение очень малы.

– Павел Николаевич, – комитетчик повернулся лицом к премьеру, – у нас проблема появилась. Надо обсудить. В Средней Азии «Демиург» идет с опережением графика. Маховик операции самопроизвольно раскручивается.

– С кандидатурами на троны уже определились? Когда утверждать будете? – Шумилов раздраженно массировал ладонями виски. Он сегодня с самого утра не отрывался от письменного стола, а работы меньше не стало. Опять придется допоздна засиживаться.

– Вы меня не поняли, – терпеливо, по слогам повторил председатель КГБ, – процесс начал выходить изпод контроля.

– Так. Продолжайте.

– Все последние эксцессы в Караганде, Оше, Ташкенте, Ашхабаде и Ургенче не были нами санкционированы. Националисты слишком быстро перешли от подпольнолатентной фазы к активным уличным действиям. Несколько представителей исламского духовенства выступили с проповедью шариата. Мы это вообще не вводили в схему операции.

– Почему так получилось? – Шумилову не хотелось забивать себе голову еще и этими проблемами, но приходится. Трубачев пришел именно к нему, а не к Верховному, значит, надеется на помощь. Или просто хочет разделить ответственность?

– Ошибки планировщиков, – нехотя признался Трубачев, – и общая нестабильность в стране. Мы забыли ввести поправку на карантин, а он сильно повлиял на настроения людей. Имеется рост сепаратистских и изоляционистских настроений.

– Сколько человек пострадало в беспорядках? – Внешне Шумилов сдерживался, старался не выплескивать эмоции, но внутри у него все кипело. Он и так согласился на отделение нескольких регионов только после заверений Бугрова и Трубачева в том, что все будет сделано аккуратно, по плану и без крови.

– Пятеро убито, еще 46 человек попали в больницы. – Вячеслав Иванович чувствовал настроение премьера и старался говорить ровным деловым тоном.

Шумилов, услышав цифры, только вздохнул и закрыл глаза. Он последние недели практически не обращал внимания на то, что творится в Закавказье и Средней Азии. Оказалось – зря. Следовало внимательнее читать отчеты.

– Хорошо. Давайте свои выкладки, и поедем к Верховному. – Павел Николаевич принял решение. Если КГБ дал маху, то пусть оправдываются перед Бугровым, нечего их баловать.

– Сегодня? – поинтересовался Трубачев.

– Прямо сейчас.

– Я готов.

– Подождите, сначала в двух словах, что собираетесь делать?

Гэбист отложил в сторону папку, которую с начала разговора держал на коленях, и, сцепив пальцы перед собой, стал излагать ситуацию:

– Сейчас в регионе действует созданное отчасти по нашей инициативе, отчасти в качестве ответа на рост национализма в Туркмении и Узбекистане общественное движение «За возвращение на землю предков». Как явствует из названия, целью движения является возвращение всех, кто приехал в Азию в прошлом веке, обратно в Россию. Мы поддерживаем движение финансами и помогаем вести агитацию. На сегодня почти тридцать тысяч семей уже уехали в Россию и Украину.

В Киргизии, изза санитарных мероприятий, схема «Демиурга» скорректирована. Мы не можем раскачивать местных националистов, но зато под видом защиты от эпидемии вывозим славянское население.

– Сколько вывезли?

– Сорок восемь тысяч человек, – ни на секунду не задумавшись, ответил Трубачев. Видно было, что он хорошо подготовился к разговору, все цифры помнит.

– В остальных республиках отмечается лишь увеличение направления и интенсивности среднестатических миграционных потоков. Людям сложно продавать имущество и квартиры как изза низкого уровня цен в регионе, так и по причине недружелюбия коренных жителей. Уже звучат

лозунги «Не покупать ничего у русских, все равно все достанется местным националистам». А компенсационные механизмы пока не задействованы.

– Как я помню, фонды и структуры распределения должны быть созданы только в январе? – Имелись в виду специальные программы по переселению людей в регионы с нехваткой рабочей силы.

– Это по первоначальному плану. Сейчас нам жизненно необходимо ускорить их создание.

– Опять деньги! – невольно вырвалось у Шумилова.

– Я понимаю, – кивнул Трубачев, – сейчас я собираюсь вернуть процесс под контроль, но придется ужать графики. Мы усиливаем информационную кампанию в прессе, искусственно нагнетаем напряженность в регионе и тем самым увеличиваем миграцию. Таким образом не позволяем националистам опередить нас и почувствовать себя хозяевами положения.

– Игра на опережение?

– Да, только так мы избежим бунтов и массовых беспорядков. Через десять дней, к двадцать пятому декабря, может быть, раньше, мои люди убедительно пригласят в Москву лидеров наиболее влиятельных движений сепаратистов и кандидатов в будущие ханы. Будем торговаться.

– Торговаться не будем, – сказал, словно отрубил, премьер, – поставим им условия и заставим выполнить.

– Пряник отменяется? – удивленно поднял брови Трубачев.

– Пряником будет власть в новых суверенитетах и спокойная жизнь без внеплановых визитов миротворцев. Это они должны запомнить.

– Это подразумевалось, но лучше дать им приманку пожирнее, вроде иллюзий полновластия в своих ханствах. А потом уже заставить платить за эти иллюзии.

– Нам важнее вывезти людей, и чтоб без эксцессов.

– Это будет первым условием, – улыбнулся Трубачев. В этом вопросе он прекрасно понимал Шумилова, полностью был на его стороне. – Я лично заставлю местных ханов и баев выкупать имущество беженцев и оплачивать их переезд.

– Можно на это дело даже кредит дать, – буквально расцвел в улыбке Председатель Совета Министров. Это была его стихия, он уже заранее все просчитал и даже знал, как «новые суверенитеты» будут расплачиваться за кредиты.

– Хорошо. Едем к товарищу Бугрову. – Шумилов повернулся к селектору и нажал вызов: – Пожалуйста, приготовьте машину и охрану предупредите. Еду на Рублевку.

Загородный дом Верховного не отличался особой роскошью. Внешней отделкой он уступал многим особнякам новых русских и директоров советских концернов, но зато выигрывал уютом и большой территорией с настоящим сосновым бором. Внешне это был двухэтажный кирпичный дом с мансардой, гаражами во дворе и парой деревянных флигелей в дальнем конце парка.

Внутренняя отделка выполнялась под личным надзором Елены Бугровой и отличалась консервативностью. Никаких жидких обоев, пластиковых плинтусов и прочей синтетики, потолки обычные без аляповатой лепнины, словом, интерьер без дизайнерских извращений и постмодернизма в модном стиле «сумасшедшего инженера». Нормальное жилье преуспевающего человека с устоявшимся вкусом. Светлые стены, беленые потолки, дубовый паркет в комнатах и керамогранит в вестибюле и подсобных помещениях, пейзажи известных художников на стенах гостиной, добротная деревянная мебель из серийных каталогов Белозерской фабрики.

Когда Шумилов и Трубачев вышли из здания Совмина, машина уже ждала их у подъезда. В вестибюле к ним присоединился Аркадий, готовый в любой момент прикрыть шефа и парировать любую возможную опасность. На улице светило солнце, над головой синело безоблачное небо. Но Шумилову сегодня было не до щедрот природы. Быстро сбежав по лестнице, он запрыгнул в машину.

– Добрый день, Миша. Поехали за город к Верховному.

Машин на улицах было много, как раз обеденное время, но Миша, включив мигалку, быстро проскочил через город и вырулил на МКАД. Благодаря милицейской рации и специальной диспетчерской службе водители кремлевского гаража всегда заранее предупреждались о пробках и получали рекомендации по наиболее оптимальным маршрутам движения. Покинув Москву, черный «ЗИЛ» на пятнадцатом километре от МКАД повернул направо. Еще три километра по местной дороге, и впереди выросли ворота бугровской дачи.

Тяжелые бронированные створки ворот плавно уползли в стены, пропуская «ЗИЛ». Водитель приветливо махнул рукой ребятам в камуфляже у ворот. В последние дни Шумилов здесь бывал регулярно, охрана уже привыкла к его визитам и начала немного расхолаживаться.

– Приехали, Павел Николаевич, – водитель остановил машину прямо у крыльца.

Не успел Шумилов выйти из «ЗИЛа», как на него неизвестно откуда налетел шерстяной вихрь. Здоровенный кавказец уперся лапами в плечи

гостя и попытался лизнуть в лицо.

– Тихо, морда звериная! – охнул Павел Николаевич, пытаясь отклеиться от дверцы и одновременно отпихнуть от себя собаку. Когда на тебя прыгает почти шестьдесят килограммов живого веса, тяжело устоять на ногах.

– Фу, Берг! Фу! Сидеть! – сплевывая шерсть, скомандовал Шумилов. – Вот такто лучше.

– Любит он вас, – улыбнулся Трубачев, предусмотрительно выходя из машины последним.

Телохранитель Шумилова Аркадий попытался было взять Берга за ошейник, но в нерешительности остановился, предупрежденный глухим рычанием. Любимец Верховного прекрасно знал, кому что можно позволить. Если Шумилов был другом хозяина, то все прочие проходили по разряду посторонних, а значит – покушение на свободу собаки с их стороны воспринималось однозначно, и реакция Берга полностью соответствовала статье Уголовного кодекса о необходимой самообороне в той самой части, что касалась незаконного проникновения в жилище.

– Аркадий, ты прекрасно знаешь – он чужих не любит. Зачем дразнишь?

Охранник отступил в сторону, пропуская вперед Шумилова и не сводя при этом глаз с собаки.

– Пошли в дом. Берг, сидеть!

Пес, склонив голову набок и высунув язык, проследил, как люди вошли в дверь, а затем поднялся на все четыре лапы, отряхнулся и потрусил в парк. В такой прекрасный солнечный денек не грех поноситься между деревьями и погонять ворон.

Арсений Бугров, заслышав шум машины, спустился вниз и встречал гостей в холе.

– Проходите, очень рад! Как раз к обеду. Молодцы! – После болезни Верховный выглядел похудевшим, черты лица заострились, но в глазах горел все тот же неукротимый жизнерадостный огонек.

– Добрый день! Как дела?

– Здравствуйте, Арсений Степанович, мы буквально на полчаса, – улыбнулся Трубачев.

– Никаких разговоров. Все за стол! – пробасил Верховный, сжимая ладонь комитетчика. – И не думай отказываться. Мне врачи запрещают режим нарушать.

– Арсений Степанович!

– Никаких! Будь что чрезвычайное, ты по телефону позвонил бы.

Совсем без меня разбаловались! – притворно насупил брови Верховный.

– Как самочувствие? – вежливо поинтересовался Шумилов, бросая плащ на вешалку.

– Нормально, через неделю можно будет в Кремль перебираться. Небось вы там без меня совсем зашились. Или наоборот? – с хитроватой улыбкой на лице ответил Бугров. Все понимали, что он лукавит. Несмотря на запреты врачей, Верховный давно уже работал в полную силу. Практически с момента объявления чрезвычайного положения он вернулся к исполнению своих обязанностей. Только работал дома, а не в Кремле. Поэтому поездки, визиты, официальные приемы, совещания легли на плечи Шумилова, безропотно взвалившего вдобавок к своим делам еще и эту обузу. Подругому и быть не могло – заместитель должен, и все тут.

За обедом никаких деловых разговоров не велось. Шумилова, попытавшегося было вспомнить о предстоящем визите президента Болгарии, Трубачев вежливо толкнул ногой в колено. Дескать, всему свое время. Обеденный стол располагался прямо у окна, выходившего в парк. Отсюда открывался прекрасный вид на зимний лес.

– Смотри, как радуется. – Трубачев ткнул вилкой в сторону окна, туда, где между деревьями носился Берг.

– Самое время для прогулок, – согласился Бугров, – я сегодня утром на лыжах десяток километров отмахал.

– Завидую, – отозвался Шумилов, – а я собираюсь на рыбалку, если опять текучка не задавит.

– Так лед же еще тонкий.

– Ничего, я на морскую рыбалку. Надо в Мурманск слетать, заодно и с удочкой посижу.

– Понятно. У меня послезавтра Вовка приезжает, – вспомнил Арсений Степанович, на секунду отрываясь от горячего борща.

– Он у тебя, кажется, в Приднестровье служит?

– Да, 14я армия, Тирасполь. Недавно подполковника получил.

– Поздравляю, – совершенно серьезным тоном произнес Трубачев, – надеюсь, теперь парень научился смотреть, куда стреляет, – добавил он, напоминая товарищам про случившуюся прошлым летом в Анголе историю с командиром танкового батальона майором Владимиром Бугровым.

В принципе рядовое событие: во время проведения операции по разгрому группировки УНИТА, один комбаттанкист не разобрался в обстановке и провел свой батальон развернутым строем прямо через поселок, до этого момента считавшийся поддерживающим правительство.

Что там было на самом деле, сейчас не понять, действительно какието местные идиоты стреляли в сторону танков из гранатомета и винтовок, или майору и его людям показалось, разбираться было не с кем. В тот день через многострадальную горстку домишек дважды прокатились части миротворческого контингента и один раз удирающие повстанцы. В результате недоразумения майору Бугрову задержали присвоение очередного звания и при первой же оказии перевели в Союз.

– Ерунда, – отмахнулся Арсений Степанович, – парень настоящий офицер, в первую очередь о своих людях беспокоится, во вторую и третью тоже.

– Ну, смотри, много водки с отпускником не пей, – рассмеялся Шумилов, – тебе еще на его свадьбе гулять.

– Да иди ты со своими шутками. Мне даже капельку вина нельзя, с антибиотиками несовместимо. Врач запретил.

– А где Лена? – вовремя перевел разговор на другую тему Трубачев.

– Уехала в город, там какоето мероприятие в Большом театре, без нее не обойдутся, – скривился Арсений Степанович, показывая товарищам, как он относится к культурнопросветительской деятельности супруги. – Давайте лучше второе наворачивайте. Зря, что ли, повар старался?!

После завершившего обед кофе Бугров пригласил гостей в курительную. Теперь можно было перейти к цели визита. Трубачев уложился ровно в десять минут. Спокойно, четко, без излишних сантиментов он изложил все факты, свое видение ситуации и план действий с учетом новых реалий.

– Блин, слишком резво взялись задело, – изрек Верховный, растирая между ладонями потухшую сигарету.

Вячеслав Иванович, завершив доклад, откинулся на спинку кресла и, подперев кулаком щеку, спокойно ждал решения. Шумилов в это время рассеянно скользил взглядом по висевшим на стенах картинам. Особенно его заинтересовала репродукция «Человек с филином» Константина Васильева.

– План у тебя неплохой, Вячеслав Иванович. Можно принять. Только смотри, – Бугров вперил тяжелый взгляд исподлобья в комитетчика, – смотри, чтобы больше никаких сбоев. Военных я предупрежу, пусть ускорят работы на новой границе. Сейчас уже можно не маскироваться. Павел Николаевич, мы можем найти деньги для переселенцев? Срочно найти. Я понимаю…

– Ничего ты не понимаешь! У меня бюджет уже с дефицитом. Дыру в восемь миллиардов задницей затыкать будешь?! – буквально взорвался

премьер. Орал он так, что окна дребезжали. – Всем нужны деньги, деньги, деньги! А где их найти, ктонибудь думает?! Достали, мать вашу! – Шумилов ударил кулаком по подлокотнику. Он прекрасно знал, чем кончится разговор, но просто так сдаваться не собирался, пусть Бугров хоть изредка припоминает, кто в Союзе занимается производством и финансами.

– Ну, Пал Николаич, я же в экономике слабо разбираюсь. Придумай чтонибудь, – примиряющим тоном пробасил Бугров. Казалось, что вспышка ярости премьера не произвела на него никакого впечатления.

– Что я тебе придумаю? – не унимался Шумилов. – У меня четвертый квартал будет со спадом в девять процентов. У меня все ресурсы сожраны «Демиургом» и карантином, вы это понимаете? Вы чтонибудь, кроме своих шпионских игр, понимаете? – На самом деле прогнозы были несколько оптимистичнее, премьер намеренно сгущал краски.

– Жандармы и душители свободы! Меднолобые тюремщики, губители народных прав! – неожиданно с пафосом произнес Трубачев.

После этой эскапады шум стих. Шумилов с независимым видом отвернулся к окну. Бугров, разинув рот, уставился на Трубачева, не зная, что и сказать в ответ на такую выходку.

– Ну, ты даешь! Прям как Сергей Ковалевский в молодости, – наконец к Верховному вернулся дар речи.

– Стараемся, – сдержанно улыбнулся председатель КГБ, – иногда полезно почитывать поток сочинений наших внештатных сотрудников из заграничных отделов.

– Жандармы и душители свободы! – с выражением продекламировал Бугров. – Пал Николаич, ну не обижайся ты на нас. Никто, кроме тебя, в экономике ни фига не смыслит. Я понимаю: финансы поют романсы. Но и людей вывозить надо.

– А на улице солнце светит, – пробормотал Шумилов и, повернувшись к коллегам, решительно заявил: – Ладно, будем думать, где деньги взять. Сколько хоть нужно?

– Да все в рамках первоначального плана, но на месяц раньше.

– Значит 1518 миллиардов на три месяца с окупаемостью в пять лет. Говорю же – у нас кризис.

– В 92м тоже был кризис. Но справились же.

– Тогда совсем плохо было. Помню, даже картины продавали за хлеб.

– Было дело, – хохотнул Арсений Степанович, – мы тогда почти всю абстракционистскую мазню распродали и неплохо на этом заработали. Твое ведомство занималось, Вячеслав Иванович.

– Я тогда Управление внешней разведки возглавлял, но часть

высокохудожественного изврата и через нас проходила. Сколько мы тогда продали?

– Почти пятьсот процентов русского авангарда, – с мечтательным выражением лица произнес Шумилов. – За год больше семи миллиардов долларов чистой прибыли. Правда, потом цены упали.

– Ну, еще бы им не упасть. Мы сначала взвинтили их, а потом весь рынок затоварили. Одних только «Черных квадратов» восемь штук по частным коллекциям разошлось, и все подлинные. Беднягу Кандинского с его учениками центнерами вывозили, – ударился в воспоминания Верховный. – Прекрасно помню: десятки художников штамповали «чудесно найденные» полотна авангардистов, хранившиеся в частных коллекциях, «мрачных подземельях НКВД» и прочих интересных местах.

– Тем более что подделывать эту мазню большого труда не требовало, – поддержал разговор Шумилов. Настроение у него постепенно улучшалось. Спасибо Арсению, вовремя переключил разговор на воспоминания об одной из самых удачных операций голодного 92го года. Тогда вырученные за авангард деньги очень помогли стране.

– Допустим, подписи ставили и за соответствием стилю следили лучшие искусствоведы и специалисты Комитета, – добавил Трубачев, с интересом слушавший воспоминания Бугрова. – Говорят, тогда даже целого художника открыли.

– Точно! Необычайно талантливый мастер, оказывается, в Союзе жил. Самуил Хеерман. Целых 400 картин и центнер эскизов намалевал. Его полотна сейчас в Лувре и Библиотеке Конгресса США выставляются.

– Американцы понятно, но Луврто как лопухнулся? – рассмеялся Шумилов.

– Во Франции тоже немало «ценителей» водится.

– Уф, пошутили, и хватит, – провел ладонью по лбу, вытирая испарину, Павел Николаевич. – Давайте к нашим делам возвращаться.

– Центробанк, как я понимаю, не поможет?

– Нет, заначки у Герасимова на исходе. Зарубежные фонды я уже обезжирил. Кредиты брать опасно, да и не у кого.

– А внутренний заём?

– Навскидку, больше десяти миллиардов за месяц не соберем, даже с учетом банков. А процент придется платить выше, чем иностранцам.

– Американцы в этом году выкрутились, включив печатный станок, – подкинул идею комитетчик. – Благодаря эпидемии у них спад перерос в настоящий бум. Еще месяц, и они полностью стабилизируют денежную массу. Рынок и не заметит лишней эмиссии.

– Стоп! – Шумилов подался вперед. – Вячеслав Иванович, еще раз повторите, что вы сказали?

– Американцы, включив станок, стимулировали приток капиталов в производство. Лихорадка Шилдмана способствовала сокращению конкуренции и росту прибыльности инвестиций. Черт!!! – Трубачев вскочил с места и возбужденно зашагал по комнате.

– Охренеть можно! – громогласно заявил Бугров. – Вы серьезно думаете?

– А у тебя есть другие варианты? – вопросом на вопрос ответил Шумилов. – Как же они додумались инвестировать в заведомо убыточные производства? Кто знал, что легкая промышленность и бытовая электроника станут окупаться? Помнишь, мы обсуждали: будет война с Китаем или нет?

– Товарищи, подождите. Это невероятно, но это факт. – Трубачев быстро взял себя в руки и сейчас пытался сформулировать пришедшую ему в голову мысль.

– Не переживай, у меня тоже крыша едет. – Бугров нарочито грубо попытался успокоить комитетчика.

– Подожди, – отмахнулся Трубачев. – Выходит, американцы знали, что рухнет все производство в ЮгоВосточной Азии. Знали, что в мире исчезнет избыток демпинговой рабсилы. Заранее рассчитали, какие отрасли пострадают больше всего и какие товары окажутся в дефиците. Они знали, как изменится структура мирового рынка. Они все знали заранее и совершенно грамотно построили свою стратегию.

– Искусственный вирус избирательного действия, – с нервной улыбкой протянул Шумилов.

– Господатоварищи, так не бывает.

– Бывает, Арсений, бывает. Теперь все бывает, – продолжал улыбаться премьер. Получившаяся картина мира с трудом укладывалась в его голове. Но тем не менее это был факт. Жесткий, железный факт, и ничего с этим не поделаешь. Придется принимать жизнь такой, какова она есть.

– Я не думал, что они переиграют нас таким простым и жестоким способом. – Трубачев опустился в кресло и вытряхнул из пачки сигарету. – Я никогда не думал, что меня ведут и подталкивают.

– Никто нас не ведет. Успокойся, Вячеслав, они стояли на грани развала страны и приняли решение, позволяющее выжить. О нас они думали меньше всего.

– Все равно, хотим мы того или нет, но мир изменился. Мы уже попали в совершенно другую историю. – Председатель КГБ зажег сигарету,

глубоко затянулся и выдохнул струю дыма в потолок. – Поздравляю вас с новой послешилдмановской эпохой, товарищи.

Глава 25

ПЛАТА ПО ВЕКСЕЛЯМ

Вечерело. Солнце уже клонилось к горизонту. Зима, декабрь – самые короткие дни. Но человек в большом городе редко замечает, светит солнце или уже нет. Уличное освещение, потоки света из окон, иллюминация и яркие рекламные вывески заменяют собой естественное освещение, тем более что между высокими стенами домов его не так уж и много.

Александер не обращал внимания на такие мелочи, как заход солнца, для этого у него не было времени. Спустившись по трапу и пройдя крытой галереей вместе с остальными пассажирами, он быстро миновал здание аэропорта и зашагал к стоянке такси.

– Свободен? – Первая машина без пассажиров попалась уже буквально в двух шагах от границы стоянки.

– Да, сэр, вам куда? – Смугловатый, остроносый мексиканец в потертой кожанке с готовностью распахнул дверцу машины. Александер, не раздумывая, воспользовался приглашением.

– В Ликсхаус, улица Серой Лошади, – негромко проговорил он в ответ на вопросительный взгляд таксиста.

– Понятно, сэр. Доедем за пятнадцать минут, – улыбнулся тот, обнажая желтоватые крепкие зубы и заводя мотор.

Несмотря на почтенный внешний вид, машина завелась с полоборота, видно было, что за нею заботливо следят. Александер отметил это автоматически, хотя водитель показался ему человеком необязательным или скорее просто любителем дешевой рекламы: дорога от аэропорта до дома Рона занимала около получаса. А может, просто таксист таким образом намекает на щедрые чаевые от хорошо одетого бизнесмена. Именно так и выглядел сегодня в глазах окружающих Александер: сшитое по заказу кашемировое пальто, дорогие английские ботинки, из левого рукава выглядывают швейцарские часы, в руках небольшой кейс. В глазах застывшее выражение довольства и легкой брезгливости. На лице приклеенная снисходительная улыбка, все в стиле преуспевающего брокера или человека, унаследовавшего доходный бизнес.

Александер про себя посмеивался над косыми завистливыми взглядами, бросаемыми ему вслед, пусть люди думают что хотят. Это их право. Он специально выбрал для этой поездки такой имидж. Людям в глаза бросается одежда и внешние признаки достатка, а на лицо они уже не обращают внимания, не замечают. Такой вот старый как мир способ

маскировки. Александер был уверен, что никто из тех, кто его сегодня мельком видел в салоне самолета, в аэропорту или на улицах СентЛуиса, никогда не узнает его в образе обычного чиновника.

Водитель ехал быстро и уверенно. Город он знал как свои пять пальцев. Скорость держал выше допустимой, ловко маневрировал, пару раз проскочил на желтый, при этом вовремя сбавил обороты, заметив издали патрульную машину. Ровно через двадцать две минуты такси остановилось напротив дома № 39 по улице Серой Лошади. Действительно быстро, молодец латинос! Александер расплатился по счетчику, накинув сверху двадцать баксов, и вышел из машины.

Ворота у Рона, как обычно, были закрыты только на щеколду. У облупившегося забора стоял повидавший виды «Крайслер» народной серии. Значит, Александер прибыл вовремя – хозяин дома. Версия о покупке второй машины для жены даже не рассматривалась. Не мог программист среднего уровня в такое тяжелое время позволить себе вторую машину. Он даже кредит за жилье с трудом выплачивал. Хорошо еще, работа есть, это много значит, позволяет держаться на плаву. В окнах одноэтажного коттеджа горел свет. Проходя через двор, Александер обратил внимание на песочницу, сделанную из старой покрышки грузовика. Рядом валялся полуразобранный велосипед. Да, Рон все тот же, ни одно дело не и может довести до конца, даже домашним хозяйством занимается от случая к случаю.

Поднявшись на крыльцо, Александер вдавил кнопку звонка. Изза двери донесся приглушенный звон колокольчика, а затем послышались шаги.

– Кто там?

– Мистер Кейс? Это Александер Кэлоун из «Толерантикхаус», – проговорил гость, наклонившись к щели в дверной коробке. Сразу же после этих слов звякнул замок, и дверь распахнулась.

– Рад видеть! Какими судьбами? – Стоявший на пороге хозяин широко улыбался. Александер отметил, что Рон за прошедшее время совсем не изменился, такой же худой, в мятой застиранной рубашке и джинсах, на носу очки с толстыми линзами в дешевой пластмассовой оправе.

– Извини, что без приглашения. У меня срочное дело. – Александер первым протянул руку. Все напускную вальяжную снисходительность и спесь с него как водой смыло. Сейчас это был человек, искренне радующийся встрече со старым приятелем. Так оно и было на самом деле.

– Проходи, не стой на крыльце. – Рон отступил назад, давая дорогу гостю.

– Кто там пришел? – прозвучал молодой и нежный женский голос.

– Дорогая, это мистер Кэлоун. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Еще раз извини. Мне очень неудобно. Без приглашения. Я буквально на пару минут, – при этих словах на лице Александера загорелся румянец.

– Здравствуйте! Проходите! Мы с Роном очень рады вас видеть. – В прихожую буквально впорхнула симпатичная, стройная негритянка. Чемто она была похожа на покойную Кондолизу Хаймс в молодости, только гораздо красивее. Обаятельная улыбка, чистая гладкая кожа, светящаяся в карих глазах доброта, Александер такие вещи нутром чувствовал. Да, с женой Рону действительно повезло, такие с первого взгляда располагающие к себе люди даже среди белых не часто встречаются.

– Знакомьтесь: мистер Александер, а это моя супруга Мэри. – Рон с такой нежностью и любовью смотрел на жену, что Александеру даже стало неловко.

Подумалось, что Кейсы уже четыре года как женаты, а до сих пор так смотрят друг на друга. Редкое дело в наше время. В эти секунды Александеру хотелось, чтобы и у них с Джиной – и через четыре года, и через сорок – все было бы так же, как и у этого смешного фанатика либерализма и его политкорректной жены. Да, хватит иронии! Это на самом деле любовь, и ни цвет кожи, ни происхождение, ни сама смерть ей не помешают. Может, только такие идеалисты и поэты не позабыли это светлое чувство. И еще Александер понял, что не зря пришел в этот дом. Было бы грешно не воспользоваться шансом спасти Кейсов. Пусть будут счастливы и здоровы.

После того как Александер дал себя уговорить пропустить по стаканчику виски и погреться в гостиной, а юный отпрыск Рона и Мэри был обрадован набором «Лего», извлеченным из «дипломата», и отправлен в детскую, Александер перешел к цели своего визита. Он не собирался здесь задерживаться, обратный билет до Вашингтона уже лежал в кармане, а время поджимало.

– Рон, как в городе обстановка с лихорадкой Шилдмана?

– Знаешь, Александер, об этом мало говорят, но люди умирают, – мрачно проговорил Рон, опустив глаза. При этом он так стиснул стаканчик с виски, который держал в руках, что пальцы побелели.

– Я понимаю тебя, друг. – Рука Александера легла на плечо программиста. – А твоя семья? Не боишься?

– Боюсь. Мэри и малыш из дома нос не высовывают. И все равно… – Рон судорожно сглотнул подступивший к горлу комок, – мы не можем уехать. Все сбережения сгорели во время дефолта, и с работой туго.

– Милый, если мы не будем контактировать с вирусоносителями, лихорадка нам не грозит. Так говорит Департамент здравоохранения, – проворковала Мэри.

При ее словах Александер еле сдержал готовый вырваться саркастический смешок. Он слишком хорошо знал, чего стоят эти рекомендации и кто за ними стоит.

– Мэри, – Александер постарался говорить как можно более убедительно, при этом он глядел прямо в глаза негритянки, – зараза распространяется по воздуху, она переносится всеми людьми, а болеют только афроамериканцы и азиаты. Вы не спасетесь, отсиживаясь дома.

– Что же тогда делать? Я знаю, вы приехали, чтобы нас спасти. Подскажите, что делать?

– Дорогая, – Рон нежно коснулся руки супруги, – лекарства от Шилдмана нет. Все бесполезно. Прости, милая, прости меня, пожалуйста.

Александер при этих проявлениях чувств сначала демонстративно отвернулся, а затем полез в карман.

– Хватит романтики, – произнес он нарочито грубым голосом, выкладывая на стол три стеклянные ампулы без маркировки.

– Что это? – одновременно подняли изумленные глаза на гостя оба супруга.

– Одну ребенку, две Мэри. Выпьете прямо сейчас. Пустые ампулы я заберу собой.

– Это лекарство?! – Мэри не верила собственным глазам, она уже давно смирилась со своей участью, и только ради ребенка и мужа не подавала вида, что уже готова к смерти. Рон, в свою очередь, словно онемел, он только зачарованно глядел на ампулы, словно это были не простые стекляшки, а бриллианты.

– Так, шансов не очень много. Говорю честно, может не подействовать. Это новейшая вакцина, еще не испытанная. Яйцеголовые обещают, что поможет, – Александер заговорщицки подмигнул женщине. Он с первых секунд разговора понял, кто в этом доме хозяин и на кого надо воздействовать в первую очередь.

– Откуда они у тебя? – Рон смотрел на Александера таким взглядом, словно видел его в первый раз.

– Не спрашивай, и тебе не соврут. Поверь на слово: это может помочь тебе спасти жену и ребенка.

Слова возымели свое действие. Мэри осторожно взяла одну ампулу, отломила кончик, вылила содержимое в пустую рюмку и ушла в детскую.

– Ты работаешь не в «Толерантикхаус», – тихо прошептал Рон, когда

жена вышла из комнаты.

– Работаю, но не только там, – кивнул Александер, в его глазах плясали веселые искорки. – Я занимаюсь многим, в том числе и проблемами старых друзей.

– Почему ты дал лекарство именно нам? Потому, что оно не испытано? – продолжал Рон.

– Наверное, потому, что ты хороший человек и вы с Мэри друг другу подходите. – Александер смотрел в глаза собеседника и видел, что тот еще сомневается. – Помнишь ту бутылку виски из поселка Кирк? Я вчера наткнулся на нее в баре и вспомнил о тебе. – Вот сейчас он убедил, по глазам собеседника явно читалось, что Рон верит.

– Я дала выпить малышу, – влетела в комнату Мэри.

– Молодец, теперь пей сама.

– Вот так, – удовлетворенно отметил Александер, наблюдая, как последние капли вакцины скатываются в рот хозяйки дома. Дело сделано. Пустые ампулы Александер аккуратно сложил и завернул в носовой платок, тут же исчезнувший у него в кармане. В этот момент у него с плеч словно гора свалилась. Одной проблемой меньше и одним хорошим делом больше.

Уже прощаясь с четой Кейсов, Александер положил на стол банковскую карточку.

– Здесь двести тысяч долларов, код 123 456. На переезд и пару месяцев жизни вам хватит. Завтра же берите билеты на самолет и улетайте на Аляску. Все дела решишь через адвоката. И не надо благодарностей. Я обязан был это сделать, – добавил Александер и, резко развернувшись, направился в прихожую, тем самым давая понять, что разговор окончен и все решения остаются в силе. Быстро одевшись, он вышел на улицу и спустился с крыльца. После домашнего тепла свежий прохладный воздух приятно бодрил. Александер вдохнул полной грудью и медленно, не торопясь, зашагал к калитке. Расчет оказался верным, вскоре его догнал Рон в накинутой на плечи легкой куртке и тапочках на босу ногу.

– Всего хорошего! Удачи! – широко улыбаясь, проговорил Александер, повернувшись к Рону, и, взяв его за локоть, тихо добавил: – И никогда не забывай печальную историю Рудольфа Эйке.

– При чем здесь Эйке, этот фашист? – спросил сбитый с толку Рон.

– Он слишком не вовремя начал писать мемуары, за что и поплатился, – назидательным тоном добавил Александер. – Ну, давай! Счастливо обосноваться на новом месте! – После чего он отпустил локоть Кейса и поспешил за ворота. Ему еще надо было поймать такси и добраться

до аэропорта, до отлета самолета остается всего час. Надо успеть.

На календаре было 15 декабря, полторы недели до Рождества, самое время для спокойного завершения дел и подготовки к празднику. Но, к сожалению или к радости, пока не понять, утро выдалось поистине сумасшедшим. Еще ночью майора Стива Грегори вызывали в штаб. Хорошо, звонок адъютанта застал его еще одетым, читающим руководство по эксплуатации самолета «F15» «Игл». До штаба Стив добрался всего за пять минут, заодно успел выкурить сигарету и привести мысли в порядок. Над вопросом, зачем вызывают в такое время, он не задумывался – выясним на месте.

В кабинет генерала Варлингтона Стив входил сосредоточенным, застегнутым на все пуговицы, чуть уставшим, как и положено боевому офицеру, занятому серьезным делом. Впрочем, к чести генерала, на внешний вид никто здесь внимания не обращал, двое из присутствовавших офицеров были только в грязных форменных рубашках, без галстуков, а на их лицах и руках виднелись следы мазута, как потом выяснил Стив, эти двое были выдернуты на совещание прямо с позиций периметра обороны. Сразу после Грегори в кабинет вошел полковник Вудворд, руководивший аэродромными службами, и совещание началось.

Генерал быстро ввел офицеров в курс дела. Оказывается, в порту КотаБару близ северной границы Малайзии существует пиратская база. По данным разведки, группа бывших наемников, авантюристов, криминального элемента и прочих капитально укрепилась в городе и окрестностях и образовала целую пиратскую республику. Контингент – в основном белые, лихорадка Шилдмана им не грозит, так что надеяться на естественное решение проблемы не приходится. Стив про себя отметил слова Варлингтона о «естественном решении проблемы» – это было нечто новое. Стив и раньше подозревал, что родное правительство поособому относится к лихорадке и ее последствиям, сейчас эти выводы подтверждались.

От дальнейших размышлений его отвлек голое генерала.

– …численность основного активного ядра новой Тортуги оценивается в 35 тысяч боевиков. На вооружении у них современное стрелковое оружие, переносные «ЗРК», пулеметы и гранатометы. Имеются два быстроходных вооруженных корабля, бывшие яхты, превращенные во вспомогательные крейсера, и полтора десятка скоростных катеров. Первоначально ЦРУ посчитало эту группу пионерами, решившими обосноваться на новых землях, и не придало им значения. Это было ошибкой.

Пираты, обосновавшись в КотаБару, совершают набеги на судоходные линии в ЮжноКитайском море. Их рейды отличаются дерзостью замысла и результативностью, словно вернулись времена недоброй памяти мадам Вонг. К настоящему моменту от пиратов пострадали больше двух десятков судов, двенадцать из них захвачены и сейчас находятся в пиратской гавани. Спутниковая разведка, как наша, так и русская, это подтверждает. Судьба команд неизвестна, скорее всего, люди томятся в плену. Из захваченных судов 4 принадлежат русским, 3 – американским судовладельцам. Обнаруженный вчера майором Грегори сухогруз совершенно точно является пропавшим два дня назад без вести французом «Луара». В том, что он сейчас в руках пиратов, сомнений нет.

Это все была общая информация, а теперь об интересном. В настоящий момент по направлению к КотаБару идет русское соединение в составе артиллерийского крейсера «Рюрик», двух эсминцев типа «Балком2» и полудюжины десантных экранопланов с морской пехотой. В районе порта крейсирует подводная лодкаистребитель класса «Виктор». Три часа назад русские вышли на командование флотом и попросили оказать поддержку десантной операции на КотаБару. Согласие на всестороннюю помощь согласовано с Пентагоном. Стив удивился такой оперативности, обычно на подобное согласование уходило несколько суток.

Задача несложная. От командования базой и группировкой требуется обеспечить воздушную разведку, целеуказание и корректировку огня. При необходимости выявить пути отхода боевиков и «подсвечивать» зону боевых действий. Операция начнется ровно в 7.00 с артиллерийского удара по порту и районам сосредоточения боевиков, в 7.20 пойдет первая волна морской пехоты. Вопросы? Вопросы были только у Стива Грегори. По каким каналам вести связь с наступающими русскими и передачу данных? Сколько машин держать в воздухе одновременно над районом операции? Продолжительность и масштаб зачистки? На все вопросы генерал Варлингтон отвечал коротко, подробно и ясно, со знанием дела. Видно было, что он серьезно относится к участию его людей в реальном бою.

Выспаться сегодня не удалось. Уже из штаба сразу после совещания Стив позвонил в казарму и на аэродром.

– Боевая тревога! Все на аэродром, готовить эскадрилью к вылету. Оснащение разведывательное по варианту «С4», машины оснастить подвесными баками. Задача будет поставлена на месте, по моему прибытию на аэродром.

Ночь прорезали прожектора и лучи автомобильных фар, поднятые по тревоге люди спешили на аэродром. А там уже рычали тягачи, вытаскивая

самолеты на летное поле, сонные завхозы открывали ангары, склады и арсеналы. В свете прожекторов техники готовили машины к вылету. Когда «Хаммер» Стива, шелестя шинами по мокрой бетонке, с визгом тормозов остановился у самолетной стоянки, все люди уже были на месте.

Первая пара истребителей поднялась в небо уже в 4.15. Лейтенанты Сэм Стерлинг и Лемюэль Корт прошли на большой высоте над пиратской базой, благо небо было почти безоблачным, засняли радиоволновой и инфракрасный фон города и порта, сделали фотоснимки высокочувствительными электронными камерами с инфракрасной подсветкой. Затем они по большому кругу обошли район КотаБару и повернули домой. Вскоре их сменила следующая пара. Пока что разведчики держались на высоте или прятались на бреющем полете за неровностями рельефа, не заходя в вероятную зону действия ПВО противника. Была ли таковая у пиратов, неизвестно, но элементарными правилами безопасности никто не пренебрегал.

В 6.15 к работе подключились русские. Их корабли уже выходили на рубежи атаки, в рубки управления исправно поступала информация с американских самолетов, но сами русские моряки до этого момента молчали. Сейчас на связь с американцами вышел командующий соединением капитан первого ранга, понашему коммандер, Игорь Смолин. Он поблагодарил за полученные разведданные, передал американским коллегам расписание высадки и проинформировал, что полчаса назад подводной лодкой потоплен вспомогательный крейсер пиратов.

В момент передачи Стив Грегори уже находился на высоте 15 тысяч футов, в кабине своего любимого «F16», а рядом шел «F15E» с капитаном Шарапофым и первым лейтенантом Линсменом. Стив не мог усидеть на аэродроме, когда его ребята работают в непосредственной близости от боевого соприкосновения, а такое зрелище, как высадка русской морской пехоты, он должен повидать лично. Тем более что десант будет проводиться с экранопланов, хороший повод увидеть в действии эти секретные аппараты Советов. Стив Грегори специально так подгадал, чтобы находиться над пиратской базой с начала удара и на сколько хватит топлива.

За 60 миль до цели Стив отвернул вправо, он должен был сделать крюк над морем и подойти к зоне высадки с востока. Пол же продолжал лететь прямо, ему полагалось обойти КотаБару с запада, над полуостровом. По плану операции, тяжелый двухместный «Игл», оснащенный современным радаром с ФАР и целым комплексом аппаратуры управления и наблюдения, должен был играть роль воздушного наблюдательного поста и держаться к

северу от города. Тогда как более легкий и маневренный самолет Стива Грегори планировалось держать над районом высадки основной группы, к югу от порта.

Как и обещали метеорологи, в районе операции небо было чистым. Только небольшие разрозненные облачка проплывали на высоте 2530 тысяч футов. Впереди прямо по курсу в лучах восходящего солнца блеснула серосиняя полоска. А вскоре убегающая под крыло самолета зелень джунглей сменилась бескрайним океанским простором. Стив, занятый приборами и настройкой подвесной аппаратуры, прозевал момент пересечения береговой черты. Вроде бы недавно он шел над землей, и вот уже внизу плещутся волны.

Хронометр показывал 6.42, время «Х» неумолимо приближалось. Скоро начнется. У Стива засосало под ложечкой. Несмотря на весь свой весьма богатый жизненный опыт, он ни разу не участвовал в настоящей боевой операции. Даже знаменитую и позорную войну с Югославией он видел только на экранах в командном пункте. Все остальное не в счет, он никогда не был на войне. От этих мыслей возник небольшой мандраж, даже странно: он всегда хотел лично участвовать, а сейчас… Да, бывает и так.

Первым обнаружил русские корабли верный друг и помощник – радар. На экране на десять градусов левее курса вспыхнули яркие отметки, одна крупная и две поменьше. И сейчас же ожила рация.

– Хелло! Как слышите? Назовите себя! – Это был русский. Слова выговаривал старательно, внятно, но с неистребимым акцентом.

– Спасибо, вас слышу, – немедленно отозвался Стив. – Воздушные силы США, майор Стив Грегори. Будем работать совместно.

– Gut, то есть хорошо. Выходите в район патрулирования, включайте широкополосный канал.

– Понятно. Через семь минут буду над целью, – подтвердил Стив, скосив глаза на тактический экран.

Он удачно выбрал курс, сейчас русский крейсер как раз находился между самолетом и берегом. Прекрасный повод разглядеть этот корабль вблизи. А вот и сам «Рюрик»! Впереди показались силуэты трех кораблей, идущих на запад. Судя по тактическому экрану, до берега им осталось около двадцати миль. А экранопланов не видно, должно быть, держатся мористее. Жаль, на «F16» только один радар, нельзя разглядеть то, что находится за хвостом. А Стив так надеялся увидеть эти аппараты во время перехода морем. Не получилось.

Корабли приближались, вот уже видны надстройки, пирамидальные мачты и ажурные антенны. На корме крейсера застыл вертолет. Заметны

модули зенитных комплексов и орудийные башни эсминцев. Самолет прошел между крейсером и эсминцем на высоте 4 тысячи футов, Стив в этот момент не отводил глаз от красавца «Рюрика». Большой, хорошо вооруженный и бронированный корабль. Сегодня он должен принять участие именно в такой работе, для которой его и создали. Специализированный крейсер поддержки десанта и миротворческих акций, об этой его функции явно говорили две массивные трехорудийные башни. Хорошая штука! Бьет на двадцать пять миль, и точность, по данным разведки, высочайшая.

Эскадра осталась за хвостом истребителя, а впереди уже показалась темная полоска берега. Стив еще раз проверил и подкорректировал курс, включил всю специализированную аппаратуру. С этого момента он вступил в бой. Все постороннее и второстепенное отринуто прочь – начинается работа.

– Спасибо. Мы видим картинку. Пожалуйста, проверьте радар, изображение смазанное. – Это опять русский. Они уже подключились к линии управления и сейчас обрабатывают льющийся на них с самолетов поток информации. Стив пробежал взглядом по приборной панели. Почему им не нравятся показания радара? А, понятно, радар на «F16» не предназначен для селекции целей на земле, это же не специализированный воздушный командный пункт типа JSTARS.

– Крейсер, радар подстроить не могу, ориентируйтесь по видеокамерам и тепловизору. Используйте канал 17.

– Хорошо. Понял. Спасибо.

За этим обменом репликами Стив подошел к берегу на дистанцию уверенного визуального наблюдения. Местность внизу легко привязывалась к карте. Правее самолета вдоль берега растянулась серая клякса города, вокруг на пятьдесять миль тянутся голые поля, за ними выделяется сплошная стена джунглей. В порту и на внутреннем рейде стоят суда, не менее дюжины. Флагов нет, только на трубе пришвартованного к молу контейнеровоза острый глаз Стива различил советские серп и молот. Видны хаотично снующие по причалам и между портовыми сооружениями муравьиные фигурки людей. Дальше, на северной окраине города, в море впадает небольшая речка. Но это уже зона ответственности Пола, а вот и он сам, «F15» кружит к северу от города на высоте 8 тысяч футов.

В море, в двух милях от города, три маленьких безжизненных островка. Стив прошел прямо над ними, и ни его глаз, ни приборы не засекли там никаких следов людей. Так, а в полутора милях от южной

окраины КотаБару раскинулся палаточный лагерь. Все, как на фотографиях, переданных Стирлингом. Пираты явно предпочитают жить хоть и без удобств, но зато не в пропитанном смертью и зловонием азиатском городе. Сейчас уже мертвом, отметил про себя Стив.

Время – семь часов ровно. Из кабины истребителя прекрасно видно, как с небольшим недолетом перед палаточным лагерем поднимаются к небу три грязнокоричневых столба, летят во все стороны комья земли и камни. Крейсер открыл огонь. Первый, пристрелочный залп. Для такой дистанции, стреляли на 12 миль, легло достаточно близко. Не успела осесть пыль от снарядов первого залпа, как на краю лагеря взметнулись еще три куста разрывов.

– Есть! Накрыли! Так держать! – заорал Стив, его охватила буйная радость.

Молодцы союзники! И в то же время он понимал, что этот великолепный результат был обеспечен именно им. Только благодаря подсветке цели и видеокамерам американского истребителя русские клали снаряд за снарядом прямо посреди палаток. Сейчас залпы следовали один за другим. В считаные минуты вся территория лагеря была перепахана вдоль и поперек. Выживших там по всем законам физики быть не должно.

Описывая круги над своей зоной контроля, Стив заметил подозрительное движение в зарослях на берегу. Закрутить вираж. Второй заход, снизившись до 1000 футов. Есть! Группа пехоты, около взвода, мелькнула сквозь прогалину, немного дальше, между деревьями, показался ствол тяжелого миномета. Последовала короткая команда по радио, координаты новой цели, и на вражескую позицию посыпался град тяжелых снарядов. Каждый весом в центнер начинен двадцатью килограммами гексогена. Страшная штука. После таких «подарков» остаются воронки в дватри метра глубиной и перемешанные с грунтом ошметья машин. Что уж говорить о людях!

С высоты прекрасно видно, как в зарослях расцветают огненные цветы взрывов, как летят во все стороны деревья и камни. Кажется, даже мелькнул взлетевший выше крон деревьев искореженный нос катера. Вполне возможно, у пиратов могли быть спрятанные у берега катера.

Положив на береговую полоску около двадцати снарядов, крейсер перенес огонь на окраину города и идущие через поля дороги. Попутно досталось нескольким подозрительным, с точки зрения Стива, участкам в окрестностях города. Сейчас, после подавления основных целей, велся не очень сильный, тревожащий огонь. С периодичностью в 30 секунд то там, то тут вздымались тяжелые клубящиеся дымные грибы и кусты разрывов.

Это на основном южном участке. Одновременно подошедшие к берегу на шесть миль эсминцы обрабатывали северный район. Калибр у них меньше, всего 130 мм, но, судя по рассыпающимся, как карточные домики, зданиям, и этого хватает с лихвой, а скорострельность у них значительно выше, чем у «Рюрика».

Глава 26

ПРЫЖОК В НЕБО

Последняя ночь в Китае. Стас долго ворочался на жестком сиденье в кузове «КамАЗа», пытаясь уснуть. Проклятая командировка! Вместо пары недель она растянулась на полтора месяца, никто и предположить не мог, что так все выйдет. Никто и не думал, что группе специалистов Оборонэкспорта придется с оружием прорываться через охваченную гражданской войной, опустошаемую мародерами и эпидемией территорию.

К счастью, все имеет не только начало, но и конец. Завтра утром они выкатят из ангара самолет и улетят домой. При этой мысли Стасу захотелось сплюнуть через левое плечо или постучать по дереву, чтобы не сглазить. Сколько всего вынесено и пережито! Три тысячи километров по заброшенным дорогам мимо пропитанных смертью городов, стычки с бандитами, постоянное ожидание подвоха, напряженное высматривание засад. Страх напороться на грабителей, вооружённых крестьян или правительственные войска. Все это означало бы только одно – смерть, в лучшем случае без пыток.

И все же они прошли, прорвались, выжили в этом апокалипсическом мире. Завтра последует последний рывок, последний шаг, и они наконецто увидят родной дом. Что будет после посадки на советский аэродром, Стас представлял смутно. Сразу их группу развезут по домам или продержат какоето время в карантинном режиме. Как бы там ни было, все равно Наташа узнает, что он жив, вернулся на Родину и скоро приедет в Москву. Можно будет даже просто позвонить по телефону, услышать голос любимой. Раньше Стас и не думал, какое это великое благо – телефон.

Эх, вернуться бы в Москву до Нового года! Родные как обрадуются! А дома хорошо, уютно. Дома спокойно, можно ходить без оружия, достаточно просто закрыть дверь на замок и не вскакивать с кровати при первом же подозрительном шорохе за окном. Подожди, там же все ходят без оружия?! Совсем забыл, совсем я одичал – от этой мысли Стас чуть не расхохотался. Это ж надо, до такого докатиться! Не хватало еще по улице с автоматом пройтись, точно в психушку забрали бы.

В эту последнюю ночь в Китае Стас понял, как он устал от этих дурацких приключений, устал от игр в войнушку. Две недели такого напряжения и стресса кого угодно вымотают. Это и не игра, это настоящее чудо, что они смогли выжить в хаосе, не потерять ни одного человека и проехать через полстраны. Люди, практически без армейской подготовки,

вынужденные зубами и автоматами доказывать свое право на жизнь. На самом деле, в таких ситуациях человек быстро учится.

Домой, скорее бы домой! Душа пела, Стас какой уже раз подряд повторял про себя, пробовал на вкус это волшебное и такое сладкое слово. Подняться на четвертый этаж. По лестнице, перешагивая через ступеньку. Стас не любил ездить на лифте, и так в городе мало двигаешься. Открыть дверь. Обнять Наташу, крепко прижать к груди. Посмотреть в ее огромные, небесной синевы глазища. Никитку подкинуть в воздух и посадить на плечо. Парень это любит. С такими мыслями Стас незаметно для себя уснул.

Разбудил его легким толчком в бок Валера Шахов. Пришло время заступать на пост. Протерев глаза и попытавшись сориентироваться в темноте, Стас встал на ноги, спал он, не раздеваясь и не снимая ботинок. Несмотря на работавшую печку, в кунге было прохладно. Поясница после сна на жестком неудобном сиденье затекла, но ничего, на улице разомнемся, в машине слишком тесно, и в проходе торчат ноги спящих товарищей. Осталось прихватить свой автомат, снять с крючка шапку, проверить, не выпал ли из кармана пистолет, и можно выходить. Тем более, что Саша Вартис уже успел первым открыть дверь и спуститься на землю. Стас, не мешкая, последовал его примеру.

А здесь хорошо. Прохладно. Морозец пощипывает. Стас никогда раньше не думал, что в Китае бывает снег. Оказывается, на севере страны это нормальное явление. И воздух… Такой свежий! Чистый, прозрачный. После тяжелой, пропитанной испарениями атмосферы кунга его можно было пить, как чистейшую воду из артезианской скважины.

– Доброе утро! Как спалось? – поприветствовал смену Дима Кочетков.

– Доброе. Как обстановка? – ответил вопросом на вопрос Стас.

– Нормально. Ничего подозрительного, только прохладно.

– Ну, давай отсыпайся. Время еще есть.

– Я тоже так думаю, – отозвался Дима, забираясь в будку.

Стояла глубокая ночь, но на летном поле было достаточно света. Покрывавший землю снежок отражал свет луны и звезд, позволял нормально ориентироваться на местности. Небо было звездным, чистым, только на востоке ползли темные слои облаков.

Стас и Саша разделили зоны ответственности, Стас справа, а Саша слева от машины. Последняя смена с полпятого до семи утра, а там всеобщий подъем, и… Потом все зависело от Иры. Самолет они вчера осмотрели, залили полный бак горючим высшего сорта, завели на пробу мотор, придирчиво прошлись по приводам рулей и механизации крыла.

Саша проверил работу приборов, навигационного оборудования и электроники. Машина исправна, оборудование работает, даже карта есть – можно лететь.

Дежурство шло спокойно, без происшествий. В поле зрения Стаса пару раз попала стая бродячих собак, деловито обследовавших кучи мусора у противоположной стороны летного поля. К людям они не приближались, только вожак, крупный с густой рыжей шерстью пес, издали негромко тявкнул и убежал по своим делам. Интересно, а каким будет животный мир опустошенных лихорадкой территорий через пару лет?

Большинство домашних животных, особенно скот, быстро погибнет, они совершенно не приспособлены к самостоятельной жизни. Перемрет, если уже не умерла, вся домашняя птица. Выживут собаки, часть кошек, может быть, козы. Мыши, крысы и прочие грызуны сначала безмерно размножатся в покинутых селах и городах посреди завалов еды и трупов бывших «царей природы». Но уже на следующий сезон их численность будет низведена до нормального естественного уровня хищниками. Кошки и собаки тоже хотят есть. Постепенно заброшенные поля зарастут деревьями и полевыми травами, природа медленно, но верно залечит свои раны. Оставшиеся домашние животные будут ассимилированы дикими собратьями или займут свою экологическую нишу в новом биоценозе.

Дома, дороги, корпуса заводов, ржавые остатки машин поглотятся наступающей зеленой волной. Вскоре ничего не будет напоминать о былом расцвете цивилизации. Разве что развалины, но и их поглотит и переварит время. Стас вспомнил прочитанный в детстве рассказ из цикла «Маугли», о том, как джунгли разрушили деревню. Да, так все и будет. Уже сейчас природа начинает возвращать свое, а весной процесс только ускорится, пойдет лавинообразно. Конечно, его можно остановить, но зачем? Стас не думал, что территория Китая когото в ближайшее время заинтересует. Даже не зная цифр и не имея доступа к газетам и телеящику, он догадывался, что проблема избыточного демографического давления осталась в прошлом.

Постепенно начало светать. На востоке за серым корпусом аэровокзала выглянуло солнце. Стало чуть веселее. Заискрился снег, через поле потянулись длинные тени, исчезли серые сумеречные мрачные оттенки, наступало утро. Даже потеплело немного или это только показалось? Во время ночного дежурства Стас успел замерзнуть. Вроде бы и не так холодно, но, с другой стороны, и одет он не позимнему. Джинсы, осенние ботинки, трофейная куртка на рыбьем меху и вязаная шапка, известная в России под неблагозвучным названием «гондон». Часы показывали семь утра.

– Рота, подъем! – громко прокричал Саша в открытую дверь кунга.

В ответ послышалось сонное ворчанье, легкий матерок Валеры, недовольный голос Иры, отлежавшей во сне ногу.

– Закройте дверь. Холодно, как в морге, – пробурчал Алексей. Затем в будке чтото зашуршало, послышался негромкий стук, как будто нечто тяжелое и мягкое скатилось с сиденья на пол.

Наконец все проснулись и, кряхтя и постанывая, потянулись на улицу. Ну и рожи! Стас еле сдерживал смех, разглядывая физиономии товарищей. Некстати вспомнился знаменитый Вий: «Поднимите мне веки!» Действительно, ребята удивительно точно походили на этого гоголевского персонажа. Заспанные, опухшие лица, вместо глаз узкие щелочки, волосы всклокочены, одежда растрепана. Если быть честным, Стас и сам в момент пробуждения выглядел не лучше. Атмосфера в кунге «КамАЗа» была, мягко говоря, не слишком здоровой. Ночью приходилось регулярно включать печку, а от нее воздух быстро насыщался угарным газом и прочей гадостью, плюс испарения тел. Зато в будке было тепло, а это многое перевешивало.

Свежий морозный воздух быстро привел людей в чувство. Дима, наскоро умывшись чистым снегом, побежал заводить мотор. Маша и Валера занялись завтраком. Остальные под руководством Ирины направились в ангар готовить «Гранд Караван» к вылету. Еще вчера единогласно решили лететь сразу после завтрака, нечего время зря терять. Дни короткие, а садиться в сумерках на незнакомый аэродром тяжело даже опытному пилоту.

Запихнув в рот тушенку, подогретую на костре из пропитанных соляром тряпок, и заев ее черствым хлебом, Стас зажал обеими ладонями стакан кофе. Горячее стекло грело озябшие руки. Хорошото как! Аромат напитка бодрил. Настоящий утренний запах. После него весь мир расцветает красками, на душе становится легко и хочется работать. Пил Стас медленно, осторожно, по глотку, смакуя обжигающий нёбо напиток. Он почувствовал, что согрелся. Кровь быстрее побежала по жилам. Пусть тушенка надоела хуже горькой редьки, а хлеб в вакуумной упаковке уже давно потерял вкус, главное – это калории. Надо поддерживать себя в форме, быть сильным, а значит, надо много есть.

После завтрака Стас решил пройтись к аэровокзалу, посмотреть на обстановку, может, что интересное найдется. Время позволяло. Все ребята и девушки при деле. Что возьмут с собой, решили еще вчера: продовольствия на пару дней, две канистры воды, теплую одежду, личные вещи, автоматы, пистолеты, гранатомет с полудюжиной ракет на крайний

случай. Салон у «Каравана» большой, все поместится. Самолет из ангара вытащат «КамАЗом». Вроде присутствия Стаса не требовалось. Можно прогуляться. Привычным движением он проверил, легко ли выходит из кармана пистолет, закинул на плечо автомат и, предупредив Алексея, зашагал в сторону аэропорта.

Выходившая на летное поле дверь открылась с трудом, петли заржавели. В нос Стасу ударил тяжелый дух давно не проветриваемого нежилого помещения, приправленный сладковатым трупным запахом. Стас, поморщившись, невольно шагнул в сторону, входить в здание расхотелось. Может, вернуться назад? Что он там собирался найти? Нет в аэровокзале ничего интересного, только запустение, тлен и гниющие трупы. Но и возвращаться назад не хотелось – все равно сейчас в ангаре делать нечего. Ребята сами прекрасно справятся.

Потоптавшись на крыльце, Стас закурил сигарету и решительно шагнул в дверь. Сразу у входа начинался тамбурнакопитель, за ним Стас миновал пустые кабинки контроля и оказался в зале аэропорта. Высокий и просторный зал сейчас поражал своей пустотой и безжизненностью. Ряды кресел, потухшие табло на стенах, разбитый витраж и куча снега на полу. К удивлению Стаса, в помещении наблюдался некий порядок, относительно чисто и никаких следов паники или погрома. Разве что внимание Стаса привлекли раскуроченный банкомат и выломанная дверь крайнего киоска из целого ряда, выстроившегося у левой стены под большим информационным табло. Первый и единственный признак визита мародеров.

А вот и еще один признак того, что здесь побывали люди. Медленно обходившего зал Стаса чуть не вырвало. То, что он сначала принял за кучу мусора с копошившимися на ней крысами, оказалось трупом. При приближении человека крысы с недовольным писком брызнули в стороны, словно уступая добычу более крупному и опасному хищнику. Впрочем, судя по висевшему в воздухе запаху, еды у крыс было много. Можно было не беспокоиться изза одного трупа. Человек лежал под столиком вокзального буфета. За прошедшее с момента смерти время труп дошел практически до того состояния, когда опознание практически невозможно. Хотя холод и препятствовал разложению, но зато маленькие серые каннибалы успели объесть до костей руки, лицо и часть туловища. Выглядело тело жутко.

Стас приблизился к покойнику на десяток шагов. С рвотными позывами он уже справился, и сейчас им двигало чистое любопытство: кто же это такой? Серая шинель, прочные армейские ботинки со шнуровкой,

изпод трупа высовывается приклад автомата, знаков различия не видно, но и так понятно – это один из солдат охраны аэропорта. Военных сразу же после объявления карантина бросили блокировать воздушные и водные порты, железнодорожные станции. Здесь они и остались. Приказ вернуться в казармы или не дошел, или, скорее всего, его некому было отдавать.

Молча кивнув умершему на своем посту бойцу, Стас развернулся и зашагал к лестнице. За спиной послышались цокот маленьких лапок по полу и торжествующий писк – крысы вернулись к прерванной трапезе.

На втором этаже Стаса первым делом привлекла дверь с красными иероглифами и легко узнаваемым интернациональным символом: змея, пьющая из чаши. Да, это действительно оказался медицинский кабинет. Заглянув в дверь, Стас сразу же ее с силой захлопнул. Лучше бы он ее не открывал! Прислонившись к двери спиной, побледневший Стас дрожащими пальцами потянул из пачки очередную сигарету. Сначала сунул сигарету в рот не тем концом. Затем, глуповато хмыкнув, перевернул ее и попытался зажечь. Во время этой нехитрой операции он сломал несколько спичек.

Нет! Все! Это невыносимо! После третьей затяжки Стас сумел взять себя в руки. Докурив сигарету до фильтра, он схватил стоявшую в коридоре кадку с засохшей пальмой и, поднатужившись, подтащил ее к двери. Пожалуй, нервных потрясений на сегодня больше чем достаточно. То, что Стас увидел в медицинском кабинете, оживило в его памяти сцены на военной базе Луньсянь и послужило бы прекрасной декорацией для фильма ужасов сумасшедшего режиссера, если бы такового допустили снимать кино. Трупы на столах, трупы, сваленные на пол, ворох тряпья под окном, и покрывавший все это серый ковер крыс и мышей. Шевелящееся голые хвосты, перемазанные кровью оскаленные мордочки, холодящий кровь писк и чавканье. Стас раньше не задумывался – есть ли на небе Бог, но в том, что есть ад, он сейчас убедился.

Немного успокоившись, Стас двинулся дальше. Следовало для очистки совести проверить и другие помещения. Небольшой ресторанчик, склад почтового отделения, по странной прихоти администрации расположившийся на административном ярусе, линия рабочих кабинетов, везде чистота и относительный порядок. Видно, что люди оставили работу в конце дня, предполагая вернуться на следующее утро. Стасу даже было немного неловко взламывать двери монтировкой, но ничего не поделаешь – хозяева уже не вернутся. Особенно его поразил один кабинет: аккуратно сложенные на столе бумаги, на вешалке у входа рабочий халат, внизу стоят мягкие кроссовки, в помещении идеальный порядок. И даже аквариум на

окне с вмерзшими в лед рыбками вписывался в общую картину. Хотелось запечатлеть все это на холсте и подписать: «Люди ушли». Короткие два слова, прекрасно передающие весь трагизм ситуации.

За последней дверью в конце коридора диспетчерская. Просторное светлое помещение, окна, выходящие на летное поле, во всю стену, столики с радиоаппаратурой. Нормальная рабочая обстановка. Стас с неподдельным интересом изучал оборудование, раньше ему не приходилось бывать в подобных помещениях. Все бы ничего, но дело портили находившиеся здесь трупы. Первое тело обнаружилось в углу между стеной и шкафом. Стас даже вздрогнул, наткнувшись на покойника. Со стороны казалось, будто человек уснул за рабочим столом, уронив голову на руки. Только запах гниения и темные пятна замерзшей жидкости рядом с головой говорили, что человек мертв, и мертв давно.

Похоже было, что он умер на рабочем месте, пытаясь скрасить свои последние минуты делом. На столе в беспорядке были разбросаны книги, журналы, тетради записей. На полу валялась метеорологическая карта. Стас раскрыл толстый потрепанный том, сплошные иероглифы, несколько фотографий с пассажирскими лайнерами, текст щедро разбавлен таблицами и графиками. Кем был покойник при жизни? Поскольку остался в центре управления, значит, был облечен немалой властью и ответственностью. Одет просто в серый недорогой костюм. Скорее всего, это был руководитель инженерной службы или директор, обязанный не покидать свой пост даже после закрытия аэропорта, на всякий непредвиденный случай.

Положив книгу на стол, Стас продолжил осмотр диспетчерской. Сразу было видно, что в помещении не только работали, но и жили. В одном из углов обнаружились три аккуратно заправленные армейские койки, рядом на столе электроплитка и завернутый в пакет кусок хлеба. На полу раскрытый ящик пищевых концентратов. Заглянув за перегородку, отделявшую часть помещения, Стас обнаружил еще одно тело. Этот при жизни был военным. Стандартная офицерская форма даже после смерти ее хозяина смотрелась как новенькая. На кителе можно было разглядеть знаки различия капитана.

Значит, все верно – здесь был штаб. Офицер, командир взвода или роты охраны, гражданский инженер и ктото третий. В диспетчерской было три койки, а трупов обнаружилось два. Может быть, третий умер внизу? Во время обхода здания его свалил приступ лихорадки, и человек уже не смог подняться, так и лежит, наверное, гденибудь в подвале.

«Интересно, сколько времени они провели в этом здании? О чем

говорили? Что чувствовали, видя, как один за другим умирают люди? – размышлял Стас» стоя над телом капитана. – Когда они поняли, что помощь уже не придет и ничто не спасет их от неминуемой мучительной смерти? И самое страшное: что они делали, когда почувствовали, что заболели и в ближайшее время умрут?» Ответов на эти вопросы не было. Хотя нет. Сама обстановка комнаты, царящий здесь порядок и нормальная рабочая обстановка красноречиво свидетельствовали о том, что люди достойно приняли приближение конца. Гражданский так и умер за изучением справочников и карт. Зачем? Готовил штурманские прокладки для тех, кто придет за ним? Возможно. Человек ушел достойно, Стас уважал таких.

На тумбочке, недалеко от тела офицера, лежали толстая тетрадь и копеечная авторучка. Подчиняясь спонтанному импульсу, Стас взял в руки и открыл эту тетрадь. Внутри аккуратные столбцы иероглифов, встречаются арабские цифры. Видимо, это был дневник или рабочий ежедневник капитана. Стас пролистал тетрадь, заполнено больше чем наполовину, на последней странице столбцы пляшут, иероглифы кривые. Видно, выводили их сквозь силу, человек пытался успеть записать последние мысли в этой жизни или дать срез мрачных событий своих последних дней.

Стас невольно проникся уважением к этим людям – когда мир рушится, когда все гибнет и спасения нет, сидеть и работать, поддерживать порядок на вверенном участке ответственности. Вести дневник, в надежде, что после Катастрофы ктонибудь придет и прочитает эти записи, воспользуется результатами труда, для этого надо иметь железные нервы, ясный ум и неистребимую веру в Человечество. Стасу всегда импонировали такие люди. Пусть немного жестковатые, но зато уверенные и имеющие свой несгибаемый внутренний стержень.

Тетрадь и авторучку Стас завернул в старую газету и забрал с собой. Больше ничего здесь трогать он не смел и не хотел. Это было бы неуважением по отношению к этим мужественным и ответственным людям. Уже уходя из диспетчерской, Стас обратил внимание на два самодельных обогревателя, воткнутых в розетку. Скорее всего, в подвале был резервный дизельгенератор, он и давал ток после того, как прекратилась подача энергии от районной подстанции. Вот и разгадка исчезновения третьего человека. Пошел проверять работу генератора, там и остался навсегда. Почемуто Стасу в этот момент пришло в голову, что генератор так и работал, когда в здании умер последний человек. Работал до тех пор, пока в баке не кончилась солярка, затем закашлялся и обиженно

затих, пережив своих хозяев. В здании погас свет, отключились обогреватели, и в свои права вступила подлинная хозяйка здешних мест – Ее Величество Смерть.

Покидая диспетчерскую, Стас плотно закрыл за собой дверь и повернул ручку, чтобы не проникли крысы. Нигде не задерживаясь, Стас быстро спустился по лестнице и, пройдя коридорами предпосадочного шлюза, выскочил на улицу. Как здесь было хорошо после серых, пропитанных гнилостью коридоров здания! Даже легкий морозец был кстати. Стас первым делом протер руки и лицо чистым снегом и зашагал к своим товарищам.

– Ну, что там интересного? – Дима при виде Стаса высунулся из кабины «КамАЗа». Ребята уже вытащили «Гранд Караван» из ангара и заносили в салон вещи.

– Трупы, – скривился Стас, – ничего интересного.

– Ясненько, – Дмитрий заглушил двигатель и по инерции бросил ключи в карман, затем, спохватившись, вытащил и вставил обратно в замок зажигания. Машину решили оставить в полной сохранности, вдруг кому еще понадобится. Стас понимающе кивнул и побежал помогать ребятам. Вскоре с погрузкой было закончено, все имущество аккуратно сложено в хвосте, оружие закреплено в салоне. Мотор запустился с полоборота, Ира придирчиво обошла вокруг машины и заняла свое место в кабине. Саша, немного потоптавшись в салоне, тоже ушел в кабину помочь девушке разобраться с приборами. Последние минуты перед взлетом, осталось только затащить последние сумки с провизией, и можно отправляться в путь.

– Полундра!!! – заорал Валера Шахов.

Услышав этот вопль, Стас метнулся к окошку. Ничего не видно. Обзор закрыт будкой «КамАЗа». А ребята уже выскакивали из салона самолета. Стас, громко выматерившись, подхватил гранатомет, разгрузку с ракетами и поспешил к выходу. С лестницы он увидел катящийся по летному полю черный внедорожник. Дальше Стас действовал на автомате – скатиться по лестнице на землю, рывком добежать до «КамАЗа» и залечь за передними колесами, зарядить гранатомет и навести его на приближающийся джип, на все про все десять секунд. Остальные ребята уже заняли огневые позиции, только Ира осталась в кабине самолета.

Большой, как автобус, японский джип остановился, не доехав полторы сотни метров до грузовика. Водитель вовремя нажал на тормоз, почувствовав, что еще немного, и его попросят остановиться предупредительной очередью по курсу или даже прицельной. Это зависело

от состояния нервов залегших рядом с «КамАЗом» людей, а на территории охваченного безумием Китая было принято сначала стрелять, а потом смотреть куда.

– Кто вы?! Выйти из машины с поднятыми руками! – повис в воздухе резкий, громкий окрик Макса.

В ответ на этот вопрос открылась левая дверца гордости японского автомобилестроения, и на поле показался настоящий православный священник. Высокий, с окладистой рыжей бородой, в черной длиннополой сутане и форменной тоже черной шапочке, с массивным крестом на груди. Поп медленно развел руки в стороны, словно демонстрируя, что у него нет оружия, и недоуменно вопросил:

– Наши? Русские? Не может быть!

– Кто вы и откуда? – Стас не нашел ничего лучшего, как повторить вопрос. Появление на аэродроме такого типажа его малость шокировало. Вообще Стас устал удивляться за последние дни. Он не удивился бы, даже если бы из джипа полезли настоящие киношные орки и эльфы из экранизации Толкиена, но явление настоящего православного батюшки… Нет, вот такого он точно не ожидал.

– Как вы здесь оказались?! – крикнул Стас, поднимаясь на ноги и аккуратно опуская на бампер гранатомет. – Дима, возьми «эрпэдэшку», – бросил он оказавшемуся рядом Кочеткову и направился навстречу священнику.

– Благослови вас Господь! Лена, мы спасены! – Лицо священника светилось искренней неподдельной радостью. За его спиной из машины выбралась молодая женщина в драповом пальто, с пестрым платком на голове, держащая на руках ребенка. Больше в машине никого не было.

Стас незаметно для священника снял автомат с предохранителя и поставил переводчик на автоматический огонь. Пусть поп и его семья не представляют видимой опасности, но кто знает, что или кто может прятаться, за ними? Вдруг это коварная ловушка? Стас привык за эти две недели опасаться всего странного. Обычная реакция дикого зверя в смертельных джунглях, в каковые сейчас превратился Китай.

– Так вы русские? Православные? – все еще не верил своим глазам священник.

– Да русские, русские, разве не видно? А вы откуда, святой отец?

– Я отец Олег, в миру Олег Артамонов, из православной миссии, а это моя супруга матушка Елена и наш отпрыск Василий. Вот, ехали из Кайтуна и увидели следы вашей машины.

– Ну, тогда добро пожаловать в нашу маленькую, но дружную

компанию, – радушно развел руками Стас, одновременно кося глазами в сторону джипа. Дверцы оставались открытыми, внутри действительно никого больше не было. И за машиной никто не прятался, иначе ребята заметили бы движение и открыли предупредительный огонь. А отец Олег вблизи оказался достаточно молодым человеком, лет двадцать пятьтридцать, не больше. Матушка и того моложе, бережно прижимает к груди запеленатого в пуховую шаль малыша, сама красивая, миловидная. В глазах легко читается непривычное большинству молодых людей выражение смирения, покорности судьбе и верности своему долгу.

– Спасибо, у нас все с собой, много времени не отнимем, – голос у матушки оказался тихим и бесцветным. – Всех прихожан Господь к себе забрал. Мы одни остались. А скарба никакого не взяли.

– Ну, ничего, по радио слышали: в Союзе все нормально. Эпидемия только желтых и черных косит, а мы этому мору не по зубам, – бодрым тоном произнес Стас и подмигнул матушке Елене. – Да, забыл представиться: руководитель инженерной группы Оборонэкспорта Станислав Рубанов со товарищи. Прорываемся в СССР. Приглашаю составить нам компанию.

– Мы с удовольствием, – расцвел в улыбке священник. – Места в самолете найдутся? Мне бы только супругу с ребенком посадить, а сам могу и…

– Никаких! – жестко отрубил Стас. – Русские своих не бросают. Хватайте вещи, оружие, и пошли быстрее.

– Благослови вас Господь! – Отец Олег размашисто перекрестил Стаса. – Это вас Бог нам послал.

Сам Стас имел собственное мнение по поводу «божественных посланцев», но предпочел промолчать, дабы не шокировать священника. Отец Олег вытащил из машины небольшой мешок и забросил его на плечо, правой рукой он взял под локоть супругу, и так они зашагали к самолету.

– Отбой тревоге! – прокричал Стас, размахивая автоматом. – Нашего полку прибыло.

– Долго ли вы сюда добирались? – поинтересовался отец Олег по пути.

– Почти две недели от Сианя.

– Ох ты! Сколько намучиться пришлось! И все на грузовике?! – изумленно воскликнул поп.

– Да, приключения были, – скромно пожал плечами Стас, – но ничего, группа хорошая подобралась, доехали почти без проблем. Сегодня, если никаких неприятностей не будет, долетим до Благовещенска.

– Бог милостив, долетим.

– Значит, со святым благословением отправляемся? – уловил последнюю фразу попавшийся им навстречу Дима.

Стас быстро представил новых попутчиков товарищам и попросил поторопиться с погрузкой. Никаких разговоров и сантиментов – времени нет. В салоне «Гранд Каравана» отцу Олегу и Лене отвели место впереди, здесь меньше укачивает. Маленький Вася проснулся от шума мотора и требовательно заревел, но Елена его быстро успокоила, качая на руках и напевая колыбельную. Вскоре малыш уснул. Валера выглянул из салона, втянул внутрь лестницу и захлопнул дверь. Кажется, ничего не забыли. Можно взлетать.

– Дамы и господа, прошу занять места согласно билетам. Можно не пристегиваться, все равно бесполезно, – шутовски улыбнулся Шахов, – мы взлетаем.

– К черту! – донесся из кабины голос Иры.

Мотор загудел басовитее. Самолет чуть качнулся, стронулся с места и покатился по полю. Стас непроизвольно вцепился обеими руками в подлокотники кресла. Машина набирала скорость, подпрыгивая на неровностях покрытия. Быстрее, быстрее, еще быстрее – Ира старалась взять максимальный разгон. Наконец последний толчок, и самолет повис в воздухе. Набор высоты, ускорение вжимает в кресла. За окнами мелькнули верхушки деревьев окружавшего летное поле леса. Все. Взлетели.

Глава 27

МЯГКАЯ ПОСАДКА

Истребитель Стива шел на высоте 6 тысяч футов, удерживая скорость 260 узлов, по большой дуге заворачивая к морю. Сам Стив, не отрываясь, смотрел на редкую и грозную картину, открывшуюся его взору. Четыре стальные птицы в радужном ореоле водных брызг шли к берегу, едва не касаясь гребней волн. Длинные самолетные корпуса, короткие крылья, турбовинтовые двигатели в гондолах на киле – это и есть десантные «Олуши» во всей своей красе. Захватывающее зрелище.

Стив в этот момент почти забыл, где находится, самолетом он управлял машинально, на одних рефлексах. Словно мальчишка, во все глаза он смотрел, как огромные машины, плавно сбросив скорость в полусотне метров от берега, выползали на пляж. Кабины экранопланов откинулись в сторону, и на берег хлынула волна бойцов в пятнистом камуфляже. Следом за солдатами из двух аппаратов выползли гусеничные бронемашины. Морская пехота, не мешкая, с ходу захватила плацдарм на берегу. Затем две группы бойцов при поддержке бронемашин в быстром темпе рванулись к городу, третья группа, растянувшись широкой цепью, двинулась полями, расширяя зону контроля.

В этот момент Стива от созерцания зрелища морского десанта оторвал требовательный голос русского оператора с крейсера:

– Майор Грегори, проверьте окраины города.

– Слушаюсь, – ответил Стив и повел самолет к порту.

Сопротивление разрозненных групп противника на берегу было быстро подавлено. Солдаты, выставив блокпосты на дорогах, вошли в город. Сам КотаБару во время обстрела пострадал мало. Огонь в основном велся по припортовым кварталам и окраинам. На территорию застроенного богатыми коттеджами и виллами района в западной части города вообще не упал ни один снаряд. Как выяснил Стив, именно в этом богатом квартале размещались штаб, квартиры главарей и структуры самоуправления пиратов. Здесь же, основная причина «деликатности» моряков, размещались команды с захваченных судов.

Корабли практически прекратили огонь, только изредка, по требованию морской пехоты, залпы в дватри снаряда обрушивались на узлы сопротивления и оборонительные позиции противника. Стрельба корректировалась с воздуха, по радиокомандам и посредством видеокамер, благодаря чему все снаряды ложились точно в цель. Кроме того, с

барражирующего над полем боя самолета легко замечались все перемещения противника, после чего передавались рекомендации командирам десантников. Впрочем, противник не успел или не смог организовать серьезное сопротивление.

Пока основная группа прорывалась через город, еще один экраноплан вошел в устье речки и высадил взвод морпехов на северной окраине, полностью блокируя КотаБару. А последний, шестой десантный аппарат под прикрытием орудий эсминца выскочил на пологий берег у самого порта. Пара минут, и бравые морпехи захватили причалы, пакгаузы и стоящие в порту суда. Операция приближалась к логическому завершению: силы противника рассеяны и методично уничтожаются, порт захвачен, последний узел сопротивления блокируется со всех сторон. Сейчас выявленные наземными и воздушными наблюдателями огневые точки пиратов методично перетираются на атомы тяжелыми снарядами. Четверть часа на перегруппирование штурмовых групп, на выявление и подавление узлов сопротивления, и начнется последний штурм. Никто не сомневался в том, что он будет успешным.

Кружа над городом, Стив заметил два легких беспилотных аппарата, барражировавших почти над самыми крышами домов. Да, русская морская пехота была оснащена по последнему слову техники: не только совершенные средства высадки, не только первоклассная организация взаимодействия с кораблями огневой поддержки, но и собственная микроавиация и разведка. И в бою солдаты демонстрировали прекрасную выучку, на рожон не лезли, действовали гибко и решительно, встреченные очаги сопротивления обходили с флангов, на каждый выстрел противника отвечали ливнем свинца и стали. Подавляющее численное превосходство противника на момент начала операции было моментально парировано четкими умелыми действиями и техническим превосходством.

В тот момент, когда Стив выходил из очередного виража над западным кварталом, он краем глаза заметил вспышку на крыше трехэтажного особняка с увитым плющом фасадом. Пять секунд, и самолет чувствительно тряхнуло от близкого взрыва.

– Черт! – Приборная панель тревожно замигала красным. Загорелось табло «Пожар в двигателе». Прямое попадание «Стингера». Паршиво!

Стив за доли секунды оценил ситуацию – прыгать над городом опасно. Мало того, что приземлишься посреди боя, так еще о крыши домов можно рукиноги переломать. Верный «F16» еще тянул, мотор ревел, как раненый бизон, к привычным звукам добавились ритмичный скрежет и противный свист воздуха, машина ощутимо вибрировала. Ничего, если сразу не упали,

значит, немного продержимся. Плавно добавить тягу турбине и ручку управления немного на себя. И молиться всем святым, чтобы машина не развалилась раньше времени. Секунда тянулась за секундой, стрелки часов, казалось, остановились, замерли на месте, секундная стрелка еле двигалась. Истребитель еще жил, высота постепенно росла – 1000, 1200, 1400 футов.

Наконец город исчез из виду, последние дома скрылись под крылом, впереди чистое поле. Стив сделал глубокий вдох, задержал дыхание и с силой рванул рычаг катапульты. Хлопок пиропатронов, резкий удар ветра в лицо. Затем еще один рывок, на этот раз вверх. Стив медленно открыл глаза, вокруг него голубело чистое небо. Легкий ветерок дул со стороны моря, над головой надулся зеленый купол парашюта. Все, половина дела сделана, теперь можно оглядеться. Внизу полоска дороги, черная земля на полях, трава пробивается между комьями грунта, иногда встречаются глубокие воронки. А вон и самолет. Зарылся бедняга носом в землю в миле к западу. Хорошая была машина. Жаль, не успели поставить комплекс самообороны, а теперь уже поздно.

Земля между тем приближается. Стив еще успел заметить замершую в кювете у дороги русскую бронемашину и несколько солдат около нее. Почти рядом. Внизу, прямо под ногами, рытвины, две воронки, Стив успел подтянуть правый строп, и парашют послушно заскользил вправо, унося его прочь от опасного места. Земля все ближе и ближе. В последний момент летчик сгруппировался и подтянул колени. Удар по ногам, Стива перевернуло, бросило наземь и потащило. Отстегнуть карабины, сесть и оглядеться по сторонам. Приземлился он удачно, ничего себе не сломал.

Стив поднялся на ноги и принялся отряхиваться, а к нему уже бежали трое парней в защитном камуфляже, лихо заломленных набок черных беретах и с автоматами Калашникова на груди. Через пару мгновений Стива уже хлопали по плечу, тянули за руку в сторону выглядывавшей изза насыпи башни броневика, чтото, широко улыбаясь, говорили на незнакомом языке. Неожиданно для себя именно в эту секунду Стив осознал, что он оказался среди своих. Среди родственных душ, таких же, как его отец, или двоюродный брат, или ныне покойный майор Езекия Химура.

Стив не заметил, как в его руках оказалась фляга, а старший из морпехов, широкоплечий, круглолицый детина с тремя золотыми полосками на погонах, показывал на фляжку: «Wodka, horoscho, wipit». И Стив его понял. Напиток был крепким и похожим на виски. После хорошего глотка по телу растеклось приятное тепло, в голове легонько

зашумело, на душе стало спокойно, все проблемы выветрились из головы и ушли на задний план. Стив поднял большой палец кверху, возвращая фляжку ее хозяину.

– Спасибо, друг, – добавил он, хлопая морпеха по плечу. Дальнейшее было понятно без слов. А вскоре прилетел вертолет. В гостях хорошо, но надо и домой возвращаться. А дорога займет больше суток. Сначала на крейсере, а затем уже на «Рюрик» придет вертолет с американской военной базы.

После взлета Стас огляделся по сторонам – все спутники выглядели нормально, только Маша неестественно побледнела. Первым это заметил Валера Шахов. Подсел к девушке. Слово за слово, и к Маше, увлеченной непринужденным незатейливым разговором, вернулся естественный цвет лица. Кажется, она даже на миг позабыла, что летит в маленьком самолетике с неопытным пилотом, над враждебной территорией. Такова волшебная сила слова и великая магия контакта противоположных полов. Наблюдая за Валерой и Машей, Стас вспомнил все задумчивые взгляды, бросаемые Шаховым вслед девушке, вспомнил, как Маша пару раз опускала глаза при встрече с Валерой. Да, похоже, что в отличие от его мимолетного термоядерного романа с Ирой, лазерной вспышки страсти на одну ночь, у этой пары дело может закончиться достаточно долгими отношениями.

Удостоверившись, что в команде все нормально. Стас повернулся к отцу Олегу. Хотелось поговорить, выяснить, какими перипетиями и шалостями судьбы священник с семьей очутился так далеко от Родины. Оказалось, что молодой выпускник Казанской семинарии год назад получил распределение нести свет веры в китайской епархии. К удивлению Стаса, Православная церковь уже десять лет ведет активную миссионерскую деятельность в зарубежье.

По некоторым обмолвкам отца Олега он понял, что эту деятельность поддерживает правительство СССР. В то же время Церковь медленно, но неуклонно теряет свое влияние в традиционных православных регионах Союза. Связано это в равной мере как с бурным ростом уровня жизни в Союзе, так и с работой Ордена Будущего. Олег постарался обойти эту неприятную тему, но в его словах тем не менее не чувствовалось осуждения язычников. Скорее это было горькое признание умного человека в поражении и необходимости уступить поле боя более сильному противнику. Молодежь и в прежние годы не жаловала Церковь. Короткий всплеск интереса к православию в 90х годах завершился. РПЦ остается только вести борьбу за души прихожан в мусульманских районах Союза и

развивать заграничные епархии.

У самого отца Олега в Кайтуне было больше тысячи прихожан. Неплохой результат для коммунистического Китая, хвастающегося своими тысячелетними философскими традициями. Молодой священник работал не покладая рук, нес язычникам Слово Божье, пока на страну не обрушилась эпидемия. В городе порядок до последнего момента поддерживался милицией и частями внутренних войск. Так что бунтов и погромов не было. Отец Олег без устали трудился днями и ночами, горячими проповедями поддерживал души прихожан, исповедовал, причащал, крестил потянувшихся к Богу перед последним испытанием людей. Почти каждый день приходилось отпевать покойников. Да еще у Васи с желудком проблемы начались. Спасибо матушке, выходила.

Наконец наступил день, когда в городе умерли последние люди. Тогда священник решил оставить свой пост, закрыл двери храма и, погрузив в машину жену и ребенка, отправился в сторону советской границы, на север. Что происходило в мире и за городской чертой, он не знал. Отправляясь в дальний путь, надеялся только на Бога и на добрых людей. Путешествие длилось недолго. В районе УланХото Олег заметил свежие следы большегруза и свернул туда, куда они вели. В итоге он не ошибся, оказался на аэродроме вовремя, как раз когда ребята готовили самолет к рейсу.

Постепенно за разговорами шло время полета. Стас и Саша взяли на себя обязанности штурманов. Получалось плохо. Мало того, что карта была мелкомасштабная, так они еще путались с ориентирами. Саша попытался вести отсчет по компасу и показаниям лага, но быстро сбился. В итоге они плюнули на это дело, решив бдительнее смотреть по сторонам и постараться найти подходящие привязки.

– Ничего, Малый Хинган и Амур трудно не заметить, – успокоила их Ира. – Горючего у нас на полторы тысячи километров. Не промахнемся.

Так они и летели. Старались держать курс северосеверовосток, чтобы выйти как можно ближе к Благовещенску или, если не получится, на первый же военный аэродром. Внизу проплывали заснеженные поля и леса Маньчжурии. Изредка встречались города и деревни, тянулись ленточки дорог. Один раз Саша даже заметил колонну автомашин. Ребята в салоне коротали время за разговорами, отец Олег рассказывал о жизни его прихода. Маша помогала Лене перепеленывать ребенка. А Стас уже начал беспокоиться. Прошло почти два часа с момента вылета. Не заблудились ли они? Где же граница, черт побери!

– Горы! Хинган! – восторженно закричала Ира, показывая рукой

вперед по курсу самолета.

– Ура! – поддержал ее Саша.

– Где? – бросился в кабину Стас. Действительно, рельеф внизу стал подниматься, впереди виднелись пологие поросшие лесом вершины.

– Теперь внимательнее, штурманы, – хихикнула Ира, – смотрите не прозевайте Амур.

Хребет они перевалили, холмы внизу стали ниже. Ребята пристально вглядывались в даль, стараясь первыми разглядеть ленту Амура. Стас вернулся в салон проверить, как там дела у ребят.

– Охренеть! – неожиданно для всех воскликнул Макс, тыча пальцем в окно.

Было от чего прийти в такое возбуждение. Справа от «Гранд Каравана», почти касаясь крылом крыла, летел боевой «Су37». Никто и не заметил, откуда он взялся.

– Наши! – заорал Стас. – Сашка, налаживай связь.

Летчик в кабине истребителя смотрел на «Гранд Караван» и стучал пальцем по шлему, видимо, требовал выйти на связь.

– Не получается ни фига, – пробурчал Саша, возившийся с рацией, – никак не могу понять, как же она настраивается.

– Быстрее разбирайся с этой китайской подделкой.

– Не китайской, а американской.

– Какая разница, – раздраженно бросил Стас. Надо было раньше заставить Сашу заняться этой гребаной станцией.

– Неопознанный самолет «Цессна» номер 17, вас запрашивает истребитель ВВС СССР. Вы приближаетесь к государственной границе Советского Союза, – наконец прозвучал в кабине хриплый искаженный голос.

Стас со всех ног ринулся в кабину и выхватил у Саши микрофон. Срывающимся от волнения голосом он начал объяснять, кто они такие и куда летят. Его поняли. Истребители, их было уже два, даже проводили «Караван» до аэродрома под Благовещенском и помогли взять правильный посадочный вектор. Все. Наконецто они дома. Почти дома, поправил себя Стас. Самолет заходил на посадку. Ира уже выпустила шасси и закрылки. Земля все ближе и ближе. За окном мелькают высоченные кедры. Изпод крыла самолета в небо бьют посадочные прожектора, подсказывая направление, не давая промахнуться мимо полосы.

Самолет ощутимо толкнуло снизу, к шуму мотора добавился шорох шасси по бетонке. Ира молчит, она полностью занята посадкой. Вот и все. Они остановились. Шум мотора стих, до ушей доносится только вой сирен.

Стас поднялся на ноги и пошел к двери. Вот она, Родина. Встречает. Рядом с самолетом выстроились машины, люди бегут, кто с носилками, кто разматывает пожарные шланги.

– Ну, вот мы и вернулись, – пробормотал Стас, счастливо улыбаясь. На землю он спустился без лестницы. И первым делом посмотрел на небо. Там, над аэродромом, кружили два «Су37». Могучие боевые машины синхронно покачали крыльями, словно прощаясь, и улетели на запад, оставляя за собой белые инверсионные следы.

– Дежурное звено, приготовиться к взлету, – прозвучала в динамиках короткая фраза офицера с вышки управления.

– Вас понял, – коротко кивнул в ответ Сергей, хотя его жест в кабине истребителя никто видеть не мог. Самолет стоял перед взлетной полосой, моторы работают, все системы проверены. Техника в идеальном состоянии, можно лететь.

Очередное задание по патрулированию воздушного пространства. Стандартное и обыденное. С момента объявления чрезвычайного положения, полк в основном только этим и занимался. График был построен таким образом, что в воздухе всегда находилось звено истребителей. Естественно, оставалось время для отдыха летчиков и регламентного ремонта и обслуживания машин. Обычная, ежедневная рутина для летчиков, а в то же время важный элемент противоэпидемиологического карантина.

Самолеты держали под прицелом чутких приборов все пространство границы, вовремя обнаруживали нарушителей или готовящиеся к прорыву группы и наводили на них мобильные отряды пограничников или мотострелков. Иногда приходилось оказывать и более существенную поддержку наземным частям. 3 декабря в районе озера Ханка на территорию СССР вторглась группа, насчитывающая больше тысячи дезертиров Китайской народной армии. Поднятые по тревоге и переброшенные вертолетами пограничники блокировали нарушителей, но убедить китайцев повернуть назад не удалось. Пытаясь вытеснить отряд нарушителей, погранцы понесли потери. В итоге проблему пришлось решать с помощью пары эскадрилий штурмовиков и кассетных боеприпасов.

Вот и разрешение взлетать. Сергей плавно добавил тягу моторам. Он каждой клеточкой своего тела чувствовал, как ревут, засасывая воздух компрессорами и сжигая в топках керосин, мощные турбореактивные двигатели истребителя. Ни с чем не сравнимое наслаждение – чувствовать себя единым целым с суперсовременной боевой машиной, истребителем

последнего поколения. Убрать тормоз, машина рвет с места. Стремительный разгон, рукоятку управления немного на себя, и самолет взмывает в небо. Следом, с минимальным промежутком, взлетают ведомые. Набрав высоту, четверка «Су37» растягивается фронтом в 60 километров и ложится на курс вдоль Амура на запад.

Поставленной задачей подразумевается полет вдоль границы на 1200 километров и возвращение на аэродром. Естественно, в случае какихлибо изменений обстановки задание будет скорректировано с учетом новых реалий. Внизу лежит один из самых сложных участков границы. После того как Амур покрылся льдом, участились случаи попыток перехода границы по реке. Сейчас лед окреп, а в конце ноября летчики нередко наблюдали свежие полыньи, образовавшиеся от провалившихся под лед китайцев. Жалко было людей, но ничего сделать нельзя – своих еще больше жалко. «И зачем они с таким упрямством пытаются прорваться в Союз? – думал Сергей. – Все равно границу не перейти. В приграничной полосе сейчас столько войск, что даже зайцу не проскочить».

Скорее бы закончился этот проклятый карантин! Постоянное нахождение в режиме повышенной боеготовности напрягало. Отлучиться с территории части нельзя ни на минуту. Даже в Переяславку к тестю в гости не выбраться. А жаль. Петр Андреевич – мировой мужик. Летом с ним вместе на охоту и рыбалку ездили. Даже помог Сергею машину купить. С капитанского жалованья, даже со всеми коэффициентами и компенсациями, так быстро не накопишь. Тем более что Света сейчас в декрете. Все знают, сколько расходов и проблем появляется вместе с ребенком.

А так, с помощью Петра Андреевича, на территории части под окнами квартиры Гореловых появился новенький «УАЗ» «Амур». Прекрасная машина, мощная, как танк, самое то, для тайги. Впрочем, сегодня уже не стоит. Света поехала навестить родителей. Хорошо, последние две недели карантин ослабили, но только для славян и других лиц с отрицательной реакцией «Ш». Это радует, если не Сергей, то хоть Света может выбираться за пределы аэродрома, к родителям в Переяславку или к подругам по институту в Хабаровск. А Новый год придется встречать на аэродроме, в Доме офицеров. И хорошо, если не в воздухе. Такой вариант возможен. Полковник Стравинский вполне может отрядить в новогоднее патрулирование самых ответственных, пользующихся авторитетом летчиков. А значит, и Сергей имеет шанс попасть в число этих «счастливчиков».

Ну, хватит о грустном, нечего отвлекаться от дела. Звено держит высоту 3600 метров, скорость 620 км/ч. Спокойный, неторопливый облет

территории. Радары неусыпно ощупывают пространство, хитрая аппаратура в подвесных контейнерах сканирует поверхность под самолетом. От объективов видеокамер и теплопеленгаторов не скроется даже суслик, не то что человек. Давно уже остался позади Хабаровск. Большой и красивый город, промышленный центр Дальнего Востока. Сергей мельком обратил внимание на вмерзшие в лед суда в порту. Речники отдыхают на берегу до следующей навигации. А там поплывут по седому Амуру караваны барж, пассажирские суда, десятки и сотни грузовых каботажников. Транспортная артерия региона, живая нить, связывающая воедино весь Советский Восток, даже страшно представить, что будет, если ее порвать. Глобальный кризис и обвал экономики и ничего хорошего. Такой поток грузов по железной дороге не перевезти.

Четверка «Су37» тем временем уходила все дальше и дальше от аэродрома. Пока ничего подозрительного обнаружить не удалось. Радары несколько раз засекали воздушные цели, но ответчик «свойчужой» каждый раз успокоительно мигал зеленым. На автоматически отправляемый в Центр управления запрос приходило подтверждение – это свои. Обычно это были гражданские лайнеры или военнотранспортные самолеты родного Министерства обороны. А один раз на радаре на предельной дальности высветилась отметка дальнего разведчика «Ту95РЦ». Все еще крепкий ветеран тяжелой авиации спешил кудато по своим делам в глубь китайской территории. Возможно, он летел в ПортАртур. Как слышал Сергей, эту базу опять приватизировал наш флот. Странная история у этого порта, уже сто лет переходит из рук в руки. Сначала Николай его потерял, потом Сталин вернул, затем Хрущев от широты души подарил китайцам. И теперь опять, при Бугрове, военноморская база вернулась своему законному хозяину.

Так прошел час. Сергей провел очередную перекличку с ребятами: у всех все в порядке, машины послушны, приборы работают нормально. Нарушителей не видно. Каждые пятнадцать минут в наушниках звучал стандартный запрос с земли, и каждый раз Сергей давал на него не менее стандартный ответ. Такова серая обыденность патрульных облетов зоны ответственности. Часами болтаешься в небе, вглядываешься в приборы и при этом еще стараешься не выпускать из поля зрения землю. Хорошо бы вылет не зря прошел. В негласном соревновании летчиков полка – кто больше засечет нарушителей – эскадрилья капитана Горелова пока проигрывала.

Так прошли еще 17 минут полета. Скоро будет Благовещенск.

– Седьмой, вижу отметку на 260 градусов. Курс на северовосток, – прозвучал доклад идущего на левом фланге лейтенанта Александра

Семенова. И тут же на тактическом экране истребителя Сергея загорелась алая отметка подозрительного самолета. Бортовые компьютеры самолетов звена были связаны между собой в единую боевую сеть, позволяющую вести обмен информацией и передачу целеуказаний в автоматическом режиме.

– Третий, идем на перехват. Девятка и пятерка продолжают патрулирование. – Для принятия решения Сергею потребовались доли секунды.

Небольшой самолет приближается к границе. Идет со скоростью 320 км/ч, держит высоту два километра. Налицо попытка нарушения воздушного пространства СССР. Короткий доклад Центру управления, и два истребителя, заложив левый вираж, устремляются навстречу подозрительному объекту. То, что они сами при этом оказываются над китайской территорией, летчиков нисколько не беспокоило. Китай как государство уже прекратил свое существование, а самопровозглашенное «правительство Маньчжурии» не контролировало даже свою территорию, не то что воздушное пространство.

Дистанция до цели 230 километров. Разогнавшиеся до сверхзвука, истребители проходят это расстояние за десять минут. Вот и нарушитель появился в пределах видимости. Небольшой одномоторный самолетик, опознавательных знаков не видно, на хвосте номер 17, держит курс на Амур, никуда не сворачивает.

– Неопознанный самолет номер 17, вы приближаетесь к государственной границе Советского Союза. Немедленно назовите себя. – Сергей запросил нарушителя по общей волне, затем повторил свое требование на основных радиоканалах диспетчерского управления гражданских авиалиний. Никакого результата. Ладно, раз играет в молчанку, попробуем его разговорить подругому. «Сухой» свалился в пике и, сбросив скорость бочкой, выровнялся на одной высоте с нарушителем в полукилометре от его хвоста. Со стороны это должно было выглядеть как молниеносный бросок сокола на жертву. Хвост нарушителя оказался точно в прицеле пушки истребителя.

Плавно добавить тягу и поравняться с самолетиком. Сейчас даже невооруженным взглядом видно, что в салоне нарушителя (Сергей опознал его как одну из последних моделей «Цессны») несколько человек прилипли к окнам, машут руками, пытаются чтото показать. В пилотской кабине за штурвалом молодая светловолосая девушка. Рядом мужчина согнулся над приборной панелью, видимо, возится с рацией.

– Вы меня слышите? – прохрипело в наушниках. Сергей скосил взгляд

на дисплей радиосканера: говорят на международной волне профсоюза авиаперевозчиков.

– Неопознанный самолет «Цессна» номер 17, вас запрашивает истребитель ВВС СССР. Вы приближаетесь к государственной границе Советского Союза, – терпеливо повторил Сергей. Кажется, в «Цессне» его поняли, приветственно машут руками, мужчина в пятнистой куртке бросился в кабину и схватил микрофон:

– Говорит руководитель инженерной экспертной группы Оборонэкспорта Станислав Рубанов. Нас десять человек и один маленький ребенок, все граждане СССР, возвращаемся домой.

– Понял, держитесь за мной. С возвращением, ребята! – Сергей расплылся в широкой улыбке.

Превосходно! Привести на аэродром своих, спасающихся из Китая, – это не нарушителей гонять. На душе стало легко и свободно, хотелось петь.

– Седьмой, разговор слышал, удостоверьтесь в исправности «Цессны» и ведите их на Ивановку, – подключился Центр управления. Все переговоры летчиков и информация с сенсоров автоматически передавались по командной линии на землю. Пока Сергей только собирался докладывать на аэродром, там уже обсудили ситуацию и приняли решение.

– Сесть сможете? – просто поинтересовался Сергей. – До аэродрома, – тут он бросил взгляд на тактический дисплей, – сто тридцать два километра.

– Постараемся, – ответил Рубанов и, чуть помявшись, добавил: – У нас летчик неопытный. Пожалуйста, предупредите аэродромные службы.

– Предупрежу, не бойтесь. Аэродром уже готовят, примут с распростертыми объятьями, по первому классу.

Тройка самолетов, «Цессна» и ее истребительный эскорт, пересекла Амур, слева мелькнул Благовещенск. Скоро будет военный аэродром Ивановка.

– Сбрасывайте скорость и снижайтесь, – предупредил Сергей, – до полосы двадцать четыре километра. Я буду держаться немного выше. Смотрите не провороньте прожектор.

– Спасибо. Садимся.

Вот и аэродром, по случаю чрезвычайной посадки светится огнями, как новогодняя елка. Сергей прошел прямо над посадочной полосой и с форсажем двигателей ушел в набор высоты. Разворот на пяти километрах. Теперь можно осмотреться. «Цессна» далеко внизу скользит над посадочной полосой. Длинная тень от самолета становится все короче и короче. Наконец она почти сливается с силуэтом самолета. Сели, молодцы!

Самолет внизу катится по полю и останавливается, к нему со всех сторон несутся пожарные и санитарные машины, автобусы спасателей. Все хорошо, ребята вернулись домой. Они уже выбираются налетное поле. И девчонка молодец! Смогла посадить машину. Ей бы в авиации работать.

– Ну что, Саша, – Сергей вернулся на внутренний канал связи, – возвращаемся к патрулированию.

– Возвращаемся, товарищ капитан, – немедленно отозвался ведомый. – А мы сегодня хорошее дело сделали.

– Почаще бы такие вылеты, – ответил Сергей и направил свой «Су37» в сторону границы.

В глубине черного пространства сверкали необычайно яркие россыпи звезд. Откудато сбоку лилось голубоватое сияние, в котором тонули и блекли огни далеких миров. Это светились отраженным, рассеянным солнечным светом верхние слои земной атмосферы. На фоне этого звездного сияния прямо перед взором наблюдателя плыл корабль. Может быть, он был не слишком красив и не соответствовал современным эстетическим стандартам. Непропорциональные решетчатые конструкции, толстый, короткий, массивный цилиндр двигательного отсека, вынесенные на фермах обитаемые модули, гроздья топливных баков. Прямо к реактору пристыкован диск грузового отсека. Далеко за пределы корпусов вынесены ажурные антенны и ракетоподобные блоки маневровых двигателей.

Да, он не был красив, скорее напоминал хаотичное переплетение металлоконструкций, а не звездолет, какими их изображают в кино. Но зато это был не киношный, а настоящий ядерный межпланетник «Пульсар». Первый в мире планетолет, способный совершать дальние рейсы, корабль, позволяющий реализовать древнюю мечту о колонизации других миров.

Сейчас «Пульсар» дрейфовал в километре от станции «Мир4», полностью снаряженный и подготовленный к рейсу. Экипаж на борту, считаные мгновения, и корабль уйдет в свой первый виток вокруг Земли. Вот у основания двигательного отсека в дюзах забило лиловое пламя. Корабль пришёл в движение, постепенно набирая разгон. Разогретая в ядерной топке до сумасшедших температур плазма толкала «Пульсар» вперед. Корабль постепенно уменьшался в размерах, удаляясь от орбитальной станции. Наконец он достиг края экрана и скрылся из глаз. На экране горели только яркие россыпи звезд…

Еще несколько секунд, и изображение погасло, трансляция с борта станции «Мир4» завершилась. Павел Николаевич Шумилов, словно оцепенев, не мигая смотрел на широкоформатную настенную панель. До него только сейчас начало доходить, что в данный момент свершается его

мечта детства. Пилотируемый межпланетный полет! Сколько надежд и ожиданий! Сколько работы, неудач и свершений! И вот получилось. Корабль вышел в первый испытательный рейс. Три витка вокруг родной планеты, отработка маневра при постоянных ускорениях. А уже потом лунный рейс. Пусть американцы успели первыми, но зато мы приступаем к планомерному освоению ночного светила.

Шумилов, к своему удивлению, не ощущал особой радости, только легкая грусть и чувство усталости. В прессе завтра выдадут помпезные бравурные статьи о приоритете, свершении, неукротимой поступи прогресса. Но, если посмотреть на проблему трезво, – не такое это и свершение. Всего второй шаг на пути к звездам. Целых полвека прошло после первых керосиновых бочек Королева. Долгий срок, прогресс идет медленнее, чем ожидалось. Только в начале XXI века человечество осмелилось шагнуть дальше, построить межпланетник.

Павел Николаевич встряхнулся, резким движением пригладил волосы и повернулся к рабочему столу. Одно большое дело сделано. Пора переключаться на другие проблемы. Именно в этот момент зазвонил аппарат правительственной связи.

– Павел Николаевич, у меня сейчас Андреев, Майоров и Савельев (руководитель ГРУ), – прозвучал в трубке довольный бас Бугрова. – ГРУ купило технологию вакцины от лихорадки Шилдмана. Майоров говорит, что может это дело наладить и запустить в серию.

– Поздравляю! – прокричал в ответ Шумилов. Вот это подарок! Молодцы военные разведчики! Обошли комитетчиков.

– Рано поздравлять. Медики говорят, что результативность не так уж велика. Это только дополнение к карантину получается.

– И то хлеб. – Шумилов вспомнил, как две недели назад Майоров докладывал об отечественных разработках вакцины. Если дать нашим ученым иностранные разработки, может, что хорошее и выйдет. Скомпилируют разные схемы и отыщут оптимальный вариант.

– Извини, ко мне в кабинет Трубачев рвется, – добавил Верховный, – он обещал еще коечто по Шилдману привезти.

– Ты где сейчас? В Кремле?

– Да, у себя.

– Через четверть часа подъеду, – бросил в трубку Павел Николаевич и, нажав кнопку селектора, потребовал: – Машину! Срочно!

Пока Шумилов надевал пальто, он успел выглянуть в окно. На улице светило яркое декабрьское солнце, легкий морозец. И небо безоблачное, глубокое, прозрачное, словно кристалл. Чистое небо над Советским

Союзом. И еще Шумилов подумал, что через неделю Новый год и начнется он неплохо…

Синий реванш

Все описанные в романе события и действующие лица являются вымышленными. Любые совпадения с реальными именами случайны.

Патруль

Вертолеты прошли над глубокой расщелиной, миновали полосу джунглей и зависли на краю саванны.

– Первый пошел! Второй пошел! – Старший лейтенант Панфилов высунулся из машины и вглядывался в заросли. Автомат в правой руке, палец на спусковом крючке. Глаза непрестанно сканируют местность.

Парни один за другим сыплются вниз. Бортинженер склонился над турелью с «ПК», готов в любую секунду, как только появится что подозрительное, залить окрестности свинцом. Последним вертушку покинул старлей. Пилот – молодец, прижал машину к земле всего в полутора метрах от поверхности. Остается спрыгнуть на землю. Перекат. Вскочить на ноги и бегом от железной лошадки. В спину бьет, пытается сбить наземь поток воздуха от винтов. От рева моторов заложило уши. Денис Панфилов остановился только в полусотне метров от машины, здесь уже можно разговаривать, слышно не только вертолет.

Одновременно в двух сотнях метров правее шло десантирование со второй вертушки. Работа началась. Отряд в сборе. Все готовы к выступлению. Все – это два отделения мотострелков, рейдовая группа.

– Все нормально? – прозвучал в наушниках хрипловатый голос капитана Самойлова. Вертушки, взревев напоследок моторами, уходят в небо. Им возвращаться на базу или уходить на ближайший блокпост. Это как начальство решит.

– Есть. Порядок.

– Выдвигаемся на северозапад. Деревья видишь? Движение походным порядком. Вариант экстренный.

– Есть.

Денис Панфилов еще из вертушки успел разглядеть окрестности. За спиной отряда в двух сотнях метров джунгли, адские заросли, кишащие всевозможной живностью. Справа полоса кустарника. Зато прямо по курсу расстилается покрытая высокой травой саванна. Редкие деревья. Островки кустарников. Кажется, левее в траве скрывается ручей.

– Поднимаемся, – скомандовал Денис. – Кочетков, Ливанов, Ардис в передовой дозор. Дистанция 150. Под ноги смотреть, бамбуки деревенские! Антонов, глядеть по сторонам. Остальным не зевать.

Отряд двинулся. Шли в темпе, двумя отдельными группами, удерживая дистанцию в 150–200 метров. Капитан Самойлов вел своих

левее, отделение Панфилова соответственно шло справа. Требовалось как можно быстрее покинуть зону высадки. Вдруг со стороны дозора раздалась короткая автоматная очередь. Бойцы отреагировали мгновенно. Все попадали на землю, заняли оборону.

– Товарищ старший лейтенант, – это Ливанов кричит в микрофон, – ложная тревога. Ардис змеюку прибил.

– Твою мать! – намеренно на общем канале, не стал переключаться на Ливанова.

– Старлей! Что за стрельба? – это капитан интересуется.

– Ложная тревога. Разберусь сам. Продолжаем движение, – бросил в микрофон Денис. И, нажав кнопку связи с дозорным, поинтересовался: – Не могли прогнать? На… было огонь открывать?!

– Виноват, командир, не прогнал. Красная кобра. Здоровенная. Шипела, плевалась.

– Тады ладно. Давайте, не задерживаемся. В темпе.

В душе Панфилов понимал ефрейтора, красная мозамбикская кобра – это не та гадина, которую можно спокойно оставлять за спиной. Змеюка страшно ядовитая, со скверным характером, да еще с уникальной способностью плеваться ядом. Весьма точно плюет, с расстояния в дватри метра попадает в зрачок. И это одна из причин, по которой очки «Хамелеон» на поллица, с хорошим светофильтром в Родезии считаются предметом первой необходимости. Глаза надо защищать от яркого африканского солнца, пыли, песка, гнуса, мошкары и всякой ядовитой гадости.

До назначенных деревьев добрались за полчаса. Без приключений. А таковых и не ожидалось. Вся крупная и мелкая живность разбежалась от рева вертолетов. Вот дальше идти придется с опаской. Дрыхнущая в кустах здоровенная кошка вполне может одним ударом лапы оторвать человеку голову. Стадо слонов представляет собой смертельную опасность. Если эти гиганты испугаются и побегут на тебя, спасение только в ногах. Автоматами от них не отбиться. Да и жалко слонов убивать. Не затем сюда прилетели. Белый человек должен защищать животный мир вечно молодого континента от двуногих хищников, а не наоборот.

Задачей группы как раз был перехват и уничтожение банды «диких охотников». Связисты ротной базы Черепушкино приняли ориентировку два часа назад. Подъем по тревоге. Подполковник Козулин и майор Андреев, недолго думая, выделили группу капитана Самойлова. Так как большая часть личного состава отдыхала в поселке, то скорее всего на выбор командиров сильно повлияло зрелище гоняющих в футбол бойцов

капитана. И еще больше на них повлиял влетевший в окно штабной комнаты мяч. Первым на глаза выскочившему на крыльцо Андрееву попался старлей Панфилов. Естественно, не по форме, голый по пояс, но с пистолетом на ремне.

Построение. Постановка задачи. Полчаса на сборы. Вертушки уже ждали, пилоты сидели в кабинах. Загрузиться. Патроны без счета. Не забыть провизию. Кто раздавил аптечку?! Бегом получать новую и еще пару штук про запас.

Задача в целом неопределенная. По радио передали, что в районе Зеленого дола видели группу неизвестных, разделывавших мертвого слона. Затем еще одно сообщение: с отдаленного хутора заметили автомобильную колонну. Район практически необитаемый. Три отдельных хутора на всю обширную долину. В полусотне километров к северу пограничный пост у старого моста через Замбези. Больше людей нет, это если не считать две деревеньки выживших после эпидемии негров.

В таких случаях командование Африканской бригады реагирует быстро. Пусть бригада весьма «толстая», штаты жутко раздуты, но и зона ответственности у нее огромная, десятки тысяч квадратных километров, не считая отдельных анклавов, баз, охраняемых объектов на ничейных территориях. Если не будешь шевелиться, тебя быстро подвинут и выпихнут из Африки.

Если не проводить профилактику на предмет подозрительного контингента на границе, если вовремя не отлавливать всевозможных «вольных охотников», партизан и просто бандитов, рискуешь нажить на своих границах настоящие пиратские республики. Пустынные земли привлекают разного рода авантюристов и тех, кому тесно в рамках Старого Света и цивилизованного общества. Почемуто большей частью это оказываются не благородные Робин Гуды и МиклухоМаклаи, а гангстеры натуральные, бандиты и прочие джентльмены с большой дороги.

– До вечера надо добраться до Костяного вала, там негритянская деревня, – капитан развернул карту и ткнул пальцем в гряду невысоких холмов.

– Ночуем у негров? – интересуется Зубков.

– Разговорчики, младший лейтенант. Ночуем рядом с деревней. Порасспросим кафров, может, они что и видели. Утром придут вертолеты. Определяемся по местности и действуем по обстановке.

– Машины нужны, – недовольно пробурчал сержант Антонов. Порядки в подразделениях бригады были весьма специфические. Особенности фронтира, переднего края цивилизации, давали о себе знать.

При обсуждении задачи право голоса имелось у всех бойцов. Авторитет человека, вескость его мнения зависели не от звездочек на погонах, а от опыта, ума и способности трезво мыслить. Зато в бою, на марше, при выполнении боевой задачи приказ командира выполнялся беспрекословно. Тонкая и не всегда заметная грань между товарищескими отношениями и армейской субординацией.

– Нет у нас машин. Автоколонна сутки будет добираться, а нас за час перебросили.

– Командир, может, с Черепушкино связаться? – опять влез младший лейтенант Зубков.

Парень он неплохой, но слишком молод, неопытен, в Африке недавно. Перевели из Прибалтики после одной получившей огласку пикантной истории со слабым полом. Грубо говоря, парень слишком на многих обещал жениться. В том числе и на дочке командира полка.

– Не стоит вызывать начальство без нужды, – мягко, отеческим тоном пояснил капитан Самойлов, – они сами с нами свяжутся через четверть часа. Не беспокойся, Козулину я доложился сразу после высадки, он знает, что мы идем к Костяному валу. Вертушки придут к деревне. Если что, подкрепление пришлет.

– Подкрепление. Почти вся рота отдыхает.

– Вот подполковнику или ротному это и скажешь. – Последнее слово осталось за капитаном.

– Не могу понять, зачем нас не высадили прямо у деревни? – пробурчал прапорщик Мухин.

– Чтоб вертушки кого не надо не распугали, – хмыкнул Панфилов. – Наши «друзья» тоже могут заинтересоваться неграми.

Ровно в назначенное время ожила рация. Начальство интересовалось обстановкой. Выслушав рапорт, майор Антонов напомнил: в случае осложнений без необходимости в бой не вступать, ждать вертушки. На усиление рекомендуется не надеяться.

– Двинули. – Старлей Панфилов поднялся на ноги.

Отряд на ходу выстроился походным порядком. Шли одной группой. Так немного быстрее. Впереди три человека передового дозора. На флангах боевое охранение, дистанция выбрана в триста метров. Замыкающих нет, группа и так маленькая – 21 человек.

Направление движения выбирали лейтенант Вышинский и прапорщик Мухин, оба почитай местные, в Родезии со времен основания колонии. Местность они знают, с особенностями местной флоры и фауны знакомы не понаслышке.

Отряду повезло, что сейчас зима, не жарко, по небу ползут облака. Летом, в декабре, январе, маршбросок был бы куда сложнее. В первую очередь изза жары, пришлось бы тащить на себе усиленный водный паек. Зато сейчас благодать. Все вокруг зеленеет, пышные заросли акации радуют глаз. Дениса привлекло стадо жирафов: величественные животные неторопливо шагали вдоль края перелеска параллельно маршруту группы. За спиной, у рощицы, под которой только что собирался отряд, появились легконогие пугливые лани.

Часа через два марша, когда отряд приблизился к линии холмов, небо потемнело, набежали тучи. Резкие порывы ветра гнули деревья, срывали с них листья.

– Быстрее, – Мухин побежал к спасительным холмам, – сейчас польет!

– Навесы, брезент готовим, – выкрикнул Вышинский.

Лейтенант знал, чем им грозит тропический дождь. Люди бежали со всех ног. Вот и спасительные холмы. От дождя они не укроют, и под густым колючим кустарником не спрятаться. Шипы, как ножи, раздерут одежду в лоскуты, да еще всякая местная гадость очень любит в кустах скрываться и на шею падать. Главное, холмы защищают от ветра. Группа встала у подветренного склона. Быстро развернули палатки, скрепили рамы каркасов. Натянули брезент. Установили растяжки. Панфилов, Антонов и Мухин нарубили шестов, кольев и натянули на них кусок брезента. Еще один навес не помешает. Для часового.

Успели. В воздухе пахло влагой. С юга приближалась серая стена дождя. Саванна притихла. Только издалека доносится трубный слоновий рев и слышится шелест воды. Ливень обрушился внезапно. На траву перед палатками упало несколько крупных капель, и вдруг все вокруг потемнело, помутнело. Воздух наполнился влагой. По палаткам застучали капли. Сплошная барабанная дробь. Навес провис, на брезенте вмиг образовалось целое озеро, вода не успевала стекать с навеса.

Похолодало. Ребята ежились в палатках, дули на ладони, хлопали себя по плечам. Разительный контраст: казалось, они перенеслись из Африки в далекое Подмосковье или на Рязанщину, из африканской зимы в российскую осень. Дождь был везде. В воздухе висела мельчайшая водная взвесь. Вода вмиг пропитала вещи, затекала под палатки, проникала под форму. Часовой под брезентом не выдержал и с визгом метнулся к ближайшей палатке. Никто его не осуждал – уму непостижимо, кто мог бы в такую погоду не только напасть на отряд, но даже идти под дождем.

Полчаса локального потопа, и дождь так же внезапно прекратился. Выглянуло солнце. На небе висела радуга. Капли воды на листьях и траве

сверкали крупными бриллиантами.

– Кажется, пережили, – хмыкнул капитан.

– Живо. Сворачиваемся! Время не ждет. Отдохнули, пора и согреться, – рявкнул старлей Панфилов.

До цели похода недалеко. Пройти ложбиной между холмами, выйти на звериную тропу и направо вдоль склона. За следующим холмом должна быть деревня.

Первым неладное почувствовал прапорщик Мухин. Проводник остановился у одинокого баобаба, присел на корточки и с шумом втянул в себя воздух. Вышинский обошел могучее дерево с другой стороны и тоже остановился.

Самойлов немедленно вызвал дозор на связь:

– Проблема? Почему стоим?

– Собак не слышно, – пояснил Мухин, поворачиваясь к товарищам и помахав им рукой.

– Цепью. Первое отделение идет через холм. Панфилов, ты командуешь, – отреагировал капитан. – Второе отделение с интервалом через одного, короткими перебежками. Вершинин и гранатометчик на левый фланг.

– Угроза? – промурлыкал Денис бархатным голоском. Сам он не чувствовал опасности, шестое чувство молчало, но если проводники говорят, значит, так оно и есть.

– Пошли!

Отряд разделился на две части и со всеми предосторожностями двинулся к деревне. Старший лейтенант Панфилов шел во второй линии. Наставление требовало от него не лезть под пули, а держать ситуацию под контролем, быть готовым перебросить людей на угрожаемый участок, отвести дозор назад, сыграть роль огневого резерва, поддерживать связь с командованием, да еще трезво оценивать ситуацию и нести ответственность за своих людей. Командир, одним словом.

Поднявшись на плоскую, покрытую редкой, выгоревшей на солнце травой и стелющимися по земле кустиками вершину холма, люди залегли. Денис Панфилов поднял бинокль. Да, не самое живописное зрелище внизу. Губы старлея сжались, лицо исказила злобная гримаса. Денис тронул пуговку микрофона ультракоротковолновой рации:

– Деревня сожжена. Живых не наблюдаю.

– Движение? Засада?

– Нет. Определенно, нет. На трупах сидят падальщики. Вижу гиен. Кажется, за хижинами мелькнула собака. Определенно живых внизу нет.

– Оставь на вершине снайпера с парой бойцов и спускайся.

– Антонов, Зубков, Кочетков, занять позицию. Остальные за мной. – По идее следовало оставить в заслоне еще и бойца с «РПГ22», но с Антоновым это излишне. Сержант из своей «ВСС» муху в глаз бьет, БТР в две минуты остановит, выбив ему все смотровые приборы и глазки. Он из тех людей, что родились с винтовкой в руках.

Бойцы медленно спустились по склону. Трава мокрая, грунт сырой, одно неосторожное движение – и можно скатиться вниз кубарем. Вот и деревня. Сразу видно, боя не было. Была жестокая и бессмысленная резня.

В кустах у подножья холма лежат два негритенка. Спины перечеркивают строчки пулевых отверстий. У ограды под покосившейся обгорелой хижиной целая куча тел: люди, свиньи, корова, несколько собак. Неизвестные расстреливали всех выбегавших через пролом в заборе. Черные стервятники машут крыльями, угрожающе шипят и не торопятся бросать свою законную добычу. Две гиены нехотя, с ворчаньем отбегают в сторону, но не уходят.

Денис идет вдоль ограды. Вот и ворота. Внутри так все, как он и ожидал увидеть. Вакханалия смерти и разрушения. Беглый осмотр территории. Живых здесь нет. Налетчики работали добросовестно, пунктуально, тщательно зачистили деревню. Добили даже младенцев, не говоря уж о стариках и женщинах. Гм, и не всем повезло умереть быстро. Рамиль Сафин обходит кузов древней полусгнившей машины и призывно машет рукой.

– Что там? – Денис бежит к ефрейтору. Следом за старлеем двое бойцов. Пусть деревня безжизненна, но боевого расписания никто не отменял. Рядом с командиром должна идти группа усиления.

Открывшаяся взору картина заставила Панфилова судорожно сглотнуть подступивший к горлу комок. Четыре распятых на земле голых женских тела. Молоденькие девушки. Девочки почти. Руки и ноги привязаны к кольям. У одной запястья пробиты железными штырями. Дождь смыл кровь, но и так ясно, что здесь было. На земле тут и там валяются использованные презервативы. Поблескивают разорванные пакетики.

– Неплохо порезвились, – проворчал Юрген Ардис, – предусмотрительные. Боятся заразу подцепить. Скоты.

– Пошли. – Денис повел автоматом в сторону центра деревни.

Одно можно было сказать: они идут по следу умной, хитрой, предусмотрительной и очень жестокой дичи. После знаменитой лихорадки Шилдмана негры и чистые монголоиды перешли в разряд исчезающих

народов. Очень мало их выжило. Уцелевшие коренные африканцы вернулись в лоно матушкиприроды, селились они на отшибе, вдали от цивилизации и предпочитали без особой необходимости не контактировать с белыми и арабами.

Может, это покажется странным, но, лишившись благ цивилизации, негры чувствовали себя лучше, чем до Пандемии. Земли на всех хватало. Патриархальный быт не способствовал порокам и безделью. Заодно подавляющее большинство чернокожих носителей СПИДа и других страшных болезней погибло от Шилдмана. Да, СПИД стал прерогативой белых, да и то в СССР и США он успешно изживался. В Европе численность вирусоносителей уже который год топталась на одном месте. Не было счастья, несчастье помогло. Консервативное общество, оказывается, само защищается и очищается от СПИДа и прочих социальных болезней. Стоит европейцам прижать свои гомосексуальные меньшинства, запретить однополые браки, придавить пропаганду свободного секса, и у них кривая заболеваемости поползет вниз.

– Собирай своих, – прошипело в наушниках. – За деревней, у подножья холма. Снайпера пока не трогай.

Делать здесь больше нечего. Спасать некого. А превращаться в похоронную команду бойцы капитана Самойлова не собирались, это не их мертвецы. Это часть природы. Жалко, конечно, не так уж много осталось аборигенов, чтоб с ними вот так.

– Деревню сожгли перед дождем, – констатировал капитан Самойлов. Собравшиеся вокруг него в кружок бойцы молчали. Глаза у всех опущены долу. Настроение мерзопакостное.

– Попробуем пошукать по округе, – недобро усмехнулся лейтенант Вершинин.

– Давай, бери охотников и марш вынюхивать. Остальным разбиться на тройки и в патрулирование. Старший лейтенант Панфилов, командуй.

Тщательный осмотр местности дал свои результаты. Пусть дождь размыл почти все следы, но коечто осталось. Налетчики прибыли со стороны югозапада. Шли на машинах. Спалив деревню и вырезав местных, укатили на север. Капитан Самойлов связался с Черепушкино и доложил обстановку. В ответ ему сообщили, что банду три часа назад видели у Слоновьего хутора.

Сильный вооруженный отряд. Почти все белые, но среди них есть метисы и арабы или персы. Едут на пяти грузовиках. С хуторянами «дикие гуси» разговаривали на английском, поинтересовались, как выйти к берегу Замбези, но почемуто поехали совсем в другую сторону. Да, они еще

купили у крестьян мясо, муку, овощи. Расплачивались рублями. Старшего у них называли Длинным Джоном.

Нападать на хутор не стали. Это и понятно. Селение только называется хутором. В действительности это крепкая сельская община, готовая в любой момент выставить дватри десятка вооруженных автоматическим оружием бойцов. Да еще у крестьян гранатометы и огнеметы имеются. В сарае определенно стоит старый БТР со штатным вооружением. Своего рода коммуна, крепкий колхоз. Хутора у нас всегда укрепляют. Наличествует надежная радиосвязь. И люди там такие живут, каких запугать сложно и обижать опасно, они сами кого хочешь буквой зю поставят. Они скорее в бою полягут, чем чужаку хоть в чемто уступят.

Майор Андреев посоветовал группе идти вслед за бандитами. С базы поднимают вертушки с группой усиления. Через час будут на месте. Канал связи стандартный. Авиация обещала помочь с разведкой.

– Пойдемте, – буркнул Сергей Самойлов, – до вечера надо десяток верст да прошагать.

Ночевать рядом с руинами деревни никто не собирался. Паршивое место. Да и падальщики, всякая африканская хищная живность спать не дадут.

Километров через пять, уже на закате, группа наткнулась на брошенный грузовик. Движок заклинило, как определил младший лейтенант Зубков. Машину бросили недавно, мотор еще теплый. Банда явно недалеко. Дождь их задержал, да и ехать по саванне не так просто. Дорог нет. Скорость автоколонны, как у пешехода.

В небе прошел самолет. Редкое зрелище для Южной Африки. Регулярные авиалинии проходят гораздо восточнее. Этот был похож на старый истребитель. В Родезии как раз базировался полк древних, но все еще рабочих «МиГ23МЛД». С современными «Су37М» не сравнить, но когда надо пробомбить банду «вольных охотников», просканировать местность, сбить «кукурузник» контрабандистов, и старый «двадцать третий» хорош.

Коекто из бойцов порывался продолжить преследование, но капитан здраво рассудил, что не стоит рисковать. Скоро стемнеет. Оснащение у отряда отнюдь не с рекламных плакатов Оборонэкспорта. Инфракрасные целеуказатели, тепловизоры, ноктоскопы все только обещают поставить. У нас даже обычные беспилотники в дефиците. Приходится обходиться грузовиками, своими двоими да редкой помощью авиации, если погода хорошая.

Пустоши плоскогорий Родезии – это не самое лучшее место для

ночных прогулок. Хищники просыпаются и выходят на охоту. Вокруг расстилается кромешная тьма, не видно ни зги. Если не напорешься на сидящую в засаде большую пятнистую кошку, так ноги переломаешь, заблудишься в трех баобабах.

Под конец дня начальство донесло «радостную» весть. Вылет группы поддержки откладывается на утро.

Поздно вечером на очередном сеансе связи командование расщедрилось на добрую новость. Банда, а после того, что бойцы увидели в деревне, никто и не называл браконьеров иначе как бандитами, обнаружена. Устроили лагерь всего в десяти километрах от группы Самойлова. У бандитов четыре грузовика. Стоят в небольшой роще. Видны два костра. Численность отряда неизвестна. Чем вооружены – непонятно.

На заре пришли вертушки. В небе кружил самолет. Усиления опять не было. Командование решило, что группа и так справится. Самойлов и Панфилов склонились над картой. В пяти километрах от рощи со стоянкой банды проходит старая дорога. Скорее всего противник к ней и направляется. Куда они дальше свернут, вилами на воде писано.

Решение принято быстро. Отряд погрузился в машины. Вертушки оторвались от грунта и пошли на бреющем в обход рощи. Летчики шли по сигналам спутниковой системы «Полярис» – надежная штука, точность позиционирования и надежность оборудования у нее потрясающие. Наследница знаменитого ГЛОНАССа, какникак.

Высадились прямо на дороге. Засаду решили разместить за дорожным полотном. Дорога в этом месте как раз поворачивала. Есть надежда, что у противника хорошие карты и они выйдут как раз на изгиб трассы.

Работали бойцы по стандартной схеме. Десять человек растянулись фронтом. На правом фланге сильный отряд со старшим лейтенантом Панфиловым во главе. Всего семь человек: два снайпера, гранатометчик, командир и три автоматчика в прикрытии. Огневая позиция за невысоким холмиком с зарослями акации на южном склоне. Обзор великолепный, позиция выдается вперед, хорошо будет бить вдоль колонны.

За левый фланг Самойлов не беспокоился. Там к дорожному полотну подходила заболоченная низинка. Коварный участок. Издали почти не видно, только небольшое понижение рельефа, а как подойдешь поближе, видишь поблескивающие под травой лужицы. Грунт мягкий, коварный – машина моментально на днище сядет. Командир выделил на левый фланг двоих бойцов с гранатометом. Этого хватит. Сам капитан вместе со снайпером старшиной Бельдыевым расположился позади своих бойцов.

Вертолеты высадили людей и сразу же ушли, но недалеко, сели за

зарослями в полукилометре от засады. Это наш резерв. Долгие, тягучие минуты ожидания. Самолет кружит над горизонтом. Хочется верить, что летчики видят противника. Хочется верить, что враг идет на тебя. А иначе лови его в саванне. Африка большая.

– Идут. Панфилов, ты должен первым заметить, – оживает передатчик.

– Понял, – и команда бойцам: – Приготовиться. Оптику протереть!

А вот и гости. На горизонте появляются темные точки. Легкие облачка пыли. Хорошо идут. Прямо к нам в руки.

– Машины тентованные. Будь готов к сюрпризам. Огонь не открывать. – Самойлов поддерживает связь с авиаразведкой. Ему легче, он хоть первым узнает новости.

Противник приближается. Денис Панфилов лежит на склоне холма, в руках бинокль. Оптика услужливо приближает машины «охотников». Старые «Фиаты», кабины помяты. Блики на стеклах мешают разглядеть людей в кабинах. Только на подножке второй машины стоит человек с автоматом в руках, невысокий, в пятнистой куртке армейского фасона, черные очки на поллица, на голове пилотка.

Дистанция сокращается. Противник видит дорогу. Машины снижают скорость. В этот момент у Дениса начинает нестерпимо зудеть спина. Чешется под лопаткой. Зараза! И руку так не вывернуть, не дотянуться.

Что это?! Черт! В трех сотнях метров от дороги грузовики останавливаются, из кузовов выпрыгивают люди. Все с оружием. Не мешкая, рассыпаются цепью. Четверо бегут к дороге.

– Огонь! – командует Самойлов. Как железом громыхнул.

– Огонь! – дублирует Панфилов. Сам приподнимается на локте. Старлей понимает, что до врага слишком далеко, но иначе нельзя. Нам попались тертые калачи, на дорогу они будут выходить пешком, по всем правилам военной науки.

Над головой хлопает «РПГ22». К машинам тянется дымная спица ракеты. Еще один гранатомет бьет со стороны дороги. Включаются в работу снайперы. Автоматчики бьют короткими очередями.

На противника обрушивается огненный ливень. Две машины горят. Люди падают на землю. Гулкие взрывы ракет. Последний в колонне грузовик успевает стронуться с места и проехать метров двадцать. Рисковый был парень. Ракета прошла через кузов и ударила в заднюю стенку кабины. Насквозь. «Фиат» дрогнул и покатил дальше. От кабины идет дым, под тентом чтото горит. Он так и будет ехать, пока ноги мертвого водителя давят на газ, пока не упрется в препятствие или пока огонь не дойдет до бензопровода.

– Поднимаемся. Перебежками через одного, – командует капитан.

Эх, нормальной засады не получилось. Придется атаковать. За спиной Панфилова слышится рокот. Приближается, нарастает. Прямо над головой проходит вертушка. Стальной всадник уходит вправо. С неба доносится стрекотание пулемета. Вторая вертушка рубит винтами воздух на левом фланге.

Бойцы поднимаются и бегут вперед. За их спинами глухо хлопают выстрелы снайперских «ВСС», изредка доносится шипение гранатометов. Противник попался не из дураков. Отстреливаются. Над головой Панфилова свистят пули. Два шага. Упасть на живот. Откатиться в сторону. Приподняться на одно колено. Очередью по противнику. Вторую. Прицельно. Бить, давить их. Прижимать к земле.

Мимо старлея пробегает Юрген Ардис. Через два десятка метров он залегает. Теперь рывок. Бегом обогнать бойца. И опять залечь. Открыть огонь. Вот так, перебежками через одного, отряд идет вперед. Стремительный ошеломляющий натиск.

Большинство бандитов уже лежит, уткнувшись носом в землю или раскинув руки. Человек десять пытаются уйти через болотину. Прямо над их головами зависает вертушка. Пулемет косит, рубит, режет людей. Минута – и все кончено.

Сопротивление затихает само собой. Некому больше стрелять. Еще пара хлопков гранат из подствольников. Последние выстрелы режут слух. Это уже финал. Бойцы цепью прочесывают поле боя. Неожиданно перед Панфиловым поднимается человек. На груди автомат. Лицо перекошено, рот полуоткрыт, глаза безумные. Тело реагирует само, срабатывают вбитые в подкорку рефлексы. Автоматная очередь в упор. Пули рвут грудь бандита, летят брызги. В последний момент Денис соображает, что правая рука бандита была поднята.

Ничего страшного. Команды брать пленных не было, а после того, что ребята увидели в деревне, такого и в голову прийти не могло. Не надо. Просто не надо. Командир не приказал, а ребята все поняли как надо.

Полчаса на обыск. В покореженных ракетами машинах и на телах бандитов ничего особо ценного не нашли. Десяток слоновьих бивней, ящики с консервами, походный скарб. В кабине одного из грузовиков обнаружились три мешочка с самородной платиной. Видимо, бандиты прошли через заброшенный прииск. Трупы «вольных охотников» закопали прямо на месте боя. Машины и снаряжение бандитов солдаты бросили здесь же, с собой забрали только оружие. Этого достаточно. Все остальное поглотит саванна.

Пенсионер союзного значения

Это неправда, когда говорят, будто жизнь на пенсии скучная и серая, как похмелье, дни похожи один на другой, старые друзья уходят, новых нет, делать катастрофически нечего. Врут люди. Пугают пожилых ужасами пенсионного существования. В действительности все не так. Все зависит от человека, именно тебе решать, как жить, когда не нужно каждый день ходить на работу.

Павел Шумилов тоже в свое время думал, что на пенсии главная проблема – это убить время. Какая наивность! Ситуация такая была, что следовало уходить. Слишком много они наворотили, пора было передавать руль молодым ученикам. И шестидесяти ведь не было, как сдал дела, ввел в курс нового председателя Совмина, простился с коллегами и товарищами, устроил хорошую прощальную вечеринку для близких друзей. Дальше Павел Николаевич собирался как следует отдохнуть, выбросить все телефоны, уехать на пару месяцев к черту на кулички, рыбачить, ходить за грибами, смотреть телевизор, нянчиться с внуками, вечерами читать книги и ни фига не делать. Наивный! Уже три года, как собирается. Ровно с того момента, как вышел на пенсию.

В конечном счете все зависит от самого человека. Если ты нужен людям, то как ни старайся, а от людей не спрячешься. Если ты никому не нужен, так и выход на пенсию ничего не изменит, он только в очередной раз подтвердит статускво, расставит точки.

Утро 17 июля ничем в этом плане не отличалось. Павел Николаевич жил за городом, на правительственной даче в Горках. Жил один, у детей своя жизнь, а Маринка, так вышло, приезжает только на выходные, да иногда посреди недели в гости заглядывает. Нет, они не ссорились и так же любили друг друга, как и много лет назад, просто дела заставляли Марину Шумилову жить в Москве, а Павел наотрез отказался задерживаться в городе дольше необходимого. Возраст дает о себе знать. Он и раньше любил выбираться на природу, а уж на пенсии сам бог велел. Нечего дышать автомобильной гарью, проникающий сквозь открытое окно смолистый лесной дух в этом плане куда лучше.

Завтрак Павел Николаевич всегда готовил себе сам. От повара требовалось только убрать посуду. Сегодня пенсионер решил не тратить время на готовку, а перекусить холодной жареной рыбкой из холодильника. Остатки вчерашнего улова. Пусть дела не оставляли Павла Николаевича

даже на пенсии, но время для рыбалки он находил. Это святое. И охрана вместе с водителями тоже постепенно научилась находить удовольствие в расслабленном бдении с удочками на берегу реки. Недавно ребята даже соревнования устроили. Победил Сережа Кочетков, молодой вихрастый паренек, недавно прикрепленный к даче в Горках в качестве водителя. Самому Шумилову досталось только четвертое место. Хорошо, не последнее.

Сразу после завтрака Павел Шумилов поднялся в кабинет и включил комп. День начинался с чтения почты и просмотра новостных лент. Затем наступит черед газет. Несмотря на оперативность электронных СМИ, Шумилов не забывал читать и обычные газеты, в них тоже попадается немало интересного.

Новостей не было, все идет как надо, ничего чрезвычайного или нехорошего не происходило. Страна живет, дышит вольным воздухом полной грудью. Города строятся, заводы работают, космическая экспансия продолжается, готовится марсианская экспедиция, корабли бороздят океанские просторы, а крестьяне борются за урожай. Все как всегда. Даже в пограничье на далеких берегах Хуанхэ все спокойно, и в африканских колониях относительно мирно. Мирно – это значит без боев с участием танков, артиллерии и авиации. Регулярные стычки со всевозможными партизанами, дикими колонистами, полуофициальными формированиями не в счет.

Первый за утро телефонный звонок. Городской телефон. Даже странно, обычно первым звенит сотовый.

– Шумилов слушает. – Павел Николаевич поднял трубку.

– Здорово, Паша! Как дела? – раздался бодрый радостный голос Сергея Анютина, старого друга и соратника, ныне тоже ушедшего из власти, сменившего пост министра на кресло главы государственной корпорации.

– Узнал, узнал. Какие могут быть дела у бедного пенсионера, – ухмыльнулся Шумилов.

– Ты сильно занят?

– Сегодня хотел в саду покопаться, а вечером в Москву заехать.

– Если ты не возражаешь, мы сами к тебе заедем.

– Приезжай, – улыбнулся Шумилов и полюбопытствовал: – «Мы» – это кто?

– Я, Володя Строгов и товарищ Трубачев.

– Вячеслав Иванович? Собственной персоной? Всегда рад. – Речь шла о бывшем председателе КГБ, ныне тоже на пенсии. Да и Владимир

Строгов, один из организаторов переворота 91го года, уже год как ушел из милиции. Одни сплошные пенсионеры собираются.

– Ты, это самое, Паша, поваров и прислугу не тирань, стол накрывать не надо, мы по старинке, откроем винца, колбаски, сальца построгаем, – предложил Анютин. Звучало соблазнительно.

– Хорошо, помидорчики, огурчики у меня найдутся, и холодильник не пустой, – хохотнул Павел Николаевич, удерживая трубку плечом и потирая руки.

Поваров мы напрягать не будем, мы простые советские люди, мы сами можем стол накрыть, да такой, что любого нувориша завидки возьмут. Что за столом главное? Хорошая компания. А уж если в гости едут Анютин, Строгов и Трубачев, то стол просто обязан быть великолепным, даже если на нем будет стоять початая бутылка минералки и лежать три корочки хлеба.

Положив трубку, Павел Николаевич повернулся к селектору, нажал кнопку связи с охраной и предупредил ребят о предстоящем визите. Друзья друзьями, а порядок должен быть. Персональная охрана подопечному не подчиняется, она подчиняется только начальнику 9го управления КГБ. И это правильно. Порядок должен быть. Председатель Совмина даже на пенсии остается желанной мишенью для всевозможных инсургентов, террористов, агентов вражеских разведок и прочей швали. Слишком много секретов находится под черепом Павла Николаевича, слишком много желающих поквитаться с пенсионером за свои проблемы и неприятности, слишком высок авторитет СССР, чтоб КГБ мог себе позволить оставить без опеки и охраны бывшего члена Верховного Совета СССР.

Звонил Анютин из города скорее всего. Это значит, при всем желании раньше чем через часполтора до Горок друзья не доберутся. Время есть. Следующие полчаса Шумилов просидел за компьютером, читал новости, отправил письмо Арсению Бугрову, бросил пару едких комментариев на одном из своих любимых форумов. Тоже развлечение для пенсионера, форумное общение. Особенно ему были интересны разговоры о политике.

В Интернете можно узнать много нового, интересного, выяснить, какие мифы и легенды бродят в нашем обществе, в свою очередь, бывает забавно шутки ради ненароком запустить в информационное пространство парочку свежеслепленных легенд. Развлечение. Именно Шумилов в свое время создал и распространил миф о причастности израильской разведки к недавнему падению цен на нефть. Абсурд полнейший, цена на нефть зависит только от баланса спроспредложение и инфляционных ожиданий, но, к удивлению Шумилова, миф обрел почву и пустил корни.

Затем Павел Николаевич спустился на первый этаж особняка, вежливо поздоровался с встретившейся ему в холле горничной, пожилой дородной Мартой Евдокимовной. Он до сих пор испытывал некоторое стеснение от осознания факта наличия собственной прислуги. Хотя прекрасно понимал, что одному человеку содержать в чистоте и порядке трехэтажный дом с гаражом, теплицами, подсобными сооружениями и садом в треть гектара не под силу. Приходится нанимать персонал.

Окна в холле открыты, на диванчике у дальней стены под лестницей расположился Вася. Охранник сидит, заложив руки за голову и забросив ногу на ногу. Со стороны кажется, будто человек расслабился, спит на посту или глазеет по сторонам. Внешность обманчива. С улицы Васю не видно, с лестницы не заметно, зато ему самому все прекрасно видно: холл, крыльцо, подходы к дому, даже кусок коридора первого этажа. Незаметно проскочить мимо Василия просто невозможно. И не стоит обманываться расслабленной позой комитетчика, Шумилов знал, что парню достаточно доли секунды, чтоб скатиться на пол и открыть огонь по налетчикам либо тихонько подняться на ноги, извлечь оружие и незаметно подойти сбоку к непрошеному визитеру.

– Доброе утро, Павел Николаевич. – Вася снял очки и с добродушной улыбкой на лице кивнул хозяину.

– Здравствуй. Как Маша?

– Спасибо. Скоро выписывают. – Дочка охранника три дня как попала в больницу с приступом аппендицита.

– Это хорошо. Все у нее нормально? Подчистили? Зашили?

– В первый же день, – кивнул Васек, – врачи хорошие, все как надо сделали.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Шумилов, – пусть не расстраивается, шрам после аппендицита маленький, незаметный, до свадьбы заживет и затянется.

– До свадьбы далеко. Пусть сначала школу окончит.

– Всенепременно.

Выходя на крыльцо, Шумилов отметил про себя, что надо не забыть прислать Маше хороший букет цветов и корзинку с фруктами. Девчонке выздоравливать надо, силы восстанавливать, к учебному году готовиться. Витаминчики, они полезные, как раз заживлению и восстановлению способствуют.

На улице хорошо. Солнышко светит, травка и деревья зеленеют, кузнечики стрекочут, на гранитном пандусе развалилась кошка. Животина скосила на Павла Николаевича изумрудные глаза, презрительно фыркнула и

перекатилась на спину, раскинув все четыре лапы.

– Соседская, – улыбнулся Шумилов, – опять в гости пришла.

Соседом у бывшего председателя Совмина был известный академик, тоже на пенсии. Интересный человек, хоть и с особенностями, со своими болячками под черепом. Возраст дает о себе знать. Девятый десяток разменял. Науку забросил, наслаждается тихой, спокойной, мирной жизнью на даче. Иногда в гости к Шумилову заходит на рюмку чаю и партийку в шахматы. Вот здесь возраст не помеха, играл академик сильно, на уровне мастера.

Часа через два, когда приехали гости, на поиски Шумилова пришлось посылать одного из охранников. Пенсионер работал в саду за домом, поливал грядки, цветники, собрал по ведерку вишни и смородины. Жаль, для яблок еще рановато. Не созрели. Сад большой, дел много, человек совсем забыл про время.

Телефон Павел Николаевич оставил в кабинете. Была у него такая нехорошая особенность. Домашние давно к этому привыкли, у каждого свои слабости. Не любит человек постоянно ходить с телефоном, имеет на это право. Да и неудобно с телефоном работать, выпасть из кармана может прямо в бочку с водой или на грядку, зазвонить в неподходящий момент. Мешает телефон, мешает.

– Приветствую тружеников сельского хозяйства, – заявил Анютин, спеша навстречу Павлу Николаевичу. На лице Сергея Дмитриевича сияла улыбка от уха до уха.

За спиной большого директора держались Строгов, Трубачев и неизвестный Шумилову худощавый мужчина в строгом костюме. Старые друзья, те, кому в доме Шумилова всегда рады.

– Здравствуй, Сергей. И вам здравствуйте, товарищи. – Павел Николаевич протянул гостям ведерки с ягодами.

– Спасибо, давненько свежей смородины не пробовал. – Владимир Строгов зачерпнул урожай полной горстью, нимало не смущаясь стекающим по пальцам и лицу соком.

– Мы ведь по делу приехали, – заявил Анютин. – Разрешите представить: профессор Иван Соколов, пенсионер Павел Шумилов.

– Остальных представлять не надо, – ухмыльнулся Шумилов. – Пойдемте в дом. Да вы угощайтесь, молодой человек, – это касалось Соколова, – не обижайте старика. Все экологически чистое, на натуральном навозе выросло.

– Да какой ты старик, – хмыкнул Трубачев.

– Пенсионер обыкновенный нетрудоспособный, на государственном

иждивении.

– Врешь!!! – заорал Строгов. – Не верю!

– Удостоверение показать?

– Не подписывал я тебе обходной лист. Ты сколько республик принял? А сколько сдал?

– Шесть: Россия, Украина, Белоруссия, Прибалтика, Казахстан, Маньчжурия.

– А было пятнадцать, – заметил Трубачев, – непорядочек в бухгалтерии, почему БХСС спит?

– Да ну тебя, сам почему в своем Комитете эпидемию прозевал? И вообще, у нас был Верховный, к нему и вопросы.

– А ты Красный Премьер, ты должен был все предусматривать, просчитывать и вырабатывать решения. – Строгов дружески хлопнул Шумилова по плечу.

Иван Соколов с изумлением взирал на ребячество седовласых, уважаемых, до сих пор пользующихся немалым авторитетом и любовью сограждан товарищей. Старики, как дети. Ученый уже начал сожалеть о том, что слишком легко согласился на предложение генерального директора обратиться за помощью к его старым друзьям, бывшим высокопоставленным чиновникам.

– А ведь мы неправильно считаем, – прищурился Трубачев, – плодить республики легко, так можно каждому меньшинству по республике нарезать. Не надо считать по титулам, считать надо по территории, валовому производству на душу населения, качеству жизни. Что из этого уменьшилось изза товарища Шумилова?

– Увеличилось, конечно, все увеличилось. Вот у меня и вопрос к товарищу Шумилову, – неожиданно непривычно официально молвил Володя Строгов, входя в кабинет.

– Дверь закрой, – резко отреагировал Трубачев. Комитетчик не бывает бывшим. Даже на пенсии он остается специалистом КГБ, навыки, рефлексы, опыт не пропить, не забыть и не продать.

– Пал Николаич, думаю, ты уже догадался, что не просто так мы приехали такой компанией, – начал Анютин. – В свое время ты, да и все мы неплохо поработали. Нет ли у тебя желания тряхнуть стариной и еще раз провернуть то же самое, что мы уже один раз сделали в начале 90х?

– Мужики, я же на пенсии, в саду копаюсь, за грибами, ягодами хожу, на рыбалку.

– Старых друзей консультируешь, супруге и детям помогаешь хорошие заказы пробить, в загранку на переговоры катаешься, проект африканских и

азиатских колоний курируешь, – продолжил за него Строгов.

Вячеслав Трубачев тем временем извлек из кармана сканер и обходил кабинет, тщательно обследуя помещение на предмет жучков. Никто в здравом рассудке и помыслить не мог, что ктото сможет установить в доме Шумилова подслушку, даже председатель КГБ не позволил бы себе такого. Что уж говорить о других, когда объект курировался 9м управлением? Невозможно. Специалисты управления и так проводили на даче регулярные плановые и внеплановые проверки.

Поведение Трубачева само по себе говорило о многом. Человек перестраховывается, значит, разговор действительно будет настолько серьезным, что сам факт встречи старых друзей уже является государственной тайной. Павел Николаевич изумленно приподнял правую бровь, тихо присвистнул. Затем он забрал из рук товарищей ведерки с ягодами, поставил на стол, вытащил из шкафа три разнокалиберные тарелки под косточки, поставил рядом с ведерками и сделал приглашающий жест: угощайтесь.

– Все чисто? – поинтересовался Строгов.

– Чисто, Владимир, – ответствовал Трубачев, задергивая шторы и опуская жалюзи, – можно начинать.

– О какой стране идет речь? – Павел Николаевич был в курсе всех новостей мировой политики, сейчас он перебирал в голове дружественные или нужные СССР государства, которым могла потребоваться помощь антикризисных специалистов. Нет, подходящих стран не было, а если у кого в зонах наших интересов и были проблемы с экономикой, так справлялись своими силами или за счет советских инвестиций.

– Ты, Паша, присядь, – жалостливым тоном протянул Анютин, – наша помощь требуется России.

– Что курить изволили? – от неожиданности Шумилов перешел на сленг интернетфорумов. Ему на секунду почудилось, что товарищи собираются осчастливить родную страну еще одной революцией, первой в XXI веке.

– Совершенно серьезно. И, к счастью, дело касается не нашей России, точнее говоря, Ругии, – пояснил Строгов.

– Докладывайте. – Шумилов, как был в джинсовой рубашке с закатанными рукавами, в старых рабочих брюках, сел в свое кресло и сложил перед собой ладони домиком.

Иван Соколов с искренним интересом разглядывал кабинет знаменитого бывшего председателя Совмина СССР. В отделке превалировали металл, стекло и пластик. Мебель легкая, из современных

материалов и металлических профилей, облицовка светлых оттенков. Хозяин кабинета сидит спиной к окну, стол загроможден папками, стопками документов, книгами, компьютерными дисками. Однако популярных в последнее время безделушек и сувенирчиков на столе нет. Видно, что хозяин кабинета много работает, у него нет времени на перекладывание папочек с полочки на полочку, болезненной мании к порядку тоже не наблюдается, и это здорово. С точки зрения профессора Соколова, идеальный порядок на столе бывает только у неисправимых бездельников.

Вдоль правой стены идут шкафы с книгами и папками. Достаточно одного мимолетного взгляда, чтобы понять: интересы у товарища Шумилова самые разнообразные и невообразимые. Книг много, стоят в беспорядке, видно, что хозяин много читает. Обложки и корешки потрепаны. Благородные с золотым тиснением томики классических изданий соседствуют с аляповатыми цветными обложками популярного чтива.

Острый глаз профессора заметил и старый, с пожелтевшими страницами справочник по физике, рядом пособие садоводалюбителя и довоенное издание Мичурина. Между серьезными историческими трудами Фроянова и Рыбакова втиснута книженция широко известного в узких кругах автора, сочинявшего небылицы про древних гиперборейцев, наездников на боевых мамонтах и забытые цивилизации истинных арийцев Русского Севера. Разнообразно, весьма разнообразно.

– Павел Николаевич, пермский НИИ прикладного машиностроения три месяца назад как побочный эффект экспериментов с высокочастотным резонансом получил устойчивый пробой в параллельную реальность, – говорил Сергей Анютин подчеркнуто официально, утверждая тем самым статус совещания.

– Мне говорили, что такие вещи принципиально невозможны, – хмыкнул Шумилов.

– Теоретически невозможно, практически… – Анютин замялся. – Я сам понятия не имею, как они этого добились. Ученые еще прорабатывают научную модель, проводят расчеты.

– И куда вы попали? Параллельная реальность – это разумные динозавры, Земля без жизни, бескрайняя тайга и человекообезьяны?

– Проще и хуже. Там живут люди. Там живут обычные люди. Там есть наши двойники. Сама планета совершенно не отличается от нашей. Даже погода в Подмосковье Мира01 точно такая же, как и у нас.

– Мир01, – улыбнулся Шумилов. – А наш Мир нольноль?

– Да, или базовый Мир.

– Интересно. Как я понял, именно этот молодой человек и сделал открытие?

– Нет, Павел Николаевич, – вежливо ответствовал Соколов. – Я только участвовал в экспериментах и первых экспедициях в «ноль первый». Авторство открытия принадлежит всем членам нашей группы.

– Ишь ты какой. Молодец, «наша группа», – повторил Шумилов. – А вот теперь давайте не будем играть в испорченный телефон, пусть рассказывает товарищ Соколов. Думаю, именно за этим вас и пригласили.

– Точно, товарищ предсовмина.

– Оставь ты эти штучки, я тебе не генерал на плацу и не председатель Совмина. Я обычный пенсионер. Сколько можно повторять?! – Шумилов притворно нахмурил брови. – Давай, присаживайся, расстегни верхнюю пуговицу, чтоб не мешало. Мы здесь все простые советские люди. Давай, угощайся ягодами. Володя, в баре рядом с тобой стоит минералка, и вроде там были стаканы. Давайте попростому, или всех выгоню к едрене фене, нечего политес разводить.

Иван Соколов глубоко вздохнул, в душе матеря себя за то, что вообще согласился поехать в Москву, а не выставил вместо себя директора НИИ. Ему налили минералки, пододвинули ведерки с ягодами. Бывший председатель КГБ, седовласый мужчина с внешностью английского лорда, подмигнул молодому человеку и легонько хлопнул его по плечу: дескать, не стесняйся, рассказывай.

– Мы экспериментировали с шаровыми молниями, пытались экспериментально подтвердить расчеты Кудряшова и построить действующую модель устойчивого плазмоида. Параллельно дорабатывали модель резонансного флаера.

– Ничего не понял, – заметил Строгов, – а можно русским языком?

– Можно и порабочекрестьянски, – согласился Соколов.

Судя по рассказу профессора, наши экспериментаторы вместо шаровой молнии получили пробой в параллельный мир. Последующие эксперименты позволили стабилизировать результат, получить устойчивый коридор в «зазеркалье» и даже возможность ходить в гости к соседям.

К счастью ученых, на том конце портала их встретил обычный пригородный лес, изрядно истоптанный и загаженный. Командовавший разведгруппой Соколов вовремя сообразил, что с аборигенами им лучше не встречаться, организовал в быстром темпе сбор материала и буквально пинками загнал коллег обратно в портал. Люди были недовольны, но послушались старшего: к счастью, природный инстинкт самосохранения

пересилил исследовательский зуд.

Принесенный группой «научный материал» – два полиэтиленовых пакета мусора, пустых бутылок и банок изпод пива, обрывков газет, упаковок от презервативов, окурков – заставил руководство НИИ схватиться за голову и бежать на поклон к куратору от КГБ. Ситуация чрезвычайная. Ученые еще не понимали, куда их угораздило залезть, но следы высокоразвитой техногенной цивилизации говорили сами за себя.

Институт организационно входил в научнопроизводственное объединение «Нейропромпроект» – мощную структуру, возникшую на базе Министерства высокоточного машиностроения и возглавляемую Сергеем Анютиным. Система безопасности и секретности концерна создавалась специалистами Конторы Глубокого Бурения, они же и курировали структуру. Слишком серьезными вещами занимались в десятках разбросанных по всей стране НИИ, на полигонах, опытных станциях, экспериментальных производствах, чтоб оставлять это дело без надлежащего прикрытия.

После сигнала от куратора территория института в течение четверти часа была взята под усиленную охрану. О неожиданной находке сообщили самому Анютину. Одновременно в Пермь перебросили отряд спецназа «Вымпел». Опытная установка была обесточена и поставлена под охрану. Вообще любые работы по теме шаровых молний были запрещены. Как минимум до принятия соответствующего решения.

Сергей Анютин прилетел в Пермь только на следующий день. Вместе с ним прибыли высокопоставленные чины Комитета и трое историков, специализирующихся на XX веке. Ученые к этому времени разобрались с добычей, сделали коекакие выводы. Разумеется, с момента объявления чрезвычайки никто территорию НИИ не покидал, родным сообщили о срочной командировке, внеурочной работе и тому подобное.

Два дня ушло на проверку и отладку установки. Люди пытались построить хоть какуюто матмодель случившегося эффекта. Версий было много, но ни одной удовлетворительной. На третий день установку запустили. Порталом занялись бойцы «Вымпела». Первым в разведку отправили робота. Тут же выяснилось, что радиоволны через портал не проходят. Робота вытащили, наскоро заменили радиоуправление на кабельное и повторили попытку. Потом в портал пошли разведчики.

Канитель

Операция по разгрому банды Длинного Джона считалась обычной рутинной работой. По пути в Черепушкино группе пообещали дня четыре отдыха и намекнули на очередное задание. Африка достаточно веселое место, особенно в последние годы. Сюда как мухи на мед слетаются авантюристы и искатели легкой наживы со всего света.

Форпост цивилизации, ничейные земли, развалины городов, поглощаемые зеленой пеленой джунглей, засыпаемые песками, тонущие в болотах, затерянные в саваннах селения. Богатства африканских царьков, клады времен Пандемии, брошенные арсеналы, алмазные и золотые прииски привлекали к себе весьма интересный, разнообразный, не склонный к сентиментальности контингент. Колонистам приходилось держать ухо востро.

Недаром на советских территориях свободно продавалось любое пехотное оружие вплоть до пулеметов и гранатометов. Единственными ограничениями были: советское гражданство, совершеннолетие и отсутствие к гражданину вопросов со стороны нарко– и психдиспансеров и органов правосудия. Немногочисленным выжившим во время Пандемии неграм и прочим местным оружие тоже продавалось почти официально. А что делать? Мало того, что местная фауна способствовала, так еще границы колоний были чисто символическими, пересекали их в обе стороны почти беспрепятственно. На советскую территорию забредали не только бандитские шайки, но и целые отряды «диких гусей». Колонистам приходилось надеяться больше на себя, а не на армию. Солдаты не всегда успевали прийти на помощь.

Будучи обычным колониальным поселком, Черепушкино не могло считаться идеальным местом для отдыха: увеселительных заведений кот наплакал, ассортимент выпивки и развлечений ограничен, местные обыватели очень не любят, когда ктото шумит поздно ночью. Следует учесть, что горожане поголовно вооружены и уже надышались вольным воздухом фронтира. Нравы царят простые, патриархальные, напоминающие американский Дикий Запад или нашу Сибирь времен первопроходцев. Особо буйных и неугомонных любителей ночных загулов могут и подстрелить ненароком.

Вертушка прошла над саванной, зарослями вдоль реки, полями. Вот и Черепушкино. Летное поле на окраине. Из окон вертолета хорошо видны

одно– и двухэтажные щитовые домики, серые ленты дорог, стоящие на летном поле винтовые самолетики и две армейские вертушки. Аэродром у нас пока временный, с собранной из металлических звеньев взлетнопосадочной полосой. В сезон дождей не размокает, и ладно.

По заведенному обычаю группу встречали на летном поле. Не успели бойцы выбраться из вертушки, как к ним подрулил старенький «уазик» с открытым верхом. Капитан Самойлов внезапно приказал бойцам одернуть х/б и привести себя в надлежащий вид.

Нет, это не обычный комитет по встрече. Нашего подполковника нет, врача нет, привычной круглой хари майора Андреева тоже не наблюдается. В машине, кроме водителя, только два человека. Вон они перепрыгивают прямо через дверцы. Совершенно не знакомые бойцам капитана Самойлова майор и старший лейтенант. Гости держатся уверенно и без звезднопогонной спеси, но при этом сразу чувствуется: оба из столичных приштабных и облечены немалой властью. Взгляд соответствующий, посадка головы, походка. Форма на обоих явно сшита под заказ, в ателье.

Сергей Самойлов негромко скомандовал своим людям: «Строиться», – но сам вытягиваться по струнке и рапортовать не спешил. Не след бегать перед неизвестными на цирлах. Здесь вам не тут, у нас в колониях и дальних гарнизонах свои правила, своя гордость. Недаром в Москве говорят: дальше Африки не пошлют, меньше патрульной группы не дадут.

– Вольно! – столичный майор сразу просек ситуацию. Орать на боевого капитана при его людях глупо. Бойцы из рейда вернулись, вздрюченные, на нервах, устали как сволочи. И здесь не Союз, не тыловая часть, где дрессируют срочников. Если капитан пошлет, так далеко, и ничего ему за это не будет. Максимум, можно накатать рапорт по возвращении, и сам при этом предстанешь в не лучшем свете. Что ж ты за старший офицер, коли тебя в баню послали, а ты утерся?!

– Товарищ майор, группа с задания вернулась в полном составе. Личный состав направляется в расположение части, – козырнул Самойлов.

– Шуткуешь, капитан, и правильно делаешь, – хмыкнул майор и, повернувшись к бойцам, добавил: – Вольно, ребята. Я вас не задержу.

– Чем обязаны? – поинтересовался Самойлов.

Оба офицера неторопливо шли по летному полю в направлении вагончиков наземных служб. К вертушке подкатила машина, парни запрыгнули в кузов. Однако оставшийся на летном поле лейтенант запретил водителям трогаться с места. Чегото ждал.

– Давно в Родезии? – поинтересовался майор.

– Три года.

– Недолго. А раньше где служил?

– Сербия, Черногория, Ливан. Сюда попал по спецнабору.

– Значит, не пересекались. Я на Дальнем Востоке лямку тянул, последние полгода в Рязани, штаб ВДВ.

– Петлицы у тебя без парашютов, и тельняшка не проглядывает, – прищурился Самойлов. За свою недолгую, но бурную жизнь капитан всякого навидался. Если служит при штабе ВДВ пехотный майор, значит, так надо, а спросить все равно не мешает.

– Так сложилось, – развел руками майор. – Забота у нас такая: жила бы страна родная. И нету других забот.

– Оклад хоть соответствует?

– Соответствует, ответственность и шишки тоже.

Офицеры расхохотались. Контакт налажен. Столичный гость оказался неплохим человеком, без закидонов. Самойлову подумалось, что скорее всего майор прибыл с рядовой проверкой и сам стремится как можно быстрее закрыть неприятный вопрос. Кстати, а ведь он не представился.

– Капитан, а я ведь приехал тебя обидеть, – произнес майор извиняющимся тоном.

– Попробуй. – Самойлов остановился и упер руки в боки. Только через пару секунд он сообразил, что не стоит искать в словах гостя скрытую угрозу.

– Хочешь – ругайся, хочешь – рапорты строчи, хоть рожу мне набей, но двоих бойцов я у тебя заберу. Их в Москву требуют, и срочно.

– Кого хоть? – глухо выдавил из себя капитан.

«Ну почему именно хорошие люди и бьют нас больнее всего?!» – читалось на лице командира группы.

– Старший лейтенант Панфилов и сержант Антонов. Приказы подписаны. Документы в порядке. Задержать людей и отбрехаться не удастся, фамилии утверждены на самом верху. – Майор не дурак, прекрасно понимал, о чем сейчас думает раздеваемый, лишаемый лучших бойцов капитан отдельной Африканской мотострелковой бригады.

– Понял я тебя, когда вылетаете?

– Завтра. Не бойся, замена будет. Голым тебя не оставят. По моим данным, только не болтай раньше времени, ваш батальон усиливают еще одной ротой и отдельно сотню бойцов россыпью присылают, как раз хватит все дырки в расписании закрыть.

– Спасибо хоть на этом. Утешил, – в голосе Самойлова сквозила едкая неприкрытая горечь. – Таких людей, как Дэн и Гадюка, ротой десантуры не заменить.

– Сам бы остался, своих головорезов бы привез, но приказ, – тихо ответствовал майор.

В отличие от командира Денис Панфилов и Слава Антонов новость восприняли спокойно. Раз срочно переводят в Россию, в Союз, значит, так надо. Проститься с ребятами и Черепушкино как следует им не дали, майор Лаврентьев проследил, чтоб вечер прошел без излишеств и бурных мероприятий, заканчивающихся обычно великим похмельем. Сделано это было не без изящества: обоих бойцов вечером вызвали к начальству и попросили срочно заполнить анкеты, опросные листы, сочинить биографию, попутно дать характеристики на своих командиров и сослуживцев, заполнить по паре дюжин формуляров и на закуску им дали писать сочинение на тему: «Как бы придумать что этакое, чтоб улучшить работу отдельной Африканской бригады, обезопасить наши владения на вечно молодом континенте».

Работы до позднего вечера, так что посидеть с товарищами не удалось. Ограничились обещанием вернуть должок при следующей встрече. Обиделись друзья не сильно, обстоятельства иногда бывают сильнее человека. Хуже всего было капитану Самойлову, напиваться он не стал, только немножечко рому, чисто символически, с устатку и обычая ради, но чувствовалось, что, будь его воля и хоть небольшой шанс помешать штабной машине, фиг бы он отпустил просто так своего заместителя. И за лучшего стрелка в группе, сержанта Антонова, дрался бы до последнего.

Как ни странно, но Самойлову куда жальче было терять сержанта, чем старлея. Панфилов и так не сегодня завтра пойдет на повышение, а сержантсверхсрочник останется, ему еще долго в званиях под началом Самойлова расти. Хороший снайпер, умеющий работать как в одиночку, так и в группе, ценится выше самого распрекрасного офицера. Такова суровая проза жизни фронтира.

Одной из особенностей бригады была аномальная численность офицеров в штате. Треть личного состава. Должности ротных занимали майоры и подполковники. Полковники командовали батальонами. Весь остальной контингент состоял только из сверхсрочников. Ни одного срочнослужащего. Только профессионалы. Объяснялось это просто: в случае чего бригада вбирала в себя местный призывной контингент и превращалась в полноценную дивизию.

Нюансы колониальной службы. Призывной контингент здесь еще тот. Все отслужившие. С оружием даже ночью не расстаются, особенно жители удаленных поселков, хуторов и выселок. Достаточно прогнать людей через учебные лагеря, вбить в подкорку армейскую дисциплину, Уставы, навыки

боевого слаживания и все: дивизия готова. Люди такие, что любую кадровую дивизию задавят. Африканцы.

Рано утром представившийся как Станислав Лаврентьев майор, его старший лейтенант, Дэн и Гадюка погрузились в двухмоторную «Сесну». Сборы были недолгими, документы в порядке, формальности благодаря майору Лаврентьеву улажены с фантастической скоростью, а лишним скарбом бойцы Африканской бригады старались не разживаться. Не знаешь, в какую саванну тебя завтра служба забросит и вернешься ли в старую часть. Нет, лучше все свое носить с собой, так проще. Не жалко терять то, чего нет.

Два часа перелета на трофейной тарахтелке, затем посадка в аэропорту Бейры. Здесь предполагалась пересадка на трансконтинентальный лайнер «Аэрофлота» рейсом Кейптаун – Москва. Товарищи прибыли в Бейру с большим запасом времени, посему пришлось ждать. Благо в оставшемся еще с прежних времен здании аэропорта работали кондиционеры, в барах продавались всевозможные напитки и легкая закусь. Бары – это, конечно, громко сказано, в здании было два заведения, напоминавших типичные привокзальные буфеты из глухой провинциальной глубинки. Причем одно заведение не работало. Так что выбор оказался невелик.

Объяснялось это безобразие просто. Бывшая в свое время вторым по населенности городом Мозамбика Бейра сильно пострадала во время эпидемии лихорадки Шилдмана. Город практически выгорел дотла. Но расположение было выгодным, от города в глубь континента шла железная дорога, наличествовали удобный порт, аэропорт, стратегически выгодное расположение. После того как на юге Африки появились новые поселенцы, Бейра понемногу отстраивалась. Но людей все равно было мало. Население города вместе с транзитниками не превышало тридцати тысяч человек.

В аэропорту к группе майора Лаврентьева присоединились еще три человека: лейтенант, сержант и ефрейтор нашей бригады. Церемониал знакомства прошел быстро, тем более русских в Африке мало, если кого из старожилов и не знаешь лично, так как минимум слышал об этом человеке либо общие знакомые имеются. Никто из ребят не знал, зачем их вызывают в Москву. Ефрейтор Боровик до сегодняшнего дня служил в гарнизоне Бейры, а лейтенант Дмитрий Ковальчук и сержант Азаматов прибыли поездом из Живодеровки. Да, местная топонимика отличалась жизнелюбием и особым африканским юмором, из того разряда, что даже славящихся своим цинизмом хирургов за пояс заткнет.

В десять утра приземлилась «Тушка». Объявили посадку. Таможенный контроль был поверхностным, как понял Денис, чиновники таможни

следили лишь за тем, чтоб пассажиры случайно не прихватили с собой в Москву автоматическое и тяжелое пехотное оружие.

В салоне самолета старлей в первый раз за это утро пожалел, что не успел вовремя получить новое обмундирование. Его потертое, выгоревшее под южным солнцем, с явными следами штопки х/б было уместным в Родезии, но выглядело нелепо на фоне прилично одетых пассажиров лайнера. Особенно если учесть, что билеты у всех четверых были в салон люкс. Впрочем, народу в самолете немного. В основном наши командированные, несколько англичан, американцев и буров, остальные – свои же солдаты Африканской бригады и колонисты.

Москва встретила солдат летним дождем. В аэропорту их уже ждали. Хмурый капитан с загорелым, высохшим под солнцем, изрезанным глубокими морщинами лицом и выгоревшими волосами провел группу по «зеленому коридору» в обход таможни, паспортный контроль они прошли заочно. Капитан просто собрал у всех документы и зашел с ними в нужный кабинет. Через десять минут все было готово. Отметки о пересечении границы, разрешения на провоз личного оружия, даже медицина дала добро, что само по себе фантастика. Нашим врачам даже сам Бог не указ, есть карантинные нормативы, есть положение по прививкам – и будь добр исполнять, иначе штамп не поставят, даже если за тебя маршал просит или министр обороны приказывает. Не положено! – и все тут.

На стоянке перед аэровокзалом людей ждал микроавтобус. Водитель в гражданском, но служилые в нем за версту чуяли своего, старый сержантский кадр, вечный сверхсрочник, для которого армия – дом родной, отец, мать и жена одновременно.

– Давненько не бывал в Златоглавой, – заявил Дима Ковальчук, забрасывая сумку на заднее сиденье «Газели».

– Придется подождать, – хмыкнул в ответ Лаврентьев.

– А мы разве не?.. – удивился Денис.

– Командир, куда привезут, туда и ладно, – миролюбиво проворчал Слава Антонов, – главное, чтоб там плюющихся змеюк не было.

– Гадюка, тебе что родню бояться?

– Не люблю я их, – под общий хохот заявил сержант.

Настроение у людей было приподнятое. Всю дорогу травили байки, шутили, вспоминали забавные случаи из жизни, а у бойцов Африканской бригады таковых было немало. Служба такая, форпост цивилизации, освоение диких земель. Контингент попадается самый разнообразный и неповторимый, без хохм не обходится.

На настроение не повлиял и тот факт, что микроавтобус прямиком из

Домодедова, не заезжая в Москву, покатил в Рязань. Целью путешествия было Рязанское воздушнодесантное училище. На территорию части машину пропустили без задержек. Часовой только взглянул на номер и сразу же поднял шлагбаум. Нарушение устава караульной службы? Нет. Точный расчет и хорошая работа внутренней безопасности.

– Выгружаемся, – повернулся к бойцам майор Лаврентьев, когда «Газель» остановилась у двухэтажного корпуса в дальнем углу территории училища, – старший лейтенант Затонский проводит до комнат. Два часа на приведение себя в порядок, затем приступаем к работе.

– А что за работа? – не выдержал Антонов.

– Сержант, ты контракт подписывал? Расторгнуть не хочешь?

– Виноват, товарищ майор.

– Такто лучше. Ничего сомнительного и нарушающего условия контрактов вас не ожидает. Сегодня вечером пройдет последнее собеседование, после него у вас еще будет возможность отказаться от работы и вернуться к последнему месту службы. Потом уже возврата не будет.

На этой жизнеутверждающей ноте разговор завершился. Ребят проводили на второй этаж и распределили по комнатам. Это оказались приличные двухместные офицерские номера гостиничного типа. Двухкомнатные блоки с отдельным санузлом и душевой, в прихожей холодильник. В каждой комнате по телевизору и две койки с тумбочками. Жить здесь можно.

Распределялись не по званиям, а как сами хотели. Панфилов заселился в одну комнату со Славой Антоновым, соседями по блоку у него оказались Ковальчук и Азаматов. Первым делом после дороги вымыться, побриться, переодеться в чистое. Заодно познакомились с постояльцами этой военной гостиницы. Человек десять здесь уже жили, в основном младшие офицеры и солдатысверхсрочники. Самым старшим был майор Иевлев, прибывший из Сербии. Остальные тоже представляли всю немалую географию военных баз Союза. Были товарищи из Средней Азии, с Востока, из Маньчжурии, один сержант прибыл из Вьетнама. Из Африки только пятеро сегодняшних новичков со старлеем Панфиловым. О цели пребывания их под Рязанью никто не знал, командование в лице появившегося вчера вечером генерала госбезопасности Шнитке заявило, что всем все в свое время расскажут.

Из здания людей не выпускали, развлечений было немного, царил сухой закон, оставалось только бездельничать и убивать время за картами. Ближе к вечеру к казарме подкатила легковушка. Уже знакомый Денису

майор Лаврентьев привез с собой высокого, худого как жердь паренька. Лаврентьев бесцеремонно поймал расположившихся в вестибюле офицеров и отправил их разгружать машину. Груза было много, весь багажник и заднее сиденье забиты сумками. Затем контингент построили в холле на втором этаже, и худощавый принялся распаковывать сваленные здесь же, в углу, сумки. Внутри оказалась гражданская одежда. На всех. Все подобрано по размеру и выдержано в приличном стиле. Полный комплект от подштанников и носков до ветровок и ботинок.

– Работа у нас такая, – улыбался Лаврентьев, – придется на время забыть, что мы в армии, но дисциплину прошу помнить.

– Так не бывает, товарищ майор, – попытался пошутить Антонов.

– Значит, будет, – не остался в долгу штабист.

Вечером прибыли еще гости. Дюжина гражданских. Наметанный глаз офицеров сразу определил, что эти если в армии и служили, так только полгода срочной, и давно успели все позабыть.

– Пройдемте, товарищи. – Вслед за последней партией вновь прибывших в здание вошел генерал КГБ в сопровождении майора Лаврентьева.

– На втором этаже просторный холл.

– Знаю, там и будем разговаривать, – кивнул генерал. – Ребята, организуйте нам стулья наверху. – Это касалось спустившихся вниз изнывающих от любопытства военнослужащих.

Генерал Эрвин Шнитке не зря носил немецкую фамилию, любовь к порядку была у него в крови. Говорил он коротко и по существу, ничего лишнего, никаких любимых политработниками пространных вступлений, послесловий и рассуждений на отвлеченные темы. Слушали его внимательно, ловили каждое слово, тем более оказалось, что нас опять завлекают черт знает куда и с неизвестным финалом. Финал, конечно, известен: дурная работа, грязь, кровь, дерьмо по уши, наказание невиновных и награждение непричастных. Отказаться? Конечно, нет! Если пригласили, доверили, значит, будем работать.

С первых же слов генерал Шнитке заявил, что собравшихся отобрали среди тысяч потенциальных кандидатов по одномуединственному признаку – у всех высокий потенциал выживания. Все считаются везунчиками, умеют выходить сухими из воды. Все подсознательно чувствуют приближение опасности. Это главное. Разумеется, высокий интеллект, образование, физические кондиции тоже имеют значение, но без повышенной живучести они бесполезны.

О сути задания генерал умолчал, намекнул только, что речь идет о

некоей сложной и важной для страны операции под патронажем ГРУ и КГБ одновременно. Ситуация уникальная, Денис ни за что бы не отказался воочию увидеть сотрудничество двух старых непримиримых конкурентов, даже если это будет ему стоить карьеры. Ничего, и на гражданке без дела не останемся, в крайнем случае в колониях всегда нужны крепкие руки и трезвая голова, а если человек еще стрелять умеет, то ему вообще цены нет.

Занятия, подготовка к операции начались со следующего утра. Сразу после завтрака прибыли лекторы – и пошлопоехало. Сначала теория. Читали лекции по маскировке и выживанию в городе, умению быстро адаптироваться к незнакомому обществу. Одновременно проводили ликбез по экономике, банковскому делу, предпринимательству, бухучету. Как заметил Денис, упор делался на методы получения прибыли и развития предприятия любой ценой, особое внимание уделялось технологиям уклонения от налогов.

Обучение шло в свободной форме диалога с курсантами. Причем были среди наших и такие товарищи, что могли заткнуть за пояс лекторов. Двое гражданских, Сергей и Артур, оба успешные предприниматели, построившие свой бизнес с особо извращенной выдумкой, хитростями и тонкостями. Как проговорился Артур, они оба не сели только потому, что ОБХСС не смогло собрать доказательную базу, а КГБ не заморачивалось вопросами законности и предложило обоим засветившимся героям финансового фронта реабилитироваться на государственной службе. Предложение, понятно дело, из тех, от которых очень трудно отказаться.

Через две недели начались практические занятия по выживанию. Сделано все было с размахом. Шенгенские визы всем оформили заочно. Проблем на таможне не возникло. Круиз начался. Группа вместе с преподавателями, из которых выделялись несколько инструкторов ГРУ, покатила галопом по Европам. Веселая компания сотрудников крупной частной фирмы, выбившая в качестве премии турпоездку. Так это легендировалось.

Тренировки шли каждый день, каждый час, каждую минуту. Прогулки по крупным городам, поездки, зачастую в одиночку или небольшой группой в 3–4 человека. Задачей было пройти по заданному маршруту, отработать умение моментально растворяться в городе, становиться своим, ничем не выделяться из окружения. А поездка была та еще. На пути лежали эмигрантские кварталы, районы с повышенной криминогенной обстановкой, государства с весьма специфическими законами и обычаями.

От курсантов требовалось уметь адаптироваться к местности и выживать в не самом подходящем для белого человека окружении. Главное,

не попадать в конфликтные ситуации, а если угораздило или нельзя было обойтись без силового решения, делать все быстро, моментально выходить изпод огня и ни при каких обстоятельствах не попадаться полиции. Травмы тоже считались провалом. По мнению инструкторов, подопечные должны были уметь трезво оценивать свои силы, не доводить дело до больничной койки и не допускать того, чтоб их фотографии попадали в полицейские ориентировки.

У большинства получалось неплохо. Двое наших, правда, умудрились вляпаться в неприятности в мусульманском пригороде Марселя. Гуляли по району в поисках сувенирных лавок и не заметили, как оказались в самом центре большой народной потехи с битьем стекол и поджогами автомобилей. Полиция в этот день проводила в районе массовые аресты, попутно спровоцировала бунт. Незатейливая провокация сил правопорядка – повод для силового подавления мятежа и выселения всех попавшихся из страны.

К чести Витаутаса и Ильнура, они сумели быстро найти укрытие, дождаться ночи и быстренько покинуть опасный район. Выкрутились, перед полицией не засветились и даже вроде бы никого не убили, кажется. При прорыве не обошлось без драки с перевозбужденной, обкуренной, вооруженной арматурой, гражданской стрелковкой и бутылками с зажигательной смесью арабской молодежью.

Месяц круиза по Европе, затем прямо из Боснии группа вылетела в Ташкент. Здесь еще неделя тренировок в условиях, приближенных к боевым. Наша бывшая Средняя Азия, интересный и богатый регион, но не слишком приспособленный для желающих жить тихо, мирно, спокойно без ежедневной поножовщины. Особенно большие затруднения возникали у людей с выраженной европейской внешностью. Здесь таковые давно не встречались, только наши военнослужащие, имевшие приказ не покидать расположение военных частей без оружия, и жители нескольких славянских анклавов, давно уже превратившихся в практически независимые государства.

К счастью, уровень требований к курсантам был снижен. Им надо было только гулять по центральным улицам, держаться группами, при необходимости можно было обращаться за помощью к местной полиции. Так как регион полностью зависел от СССР, то местные органы власти старались не допускать того, чтоб на улицах открыто убивали граждан СССР. Полиция при всей ее коррумпированности и азиатском менталитете всегда бросалась на защиту гостей с Севера и Запада.

Наконецто группа вернулась в Рязань. Испытания прошли все. Вот и

знакомые ворота училища, часовой пропускает машины с пассажирами, на крыльце гостиницы их встречает генерал Шнитке. Рядом с ним несколько гражданских. Большей частью люди в возрасте, многие с сединой.

– Ты смотри! – Слава Антонов ткнул Дениса локтем в бок.

– Что там?

– Вон тот дядя, справа от немца, это же сам Строгов.

– Офигеть! Он же в отставке.

– Видать, уже нет, – заметил Дима Ковальчук.

Соседи

Павел Николаевич внимательно слушал рассказ ученого, ловил каждое слово. Чудо настоящее! Так не бывает, но это случилось. Наши мудрецы в пылу борьбы с тайнами природы пробили путь в параллельный мир. С легкой руки первооткрывателей за новым пространственновременным континуумом закрепилось именно такое обывательское наименование, либо как обозвали открытие не склонные к фантазированию специалисты Комитета – Мир01.

Похожий, очень похожий мир. Различия невелики, а именно только в истории человечества, да и то до недавнего времени у обоих миров было одно прошлое. Или, по мнению профессора Соколова, Мир01 возник в тот момент, когда у соседей нарушились причинноследственные закономерности, и все покатилось наперекосяк вопреки исторической последовательности, законам диалектики и здравому смыслу.

«Ноль первый» откололся от нашего мира примерно в 90–91м годах. Трагичные события в СССР, страшнейший удар не только по Союзу, но и всему человечеству. Стагнация цивилизации, остановка развития, с переориентацией, размазыванием научного и гуманитарного потенциала на ложные цели. В итоге нарастающий цивилизационный кризис.

У соседей не было знаменитого и вполне закономерного военного переворота в августе 91го года. Зато опереточное ГКЧП продержалось в Кремле целых три дня, полностью себя дискредитировало, продемонстрировало свою немощь, старческий маразм, политическую импотенцию и сдалось на милость победителя. Последствия катастрофичные. Запущенные Михаилом Горбунковым центробежные процессы разорвали страну на части.

Пришедшие к власти на революционной волне новые правительства моментально перессорились друг с другом, в большинстве своем проявили полную некомпетентность и неумение решать проблемы. В итоге их деятельности налицо деградация техносферы, катастрофичное расслоение общества, утекание ресурсов за рубеж, обнищание населения. Сейчас обстановка болееменее стабилизировалась, но это не более чем стабильное течение тяжелой болезни.

Все новые демократии быстро скатились на роль третьестепенных региональных государств. Только Белоруссия и Туркменистан сумели преодолеть кризис самоопределения и проводят адекватную внутреннюю и

внешнюю политику. Остальные живут по принципу: от плохого к посредственному, от посредственного к худшему. Долговременное планирование погибло вместе с социализмом, перспективы самые наипохабнейшие, на внутренние проблемы наложилось внешнее вмешательство ближних и дальних соседей.

Гражданские войны, демографические перекосы, национальные проблемы, банальное разворовывание советского наследства, негативный отбор политических элит, сращивание криминала с государством, развал промышленности, ужасающая коррупция не дают повода надеяться на благополучный исход, на выход из кризиса. В южных республиках прокатилась волна геноцида славянского населения. Типичный азиатский родоплеменной фашизм. Кавказ превратился в стабильную горячую точку. В Прибалтике под лозунгами возврата в Европу и избавления от «большевистской тирании» избавились от незаслуженно приобретенного суверенитета, экономики и значительной части населения. Да, эмиграция из стран Балтии давно зашкалила за любые разумные пределы. Эти страны практически стали европейскими проститутками, готовыми отсосать у любого, кто заплатит.

На Украине уникальный, не прекращающийся годами кризис власти, страна практически живет в условиях бесконечной революции. Что, как ни странно, благотворно сказывается на населении. Занятые междоусобными разборками политики не мешают людям жить. Средняя Азия и Закавказье моментально вернулись в родное средневековье. Единственное исключение – это Туркмения. Настоящая восточная тирания оказалась способной разумно распорядиться природными ресурсами и наладить в стране жизнь. Во многом Туркмения копирует Саудовскую Аравию, в том числе и заботу о своем настоящем и будущем.

О ситуации в России невозможно говорить без содрогания. Коррупция, неадекватная внешняя политика с бряцаньем атомными мускулами, при этом развал армии, развал промышленной базы, продажа ресурсов и действующих производств иностранцам поставили на стране крест. Обнищание населения при безудержном росте состояний олигархов, популистские проекты и неспособность поддерживать в рабочем состоянии инфраструктуру, уничтожение медицины, образования и научной школы, вымирание населения, национальные проблемы, региональные конфликты, конкуренция дешевых трудовых мигрантов с коренным населением – все это ставит под вопрос само существование русских как нации. Проблема усугубляется ростом сепаратистских и ультраправых настроений как естественной реакции на «мягкий геноцид» коренного населения и

практику властей решать национальные проблемы не демократическим, а либеральным способом.

К слову сказать, не обходится без курьезов – страна сейчас официально называется не Россией, а Ругией или Ругской Федерацией. Ктото в неуемном желании хоть тушкой, хоть чучелом, но приобщиться к Европе вспомнил, что в саксонских хрониках княгиню Ольгу называли королевой ругов. Повод анекдотичный, но государство переименовали. Правда, на отношения с западными соседями это дело если и повлияло, то совсем не так, как рассчитывали авторы «ругской идеи».

– Все это понятно. – Павел Николаевич подпер щеку кулаком и уставился на Анютина. – А менято зачем ввязываете в это дело? Я чем могу помочь? Реальной власти у меня нет, выбить финансирование не могу, дать проекту «зеленый свет» тоже не в моих силах.

– Финансирование есть, – отозвался Строгов, – всесторонняя поддержка Комитета, Минфина, профильных министерств, науки, армии и МВД у нас есть. Твой наследник Краснов и Воронцов в курсе, держат проект на контроле. – Речь шла о действующих председателе Совмина и председателе Верховного Совета СССР. – Проблема в том, что у соседей революцию надо устраивать, пока не поздно, а ни у кого, кроме нас, такого опыта нет. Молодежь уже забыла Перестройку, она разучилась бороться с внутренним врагом.

– В бой идут одни старики, – хмыкнул Шумилов. – Володя, а не зря ли ты молодых хаешь? Пусть работают, мозги у них не закостенели, энергии будь здоров, сил и работоспособности как у быка. Давай не будем мешать?

– Мы не мешать, а помогать будем. Я тут поднял отчеты 9го управления о твоих перемещениях за последний год. Бодрый ты, оказывается, старичок, непоседливый, деятельный живчик.

– Работа сложная, тяжелая, на всех хватит, – добавил от себя Сергей Анютин.

– А что молодой человек скажет? Тебя, Вячеслав Иванович, не спрашиваю, раз приехал, значит, уговаривать.

Иван Соколов отступил к окну, нервно подергал узел на галстуке. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Мысли в голове путались, язык присох к гортани: совсем не так представлял себе молодой ученый визит к знаменитому Красному Премьеру. Совсем не так. Соколов надеялся, что знаменитый Шумилов сразу ухватит быка за рога, потребует все материалы по проблеме, с ходу выскажет пару интересных предположений, даст добрые советы. А выходит, человек еще думает, загадки загадывает, ненавязчиво, технично так уходит в сторону.

– Тяжело у соседей. Паршиво все очень, – выдавил из себя Иван, – помочь хочется, а как – не знаем.

– Помочь хотите? – улыбнулся Павел Николаевич. – Дело хорошее.

Из фундамента цивилизации вылетел один блок. Разрушилась система сдержек и противовесов, двухполюсный мир стал однополярным. В политике однополярная система очень неустойчива, резко растет энтропия, расширяется поле возможных решений. Нет, не расширяется, а переходит на новый уровень. Мировой гегемон теряет связь с реальностью, амбиции требуют немедленного удовлетворения. Возница подстегивает лошадей, не видит, что они уже несут и их не остановить.

Советский Союз при всех его недостатках был примером социального общества, идеалом гуманизма, уникальным смешением идей империи и всеобщего равенства. Пусть во внутренней политике было немало перегибов, пусть ошибки накапливались, и в итоге неправильная национальная политика привела к отделению от СССР азиатских и закавказских республик, но большинству это было не видно.

После того как у соседей погиб СССР, целостность мира нарушилась. Стабильный кризис цивилизованного Севера. Рвущие горло конкурентам азиатские «драконы из пробирки». Неторопливо подминающий под себя мир Китай. Невнятная, импотентная политика ЕС. Хаотичные телодвижения США, гниющего изнутри гиганта.

В масштабе тысячелетий, может, и нет большой беды в том, что европейская цивилизация рушится, а ей на смену приходит азиатский менталитет, азиатская культура, азиатский путь. Все равно цивилизация возродится, а Китай без интеллектуальной подпитки извне, без конкуренции, борьбы за существование остановится и постепенно покатится вниз под горку. Восточная цикличность, змея, кусающая свой хвост, вечное противоборство Инь и Ян, давно пожравших себя в бесплодных попытках родить чтонибудь жизнеспособное.

Самое плохое в том, что крушение цивилизаций не бывает бескровным. Европу и Россию захлестнут орды новых варваров, сметут все на своем пути, вырежут всех, кто посмеет им противиться, остальных тоже хорошо проредят. Со временем варвары уйдут, они даже заразятся бациллами культуры и комфорта, начнут строить свою цивилизацию. Пройдет время, и все вернется на круги своя. Возникнет новая культура, новые люди поднимут голову к небу, их опять потянет к звездам. И уже эта новая цивилизация может оказаться успешнее и удачливее предшественников. Ведь так уже было. Кто помнит последние столетия Рима? Кто помнит, кем стали боевые дружины германцев и славян, яростно

рушивших римский разврат, римское рабство, римскую богоизбранность, римское величие? Это ведь они взяли себе римское право, переняли наиболее жизнеспособные элементы римской культуры и в итоге создали свою, Западную Цивилизацию.

Да, Восток отступит, Азия уберется в свою пещеру, и Европа возродится из пепла, но сколько времени и сколько крови будет это стоить? Шумилов понимал, что если у соседей все рухнет, по планете прокатится кровавая вакханалия полного освобождения от ярма цивилизации, то работа с этим миром теряет всякий смысл.

Поддержание межмирового туннеля, переброска материальных тел и людей из мира в мир требует слишком много энергии. Торговать с соседями бессмысленно. Грабить их тоже. Ибо нет товара, который окупит свою переброску через Барьер. Платина? Тритий? Редкоземельные элементы? Ценные актиноиды? Это еще окупает торговлю, но этого мало. Единственный товар, перевозка которого окупается при любых накладных расходах, который приносит баснословную прибыль, открывает фантастические перспективы, – это интеллект. Самый недооцененный и самый бесценный товар на этой планете. В Солнечной системе тоже.

– Паша, ты заметил: у параллельных не известна лихорадка Шилдмана. – Владимир Строгов не зря вспомнил эпидемию, выкосившую больше половины населения Земли. Чудовищный вирус, неотвратимо убивавший только негров и монголоидов.

– Естественно, не было, – парировал Трубачев, – у соседей не было повода для активации этого вируса. Эйфория победы над СССР не позволила заметить собственное поражение.

– Я давно догадывался, что это искусственная эпидемия, – кивнул Шумилов, – слишком вовремя она произошла, слишком много совпадений, наши заокеанские друзья успели подготовиться к Пандемии, четко просчитали политические, экономические, миграционные и технические изменения.

– А ведь Шилдман и нам помог, – хмыкнул Строгов.

– Не так сильно, как организаторам. У нас практически вышел нулевой баланс. Наоборот, мы сейчас вынуждены развивать колонии и новые земли, заселять их за счет метрополии. А у нас проблемы с перенаселенностью не было. Нет, мы ничего не выиграли.

– А китайская угроза?

– Нам она не грозила, – лукаво улыбнулся бывший председатель КГБ. – Китай был нашим младшим партнером. Он был хорошим покупателем для нашей оборонки, поставщиком сырья. Угрозы он не

представлял.

– О покойниках или хорошо, или ничего, – заметил Шумилов.

– Ничего, кроме правды, – поправил Строгов.

– Так ты берешься? – Трубников зачерпнул горсть ягод и забросил их в рот.

– Уже взялся, – вздохнул Павел Николаевич.

– Ну, вот и договорились. Будешь куратором по экономике, стратегии и долгосрочному планированию, – часто закивал Анютин.

– Не много ли? Кто ведет безопасность?

– Генерал Шнитке Эрвин Теодорович. КГБ.

– Первое управление или спецчасти?

– Нет, второе управление, контрразведчик.

– Имя у него интересное, иммигрант из ГДР?

– Беженец, – кивнул Трубников. – Работал в «Штази», после оккупации ГДР уехал в Союз. На работу мы его пусть и после проверки, но приняли. Наш мужик. Работает не за страх, а за совесть.

– Естественно, после того, что с его родиной сделали, после того, как на его товарищей охотились, дерьмом обливали, распинали, судили, он землю носом роет. У Эрвина Теодоровича к шпионам и агентам влияния личный счет, костьми ляжет, но повторить то, что было в ГДР, не позволит.

– Лично не знаком, но, судя по твоей рекомендации, наш человек, – согласился Шумилов.

– Общее руководство за тобой, Сергей?

– Да. Владимир – консультант, по работе с милицией и коррупции, Вячеслав Иванович – по линии спецслужб, дает рекомендации, как тамошних коллег с носом оставлять.

– Какие они мне коллеги! – возмущенно фыркнул Трубачев. – Шваль подзаборная. Предатели, проститутки и полицаи гестаповские.

– Разберемся, – пообещал Павел Николаевич. – Когда к работе приступать?

– Прямо сейчас! – в один голос заявили старые друзья.

Профессор Соколов задумчиво потер переносицу. Чего только не увидишь в этом мире! Он и помыслить не мог, что сильные мира сего зачастую ведут себя, как нормальные мужики за кружкой пива. А что?! Не перед журналистами же и не в официальной обстановке. Имеют право.

– Шучу. – В глазах Анютина плясали бесовские искорки. – Дня через два переберешься в Питер. Штаб операции у нас в Городе Трех Революций.

– А почему не Пермь?

– Маскировка. Не положено в провинциальном городе близ Урала

крутиться целой компании заметных персон. А центр подготовки обеспечения у нас в Рязанском воздушнодесантном. Тоже удобно.

Все было понятно, присутствующие знали, что Рязанское училище готовит не только будущих офицеров ВДВ, но и специалистов для службы в экстремальных условиях в отдаленных гарнизонах за пределами нашей Родины. Бойцов колониальной службы там тоже готовили. Секретность вокруг училища, особенно особых его подразделений, и так высокая. Никого это не удивляет. И новые курсанты не вызовут интереса у возможных наблюдателей. Переводы показавших себя в деле офицеров и сверхсрочников в Рязань явление обычное.

– А теперь давайте к столу, – заявил Шумилов не терпящим возражения тоном. – Не положено гостей голодными отпускать.

– Ну, только самую малость. – Строгов притворно поднял руки.

– Малость не малость, а жареных грибочков ты у меня попробуешь, самая лучшая вещь, да с вареной картошечкой, с маслицем, а потом еще паровую рыбку поставим.

– Ох, давненько я в Горках не бывал, – задумчиво протянул Трубачев. Намеченные на сегодня встречи явно придется отложить. Раньше чем через пару часов от Шумилова не вырвешься.

После обеда, проводив гостей, Павел Николаевич поднялся в кабинет, достал из сейфа привезенные гостями папки и погрузился в чтение. Что ни говори, а сама идея вот так вот залезть в параллельный мир, поработать как следует над тамошними перспективами, да еще имея за спиной всю мощь Советского Союза… От таких предложений не отказываются. Это фантастика, ни один писатель не додумается до того, что в жизни приключается.

На самом верху стопки лежала тонкая папка синего пластика. Гад Вячеслав Иванович натуральный! Намеренно ее сверху положил, профессиональный вербовщик, мать его так и растак! Специально, чтоб добавить огоньку, чтоб Павел Николаевич не соскочил с крючка в последний момент.

В папке содержались краткие биографии двойников известных людей нашего мира. Короткие, скупые строчки. За каждой буквой боль, страдание, рухнувшие надежды, искалеченные человеческие судьбы.

Шумилов не утерпел, первым делом нашел самого себя. Что ж, его двойнику еще повезло. Живет спокойно в Минске, в университете преподает, в политику не лезет, по выходным на даче в земле копается, внуков нянчит. В тесном кругу иногда президента Белоруссии поругивает, дескать, зажимает Александр Григорьевич демократию, слишком много на

себя обязанностей взвалил, слишком сурово с раздолбаями обходится. Оппозиции практически нет, а какая демократия без оппозиции?

Да, Шумилову повезло. А вот Арсений Бугров спился, в 93м его насильно «ушли» в отставку. Лет десять назад полез по пьяному делу в речке купаться и утонул. Старый, верный, интеллигентный Володя Строгов в далеком 92м совершил самоубийство при весьма интересных обстоятельствах. Два выстрела в грудь и контрольный в голову. Нормальное такое самоубийство.

Вечный труженик и бессребреник Сергей Анютин скурвился. После перестройки и развала всего и вся начал воровать, вокруг завода создал десяток кооперативов, налоги утаивал, зарплату рабочим не платил. После прихода к власти Лукашенко не сумел сориентироваться в ситуации и пошел под суд. В 97м году приземлился на нары с целым букетом статей.

Трубачев выжил, нашел себя при новой власти, одно время возглавлял внешнюю разведку, затем перешел в МИД, сейчас работает послом в Индии. Компромата на него немного, человек порядочный, дело знает, был русским патриотом и остался русским патриотом. Наш человек.

Андрей Краснов – в нашем мире председатель Совмина СССР, у параллельных успешный бизнесмен, в политику не лезет, в свое время по дурости пытался, но быстро получил по рукам, губам, голове и прочим частям тела. Этому еще повезло, легко отделался. Интереснее сложилась судьба Александра Лукашенко: у нас он Председатель Верховного Совета Белоруссии, в Мире01 его двойник работает Президентом Белоруссии. И там и там начинал с председателя колхоза. А вот его украинский коллега Дмитрий Ковальчук погиб в бандитской разборке. Наш министр иностранных дел Рычков наплевал на все, бросил госслужбу и занялся полукриминальным бизнесом. Человек он умный, твердый, дело у него идет, со стороны правоохранительных органов претензий нет, ибо знает, с кем надо делиться, и в президентской Партии не последний человек.

Прочитав до конца документы, Шумилов отложил папку в сторону. Есть повод задуматься. Раньше Павел Николаевич полагал, что нормальный человек в любых условиях добьется результата, – оказывается, нет. Внешняя среда имеет значение. Сравнивая судьбы своих товарищей, просто знакомых, известных людей с их двойниками, Павел Николаевич не видел какойлибо системы.

Одни товарищи поднимались и у нас, и у соседей. Другие хорошие в общемто люди, умные, сильные, уверенные в себе, порядочные, с чистым сердцем, ломались, уходили в криминал, бросали все, эмигрировали из страны, награбив и наворовав напоследок капиталец. Немало народу

погибло в буйные девяностые годы. Кто в бандитских перестрелках, кто сел в тюрьму, кого «заказали» конкуренты, а кто и спился или сел на иглу.

Нельзя сказать, почему полковник Ульман, блестящий командир спецназа ГРУ, без пяти минут генералмайор, у параллельных попал в жернова политических разборок, оказался пешкой в чужой игре и сейчас вынужден скрываться от закона, жить под чужим именем. Это анекдот настоящий, когда выясняется, что простой начальник смены в нашем мире у соседей стал одним из богатейших олигархов и влиятельнейших теневых политиков. Раскрылся талант, вытянул человек счастливый билетик, не упустил свой шанс.

Шумилов специально перечитал биографии большинства активных участников и организаторов переворота 91го года. Вот здесь случайностей не было. По большому счету повезло только двойникам самого Шумилова и Анютина, остальные не выжили. И большинство погибло при весьма странных обстоятельствах.

– Система обороняется, – пробормотал Павел Николаевич.

Система. Это означает, что попытка изменения Системы, внедрение в нее инородных тел, прогрессоров вызовет однозначную защитную реакцию Системы. Павла Шумилова и его товарищей ожидает нешуточная драка. А ведь с целями операции мы еще не определились. Нехорошо. Уяснение своих целей, распределение задач по этапам – это главное. Без этого работа теряет смысл.

Пожилой человек потянулся, громко, со вкусом зевнул и вернулся к документам. Два дня на изучение бумаг, и надо ехать в Питер. Пора знакомиться с людьми. Эх, хорошо бы самому хоть одним глазком взглянуть, как Мир01 живет. Нельзя. Шумилов понимал, что его к соседям не пустят, ради его собственной безопасности и безопасности нашего мира. И это правильно – нельзя подставлять людей, нельзя допускать риск утечки информации. Придется обходиться документами, фотографиями и видеозаписями, они тоже могут много рассказать.

Пробой реальности

Прощай, Рязань, здравствуй, Пермь! Жаль, город Денис с товарищами так и не увидели. Группу прогрессоров – название возникло само собой, ктото сказал, а остальные подхватили – прямиком перебросили в закрытый НИИ под Пермью. На дворе стоит сентябрь, бабье лето, золотая, солнечная пора. Последняя попытка лета взять реванш перед зимой и осенней слякотью.

Институт поразил воображение прогрессоров. Больше всего это напоминало не скромный храм науки, а огромную стройплощадку, да еще под усиленным режимом. Охраняемый периметр, заборы, колючая проволока, прожекторные вышки, патрули, изощренные электронные системы безопасности. Внутри полно народу, прямо на территории строятся новые корпуса. Проект получил приоритеты, и руководство НИИ стремится быстро создать инфраструктуру под «Глубокий океан». Так называется работа по изучению параллельного мира и все связанные темы.

Денис поначалу думал, что местное руководство сошло с ума, нельзя одновременно обеспечивать сверхсекретность и вести строительство в три смены. Старший лейтенант ошибался. Можно и нужно. В первый же день на территории он понял, что НИИ страдает от банальной нехватки жилья и административных корпусов. Места не хватало. Пусть из НИИ вывели все исследовательские группы, не связанные с «Глубоким океаном», пусть эвакуировали всех непричастных вместе с оборудованием, перевели в другие институты, но это была капля в море. Над проектом работали сотни человек, каждому было нужно место для сна, еды, на личные дела и для работы. Да еще зима надвигалась. А зимой жить и работать в палатках удовольствие еще то. Морозы в Пермской области случаются.

В курс дела людей ввели еще в Рязани. Генерал Шнитке объяснил, что наши головастые научники учудили пробить проход в параллельный мир. Там живут люди. Обычные люди, такие же, как и мы. Соседний мир очень похож на наш, но у них случилась беда – СССР разрушен, цивилизация на грани кризиса, власть захватили совершенно случайные люди, наступает глобальный конец. И если мы не вмешаемся, не поможем соседям, то им будет совсем плохо. Все настолько серьезно, что атомная война по сравнению с предполагаемыми последствиями выглядит детской шалостью.

Все просто и понятно, у людей беда, мы должны помочь. Обычная в

общемто работа для солдата. Денис спокойно отнесся к новому заданию, хотя его немного коробило от того факта, что работать придется скрытно. Ни при каких обстоятельствах не разрешается выдавать аборигенам Мира01 информацию о том, что они не одни в этом пространственновременном континууме. Ради сохранения тайны допустимо все или почти все. Попутно людям намекнули, что советское законодательство у соседей не действует, посему выводы делайте сами.

Старший лейтенант Панфилов был старым солдатом, посему испытывал иррациональное неприятие шпионских игр и тайных операций, не привык он к таким грязноватеньким делам, хоть рассудком и понимал, что одна удачная тайная операция приносит больше пользы, чем открытые действия, и зачастую оказывается гораздо бескровнее, причиняет гражданскому населению куда меньше горя, чем вооруженное вторжение. Такова жизнь – каждому свое.

Работа Денису и его соратникам предстояла в системе обеспечения. Именно для этого и выискивали по всему Союзу грамотных, порядочных товарищей с повышенным критерием выживаемости. Не внедряться самим во властные и криминальные структуры соседей, не разрабатывать головоломные схемы перехвата власти и диверсий против потенциальных противников, а просто прикрывать более умных и ценных специалистов. Охрана. Силовая структура. Специалисты по решению щекотливых проблем.

Два дня на последние инструктажи, знакомство с материалами. Два дня на безумную работу стилистов, делавших из советских людей нечто непотребное, но привычное для обитателей Мира01. Денис за эти два дня сам был на грани сумасшествия. Морально он был готов к схождению в ад, но не знал, насколько это будет серьезно.

Жили прогрессоры в армейских палатках, разбитых на задворках института. Места для всех не хватало. В первый же день им устроили экскурсию к порталу. Внутрь, понятное дело, не пускали, только дали посмотреть со стороны, как люди уходят на ту сторону. Дэна и Гадюку портал не впечатлил. Обычный кирпичный гараж недалеко от ворот института, вокруг все оцеплено охраной, параноидальная система безопасности, доступ только по спецпропускам.

Само устройство представляет собой металлическую арку и шкафы с непонятным оборудованием. Каких – либо красивых эффектов, как в кино, не наблюдается. Ни тебе светящихся огоньков, ни серой пелены в проеме арки, ни низкого, тревожащего душу, заставляющего сердце сжиматься комком гудения. Все слишком обыденно. Разве что народ рядом бегает в

белых халатах и перчатках, два оператора стоят у переделанных из обычных компьютеров пультов – вот и вся романтика научного прорыва. Ворохи распечаток, огрызок яблока на пульте и дикий нечленораздельный мат какогото ученого, когда ребята в военной форме старого образца начали споро выкидывать из портала объемистые мешки.

– Что он орет? – полюбопытствовал Слава Антонов, с искренним интересом вслушивавшийся в гневную тираду ученого мужа. Уж больно образные, красочные и редкие перлы звучали, такое и из уст старого моряка редко услышишь.

– Весовую дисциплину нарушили, – меланхолично ответствовал сопровождавший новичков полковник Сабуров.

– И что так кричать? Портал же прошли?

– Пройти прошли. Портал однозначно срабатывает. Но энергии море потратили. Видели новую линию ЛЭП?

– А она новая?

– Три месяца назад еще не было, подземным кабелем обходились. А сейчас мы незатейливо жрем половину выработки Камской ГЭС. Весь регион подсадили. Начальство уже ломает голову, не стоит ли нам пару реакторов воткнуть.

– Мобильный проект?

– С мобильным мороки много, – заметил Сабуров. – Шумилов обещал пробить термоядерный.

– Шумилов?! – выдохнул лейтенант Ковальчук. Фамилия бывшего председателя Совмина говорила сама за себя. Если к проекту привлекли такого человека, значит, зеленый свет дан на всех уровнях, значит, отношение нашего правительства к проекту самое серьезное, значит, финансирование будет по избыточному принципу, значит, все у них получится. Спрашивать тоже будут как со взрослых, но это не страшно, переживем.

– Павел Николаевич курирует, – кивнул державшийся рядом с новичками старлей КГБ, – он все может.

– Однако, – хмыкнул Денис. Несмотря на молодость, он немало был наслышан о великом Шумилове. Волшебник социалистической экономики, гений финансовых операций, организатор и герой неформальных войн за мировое господство. Была у Шумилова одна особенность, о которой говорили только шепотом, оглядываясь по сторонам и стуча по дереву, чтоб не сглазить – Павел Николаевич умел добывать средства на что угодно, откуда угодно, как угодно, но умел. Даже в худшие годы, даже в моменты кризисов он всегда находил деньги и скрупулезно следил за расходованием

средств только и исключительно на целевые программы.

Два дня слишком мало для того, чтобы болееменее подготовить людей к переброске, но времени больше не было, по словам полковника Сабурова, на той стороне срочно требовались люди, наши планируют расширение разведсети. Одновременно надо сопроводить и обеспечить легализацию бригаде финансистов. Люди они хорошие, головы светлые, но выпускать к соседям без охраны их нельзя, в первую очередь ради безопасности соседей.

День перед переброской новичков был ознаменован чрезвычайным происшествием. По институту со скоростью атомной ракеты пронесся слух: «Гогиашвили убил Гогиашвили».

– Как убил? Кого убил? – изумился Денис, когда ему пересказали эту новость.

– Георгий Гогиашвили самого себя убил, – пояснил Женя Боровик, уже успевший все выяснить и разнюхать. У друзей как раз был перерыв между лекциями, и они коротали время в сравнительно спокойном уголке за институтскими корпусами.

– На фига? – не понял старлей. Воображение уже рисовало картину размякшего в кресле тела, пистолет в руке, брызги крови и мозгов на обоях. Самоубийство. Паршивая в общемто штука. Бывает слабостью, а бывает осмысленным, единственно правильным шагом сильного человека в дерьмовой ситуации. Смотреть надо, что произошло, но все равно человека жалко, особенно если у него не было другого выхода или друзья не успели помочь.

– Он сам себе не понравился.

– Закусывать надо. – Мир перед глазами Дениса Панфилова раскалывался на куски. Он поверить не мог, что мало того, что человек, прошедший не одну проверку, получивший допуск, пустил себе пулю в лоб, так еще это становится поводом для циничного полушутливого трепа.

– Ничего, сегодня в столовой повидаем Георгия, порасспросим: за что он себя убил.

– Ээ?!

– Дэн, ты что! – расхохотался Антонов.

– Георгий Гогиашвили, который наш человек, встретил у соседей своего двойника, тамошнего Георгия, да так был поражен глубиной падения самого себя, что, недолго думая, пристрелил своего двойника.

– Горячая южная кровь, – добавил Ковальчук, – не выдержал позора на свои седины.

– Так бы и сказали, – улыбнулся Денис.

– А так и сказали, Георгий Георгия убил, – парировал Боровик.

Разумеется, Денис со товарищи сегодня же утолили свое любопытство, нашли повод и возможность пообщаться со знаменитым Гогиашвили. Прославившийся в мгновение ока прогрессор оказался обычным человеком средних лет, ярко выраженной кавказской внешности. Не было в его сгорбленной фигуре ничего демонического, притягательного, будоражащего. Обычный, уставший, надломленный горем человек. В столовой за обедом Георгий механически ворошил вилкой макароны, крошил котлеты и бормотал себе под нос:

– Какой гад был. Как он меня опозорил. Не мог я пройти мимо, не мог. Товарищей подставил, чуть дело не завалил, а все изза этого гада. Позор на мою голову. До чего он докатился.

Этим же днем Гогиашвили увезли в Рязань. Человеку предстояло писать отчеты, приводить мысли и чувства в порядок. Взять себя в руки и с помощью кураторов в штатском выискивать ошибки. Потом ему будет положено санаторное лечение, но сначала надо найти корень его бед. Надо докапываться до сути провала и причины, повлекшей за собой пальбу из пистолета в центре города. Шесть пуль, из них пять в цель. Двойник Георгия просто не мог выжить. Не выживают после такого. Три пули в груди, и два контрольных в голову.

Слухами земля полнится. К вечеру все заинтересованные уже знали, почему майор КГБ Гогиашвили не выдержал, столкнувшись со своим двойником. Бандит, криминальный авторитет, убийца, насильник, наркоторговец, крышующий проституцию и державший в кулаке привозную торговлю в большом южноуральском городе. Естественно, наш Георгий не стерпел, он представить себе не мог, что он сам в других условиях, в другом мире докатился до такого. Сам себя осудил и сам привел приговор в исполнение.

Наконец наступило время переброски Дениса и его товарищей по оружию. Готовили их на пределе возможностей. А после эксцесса с Гогиашвили врачи по два часа подряд мурыжили каждого прогрессора. Одна ошибка – это слишком много. Прикативший в институт генерал Шнитке в категорической форме потребовал устранить и предотвратить. В первую очередь избегать случайных встреч наших бойцов со своими двойниками из Мира01, во избежание.

Переброску осуществляли рано утром. Ничего такого особого, запоминающегося. Денис прошел под аркой портала и оказался в соседнем мире. Момент прокола он и не заметил. Только стены гаража сменились на просторное полупустое помещение. Все оборудование осталось в родном

мире. Только за спиной человека в воздухе висела железная рама индукторов портала. Подкрепление встретили два мрачного вида товарища в рабочих спецовках.

– Добро пожаловать. Меня зовут Сергеем, – протянул руку один из встречающих.

– Валера, – представился второй.

– Денисом зовут, – кивнул Панфилов, отступая от портала.

За спиной старлея прямо в воздухе возникали его товарищи.

– Добро пожаловать в Ругию, – улыбнулся Сергей. – Выспаться успели?

– Успели. Немного отдохнули, – ответствовал Антонов.

– Тогда пойдемте наверх. Заодно поговорим, познакомим с нашей базой, расскажем об эпохе дикого капитализма.

– В школе вроде бы мне чтото рассказывали, – ухмыльнулся Денис. Местные ребята ему нравились. Открытые лица, дружелюбные взгляды, спокойные расслабленные движения.

– А сейчас мы расскажем о сути капиталистических преобразований социалистического общества в свете последних партийных решений единой и направляющей.

– Ух ты! Прям как замполит загибаешь! – Дима Ковальчук хлопнул себя по бедрам.

– Единая и направляющая – это и есть та самая Единая? – прищурился Слава.

– А ты, господин хороший, прям как диссидент, пардон, борец с тоталитаризмом выражаешься, – не остался в долгу Валера.

– Пойдемте наверх. – Сергей взялся за ручку массивной бронированной двери в дальней стене подвала.

За дверью товарищей встретил узкий коридорчик, специально изогнутый так, чтоб можно было с успехом отстреливаться. Далее шла лестница. Вот и первый этаж. Денис привычно огляделся по сторонам. Его цепкий взгляд не упускал ни одной мелочи. Просторно, удобно и простенько. Отделка комнат не отличается особым шиком, так себе: типа серийное жилье. Мебель недорогая. Столы и кресла завалены бумагами вперемешку с пустыми тарелками, стаканами. То тут, то там в самых неподходящих местах валяются ворохи газет, компьютерные диски. На подоконнике стоит ноутбук.

Старший лейтенант заглянул на кухню. Типичная холостяцкая обстановка. Такой бардак заводится, когда в доме живут одни мужчины, не любящие следить за порядком. И боевых офицеров среди них явно нет.

Иначе… Да одного хорошего сержанта достаточно, чтоб расписать график дежурств и напоминать товарищам, что не следует оставлять пустые тарелки рядом с ношеными носками, и цветочный горшок с засохшим пучком травы – это не самое лучшее место для вилок, окуркам в горшках тоже не место.

– Вот так и живем, – развел руками Сергей. – Наша первая база, перевалочный пункт, последняя линия обороны перед порталом, основной склад и единственная дорога домой.

– И это все в одном доме.

– Радуйся, что дом есть. Первопроходцы в лесу высаживались, в полукилометре от дачного поселка и двухстах метрах от дороги.

– Это все наши построили?

– Наши организовали, оплатили и выбили разрешения, – рассмеялся Валера. – Работали местные. Если деньги платишь вовремя, людей не обижаешь, но и слабину не даешь, работают как для себя. Хорошо и быстро построили. Коробку за три недели подняли.

– Неплохо. Сколько всего строили?

– За два месяца уложились, с отделкой и дорогой к воротам.

– Размахнулись. – Ковальчук с озадаченным видом поскреб в затылке. – А портал как работал?

– Переносили на другое место. Поставили сарайчик, геодезист пристрелял координаты, перенес на наш мир, куда сказал, туда и генератор ставили. Самое главное, чтоб местные не поняли, что здесь лишние люди шастают. Все остальное решаемо.

– И место в лесу. – Денис приподнял бровь. Он помнил, как батька пытался в свое время расширить усадьбу, прихватить кусок осинника. Дом у него как раз стоял у деревенской околицы, в двух шагах от леса. Не вышло, пусть и гнилой лес, земля бросовая, да не дали разрешения. Только лет через десять можно будет второй раз попытаться, когда лесник будет границы вырубок размечать, вот с ним и поговорить, авось срастется.

– Евгений Савельевич постарался, – бросил через плечо Валера. Человек был занят необычайно важным делом: выгребал из шкафа пакеты с одеждой. Все это дело валилось прямо на пол, о том, что вещи мнутся, местные и не думали. – Здесь как раз хитроумные ребята идею коттеджного поселка пробивали. Ну и командир вовремя подсуетился, нашел нужных людей, смазал где надо, помог застройщикам, ну и сам получил кусок земли, именно там, где нам и нужно было.

– Поселок для среднего класса, – хмыкнул Дима. Лейтенант вспоминал, какой лес растет вокруг ограды и между корпусами института –

в заповедной зоне. Хорошо устроились.

– Нет здесь заповедной зоны и не было. Не беспокойся, это капитализм, здесь все можно.

– Для среднего класса? – Сергей вылупил глаза на лоб.

– А для кого?

– Земля дорогая, здесь только солидные, серьезные люди строятся. Те, кто может себе позволить жить прямо посреди леса, наслаждаться свежим воздухом. Место престижное: до города недалеко, и Кама близко. Местные бизнесмены давно к этому месту присматривались.

– Хорошо живете.

– Не жалуемся. Так, мужики, вас четверо, а время не ждет. Через полчаса приедет Евгений Савельевич, он ждать не будет. Раздеваемся и подбираем себе обновки. Чтоб ни одной шмотки с родины не осталось.

Все были служилые, повторять приказ дважды не пришлось. Через пять минут Валера придирчиво обозревал выстроившихся перед ним новичков.

– Неплохо. Качество у местных китайское, – последнее слово человек произнес с нескрываемым презрением. – Большинство производства – китайское. Найти приличную вещь, сделанную руками человека, сложно, белое производство считается очень дорогим.

– Крестик замени. – Сергей подскочил к Славе Антонову.

– Не сниму, он освященный, не раз меня выручал, – насупился сержант.

– Вон, в коробке, выбирай любой, все освященные. Специально к хорошему, настоящему попу возили.

– Гадюка, снимай, – прошипел Денис и погрозил товарищу кулаком.

Именно на таких мелочах и засыпаются. Вроде бы ерунда, но простенький медный крестик с клеймом не существующего в этом мире завода может выдать человека с головой. Впрочем, организаторы подходили к проблеме серьезно, так, чтоб не оскорбить религиозные чувства людей. В протянутой Сергеем Славе пластиковой коробке лежала целая куча всевозможных символов веры. Тут и христианские крестики всех видов и форм, для всех конфессий, и мусульманские полумесяцы, и языческие топорики, и иудейские шестилучевики, и даже всевозможная восточная экзотика. Шнуры, веревочки, ремешки и цепочки тоже были на любой вкус.

– Успели, – заметил Валера, отходя от окна, – Евгений Савельевич едет. Вон, черный «бумер» за деревьями мелькает.

– Началось в колхозе утро, – пробурчал Денис. – Главное, со своими

двойниками не встретиться.

– Не встретимся, – успокоил его Слава, – начальство будет бдеть.

– Не уверен. – Денис Панфилов еще не понимал, как он оказался прав, и, к счастью, не задумывался, что делать со своей правотой.

Дым сигарет с ментолом

Рабочий день закончился, вечерние пробки на дорогах рассосались, незаметно стемнело, на улицах зажглись фонари. Трудовой народ сидит дома, шурует по холодильникам, смотрит ежевечернюю телевизионную жвачку, воспитывает детей в меру способностей и желания, готовится к завтрашней рабочей смене. Молодежь тусуется на улицах, вьется возле кафе, в ночных клубах, гуляет по бульварам. Вечер. Ночь наступает. Настроение само собой повышается. Гормоны бурлят.

Эдик ухмыльнулся и поцокал языком при виде стайки студенток на автобусной остановке. Жаль, не успел перестроиться в правый ряд, и не остановиться, какойто урод на «жигуленке» мешает. Девки самый смак. Тормознуть у остановки, открыть окно джипа, перекинуться парой слов, а вдруг одна клюнет? Эх, не перестроился вовремя. Но ничего, мы свое не упустим.

Тяжелый, сверкающий полировкой, шуршащий широкими шинами джип тормознул перед перекрестком. Переключиться на третью – и газу! Успел, проскочил точно перед мордой «Матиза». Эдик довольно расхохотался, представив выпученные глаза этого нищеброда, перекошенное от злобы лицо, срывающиеся с губ капли слюны. Так ему и надо, не умеешь жить – не живи. Нечего на своей раздолбайке мешать серьезным людям наслаждаться летним вечером. Кажется, в «Матизе» была баба, дура, крашеная кукла, старуха лет за тридцать. Ну и Аллах с ней.

Повернув налево, Эдик сбавил скорость. Окраина города. Слева тянутся коробки жилых домов, школа, детсад, мелькнула парковка перед двухэтажными блокированными коттеджами. Справа идут стоянки, светится огнями заправка, новый ЗАГС, за ними темнеет стена деревьев парка «Прибрежный». Веселое место. Любимое место отдыха местных собачников, молодежи и ценителей ночной романтики в лесу. Главное, два шага от города, заехал, нашел подходящее местечко и предавайся романтике, сколько сможешь, главное, когда есть с кем.

А еще парк славился своей нехорошей репутацией. Милиция частенько находила в «Прибрежном» следы удалых развлечений веселой молодежи и людей постарше, но тоже ценящих кипящий в крови адреналин. Эдик томно потянулся за рулем, почесался в паху и довольно оскалился. Вечер. Начинается охота. Жена дома, поздний ужин готовит, дети на улице с друзьями, в тылу все спокойно, а мужчине пора бы

развлечься. Тем более жена его давно уже не привлекала. Домашняя курица, троих родила, фигуру испортила, ворчит частенько. Прибил бы, да жалко, кто будет детьми заниматься, пока не выросли?

Эдик чуть было не проморгал поворот. Резко ударил по тормозам, крутанул руль и добавил газу. Джип вильнул, чуть было не сбил боковиной столб, но удержался на асфальте. На проспекте возмущенно сигналили. Опять какойто урод попытался поцарапать Эдику задний бампер. Мужчина восторженно загоготал. Начинается охота. Узкая, неосвещенная лесная дорога до конноспортивной школы идет почти до самого берега, а там дикий пляж. Погода хорошая, жарко, цыпочки днем нежатся на солнце, купаются и частенько возвращаются в город уже затемно. А дорога через лес.

Доезжать до конноспортивной Эдик не стал. Метров через двести от края леса фары выхватывают знакомый поворот. Сбавить, переключиться на вторую. Вот и лесная дорожка. Джип медленно ползет между деревьями. Здесь спешить не стоит. Не хватало еще поцарапать кузов. Жестянка и покраска стоят дорого. Водитель находит приметный кармашек на краю грунтовки, загоняет машину задом за деревья. Все. Выключаем фары, глушим мотор.

Эдик выходит из машины, осматривается по сторонам, прислушивается. Вроде все тихо. Посторонних, случайных прохожих не видно и не слышно. Ментов на повороте на конноспортивную не было, патрули по пути не попадались. Да и друзья не предупреждали об облавах. Стоявшую на обочине на краю леса темную «девятку» Эдик и не заметил. И не обратил на нее внимания. Серьезные люди на таких машинах не ездят. Так – пацанье голодное.

Эдик вдохнул вечерний воздух полной грудью. Закурил сигарету. Несмотря на насмешки друзей, он предпочитал тонкие сигареты с ментолом, название всегда забывал. Холодящий гортань приятный дымок, будоражащий кровь аромат.

Пора на охоту. Проверить карманы на одежде, чтоб ничего не выпало. Нож, хороший выкидной клинок, положить в правый карман куртки. Не забыть презервативы. Эдик человеком был разумным, зря рисковать не любил. Это хорошо, если целка попадется, а вдруг будет девка, через которую половина города прошла? Заразит целым букетом. Будешь потом ссать через силу и по врачам бегать. Лучше, как разумный человек, с резинкой. Да и улик меньше останется, вдруг девка к ментам побежит?

Нарваться на своих Эдик не боялся, слишком маленький шанс. Да и заметит он издали девушку наших, горских, кровей, не опозорится. В этом

городе больше русьня паршивая живет, свинское отродье, этих не жалко, чести у них нет. Этих сам Аллах повелел иметь всеми путями. Рабское племя. Трахать их и унижать, большего не достойны.

Эдик еще раз обошел вокруг машины и двинул напрямик через лес. Он хорошо ориентировался в окрестностях, изучил свои охотничьи угодья. За спиной окраина парка, поле и город, справа карьер, слева дорога. Если идти прямо, выйдешь к лесной тропинке, многие дурехи срезают по ней путь, спешат быстрее добежать до освещенного места. Дуры. Потаскухи тупые.

Эдик специально надел сегодня темные джинсы, легкую черную куртку и коричневую водолазку, в темноте не видно. Волосы у него от природы черные вьющиеся, лицо смугловатое, как и положено настоящему мужчине. Весь в отца пошел – кровь от крови, плоть от плоти. Аллах миловал, в облике Эдика ничего нет от его мамаши, дуры русской, безмозглой курицы, бледнокожей.

В лесу темно, но ориентироваться можно, пробивающегося через кроны деревьев света звезд, отблесков уличных фонарей для привыкшего к темноте человека достаточно. Машина уже исчезла за деревьями. Издали доносится пьяный гогот. Молодежь дурью мается. Козлы и недоноски паршивые. Эдик сплюнул под ноги, не любил он этих шакалов, не любил и презирал. Да он вообще местных не любил. Деньги на них зарабатывал, и ладно.

Еще метров пятьдесят, скоро появится тропинка, рядом должны быть подходящие кусты, хорошее укрытие. Сидишь, наблюдаешь за тропкой, пропускаешь мимо себя компании, ждешь свою добычу. Хорошо, если не долго ждать. Выбежит одинокая девка. Одна, в лесу. Законная добыча охотника. Или если с пацаном будет, тоже можно развлечься. Щенка ножом пырнуть, а бабу себе забрать.

В десяти шагах от кустов Эдик остановился, короткие волосы на затылке зашевелились. Он чувствовал угрозу. Шаг вперед, второй, не подавать виду, что ты их чуешь, руку в карман, взять нож.

Он не успел. За спиной треснула ветка. Изза дерева в двух шагах от Эдика вышел молодой жилистый парень в пятнистой камуфляжной куртке. Эдик дернулся, прыгнул в сторону и… Его схватили за шею и правую руку. Закричать. Нет, шею сдавили, из горла вырывается только сиплый хрип. Парень оказывается прямо перед Эдиком и резко, коротко бьет в живот.

– Кончаем свинью, – проворчали над ухом.

Еще один удар по почкам, чтоб не рыпался, из ослабевших пальцев азербайджанца вывалился нож. Эдик хотел закричать, вроде враги хватку ослабили, но не успел, рот ему заткнули промасленной тряпкой. По шее

пробежал холодок: нежное прикосновение стального тросика. Удавка обняла шею Эдика и начала медленно сжиматься. Перед глазами потемнело. Последним, что Эдик почувствовал в этой жизни, был ударивший в нос аромат сигарет с ментолом.

Убивали его профессионалы. Спокойно закручивали трос, стягивая шею человека, пока тот не перестал биться в агонии. Выждали пару минут. Теперь можно спокойно снять тросик, убрать в пакет и уходить. Тело удавленника так и оставили в ложбинке за кустами. Ночью не найдут, а утром будет поздно.

– Давай к машине, быстро. Ничего не забыл?

– Чисто.

Двое молодых мужчин растворились между деревьев. Минут пять бега по лесу. Вот и замершая в кустах «девятка». Тихонько обойти вокруг машины, прислушиваясь к лесным шорохам. Нет, все спокойно. Тихо пикнула сигнализация. Моргнули габаритники. Сергей открыл дверцу, прыгнул на водительское сиденье. Ключи в зажигание. Инжектор мягко заворчал. Тихий шум хорошо отрегулированного, отлаженного мотора. Денис занял свое место на переднем сиденье.

– Стоп. Перчатки, – напомнил Денис.

– Блин, забыл, так бы и сидел до трассы, дубина. – Лицо Сергея озарила радостная белозубая улыбка. Дело сделали! Молодцы!

Тонкие латексные хирургические перчатки полетели в целлофановый пакет, за ними последовали одноразовые бахилы с ног. Пока Сергей выезжал из леса, Денис аккуратно упаковал улики, еще раз пробежался по карманам. Удавку, а это он придушил горячего горного самца, с глубоким вздохом убрал в отдельный пакет. Хорошая была штука. Тонкий прочный тросик на полированной рукоятке. Придется выбросить. Нельзя такие вещи повторно использовать.

Разумеется, из парка они выехали не по той дороге, по которой заехали. Маршрут известен и заранее проработан. Крюк до дальнего края, старая строительная дорога между лесом и заросшей ивняком пустошью, за которой начинается берег. Затем опять вернуться в лес и по грунтовке выйти на асфальт. Дальше спокойно, не привлекая к себе внимания, двигать к городу. Здесь недалеко.

– Серега, фары.

– Забыл. – Товарищ нажал на кнопку, дорогу перед носом машины залил яркий свет. Вот такто лучше. Машина, идущая в темноте на одних габаритах, привлекает к себе внимание. Зато свет фар не дает рассмотреть передний номер, а задний соратники заранее заляпали грязью. Аккуратно,

чтоб внимания не привлекало, а цифры и буквы не разобрать.

– Куда тебя, домой? – поинтересовался Сергей, когда машина вырулила на Ленинский проспект.

– Домой, и давай проскочим… О! За разворотом, после Вахитова тормозни за остановкой.

– Я прямо до Мира. Там развернусь.

– Давай.

Денис не зря просил тормознуть у автобусной остановки. Спокойно, с беззаботным видом вывалиться из машины, зайти в киоск, в городе на всех крупных остановках магазинчики со всякой всячиной стоят. Пиво, сигареты, жвачка, минимальный продовольственный набор согласно правилам торговли и условиям аренды. Вечер. Одиннадцатый час. За прилавком скучала сонная девица в помятом халате. Денис взял пару шоколадных батончиков и бутылку минералки. Выходя из магазинчика, он разорвал обертку батончика, куснул. Затем остановился у урны, выгреб из кармана сверток и бросил в мусорку.

Через полминуты машина забрала пассажира и покатила по вечернему проспекту. Удавку выбросили через два квартала, в такую же урну. Рано утром по городу пойдут мусоровозы, дворники вывернут бачки в ковш «КамАЗа». Перебирать мусор никто не будет. Разве что бомжи ночью пошуруют в поисках бутылок и пустых жестянок. Но этому контингенту непонятные пакетики до лампочки. Завтра днем улики уедут на свалку, а там ищи не ищи – бесполезно.

Поднимаясь по лестнице на пятый этаж, – он принципиально не пользовался лифтом, – Денис столкнулся с компанией молодежи. Соседи. К Валерке друзья пришли.

– Здравствуйте, Денис Владимирович. – Валерка вскочил на ноги, уступая дорогу соседу.

– Привет, как жизнь молодая?

– Идет, – улыбнулся подросток, ему льстило внимание серьезного сильного взрослого человека.

– Слушай, а зачем обязательно в подъезде у мусоропровода пиво пить? На улице тепло, воздух свежий, травка зеленеет. – От Дениса не укрылось, что последнее слово вызвало неоднозначную реакцию пары приятелей Валеры.

– Простите, Денис Владимирович, мы уходим. – Все ясно и понятно. Извиняющиеся улыбки, пожимание плечами. Парни гурьбой повалили вниз по лестнице. Денис проводил их скучающим взглядом, от его внимания не укрылись два початых баллона пива. Это искусство устранять конфликт

еще до его назревания. Один великий китаец по этому поводу целую книгу написал, надо бы вспомнить название и имя того философа от военного искусства. Пригодится.

Дома Дениса ждали вчерашний суп в холодильнике, котлеты из магазинного фарша на плите и холодные макароны. Первым делом подкрепиться, второй ужин никогда не помешает, особенно после прогулки по ночному парку и приключения со стрессом.

Обычное холостяцкое жилье, двушка в девятиэтажке в районе пересечения Автозаводского и Московского проспектов. Пусть бытовая техника и полуфабрикаты позволяют не зарастать грязью, но все равно грустно и скучно одному. Пока макароны разогревались в сковородке с котлетами, Денис решил позвонить Лене. А телефонто, оказывается, выключен. Как вырубил аппарат перед акцией, так и не включал. Через минуту после включения посыпались СМС «Вам звонили…». Один звонок с работы, два от друзей и три от Лены. Эх, придется объяснять, почему был вне зоны доступа.

Позвонить после ужина? Нет, время позднее. Разбужу. Позвонить утром – обидится. Значит, выключаем газ и набираем номер. Трубку взяли после первого гудка, видно, девушка ждала.

– Привет, как дела? Звонила?

– Хорошо. А у тебя как?

Привычный незатейливый треп. Нет, Лена не обиделась на своего друга. Все хорошо. Вот только Денис мрачнел с каждой фразой. Она сегодня вечером после работы ходила с подругой на дикий пляж. Да, за парком. Звонила с пляжа. Хотела, чтоб Денис их встретил и проводил. Нет, ничего страшного, она понимает, что у Дениса дела. Добрались до города без приключений. А вот насчет похода в кино стоит подумать. В голосе подруги слышались мурлыкающие кошачьи нотки. На выходные, заметано.

Положив телефон на полку, Денис негромко выматерился. Лене повезло, могла ведь напороться на этого самого Эдика Махмудалиева или какого другого урода. Но ничего, город стал немного чище, а скоро будет еще спокойнее. Лавина запущена. Дальше все пойдет по накатанной, уже без участия Дениса Панфилова и его соратников. Да и какое может быть участие в криминальных разборках молодого, перспективного, уважаемого, серьезного начальника службы безопасности крупной, серьезной производственной фирмы? Не замешан, не участвовал, не привлекался, если что по молодости и было, так не серьезно. И кто сам без греха?! Связи имеются, этого не отнять, без этого на такой должности не работают, но ведь, что бы ни писали модные журналюги, связи в полиции и ФСБ – это

не связь с криминалом.

Серьезная работа сделана, сейчас главное – не наделать ошибок. Человеком Денис был умным, понимал, что многие группы сопротивления засыпались именно на неумении видеть грань, порог, за которым риск стремительно растет. Отсутствие чувства меры. Еще на последней встрече с соратниками Денис предложил, и его поддержали: после ликвидации Махмудалиева всем залечь на дно. Пока хватит. Все, баста! И так сделано много. Сейчас главное – не засыпаться, не привлечь к себе внимание полиции, не стать очередной «жертвой режима» и «убийцами таджикских девочек».

О покойном Эдике Денис не сожалел, никаких раскаяний и угрызений совести, как рисуют в плохих романах: не достоин мертвец человеческой жалости. Если и можно о чемто сожалеть, так только о том, что Махмудалиева не придушили еще в колыбели. Ейбогу, мир бы от этого только выиграл.

Известный «бизнесмен», владелец пары крупных торговых фирм, засветившийся в строительстве и сумевший вовремя влезть в денежный государственный проект. Многие до сих пор гадают, сколько Махмудалиев поднял на реконструкции двух дорожных акведуков, сколько и кому отдал за контракт и превышение лимитов финансирования. Денис это знал, но делиться информацией не собирался, слишком опасно бывает показывать свою осведомленность. Да и друзья Эдика в мэрии еще живы.

Это официальная часть биографии покойного. Надводная часть айсберга. В главной своей жизни Эдуард Махмудалиев по прозвищу Черный Эдик был лидером сплоченной азербайджанской криминальной группировки. Половина розничной торговли, влияние на руководство хлебозавода, рейдерские операции с закупками зерна по смешным ценам, квартирные махинации, легализация приезжих из солнечного Азербайджана – и это еще не главное. Милые незатейливые забавы Эдика и коекого из его ближних, изнасилования и грабежи – это тоже мелочи.

Самыми большими прегрешениями покойного, за которые его сейчас черти поджаривают на медленном огне, были наркоторговля и содержание публичных домов. Причем девушек для своих борделей азеры набирали не слишком законными методами. Насилие, запугивание, обман, избиения и насильственное удержание, по полицейской терминологии, – вот любимые Эдиком методы вербовки. Восточный человек, а Восток – дело тонкое. Безнаказанность, хорошие связи с нужными людьми, легкие деньги развращают.

Эдик безвременно божьей помощью преставился, и это значит, что его

криминальное хозяйство уже утром затрещит по швам. Бойцы сопротивления заранее собрали максимально полный материал на азербайджанскую группировку, составили досье на лидеров и заметных амбициозных участников. Анализ информации однозначно говорил, что у Махмудалиева нет наследника, нет второго лидера, способного быстро перехватить управление, подчинить земляков, сохранить группировку. Да, законы землячества сильны, во главу угла всегда ставятся интересы своей нации, своей крови, но человек слаб, деньги и амбиции развращают.

Уже завтра группировка затрещит по швам. Начнутся внутренние разборки. Затем в дело влезут местные бандиты, другие этнические группировки. Ситуацией заинтересуются бывшие влиятельные друзья покойного, они тоже имеют право на свой кусок пирога. Обстановка в городе сложная, единой силы нет, а есть нереализованные амбиции, да и Ее Величество Власть в последние месяцы несколько ослабла, произошла замена губернатора, новый Хозяин поменял мэра. Они еще не успели взять город и область под полный контроль, еще остались люди прежнего губернатора, есть недовольные и претендующие на большее.

Очень быстро вспыхнет бандитская война. Денис давал неделю на резню этнического криминала между собой и с нашими бандитами. Потом вмешается полиция. Кто не погибнет в разборках или при задержании, рискует сесть, и надолго. На целую неделю город вернется в «золотые девяностые» с их бандитскими разборками, стрельбой на улицах и во дворах. Понаехавшие гости из бывших республик присмиреют, не любят у нас тех, кто считает себя высшей расой, не любят возомнивших о себе торгашей и козлопасов. Разумеется, беспредел придавят, давить будут жестоко. Государство у нас сильно, эта машина кого угодно, любое сопротивление раздавит. Зато результат выйдет что надо.

В отличие от наиболее одиозных, махровых персонажей нашей родной правой, патриотической оппозиции, Денис не рассматривал государственную вертикаль как некоего злобного врага русского народа. Глупости все это. Власть не плохая и не хорошая, она играет по другим правилам, оперирует другими понятиями и статистическими массивами. Нельзя упрекать власть в нерусскости, она вообще вненациональна и наднациональна. Мы не Израиль, мы играем по чужим общечеловеческим правилам. И проигрываем именно в силу того, что назначенные не нами правила игры не позволяют нам выиграть.

На следующий день на работе Дениса Владимировича вызвали к генеральному. Слухами земля полнится, новость о безвременно ушедшем успешном предпринимателе и известном меценате распространилась по

городу. Руководство «Политрона» просило разнюхать обстановку, прикинуть: чем это грозит, куда лучше не вкладывать деньги и с кем лучше в ближайшее время не связываться. Все в рамках служебных обязанностей Дениса Панфилова.

– Строительство мечети у нас точно заморозят, – не удержался Денис, вовремя перевел разговор, когда генеральный третий раз подряд напомнил о необходимости проверить и перепроверить руководящие кадры фирмы на предмет причастности к определенным структурам.

– Он, кажется, и был спонсором?

– Он.

– Помер Максим, и хрен с ним, – хохотнул начальник. – Я лучше отцу Михаилу еще денег на ремонт Орловской церкви перечислю, чем мечеть в городе терпеть. Они же орут по утрам как недорезанные.

– Пять раз в день, – напомнил Денис. – Вопли муэдзина транслируют через динамики.

– Кошмар.

– Квартиры в близлежащих домах падают в цене.

Как и следовало ожидать, смерть известного азербайджанского бизнесмена и по совместительству бандита не вызвала у горожан особой скорби. Народ подходил к делу сугубо практично, а многие открыто радовались.

– Слышал, вчера Черного Эдика замочили? – в кабинет Панфилова ворвался замдиректора по сбыту, спеша на ходу поделиться новостью.

– В курсе, Семен Исаевич, в курсе, – успокоил его Денис.

– Молодежь. Везде поспеваете. Слушай, а ты не знаешь, кто его прихлопнул?

– А черт его знает. – Денис задумчиво поскреб в затылке. – Свои же и зарезали.

– Как страшно жить. – Человеком замдиректора был хорошим, но уж больно обожал грубоватые и не всем понятные шутки. – Нет, собираю чемоданы и завтра же уезжаю. Навсегда. Прочь из этой страны. Здесь нет свободы и один жуткий тоталитарный террор.

– Не террор, а криминал. Террор был бы, если бы Черного посадили, а не прибили. Куда уезжаете, в Израиль?

– Ага! Не дождетесь! В Израиле тоже стреляют. Старый умный еврей в Израиль не поедет. Своя шкура дорога.

Оба громко жизнерадостно загоготали. Бородатая, незатейливая шутка. Денису рассказывали, что в свое время дочка Семена Исаевича уезжала в Израиль на ПМЖ. Продержалась там два года. После чего быстренько

развелась с мужем, нашла себе француза и улетела с ним в Марсель. Ирония судьбы: француз оказался алжирского происхождения. Сам Семен Исаевич дольше двух недель за пределами Ругии не выдерживал. Возраст не тот, чтоб привычки менять.

После того как Семен Котляр покинул кабинет, Денис долго не мигая смотрел на дверь. Исаевич ведь не просто так заходил. Разведывал, вынюхивал, не знает ли начальник службы безопасности что интересное, не поделится ли просто так информацией. В свое время дагестанская диаспора сильно попортила бизнес сыну Семена Исаевича. Сейчас появляется шанс вернуть старые долги, восстановить прежние позиции, если не пристрелить, так засадить за решетку кого надо.

Маховик

Только приехав в Петербург, Павел Николаевич понял, насколько генерал Шнитке продуманно подошел к обеспечению секретности проекта. Над темой работало несколько тысяч человек, были задействованы резервы известных институтов, привлекались специалисты с мировым именем и широко известные функционеры. «Глубокий океан» поглощал значительные ресурсы, ему требовались финансирование, институтские площади, полигоны. Казалось бы, удержать в тайне такую работу невозможно. Чтонибудь да просочится, гденибудь да произойдет утечка, найдется слабое звено.

Нет, специалисты Эрвина Шнитке работали серьезно. Проект разбили на несколько десятков внешне не связанных между собой кусочков. Каждый такой кусочек выглядел достаточно обыденно, не привлекал к себе внимания и надежно прикрывался не посвященными в суть вопроса, озабоченными только соблюдением секретности сотрудниками профильных контор. Финансирование шло через две дюжины каналов, причем совершенно открыто, из официальной части бюджета, от государственных и частных предприятий. Разбитая мозаика, гора осколков – даже мозговики из «РЭНДКорпорейшен» не смогли бы понять, что видят перед собой единое целое, а не разрозненные обрывки, клочки не связанных между собой проектов, экспериментов, заказов на подготовку специалистов, операций КГБ и ГРУ, частные научные разработки.

Штаб занимал крыло в новом здании НИИ волновой механики, который, в свою очередь, входил в структуру Анютина. Повышенная секретность для предприятий и институтов НПО «Нейропромпроект» и Министерства высокоточного машиностроения была делом привычным. Высокопоставленным гостям здесь не удивлялись. К своей работе относились серьезно, необычные, иногда кажущиеся сумасбродными идеи начальства воспринимали как должное, да сотрудники и сами, бывало, шокировали родное руководство натуральной фантастикой – не фантастичной, а реально работающей.

НИИ располагался на окраине города, район Парнас. Рядом метро, Шуваловский парк. Недалеко кольцевая автодорога, выезды из города. К достоинствам расположения НИИ можно отнести: близость к базам и полигонам на Карельском перешейке, удаленность от центра, с его вечными теснотой, дорожными пробками и засильем туристов. Здесь же,

сравнительно близко от института, на улице Композиторов, находилась приличная малая гостиница, арендованная концерном на два года вперед.

Павла Николаевича место работы вполне устраивало. Он не любил старый центр Петербурга: слишком сыро, много воды, много камня, тяжелая помпезная архитектура. Новые районы города были куда уютнее: проспекты шире, зелень не только в парках, но и во дворах и вдоль дорог, да и парков больше, и они настоящие, дома выше, красивее, планировка районов человеческая.

Работа шла, вот только все не туда. С момента переезда в Петербург Павел Шумилов решил множество проблем, сильно помог руководству концерна в организации взаимодействия со смежниками. А вот в главном до сих пор не продвинулись вперед ни на шаг. Сам Шумилов до сих пор не только не выработал устраивающее всех решение, но даже не мог пока сказать, что он разбирается в ситуации. Слишком много неизвестных, слишком много информации, слишком сложная проблема встала перед сотрудниками проекта «Глубокий океан». И проблемы были не только технические, но и этические, а это гораздо хуже.

– Паша, ты опять пропустил совещание! Ну нельзя же так! – заявил Владимир Строгов, врываясь в апартаменты Шумилова.

– Было чтото интересное? – невозмутимо осведомился Павел Николаевич, откладывая в сторону распечатку отчета и вежливо снимая ноги со стола.

– Гуларян очередной прожект выдвигал.

– Артем Михайлович может, – кивнул Шумилов. Он уже успел познакомиться с этим деятельным, неугомонным сотрудником Института региональных исследований. Голова у него светлая, соображает, хоть и не всегда в нужную сторону, гуманитарий до мозга костей.

– Перенести центр тяжести нашей операции в Белоруссию и на Украину, поспособствовать распаду Ругии и одновременно присоединять отваливающиеся территории к Белоруссии – это что, потвоему?

– Если выключить наиболее серьезных геополитических конкурентов, то идея стоящая.

– Не понял. – Строгов слегка опешил. – А как?

– Невозможно. Вакуума нет, его придумали физики, – хмыкнул Шумилов. Эскапада Гуларяна его нисколько не удивила. Руководство проекта в последнее время испытывало катастрофический дефицит идей. Никто не мог ответить на простой вопрос: как быть дальше?

– Я все жду, что ктонибудь предложит осчастливить соседей лихорадкой Шилдмана, – заметил Строгов.

– Думаешь, найдутся такие?

– Надеюсь, что нет, иначе получится, что мы зря все затевали.

– Начиная с 91го года, – согласился Павел Николаевич. Немного помолчав, он добавил: – Я прикидывал варианты с американским вирусом. Я же циник. Эпидемия даст Ругии шанс, но воспользоваться им они не сумеют. Наоборот, эпидемия, массовая смертность, паника подстегнут деструктивные процессы. Понимаешь, их Мир более открыт, более свободен, чем наш. Это хорошо, и это плохо. Паника захлестнет не только страны с подверженным Шилдману населением, но и большую часть Земли.

Помнишь даже не экономический, а производственный кризис? У нас американцы были к нему готовы. Мы сами способны пережить любой кризис, любое потрясение, любой бойкот, практически все необходимое для жизни производим сами, пусть многое получается дороже и хуже, чем у других, но зато мы выигрываем на нескольких прорывных направлениях, и в целом эта политика гарантирует нам независимость и процветание. У соседей все хуже, все глобальнее, все разрозненнее. Единое экономическое, производственное, техническое пространство. Уничтожение восточной Азии больно ударит по всему Миру. И Ругия не успеет развернуть и восстановить производственные цепочки, да еще добавятся мятежи в регионах, паника, миграция, потеря финансовых резервов, падение цен на нефть и газ.

– Невесело.

– Ударит по всем странам. Будет много жертв, и не только среди негров и монголоидов. В итоге выиграют североамериканцы, европейцы, арабы с индусами, Аргентина, Чили, большая часть Латинской Америки.

– Кроме Бразилии, – хмыкнул Строгов. – Даже у нас лихорадка Шилдмана очень сильно прошлась именно по Бразилии, большой процент негроидного населения и мулатов дал о себе знать. Сейчас страны Бразилии на карте нет, а на бывших территориях до сих пор идет война за бразильское наследство. Соседи с азартом и латиноамериканским темпераментом делят тушу покойного.

– Ты думаешь, у них в лабораториях нет штаммов Шилдмана? А почему тогда не применили?

– Невыгодно, нет смысла, текущее положение вещей устраивает хозяев вируса. Они не дошли до того порога, после которого собственное выживание покупается ценой половины населения планеты, – добавил Строгов.

– Согласен. У нас спусковым крючком послужил постъюгославский

кризис, серьезнейший удар по США, угроза выхода изпод контроля производственных регионов.

– Скорее, переход новому хозяину. Кто там «Снежную жару» устроил? Мы ведь тоже геополитический тяжеловес, наше мнение весомо. Мы косвенно и послужили причиной Пандемии.

– Володя, с такой логикой ты рискуешь нажить комплекс вины, – рассмеялся Павел Николаевич. – Обрядишься в рубище, возьмешь в руки рупор и пойдешь в Александровский парк на митинг демоппозиции обличать и всячески поносить наш «кровавый тоталитарный режим». Будешь требовать открыть границы, отобрать у граждан оружие, снять лимиты на частную капитализацию, заплатить всем и вся, что попросят, всячески посыпать голову пеплом и каяться, в чем скажут.

– Молиться, поститься и слушать радио «Радонеж», – заголосил Строгов, молитвенно сложив руки перед собой.

– Внушительно. Ты хоть крещен?

– А черт его знает, – хохотнул Владимир, – в младенчестве бабки могли и стаскать в церковь, пока родители на работе.

Разговоры разговорами, а время близится к обеду. Старые друзья понимали друг друга с полуслова. Столовая находилась здесь же, на первом этаже. Уютный зал с ресторанным обслуживанием, называемый столовой только по привычке. И еще он отличался отсутствием в меню графы с ценами. Введенная Сергеем Анютиным во всех подразделениях НПО система «локального коммунизма» работала даже в гостинице для высшего руководства. И никакой дискриминации – водители, инженеры, разработчики, охрана, все, кого служебный долг заносил в гостиницу, могли также воспользоваться местным гостеприимством. Выбор в столовой был ресторанный, а порции отвешивали, как в заводской столовой, чтоб мужики за добавкой не бегали.

Не успели Строгов и Шумилов занять столик, как к ним подсел генерал Шнитке.

– Добрый день, разрешите?

– Пожалуйста, Эрвин Теодорович.

Официантов в столовой не было, коммунизм не предусматривает такую должность. Товарищи посмотрели меню, подошли к окошку и сделали заказ. Примерно через четверть часа работники столовой их позовут. Такая вот система. В данных условиях работает.

– Вы уже два месяца как в институте, – заметил комитетчик, когда товарищи вернулись за свой столик.

– Мало, – буркнул Шумилов, держа перед собой развернутое на

странице с напитками меню. Сейчас он раздумывал: взять еще кофе гляссе или ограничиться черным чаем.

– Но мнение вы уже составили? – не отставал Шнитке.

– Нет. Извините, Эрвин Теодорович, но объем материала слишком велик, я еще не успел даже в общих чертах познакомиться с проблемой, не говоря уже о попытках ее решить.

– По крайней мере, честно. – Строгов поддержал старого товарища.

– Извините, – буркнул Шнитке.

– Как я понимаю, мы сейчас легализуем наших агентов и создаем базу? – поинтересовался Шумилов.

– Верно. – В глубоко посаженных серых глазах генерала зажглись искорки. – Окапываемся, внедряем своих спецов, собираем досье, ищем людей, с которыми можно будет работать. Готовимся вербовать агентов влияния.

– Не спешите, – вздохнул Павел Николаевич. – Может быть, нам придется уйти от соседей.

– Не понял?! – Эрвин Шнитке выпрямился на стуле, его лицо окаменело, руки непроизвольно напряглись.

– Мы не можем бросить соседей, – резко отозвался Строгов.

– Мы не можем. Совесть не позволяет, – задумчиво протянул Павел Николаевич.

– А давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Вот мы живем, строим планы на будущее, боремся с обстоятельствами, считаем себя если не полными хозяевами жизни, так хоть активными игроками. И вдруг появляются некие инопланетяне, гости из будущего, соседи из параллельного мира и начинают учить нас умуразуму. Да еще нимало не интересуясь нашим мнением. Они сильнее, умнее, гуманнее, они обошли те подводные камни, на которые мы напоролись, и считают, что имеют право учить нас жить. Так, товарищи?

– Сложный вопрос, – кивнул Строгов.

– Павел Николаевич, здесь нельзя дать однозначный ответ, зыбкие границы, неясность моральных императивов, невозможность учесть позиции всех участников, – генерал Шнитке не собирался отступать. – Давайте оставим философские вопросы философам, а мы, как люди практические, будем решать реальные проблемы.

– Мы не можем наплевать на этическую составляющую, – грустно вздохнул Шумилов, отмечая про себя, что Эрвин Теодорович за годы жизни в Союзе полностью обрусел, даже говорит без акцента, правильно, как на родном языке.

– Думаешь, нам придется доказывать свою правоту? – Строгов незаметно перешел на «ты».

– Придется, и в тот момент, когда соседи узнают, пусть не сегодня, а через десять лет, что мы вмешались в их историю, начнутся большие проблемы. Психологический слом, неверие в свои силы, комплекс иждивенчества, поиск виноватых, попытка навязать нам ответственность.

– Ответственности мы не избегнем, – согласился Шнитке. – Мы в ответе за тех, кого приручили. Мы не сможем себе простить, если пройдем мимо их беды.

– А кто сказал, что у них беда? Может, они выбрали свой путь и даже счастливы?

– Ну, Павел Николаевич! – Угловатое, с массивным подбородком, квадратное лицо генерала налилось кровью. – Я от вас такого не ждал!

– Системный кризис, вымирание населения Северного полушария, концепция безудержного потребления, – напомнил Строгов. Владимир Петрович с интересом поглядывал на старого товарища, готовился к тому, что Шумилов сейчас вывернет все наизнанку, огорошит комитетчика и выдаст гениальное решение проблемы, чтоб с минимумом затрат и жертв, быстро и красиво повернуть Мир01 к социализму.

– Кризисы для того и существуют, чтоб их переживать. С потреблением и золотым унитазом мы у себя не разобрались, сами клюнули на приманку дешевых вещей. Демография, миграция – это следствие индустриализации, урбанизации, общедоступного образования и прочих прелестей цивилизации. Без серьезных программ с мощнейшей информационной поддержкой, ломкой сознания временщика, возвращения к традиционным консервативным ценностям и с хорошим финансированием не обойтись. Да вы сами знаете.

Шнитке в ответ на это коротко кивнул. Он хорошо знал, во что Советскому Союзу обошлось банальное повышение рождаемости. Да еще не повышение, только первый этап, ломка сознания, внедрение в головы сограждан приоритета семейных ценностей, моды на детей, ориентации на многодетность. Мощнейшая государственная программа, поддержка Ордена Будущего, личный пример первых лиц государства и деятелей культуры.

Последствия тоже были значительными. В первую очередь изменились политические ориентиры общества. Ориентация на семью, на детей привела к росту правых настроений, респектабельному консерватизму. Неожиданно наши сограждане стали резко нетерпимы к гомосексуалистам, феминисткам, адептам полового равенства и межнациональным, а

особенно межрасовым бракам. При этом проблем с национализмом не было, люди спокойно относились к своим соседям другой нации, но при этом не позволяли себе браки с инородцами. Уважение без взаимопересечения. Психологи говорили, что это включились защитные механизмы здорового общества, на подсознательном уровне отметается все, препятствующее созданию крепкой семьи и рождению здоровых детей.

Положительно сократилось число разводов, пришлось срочно строить новые роддома и детсады, школы. Но зато по стране опять ударила проблема дефицита рабочей силы. Декретные отпуска, долгие периоды послеродовых отпусков, необходимость сидеть дома с маленькими детьми выключали женщин из производства. Частично проблему решали за счет мигрантов, гастарбайтеров, но трудовые ресурсы страны Европы и без нас выгребли подчистую, а пускать в страну безграмотных, лишенных необходимых цивилизационных императивов, европейского менталитета, привыкших жить по законам пустынь и гор, не уважающих советское законодательство и образ жизни гостей из Азии себе дороже выйдет. Горький опыт европейцев тому пример.

Приходилось выкручиваться. Резко выросли заказы на автоматизацию, поднялся спрос на малую технику, повысилась производительность труда. Сейчас в стране идет комплексная программа по исключению, где возможно, неквалифицированного труда, а где не получается, стараемся повысить престижность данных профессий и привлекаем молодежь на подработку. Почему бы студентам и старшеклассникам не подзарабатывать дворниками? Работа на свежем воздухе, часа 3–4 в день, а зарплату платят, не нужно у родителей на новые джинсы деньги просить. Есть на что девушку в кино сводить. Укрепляется чувство собственного достоинства. Да и не будет молодой человек, ни свет ни заря орудующий метлой, бросать мимо урны пустые бутылки и обертки от шоколадок.

– Мы не можем прийти, переделать все посвоему и уйти. Получившееся в итоге не будет жизнеспособным, у них не будет внутреннего стержня, заряда энергии, не будет опыта самостоятельного выползания из задницы.

– Хорошее выражение, – хмыкнул Строгов и медленно, смакуя каждое слово, повторил: – Опыт самостоятельного выползания из задницы.

Двусмысленно получилось.

Незаметно вокруг столика стали собираться люди. Сотрудники НИИ, руководство проекта, специалисты.

– А как быть с проблемой двойников? – влез в разговор один молодой человек. Шумилову его в свое время представляли как руководителя

группы, занимавшейся анализом информации по западному миру Мира01.

– Нет такой проблемы, – отмахнулся Павел Николаевич, – не придумывайте себе сложностей, работайте осторожнее, заранее выясняйте судьбу двойников своих агентов, и все будет хорошо.

Вспомнилась нашумевшая история Георгия Гогиашвили. Грубый прокол наших прогрессоров, с одной стороны, и повод серьезно подумать над конфликтом двух миров – с другой. Судьба одного человека. Криминальный авторитет, бандит – и офицер КГБ, серьезный, ответственный, умнейший человек, привыкший защищать и укреплять, а не разрушать – это все Гогиашвили, это два лица, два варианта одной судьбы. И так будет всегда. Ктото сумел преодолеть сопротивление внешней среды, ктото не смог, нашел свою нишу и уже не мечтает о большем, а ктото скатился по наклонной.

– Мы не можем сделать работу за соседей, но мы не можем уйти, ничего не сделав, мы не можем просто сидеть и наблюдать, – медленно проговорил генерал Шнитке. – В обоих вариантах мы наступим себе на горло. Да, это не желток с яйца. Мы не можем бросить людей в беде, иначе мы получаемся не люди, а унтерменши.

– Забавно, – пробормотал Павел Николаевич. Меньше всего он ожидал услышать из уст немца слово «унтерменш». Естественно, Эрвин Шнитке вкладывал в него не такое значение, как гитлеровцы, критерий не национальный, а личностный, но все равно. Слишком глубинные архетипы, оказывается, затрагивались, не помогала здесь массированная антифашистская пропаганда последнего полувека.

– Товарищи, не обязательно делать революцию самим, – это уже Вячеслав Трубачев. Тоже заглянул в столовую и не утерпел присоединиться к спонтанному совещанию за столиком Шумилова. – У них есть адекватный контингент. Есть прогрессивные силы. Мы можем им помочь, только помочь сделать дело.

– Газетные штампы. – Строгов подмигнул бывшему председателю КГБ. – Идея понятна. Не Большой Отец, а Старший Брат.

– Тоже опошленная донельзя концепция.

– Дело не в общих фразах, суть в содержании.

– Подумайте, товарищи. – На устах Шумилова играла победная улыбка. – И давайте не будем нарушать КЗОТ. Обеденное время, котлеты стынут, в чае льдинки плавают.

В тот же день Павел Николаевич отправился погулять по Шуваловскому парку. Золотая осень, на улице прохладно, на земле ковер опавших листьев, в парке светло, голые ветви деревьев не мешают

солнечным лучам дотягиваться до земли, играть зайчиками с капельками воды на коре и опавших листьях. Воздух напоен ароматами смолы и прели. Тишина.

Двое охранников следуют за товарищем Шумиловым. Ребята держатся чуть в стороне, стараются не мешать подопечному, не мозолить ему глаза и одновременно контролируют обстановку. Еще двое молодых людей исчезли в глубине парка. Дальняя линия, разведка. Они обязаны заранее засекать подозрительных индивидов, своевременно нейтрализовывать или уводить в сторону нежелательный контингент, в случае ЧП играть роль подвижного резерва.

Павел Николаевич давно привык к своей охране. Это плата за высокий пост, интересную работу и причастность к государственным тайнам. Право на одиночество недоступно сильным мира сего. Только если потом, через столетия, когда… А сейчас коммунизм у нас существует только в столовых некоторых закрытых организаций. Да и потом неизвестно, наступит ли он когданибудь. Павел Николаевич никогда в этом не признавался, но он был уверен, что коммунизм – это красивая мечта, высокий идеал, цель, но цель недоступная. Для наступления коммунизма необходимо только одно условие – нужно другое человечество. Не больше и не меньше. А посему ближайший миллион лет – или что там на этот счет говорят эволюционисты? – коммунизм нам не грозит. Будем обходиться различными, национальноадаптированными формами социализма. В лучшем случае.

Павел Николаевич вспомнил, что хотел, но так и не нашел время заехать в гости к председателю Ленсовета Антону Воткину. Встретиться, поговорить с человеком во внерабочей обстановке, вспомнить минувшее, послушать о его планах на будущее. Петербург – интересный город. Непростая у него судьба. Даже с именем до сих пор не можем определиться. В разгар перестройки город переименовали в Петербург, а область и органы власти забыли. Так у нас Ленсовет управляет городом Петербургом, центром Ленинградской области. Анекдот, если бы это не было правдой.

Питеру повезло с губернатором, а ведь в свое время сам Шумилов был против Воткина, не понравился ему этот человек, показался слишком суетливым и неумным. Обманчивая внешность, выглядит Антон действительно как деревенский дурачок, но при этом умен, дело знает, с людьми работать умеет и город любит. Эх, быть ему вечным председателем Ленсовета. Попробуй забери его с этой должности – на следующий же день в городе начнется революция. Сами ленинградцы пушки «Авроры»

перезарядят, дороги перекроют, народное ополчение соберут, но Воткина из города не выпустят. Даже на повышение не отпустят.

Пусть не сразу, но Шумилов в свою бытность премьером сработался с Антоном Воткиным. Помнилось открытие плотины в Финском заливе, сумел ведь достроить, замкнул кольцевую через Кронштадт и избавил город от угрозы наводнений. Воткин дело знает: проспекты расширяет, порт реконструировал, выносит старые заводы из городской черты на периферию, начал программу расселения населения из исторического центра в новые жилые районы.

Работа адова, но тем самым разгрузится центр, решится транспортная проблема, горожанам будет лучше. И это важно. Пусть не такие большие площади квартир, пусть не с окнами на Невский или Владимирскую, но зато с комфортом, лифтами, нормальными коммуникациями, без текущих труб, скрипящих перекрытий и, самое главное, с человеческими дворами, где можно на скамейке посидеть под деревом, на газон полюбоваться, детям есть где играть. Не только камень и бетон, но и земля, зелень, и не на клочке земли между контрфорсами здания за высоким забором, а вот так, открыто, как в нормальных городах современной планировки.

И так весь Советский Союз не стоит на месте, развивается, реконструируется, строится и перестраивается. Да еще новые земли осваиваем. Не было счастья – несчастье помогло. Сумели вовремя отреагировать, забили колышки, застолбили территорию. Благословенная, золотая, алмазная, платиновая Родезия! Бездонные подземные кладовые Анголы! Урановая Голконда Конго и Заира. Северная часть Китая вплоть до Хуанхэ, ныне эта республика называется Маньчжурией. Северный Вьетнам. Хоккайдо. Благодатные земли. Неисчерпаемые ресурсы. И ведь осваиваем помаленьку, выживших после Пандемии местных не обижаем, а Японии даже помогаем возрождаться.

При этой мысли Шумилов невесело усмехнулся – какая страна была! А сейчас ютятся в развалинах старых городов, с трудом налаживают жизнь, перебиваются с риса на воду. Экономика не выдержала удар. Все посыпалось. Самих японцев осталось двести тысяч человек. Мизер. Но это не страшно, было б чему возрождаться, с чего начинать – и они возродятся. Живучий народ, уникальная культура, цивилизация, привыкшая обходиться малым.

– Зато теперь у них много земли, – пробормотал Павел Николаевич. Циничная, жестокая шутка. Хотя с какой стороны посмотреть. В СССР давно уже поняли, что в современных условиях низкая плотность населения – это не беда, а благо. При должном подходе огромные

пространства превращаются в неиссякаемое богатство. На Земле всего должно быть в меру. Перенаселенность куда страшнее пустующих земель. Об экологии тоже надо помнить. А природа без человека восстанавливается. Вон, в последние годы даже бывшие китайские земли восстанавливаются, хотя казалось, что экология Поднебесной уничтожена окончательно, человеческий муравейник истребил, переварил и загадил все вокруг себя.

Подпольщик

Отношения с Леной тянулись уже целый год. Денис и помыслить не мог, что сможет столько времени выдержать с одной девушкой. Все течет, все меняется. Любимая пока ни разу не напоминала о желательности узаконить отношения, чувствовала, что пока рано. Несвоевременный намек может оттолкнуть слишком независимого, уверенного в себе мужчину.

К концу лета молодой человек вдруг понял, что идея женитьбы уже не вызывает у него внутреннего отторжения. Когданибудь да надо начинать. И если с Леной все хорошо, так зачем искать другой вариант? Лучшее враг хорошего.

Работа шла. Отдел безопасности раскрыл пару краж, ребята раскрутили схему увода заказов некоторыми ушлыми товарищами. Авторитет начальника отдела вырос. Обстановка в городе стабилизировалась. Империя Эдика Махмудалиева рухнула как карточный домик. К сожалению, почти бескровно. Десяток погибших в разборках и подстроенных авариях кавказцев не в счет. Полиция против своего обыкновения отреагировала вовремя и всей немалой тяжестью закона. Посадок было много. Дела до сих пор тянутся, но многим фигурантам явно светит долгая дорога и казенный дом.

Официальный и полуофициальный бизнес азербайджанцев перехватили наши местные приватизаторы. Коечто отошло лично мэру, хороший кусок хватанули околополицейские структуры. Бизнес честнее не стал, коррупция – штука непобедимая, все на себя тянет. Зато хоть наркотиков в городе меньше и бордели прикрыли. Не все, разумеется, только те, что курировал Эдик и его присные. Группа Панфилова залегла на дно. Ребята все хорошие, зря на рожон не лезут, но и бояться не приучены.

Денис вспоминал первые дни своей работы в сопротивлении. Наивные они тогда были. Думали, стоит выгнать из России всех кавказцев, цыган, азиатских гастарбайтеров, негров и евреев – жизнь сама наладится. Смешно. Не наладится. Проблема ведь не в криминальных гостях, не в черномазых бандюганах, не в прирожденных ворах и грабителях, проблема в нас самих.

В свое время для Дениса было шоком узнать, что приезжему из Закавказья или Средней Азии куда проще получить гражданство, чем русскому беженцу из того же самого ближнего зарубежья. Просто кавказец заранее ориентируется на помощь диаспоры и незаконные методы решения

проблемы, а беженец идет официальным путем и рано или поздно упирается лбом в закрытую дверь. Петли надо смазывать. Портретами американских президентов. Иначе бесполезно.

Наша беда сугубо внутренняя. Не виноваты пришельцы в том, что мы сами позволяем им садиться себе на шею. Дети природы, они же простые, как саксаул, – они иначе не умеют, дети первобытнообщинного строя и древних, давно забытых рабовладельческих цивилизаций.

В свое время соратники увлекались идеями национализма, считали себя истинными нацистами, настоящие арийцы, млин. Однако жизнь вносила свои коррективы. Чаще всего нас подставляют наши же. Кавказец всегда поддержит соплеменника, прав тот или не прав. Еврей никогда не осудит своего прилюдно, наоборот – всегда за него вступится. И даже наши эмигранты держатся вместе, единым сжатым кулаком противостоят тяготам жизни на чужбине и местным законам. И только в Ругии мы забываем, что мы русские.

Ребята собрались хорошие, надежные, именно поэтому группа и выжила. Первый закон – один за всех и все за одного. Случайные люди быстро отсеялись, их отфильтровывали заранее, не посвящая в тайны и тонкости, даже факт существования группы был секретом. Хорошо. Никто до сих пор не знает, что в Приреченске есть своя подпольная боевая ячейка русского сопротивления. Хотя фактически к Сопротивлению они не относились. Инстинкт самосохранения не позволял выходить на связь с непонятными, подозрительными людьми. Так лучше. Нет риска, что тебя сольют органам.

Хорошо, никто из наших раньше не мелькал на митингах правой оппозиции, не светился в тусовках националистов и не афишировал свои взгляды и убеждения в Интернете. Только Сергей в свое время входил в РНЕ, печально знаменитую организацию, добившуюся популярности, но не успеха. Движение, быстро распавшееся благодаря стараниям органов и своему собственному руководству. И еще не ясно, кто больше постарался.

Женька только недавно уволился из армии, служил по контракту, всякого навидался, в том числе и на Кавказе. Человек он наш, убеждать не приходится. Марат сам нашел группу и както незаметно стал своим. В операциях участвовал наравне со всеми, кровью замазан по самую макушку. Никто и помыслить не мог ткнуть Марата тем, что он татарин. Наш он, русский татарин, и все тут.

Уж такие националисты были Денис и его соратники, что, несмотря на сложившийся образ тупоголовых, уверенных в своей расовой исключительности неудачников из рабочих кварталов, валящих вину за все

и про все на нерусь поганую, своих считали не по разрезу глаз и генам, не по происхождению, а по сути. Единственным арийцем среди них можно было назвать только Алексея Иванцова, ибо его мама была немкой из фольксдойче.

Работа группы – это не сахар, нет той знаменитой романтики сопротивления, борьбы с «антинародным режимом». Нет героики партизанской борьбы. Все гораздо хуже и жизненнее. Опускаться до обычной скингруппировки ребята не хотели. Патрулирование окраин города и избиение попавшихся под руку гостей из южных стран – это, конечно, очень мужественно, очень красиво и действенно символизирует борьбу с нашествием. Символизирует в головах самих бойцов, не более того. Этнокриминал – штука серьезная, мстить они умеют. Полиция тоже не спит, им меньше всего нужны заморочки с народными мстителями, а вот успешно раскрытое дело по знаменитой 282й очень даже кстати.

Соратники меньше всего хотели портить свои судьбы длительной отсидкой, неравноценный размен получается. Работали сразу серьезно, без кампанейщины и лозунгов. И первые же операции привели к парадоксальному выводу – бесполезно! Мартышкин труд получается.

Для сплоченной группы серьезных молодых людей пришить в тихом месте нелегала или «лицо с незаконным гражданством» несложно. Как умные люди, ребята работали чисто, не оставляя улики, и в первую очередь озаботились утилизацией трупов.

Денис и Леха были знакомы с полицейской работой. Да Алексей, что скрывать, работал простым опером, старший лейтенант полиции.

Дело начинается не с убийства, не с заявления, дело начинается с трупа. Даже если друзья пропавшего нелегала пойдут в полицию, искать сразу никто никого не будет. Раз нет факта убийства, значит, человек просто пропал без вести. Как пропал? Куда пропал? А пропадал ли вообще? Фиг его знает. И вообще, на каком основании он здесь находился? Может, взял да уехал. Кто его знает. Простому, заваленному парой десятков дел оперу меньше всего нужно вешать себе на шею еще и «висяк» с «мокрухой», он не рыжий. Его начальство за нераскрываемость пендюрит всеми путями самым противоестественным способом.

Провести разведку. Подготовить акцию. Грохнуть врага родины. Надежно закопать труп. Все. Работа сделана. А результат ноль. Результат ведь бывает не от самой акции, а от раскручивания, от афиширования акции. Пропал человек, и все тут. Ищут его, знакомых расспрашивают, на родину звонят, а причину не знают. Если и подозревают что, так не ясно, почему пропал. Информации нет. Страха перед сопротивлением тоже нет.

Двойственность. Ловушка. Будешь оставлять трупы на месте, будешь раскручивать себя – получишь результат, иноземцы будут уезжать, но и сам попадешь в прицел. Опыт говорит, что в таком случае долго не живут. Да, есть у нас в стране крутые ребята, умудрялись голову таджика оставить прямо на крыльце печально знаменитого «СОВАЦентра», но их мало, и Денис не считал себя и своих соратников неуязвимыми и неуловимыми героями. Правильно, в общемто. Не супермены они, обычные люди.

После очередного успешно придушенного на окраине коттеджного поселка гастарбайтера из солнечного и голодного Узбекистана ребята задумались. Воевать так, как они, можно долго и с нулевым результатом. Идти взрывать мэрию? Тоже не выход. Решение было принято после долгих споров – редкие, точечные снайперские удары по узлам враждебной структуры.

Соратники три месяца собирали материал на Эдика Махмудалиева. Осторожно, через пятые руки, чтоб самим не засветиться, составляли подробное досье: привычки, обыкновения, слабости, любимые развлечения, распорядок дня. И все ради одной вечерней вылазки в пригородный парк. В акции участвовали два человека, а прикрывали их пятеро и с оружием. Эдик ведь мог взять с собой охрану, его быки тоже были не прочь порезвиться с молоденькой девочкой на природе. Романтика.

Не взял. Не взял охрану. Один хотел поохотиться. Посему и прожил на четверть часа меньше. Именно столько времени потребовалось бы, чтоб подтянуть резерв и перестрелять бандитов.

Несмотря на опасения коекого из соратников, акция прошла успешно. Камешек подтолкнул лавину, запустил процесс. Криминала в городе стало немного меньше. Полиция постаралась и подчистила растревоженное осиное гнездо. А самое главное: нашли убийцу Эдика Черного! Официально труп повесили на лидера конкурирующей группировки, в свое время прилюдно обещавшего повесить Эдика за яйца и имевшего несчастье погибнуть в перестрелке по поводу раздела наследства покойного Махмудалиева.

Время шло. В конце сентября ребята собрались на очередную встречу. Как обычно, на даче у Леши. Встретиться, поболтать, поделиться новостями за бокалом пива, попариться в баньке. Старые добрые мужские развлечения. Шашлык пожарить. Куда уж без него.

– А не пора ли нам вновь выкопать топор войны? – Женя первым поднял животрепещущий вопрос.

– Кого будем умиротворять? – хохотнул Марат.

– Есть одна мысль. Подрезать некоего Шаронова, нашего всеми

любимого первого заместителя мэра по городскому хозяйству.

– Мысль действительно интересная, – согласился Денис. – А что это даст?

– Как что? Он же городское хозяйство развалил, все себе хапает.

– И что? – хмыкнул Сергей. – Что это изменит?

– Ничего, – кивнул Марат.

– Я даже больше скажу, – громко прошептал Денис, подавшись вперед, – Шаронова скоро снимут. Он и так всем надоел. Мы не успеем его убрать.

– Так нам два дня надо, – не унимался Женя. – Живет он в Белоусе. – Имелся в виду коттеджный поселок в пригороде. – Дом на окраине. Сигнализации нет. Спокойно вечерком вломимся, решим проблему и уедем.

– И ничего не изменим, – вздохнул Марат, он тоже все понимал. – Что будет дальше?

– Решат, что убили за долги, за кидалово, еще за что. Мы не изменим ситуацию, акция не приведет к запуску цепной реакции.

– Так что делать? Сидеть, пиво пить, пока страна гибнет? – Женя грохнул кулаком по столу. Хорошо приложил, так что тарелки и стаканы попрыгали.

– Не давать убивать русских. Мы русские? Вот давайте сначала не дадим себя убить.

– Русские, говоришь? Я вот уже не знаю, русские мы или нет. Что там по зомбильнику и в газетах брешут: нет такой нации? Всякочеловеческий сброд, разномастная толпа, скифы, татары, финноугры, чухня всякая, сколоченная в одну орду скандинавскими князьями, татарскими царями и немецкими императорами. Русский язык, привычка носить штаны, православие, самодержавие даже негра делают русским.

– Брешут! Им за это платят, вот и брешут. Людьми без родуплемени, забывшими свой род, свою кровь, легко управлять, с них легко стричь налоги, легко добиваться их одобрения, в случае надобности их легко бросать на пулеметы. Есть заказ на ругиянскую идентичность, есть цель сделать нас всех аморфной толпой – они это и делают.

– А нам тогда что делать? Как быть?

– Нам остается только жить, растить детей, воспитывать их достойными нас и наших дедов, держаться вместе и не подставлять наших, – ответил Алексей. – Стараться делать хорошие, добрые дела.

– Когда они устраивали погромы в Баку, мне было все равно, я не из Баку. Когда они резали людей в Средней Азии и на Кавказе, мне было все равно, я живу в Ругии. Когда они пришли в Москву, я не протестовал, ведь

я не москвич. Когда они пришли мстить, я молчал, я ведь их не трогал. А когда они пришли за мной, некому было больше протестовать. Некому было встать рядом со мной, – проговорил Марат.

– Сильно сказано. Откуда это?

– Один немецкий пастор по поводу гитлеровцев сказал, – заметил Денис.

На этом спор и завершился. Соратники пришли к выводу, что не стоит спешить лезть в петлю. Надо выжидать, ловить момент, если бить, то так, чтоб одним ударом запустить механизм разрушения, разрушить целую структуру, уничтожить банду, а не одного бандита.

– Мы живы, мы не сдаемся, и это уже хорошо, – пробормотал Денис.

А ведь Леша верно сказал: детей надо растить. Вон у него уже двое, денег в семье немного, простой оперативник, не бизнесмен, не «оборотень» в погонах, а семью тянет. Денису стало стыдно. Здоровенный лоб, зарабатывает хорошо, возраст за тридцать, а до сих пор один. Да еще себя «русским националистом» называет. Какой ты к черту националист, если сам о будущем своего народа не думаешь? Кому собрался свою кровь, свою веру, свою землю передавать? Некому. Так и получится, что наследовать Денису будет не родной сын, которого нет, а неведомый козлопас с далеких гор, у которого, может, мозгов не больше, чем у шакала, порусски не говорит, но зато у него пятеро братьев, восемь детей и две жены.

Недели через две Денис как бы между делом предложил Лене переехать к нему.

– Это официальное предложение? – Девушка отступила на шаг и сложила руки перед собой.

– Ну, я пока не знаю. Это очень серьезное дело, я пока не уверен. – Денис сам ненавидел себя таким мямлей, но других слов не было. Язык примерз к гортани, еле ворочался, мозги скрипели, как заржавевшие.

– О боже! Я столько ждала! И тут этот неандерталец соизволил сделать предложение.

– Лена, а давай просто, без лишних слов? Поживем вместе, посмотрим друг на друга, привыкнем. Вдруг это все серьезно.

– Вдруг?! – Девушка шагнула вперед и залепила Денису звонкую пощечину.

– Нечего на тебя смотреть, самовлюбленный мужлан и трус.

– Лена! Я действительно… – Денис схватил девушку, подбросил вверх, прижал к себе и крепко поцеловал. – Лена, я люблю тебя, я просто пока не уверен, что ты сможешь меня выдержать.

– Какой же ты дурак, Панфилов. – Девичьи руки обняли Дениса за

шею.

– Такой вот есть.

– Неотесанный. Грубый и очень ранимый, – продолжала Лена.

В глазах девушки читалось, что она согласна. Она действительно любит и готова терпеть даже такое, лишь бы любимый мужчина остался с ней навсегда.

В тот же вечер произошел разговор с родителями Лены. К Денису они относились хорошо, видели, что человек он серьезный, на ногах стоит крепко, не наркоман, не пьяница и Лену любит. Эту ночь молодые люди провели вместе. Редкое для них дело, обычно романтические встречи заканчивались тем, что Денис провожал девушку до дому, пусть и после полуночи.

Сам переезд растянулся на целую неделю. Заодно вещам Дениса пришлось потесниться. Неожиданно оказалось, что шкафов слишком мало, все не вмещается. Да и планировка квартиры не идеальна, мебель подобрана безобразно, на кухне давно пора делать ремонт.

– И ты говоришь: потерпим? – Лена потянула за свисающий в углу лоскут обоев. – А плитка? Ее хоть раз в жизни меняли?

– Нормальная плитка, – пробурчал молодой человек, – а обои постоянно отклеиваются, рядом стояк отопления.

– Прошлый век! У папы на даче ящик точно такой же плитки, стоит уже… – девушка задумалась. – Да, когда я еще в третий класс ходила, папа ее с работы притаранил.

– Лена, ну давай переклеим обои, а с плиткой подождем. Ее же еще в советские времена клеили, ее просто так не отдерешь.

– Тем более! Ты сколько в этом доме живешь?

– Ну…

– И до сих пор не делал ремонт?

– Ну, как купил хату, так подшаманил маленько, почистил, сантехнику поменял, обои.

– А потолки красил?

По багровой физиономии Дениса было видно, что ему стыдно за свою берлогу. Надо же, пока просто так встречались, ни словом не обмолвилась! А стоило въехать в квартиру, так пошлопоехало. Этаким макаром ближайшие выходные грозят превратиться в один большой аврал. А почему ближайшие? Денис чувствовал, что кухней не обойдется. Лена девушка решительная, если за что взялась, так не слезет, пока не добьет. Меньше чем на полный ремонт всей квартиры она не согласится.

– Ладно, в субботу едем в магазин за обоями. Побелку тоже прикупим.

– Побелка?! – глаза девушки расширились. – Кто сейчас побелкой мажет? Берем водоэмульсию. И сразу плитку посмотрим. Рулетка есть? Сейчас замерим.

Попал, как кур в ощип. Однако возмущался Денис только порядка ради. Пусть. Когда девушка вьет гнездо, это добрый признак, значит, вселилась надолго и серьезно. И Лена совершенно права: пора делать ремонт. Начинать с кухни, потом в ванной и туалете срубить плитку, унылый раритет советских времен. Подобрать нормальную настенную, на пол можно керамогранит положить. Потолок обшить пластиком.

Денис надеялся, что к Новому году отремонтирует и комнаты. Хорошо, он линолеум недавно менял, лет десять прослужит. Как всегда, выбрал приличную полукоммерцию. Нет, пол менять не будем. Лена уже косится, придирчиво ковыряет носком угол плинтуса. Молодой человек считал, что настилка ламината слишком больно ударит его по карману.

Впереди еще очередное обслуживание машины. Проклятый немец обходится весьма дороговато. Помнится, Сергей рассказывал, что ему замена стоек вышла в полторы тысячи рублей. Гм, на «Астре» Дениса такая же операция обходится ровно в десять раз дороже. Хорошо, бензин для всех одинаков, хотя опять же дорог.

– Страна нефтяников. Смешно, – буркнул молодой человек.

– Что, дорогой? – Лена, как и все представительницы рода Евы, имела привычку слышать то, что не предназначалось для ее ушек.

– Я говорю, у нас нефть качают как бешеные, а бензин дорогой.

– А ты не хочешь перевести машину на газ? Маша рассказывала, что им на газу куда дешевле обходится.

– Нет уж, переводить «Опель» на газ себе дороже будет. В багажник ничего не положишь, баллон мешается. И опасное дело, на газу часто горят.

– Ну, тогда старайся ездить меньше. Например, тебе сейчас не нужно будет отвозить меня домой. Представляешь, какая экономия!

Неудивительно, что в этот момент Денис почувствовал, что он сильно поторопился. Не готов он еще связать себя узами брака, создать новую ячейку общества, в общем, жениться. Если в первые дни началось такое, то что будет дальше? Жуть. Не хватало еще, чтоб ктото следил за расходом бензина, личным временем Дениса и деловой перепиской. Лена тоже поняла, что хватила лишнего, взяла слишком круто.

– Мужчине ведь нужна машина, так ты везде успеваешь.

– А куда в наше время без четырех колес. Приходится.

– Дорогой, я читала, что чем больше у мужчины проблем в личной жизни, тем больше у него машина. Я рада, что у тебя такой небольшой и

мощный автомобиль.

– Намек понят, – расплылся в улыбке молодой человек, – сейчас продемонстрируем.

– Подожди, я еще суп не проверила. И вообще я еще подумаю. – Отбивалась Лена яростно, но притворно, четко чувствовала ту грань, после которой мужчина должен отступить, и старалась ее не перейти.

– К черту суп. Я тебя люблю, – прохрипел Денис, унося свою драгоценную ношу в спальню.

Мысли о грядущем ремонте им совершенно не помешали. Можно было назвать это медовым месяцем. Никто не знал, насколько он затянется, но оба старались насладиться этим чудным, прекрасным, волшебным периодом. Временем, когда наконецто они вместе, не нужно никуда бежать, любимый рядом, а быт еще не заел, все свежо и на высшем пике, чувства нежны и пламенны, а гормоны бурлят вулканом, совсем как у подростка в период созревания.

О детях Денис пока не думал, точнее говоря, подходил к вопросу серьезно, не абы как. Лена пока и не намекала, хотя в гостях у друзей Дениса не чуралась взять на руки измазанного, орущего дитятю. Как правило, дети у Лены на руках успокаивались, тянулись к ней. Так постепенно молодой человек свыкался с мыслью, что он не один, а придет время, и пеленочной эпопеи не избежать.

Агент прикрытия

– Вот так и живем, – пробурчал Дэн, выглядывая рано утром на балкон. Октябрь на дворе. На улице темно, сыро и холодно. Хочется захлопнуть дверь, нырнуть в постель под одеяло и поваляться еще пару часиков. Нельзя. Быстро сделать зарядку, разогнать кровь по жилам. Затем бежать умываться, бриться, приводить себя в порядок, завтракать и собираться на работу. Окна квартиры Дениса выходили на проспект. Пятый этаж. Золотая середина для девятиэтажки. Хороший вариант, сам подобрал.

Утро, но народ уже спешил на работу, подтягивался к автобусной остановке. По дороге шуршали шинами машины. Яркий свет фар разгонял предутренний сумрак. Уличное освещениетo уже выключили. Экономят, собаки.

Новый мир не уставал поражать Дениса и Славу. Все было не так, все было иначе. Адаптировались прогрессоры быстро, но своими в этом мире не стали. Слишком большие отличия. Денис так и не смог понять, как народ терпит ужасающую коррупцию, развращенность властей, самых мелких чиновничков. Полное наплевательство хозяев жизни на нужды и чаянья простых людей. Любая власть немедленно превращалась в источник дохода. Да, среди аборигенов встречалось немало хороших, порядочных людей, но они не заметны, а мразь плавает сверху.

Натурализация прошла быстро. Наши первопроходцы успели наладить связи, подкупить или взять на крючок нужных людей в полиции и паспортных столах. В финансах прогрессоры не были ограничены: жилье, машины, необходимые для прикрытия фирмы честно покупались.

Руководивший их группой Евгений Савельевич, старый опытный офицер разведки, дал новоприбывшим пару дней на ознакомление с новым для них миром. Обеспечил документами, деньгами, легендами и отпустил в свободное плаванье. Да, как это ни удивительно, но прогрессорам приказали просто жить и врастать в общество.

– Болваны, сами не знают, зачем нас сюда выдернули, – проворчал Антонов по поводу странного решения начальства.

– Не спеши. – Дэн хлопнул приятеля по плечу. – Радуйся, что живем в нормальной стране, а не в Замбистане какомнибудь.

Старший лейтенант был прав. Жить в Ругии можно. Пусть это не СССР, но и не третий мир. Имея в качестве капитала голову, немного денег и полное отсутствие комплексов, здесь можно делать дело, здесь можно

подняться. Именно это от прогрессоров и требовалось на первых порах.

Командование создавало сеть. Боевиков рассылали по городам и весям с одной целью – окапываться и приглядываться. Программаминимум – выживание, программамаксимум – поиск вокруг себя приличных людей, контингента, с которым можно работать. Низы общества и откровенную мразь тоже забывать не следует, для хорошего разведчика все пригодится. Есть задания, для которых просто нельзя использовать хороших людей. Особенно когда рядом есть одноразовый контингент, который не жалко потерять или пристрелить после выполнения задания.

Панфилова и Антонова отправили в достаточно крупный провинциальный Приреченск. В дороге товарищи еще раз столкнулись с тем, что, несмотря на то, что Мир01 очень похож на наш, различия на бытовом уровне огромны. Дэна умиляла «забота» местных органов о безопасности своих граждан. Мало того, что на большей части территории страны владение огнестрелом считалось тяжким преступлением. Мало того, что численность полиции, внутренних войск и сопутствующих структур превышала любые разумные пределы, так еще в стране существовал жесткий тотальный контроль за гражданами.

Дениса изумило и позабавило то, что они не только купили билеты на поезд по паспортам, так еще у них при посадке на поезд дважды сверили паспортные данные с вбитыми в билеты. Перепродать билет, минуя кассу РЖД, здесь было невозможно. Однако очень быстро выяснилось, что билетными спекуляциями занимались сами работники РЖД. Сесть на поезд без билета и минуя паспортный контроль тоже можно. Достаточно знать, к кому подойти и сколько заплатить за форсмажор.

Жизнь есть жизнь, простые люди всегда действуют не как правильно, а как лучше и удобнее. А если уж человеку совсем нельзя на поезд, не говоря о самолете, то существует развитая сеть автобусного сообщения. Документов там не требуют, а доехать можно куда угодно.

Приреченск товарищам понравился. Они быстро нашли съемное жилье, заплатили за месяц вперед. Один день, и они уже нормальные граждане. Правда, без местной прописки трудно устроиться на работу, не везде берут, но и это поправимо. Неделя на поиски жилья. Денис купил себе квартиру в старом доме. И не прогадал. Быстро оформил покупку, вселился, подал документы на прописку. Дом хоть и старый, но жить в нем можно. Только мебель прикупить, поставить холодильник, стиральную машинку, телевизор, поменять замки – и вселяешься.

Слава Антонов решил переиграть товарища и купил квартиру в новом доме. Как он потом матерился! Мало того, что отделка была самая

копеечная, дерьмовенькая, окна и двери придется менять через год, линолеум такой, что нормальный человек постесняется его в дачном сортире постелить, район на отшибе, не благоустроен, общественный транспорт ходит плохо и редко, так еще возникли проблемы с документами. Нет, все в порядке, все нормально, просто дом еще только сдается в эксплуатацию, собственность на жилплощадь оформляется, прописаться пока в этом доме невозможно. Славе и другим новоселам клятвенно обещали, что к Новому году все будет решено. Застройщик порядочный, держит марку, в дешевые игры с кидаловом не играет, но на душе было неспокойно. Человеку нужна прописка, а не только временная регистрация по месту жительства.

Денис уже собирался выходить из дома, когда в кармане заиграл телефон. Звонил Сашка Комаров, коллега по работе и заодно сосед по микрорайону.

– Дэн, доброе утро. Не разбудил? – Старая шутка, времени только до работы добраться.

– Привет.

– Ты меня не подкинешь?

– Заберу. Где у меня стоянка, знаешь?

– В поле за политехом. Помню. Буду через десять минут.

– Не спеши, пока дойду, пока мотор немного прогрею, – разговаривал Денис на ходу.

Удобная штука сотовый телефон, представить себе невозможно, как без них жили. Со стоянкой Дэну повезло и с микрорайоном тоже. Почти центр, все близко, транспорт ходит. Дворы зеленые, благоустроенные. Разумеется, не так, как в СССР принято, но для местных и это очень хорошо.

Денис успел дойти до стоянки, прогреть мотор. Пусть на машине мощный современный инжектор с компьютером, но не стоит злоупотреблять, не стоит насиловать машину на холодном моторе, ресурс быстро сгорает. Вот и Сашка бежит. Руки в карманах, голову втиснул в плечи, в уголке рта сигарета дымится. На улице холодно, моросит.

– Здорово. – Саня запрыгнул в салон и протянул холодную посиневшую ладонь.

– Привет. Поехали?

– Поехали. Утром планерка, Михалыч опять всех будет всеми путями пендюрить.

– Ну и фиг с ним, – благодушно улыбнулся Денис. Директор любил поорать на подчиненных, но никогда не повышал голос на своего нового

заместителя, задницей поганец чувствовал, что не стоит этого делать. На Дениса вообще редко наезжали. Окружающие подсознательно понимали, что под спокойной, чуть ироничной, дружелюбной улыбкой Дениса Владимировича скрывается оскал старого матерого волчары.

– Тебе фиг, – жалостливо протянул Саня, – а у меня заявки не скомплектованы, новый заказ не успел обсчитать, да тут еще вчера Михалыч попросил срочно дать выборку по сталям.

– Не горит, – хмыкнул Дэн, одной рукой вписывая машину в поворот, а второй переключая скорости.

Водил он неплохо. Правда, давненько не приходилось ездить по большому городу, но не будешь же рассказывать людям, что последние два года он если и ездил за рулем, так там, где не каждый день встречную машину увидишь, дороги еще хуже, чем здесь, а о правилах дорожного движения все сразу же забывают.

– Тебе везет, начальник тебя уважает и любит, наследство получил, квартира новая, машину купил. Как ты так умудряешься?

– Обыкновенно. Наследство так себе, и не ждал, что дядюшка расщедрится. Из Перми мне уехать пришлось. Квартира в старом доме. Машина, – на губах Дениса играла пренебрежительная усмешка, – бюджетник. Так себе, обычная машина, – лукавил Денис, в Прирече́нске «Опель Астра» считалась машиной очень даже приличной, дороже и лучше популярных «Шевроле», «Хендаев», «Дэу» и «ВАЗов». Он и выбрал себе авто, чтоб движок помощнее, скорость выше, надежнее, прочнее, на грунтовке не рассыпалась. О деньгах Денис не думал, хотя в последнее время бюджет начинает напоминать о себе. Подъемные кончились, остается жить только на зарплату, ну и приработки желательно не упускать.

– Все равно тебе везет. Живешь один, все есть, ни о чем не думаешь.

– Это все временное, – отшутился Денис.

Нытье Сашки его забавляло. Хороший он человек, не дурак, порядочен, детей любит, вот только по жизни слабоват. Слишком Саша мягкий, окружающие это чувствуют и без зазрения совести лезут ему на шею. В армию ему надо было в свое время идти, в нормальную боевую часть, чтоб характер закалить, жизни понюхать, научиться отвечать за себя и товарищей. Армия, что ни говори, учит. Сам Денис сразу после срочной поступил в военное училище и ни разу не жалел о своем выборе. Повидал, конечно, всякого, и с призывниками мучился, делал из них людей, хотя в некоторых случаях проще было пристрелить. И в Родезии, на самых южных форпостах побывал, но ни разу о своем выборе не жалел.

Рабочий день начался как обычно, директор на планерке выдал всем

хороший заряд бодрости противоестественным способом. Денис спокойно просидел все совещание, не проронив ни слова. Только под конец Сергей Михайлович спросил его о результатах переговоров с тверичами.

– Удачно, – кивнул Денис. – Они согласны на оптовую скидку, могут работать по нашим чертежам и техническим условиям, но требуют предоплату.

– Сколько?

– Пятьдесят процентов.

– Козлы, – раздраженно бросил Михалыч и сразу же переадресовал вопрос бухгалтеру: – Катерина Витальевна, посмотрите, что там осталось с заказа «Стройметалла».

Полноценный доклад Денис сделал после совещания один на один в кабинете директора. Не стоило при всех озвучивать некоторые нюансы и проценты предполагаемого контракта. С работой он справился, так что на брюзжание Михалыча по поводу скаредности некоторых в штатском и бедности самого Михалыча, который вынужден кормить целую ораву бездельников, молодой заместитель спокойно положил с прибором. Прекрасно знал цену этих стенаний.

Человеком Сергей Михайлович был умным, излишней наивностью не страдал, и бездельники у него не держались. Бизнес эпохи дикого капитализма вообще чужд сентиментальности и не страдает чрезмерным гуманизмом. Трудовое законодательство тоже традиционно не соблюдается, особенно в части нормирования рабочего времени и оплаты за переработку.

Ближе к обеду Денису позвонил Слава Антонов.

– Здорово, кореш! – незаметно для себя Славка пристрастился к приблатненной манере разговора.

– И тебе того же, и тебя туда же, – отшутился Дэн.

Товарищи старались не звонить друг другу на сотовые без особой необходимости. Прекрасно знали, что все разговоры записываются и записи хранятся минимум сутки. Куда безопаснее было пользоваться стационарными телефонами или, зная примерное расписание коллеги, ловить его на улице.

– Помнишь, мы давненько пиво не пили?

– Не помню. Когда и где?

– Если свободен, давай сегодня вечером. Знаешь кафешку на Дружбе народов, рядом с мебельным салоном?

– «Сухарики»? Давай там.

Предложение попить пивка означало вызов на связь. Слава чтото нашел, хочет обсудить дело с товарищем. Но это не чрезвычайно и не

опасно, для таких случаев предусмотрены другие кодовые слова или варианты оповещения.

В конце дня Денис вовремя уехал в офис торговой сети забирать отчеты и счетафактуры. Обстановка на работе сегодня была нервная, Михалыч явно собирался заставить сотрудников пахать до позднего вечера и стахановскими темпами завершить все накопившиеся за последнее время дела. Разумеется, Денис не собирался изображать из себя героя трудового фронта, не на себя работаем и даже не на государство.

Хорошо и то, что он уехал с Промкомзоны до четырех часов. Успел проскочить в город до вечерней пробки. Не пришлось портить нервы, тратить время и жечь сцепление, ползя по забитым машинами дорогам. Дела он завершил, часов в пять позвонил Михалычу и с чувством полного удовлетворения отогнал машину на стоянку. По дороге домой Денис заскочил в магазин, набрал полный пакет продуктов. Есть дома было нечего, и тратить время на готовку не хотелось. Взял пельменей, мороженых котлет и пару коробок каши быстрого приготовления.

Еще один недостаток местной цивилизации – качество продуктов просто отвратное. Денис помнил, какой он испытал шок, попробовав приличной на вид колбасы, причем не самой дешевой. Нет, после того раза он зарекся покупать местную колбасу, да и на многие другие продукты смотрел с подозрением. Лучше не есть и не выяснять, из чего это сделано, так оно спокойнее. Старшему лейтенанту Африканской бригады приходилось перебиваться подножным кормом. Дело не для избалованных, брезгливых индивидов, многое из того, что бойцы с удовольствием уплетали за обе щеки, у большинства сограждан вызывает рвотный рефлекс, но ведь это все было натуральное, чистейшие природные белки, жиры и углеводы. Микроэлементы с витаминами. Это все росло, бегало и ползало, причем иногда прямо по тарелке. Но это все было натуральное, а не из сои, пальмового масла, красителей, ароматизаторов, белковых заменителей и прочей неудобоваримой химии.

Вячеслав Антонов, в этом мире по новому паспорту Вячеслав Савельев, пришел в кафе раньше Дениса, занял столик в углу, заказал легкий ужин и потягивал светлое пиво. Сержант никогда не отказывался от возможности совместить полезное с приятным. Народу в заведении было немного. Тем более кафе считалось приличным, откровенную рвань сюда не пускали, охрана следила, чтоб посетители не буянили и до чертиков не напивались.

– Здорово! Пьешь! А я еще трезв! – Тяжелая рука Дэна опустилась на плечо Гадюки.

– И тебе привет, – кивнул товарищ и, повернувшись к бару, махнул рукой официантке. – Девушка!

Денис успел поужинать, поэтому заказал только пиво, фисташек, сырную тарелку и кофе. Переусердствование с алкоголем не входило в его планы на этот вечер.

– И как ты пиво с кофе пить можешь? – поморщился Слава.

– Не одновременно же. Давай рассказывай: что с квартирой?

– Решается. Кидалова не будет. После ноябрьских праздников будут оформлять.

– Ясно. Как сам собираешься праздновать?

– Какое ноября? Четвертое или седьмое?

– Я лично оба праздника отмечу. День Ругии – звучит. Народное примирение – звучит еще круче!

– Есть с кем?

– Пока нет. А у тебя?

– Аналогично.

Незатейливый треп двух приятелей. Обычный разговор. И только когда девушка принесла поднос с заказом, Слава перешел к главному.

– Ты не поверишь, но я тебя видел.

– Меня или…?

– Двойника, – кивнул Антонов, – ошибки нет. Похож как две капли воды, только выглядит немного моложе, загара нет, полнее.

– Может, просто совпадение?

– Нет. Мы сейчас с «Политроном» работаем, я у них был, бумаги там подписывал, объемы работ, фигня всякая, ну ты понимаешь.

– Хороший заказчик. Люди серьезные, требуют сроки и качество, но платят честно, не затягивают.

– И работает у них в службе безопасности некий Панфилов Денис Владимирович, 1977 года рождения.

– Интересно. – Дэн шевельнул бровью, ничем больше не выказывая своего удивления. После истории с Георгом Гогиашвили руководство старалось не направлять прогрессоров туда, где они могли встретиться со своими двойниками. Даже если без эксцессов, такие совпадения слишком опасны. Прогрессор может столкнуться с людьми, знакомыми с его двойником, возникнут вопросы, появится нехороший интерес.

– Мне говорили, что местный Панфилов так и живет в Саратове.

– Выходит, не живет, уехал. Что будем делать?

– Давай не будем паниковать, – улыбнулся Дэн, поднимая кружку пива. – Ты можешь аккуратно выяснить биографию Панфилова? Только без

риска, только то, что наверху лежит.

– Зеленому будем докладывать? – Так звучал позывной Евгения Савельевича.

– Пока рано. Не стоит паниковать, пока ничего не выяснили.

– Смотри, – Слава покачал головой. – Приреченск город большой, да не Москва, люди встречаются, пересекаются, может, придется по работе в «Политрон» заехать. Смотри.

– Ладно, замяли. Ты лучше скажи: что говорят о Ермакове?

– Директор «Водоканала»? Порядочный человек, люди его уважают, отзываются хорошо, одеяло на себя не тянет, справедлив, фирма у него на плаву, зарплату платит.

– Мне то же самое говорили. Ты можешь на него выйти?

– Я – нет, – невесело усмехнулся Слава, – куда мне. Я же простой мастер, кондиционеры устанавливаю, короба. Это ты замдиректора.

– Маленькая фирма. Несущие конструкции, крепеж, рамные элементы, железки всякие делаем. Нет, не мой уровень. У «Водоканала» свои поставщики, да и в случае чего меня дальше снабжения или ПТО не пустят.

Через неделю, как раз накануне 4 ноября, товарищи встретились в том же самом кафе. На этот раз зал был полон. Последний рабочий день завершился, впереди праздники, народ потянулся по злачным заведениям. Друзьям как раз достался последний свободный столик.

– Выяснил я, почему твой крестник из Саратова уехал, – начал Слава, когда им принесли заказ и официантка удалилась.

– Криминал?

– Нет, все интереснее, в твоем незабываемом стиле. Такой же перекатиполе. После армии скучно стало, вот и решил место жительства сменить. В Москву подался, года два помыкался на съемных квартирах. Не понравилось, город не понравился.

– Да меня тоже от этого муравейника тошнит, – кивнул Денис.

– Тыто в армии остался, офицер, а у местных армия – это такой беспредел и бордель, что тебе там не место. Твой двойник в Москве денег подзаработал, контактами обзавелся, опыта набрался и уехал в провинцию. Здесь он и нашел свое место.

– Серьезно?

– Ну, пока здесь живет, вроде уезжать не собирается. Работа у него хорошая, квартира есть, сильных врагов не наблюдается. А вот связи в структурах хорошие.

– Женат? Дети?

– Как и ты. Если дети и есть, то ты о них не знаешь. – Разговор шел

открыто и предельно откровенно. Явно хамоватые шуточки Гадюки были к месту. Друзья понимали друг друга с полуслова, и такие дружеские подколки ими воспринимались как надо. Без глупых обид.

– Давай так, – чуточку помолчав, решил Дэн, – я держусь от него подальше. Информируем начальство. А ты на рожон не лезь, но держи его в поле зрения. Ты снайпер, умеешь держать дистанцию. Чтоб ты его видел через прицел, а он о тебе бы и не догадывался.

– Работаем, командир. – Гадюка оперся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и залпом осушил полкружки пива. Работа кончилась, начался заслуженный отдых.

Через три дня в город прибыл еще один прогрессор, Алексей Ковалько. Он и возглавил приреченскую ячейку сети. Задача перед тремя товарищами стояла простая – организовать официальный легальный бизнес, зарабатывать капиталы и влияние, собирать материалы, искать людей, заводить связи, контакты, быть готовыми в любой момент выйти из тени и… А вот дальнейшее не указывалось. Евгений Савельевич только намекнул, что не стоит расслабляться, скоро наше время придет.

– Скорее бы, – буркнул в ответ Гадюка.

На этом встреча с начальством завершилась. Отныне связь с центром осуществлялась только Ковалько и по каналам Ковалько. К слову сказать, руководитель группы оказался старшим лейтенантом КГБ, Первое Главное Управление, белая кость, политическая разведка.

Распутье

Глаза боятся, а руки делают – незаметно для себя Павел Шумилов поглотил и переработал накопленный материал по Миру01. Самое главное – он сумел осмыслить информацию, сделать коекакие выводы. Сложившаяся ситуация не радовала, но могло быть и хуже. У соседей системный кризис, цивилизационный кризис, демографический кризис, затяжной политический кризис, обстановка, казалось бы, хуже некуда. Однако не все потеряно. Здоровые силы у них еще остались. Правда, они разрознены, дезорганизованы, зачастую конфликтуют между собой, вместо того чтоб одним фронтом, плечом к плечу решать общие проблемы.

Помочь им можно, но работать надо спокойно, без шапкозакидательства и очень осторожно. Любая утечка чревата. Факт вмешательства во внутренние дела иной, более развитой, цивилизации есть страшнейший, разрушительный фактор. Если соседям станет известно о нашем существовании, последствия непредсказуемы в принципе.

Все это вместе с более мелкими своими соображениями по проблеме Павел Николаевич и доложил на совещании руководства. Доклад Шумилова был воспринят спокойно, именно этих выводов от него и ожидали. Куда более серьезные прения вызвало обсуждение знаменитого вопроса: «Что делать?» Страсти разгорелись шекспировские.

Анютин и Шнитке однозначно выступали за социалистическую революцию в Ругской Федерации. Владимир Строгов, Трубачев и курировавший проект со стороны Минфина Сергей Костачев предлагали не торопиться с силовым решением, работать мягко, непрямыми методами. Строгов вообще считал, что лучше всего будет продвинуть наверх своих собственных людей и уже через них реформировать страну.

В свою очередь Иван Соколов напомнил, что наиболее амбициозные планы могут в буквальном смысле не пройти сквозь игольное ушко порталов. Действующий пермский и строящийся ныне второй портал в курортной зоне к северозападу от Питера ограничены по пропускной способности. Техника не пройдет однозначно. Если для революции необходимо тяжелое оружие, то его придется добывать на месте. Да и переброска стрелковки в пересчете на энергию и оборудование обойдется дороговато.

– Нет, уничтожить президента и премьера – это элементарно, – заметил Трубачев. – Самый действенный метод – это перехват кортежей

спецназом. Крови, конечно, будет море, штурм дворца Амина покажется детскими играми. Нам придется перебить большую часть охраны, сопровождающих, достанется случайным и непричастным, наши понесут потери. Во время боя спецназу придется разнести все и вся к чертям собачьим.

– Точечный удар? Противотанковая ракета по машине с мишенью? – Эрвин Шнитке недоуменно приподнял правую бровь. – Или у нас уже разучились работать чисто?

– Вы же специалист, знаете, что для одного укола надо провернуть колоссальный объем работы. Без разведки, точной информации из охраны целей мы не сможем выяснить, куда и когда стрелять.

– Надо задать вопрос узким специалистам. Может, они найдут решение.

– Опять время, развитая разведсеть, большие затраты на подготовку акции, соответственно риск утечки.

– А переброска «Вымпела», организация местной базы, усиление, удар по кортежу будут стоить дешевле?

– Именно, – поддержал Трубачева Строгов, – меньший необходимый объем информации, а переброску можно осуществить в любом месте.

– Товарищ Соколов?

– Практически это возможно. Мы можем за неделю смонтировать установку, проблема в электроэнергии и встречающих, – профессор закашлялся, – нам ведь в первый раз повезло. Портал открылся в лесу, а не посреди улицы.

– Подождите минуточку, – Костачев приподнялся со стула. – Вы говорите, что портал открывается в любом месте?

– Не в любом, а там, где мы установим оборудование, – пояснил ученый.

– Тогда откуда такие сметы на строительство ленинградского портала? Вы купили целую усадьбу с реликтовым лесом.

– Дважды купили, – хохотнул Шнитке. – Один раз в нашем мире, и второй раз у соседей. Это были мои требования. Безопасность должна быть. Мы купили старый дом, оформили землю, прокладываем дороги, ремонтируем здания. Ограда, охрана территории, подкуп должностных лиц у соседей – все это стоит денег. Да мы еще монтируем «Прометея». – Речь шла о компактной быстровозводимой термоядерной установке.

– А можно было дешевле?

– Дешевле только в провинции. Экономия в пять раз, – заметил Строгов. – Но тогда нам будет сложно объяснить местным появление

множества новых людей, да еще с идеально выправленными документами. Нам нужен портал рядом со столицей. Мы и так по настоянию вашего министерства строим дорогу не в Подмосковье, а на Карельском перешейке. Второй вариант дешевле, хотя тоже дорого.

– Тихий ужас. – Костачев покачал головой.

– Господатоварищи, не отвлекаемся, – Павел Николаевич не зря вспомнил любимое выражение Арсения Бугрова. Подействовало. Почти всем присутствующим приходилось в свое время работать с Верховным.

– Что скажет молодежь? – Владимир Строгов повернулся к сидевшему между Шнитке и Костачевым коренастому круглолицему крепышу. – Ваше слово, Игорь Леонидович.

– Слово? А зачем? – улыбнулся товарищ Минаев, присутствовавший на совещании в качестве представителя Института региональных исследований.

– Хорошее начало, – хохотнул Анютин.

– Мы говорим о революции, но забываем, что устроить переворот несложно. – Игорь Минаев выдержал паузу. – Куда сложнее удержать власть и провести реформы, ради которых революция и затевалась. Причем, а это правило с крайне редкими исключениями, революционеры не годятся для решения основной задачи. Это люди с горячим сердцем, высокими идеалами и особенной совестью, они нетерпимы к компромиссу. Строительство государства требует совсем других качеств.

– Павел Николаевич? – Шнитке повернулся к Шумилову.

– Я это говорил, – буркнул Павел Николаевич, – нужна структура, на которую можно опереться и которая возьмет на себя самую грязную, неблагодарную часть работы: восстанавливать, искать финансы, чистить авгиевы конюшни, налаживать жизнь, договариваться со всеми значительными силами.

– Вячеслав Иванович, мы можем найти такую структуру?

– У меня полное досье на все существующие у соседей политические силы. – Трубачев раскрыл папку. – Но ни одна не тянет на реальную оппозицию.

– А если правительственная партия?

– Это пародия на КПСС восьмидесятых годов, жизни в ней нет, безболезненно рассыплется сразу после смены правительства.

– О местной компартии говорить не буду, официальный социалдемократический проект. – Лицо Строгова исказила язвительная гримаса. – Демократическая и либеральная оппозиция – это уникальный паноптикум, кунсткамера. Правые националисты разрознены, до сих пор не

определились с вопросом: что им нужно, кроме того, как выгнать всех чурок и установить «русскую власть». Что сие за власть такая, они сами не знают, только подозревают, что это нечто хорошее и правильное. Экономические и внутриполитические требования этой братии весьма смутные и противоречивые.

– У меня вопрос к товарищу Минаеву, – пробасил Эрвин Шнитке. – Почему вы, будучи талантливым, перспективным ученым, надеждой Института региональных исследований, являясь воспитанником Ордена Будущего, ни слова не сказали о язычниках?

– Лучше не надо.

– Либо хорошо, либо ничего, – поддержал единоверца Шумилов.

– Павел Николаевич?

– Разрозненные группы. Отсутствие вменяемых и авторитетных лидеров. Популярность сектантских идей. Псевдоязыческие течения. Разобраться в этом месиве можно, но лучше оставить специалистам.

– Так все плохо? Я, если честно, не уделял внимания этому вопросу, – удивился Трубачев.

– Очередной пример действия негативного отбора. Начисто ампутированные механизмы самоочищения.

Кое в чем Шумилов кривил душой. У соседей не так все было плохо, как он говорил. Да, пена на поверхности кипела, на телеэкраны и в газеты лез всякий околоязыческий мусор. Немало было псеводоязычников, адептов высосанных из пальца учений и дивных, фантастических религиозных конструкций. Не добавляли авторитета вечные склоки между волхвами и лидерами общин, наивные попытки обмануть кастовые законы, обрядиться в не свойственные тебе регалии.

Внизу, под слоем мусора, спокойно существовали, строили свою жизнь нормальные языческие общины. Немало было стихийных диких язычников, не входивших в общины, пришедших к русской вере сердцем, а не только разумом. Все это было. Перспективы у язычества в Ругии неплохие, оно так и будет второй по популярности конфессией среди русских, если не считать наиболее распространенные у современников атеизм и агностицизм.

Хуже то, что сейчас у соседей язычество надежно дискредитировано. Постарались, вовремя почуяли, чем это пахнет, и помогли движению скатиться на самое дно. Специалисты Вячеслава Трубачева отмечали явные следы сторонней помощи наименее адекватным лидерам языческих течений. Возможный вариант. В этом нет ничего странного. Жесткая политика госбезопасности. Дискредитация любых потенциально опасных

идей.

Одна только община Нибелунгов с их «всеясветской грамотой», древним, чисто русским однобожием и «истинно арийской гиперборейской Арктической Русью» чего стоит! Именно по таким «гиперборейцам с Полярного круга» о язычестве и судят. А еще есть адепты древнего – обязательно древнего – ведического «Православия», авторы дивных, типа религиозных компиляций на вольную тему и тому подобные уникумы.

Но существовали и нормальные, настоящие общины. Идея ведь не в конце XX века родилась. Возрождение русской веры никуда не делось. Но погоды настоящие язычники не делали. Павел Шумилов считал, что не стоит и пытаться привлечь этих людей к нашей работе. Не надо, так будет лучше, в первую очередь для самих язычников. Орден у соседей не создать, а испортить людей можно. Им сейчас надо не в политику лезть, а жить своей жизнью, общины сплачивать, детей растить, постепенно строить, создавать и возрождать свое. Нет, не надо их делать заложниками наших игр. Сам будучи убежденным язычником, Шумилов не хотел подставлять под удар своих единоверцев. Вот Нибелунгеров всяких использовать можно, этих не жалко.

– Раз Павел Николаевич говорит, что не надо, значит, не будем? – подвел итог Владимир Строгов. – А что у нас остается?

– Ничего, – резанул ладонью перед собой Игорь Минаев, – в «ноль первом» у нас нет организованной структуры, массового движения, на которое можно опереться. Люди, способные взять в свои руки бразды правления после переворота, революции, есть, но они действуют в одиночку или в составе немногочисленных групп.

– Разыграть православную карту? – не сдавался генерал Шнитке.

– Среди рядовых батюшек есть настоящие люди, на них мы будем опираться, а вот саму структуру придется реформировать на фиг. Настоящей Церковью они были только в советское время. Ныне же иерархи Церкви успешно борются за право стать Министерством Правды.

– Не бойтесь. После победы наших церковники первыми прибегут присягать на верность и подтверждать привилегии. Со времен Батыева нашествия ничего не изменилось, – добавил Павел Шумилов.

– Перефразируя Ленина, можно сказать: «Нет такой партии», – подвел итог Строгов.

– Да, Владимир Петрович, вы правы. Если мы и решим действовать активно, то в результате придем к необходимости вводить в «ноль первый» целый экспедиционный корпус наших специалистов.

– И как уже говорил Павел Николаевич, это приведет к страшнейшему

этическому кризису, массовой ломке психики, росту фобий и развитию комплекса неполноценности у соседей, – вздохнул Шнитке. Генерал умел учиться, спокойно воспринимал новые для себя тенденции.

– И мы опять как витязь на распутье. – Трубачев раздраженно захлопнул папку. – Оставить соседей мы уже не можем. Помочь им, не выдавая себя, тоже. Что делать?

– Забыл. Мы еще не можем сделать всю грязную работу и тихо слинять, – ехидно усмехнулся Шумилов.

– Так что? – вопрос повис в воздухе.

Павел Шумилов отстраненно наблюдал за товарищами. Генерал Шнитке сидит, подперев квадратную челюсть пудовым кулаком, взгляд уставлен кудато вдаль поверх голов товарищей. Игорь Минаев чешет в затылке. Вячеслав Трубачев рисует. Костачев усиленно делает вид, что дело его не касается, главное – лимиты финансирования не перебирайте, а технические вопросы решайте сами.

– Хорошо еще, никто больше не говорит об «антинародном режиме», – проворчал Строгов.

– Провокатор ты, Владимир Петрович, – ухмыльнулся Трубачев.

– А ведь такая была красивая версия, – вздохнул Эрвин Шнитке, – мы бы тогда не ломали голову над этой проклятой этикой.

– Красиво, но слишком примитивно, – рассмеялся Минаев. Молодой человек чувствовал себя достаточно свободно, не стеснялся быть самим собой, вовремя переходить на «ты» в разговоре с заслуженными седовласыми товарищами.

Шумилов вспомнил, что эта версия в первые два месяца с начала «Глубокого океана» была превалирующей. Заманчиво было считать, что высшее руководство Ругской Федерации состоит из явных агентов наших заокеанских «друзей». К сожалению, все гораздо сложнее и одновременно проще. После знаменитого путча 91го и распада страны агенты влияния постепенно ушли из политики, потеряли свое влияние на власть.

Самое главное: запустить нужный процесс в нужном направлении и сделать его самоподпитывающимся. Дальше можно спокойно снимать сливки и сокращать финансирование спецслужб. Если человек делает то, что тебе нужно, то зачем ему еще за это доплачивать? Это альфа и омега серьезной внешнеполитической работы.

Пришедшие к власти в нулевых люди сами по себе были не плохими, не злодеи, не агенты вражеских разведок. Они даже были патриотами в той мере, в какой считали это приличным, они на самом деле пытались исправить ситуацию к лучшему. Эти люди серьезно надеялись вытянуть

страну из задницы. Хуже всего то, что они играли по чужим, навязанным им правилам.

А политика – это не шахматы и даже не покер, играть можно только по своим правилам. Знаменитый английский принцип: джентльмены всегда играют по своим правилам. Если правила не позволяют джентльмену выиграть, то он меняет правила по ходу игры. В СССР это давно поняли и играли только по своим правилам, хоть в первое время и приходилось тяжело. Наши американские партнеры даже представить себе не могут: как это, не самим назначать правила игры?!

В «Мире01» в этом отношении было хуже. Да еще негативный отбор привел к тому, что высшие посты заняли люди адекватные, ответственные, но не гении и не герои, не вожди. На одной харизме и популизме далеко не уедешь. Надо работать двадцать часов в сутки, надо брать на себя ответственность, надо плевать на «международное мнение», однозначно ставить свои национальные законы выше «общечеловеческих ценностей», надо быть настоящим патриотом до мозга костей.

Без всего вышесказанного у соседей получилось то, что получилось. Да еще запущенные «прорабами Перестройки» деструктивные процессы гадят. Высочайший уровень коррупции делает любые попытки государства сделать чтото полезное смехотворными. Как говорил наш посол во Франции товарищ Черношеев: «Хотели как лучше, получилось как всегда». А решительности, воли начать Большую Чистку нет. Павел Николаевич подозревал, что Большая Чистка у соседей приведет к тому, что 37й год им покажется детскими шалостями. Репрессировать придется половину чиновников и ответственных лиц, это не считая трети предпринимателей. Хотя аппарат управления им надо сокращать минимум в три раза. Почему бы не методом выдачи лицензий на отстрел?

– Доктор Гуларян, сотрудник нашего мозгового центра, предлагал перенести центр тяжести операции в Белоруссию, – напомнил Игорь Минаев. – При этом нам придется нейтрализовывать агрессивных соседей и самим подстегнуть центробежные процессы в Ругии.

– Это кажется бредом, но разумное зерно есть, – улыбнулся Строгов.

– Ругия и так теряет больше миллиона человек в год, – напомнил Шнитке. – В Германии до сих пор не могут решить проблему гастарбайтеров, на Украине затяжная революция. Европа стареет и чернеет. Предложенное Гуларяном решение в итоге приведет к созданию не Ругии, а новой России, но цена будет высокой. Миллионов десять граждан за первые три года распада. И доктор Гуларян не понимает специфики работы спецслужб. Расширение поля деятельности, усиление нашей активности в

Европе и США неминуемо повышает риск провала отдельных агентов. Спецслужбы Белоруссии сохранили свой профессионализм, они будут реагировать на любое внешнее воздействие.

– Время и деньги?

– И люди, Павел Николаевич. У нас нет кадрового резерва, он по определению невозможен. Мы и так привлекаем к работе неофитов, людей после сильно сокращенного курса подготовки. Это и подготовкой назвать нельзя, краткий ликбез, полевые занятия.

– Сложности. Такая большая, сильная страна, развитое передовое государство, а не может решить такую проблему, – бросил Минаев.

– Никто до нас с такой проблемой не сталкивался. Не кипятитесь, Игорь Леонидович. – На плечо Минаева легла рука Шнитке.

– Остается одно, – подвел итог Павел Николаевич, – расширяем сеть в Ругии. Создаем группы влияния в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике, это наиболее важные для нас объекты. Тихо исподволь помогаем, – Шумилов с нажимом, акцентируя внимание, произнес слово «помогаем», – параллельным создать системную оппозицию, связать в одну сеть существующие группы недовольных режимом, помогаем им выработать единую платформу.

– Перехват власти силовой?

– Не обязательно.

– У соседей хорошо умеют давить, разрушать, дискредитировать оппозицию. Технологии отработанные, аппарат подавления, передовые методы промывания мозгов.

– Это уже вы будете решать, Вячеслав Иванович и Эрвин Теодорович.

– Пьяным нагрешил, трезвым расплатился, – пробурчал Шнитке, – чрезмерное усиление государственной власти приводит к фашизму.

– Мы бы предпочли национализм, но это разные и редко совместимые вещи, – поддержал его Минаев, – идея стоящая. И ближайшие полгода работать надо на периферии. Если у них остались здоровые силы, так только в провинции.

– И в очередной раз Россию спасет глубинка, – кивнул Строгов.

– Не спеши, не хвали день, пока вечер не настал, – пробурчал генерал Шнитке. – Вячеслав Иванович, мы сможем снизить уровень коррупции?

– В отдельных регионах это реально. У них и так до недавнего времени многое зависело от личности губернатора.

– С этого и начнем. О национальном самосознании тоже не стоит забывать.

Павел Николаевич потянулся и демонстративно посмотрел на часы.

Засиделись. Полдня совещались.

– И только через полгода после первой разведки мы наконецто выработали решение, – скептическим тоном заявил Строгов.

– Забыл, как мы в 90х вообще без плана работали? – рассмеялся Шумилов.

– Тогда было другое время.

– У соседей ничего не изменилось, кроме вертикали. Ну, все, господатоварищи, закругляемся.

На следующий день Шумилов взял себе неделю отпуска и улетел в Москву. Работа работой, а дом забывать нельзя. Так, чего доброго, Марина забудет, как муж выглядит. И внуков пора повидать.

Была и еще одна причина отъезда. Шумилов надеялся воспользоваться своими старыми связями и попасть в Плесецк. 12 ноября планируется запуск последнего грузового корабля «МАКСВихрь» к орбитальной верфи, на которой идет сборка трех межпланетных атомных кораблей «ПульсарД». Марсианская экспедиция! Фантастика и мечта человека.

Пилотируемый полет на Марс – это естественный шаг после лунных баз и монтажа полуавтоматических горнодобывающих модулей в кратере Коперника. Невозможное становится возможным. Если все получится, то через полгода человек впервые ступит на другую планету. И, как и должно быть, это будет гражданин Советского Союза. Наш русский человек.

Экспедиция готовилась с размахом. Была разработана специальная увеличенная модель старого заслуженного «Пульсара». По настоянию профильных специалистов на кораблях монтируются скорострельные пушки и управляемые ракеты – в дальнем космосе все может быть. Невозможное возможно. Разработаны спускаемые модули, облегченная модель экспериментального ракетоплана «МиГ2000». Созданы специальные марсианские краулеры и планетарное оборудование, включая жилые модули.

В полет отправляется целая эскадра. Три атомных корабля. На одном летят три человека, на двух по два. Это минимальные требования безопасности. Все специалисты сходятся во мнении, что меньше двух кораблей отправлять нельзя, а лучше три. И с двухкратным запасом жизнеобеспечения. Если вдруг один корабль погибнет, техника выйдет из строя, то люди смогут пересесть на другие корабли и вернуться домой. Сроки экспедиции тоже пока не ясны. Расчет идет на год полета. Но возможно, экспедиции придется задержаться на Красной планете дольше необходимого. И кто на Земле сейчас может сказать, сколько времени нужно будет для первого этапа исследований?

Неделя отпуска незаметно превратилась в две. Все равно новостей пока нет. Наши специалисты спокойно работают, расширяют сеть, внедряют новых агентов, потихоньку ищут контакты с реальной оппозицией. В конечном счете у товарища Шумилова есть и другие, куда более важные дела, чем читать отчеты из Мира01 и пытаться решить за аборигенов их проблемы.

Марина устроила сцену ревности. Дескать, бросил. Пока Паша «отдыхал» в Питере, у жены возникли проблемы. Предприятие превысило допустимые лимиты капитализации. По действующим законам теперь от владельца фирмы требуется сократить оборот, продать или передать государству часть подразделений. Неприятная штука. Павел Николаевич прекрасно понимал состояние жены, разделял ее возмущение, но сделать ничего не мог – и не в его силах изменить закон, и не может он просить Андрея Краснова чуточку подправить ограничения, да и совесть не позволяет.

В свое время законы для частного бизнеса сам Шумилов и разрабатывал. Именно он и ввел понятие «лимит капитализации», максимальный допустимый для одного частного предприятия годовой оборот и стоимость предприятия. Ну, не может советское правительство позволить существовать под своей эгидой частным финансовым империям, сравнимым с «АвтоВАЗом» или «Норильскникелем».

Супругу Павел Николаевич успокоил. Потеря в конечном счете невелика. Шумиловы вместе решали, какие подразделения можно продать, а какие не надо. Все равно оставшийся кусок фирмы может нормально работать, прибыль от него идет хорошая, Шумиловым хватает с лихвой, даже без пенсии и заработков Павла Николаевича. А куда деньги девать? Марина подумала и согласилась с мужем. Только если зятьям подарить на свой бизнес, но они и не хотят. Не считают себя способными к частному предпринимательству, оба нашли себя на государственной службе.

Перед очередным отлетом в Северную столицу Марина опять сделала мужу выговор: забываешь супружеские обязанности. Пришлось дать обещание следующей весной обязательно бросить все дела и улететь вдвоем на месяц на Камчатку и Курилы. И если получится, а получиться должно обязательно, заглянуть на Хоккайдо, арендовать яхту и совершить морской переход. Вот с последним Павел Николаевич перегнул палку. Товарищи из 9го управления прогулку на яхте не согласуют, ибо охрана не поместится, только если в сопровождении военного корабля. А какой отдых с супругой, когда за тобой по пятам сторожевик топает?!

Беспредел

После ноябрьских праздников, в самом начале зимы, когда снег лег на землю и таять не собирался, к Денису в гости зашли Сергей с супругой. Обычный дружеский визит. Якобы друзья заглянули посмотреть, как у Панфилова ремонт идет, помочь немного, подсказать что. С кухней, туалетом, ванной Денис уже закончил. Сейчас занимался комнатами.

Время для визита не самое подходящее. Вся мебель из спальни вытащена в зал. Теснотища, на полу грязь, обрывки обоев, тряпки валяются. Лена только что покрасила потолок. Сама покрасилась с головы до пят. Хорошо хоть эмульсия легко смывается и отстирывается. Девушка как раз собиралась в ванную, а Денис явно намеревался помочь своей любимой, спинку потереть, ну и дальше. Все мы понимаем, чем такое дело должно закончиться и заканчивается. Помешал звонок в дверь.

– Здорово! – улыбающийся Серега протянул хозяину пакет, в котором чтото шуршало и позвякивало.

– И тебе поздорову. Проходи. Ой, Марина, здравствуй. Да заходите, не стойте на пороге.

– Заходите, заходите, – за спиной прозвенел радостный голосок Лены.

– О! Погром идет полным ходом! – Сергей первым делом, только ботинки снял, заглянул в комнату.

– Натуральный погром. Да куда обувь снимаешь! Вытри и ходи так. У меня срач полнейший.

– Давайте на кухню, – не терпящим возражения тоном заявила Лена. Она уже успела взять в свои руки немудреное холостяцкое хозяйство Дениса. И это у нее неплохо получалось.

Осмотр отремонтированных помещений. Одобрительные возгласы. Замечания по делу. Разговор сразу же пошел о ремонте, отделке, новых крутых материалах. Сергей в этом деле разбирался.

– Что ж ты сразу не позвал? Плитку у кого брал?

– «Керамикс» на Московском напротив рынка.

– Неплохой магазин, но надо было брать в другом месте. Знаешь, на улице Ахматовой рядом с гаражами торговая база? Вот там все дешевле, а выбор как в «Керамиксе» или «Меге».

– Советовать вовремя надо было.

– Так что не позвал?

– Мужчины, кончайте ссориться, – вклинилась в разговор Марина.

– Пойдемте на кухню. Там стол чистый, – поддержала ее Лена.

Ремонт – дело интересное, особенно для женщин, это для них сродни хвастовству обновкой и обсуждению модных шмоток. Но ведь пришли в гости не только за этим. Пока дамы накрывали стол, мужчины выскользнули в коридор. Сергей покурить, а Денис за компанию. Поднявшись на площадку, Сергей закурил и огляделся по сторонам. Намечался разговор.

– Слушай, Денис, у тебя в городе родни нет?

– Нет. А что?

– Я тут твоего близнеца видел. Один к одному. Почти.

– Бывает. Нет, братьев у меня точно нет. А кто он?

– Странно. К нам на работу заезжал, по поводу нового объекта. Смежник.

– И что? – информация заинтересовала Дениса, пусть в этом мире нет ничего невозможного, но сам факт появления двойника удивлял.

– Знаешь, спускаюсь по лестнице, а навстречу ты идешь. Я еще с ним поздоровался, только потом понял, что очень похож на тебя, но не ты.

– А он что?

– Тоже «Здравствуйте» в ответ. Твой ровесник. Лицо очень похоже, только обветреннее, взгляд немного жестче, загорелый, как будто на югах жил. Взгляд такой, слов подобрать не могу. Смотрит так, как будто… В общем, такое ощущение появляется, что ты, крестьянин неотесанный, со столбовым дворянином разговариваешь. Нет, вежлив, доброжелателен, без кривых понтов, но он совсем другой.

– Загорелый, жесткий подчиняющий взгляд, – задумчиво пробормотал Денис. – Походка легкая?

– Ходит мягко, спина прямая, силен. Сразу видно: силен. По сравнению с тобой более жилистый, подтянут, легче, но сильнее.

– Быстрое реагирование, контрактник, спецназ, – улыбнулся Денис. – Парень служил в Чуркестанах разных. Южный загар долго слазит. Но это не мой родственник. Я всех своих помню.

– Я тоже так подумал. Контрактник. И знаешь, я потом перекинулся парой слов с мужиками, начальника разговорил. Ты знаешь, как его зовут? Денис он Владимирович, только не Панфилов, а Муромцев.

– Не фигово. – Денис изумленно присвистнул.

– Вот и я о том же. Твой ровесник, – повторил Жуков.

Сергей глубоко затянулся, выпустил в потолок струю дыма. Денис задумчиво глядел в грязное подъездное окошко. Жизнь любит подкидывать такие вот загадки. Бог шутник еще тот.

– Если ваша фирма будет с ними работать, то ты его еще увидишь. Приглядывайся. Я по своим каналам наведу справки и Лешу попрошу поднять полицейскую базу.

– Как думаешь: кто он?

– Не знаю. Просто двойник. Повезло так, встретился с копией.

– Но ведь так странно. Он точно тебе не брат?

– От разных матерей, может быть, – усмехнулся Денис, – но тогда не может он быть так похож, что ты его за меня принял. Да нет, маловероятно. Батька любил маму. Они до сих пор живут душа в душу, не верю, что он ей изменял.

Мужчины вернулись в квартиру. Вовремя. Дамы уже вовсю шуровали на кухне. На сковородке шкворчали вчерашние котлеты, на столе появились салаты, консервы, колбаса, сыр. Принесенная Сергеем бутылка «Мартини» дожидалась своей очереди на стойке у мойки.

– И это называется, между делом забежали, – развел руками Денис. – Давайте, чем помочь? Что подрезать?

Со временем Денис забыл про этот разговор. Да, он навел справки о господине Муромцеве, но ничего криминального не обнаружилось. Не служил, не участвовал, не привлекался, не имеет – чистая биография, ни единого пятнышка. Получил человек наследство, поимел какието проблемы непонятно с кем и переехал в Прииреченск. Здесь обустроился, нашел друзей, строит свой бизнес. Неплохой, наверное, человек, а то, что похож на Дениса Панфилова, так это не страшно, бывает.

Времени у Дениса и его соратников и так было мало, чтоб тратить его на отгадывание загадок десятой степени важности. Соратники готовили очередную акцию. Да, они этого не хотели, дело слишком рискованное, под прицелом прессы и под контролем полиции, высок риск засыпаться, но иначе было нельзя.

В ноябре город всколыхнуло неслыханное преступление ювенальщиков. Органы опеки отобрали детей у многодетной семьи. Нормальная крепкая семья, муж и жена работают, не пьют, вкалывают от зари и до зари, чтоб прокормить пятерых детей. Это само по себе в наше собачье время подвиг. По разумению Дениса, за такое орден надо давать. Но, к сожалению, у наших чиновников было другое мнение. Тут кризис, панимаишь, а эти субсидии и льготы какието требуют. Да не только требуют – вот дерзость какая! – так еще получают. Да еще – и это самое главное – дети у них здоровые, крепкие, не больные, и покупатели на детей нашлись.

Органы опеки действовали по стандартной схеме, заглянули пару раз в

гости к семье Петровых, сфотографировали грязное белье в ванной, заглянули в холодильник, составили акт, посетовали, что, дескать, жилплощадь мала. Нельзя всемером в двухкомнатной квартире жить. Петровы и сами бомбардировали мэрию и соцзащиту письмами с просьбами помочь, поспособствовать в улучшении жилищных условий, посему подписали акт.

Через два дня, пока Петровы были на работе, детей с помощью работников детской комнаты полиции выловили в школе и увезли в детский дом. В этот же день началось судебное производство. Опешивших от неожиданности, враз поседевших от свалившегося на них горя родителей привлекли к делу в качестве ответчиков. Все шло по накатанной, к лишению родительских прав.

Специалистыювеналы работали четко: заключение о недостаточности жилплощади, акт осмотра холодильника, факт отсутствия в доме конфет, грязное белье в тазу в ванной, грязные пятна на обоях – все пошло в дело. Полились крокодильи слезы: дескать, доход в 34 тысячи рублей на двоих взрослых и пятерых детей – это слишком мало. Ушлый участковый после соответствующего финансового стимулирования пробежался по соседям, разговорил одну старую, выжившую из ума бабку и вытащил из нее жалобу на то, что дети шумят, разговаривают громко, на балконе играют.

Новость облетела город. Многие были возмущены, но дистанция между ропотом и реальными действиями, увы, велика. Спешно организованная активистами кампания позволила только собрать немного пожертвований для пострадавшей, разрушенной, растоптанной семьи, но пользы сейчас от денег немного. Паровоз ушел, нужны другие действия.

Участники Сопротивления отреагировали на новость адекватно. Особенно действия ювенальщиков возмутили Алексея, он слишком живо представил, что то же самое может произойти и с его семьей. Точно так же беда может постучаться в его двери, продажные или бездушные коллеги могут забрать его детей.

Пусть группа решила залечь на дно и до весны не отсвечивать, пусть целей много, разведку надо проводить быстро, родная полиция не заинтересована в отстреле государственных чиновников, велик риск провала. Пусть. Дело такое, что если отступить, лицемерно умыть руки, то потом просто не сможешь смотреть на себя в зеркало.

– Мой дед на войне летчиком был. Сбили. Попал к партизанам. Два года по псковским лесам немцев отстреливал, – мрачно ухмыльнулся Марат. – Его товарищи научили, что на беспредел надо отвечать беспределом.

– Мы вчера с ребятами разговаривали. Все возмущены, – тяжело вздохнул Алексей Иванцов. – Решили, что если кто прибьет козлов, а дело попадет к нашим людям, то глубоко копаться не будем. В крайнем случае притянем за уши какого урку или цыгана.

– Это сейчас так говорят, – заметил Сергей. – Как до дела дойдет, упакуют и привлекут за милую душу.

– Надо сделать так, чтоб не привлекли и не заподозрили, – пожал плечами Денис. Решение он принял. Время ведь идет, и не заметишь, как в ЗАГС побежишь, а потом дети, меньше чем на троих молодой человек был не согласен. А раз детей заводишь, надо побеспокоиться, чтоб всех хищников в окрестностях твоего дома повывести.

– Так ты предлагаешь поработать? – Женя изумленно приподнял бровь.

– Не предлагаю, а говорю: начинаем работать по ювеналам.

– Вот это дело.

Работать пришлось быстро. Может быть, собирая материал, ребята наделали ошибок, пару раз засветились, но приходилось выбирать одно из двух: или идти вперед, или сидеть на попе ровно и не дергаться. С целями определились быстро. Чиновники соцзащиты, органов опеки, врач из детдома, нечистоплотная лейтенантша. Соратники быстро выяснили их координаты, близких родственников, кое за кем даже наблюдали, выявляли любимые маршруты.

В середине декабря пятеро друзей вдруг решили в субботу съездить к Алексею на дачу. Соратник просил помочь, забыл он телевизор забрать, осенью рукой махнул, а сейчас вдруг жалко стало. Домик надо проверить, снег к деревьям нагрести, в бане прибраться. Дел много, без помощников никак.

Естественно, это была отмазка для домашних. Естественно, на дачу ребята заехали, быстро навели порядок, древний телевизор завернули в одеяло и бросили в багажник. А потом все поехали в лес.

Погода стояла солнечная, морозец градусов десять. В Боровецком лесу за мостом полно народу. Кто с семьей на шашлыки выехал, кто на лыжах катается. Можно со своими прийти или приехать, а можно на лыжной базе взять напрокат. Все удобства, все для отдыхающих.

Соратники были на трех машинах. Лыжи, естественно, не взяли, не до того, да и неудобно с ними, половину салона занимают. Местность знакома, популярные лыжные трассы хорошо известны. Осталось разъехаться по разным дорогам и занять наблюдательные посты.

Счастье в этот день улыбнулось Жене. Парень первым засек лыжницу

в темносиней куртке и вязаной зеленой шапочке. Знакомая по фотографиям фигура. Женщина предпенсионного возраста. Лицо раскраснелось от мороза и нагрузок, но узнаваемо. Это она.

– Третий вызывает. – Сидевший в «Приоре» рядом с Женей Марат взял в руки рацию.

Обычная уокитоки, берет на полкилометра, удобная штука, главное, разговор не записывается, ну только если кто специально сканирует эфир.

– Слышу, – отозвался Денис.

– Грибы нашел? – шутит Алексей.

– Нашел. Старый подберезовик.

– Хорошо.

– Подтягиваюсь.

Первая часть задачи решена, осталось, не привлекая к себе внимания, заманить Марью Николаевну, уважаемую начальницу отдела социальной опеки нашей мэрии, в темный уголок.

Только идиоты следят за объектом, следуя за ним по пятам. Женя и Марат не стали даже покидать машину. Спокойно дождались, когда мимо них проехал серебристый «Опель Астра», и сами стронулись с места, покатили совсем в другую сторону. Суббота, машин в лесу много, они внимания не привлекают. Вон мимо целая кавалькада проскочила, а навстречу целый поток машин.

Денис сбавил скорость перед поворотом, прижался к обочине. Вот и съезд на грунтовку. Середина декабря. Снега еще немного. По лесу вполне можно проехать. Главное, осторожно, не сесть на брюхо, а передний привод вытянет. Машина хорошая. Зверь.

Вот и место. Лыжная трасса проходит всего в полусотне метров. Тихо. Народу не видно. Голоса, конечно, слышны, в зимнем лесу звуки далеко разносятся. Эх, хорошо здесь. Солнышко светит. Снежинки бриллиантами играют. На ветке старой сосны сорока скачет, наклонила голову набок, присматривается.

Из состояния мечтательной задумчивости Дениса вывел скрип снега под лыжами. Приближается. Марья Николаевна женщина одинокая, мужской ласки сто лет не видела, но за здоровьем следит. Каждую субботу, если совещания нет, выходит на пробежку. Надеется, сука, до ста лет дожить.

Решение пришло моментально. Вернуться к машине. Завести мотор и проехать еще метров сорок. Остановиться в пяти шагах от того места, где лыжня пересекает лесную грунтовку. А вот и спортсменка бежит.

– Девушка, простите, пожалуйста. – На лице Дениса играет лучезарная

улыбка. – Ой, простите, не узнал. Скажите, в какой стороне трасса?

– Молодой человек, что за шутки? – Лыжница остановилась в двух шагах от странного автомобилиста.

– Простите, извините меня, пожалуйста. Вы не видели в лесу зеленый «Рено»?

Шаг вперед, и пока чиновница медленно соображает, пытается вспомнить увиденные ею сегодня машины, следует короткий удар кулаком в солнечное сплетение. И сразу наотмашь ладонью по губам, заглушая готовый сорваться с губ крик. Еще удар в живот.

Теперь действовать быстро. Подхватить обмякшее тело, оттащить к машине и бросить в багажник. Роста в Марье Николаевне чуть больше полутора метров, в багажник вмещается. Теперь заклеить рот скотчем и связать руки. Багажник закрываем. Лыжи и палки аккуратно складываем в салон. Неудобно, конечно, но незачем их в лесу оставлять. Быстро оглядеться по сторонам. Нет, свидетелей не видно. Убираем следы преступления. Еще раз внимательно пройтись вокруг машины. Чисто. Теперь за руль. Проехать метров десять вперед, осторожно развернуться и – ходу из леса.

– Я водку дома забыл, – бросил в рацию Денис, удерживая одной рукой руль.

– Козел! – кричит Серега.

– С тебя литр, – смеется Марат.

Дальше действуем по плану. Денис выезжает на пригородную трассу и спокойно едет в сторону Семимировки. Через полкилометра его обгоняет «девятка» Сергея. Сзади ползет знакомая «Приора». Километра за три до деревни ребята свернули на старую грунтовку, идущую на кордон лесника. Дорога петляет по лесу. Находим приметный съезд и еще два километра в глубь леса. Все, приехали.

Первым делом Денис натянул на руки латексные перчатки, а на ноги одноразовые бахилы. Теперь заглушить мотор и открыть багажник. Сергей и Леша уже стоят у машины. Парни готовы принять добычу из рук в руки. Хорошо, чиновница во время короткой поездки не успела развязаться и даже скотч не отклеила. Слабовата оказалась железная защитница детских «прав» на выбор родителей и реальных интересов богатых бездетных иностранцев.

– Соратники, кто будет? – Сергей уже извлек из багажника полутораметровую, заточенную с одного конца арматурину. Руки его подрагивали. Нервы чертовы.

Денису самому было противно от того, что им сейчас предстояло.

Жаль, нельзя просто придушить старую ведьму. Казнь должна быть максимально жестокой, ребятам придется материться, плеваться, кривить рожи, но переступить через себя и сделать так, чтоб расправа вызвала нужную реакцию у тех, кто найдет труп, и тех, кто прочтет про это в газетах, услышит по телевизору.

– Давай сюда. – Панфилов натянул на руки поверх хирургических перчаток рабочие рукавицы.

Госпожа Ступкина усиленно пыталась вырваться, отпинывалась, выгибалась, мычала сквозь кляп. Определенно поняла, что ее сейчас ожидает. Не помогло. Марат и Алексей подхватили ведьму за руки и понесли в глубь леса. Метров сто от дороги. Хватит. Выбрав подходящую ложбинку между двумя сугробами, Ступкину бросили на снег.

– Штаны снимать? – поинтересовался Женя. Тон спокойный, деловой. Парню и тридцати нет, а повидал в этой жизни такого, что на десятерых хватит. Иногда после третьей рюмки рассказывал, как на Кавказе находили наших ребят, насаженных на кол. Страшная штука. Естественно, о подробностях Женя умалчивал, слишком это страшно, слишком больно вспоминать.

– Не надо. Так проколем, и не брызнет. Что стоим? Ноги раздвигайте.

Марья Николаевна извивалась на снегу, пыталась ползти, крутила головой. Денис поймал безумный взгляд ее выпученных на лоб глаз и отвернулся. Женя и Марат схватили чиновницу за ноги и растянули их в стороны. Леша прижал бабку к земле.

Денис спокойно перехватил штырь и пристроил его острием к промежности цели. Главное – не промахнуться. Где там у нее анус? Сосредоточиться на работе и ни о чем не думать. Прокалываем штаны и вводим. Жертва дернулась. Последняя попытка вырваться. Старается свести ноги, крутится, как уж на сковородке. Нет, шутишь! От нас не вырвешься.

Панфилов старается не смотреть на извивающееся перед ним существо: «Это не человек. Это не человек. Я накалываю на булавку гусеницу. Как в детстве. Это не человек». Работать и не думать. На зеленых спортивных штанах Ступкиной проступило мокрое пятно, потом оно потемнело, налилось кровью. Пара капель упала на снег. Штырь вошел в тело примерно на полметра. Дальше надо осторожнее, чтоб соратников кровью не забрызгать. Наконец насадил. Острие вылезло у шеи и уткнулось в нижнюю челюсть.

– Уф! – Денис поднялся на ноги. Его мутило.

– Бросаем здесь, – выдохнул Марат.

Ребята быстренько присыпали снегом еще дергающееся, бьющееся в агонии тело. Оглядеться по сторонам. Ничего не забыли? Нет. Чисто.

Бегом к машинам. На трассу они выехали осторожно. Остановились в лесу. Посмотрели по сторонам. И только когда удостоверились, что никто их не видит, вырулили на асфальт. Теперь в город. По дороге снять и упаковать перчатки с бахилами. И еще надо чтото делать с лыжами.

В город въезжали со стороны совхоза «Гигант». Там на трассе постов нет. Денис еще свернул с дороги, к старым брошенным участкам без права постройки – было в свое время в городе такое поветрие, давали землю близ заводов, потом, правда, экологи шум подняли и участки отняли, – нашел подходящую свалку, выбросил из машины лыжи, заглянул в багажник. Все надо делать вовремя. Не следует оставлять улики. В багажнике нашлись вязаная шапочка и оторванная пуговица. Гм, неприятно. Слетела с головы, а мы и не заметили. Ничего, выкинуть и забыть.

В этот же день, вечером, соратники пересеклись с уважаемым и заслуженным детским врачом Марком Ростиславовичем. Специалиста по усыновлению нагло взяли прямо на улице. Подошли, вежливо представились, попросили о помощи в одном щекотливом деле. Денису якобы требовалось найти себе дочку, здоровую, от приличных родителей, русскую или украинку. За вознаграждением дело не станет. Молодой человек прекрасно понимает, что решение вопроса требует приложения усилий со стороны хороших людей, и со своей стороны готов на все, чтоб получить положительное решение, в разумных, естественно, размерах.

Разговаривали на ходу, как бы случайно приблизились к припаркованной у тротуара машине. Вечер. Район на окраине города. Людей рядом нет. Остается только аккуратно обнять врача за шею, сдавить сонную артерию и усадить в машину.

Господина Апельсинова убивали на Промкомзоне. Тихое место. Заброшенный заводской корпус. На этот раз без особых зверств, чисто из уважения к тому, что Апельсинов был при жизни хорошим врачом, немало людей спас, еще больше вылечил. Связать руки и запихнуть головой вниз в полузатопленный колодец. Этого достаточно.

Дело сделано. Теперь остается только сидеть и наблюдать за реакцией общества на брошенный камень. Тело Марьи Николаевны нашли только в понедельник, уже после того, как о ней начали беспокоиться на работе. Труп Апельсинова обнаружили еще через три дня.

Сказать, что акция подняла градус накала страстей, это ничего не сказать.

Полыхнуло. Полицию подняли на уши. Начальник УВД города взял

дело на личный контроль. Новость попала на местный телеканал, да и без того слух о зверском убийстве начальника отдела социальной опеки взбудоражил город. Каждый отзывался о событии посвоему, но равнодушных не было. Дело дошло до Москвы. Попало на центральные каналы. Самая большая ошибка наших властей, по мнению Дениса. Теперь точно реакция будет.

Соратники не зря выбрали один из самых зверских способов казни. Заранее все рассчитали. Люди не дураки, они четко видят связь недавней истории с отъемом детей у нормальной, благополучной семьи и насаживанием на прут главной виновницы. Чего и добивались: профессия ювенальщика и раньше была не особо популярной, а сейчас тем более. Не так много полных отморозков, готовых ради денег рисковать своей жизнью.

В городе нагнеталась напряженная атмосфера. Органы рыли землю, работали в поте лица, без выходных, но результата не было. Пять раз подряд допросили несчастных Петровых, пытались притянуть их к убийству, тем более и мотив есть – не получилось. За жертв ювенальщиков вступилось общественное мнение, активисты наняли хороших адвокатов, улик не нашлось, возможности совершить преступление тоже не было.

Зато у дела были последствия, и весьма неожиданные. В Самаре неизвестные зверски избили чиновника соцопеки, как раз занимавшегося сбором материала на очередную «понравившуюся» важным людям многодетную семью.

После новогодних праздников дети Петровых вернулись домой. Причина? Многие считали, что именно благодаря решительным действиям активистовантиювенальщиков. В действительности, знали это очень немногие, изза несвоевременной смерти Марка Ростиславовича. Связь с покупателями оборвалась. Контакт нарушен, а восстанавливать его было некому. У нас ведь не все чиновники продажные, есть еще порядочные люди. Нашелся ответственный человек, беспристрастно рассмотревший дело и воспользовавшийся своим правом вето.

Спрут

Новый год товарищ Шумилов встречал у себя дома, как и положено человеку, в кругу своих родных. Дети приехали, внуки. Марина бросила все дела, заперла городскую квартиру и переселилась в Горки. Ради такого дела Павел Николаевич отправил в краткосрочный отпуск всю прислугу. Исключение только для жившей в доме Марты Евдокимовны, полноценного, почитай, члена семьи. Но и горничную дети просили не слишком усердствовать с уборкой и стиркой. Праздник – это значит для всех праздник, а прибраться, чистоту навести, гостиную украсить мы и сами можем, не в напряг.

Новый год! Светлый домашний праздник. Только для своих. Не надо нам шумных банкетов, там скучно, официоз проклятый, расслабиться нельзя, приходится весь вечер соблюдать условности, играть свою роль. Вот в чем преимущество пенсионера, можно спокойно сослаться на здоровье и не поехать на Кремлевскую елку и торжественное правительственное мероприятие во Дворце съездов. Пусть молодежь на экранах телевизоров мелькает, а мы дома побудем.

Погода стояла хорошая, ветра почти нет, легкий морозец, повезло – эта зима без знаменитых новогодних оттепелей. Елку наряжали во дворе, как раз напротив дома рядом с автомобильной площадкой стоит пушистая высоченная зеленая красавица. Зачем ее рубить? Мы люди русские, мы живую елку нарядим. Тем более малышне забава, радость несусветная – когда и где такое еще может быть? Только у дедушки в Горках. Незаметно к забаве присоединилась и соседская ребятня.

В дачном поселке, как в деревне, все друг друга знают, в гости ходят без спроса. Хм, а вот это к Шумилову не относится, проклятые жандармы из 9го управления пресекают попытки незапланированного проникновения на территорию, просят сначала звонить, договариваться о визите, а потом уже приходить. Детишек, конечно, не касается, но соседям и самим хозяевам неудобство. И сам Павел Николаевич в гости ходит только в сопровождении двоих товарищей в штатском. Иначе нельзя. Право на свободу перемещения не распространяется на лиц из особого списка КГБ.

А вот и сами тюремщики товарища Шумилова: трое охранников притащили лестницу и поднимают на елку гирлянду. Служба у людей собачья – праздников для них нет. Но ничего, вечером, перед тем как все собрались за праздничным столом, Шумилов нашел Василия, отвечавшего

сегодня за безопасность усадьбы.

– Давайка на сегодня вахты сократим. Сделаем как в прошлом году.

– Не понял, Павел Николаевич, – вежливо улыбнулся майор.

– Я говорю, нечего по четыре часа на воротах мерзнуть и по огородам шарахаться. Давай одного человека на третий этаж, пусть через окна наблюдает, все равно периметр на сигнализации, ворота закрываем на замок, и еще одного человека на пульт за камерами следить. А остальных давай за стол.

– Спасибо, Павел Николаевич, но служба.

– Новый год. Ребятам и так выпало в праздник дежурить, так ты еще хочешь усиленные наряды держать?

– Извините, товарищ Шумилов, праздник – время повышенной опасности.

– Ничего с твоей опасностью не случится. Забыл, как на прошлый Новый год здравицы поднимал?

– Так я тогда майором не был.

– Зато человеком был, – жестко, с нажимом произнес Павел Николаевич.

У него получилось, уговорил командира группы. Правда, Василий полночи сам просидел за мониторами в пультовой, но праздник удался. Ребятам майор позволил присоединиться к веселью и время дежурства сократил до получасовых смен, чтоб никому не было обидно. Пусть к вину никто из комитетчиков не притрагивался, но хозяек не обидели, праздничное угощение отведали.

Что можно говорить о новогодней ночи? Домашний семейный праздник. Неторопливая беседа за большим столом. Вино в бокалах. Удивительная теплая атмосфера дома. Свет фонарей за окном. Летящие с неба хлопья снега. Хлопки петард на улице. Новогоднее обращение Председателя Верховного Совета СССР Владимира Воронцова по телевизору. Бой курантов. Пузырящееся в бокалах шампанское. Здравицы. Поздравления. Пожелания. Радостные улыбки родных. Смех. Полуночная прогулка по улочкам поселка. Неизбывное веселье, чудная атмосфера Нового года, когда все встречные здороваются с тобой, поздравляют. Время, когда все свои. Волшебная радостная ночь. Самая светлая, добрая ночь в году.

Дня через три, когда праздники закончились, а дети разъехались, Павел Николаевич сам отправился в город. Выходные – это хорошо, но ведь работать тоже надо. Звонили товарищи из Института региональных исследований, просили срочно подъехать, при возможности, естественно,

посмотреть на отчеты, обсудить, высказать свое мнение. Шумилов знал директора института как облупленного: если Владимир Никитин просит «обсудить и высказать свое мнение», значит, чтото его мозговики накопали, Никитину требуется не обсуждать, а донести свою точку зрения до Заказчика.

Предчувствия не обманули: несмотря на то, что 4 января было первым рабочим днем, народ в институте выглядел собранно. Атмосфера царила рабочая, деловая, хотя коридоры и рекреации здания еще хранили следы предновогоднего банкета. Встретивший Шумилова Игорь Минаев коротко вежливо поздоровался и потащил гостя в лабораторию на третьем этаже правого крыла здания. Как он объяснил, времени мало.

– Не успеваем, Павел Николаевич. Рад бы организовать все как положено, но…

– Не извиняйся, – бросил в ответ бывший премьер. – Давай показывай, что там накопали.

Вот и кабинет. Обычное рабочее помещение. Стандартная казенная мебель. Компьютеры на столах. Одну стену почти целиком занимает огромный плазменный экран. На столике у окна примостились горшки с цветами.

– Здравствуйте, Павел Николаевич. – Навстречу поднялся доктор Гуларян.

– Добрый день, Артем Михайлович. С прошедшим вас.

– И вас также, – улыбнулся ученый.

– Здравствуйте. – К кабинету спешил Владимир Никитин, бессменный директор института.

– Так мало народу? – притворно удивился Шумилов.

– Достаточно. Над проблемой работали товарищи Минаев и Гуларян, – пояснил Владимир Алексеевич. – Это их тема, им и докладывать.

– Давайте. Время дорого. – Павел Николаевич опустился в кресло у окна и приготовился слушать. Ребята из Института региональных исследований славились своим умением видеть проблемы в комплексе, замечать подводные камни там, где никто до них и не подозревал подвох, находить неожиданные решения, причем простые, разумные и реализуемые.

– «Глубокий океан». Мир01, – изрек Артем Гуларян, – уникальнейшее открытие. Настолько уникальное, что никто у нас понять не может, как так у соседей получилось.

– Не так много материала, чтоб называть соседей уникальными, – заметил Шумилов, настроение у него было хорошим, можно и поболтать,

поспорить.

– Нет, я могу предполагать, что это не единственный параллельный мир. Я могу даже, – Гуларян возвел очи горе, – заявить, что, возможно, существуют миры, где Римская империя не распалась, где доминирующие позиции занимают негритянские государства, а европейцы влачат существование рабов, может быть, даже у них в Великой Отечественной победила Германия. Возможно все. Однако, с нашей точки зрения, именно Мир01 есть абсолютное нарушение естественноисторического процесса, это наглое попирание самих фундаментальных основ человеческой цивилизации, этого не может быть, но это есть, и это пока существует.

– Мне нравится слово «пока», – кивнул Шумилов.

– Давайте без эмоций. – Игорь Минаев положил руку на плечо коллеги.

– Хорошо. Вернемся к нашим баранам, – кивнул Артем Михайлович.

Молодой ученый скрестил руки на груди, подошел к окну, затем повернулся к товарищам.

– Угрожающая тенденция возникла не вчера. По всем расчетам, очередной кризис капитализма пришелся на 70е годы прошлого века.

– Отказ от золотого наполнения доллара? – предположил Павел Николаевич.

– В том числе и это. «Бунт» правительства Де Голля, потребовавшего от американцев обменять наличные доллары на золото. Очередная девальвация. Последствия вьетнамской войны. Процессы на Ближнем Востоке. Самым важным, знаковым событием, как мы понимаем, было установление Советским Союзом военного и технологического паритета с Западным миром. Одновременно произошло исчерпание основной базы эксплуатации цивилизации. Пришло понимание, что экстенсивное развитие невозможно, за дальнейшее продвижение надо платить настоящую цену.

Пришло время скачка. От человечества требовалось – сама парадигма развития требовала – совершить качественный скачок. Одновременно появились предвестники глубокого кризиса нехватки ресурсов.

– Старые поля вытоптаны, а новых нет, – благодушно улыбнулся Шумилов. – Известный факт.

– Извините. Забыл, что вы в курсе положения дел.

– Ничего, иногда полезно вспоминать старое.

– Одним из путей выхода из кризиса пошел наш мир, – добавил Минаев. – Пусть не сразу, пусть отступив к самому краю пропасти. Оздоровление социалистической системы, временное отступление и сокрушительный реванш СССР в Европе. Выход в космос, планомерное освоение ресурсов Системы. Одновременно, здесь американцы проявили

инициативу, – Минаков чуточку замялся, – резкое решение демографической проблемы.

– Фашизм натуральный, – согласился Гуларян, – но цивилизация в целом выиграла. В первую очередь благодаря отказу от соблазна эксплуатации сверхдешевых трудовых ресурсов.

– Цинично, – кивнул Минаев, – бессмысленная жестокость. Мы и так шли по пути вертикального прогресса, цивилизация выживала и без массового геноцида.

Павел Николаевич спокойно наблюдал за спором ученых. Интеллектуалы института отличались склонностью к рационализму, порой переходящему в цинизм. Этика для них не была самоценностью, только как коэффициент в расчетах. Это нормально, они обязаны оперировать цифрами, предлагать взвешенные решения, для этики и морали существуют другие люди. Математика наука сверхэтичная, она выше морали.

– Другой вариант – это закукливание цивилизации, отказ от прогресса и поиск внутренних источников сверхприбылей, – продолжил Артем Михайлович.

Все просто и понятно: если прогресс не дает дохода, значит, надо его прижать, направить в нужную сторону. В нашем мире идеи возврата на высокотехнологичную пальму, назад, в компьютеризированную пещеру, тоже были популярны, но на рубеже тысячелетий им пришел закономерный конец. Человечество не может жить только животными инстинктами, разум, стремления к Идеалу, естественное любопытство заглушают голос желудка и половых органов.

У соседей же все хуже. Кризис капитализма. Так называемый постиндустриальный скачок, о котором все говорят, которого с нетерпением ждут и которого никто не видел и никогда не увидит. Фикция. Попытка замаскировать красивыми словами неприглядную действительность. Вместо долговременных инвестиций в развитие, в космический рывок, в новые технологии, энергетическую революцию соседи предпочли краткосрочные проекты.

Не обязательно развивать высокие технологии, когда о них можно говорить, когда под их видом можно в очередной раз модернизировать унитаз, создавать очередное лекарство от перхоти, выпустить новые модели телевизоров, чутьчуть лучше предыдущих. Зачем долгосрочное планирование, когда можно нарастить выпуск дешевых вещей, моментально устаревающих и отправляющихся в утиль. Главное – развить спрос. Спрос. Потребление! Поглощение! Наслаждение. И еще раз –

потребление! Вот лейтмотив цивилизации Мира01.

Если сотовый телефон служит больше двух лет, значит, он невыгоден производителю. Машина со сроком службы в десять лет сокращает рынок автомобилей. Бытовая техника должна моментально устаревать, и старые образцы не должны стыковаться с новыми стандартами. Продавцу выгодны машины, которые надо менять через пять лет, а еще лучше, если каждый год. Одежда не должна служить дольше одного сезона. Лекарства не должны лечить болезни, они могут только устранять симптомы, иначе пострадает рынок сбыта. Но при этом нужны новые болезни, нужно постоянное потребление лекарств, а если их будут применять пока еще здоровые покупатели, то это еще лучше.

Не удивительно, что такая система привела человечество к жутчайшему кризису. Эх, ошибались бородатые классики, не кризис перепроизводства убивает экономику, ее губит кризис перепотребления. Превращение людей в идеальных потребителей приводит к деградации личности. С одной стороны, это хорошо: способность критически воспринимать действительность мешает тратить все деньги и брать кредиты на покупку совершенно ненужных вещей, позволяет не попадаться на удочку рекламы. Посему долой мышление! Покупатель не должен думать. С другой же стороны, общая деградация, фрагментарность образования, отказ от целостной картины мира приводят к жутчайшему кадровому голоду. Оказывается, идеальный покупатель – очень плохой работник! Вера в лекарства от целлюлита и биоактивные добавки не стыкуется с инженерным мышлением, с конструкторской мыслью, противоречит системному научному анализу.

Кадровый голод у соседей удовлетворяется за счет иммиграции, целенаправленного поиска образованных людей среди лишенных радости безудержного потребления «варваров». Источник не бесконечный. Ресурсы бывшего СССР практически выкачаны, сейчас активно переманивается интеллектуальная элита Индии. В этой стране еще сохранилось классическое системное образование. Пока сохранилось.

Однако мигрантов на все про все не хватает. Патриотизм и лояльность пришельцев поддерживаются только за счет более высокого уровня потребления, чем на родине. Пропаганда, конечно, работает, но ее результативность не так хороша, как хочется. В случае резкого падения доходов лояльность иммигрантов есть величина мнимая. Непредсказуема она, однако, в принципе.

Страшнейшей ошибкой соседей можно назвать потерю контроля над Китаем. Первоначально сборочный цех Запада, источник неиссякаемой

дешевой рабочей силы, Китай незаметно превратился в промышленного гиганта. Плановая экономика и восточный менталитет, традиционно наплевательское отношение к людям, психология муравейника творят страшные вещи. Все аналитики института сходились во мнении: если ближайшие десять лет соседи не решат проблему Китая, Китай сам решит проблему «белых варваров». Решит в традиционном восточном, циничном стиле, без какихлибо сантиментов, при этом ужасы Второй мировой, «План Ост», Холокост в классическом исполнении покажутся детскими шалостями.

Пусть пока Китай в военном плане сильно уступает США, пусть пока китайцы не могут парировать обезоруживающий ракетноядерный удар американцев и нанести Штатам недопустимый урон. Все течет, все меняется. Остановить китайцев можно было вчера, в рамках экономической блокады. Но тогда это было невыгодно. Сегодня война с Китаем ударит в первую очередь по «цивилизованному миру». США, Европа, да и Ругия лишились своей промышленности, они слишком завязаны на китайскую экономику.

Даже удивительно – дикая, патриархальная, невообразимо отсталая страна, в которой само слово «прогресс» означало нечто невообразимо противоестественное, святотатственное, стала мировым промышленным лидером. Китайцы по всему миру скупают заводы, научные институты, технологии, разработки, патенты. Китайцы покупают европейские и американские фирмы, инфраструктуру, землю. Саранча господня! Кара за грехи толерантности.

О завтрашнем дне и речи нет. У Китая растет не только экономика, но и армия. Если десять лет назад нельзя было без смеха обсуждать вооруженные силы Поднебесной, то сегодня у соседей Китай уверенно входит в число лидеров. Китайская армия уже превосходит российскую не только по численности, но и по основным видам вооружений.

– Поторопились с выводом промышленности в дешевые регионы, – согласился Шумилов.

– Не оставили резервы для маневра, вот в чем ошибка, – парировал Гуларян. – Имея дветри конкурирующие между собой и равноценные промышленные зоны, американцы могли бы не бояться усиления одной из зон. Тем более уму непостижимо, – Артем Михайлович развел руками, – как они додумались выпустить изпод контроля социалистическое государство с плановой экономикой, централизованным управлением и жестким контролем над внутренней ситуацией.

– Типичная ошибка расиста, – усмехнулся Игорь Минаев.

– Плановая экономика, четкий контроль, многочисленное нищее и трудолюбивое население.

– А ведь мы в свое время сами чуть было не допустили ошибку соседей. – Шумилов поскреб в затылке. – Я сам хотел купить немножко Китая.

– До Пандемии?

– Прямо перед Катастрофой. Была серьезная долговременная программа по перехвату управления над китайской промышленностью и вовлечению китайцев в нашу сферу интересов.

– А американцы?

– Им пришлось бы потесниться. Игорь Леонидович, вы не представляете себе, как легко было перевести Китай в рублевую зону, одновременно сохранив их основные экономические вектора, линии торгового давления.

– Пылесос, – кивнул Гуларян, – вечный двигатель, волшебный умножитель.

– Не такой вечный и не такой волшебный, как хотелось бы, – парировал Павел Николаевич. – Нам в любом случае пришлось бы ограничивать нашу торговлю с Китаем и аккуратно притормаживать их космическую программу.

– Давайте вернемся к соседям. – Артем Гуларян повернулся к настенному экрану.

Да, выводы специалистов ИРИ были крайне пессимистичны. Ругия в Мире01 давно и прочно проиграла. Проиграла надежно, основательно. Прочно и практически безвозвратно перешла в разряд вечно отстающих второразрядных территорий, не субъектов, а объектов мировой политики.

О том, чтобы исправить ситуацию… Даже гении Института региональных исследований смущенно разводили руками. Ситуация безвыходная. Ну, положим, прогрессорам удастся найти, мобилизовать и организовать нужных людей, удастся перехватить власть, совершить переворот, назначить своего президента. И что дальше? Ругия моментально окажется странойизгоем, мировым отщепенцем. Властители мира, крупнейшие финансовые структуры не позволят просто так вырвать у них из зубов жирный кусок. Ответный удар будет жестоким, мгновенным и неотразимым.

Потеря валютных резервов, замораживание счетов – это ерунда. Триллионы долларов и ценные бумаги – это не более чем фантики, это символы богатства, а не богатство. Доллар на хлеб не намажешь, биржевым курсом сыт не будешь, акции и проценты в бензобак не залить. Это все не

более чем ловушка для простаков, морковка перед носом ослов, влекущих колесницу глобального мира, воздушные замки для жертв «новой экономики».

Куда страшнее полная технологическая и производственная зависимость от заграницы. Эмбарго возможно, эмбарго – это дамоклов меч над головой «управляемой демократии» и Вертикали. Эмбарго враз обрушит страну в каменный век, вернет ее в 20е годы прошлого века, как раз к началу индустриализации. Все придется начинать сначала, и резервов для нового рывка у страны нет. «Газовые мускулы» не спасут, «Энергетическая сверхдержава» сдуется, как дырявый воздушный шарик, стоит только обрубить ей внешние поставки. Своими силами Ругия уже не обойдется, своих ресурсов больше нет.

Нет, дело не в контроле иностранных концернов над промышленностью и экономикой, дело не в банковских счетах и договорах. Практика показывает: неважно, кому принадлежит завод, важно, кто им реально управляет. В случае чего иностранные инвесторы и владельцы останутся с бумажными фантиками в руках, с пустыми обязательствами, дутыми акциями и без реальных рычагов воздействия.

Хуже всего то, что Ругия уже давно зависима от Запада и Китая. Ни одно серьезное производство не обходится без импортных комплектующих. Отечественной замены нет, восстановить производство зачастую уже невозможно, или это требует времени и опять же импортных поставок. Кадров осталось мало, грамотные специалисты превратились в зоологическую редкость, хороший инженер, профессиональный рабочий – это вымирающие динозавры.

Противник, новые хозяева держат в своих руках ключевые элементы системы. У каждого есть свое узкое место, стоит повернуть кран, сжать артерию, и все, пой «Возвах…»! У Ругии таких мест много. Смешно сказать, в угаре «нового мышления» под руководством «эффективных менеджеров» страна своими руками убила свою инструментальную промышленность! Уму непостижимо! Шумилов поверить не мог, что это возможно, но это так. Сейчас у соседей не производится ни тонны быстрореза, ни килограмма твердого сплава. Даже индустрия поликристаллических режущих компонентов – а этим СССР по праву гордился, Советский Союз и сейчас держит монополию на промышленное производство эльбора, синтетического корунда и других сверхтвердых кристаллических резцов – была безжалостно удушена, растоптана, разорена и разбомблена подчистую.

Гибнет «двигатель прогресса» оборонная промышленность, с таким

трудом поднятая на ноги, построенная ценой хлеба и крови, автомобильная промышленность стала придатком, цехами зарубежных концернов. Авиастроение переживает не лучшие времена. Гробится космос. Давнымдавно, но это у них общемировая тенденция, похоронены перспективные наработки по термояду и атомным технологиям полного цикла распада. Рушится транспортная инфраструктура, распилена на куски и корчится в предсмертных судорогах единая энергосистема.

Самое смешное – у соседей почти никто и не знает, что они стоят одной ногой в могиле. Подавляющее большинство уверено, что жизнь налаживается, страна переживает временные трудности. Да, местные чиновники далеко не фонтан, есть еще проблемы, и бензин дорожает, но Правительство и Вертикаль уверенно ведут страну в светлое капиталистическое будущее могучей многонациональной, свободной, демократической, либеральной несокрушимой державы.

Те, кто догадывается, что это не так, молчат в тряпочку. А те, кто знает и осмеливается вякать чтото против, подвергнуты остракизму, осмеяны и низведены до маргиналов, отбросов общества. Средства массовой информации, пропагандистский аппарат – страшная штука. Пока человек не умирает от голода, его можно уверить, что он живет хорошо, а если конкретно он живет плохо, то это только его вина, а страна в целом идет вперед. Куда именно «вперед», спрашивать не принято, вопрос уже подразумевает правильный ответ. А тот, кто осмеливается задавать такие вопросы, не верит, что все будет хорошо, тот враг общества, враг Ругии, Партии и Вертикали Власти, тот очень нехороший человек, редиска.

– Чем дальше, тем глубже, как у Элтона Джона в заднице, – пробурчал Павел Николаевич. – Неужели у соседей вообще нет шансов? Должен же быть выход! – Бывший премьер хлопнул ладонью по столу.

– Шанс есть. Призрачный, один на миллион, но есть. – Минаев задумчиво потер подбородок.

– И?!

– У соседей назревает очередная мировая война. В ближайшие десять лет вспыхнет.

– Третья или четвертая?

– Каждый считает посвоему. Четвертая.

– Своим положением недовольны Мусульманский мир и Китай. Европа и США пытаются удержать позиции, Ругия между двух огней.

– Ошибаетесь, Павел Николаевич, все недовольны, Ялтинский мир мешает всем факторам большой политики. Америка и Европа не меньше азиатов хотят переделить Землю «по справедливости». Ругия тоже надеется

на реванш и жаждет вырваться в лидеры, они тоже хотят вырвать свой кусок пирога.

– Горячая война – это смерть цивилизации.

– Да, но это шанс для Ругии, России того мира. Единственный шанс сохраниться как независимая держава. Это шанс для русских не потерять самих себя, вырваться из ловушки толерантности, глобализма и кровосмешения, – последнее слово Минаев употребил совсем не в том смысле, в каком принято, но Шумилов его прекрасно понял. Глобализация убивает народы, толерантность делает людей беззубыми прекраснодушными идиотами. Культура может быть только национальной, или она превращается в масспопбезвкусицу, балаган и извратт.

– Если Ругия сумеет удержаться на грани, не вступит в войну, если сумеет закрепить свое реноме выгодного всем нейтрала, то к концу войны она превратится в мирового арбитра и единственную сверхдержаву.

– Если удержится на грани и не вступит в войну, – повторил Павел Николаевич, – шанс минимален.

– Это единственный шанс.

Вербовщик

Вести свой бизнес, работать на себя – это, оказывается, необычайно увлекательное дело. Дэн вначале испытывал некоторые сомнения, но постепенно, незаметно для себя втянулся. Спасибо Алексею, заставил в приказном порядке засунуть свои стеснения в известное место. Ковалько и сам бизнесменом был только в теории, так что всем троим пришлось срочно набираться опыта.

Сначала товарищи занялись торговлей строительными материалами, затем решили, что можно попробовать взять на себя отделочные работы. Дело пошло, благо начальный капитал у них был, с городом Дэн и Гадюка немного познакомились, знали, к кому подойти, чтоб решить зависший вопрос.

Что товарищей шокировало, так это куча всевозможных проверок из надзирающих органов, свалившихся на начинающих предпринимателей. И это еще с учетом того, что в России действуют льготы для вновь открытых фирм. Все равно – стоило купить помещение под магазин и старую заброшенную базу, как повалили гости. Хорошо, у наших друзей уже был опыт общения с чиновниками и прочими лицами при исполнении, вопросы они решали, заодно обзаводились нужными контактами. Одно плохо – уж больно это было накладно.

Однако мелкие проблемы не мешали бизнесу. Дело пошло. Только сейчас Дэн понял, что такое частное предпринимательство. Заразная, оказывается, штука! Работаешь сам на себя, сам за все отвечаешь, сам принимаешь решения, но и пахать приходится как проклятому. Вроде начальника над тобой нет, никто над душой не стоит, а выкладываешься на все сто. Работаешь же на результат, а не по КЗОТу.

Приходилось самим заниматься кадровыми вопросами. Здесь товарищи столкнулись с неожиданной проблемой: трудно найти подходящих людей. Затраты в Ругии таковы, что платить зарплату по советским или местным московским нормам невозможно. Производительность труда невысока, соответственно за счет этого зарплату не поднять. А если будешь платить мало, так никто у тебя работать не будет, либо станут воровать, либо придется брать такой контингент, что лучше их к делу на пушечный выстрел не подпускать. Приходится выкручиваться. Пригодились уроки по оптимизации налогов. Тем более в Ругии этим все увлекаются.

После очередного жесткого разговора с бригадой монтажников Гадюка в сердцах предложил всех русских уволить и набрать вместо них таджиков.

– Ага! Нанимаем, заставляем пахать, через две недели даем авансик, потом месяца два, а если получится и больше, кормим обещаниями, – ухмыльнулся Алексей Ковалько.

– Как начинают борзеть, звоним знакомым ментам и сдаем нелегальных иммигрантов, – продолжил Дэн.

– Было такое, – буркнул Антонов. – Буркалов недавно отчебучил.

– «ИнвестМонтаж»?

– Да, новостройка на проспекте Мира. Нанял гастарбайтеров и кинул как следует.

– Жалко, – вздохнул Денис.

– Кого? Азиатов? Так они сами напросились.

– Все равно жалко. Люди всетаки. Ладно, замнем.

Особых симпатий к гастарбайтерам Денис не испытывал, не те они люди, не наши. Независимость себе вырвали с кровью и мясом. Что в 90х годах в азиатских и закавказских республиках творилось – вспоминать больно. Один только лозунг «Русские, не уезжайте – нам нужны рабы» чего стоит! Получилось, как и у нас, тоже не смогли жить самостоятельно, тоже разом все, что было, разорили, развалили и потеряли. Только у нас Советский Союз смог защитить своих граждан, обеспечить эвакуацию славянского населения либо помочь сплотить полунезависимые анклавы, а в этом мире людей бросили на произвол судьбы.

Прошло время, и дети тех, кто с пеной у рта размахивал зеленым знаменем, грабил и убивал, поехали на заработки в Ругию. Голодно на родине. Солнце светит, а манны небесной нет. Хлеб с неба не падает, его выращивать надо. В Ругии приезжие брались за любую работу, готовы были пахать от зари и до зари. Платили им немного, и тем самым возникла конкуренция с коренным населением. Как Денис понимал, предпринимателям всегда выгоднее платить меньше, предпринимателю выгоден бесправный работник, которого в любой момент можно выставить за ворота. Выходила нехорошая вещь: уровень зарплат падал, качество работы тоже. Местным приходилось затягивать пояса. Деньги, кровь государства, вместо того чтоб циркулировать внутри страны, утекали в ближнее зарубежье.

Лично Денис ни за что бы не взял на работу чужаков, пусть он сам подпольщик, но есть правила игры, есть элементарное приличие: не гадить в доме, где гостишь. С другой стороны, беззастенчиво кидать людей – это подлость. Нельзя так. Лучше сразу отказать, пройти мимо, чем так вот:

попользовался и выбросил.

– Это все мелочи жизни, – вздохнул Ковалько, – запомним, что с Буркаловым и его «ИнвестМонтажом» дел не иметь, и черт с ним. Я вчера с Зеленым связывался.

– Новости?

– Новое задание. Тебе, Дэн.

– Говори, командир.

– Помнишь, ты докладывал о своем двойнике?

– Было дело.

– Интересный случай. – Ковалько потер переносицу. – Очень интересный. Несмотря на разницу в воспитывающем и формирующем воздействии окружающей среды на моральные и интеллектуальноповеденческие императивы личности, твой двойник получился очень похожим на тебя.

– Командир, а можно русским языком?

– Да характер у тебя твердый, не сломался в этом гадюшнике, – пояснил Слава Антонов. – И человек ты хороший, надежный. Молоток.

– Можно и так сказать, – улыбнулся комитетчик. – У вас двоих необычайно много общего.

– Он же вроде в армии не служил?

– Нет, срочную отбарабанил десантником.

– Я не о срочной.

– В этом мире и это подвиг. Отличия в биографии – это мелочь. Скажи, ты квартиру и машину сам выбирал? За тридцать, а холостяк. Кадровый офицер, работа в Африке, фронтир цивилизации. Неоднократно был судьей и шерифом в одном лице.

– У твоего близнеца серебристый «Опель Астра», сам переехал в Приреченск, живет в двушке на пятом этаже девятиэтажки, – пояснил Гадюка, – работает начальником службы безопасности в крупной фирме, это офицерская должность. Дальше продолжать?

– Зеленый решил вербовать?

– Нет, шеф был против, – серьезно сказал Алексей. – Решение пришло с самого верха. По моим данным, игру предложили Строгов и Трубачев.

– Старикиразбойники, – скривился Денис.

– Инициатором контакта положено быть тебе. Мы только в обеспечении.

– А где целая орда научных светил психиатрии, которые будут наблюдать, как местного Дэна кондратий хватит, когда ему наш Дэн представится? – оскалился Гадюка.

– Обойдемся. Я же сказал: мы вдвоем в обеспечении.

– Нечего гадать, – протянул Денис с видом и тоном идущего на казнь узника. – Когда и как я с ним «случайно» встречаюсь?

– После Нового года, не раньше. Как раз информацию соберем. Как раз с делами разберемся. Не забывай, тебе послезавтра ехать в Питер, разговаривать с поставщиками.

– Есть, товарищ старший лейтенант.

– Ребята, – Ковалько укоризненно покачал головой, – ну не надо палиться. Ни один из нас в армии не служил, военники у нас купленные, закосили, и уж тем более, не дай боже, ни в коем разе с ФСБ не связаны.

– Ошибаешься, братан, – хмыкнул Гадюка, – наш Дэн с ФСБ связан. Он с ними водку пьет.

– Это не считается, – расхохотался Денис. Молодец Славка! Вовремя напомнил про друзейчекистов. Были у Панфилова – ой, извините, у Дениса Муромцева – такие друзья. Успел найти контакт, познакомиться и подружиться с одним майором из известной Конторы.

Время шло. Дела, работа, фирма отнимали все свободное время, да еще приходилось не забывать о своих непосредственных обязанностях и настойчиво заводить нужные знакомства с нужными людьми. Приходилось быть очень общительными, деловыми, энергичными, прогрессивными людьми. Смысл последнего слова Денис понимал весьма смутно, но в этом обществе так принято.

Под Новый год город потрясло жуткое убийство начальницы отдела социальной опеки. Слухи ходили самые разные, с каждым днем появлялись все новые и новые подробности. К известному агентству «Одна бабка сказала» Дэн относился скептически, но не мог не отметить, с какой скоростью вроде бы не афишируемые пикантные подробности дела стали известны всему Приреченску. Определенно, общественное мнение было на стороне неизвестных народных мстителей, вступившихся за семью Петровых.

Естественно, Денис и его товарищи навели справки по своим каналам, помогли знакомства в полиции и ФСБ. Выводы были сделаны – в городе существует законспирированная подпольная организация. Слава Антонов, правда, отнесся к этой идее весьма скептически, но под давлением неопровержимых аргументов согласился с мнением офицеров. Тем более вскоре был обнаружен труп известного детского врача Марка Апельсинова. Почерк тот же самый: работали дерзко, на грани риска, но чисто: ни одной улики, ни одного следа, ни одного отпечатка. Профессиональная работа.

– Так что решать будем? – Алексей Ковалько обвел взглядом

собравшихся у него дома коллег.

– Искать партизан, – прищурился Гадюка.

– Думаешь, нам они пригодятся?

– Хорошие, борзые ребята лишними не будут.

– Могут пригодиться, – кивнул Денис, разглядывая на свет пиво в кружке, – найти их желательно, но идти на контакт не стоит.

– Поясни?

– Четкая, грамотная работа. Люди умные, решительные, крови не боятся, терять им нечего. Если вдруг полиция выйдет на их след, будут прорываться, драться будут серьезно, поднимут все свои контакты, всех взбудоражат, привлекут и замарают. Если мы окажемся рядом, то привлечем к себе внимание органов. А оно нам надо?

– Осторожно. Предусмотрительно, – согласился Ковалько. – Сейчас нам и не надо идти на контакт. Нам даже слишком активно искать повстанцев не стоит. Полиция на ушах стоит, любое неосторожное движение спровоцирует ответную реакцию блюстителей правопорядка. Мы, сами того не желая, можем подставить повстанцев, случайно сдать их органам.

– А оно нам надо? – повторил Дэн.

– Интересное выражение. Где подцепил?

– У одного приятеля, – помявшись, ответствовал Панфилов.

– Так что делать будем?

Вопрос повис в воздухе. Слава пробурчал чтото о необходимости иметь под рукой хорошую команду бойцов, но понимания у товарищей не нашел. Денис развалился в кресле и, подперев голову кулаком, не мигая смотрел на недопитое пиво. Опасно. Рискованно. Непредусмотрительно. Глупо. Спешка хороша только при охоте на блох.

– Выжидаем, – пробасил Денис, – пусть сначала полицаи успокоятся. Давайте лучше вернемся к моему двойнику.

– Вернемся, – согласился Ковалько. – Мы еще его контакты не просветили. Я не могу решить, где и как лучше будет организовать случайную встречу.

Незаметно подошли новогодние праздники. Дней десять разгульного веселья и неумеренного отдыха. В свое время хорошо осведомленный об экономическом положении Ругии Денис немало был удивлен, как много в этой стране праздников. Мало того, что сохранили почти все старые советские праздничные даты, пусть и под новыми именами, законодательно сделали нерабочими религиозные праздники, так еще новые даты появились.

Жизнь такова – кому отдых до посинения и полного опупения, а у кого дела не ждут. К счастью, среди местных не все выдерживали почти две недели разнузданного, хмельного отдыха, находились те, кто не прочь выйти на работу в праздники, особенно если за это платят. Отдыхать тоже тяжело, это серьезная нагрузка на организм. Недаром для врачей длительные праздники – это всегда тяжелое время, пациенты валом валят, и не только с травмами, много обращается сердечников, с желудочными проблемами, кое у кого печень отказывает.

К середине января товарищи собрали досье на местного Дениса Панфилова. Выяснили его контакты, нашли друзей. Оказалось, что человек этот с двойным дном, весьма неоднозначный, не такой простой, как кажется, да еще контакты у него интересные, есть среди его близких приятелей весьма интересные люди.

Особенно Алексея Ковалько заинтересовал некий Жуков Сергей Александрович. Молодой человек двадцати семи лет от роду, женат, двое детей. Вроде бы не замечен, не участвовал, не привлекался, не был – анкета чистая, но только на первый взгляд. В свое время был активистом местного отделения РНЕ. Вовремя ушел из движения, аккурат перед распадом, нигде не попадался, в полицейские списки «экстремистов» и оппозиции не попадал. Одно время даже подавал заявление на вступление в правительственную Партию. Не вступил, видимо, одумался в последний момент.

Слава Антонов хотел было проследить за Жуковым и Панфиловым, но Ковалько запретил. Рискованно. Ребята непростые, могут заметить слежку и насторожиться. Тогда на операции придется ставить крест. Решили не привлекать к себе лишнего внимания, на глаза Панфилову и его друзьям не попадаться, спокойно готовить встречу нашего Дениса с местным Денисом.

Проблема была еще в том, что местный Дэн обзавелся постоянной девушкой. Даже не так, живет он со своей подругой. Медовый месяц, пусть и без регистрации. Молодые друг без друга на улицу не выходят, только если очень нужно, дела там, работа. Сфера возможных «случайных» пересечений резко сузилась. В кафе товарищ один не ходит, да и раньше не уважал этот метод убиения времени. В магазинах бывает только по делу. Сертифицированный автосервис? Предлагаете ждать, когда у него в машине что полетит или время очередного ТО подойдет? Вопрос.

Товарищи обещали подумать. Самому Дэну строгонастрого запретили и близко подходить к своему двойнику. Не трогать! Рано пока. У ПанфиловаМуромцева и без того времени нет. Так получилось, что в бизнесе основные вопросы сами собой свалились на плечи Дэна. У него

лучше всех получалось находить поставщиков, вести переговоры с покупателями, выбивать жирные заказы. Опыт службы в колониях сказывался. Люди сами чувствовали, что Дениса Муромцева лучше не накалывать. Хлопотное это дело и опасное. Можно незаметно самому наколоться по самое не хочу.

Сразу после праздников Алексей Ковалько попросил Дэна наладить контакты с региональными филиалами трех крупных торговых сетей. Задел на будущее. Работа на дальнюю перспективу. Предполагалось, что контакты и информация пригодятся при расширении разведывательной сети. Судя по обмолвкам Ковалько, Дэн понял, что наши планируют создавать в Мире01 целую структуру концернов, крупных предприятий. Финансовая и кадровая база прогрессоров.

Что ж, работа есть работа. Иногда приходится идти не туда, куда хочется, а туда, куда надо. Надо – и никаких гвоздей.

Подбор нужных людей, завязывание знакомств, поиск точек пересечения заняли время. Работать приходилось много. Тем более оказалось, что коррупция в торговле еще выше, чем в госструктурах, хотя, казалось бы, куда еще больше. Не бывает больше. Оказывается, в этом мире возможно все.

Крупная торговая сеть – это уникальное предприятие по реализации чего угодно, абсолютно любого товара. Супермаркет сам по себе служит центром притяжения покупателей, возможность сразу купить все, что нужно, не бегать по магазинам, не выискивать нужный товар завораживает. Отработанные торговые технологии, незаметное воздействие на людей, точно дозированная реклама, маленькие хитрости специалистов заставляют покупателей набивать тележки всякой не нужной им всячиной, брать сразу все и на крайний случай. Торговля – это не кустарщина, крупное торговое предприятие – это серьезный бизнес, это специализированные технологии, это методы манипулятивного воздействия и это большие деньги.

Хорошая сеть может продать все, что угодно, любой товар, выложенный в супермаркете, найдет своего покупателя. Это привлекает поставщиков. Супермаркет раскручивает сбыт, но и требует за все платить. Супермаркет держит нехилую долю рынка и навязывает поставщикам неравноправные обязательства. Супермаркет ни за что не отвечает, но дерет деньги за каждый чих. Супермаркет играет с ценами, накручивает бешеные наценки, одновременно демпингует на товарах первой необходимости, давит мелких конкурентов.

Естественно, контингент в сетях зажравшийся. Речь, естественно, не о простых сотрудниках, а о руководстве. Разговаривать с ними трудно. Они

уже развращены легкими деньгами, испорчены положением королей торговли и отсутствием ответственности перед поставщиками.

Однако Ковалько потребовались контакты среди руководителей местных филиалов трех крупных торговых сетей. Дэну пришлось прижать свое мнение и работать. Армейский закон – от приказа не отказываются, приказ выполняют, и не пищать.

Идти напролом, строить из себя крутого бизнесмена и швырять деньгами нельзя. Торговцы не первый день в этом бизнесе, они сразу видят, кто есть кто. Пытающийся кидать кривые понты, строящий из себя Вертикаль знает, что человека моментально раскрутят, выпотрошат под пустые обещания и кинут. Крыша у сетевиков серьезная, своя служба безопасности, большие деньги – это всегда большие люди и конкретные дела.

Приходилось собирать информацию, крутиться вокруг да около, принюхиваться. Прямо напрашиваться на контакт, не имея за собой реального предложения, нельзя, оставалось только выжидать, смотреть в оба и надеяться на случай. К концу января у Дениса уже был список нужных людей, собиралось досье. Постепенно вырисовывались возможные пути для контакта. Пока без какихлибо дел. Максимум можно было надеяться на ничего не обязывающее знакомство, «случайную» встречу, пьяный разговор о бабах, футболе, машинах, политике и обмен впечатлениями от поездки на модный курорт.

Внезапно Алексей Ковалько дал отбой. Ничего не объясняя, он приказал Дэну «отбросить торгашей» и переключиться на руководство машиностроительного завода. Как раз у друзей намечается контракт на ремонт административного здания. Естественно, не на первых ролях, небольшой кусочек работы на субподряде у крупной строительной фирмы, но и это хлеб. Контракт дает основание, право официально контактировать со службами завода. Умный человек может воспользоваться шансом, а дураками Панфилов, Ковалько и Антонов не были.

Наконецто прояснилась ситуация с двойником. Товарищи сумели просчитать возможные варианты, направить события в нужное русло и подготовить «случайную встречу». Контакт был назначен на 22 января. Суббота. Конец рабочей недели. Дела закончены, наступают недолгие часы отдыха между буднями.

Погода хорошая, морозец под 20 градусов, ветра нет. Выйдя из машины, Дэн полной грудью втянул в себя сухой, чистый воздух. Благодать. Машину он оставил на площадке у кафе «Пузико», рядом с точно таким же «Опелем». Авто двойника. Местный Панфилов уже сидит в

кафе, ждет своего друга. Ждет напрасно, товарищ не приедет, четверть часа назад, пока человек ходил в магазин, ему прокололи два колеса. Надежно прокололи, Гадюка дело знает. Широкие разрезы боковых поверхностей даже бескамерка не выдерживает. Запаска в багажнике только одна, на ободе далеко не уедешь, да и машину жалко. Придется вызывать эвакуатор. Денис понимал, что ребята нехило подгадили совершенно незнакомому, непричастному, безвинному и неплохому в общемто человеку, но иначе не получается. Увы, издержки производства.

Впрочем, вызов эвакуатора и покупка новых шин не сильно ударят по бюджету пострадавшего, человек он не бедный. Это радует, было бы куда хуже, если пришлось бы устроить гадость тому, у кого каждая копейка на счету. Хотя это все работа, это все жизненная необходимость. Если будешь рефлексировать по каждому поводу – тебе не место в спецслужбах, в прогрессоры отбирают людей с крепкими нервами и без комплексов. Нельзя переживать по каждому поводу или без повода – сгоришь в два счета.

Денис вошел в кафе, легкий кивок охраннику на входе, оглядеться по сторонам. Несмотря на субботу, народу немного. Дэн сразу узнал своего двойника. Дальний столик у окна, сидит, опершись локтями на стол, лениво листает меню. Да, очень похож, несмотря на полумрак, видел Дэн хорошо, у бойцов колониальной службы вообще хорошее зрение. Плотную фигуру двойника обтягивает тонкий белый свитер. Короткие русые волосы. Черты лица вот только мягче, кожа светлее, а волосы, наоборот, темнее.

Самого Дэна как следует поджарило свирепое африканское солнце, высушили ветры саванн, а волосы, наоборот, выгорели до белизны. Местные даже иногда думали, что он обесцвечивается. А что, есть в этом мире такая мода, мужчины, бывает, уделяют чрезмерное внимание своей внешности, даже красятся, что совсем ни в какие ворота не лезет. Хотя сам Дэн таких людей ни при каких обстоятельствах не назвал бы мужчинами. Мужчина должен быть могуч, вонюч и волосат или брит под ноль. Тогда он настоящий мужчина.

Глубоко вздохнуть, успокоить роящиеся под черепной коробкой мысли. Подойти к столику. Местный Панфилов чувствует постороннего человека, как бы нехотя поворачивается. На Дэна в упор глядят серые, стального оттенка глаза.

– Здравствуйте, Денис Владимирович. Разрешите. – Дэн бесцеремонно падает на стул напротив, кладет шапку на подоконник и расстегивает куртку.

– Здорово, двойник. – На губах аборигена играет легкая

саркастическая улыбка, однако глаза светятся искренним любопытством.

Все бывает

– Здорово, двойник. – Денис с искренним любопытством разглядывал подсевшего за его столик человека.

Вот так оно и бывает. Двойник явно не случайно зашел в «Пузико» и подсел к Денису Панфилову. Да еще Санек задерживается. Явно неспроста. Оживает телефон, на индикаторе номер Саши Крутова. Санек в двух словах извиняется, говорит, что подъехать не может. Затем в сердцах срывается, яркими красочными фразами описывает, как какойто… порезал колеса Сашкиной «Дэу» и что сам Саня сделает с этим… когда поймает.

– Ваша работа? – Денис недовольно косится на незнакомца.

– Наша, – кивает двойник. – Пришлось подвинуть человека, уж больно трудно тебя застать одного и в спокойной обстановке.

– Круто.

Выглядит нежданный визитер, точно как его описывал Серега. Черты лица заострившиеся, кожа обветрена, въевшийся в кожу южный загар. Взгляд хоть и дружелюбный, но есть в нем чтото. Сергей был прав: двойник привык повелевать и подчинять. Но при этом глаза светятся умом и чисто человеческой теплотой. Не закостенел, не зачерствел, а ведь по лицу и повадкам видно, пришлось ему бедовать, не в одной переделке побывал. Сложная у него судьба, иному на десять жизней хватит.

– Где служил, братишка?

– В Родезии, – смеется двойник, – Африканская бригада. Заместитель командира патрульной группы.

– «Дикий гусь»? Родезия – это сейчас где? – Денис отчаянно пытался привязать в голове название к политической карте. Явно последние много лет эта территория именуется иначе. Родезия – старое колониальное название еще времен Британской империи, колониализма, «бремени белого человека» и романтики Киплинга.

– В вашем мире это называется Замбией и Мозамбиком. «Диких гусей» и прочих инсургентов мы с территории СССР гоняем. Нечего по советской Африке колобродить, на Земле и без того навалом ничейных земель.

– Шутить изволите, господин поручик. – Нашел что фантазировать! Ваш мир, территория СССР, Родезия. Ври больше! А все же, кто он такой и зачем пришел? Денис начал понемногу заводиться. Не думал, что этот клоун выдаст такое. Нет, не клоун, но тогда еще хуже. Издевается? Кто он?

И что ему надо?

– Старший лейтенант Советской армии Денис Панфилов, – представляется гость, – в настоящее время прикомандирован к институту в качестве специалиста по разведке и выживанию среди дикарей. Не бойся, я не сумасшедший. Я это ты. Удивлен?

– Уже нет. – А вот таким заявлениям действительно не удивляются. Примитивно. Или сумасшедший? Не похоже.

– Врешь, – хихикает двойник. – Извини, но я тебя, то есть себя, знаю. Не веришь, пытаешься меня раскусить, просчитать и прикидываешь, сколько бойцов держат под контролем этот биндюжник.

– И сколько?

– Ни одного. – Двойник разводит руками. – Давай лучше поговорим о прежних делах и старых друзьях.

Да, бывали времена. Смешно вспоминать. А ведь тогда все было всерьез. Та ссора с Васькой Ершовым изза подаренной батькой гэдээровской ручки. Помните, были такие: цельный пластиковый корпус, внутри паста, стержня нет, многогранная белого цвета, на ребрах проступает темный пластик. Надписи нерусскими буквами. Сейчасто понимаешь, что это была одноразовая дешевка, а тогда для пацанов целое сокровище.

Как Дениска дрался с Васей! Тот, гад, выпросил ручку и не хотел отдавать. Серьезно ведь дрались, до крови. Денис расквасил врагу нос, а потом они, вцепившись друг в друга, катались по полу. Учительница разняла. После уроков повели на педсовет. Батьку в школу вызывали. Эх, это сейчас смешно, вспоминаешь, и на душе тепло становится, а тогда все было серьезно.

К слову сказать, ручку Денис из Васи выбил. Поймал после школы и заставил отдать. После того случая они целый год были врагами. Потом незаметно все забылось. Пришли новые увлечения, новые интересы и новые враги.

Гость вспомнил, как они или он – фиг сейчас разберешь – чуть было не утонул в бочке. На огороде уронил в емкость красивый камешек, полез вытаскивать, да и не удержался, нырнул головой вниз. Повезло. Батька был рядом, выдернул непутевого за ноги, ну и всыпал потом как следует. Так уж положено, нечего обижаться. Батька, честно сказать, сам перепугался до смерти.

Слушая воспоминания двойника, Денис подумал, что тот еще выбирает наиболее приличные, так сказать, моменты. Мог ведь выложить и железобетонные доказательства, да такие, что за один только намек

положено молча бить морду. Например, можно было подробно расписать, как Денис первый раз трахнулся с девушкой, да еще облажался по полной программе. До сих пор вспоминать стыдно, хотя потом дамы на молодого человека не жаловались. Или, гм, что там с описанием методов ручного секса?

– Верю. Ты это я. Двойник из другого мира. Но как это может быть? И зачем ты меня нашел?

– Я сам с этой чертовой физикой ни фига не разбираюсь. Специалисты могли бы рассказать, но в ваш мир их не пускают. Да и зачем тебе ломать голову над этими электронами, квантами и прочей мутью?

– Ты говорил, что служил в Родезии, у вас сохранился Союз. Как такое может быть? – Что Денис знал, так это то, что распад СССР был закономерным. Не мог этот социальный эксперимент оказаться успешным, и все тут.

– Обыкновенно. Армия. Военное училище. Служил под Вильно. Потом перевели в Африканскую бригаду. Это уже после Пандемии, когда мы полезли на ничейные земли, колонии застолбили.

– А как у нас оказался? – Денис старался не подавать виду, что понимает двойника с пятого на десятое. Слишком фантастично все. Какие колонии? Какая Пандемия? Кто они вообще такие?

– Разведчик я, – улыбался двойник, – пытаюсь выжить в вашем дурдоме, понять, как вы докатились до жизни такой и как мы можем вам помочь.

– Полипрезидента с премьером пристрелить, министров и думаков до кучи, – проворчал Денис.

– Думали. Не поможет. Это еще не самый худший вариант.

– Куда уж «не худший»? Видел, что у нас творится?

– Видел. Могло быть хуже. Хотя я до сих пор понять не могу, как у вас в 91м эти прохиндеи и интеллигенты карманные умудрились в Кремль прорваться.

– Хм, а у вас?

– У нас нашлись порядочные люди. Ввели в город войска, навели порядок, упаковали клоунов из ГКЧП вместе с алкашами у Белого дома. «Защитников демократии» демократизировали демократизаторами – так в свое время называлась милицейская дубинка «ПР73», палка резиновая в 73 сантиметра.

– Расстреляли?

– Кого? А, этих. Нет. Большинство ваших «Героев Новой Ругии» у нас тихо спиваются или обивают пороги наших посольств, слезно просят

пустить обратно в Союз. Дескать, ошибались по дурости, обещают, что больше не будут.

– Ага! Ошибались! Как же! – расхохотался Денис.

– Тише, на нас люди смотрят, и официантка кругами ходит. Ты как хочешь, а я сегодня не ужинал.

– Тогда рекомендую колбаски, настоящее мясо, сочные и не пережарены, а пока возьмем салатики, пиво у них хорошее. Настоящее. Ты такое не пил.

– Девушка! – двойник призывно махнул рукой.

Заказывать так заказывать. Денис не первый раз ужинал в «Пузико», знал местную кухню. Панфилов сразу посоветовал двойнику слишком много за один раз не брать, порции здесь серьезные, взрослые, наесться можно зараз.

Разговор затянулся до полуночи. Новые друзья или братья – ну не называть же двойника самим собой?! Так и до шизофрении недалеко! – с азартом навернули скворчащий на сковородке ужин, жаркое всякое, и повели спокойную вдумчивую беседу под легкие закуски, изредка смачивая горло глотком доброго нефильтрованного пива. Нет, со спиртным не перебарщивали, все в меру, по кружке на брата, не более, так, чтобы потом можно было сесть за руль, не опасаясь встречи с гаишником.

Несмотря на внешний скептицизм, Денис сразу поверил двойнику. Хватило воспоминаний о школе. Такие вещи не придумываются и не восстанавливаются по рассказам друзей. Никто не может сказать, что Дениска в четвертом классе прятал в пожарном шкафу на лестничной клетке. Никто, только сам Денис. Никто не придумает ту историю с ящерицей, свидетелей не было, и Денис никому не рассказывал. Точно, ни одному человеку.

Не бывает так, не может быть такого, поэтому это все правда. Денис удивился своему спокойствию. А что делать? Прыгать? Падать в обморок? Бить двойника стулом? А зачем? Раз пришел, значит, надо, значит, он действительно Денис Панфилов, только из другого мира. Интересно было посмотреть, что двойник выкинет, как будет вербовать. В том, что это изощренная вербовка, Денис и не сомневался. Гостям нужны контакты в нашем мире. Последующий разговор подтвердил его догадку.

Странные всетаки вещи вытворяет жизнь. Денисвторой рассказал, кем стали или не стали в его родном мире знакомые Денису люди. Забавно получается. Как окружение влияет на человека! Нет, Панфилов человеком был не глупым, догадывался, что многие знаменитые, влиятельные люди современной Ругии поднялись наверх только благодаря счастливому

случаю, стечению обстоятельств, вовремя подвернувшейся возможности хапнуть, поднять валяющиеся на земле деньги. Однако не все сделали себя только за счет Перестройки и раздела советского наследства. Прогрессор назвал пару имен, которые на слуху не только у нас, но и у них. Здесь человек поднимался только за счет своих способностей, шел вперед, невзирая на препоны и обстоятельства.

Как понял Денис, именно такие люди, добившиеся успеха в обоих мирах, в первую очередь интересовали агентов соседей. На них двойник и его коллеги делали ставку. Зачем? Что они хотят? Что делают у нас? – молодой человек не понимал, но догадывался. Двойник вкратце описал историю своего мира. Им тоже пришлось несладко. Пусть с нашей точки зрения кажется, что соседи благоденствуют, купаются в роскоши, диктуют свои условия своему миру, но это не так, точнее говоря, не совсем так.

Политика, известные имена – это все очень благородно, но Дениса больше всего поразило то, что их одноклассница Оксанка Гордеева в нашем мире опустилась, пошла на панель и год назад умерла от передозировки, а в Мире двойника она спокойно живет и не тужит. Семья, муж, двое детей, сейчас третьего ждут, врачи говорят: будет девочка. Вот это действительно тяжело понять: проститутка и наркоманка или любящая жена, заботливая мать и хозяйка семьи. Все один человек. Страшно становится, когда понимаешь, кем мог стать или не стать знакомый тебе человек, да просто друг, которого ты знаешь с детства.

– Нам нельзя стоять на месте. Понимаешь, мы не можем пройти мимо вас, раз уж нашли к вам дорогу, – втолковывал двойник.

– Русский, помоги русскому, – ухмыльнулся Денис.

– И это тоже. Только национализма у нас нет.

– Нет национализма? А кто Чуркестаны отделял? Кто колонии нахапал? Да так, что осваивать некому.

– А вот так. Азию и Закавказье незачем было держать. Одни расходы и геморрой. Все, что у них есть, все, что нам от них надо, мы и так получаем. Да они сами не хотели жить с нами в одном доме и по нашим правилам. Это у нас социализм, а им ближе феодализм. Каждому свое, и нечего насильно цивилизовывать. Верно говорю, Денис?

– Я не толераст, чтобы с этим спорить.

– Я знаю.

– Я просто вам завидую. Живете в своей стране, по своим законам, ради своих детей. Не подстраиваетесь под чужаков, а подстраиваете их под себя.

– Не подстраиваем. – Прогрессор поднял кружку, задумчиво

посмотрел через нее на свет и вернул пиво на стол. – Кто не согласен с нашими правилами, кто пытается навязывать нам законы гор и барханов, кто смотрит на нас как на унтерменшей, идет в газваген. Фашистов мы к себе не пускаем.

– А ведь ты сам фашист, – ухмыльнулся Денис.

– Кто? Я?! Мой, наш дед фашистов на гусеницы наматывал, а я их по саванне размазывал.

– Тех, кто считает, что мы должны жить по своим законам, что нельзя потакать меньшинствам, играть по чужим правилам, кормить наглых бездельников за счет нашего народа, у нас называют фашистами.

– Гы! А кто называет? Эти самые фашисты и называют. Нашел с чем сравнивать.

Денис кивнул в ответ, его губы тронула легкая многозначительная улыбка. Прощупывание двойника дало результат. С ним можно работать, и его можно аккуратно вовлечь в нашу группу. Перспективы, надо сказать, обещающие. В свою очередь, придется работать на прогрессоров, нельзя получить все, не дав взамен ничего. Не хочется, Денису сама мысль, что придется работать на чужую разведку, была неприятна, но увы – выбирать не приходится.

На языке вертелся один вопрос, но молодой человек чувствовал, что еще рано. Не стоит задавать такие вопросы. Честно на него не ответят. Нельзя спрашивать: зачем Денис Панфилов, обычный начальник службы безопасности коммерческой фирмы, нужен гостям из параллельного мира? Просто человеческое любопытство двойника? Но ведь он не мог идти на контакт без санкции начальства.

А если спросить? Интересно, что ответит. Нет, лучше не надо. Ответ уже подразумевается сам собой. Спрашивая, ты только продемонстрируешь свою дурость и неумение читать между строк.

– Весело выходит, – заметил Денисвторой, – мы оба оказались в Прикреченске, оба живем в похожих квартирах, на пятом этаже, у обоих серебристый «Опель Астра».

– Это наш Мир так действует. У тебя дома какая квартира и какая машина?

– Дома у меня нет, – вздохнул двойник, – казарма – это не дом, пусть она хоть генеральская. И машина мне не нужна. Зачем машина, если не знаешь, куда тебя завтра командование забросит?

– Жена, дети?

– Не успел. А ты собираешься?

– А куда я денусь? Сам не заметил, как почти женился.

– «Почти» не считается.

– В моем случае это уже свершившийся факт, пусть и без штампа.

Говорил Денис совершенно открыто, самому себето он признался, что с Аленкой это всерьез и надолго. Надолго – это до конца жизни.

– Ничего, ты тоже скоро женишься, – не удержался, подначил двойника. – Я же говорю: это наш мир так действует. Видишь: квартира, машина, как у меня, даже работа похожа. – Выстрел наобум, Денис не знал, где и кем официально работает двойник.

– Можно сказать: похожа. Замдиректора, в том числе и по вопросам безопасности. Женщины везде одинаковы. Придет время – женюсь. Как говаривал один герой Стивенсона: «От женитьбы, как от смерти, никуда не денешься», – отшутился прогрессор.

Он не хотел говорить, что не знает, сколько еще времени проведет в этом Мире. Даже если вдруг завтра встретит здесь свою единственную и неповторимую, то… А дальше что делать? Самому оставаться в этом гадюшнике до конца дней своих? Или молодую жену к себе домой увозить? Офицер ведь не выбирает, куда ему завтра ехать. Командиров много, им виднее. Могут и не разрешить забрать с собой аборигена.

Денис все понял без слов. Это только в детективах и плохих боевиках герой плюет на правила, уставы и законы, делает все, что захочет, взрывает и спасает мир, нарушает границы, а статисты ему только аплодируют. В жизни несколько иначе. В реальности все сложнее.

Под конец разговора Денис еще раз закинул удочку на предмет помощи со стороны прогрессоров, буде таковая потребуется. Ответили ему утвердительно. Поможем, мы всегда своим помогаем. Но в меру приличий, и чтоб не слишком нагло нарушать законы. Надо ли говорить, что повстанец задумался, когда его назвали своим. Легко делать долги, сложнее их отдавать. Что начальство двойника попросит взамен за поддержку? Вот тото и оно, думать надо. Молодой человек понимал, что в этом Мире нет места сразу двоим Денисам Панфиловым. Со временем им придется расставаться. Сделать это надо так, чтоб не оставить неоплаченных долгов и не стать пешкой в игре иномирян. Свой своего не выдаст и не подставит, а что будет, если двойника отзовут домой, а на его место придет другой человек? Нет, не стоит лезть головой в петлю, с самим собой работать можно, а с другими чужаками увольте.

Разумеется, Панфилов не стал рассказывать соратникам о встрече с гостем из параллельного мира. Не надо. Меньше говоришь – лучше спишь. О таких вещах вообще лучше не распространяться.

Неделю человека не беспокоили, жизнь шла своим чередом. На работе

внеочередной аврал, руководство вдруг озаботилось трудовой дисциплиной. Генеральный устроил начальникам служб и отделов очередную головомойку, требовал: ужесточить, укрепить, принять меры. Начальники молча проглотили очередное необычайно ценное указание. Всем было выдано указание серьезнее относиться к заполнению табелей, а на Дениса Владимировича еще нагрузили контроль за трудовой дисциплиной.

В итоге пару дней народ стоял на ушах, на работу ходили в галстуках, вахтер гонял желающих покурить в вестибюле и пытался записывать опаздывающих на работу. Дениса Панфилова один раз вызвали к генеральному, потребовали разработать мероприятия по введению пропускного режима. Разработали. Все давнымдавно было готово, еще с прошлогоднего бзика начальства. Постепенно шумиха сошла на нет, и все вернулось на круги своя.

С пропускным режимом генеральный тоже решил повременить, дескать, надо сначала перепланировку и реорганизацию сделать. Желательно выделить часть первого этажа для работы с клиентами, а остальных, вот точно, всенепременно только через вахту и бюро пропусков. На этом все и остановилось. Денис искренне надеялся, что до следующего года.

Работа работой, однако о жизни тоже надо думать. У Дениса из головы все не выходила история его двойника. Он не верил, что так может быть, и в то же время знал, что второй Денис ему не соврал. Уж Панфилов не тот человек, чтоб врать самому себе, пусть и двойнику. Обычному ругийцу трудно, почти невозможно поверить, что могло быть иначе, что у него могла быть другая судьба и у страны могла быть другая история.

По телевизору, на страницах газет и умных книг талдычили, что есть объективные законы развития, Советский Союз развалился, потому что он должен был распасться, он не мог конкурировать со странами демократии и свободного рынка. А если бы вдруг произошло такое несчастье и Союз не распался бы, то всем от этого было б только хуже. Здесь каждый изгалялся на свой лад. Кто вспоминал пустые полки магазинов, очереди, пулеметные ленты талонов буквально на все. При этом стыдливо умалчивалось, что проблемы дефицита начались именно при Михаиле Горбункове, Великом Перестройщике, который сейчас открыто заявляет, что он делал все, дабы развалить СССР.

Другие упирали на демографию, заявляли, что в случае сохранения СССР нас ожидало нашествие азиатов, поглощение славян южанами и превращение страны в классическую восточную деспотию. Эти, понятное

дело, называли себя правыми патриотами, чуть ли не националистами. Хотя какие они к чертям патриоты, какие они русские националисты, если молятся на генерала Власова, Гитлера и ненавидят все, созданное нашими отцами и дедами!

По большому счету, что правые власовцы, что левые либералы – одного поля ягода. Для них большинство из нас не люди, а совковое быдло. И самое смешное: если среди вторых трудно найти русского, то глядя на первых, язык не повернется назвать их русскими. Политика. Грязь. Нормальному человеку с этими индивидами не по пути. Нормальному человеку остается просто жить, растить детей и в меру своих сил и способностей помогать жить своему народу, своим единокровникам. Остальное не стоит выеденного яйца.

А ведь у соседей все иначе. Соседи умудрились проскочить подводные камни конца восьмидесятых. Страну сохранили, народ, не растворились и не прогнулись да еще соседям объяснили, что не стоит с русским медведем ссориться, оно чревато. Есть повод задуматься – они смогли, а мы чем хуже?

Позвонил двойник в начале февраля, просил о встрече. Пересеклись близнецы Панфиловы на улице. Денис неторопливым прогулочным шагом двигался по проспекту Мира в сторону улицы Космонавтов. Вскоре его догнал Дэн.

– Привет. Как дела?

– Нормально. У тебя как?

– Тоже хорошо. Как на фронте окультуривания диких аборигенов?

– Ноль! – хохотнул прогрессор. – А на кой ствол вас окультуривать?

– Действительно. Хлопотно нас к цивилизации приводить. Почитай цари и генсеки четыреста лет пытаются нас в лоно Европы ввести, а не получается.

– Почему не получается? Неплохо входим. Последний раз на танках въехали.

– Денис, я вот что хотел тебя попросить. – Двойник смущенно улыбнулся. – У тебя нет выходов на местное отделение Компартии?

– Зюгановцы? Нет, контактов нет.

– Жаль. По моим данным, приреченская ячейка во многом не сходится со своим руководством, есть у них люди, на которых можно положиться.

– Попробую поискать, но не обещаю.

– Специально не надо, но если что наклюнется, появится контакт – звони.

– Слушай, я понять не могу, какова ваша задача?

– В смысле? – переспросил прогрессор.

– Вы нашли дорогу в наш мир. Создаете разведсеть. Информацию собираете. Контакты налаживаете. А что дальше?

– Дальше? – гость задумался. – Знаешь, брат, скажу честно: я простой старший лейтенант, я не знаю планов командования. Я одно могу сказать: не для того мы пришли, чтоб смотреть, как вы вымираете по миллиону в год и раздаете свое будущее за красивые фантики.

– Спасибо, брат, вот это я и хотел услышать.

– Не за что.

Следующая встреча произошла ровно через неделю, на этот раз прогрессор попросил собрать досье на наименее коррумпированных чиновников. Вот здесь Денис ему помог. Честно говоря, у него уже был свой личный список порядочных людей нашего города. Это ведь кровно касалось его группы сопротивления – когда собираешь материал на отъявленных негодяев, волейневолей находишь и хороших людей.

Реорганизация

Если местный Денис сразу после встречи отправился домой, то Дэну пришлось ехать к Алексею Ковалько. Командир дважды напоминал, что докладываться о результатах надо сразу. Утром будет поздно. Намекнул, что за Порталом тоже ждут с нетерпением, время суток для них значения не имеет.

Ковальчук долго расспрашивал Дэна о прошедшей встрече с местным Панфиловым. Выпытывал мельчайшие подробности разговора, заставлял вспоминать оттенки голоса, интонации, тончайшие нюансы поведения, жесты. Еще и еще раз задавал одни и те же вопросы, требовал разложить все по полочкам. Допрос с пристрастием. Наконец, комитетчик собрал в стопку листы со стенограммами, сложил в папку и убрал в портфель.

– Самто что думаешь?

– Страшновато было. – Дэн пожал плечами. – Я до последнего момента опасался, что он взорвется или растает в воздухе. Знаешь, как в кино.

– В кино!!! Агага! – Ковальчук наклонился вперед, прижал руки к животу.

– Взорвется! Ох, шутник! – смеялся он долго, уперся лбом в стол и хохотал с легким повизгиванием. – Ну, ты даешь! В кино!

Наконец комитетчик успокоился. Медленно поднялся на ноги, растер ладонями покрасневшее лицо. Дэн глядел на эту сцену и не мог понять, что это накатило на обычно спокойного, выдержанного Ковальчука. Что здесь смешного? Алексей и так вытащил из него больше, чем мог, хоть и меньше, чем хотел. Неужели простое проявление человеческих чувств показалось старлею КГБ дикостью, чушью несусветной?

– Извини, – выдавил из себя Ковальчук.

Вытащил из пачки сигарету. Зажег. Глубоко затянулся. Выдохнул в потолок струю дыма.

– Извини, Денис, не сдержался. Тебе было страшно, а мне еще страшнее. Вдруг бы он испугался, полез в драку?

– Откуда? Спокойно поговорили. И знаешь, мне кажется, я думаю, он не удивился, когда я к нему подошел.

– Нервы крепкие. Почти как у тебя. Сильный человек.

– Мы будем с ним работать?

– Будем. Через неделю встретишься и забросишь пробный камешек.

Постепенно будем вовлекать в работу.

Планы планами, а начальство как бог – все норовит внести свои корректировки. В феврале, ближе к 23му, пришел приказ срочно собираться и ехать в Петербург. Распоряжение с самого верха. Лететь через Москву. Там на два дня остановиться в «Измайловской». В гостинице Дэна найдет Зеленый. Обычная «случайная» встреча старых знакомых. Евгений Савельевич и передаст дальнейшие указания. А потом в Питер. Поездку рассчитывать минимум на две недели.

Выслушав Ковальчука, Панфилов только хмыкнул. Надо так надо. Начальству виднее. С легендой для командировки проблем нет. Деловая поездка к питерским поставщикам, заодно полуофициальный отдых решившего немного расслабиться бизнесмена. Дэн не сомневался, что отпуск будет только официальным, для галочки, прикрытия ради, отдохнуть ему не дадут. Хорошо, если получится вырвать вечер, прошвырнуться по Невскому, заглянуть в пару музеев, посидеть в одном хорошем тихом ресторанчике на Владимирской.

– Я сам не знаю, что тебе готовят, не удивлюсь, если отправят на Большую землю, – немного помолчав, добавил Алексей и пояснил: – Под Питером работает еще один портал.

– Не знал.

– Тебе и не положено было знать.

– Что делать с братом?

– Ничего. Контакт с ним только у тебя. Подожди, встречаешься завтра?

– Да, он обещал передать материалы на кавказские группировки.

– Скажи, что едешь в Петербург. Если вдруг попросит что передать, ты не отказывайся.

– Думаешь?

– Да, ты сам говорил, что он тебя прощупывает. Есть у меня одно подозрение. А, ладно, забудь. – Лицо Ковальчука исказила гримаса. – Между делом проговорись о поездке и не отказывайся от попутного поручения.

– Есть, товарищ старший лейтенант госбезопасности!

– Опять ты.

– Давай, колись. – Дэн чувствовал, что коллега чтото недоговаривает.

– Забудь. И не называй меня по званию.

Москва встретила Панфилова мелким мокрым снегом, сыростью и противным пронизывающим ветром. Полиция и охрана в аэропорту нервные, косятся на пассажиров, шныряют по залам. Прямо при Денисе трое полицаев задержали показавшегося им подозрительным гражданина

восточной внешности. Везде развешана наглядная агитация на тему бдительности и правила поведения при теракте или захвате заложников. Последствия недавних взрывов.

С точки зрения Дэна, непрофессионализм в чистом виде или демонстрация активности для отчетности, что в принципе одно и то же. Смешно смотреть со стороны на эту суету лиц при исполнении. Как будто террористы такие дураки, что полезут закладывать бомбы в том же здании, что и первый раз! Хотя… Было бы забавно пошутить над охраной и местным контртеррористическим управлением.

Денис Панфилов слышал, что в Прикеченске после очередной массовой истерии и ужесточения мер после очередных взрывов один журналист в один прекрасный день «заминировал» пакетами с туалетной бумагой вокзал, пару супермаркетов, почту, подземный переход, автобус, железнодорожные пути и даже местное УВД. И что характерно, именно в полиции «мину» и не обнаружили. Да и другие закладки продержались от получаса до тех пор, пока журналист сам их не забрал. Бдительность граждан невысока, бдительность сотрудников органов еще ниже.

История произошла еще во времена второй чеченской, но с тех пор мало что изменилось, только видеокамеры добавились, но на каждую камеру есть своя хитрость. Ничто не мешает «забыть» чемодан в укромном уголке или прямо посреди зала ожидания, под стойкой билетной кассы, у терминала и успеть неторопливо, не привлекая к себе внимания, дойти до станции аэроэкспресса. А уж о смертнике с взрывчаткой под курткой и говорить нечего! Хотя на смертника Денис не стал бы рассчитывать, шахида выдадут глаза, походка, неестественное поведение. Именно на этот случай и пригодятся усиленные, соответствующим образом накрученные наряды.

До города Дэн добирался, как и большинство приезжих, аэроэкспрессом, прямиком до Павелецкого вокзала. Дальше в метро и до Измайлово. Подкармливать обнаглевших сверх меры московских таксистов прогрессор не собирался. По его разумению, люди, задирающие до небес тарифы при каждом транспортном коллапсе, беззастенчиво наживающиеся на несчастье ближних, вообще недостойны существования на этой земле. И садиться к ним в машину, платить им деньги?! Нет уж, совесть не позволяет.

В гостинице Дэна должен был найти Зеленый. Определенного места и времени встречи нет. Как куратор выяснит, что агент на месте и ждет, и это в здоровенном гостиничном комплексе, Дэн не знал. Знаменитые 33 утюга на подоконнике? Буденовка, парашют за спиной и пароль: «Слоны идут на

север»? Пожалуй, именно в Москве это бы сработало. Здесь никто ничему не удивляется, люди стараются не смотреть друг на друга, каждый спешит по своим делам.

Расположившись в номере – стандартный двухместный с доплатой на одного человека, – Панфилов первым делом залез под душ, переоделся и отправился в ресторан. Неистребимая солдатская привычка – первым делом искать кухню и набивать живот при каждой возможности, особенно в дороге. Не знаешь ведь, когда в следующий раз сможешь прилично пообедать.

Первый вопрос – что дальше делать? Вечный гамлетовский вопрос. Пойти гулять по городу? Погода мерзопакостная. Да и не хотелось тратить время на эту Москву. Слишком большой, слишком шумный и слишком безликий город. Другой мог бы не согласиться, но Дэну Москва Мира01 казалась пресной, безвкусной, неинтересной, слишком пафосной и одновременно обезличенной, большой муравейник, одним словом, населенный одинаковыми, вечно занятыми, похожими друг на друга, как атомы, горожанами.

Сидеть в номере перед телевизором тоже не хотелось. Дэн терпеть не мог местные телепрограммы. Тупые телесериалы для безмозглых куриц, дурацкие телешоу для имбецилов, «познавательные» программы для тех, кого родители не пускали в школу. Наглая навязчивая реклама через каждые четверть часа. В лучшем случае можно было поймать относительно приличную американскую передачу научнопознавательной направленности. Вот это еще можно смотреть, на общем фоне они выглядели очень даже прилично.

Кроме этого смотреть можно было только новости, да и то у местных ведущих отвратительная привычка показывать события только в одном ракурсе и навязывать зрителям свою точку зрения. Старый операторский фокус: выбрать ракурс так, чтоб тусовка из ста человек выглядела многотысячной толпой, или показать массовый митинг так, чтоб казалось, что это несколько собравшихся по непонятному поводу индивидов дегенеративного вида. План, дистанция, ракурс и никакого мошенничества. Знаем, плавали, нам перед заброской рассказывали о таких штучках.

Однако проблема лишнего времени решилась сама собой. По пути к лифту Денису встретился старый знакомый. Да тот самый пермский приятель, Евгений Савельевич который. Совершенно случайная встреча земляков. Поздоровались, с радостными улыбками до ушей похлопали друг друга по плечу. Стандартные, ничего не значащие и нестоящие расспросы. И естественно, Евгений Савельевич потащил своего земляка обратно в

ресторан.

– Через три часа на станции «Спортивная», – шепнул Зеленый, ухватив за локоть упирающегося приличия ради Дэна.

Все. Остальное только для проформы. Отбившись от приятеля, Дэн поднялся в свой номер. Пора собираться на прогулку. Ровно через три часа он вышел из поезда на «Спортивной». Немного потоптаться на платформе и запрыгнуть в вагон вслед за прошедшим мимо Зеленым. Разговаривали в поезде.

В Питере Панфилову дается три дня на переговоры с поставщиками, изучение местных достопримечательностей, приключения и прочие мероприятия по поддержанию легенды. Затем утром 26го числа в районе Черной речки встреча со связником. Время, место, предосторожности на случай непредвиденных обстоятельств. Связником будет ефрейтор Боровик, по местному паспорту Евгений Рябушкин. Так что должны друг друга узнать.

Женя проводит Дэна к порталу. Потом дней десять дома, в питерском филиале института. Зачем вызывают – Зеленый не сказал. Ответил только, что сам не знает. Приказ пришел с самого верха. Нет, не насовсем.

– Да не беспокойся, проведут ликбез, снимут отчеты и забросят обратно. Раз попал к нашим параллельным, так это надолго.

– Я и не напрашиваюсь, – проворчал Панфилов в ответ.

В Петербурге все прошло без сучка и задоринки. С делами Дэн разобрался за пару дней. Отдохнул маленько, погулял по городу, даже познакомился с семейной парой из Австрии. Подсказал заблудившимся туристам дорогу, проводил немного, так слово за слово и разговорились, обменялись телефонами и электронными адресами. Пусть будет контакт, пригодится на крайний случай.

Ровно в назначенное время, в назначенном месте Панфилова встретил Евгений. Прошлись по улице, сели в машину и покатили за город. Карельский перешеек, тихое местечко недалеко от известного дачного поселка. Сверкающий свежей краской, новой крышей и окнами старый особнячок. Массивные ворота. Женя остановил машину перед воротами и открыл окно. Дэн огляделся по сторонам. Хорошо устроились. Забор как на Рублевке, метра три высотой. В столб у ворот врезана видеокамера. А вон и еще одна, на заборе. Охрана пару минут изучала гостей, затем ворота пошли вверх. Добро получено.

Денис надеялся, что дома ему дадут хоть пару дней, хоть сутки побыть на свободе с самим собой наедине, хоть к друзьям в гости скататься, была у него пара приятелей в нашем Питере. Не тутто было. Первым делом на

прогрессора навалилась целая бригада специалистов Комитета. Вежливо, культурно, но допросили по полной, вытянули все подчистую. У Дениса Панфилова даже появилась мысль, что его в чемто обвиняют. Нет. Перед ним извинились и объяснили, что это стандартная процедура. Несмотря на то, что мы почти год работаем с Миром01, информации слишком мало. Умникам из профильных институтов надо больше.

После коллег Панфилова передали в руки врачей. Этих интересовало не столько физическое здоровье человека, сколько его психическое состояние. И как можно было понять из опросов и как бы случайных, почти незаметных проверок, вопрос касался такой зыбкой вещи, как мораль, этические императивы, изменения человеческой личности под действием общества из эпохи дикого капитализма.

Попутно мозгоправы пытались установить: как на старшего лейтенанта Панфилова повлияла встреча с его двойником. Уже потом, из разговора с куратором Дэн выяснил, что одновременно проводились три эксперимента по программе «Дубликатор», и только в случае Денисов Панфиловых акция прошла успешно. У других прогрессоров чтото пошло не так. Что именно – выяснить не удалось. Наконец куратор грубо оборвал подопечного, заявив, что он и так сказал много лишнего.

На четвертый день, когда Дэн уже не чаял вырваться из лап врачей живым и здоровым, его выпустили из карантинного корпуса. Недалеко. Легковушка с затемненными стеклами отвезла Панфилова в Институт волновой механики, в новый район Петербурга. Машину встретили двое товарищей в штатском. Денису даже не дали оглядеться по сторонам. Сопроводили до кабинета на третьем этаже и вежливо попрощались. Короткие, стандартные фразы, дежурные улыбки и холодный блеск глаз профессионалов.

– Здравствуйте. Проходите, товарищ Панфилов. Присаживайтесь. – Навстречу посетителю изза массивного стола поднялся генерал Шнитке.

– Здравия желаю, товарищ генерал госбезопасности!

– Вольно, старлей. Без церемоний.

Многообещающее начало. Денис по своему опыту знал, что такое вступление не предвещает ничего хорошего. Не успел Панфилов расположиться напротив генерала, как за спиной открылась дверь и в кабинет вошли еще трое товарищей. Двоих Дэн узнал. Первый – Владимир Строгов, бывший председатель КГБ, бывший министр внутренних дел. Вроде на пенсии. Следом за ним зашел невысокий кругловатый лысеющий пожилой человек, не узнать его было невозможно – Павел Шумилов собственной персоной. А вот третий, смугловатый мужчина средних лет

ярко выраженной кавказской внешности, был совершенно незнаком.

– Артем Гуларян. – Кавказец первым протянул руку.

– Денис Панфилов, очень приятно.

– Доктор Гуларян, – поправил Эрвин Шнитке.

– Пожалуй, начнем, товарищи. – Шумилов с извиняющейся улыбкой кивнул Денису.

Тот чувствовал себя не в своей тарелке. Слишком много знаменитостей, больших чинов говорит только о том, что бедного старлея собираются послать в ад да еще обставить это как просьбу, так, чтобы человек сам вызвался добровольцем.

– Денис Владимирович, понимаю, вы удивлены, – начал Строгов.

– Дело в том, что вы лучше всего подходите для намечающейся операции.

– Мы готовим переворот?

– Не совсем. Артем Михайлович, начинайте.

– Только давайте кратко, введите товарища в курс дела, – добавил Павел Шумилов.

– Попробую. – Гуларян поднял глаза к потолку и поскреб пятерней подбородок. – Если вкратце, то после долгих споров вокруг положения наших соседей, почти через год после открытия Мира01 нам наконецто удалось выработать концепцию нашей работы с параллельными.

– То есть мы работали без плана? – съязвил Панфилов. Обилие звезд на погонах уже не производило на него того впечатления, что произвело бы полгода назад. Жизнь на гражданке, работа простым бизнесменом, пусть и заодно полевым агентом, откладывает свой отпечаток.

– Почему? План был, – прогудел Шнитке, – мы вели разведку, собирали материалы, развивали агентурные сети, опорные узлы.

– Определенный успех у нас есть, – добавил Строгов, – ни одного серьезного прокола, завербованы агенты влияния, есть контакт с региональными политиками умеренно патриотической позиции. Выявлены готовые с нами сотрудничать инициативники. Успешно прошла операция «Дубликатор».

– «Дубликатор», – повторил Гуларян, – это главное.

– Речь обо мне?

– В том числе. Дело в том, что както исправить положение соседей, не нарушив принцип незаметного вмешательства, можно, только поспособствовав приходу к власти наиболее подходящего человека. Я понятно выражаюсь?

– Понятно. Нам нужен второй Сталин, – кивнул Владимир Строгов.

– Нет. Время Сталина давно прошло. Это был один из лучших вариантов для первой половины прошлого века в стране, пережившей разруху Гражданской войны, переходящей на социалистические рельсы и с огромным, пусть и неразработанным потенциалом. Сейчас Сталин им не поможет.

– Положение соседней РоссииРугии, как у Веймарской Германии, – заметил Шумилов. – Полагаете, им нужен Гитлер?

– Тоже нет. Не время для Гитлеров. Или слишком поздно, или слишком рано.

– Рано? – Дэн изумленно приподнял правую бровь.

– Да, рано. Если мы успешно проскочили опасный поворот, то у соседей неминуем поворот к националсоциализму.

– В Ругии?

– В том числе. По большому счету в Северной Америке и большой Европе. Реально у них уже есть государства, в которых давно установился классический нацизм. Пусть и под другим названием. Достаточно влиятельные государства, и некоторые из них официально проводят антифашистскую политику.

– Так плохо?! – Шумилов провел ладонью по лбу.

– Это еще не самый худший вариант. У них есть куда падать, нацизм – это, повторяю, не самый худший вариант. Это не самое дно.

Дэн молча наблюдал за спором. Его мнения пока никто не спрашивал. Сам он думал, что дело не в названии, дело в сути. Большие люди с увлечением спорят о политике, ученые предлагают всевозможные варианты, сильные мира сего играют в солдатики на геополитической карте и иногда сожалеют, что у них не тот глобус. И все это ерунда. Политические игры, «незаметное вмешательство», тихое подталкивание ничего не решит.

Помочь соседям может только полноценное вторжение Советской армии. Открыть сотню порталов, ввести пятьшесть дивизий, взять в свои руки контроль над страной. Вот тогда можно играть. В противном случае у нас не хватит сил реанимировать смертельно больного гиганта. Соседняя Ругия так и останется вечно вторым, не субъектом, а объектом политики.

– Лучше всего будет привести к власти русского Рузвельта, – предложил Шнитке.

– Согласен, Эрвин Теодорович, – кивнул Шумилов, – нужен человек уровня Франклина Делано Рузвельта, Большой Игрок, специалист по лавированию против ветра, яхтсмен, конструктор собственного мира под нужды своей страны.

– Об этом и речь. Я это и хотел сказать.

– Так говорите, Артем Михайлович! Не тяните кота за хвост.

– Мы не можем выбрать действующего политика, нет подходящих кандидатур. Нам придется выращивать своего Президента.

– Сколько времени потребуется?

– Пять лет минимум.

– Много.

– Очень мало, Павел Николаевич. Мы должны успеть за 7–8 лет перехватить власть, поставить, выдвинуть подходящего человека и сменить курс. Иначе мы опоздаем. И самый лучший кандидат на пост будущего Вождя Нации – это Панфилов Денис Владимирович.

– Я?! – Дэн догадывался, что разговор окончится большой гадостью, но не до такой же степени! Нет, мы так не договаривались! Только затем пришло понимание: – Или?

– Или, товарищ старший лейтенант, – кивнул генерал Шнитке, – самый лучший кандидат – это ваш двойник.

– Провинциальный управленец среднего звена, наймит мирового капитала, без связей в верхах, без партии, сподвижников, денег и что там еще нужно?

– Ничего, – эта фраза Строгова расставила все точки над i. Командиры уже знали, о чем пойдет речь, иначе и быть не могло. О политике они спорили, перебирали варианты, тонко намекнули на «коричневую угрозу» только ради Панфилова, чтоб старлей проникся и осознал.

– Почему именно он? – не сдавался старлей Панфилов. Предложение ему не нравилось. Нет, Денис был очень даже не против, чтоб его двойник стал влиятельным уважаемым человеком. Пусть растет. Хорошо, если реально принесет пользу своей родине. Служить стране и народу всяко лучше, чем пахать на дядюмиллионера.

– Из нескольких тысяч кандидатур Денис Панфилов оказался лучшим, – кивнул Гуларян, – высокий интеллект, воля, лидер, порядочность, работоспособность и ответственность. На наш выбор повлияли не только его, но и ваши моральные качества.

– Да, Артем Михайлович прав, – вмешался Шнитке, – старший лейтенант Панфилов уже показал себя цельным, настоящим человеком. Вы боец и вы защитник. У нас нет сомнений, что ваш двойник ни в чем вам не уступает, такие вещи еще в детстве закладываются. Помните Чертов Ручей? Сколько километров вы тащили на себе тяжелораненого ефрейтора?

– Было дело. – Старая история двухгодичной давности. Патрульная группа, три человека попали в засаду браконьеров. Водитель погиб сразу.

Машина сгорела. Лейтенант Панфилов и ефрейтор Западнов отбились от бандитов, подавили засаду, но ефрейтор получил три пули. Из них две в грудь.

Машины нет. Рации разбиты. На руках один «двухсотый» и один «трехсотый». Что делать? Пришлось похоронить младшего сержанта Емельянова и тащить на себе ефрейтора Западнова. Примерно через сорок километров на второй день ребят нашла вертушка. Вовремя. Врачи говорили, что если бы еще день, то Западнова бы не спасли. Впрочем, награда за ту историю до Дэна так и не дошла. Зажилили в штабах.

– Высокий потенциал выживания, – продолжил Гуларян. – Вы удивитесь, но этот критерий один из важнейших. Да, мы учитываем такую эфемерную и не поддающуюся количественной оценке штуку, как удачливость.

– А можно русским языком?

– Счастливчик вы. – Артем Михайлович не обиделся. – Всегда избегаете крупных неприятностей. Даже за время работы у соседей ни одной серьезной проблемы, даже с местными бандитами не пересеклись.

– Пересекался.

– Да, я читал отчет. Быстро разрулили ситуацию, остались при своих, показали, что с вами лучше не связываться.

– Я не лез в политику, я простой советский офицер, а не комитетчик, – последняя попытка отказаться от игры.

– Нам такой человек и нужен, – улыбнулся Шумилов. – Ничего, справитесь. За вашей спиной вся мощь КГБ, все ресурсы Советского Союза, с вами будут работать сотни наших специалистов. У вас в руках картбланш.

– Товарищи помогут, – поддержал коллегу Эрвин Шнитке. – Подчиняться будете только мне. Отчитываться только передо мной. Вопрос связи проработаем. Главное, самое важное, вырастить Президента и уберечь его от встречного удара.

– Противодействие системы, – пояснил доселе молчавший Владимир Строгов, – она работает как живой организм и инстинктивно парирует любую угрозу своей шкуре.

– Вот поэтому мы и выбирали удачливого человека, умеющего выживать и вовремя уходить от опасности, – добавил Гуларян.

Производственная необходимость

После разговора с Панфиловым Павел Николаевич подошел к двери и дернул ручку.

– Нет там никого, – тихим усталым голосом протянул Строгов, – парня увели в чистилище к нашим политологам.

– Я чувствую себя грязной свиньей, – признался Шнитке. – Этот был третий.

– Всего пять кураторов, – вздохнул Шумилов. – Я понимаю, что надо. Каждый должен думать, что он единственный, тогда у нас будет шанс. Тяжело с ними разговаривать. Не люблю врать в лицо.

– Еще двое. Сабурова привезут через час. Кто будет раскрывать карты от ученых?

– По очереди. Минаев уже готовится. Потом опять очередь Артема Михайловича. – Шумилов тяжело плюхнулся в кресло и подпер голову кулаком.

– Система, – злобно ощерился Владимир Строгов, – она будет убивать. Она обороняется. Я уже вижу сопротивление Системы. Из пяти кандидатов четверо погибнут в случайных разборках, будут вынуждены бежать за границу, их смешают с дерьмом и дискредитируют, они могут надолго приземлиться на нарах.

– А если пройдут двое или четверо?

– Эрвин Теодорович, мы все сто раз обговорили. Выберем наиболее подходящего, а остальных уберем в резерв.

– Двое очень амбициозны, их разрабатывают втемную, – напомнил Шнитке. – Эти люди не согласятся уйти на вторые роли.

– Рычаги и финансирование у кураторов. Надавим, не впервой.

– Пока время есть, пойду курну. – Строгов демонстративно распечатал новую пачку «Кэмела».

– Кури здесь, – предложил Шнитке, подтолкнув к товарищу пепельницу.

– А остальные?

– Курите, – разрешил Павел Николаевич.

Тяжело принимать такие решения, но приходится. Советские граждане уже не могут бросить жителей Мира01 на произвол судьбы. Отказ в первую очередь ударит по СССР. Нельзя бросать своих. Просто нельзя, и все тут. Шумилов это понимал, именно он настоял на дублировании кандидатов, но

понимать и знать – это одно, а принимать – совсем другое. Сложно врать рядовым, посылая их на невыполнимое задание.

– Нельзя было иначе, – выдохнул Шнитке, похоже, генерал уговаривал самого себя. – Люди должны знать, что они ведут единственного кандидата, единственный шанс на спасение. Это первая и последняя попытка взять власть. Тогда они выложатся на все сто.

– Мы это уже обговаривали, Эрвин Теодорович. – Строгов положил руку на плечо генерала.

– Меня один раз уже предали. Мою страну предали и сдали. Моих камрадов судили как преступников. – Лицо генерала исказила горькая усмешка. – Я не могу проиграть на этой войне.

– Война?

– Это моя личная война, товарищ Шумилов, – получилось слишком официально, но все присутствующие поняли генерала.

Собиравшийся покинуть кабинет Артем Гуларян остановился у двери.

– Я проиграл в ГДР, но я должен отомстить, должен вернуть долг врагам моей страны. Как говорят русские, сочтемся.

– Мы все деремся с одним врагом, – напомнил Строгов.

Наблюдая за старыми товарищами, Шумилов вспомнил, что именно Владимир Строгов с самого начала выдвигал идею выращивания у соседей новой политической элиты, отбора нужных людей. Генерал Шнитке и помыслить не мог, что мы можем отступить, оставить соседей один на один со своими проблемами. Немец из ГДР исповедовал рыцарский принцип: «Защищать и оберегать». Да, Эрвину в свое время пришлось нелегко, он один мог сказать, что понимает соседей, людей, на чьих глазах рушилась их страна, кого объявили безрукими совками и обвинили в преступлениях, которые они не совершали. Всех скопом.

Грустно. Умеренная фракция во главе с Шумиловым проиграла. Он был вынужден шаг за шагом сдавать свои позиции, отступая под градом железобетонных аргументов товарищей. В конце концов пришлось признать, что без активного вмешательства не обойтись, надо лезть в драку и помогать соседям. Этическая сторона вопроса отодвинута в сторону. Не до угрызений совести и интеллигентских размусоливаний о свободе выбора, когда на кону стоят жизни десятков миллионов человек.

Уже поздно вечером, когда все пятеро кураторов получили задачу и уверились в своей исключительности, Павел Шумилов собрал последнее совещание за этот день. Руководство проекта. Люди, владеющие всей информацией, люди, принимающие решения и имеющие право распоряжаться жизнями миллионов. С недавних пор эта фраза перестала

быть пафосной. «Глубокий океан» перешел в активную фазу. На кону стояли судьбы цивилизаций.

– Начнем, у меня только один вопрос. – Товарищ Шумилов обвел взглядом присутствующих. – Где мы ошиблись?

– Павел Николаевич?

– У нас еще есть время выявить и исправить наши ошибки. Неизбежные ошибки планирования. Я хочу знать, где мы ошиблись.

– Слишком мало или слишком много кандидатов, – предположил Вячеслав Трубачев.

– Столько, сколько смогли найти и взять на контроль, – парировал Эрвин Шнитке, – будущие президенты не растут в теплице.

– Резистентность Системы определяется только опытным путем, – поддержал коллегу Владимир Строгов, – мы не можем рассчитать минимальное допустимое воздействие, не можем сказать, где тот порог, за которым Голем обратит на нас внимание.

– Идея не лишена смысла. Красивое не может не быть жизнеспособным, – это уже вступает в разговор Анютин.

– Ошибка в неправильной мотивации кандидатов.

– Поясните, Вячеслав Иванович.

– Мы делали упор на патриотизм. Это правильно, это грамотное решение. Оно будет работать на первом этапе, пока кандидат не наберет вес и не поймет, что может идти дальше уже без нас. Потом начнутся проблемы. Ведь что для него на первом месте, мы или свои?

– Это не проблемы, – улыбнулся Шумилов.

– Потеря контроля не проблема?

– Павел Николаевич прав! – громыхнул Эрвин Шнитке. – Пусть делают дело, а под нашим контролем и без, неважно. Мы этого добиваемся?

– Старею, – покачал головой Строгов.

– У нас пять кандидатов. Пять попыток сломать Систему. Пять вариантов выращивания Президента, – продолжил генерал Шнитке, – будем работать. Много – это тоже плохо. Пять человек достаточно.

– Напоминает бега, – заметил Сергей Костачев. Сидел он в конце стола, спрятавшись за Владимиром Никитиным, всем своим видом выражая снисходительное отношение к происходящему, дескать, пусть генералы играются, последнее слово все равно остается за финансистами.

– Гонка, – согласился Шумилов. – Больше пяти кандидатов не нужно, они будут мешать друг другу. Я вначале хотел ограничиться тремя вариантами.

– Три мало, я рассчитываю, что минимум двое сойдут с дистанции в первый же год.

– Каковы затраты? – Костачев опять напомнил о себе.

– Не беспокойтесь, на первом этапе нам надо три миллиарда рублей. Большей частью на нашу структуру в нашем мире. – Шнитке отмахнулся от финансиста, как от назойливого комара. – Прогрессоры переходят на самообеспечение.

– Коммерческие структуры?

– В том числе, – отозвался Строгов. – Нам надо объяснять местным, откуда деньги. Лучше всего их зарабатывать под официальными крышами.

– Деньги или местных?

– И то и другое, – хохотнул Шнитке. Генерал сегодня был в ударе.

Глядя на комитетчика, Шумилов хитровато щурился. Быстро Эрвин Теодорович забыл, как плакался о своей судьбинушке. Успел придушить муки совести. Видать, захватил его азарт. Старый волк почуял кровь. Ничего, и это пройдет.

– Повторяю вопрос: где мы ошиблись?

– Не знаю, Павел Николаевич, ошибок, промахов я пока не вижу, – покачал головой Вячеслав Трубачев, – мы добротно, тщательно разработали план, рассчитали операцию, учли все известные нам местные нюансы.

– Противодействие Системы. – Владимир Никитин наклонился вперед и уставился на Шнитке тяжелым взглядом изпод бровей. – Вы слишком оптимистично смотрите на бюрократическую машину соседей. Я вижу, что из пяти вариантов карьеры кандидатов два ошибочны.

– Экологи? – бросил Эрвин Теодорович. – Будут работать с антиглобалистами.

– Нет, не экологи. – На губах директора Института региональных исследований играла плотоядная улыбка. – У этих шанс высок. Я говорю о проправительственном движении и попытке сыграть на православном поле.

– Социальный лифт в припартийных движениях работает. Православие набирает популярность, Церковь сильна, как никогда. При нашей поддержке, при давлении на ключевые фигуры, жестком выключении противников все триггеры сработают как надо. Именно у этих кандидатов максимальные шансы. Они имеют преимущество.

– Система чувствует инородные тела. Это человека можно обмануть на уровне разума. Система не думает, система чувствует. Она не пустит наших кандидатов выше безопасного уровня.

– Вот это мы и проверим, – кивнул Строгов.

Владимиру Петровичу передался энтузиазм Эрвина Шнитке. Павел Шумилов молча слушал товарищей. Для себя он решил, что не стоит надеяться только на один вариант. Уже сейчас надо искать обходные пути, создавать резервные цепи. Ставку товарищ Шумилов делал на Белоруссию и Германию.

Неожиданно в голове мелькнула мысль: а что, если отправить к соседям самого генерала Шнитке? Человек он энергичный, пробивной, мозгами не обделен. К цели прет с непосредственностью и неукротимостью тяжелого бульдозера. Пожалуй, если Эрвину предложить работу в Германии, он согласится. Генерал с радостью ухватится за шанс самому, своими руками навести порядок на своей родине. Кто там в «ноль первом» канцлер Германии? Кажется, Меркель.

Павел Николаевич представил себе на месте немецкого канцлера Эрвина Шнитке и не смог сдержать смешок – это будет фокус. Эрвин за пятилетку построит у них социализм да еще попутно перекроит границы. С него станется, минимум будет возврат к картам 39го года. А если учесть, что политика Польши за последние сто лет практически не менялась, то неудивительно, если Шнитке на 39м годе не остановится. Восточная граница у него будет как в 40м году. И весь Евросоюз подгребет под себя. Задача реалистичная. Достаточно одного центра кристаллизации, и Европа из аморфного киселя превратится в единый, прочный союз со столицей в Берлине.

Товарищи между тем с жаром спорили о перспективах кандидатов. Обсуждали преимущества той или иной концепции. Мелко все. Пожалуй, только Никитин понимал, что не так все просто, как кажется. Да еще Шумилов помнил, с каким трудом приходилось ломать и перекраивать нашего собственного бюрократического Голема, и это еще обладая всеми рычагами власти, которыми так удобно бить Систему по голове или что там у нее имеется. Нашим ребятам придется гораздо хуже.

Совещание так ни к чему и не привело. Ошибку не нашли. В течение недели кураторы вернулись в Мир01 и отправились брать за шкирку своих подопечных, объяснять бедолагам, какое невиданное счастье на тех свалилось. Структуру разведсети легко перезамкнули на новые задачи и новое руководство. Операцией командовал Эрвин Шнитке. Сергей Анютин ограничился научной работой и сбором технической информации.

Как это дико ни звучало, но параллельные отнюдь не во всем уступали нашему миру. Природа не терпит пустоты. Научная мысль не стоит на месте, даже если ее намеренно тормозить. Если цивилизация отстает в одном, то она неизбежно придет к прорыву совсем в другом направлении.

У соседей было чему поучиться. Из имеющихся технологий они выжимали максимум, доводили разработки до идеала. Например, обычные космические системы навигации и позиционирования приспособили к управлению транспортными потоками, создали недорогие комплексы контроля за грузоперевозками.

Считавшиеся у нас тупиковыми двухъядерные процессоры соседи наладили, вылизали и продавали огромными партиями. То же самое касалось и пищевой промышленности. С одной стороны, засилье химических компонентов, ароматизаторов, добавок, усилителей вкуса, а с другой – налаженные технологии массового производства недорогих продуктов питания длительного хранения. При должном подходе это все можно копировать, подгонять под наши ГОСТы и использовать. Разве плох хлеб, который хранится неделями? Да, химии много, на вкус не такой, как свежий, но если свежий хлеб привозят раз в месяц, то жители отдаленного форпоста и такому будут рады.

Недавно Сергей Анютин жаловался Шумилову, что у нас перегиб с выпуском товаров длительного пользования. Да, все делаем надежно, добротно, так, чтоб сто лет служило, но ведь дорого выходит. С одной стороны, это последствия Пандемии, в буквальном смысле слова закопавшей дешевые трудовые ресурсы, но с другой стороны – ошибка планирования и издержки рынка. В результате идет перекос. Искусственно расширяется вторичный рынок бывших в употреблении товаров. Они, как правило, гораздо дешевле заводских.

У соседей все наоборот – засилье дешевой, одноразовой продукции. Хороший, надежный, добротный товар днем с огнем не сыщешь. Только малые серии, чуть ли не ручная сборка и баснословно дорого. У них тоже рынок вызвал дисбаланс структуры потребления. На этот раз именно благодаря переизбытку дешевой рабсилы и жадности корпораций. И то и другое плохо. Надо искать средний вариант. Дешевые технологии тоже нужны. Не стоит списывать их на свалку истории.

Хорошо еще то, что секреты производства недорогого массового ширпотреба доступны, украсть их легко. Риск для агентов минимален, чего не сказать о заинтересовавших наше министерство обороны перспективных американских крылатых ракетах. Из параллельных США, естественно. Выкрасть образец или документацию и переправить в безопасное место можно, только обладая хорошей базой и прикрытием со стороны независимого местного государства. Пока для прогрессоров это недостижимая мечта.

Время идет. Работа работой, а о жизни тоже не следует забывать.

«Глубокий океан» – это только одна и не самая значимая проблема, над которой работает страна. Без лишней помпы 4 февраля стартовала Марсианская экспедиция. Пройдет несколько месяцев, и на Красную планету ступит нога человека. Космическое управление строит новую лунную базу. Американцы неожиданно запустили свою лунную программу. Вторую по большому счету. Спешат застолбить кусочек Луны.

Андрей Краснов готовит нашим женщинам подарок к 8 Марта. Информация считается секретной, но Шумилова по старой дружбе просветили – будет очередное постановление о новых льготах многодетным семьям, заодно повышается лимит пособия для молодых мам. Страна может себе это позволить. Нет, не так – страна обязана заботиться о своем будущем. У нас и так слишком низкая рождаемость, всего 2,7 ребенка на одну женщину. Надо больше. У нас слишком много земли, и мы не так богаты, чтоб не думать о своем будущем.

А вот у военных горе, Совмин зарубил планы по перевооружению. Экономисты посчитали, что слишком жирно будет переходить на аэрокосмические истребители шестого поколения, когда наши «Су35» еще не выработали ресурс. Все равно наша армия сильнее американской, а с учетом европейских союзников бояться нам нечего. Нет, перевооружение подождет. Вот когда конкуренты начнут строить самолеты на уровне наших, тогда и подумаем о новой технике, а пока рано.

Флот тоже подождет. Только плановая замена устаревших кораблей. А вот сухопутные силы понемногу будем перевооружать. Программа модернизации старых танков и артиллерийских систем идет полным ходом. Новую стрелковку на вооружение принимаем. Сейчас пока оснащаем кадровые дивизии быстрого реагирования. Через два года начнем полное перевооружение Африканской бригады и Маньчжурского корпуса.

Жизнь идет. В работе над «Глубоким океаном» появилась пауза. Товарищи пару месяцев преспокойно обойдутся без Шумилова. Еще два дня в Питере – и возвращаемся в Москву. Марина заждалась. И так каждый день звонит, непутевого мужа теребит. Вроде на пенсии, а дома месяцами не бывает. Нехорошо. Как там говорится: «Молодым везде у нас дорога, старикам у нас почет». Вот и реализуем этот принцип. При этой мысли Павел Николаевич довольно потер руки: домой пора, в Горки, на зимнюю рыбалку, пока лед не сошел.

Вскоре у соседей в Мире01 произошло ЧП. Провал прогрессора. Банальная история. Закономерное последствие чрезвычайно ускоренного курса подготовки. Работавшая в Смоленске группа перешла дорогу местной полукриминальной сети. Не разобрались в обстановке, получили

искаженную информацию, понадеялись на свои контакты в полиции. После серьезного намека в виде поджога склада не вняли и самостоятельно занялись поисками злоумышленников. Руководителя сектора об этой «мелочи» не проинформировали. Поджигателей, конечно, нашли, допросили с пристрастием и, опять не вняв голосу разума, пошли выяснять отношения с конкурентами.

Итог этой робингудовской истории закономерен и печален – местные бизнесменытеневики решили проблему цивилизованно, через полицию. Одного из прогрессоров попытались арестовать, – к счастью, не получилось. Была облава, чуть ли не чрезвычайное положение. Вся полиция области с азартом ловила «бандитов». Причем с каждым днем список прегрешений прогрессоров перед местными законами только рос. Наши архаровцы от правоохранителей ушли и даже напоследок взорвали одного из своих обидчиков, но шум был страшный. Смоленская область на ближайшее время выпала из нашей сети. Работать там стало опасно.

Инцидент вызвал газетную шумиху у соседей, быстро сошедшую на нет, когда стало ясно, что бандиты ушли и их поимка откладывается на неопределенный срок. Разумеется, органам пришлось попотеть, начальство, как всегда, разобралось, наказало невиновных и наградило непричастных.

В институте к чрезвычайному происшествию отнеслись куда серьезнее. В газеты, что естественно, информация не просочилась, официально происшествия вообще не было. И быть его не могло, ибо параллельные миры – это вотчина писателейфантастов, а не Органов. Зато служебное расследование велось не для галочки. Вскрывали всю подноготную, серьезные люди с генеральскими погонами и учеными званиями восстанавливали хронологию событий и, что самое главное, искали причины. Нашли. Выводы были сделаны. Куда хуже с исполнением.

Все понимали, что подготовка прогрессоров оставляет желать лучшего. Людей отбирали жестко, придирчиво, но делали их разведчиками и агентами влияния слишком быстро. А подругому и не получалось. Нельзя было прогнать несколько сотен военных, коммерсантов, технарей и администраторов через полноценные курсы разведчиканелегала. Потратить годы на обучение в спецшколах ГРУ или КГБ. Прогрессоры были нужны срочно – и никаких гвоздей!

Да, второй эшелон готовят лучше, но что делать с теми, кто начал осваивать Мир01? Возвращать домой на многомесячные курсы нельзя, это срыв всей работы. Организовывать ликбез на месте… Идея интересная, но несвоевременная. Это еще раз риск засыпаться покрупному. Усиливать

контроль за агентами? Это лишние связники, опять лишний риск уже для командиров секторов. Сложно все.

В итоге пришли к соломонову решению: ничего не трогать, а людей по одному вызывать в краткосрочные командировки домой и проводить полное обследование. В первую очередь врачипсихологи, затем уже передавать агентов в руки старых опытных ветеранов разведки. И только потом возвращать в «Мир01». Или не возвращать, если выяснится, что человек на грани срыва или расслабился, считает себя суперменом и потерял способность адекватно оценивать ситуацию и свои силы.

Павла Шумилова эта шумиха тоже коснулась. Пришлось поработать в комиссии по расследованию. Товарищи просили помочь с аналитикой. Опять месяц улетел. Вроде напрямую товарища Шумилова и не касалось, а отказать неудобно. Люди жизнью рискуют, когда некоторые штатские на Сахалин, на морскую рыбалку летают. Приходится отрабатывать. Впрочем, сам Павел Николаевич ворчал только порядка ради. Пенсия – это такое время, когда человек рад любой работе, главное – чувствовать себя полезным и причастным. Марина уже не обижалась. Она тоже ворчала только порядка ради. Любила она своего Красного Премьера, любила и принимала таким, какой есть.

Эколог

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела! – провозгласил Денис Панфилов, скатываясь с постели.

День обещался быть тяжелым, долгим и интересным. Сначала на работу, планерка с подчиненными, документы, отчеты и прочая мура. На бухгалтерию надо нажать, устроить небольшую выволочку, а то – расслабились, запаздывают с отчетами, выписки раз в неделю забирают, люди на них жалуются: бумаги медленно оформляют, с аналитикой не спешат.

В обед встреча намечается с одним полезным человеком, неформальный лидер местной творческой интеллигенции. Если удастся его привлечь на свою сторону, будет хорошо. Эти ребята могут организовать нужную рекламу, распространить информацию о Движении по своим каналам.

На два часа назначен визит к отцу Сергию. Разумеется, господин Панфилов не молиться едет. Деловые переговоры. Надо заручиться поддержкой епархии в одном богоугодном деле. Панфилов две недели подбивал клинья под святого отца, готовил почву для разговора. Дело серьезное, сложное, но сулящее выгоду – не только в денежном выражении, но и, что куда более важно, проект должен привести к росту популярности движения «Синее небо».

Вечером Дениса Панфилова ждут старые друзья. Командиры боевого крыла Движения Сергей Жуков и Евгений Земсков давно намекали, что не след слишком сильно отдаляться от товарищей. Женя в телефонном разговоре намекнул, что дело не терпит отлагательства.

День расписан по минутам. Еще год назад Денис и не думал, что все так получится. Двойник подкузьмил, втянул местного Панфилова в историю. Бойся данайцев, дары приносящих. Подарков двойников тем более, оказывается, надо опасаться.

Дэн вернулся из Питера в конце марта, позвонил Денису из аэропорта и назначил встречу. Разговор вышел серьезным. Прогрессор раскрыл карты. Местному Денису предлагалось организовать и возглавить экологическое движение. Обычную такую партию «зеленых». Деньги под это дело выделялись. Денис Муромцев, так официально по паспорту величали прогрессора, пообещал устроить все так, что через месяц шеф Дениса Владимировича решит уехать на тропические острова лечить нервы и

наслаждаться жизнью, а фирму продаст Панфилову.

Денис не поверил, отшучивался, заключил пари. Проиграл. Сделка совершилась через три недели. С этого момента господин Панфилов стал полноправным владельцем ООО «Политрон». Сколько заплатили бывшему директору и как его «убеждали» отказаться от фирмы, Панфилов не спрашивал, не до того было. Приходилось срочно включаться в работу, вникать в тонкости бизнеса, разбираться с финансовыми заморочками.

Прошло совсем немного времени, и Дэн напомнил о данном обещании. Пора организовывать Движение, пора отрабатывать вложенные в проект деньги. Денис не возражал и не обижался на двойника, знал – так надо. Надо не прогрессорам, а самому Панфилову. Нечего бурчать и жаловаться на власть, произвол чиновников, засилье гостей из ближнего зарубежья. Ничего от этого не изменится. Денису дали шанс изменить судьбу своей родины к лучшему. Ему предложили стать реальным политиком.

Слушая двойника, Панфилов не уставал удивляться изощренности и гениальности предложенного плана. Совсем не обязательно открыто выступать против власти, нет необходимости пополнять ряды оппозиции. Попытаться воспользоваться социальным лифтом проправительственного движения? Уже поздно. Ныне этот лифт работает весьма избирательно. Все эти пути ведут в тупик.

Специалисты из параллельного мира предложили свой вариант. Обмануть систему можно. Реакции административного Голема весьма примитивны. Государство жестко реагирует на любую угрозу своему существованию. Оппозиционное движение может рассчитывать на успех, только если оно не будет оппозиционным. Объединение граждан по интересам, подчеркнутая аполитичность, сотрудничество с властью на местах. Экологическое движение – это идеальное прикрытие для скрытой оппозиции. Под этой крышей можно раскрутить альтернативного лидера, собрать группу поддержки, сформировать разветвленную сетевую структуру, способную в нужный момент превратиться в массовое политическое движение.

Конечно, Денис согласился. Нельзя всю жизнь работать на дядю и изредка отстреливать «врагов нации». Если судьба дает шанс, глупо отказываться. Он верил своему двойнику, знал, что тот не желает вреда этому миру, он тоже родился и вырос на этой земле, пусть и не в Ругии, а в более успешном и счастливом СССР.

Определенно, день вышел удачным. Денис быстро раскидал рабочие вопросы, сумел увлечь и заинтересовать творческую интеллигенцию

Приреченска, получил благословение отца Сергия на проект строительства церкви на окраине реликтового леса в двух десятках километров от города. Многоходовая комбинация. Местные богатеи уже давно положили глаз на лес и берег Ежавы. Участки правдами и неправдами оформлялись в собственность. Старый лес вырубался, на берегу росли базы отдыха, дачные поселки, коттеджи. Районная администрация закрывала глаза на хищническую рубку леса, естественно, не безвозмездно.

Возглавляемое Денисом Панфиловым экологическое движение «Синее небо» пока не могло защитить лес. Силенок маловато, рано пока бросать вызов сильным мира сего.

Тоньше надо работать. На первых порах Денис получил поддержку епархии в деле строительства церкви. Хорошо, построим и благоустроим. Затем неожиданно в окрестностях храма забьет святой источник, найдется чудодейственная икона, еще какая диковинка обнаружится, не суть важно. Товарищи из параллельного мира обещали техническое содействие, чудо они организуют. Настоящее чудо. К храму начнется паломничество страждущих. Православная церковь не упустит шанс еще раз заявить о себе, взять под свое покровительство «святое место». Немного времени, и святым станет весь лес.

С этого момента на сцену опять выйдет «Синее небо» и поддержит притязания Церкви на всю территорию реликтового леса. Церковники не устоят перед искушением оттяпать спорный кусок земли. Разгорится конфликт. Скандал привлечет внимание прессы. Полиция будет вынуждена проверить законность оформления заповедных земель в собственность. Полетят головы. При этом главный удар защитников коттеджей и рубщиков леса обрушится на Церковь. Экологи будут как бы ни при чем. Именно Денис Панфилов и окажется настоящим победителем. Земля ему не нужна, а вот реноме неравнодушного защитника зоны отдыха, справедливого арбитра и борца за справедливость лишним не будет. Полезные связи, контакты и обязательства нужных людей тоже добавятся.

На завершающем этапе борьбы, когда все участники войны выльют друг на друга ушаты помоев, втянут в конфликт своих покровителей, бросят в бой резервы, можно будет выступить с предложением оставить все как есть. К этому моменту судебные приставы уже с большой помпой снесут несколько коттеджей, Церковь выиграет дватри дела, администрация будет вынуждена отменить свои последние решения о выделении участков. Главному виновнику конфликта останется только заявить о своей победе и «помочь» нужным людям защитить свою собственность. Дальнейшая вырубка леса, разумеется, прекратится. Виктория.

Это все будет, а сейчас отец Сергий с радостью ухватился за интересное предложение помешанного на экологии и желающего искупить свои грехи бизнесмена. Иерей пока не понимает, во что это выльется. И не надо ему понимать. Денис не собирался наживать себе врагов в виде могущественной, влиятельной религиозной организации.

После визита к церковнику Панфилов заскочил домой. Супруга ходила на седьмом месяце. На улицу выходила редко, боялась простудиться. Рабочий день у Дениса ненормированный, бывало, возвращался домой за полночь, Лена заперта в четырех стенах, скучает. Поэтому Денис старался при первой же возможности заскакивать домой, хоть на десять минут.

Вот и сегодня. Ворваться в распахнутую дверь, обнять свою любимую, поцеловать, прижаться щекой к животу. За ужином соскучившаяся супруга расспрашивала Панфилова обо всем, что только можно. Сенсорный голод. Денису иногда надоедала бесполезная болтовня, но терпел, понимал, что для жены это отдушина, ей нужно не только общение, но и ей надо знать, что у мужа все в порядке. Часок дома, и опять одеваться. Серега просил не опаздывать.

Встретились товарищи на третьем этаже «Перекрестка». Просторный холл со столиками, вокруг целая дюжина кафе на любой вкус. Напротив вход в кинотеатр. Цены демократичны. Несмотря на вечер, народу немного. Середина недели, и погода слякотная, на улице сырость, подмораживает, люди после работы спешат домой, поездки по магазинам откладывают на выходные.

Денис пришел первым. Выбрал столик у окна, бросил на него шапку и перчатки, дескать, занято. Есть он не хотел, но не принято сидеть за пустым столиком. Взять половинку пиццы, сок, кофе – и можно спокойно ждать друзей. Не успел Панфилов забрать поднос с заказом, как на эскалаторе показались Сергей и Женя.

– Здорово.

– Привет.

– Что будем брать? – Земсков ограничился кивком и рукопожатием.

– Давай, что и Денис. Пицца свежая?

– Горячая.

Женя направился к стойке кафе. Сергей расстегнул куртку, положил шапку на свободный стул и присел за столик.

– Давно тебя не видел. Дела?

– Работа и Движение, – кивнул Денис. – Кручусь как проклятый.

– Слушай. Давно хочу спросить: откуда у тебя деньги?

– Я же рассказывал, – устало проговорил Панфилов. – Меня нашли

хорошие люди. Наши.

– Это все общие фразы. Ты уверен, что они действительно хотят блага для нашей страны? Откуда они вообще взялись? И этот твой двойник, – процедил сквозь зубы Жуков.

– Серега, я тебе врал?

– Извини. Не хотел тебя обидеть. Ты уверен, что нас не используют?

– Уверен. Они наши, русские. Они работают на Ругию.

– На какую именно?

– Хватит иронии. Я уверен в Муромцеве и его соратниках как в самом себе или как в тебе. Я уже говорил и повторяю: я не имею права говорить, кто они такие и чем раньше занимались. Это не моя тайна. Я дал слово.

– Тише, тише. Кот на крыше. – Вернувшийся с заказом Женя дружески пихнул Сергея локтем.

– Извини, – вздохнул Жуков. – Я верю тебе, верю Денису, но могу ли я верить Муромцеву?

– Можешь.

– Ладно, колись, откуда у них деньги? Переводы из Южной Африки? – Женя пытался зайти с другого бока.

Денис только развел руками. Очередная попытка старых друзей докопаться до истины. Он мог бы рассказать им правду о параллельном мире, сохранившемся у соседей Советском Союзе, могучей, богатой и свободной державе. Он мог сказать, что Денис Муромцев не Муромцев, а Панфилов, самый что ни на есть настоящий двойник. Но, с одной стороны, Денис обещал молчать, а с другой – сам понимал: нельзя раскрываться. Даже самым близким друзьям, соратникам ни слова о соседях.

Намеренно не проболтаются, но мало ли что бывает. Ребята могут случайно обмолвиться, в запале ляпнуть лишнего, могут проговориться в бреду или под пыткой. В жизни все бывает. Нет, ни слова о прогрессорах, соратникам же будет лучше: многие знания – большие горести.

– Женя, Серега, это одна из групп сопротивления. Они наши, они болеют за Ругию, они русские, они могут нам помочь.

– И не требуют ничего взамен?

– Ничего. Мы же тоже ничего ни с кого не требуем за нашу работу.

Аргумент сработал. Вопросов больше не было. Денис надеялся, что ему поверили. Он хотел в это верить. Тяжело обманывать своих, еще тяжелее думать, что друг знает, что ты ему недоговариваешь. Приходится.

– Ладно, Денис, замнем, – молвил Сергей. – Мы планируем акцию. Нужны совет и поддержка.

После того как Денис организовал местное экологическое движение и

отошел от дел, его друзья залегли на дно. Группа почти распалась. Только Марат Хуснуллин поддержал старого товарища, взвалил на себя общественную работу.

Однако со временем все вернулось на круги своя. Движению требовалось не только официальное прикрытие в виде «Синего неба», но и боевое крыло. Стандартная схема организации нормальных оппозиционных структур. Ничего нового. Существуют легальная партия, объединение, движение и нелегальное крыло, боевые ячейки. Официально они не контактируют, подчеркивают неприятие методов другого крыла, заявляют о своем несогласии с «экстремистами» или «коллаборационистами», но в действительности работают как две руки одного человека, помогают друг другу.

Сергей и Евгений, оставшись без дела, быстро собрали новую группу. Две дюжины решительных, преданных делу парней. Не трусы. Предателей среди них нет. Никто этого не знал, но Денис и Алексей Иванцов проверили всех бойцов по своим каналам. Разумная предосторожность. В таком деле лучше не рисковать.

Акции проводились редко. Только после тщательной подготовки, так, чтоб не подставить кого из своих или просто хороших людей. В основном целями становились оборзевшие сверх меры чиновники, иногда забывшие, что живут среди людей, гости с южных краев, а под Новый год бойцы похитили и закопали крутого бандита, крышевавшего наркоторговлю. Подстроено все было так, что подозрения пали на местных цыган, тоже не брезговавших торговлей наркотиками. Бандитские разборки не успели перерасти в криминальную войну, полиция вмешалась вовремя, остудила наиболее горячие головы, но трупы были. По три покойника с каждой стороны.

Денис никогда не отказывал друзьям в помощи. Снабжал их информацией, помогал с оружием, подкидывал денег. Иногда отговаривал от рискованных акций, когда не был уверен, что операция принесет пользу общему делу.

Алексей Иванцов тоже давно не участвовал в операциях. Но зато он имел доступ к полицейским базам данных, всегда был готов предупредить об опасности, буде кто из друзей попадет в поле зрения органов. В свою очередь Сергей и Женя снабжали его оперативной информацией, негласно помогли в паре дел. Иванцов был на хорошем счету у своего начальства, сам взяток не брал, с бандитами не дружил, в крышевании коммерсантов не замечен. Осенью Алексей получил четвертую звездочку на погоны. Его уже обещали перевести в ближайшее время заместителем начальника отдела по

борьбе с экономической преступностью.

Нет, соратники не теряли друг друга. Вместе делали одно дело, каждый на своем месте. Неоценимой была неявная поддержка прогрессоров. К слову сказать, гости из параллельного мира не знали, что у «Синего неба» есть нелегальное крыло. Денис не считал нужным посвящать близнеца в свои старые дела. Не к спеху. Зато иногда просил помочь поддержать или прикрыть нужного человека, якобы ради Движения.

– Идет реконструкция механического завода. Ты знаешь. Работы много, – рассказывал Евгений. – У тамошнего командования возникла «гениальная идея» завезти в город около трех тысяч строителей из Китая. Когда закончится реконструкция, будут завозить китайских рабочих.

– У нас безработица, – добавил Сергей. – Китайцам можно меньше платить. Будут сокращения.

– Это только слухи, – заметил Панфилов.

– А если нет? Мы думаем, если в городе появятся китайцы, провернуть пару акций устрашения. Тричетыре трупа на улицах, не больше. Этого будет достаточно.

– Сомневаюсь. Полиция встанет на уши, все будут искать страшных «руссофашисто», а китайцы не уедут. Им жрать нечего. Будут ходить толпами, будут дрожать, но не уедут. И не в китайцах дело, не они решают. Если работать, так по настоящим виновникам.

– Что ты предлагаешь?

– Не спешить. Собирать информацию. Если вдруг действительно будут завозить иностранцев, никого убивать не будем.

– Раньше ты был другим. – Жуков осуждающе покачал головой.

– Не будем убивать. Однадве акции ничего не решат, а ребята могут подставиться. Будем действовать официально. Мне как раз надо выступить в защиту интересов горожан.

– Политик ты, Денис.

– Не политик. Я, Сергей, хочу решить вопрос. Решать будем серьезно, так, чтоб отбить у козлов охоту завозить к нам гастарбайтеров.

– Митинг соберешь, а что толку?

– Не только митинг, – прищурился Денис. – Надавлю через мэрию.

– Сможешь?! Крутизна.

– Будем работать.

Панфилов сам не знал, как он будет устранять проблему. В голове только наметки, контуры планов, общей картины нет. Он только знал точно – не надо лишней стрельбы, не надо террора. Рано. Не ко времени. Это

слишком сильное средство, чтоб пускать его в ход при первом же случае. Даже если хозяева завода привезут китайцев, а Денис в этом сомневался, единичные акции устрашения не помогут. Здесь надо поднимать весь город, чтоб люди сами оторвали задницы от диванов, вышли на улицу и заявили: «Гастарбайтеров не потерпим!»

– Парни без дела остаются, – посетовал Женя.

– Может, пару рейдов? – предложил Сергей.

– Только осторожно. Ментам не попадаться. Непричастных не трогать, – кивнул Денис.

Он понимал, что ребят не удержать. Пусть побалуются. И на улицах будет немного чище. Главное, чтоб били не по паспорту, а за дело. Не все южане убийцы, насильники, воры и отморозки, есть среди них хорошие люди. Попадаются. Вот таких обижать нельзя. Один прокол – и группа по самую макушку в дерьме измажется. Наши кривдозащитники и журналюги не упустят свой шанс.

– Как Лена? – поинтересовался Жуков.

– Хорошо. Скоро будем обмывать. – Денис суеверно постучал кулаком по столешнице.

Вечером, когда Панфилов уже загнал машину на стоянку и шел домой, на сотовый позвонил Дэн.

– Ты дома? Нет? С бухгалтерией заморочки. Заказчик не может сделать перевод.

– Какая сумма?

– Семь лимонов.

– Понятно. Будем решать, – бросил в трубку Денис.

Операторы связи сохраняют отчеты обо всех звонках. Станционное оборудование позволяет записывать все разговоры. Поэтому прогрессоры старались звонить как можно реже и никогда не говорили по телефону ничего серьезного. Кодовые фразы. Слова Дэна означали, что у Панфилова появились могущественные враги. Жаргонное словечко «лимоны» говорило, что это не органы, а криминал или полукриминальные бизнескруги.

Вечер. Подмораживает. Лужи подернулись корочками льда. На асфальте наледь. Денис огибает оплывший, в грязных прожилках сугроб. Обгоняет гуляющую парочку. Вот и родной подъезд. Рука ныряет в карман, нащупывает связку ключей. Приложить кнопку к домофону. За спиной слышится топот.

– Эй, братан, подожди. Базар есть.

К подъезду бегут трое парней в характерных кожаных куртках на баске

и вязаных шапочках. Знакомый типаж, почти не изменившийся с 90х годов. Похожи, как куклы. Замок срабатывает. Денис приоткрывает дверь и придерживает ее носком ботинка.

– Слышь, братан, ты чувиху с третьего этажа знаешь?

– А тебе что? – ухмыляется Панфилов.

Старая как мир разводка. Если бы не предупреждение прогрессора, он бы попался на крючок. Как и большинство современных обитателей многоквартирных домов, Денис почти ничего не знал о своих соседях, но на третьем этаже нет ни одной девушки.

– Слышь, тут пацанов пытались наколоть. Ты самто кто?

Троица обступает Дениса. Парень справа хватает его за рукав и тянет к себе.

– А ты кто? Ваську Косого знаешь?

– Косого? – Старший бандюган морщит лоб, пытаясь вспомнить неведомого ему авторитета.

Секунды упущены. Денис толкает дверь ногой, вырывается из захвата и швыряет парня на главаря.

– Сука!

Короткий удар в челюсть. Пригнуться. Бандит теряет равновесие, валится на Дениса. Оттолкнуть нападающего, ткнуть пальцами в горло и добавить коленом в пах. На площадке перед подъездом тесно. Открытая дверь мешает. Теперь отступить в подъезд и рвануть на себя дверь. Один из нападавших успевает схватиться рукой за косяк. Дверью ему по пальцам! Железной. Слышится вопль. Рука исчезает. Еще раз дернуть на себя дверное полотно. Клацает магнитный замок.

Денис секунд десять прислушивается к доносящимся с улицы матам и обещаниям разобраться. Хорошо, у бандитов нет ключа.

В подъезде темно, какаято зараза опять выкрутила лампочки. Денис шагает к лестнице. Тут перед ним возникает темная фигура. На затылок опускается тяжелый кулак. Из глаз летят искры. Еще удар и удар. Тяжелый кулак вонзается в живот. Последнее, что Денис слышит, это хлопок входной двери.

Очнулся Панфилов от того, что ктото тряс его за ворот. Медленно открыть веки. В глаза бьет тусклый свет. Над Денисом склонился дядя Паша, сосед с восьмого этажа.

– Дениска, ты живой? Кто тебя так?

– Скоты!

– Живой, – радостно заявляет сосед. – Поднимайся! Пол холодный.

– Твою мать.

Все тело болит. Левая половина лица не чувствуется. Денис приподнимается, опирается левой рукой о ступеньку. Пожалуй, действительно лучше встать. Пока лежал, замерз. С помощью соседа он поднимается на ноги и бредет к лифту. Успевает проверить карманы. Странно. Документы, деньги, ключи на месте. Даже портмоне не забрали.

– Кто тебя так? – повторяет дядя Паша.

– Не понял. Молодые, в коже, гопота не местная.

– Сталина на них нет! Он бы живо навел порядок, – заявляет сосед.

– Угу. Всех пересажать, – соглашается Денис.

Спорить с соседом нет ни сил, ни желания. Только бы добраться до дому. Лена открывает дверь, ойкает, втаскивает Дениса, успевает поблагодарить дядю Пашу и тащит своего благоверного в ванную.

– Спасибо тебе, любимая. Извини, что в таком виде.

– Кто тебя так? – очередной вопрос. Ответа на него нет.

Лена стаскивает с Дениса куртку, раздевает, помогает вымыться. Только затем берется за его синяки. Ничего страшного. Кости целы. Ссадины заживут. Вот только фингал под глазом. Придется пока носить темные очки на поллица.

Сопротивление

Когда все идет хорошо, жди неприятностей. Если дела идут очень хорошо, значит, проблемы будут очень большими. Старое правило. Жизненное наблюдение. Последний год был богат на успехи. Дэн сам не ожидал, что операция пойдет без сучка и задоринки. Ни одного прокола. Деловая хватка двойника поражала не только ПанфиловаМуромцева, но и Алексея Ковалько. Быстро взял в свои руки дело, организовал Движение, наладил контакты, вышел на связь с «Гринпис» и антиглобалистами.

Товарищи Дэна докладывали, что у «Синего неба» появилось ударное крыло. Хорошо законспирированная группа боевиков. Сам Денис Владимирович ничего не говорил о своих бойцах. Муромцев и не настаивал на откровенности. Нельзя давить на подопечного, тем более на своего двойника, свое второе «я».

Наступало время выходить на новый уровень. Панфиловы подготовили пару операций, после которых о «Синем небе» будут говорить не только в Прииреченске. Пора раскручивать кандидата. Прогрессоры возлагали надежды на антиглобалистов. Международное движение, координирующее тысячи местных ячеек, способное проводить массовые акции, четкая организация, связь, взаимодействие с союзными структурами. Если удастся заинтересовать координаторов антиглобалистов, то «Синее небо» получит не только поддержку, но и еще один источник финансирования, можно будет распространить свое влияние на соседние регионы, создать свою сеть.

Когда все идет хорошо, жди неприятностей. Дэн не удивился, когда информаторы сообщили о том, что предприятие Панфилова попало в поле зрения одной крупной компании, крышуемой весьма высокопоставленными и уважаемыми людьми. Рано или поздно, но это должно было произойти. Прогрессор предупредил двойника о возможных проблемах. Пока этого достаточно. Через дватри дня он намеревался выдернуть в баньку своего хорошего знакомого из ФСБ и в приватной беседе попросить «присмотреть» за контактами своего хорошего друга. Майор многим был обязан Муромцеву и не откажет. Даже если не сможет напрямую подействовать на конкурентов, так поделится информацией.

Не успел. В первой половине дня Слава Савельев – коллеги давно привыкли к своим новым фамилиям и не вспоминали о прежних именах из родного Мира00 – заехал на работу к Муромцеву, сообщил, что Панфилова

вчера избили. Денис звонил своему заместителю и предупредил, что до конца недели на работе не появится. Числившийся начальником службы безопасности «Политрона» Савельев прихватил с собой двоих дуболомов и помчался к директору.

– Обычные бандиты или нет? – поинтересовался Муромцев.

– Походило на типичный наезд оборзевших молодчиков, – процедил сквозь зубы сержант. – Поймали у подъезда, избили. В карманы не лезли, документы, деньги не тронули. Только телефон разбился.

– Ну, это случайность.

– «Симка» уцелела. Контакты остались.

– Ментов вызывали?

– Нет. На фиг. Ждем звонка от серьезных господ. Пока навожу порядок в бухгалтерии, сегодня заставлю юристов проверить все договора. Готовимся к подвоху. Телефоны Дениса поставили на запись.

– Зря ты ко мне заехал, – покачал головой Дэн. – Могут следить.

– Пусть. Все знают, что мы вместе начинали бизнес. Если что, я к тебе за советом заскочил и предупредить о проблемах.

– Спасибо, что не по телефону.

Ситуация нехорошая. Сейчас прогрессорам меньше всего нужна война с крупным бизнесом. Нехорошая огласка. Кандидат замажется по самые уши. К нему возможен интерес органов или лиц, приближенных к Большому Пирогу. Рано все это. Слишком рано. Еще бы год, и тогда самим можно и нужно будет провоцировать конфликты с коррупционерами.

Дэн подумал, что двойник слишком уязвим. Любимая женщина. Седьмой месяц беременности. Лучше всего отправить Лену к дальним родственникам, а еще лучше – в Белоруссию. Так будет безопаснее. Но зато потом факт рождения ребенка за границей может ударить по имиджу кандидата. В финале операции противник будет использовать любое темное пятно в биографии Панфилова. Наш кандидат будет опираться на патриотов, а этот контингент весьма чувствителен к таким вот фактикам биографии.

Придется рисковать, но Лену не вывозить. Только охрана. Муромцев надеялся, что Гадюка сам догадается позвонить в свой ЧОП и приказать выделить Панфиловым телохранителей.

Проклятье! Ну почему враги всегда стараются нанести удар по самому дорогому? Почему здесь так любят брать в заложники детей и любимых жен? Почему приходится думать не о деле, а как бы защитить своих близких?

Дэн сам был уязвим в этом плане. Женился ведь недавно. Сбылось

пророчество двойника. Встретил девушку своей мечты. Случайное знакомство в самолете, разговор ни о чем. Понравились друг другу. Обменялись телефонами. И понеслось. Эх, добавил старший лейтенант забот своему начальству. Однако свадьбу разрешили. Видимо, посчитали, что прогрессору все равно придется в этом мире не один год работать. А дальше будет видно.

Катюша не догадывалась, чем на самом деле занимается ее любимый. Не знала она и настоящей биографии Муромцева, равно как его происхождения. Только официальная, не единожды проверенная, притертая до мелочей легенда. Что будет дальше, когда придется возвращаться домой, как все объяснить супруге, оправдаться за то, что обманывал, Дэн не думал. Всему свое время.

В ближайшую субботу на Муромцева вышел связник от Зеленого. Коллеги предупреждали о возможном кризисе региональной администрации. Начинается большой передел власти. А власть – это собственность, влияние, деньги, крупные предприятия.

Похоже, что на процветающую фирму Панфилова положили глаз. Догадка подтвердилась уже вечером. На одном из интернетсайтов, небольшом форуме появилось сообщение. Денис назначил встречу.

Серебристый «Опель Астра» прижался к обочине за автобусной остановкой. Открылась дверца, и на переднее сиденье бухнулся Денис Панфилов.

– Здорово, брат, – кивнул Дэн, выруливая на проспект.

– Привет. Поехали на Космонавтов. Разворот через Мира. Напротив Сумарокова есть подходящий кармашек. Там можно поговорить.

– Помню.

Ехали быстро. Движение слабое. Улицы широкие. Антирадар надежный, вовремя засекает видеофиксаторы и гаишные радары. На прямых участках можно разгоняться до сотни. Выше этого Дэн не рисковал. Навыки навыками, а придурков в городе хватает. Разгоняться больше ста км/ч в городе опасно, можно не успеть уйти в сторону от опасности или затормозить. Вот и приметный кармашек. Водитель сбросил скорость и зарулил на парковку перед магазином.

– Мне сегодня звонили, – проговорил Денис. – Предложили в понедельник встретиться.

– Разговор записан?

– Да. Твой Вячеслав поставил на аппарат блок.

– Это точно связано с бандитами?

– Подонки. Однозначно, – невесело усмехнулся Панфилов, копируя

одного известного политика. Известного в обоих мирах, между прочим.

– Что они хотели?

– Трудно сказать. Позвонили. Мягкий баритон. Кажется, не старше сорока. Подчеркнуто вежливо спросили, удобно ли мне будет принять их в понедельник до обеда, – в голосе Дениса сквозил неприкрытый сарказм.

– Их или его?

– Он сказал «нас».

– Дальше?

– Почему ты думаешь, что это именно они? Может, деловые переговоры или контактерэколог?

– Я не ждал звонка на домашний ни от одного из партнеров. Обычно люди представляются. И он в конце разговора поинтересовался самочувствием Лены. Сказал, что в ее положении нельзя путешествовать. Ты представляешь! Этот ублюдок мне угрожал! – взорвался Денис.

– Я так и думал. Остается понять: конкуренты или сопротивление Системы.

– Что?

– Наезд изза фирмы или Движения, – пояснил прогрессор.

– Если это серьезный бизнес, то придется уступать, – пробурчал Денис. – У меня нет сил с ними бороться. Задавят сразу по всем направлениям. Ну, если только твои друзья прикроют.

– Уступать не будем. Будем торговаться. Искать консенсус. С родственниками губернатора справимся. Хуже, если это москвичи или питерцы. С ними будет проблемно, – Дэн намеренно сгущал краски, а если честно, не хотел зря беспокоить начальство, требовать поддержку других ячеек и привлекать к себе нездоровый интерес.

– А что ты говорил о Системе?

– Голем. Информационное нематериальное существо. Рефлексы на уровне амебы, но нюх как у собаки. Инстинктивно чует угрозу.

– Мы сто раз все обговаривали. Как они могут чуять угрозу, если Движение только разворачивается?

Дэн задумался. Проблемы с бизнесом – это ерунда. Ну, подумаешь, продадим фирму. Деньги есть, люди тоже. В любой момент можно начать дело с нуля, за год раскрутить предприятие. Куда хуже попасть под пресс Вертикали. Братишку очень быстро задавят и выведут из игры. На операции придется ставить крест.

– Наблюдение за антиглобалистами? Не помню, среди твоих контактов есть организации, связанные с иностранными разведками? Неправительственными фондами?

– Нет. Я помню историю с СОВАЦентром и «Белоной».

– А если подумать?

– Я лично не контактировал.

– Твои люди?

– Тоже нет.

– Хорошо, – согласился Дэн. – Ждем понедельника. Савельев будет тебя подстраховывать. Встречаешь гостей, спокойно выслушиваешь. Берешь время на раздумья. Эксцессы нежелательны. Пусть уходят.

– Не такой я тупой, чтоб голливудский боевик разыгрывать, – невесело усмехнулся двойник.

– Видеосъемка, запись разговора – это все на Гадюке. – Машину он зафиксирует. Если сможет, пустит слежку.

– Слушай, брат, а почему Вячеслава называют Гадюкой?

– Он не рассказывал?

– Нет.

– Снайпер он. Стреляет как бог. Работать любит самостоятельно. Опасен как ядовитая змея. Ну, гадюка он настоящая.

– Понятно. Хорошо, что у нас есть такой специалист.

– Не надейся, – отреагировал Муромцев. – Перестрелка – это провал. Ты хочешь переехать в Лондон?

– Я не олигарх.

Воскресенье прошло спокойно. Дэн отложил поездку в Минск, на встречу с эмиссаром европейского сектора антиглобалистов. Не время для командировок. День был потрачен на тихие семейные радости, поход в картинную галерею. Вечером Дэн и Катя хорошо посидели в ресторанчике.

Утро понедельника принесло новую головную боль. Контрагенты подгадили, задержали сроки поставки. Пришлось срочно лезть в Интернет, садиться на телефон и искать новых поставщиков. Проект срочный, время не ждет. Работа с мехзаводом – это не шутки, если все получится – впереди будет жирный заказ.

В двенадцать часов позвонил Сергей Артемов, работавший в усилении и официально возглавлявший небольшую коммерческую фирму. Наш человек, прогрессор.

– Денис Владимирович, здравствуйте. К великому сожалению, ваш заказ на спецодежду не готов.

– Как не готов?! – Дэн сначала не понял, что в трубке звучит кодовая фраза.

– Извините, производственные накладки. У меня кладовщик запил.

– Мне новые спецовки нужны. Рабочие голые ходят. Давайте так, я к

вам подъеду, скажем, через двадцать минут. – Муромцев скосил глаза на часовое табло в углу монитора. – Поговорим, подумаем, как решить проблему.

Выскакивая из кабинета, Дэн заглянул к Алексею Ковалько. Правила хорошего тона требовали предупредить директора о своем отъезде. Фирма Артемова находилась в бывшей гостинице за Орловским кольцом. Как раз четверть часа на дорогу. Об обеде прогрессор благополучно забыл, не до того. Зато Серега Артемов не забыл. Разговаривали они в кафе на первом этаже здания. Типа столовка для своих.

Короткий обмен информацией. Артемов быстро изложил все, что через него передали. К местному Панфилову приходили двое, держались уверенно, с чувством собственного достоинства, одеты неброско, но стильно. Костюмы и пальто индивидуального пошива. Главный старше среднего возраста, на пальце скромный золотой перстень с рубином на 30–50 карат веса. Приехали на «Мерседесе». Номера местные. Ребята уже пробивают по базе ГАИ.

С Панфиловым разговаривали вежливо. Старший, Валерий Иннокентьевич, отрекомендовался «специалистом по юридическим проблемам». Второй за время разговора не проронил ни слова, сидел в кресле у дальнего конца стола и не выпускал портфель из рук.

– Секретарь или охранник? – поинтересовался Дэн.

– Все вместе. Скорее всего. В машине был водитель.

Валерий Иннокентьевич извинился за доставленные неприятности, как бы между делом поинтересовался происхождением фиолетового с багровыми прожилками синяка под глазом Дениса Владимировича. Затем вежливо попросил быть осторожнее с экологией. Дескать, дело это хорошее, но не стоит перегибать палку, дилетанты частенько лезут куда не надо, не разобравшись в проблеме, верят на слово неадекватным людям, портят уважаемым людям бизнес и наживают себе неприятности.

Денис, не будь дурак, поинтересовался: кому именно может помешать «Синее небо»? В ответ Валерий Иннокентьевич посоветовал не беспокоиться, пока хобби Панфилова никому не мешает из серьезных людей. Но в будущем желательно не поддаваться на провокации, не предпринимать необдуманных действий.

– У нас ведь в этой стране очень интересные законы. Люди сами не знают, что можно, а что… – Визитер чуть замялся. – Что можно не всем.

Под конец разговора гость «вспомнил», что уже выделены бюджетные деньги на реконструкцию механического завода. Дело очень серьезное, полезное для города и губернии. Многие будут кровно заинтересованы в

том, чтобы дело пошло. Бизнес не терпит непредвиденных обстоятельств, только если сам не заинтересован в таковых.

– Прощупывали, – сделал вывод прогрессор.

– Проверка на прочность и тонкий намек на толстые обстоятельства, – предположил Артемов.

Вечером пошли доклады от агентов и людей Гадюки. Валерий Иннокентьевич оказался приезжим. Фамилия его Усачев. Официально работает заместителем директора одной крупной фирмы в Подмосковье. Фактически специалист по переговорам и налаживанию контактов. Обширные, весьма разнообразные связи, опыт работы с криминалом, в свое время прославился умением улаживать конфликты между братками.

В Приреченск Усачев приехал две недели назад. Снял офис, нанял машину с водителем, взял секретаршу на телефон. Два дня назад перебрался из гостиницы на съемную квартиру. Очень похоже на организацию местного филиала. Фирма, где работает Усачев, многопрофильная, им одинаково интересны торговля бытовой химией, оптовозакупочная деятельность, ремонтные работы. Да, у них мощное строительное подразделение.

Можно зайти на официальный сайт, посмотреть заявки на тендер. Вполне возможно, Дэн найдет там предложение ООО «Виконткомпани». Найдет, если эти ребята уже обо всем договорились и забили себе кусок бюджетного пирога. А лучше сделать подругому. Муромцев нашел на столе сотовый телефон, пробежался по записной книжке, набрал нужный номер.

– Добрый день, Олег Борисович. Муромцев беспокоит. Узнал?

– Здорово! – обрадовались на том конце линии.

Олег Окунев хороший знакомый Дэна. Директор департамента сбыта мехзавода. Молодой лысеющий мужчина 37 лет, располневший на сидячей работе. Их познакомили прошлым летом. Вместе отдыхали на озере. Потом еще «случайно» пересекались в Москве и на Кипре. Один из немногих приглашенных на свадьбу Муромцева. Человеком Окунев был порядочным, взяток не брал, но мог помочь хорошим людям. Дэн иногда к нему обращался с мелкими просьбами. Расплачивался информацией, сливал разведданные и экономические отчеты прогрессоров.

– Давно не виделись. Как насчет вечера в «Пузико»? – Дэн забросил пробный камень и, не давая опомниться, предложил: – Бери с собой Алену, я тоже буду с женой. Закажем разливного пива. Возьмем колбасок или форель.

– Давай послезавтра. У меня на работе завал.

– Понимаю. До скольки сегодня сидишь?

– В семь вечера планерка у генерального.

– Ясно. Соболезную. Я через полчаса домой собираюсь.

– Везет, – вздохнул Окунев. – Как жизнь молодая?

– Идет.

– Ты давай долго не задерживайся, жена ждет, – напомнил Олег.

– Хорошо. Значит, послезавтра, – уточнил Муромцев, делая пометку в блокноте.

Значит, одну проблему Дэн решил. Окунев прекрасно знает, кто будет генподрядчиком на реконструкции, кому достались самые большие куски. Не удивительно, если Усачев уже появлялся в дирекции, уточнял условия договора и перевода авансового платежа.

Когда Дэн собирался домой, ему позвонила Катюша. Жена просила не задерживаться и заскочить после работы в магазин. Дома нет чая и ни единой крошки сладкого.

Утром во вторник Муромцев по дороге на автостоянку заметил, что за ним следят. Людей на улице мало, все спешат на работу. Молодая женщина ведет за руку ребенка. Двоих молодых людей в кожаных куртках и вязаных шапочках фасона «презерватив» Дэн срисовал сразу. Граждане сидели на детских качелях во дворе. Сворачивая за угол дома, Дэн бросил взгляд в сторону подъезда. Парочка уже поднялась и трусила мелкой рысцой вдоль дома.

«Любители, мать вашу за ногу», – усмехнулся прогрессор. Его проводили до автостоянки. Держались на удалении в полсотни метров. При этом шпики делали вид, будто идут по своим делам и чисто случайно в том же направлении, что и Муромцев. Видно же все! Дилетанты. Неестественность поведения сразу выдает.

Выруливая со стоянки, Муромцев намеренно остановился на выезде и огляделся по сторонам. Ага! Вот они – тусуются на автобусной остановке в сотне метров от ворот. Недалеко припаркована машина, старая фиолетовая «семерка». Субчики быстро срисовали «Опель» Муромцева и прыгнули к своей машине. Ну и пусть. Через два квартала, на светофоре, Дэн заметил «семерку» в среднем ряду в трех машинах за собой. Следят. Висят на хвосте. Ошибки нет – номер тот же самый.

На следующем светофоре за разворотом авто шпиков пристроилось прямо за «Опелем». Дэн с трудом подавил в себе желание сразу за поворотом резко ударить по тормозам, чтоб мальчики в кожанках врезались ему в задний бампер. А затем устроить гопникам дорожный развод по полной программе. Машину жалко. И не стоит раньше времени провоцировать конфликт. В это утро Дэна проводили до самой работы. И

больше в этот день не появлялись.

Первым делом Муромцев доложил о слежке Алексею Ковалько. Комитетчик потер подбородок и попросил накидать на бумаге схему, если можно, указать время, когда и где в поле зрения появлялась слежка.

– Правильно сделал, что не стал устраивать ДТП, – подвел итог Алексей. – Наш старый метод «непосредственное сопровождение объекта». Это когда агент не скрывается, а, наоборот, демонстрирует объекту, что за ним наблюдают. Здорово нервирует. Люди частенько начинают делать глупости и подставляются по полной.

– Или явные дилетанты? – предположил Дэн.

– Нет. Вспомни, как они прищучили твоего подопечного. Трое караулили на улице и разыграли примитивный гопстоп, а резервная группа сидела в подъезде и ждала своего часа.

– Будем ждать?

– Думать надо, – прищурился Ковалько. – Как они поняли, что ты связан с нашим экологом? Прямое попадание. Точно в яблочко. Дают понять, что знают о роли обоих фигурантов операции.

– У нас в последнее время были провалы? – полюбопытствовал Дэн, имея в виду прогрессоров.

– Нет. Последний год ни одного эксцесса.

– Утечки нет. С братишкой я редко встречаюсь. Мы с ним просто знакомы.

– Братишка, – на лице Алексея играла хищная улыбка, настоящий волчий оскал. – Вы похожи как близнецы. Противник явно посчитал вас скрывающими свое прошлое братьями и решил выяснить всю подноготную. Они надеются подобрать ключ к твоему двойнику.

– Проблема. Мы ее не решим.

– Решим. Выжидаем дватри дня и, если противник не изменит тактику, атакуем. Я сориентирую ребят.

– Я пока в городе, – нахмурился Дэн. – Командировки отложил. Если что, подстрахую.

Следили за ним еще два дня. Только по утрам. Потом неизвестные наблюдатели исчезли. Видимо, поняли, что господина Муромцева просто так не напугать, или противник готовит новую каверзу. Больше никто из прогрессоров не замечал повышенного внимания к своей персоне.

Давление

Странно, вроде официально на пенсии, трудовой книжки нет, а не дают человеку жить в свое удовольствие. Павел Николаевич вернулся с переговоров в Париже, доложил Председателю Верховного Совета Воронцову о настроениях в Европе, передал товарищам из МИДа документы, поделился со своим преемником Андреем Красновым идеей не слишком спешить тратить бюджетные деньги на совместные с ЕС программы. Не успел вздохнуть, как его выловили в кремлевских коридорах и настойчиво попросили скатать в Питер. Ничего не поделаешь, если просит Владимир Строгов, значит, дело серьезное.

За последние полгода Шумилов успел отойти от проекта «Глубокий океан». Дело настроено, все работает. Пусть товарищи сами занимаются. Не нужно им мешать непрошеными советами. Да и времени, если честно, не так много, как хочется, жалко его зря убивать.

Лучше поехать домой в Горки. Покататься на лыжах, пока снег не сошел, на рыбалку сходить. Есть в подледной ловле особый смак. Потом осчастливить Марту Евдокимовну свежей, еще не замерзшей рыбкой, попросить поджарить добычу и угостить всех, кто… Ну, тут раз на раз не приходится. Бывает, и кошку не накормишь, не то что здоровых мужиков из охраны.

Запросить все материалы по марсианской экспедиции, дождаться курьера, расписаться в бланке доставки, расположиться в кабинете с толстенными папками и читать. Это ведь уму непостижимо! Наши высадились на Марс! Пять человек! Наши советские люди! Павел Шумилов до сих пор поверить не мог, что эскадра благополучно достигла Красной планеты. Знал, а не верил. Бывают такие выверты у человеческой психики.

Четырнадцатого ноября все три корабля вышли на марсианскую орбиту. Командовавший экспедицией полковник Седов дал радиограмму в ЦУП и начал программу наблюдений. Перелет прошел нормально. Техника не подвела. Люди, по докладам врача, здоровы, психика в норме. Двадцать восьмого ноября «Кречет3» пошел на посадку. Волнующие минуты. Спускаемый аппарат сошел с орбиты, пробил разряженную марсианскую атмосферу и спланировал к поверхности. Посадка шла как на самолете, плотность атмосферы вкупе с низкой гравитацией позволяли кораблю планировать.

Люди на Марсе. Невероятно! Идут доклады с поверхности. Приборы работают. Вокруг маленького, похожего на истребитель «Кречета» снуют телеуправляемые платформы: берут пробы грунта, ведут съемку, собирают образцы пород, сканируют окрестности. Перед посадкой с борта корабля были сброшены две автоматические лаборатории. Они тоже живы. Развернулись и работают.

Шумилов помнил, что в те часы творилось в бункере ЦУПа. Люди прилипли к экранам, молча во все глаза смотрели на кадры с другой планеты. Все наперебой поздравляли космонавтов и кораблестроителей, руководителей проекта, инженеров, товарищей с лунной базы, экипажи носителей, проектировщиков, специалистов технического контроля и обеспечения, рабочих с космических предприятий, ученых и испытателей. Всех причастных. Всех, от кого зависел успех полета. А ведь таких немало набирается. Тысяч десять, не меньше.

Жаль, расстояние до Марса таково, что невозможно устроить видеоконференцию. Медлительные радиоволны ползут до Красной планеты целых три минуты, столько же обратно. Расстояние велико. Получить отчет. Отправить ответную передачу и ждать, пока она дойдет до адресата.

В то время, когда шла высадка, три корабля на орбите состыковались между собой. Готовился запуск второго посадочного модуля. «Кречет1» примарсианился третьего декабря. Владимир Седов решил сесть в пятистах километрах от «Кречета3». У него было несколько вариантов высадки. Можно было опустить оба катера рядом друг с другом и развернуть один лагерь на пятерых космонавтов. Можно было, наоборот, сесть в разных полушариях, дабы охватить максимально возможный район.

Командир выбрал самый безопасный вариант. Если вдруг произойдет катастрофа, случится чтото непредвиденное, то накроет только один лагерь. Пятьсот километров по марсианской равнине – это в пределах радиуса действия краулеров. В случае чего можно добраться до товарищей. Вытащить их, не вызывая оставшийся на орбите резервный «Кречет2».

О масштабах исследования пока и речи не было. Достаточно одного факта высадки на Марс. Все равно экспедиция привезет столько материалов, что всем хватит на долгие годы работы. Уже одних только видеосъемок и лабораторных анализов передали больше, чем за все предыдущие десятилетия изучения соседней планеты.

Теперь нашим марсопроходцам остается завершить программу, благополучно поднять спускаемые аппараты и возвращаться домой. Только когда все семеро космонавтов вернутся на Землю, экспедицию можно будет

считать успешной.

Интереснейшее дело – изучение космоса. Шумилов всегда был далек от звездных материй, так получилось, что ему все больше приходилось заниматься делами сугубо земными, но и он с большим удовольствием провел бы неделю за изучением снимков Марса, видеозаписей и сухих строчек лабораторных анализов. Разумеется, с пояснительными записками и расшифровкой специалистов.

На Марсе ведь была вода. Под местом посадки «КречетаЗ» обнаружились кальциевые породы явно водного происхождения, донные отложения древнего морского залива. И орбитальная съемка подтверждает наличие на планете погребенных под наносами водонасыщенных грунтов. На Марсе есть вода, это означает, что на Марсе будет жизнь. Неважно, была или нет, она будет. Планету можно колонизировать. Специалисты уже выявили районы, в которых должны быть богатые рудные месторождения. Осталось провести разведку, оценить запасы. Может быть, удастся найти уран, тогда вопрос с энергоснабжением поселений решится сам собой.

На Марсе будет жизнь. Пусть не сегодня, пусть не в этой пятилетке, но в этом веке точно. Да что такое! Шумилов совсем забыл, что на Марсе уже сейчас есть жизнь. Пять молодых, активных, энергичных представителей вида хомо сапиенс. Кто сказал, что они не живые? Не только жизнь, но и разумная жизнь.

Эх, все это хорошо и очень благородно, но товарищи просят быстрее закругляться и ехать в Северную столицу. Ради этого дела даже упросили Воронцова и Краснова в ближайшее время не подключать товарища Шумилова к международным делам, не посылать его на встречи со старыми заграничными друзьями. Это значит, проблемы назревают серьезные, наши ученые мужи и герои невидимых фронтов заигрались с параллельным миром.

В аэропорту Пулково Павла Николаевича встретили Эрвин Шнитке и Иван Соколов. Профессор с момента его первого визита в Горки изменился, заматерел, теперь он больше не испытывал стеснения, разговаривая с генералитетом и лицами, власть имущими.

– Здравствуйте, давно вас ждем, – кивнул Эрвин Теодорович, стиснув своей лапищей пальцы Шумилова.

– Очень рад.

– Здравствуйте, товарищи, – губы Павла Николаевича тронула легкая улыбка. – Что стряслось?

– Поедемте в институт, там и поговорим.

– Сложности, – добавил от себя Иван Соколов.

В НИИ волновой механики Шумилова встретили Владимир Строгов и Игорь Минаев. Вскоре к ним присоединился Владимир Никитин. Оккупировав кабинет генерала Шнитке и закрыв дверь на замок, товарищи быстро ввели Шумилова в курс дела. Докладывали по очереди, каждый со своего ракурса, свое видение проблемы. Одна из методик Института экспериментальной истории, уроки никитинских специалистов.

– А что вы хотели? – съязвил Павел Николаевич, когда доклад был закончен и все уставились на него в ожидании очередного откровения.

Ситуация не идеал, но, на взгляд бывшего Председателя Совета министров СССР, могло быть и хуже. Голем огрызается. Из пяти кандидатов, пяти протеже прогрессоров один уже сошел с дистанции, а у двоих намертво застопорилась карьера.

Да, попытка раскрутить человека через бизнес закончилась тем, что у того неожиданно начались проблемы с конкурентами. Прикрытие не успело ничего понять, как пошла волна наездов, в том числе со стороны правоохранительных органов. Единственное, что удалось выяснить: команда «фас» была отдана с самого высшего уровня. Специалисты Шнитке ничего не смогли сделать, они только успели эвакуировать человека, предварительно устроив ему «самоубийство».

Игры с проправительственным движением и Церковью, как Павел Николаевич в свое время предупреждал, закончились ничем. Ступор. Сопротивление системы. Блокирование любых попыток протолкнуть человека выше определенного уровня. Кураторы от Института экспериментальной истории говорили, что они буквально видят работу иммунной системы живого организма. Отторжение чужеродного элемента. Пикантности добавлял тот факт, что отторгались не агенты влияния недружественного государства, не купленный криминалом перспективный чиновник, не продажный карьерист, а люди, готовые работать на страну и государство. Работать как проклятые, не за страх, а за совесть. Особенности Голема, черт бы их подрал!

Остались только два эколога, но из «Ноль первого» докладывают, что и эти товарищи попали в поле зрения иммунной системы противника. Пока идет прощупывание. Противник принюхивается, ходит кругами, припадает к земле и угрожающе рычит. Он еще думает: прыгнуть или не стоит, загрызть или отпустить.

Властные структуры соседней Ругии пока справляются со своей задачей, не дают стране распасться или вконец обнищать. Маховик власти еще вращается, хоть и с большим трудом. Коррупция и отрицательный отбор управленцев, вопиющая некомпетентность на всех уровнях тянут

корабль на дно, а капитан не может или не хочет провести генеральную уборку, он чувствует, что офицерский состав либо саботирует аврал, либо ответит открытым бунтом. Команде капитан не доверяет, хотя именно команда и пассажиры в первую очередь заинтересованы в том, чтобы корабль сохранил ход. Шлюпокто и спасательных плотиков полюбому на всех не хватит. В случае катастрофы почти все пассажиры и большая часть команды утонут вместе с кораблем.

– Я говорил: и Павел Николаевич нам не поможет, – пробасил Эрвин Шнитке.

– Задача сложная, – усмехнулся Строгов, хитровато прищурился и закурил.

– Я только физик. Не политик, – продолжил Соколов.

– Товарищи, кончайте свои игры, – улыбнулся Шумилов. – Не политик! Я тебе дам: не политик! Нечего меня на «слабо» ловить.

Понял он бесхитростную ловушку старых друзей. Это явно Шнитке затеял игру, решил развести старого финансиста, Красного Премьера. Задача действительно сложная, но не настолько, чтоб лучшие умы Союза спасовали.

– За год из пяти кандидатов трое слетели. Остальные на грани, – заявил Эрвин Теодорович.

– Голем, говорите, – протянул Павел Николаевич.

Вспомнились только что прошедшие переговоры с европейцами. Торг, игра, попытка подластиться к наивному русскому Ивану, вытянуть из него вложения в совместное освоение Западной Африки, и это под обещания равноправного членства в Атлантическом альянсе. Обмельчали европейцы, новое поколение политиков не чета прежним. Один только Шредер или Ле Пэн всех их играючи за пояс заткнут. Да где то поколение? Жан Мари три года как умер, партию дочке оставил. Герхард из политики ушел, после того как его прокатили на выборах, заявил, что в жизни больше никуда избираться не будет. Сильвио тоже не заметил, как и под него подкопались. Спихнули Берлускони в лучших итальянских традициях, с шумом, помпой и большим скандалом.

Нынешнее поколение работать не умеет, думать тоже не приучены. Ну кто из этих идиотов мог додуматься выставить ставкой в игре формальное членство СССР в НАТО? Да мы фактически возглавляем НАТО, если так посудить. Структура штабов, стандарты, расписания – это все ерунда. Главное – командование Альянса любые свои действия согласовывает с Москвой. У нас союзные договора с ведущими европейскими государствами. Мы регулярно участвуем в натовских маневрах, играем

первую скрипку в оркестре.

А ведь если посудить, наши комитетчики, прогрессоры доморощенные, совершают ту же ошибку, что и наши западные соседи. Формальности. Попытка играть по правилам, не вникая в суть. А ведь по правилам нельзя играть! Правила надо назначать! Тогда победишь.

– Что, если не обращать внимания на давление Системы и спокойно вести свою политику? – предложил Павел Николаевич.

– Что?! – изумился Минаев.

– Осталось решить, как это сделать, – заметил Владимир Строгов.

– Наши люди – это обычные граждане, немного помешанные на экологии и с активной гражданской позицией. Энергичные психи, с точки зрения обывателя. Так?

– Не психи. Психологический профиль, манера поведения, рекомендуемые реакции рассчитывались нашими лучшими специалистами.

– Иван Романович, ваши специалисты подобны флюсу, они не видят дальше своей специфики и рамок нашего мира, – Шумилов укоризненно покачал головой. – Вы же еще молодой, мозги не закостенели. Не то что мы, старики.

– Да какой ты старик! – съязвил Строгов. – На пенсию ушел, потому что так нужно было.

– Старше сорока – это не двадцать.

– Философы, – осуждающе пробасил Эрвин Теодорович. – Я от вас, Павел Николаевич, такого не ожидал. «Джентльмен хозяин своему слову. Захотел – дал. Захотел – взял».

– Если правила игры не позволяют джентльменам выигрывать, джентльмены меняют правила по ходу игры, – не остался в долгу Шумилов. – Именно так мы и работали в девяностые годы. Только благодаря полной непредсказуемости нашей политики мы и выжили, и даже помогли нашим противникам свалиться в свои же собственные ямы.

Просто так отделаться Павлу Шумилову не удалось. Из института его не отпустили. Товарищи спокойно, но настойчиво просили задержаться, изучить материалы, провести анализ ситуации, выдать полное заключение.

Неделя пролетела, как и не бывало. С утра до вечера документы, отчеты, видеоматериалы и газеты из «Мира01». Шумилова даже познакомили с основными литературными тенденциями соседей. Интересно, ничего не скажешь. Навевает на грустные мысли. При желании можно защитить полдюжины диссертаций по сравнительному анализу беллетристики обоих миров.

Все на поверхности. Все надеются на лучшее, все хотят взять реванш

над своими противниками, вырваться вперед. И если не получается в жизни, так хоть в мечтах разгромить всех и вся, поднять красный флаг над развалинами Вашингтона, разбомбить Лондон вместе с немцами в сороковом и разгромить Гитлера в сорок первом. Или утопить вражеский флот у берегов Венесуэлы, отбить у турок Украину, повторить для китайцев Маньчжурскую операцию, раздавить немецкофашистские орды гусеницами современных «Т90», завоевать Антарктиду в конце концов.

Предохранительный клапан на паровом котле. Защитные механизмы общества. Люди не хотят очередной революции, им меньше всего нужна кровавая вакханалия на развалинах страны. И если жить как прежде нельзя, ломать своими руками систему тоже нельзя – остается топить разум наркотиками. Хорошо, если книжными. Наркоманиято у соседей растет, купить дурь не проблема. Попадаются только самые глупые и несчастливые наркоторговцы.

Если же говорить серьезно, это все показывает, что в Ругии «Мира ноль один» все меньше и меньше людей верит, что завтра будет лучше, чем сегодня. Они не видят свет в конце туннеля. У них нет будущего. Это самое страшное. Без прошлого, без будущего и настоящее размывается, превращается в фантом. Жизнь превращается в существование. Это начало конца.

Очередное совещание прошло точно по такому же сценарию, как и первый разговор после прилета Шумилова в Питер. Ничего нового он не сказал. Его не поняли. Со своей стороны Павел Николаевич осознавал, что товарищи слишком близко к сердцу воспринимают горести и чаяния жителей параллельного мира. Настолько близко, что на первое место выступают эмоции, а не рассудок.

Грустно. С одной стороны, Шумилов чувствовал, понимал, что нельзя бросать соседей, но при этом разум говорил, что нельзя их спасать против их желания. Спасатель становится заложником спасенного. Спасенный теряет остатки воли, он не научится рассчитывать только на себя, всегда будет надеяться на сильного и доброго дядю, Старшего Брата за спиной.

Люди меняются. У работавших над проектом «Глубокий океан» появилась одержимость чужим миром. Они начинали воспринимать «ноль первый» как свой родной мир и вести себя соответственно. Проблема, о которой предупреждали писателифантасты. Да кто им верит?! Пока сам лоб не расшибешь, не дойдет. Как пел Владимир Высоцкий: «Пророков нет в отечестве своем. Да и в других отечествах негусто».

Похорошему, надо срочно принимать кардинальное решение. Либо выводить наших людей и прекращать эксперимент, либо, наоборот,

усиливать наш контингент и брать ситуацию в свои руки, на моральноэтические вопросы положить покладом. К сожалению, невозможно ни первое, ни второе. Приходится продолжать политику неявного вмешательства.

Был и другой этический вопрос. У соседей работают наши прогрессоры. Живут среди таких же людей, как и они. Прогрессоры вынуждены вживаться в свои легенды, становиться почти настоящими обитателями «Мира01». Наши агенты влияния обзаводятся друзьями, влюбляются, женятся, у них рождаются дети. Да, вживание в чужой мир имеет свои плюсы – человек ведет себя естественно, он становится своим. Но ведь командировка когданибудь закончится.

На этот счет было принято решение: при эвакуации прогрессора обязательно вывозить его жену и детей. Однозначно. Нельзя ломать психику своих людей. Нельзя заводить семью, заранее зная, что в один момент тебе придется уехать навсегда, бросить все, оставить своих детей без отца и даже не иметь возможности позвонить им, отправить письмо, телеграмму, электронное сообщение.

Одна проблема решена, но зато при эвакуации возникнет другая сложность: придется объяснять родным прогрессора, что они уезжают навсегда. Как вырвать людей из их круга? Что делать с глубокими душевными ранами? Это ведь жуткий стресс – узнать, что твой муж или отец на самом деле пришелец, даже не иностранец, а человек из другого мира, почти инопланетянин. Сложно. Психологи бились над проблемой, но не могли дать универсальный рецепт, алгоритм лечения, реабилитации и адаптации. Скорее всего такой рецепт появится не скоро, если вообще появится.

Пока еще не приходилось эвакуировать семейных. Специалисты только теоретизируют, а ведь когданибудь им придется решать проблему на практике. Надо будет не только пересадить совершенно случайных людей на новую почву, помочь им врасти в новый мир, стать гражданами СССР, но и обеспечить секретность проекта. Вопросы, вопросы и еще раз вопросы. Вопросы, которые придется решать в частном порядке, напрягать все силы, мучиться, и все равно когданибудь гденибудь ктото даст маху. Просто по закону больших чисел ошибка неизбежна.

В марте Шумилов уехал из Петербурга. Проблемы не решались, предлагаемые идеи не находили понимания у товарищей. Продолжалось топтание на месте.

В Москве Павла встретили Марина и дети. Специально подгадал прилет на субботний вечер, чтоб без накладок. Люди работают, не каждый

может вырваться. Из аэропорта всей гурьбой на трех машинах поехали в Горки. Охрана, разумеется, обеспечила милицейское сопровождение, две машины с мигалками.

Эх, не любил товарищ Шумилов такие вещи, он предпочитал ездить без помпы и рева сирен, как нормальный человек. Правда, в отличие от коллег из «ноль первого» наша милиция при сопровождении персоны из особого списка 9го управления КГБ не перекрывала движение, не создавала помех простым согражданам и не организовывала многокилометровые пробки. Десятки патрулей на каждом перекрестке и у каждого перехода тоже не выставляли. Гаишники люди занятые, у них и без того куча дел, чтоб еще играть роль шлагбаумов и махать жезлом, когда мимо проносится сияющее как новогодняя елка авто с высокопоставленной задницей в салоне.

Глядя на пейзаж за окном машины, Павел Николаевич думал, что это очень хорошо, когда у тебя есть любимая жена, дети, внуки, любимая работа и свой дом. Это очень хорошо, когда тебя ценят и любят близкие люди. Друзья. Эх, надо бы позвонить Арсению Бугрову. Кажется, бывший Верховный – а какой он к черту бывший?! Верховный может быть только один, пусть и на пенсии – должен быть в Москве. Созвониться, пригласить старого соратника ближе к лету в Горки, соблазнить его рыбалкой, посидеть с удочками у полыньи или на берегу, распечатать бутылочку винца, да так и «рыбачить» весь вечер, благо погода хорошая, а воздух в Подмосковье чистый, напоенный ароматами смолы, речной прохлады и лесной прели.

Любопытно, а что, если… Проклятый телефон!

– Да, слушаю! – на дисплее высветился номер Эрвина Шнитке.

– Павел Николаевич, наши головастые вам большой привет передают. В Горках будет пакет с отчетом.

– Что случилось? – Шумилов чуть не подскочил на месте. Всегда так! Стоит немного расслабиться, как любимые друзья и коллеги тут же вспоминают о существовании Красного Премьера и, что характерно, спешат обрадовать своими проблемами.

– Не серьезно, но очень интересно.

– Вкратце.

– Коротко, спецы Анютина решили вопрос массы.

– И что? – уже спокойным тоном.

Шумилов вспомнил, что ученые долго спорили, каким боком наше шастанье между мирами касается законов сохранения. Ведь даже школьнику понятно, что при переходе прогрессоров из мира в мир масса

тоже переносится, а по идее должна сохраняться. Энергозатраты при работе портала гораздо ниже, чем было нужно, дабы превращать энергию в массу. Несбалансированный обмен массами и энергией получается. Вопиющее нарушение законов физики.

– Получите пакет, почитаете, – хохотнул генерал Шнитке.

Иногда они позволяли себе вольность разговаривать на «ты». Чувство общего дела способствует. Однако в нужные моменты Эрвин Теодорович позволял себе игру на интонациях, тонкий маневр между «ты» и чуть ироничным «вы».

– Больше новостей нет?

– Нет. Два кандидата. Две надежды.

– Хорошо.

Семья. Дети. Внуки. Шум. Веселье. Но Павел Николаевич поздно вечером нашел время почитать присланный курьером пакет.

Закрыть за собой дверь кабинета, убавить свет так, чтоб горели только два светильника над столом. Теперь можно срезать шпагат, развернуть упаковку. Затем извлечь пачку печатных листов, бросить короткий оценивающий взгляд на заглавие, раскрыть доклад и медленно вдумчиво читать.

– Однако! – Павел Шумилов оторвался от доклада и потер переносицу.

Было чему изумляться. Физики у нас не лыком шиты, отрабатывают свои премии и лимиты финансирования на все сто. Да нет, на двести, триста процентов. Сумели, смогли, умудрились, додумались, связали воедино разрозненные данные, нашли, где, как и что измерять, какие эксперименты проводить – в рамках доступного, конечно, – нашли ответ.

Оказывается, нет проблемы нарушения закона сохранения. В рамках взаимодействия систем миров при пробое портала происходит обмен и энергией и массами. Единый надпространственный континуум работает как цельная структура. Причем компенсация переносимой между мирами массы идет за счет массы самой планеты. Другими словами, сколько килограммов людей и оборудования мы закинули к соседям, столько к нам и вернулось в виде магмы ядра планеты.

– Забавно. А не взорвется? – пробормотал Павел Николаевич.

Впрочем, раз до сих пор ничего не взорвалось, в районе порталов вулканы не выросли, землетрясений не наблюдается, значит, и дальше все будет хорошо. Ученые молодцы, головы у них работают. Сумели рассчитать, что затраты энергии на поддержание портала и перемещения между мирами можно снизить, если открывать порталы в районе геомагнитных и гравитационных аномалий и близ глубинных разломов

коры. А это уже хорошо. Это хлеб. Заодно к отчету была приложена карта с наиболее выгодными районами для порталов.

Да, закидывать филиал института на Камчатку, туда, где и у нас, и у соседей дорог нет вообще, а люди и того реже встречаются, не интересно. На Северном Кавказе у параллельных шумно, горячо и опасно. Специалисты из прикрытия будут вынуждены провести кардинальную зачистку в стиле незабвенных антипартизанских команд. Тщательную зачистку, уделяя особое внимание чиновникам и продажным ментам.

А вот район Челябинска, Курская магнитная аномалия, Нижняя Кама, Карпаты уже интересны. Это работа на будущее. Мало того что энергии нужно будет на порядок меньше, так еще порталы можно будет такие открыть, что через них хоть грузовики и танки гоняй. Последнее как раз и не шутка. Фигеющие от соседей генералы уже не один раз предлагали просто ввести к параллельным дорогим нашим ругиянам войска.

О том, что мир после такого решения кардинально и бесповоротно изменится, звездопогонные предпочитали не задумываться, дескать, не их епархия, пусть политики и экономисты думают. Павел Николаевич отметил про себя, что генералы не так уж и неправы. Все равно рано или поздно секрет выйдет наружу. Придется уже сейчас готовиться к тому моменту, когда американцы, европейцы и израильтяне тоже пробьют свои порталы к альтернативным товарищам.

К «Глубокому океану» причастны десятки тысяч, тысячи посвящены в секреты и знают, что мы работаем с параллельным миром. Несмотря на все ухищрения КГБ, рано или поздно утечка будет. Такие вещи долго в тайне не хранятся. Рано или поздно придется учитывать в работе не только специфику соседей, но и пристальный интерес конкурентов из спецслужб нашего мира.

Марионетка

Если неведомые хозяева господина Усачева надеялись, что Панфилов быстро сломается, то они сильно ошибались. Наоборот, недавние события сделали Дениса злее, появилось неудержимое желание разобраться в проблеме и вернуть долг сторицей. К возможному провалу операции прогрессоров Панфилов относился спокойно. В конечном итоге это не его проблема.

Да, заманчиво стать лидером великой державы, навести порядок в своей стране. Но работать под контролем пришельцев? Даже если один из них ты сам, твое второе воплощение? Нет уж, увольте. Денис Панфилов никогда в этой жизни не плясал под чужую дудку и не будет. На сотрудничество он согласился только ради себя, своих будущих детей, своей нации, своей страны и по просьбе своего близнеца, не более и не менее того.

Неделя прошла без приключений. Контролируемая пришельцами служба безопасности вела негласное наблюдение за Усачевым. Ребята собирали материалы, осторожно копали под гостя из Подмосковья. Выяснилось, что «Виконткомпани» подписывает договор с механическим заводом на ремонтные работы и поставку оборудования. Предварительная цифра – тридцать миллиардов рублей. Фирма известна в определенных кругах, принадлежит одному близкому к Вертикали олигарху.

Оставалось решить самый главный вопрос: почему этих друзей заинтересовала скромная персона Дениса Панфилова? Денис еще и еще раз прокручивал в голове разговор с Валерием Иннокентьевичем, слушал записи. Ничего лишнего, ни одного намека. Только совет быть осторожным и не лезть куда не надо.

Наступила суббота. Денис до обеда заехал в церковь, переговорил с отцом Сергием. Благословение на строительство церкви есть. Церковники выбивают решение районной администрации на отвод земли. Дело не быстрое, бюрократическая машина работает со скоростью черепахи.

– Я разговаривал с Пономаревым, – рассказывал отец Сергий. – Человек он православный, готов помочь церкви. Землю выделит.

– Там, где мы и решили?

– Именно там. Место хорошее. Дорога наезженная, поворот на Белоус. В поселке, сам знаешь, люди живут богатые, им храм божий напоминанием о суетности бытия и тщетности богатства будет.

– Тогда, как будет землеотвод, огораживаем стройплощадку, получаем разрешение на строительство и приступаем.

– С Божьей помощью как раз к июню все и оформим.

Разговор происходил в рабочем кабинете архидьякона. Денис успел оценить обстановку. Скромненько. Ничего лишнего. Стол, стулья, шкафы. На стенах иконы. В отличие от многих своих коллег отец Сергий чтил библейские заповеди, грехом сребролюбия не отмечен. И редкое дело – искренне верующий человек.

– Место хорошее, – повторил поп. – Ты уж, как строить начнем, постарайся вразумить людей, чтоб деревья зазря не рубили, вокруг стройки не гадили, природу берегли. Это Божье творение. Грех живое губить.

– Поговорю, лично заставлю лес беречь. Мне самому противно, когда от нечего делать природу губят. Пропадем ведь без нее.

– Бог даст, не пропадем, – ответствовал архидьякон, мелко перекрестившись.

– На бога надейся, сам не греши.

– Тоже верно. Я вот, Денис Владимирович, об одном хочу тебя спросить: что ты такого страшного совершил, что целый храм строить хочешь?

– Думаешь, я грехи замаливаю? – улыбнулся Денис.

– На службах редко бываешь, не причащаешься. Когда последний раз к Богу обращался?

– На Крещение в церкви был, – ответил Денис.

Если честно, его Катюша уговорила. Просила святой воды набрать. Службу они тогда послушали, но не до конца. Народу в церкви было не протолкнуться. Душно. Вентиляция не работает. Воском, ладаном воняет. Народ с остекленевшими глазами крестится, поклоны бьет. И с водой неудача вышла. Денис совсем забыл, что в крещенскую ночь многие сограждане спешат запастись святой водичкой. Очередь к роднику при церкви стояла как к мавзолею в годы оные. Хорошо, Панфилов вспомнил, что в крещенскую ночь вся вода считается святой. Канистру они наполнили из одного мало кому известного родника за городом.

– Я тебя понять не могу, – молвил поп. – Не воцерковлен, а пожертвование царское делаешь. Душу облегчить не хочешь. Если к нему искренне, с открытым сердцем приходишь, он прощает. Христос за нас грехи искупил, смерть мученическую принял.

– Не сейчас, – отрезал Денис. Вот чего он не любил, так это когда в душу лезут. Верующим он не был. Если крестили в детстве тайком, так это не то. По мнению Панфилова, не может быть православным человек, не

принявший веру самостоятельно, добровольно и всем сердцем. А душа к церкви не лежала. Знал, что Бог есть, да не знал, какой он.

– Как знаешь. Он терпелив. Он всех ждет.

На прощание отец Сергий перекрестил Дениса. Покинув церковь, человек остановился у ворот, брезгливо отмахнулся от подскочивших к нему попрошаек. Один вопрос решается, пора думать о других проблемах. А вот она, сама в дверь стучит. В кармане зазвонил телефон. Номер незнакомый.

– Алло. Здравствуйте.

– Здравствуйте, Денис Владимирович, – прозвучал в трубке голос Валерия Иннокентьевича. – Вы сильно заняты? Можете уделить мне несколько минут?

– Давайте встретимся. Сможете подъехать в мой офис? Скажем, через час.

– С удовольствием. Еще раз извините за беспокойство.

Вежлив, гад. Свойство хорошего переговорщика, не единожды утрясавшего проблемы криминала. В отличие от «новых русских» братков старая воровская братия относится к словам щепетильно. Матерное слово может стать причиной войны. Случайно назвать отмотавшего срок авторитета «пидаром» или послать на… смертельно опасно, это прямой вызов, объявление войны.

В машине Денис извлек из бардачка второй телефон. Простенькая модель с купленной на подставную фамилию «симкой». В памяти аппарата ни одного номера. Денис по памяти набрал резервный номер Вячеслава Савельева.

– Братуха, пошли пиво пить. Угощаю.

– Закуску брать?

– Рыбки бы. Вяленой. Я через минуту буду.

По дороге Панфилов раздумывал, стоит ли звонить Иванцову? Капитан может прикрыть в случае, если наезд будет по всем правилам, с нарядом полиции и бумажкой от прокурора. Менты не будут открыто нарушать закон при своем коллеге.

По здравом размышлении Денис решил, что пока не стоит раскрывать карты. На сегодня достаточно людей Савельева. Гадюка успеет. Часа времени ему достаточно.

Людей в конторе было мало. На работу вышли только те, кому не хватило рабочей недели. К радости Панфилова, в своем кабинете обнаружился Семен Исаевич. Старый еврей человеком был умным, с новым директором его связывала старая дружба, в случае чего Котляр не

растеряется или добрым советом поможет. Вячеслав успел. К моменту появления Усачева все было готово. На этот раз Валерий Иннокентьевич явился один. Вежливо постучался в дверь, зашел.

– Проходите, присаживайтесь, – махнул рукой Панфилов.

– Вы уверенный в себе человек, Денис Владимирович. Бизнес в Ругии требует не только деловых, но и волевых качеств. Мы еще не привыкли к цивилизованным отношениям, все норовим спровадить конкурента куда подальше, на кладбище или на нары.

– Я понимаю, вы предпочитаете цивилизованные методы работы.

– Естественно. Надо перенимать опыт западных коллег. Они ведь побаиваются наших бизнесменов, не хотят с нами дело иметь. Не привыкли они к таким базарам и разводам.

– В натуре, блин.

– Вот именно, – холодно улыбнулся визитер. – Я к вам ведь по делу. Хотел поговорить о вашем увлечении. Природа там, ограничение выбросов, очистные сооружения. Бойкот атомных станций.

– Последним не увлекаюсь.

Намек понят. В губернии давно планируют расконсервировать недостроенную Краснополянскую АЭС. Деньги под это дело пойдут из бюджета.

– Серьезно? А как же радиация? Второй Чернобыль? Загрязнение? Онкология?

– Не держите меня за телевизионную курицу, – оскалился Панфилов и подпер подбородок кулаком.

– Тогда извините. Я только хотел предупредить. Если вдруг свершится такое чудо и выделят деньги на атомную станцию, не спешите поднимать народ на митинги. Человек вы волевой, харизматичный, взгляд располагающий, в темных делах не замешаны. Наш народ таких любит.

– А при чем здесь станция?

– Ни при чем, – ответил визитер, на его губах играла улыбка.

– И зачем мне поднимать народ на митинги? Я, извините, политикой не увлекаюсь. Грязное это дело. В Партию вступать не хочу. С оппозицией связываться… Натуральная кунсткамера. День открытых дверей в зоопарке.

– Это вы точно подметили, как их при советской власти недолечили, так и не лечат. Правые не лучше. Посмотрите, из этих самых «русских борцов» каждый пятый еврей, не считая третьего. Половина готова лизать задницу тому, кто заплатит, и облаять своих же товарищей по движению.

– Ну и фиг с ними, со скинхедами не общаюсь. Весовая категория не

та.

– Я тоже, но бывает иногда извращенное желание опустить придурка, засунуть башкой в унитаз, чтоб языком своим поганым вылизал.

– Валерий Иннокентьевич, вы ведь в Приреченск не только изза меня приехали.

– Бизнес, – развел руками Усачев. – Пробиваем договор с механическим заводом. Сами знаете, реконструкция. Серьезный, архисерьезный, как говорил товарищ Ленин, проект.

– Жаль, строительством не занимаюсь. Работа хорошая.

– У вас все еще впереди, – ответствовал Усачев, поднимаясь на ноги.

– До свидания. Рад был познакомиться, – кивнул Панфилов. Только сейчас он понял, что гость ни разу не подал ему руку.

– Забыл спросить. У вас есть брат?

– Нет. К сожалению, вырос один в семье.

– Странно, – задумчиво протянул гость. – Я недавно видел очень похожего на вас человека. Один к одному, близнец.

– Зовут, как и меня, Денисом?

– Да. Тоже Денис Владимирович. Я еще удивился, чуть не принял его за вас.

– Бывает. Многие путаются, – рассмеялся Денис. – Мой знакомый. Действительно очень похож на меня. Только фамилия Муромцев. Действительно не братья и даже не близнецы. Я из Саратова, а он с Урала.

Про себя Панфилов отметил, что Усачев не зря задал этот вопрос. Выждал момент. Хорошо, что Денис был готов к разговору, не стал отказываться от знакомства с двойником. Официальная легенда должна от зубов отскакивать, а лучше всего верить, что она и самая что ни на есть настоящая, тогда точно не проколешься.

– Удивительно. Но извините, рад был беседе. Простите, дела.

– До свидания, Валерий Иннокентьевич.

Когда за посетителем закрылась дверь, Панфилов выждал минуту и со вздохом откинулся на спинку кресла. Политика и бизнес. Как в России все запутано. Одно переплетается с другим. Какая же сволочь этот Усачев! Сначала натравил мордоворотов и только потом пришел разговаривать. Нет, прощать такие вещи Денис не собирался. Пусть месть – это не похристиански, но очень даже православно. В ад тех, кто думает иначе. Драку, избиение Денис еще мог простить, но то, что они напугали Лену, – никогда!

– Устал? – поинтересовался вошедший в кабинет Вячеслав.

– Слышал разговор?

– Урод, – проговорил прогрессор.

Вечером этого долгого дня на Дениса вышел Сергей Жуков. Встретились товарищи в «Перекрестке». На этот раз народу в торговом центре было куда больше. Большинство столиков занято, у стоек кафе очереди.

– Поймали мы одного из пацанов, – негромко проговорил Сергей.

– Откуда они?

– Наши, приреченские, с Боровецкого района. Уличная гопота безголовая. Нанял их Усачев.

– Опознание провели?

– Показали фотографии. Именно он и разговаривал с придурками. Дал щедрый аванс, просил прощупать тебя и потоптаться за твоим двойником.

– Странно. Они меня не ограбили. Ни копейки не взяли. Сергей, это похоже на дворовую шпану?

– Я сам допрашивал. За налетом наблюдал секретарь Усачева, он строгонастрого наказал не лазить по карманам. Дескать, если что пропадет – взыщет в тройном размере.

– Поверили? – с сомнением в голосе поинтересовался Денис. Секретаря он видел только один раз и не сказал бы, что тот опасный человек.

– Им пришлось поверить. Кирпич из люберецких. Убеждать умеет.

– Спасибо, камрад.

– Не за что. Слушай дальше. Кирпич расплатился, а Усачев посоветовал пацанам не болтать и сказал, что скоро у них будет новая работа.

– Что именно?

– Не сказал.

– Допросили хорошо?

– Выпотрошили полностью, ничего не утаил. С паяльником в заднице трудно врать.

– Серьезно? Паяльником работали?!

– Шучу. До этого не дошли. Раскололся после второго пальца в тисках.

– Хорошо. Давай дальше на дно. Осторожно наводим справки, проводим разведку, вскрываем контакты и не подставляемся. Это опасный противник, с такими мы еще не работали.

– Не бойся, у нас были мишени и пострашнее.

– Страшнее, но не опаснее.

О судьбе попавшегося соратникам гопника Денис не спрашивал. Так было ясно: прорубь или глубокая яма в лесу. Пропал без вести. В игре на

таком уровне любая ошибка фатальна. Жизнь товарищей гораздо дороже шкуры дворового бандюгана.

Выложив разведданные, Сергей как бы между делом посетовал, что у сестры неприятности. Муж запил. Хороший мужик, голова, руки есть. Но повздорил с начальником и попал под сокращение. Работу он найдет, такие специалисты без дела не пропадают, но ведь в запой ушел. Больше недели пьет почерному. Сестра с ребенком к Сергею переехала, боится своего Сашку. Надо чтото делать. Пропадает мужик.

– Решим, – кивнул Денис. – Есть у меня хороший нарколог. Сейчас телефон найду. Звони, скажешь, что от меня. Врач от бога. Из запоя выведет, если нужно, в больницу на неделю положит. Вернет твоему родственнику человеческий вид.

– Спасибо, Денис.

– Если что, не стесняйся. Звони, приеду помогу успокаивать.

– Да я сам. Возьму соратника. Справимся.

– Деньги нужны? Михалыч дорого берет.

Не слушая протесты камрада, Денис полез в портмоне. Выловил четыре пятитысячные купюры и положил перед Сергеем.

– Не надо, – отнекивался товарищ. – Есть у меня деньги. Неловко же.

– И не смей отказываться. Пока могу, помогаю. Знаю, зарплата у тебя не оченьто.

– Ну, спасибо. Через месяц верну.

– Не спеши. Не горит. Как сможешь, так и отдашь. Сестре помоги. У нее дома погром должен быть.

Одна проблема решена. Можно немного передохнуть. На следующей неделе Денис вырвался с женой на театральную постановку. Гастроли какойто столичной труппы. Комедия. Лене надо было развеяться, выбраться в люди. Надоело в четырех стенах, как в клетке, сидеть. Да и самому Денису отдых не помешал. Иногда надо приобщаться к высокому искусству.

Ночью, когда супруги вернулись домой, у Дениса в голове возникла мысль, что Усачев, сам того не понимая, подал хорошую идею. Пожалуй, стоит вплотную заняться Краснополянской АЭС. Нет, не то, чего так опасался друг наш подмосковный, все будет куда интереснее. Заодно выйдет подложить хорошую свинью нагловатому «специалисту по переговорам», он ведь не зря настойчиво советовал не лезть в атомные дела со своей экологией. Ясно, что Усачев сам хочет взять жирный подряд на строительстве АЭС.

В отличие от большинства борцов за чистоту окружающей среды,

Панфилов не страдал радиофобией. Пусть он не сумел получить полноценное техническое образование, но справочники почитывал. Знал, что атомная энергетика во многом экологичнее традиционной, на химических реакциях. И радиация – это не монструозное детище научнотехнического прогресса, а естественное явление.

Красные Поляны – маленький, забытый, нищий городок. Строительство АЭС вдохнет в него жизнь. Осатаневшие от безработицы, готовые бежать куда угодно люди получат возможность прокормить свои семьи. Большая стройка даст хлеб не только строительным трестам, но и всей промышленности региона. Стройиндустрия, металлисты, дорожники, химики, поставщики спецтехники не останутся без работы. Стройка как пылесос всасывает рабочих и специалистов, снижает безработицу, притягивает работящих людей из соседних регионов.

Как грибы после дождя, вырастут подсобные производства, магазины, автосервисы, развлекательные заведения, столовые, оптовые базы. Поднимется спрос на жилье. Любое мощное производство, масштабная стройка тянут за собой всю экономику целиком. Деньги, бюджетные вливания – это кровь, это жизнь, это спасение, сохранение и восстановление.

Много читавший в последнее время Денис знал, что великий Рузвельт выдернул Америку из депрессии не либерализацией экономики, а совсем наоборот, с помощью мощных бюджетных вливаний, военных заказов, целевых программ. Не рынок, а план, единая государственная программа.

Энергетика – это тоже хорошее решение, особенно высокотехнологичная атомная. Здесь Панфилов полностью разделял государственную политику. За атомом будущее. Недаром японцы, несмотря на вопли зеленых, продолжают строить новые АЭС, и у французов атомные станции дают львиную долю энергии. Нам надо брать пример с умных людей. Атом – это одна из немногих отраслей, где мы не только не отстаем, но и даже опережаем других.

Да, государственная программа строительства новых станций спасет не один город, оживит экономику. Пусть даже половину средств разворуют, второй половины хватит для оживления экономики. Это куда лучше сумасшедших трат на олимпиады и чемпионаты. Энергетика всегда окупается.

Панфилов решил пока не привлекать к себе излишнего внимания, не шуметь, исподволь готовить активистов, собирать материалы, досье на ключевые фигуры. Затем, когда развернется строительство, провести массовый вброс информации о загрязнении окружающей среды в районе

Красных Полян. Нет, ни слова о радиации. Чернобыльский синдром – штука страшная и непредсказуемая, лучше не будить демонов массовых фобий. Чисто опасения общественности по поводу токсичных отходов, растерзанных бульдозерами зон отдыха, уникальных ландшафтов.

Если будет нужно, заранее подтянуть наиболее буйных коллег зеленых, спровоцировать пикеты и демонстрации. Судя по деятельности Усачева, власть и бизнес отреагируют крайне нервно, начнутся репрессии, демонстрации разгонят, коекого привлекут по административной статье. Пойдет шум. Журналистов заткнут, редакторы сами поймут, о чем не нужно говорить, но коечто прорвется. Огласка будет.

После чего достаточно подтянуть ребят из «Гринписа» – у них натуральная аллергия на все связанное с атомпромом и тяжелой энергетикой – и большая потеха гарантирована. Иностранцы однозначно устроят истерию, притянут за уши атомную угрозу. Не поможет и МАГАТЭ.

Люди очень не любят, когда власть успокаивает народ силой. Будет возмущение. Власти не смогут при иностранцах бесцеремонно задавить волнения. Бизнес будет вынужден, его заставят срочно подкупать местное население. Чиновникам придется не только обещать, но и реально заняться своими прямыми обязанностями. Жизнь людей хоть немного, но улучшится.

Когда назреет перелом, наступит самое время выйти на сцену «Синему небу». До этого организация будет держаться на периферии событий. Поддерживаем массовки, шумим помаленьку, но в передние ряды не лезем. Готовимся выступить арбитром.

Что будет дальше, как обычное, не самое популярное экологическое движение сможет всех примирить, набрать популярность в народе и приобрести поддержку властей, Денис пока не решил. Знал, что это надо, что без этого вся затея не имеет смысла, но задачу решить не мог. Известно было только одно – надо придерживаться нейтральной линии и играть роль справедливого, непричастного миротворца.

Во время очередной встречи с близнецом Денис поделился своей идеей. К его удивлению, Дэн посоветовал не устраивать революции раньше времени. Дескать, афера это натуральная. В результате Денис не приобретет союзников, а поссорится со всеми, с кем только можно.

– Ты подставляешь союзников из «Гринписа», вводишь в заблуждение своих людей, провоцируешь крупный бизнес. Думаешь, комитетчики не поймут, что за катавасией вокруг АЭС стоит один приреченский бизнесмен?

– А если осторожно?

– И осторожно не получится. Ладно, я посоветуюсь с товарищами, – смилостивился прогрессор, – но не думаю, что операцию согласуют. Слишком рискованно.

– Подумаю, – согласился Панфилов.

– Сейчас не время масштабных провокаций. Подумай сам, это не входит в наши цели. Не раскачивать, а собирать.

Про себя Денис надеялся, что специалисты из параллельного мира одобрят идею, помогут ее воплотить. Не получилось. Ближе к лету Дэн дал ответ: бесперспективно и опасно. Лучше вообще не лезть в дела, связанные с атомной промышленностью.

Жалко, интересная операция наклевывалась. Впрочем, последующие события захлестнули Дениса Панфилова с головой, ему уже было не до игр вокруг Краснополянской АЭС и народных волнений.

Кукловод

История с Усачевым не забылась. Прогрессоры ревниво относились к любым попыткам давления на своего подопечного. Люди Гадюки приглядывали за гостем из Подмосковья. Дэн съездил в Мюнхен, встречался с эмиссаром субкоманданте Маркоса. Прощупывали друг друга. Пока иностранцы были нужнее Муромцеву, чем он им. Движение «Синее небо» невелико. Пять тысяч человек могут собрать, если поднапрячься, не больше.

Возвращаясь в Москву, Дэн думал, что такими темпами создать массовое неполитическое движение и раскрутить близнеца за пять лет сложновато будет. Только если запустить рекламу по телевизору и в газетах. Нет, давать рекламу нам пока рановато. Противник не спит, они быстро поймут, что провинциальный борец за чистоту окружающей среды желает большего.

Ситуация в мире не идеал. В Европе назревают события. Ведущие лидеры заявили о провале эксперимента с мультикультурностью. Поздно они спохватились, поезд ушел, сейчас европейцам тяжело будет наводить порядок в своем доме. Десять лет назад то же самое можно было провернуть куда быстрее и безболезненнее.

До руководства Ругии со временем дойдет, что нельзя забывать про национальный вопрос. Если у нас и дальше землячества будут в привилегированном положении, то плохо будет всем, в том числе и нацменьшинствам. В Ругии последние несколько столетий всегда догоняют Европу, копируют западные рецепты, пытаются строить жизнь по чужим лекалам. Естественно, получается плохо.

В июне панфиловские активисты провели акцию по уборке городского пляжа. Подняли в местной прессе шум вокруг бесконтрольной застройки в зонах отдыха и на берегах реки. Денис договорился с заместителем мэра о регулярных рейдах по уборке мусора в пригородных лесах. Администрация выделяет технику, а «Синее небо» дает людей.

К своей афере с Краснополянской АЭС двойник больше не возвращался, дошло до человека, что не та это игра, где он может выиграть. Даже если устроить большой шум, а дело это нехитрое, пользы не будет. Наоборот, проиграют все, а на «Синем небе» можно будет ставить крест. Не та весовая категория, чтоб лезть в игру гигантов, мешать карты лицам, приближенным и причастным к Большому Пирогу бюджетных распилов.

Пока не та категория, а потом тем более, нельзя будет играть в такие игры. Наше движение должно быть созидательным, а не революционным, иначе мы проиграем.

В один из летних субботних вечеров на дачу к Дэну приехали Слава АнтоновСавельев и Алексей Ковалько. Да, в этом году Муромцевы купили дачу. Катя хотела домик за городом, чтоб можно было отдыхать от городского шума, в земле копаться, помидорчикиогурчики выращивать. Садовое общество выбрали приличное, рядом лес и река, нормальная дорога до ворот, главные улицы заасфальтированы.

Соседи хорошие и нужные. Денис Муромцев специально выбирал участок. Через два дома дача Олега Окунева, того самого директора департамента сбыта, с которым у Дэна были хорошие отношения. Напротив дом главного инженера завода «Стройдеталь». С тылу примыкает участок хозяина сети фастфуда «Большая сосиска».

Гости приехали поздно вечером, когда Муромцевы топили баню и жарили шашлык. Не звонили и не предупреждали. Ковалько взял с собой свою невесту Настю, симпатичную молодую женщину с острыми лисьими чертами лица.

– Какие люди в Голливуде! – провозгласил Слава, открывая калитку.

– И почему нас до сих пор не пригласили на эту дачу? – бесцеремонно заявил Алексей.

– Я же должен иногда отдыхать от директора. – Дэн оторвался от мангала и направился навстречу гостям. – Проходите. Рад познакомиться с такой милой и красивой девушкой. Привет, Слава.

– Здравствуйте, проходите, – улыбнулась Катюша.

Гадюка сбегал к машинам, притащил пакеты с продуктами. Собирались друзья основательно: банки с магазинным шашлыком, зелень, фрукты, рыбка. Не забыли минералку и бутылку приличного коньяка.

– Вовремя приехали. Баня почти натоплена.

– Давай, чем помочь? – поинтересовался Алексей Петрович.

– Как будто не родной, – усмехнулся Денис. – Тебе шампура насаживать. Настя пусть поможет стол накрыть. Ужинаем на веранде.

– А я дрова наколю. – Слава подхватил топор и ну его вращать над головой.

Девушки притворно завизжали.

– Соседей звать? – тихонько поинтересовался Муромцев.

– Не надо. Мы по делу приехали. Разговор есть, – отозвался Ковалько.

Шашлык с легкой закуской, маринованными огурчиками, да под коньячок, – великая вещь. Съесть его можно неограниченное количество и

еще по шампуру, тем более мужики все здоровые, умеющие и любящие вкусно поесть. Однако спиртным не увлекались. Пропустили по рюмочке – и все. Завтра рано утром всем за руль садиться. Да и сейчас разговаривать лучше на трезвую голову.

Сначала в баню пошли мужчины. После первого захода в парилку, когда они, разомлевшие, прогревшиеся, отдыхали в предбаннике, Ковалько вспомнил, зачем они приехали к Дэну.

– Помнишь, у твоего близнеца есть боевая группа?

– Есть. Человек десять уличных бойцов.

– Не уличные бойцы, а настоящие боевики, – рассказывал Слава. – Командуют ими старые друзья твоего крестника: Жуков и Земсков.

– Я знаю.

– Не все ты, старлей, знаешь. Сплоченная группа верных друзей: Панфилов, Жуков, Хуснуллин, Земсков и Иванцов. Последний – капитан, зам начальника отдела по экономической преступности, честный, принципиальный мент. Все пятеро настоящие друзья, друг за друга в огонь и воду. Все разные, но они одно целое. Наше вмешательство изменило жизнь местного Панфилова, он вышел из группы, но дружба осталась.

– Ты хочешь мне рассказать, как плохо иметь верных друзей? – усмехнулся Дэн.

– Нет. Я хочу спросить: что общего между бывшим активистом РНЕ и убежденным националистом Жуковым, успешным карьеристом, начальником службы безопасности крупной фирмы Панфиловым и честным ментом Иванцовым?

– И что?

– Дело в том, что в свое время в Приреченске приключилось несколько странных смертей. Гибли очень нехорошие люди, настоящих убийц не нашли и не найдут, почти во всех случаях убийство вызывало резонанс.

– Ты хочешь сказать, что наши друзья не так просты, как кажутся?

– Денис, я изучал твое досье, – кивнул Ковалько. – Ты вполне можешь без зазрения совести убить подлеца, наркоторговца, продажную сволочь. Ты можешь провести полноценную операцию по устранению нежелательного фигуранта.

– А если русским языком?

– Твой двойник возглавлял группу сопротивления, убивал преступников и продажных чиновников. Помнишь, позапрошлой зимой в городе была грязненькая история с отъемом детей у семьи?

– Было дело. Начальницу отдела соцзащиты нашли в лесу с посторонним предметом во внутренних органах.

– Насадили гадину на арматурину, – хохотнул Гадюка.

– А почему ты думаешь, что во всем виноваты мой двойник и его друзья?

– Не виноваты, но причастны, – поднял палец Ковалько. – Доказательств нет, работали чисто, но косвенные улики указывают на наших друзей.

– Даа, – протянул Денис.

Он и представить себе не мог, что близнец способен на такое. Ковалько прав – страшно то, что и сам Панфилов, оказывается, может вот так цинично убивать, да еще подставлять вместо себя непричастных. Чего только о себе не узнаешь, связавшись с чекистами.

Разговор продолжился после бани. Пока девушки парились, мужчины успели обсудить свои планы и проблемы. Ковалько считал, что кандидат уже перерос районный уровень. Пора разворачиваться, расширять филиалы Движения в соседних регионах.

Дэн в свою очередь думал, что рано еще выходить за пределы губернии и региона. Наш город охватываем, соседние, создаем базу. Сейчас, летом, проведем пару акций, раскрутим Дениса Владимировича местного, и только осенью можно будет рассылать делегатов и активистов в соседние регионы.

– А кто говорит, что сейчас? – прищурился Ковалько. – Осенью и будем создавать филиалы, а людей разошлем уже сейчас. Нам пора охватывать Урал, Нечерноземье и СевероЗапад. Разведку надо проводить. Пока суд да дело, людей найдут, обстановку разнюхают, с местными пальмофилами познакомятся. Осенью переводим деньги, и пусть работают.

– Правильно мы сделали, что купили «Политрон». Мощная фирма, – заявил Слава.

– С тем и рассчитывали, – кивнул Алексей Петрович.

– Хорошее слово «пальмофилы», – заметил Дэн. – Есть в нем суть глубинная.

– Каменные топоры, копья из ржавой арматуры, бусы из бутылочного стекла, математические формулы как магические символы, татуировка, юбки из стеклоткани.

– Последнее – это садизм натуральный.

– Носят. На пальмовых островах и не такое носят, – парировал Ковалько.

– Я понять не могу. Дело вроде хорошее, нужное – о природе заботиться, бить в набат, если загрязнения, выбросы обнаруживаются. Но почему тогда зеленые всегда не с того конца начинают? Почему большая

часть их идей идет не на пользу, а во вред матушкеприроде? – интересовался Слава.

– Безграмотность. Неумение думать хотя бы на два хода вперед. И я думаю, есть умные люди, что используют зеленых активистов как разрушителей чужого бизнеса, – пояснял Алексей Петрович.

– Бизнесу невыгодно бить по тяжелой энергетике. Вся эта альтернативная энергетика не снижает, а повышает себестоимость энергии. Помнишь шумиху вокруг ветряков и солнечных батарей? Оказалось дорого, проблемно и вредных выбросов больше, если весь производственный цикл учитывать. Используется только там, где нет других доступных энергоресурсов.

– Нет, Дэн, не бизнес. Наши же друзьяантиглобалисты и бывшие леваки работают заодно с зелеными.

– Не только бывшие леваки.

– Это все частности.

– Ребята, кончайте философствовать, – звонко крикнула Катюша, выпархивая из бани.

Распаренная, покрасневшая, с растрепанной гривой длинных темнорусых волос. В глазах чертики прыгают. Эх, любил Денис свою избранницу. Ну как можно говорить о работе, когда рядом жена?! Вот именно. Никто больше о политике, экономике и прочих заумных вещах и не заикался.

Вечер перешел к своему закономерному продолжению. Огонь в камине под навесом, горячий шашлык на столе, салаты, фрукты и овощи. Неторопливый разговор. Шутки, смех. Песни под гитару. Да, Слава прихватил с собой инструмент. Для разгона спел пару песен из Цоя, Высоцкого. На бис пошло «Солнышко лесное». А потом… Дэн сразу и не понял – старая добрая песня. Наша песня. Только со второго куплета до него дошло, что в Мире01 этот текст еще не сочинили и не положили на музыку. Некому было ее писать. Ктото из Африканской бригады. Колониальная песня. А нет здесь у страны колоний, сама стала колонией.

Дэн с грустью думал, что если кто и напишет здесь «Солнце далеких степей», то на английском. И никто никогда не споет у костра посреди саванны «Небо Родезии». Тяжело понимать, вспоминать, что ты не дома.

– Слав, давай «Призрачный взвод», – попросил Денис.

– Ребята, чтото вас понесло не туда, – вмешалась Настя.

– Извини, любимая. – Алексей обнял свою избранницу и поцеловал в щечку.

Ковалько тоже понял, что концерт по заявкам грозит превратиться в

грандиозный вброс к соседям фольклора из родного мира. Начальство за такие вещи по головке не погладит.

Наутро к компании присоединился Олег Окунев. Нет, ни слова о работе. Соседу хуже горькой редьки надоели набивающиеся к нему в друзья хитроносые товарищи. Денис это понял в первые же минуты знакомства и четко соблюдал статусквo. О делах говорить, только если иначе нельзя, и к взаимной выгоде. Нельзя просить, надо предлагать.

Сосед отправил жену и детей в город, сам остался со второй машиной на даче до вечера. Хотел подправить забор, дорожки камнем выложить, если удастся и будет настроение – посидеть на берегу с удочками. Не получилось ни то, ни другое, ни третье. Как зашел в гости к Муромцеву, да так и остался до второй половины дня. Друзья быстро взяли гостя в оборот. Потащили вместе позавтракать. Мяса и закуски осталось много. Хватило даже на обед.

Между делом ребята поправили крыльцо домика, заменили настил. Олег Борисович притащил резные дверные ручки, комплект наличников. Как раз на окно на веранде подошло. Один из друзей Окунева между делом увлекается резьбой по дереву, заваливает приятелей красивыми вещами.

Потом всей компанией отправились купаться. Лето. Солнышко жарит. На небе редкие облака плывут. Благодать. Вода теплая. Дачный поселок стоит на берегу речного залива. Мелко, вода быстро прогревается.

Телефон Денис оставил в доме. Редкое дело, обычно ни шагу без аппарата, привык всегда быть на связи, а сегодня расслабился.

Два пропущенных звонка. Оба от Сергея Артемова. Прогрессор почесал в затылке: внеплановый выход на связь, явно чтото случилось. Позвонить самому или подождать? Но тут телефон сам разразился аккордами песни «Последний герой».

– Алло.

– Денис Владимирович, Артемов беспокоит.

– Слушаю.

– Владимирыч, ты вечером занят? Дело есть, надо срочно обсудить.

– Если надо, подъеду. Только учти, я за рулем.

– Знаю, я сам в машине живу, сплю и… – Артем хотел добавить, чем он еще в машине занимается, но сдержался.

Денис его прекрасно понял. Сам километры наматывал как сумасшедший.

– Давай часов в семь. Удобно будет?

– Нормально. Давай прямо ко мне домой. Жду, Денис Владимирович.

Выждав удобный момент, Дэн поймал Алексея Ковалько и передал ему

состоявшийся разговор.

– Странно. Ключевые фразы «надо срочно обсудить», обращение по имени, отчеству в конце разговора. Он точно назвал тебя Денисом Владимировичем?

– Дважды. Когда представлялся и когда договорились о встрече.

– Неаккуратный разговор. Или у него проблемы и надо ехать с усилением, или непредвиденные осложнения с нашим подопечным.

– Я еду, – заявил Дэн.

– Усиление?

– Гадюка на второй машине, контроль за подъездом и окнами.

– Хорошо. Больше никого. Не будем вызывать ажиотаж у наших возможных врагов раньше времени.

Товарищи и вида не показали, что у них появились проблемы. Отдыхали, веселились, развлекали прекрасных дам. Часа в три начали собираться по домам. Выходные заканчиваются. Начинаются будни, и у когото раньше понедельника.

Катюша привыкла к сумасшедшему, невозможному, ненормированному рабочему графику мужа. Иногда, конечно, ревновала, но с умом. Старая как мир игра. Денис был верен своей любимой. Катя знала, что муж ей не изменяет. И Денис знал, что Катя знает, а ревнует порядка ради, чтоб чувства не притупились.

Время подходит к семи часам. Дэн оставил машину на площадке за пять подъездов до подъезда Артемова. Успел: еще час, и парковку не найти, все возвращаются с дач. Город строился в советское время, кварталы планировались по старым нормативам, когда никто и подумать не мог, что будет столько частных машин. С парковкой во дворах проблема. И стоянки до́роги, не каждый может себе позволить.

Заглушить мотор. Оглядеться. Ничего подозрительного. Бабушки на скамейках. Детскую площадку оккупировала шумная компания подростков. Стайка девочек младшего школьного возраста носится вокруг качелей. Двое мужиков меняют колесо старой, видавшей виды «четверки».

Дэн вышел из машины, щелкнул сигнализацией. Подходя к подъезду, он заметил машину Славы. Товарищ припарковался метров за двести, рядом с соседним домом. Если не знаешь, то и не поймешь, что водитель синей «Хонды» держит под наблюдением двор и окна третьего этажа девятиэтажки.

На подъездной двери стоит кодовый замок, но сегодня он не работал. Дэн поднялся по лестнице и нажал кнопку звонка. Буквально через секунду за дверью послышались шаги. Лязгнул замок, и на пороге появился Сергей.

Он схватил гостя за руку и буквально втянул внутрь.

– Что случилось?

– Дерьмо! – скривился Артемов. – Пошли на кухню.

Коллега жил один в обычной двушке. Типичное холостяцкое жилье. Полы давно не мыты, на подоконнике грязные пятна, в мойке стопка тарелок и чашка. На кухонном столе рядом с магазинными голубцами стоит пепельница. И не пустая.

– Сегодня утром приходили от Усачева. Просили помочь с одним делом.

– На работу приходили?

– В контору. Я выходил. Базу проверил и с бумагами разбирался.

– Что они хотели?

– Двое. Оба молодые, нагловатые, хоть и пытались держаться вежливо, – рассказывал Артемов. – Им надо помочь с подставной фирмой. Сам знаешь, оптимизация налогов, вывод средств, сокращение прибыли.

Сергей был талантливым экономистом, большим мастером околозаконных сделок и махинаций. Именно благодаря своим способностям он и попал в прогрессоры. Ковалько баял, дескать, Артемов уже успел засветиться в одном интересном деле с биржевыми играми и иностранными акциями. Если бы не институт и Контора Глубокого Бурения, попал бы гражданин на многолетний сеанс трудотерапии в местах не столь отдаленных. Гений. ОБХСС его два года ловил. А вот с нервами у Артемова не очень. Выдержки маловато. Не умеет держать удар и жить под постоянным прессингом.

– Не сказали, кто их навел? – поинтересовался Дэн.

– Намекнули на тебя.

– Серьезно? Вот козлы!

– Натуральные. О вознаграждении, между прочим, ни слова.

– А ты?

– Сказал, что сильно занят и не знаю лично их командира. Не могу, в общем, помочь.

– И?

– Просили подумать. Говорят, все знают «Виконткомпани». Никто не остался недовольным.

– Так я не понял, зачем было паниковать?

Сохраняя внешнее спокойствие, Дэн понимал, что товарищ прав. Валерий Усачев слишком близко подобрался к проекту, он намеренно демонстрирует осведомленность, показывает, что знает, кто за кем стоит. Это настораживало.

– Почему он обратился именно ко мне?

– Это понятно. Навел справки, выяснил, кто у нас в городе умудряется прокачивать сотни миллионов через десять банков и в итоге остается голым официально, – заметил Муромцев. – Интереснее другое, почему он не пришел лично, а послал менеджеров? Такие дела не делаются через левых людей.

– Может, они в теме?

– Нет. Я бы знал.

– Они за мной следили. Никто не знал, что я сегодня выйду в контору.

– Тогда зачем меня вызвал? – нахмурился Дэн. – А если и сейчас следят?

– Извини. Не подумал.

– Ляп. Вот так и проваливаются. Ладно. Если они еще раз нарисуются, начинай переговоры. Требуй контакт с серьезными людьми. Выясняй подноготную. Если что, если это не подстава и не фуфло, помоги им немного.

– Усачеву?

– Именно Усачеву. – Денис подмигнул опешившему Сергею. – Нам полезно быть в курсе его дел. Контроль за финансами тоже не помешает. Денежки любят счет.

Неделька началась. Покидая Сергея Артемова, Дэн решил прямо с утра заняться господином Усачевым и его хозяевами. Ребята из прикрытия не зря ели свой хлеб, досье на гостя из Подмосковья собрали полное. Аккуратно выяснили прошлое, накопали коечто интересное из настоящего Валерия Иннокентьевича.

Профессиональный менеджер, как принято говорить у местных. Если русским языком, то грамотный управленец со связями. Доля в активах «Виконткомпани». Влияние на директора. Право самостоятельно принимать решения и распоряжаться финансами, в определенных рамках, разумеется.

В буйные девяностые Усачев прославился как крутой, авторитетный в определенных кругах бизнесмен. Связи с криминалом и серьезными ребятами остались. По данным разведки, в последнее время предпочитает слишком нагло закон не нарушать, видимо, повлияла отсидка. Да, успел побывать на нарах. Не ту сторону выбрал в большой разборке с участием полицейских генералов и крупных чиновников. Убежать за границу не успел, потому и провел полгода в следственном изоляторе. Разумеется, его оправдали. Как только все утряслось, конфликт между большими шишками разрешился, так и оправдали.

Зато сейчас Валерий Иннокентьевич работает с умом, зря не рискует, но и прошлое не забывает, любит надавить на конкурентов и партнеров в полном соответствии со стилем девяностых годов. Есть информация, что «Виконткомпани» связана с покровителем нового приреченского мэра. Или, что ближе к истине, это все подразделения одной большой Системы известного, близкого к Вертикали олигарха.

Планы планами, а не мы одни строим наши планы. Утром в понедельник по дороге на автостоянку Дэн почувствовал, что за ним следят. Опять. Старая история. На этот раз работали профессионально.

Прогрессор подавил в себе желание оторваться от хвоста. Наоборот, на работу он ехал спокойно, не нарушая. При этом внимательно смотрел в зеркала, пытался обнаружить слежку. Ага! Похоже, тот старенький «Форд» и стоял напротив стоянки. Они или нет? Жаль, нельзя сделать круг по городу. Это сразу насторожит неизвестных наблюдателей.

Припарковавшись перед офисом, Дэн выждал, пока зеленый «Форд» не проехал мимо, и только потом вышел из машины. Спокойно. Не надо провоцировать панику. Наведаться в производственный отдел, выдать указания Саше Комарову и его подчиненным. Муромцев в свое время перетянул ценного сотрудника к себе и не пожалел. Саша человек хоть и мягкий, но исполнительный, работает как проклятый. Помощники у него подобрались подходящие. Только, пожалуй, Марина Романовна воду мутит, копает под Комарова. Надо не забыть, вызвать и вразумить, напомнить, что не она решает кадровые вопросы и не она начальник отдела.

Часам к девяти подтянулся Алексей Петрович. Он с утра заезжал на объект, ругался со смежниками. Вопреки обыкновению, Ковалько не пошел в свой кабинет, а сразу направился к заместителю.

– Как разговор?

– Есть вопросы, – молвил Дэн.

Он вкратце пересказал беседу с Артемовым. Алексей Петрович потер подбородок, буркнул себе под нос чтото неразборчивое и потянулся к графину с водой.

– Свежая? – поинтересовался он, наливая стакан.

– Нет.

– Наплевать. Ты знаешь, за мной сегодня следили.

– За мной тоже.

Неожиданность

Мир не стоит на месте. Жизнь такая штука – всегда жди от нее подвоха. Тогда не так сильно пострадаешь. Опять пришлось вплотную заняться «Глубоким океаном». Ситуация критическая, с дистанции сошел предпоследний кандидат. Аналитики недорассчитали маленько, и группа прикрытия слабину дала.

Человек раньше времени полез в политику, да так неудачно, что мало того, что напрочь рассорился с местными чиновниками, так еще не вовремя разыграл карту антиглобалистов. В результате человеком заинтересовались местные коррупционеры, британская разведка, российская контрразведка, китайцы и еще несколько спецслужб.

Пришлось проводить зачистку и эвакуацию. Хорошо, среди прогрессоров потерь не было. Да и кандидата смогли хорошо спрятать. Нет, его не вывозили, просто помогли сменить биографию, гражданство. Человек уехал в далекую южную страну, откуда выдачи нет и где не слишком сильно интересуются происхождением своих граждан, главное, чтоб налоги вовремя платили и местные законы не нарушали.

Однако дело все хуже и хуже, на плаву остался только один кандидат. Если и он свалится, действительно придется давать разрешение на активное вмешательство. Павел Николаевич понимал, что это самый худший вариант, но другого пути нет. Слишком многое изменилось за последний год. Мы слишком глубоко влезли в проблемы соседей, и обратного пути уже нет. Эвакуировать своих людей, отключить порталы и все забыть? Не получится – точка невозврата уже пройдена.

Эх, прав был Эрвин Теодорович: мы в ответе за тех, кого приручили. Или это Володя Строгов Экзюпери вспомнил? Неважно кто – сутьто верная. Незаметно для себя Шумилов втянулся в это дурное дело, нельзя работать ради галочки, а если относишься к делу с душой, то тебя всегда будет волновать результат, ты не сможешь просто так взять и уйти, бросить все – дескать, пусть молодые вкалывают.

Неделю назад Павел Николаевич встречался с Председателем Верховного Совета Владимиром Воронцовым. Поговорили за чашкой чая. Воронцов всегда лично встречал бывшего Председателя Совета Министров, когда тот заглядывал в Кремль. Даже если дел по горло, нынешний верховный всегда находил время для Красного Премьера.

Владимир Антонович сам предложил Шумилову, в случае

осложнений, полный картбланш на любые решения и действия за порталом. Год назад Павел Николаевич отказался бы без разговоров. Сейчас же все не так просто. Согласился, но и обговорил, что в случае чего Советский Союз не бросит Ругию, мы продолжим работу, а если иначе нельзя, «проведем вмешательство». И не обязательно вмешательство будет хирургически тонким.

– Приступим, господатоварищи. – Павел Шумилов обвел собравшихся насупленным взглядом исподлобья.

Очередное совещание по нашей славной и надоевшей, как геморрой, проблеме. Интересный вопрос, сложная задача, но иногда товарищ Шумилов чувствовал себя не в своей тарелке. Самое страшное для человека – это беспомощность. Ощущение того, что от тебя ничего не зависит, совсем как от маленького ребенка в большой темной комнате, когда кажется, что из каждого угла лезут чудовища. Нет, не так. Куда хуже, когда видишь, что несешься к пропасти и не можешь остановиться. Педаль тормоза провалилась в пол, руль заблокирован. Остается только отрешенно наблюдать за приближением конца.

– Землетрясение в юговосточном регионе и цунами, – поднял глаза Владимир Никитин.

– У параллельных оно было весной, – заметил Строгов.

– Наша работа? – скривился Павел Николаевич.

Реальность опять подкинула задачку. Явно наши эксперименты с порталами обеспечили соседям серьезные проблемы.

– Обмен массами подтолкнул разрядку напряжения плит, – кивнул директор Института региональных исследований.

– Это точно?

– Подтверждаю, – профессор Соколов кротко улыбнулся и тихо добавил: – Преждевременное подводное землетрясение. Определенно, это мы подтолкнули.

– Что будем делать? – рассеянно протянул Сергей Костачев.

– Заголяться и бегать, – рявкнул Эрвин Шнитке. – Работать надо! Арбайт махт фрай!

– Работа делает свободным, – как бы для себя, но вслух перевел Шумилов.

– Ученые решат свои проблемы и доложат, – продолжал генерал. – Мы будем думать о людях.

– Это ваш вопрос, – усмехнулся Строгов. – Из пяти кандидатов двое провалены, еще двое намертво застряли, их продвижение, карьерное продвижение практически ближайшие десять лет невозможно. Последний

кандидат подвергся жесткому давлению.

– Я… – лицо Шнитке налилось кровью. Удар был не в бровь, а в глаз.

– Господатоварищи, мы забываемся. – Павел Николаевич раздраженно стукнул ладонью по столу.

– Извините, – тяжело выдохнул немец.

– А как быть с землетрясением? – это опять Костачев.

Глядя на финансиста, Шумилов нехорошо ухмыльнулся. Слабоват оказался финансовый гений. Деньги считает хорошо, когда идет операция с рисками в миллиарды рублей, держится как каменный, а поди же ты! Стоило делу коснуться крови, так парень сбледнул.

– Отложим в сторону.

– Павел Николаевич?

– Товарищ Костачев, вас учили верить цифрам. Землетрясение произошло в обоих мирах. У соседей раньше, у нас с большей магнитудой. Потери, жертвы, говорите. А о заселенности забыли? Японские АЭС устарели сто лет назад. Рано или поздно они должны взорваться.

– Трагедия почти не сказалась на планах по строительству новых станций, – заметил Строгов. – В Ругии реализуют масштабную атомную программу.

– Коррупция сильно тормозит работу, – добавил Трубачев.

– Взялись за ум. Переборoли чернобыльский синдром, – согласился Иван Соколов.

– Должны же когдато переболеть, – пробасил Эрвин Шнитке.

– Возвращаемся к нашим кандидатам. Когда стало ясно, что последний – Панфилов, да? – попал под удар?

– Последний рапорт получен вчера в шесть утра по московскому времени.

– Что успели сделать, Эрвин Теодорович?

– Готовим группу усиления. Резидентура получила приказ.

– Я помню, не такто просто перебрасывать агентов из города в город, – вмешался Владимир Строгов. – Что могут сделать полевые агенты без натурализации и контактов с местными?

– Начальник группы – человек опытный, успел поработать в Центральной Европе. Региональным сектором командует Зеленый.

– Савельевич? – Строгов резко повернулся к докладчику.

– Да, это его отчество.

– О фамилии не спрашиваю, – Владимир Петрович кивнул.

Шнитке ответил ему коротким красноречивым взглядом. Вячеслав Трубачев, наоборот, отвел взгляд в сторону. По всему, комитетчики очень

хорошо знали этого самого Зеленого, причем с лучшей стороны.

– Дело упрощается, а вот командир приреченской группы мне не знаком.

– Хороший человек, грамотный. А контактер еще и удачлив, как черт, – поспешил вмешаться подполковник Лаврентьев, с недавних пор включенный в штабную группу.

– Панфилов, старший лейтенант из Африки, двойник кандидата. Тот самый эксперимент, – вспомнил Шумилов.

– Так что будем делать, если кандидат сойдет с дистанции?

– Не сойдет. За этих людей я ручаюсь! – Эрвин Шнитке наклонился вперед, уперев кулаки в стол и уставив на Павла Николаевича тяжелый взгляд исподлобья.

– Недавно именно вы настаивали на подготовке операции вторжения. – Шумилов ответил генералу спокойной, чуть ироничной улыбкой. И не с такими справлялся. Красный Премьер всегда держал военных в кулаке.

– А если применить мягкое вмешательство? Устранить, скажем, наиболее опасных олигархов и вождей противника?

– Не ожидал такого от ученого. – Строгов бросил на Соколова осуждающий взгляд.

– Не пойдет, – добавил Шнитке. – Или соседи справляются сами с помощью, при поддержке нашей агентуры, или мы проводим полноценную операцию спецсил.

– Мы сделали свою ставку, – продолжил Владимир Петрович. – Работаем по первоначальному плану. И только если,… – здесь Строгов многозначительно покачал пальцем, – если все кандидаты провалятся, мягкий переворот не пройдет или ситуация у параллельных выйдет изпод контроля, только тогда мы включаем на полную мощность порталы и берем все в свои руки.

– Не лучший итог. Крайний случай, когда все через задницу и к черту, – пробурчал подполковник Лаврентьев. В отличие от других военных и комитетчиков он резко возражал против силового варианта.

– Хорошо. Все согласны? – подвел итог Павел Шумилов. Сказано было так, чтоб ответ прозвучал только один. – Закругляемся. Работаем.

Шумилов первым поднялся изза стола и зашагал к выходу. Руки в карманы, так, чтоб не были видны стиснутые до боли кулаки. На лбу выступила испарина, глаза горят, но это ничего, это не страшно. Хуже всего то, что ситуация выходит изпод контроля. Все очевидные решения в корне ошибочны. Результат непредсказуем, и последствия операции «Глубокий океан» слишком глобальны, чтоб их можно было просчитать или хотя бы

свести в нашу пользу.

Павел Николаевич был собой недоволен. Неправильно все. И действовал он неправильно. Не так надо было. Все не так. Возраст сказывается. Пенсионная расслабуха, не обязывающая роль мудрого советника оказались ловушкой. Потерял форму, разучился отвечать за свои дела, забыл, что за спиной стоят люди.

Запершись в кабинете, Шумилов первым делом позвонил профессору Минаеву и попросил подготовить доклад на тему предполагаемого вторжения к соседям. Пусть реальные планы будут разрабатывать профессиональные штабисты, но и альтернативный взгляд мудрецов из мозгового центра не помешает.

– Решились? – Минаев ответил вопросом на вопрос. – Я сейчас в Москве. Завтра утром буду в Пулкове. Пришлите машину. Время уточню, как возьму билет.

– Закажи через свой отдел кадров.

– Им тоже нужно время, Павел Николаевич.

– Жду.

В глубине туннеля забрезжил тусклый свет. Появилась одна идея, неясная пока догадка. Павел Николаевич вовремя вспомнил, что противник – это не только безликий административный Голем, бездушная Вертикаль, – нет, за Системой стоят обычные люди. А людям свойственно ошибаться, у людей есть свои слабости. Значит, надо искать людей и договариваться, либо давить на болевые точки, либо манить пряником. Работать надо!

Шумилов довольно хмыкнул. А ведь для наших специалистов из Конторы Глубокого Бурения это азы профессии. Значит, они давно уже составили список ключевых фигур, нашли к ним подходы. Молчат пока. Держат в кармане резервные варианты на самый крайний пожарный.

А ведь социальное напряжение у соседей давно переросло все мыслимые и немыслимые пределы. Это только кажется, что люди заняты только добычей хлеба насущного и оплатой кредитов. Вот еще одна ловушка. Метод контроля за населением. Сам по себе кредит – штука хорошая, но в нужное время на нужную сумму и под нужное дело. Но жадность банкиров, неограниченная реклама, натуральный обман способствуют тому, что люди лезут в долг не думая. Покупают в кредит всякую фигню, без которой обойтись можно спокойно, а потом переплачивают по процентам. Ипотека – еще один волшебный насос. В свое время для Шумилова было шоком узнать, что у соседей за взятую в кредит квартиру банк выкачивает две, а то и три ее стоимости.

С одной стороны – как ни цинично это звучит, – политика правильная: опутанный долгами, думающий только о выживании и своей семье человек не будет бунтовать, он не понимает, что у соседа те же проблемы, и соседу лучше помочь, чем вырывать у него кусок хлеба. Да, когда человеку есть что терять, он не пойдет на баррикады. Но ведь все дело в чувстве меры, а у наших соседей с этим ой как плоховато. И не заметят, как доведут народ до ручки, и тогда полыхнет. Бунт – страшная штука, всем будет плохо. В первую очередь тем, кто не успеет смыться за границу, а тем, кто убежит, тоже будет плохо, но не сразу, а когда поймут, что за границей без сильной державы за спиной они никому не нужны, они только жертвы, с которых можно чтото поиметь. Вспомнилось бессмертное произведение Ильфа и Петрова, а именно сцена встречи Остапа с румынскими пограничниками. Да, вот именно. Так оно и будет.

Павел Шумилов вытянул из стола чистый лист бумаги и начертал по диагонали большими буквами с завитушками: «Национальный вопрос». Поставил восклицательный знак, затем вопросительный. Подчеркнул, обвел рамкой и зачеркнул написанное. Яростное, резкое движение рукой, так, что стержень капиллярки порвал бумагу.

– Национальный вопрос! – пафосно изрек Шумилов.

Изобретение демократов конца девятнадцатого века. Полезное и справедливое дело для того времени. Ныне же зачастую используется как «мягкое оружие» против потенциального противника или колонии.

В свое время специалисты профильных служб объяснили Павлу Николаевичу, что в нормальном государстве, в нормальной стране самого понятия «национальный вопрос» быть не должно. В стране должна быть демократия, система, работающая во благо и ради интересов большинства. Именно большинства, именно работающая, именно интересы. В Советском Союзе такого понятия, как национальный вопрос, вообще нет, немыслимо поднимать какойто странный, не касающийся большинства сограждан вопрос.

Вот живой пример перед глазами, не только США и Европа конца прошлого века, но и наши соседи – всегда выпячиваются проблемы национальных, религиозных, клановых и прочих меньшинств. Всегда речь идет о национальных интересах местечковых баронов и ханов, всегда на первое место ставятся интересы нацменов, и получается, что у тех, кто государство создал, кто его построил, у стержневой нации интересов нет либо они старательно замалчиваются, да еще объявляются преступными. Да, во благо того самого государства, ради которого люди работали как проклятые, кровь проливали, лишения терпели, ради него, родимого, и тех,

кто к нему присосался. О справедливости речи нет. Только интересы тех, кто не пахал и не сеял.

Смешно получается: в многонациональном СССР национального вопроса нет в природе, а в пока что многонациональной Ругской Федерации соседнего мира он есть. Натуральный анекдот, если бы не было так горько. Но это еще мелочи жизни, коррупция и идиотская политика краткосрочных проектов, неспособность видеть дальше собственного носа, просчитывать ситуацию больше чем на один ход вперед – вот самое страшное. Язва бездумия, поразившая соседей.

Эх, бросить «ноль первый» мы не можем, раз уж влезли в дело, надо драться до конца. Остается либо наплевать на все моральные и этические императивы, послать по известному адресу принципы невмешательства и вводить через порталы ударные части армии, либо надеяться на то, что наши специалисты найдут среди чиновников Ругии настоящих, не прогнивших людей, протолкнут одного из наших кандидатов и помогут соседям самим решить свои проблемы. Шанс, увы, невелик, и с каждым днем он все меньше и меньше.

В Мире01 надвигается кризис. Не банальный дефолт, не очередная войнушка, а настоящий системный кризис. Кризис, от которого не убежать и не спрятаться. Всех достанет, всем достанется по самое не балуй. Доигрались ребята, отдали власть банкирам, позволили сесть себе на шею, теперь получайте. И энергетические программы не спасут, слишком поздно. Поиск очередного врага тоже ничего не даст, только оттянет и усугубит неизбежный крах цивилизации. Будущее не любит тех, кто о нем не думает. Будущее штука жестокая, его надо строить, иначе оно построит тебя.

От горьких размышлений Павла Николаевича оторвал телефонный звонок. Антон Воткин беспокоил. Разнюхал, что Шумилов в Питере, да и решил напомнить о себе, пригласить в гости, чисто поговорить за рюмкой чая. Как подозревал Красный Премьер, не просто так звонит губернатор, если речь шла о дружеской встрече, то заехал бы в Горки, регулярно ведь в Первопрестольную наведывается.

– Хорошо. Давай сегодня вечером, после семи. Если ты не занят.

– Тогда жду у себя в Ленсовете, – бодро отозвался Воткин. – Ровно в семь двадцать. У меня как раз совещание с коммунальщиками заканчивается.

– К праздникам готовитесь?

– Какие к черту праздники, – горько усмехнулся градоначальник. – Теплосети надо менять. Последний капремонт в пятом году был.

– Гниют? Ты же тогда новые трубы положил.

– Положил, или поклал. Закопал, в общем. Магистрали меняли. А с домовой разводкой, внутриквартальной бардак со времен Петра тянется. Я на это дело союзный бюджет тряхнул, твой преемник деньги выделяет, начнем с Автово, параллельно у Черной Речки, потом постепенно к центру потянемся.

– Опять город перероешь?

– Придется. Но 20 процентов потерь на сетях я не потерплю.

– А сколько обещают? – заинтересовался Шумилов.

Старая, как советская власть, проблема центрального отопления и водоснабжения. С одной стороны, это гораздо выгоднее, чем ставить в каждом районе малые котельные, но зато возникает проблема транспортировки тепла. Потери неизбежны, и чем старше сети, тем больше на них теряется. Улицы отапливаем, и город подтапливаем. Однако в современном городе от центрального теплоснабжения не уйти. Еще ни один проект квартальных котельных не дал такую же эффективность, как на больших ТЭЦ.

– Технари бьют себя пяткой в грудь, кричат, будто в 2–3 процента уложатся.

– На внутриквартальной?

– Ага.

– Пусть работают. Мне рассказывали, что в Новосибирске как два года назад магистрали заменили, так тарифы на тепло в полтора раза снизили.

– В Новосибирске Чернышов не только сети менял, он все дома утеплил, новые фасады повесил.

– У Чернышова холоднее. Тебе с твоим климатом легче.

– Зато у меня сырость, и от трамваев блуждающие токи. Коррозия идет.

– Хорошо, что не коррупция, – хохотнул Шумилов.

– Это тоже. Может, слышал, я за последний год четверть своей бюрократии заменил.

– Слышал, это у всех так. Мы еще лет десять будем выдавать лицензии на отстрел чиновников, пока карманную тягу не отобьем.

– Не отменим. – В трубке послышался тяжелый вздох. – Человеческая природа. Везде воруют.

– Говорят, есть страны, где не воруют.

– Пальмовые острова. Аборигены в лубяных юбках. Денег нет, тянуть нечего. Счастливые люди.

– Зато у нас есть «Аврора», – не зная зачем вспомнил Шумилов.

Убрав телефон в карман, он подпер голову кулаком и уставился в одну точку. «Аврора» – это хорошо. «Аврора» – это последний шанс. Символ старой революции и весомый намек на революцию возможную. Хорошо бы еще крейсер на Москвуреку перетащить и напротив Кремля поставить. Власть не должна забывать, что она призвана служить стране и народу, в противном случае пушки революционного крейсера могут дать еще один залп. И народ всегда должен быть способен вырвать кормило власти из рук зарвавшихся, позабывшихся правителей и поставить на их место новых, достойных людей.

Идея! Наконецто мысль окончательно сформировалась. У наших соседей до сих пор действует крепостническое отношение к согражданам – не только запрещено владение полноценным боевым оружием, но даже сильно ограничено право на ношение легального оружия, да еще практически запрещена самооборона.

Дас, пережитки старой системы времен застоя: человек, адекватно встретивший преступников, скорее всего сам сядет в тюрьму за причинение тяжких повреждений либо убиение далеко не самых лучших членов общества. Несправедливо?! Может быть, но зато очень разумно с точки зрения хозяев страны. Оружие, право на самооборону – это не только право на защиту и определенная независимость, это еще и ответственность. А ответственность делает человека лучше, прививает ему чувство собственного достоинства. Если в стране живут граждане, то это очень хорошо, а если подданные? Тогда все наоборот. Идеальный подданный не должен даже задумываться о том, что от него чтото зависит. Подданный должен бояться и в то же время надеяться на государство, бежать к власти за судом и защитой. Подданный не должен «слишком много о себе понимать», как в свое время высказался один хороший знакомый Павла Шумилова, популярный лидер туркменской оппозиции, прикармливаемой советскими спецслужбами.

Если в Советском Союзе как изменили подход к самообороне, посчитали, что обороняющийся законопослушный гражданин всегда прав, как разрешили гражданам носить боевое оружие, так с тех пор только снимали ограничения. Все шло к тому, что скоро советские люди смогут – при желании, конечно, – держать дома хоть тяжелые пулеметы и гранатометы, кататься на рыбалку и за грибами на бронетранспортерах. В Союзе считается, что право на оружие – это естественное право свободных, ответственных, уважающих закон людей.

У соседей, впрочем, похоже, думают точно так же, только выводы делают иные. Посему бюрократический Голем готов костьми лечь, но не

дать в руки граждан оружие. Нет, не может податное быдло само решать свою судьбу, не может оно само себя защищать, иначе людям в головы придут крамольные мысли: а зачем терпеть произвол чиновников, криминала и продажных ментов? Нет, нельзя! Особенно рьяно ратуют за запрет силовые структуры. Это понятно. Для них оружие – это зримый символ статуса, признак своего превосходства над простыми людьми.

А что будет, если каждый сможет купить оружие? Можно ли будет измываться над человеком, который в любой момент может влепить тебе немного металла в лоб? Можно ли грабить того, кто, дойдя до грани, достанет пистолет и отправит тебя в мир, где деньги уже не нужны? Ужас. Нет, положительно нельзя разрешать оружие. Люди не готовы и никогда не будут готовы, по мнению ругийских властей предержащих.

Именно поэтому и надо нашим агентам в параллельном мире, нашим кандидатам в президенты Ругии делать ставку на право граждан на оружие. Не сразу, конечно, а когда накопят вес и пойдут на штурм Кремля.

– А мы им поможем, – промурлыкал Павел Николаевич.

В голове неуемного пенсионера уже крутился план массированной пропагандистской атаки. Бить по всем направлениям, делать акцент на том, что право на оружие и самооборону – это отличительный признак свободного человека. Не уставать доводить до людей одну простую мысль: у раба прав нет. Раб даже своей жизнью не может распоряжаться. Надо бы напомнить, что в гитлеровских концлагерях самоубийство считалось преступлением, оно каралось смертью. Абсурдно? Нет. Это еще раз напоминает заключенным, что они не властны ни над чем, даже над собственной жизнью.

Собственное решение

– Что скажете хорошего? – Денис наклонился вперед, потирая руки.

На его лице играла улыбка. Разговор происходил за столом ресторана «Старая крепость». Сидевшие напротив Сергей и Евгений только что закончили выдачу расклада оперативной обстановки. То, что господин Усачев укрепляет свои позиции в Приреченске и губернии, это и так ясно. Хуже – он пытается подмять под себя финансовую периферию «Синего неба», наехал на Панфилова и его друзей из параллельного мира.

– Валить надо, – предложил Сергей.

– Опасно, у Усачева связи в ФСБ и ментуре. Если он исчезнет или, не дай боже, найдут его труп – будут копать. В первую очередь подозрение падет на меня и Муромцева. Следом потянут вас и группу Дэна.

– Тогда валить Кирпича. Мы его аккуратно выкрадем. Помнишь, того гопника допрашивали? Исчез гаврик, и ни одна собака не залаяла.

– Кирпич не дворовая шантрапа, – резонно парировал Женя. – Его будут искать.

– Нельзя прятаться и отбиваться. Денис, мы делаем одно дело, мы команда, – жестко произнес Жуков.

– Прятаться не будем. Работать с умом надо.

– Можно вспомнить старую схему, – предложил Евгений Земсков. – Ищем врагов мишени и подставляем их под удар.

– Искать не надо. Не знаю с чего, но враги Усачева – это я и мой брат.

– Брат?! – изумился Евгений.

– Замяли. Потом расскажу.

– Алексей говорил, что наш друг сильно обидел Чумакова.

– «Монтажные системы»?

– Да, отнял у него жирный заказ. По слухам, не обошлось без давления. Намекали, что у дочерей Чумакова может начаться ранняя и очень интенсивная половая жизнь.

– Скотина!

– Как у него отношения с землячествами? – Женя покосился на Сергея.

– Не сталкивался. Он с ними не сталкивался, – вздохнул Жуков.

– А если столкнуть?

– Как?

Этим вопросом деловой разговор и завершился. Ребята не могли придумать ничего толкового. Пусть они собрали неплохое досье на Усачева,

но подобраться к этому человеку не так просто. А между тем он активно давит на Панфилова и его двойника. Нанятые Усачевым люди следят за Дэном и его товарищами. По косвенным намекам собирается компромат. Вчера люди из «Виконткомпани» еще раз подходили к Сергею Артемову, повторили предложение работать вместе с Усачевым. Намекали на возможные неприятности.

Самое плохое – это то, что ни Панфилов, ни его товарищи, ни прогрессоры так и не смогли выяснить: Усачев – это обычный конфликт в бизнесе или под маской нагловатого юриста действует Ее Величество Государственнобюрократическая Система? Реагироватьто на угрозу надо поразному. Ошибка дорого стоит.

В следующую пятницу Денису позвонили из офиса «Виконткомпани». Красивым, нежным, возбуждающим девичьим голоском поинтересовались: удобно ли уважаемому Денису Владимировичу встретиться сегодня в конце дня с Валерием Иннокентьевичем?

– Где? – бросил в трубку Панфилов.

– Денис Владимирович, где вам будет угодно.

– Хорошо. Передайте уважаемому Валерию Иннокентьевичу, что я жду его в пять часов вечера в ресторане «Сивый мерин». Это на Ленинградском проспекте, рядом с поворотом на стадион.

– Спасибо большое за приглашение. Валерий Иннокентьевич обязательно вам перезвонит ближе к пяти.

Игра начинается. Денис удовлетворенно потер руки. Танцы с прелюдией заканчиваются, начинается настоящая партия. Он давно был готов к встрече с глазу на глаз, и он не зря выбрал «Сивого мерина». Дело не в названии, хотя и это тоже. Хороший намек получается. Главное, в «Мерине» можно взять столик в отдельной кабинке с достаточно толстыми стенами. Никто случайно не подслушает. Принадлежал ресторан одному очень богатому и уважаемому, известному в криминальных кругах человеку. Марк Владленович никогда в жизни не будет стучать в полицию, никто не установит у него прослушку. Нет, это стопудовый вариант. Прокол исключен.

– Здравствуйте, Денис Владимирович. Вижу, вы серьезно отнеслись к нашему предложению. – На губах Усачева играла легкая улыбка.

Он задернул за собой штору и присел за столик напротив Панфилова.

– Здравствуйте. Угощайтесь. Попробуйте грибы под маринадом, – ответствовал Денис. Широкий взмах руки. Кивок в сторону сервировки стола. Денис успел сделать заказ. Легкая закуска. Соки. Минералка. Намек на деловой разговор.

– И ни капли спиртного, – понял Усачев. Стоявшую на столе бутылку «Путинки» он предпочел не заметить.

– Я за рулем, но если хотите…

– Нет, что вы. Только с вами.

Пикировка. Обмен вежливостями. Правила хорошего тона. Гость забросил себе на тарелку пару ложек грибной закуски, налил фужер сока.

– Денис Владимирович, полагаю, вы уже поняли, что имеете дело с серьезными людьми. Не скрою, моей фирме интересно работать в Приреченске. Контракты на механическом заводе, строительство атомной. Серьезные, выгодные контракты.

– Да, объемы хорошие. В кои веки у нас становится выгодно работать на госзаказе.

– Это всегда было выгодно. – Валерий Иннокентьевич прищурился. – Только надо уметь работать, понимать специфику. Кто не может вовремя разобраться в отношениях, нарушает договоренности, подводит людей, тот затем и жалуется на несправедливость.

– Я понять не могу, почему вас заинтересовал «Политрон»?

– Не «Политрон». Банковский счет, реквизиты не стоят ничего. Мне интересны люди. В первую очередь вы и ваш близнец.

– Опять близнец! – расхохотался Денис.

– Не могу я назвать иначе двух очень похожих друг на друга людей, – улыбнулся Усачев. На этот раз на его лице читались искренние человеческие чувства.

– Так какое отношение?

– В провинции, да и в Москве редко встречаются умные, целеустремленные, способные постоять за себя люди. И не сволочи, заметьте. Немного идеалисты, немного циники, немного грамотные, знающие дело бизнесмены.

– Может быть, – тихо сказал Панфилов. Ничего не значащие слова, обмен дешевыми любезностями начали его утомлять.

– Я предлагаю вам сотрудничество. Взаимовыгодное. Будь вы обычным купипродай, я бы вас купил. Будь вы нулем, я бы вас запугал, выпотрошил и выкинул, бросив напоследок какуюнибудь мелочь. Вы достойный человек, я предлагаю вам, Денис Владимирович, сотрудничество.

– А если конкретно? – произнес это Денис спокойным тоном. Его глаза смотрели мимо собеседника, на лице ни одной эмоции, тело расслаблено. Обманчивая расслабленность, Панфилов был готов в любой момент взорваться боевой пружиной.

– Хорошо, – в голосе собеседника появились новые интонации, слащавость испарилась без следа. – Я наблюдал за вами и Муромцевым. Я всегда приглядываюсь к людям, проверяю, выясняю, что они стоят, можно ли доверять. Вы мне понравились. Молодцы, развернули, продвинули хорошую структуру, прочную, надежную, доходную.

Панфилов молча кивнул. Не стоит воспринимать всерьез похвалу такого человека, как Усачев. Его ругань и уничижительные комментарии тоже не надо принимать близко к сердцу. Это все политика, не более того. Куда интереснее само вступление. Торг. Успешный столичный варяг пытается втянуть провинциальных простофиль в свою игру. Сначала немного комплиментов, потом покажут красивую, блестящую на солнце медаль, ценный приз, даже дадут подержаться, а потом уже попросят немного помочь в одном деле. Даже не попросят, сделают так, что простофиля сам предложит свои услуги, с радостью рванется в капкан.

– На своем уровне вы хороши, в городе развернулись. А дальше что?

– Дальше мы будем думать, – улыбнулся Денис. Он недаром употребил слово «мы». Пусть гражданин гадает: насколько близки Панфилов с Муромцевым.

– Так что с предложением?

– Вы, Валерий Иннокентьевич, еще ничего не предложили.

– Не так вы просты, – прищурился Усачев. – А что, если соединить наши усилия?

– Соединить? В чем?

– Вы, Денис Владимирович, думаете, что у меня все есть, остается только наслаждаться жизнью и ни о чем не мечтать и не желать?

– И? – Правая бровь Дениса приподнялась.

– У меня есть некоторый жизненный опыт, хорошие контакты, приятели там старые, знакомые, – протянул собеседник. – Смею надеяться, меня хорошо помнят. Вы молоды, энергичны, уверены в себе, хорошо знаете свой город и губернию. У вас хорошие контакты на Механическом, связи имеются. Вы умеете вести дело. Давайте работать вместе.

– Совместное дело? А как же «Виконт»? – притворно изумился Панфилов.

– Мы их используем, – хихикнул Усачев. – Им незачем знать, что у меня появились хорошие друзья и личные интересы. Верно я говорю, Денис Владимирович?

– Надо подумать. Надо серьезно подумать. – Денис потер подбородок. Пора. Игра идет. Намеки, короткие фразы. Собеседник ищет за ними большее, пытается понять намеки оппонента. Пусть пытается. Дадим ему

намек.

– Серьезное предложение серьезного человека. Почему бы не согласиться? – Панфилов откинулся на спинку диванчика, уставив на собеседника задумчивый взгляд. Валерий Иннокентьевич ответил ему прямым, честным, открытым взглядом глаза в глаза.

– Я подумаю над вашим предложением. И давайте выпьем за отношения и взаимопонимание. Порусски выпьем. – Денис ловко разлил водку по рюмкам.

– Давайте.

Усачев и не понял, как попался на старую как мир уловку. Он еще посоветовал собеседнику серьезно все взвесить, просчитать расклады и не рвать с места в карьер.

– Денис Владимирович, главное не портить отношения с людьми. Вот я, к примеру, никогда не забываю старых друзей. Бывает, собираемся, молодость, былые времена вспоминаем. И все мы разные. Кто чего добился или нет, кто, наоборот, растерял и не приобрел, а может, приобрел куда более ценное, важное, вечное, а не вульгарные портреты американских президентов.

– Верно, Валерий Иннокентьевич, я тоже не забываю людей. Друзья они на то и друзья, чтоб быть друзьями. – Денис глубокомысленно изрек явную бессмыслицу. Оба расхохотались. На этот раз Усачев взял в руки бутылку и плеснул в стопки понемногу огненной воды.

Через четверть часа новые приятели поднялись изза столика. Расплачивался Денис, вовремя, вежливо, но непреклонно не позволил Усачеву внести свою долю. Вышли из ресторана вместе. Тепло попрощались. Сев в машину, Денис завел мотор, немного замешкался, настраивая зеркала, подождал, пока Усачев отъедет от парковки, достал телефон и набрал номер Жени Земскова. Пара коротких фраз, брошенных в трубку, короткий ответ, сигнал отбоя на линии. Все, половина дела сделана. Теперь можно заглушить мотор и расслабиться.

Как Панфилов и предполагал, столичный гость провел самый грубый вариант вербовки, рассчитанный на неумного, жадного, самоуверенного провинциала. Даже грустно, что Усачев такого невысокого мнения о Денисе и его товарищах. Ну и фиг с ним. Самое главное – ни одного конкретного соглашения не заключено, ничего не обещано, только общие слова и пара дней на раздумья. Этого достаточно. А вот самоуверенный юрист уже сейчас начинает получать по заслугам.

«Ленд Крузер» Усачева отъехал от ресторана, за перекрестком ушел на разворот и свернул на проспект 50 лет СССР. Здесь его уже ждали. У

обочины припаркована скромная «Лада» с синим номером и синей полосой на боку, простой сотрудник ГАИ в нужный момент вышел на дорогу и махнул жезлом перед крутым джипом. Дальнейшие события легко доступны пониманию любого сталкивавшегося с нашей автоинспекцией. Лейтенант вежливо поздоровался, представился, попросил документы, а затем предложил дыхнуть в коробочку алкотестера.

Засада! Попытки Валерия Иннокентьевича давить на гаишника авторитетом или откупиться не произвели на лейтенанта никакого впечатления. Через минуту к автоинспектору присоединился напарник. И пришлось столичному гостю ехать на унизительную процедуру медосвидетельствования. К слову сказать, права у Усачева оказались просрочены, еще один пунктик, еще один повод для отстранения нарушителя от управления автотранспортом. Но ведь это не сравнится с ездой в пьяном виде, не правда ли?

Разумеется, все было организовано заранее. Знакомых гаишников сориентировали на перехват машины Усачева, заранее предупредили, что клиент будет поддатым, и посоветовали проявить принципиальность, довести дело до официального решения.

С одной стороны, это может показаться мелкой подставой, попыткой сделать гадость, но в действительности Денис был выше такой ерунды. Он знал, что Усачев рано ли, поздно ли, но права выкупит. Штрафы и взятки не ударят по бюджету юриста, для него это карманные расходы. Куда интереснее было понаблюдать за реакциями гостя, посмотреть, как он будет выкупать права, кого привлечет из своих высокопоставленных друзей. Давно мучивший Дениса вопрос: это бизнеснаезд или реакция системы?

На следующий день жизнь опять внесла свои коррективы в планы Панфилова. На этот раз весьма приятные, ожидаемые, хоть и волнительные хлопоты. Аленку пришлось в роддом везти. Схватки начались. Хорошо, Панфиловы в этот день были дома. Быстренько сбегать за машиной. Галопом! Позвонить врачу, предупредить приемную роддома – рожали они платно, – помочь жене одеться, медленно, аккуратно поддерживая за талию, вывести на улицу, усадить в машину. Ехал Денис осторожно, как будто вчера права получил. Лена молодец – держалась да еще подбадривала мужа. Дескать, не тебе рожать, не нервничай.

Денис до поздней ночи метался по квартире из угла в угол, с телефоном в руке. Хотелось немного выпить, но нельзя – машина под окном, вдруг ехать придется. Наконец в час ночи раздался звонок. Врач.

– Поздравляю. Сын у вас. Три восемьсот.

– Спасибо, – только и смог выдохнуть молодой человек. К горлу подступил комок, голос предательски осекся.

– Как Лена?

Все было хорошо. Сын. Наследник. Продолжение рода. И с женой все хорошо. Намучилась, бедняжка. Первые роды. Но без разрывов, врачи вовремя сделали аккуратный разрез, а потом все зашили. Все будет хорошо. Мама и сын здоровы. Мальчик крепкий родился. Сын!!! Счастью Дениса не было предела.

С утра пошли новые заботы и хлопоты. Мало того, что надо кроватку собирать, пеленальный столик на место поставить, еще раз придирчивым взором оглядеть квартиру: не забыл ли чего? Надо еще родных обзвонить, своих и Лены, сообщить радостную весть. А там незаметно и друзья подтянулись, все с поздравлениями.

К обеду Денис поехал в роддом. Лена рожала в платном отделении, потому молодого отца быстро пропустили в палату. Радости было! Пусть милая измучена, но на ее лице сияла счастливая улыбка.

– Солнышко ты мое родное. Спасибо тебе, любимая моя, за все. За то, что ты есть. Любимая ты моя. Единственная, – прошептал Денис, обнимая жену.

Остаток воскресенья прошел в суете и хлопотах. Никчемный день, ничего полезного ведь не сделал. Все обрывками, какимито кусками, брошенные на полпути дела. Зато с утра повалило, да так, что Денис только успевал отбрыкиваться. На работе косяки пошли, поставщики напутали со спецификациями, производственники вывалили на директора проблем три воза и маленькую тележку.

Один из клиентов неожиданно получил удар мочи в голову и изъявил желание полностью переделать уже почти готовый проект, да еще за те же деньги. Пришлось объяснять уважаемому, что он, конечно, прав, но работа уже выполнена и должна быть оплачена, а там, если уважаемый клиент желает, можем хоть небо в зеленый цвет перекрасить и на солнце пропеллер навесить, главное, чтоб оплата согласно тарифу. Убедил, клиент даже почувствовал себя виноватым и клятвенно обещал сегодня же оплатить все работы и перевести аванс на переделки.

Потом на связь вышли ребята из Ульяновска. Тамошние экологиактивисты. Многочисленная сплоченная бригада неравнодушных. Переговоры шли давно, и вот вчера вечером делегаты заявились в Приреченск. Хитро приехали, никого не предупредили о точной дате, прибыли, заселились в гостиницу и утром позвонили: дескать, мы здесь, готовы к встрече.

– Давайте часа в два, у меня на работе, – вздохнул Денис, бросив короткий взгляд на настольный календарь. – «Политрон» найдете?

– Найдем. Будем вовремя, Денис Владимирович.

«Интересно, что их принесло в такое сумбурное и горячее время?» – мелькнуло в голове. Он подозревал, что ульяновские ребята давно созрели для переговоров, но приехали только тогда, когда узнали, что товарищи Панфилова организовали в Ульяновске свой филиал и купили три хорошие устойчивые фирмы в качестве легального прикрытия. В следующие полчаса Панфилову стало не до гостей с родины Ильича. В кабинет ворвался Слава Савельев.

– Слушай, хорошо ты этого Усачева прокатил.

– А не фиг датым за руль садиться.

– Поимать!!! Сегодня Кочеткову звонили. И знаешь кто? – Речь шла о начальнике ГАИ.

– Губернатор, большой дядя из МВД? Или Сам соизволил? – ухмыльнулся Денис.

– Не угадал. И не пытайся. Не знаешь ты этого человека. Крутизна не нашего полета. – Гадюка бесцеремонно развалился в кресле напротив хозяина кабинета и заложил руки за голову.

– Народный депутат Соловейчик, избранник от компартии, несгибаемый борец за народное счастье и защитник справедливости. – По глазам Славы было видно, что тот факт, что засветился именно коммунист, доставлял ему особое извращенное удовольствие.

– Один из владельцев «Виконткомпани». Не сам, конечно, доля на племянника записана, – ответствовал Денис.

– Хотел тебя удивить, – разочарованно протянул Гадюка.

– Думаешь, мы тут щи лаптем хлебаем? Я давно материал на нашего «друга» собрал. Значит, коммерческий наезд? Хотя, с другой стороны, не очевидно. Совладелец компании может входить в группу прикрытия, – размышлял вслух Денис.

– Фигня война, главное – маневры.

– Маневры тоже ерунда. – В кабинет вошел Дэн Муромцев.

Двойник слышал последнюю фразу.

– Это не Система, командир, – заявил Гадюка. – Будем мочить недоноска? Я этого козла лично в деревенском сортире утоплю. Заживо.

– А не жалко? Человек всетаки. Он не виноват, что в этом дерьмовом мире на свет появился.

– Не замечал раньше за тобой такого.

– Достало все, – проворчал Дэн. – Ладно, давайте решать: что делать

дальше и как из этого выкручиваться?

Разговор был прерван телефонным звонком. Отец Сергий беспокоил. По словам священника, некие неизвестные пытались наехать на строителей, готовивших фундамент церкви у Белоуса.

– Понял? – Панфилов повернулся к Гадюке.

Телефон был поставлен на громкую связь, потому разговор слышали все.

– Местные, – удовлетворенно кивнул Муромцев. – Поднимаем ребят и устраиваем встречный шухер.

– Или активистов лучше будет? – предложил Слава.

– Денис, а может, ты своих друзей попросишь помочь? – протянул Дэн, бросая на близнеца извиняющийся взгляд.

– Да ладно, не будем привлекать дилетантов, – быстро среагировал Гадюка.

От Дениса Панфилова не укрылся обмен взглядами между прогрессорами. Положительно, ребята понимали друг друга с полукивка. Непонятен намек на «друзей» и слова Славы Савельева. Может, они знают о бойцах Сергея и Жени? Нет. Денис прекрасно понимал, что прогрессоры однозначно поинтересовались бы в приватной беседе, какое отношение их протеже и будущий Президент, Спаситель Нации, имеет к бригадам ультраправых молодчиков с весьма неприличными не только в нашем обществе, но и на родине прогрессоров убеждениями.

– Я не успею подтянуть экологов, – горько усмехнулся Панфилов. «Играть, так играть».

– И не нужно. Гадюка, бери своих бойцов. Поехали! – скомандовал Муромцев.

Сказано было так, что оба собеседника подскочили с места и бросились к двери. В экстремальной ситуации маска, легкий налет респектабельности сползали с лица Дэна, как акварель под дождем. Открывалось истинное лицо прошедшего огонь и воду боевого офицера из колониальных частей.

Уже вечером, вернувшись домой, Денис еще раз прокрутил в голове минуту за минутой этот тяжелый и длинный день. Да, близнец крут. Панфилов не считал себя слабаком, но по сравнению с разошедшимся прогрессором он чувствовал себя лопоухим щенком рядом с матерым волкодавом. Этот умеет. Может так сказать, тихо попросить, что все подскакивают и бегут выполнять.

К строящейся церкви Панфилов, Муромцев и Савельев прикатили минут через пятнадцать после телефонного звонка. С собой взяли четверых

архаровцев из ЧОПа Савельева. Подъехали к стройплощадке. Остановили машины перед воротами. Вышли, переговорили с прорабом. Затем успокоили дожидавшегося их у прорабской отца Сергия.

У страха глаза велики. Как понял Денис, не наезд это был, а так, попытка прощупать, взять на понт. Шушера мелкая, не знаю, каким чудом уцелевшая со времен буйных девяностых. Вели бандюки себя дерзко, попытались обидеть прораба и напугать рабочих. Однако Петя Семенов парень был не промах, сказывалась буйная юность и близость к околокриминальным кругам. Обидеть его сложно. Семенов быстро объяснил орлам, что мало того, что работает на очень крутых и уважаемых товарищей, так и сам хорошо знаком с авторитетными людьми. Разговор вышел крутым, с многозначительными намеками, но бандюки в итоге погрузились в древний, видавший виды «Мерседес» и уехали, забив стрелку с командирами Петра Семенова.

– Это не тот рыдван, что нам навстречу попался? – полюбопытствовал Дэн.

– Серебристая колымага, заднее правое крыло мятое, Денис Владимирович, – кивнул Семенов.

– Успеем? – в устах Гадюки это слово звучало не вопросом, а предложением.

– Нет, – покачал головой Панфилов. – Они уже мост переехали.

– Встреча в шесть вечера на просеке в километре от стройки, – напомнил Муромцев. – Берем усиление? Гадюка, сам разберешься?

– Нужно прикрытие.

– Будет. Денис, у тебя связи с полицаями.

– Сейчас позвоню. – Панфилов сначала вытащил телефон и выбрал из памяти номер Леши Иванцова и только потом понял, что безоговорочно подчиняется командам прогрессора.

Повезло, Алексей был в городе – в последнее время его постоянно гоняют в командировки, – с двух слов врубился в ситуацию, обещал поддержать и предупредить, если это вдруг подстава с участием полицейского спецназа.

Всем ехать на разборку?! Соглашаться играть по заданным другими правилам?! Прогрессоры поступили мудрее. На стрелку отправился только Денис Панфилов с усилением из двух чоповцев. Зато Гадюка вместе со своими бойцами и Иванцовым заранее заняли удобные позиции с тем, чтобы вовремя перехватить налетчиков.

Бандитов засекли еще по пути к месту встречи. Затем их аккуратно остановили, вытащили из машины и допросили с пристрастием. Нет, без

членовредительства. Гадюка умел разговаривать так, что человек сам с радостью выкладывал все на блюдечке, с заискивающим взглядом: «Вы уж не убивайте меня, пожалуйста. Я еще пригожусь».

Мелочь это оказалась. Не слишком одаренный интеллектом контингент, промышлявший на подхвате у серьезного полукриминального бизнеса. Наезд на строителей церкви им заказали. Кто? Не местный. Крутой человек, но не местный. Из Москвы. По предъявленным им фотографиям бандюки опознали Кирпича.

Слушая несчастных, Денис только молча ухмылялся – развел их Кирпич, как маленьких. Дал наводку, подружески посоветовал прищучить бизнесменов без крыши. Дескать, все, что выжмете, – все ваше. О том, что наезд коснется и отца Сергия, незадачливые рэкетиры и не подумали. А ведь у священника очень хорошие знакомые, он отпускает грехи таким людям, что придавят шавок между делом и даже свечку не поставят, одного звонка хватит, чтобы организовать налетчикам познавательную экскурсию в ад с билетом в один конец, разумеется.

Опять Усачев, опять неугомонный московский гость воду мутит. Вечером Денис Панфилов решил не откладывать вопрос в дальний ящик. Будь что будет. Проблему надо решать. Нельзя давать слабину, раз уступишь – съедят.

Контратака

В отличие от обоих Панфиловых старший лейтенант КГБ Алексей Ковалько видел ситуацию в другом свете. Сказывалась привычка просчитывать любое действие на несколько ходов вперед.

– Дэн, давай не будем заострять внимание на боевых ячейках нашего кандидата.

– Не заостряю.

– Кто вчера вспомнил «друзей» своего двойника? – усмехнулся Гадюка.

Разговор происходил рано утром в кабинете Ковалько. Слежки сегодня не было, противник притих, однако приехавший спозаранку Слава нашел на шкафу «жучка». Оставалось только догадываться: кто и когда приклеил этот подарок и что могли услышать неизвестные доброжелатели. Впрочем, их трудно назвать неизвестными. За всеми проблемами обоих Панфиловых так или иначе торчали уши Валерия Иннокентьевича.

– Тебе неприятен тот факт, что твой двойник связался с ультраправыми? – попытался угадать Ковалько.

– Смешно, – молвил Дэн, задумчиво разглядывавший стену напротив. Ему никогда не нравились жидкие обои, особенно бледнозеленого цвета, возникали неприятные ассоциации с дизентерией и сальмонеллезом.

– Человек не сдается, ищет варианты, пытается делать дело как может, а ты говоришь о какомто неприятии. Смешно.

– Извини. – Алексей Петрович както странно посмотрел на собеседника. – Мне казалось, что ты… – тут он замялся. – Что ты не любишь националистов.

– Смешно, – повторил Дэн.

Объяснять чтолибо он не хотел. Да, неправильно, нехорошо, преступно, в конце концов, но это в рамках родного мира. Здесь все иначе. Здесь двойник прав на все сто. Даже больше. Он прав только потому, что дерется за свою страну и свой народ. Он неравнодушен, не опустил руки. Он остался человеком, и это самое главное.

– Мы форсируем ситуацию, и мы тем самым получаем шанс обойти конкурентов, – молвил Алексей Ковалько. Он сидел, подперев скулы кулаками и глядя в стол.

– Шанс?

– Усачев не человек Системы, но он связан с Системой.

Полусамостоятельная ячейка. Свернув его, мы дадим Панфилову возможность занять место Усачева в Системе.

– Вот этого я не понимаю, командир, – безапелляционно заявил Гадюка. – А Система, как ты выражаешься, Голем, не переварит нашего человека?

– Человека не переварит.

– И?!

– Работать надо, а не размусоливать!!! – взорвался ПанфиловМуромцев. – Какого хрена мы переливаем воду из пустого в порожнее?! Какого хрена мы вола натягиваем?!

– Работать надо, – отозвался Ковалько.

– Так какого хрена, – тихим, слишком спокойным тоном повторил Денис, глядя прямо в глаза куратора.

– Старший лейтенант, – отреагировал Ковалько, повернулся к Дэну, встретился с ним глазами и осекся.

Во взгляде Панфилова пылали саванны, горели пожары над окраинами Родезии, вспыхивали очереди трассеров, полыхало зарево над форпостами «диких гусей».

В этот же день Алексей Ковалько связался с товарищем Зеленым. Чистой воды формальность, ну и приличия ради. Картбланш у Ковалько и Панфилова был, но еще неплохо предупредить руководство: дескать, начинаем хулиганить, если что, не пугайтесь. В Перми все поняли и только напомнили, что усиление окапывается поблизости от Прикреченска, в случае чрезвычайной ситуации всех вытащат.

– И зачем мне это? – язвительно заметил слышавший телефонный разговор Дэн.

– Не ворчи, обеспечения много не бывает. На слежку поставим или денег попросим. Много. Всю губернскую администрацию покупать.

– Эти мне не нужны, через полгода они сами к нам прибегут на верность присягать.

– Ты еще продержись эти полгода.

– Ладно, что там с гопотой Кирпича?

– Я сегодня с ним встречаюсь, – напомнил доселе тихо сидевший за краешком стола Сергей Артемов.

– Что ж ты раньше не сказал?! Во сколько? – Гадюка хлопнул по бедру.

– В два часа дня, у меня на базе. И только вчера я докладывал, что Кирпич продолжает настаивать на сотрудничестве. Он уже обещает десять процентов за обналичку и семь за уход от налогов.

– Дороговато, – усмехнулся Ковалько.

– Работаем. Торговаться тоже надо уметь, это вам не головы скручивать и морды бить. – На лице экономиста играла легкая улыбка. – Я гарантирую ноль проблем с документами, полностью защищенные схемы. Это дорого стоит.

– У нас два часа резерва, – напомнил Дэн.

– Будем брать?

– Непременно. Поехали. Тебе, Гадюка, еще своих бойцов поднимать.

– Сами поднимутся. На первом этаже четверо сидят. Еще трое через полчаса подъедут, – невозмутимо ответствовал Вячеслав.

Планировали операцию экспромтом. База Артемова находилась в удаленном уголке промышленного района, за старой площадкой «Автозаводстроя», рядом со швейной фабрикой. Место пустынное, за последние двадцать лет ничего нового не построено, да и старые базы давно не ремонтировались. Заборы обветшали, дороги такие, что на тракторе не проедешь, кусты и деревья разрослись.

Гадюка быстро расставил наблюдательные посты с рациями. Сотовыми телефонами не пользовались. На возможных маршрутах Кирпича встали засады. Да маршрутовто было всего два, других дорог при всем желании не найти. Только если помощник Усачева вдруг решит бросить машину и рванет задами по заброшенным территориям. Но такое, прямо скажем, маловероятно.

В последний момент к работе подключили местного Панфилова. Ковалько настоял, заявил, что пара крепких рук лишними не будут. Хотя по глазам комитетчика Дэн понял, что Алексей Петрович решил еще раз испытать нашего кандидата. Профессиональная привычка к перестраховке и постоянным проверкам на прочность.

– Ладно, пусть будет, – махнул рукой Муромцев. По его мнению, нечего двойника испытывать, не подведет он, а вот помочь может. Лучше захват, допрос и утилизацию Кирпича проводить самим, не привлекая чоповцев Антонова. Вот этим парням лишнего знать точно не нужно. Наемный персонал, пусть проверены и перепроверены, но присягу Советскому Союзу они не давали. Жизнь такая штука, фортели выкидывает, хоть держись. Вполне возможно, что ктото из службы безопасности проболтается, или попадет под разработку местных спецслужб, или просто продаст информацию тому, кто заплатит.

Ровно без десяти два на связь вышел пост у поворота на моторный цех. Мимо проехал серебристый «Мерседес». Номера соответствуют. Сколько человек в машине, не ясно, – стекла тонированные.

Еще через четыре минуты на линии появился Артемов. Из его окна

виден паркующийся у ворот «мерс». Идет Кирпич. Вылез из правой дверцы. Значит, в машине как минимум есть водитель. Усиление, охрану не видно.

– Торгуйся, обещай золотые горы, но информацию вытягивай, – бросил в рацию Дэн.

– Хорошо, – кивнул Ковалько.

Сидевший на заднем сиденье Денис Панфилов, казалось, даже не обратил внимания на разговор. Сейчас он увлеченно чистил ногти перочинным ножиком.

Еще пять минут. Напряжение нарастает. Дэн извлекает из кармана револьвер, наворачивает на ствол глушитель, крутит оружие в руках и со вздохом убирает во внутренний карман куртки. Единственное оружие на всю группу. Похорошему надо, чтоб у каждого был ствол, так лучше и безопаснее идти на перехват.

К сожалению, так не получается. Ковалько в свое время проявил щепетильность, запретил покупать нелегальное оружие. Дескать, на надо слишком нагло попирать местные законы. А вдруг обыск? Вдруг кто попадется во время банальной проверки на посту ДПС? Прошедшие через огонь и воду во время службы в Африканской бригаде Панфилов и Антонов выслушали командира, молча кивнули, а затем при случае прикупили у одного барыги пару приличных стволов. Правила правилами, а запас карман не тянет.

Сегодня настал черед Алексею Петровичу молча ухмыльнуться и промолчать при виде извлекаемых из карманов его товарищей пушек. Дошло до него, что вот так вот с бухтыбарахты с голыми руками перехватывать готового на все бандюгана страшный риск. Не травматикой же или электрошокерами отстреливаться?

Еще через три минуты на связь вышел Гадюка. У него все спокойно. Сидит с двумя архаровцами в кустах как раз напротив громадной полузатопленной колдобины на всю ширину дороги. Объехать это не пересыхающее даже в жару препятствие невозможно. Приходится осторожно переползать на второй, а то и первой скорости. Вообщето по этой дороге только большегрузы ездят. На легковушке можно проехать, только если машину совсем не жалко.

Ну вот. Наконецто звонит Артемов.

– Сергей, ты живой? – бросает в рацию Муромцев.

– Живой и немного разбогатевший, – хихикает экономист. – Он вышел, отъезжает. Так, повернул к эстакаде.

– Хорошо. Это наш маршрут.

– Звони Гадюке. Пусть оставляет своих дуболомов и едет к нам. Один, – напомнил Ковалько.

– А мне автомат дадут? – вдруг интересуется Денис.

– Только святой образ, – хохочет Дэн.

Местная особенность. Так как у соседей весьма проблемно получить разрешение даже на примитивный травматический пистолет, а думать о личной безопасности, да еще на трассе, приходится, нашлись ушлые ребята, придумали выход. При желании можно заказать себе «дорожный языческий идол». Делается этот оберег из твердого дерева, а главное, он размером и формой один к одному похож на бейсбольную биту. Только на навершии вырезан бородатый и усатый образ. На случай придирок блюстителей порядка к идолу полагается сертификат, что это на самом деле предмет культа, а не нечто похожее на дубинку.

Два таких идола как раз и лежали на заднем сиденье «Опеля». Пусть не огнестрел, но в умелых руках в ближнем бою страшная штука, лоб не пробьет, но ключицу или руку такой дубинкой сломать как нечего делать.

– И давайте не забывать о стерильности. – С этими словами Денис вытащил из кармана три пары латексных перчаток.

– Предусмотрительный, – покачал головой Дэн.

– В аптеку заехал. Бинты и гипс, извини, не взял.

– Обойдемся без гипса, – проворчал Ковалько, натягивая перчатки.

Наконецто пришел сигнал с наблюдательного поста – едут. Дэн вышел из машины, спокойно, не суетясь, руки в карманы, оглядеться по сторонам и отступить за брошенную на обочине в незапамятные времена будку. Вокруг все тихо, спокойно, ни одного человека, ни одной машины в пределах видимости.

А вот и «Мерседес» Кирпича показался. Машина медленно переваливается по выбоинам, водила не спешит, бережет подвеску и желудки пассажиров. Короткий взмах рукой, и Дэн опускается на корточки за укрытием. Сидевший за рулем Ковалько дает газу. «Опель» с ревом вылетает на дорогу, пытается вписаться в поворот. Неудачно. Сдает назад с перегазовкой и глохнет, аккурат перегородив проезд.

Сейчас начнется самое интересное. Ага. Дэн слышит шум второй машины. Затем требовательный гудок. Осторожно выглянуть изза будки. Точно. «Мерседес» затормозил метрах в пяти от бочины «Опеля». Стоит сигналит. Из машины никто не выходит. Вот открывается дверца нашего авто, и на дорогу буквально вываливается Алексей Ковалько. Прогрессор идет пошатываясь, бурно жестикулирует, обходя машину, запинается о бампер, да так, что чуть не падает. За версту видно – мужик пьян в дупель.

Дениса не видно, сейчас он должен скорчиться на заднем сиденье и не высовываться.

– Ты че?! Мать твою! Какого х…? Ну, е… комбайн! – доносится с дороги.

Товарищ играет с воодушевлением, так что даже Станиславский поверит и заранее зажмет нос, чтоб не сшибло бронебойным перегаром. Обойдя вокруг своей машины, Ковалько наконецто замечает стоящий рядом «мерс». Вовремя. Наши друзья прекратили сигналить и, видимо, с интересом наблюдают за бесплатным спектаклем. Главное, чтоб не сдали назад и не попытались уехать другой дорогой. Не успевают. Алексей пинает по радиаторной решетке.

– На фига раскорячился? Ну, мать твою! Ни проехать ни пройти, уроды недоношенные! Где права купил, козел? – последнюю фразу Ковалько произнес, пытаясь вырвать дверцу «Мерседеса». Нервы бандитов не выдержали. Дверь открыли так, что человека ударом отбросило на обочину. Из машины вылетел разъяренный водила и бросился к еле держащемуся на ногах Алексею. Видимо, с намерением провести разъяснительную беседу руками и ногами о вреде злоупотребления выпивкой. За водителем последовал Кирпич.

Дэн резко стартует с места, выхватывая на ходу пистолет. С заднего сиденья «Опеля» выкатывается Денис, спотыкается на ходу, уворачивается от удара кулаком и с размаху бьет Кирпича оберегом в лоб. Благословил от души, так что бандит сразу поплыл. Второй удар, тычковый в живот. И еще раз по макушке.

Изза поворота вылетает синяя «Хонда» и тормозит за «мерсом». Из машины выскакивает Гадюка.

На сцене появляется охранник Кирпича. Как Дэн и опасался, телохранитель сидел в машине и вмешался в ситуацию в самый опасный момент. Никто и не понял, как тот выкатился из машины. Грохочет пистолет.

Дэн наводит свой револьвер на охранника, чувствует, что не успевает, ловит того в прицел. Время замедлилось. Рука с пистолетом медленно поднимается, чувствуется напряжение мышц, сопротивление, как будто находишься под водой. Охранник стреляет. Видна тусклая вспышка у среза ствола. Дэн опаздывает на пару секунд. Но охранник отшатывается назад, пистолет валится из рук, на плече расплывается багровое пятно.

Время возвращается к своей привычной скорости. По ушам бьет гулкий хлопок выстрела. Противник делает дватри шага, зажимая простреленное плечо рукой. Дэну остается только добежать до

«Мерседеса», сбить охранника с ног и завернуть ему руки за спину. Алексей Петрович уже успел успокоить и упаковать водителя.

Дело сделано. Теперь быстрее собираться и рвать когти. Кирпича засунули на заднее сиденье «Опеля». Водителя и охранника запихнули в багажник «Мерседеса». Сначала их хотели упаковать в «Хонду», но Гадюка вовремя вспомнил, что охранник зальет все кровью. Капнет на обивку, и фиг потом ее отмоешь. Проще будет машину утопить. Впрочем, выстрел охранника не достиг цели, пуля только обожгла предплечье Славы Антонова. Обошлось.

Дэн и Денис погрузились в «Опель Астру», Гадюка в свою тачку, а Ковалько досталось перегонять трофейного «мерина». Выехав на магистраль, они разделились. Первой шла машина с Панфиловыми, остальные поотстали. Чоповцам дали отбой по рации: сворачивайтесь, ребята, нас не ждите.

Ехали спокойно, не нарушая. На последнем кольце за конечной трамвайной остановкой ушли налево. Через километр прошли через старый пост ГАИ у станции водоочистки. Теперь можно расслабиться. Риск нарваться на ретивого блюстителя правопорядка крайне невелик, если слишком нагло не нарушать, конечно. После поворота на совхоз «Гигант» Дэн прошел еще километра четыре и свернул на грунтовку. Вот и пригодилось давно разведанное местечко. Осторожно проехать через сосновую посадку, плавно переходящую в осинник, и остановиться у заброшенной насосной станции.

Первым из машины вышел Денис Панфилов. Молодой человек обошел вокруг здания, заглянул внутрь, поковырял носком ботинка кострище в углу. Судя по всему, руины служат временным пристанищем окрестных бомжей. Вон и тряпье у стены валяется, в приямок свалены консервные банки, пакеты, совсем не перевариваемые огрызки. Хозяев, однако, нет. Промышляют по деревням, свалкам и заброшенным дачам, наверное.

– Вытаскиваем. – Денис махнул в сторону машины.

Кирпич к этому времени оклемался и ворочался под сиденьем, тщетно пытаясь освободить связанные нейлоновой веревкой руки.

На прогалину выехал Гадюка, он сразу же, не теряя времени даром, загнал машину в кусты. Последним появился Ковалько на «Мерседесе». Не теряя времени даром, товарищи принялись потрошить пленников. Первым делом допросили водителя, затем настал черед охранника. Если водила еще вначале запирался, то телохранитель, видя, как Дэн и Гадюка допрашивали его собрата по несчастью, запел сразу. Пусть об этом не принято говорить и тем более официально признавать, но служба в колониальных частях

требует от людей умения быстро развязывать языки пленным. Такова жизнь: когда твоя гуманность может стоить жизни твоим людям, выбирать не приходится. От вовремя извлеченной из языка информации многое зависит.

Наступила неожиданная пауза. Люди не знали, что делать дальше. По первоначальному плану товарищи не хотели никого убивать, только спрятать добычу на несколько дней под замок, а затем выпустить, если получится – перевербовать. Но плечо телохранителя кровоточило, пуля застряла в кости. Человека надо срочно везти в больницу, иначе через день будет поздно. Если не умрет от потери крови, так загнется от гангрены. Хрен редьки не слаще.

– В скорую медицинскую с огнестрельным ранением? – высказал общую мысль Денис Панфилов.

– Из приемного покоя сразу позвонят в полицию.

– Зачем? У них на первом этаже постоянно дежурит дознаватель. Допрашивать начнут еще до операции.

– Как ни стращай, а запоет. – Слава Антонов потер подбородок.

Денис в свою очередь хотел было предложить закопать обоих в дальнем овраге, но решил не лезть раньше времени с инициативой. Может, прогрессоры предложат лучший вариант, да и не хотелось ему убивать пусть и далеко не лучших, но тем не менее людей. Хватит. Он в свое время не одну тушку закопал или утопил. В этом деле надо вовремя остановиться, иначе и не заметишь, как перестанешь быть человеком, а там уже самому смысла жить не будет.

– Давай отложим на потом, – решил Дэн. – Отпускать надо, и хорошо бы подумать как.

Водителя и телохранителя связали и унесли в насосную. Кирпича вытащили из машины и прислонили к выщербленной бетонной плите. Развязывать его не стали, только кляп убрали.

– Так что мне с тобой делать, дорогой ты мой Кирпичев Владимир Ильич, семьдесят пятого года рождения, сентября месяца, да в славном городе Твери на свет появившийся? – полюбопытствовал Муромцев, разглядывая паспорт пленника.

– Молчит, обиделся. Может, мы ему серу со спичек под кожу загоним? Глядишь, веселее глядеть будет, – предложил Гадюка. – Карточку нашел? – это уже к Дэну.

– Вот она, сбербанковская платиновая «Мастеркард».

– Код скажешь? Да ты не робей, пока ты нам пароль выложишь, пока парни к банкомату смотаются, время уйдет. Твой пацан часа через два

загнется, если в больницу не забросить.

– Пошел ты на…!

– Разговариваем. Умеем, – подключился к допросу Денис.

– Деньгами делиться не хочешь, а пушку где купил?

– На базаре, – держался Кирпич нагло, уверенно.

– Пошел поп по базару, прикупить койкакого товару, – продекламировал Дэн. – Базарто далеко?

– Тебе зачем, лошара? Че, решил в крутого поиграть? Пацанов зарубил, а яйца звенят, дрожишь, не знаешь, что дальше делать. Коммерсант ты фуев.

– Коммерсант. В этой жизни. А в прошлой я таких ушлепков, как ты, пачками валил.

– Вояка? На Кавказе на блокпостах отсиживался?

Не стоило Кирпичу этого говорить. Никто и моргнуть не успел, как Денис схватил его за подбородок и с оттяжкой ударил в солнечное сплетение, затем по почкам и каблуком в коленную чашечку.

– Аааа! Я тебя урою! Достану. Бабу твою заберу.

Короткий хук в челюсть заставил Кирпичева заткнуться, проглотить свои слова с кровью. Денис наклонился к уху усачевского помощника и тихонько прошептал:

– Слышал, у нас одной зимой бабенку из мэрии в лесу нашли? Змеюку, на твою мамашу похожую? Это я лично ее на арматурину насаживал. Сам наживлял. А мои братаны ее держали. Знаешь, человек на колу еще часов десять живет, а если умеючи насадить, то два дня протянет. Его еще допрашивать можно. Он хорошо поет, чисто, искренне, только добить просит.

Кирпич дернулся в сторону. В его глазах светился ужас, не от сказанного, а от того, каким тоном это было сказано.

– Код банковской карты, – нахмурился Слава.

– Сорок один двадцать один.

– Брешешь?

Кирпич мотнул головой.

– Хорошо, начало положено. – Гадюка не зря требовал от языка выдать код, не в деньгах дело, а в психологии. Один раз сказав «Да», человек ответит и на следующий вопрос, ему труднее будет врать или молчать.

– Когда ты последний раз видел Усачева?

– С кем он работает?

– Где живет твоя любовница?

– Сколько Усачев содрал комиссионных за договор с Механическим?

– Кто настоящий владелец «Виконткомпани»?

Вопросы сыпались один за другим. Кирпич кололся. Сначала ему приходилось помогать ударами по болевым точкам, потом дело пошло, пациент раскис и запел соловьем. Обошлось даже без особых методов.

Выпытав из человека все, что тот знал и о чем догадывался, Ковалько отвел Дэна в сторону.

– Давай отпустим всех троих.

– Усачев поймет, что мы начали войну.

– И что?

– Не понял. – Правая бровь Муромцева медленно поползла вверх.

– Человек под ударом. На него неожиданно посыпались проблемы. У него не сегодня завтра вылезут неприятности с местными контрактами. Те, кого он считал добычей, вдруг обернулись зубастыми хищниками, настоящими волками. Усачев будет паниковать, метаться, наделает кучу ошибок, полезет в разборки с людьми губернатора. Он подставит своих покровителей. Побитый Кирпич добавит огоньку, плеснет масла в огонь. Усачеву придется решать и эту проблему.

– У тебя есть план?

– Работаем, старлей. Работаем.

Свои решения

Денис Панфилов так и не узнал, о чем его близнец совещался со своим товарищем и почему они вдруг решили отпустить не только кирпичевскую шелупонь, но и самого помощника господина Усачева. Ерунда это все. Может, двойник и прав, не стоит брать на себя еще и три трупа. Мало ли кто мог из кустов глазеть на сцену на дороге с захватом «мерса» и его пассажиров. Мало ли кто заметил номера машин. Вполне возможно, уже сегодня полиция получит ориентировку. Да еще попавший в больницу боец Кирпича даст коллегам Леши Иванцова почву для размышлений. Несмотря на любовно пестуемый образ тупого, жадного, беспринципного мента, контингент в органах интеллектом не обижен, по крайней мере, два плюс два сложить могут.

В этот же день ближе к вечеру Денис связался с Сергеем Жуковым и попросил собрать всех наших. Ему хотелось прямо сейчас прыгнуть в машину и лететь на встречу, сразу же договориться с парнями, спланировать операцию, бежать рвать и хватать. Куй железо, пока горячо. Не получается. Ребята на работе, и будет подозрительно, если кто вдруг отпросится пораньше. Да и бизнес товарища Панфилова требует бережного к себе отношения. Это означает, что директор и хозяин фирмы постоянно задерживается на работе, нагло нарушает трудовое законодательство в части продолжительности рабочего времени.

Сегодня, пока Панфилов ездил со своими друзьями из счастливого несбывшегося членовредительством заниматься, коммерческий отдел надыбал хороший заказ. Одной из строительных фирм срочно потребовалось изготовить тонн двести закладных деталей, трубных проходок, вспомогательной монтажной оснастки разной и прочей металлической мелочевки.

Дело хорошее, но заказчик сразу поставил условие, что приемка будет идти весьма жестко, все делать по проекту и техническим условиям, геометрия должна быть в поле допуска, никаких отступлений, с антикоррозионным покрытием не шутить и на эмалях, лаках, грунтовках не экономить. Ладно, цену мы запросили настоящую, заказчик согласился. Теперь надо решать, как заказ выполнить. Старый вопрос ругского бизнеса, да и не только ругского, если честно. Везде сначала хапают объем, а потом думают, чем, кем и как его выполнять.

И как всегда, организационные вопросы сами собой свалились на

директора. Пришлось вызывать людей, разбираться с графиками, загрузкой цехов, требовать срочно перетрясти склады и дать заявки на недостающее. Вплоть до того, что Денис Владимирович лично искал, куда его разгильдяи засунули две тонны арматуры и почему ему пытаются подсунуть давно просроченную краску.

Оторвав взгляд от бумаг, Панфилов тяжело вздохнул, он воочию представил, какой вой поднимется утром, когда выяснится, что четверть рабочих в отпусках, специалисты в отпусках, начальники участков матерятся, рвут волосы в разных местах, но не знают, кого поставить к станкам. А что делать? Лето на дворе. Людей тоже понимать надо, они не могут пахать 24 часа в сутки без выходных. У них личные дела есть, их после работы дома ждут, им иногда надо в отпуск ездить, и желательно не зимой или в марте месяце.

Только одному директору не до отпуска, вкалывать надо. Да еще политика эта проклятая, да Усачев поганый, проклятый, век бы его не видать, расклады путает. В который раз Денис пожалел, что связался с двойником и согласился на слишком заманчивое предложение.

Власть сладка. Власть – это страсть, желание, удовольствие, возбуждение и удовлетворение от чувства собственной значимости, но это и ответственность страшная. Кто этого не понимает, долго во власти не держится, слетает быстро: или на обочину жизни, или в могилу, или на нары. И еще власть – страшный наркотик, она дает кайф, но платить приходится по самой высокой ставке. Власть пьет из человека соки, и вырваться из ее ласковых, но жестких объятий ой как тяжело. Завязать с наркотиками и то бывает легче.

В шесть вечера к Денису заглянул Семен Исаевич. Постучался, вошел, вежливо кивнул. После ответного взмаха руки опустился за журнальный столик у окна.

– Что домой не идешь?

– Бухгалтерию проверяю, Денис Владимирович. Переводы туда, приходы оттуда, зачеты разные, авансовые, расходы там разные.

– Много потратились?

– Да нет. В этом месяце на удивление скромно живем.

– Двух крыс поймали, остальные хвосты прижали, – горько усмехнулся Панфилов.

Вечная проблема руководства. Рано или поздно люди начинают воровать. Нет, не все, далеко не все, несмотря на двадцать лет насаждаемые сверху принципы беспринципности, порядочность еще не стала уникальной редкостью, антиквариатом. Но ведь в первую очередь видна

грязь, по ней и судят. Несмотря на то, что Панфилов старался привлекать и продвигать людей честных, открытых, в организации приворовывали. Мелочевку там, пересписание материалов, завышенные командировочные отчеты, служебные машины в личных целях, утянутую из цехов копеечную мелочевку он не считал. Речь шла о куда более серьезных делах. Оказалось, что Панфилову договора на несуществующие услуги подсовывали, с подрядчиков взятки брали, коекто материалы чуть ли не машинами вывозил. Начальник коммерческого отдела, уже бывший, за счет фирмы за три месяца квартиру купил, и это при зарплате 37 тысяч. Да, попадались «интересные» люди, просачивались.

– Я вот спросить тебя хочу, – молвил Котляр. – Хороший ты человек, умный, приличный, не бандит и не горлопан, люди тебя уважают, но скажи ты старому еврею, на кой черт тебя в политику понесло? Не твое это дело. Пойми, не для тебя лохань.

– Это ты к чему?

– Пойми ты, грязное это дело, мерзкое. Посмотри по сторонам, подумай, головато у тебя светлая, ни губернатору, ни мэру ты не родственник, в Партию не вступил, и правильно сделал, миллиардами не ворочаешь. Тебя же съедят в пять минут и не подавятся.

– А почему ты, Исаевич, думаешь, что я в политику полез? – вопрос был только поддержания разговора ради. Денис давно хотел поговорить со своим верным замом, но все никак не мог собраться с духом. Не хотелось ему втягивать Котляра в свои игры с друзьями изза кромки и со спасением Ругии, буде таковое чудо выгорит. Знал, что Семен Исаевич нужен, знал, что без грамотного, умного и порядочного экономиста ему не обойтись, а опасался. Видимо, дело в том, что заместитель нутром чуял, что дело нечисто. Да и хороший он человек, настоящий старый друг.

– Пожалей ты бедного еврея! Не держи за дурака. Я же вижу, не туда ты полез, не с теми связался. Я же к тебе как к сыну относился, Денис. Связался ты с дурной компанией. Думаешь, не знаю, кто и как на тебя фирму перевел?

– Дурная не дурная, а люди хорошие.

Котляр горестно вздохнул, возвел очи горе и вновь уставился на Панфилова, всем своим видом демонстрируя великую сионскую скорбь. Получалось у него на удивление хорошо. Денис никогда раньше не наблюдал за Исаевичем такого.

– Не замечал я за тобой бзиков на почве экологии. «Чистое небо». «Над всей Испанией чистое небо». Не из этой ли оперы взято?

– А ведь хорошее дело. Люди интересные. Бзикнутые немного, тут ты

прав, так кто из нас нормальный?

– Я тебя считал нормальным.

– Хорошо. Будем честными, – кивнул Денис, поворачивая к собеседнику открытые ладони. – Ты самто хочешь жить в нормальной стране?

– Не хочу, иначе я бы давно уехал. Привык я к Ругии, обрусел.

– Не то. Ты хочешь, чтоб Ругия стала нормальной страной?

– Фантастика, молодой человек, на другом этаже.

– Язвишь. А ведь я тебя помню другим. Потому ты и живешь в Ругии, работаешь, делаешь дело. Ты надеешься, что все изменится к лучшему. Маленькая надежда, которая помогает тебе жить.

– Ловишь на совесть?

– Не ловлю. Семен Исаевич, мы друзья. Давай держаться вместе, и уж если вдруг я поскользнусь, помоги мне, пожалуйста, поддержи. Прямо скажи: «Денис, ты вляпался».

– Денис, ты вляпался, – улыбнулся Котляр.

– Сильно?

– Бывает и хуже. Ты мне расскажи, что там за странный москвич возле тебя крутится? Этот самый, Усачев. И объясни старому дураку, самто я чувствую, а связать не могу, как твои «зеленые» и антиглобалисты помогут тебе стать губернатором?

– С этого и начнем, – кивнул Денис.

Разговаривали они долго. Естественно, Панфилов не открыл всей правды, не нужно старому экономисту такие вещи знать, для здоровья вредно, но основные свои планы открыл. Признался, что его поддерживает законспирированная группа весьма крутых патриотов. Да, с фирмой помогли, нам нужно было официальное прикрытие и легальный расчетный счет.

Котляр спокойно поддерживал разговор, уточнял некоторые мелочи. По всему было видно, что человек в игре. Да он и не мог, честно говоря, остаться в стороне, когда такое творится. Один из тех многих, но невлиятельных, кому за державу обидно. Выслушав историю злоключений с Валерием Усачевым, экономист только прищурился, хихикнул да и посоветовал Денису не менжеваться, а напроситься в ближайшее время на разговор к господину Анцыферову, руководителю губернского управления по делам молодежи, а по совместительству зятю нашего губернатора.

Так в наше время дела и делаются. Через вроде бы незначительного чиновника, женатого на крутой бизнесвумен, выходят на его куда более влиятельного родственника. Предмет разговора тоже был ясен, «Политрон»

может взять на себя все контракты усачевской «Виконткомпани» и щедро поделиться с «хорошими людьми». Это все бизнес, ничего личного. И естественно, надо брать в долю людей, распределяющих финансирование, иначе с такими откатами работать придется в убыток.

Дела отложены на потом, шла интересная и полезная обоим беседа. Открытый разговор двух умных, уверенных друг в друге людей. Постепенно Котляр заражался оптимизмом своего молодого товарища. В свою очередь Панфилову незаметно передавался пессимизм Семена Исаевича. Нет, не пессимизм, просто экономист куда больше повидал на этом свете, он куда лучше понимал многие вопросы, да и работа незаметно сделала Исаевича завзятым циником в том, что касалось отношений с бюрократической машиной. Нет, большинство властей предержащих и причастных люди сами по себе неплохие, но должность и принадлежность к клану преображают их до неузнаваемости.

В полвосьмого зазвонил телефон. Беря трубку, Денис был уверен, что это Лена звонит, беспокоится о своем заработавшемся муже. Однако все было не так.

– Добрый вечер, Денис Владимирович, Коронов беспокоит, – прозвучал низкий бас одного из телохранителей, приставленных со вчерашнего вечера к супруге Панфилова.

– Да, слушаю. – В груди екнуло, сердце непроизвольно ускорило свой ритм.

– Пять минут назад была попытка нападения на объект. – Виктор Коронов умел не только стрелять и головы отрывать, он был хорошим психологом, знал, как разговаривать с людьми, правильно донести информацию.

– Так.

– Пятеро. Возраст 20–25 лет. Вооружены холодным оружием. Под видом полиции пытались проникнуть на объект. Нейтрализованы. Потерь нет. Я принял решение вызвать полицию.

– Шутцполицай, – оскалился Денис, он прекрасно понимал, в каком состоянии налетчиков передадут правоохранительным органам. Старая, мало кому известная история: лет пять назад жену Коронова изнасиловала и убила пьяная гопота. С тех пор както само собой получалось, что Виктору чаще доставалось оберегать молодых девушек и женщин. Естественно, проколов у него не было. Человек до сих пор чувствовал себя виноватым, в тот раз он не успел, с тех пор и мстил нелюди.

– Хорошо. Осложнения возможны? Я буду, – короткий взгляд на часы, – в восемь.

– Шанс осложнений мал. Лицензия в порядке. Оружие не применялось. Свидетелей мы нашли. Но лучше вам поторопиться. Объект пережил нервное потрясение. – Грубоватые формальные фразы, нейтральные названия. Так и надо. Профессионал не должен испытывать эмоций. Для него охраняемый человек – это только объект. Чувства, симпатии и антипатии только мешают работе. Но ведь излишний формализм в речи – это тоже нехороший признак. В случае с Короновым причина была известна, и она все искупала авансом.

– Еду.

Жаль, встреча с ребятами откладывается. Да, Денис и так опоздал, заговорился с Семеном Исаевичем. Спускаясь по лестнице, директор позвонил Сергею Жукову, извинился перед соратниками и попросил перенести встречу на завтра. Серега его понял, обещал все организовать, а заодно предложил заехать днем в удобное время, если вдруг что срочное.

– Давай после обеда в «Пузико». Нет, в обед. Четверть первого устроит? – Панфилов любил ужинать в этом заведении. Место хорошее, контингент приличный, готовят великолепно, цены демократичны.

– Устроит, Дэн.

Незначительная оговорка, а Дениса покоробило. Старый соратник назвал его прозвищем, которым именовали его двойника. Ерунда! Не стоит выеденного яйца! Сейчас надо быстрее лететь домой! Мчать по вечерним улицам, обгоняя тревожный писк антирадара.

Все обошлось. Лена и ребенок живы, здоровы, вот только милая немного напугана. Ничего, это все пройдет. Наряд правоохранителей уже уехал, забрав с собой налетчиков. Переговоры вел Коронов, он же обеспечил двоих свидетелей: подглядывавшую в замочную скважину соседку и не вовремя вышедшего в коридор покурить мужичка с нижнего этажа. Инструктаж свидетелей был полный, не напутают.

Дома все спокойно, охрана сработала как надо. Не налет это, а так, мелкая гадость от наших «друзей». Поблагодарив ребят, Денис переоделся и пошел в спальню к своим родимым. Лена сидела с ребенком на руках. Слов не нужно. Ничего не надо. Только подойти, опуститься на колено, прижать к себе жену и малыша и так и сидеть. Милая все понимала: это временные неприятности, скоро все кончится, они будут жить долго и счастливо. Они вместе. Они и их сын. Потом будет второй сын, и дочка тоже будет. Все хорошо.

Денису хотелось в это верить, но он только надеялся, что жизнь его близких в безопасности. Проклятая работа! Проклятая политика! Хотелось взять и долбануть кулаком по стене со всей дури. Заглушить душевную

боль, душащую ярость и тревогу реальной болью в разбитых костяшках, выплеснуть все бурлящее в душе одним коротким ударом. Нельзя. Денис только крепче прижал к себе Леночку и нежно провел ладонью по спине.

Утром опять на работу. Хоть Гадюка и советовал взять еще одного телохранителя в качестве сопровождающего, Денис отказался. Он пока не президент и не имеет права показывать людям свою слабость, он не имеет права бояться. Он должен сам решать свои проблемы.

Ближе к двенадцати Панфилов позвонил в «Пузико» и заказал столик на двоих. Ровно в назначенное время он уже входил в кафе. Заказ готов, столик накрыт, горячее подадут через пять минут. Можно обедать. Однако молодой человек решил немного подождать. А вот и Сергей! Почти вовремя.

– Слушай, куда ты вляпался? – без предисловий заявил Жуков, когда друзья сели за стол.

– Неприятности с Усачевым, не отстает гадина.

– Не только с ним. Мне сегодня звонил Леша, говорит: под утро нашли два трупа. Оба с огнестрельными. Обоих в свое время видели рядом с твоим Усачевым. Дениска, куда ты вляпался?!

– Мордоворот и водила, – усмехнулся Панфилов. – А секретаря Валерия Иннокентьевича, некоего господина Кирпичева не находили?

– Ты его тоже замочил? Блин горелый! Ты же сам всегда требовал все просчитывать и не оставлять следов. Денис, куда ты вляпался? – в третий раз повторил Жуков.

– Пока не знаю.

– Ты точно их замочил? Зачем нас не позвал?

– Сволочь этот Кирпич, – злобно ощерился Денис, до него стало доходить, что это за трупы.

Секретарь Усачева так вчера напугался, что быстренько ликвидировал свидетелей своей болтливости, да не удосужился как следует скрыть следы. А может, он нарочно бросил тела, с тем чтобы навести полицаев на своих врагов. Неприятная штука выходит. Эх, надо бы срочно дать весть близнецу. Поймав себя на мысли, что собирается бежать жаловаться Большому Брату, Панфилов стиснул зубы – нет, не дождетесь. Я не буду идти на чьемто поводу.

– Значит, дело было так… – на рассказ хватило пяти минут. Кратко, сжато, только суть.

Когда повествование дошло до неудачного налета на квартиру Панфилова, Серега нехорошо ухмыльнулся. Если вначале соратник, может быть, и осуждал товарища, то сейчас он полностью был на его стороне. За

такие вещи надо убивать. Спокойно, без эмоций топить подлюгу в выгребной яме и чтоб следа не осталось.

– Я понял тебя. Будем работать по Усачеву и искать Кирпича.

– Искать надо быстро, пока этот придурок не попался полиции.

– Согласен. Я сегодня же сориентирую своих бойцов, подниму бригаду Женьки. Лешу будем привлекать?

– Будем. Я найду и подключу Марата. Пусть тихонько прокачает ситуацию по своим каналам.

– Работаем, соратник. – Рука Сергея стиснула предплечье Дениса.

– Благодарю.

– Ты можешь вывезти жену и ребенка?

– Куда?

– Можно в деревню. Есть у меня запасной аэродром. Полсотни верст от города, глухое местечко, люди хорошие, наши, чужих не любят. Меня там знают, если что, приютят человека без вопросов.

– Это где такие места остались? Бурая Роща?

– Примерно, – уклончиво ответил Сергей.

– Не могу. Без охраны я их не отпущу. Пусть лучше в городе остаются. Дело на неделю, потерпят под надзором, а потом будет спокойнее.

– Смотри, как знаешь.

– Так лучше, соратник.

– Охрана чья?

– Слава Савельев.

– Гадюка? Знаю. Он из твоих особо тайных бойцов?

– Не ерничай. – Лицо Дениса расплылось в улыбке. – Наш он человек. Людей он сам подбирал. Не предадут и не сдрейфят.

– По сотовому много не звони. Проблема у нас серьезная. Если поймешь, что тебя ведут, дай знать. Если что, спрячем.

– Да не беспокойся ты так, прорвемся.

Оба понимали, что дело серьезное, но всеми силами подбадривали друг друга и пытались скрыть свои опасения насчет удачности исхода дела.

– Что ты здесь заказал? О! Колбаски! – нарочито громко заявил Серега, как будто он только сейчас заметил стоящие на дубовых досках чугунные сковородки с жареными колбасками, тушеными овощами, картошкой и зеленью разной. В «Пузико» всегда кормили отменно. И что большая редкость для кафе, одной порции вполне хватало, чтобы наесться.

События накатывались девятым валом, грозили захлестнуть людей с головой. Бизнес пришлось свалить на заместителей, и без того в сутках только 24 часа, а этого мало, страшно мало.

В два часа дня пришлось ехать на встречу с близнецом. Рандеву назначено на торговой базе Сергея Артемова. Уже заезжая в ворота, Денис заметил не только «Опель» близнеца, «Хонду» Гадюки и «Нисан» Ковалько, но и еще три незнакомые машины. Конспирация летела ко всем чертям собачьим.

Поднимаясь по лестнице, Панфилов подумал, что место неудачное. Не сегодня, так завтра сюда могут нагрянуть опера, им надо будет по минутам восстанавливать вчерашний день господина Кирпичева, а заодно поинтересуются не только причиной визита иногороднего гражданина к скромному бизнесмену Артемову, но и интересной тусовкой у бизнесмена Артемова.

В кабинете Сергея Дениса встретили не только уже знакомые ему люди, но и двое новеньких.

– Знакомьтесь, Дмитрий Иванов. – Муромцев кивнул в сторону развалившегося в кресле плотного усатого брюнета. Тот быстро поднялся на ноги и шагнул к Панфилову.

– Дима, в свое время лейтенант мотострелкового батальона Африканского корпуса. В этом мире официально безработный, конкретно индивидуальный предприниматель.

– Очень рад.

– Евгений Рябушкин, можно Женя. – Второй гость отделился от стены, которую полминуты назад подпирал. – Тоже африканец, здесь живу в Питере, содержу ночной клуб и бордель по совместительству.

– Скромничаешь. – В глазах Ковалько плясали чертики. – Основная работа: любовник дочери премьера Эстляндии с наметками на женитьбу. Остальное прикрытие.

– Редкая судьба у человека. – Близнец отвел Дениса в сторону. – В нашем мире она была его невестой, но отказалась ехать в Африку и вышла замуж за простого слесаря из Юрьева.

– Бывает, – буркнул невпопад Денис. Его сейчас меньше всего интересовали перипетии личной жизни соратников брата.

– Все собрались? Все. – Алексей Ковалько пересел во главу стола, тем самым подчеркивая, что руководить операцией будет он.

– Начнем. Усачев, по последним данным, находится у себя дома на Молодежном проспекте. Права он выкупает, водителя после вчерашнего эксцесса у него нет, – молвил Муромцев. – Местонахождение и судьба Кирпича неизвестны. У нас на носу проблемы с полицией, убийство повесят на нас.

– Раскрутка движения продолжается, с деньгами у нас все отлично,

можем вложиться в пару проектов, – продолжил Артемов.

– Деньги не проблема, переведем из резервных фондов, – заметил Рябушкин, в свое время он носил фамилию Боровик и действительно служил в Африке ефрейторомсверхсрочником. Перейдя на работу прогрессором, парень открыл в себе новые таланты, в том числе и предпринимателя.

– Мой заместитель посоветовал мне выходить на губернатора. Прикрываясь местной властью, хапнуть активы Усачева.

– Интересно, я думал над этим, – скромно улыбнулся Артемов. – Каков откат?

– Выясним на переговорах. Мне интересно знать, сколько мы можем дать.

– Он запросит четверть, – вмешался Ковалько. – Это слишком много. И стоит ли нам замарываться теневыми схемами?

– Мы на них и работаем. Давайте просчитаем экономику, прикинем ресурсы, оценим наши возможности, – Муромцев поддержал своего брата. – У нас нет времени. Кто там говорил о приближающемся большом кризисе?

– Штаб дал указивку.

– Времени нет. Надо срочно выходить на новый уровень. Поднимаем кандидата.

О риске нарваться на сопротивление Системы речи больше не было. Люди понимали, что так напугавший их конфликт с Валерием Усачевым – это чистой воды наезд большого бизнеса, никаким боком не связанный с Большой Политикой, административным Големом и прочими опасными вещами.

– Мы все равно не успеем. – Иванов бросил короткий красноречивый взгляд на Ковалько. – Пора переходить к третьему варианту. До конца года кандидата не раскрутим.

– Нам не надо до конца года. Нам надо дожить до выборов. Нам надо подготовить фундамент, раскрутить человека на неполитических программах и резко за дватри месяца заявить о себе, как о реальных хозяевах Ругии.

Денис отстранился от разговора и только наблюдал со стороны. Его беспокоили заявления о приближающемся кризисе, упоминания некоего «третьего варианта». Да, мировой кризис будет. Дела в мире идут самым наипохабнейшим образом. Налицо смена мировых лидеров. Как всегда, таковая не происходит бескровно. Будет война. В какой форме, горячей ли, латентной, ограничится ли дело региональными конфликтами,

«установлениями конституционных порядков», «наведением демократических ценностей», или грядет очередная Мировая – дело десятое. Ругия в этой войне явно проиграет. Вариантов здесь нет. Побеждают субъекты, а не объекты мировой политики, это непреложная истина.

Непростые решения

Новости не внушали оптимизма. Группа прикрытия последнего кандидата докладывает об осложнениях и проблемах. Ребята влетели в полукриминальные разборки с политической подоплекой. Неприятно, но сейчас вся мощь Советского Союза, весь потенциал державы, ресурсы профильных служб и министерств, тысячи специалистов, сам товарищ Шумилов лично ничего не могут поделать. Остается только ждать и надеяться на благоприятный исход. Вот так всегда: бросаются все силы, все ресурсы, миллионы людей вкалывают как проклятые, ночами не спят, а исход сражения зависит только от двухтрех человек, оказавшихся в нужное время там, где не надо, и не успевших или не захотевших вовремя смыться как все нормальные люди. Все зависит от случайных героев, в общемто.

Эх, поменьше бы нам героев, а лучше вообще избегать ситуаций, когда нас спасает героизм избранных судьбой и начальством. Не для этого ведь мы работаем. Жаль, иначе не получается. Любим мы все делать через известное место.

– Что будет, если он провалится? – вопрос повис в воздухе.

Павел Николаевич горько усмехнулся, в свое время в 91м было легче. Сидевшие напротив Шумилова профессор Соколов и Артем Гуларян не спешили открывать рот. Ответ напрашивался однозначный. Решение уже принято. Специалисты из НИИ уже разворачивают стартовые площадки в Подмосковье, на Украине, в Новосибирске и Челябинске. План вторжения уже разработан. Комитетчики клятвенно обещают, что им надо всего четыре десантноштурмовые бригады с усилением. Обойдутся даже без авиации и танков. План разумный, технику захватят на месте. Шести часов для этого достаточно.

Проклятье. Даже с финансами и техническим обеспечением проблем нет. Шумилов и Анютин сами в свое время выбили картбланш и безлимитное финансирование. К точкам будущих порталов перебазированы мобильные реакторы, развернуты площадки. В случае отмашки на прорыв энергии на порталы хватит. Перебросят все.

Еще три малых портала откроют в Москве и два в Петербурге. Это для спецназа ГРУ. Высадка. Точные парализующие удары. Нейтрализация ключевых фигур. Захват центров телевещания, ведущих банков, блокировка элитных придворных частей. Затем подтягиваются основные войсковые контингенты. Контроль над Ругией и Украиной будет взят за

сутки. Одновременно наши люди пойдут на контакт с правительствами Белоруссии и Казахстана. Местные должны будут согласиться на все условия. Они просто обязаны согласиться. Иначе им быстро найдут замену. Стандартная колониальная политика.

Еще неделя дается на установление порядка в регионах. Это кроме Северного Кавказа. Те, конечно, отколются. И скатертью дорога. Пока. До очередной и последней миротворческой операции в этом регионе. А она будет, обязательно будет. Но это уже головная боль нашего Верховного, советской администрации в параллельном мире и нового ругского правительства.

Международные проблемы Шумилова тоже не касаются. Это опять вопрос военных и местного руководства. И именно этот вопрос наши решат с блеском. Ставить ультиматумы и резко менять правила игры советская дипломатия умеет. Школа Андрея Громыко сказывается. Держать обещания наши военные тоже умеют.

Сам Павел Шумилов в свое время пообещал обрушить доллар. И что же? Сначала смеялись, а потом стало не до смеха. Да, та самая операция «Снежная жара» в далеком 99м году. Последствия, конечно, были такие, что у Павла Николаевича волосы дыбом встали, когда он узнал, что именно крах американской экономики повлек за собой не только смену приоритетов Вашингтона, но и активизацию штамма лихорадки Шилдмана. Американцы тоже не привыкли играть по чужим правилам. А кто любит проигрывать?! Никто.

Красный Премьер лучше всех понимал, что эту проблему нельзя решить открытым вторжением. Он всегда был против силового варианта. Знал, что здесь лечение хуже болезни. Но другого варианта он не видел. Если наш последний кандидат сойдет с дистанции, если не получится перехватить власть с помощью местных ресурсов, придется вводить войска. Надо быть готовыми в любой момент открыть порталы и бросить в бой штурмовые бригады. О финансовой стороне вопроса Шумилов не беспокоился. Ресурсы у страны были, дополнительные атомные реакторы строятся, денег на вторжение хватит.

– Последствия непредсказуемы, – выдавил из себя профессор Гуларян.

– Знаю. Предлагаете все бросить и забыть?

– Павел Николаевич, вы же всегда выступали против вторжения.

– Выступал, когда был шанс на нормальное решение.

– Шанс есть, – твердо, с нажимом произнес Иван Соколов.

– Попробуйте.

– Эксперимент «Дубликатор». Контакт двух двойников. Успешный

эксперимент. – Ученый наклонился вперед и уставил на Шумилова тяжелый взгляд исподлобья.

– Вы предлагаете? – Павел Николаевич задумчиво потер подбородок. Жалко человека, но на кону судьбы миллионов. Рациональный цинизм арифметики.

– Если один Денис Панфилов провалится и выйдет из игры, ключевой фигурой станет наш прогрессор. Один психопрофиль, таланты, лидерские качества, умение работать с людьми. Да наш даже лучше!

– Опыт работы в африканских колониях, – добавил Гуларян. – Это может сработать. Я видел видеосъемку с обоими Панфиловыми. Они похожи и при этом разные. Да, наш жестче и убедительнее, людям это нравится. За ним пойдут.

Шумилов задумался. Вариант интересен. Шанс переиграть партию в случае поражения. Проходная пешка в рукаве. Джокер на шахматной доске. Разумеется, нельзя делать ставку на одного человека. Не по правилам это. Но кто играет по правилам? Плохо то, что за успех операции придется платить сломанной судьбой нашего человека, полноправного гражданина Советского Союза.

– Хорошо. Вы и будете выдвигать свой резервный вариант на совещании. Не боитесь?

– А вы одобрите?

– Нет. Только если сможете аргументировать. – Павел Николаевич еле сохранял серьезное выражение лица. Пусть молодежь понервничает. Пусть еще раз обсосут свою идею со всех сторон. Злее будут. А еще лучше, если представят себя на месте прогрессора, вынужденного забыть о возвращении и по гроб жизни тянуть лямку проблем соседнего мира. Самто он еле сдерживал бушевавшие внутри чувства. Павел Николаевич готов был прыгать от радости – нашлось ведь решение, не все потеряно, еще есть шанс обойтись без вторжения, решить все тихо.

И хорошо бы ребятам заранее решить, что они будут делать, если человек взбрыкнет, пошлет всех дальним лесом, ближним перегибом и потребует немедленной эвакуации. На месте Дениса Панфилова Павел Шумилов так бы и поступил. У него есть свой дом, своя земля, своя страна, и не поменяет он свое кровное на все сокровища царей земных вместе с постом властителя целой державы. А впрочем… Все может быть. Там ведь тоже Россия, пусть и под другим именем. Там тоже своя земля.

Странные вещи творятся в этом мире. Вроде одни и те же люди, но в одном случае они живут в справедливом обществе, строят социализм, осваивают Луну, планируют марсианскую экспансию, готовят глобальный

международный проект освоения Системы. Да, Советский Союз готов продать американцам и европейцам коечто из своих космических наработок. Года через три, после того как мы запустим в серию новый челнок и начнем строить межпланетники типа «Фрактал», вполне можно будет пустить с молотка лицензии на старый добрый МАКС. Нечего тормозить прогресс.

Экономисты считают, что эта идея окупится. Чисто за счет расширения рынка и международной кооперации в космосе. Специалисты из мозговых центров тоже «за». Они думают, что монополия на космос приведет к стагнации, затормозит экспансию. Надо немного опережать конкурентов, но не отрываться слишком далеко. Солнечная система большая, одному Советскому Союзу за сто лет не освоить. Да что там сто лет. Всему человечеству на тричетыре века хватит.

А пока конкуренты копируют и модернизируют наши старые разработки, Союз застолбит самые интересные районы на Марсе и в поясе астероидов. Затем наступает очередь спутников планетгигантов. Возможно, инженеры придумают, как высадиться на Венере. Во всяком случае, проекты венерианских дирижаблей существуют давно, дело только за доставкой.

Мы всегда будем идти на одиндва шага впереди остальных. Так надо. Это ради нашего будущего. Но и душить конкуренцию тоже нельзя. Они должны наступать нам на пятки, не давать почивать на лаврах былых побед.

Советский Союз уже может себе позволить быть дружелюбным в отношении бывших врагов. Наступает удивительное время – когда уже можно думать о всем человечестве, а не только о своих. В недрах специализированных институтов разрабатывается глобальный проект объединения Земли. Не сразу. Сто лет дается только на подготовку к объединению. Быстро только кошки родятся. Спешка, форсирование ходов вызовут реакцию отторжения, замедлят объединительные процессы, приведут к войнам. Пример перед глазами. Наблюдение за параллельным миром дает возможность увидеть чужие ошибки, вовремя их понять, учесть и не допустить в наших планах.

Да, в одном мире люди осваивают космос и готовятся к роли планетарных лидеров, а в другом… Хочется сказать: не надо о грустном. Нельзя. Товарищ Шумилов тяжело вздохнул. Раз взялся за работу, надо делать ее от и до, как для себя. Сейчас главное быть готовым к вторжению, но не доводить до него дело. В первую очередь продолжать гнуть свою линию относительно мирного перехвата власти адекватными местными

кадрами. В случае провала попробовать бросить в бой двойника кандидата. Шанс хоть и маленький, но есть.

Если же не удастся решить вопрос силами одних прогрессоров, если придется привлекать десантноштурмовые бригады, то после такой эскапады комуто обязательно придется брать на себя ответственность за все и уходить в отставку. И что бы товарищи ни говорили, Павел Николаевич твердо решил – козлом отпущения, самым виноватым будет он сам. К отставке не привыкать, это только первый раз страшно на пенсию уходить. А товарищи пусть работают. Им расхлебывать и расхлебывать последствия слияния двух параллельных миров. Проблем на век вперед хватит, если не больше.

Выпроводив ученых из кабинета и немного отдохнув, собравшись с мыслями, Павел Николаевич решил отправиться за город. Он в свое время приглядел хорошее местечко в десятке километров от карельского портала. Бьющий изпод древних камней родник с удивительно вкусной водой. Корабельный лес. Чистый сосновый бор. Одуряющие запахи смолы. Лесное разнотравье на солнечных прогалинах. И грибы! Какие там грибы попадаются. Впрочем, для грибной охоты поздновато. За этим делом надо рано утром выезжать, а не в районе ужина.

Как всегда, жизнь внесла в планы свои правки. На этот раз роль злого демона рока сыграл Володя Строгов. Заглянув как бы невзначай, бывший комитетчик положил на стол тоненькую папку и попросил высказать свое мнение.

– Много? – буркнул Павел Николаевич, перелистывая страницы.

– Короткий отчет. Очередной прогноз наших умников.

– Региональные исследования?

– Нет. Твои язычники из Ордена.

– Оригинальненько, – протянул Шумилов. По его разумению, Орден не мог самостоятельно работать над «Глубоким океаном». Не было им такой задачи. И орденские структуры к проекту не подключали. Только если кто из посвященных в инициативном порядке соизволил выпендриться. Точно. На последнем листе среди перечня авторов стоит фамилия Минаев. Игорь, значит, постарался.

– Почитай, – бросил Строгов на пути к двери. Взявшись за ручку, он обернулся и добавил: – Нервы у тебя крепкие. Ты это переваришь.

После такого пожелания ничего другого не оставалось, как отложить загородную прогулку, устроиться поудобнее в кресле и раскрыть папку. Отчет был коротким, сжатым, без пространных рассуждений, только факты, аргументы, четкий анализ, краткие расчеты. Классический рабочий

документ специалистов Ордена Будущего. Втиснутая в скупые строчки суть происходящего.

Перевернув последнюю страницу, Павел Николаевич покачал папку на весу, словно раздумывая, что с ней делать. Ничего нового для себя он не узнал. Все это Шумилову давно было известно. Другое дело, он забыл, что выводы из анализа ситуации для окружающих неочевидны, прогноз кажется газетной страшилкой, очередным выблеском очередного проповедника конца света.

– И скучно, и грустно, и некому морду набить, – пробормотал себе под нос Павел Николаевич.

Прогнозисты молодцы, четко уловили суть, просчитали наиболее вероятные линии будущего наших соседей. Интересовавшийся в свое время этим вопросом Красный Премьер сам мог бы дополнить отчет, расширить его, вписать новые факты, уточнить прогноз, тщательно расписать мрачноватую картину ближайшего будущего параллельного мира.

В дверь вежливо постучали. Не успел Шумилов открыть рот, как на пороге появился Владимир Строгов.

– За дверью караулил?

– Прочел? – два вопроса слились в один.

– Сам что по этому поводу думаешь?

– Я не знал, что они докатятся до такого, – пробасил Эрвин Шнитке.

Генерал оттеснил в сторону Строгова и подошел к столу.

– Товарищ Шумилов, у них есть шанс?

– Шанс всегда есть. – Остановился, потянулся к лежащей на краю стола папке, затем отдернул руку, словно боялся обжечься. – Это еще не самый худший вариант. Бывает, товарищи, и хуже. Бывает страшнее.

– Куда страшнее? И мы, и они уже один раз победили эту заразу. И что?

– Владимир Петрович, – говорил Шумилов тихим вкрадчивым тоном, как ребенку, – эту заразу невозможно победить. Это наше родное, человеческое. Это часть нашей сути. Это можно загнать вглубь, можно отодвинуть на задний план, спрятать, но уничтожить невозможно. Только если выжигать вместе с человечеством.

– Коричневый прибой, – проворчал Шнитке.

– Коричневых боятся и ненавидят. Коричневые запятнаны грехами прошлого, но это не самая страшная и бесчеловечная форма фашизма. Бывает и хуже. Мы видели вещи куда страшнее.

– Страшнее нацизма? – помрачнел Эрвин Теодорович.

– Пойдемте на улицу, подышим свежим воздухом, – предложил

Строгов, по нему было видно, что отчет произвел на бывшего председателя КГБ неизгладимое впечатление.

– Пойдемте, только охрану предупредим.

– А куда они денутся? Они за тобой даже в сортир ходить обязаны, – съязвил Эрвин Шнитке.

– Не за ним, а перед ним. Положено в унитаз заглянуть, туалетную бумагу на предмет ядов проверить, мусорки вывернуть. Стандартная инструкция. Забывать начинаете азы профессии, товарищ генерал госбезопасности, – Строгов не упустил возможности подначить коллегу.

– Пойдемте, подышим воздухом, – немец даже не обратил внимания на язвительное замечание Владимира Петровича.

Вечерняя прогулка по парку Парнас не помогла. Строгов и Шнитке пытались спорить, чтото доказывали друг другу и Шумилову, убеждали себя в том, что все еще можно поправить. Наивно. Павел Николаевич был бы рад поддержать товарищей, но не видел в этом смысла. Лично для себя он давно все понял и сделал выводы. Соседи перешли рубеж, до которого еще можно чтото исправить. Это же очевидно! Они опоздали к Полдню. Развилка пройдена, они ее даже не заметили. Попытка исправить ситуацию приведет к такой крови и к такой войне, по сравнению с которой гипотетический глобальный ядерный конфликт покажется детскими играми, а наша лихорадка Шилдмана будет выглядеть господним благословением.

Забавно вспоминать: обрабатывая кураторов, тех, кому выпало вести наших кандидатов, Шумилов с товарищами намеренно разыграли эту карту, внушали людям, что если Миру01 не помочь, они неизбежно скатятся к фашизму. К самой оголтелой, одиозной, жуткой, людоедской форме фашизма. Вот уж действительно – не поминай черта к ночи.

Аналитики Ордена доказали, и товарищ Шумилов был с ними согласен: общество в мире за порталами ближайшие пятьдесять лет придет к фашизму. В первую очередь европейская и североатлантическая цивилизация, Ругия в том числе. Это если они выстоят, не рухнут под напором новых варваров, не скатятся в дикость средневековья. Пусть доклад касался только положения в Ругии и Европе, но Красный Премьер привык мыслить шире, рассматривать процесс во всей его полноте.

Ирония судьбы: правительство страны само подталкивало людей к коричневой идеологии. Неумная, половинчатая, отягощенная местечковыми интересами региональных лоббистов, искаженная болезненными либеральными изысками национальная политика вела к тому, что вскоре страна либо относительно мирно распадется на

десятокдругой суверенитетов, либо полыхнет так, что мало не покажется. И именно ошибки внутренней политики служат залогом того, что народ пойдет за ультраправыми националистами.

Павел Николаевич иногда ловил себя на мысли, что его коллеги из параллельного мира намеренно работают против своей страны. Этакие саботажники, вражеские агенты влияния, люди, специально уничтожающие свою страну и свой народ. Нет, к сожалению, это не так.

Давно уже установлено: президент и премьер не предатели и не враги, они искренне желают своему народу добра, именно так, как они это понимают. Они всеми силами пытаются вытащить страну из задницы, стараются сохранить территорию, бьются над архисложными вопросами экономики и демографии, но при этом только загоняют болезнь внутрь, усугубляют ситуацию. Правительство Ругии даже пытается наладить производство, развивает энергетику, поддерживает космическую отрасль. Они работают в меру своих сил и своего понимания действительности.

Для Шумилова и его коллег ситуация была ясна, со стороны всегда лучше видно, нейтральный взгляд стороннего наблюдателя выхватывает все причины и связи, он не искажается субъективными, личными мотивами и эмоциями.

Руководство Ругии играло по чужим, навязанным ему правилам, жило в искаженном, болезненном мире неправильных представлений о действительности. Именно поэтому они и проигрывали, не могли справиться со своими проблемами. Вырваться же за рамки чужой системы, самим назначать правила игры им не хватало ни воли, ни способности к системному мышлению, ни образования. Грамотные советники были, но держались таковые недолго, административный Голем сжирал тех, кто выбивается из серой чиновничьей массы.

Со стороны может показаться странным, и далеко не все посвященные в проект «Глубокий океан» сразу это понимали, но факт оставался фактом – жесткая антифашистская политика властей, борьба с экстремизмом, заигрывание с нацменами, односторонний либерализм приведут только к выбору между фашизмом или нацизмом, и ни к чему другому.

Так странно получается, но давится в первую очередь русский национализм. Знаменитую статью 282 давно уже прозвали «русской статьей». А в регионах, на национальных окраинах между тем национализм процветает. Громкие убийства изза неприязни на национальной почве будоражат общественность. Власть вместо того, чтоб карать убийц и наводить порядок на окраинах, давит тех, кто выступает за законность, кто не хочет, чтоб на улицах городов резали людей только за то, что у них

светлые волосы, европейские черты лица и они говорят на русском языке.

Власть давит тех, кому она обязана своим существованием, тех, кто построил это государство, кто сохранил и приумножил Ругию. Что ж, законы природы не обмануть, второй закон Ньютона президентским указом не отменить. Чем больше перегибаешь палку, тем сильнее тебе потом даст по лбу. Когда власть, вместо того чтоб заниматься прямым своим делом, ищет мифических экстремистов и не замечает экстремистов настоящих, когда надежды на полицию мало, когда людям навязывается толерантность, а в южных регионах процветает работорговля, людям ничего другого не остается, как защищаться самим.

Народное сопротивление растет. Пока спонтанное, неорганизованное. Только пока. Специалисты Ордена считают, что у соседей полыхнет через годполтора после очередных президентских выборов. Любой повод, любое громкое дело, раскрученное убийство или грабеж спровоцируют народные волнения. Правые настроения в обществе растут. Люди готовы защищаться и убивать тех, кто называет их свиньями и почитает ниже рабов.

Пусть правая и ультраправая оппозиция раздроблена, пусть лидеры националистов вызывают смех и не способны даже бригадой руководить. Это все внешнее. Как только градус накала недовольства перерастет определенный предел, так сразу же выдвинутся настоящие лидеры, неизвестные пока, но сильные, способные вести за собой, способные держать перед народом ответ люди.

Одно известно – это будут убежденные сторонники националсоциалистической идеологии. Одно известно – народ их поддержит. Одно известно – если Система не сменит внутреннюю политику, ультраправый переворот неизбежен.

– У нас есть шанс, – тихо молвил Павел Николаевич.

– Перехватить власть до революции? – резко повернулся к нему Шнитке.

– Нет. Завтра будет поздно. Утром было рано, – Шумилов перефразировал известное ленинское изречение. – Действовать надо в момент мятежа. Помните 91й год?

– Я помню. Мы тогда свалились на Кремль как снег на голову, – кивнул Строгов.

– Рискованно.

– Единственный шанс. Если наш человек не возглавит народную революцию, соседей захлестнет коричневый прибой.

– Если наш кандидат к тому времени не провалится, – заметил Владимир Строгов.

– Будем настраивать дублера. – Павел Николаевич резку рубанул перед собой ребром ладони.

– Будем работать, – добродушно пророкотал Шнитке. – Умеете вы подбодрить, Павел Николаевич.

– Пойдемте в номера. Завтра всем рано вставать. Совещание по международной политике, экономике дутых биржевых курсов и прочей порнографии, – напомнил Строгов.

«Коричневый прибой», – крутилось в голове Павла Шумилова. Страшная штука. Мы забыли, что он есть, что это возможно, а жизнь напомнила нам о старых ужасах.

«Почему ужасы?» – неожиданно блеснуло понимание. Это есть. Это периодически возникает, поднимается из глубин. К фашизму ведут национальное унижение, неравная национальная политика, дискриминация большинства в угоду меньшинствам, поражения и неспособность правительства показать людям дорогу к будущему. Вспомнилась страшная фраза из конца двадцатых годов прошлого века: «И третье поколение будет тянуть лямку». Это о военных репарациях и долгах Веймарской Германии. Это было страшно, а то, что творится в Ругии соседнего мира, еще страшнее. Там не только для третьего поколения, там вообще нет будущего, там даже забыли, что в конце туннеля может забрезжить свет.

«Это еще не самое худшее», – отвечал рассудок. У фашизма много лиц. И нашим соседям грозит далеко не самый худший вариант. Цинично? Может быть, и так. Жизнь – штука жестокая, а реальная политика еще и безжалостна. Это только сидя на кухне за стаканом водки, можно рассуждать о слезинке ребенка. Людям, несущим на себе ответственность, приходится выбирать между жизнью и благополучием миллионов своих и жизнями тысяч чужих. Это самый мягкий, человечный вариант. Обычно речь идет о десятках миллионов чужих в противовес миллионам своих. И мудрый политик всегда выбирает только своих. «Не дело бросать хлеб псам, когда голодают твои дети» – так, кажется, выразился один из христианских святых. Кто именно, Шумилов не помнил. А, нет, это сам Христос так говорил, и он был прав.

Грани фашизма многолики. Нацизм тоже бывает разным. Коричневые рубашки и парящая в белом круге свастика – это только один, самый известный лик. Знаменитый образ «Триумфа воли», печей Освенцима и рвов Бабьего Яра. Сейчас это запрещено и заслуженно преследуется. В «цивилизованном обществе» считается, что нельзя допустить реванш коричневых.

Однако жизнь не стоит на месте, фашизм был до Гитлера, существует

он и сейчас. Он ровесник цивилизации. По большому счету.

Нацизм – это когда человека не считают человеком только за то, что у него другие черты лица, более светлая или более темная кожа, за то, что он другой национальности и говорит на другом языке, за то, что он воспитан в другой культуре.

Нацизм – это когда в заповедях божьих прямо сказано, что верный адепт правильной национальности невозбранно может обманывать, грабить и убивать всех, кто не принадлежит к его крови и вере. Это когда бог требует убивать лучших людей из инородцев.

Фашизм – это когда у людей отнимают детей только за то, что те не воспитываются в духе господствующей идеологии. Когда папу и маму запрещается называть папой и мамой, а взамен навязывается словечко из лексикона гомосеков, обозначающее лицо некоего среднего пола. Или когда детей с младших классов приучают к гомосексуальной культуре, учат не видеть разницу между мужчиной и женщиной. Это тоже фашизм. Гламурный либеральный фашизм запрещает мальчику расти мужчиной, а девочке становиться женщиной, он навязывает людям неестественные роли бесполых, зашуганных, забывших свое родство существ.

Фашизм процветает там, где права большинства ущемляются во имя прав меньшинств. Там, где людям прямо говорят – они не способны воспользоваться своей свободой, они не могут единственно верно пользоваться благами демократии. И посему людей будут жестко приучать к этой самой демократии, учить правильно голосовать, правильно жить, правильно воспитывать своих детей. При этом подразумевается, что только избранные знают, как это – «правильно».

«Демократия – это власть демократов», – вспомнилась фраза одного политика из соседнего мира. Четкая рубленая формулировка, откровенное заявление: кто прав, тот и демократ. Хотя в действительности такое положение вещей не имеет ничего общего с демократией. Это просто обыкновенный фашизм.

Фашизм наступает в тот момент, когда человеку дают понять, что он может говорить, а что нет, о чем можно думать, а что попадает под статью, кого он обязан пускать в свой дом, а кого не обязательно. Существуют запрещенные темы для исследования и обсуждения? Нельзя сомневаться в единожды высказанных и высочайше утвержденных догматах? Да, это тоже фашизм.

Фашизм многолик. Он неистребим. Стоит отрубить у дракона одну голову, и на ее месте вырастают две. Он умеет маскироваться под либерализм, демократию, защиту угнетенных. Он даже умело прячется под

маской «жертв фашизма». Но всегда изпод маски агнца торчат шакальи уши подлого зверя. Фашизм, какими бы благородными лозунгами он ни прикрывался, всегда там, где ущемляют право человека быть человеком, где возбраняется думать, а человека в первую очередь ценят за принадлежность к конкретной национальности, вероисповеданию, за его определенный образ жизни или внешние отличия. Или не считают человеком того, кто не является своим.

Вернувшись в гостиницу, Павел Николаевич сразу же разделся и завалился на кровать. Хотелось спать, вымотался за день, как не знаю кто, но сон долго не шел. Бывает такое, вроде устал, кажется, стоит закрыть глаза – и моментально провалишься в сон, а нет, в голове бродят сумбурные обрывки мыслей, вспоминаются недорешенные вопросы, проблемы. Слух обостряется, человека начинает раздражать тихое тиканье наручных часов, слышен гул воды в трубах, шорох в коридоре, скрип деревьев за окном.

Помучавшись так с полтора часа, Шумилов поднялся, набросил рубашку и вышел на балкон. Слишком неприятным был разговор, слишком серьезным оказался отчет Ордена. Павел Николаевич и раньше знал, что соседи скатываются к фашизму. У них в принципе только два варианта: возвращение в Средневековье или жесткая диктатура нацистского типа. Но ведь человек до последнего надеется на лучшее, теплится в душе мысль: а вдруг это не так? Вдруг я ошибся? Вдруг пронесет?

Не пронесло. Аналитики Ордена подтвердили правоту Шумилова, и от этого было понастоящему страшно.

Рывок

Машина летит по ночной трассе. Дорога пустынна. Встречных почти нет. Изредка свет фар выхватывает из темноты стоящие на обочине фуры. Мимо проносятся дорожные указатели, развилки, огоньки над придорожными кафе. В приемнике играет негромкая музыка. Ночная трасса. Романтика. Очарование летней ночи. Бездонное небо. Сияющая звездная трасса Млечного Пути над головой. В другое время Дэн наслаждался бы гонкой по ночной дороге, если бы не смертельная усталость. Он держался только на упрямстве, да еще Денис отвлекал немудреным трепом, не давал уснуть за рулем.

Неделя выдалась сумасшедшей. Иной раз Дэну казалось, все вокруг сговорились – убить товарищей работой, завалить их неподъемным грузом. Проблемы сыпались как из рога изобилия. Серьезные дела созрели и навалились все разом. О них и речи нет. Это все было запланировано, но вдруг вся накопившаяся мелочевка, все, что считалось неважным, неожиданно повылазило на свет божий и требовало к себе самого пристального внимания. Цейтнот. Времени нет даже на чашку кофе, не говоря уже об отдыхе и сне.

Хорошо то, что хорошо кончается. Переговоры с губернатором сегодня прошли удачно. На исход дела повлияло не только заманчивое предложение, но и высокое реноме близнеца. Люди в губернской администрации сидели не глупые, то, что касалось их лично, просчитывалось на 3–4 хода вперед. Да, они могли спокойно отобрать бизнес, создать человеку проблемы, в этом мире все возможно, но предпочли договориться. Тем более на чашу весов легла растущая популярность движения «Чистое небо». Люди начали приглядываться к этому неведомому доселе чудуюду, прикидывать риски и выгоды. На этом все и ловятся.

Приближаются президентские и парламентские выборы. Административный и партийный ресурсы, конечно, сами по себе великая сила, но дружба, а еще лучше деловой контакт с человеком, за спиной которого стоит сильное неполитическое движение, дорогого стоит. Даже в этой стране понимают, что честная победа дороже, ценнее договорного матча с заранее утвержденными планами по голосованию и 120процентной явкой избирателей.

Время идет, популярный, способный влиять на избирателей человек

становится полезным. Традиционный цикл псевдодемократической системы. Подготовка к выборам. Накал страстей, гонка за голосами, сумасшедшие деньги на рекламу, еще более жуткие затраты на смазку бюрократической машины, апофеоз демократии. Последний пик психоза на выборах, тяжелая артиллерия административного ресурса. Громогласные фанфары после победы, захлебывающиеся от восторга дикторы, объявляющие предварительные итого голосования.

Затем торжественное объявление победителя. Заранее предсказуемые и согласованные протесты официальной оппозиции, последняя попытка заявить о себе мелким скандальчиком и громкими визгами оппозиции подпольной и непризнанной. Считающийся наиболее серьезным оппозиционер заявляет о подтасовке результатов, требует пересчитать голоса. Это быстро ставший популярным обязательный элемент аттракциона. Все это понимают, но тем не менее коекто еще надеется на чудо, в душе понимая, что официальной оппозиции меньше всего нужна победа. Эти люди просто не знают, что с ней делать.

Затем все устаканивается и сходит на нет. Популярные фигуры, которых еще два месяца назад пытались затащить в обойму, кто был нужен как рупор демократии и Нашего Кандидата, уже никому не нужны. Цена их популярности резко падает. До следующих выборов.

По данным разведки, господин Усачев лег на дно и не отсвечивает. Сначала он пытался сопротивляться, дрался за свой бизнес, но, увы, Фортуна – девица ветреная, любовь ее переменчива. Валерию Иннокентьевичу не повезло. Все изменилось за два дня, когда Усачев пытался в очередной раз припугнуть Дениса Панфилова и его союзников. Перебор и крах. Столкнувшись с реальным отпором, специалист по переговорам слился, сдулся как воздушный шарик.

Приреченск решительно не желал завоевываться пришлым варягом. Те, на кого давил гость из Подмосковья, кого он запугивал, кого подкупал, быстро поняли, что за этим господином уже нет серьезной силы, он ноль. Реакция была соответствующая. Двери закрылись, денежный ручеек иссяк, контракты и договоренности превратились в простую бумагу. Уважаемого Валерия Иннокентьевича кинули на всех фронтах, не помогли и навыки разруливания криминальных терок. А коекто явно жаждал крови. Особенно те, кому знакомство с Усачевым стоило седых волос и жутчайших стрессов.

– Небо, звезды, огни на горизонте, – заметил Денис.

– Красотень неописуемая, – согласился Дэн. – А видел ли ты ночное небо над саваннами Родезии?

– И не соблазняй. Все равно небо над тайгой красивее.

– Бывал там?

– Бывал. Работал одно время с одним левым проектом.

– А я не был, но знаю, нет ничего краше Южной Африки.

– Далеко. Жарко. Живность всякая смертоносная.

– Ерунда. В Москве опаснее. Киплинг вот от Южной Африки был в восторге. Даже стихи о ней писал.

– Киплинг много где бывал.

– Да. – Дэн резко крутанул руль, он чуть было не прозевал поворот.

Дорога шла по склону холма. Слева горели огни далекого села, справа темнели заросли кустарников. В свете фар белели стволы березок вдоль дороги.

За очередным поворотом вспыхнули манящие огни придорожного кафе.

– Остановимся?

– Ну его к черту. Не ем я жареную собачатину. Кошатину и прочую жратву для бомжей тоже не ем. Официантка сонная, пока проснется, пока кофе найдет, пока второе разогреет. Уснуть успеем. Ну его. Давай лучше за руль сяду, если ты устал.

– Подожди. Как усну, так и сядешь.

– Тогда поздно будет.

Дэн хотел было скаламбурить в ответ. На языке вертелось прекрасное сравнение бороды апостола Петра с легкой небритостью похмельного патологоанатома. Не успел. Пока собирался с мыслями, в кармане затрезвонило проклятье нашего времени. И как люди раньше обходились без мобильников?! Уму непостижимо! Муромцев сначала выловил из кармана основной телефон, только потом понял, что звонит второй аппарат, старенький, простенький, но все еще рабочий «Сименс».

– Алло! – на экране высветился знакомый десятизначный номер.

– Тревога. Быка видели на трассе, прошел на зеленой «Нексии» мимо поста за плотиной, – в голосе Жени Боровика звучали металлические нотки.

– Время? Он один?

– Двадцать минут назад. Гаишники его срисовали. Приказа на задержание не было. В машине два человека.

– Боевик?

– Да. Молодой, крепко сбитый, бритый налысо.

– Понял.

– Я поднимаю тревогу. Идем погоней.

Дэн негромко рассмеялся, перебросил ногу с газа на тормоз и крутанул

руль, сворачивая на обочину. Под шинами зашуршал гравий. Камешки выбили тревожную дробь из днища машины. От резкого торможения напарника чуть было не приложило головой о ветровое стекло. Денис ведь ненавидел ремни безопасности, отстегивался при каждом удобном случае, когда не было риска нарваться на слишком бдительного инспектора.

– Давай, пересаживайся за руль. – Прогрессор выскочил из машины и на ходу глубоко вдохнул, буквально впитывая в себя через силу ночную свежесть.

Жаль, не вовремя Кирпич вынырнул. Недосып затормаживает реакции. Мозги костенеют, отказываются работать как следует. И в глаза как песок сыпанули. Ладно. Опускаясь на пассажирское сиденье, Муромцев выловил из бардачка револьвер. Все шесть патронов в барабане, механизм работает как часы, а глушитель вот сегодня не нужен. Он только мешает, снижает скорость пули и дальность соответственно.

Ерунда! Офицер Африканской бригады всегда готов к хорошей драке. Многие пытались спорить, да немногие выжили. Советские африканцы всегда стреляют быстрее и чуть метче всякой интернациональной швали из «диких гусей» и прочих бандитов. Немного жаль, что напарник без оружия. Дэн в очередной раз пожалел, что категорически запретил брату брать с собой ствол. А с другой стороны, вваливаться на прием к губернатору с пушкой за пазухой – это явный перебор. Как в древнем анекдоте: «Провинцияс. Не поймут».

– Не гони. Держим сотню. – Дэн дружески толкнул близнеца локтем.

– Драка ожидается? Дискотека?

– Будет. Подвижная засада. На это и будем рассчитывать. И опусти окно. – Свою форточку прогрессор уже утопил в дверце. – Ищем зеленую «Нексию».

– Их в губернии как собак нерезаных.

– Нам всех не надо. Одну бы найти, с нашей добычей. – С этими словами прогрессор откупорил банку энергетика. Не любил он эту гадость, чистой воды дешевый психостимулятор, но сейчас необходимо взбодриться, дать нервной системе хорошего пинка.

– Работаем, брат. – Денис убавил громкость приемника.

Однако через минуту опять добавил звук, на волне плыла мелодичная, плавная, напевная, зовущая в даль, тревожащая душу песня «Скорпионз». Так они и ехали под звуки «Send me an Angel». Денис обошел еле ползущую «шестерку». Впереди и чуть левее за посадкой горели огни деревни Лекарево. Скоро будет развилка на Малореченский. У поворота хорошее место для засады. Если там не ночуют дальнобойщики, можно

будет встать, погасить фары и ждать, когда мимо пройдет машина Кирпича.

Подкараулить и рвануть в погоню. На чистой ночной трассе «Астра» с форсированным двухлитровым движком даст «Нексии» сто очков форы. Да еще с водителем, знающим здесь каждую ямку и каждый поворот. Денису ведь регулярно приходится по этой трассе мотаться. Кирпич сегодня не уйдет. Ему придется ответить за подставу с трупами подельников. За старые грешки, угрозы, наезды тоже придется отвечать.

– Знаешь, я только сейчас понял, как ты меня подставил, – нарушил молчание близнец.

– То есть?

– Всю жизнь пахать как проклятый, не спать толком, решать десятки проблем одновременно. Жить на работе, под прицелом и даже в душ без сопровождения не сходить!

– А это еще почему? – хохотнул Дэн.

– Охрана. Да, жена и дети тоже без волкодавов ни шагу. И ты меня в это втравил.

– А как же вкус власти? Возможность решать настоящие вопросы, власть править людьми, заставлять их смотреть на тебя с обожанием, ловить каждое твое слово?

– Да имел я твою власть телеграфным столбом! – взорвался близнец. – На стволе я это мотал! Я человек, а не политик!

Дэна же разговор забавлял. Жалко, конечно, Дениса, но Ругии именно такой правитель и нужен. Не человек, рвущийся к власти, как к наркотику, не упивающийся своим всесилием монстрик, а настоящий Человек, для которого власть – это инструмент, не более того. Ну, еще ответственность за свою страну и своих людей. Получается, наши штабные сделали правильный выбор, нашли настоящего человека, настоящего Верховного Правителя.

Дэн даже загордился: это ведь он сам, он тот самый Денис Панфилов, обычный паренек с окраины, боец колониальных войск, бродяга по жизни оказался достоин править Державой. Только что он выдержал экзамен на зрелость. Перед самим собой выдержал. Вот ведь, выверты физики параллельных миров! Натуральная шизофрения во плоти. Я самдва, два воплощения твоей личности разговаривают друг с другом и еще экзаменуют друг друга. С ума сойти можно. Шизофрения. Определенно шизофрения, если бы это не было самой что ни на есть железобетонной правдой.

Опять звонит телефон. На этот раз у Дениса. Короткие фразы. Под конец громкий возглас: «Здорово!»

– Что хорошего и нового? – любопытствует прогрессор.

– Марат звонил. Хуснуллин. Он сейчас в Смоленске. Местные ребята согласны с нами работать, – речь шла о «зеленых» и антиглобалистах. – Люди хорошие, боевые. Готовая ячейка, целое отделение.

– И не спится ему. Ночь на дворе. Да, еще с Урала тоже хорошие вести. Растем помаленьку.

Дэн слишком поздно заметил стоящую на обочине машину. В свете фар блеснуло стекло. Через дорогу метнулись две тени. Близнец резко крутанул руль и вдавил педаль тормоза. Автомобиль пошел юзом, захрустела АБС. Дэн успел упереться левой рукой в панель и выхватил револьвер. Удар, как будто задним крылом чтото задели.

Выстрелов прогрессор не заметил, только лобовое стекло пошло трещинами, расцвело паутиной. Ответный выстрел по неясной тени. Промах. Не успела машина остановиться, как Дэн кубарем выкатился на асфальт. Метрах в десяти стоит Кирпич. Дэн его сразу узнал.

Выстрел. Еще один. И перекат. Уйти от ответного огня. Панфилов скатывается на обочину, ловит бандита в прицел. Тот стоит на одном колене и держит обеими руками пистолет.

«Сейчас ты у меня…» Остается только нажать на спуск. Нет! Рано! Удар в плечо. Еще один. Как кувалдой в грудь заехали. В глазах темнеет. Дэн падает на спину, чувствует отдачу револьвера. Три выстрела подряд. Сухой щелчок. Патроны кончились. Глаза слипаются. Усталость берет свое. Все тело болит. Нет сил ни подняться, ни даже вскрикнуть. Последним усилием вскинуть руку, и затылок отдает искрящейся резкой болью. Человек уплывает в долгожданное беспамятство.

«Не стоило пить энергетик», – медленно скрипит последняя мысль, и наступает полная темень.

Дэн уже не видит и не слышит, как Кирпич прижимает руку к простреленному боку, как на него налетает Денис и с диким воплем бьет ногой в лицо. Затем хватает за волосы и долго, методично колотит головой врага по асфальту.

Сбитый машиной напарник Владимира Кирпичева поднимается на ноги, хромает к своей машине, но уже у самой «Нексии» его догоняет Денис. Человека как будто ангел смерти обуял. Убивает он руками. Просто сворачивает незадачливому киллеру шею.

Пелена спала с глаз, сознание прояснилось. Под ногами Дениса лежало тело человека в неестественной позе. Шагах в десяти еще один труп. Панфилов поднял руки, уставился на них непонимающим взглядом. Кровь. Он только что убил двух человек. Двоих опасных вооруженных

бандитов. Голыми руками.

До Дениса начало доходить, что вляпался он серьезно и по самые помидоры. Надо срочно следы убирать. Машину угнать и привести ее в такое состояние, чтоб ни один криминалист не подкопался. Да еще брат ранен. Брат?!

– Дениска! – молодой человек метнулся к двойнику.

Стресс прошел. Рассудок взял верх над пустыми эмоциями. Так, проверить пульс. Сонная артерия еле угадывается, но, кажется, под пальцами чтото бьется. Ладно. Бегом к машине за аптечкой. Не забыть забрать револьвер.

До слуха Дениса донесся приглушенный шум мотора. Вдалеке за поворотом мелькнуло светлое пятно. Времени в обрез. Не до сантиментов. Молодой человек вытащил из кармана брата патроны, перезарядил револьвер, убрал стреляные гильзы в карман. Затем подхватил прогрессора на руки и понес к «Опелю». Телефон в кармане разрывался трелью простенькой мелодии из стандартного набора «Самсунга». Пошли они все куда подальше! Сначала положить брата на заднее сиденье, потом уже хвататься за аппарат. Денис думал, что это жена тревожится, но оказалось – не она.

– Денис, что с Денисом? – судя по голосу, это был Женя Рябушкин.

– Ты где?

– Сейчас. Что там с навигатором? Дурацкая система. Почему у этих власовцев ГЛОНАСС не работает? – ворчал бывший ефрейтор. – Так, подъезжаем к повороту на Малореченский.

– Мы на трассе. Прямо перед тобой. Денис тяжело ранен. На мне два жмура.

– Понял, сбавляю. И не играй больше в компьютерные игры на ночь, – грубовато пошутил Евгений. – Особенно в «Doom» с бензопилой.

Вскоре на трассу выскочила серебристая машина. К Денису подлетели Рябушкин и Вячеслав Савельев. Алексей Ковалько неторопливо выбрался из машины, потрогал носком ботинка труп Кирпича, презрительно скривился.

– Намусорили ребята. Ой, как намусорили. Раззявы.

– Давай. Быстрее. Тащи перекись. Свет давай. – Гадюка склонился над своим боевым товарищем.

Быстро перевязать раны. Вколоть пару ампул из армейской аптечки. Дело пошло. Денису осталось только помочь Рябушкину забросить трупы в багажник «Нексии».

– Погнали. – Женя запрыгнул за руль трофейной машины и повернул

ключ зажигания.

К тому времени Ковалько тщательно вытер салфетками все отпечатки пальцев, подмел обочину, придирчиво осмотрел место преступления. Машины уже убрали с проезжей части. И вовремя. По трассе прошла пустая фура. Еще через минуту пролетели две легковушки. Не спят люди. Едут кудато, спешат по своим делам.

«Нексию» отогнали за лесопосадку, облили бензином и подожгли. «Опель» Муромцева взял на себя Гадюка. Машину решили отогнать на старую базу под Бондюгами. Спрятать и аккуратно отремонтировать. Главная проблема – внушительная вмятина на заднем крыле. Денис сам не знал как, но он буквально на одних инстинктах вырулил под пулями и, сбрасывая скорость, сбил одного из бандитов. Теперь эта удача превратилась в проблему. На одежде водителя Кирпича должны остаться частицы краски, на асфальте следы торможения, отпечатки протекторов. Да и битое стекло не приберешь.

Наконец место боя подчищено. Бойцы погрузились в машину и поехали в город. По дороге выработали легенду. Муромцева однозначно в больницу. Тем более у Дениса Панфилова хорошие контакты в одной частной клинике. Контингент надежный. Привыкли держать язык за зубами. Придется, конечно, платить не только за лечение, но и за анонимность, выбирать не приходится: жизнь дороже денег.

Вкус крови на губах

Денис не помнил, как добрался до дома, уснул он на заднем сиденье машины. Первый раз ведь такое. Да, ему приходилось убивать, спокойно, с холодным рассудком, заранее зная, что и как делать, тщательно просчитав ситуацию, спланировав работу и обеспечив себе и своим соратникам полноценное алиби. А вот так, как сегодня, не думая ни о чем, поддавшись ярости и желанию голыми руками душить, грызть, рвать врага, когда ноздри раздуваются от терпкого пьянящего запаха крови, в горле застревает рев первобытного охотника, а голова кружится от вкуса смерти и жизни на губах, не приходилось. Самым страшным было не то, что он убивал – в конце концов, мир только чище стал, – а то, что ему понравилось. Вот это пугало понастоящему.

– Так что, командир, будем зачищать город? – наклонился вперед Сергей Жуков.

– Будем. Ориентируй соратников. Ищем Усачева и мочим, – кивнул Панфилов.

Разговор происходил на даче Муромцева. Вечер субботы. Со стороны выглядит как встреча хороших друзей с пивом и на природе. Жизнерадостная компания за столиком под навесом. Шашлык жарится. На столе зелень, кружки. В бочке с водой охлаждаются два ящика пива. Над баней дымок вьется. Куда без этого. Жены и подруги снуют по участку, перешептываются, обсуждают последние обновки и цены в магазинах.

В действительности пиво почти все безалкогольное. Вино так и стоит нераскупоренное. Разговор за столом идет отнюдь не о машинах, кабаках и контактах с нужными людьми. Впрочем, последнее не совсем соответствует истине. Контакты, связи, выходы на уровни принятия решения учитываются.

За столом собралась вся старая команда Дениса Панфилова. Даже капитан Иванцов приехал. Из прогрессоров пригласили только Славу Гадюку. Денис не доверял Ковалько и новому пополнению, боялся, что те в любой ситуации будут действовать точно по инструкции. А кто знает, что у них за инструкции?! Вот тото и оно. У гостей из Советского Союза свои интересы.

– Могу обрадовать, дело о двойном убийстве на трассе глухарь, – добавил Иванцов. – Концы обрублены. Наши стоят на ушах, но думают, что это криминальные разборки. Рэкермены не поделили дорогу.

– И то хлеб.

– Хорошая новость: из пистолета Кирпичева были убиты Козулин и Жвалов. – Речь шла о безвременно сгинувших на тот свет спутниках Кирпича. Да, как раз после дерзкого рейда обоих Панфиловых со товарищи. Прокололся секретарь Валерия Иннокентьевича, не смог перевести стрелки на Панфиловых. Подставился. Впрочем, сейчас ему уже все равно. Криминалисты до сих пор гадают: это что надо было учудить, чтоб превратить голову человека в кашу? От лица ничего не осталось, месиво, череп пробит, и неоднократно.

– Усачева надо искать. И будем искать, – протянул Серега Жуков.

– Мы его давно ищем. Лег на дно, зараза, и не отсвечивает. Он точно в городе?

– В городе, – кивнул Гадюка. – Два дня назад его видели на проходной Механического.

– Два дня – это долгий срок. – Марат потянулся и заложил руки за голову. – Он точно не сбежал?

– Некуда ему бежать, – злобно ощерился Денис. – Пусть сейчас за финансовый провал не убивают, но в «Виконткомпани» жаждут задать Усачеву очень интересные вопросы.

– Она нахмурила брови и неоднократно вопрошала: «Где деньги?»

– Не только. Речь о больших деньгах.

– Денис прав. По моим данным, «Виконт» потратил на внедрение в Приреченск больше пятидесяти миллионов рублей. Это включая лицензии, местные офисы, зарплату специалистов, откаты и прочие расходы. Сумма невелика, но провал операции ударил по деловой репутации фирмы. Неизбежно возникнут проблемы с другими контрактами, вырастут накладные расходы. А спросят за все с Усачева, если он не успеет найти виноватого.

– Мальчики, хватит о работе. Вы и так дома не бываете, – Лена решительно вмешалась в разговор. Девушка обвила руками шею своего возлюбленного.

– Милая, ну… – на этом какиелибо попытки сопротивления закончились. И разговаривать при жене нельзя, и отправить ее в дом не получается.

– Баня натопилась. Пиво охладилось. Шашлык скоро сгорит, – улыбнулся Марат.

– Кто идет к бочке? – притворно нахмурился Слава.

– Ты.

– Я ночую на даче. Мне можно! – провозгласил Денис.

На этом серьезная часть встречи, как несложно догадаться, завершилась. Ко всему прочему к веселью присоединился Олег Окунев. Скучно стало человеку, решил проведать, кто это там у соседа гуляет? Проверка затянулась до полуночи. Отсутствие самого Дениса Муромцева никого не удивило. Знакомые привыкли, что Дэн может в любой момент уехать недели на две. Работа у человека такая. Даже Олег спокойно проглотил официальную легенду и не подумал поинтересоваться: что это Катюша явно чемто встревожена, места себе не находит. Списал все на естественное беспокойство за улетевшего в очередную командировку мужа.

Отдыхали спокойно, без шума и громкой музыки. В доме спит младенец, да и соседи приехали на дачу, чтоб отдохнуть от городского шума, а не на дискотеку под яблонями. Посидели, в бане напарились, отвели душу неторопливыми разговорами за жизнь. Женя решил сегодня попробовать себя в роли шефповара и потчевал соратников форелью на углях. Получилось неописуемо вкусно. Тем более Земсков был сегодня в ударе и жарил рыбу самыми разными способами: на решетке, в фольге, обмазывал тестом и запекал, с приправами экспериментировал.

Денис сегодня предпочитал обычный шашлык из свинины, после запредельных стрессов его тянуло на жирненькое. Хотя, надо отдать должное, рыбка тоже хороша. А вот пивом Панфилов не злоупотреблял. Добрая шутка: во всеуслышанье потребовать подать целую бочку – это одно, а много пить не хотелось. Лучше спокойно потягивать легкий напиток из кружки, смаковать глотками. Лена ушла рано, боится оставлять ребенка без присмотра. А без жены только и остается сидеть в плетеном кресле и глазеть на ночное небо.

Некстати вспомнился разговор с двойником. А какое оно, небо Родезии? Почему вдруг его самого в другом мире занесло в Южную Африку? Неужели скучно стало в уютном, благоустроенном Союзе? Может, на приключения потянуло? Адреналиновое голодание? Почему вообще люди бросают насиженное место и несутся сломя голову на край света, к черту на рога за синей птицей? Деньги? Нет. Не похож двойник на миллионера. И даже в такой благополучной стране, как его Родина, содержание офицера со всеми надбавками не делает человека богачом. Для желающих разбогатеть есть куда более безопасные способы. Тем более у соседей предпринимательство не запрещено.

Сложные вопросы. Ответов нет. Да Денис и не пытался отгадать вечные загадки человеческой психики. Не его это дело. Пусть ученые разбираются.

Вспомнилось детство, молодость. Эх, он ведь действительно в свое

время хотел уехать далекодалеко, туда, где прозрачное небо, бездонное море, бескрайние степи, глухие леса и высоченные горы. Жизнь внесла свои коррективы в юношеские мечты. Приходилось драться за место под солнцем, искать себя в этой жизни. Путешествие в дальние края было отложено на потом. И это «потом» так и не наступило.

А что, если плюнуть на все и уехать? Лицо Дениса исказила горькая усмешка. Нет. Жену и ребенка не бросишь. Людей не обманешь, пока не сделаешь все, что обещал, совесть не позволит бежать. А потом уже поздно будет. Только если через много лет на пенсии, когда все долги будут розданы, обещания выполнены, дети вырастут. Только тогда и можно будет уйти на восход вдогонку за мечтой.

– Проклятый Кирпич! Гондон недоношенный! – Граненый стакан пролетел через всю комнату, врезался в стену и разбился на мелкие осколки.

– Какой же ты урод!

Валерий Иннокентьевич одним резким движением отодвинул серебряную кружку на край стола. Хотел было вышвырнуть ее в окно, но вовремя передумал. Преподнесенный люберецкими братками подарок в память об отсидке дорого стоит. Не хватало еще с конкретными пацанами поссориться. И так слишком много ошибок в последнее время. В серьезном бизнесе это не прощают.

Усачев презрительно фыркнул, вспоминая свои первые шаги в этом проклятом провинциальном кишлаке. Расея! Мать ее, перемать и вымать! Тупые, мнящие о себе и одновременно с раскрытым ртом смотрящие на столичных жителей и иностранцев провинциалы. Большие дети, честно говоря. Попадаются среди них настоящие, но тех сразу видно. По мнению Усачева, из таких вот голодных детей глубинки каждый второй москвич происходит, не считая первого.

Валерий Иннокентьевич сам не москвич, все детство прошло по дальним гарнизонам и окраинам Союза. Обычная судьба детей офицеров. Но с тех пор как он осел в Подмосковье, отношение к провинции незаметно изменилось. Или оно всегда было таким? Усачев, честно говоря, не помнил или не хотел помнить.

Психоз прошел. Теперь можно закурить. Жадно втянуть в себя дым. Отпустило. Поднять кресло, сесть, допить чай и подумать над смыслом бытия, ну или что там под этим понимают в нашем сумасшедшем мире.

В деле полный и окончательный провал. Надо это признать и не тратить силы на то, чтобы исправить то, что невозможно исправить. Попался, как лох саратовский. До смешного доходит! Прятаться

приходится!!! Благо Валерий Иннокентьевич нашел в свое время одну хитрую загородную гостиницу. Домик в лесу близ берега реки. Тихое место, где любят гостить высокопоставленные визитеры, отдыхать местные бизнесмены и полукриминальные авторитеты и устраивать буйные вечеринки со всеми удовольствиями детишки богатых родителей. Очень богатых, надо добавить.

Сейчас загородная гостиница пустовала. Единственным постояльцем был господин Усачев. Это радовало. Владельцы и персонал привыкли держать язык за зубами, это входит в стоимость номера, тогда как среди случайных отдыхающих мог бы найтись человек, знающий Валерия Иннокентьевича. Сейчас это было лишним. Нет, Усачев не боялся встретиться с кемто из тех, кому он должен. Морду бить не полезут, а ежели и полезут, то тем хуже для нападающего. Это не вопрос.

Куда хуже была огласка. Усачев не зря съехал с городской квартиры. Пусть на дворе отнюдь не «золотые» девяностые, но всяко бывает. Среди аборигенов встречаются индивиды удивительной тупизны, с уникальными по прочности лбами. Эти могут попробовать устроить классический бандитский наезд со шкафоподобными мордоворотами, взятием на понт, тупыми разводами и паяльником в заднице.

Впрочем, вероятность такого наезда крайне мала. Усачева больше страшил визит коекого из владельцев «Виконткомпани» и связанных структур, с группой поддержки естественно. Людям свойственно интересоваться судьбой своих денег, и чем крупнее сумма, чем значительнее последствия ее потери, тем пристальнее интерес. Закон жизни, знаете ли.

Надо добавить, товарищи Дениса Панфилова сильно ошибались, оценивая потери «Виконткомпани» в жалкие полсотни лямов деревянных. Валерий Иннокентьевич успел вложить в бизнес в Приреченске двадцать миллионов евро. И сейчас эти деньги плакали горючими слезами, возвращать их придется с большим трудом.

«Ничего. Прорвемся», – думал Валерий Иннокентьевич. Надо только выждать. Неделю, две. Сейчас в Москве намечаются интересные подвижки. Одного хорошего человека обещают поднять на полезную должность. Надо только дождаться назначения и лететь в Москву. Человек в свое время многим был обязан Усачеву и, что немаловажно, до сих пор сидит на крючке. Людям ведь свойственно забывать, особенно тех, кому ты обязан по гроб жизни. Еще немного, и можно начинать новую игру.

Время есть. Валера Усачев умел выжидать. Полезное умение для хищника. А никем другим он себя и не числил. Если нечего делать, если

любое движение только ухудшит ситуацию, не стоит нервничать, переживать, укорять себя. Глупо. Но зато у человека появляется много времени, и это время надо с толком использовать. Проанализировать свои ошибки, к примеру.

Да, Усачев понимал, что проблемы возникли в тот самый момент, когда он нажал на Панфилова и Муромцева. Ребята оказались с гонором, слишком самоуверенные и, что хуже всего, непредсказуемые. Одна только хохма с рюмкой водки – а как талантливо этот гад развел Валерия на выпивку! – с последующей банальной гаишной подставой чего стоит! Талант. Жаль, что придется этого Панфилова растоптать, раздавить, разорить и изничтожить так, чтоб больше не поднялся. Искренне жаль этого человека. Но иначе нельзя. Такова жизнь. Нельзя прощать поражение. Нельзя позволять жить тем, кто оказался сильнее и удачливее тебя, – принцип, который Усачев исповедовал с юных лет.

Сидеть в четырех стенах тоже нельзя. Надоедает. Почему бы не выбраться вечерком на рыбалку? Река всего в двухстах метрах. В багажнике лежит удочка. От бетонного пятачка перед воротами гостиницы к берегу идет грунтовка. Дорога, конечно, жуткая. Виляет между деревьями по крутому склону. После дождя на легковушке по ней не подняться. Но у Усачева приличный джип. По любой грязи пройдет.

Прав нет, но это не проблема. Вопервых, дорожной полиции в таких дачных закоулках не бывает, только если сами на отдых выберутся. Вовторых, по нашим законам нельзя человека сразу прав на вождение лишать, только через суд. А после изъятия водительского удостоверения вместо него выдается временное разрешение, сроком на месяц. Так что, даже если тебя в дупу датым из машины вытащили, ты уже на следующий день с полным правом можешь садиться за руль. И кататься до судебного решения или пока срок времянки не кончится. А что?! Все по закону. У нас ведь правовое общество, во всяком случае, так говорят официальные лица, коим положено так говорить.

Витьку Санину уже порядком надоело шарахаться по лесу. Скучное это дело – сидеть в дозоре. Однако приходится. Дисциплина в бригаде была, есть и будет. Тех, кто не понимал сего нехитрого момента, в соратники не приглашали. Серега Жуков попросил ребят взять под наблюдение один хитрый дом отдыха, или как там это заведение именуется. Серега всегда старается просить, а не приказывать, но к просьбам старшего ребята относятся как к приказам.

Приглядывать за лесной гостиницей старались, не привлекая к себе внимания. Соратники сворачивали с асфальта в двух километрах от объекта

и пробирались лесными дорогами, благо сильных дождей давно не было и по грунтовкам можно было проехать на обычных легковушках. Работавшие парами наблюдатели не приближались к гостинице ближе чем на три сотни метров. Машины прятали в лесу, сами только пешком, грибников обходили или прятались так, чтоб остаться незамеченными.

– Есть птичка! – Витек опустил бинокль, на его губах расцвела торжествующая улыбка.

Сергей обещал, что тот, кто засечет выходящего за пределы гостиничной территории Усачева, получит право выбрать себе ствол по вкусу. Парни как раз обещают в ближайшее время привезти с полдюжины пистолетов. И не одни «адвокаты Макарова», в партии будут и «беретты», и «вальтеры». Есть из чего выбрать. Сам ассортимент, разнобой в партии давали хороший повод для размышлений. У кого и как можно купить разом несколько разнотипных «чистых» стволов? Да, вот именно. Похоже, у наших очень хорошие и интересные связи. Но так даже лучше, хорошо, когда знаешь, что у соратников есть возможность задействовать связи и отмазать тебя в случае неудачной акции.

Одна короткая фраза послужила спусковым крючком, маленьким камешком, столкнувшим с горы лавину. Доселе мирно куривший, прислонившись к стволу клена, Рома Якушев встрепенулся, буквально выхватил у Вити бинокль и навел его на площадку перед воротами гостиницы. Да, большой серебристый «Ленд Крузер» выкатил за ограду и свернул к приметным кустам бузины, за которыми и шел спуск на берег.

В это время Витек уже звонил по телефону. Поднятый по сигналу Сергей Жуков первым делом повернулся к компьютеру. Быстро зайти на нужный сайт, оставить пару «нейтральных» сообщений. Затем подняться изза рабочего стола и проследовать в курилку. Теперь можно звонить. Вызвать соратников из бригады, тех, кого можно, не забыть позвонить Денису и Жене Земскову.

В свое время, набирая новый состав бойцов, Сергей и Женя решили сразу создавать две команды, не смешивать людей. Законы конспирации. Горизонтальная сеть куда устойчивее и надежнее, чем вертикальная структура. Безопасность должна быть. Чай, не клуб любителей вязания организуется.

Только потом Жуков внутренне одернул себя, собрался и решительно двинул в кабинет начальника. Нельзя просто так сорваться и уйти с работы, положено отпрашиваться, положено найти такой мотив, чтоб потом в случае чего не вызвать нежелательных подозрений.

Денису Панфилову было проще и сложнее одновременно. Никто не

ждет, что директор будет отчитываться, куда он собирается ехать. Рабочий момент такой, значит. Но ведь на сегодня на пять вечера назначена встреча с мэром. Разговор предстоит сложный и важный. Давно ожидаемый разговор. Власти предержащие наконецто не только обратили внимание на успешную производственную структуру и набирающее популярность экологическое движение, но и сами предлагают сотрудничество. Чиновники хоть и считаются людьми недалекими, но в реальности это не так, они силу пятой точкой чувствуют. Выработавшийся за годы госслужбы безусловный рефлекс.

Панфилов повел игру с губернатором. Мэр это знает и, что естественно, очень хочет знать, как следует вести себя с новым человеком. Здесь намечается тонкая игра, полувербовка. Главное, поддерживать четкий разговор на равных, сделать так, чтоб человек губернаторского клана сам предложил сотрудничество, сам бы сделал первый шаг.

Жаль, придется отменить встречу. Но, может, это и к лучшему? Пусть мэр думает, пусть волнуется. Пусть поломает голову: а в честь чего к нему не бегут по первому свистку? Так он сговорчивее будет.

– Погнали, – командует сам себе Панфилов и вылетает из кабинета.

Бегом скатиться по лестнице и прыгнуть в машину, почти одновременно хлопает правая дверца «Опеля», на сиденье плюхается Гадюка. Вот теперь можно гнать. Контуры операции разрабатывали только в общих чертах. Много зависело от конкретных обстоятельств. Риск, конечно, страшный. Именно такие судорожные телодвижения с бухтыбарахты обычно и приводят к баальшим проблемам с правосудием. Денис искренне надеялся, что все обойдется.

– Что будем делать с телом? – интересуется Слава.

– Мешок. Багажник. Моторка. Дно.

– Свидетели? – прогрессор голову не теряет, задает именно те вопросы, ответы на которые должны быть проработаны заранее.

Денис сам себе удивлялся. Он всегда скрупулезно прорабатывал все мелочи, все нюансы операций, старался учесть все риски и заранее готовил алиби. А сегодня что? Как будто с цепи сорвался. Нет, та проклятая ночь с дракой на пустынной трассе изменила Панфилова. И не только та ночь, страшные минуты, когда Денис стоял над телом своего брата. Нет, не брата, а самого себя. Он самого себя нес к машине, перевязывал раны, пытался уловить нитевидный пульс, с матом потрошил аптечку в поисках обезболивающего. Да, не каждому выдается стоять над бездыханным телом самого себя. И врагу такого не пожелаешь.

Накопилось. Постепенно, капля за каплей вырос внушительный счет к

господину Усачеву. Начиная с бесцеремонных наездов, налета дворовой гопоты, с того самого вечера, когда Аленку напугал вид избитого Дениса, последняя попытка налета на дом и семью. Ранение Муромцева было последней каплей. Денис Панфилов давно пообещал сам себе, что отомстит Усачеву. Сегодня пришло время отдавать долги.

Бойцы Сереги Жукова как следует изучили окрестности лесной гостиницы, знали все тропки и дорожки. Подъезжающих соратников перехватывали на дальних подступах и направляли к берегу по лесным грунтовкам. Только короткое описаниелегенда: прямо, поворот направо, за прогалиной у мусорной кучи сбавить скорость и искать поворот налево. На спуске держаться наезженной дороги. Навигаторами не пользовались по понятной причине – эта штука обеспечивает двустороннюю связь. Перед акцией все приборы, по которым можно засечь местонахождение машины или человека, вырубить обязательно. Пусть хоть в этом, но правила техники безопасности не нарушать.

– Производственная безопасность и охрана труда, – пробурчал себе под нос Денис.

– Что?

– Напоминает стандартную инструкцию по охране труда, – пояснил Панфилов.

– Это и есть охрана труда.

Машину оставили в густом осиннике под береговым крутояром. Панфилова уже ждали. Двое бойцов бригады Сергея появились изза кустов, показали, как спрятать авто, и проводили к краю леса. Здесь изза зарослей ивняка открывался прекрасный вид на берег. Чудная летняя погода. Ветерок гонит по воде легкую рябь, по волнам скачут солнечные блики. Благодать. Шуршит и шепчет о чемто своем камыш. Над кромкой воды кружат ударными вертолетами стрекозы.

В другое время Денис с радостью бы сбросил надоевший пиджак, зашвырнул в машину ботинки, закатал брюки и пробежался по мелководью. Как мальчишка. Как когдато давно, в далеком солнечном детстве. Не время. Единственное, что привлекло внимание мстителя, так это джип на берегу и дремлющий над удочкой рыбак. Этого человека Денис опознал бы в дождь, туман, пургу, с любого расстояния, интуитивно, по запаху, по идущим от Усачева флюидам снисходительного презрения и мелкой гадливости. Ненависть слепа, так говорят, но ныне ненависть стократно обостряла все чувства. И еще Денис знал: ничто в этом мире не спасет Валерия Усачева, не поможет ему подняться на берег или уплыть по реке живым.

Через четверть часа подтянулись Сергей Жуков и остальные его бойцы. Берег пустынен. Оставшиеся наверху наблюдатели передают по рациям, что все чисто. Грибников, рыбаков и прочих непричастных не наблюдается.

– Пошли, что ли, – вздохнул Денис, делая шаг к Усачеву.

Они вышли из зарослей. Спокойно, медленным уверенным шагом. Восемь человек. Вытянулись цепью, заранее отсекая добыче пути отступления. Обогнув машину врага, Денис остановился. От Усачева его отделяли десять шагов. Валерий Иннокентьевич почувствовал приближение людей или услышал шелест травы. Медленно обернулся. Мина брезгливого недовольства медленно сползла с лица, рот приоткрылся, веко задергалось. Мгновение, и Усачев взял себя в руки. Поднялся, вежливо поклонился и чуть прищурился. Сильный противник, такого стоит уважать.

Денис давно готовился к этой встрече, даже заготовил целую речь, повторял про себя те слова, которые бросит в лицо своему врагу, рассчитывал морально унизить, растоптать, вдавить его в грязь, рассказать, как тот был глубоко неправ. А сейчас все слова казались смешными и ненужными. Зачем? Даже если нагловатый варяг чтото поймет, если удастся обнажить его совесть и тронуть душу, то это никому не нужно. В первую очередь не нужно Денису.

– Я знал, что вас заинтересует предложение, – молвил Валерий Иннокентьевич.

В ответ Денис молча выхватил револьвер и взвел курок. Тот самый ствол, из которого брат стрелял в Кирпича. Не время для болтовни. Глаза впились в темные расширяющиеся зрачки Усачева. В прицеле потеющая на глазах переносица специалиста по криминалу. Гремит выстрел. Все. Дело сделано.

Бунт марионетки

По подоконнику скакал воробей. Маленький серый бойкий пернатый разведчик тюкнул по стеклу клювом и, наклонив голову набок, выглядывал чтото интересное, прилипшее к пластиковой раме. За окном светило солнце, шелестели листвой березы и тополя, по небу плыли легкие перистые облака. Если не замечать панельные девятиэтажки на заднем фоне, можно представить, что клиника стоит за городом. Не замечать не получается, только если совсем грустно и на душе пусто.

– Есть в графском парке старый пруд, – продекламировал Дэн. Задумался, провел ладонью по волосам и продолжил: – В этой сказке герои не мрут.

Настроение ниже нуля. Дэн был недоволен собой. Пусть все обошлось, пусть товарищи сумели решить проблему Усачева, пусть дела налаживаются, а бардак понемногу устаканивается, все равно – операция была на грани провала, и все изза самоуверенности товарища Панфилова, который в «ноль первом» числится под фамилией Муромцев.

Глупо было бросаться в кавалерийскую атаку на врага, не зная, где он и сколько у него стволов. А ведь хотел встать в засаду, дождаться подкрепления. Все проклятая самоуверенность. Хотел как лучше, хотел выбрать место для засады, – не успел.

Хорошо, что все обошлось. Брат добил Кирпича и его быка. Товарищи прибрали место боя, угнали прошитые пулями машины, вывезли самого Дэна, полицаев пустили по ложному следу. Алексей Ковалько и Денис решили вопрос с больницей. Частная клиника на Пушкинской, центр города, хорошие врачи, вежливый, предусмотрительный персонал, охрана, и самое главное: полная анонимность. Ни один не сообщит, куда надо, о пациенте с огнестрельными ранениями.

Да, это одно из достоинств «Мира01», за деньги здесь можно все, на родине Дэна фиг бы удалось такой финт провернуть. По здравом размышлении, не самое лучшее «достоинство». Точно так же, как и Дэн, от излишнего внимания органов могут прятаться люди, без которых мир стал бы лучше и чище. Либо люди, энергию которых можно направить на другие, куда более полезные для общества цели, главное, вовремя таких индивидов вычислить, подловить на мелком нарушении и после серьезной беседы простимулировать в нужном направлении.

Черт! Как плечо чешется! И ноет, зараза! Нет, ну каким надо было

быть идиотом, чтоб получить две пули из «макарова» на дистанции в десять метров! При воспоминании о той дурацкой ночи и перестрелке на трассе уши Дэна горели огнем. Ну как боевой офицер Африканской бригады мог умудриться промахнуться при стрельбе в упор и словить ответные пули?! И это в поединке с обычным бандюганом уличным, тупым отморозком, в армии не служившим, за пограничьем, на пустынных землях не бывавшим! Стыд и позор.

– Денис Владимирович, к вам посетитель. – Дверь бесшумно отворилась, и на пороге возникла миловидная медсестра.

– Спасибо, Оксаночка. Пусть поднимается. – Еще один несомненный плюс этой клиники: гостей пропускают только с разрешения пациента.

– Вы лучше ложитесь, Денис Владимирович. Игорь Корнеевич рекомендовал постельный режим.

– Спасибо, Оксаночка, – повторил Дэн, барабаня пальцами по гипсовому панцирю на плече. Чесалось до невозможности.

Девушка недовольно покосилась на строптивого пациента и исчезла за дверью. Минут через пять в коридоре послышались шаги. Явно гость не один, Оксана спутала единственное число с множественным.

Вежливый стук в дверь, в палату входят Денис, Гадюка и Ковалько. Становится шумно и тесно. Двойник обнимает Дэна. Гадюка умудряется хлопнуть командира по раненому плечу, да еще с жизнерадостной такой улыбкой. Муромцев только зашипел в ответ. Алексей же первым делом положил на столик и раскрыл пакет с фруктами. Затем с заговорщицким видом выловил изза пазухи и поставил за кровать бутылку «Инстербургского».

– Не подмигивай, мне все равно нельзя. – Про себя же Дэн подумал, что он уже завалил медсестер и врачей элитным алкоголем. Знаменитая русская национальная черта – угощать болезного товарища фруктами, хорошим коньяком и дорогим вином. И не объяснишь же соратникам, что в таком состоянии спиртное категорически противопоказано, особенно после антибиотиков. Обидятся. Приходится раздаривать, иначе в палате быстро скопился бы неплохой винный погребок. И это с учетом того, что о ранении Муромцева знают только человек десять, они же и навещают больного.

– Одно могу сказать, спасибо тебе большое, Движение живет и расширяется, – кивнул Денис. – Филиалы работают.

– Что с бизнесом?

– Я уже рассказывал: спешно расширяемся, перехватываем все контракты Усачева. Я вчера встречался с еще одним гостем из Подмосковья.

– Опять «специалист по переговорам»?

– Нет, – улыбнулся Ковалько. – Нас почтило своим вниманием руководство «Виконткомпани». Искали своего безбашенного сотрудника. Заодно зашли в гости к Денису.

– Ты местный молодец, – развязным тоном заявил Вячеслав Гадюка. – Мало того, что обвинил бедного Сергеева в наезде на бедных провинциалов и попытке отнять у сирот корку хлеба, так еще так вежливо послал человека нах, что тот ушел довольный и ничего не получил.

– Не надо. Я только объяснил человеку статускво и напомнил, что губернское руководство будет в первую очередь поддерживать своих.

– А потом предложил вместе пилить бюджетные бабки, – ухмыльнулся Гадюка. – Молодец, растешь.

– Да иди ты!

– Ладно, хватит, горячие приреченские парни, – проворчал Ковалько. Командир группы бросил короткий взгляд на Дэна и добавил: – Тут Денис Владимирович хотел чтото важное нам сказать. И обязательно при втором Денисе Владимировиче.

Дэн вначале не понял, что Ковалько хотел сказать. Ситуацию прояснил близнец. Денис отступил к окну, так, чтобы оказаться лицом к лицу со всеми тремя прогрессорами. Многообещающее начало.

– Начнем с того, что я искренне благодарю вас за помощь, участие и поддержку. Спасибо, что вы с пониманием отнеслись к нуждам и чаяниям моего народа, как и своего. – Речь звучала неестественно, слишком напыщенно, слишком много стандартных фраз. – Еще раз, большое, огромное спасибо за помощь. Очень был удивлен встречей со своим близнецом, и за это спасибо. Благодарю за поддержку, за финансирование, за идею с неполитическим движением. Сами бы мы не додумались до такого изящного финта. А теперь я вынужден сказать, что наступило время проститься.

– Не понял? – громыхнул Гадюка. – Ты куда собрался?

Дэн в свою очередь отвернулся в сторону и кусал щеки, чтоб не заржать, уж больно комично выглядели вылупленные на лоб глаза и отвисшая челюсть Алексея Ковалько. Не сумел товарищ старший лейтенант госбезопасности скрыть свои чувства, и опыт работы в Конторе не помог. Это был удар. Дэн Муромцев вспомнил инструктаж во время последней поездки в Питер. Генерал Шнитке упоминал возможность бунта кандидата, риск попытки подопечного выйти изпод контроля и повести свою игру. Дэн прослушал рекомендации вполуха, считал, что это не про него. Близнец человек разумный и не будет устраивать революции без причины.

– Я и мои соратники действительно искренне благодарны за помощь, но дальше мы будем играть по своим правилам. – Прозвучало это достаточно жестко, так что желание спорить не возникало. – Это моя страна, мой народ, мой мир. Нам жить в Ругии, и нам решать, что будет с нашей страной.

– Понятно, это ваша страна, ваша жизнь. Мы действительно не собираемся заставлять вас играть под нашу скрипку, – если Ковалько переходит на «вы», стоит ждать подвоха. – А что вы дальше собираетесь делать с вашей страной? Чем лично вы, Денис Владимирович, занимались до того, как попали в поле зрения нашей ячейки?

– Вам хорошо так говорить. Вы живете в могучей, богатой, счастливой стране. Вы можете себе позволить надеяться на закон, знаете, что ваша страна всегда вас защитит, всегда и везде. Вы можете себе позволить с высоты своей удачи снисходительно фыркать при виде наших несчастий. Но это моя страна. И если правительству глубоко наплевать на народ, если его в первую очередь интересуют рост ВВП, общая численность электората и стабильность вертикали, то мне лично мой народ небезразличен. Я боролся, борюсь и буду бороться. Я работал, работаю и буду работать ради своих, ради русских. Ты это понимаешь?

– Он – нет, а я понимаю, – вступил в разговор Дэн. – Алексей Петрович, представьте себя на месте местных патриотов.

– Мы и так не на месте, а вместе с нашими товарищами, – заметил Гадюка. – И давайте по маленькой, за успех нашего безнадежного дела.

– Какой еще успех? Ты не понял, что наш кандидат отказывается от проекта?

– Это уже не наш проект. – Губы Дэна тронула легкая улыбка. – Руководство сменилось, и нас об этом вежливо проинформировали.

– Молодой человек повзрослел и требует к себе серьезного отношения. Теперь его за водкой не пошлешь. Так что? Я разливаю? Денис, где у тебя стаканы?

– Слава, нам пора. Денис Владимирович, лимит времени. Не будем мешать человеку выздоравливать, тем более после вашей эскапады самочувствие может ухудшиться. Если есть желание, дерябнем вечерком, чтоб смыть стресс.

– Брат, подожди. – Дэн положил руку на плечо близнеца.

Ковалько недовольно зыркнул на Панфилова, но, подчиняясь легкому толчку Гадюки, покинул палату. Панфиловы молча стояли, глядели друг другу в глаза и ухмылялись. Слова им были не нужны.

«Ты решил?» – читалось во взгляде Дэна.

«Да. Не останавливай меня. А если можешь, помоги, но не пытайся играть на свое начальство. Мы не будем колонией», – ответил Денис, мигнув и пошевелив бровями.

«Будем держаться. Я это ты».

«Я это ты. Но у меня своя жизнь, своя родина».

«Понимаю».

Наконец Дэн опустил руку и отстранился от близнеца. Проклятое плечо ныло. Нельзя долго стоять. Надо возвращаться в постель.

– Выздоравливай, брат. Катюша обещала к тебе вечером заглянуть.

– Ты сам как? Дома что?

– Растем. Потомок уже головку держит. Шебутной пацан. За две минуты распеленывается.

– Весь в тебя.

– А ты откуда знаешь?

– Оттуда.

– Ах ты! – рассмеялся Денис, с самим собой же разговаривает.

– И знаешь, я отправлю своему руководству обычный отчет. Поговорю еще со Славой и Алексеем, попрошу не поднимать бучу раньше времени. Генералам рано нервничать. Рано знать, что ты оказался настоящим человеком. – Дэн знал, что совершает серьезное служебное нарушение, но отнесся к этому спокойно. Иногда надо брать на себя ответственность и покрывать нужного человека. Ради дела и ради себя тоже, разумеется. Да, ради своего второго Я.

Как Дэн и ожидал, Ковалько так просто мятеж Кандидата не забыл. Пришел вечером, в сопровождении Славы Антонова и Жени Боровика. Разговор вышел скомканным, на повышенных тонах. Дэн с удовлетворением отметил, что Слава и Женя безусловно симпатизируют местному Панфилову. Гадюка уже сейчас готов сменить правила игры, Боровик еще сомневается, но не сегодня, так завтра дозреет. Хуже было с Ковалько.

Алексей Петрович негодовал. Было от чего. Денис Панфилов не просто декларировал свою независимость, он за последние дни успел оборвать и перезамкнуть все финансовые связи «Политрона» и других своих фирм так, чтоб выйти из зависимости от прогрессоров. К двоим агентам Ковалько в «Чистом небе» подходили серьезные ребята скинхедовской внешности и вежливо просили подумать о смысле бытия и своей верности идеалам Движения. Да еще сам Панфилов позавчера встречался с губернатором, о чем они говорили, одному черту известно. К рапорту Дениса теперь следует относиться с изрядной долей осторожности.

Но зато с отцом Сергием у бунтующего близнеца прекрасные отношения. Появляются знакомства с коллегами клирика. Если так будет дальше продолжаться, выйдет хороший контакт с митрополитом, а это возможность заручиться поддержкой внутрицерковной оппозиции. Владыка ведь известен своими не слишком либеральными взглядами и трениями с патриархом. Стоит отдать должное Панфилову, церковный раскол и дружба с православными традиционалистами Движению выгодны.

– Так что тебя не устраивает? – полюбопытствовал Дэн.

– Он нас отодвинул в сторону. Грамотно, технично отстранил от операции. Это катастрофа.

– Не вижу повода для беспокойства. Операция идет по плану. Движение ширится, число сторонников растет. Влияние появляется. – Муромцев про себя подумал, что отныне Ковалько из товарища превращается в проблему. Не успокоится ведь. И официально он старший, хоть за работу с Кандидатом отвечает только Муромцев, и никто больше.

После выписки из больницы придется Дэну лететь в Питер, проходить через портал и лично докладывать генералу Шнитке обо всех изменениях на поле боя, убеждать командование отпустить Кандидата в свободное плавание. Это единственный вариант. Брат чувствует свою силу, чувствует, что может изменить ситуацию к лучшему, он видит свет в глубине туннеля, и теперь его не остановить.

Если же попытаться надавить, то дело кончится войной. Бойцы Панфилова быстро дискредитируют прогрессоров, заставят их эвакуироваться. Огласки, конечно, не будет, нормальный человек просто не поверит в гостей из параллельного мира, еще меньше поверят рассказам про выживший, победивший и процветающий Советский Союз. Местная пропаганда постаралась, сумела убедить людей, что распад СССР был неизбежным, дескать, законы исторического развития действуют, не выдерживает социализм конкуренции с капитализмом. Такая вот сказочка для взрослых.

– Операцию уже можно отменять, – не сдавался Алексей. – Потеря контроля над главным фигурантом игры означает полное фиаско нашей группы.

– Ерунда, – заявил Слава.

– Извини, сержант, но я опытнее тебя буду. Это у меня не первая операция на невидимом фронте.

– А у меня не первый бой в окружении, без поддержки, против превосходящего противника, – парировал Гадюка.

– Леша, подумай. Наша задача – провести в президенты нашего

человека. Мы должны были придумать прикрытие, помочь человеку набрать популярность, создать сильное движение. Где здесь провал?

– Ты уже забыл, что твой двойник говорил?

– А как бы ты поступил на его месте?

– Я бы послал тебя далекодалеко, – тихо молвил Женя Боровик.

– Ладно, товарищи, хватит спорить. – Дэн попытался поднять руки в умиротворяющем жесте и тихо зашипел от боли, его лицо исказила мученическая гримаса.

– Что ты предлагаешь?

– Оставим все, как есть, и будем наблюдать. Мы ведь наблюдатели. Вот и будем резервом. Не более того. Давайте лучше думать, что писать в отчет.

На следующий день в далеком СанктПетербурге еще более далекого «Мира00» трое облеченных немалой властью товарищей обсуждали два странных документа. Стандартные, полученные по электронной почте и переданные через портал с нарочным отчеты полевых агентов.

– Он что себе позволяет?! – громыхнул генерал Шнитке, швыряя перед собой листки отчетов.

– Прочитал, а зачем мусорить? – осведомился Вячеслав Трубачев.

Куратор проекта по линии спецслужб поднял упавшую ему на ботинок распечатку, свернул пополам и положил на стол. По глазам Вячеслава Ивановича было видно, что он не разделяет чувства Эрвина Шнитке.

– Что думаете, товарищи? – Павел Шумилов наклонился вперед и сложил ладони перед собой. В глазах Красного Премьера плясали веселые огоньки.

– Срочно вызывать этого Панфилова на базу и драить его во все дыры! Что он себе позволяет? – повторил Шнитке. – Отлучу от проекта. Загоню в самый дальний гарнизон.

– Он и так из Африки. – Вячеслав Трубачев провел ладонью по галстуку.

– Значит, еще дальше!

– Дальше Африки не пошлют, меньше патрульной группы не дадут.

– И вы, Вячеслав Иванович? – в голосе генерала сквозила обида. Такое бывает, когда человек, которому ты доверял, как себе, вдруг ни с того ни с сего берет и подставляет тебя по полной.

– А мне кажется, оба Панфилова прекрасно справляются со своей работой, – ответствовал бывший председатель КГБ. – Наш Кандидат успешно прошел последний тест. Он берет на себя ответственность и не прячется за спину Большого Брата.

– А наш? Сапог пехотный. Ему такое дело доверили, а он фортели выкидывает, аборигена покрывает.

– Он самого себя покрывает, – заметил Павел Шумилов.

– Я вас уважаю, но давайте без этих штучек с близнецами и параллельными людьми. Он обязан был дать точный, подробный рапорт, без отсебятины и фантастики.

– Он из Африканской бригады, – напомнил Трубачев. – Фронтир. Заграничье. Колония. На передовой все, начиная с ефрейтора, учатся принимать решения самостоятельно, действовать по обстановке, а не по указанию находящегося за полторы тысячи верст штаба.

– Он, кажется, ранен? – вспомнил Шнитке. – Как выздоровеет, вызываю на родину. Лично допрошу и расспрошу, что там за взбрыкивание Кандидата.

– Извините, Эрвин Теодорович, это первые разумные слова, – заметил Шумилов. Повернувшись к Трубачеву, поинтересовался: – Вы тоже поняли?

– Дошло. Панфиловы не хотят, чтобы мы были в ответе за тех, кого приручили. Самостоятельная игра местных кадров. Самостоятельная политика. Именно то, что мы и планировали в самом начале игры. Помните, Павел Николаевич?

– Помню, – кивнул Шумилов. Он пригладил ладонью и убрал в папку два листа бумаги. Отчет старшего лейтенанта Панфилова, говорящий, что все идет по плану, ситуация под контролем, Кандидат разворачивается и расширяет свою группу поддержки.

Второй отчет уже от старшего лейтенанта КГБ Ковалько. Этот докладывает о «бунте» как подопечного Кандидата, так и прогрессоров Панфилова, Антонова и Боровика. Сообщается о нарушении старшим лейтенантом армии Панфиловым субординации и попытке ввести командование в заблуждение.

– В конечном итоге за операцию отвечает Панфилов. Ему и отвечать, – заявил Павел Николаевич. – На этом все, товарищи.

– Как все?

– Эрвин Теодорович, разговор окончен. Продолжим после того, как старлей Панфилов попадет на базу и доложит обстановку.

После чего товарищ Шумилов поднялся и проследовал к двери. Ему действительно не хотелось переливать из пустого в порожнее. И еще, Павел Николаевич боялся спугнуть удачу. Впервые с того момента, как мозгоголовые ребята Анютина пробили портал к соседям, дело пошло именно так, как надо, как Шумилов и хотел, а не как бог на душу положит.

То, чего Шумилов боялся, не свершилось. Соседи оказались достаточно сильны, чтоб не пасть духом, не получить моральный надлом и комплекс неполноценности после знакомства с прогрессорами и получения информации о куда более успешном Мире00. Нет, у них достало твердости и жизненной силы взять свою судьбу в свои руки, жить своим умом, надеясь только на свои силы. Кураторов проекта можно только поздравить: наш кандидат в президенты прошел экзамен на зрелость.

Эпилог

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела! – провозгласил Денис Панфилов, открывая глаза и потягиваясь. Спать на половине заднего сиденья легковушки – это дело на любителя. Сидишь, скрючившись буквой зю, ноги стиснуты сиденьем, затекают, локоть упирается в дверцу. Хорошего мало, но когда надо выспаться, а терять время на остановку в мотеле нельзя, приходится терпеть.

– Ты уже не граф, – задорно ответствовал сидевший на переднем сиденье Дэн.

– Но еще не президент.

– К черту сомненья. Войска на позициях, артиллерия готова открыть огонь, авиация выходит в заданный район, танкисты подтянулись к пехоте, главнокомандующий выдвигается на КП, в императорской конюшне наводят лоск на белого жеребца. Денис, обратного пути нет. Мы атакуем.

– Тогда хватит лясы точить, позвони Гадюке и Марату, проясни обстановку. А что это за город? – Внимание Дениса Панфилова привлекли дома справа от машины.

– Балашиху проезжаем, – отозвался водитель.

– Скоро Первопрестольная. Позвоню, как только проскочим кольцевую.

Кто сказал, что нельзя начинать серьезное дело в мае? Глупое суеверие. Именно в конце весны все и началось. Страна созрела и была готова к перевороту.

Прошедшие выборы абсолютно ничего не изменили. Когда прошел избирательный угар, с экранов телевизоров исчезли великомудрые морды политологов, а наклеенные где можно и нельзя плакаты с парадными портретами кандидатов незаметно сменились обычной рекламой, люди увидели, что они опять проголосовали за назначенного Единой, Направляющей и Непогрешимой единственного кандидата. Были, конечно, и другие, так положено, но всем заранее было известно, что больше 2–3 процентов голосов они не наберут. А новый лидер системной оппозиции – как потом оказалось, игравший в одной обойме с президентом – снял свою кандидатуру за неделю до голосования.

Зато после выборов выяснилось, что смена президента на жизнь народа совершенно не влияет, прижатые перед выборами цены скакнули вверх, назначенные Вертикалью губернаторы не спешат каяться в грехах и

признаваться в некомпетентности, наоборот, хапают еще больше, так, чтоб не только внуков, но и десятое поколение своих потомков обеспечить. Обветшавшие самолеты продолжают падать, а древние корабли тонуть, дороги лучше не становятся, зато превращаются в платные, старые трубы догнивают, на новые денег нет, а цены на коммуналку растут, в отличие от зарплат, между прочим.

Совсем кстати через Интернет распространились новости о беспределе, учиненном на Южном Урале переселенцами из одного южного региона. Полыхнуло. Стихийно образовавшиеся отряды самообороны приструнили «несчастных беженцев». Полиция, как всегда, опоздала и попыталась арестовать не тех, кого надо. Однако местные жители дали отпор и тем и другим.

В Брянской области прошли забастовки. Доведенные до отчаяния люди требовали приструнить монополистов от коммунального хозяйства и энергетики. Затем както незаметно требования митингующих коснулись областной политики. Народу надоело бездействие властей, их неумение решать какиелибо вопросы, кроме своих личных.

После очередной выходки южных джигитов с поножовщиной и изнасилованием в Москве опять поднялись футбольные фанаты и ультраправые. На улицах города разгорелись целые побоища. Причем обе стороны не стеснялись с огнестрелом. Попытки властей утихомирить разбушевавшуюся молодежь оказались на редкость неудачны. Полиция действовала нерешительно, офицеры прямо саботировали приказы начальства.

В большинстве своем полицейские сочувствовали фанам, понимали, что не так надо решать вопрос, не с того конца. Не тех надо арестовывать и судить желательно по всей строгости, невзирая на протесты диаспор.

Огня добавило банкротство трех крупных банков. Вызвано это было падением курса доллара. Снижение ударило по многим. Люди враз потеряли свои сбережения «на черный день». Вроде бы не смертельно, всего процентов на пятнадцать, но на фоне роста цен и это критично. Инфляция, несмотря на шаманские пляски Минфина, и не думает замедляться, и ее реальный уровень значительно выше, чем по официальным заявлениям правительственных институтов.

К концу мая страна оказалась на грани. Еще немного – и придется вводить чрезвычайное положение. Осталось совсем чутьчуть. Достаточно одного камешка, и лавина покатится. Стоит опоздать, недобдеть или перебдеть, и стихийные выступления, глухой ропот недовольства перерастут в массовые протесты. Народ выйдет на улицу. И далеко не факт,

что полиция и армия смогут и захотят усмирить беспорядки.

– Я одного не понял, зачем было раскручивать ту историю с попом? – Дэн скучал. Три машины пожирают километры, с каждой минутой приближаясь к Москве. Спать не хочется, да и сложно уснуть на переднем сиденье, и уже поздно, Подмосковье проезжаем. Остается только болтать, перетирать с близнецом события последних недель. Сейчас Муромцева интересовала подоплека нашумевшего убийства отца Вениамина в одном небольшом городке Нечерноземья.

– С одной стороны, батюшку явно зарезали гастарбайтеры, позарились на пару тысяч в кошельке и золотое кольцо, с другой стороны, повод хороший, нельзя было мимо такого дела пройти. А с третьей…, – Денис отвернулся к окну и глядел не мигая на выстроившиеся вдоль дороги дома. – С третьей стороны, может, удастся хоть немного денег на помощь семье собрать.

– Так сам бы перевел.

– Нельзя так. Понимаешь, надо, чтоб народ, сами люди поняли, что они не в вакууме живут, хата не с краю, беда мимо не пройдет. Должно до них дойти, что они не Иваны, родства не помнящие, а народ. Ты же знаешь!

– Не замечал за тобой такой любви к попам.

– Да иди ты! Не в попе дело. – Денис притворно замахнулся на довольно хохочущего двойника.

– Ладно, замяли, – лицо Дэна приобрело серьезный вид. – У нас все готово? Что мы забыли?

– Трудно сказать. Одно ясно, сейчас уже поздно чтото менять. Работаем по плану и надеемся на то, что там, на небе, есть тот, кому наша страна небезразлична.

Денис верил, что он не ошибся с моментом выступления. Подготовка велась заранее. Доверенные люди встречались с крупными чиновниками, зондировали обстановку в армии и полиции, заводили контакты в госбезопасности. А когда ситуация в Ругии накалилась, «Синее небо» неожиданно для всех сменило курс. В первичные ячейки были спущены новые планы и указания. Агитировать людей не было необходимости. Контингент подбирался соответствующий.

Неожиданный выход на политическую арену мирного движения зеленых, явная поддержка антиглобалистов спутали властям карты. Программа Голема сбоила. Система не знала, что делать, и по старой привычке попыталась сделать вид, как будто ничего страшного не произошло.

Три дня назад Панфилов нанес Голему новый удар, «Синее небо»

прорвалось на телеэкраны и в газеты. В Интернете и так шла массированная информационная кампания. Программа Движения, статьи, агитационные материалы, речи самого Дениса Владимировича распространялись через сотни сайтов. Очень быстро в наступление перешли как правые, так и левые. Идеи национальноориентированного социализма для своих нравились и тем и другим. Однако Интернет – это одно, а озвучка с телеэкранов, признание самого факта существования Движения, продавленные в центральные издания статьи – это совсем другой уровень. Это уже серьезная претензия на власть.

Сегодня трудно было понять: добавило или сократило число сторонников выступление Панфилова в поддержку права граждан на свободное владение огнестрельным оружием и полный пересмотр практикующихся норм самообороны. Вопрос сложный. Однако в ближайшем будущем жесткая позиция лидера «Синего неба» добавит движению очки.

Нет, Панфилов официально не рвался в президенты. Наоборот, он упирал на право граждан самим выбирать свою судьбу, право избирать администрацию на всех уровнях. Настоящая демократия – это не только бутафорские выборы раз в шесть лет, это еще и ответственность властей перед народом, право и возможность для граждан призвать к ответу не оправдавших доверие политиков. Демократия начинается не сверху, а снизу. Ибо это ответственность человека за свой выбор, за свой голос, за свое решение.

Наступил решающий день. Пусть Ругия живет провинцией, но революции всегда свершаются в столицах. Денис Панфилов ехал в Москву. Соратники предлагали разные варианты. Можно было заказать чартерный рейс и за полтора часа долететь до подходящего аэропорта. Можно было прибыть заранее и до часа «Ч» жить на полулегальном положении. Были другие варианты. У каждого свои плюсы и минусы.

Но самым надежным было прибыть в столицу на машине за несколько часов до срока. Автомобиль позволяет в любой момент изменить маршрут, за ним сложно следить. Маневр и непредсказуемость – вот залог успеха. Не силовой прорыв, а обходной маневр.

Дэн взял телефон и выбрал из справочника нужный номер.

– Алло. Не разбудил?

Собеседника прогрессора слышно не было. О сути разговора можно было догадаться только по репликам Муромцева.

– Хорошо.

– Через час.

– Нет, погоди, пусть Гадюка решает.

– Мы готовы.

– Ладно.

Закончив разговор, Дэн повернулся к близнецу.

– Все нормально. Ребята занимают позиции. Полиция занята митингом у Кремля. Им не до нас, у Вышки только штатная охрана. Гадюка обещал заблокировать ближайшие полицейские отделения.

– Едем в Останкино?

– Да. Дима, держим курс на Останкино. Дорогу знаешь?

– Обижаешь, начальник, – отозвался водитель, крепкий, бритый налысо, внешне смахивающий на уголовника молодой человек. Чем он частенько пользовался, во всяком случае, любил ввернуть в разговор словцо из блатного жаргона. В действительности Дмитрий никогда в жизни не только не сидел, но и не привлекался, с братками не дружил, уркаганов искренне презирал.

– Гадюка на месте. Осталось позвонить Марату, Евгению, и можно начинать. – Денис хлопнул по бедрам.

Последние часы и минуты перед боем. Они самые тяжелые. Сегодня все должно решиться. Как только кортеж Дениса Панфилова подъедет к Останкинской телевышке, занявшие позиции боевики захватят телецентр. Час времени у Дениса будет. Выступление «Синего неба» начнется с обращения к согражданам по всем центральным каналам. Текст подготовлен заранее, обработан и прилизан специалистами. Даже если что пойдет не так, имеется диск с выступлением. В крайнем случае, если вдруг чтото случится с самим Панфиловым, в эфир пойдет запись.

Затем марш на Кремль. Выступления по всей стране. На улицы выйдут не только активисты, но и союзные движения, борцы против глобализма, правые патриоты, социалисты, коммунистическая молодежь, неформальные движения – все, кого режим довел до отчаяния, те, кому небезразлично будущее страны.

Всенародное требование к президенту уйти с поста. Пути эвакуации из Кремля будут надежно перекрыты. Полиция будет колебаться. По мере роста натиска повстанцев все больше и больше полицейских перейдет на сторону народа. В полиции служат люди, у них тоже есть дети, они живут в тех же домах, что и простые граждане, ходят по улицам, закупаются в магазинах. Им тоже хочется жить в сильной стране, способной на деле защищать своих граждан, а не как сейчас.

Сегодня все должно решиться. У Ругии есть шанс свернуть с ведущего в пропасть пути. У страны есть шанс на будущее. И, как всегда, многое

зависит только от нескольких человек. От пассажиров трех подъезжающих к МКАД автомобилей.

– Посмотри в окно, небото синее, ни облачка. И солнце светит, – тихо молвил Денис.

– Над всей Ругией синее небо, – отозвался Дэн.

Конец

---

notes

1

Перевод К. Симонова.

2

Редьярд Киплинг. Перевод А. ОношковичЯцына.

3

В. Высоцкий.

4

В. Высоцкий.